

КУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО
В РОССИИ В XVI – XIX вв.**

Сборник материалов Второй международной научной конференции
(Курск, 2009 г.)

Курск

2009

ББК 65.428
Т60

Составитель
А. И. Раздорский

Редакционная коллегия:

Н. Д. Борщик, А. И. Раздорский, А. В. Третьяков (председатель), Д. Н. Шилов, А. В. Юрасов

Т60 **Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. : сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.) / сост. А. И. Раздорский. — Курск, 2009. — 375 с. : ил., схем., карт. — ISBN 978-5-88313-664-0.**

Сборник включает статьи участников Второй международной научной конференции, посвященной различным аспектам истории торговли, купечества и таможенного дела России XVI—XIX вв. Представлены работы исследователей из Российской Федерации, Белоруссии, Украины, Нидерландов, Польши и США. Большинство публикуемых материалов основано на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот.

ББК 65.428

*Проведение конференции и издание сборника осуществлены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект № 09-01-00284 г*

© Авторы статей, 2009
© Курский государственный университет, 2009
© А. И. Раздорский, составление 2009

ISBN 978-5-88313-664-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6
------------------	---

XVI–XVII вв.

<i>А. И. Раздорский.</i>	Исследования и публикации таможенных и кабацких книг в 2002–2009 гг.	9
<i>О. А. Дячок.</i>	Вопросы торговли Великого княжества Литовского с русскими княжествами и землями в дипломатических документах середины XV — начала XVI в.	21
<i>И. Ю. Уваров.</i>	О некоторых закономерностях развития единого национального рынка на территории белорусских земель в XVI в.	25
<i>А. Ю. Савосичев.</i>	Приказная бюрократия и купечество в России XVI в.	30
<i>М. В. Моисеев.</i>	Русско-ногайская торговля в XVI столетии	34
<i>Я. В. Велувенкамп.</i>	Голландская система торговли и русский рынок в 1560–1760 гг.	38
<i>Т. Бохун.</i>	Кошки, мыши и люди или проблема снабжения польского гарнизона в Москве в 1610–1612 гг.: Картина из торговых отношений в Московском государстве в эпоху Смуты.....	43
<i>А. А. Селин.</i>	Семья новгородских купцов Иголкиных до Смуты, в Смуту и после нее	49
<i>З. В. Дмитриева,</i> <i>А. В. Крайковский.</i>	Цены на рыбу и рыбопродукты в начале XVII в. (по приходо-расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря)	53
<i>А. В. Крайковский.</i>	Таможенные документы XVII–XVIII вв. как источник по истории морских промыслов на Русском Севере	63
<i>М. Б. Булгаков.</i>	Местный торг малого города в XVII в. (на примере г. Луха)	66
<i>А. В. Барсукова.</i>	Торговля коломенцев по Окско-Москворецкому речному пути в XVII в.	70
<i>В. Н. Филатова.</i>	Торг и таможня села Лысково Нижегородского уезда в XVII в.	75
<i>С. Н. Кистерев.</i>	Особенности происхождения уставных таможенных грамот южнорусских городов в первой трети XVII в.	78
<i>Л. А. Тимошина.</i>	Таможенная грамота 1654 г.: проблема атрибуции	82
<i>Т. В. Жиброва.</i>	Воронежская таможенная изба в XVII в.	87
<i>Ю. А. Мизис.</i>	Внутренние торговые связи между городами Центрального Черноземья в XVII — начале XVIII в.	90
<i>С. К. Кондратьева.</i>	Налоговое обложение посадских людей юга России в XVII в.	93
<i>А. И. Папков.</i>	Приобретение государством церковной утвари для снабжения храмов и монастырей на юге России в конце XVI — первой половине XVII в.	97
<i>Э. Л. Дубман.</i>	Русское привилегированное купечество в Поволжье в XVII в.	100
<i>Э. Монахан.</i>	Вертикальная социальная мобильность в Москве: купцы Гостевы и Лянгусов в Сибири в XVII в.	104
<i>Д. З. Фельдман.</i>	Еврейское купечество в Московском государстве XVII в.: положение и деятельность	109
<i>И. Р. Соколовский.</i>	Значение публикации сибирских таможенных книг XVII в., осуществленной под руководством Д. Я. Резуна	113
<i>Ю. В. Кириллов.</i>	Таможенные книги Псковского региона XVII в. как лингвистический источник	117
<i>А. В. Топычканов.</i>	Ценовая стратегия Приказа тайных дел	121
<i>А. П. Павлов.</i>	Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии	123

XVIII в.

<i>И. А. Мальшева.</i>	Архангельская таможенная книга 1710 г.	129
<i>Е. Н. Наседкин.</i>	Посадские выборы в московские таможни в 1739–1740 гг.	134
<i>Т. С. Минаева.</i>	Отношение купечества к таможенному откупу в XVIII в. (на примере Н. Т. Шемякина)	139
<i>И. Н. Юркин.</i>	«И ныне состоят разоренными и опустелыми?» (Номенклатура и сбыт продукции подмосковных металлургических заводов, избежавших закрытия по сенатскому указу 1754 г.)	141
<i>Ю. И. Головки.</i>	Описание торговли с Турцией, составленное курским купцом Михаилом Однорядкиным (1765 г.)	147

<i>Е. А. Солонченко.</i>	Таможенный надзор на азиатской границе Российской империи: специфика организации в 80-х гг. XVIII в.	151
<i>Н. Д. Борщик.</i>	Торговля и купечество Курского наместничества в конце XVIII в.	155
<i>Е. Д. Беспаленко.</i>	Метрические книги как источник по истории купечества XVIII в. (по материалам Смоленской губернии)	160
<i>М. С. Черкасова.</i>	Обывательские книги как источник для изучения купечества и торговли Вологды в конце XVIII — первой трети XIX в.	166
<i>А. Н. Торопов.</i>	Открытие торговли между Россией и Португалией по инициативе Екатерины II	172
<i>Н. В. Середа.</i>	Купечество в структуре населения городов России	174
<i>Е. В. Комлева.</i>	Этнический состав сибирского купечества (конец XVIII — начало XX в.)	178
<i>П. В. Лизунов.</i>	Первые маклеры в России: Зарождение биржевой торговли (XVIII — начало XIX в.)	183
<i>Т. В. Павлина.</i>	Торговые связи Коми края в 20–40-е годы XVIII в. (по материалам таможенного делопроизводства)	187
<i>С. В. Кольчугина.</i>	Пензенское купечество в винокуренном предпринимательстве (XVIII–XIX вв.) ..	192
<i>О. Е. Думенко.</i>	Торговый капитал осиротевших горожан (по материалам Тверского сиротского суда последней четверти XVIII — начала XIX в.)	195
<i>Н. С. Лукина.</i>	Тверской купец Анфим Коняев: к истории накопления и функционирования капитала (вторая половина XVIII в.)	198
<i>Е. В. Лицовева.</i>	Динамика таможенных тарифов на Украине-Гетманщине в XVIII в.	201
<i>А. А. Петренко.</i>	Книжная торговля на Украине в XVIII в.	208

XIX в.

<i>М. А. Приходько.</i>	Торговля и коммерческое дело и учреждение Министерства коммерции в России в начале XIX в. (Организационно-структурный аспект)	212
<i>А. С. Минаков.</i>	Годовые отчеты губернаторов как источник по торгово-экономической истории России XIX — начала XX вв.	215
<i>В. Л. Степанов.</i>	От фритредерства к протекционизму: Эволюция таможенной политики России в XIX в.	220
<i>О. В. Морозов.</i>	Таможенная политика России и Пруссии в первой половине XIX в.	224
<i>М. В. Кобрин.</i>	Организация таможенной (пограничной) службы на западной границе Российской империи (1819–1822 гг.)	229
<i>К. Лятавец.</i>	Место таможенных учреждений Царства Польского в финансовой системе Российской империи в первой половине 70-х гг. XIX в.	232
<i>М. М. Савченко.</i>	Д. И. Менделеев и таможенно-тарифная политика Российской империи в конце XIX — начале XX в.	236
<i>М. Б. Балова.</i>	Введение казенной винной торговли и создание местных государственных учреждений для управления питейным сбором в Архангельской губернии в 1817–1819 гг.	240
<i>Е. В. Банникова.</i>	Русско-английские противоречия в торговле со Средней Азией (первая половина XIX в.)	245
<i>А. Горак.</i>	Унификация положения купечества Царства Польского и Российской империи в середине XIX в.	260
<i>Н. Ф. Тагирова.</i>	Этноконфессиональная специфика торгового дела в Среднем Поволжье во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах мусульманских купеческих династий)	255
<i>В. П. Клюева.</i>	Торговая деятельность еврейского населения Западной Сибири в XIX — начале XX в.	265
<i>А. Ю. Чистяков.</i>	Крестьянская торговля в Санкт-Петербургской губернии (конец XVIII – XIX в.)	269
<i>М. К. Акользина.</i>	Провинциальное купечество первой половины XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии)	273
<i>О. А. Кравченко.</i>	Роль купечества на земельном рынке Центрально-Черноземного региона в пореформенный период (на примере Курской губернии)	277
<i>А. А. Терещенко.</i>	Купечество городов Центрально-Черноземного региона во второй половине XIX в.: численность и специализация торговой деятельности	280
<i>А. Н. Курцев.</i>	Миграции в торговле за 1861–1917 гг. (на примере Центрально-Черноземного региона)	289
<i>Р. Б. Кончаков.</i>	«Время быстро улетает, капиталы исчезают, кредит в агонии, торговцы в отчаянии»: К проблеме хлебных залежей на железных дорогах Центрального Черноземья по материалам Тамбовской губернии	292
<i>И. Т. Шатохин.</i>	Чиновничество и торгово-промышленная инициатива в российской провинции во второй половине XIX в.	296

<i>В. П. Гарматный.</i>	Транспорт, торговля и кредит Беларуси во второй половине XIX в.	298
<i>А. В. Бурачонок.</i>	Промышленно-предпринимательская деятельность городских сословий в белорусских губерниях в конце XIX в.	304
<i>С. Н. Дейнеко.</i>	Роль Харьковской таможни в развитии экономики Донецко-Криворожского экономического района Российской империи во второй половине XIX в.	306
<i>В. В. Морозан.</i>	Деятельность фирмы «Братья Яхненко и Симиренко» на Юге России	308
<i>Ю. А. Кузьмин.</i>	Торговый дом «Б. М. Шаскольский» и экспорт минеральной воды из заповедного имения «Боржом»	312
<i>Н. Н. Коротеева.</i>	Внеаптечная торговля лекарственными средствами в XVIII — начале XX в. как негативный фактор развития российской фармации	314
<i>А. Н. Пилипенко.</i>	Заготовление каменного угля Морским министерством во второй половине XIX в.	319
<i>Е. С. Кравцова.</i>	Особенности налогообложения торговых заведений в Российской империи в конце XIX — начале XX в.	323
<i>В. Л. Велиховский,</i> <i>Т. Н. Кандаурова.</i>	Купеческие династии в исторической ретроспективе: Боткины и Третьяковы	327
<i>В. В. Керов.</i>	Деловая культура старообрядческого купечества Центральной России XVIII–XIX вв. и ее конфессиональные факторы	332
<i>С. Б. Шатохина.</i>	Образование и общественная деятельность купеческих женщин русской провинции во второй половине XIX в.	335
<i>А. В. Краско.</i>	Малоизвестные источники для просопографического и генеалогического исследования русского купечества XVIII — начала XX в.	338
<i>М. А. Смирнова.</i>	Мемуары петербургских купцов XIX в. в отечественной историографии	344
<i>Д. Н. Шилов.</i>	Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича как источник биографических и историко-культурных сведений о русском купечестве	348
<i>А. В. Мельников.</i>	«Записки тайного советника Николая Александровича Качалова» — малоизвестный источник по истории таможенного управления 1870–1880-х гг.	352
<i>А. В. Третьяков.</i>	Становление и развитие высшего коммерческого образования в России в конце XIX — начале XX в.	356
<i>Ю. А. Бугров,</i> <i>А. В. Третьяков.</i>	Литературное творчество представителей курского купечества	361
<i>Ю. А. Бугров,</i> <i>Л. М. Коротеева.</i>	Купцы Красильниковы — подвижники в развитии музыкальной культуры Курска	362
<i>Ю. В. Озеров.</i>	Курский купец Г. И. Лавров: реконструкция социального портрета предпринимателя	363
Сведения об авторах		367
Список сокращений		373

*Посвящается
75-летию
Курского
государственного
университета*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение различных аспектов истории торговли, купечества и таможенного дела России XVI–XIX в. принадлежит к числу приоритетных задач, стоящих перед современной исторической наукой. Эта тема неразрывно связана со сложным и дискуссионным вопросом об эволюции единого всероссийского рынка, который в свою очередь выводит на фундаментальную проблему о характере и темпах развития страны в дореволюционный период в целом, поскольку развитие торговли непосредственным образом отражает уровень общественного производства и разделения труда, процесс первоначального накопления капитала, изменение материальных потребностей и благосостояния населения. Обращение к историческому опыту наших предков в сфере торговой и таможенной политики приобретает особую актуальность в современной социально-экономической ситуации, когда отечественная и мировая экономика в целом и торговля в частности сталкиваются с новыми вызовами системного характера.

Первая международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.», организованная составителем настоящего сборника совместно с А. П. Павловым и А. В. Юрасовым, состоялась в сентябре 2001 г. в С.-Петербургском институте истории РАН¹. К началу ее работы в издательстве С.-Петербургского университета был издан сборник материалов, в который вошла 51 статья². Конференция, как отмечалось в историографии, «стала серьезной вехой в изучении проблем русской торговли и показала значительный потенциал возможных исследований и научных направлений»³.

При подготовке нынешней конференции было решено раздвинуть ее хронологические рамки до XIX в. включительно (а фактически до 1917 г.), что обусловлено наличием целого ряда тем, имеющих пограничную или сквозную хронологию (например, эволюция таможенной политики, организация казенной питейной торговли, преемственность торговых капиталов и др.). Их изучение актуально как для XVI–XVIII вв., так и для XIX — начала XX в. Кроме того, это позволяет расширить возможности сопоставительного анализа однотипных явлений в социально-экономической жизни страны, происходивших в разные периоды ее истории. В то же время было признано нецелесообразным опускать хронологическую границу рассматриваемых на конференции сюжетов ниже рубежа XV–XVI вв., поскольку, во-первых, развитие русской торговли и таможенного дела до конца XV столетия протекало вне единого централизованного государства, а, во-вторых, потому, что исследования по торгово-таможенной тематике, относящиеся к периодам до и после указанной хронологической границы, существенным образом отличаются между собой по составу привлекаемых источников. Правомерность предложенных хронологических рамок и их возможная модификация в ту или иную сторону в будущем должны стать предметом всестороннего обсуждения.

В настоящем сборнике представлены 83 статьи 84 исследователей из 22 городов Российской Федерации (Архангельск, Белгород, Вологда, Воронеж, Екатеринбург, Коломна, Курск, Москва, Нижний Новгород, Новосибирск, Орёл, Оренбург, Пенза, Псков, Самара, С.-Петербург, Северодвинск, Смоленск, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Тюмень), 3 городов Белоруссии (Барановичи, Гомель, Минск), 4 городов Украины (Днепропетровск, Запорожье, Киев, Харьков), а также из Польши (Варшава, Люблин), Нидерландов (Гронинген) и США (Альбукерк). По сравнению со сборником материалов Первой конференции существенно расширился не только количествен-

ный состав, но и географическое представительство авторов. Возросло число участников из Белоруссии и с Украины (с 2 до 10). Публикация в сборнике статей исследователей из стран «дальнего зарубежья» придает ему в полном смысле слова международный характер. 16 авторов, работы которых были опубликованы в сборнике материалов конференции 2001 г., представили свои статьи и для настоящего издания.

Среди ученых, публикации которых помещены в сборнике, насчитывается 20 докторов и 39 кандидатов наук. Авторами статей являются специалисты научно-исследовательских институтов системы РАН (петербургский и новосибирский институты истории; московские институты: российской истории; экономики; истории естествознания и техники; петербургский институт лингвистических исследований; тюменский институт проблем освоения Севера), Археографической комиссии РАН, преподаватели и аспиранты высших учебных заведений, сотрудники центральных и региональных библиотек, архивов и музеев, работники таможенных учреждений.

В хронологическом отношении опубликованные в сборнике материалы распределяются следующим образом: 26 статей посвящены истории торговли, купечества и таможенного дела в XVI–XVII вв. (из них XVI в. — 4), 19 — XVIII в., 38 — XIX в. (несколько работ имеют пограничный хронологический характер). Статьи сгруппированы в издании в три соответствующих хронологических раздела, а внутри них расположены в проблемно-тематической последовательности.

Сборник открывается историографическим обзором вышедших в свет в 2002–2009 гг. исследований и публикаций таможенных и кабацких книг, являющихся важнейшими источниками по истории торговли России XVII–XVIII вв. В 13 статьях, имеющих источниковедческую направленность, проанализированы различные источники по истории торговли, купечества и таможенного дела XVII–XIX вв.: таможенные, метрические и обывательские книги, таможенные грамоты, всеподданнейшие отчеты губернаторов, некрополи, мемуарные материалы. 11 работ посвящено вопросам истории таможенного дела (организация выборов в таможенные органы, отношение купечества к таможенным откупам, эволюция государственной таможенной политики, динамика таможенных доходов и др.). В 23 статьях рассматриваются различные аспекты истории купечества (правовой статус, этнический состав, социальная мобильность, деловая культура, торговая деятельность отдельных купцов и купеческих семей и др.). В 11 работах содержатся итоги изучения отдельных городских, сельских и региональных рынков (г. Лух, с. Лысково, Курское наместничество, С.-Петербургская губ., территория Коми края, белорусские и черноземные губернии и др.). В 5 статьях уделено внимание развитию внешних торговых связей России с Голландией, Португалией, Турцией, Ногайской ордой и Средней Азией. 7 исследований посвящены торговле отдельными видами товаров (рыба, металл, уголь, минеральная вода, лекарства, книги, церковная утварь). В 2 работах подняты вопросы развития торговли на землях Великого княжества Литовского в XVI в. и его торговых взаимоотношений с Россией в указанный период. В ряде статей рассмотрены такие сюжеты, как проблема снабжения польского гарнизона в Москве в 1610–1612 гг., ценовая стратегия Приказа тайных дел, введение казенной винной торговли и создание местных государственных учреждений для управления питейным сбором в первой четверти XIX в., зарождение биржевой торговли в России, учреждение Министерства коммерции, налогообложение посадских людей и торговых заведений, влияние чиновничества на развитие торгово-промышленной инициативы в российской провинции, развитие высшего коммерческого образования.

Большинство публикуемых в сборнике статей основано на архивных документах, впервые вводимых в научный оборот. Наряду с материалами из центральных архивов, библиотек и музеев России и Украины (РГАДА, РГИА, ГАРФ, РГВИА, РГА ВМФ, РГАЛИ, АРАН, ЦГИАУК, РНБ, РГБ, ГИМ), к исследованиям были привлечены документы 23 региональных архивов России, Украины и Белоруссии (Архангельский, Астраханский, Вологодский, Курский, Нижегородский, Омский, Оренбургский, Орловский, Пензенский, Рязанский, Смоленский, Тамбовский, Тверской, Тульский, Тюменский, Харьковский, Челябинский областные, Красноярский краевой, исторические архивы С.-Петербурга и Москвы, Национальный исторический архив в Гродно, Филиал Государственного архива Тюменской области в Тобольске, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока), а также Архива С.-Петербургского Института истории РАН, Архива Российского этнографического музея, Рукописного отдела Нижегородской областной научной библиотеки, Главного архива древних актов в Варшаве, Ягеллонской библиотеки, Библиотеки Польской академии наук и Государственного музея в Кракове, Государственного архива Швеции в Стокгольме.

Присланные тексты статей подверглись со стороны составителя определенной редактуре. При этом мы стремились сделать вмешательство в авторский текст минимальным. В этой связи считаем необходимым подчеркнуть, что получившая в наше время широкое распространение практика публикации сборников научных статей в так называемой «авторской редакции», когда «составители» и «члены редколлегий» ограничивают свои функции по подготовке издания механическим объединением полученных текстов без какой-либо их редакторской обработки и даже вычитки, на наш взгляд, является категорически неприемлемой.

Отдельно надо остановиться на проблеме редактуре библиографического аппарата. Мы не имели ни намерения, ни возможности произвести фронтальную проверку всех без исключения библиографических и архивных примечаний. Ответственность за точность указания фамилий и инициалов авторов, заглавий статей и книг, выходных данных, номеров страниц, листов, фондов, описей, дел, томов, выпусков и т. д. несут авторы представленных материалов. В то же время мы постарались устранить встретившиеся в примечаниях явные ошибки или опечатки, а также произвели унификацию оформления научно-справочного аппарата и выполнили редактуру библиографических и архивных описаний в соответствии с действующими правилами.

В заключение считаем своим долгом выразить искреннюю признательность А. В. Крайковскому, взявшему на себя безвозмездный труд перевода статей, присланных на английском языке.

А. И. Раздорский

Примечания

¹ Отчет о конференции см.: *Раздорский А. И.* Международная научная конференция «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.» (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.): [Информация] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2002. № 3. С. 179–182.

² Торговля, купечество и таможенное дело в России XVI–XVIII вв.: Сб. материалов междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17–20 сент. 2001 г.) / Сост. А. И. Раздорский, А. В. Юрасов; Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2001. 302 с.

³ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 19.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ТАМОЖЕННЫХ И КАБАЦКИХ КНИГ В 2002–2009 гг.

Таможенные и кабацкие (кружечных дворов) книги являются основными источниками по истории торговли России XVII — первой половины XVIII вв. В таможенных книгах содержатся сведения о географии внутренних и международных торговых связей, ассортименте товаров, поступавших на местные рынки, объемах торговли, рыночных ценах, социальном и персональном составе торговцев. В кабацких книгах зафиксированы данные об объемах производства и продажи питей в том или ином населенном пункте, оборотах питейной торговли, ценах на алкогольные напитки, стоимости сырьевых компонентов, использовавшихся для изготовления хлебного вина, пива и кислого меда (в т. ч. хлеба, меда, хмеля) и др. Таможенные и кабацкие книги — региональные по своему происхождению источники — имеют ключевое значение для решения одной из фундаментальных проблем всей отечественной историографии — проблемы формирования единого всероссийского рынка, который в сложившемся виде представлял собой систему взаимосвязанных местных рынков, объединенных в целое общей функцией — осуществлением товарообмена между производителями и потребителями в масштабе всей страны на основе товарного производства и географического разделения труда. Для исследования процесса его эволюции ключевое значение имеет многоаспектное и детальное изучение развития его составляющих — местных рынков, ибо, не познав частное, невозможно познать целое. Это тот случай, когда изучение собственно региональной истории помогает установить закономерности развития всей страны в целом.

В настоящей статье представлен обзор ряда исследований и публикаций таможенных и кабацких книг, вышедших в свет в 2002–2009 гг., т. е. после проведения Первой международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVIII вв.», состоявшейся в 2001 г.¹

Этапным событием в историографии рассматриваемых источников стало издание в 2006 г. фундаментальной монографии тамбовского историка Ю. А. Мизиса «Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв.», посвященной различным аспектам истории торговли и таможенного дела этого региона². В данном исследовании впервые в отечественной исторической науке были сопоставлены между собой показатели таможенных книг различных населенных пунктов XVII и XVIII вв. Как известно, памятники таможенного делопроизводства разных веков до сих пор изучались изолированно друг от друга и не сравнивались между собой. При этом источники XVII в. исследованы гораздо лучше, чем аналогичные документы первой половины XVIII столетия. На то долгое время имелись серьезные причины идеологического свойства. Именно к XVII в. В. И. Ленин отнес в свое время начало процесса складывания единого всероссийского рынка. Поиски признаков существования такого рынка в указанном столетии с целью доказательства правильности ленинского тезиса стимулировали активное изучение таможенных книг XVII в. Исследование же памятников XVIII в. столь серьезной идеологической основы под собой не имело и, следовательно, считалось менее актуальным.

В XVII — первой половине XVIII в. в России шел процесс формирования крупных региональных рынков. Однако специальных работ об их эволюции практически не имеется. Историографию русской торговли XVII — первой половины XVIII в. составляют главным образом статьи и монографии, посвященные изучению рынков отдельно взятых городов. Исключением являются исследования В. М. Важинского о южнорусском рынке³ и в некоторой степени А. В. Демкина о торговле городов Центра Европейской России⁴. При этом следует отметить, что В. М. Важинский изучал преимущественно таможенные книги Западного Черноземья, тогда как Ю. В. Мизис сконцентрировал свое внимание в основном на источниках, относящихся к восточной части ЦЧР.

Ю. А. Мизисом изучены 69 таможенных книг 24 городов: Белгорода (1653/54, 1661/62, 1664/65, 1677/78, 1749 гг.), Болхова (1652/53, 1653/54, 1665/66), Валук (1654/55, 1671/72), Верхосенска (1655/56, 1661/62), Воронежа (1622/23, 1705), Доброго (1655/56, 1656/57, 1660/61, 1661/62),

Елатьмы (1753), Ельца (1647/48, 1672/73, 1677/78, 1678/79), Ефремова (1660/61, 1661/62), Карпова (1655/56, 1660/61, 1661/62), Козлова (1653/54, 1657/58, 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1716), Коротояка (1660/61, 1661/62, 1665/66, 1667/68, 1672/73, 1677/78), Корочи (1653/54, 1660/61), Лебедяни (1657/58, 1660/61), Обояни (1651/52, 1655/56), Острогужска (1709), Павловска (Осереда) (1714, 1736, 1751), Романова (1712), Сокольска (1655/56), Старого Оскола (1654/55, 1661/62), Тамбова (1658/59, 1660/61, 1661/62, 1671/72, 1714⁵), Усерда (1655/56, 1661/62), Усмани (1653/54, 1655/56, 1661/62, 1671/72, 1677/78) и Шацка (1716, 1728, 1739).

В рассматриваемой работе были также проанализированы 14 таможенных книг 12 сельских населенных пунктов Тамбовского и Шацкого уездов: сел Бельский Городок (1658/59), Благовещенское (1743), Вышенское (1748), Дубровка (1710)⁶, Инжавино (1738), Морша (1658/59, 1660/61, 1710), Рыбная Пустошь (1658/59, 1710), Сасово (1751), Сосновка (1658/59, 1714), Спасское (1751), Старое Сысоево (1710), Шаморга (1658/59)⁷. Важно подчеркнуть, что сельские рынки XVII — первой половины XVIII в. в целом изучены гораздо слабее городских. До настоящего времени они попадали в поле зрения исследователей, по сути дела, лишь однажды (имеем в виду давнюю работу И. С. Макарова о волостных торжках Сольвычегодского у.⁸).

В главе «Формирование городских и сельских рынков в Центральном Черноземном регионе в XVII — первой половине XVIII вв.» в 33 параграфах рассмотрена торговля отдельно взятых населенных пунктов⁹ (их состав совпадает с указанным выше за исключением городов Болхова, Елатьмы, Обояни, Усерда, Усмани, сел Инжавино и Спасское, по которым самостоятельных параграфов не имеется¹⁰). По каждому населенному пункту приведены сведения о составе товаров, поступавших на местный рынок, о социальной структуре торговцев, о сезонных колебаниях в деятельности торгова, о географии торговых связей. При этом проанализировано главным образом процентное соотношение явок (по терминологии Ю. А. Мизиса, «ставок»), приходящихся в течение года на тот или иной товар, социальную группу, месяц, город.

В главе «Структура рынка Центрального Черноземного региона в XVII — первой половине XVIII вв.» содержатся 28 параграфов о торговле отдельными товарами или группами товаров в городах и селах региона (рыба и икра; хлеб; скот и мясо; птица; сахар; соль; овощи; фрукты, ягоды, орехи и грибы; пряности; вино, пиво, квас; мед; воск и вошина; чай и кофе; мех; кожа; строительные материалы и транспорт; металлы и металлоизделия; деготь и смола; москательный и «щепетинный» товар; одежда, обувь, головные уборы и украшения; ткани; пенька, бечева, веревки и пакля; мыло и химические товары; бумага и книги; оружие и боеприпасы; предметы хозяйственного обихода; предметы церковного быта; лошади)¹¹. В них представлены данные об ассортименте и количестве явок тех или иных товаров, главных пунктах их сбыта, мерных и тарных единицах, социальном составе и географической принадлежности продавцов, сезонных колебаниях в торговле, объемах поставок, ценах.

Изучение таможенных книг было проведено Ю. А. Мизисом с применением современных компьютерных технологий и с использованием методов количественного анализа. На основе исследованных источников была сформирована база данных, включающая около 15000 записей. Материалы базы получили отражение в статистических таблицах, составивших обширное приложение к тексту монографии¹². Автором разработано несколько типов таблиц, в которых представлены, в частности, различные показатели, полученные в результате обработки таможенных книг и выписей:

- количественное распределение и процентное соотношение таможенных явок по видам товаров, по социальной принадлежности и местожительству торговцев;
- процентное соотношение таможенных явок в отдельные годы по месяцам;
- количество явок, объемы поставок и совокупная стоимость отдельных товаров;
- минимальные, максимальные и средние цены на отдельные виды товаров;
- распределение количества явок отдельных товаров по социальной принадлежности и местожительству торговцев и по месяцам;
- процентное отношение явок некоторых товаров к общему количеству товарных явок;
- объемы продажи, обороты, закупочные и отпускные цены и размеры прибыли в питейной торговле;
- состав, объемы и стоимость сырьевой закладки при производстве кислого меда;
- общие обороты местных рынков;
- общие суммы сбора пошлин по городам и селам.

Содержащийся в таблицах богатый и разнообразный статистический материал обладает самостоятельной информационной ценностью и может быть использован для проведения сопоставительного анализа различных аспектов деятельности местных рынков как в хронологическом, так и в меж-

региональном плане. В то же время необходимо отметить, что добиться исчерпывающей полноты и единообразия в передаче статистических показателей Ю. А. Мизису не удалось. Это касается главным образом сведений о поставках отдельных видов товаров и рыночных ценах. Так, например, в табличных приложениях отсутствуют данные об объемах и совокупной стоимости поставок рыбы на региональные рынки, сословный состав торговцев рыбой приведен только по двум городам (Воронежу и Тамбову), а цены на рыбу даны лишь по трем населенным пунктам (Тамбову, Воронежу и Острогожску). Табличные материалы по соляной торговле ограничиваются таблицами, показывающими процентное отношение явок соли к общему количеству товарных явок по отдельным городам и селам в 1650–1670-е гг. Данные же об объемах привоза и совокупной стоимости соли, а также о ценах на нее показаны только по некоторым селам Шацкого у. в 1716 г. Ряд тематически сходных таблиц имеет разный формуляр. Например, в таблице о продаже меда в различных населенных пунктах имеются сведения о доле явок меда к общему количеству товарных явок, а в аналогичной таблице по торговле дегтем эти показатели не приведены. Возражения вызывает использованный автором способ передачи денежных сумм в деньгах (например, «14600 денег»), который, кстати, последовательно не выдержан. Целесообразнее, на наш взгляд, переводить суммы в рублях, алтынах и деньгах на единый рублевый счет (имеются компьютерные программы, позволяющие это делать автоматически). Вряд ли удачным также можно назвать объединение в таблицах показателей таможенных книг за полный год с данными заведомо фрагментарных таможенных выписей.

Таможенные книги по городам, торговля которых подверглась исследованию, были использованы Ю. А. Мизисом не в полном составе. Так, автор пишет, что «в архивах сохранилось 5 таможенных книг по г. Белгороду»¹³. На самом же деле по этому городу имеется 14 таможенных книг XVII–XVIII вв.¹⁴ По Ельцу и Козлову за пределами работы оказались, например, таможенные книги 1656/57 г., хранящиеся в РГАДА в фонде Сибирского приказа¹⁵.

Подводя итог рассмотрению монографии Ю. А. Мизиса, следует отметить, что ее значение для историографии русской торговли XVII — первой половины XVIII в. не исчерпывается одними только результатами изучения таможенных книг. Автор подробно рассмотрел также законодательные акты о торговле и таможенной системе данной эпохи, складывание дорожной сети и состояние речных путей в Центральном Черноземье, роль почтовой и ямской службы в экономике региона, организацию, структуру и принципы деятельности внутренних и пограничных таможен ЦЧР, возникновение ярмарок и устройство гостиных дворов на этой территории. Большой интерес представляет раздел монографии, посвященный торговым связям южнорусских городов с Землей Войска Донского. К исследованию был привлечен комплекс таких ценных источников по социально-экономической истории, как оброчные книги. Итоги статистической обработки этих документов, характеризующих прежде всего состояние внутригородского торгового оборота в различных населенных пунктах, представлены в табличных приложениях¹⁶.

В 2003–2009 гг. было издано несколько таможенных книг.

В 2005 г. в «Новгородском историческом сборнике» опубликованы две таможенные книги: Великого Новгорода 1614/15 г. и Невского устья 1616 и 1618 гг.¹⁷ Оба памятника хранятся в Стокгольме в Государственном архиве Швеции в составе документов так называемого Новгородского оккупационного архива. В этом собрании находятся материалы делопроизводства Новгородской приказной избы за время шведской оккупации Новгорода 1611–1617 гг., которые шведский военачальник Якоб Делагарди в преддверии возвращения оккупированной территории Московскому государству вывез из этого города в 1617 г. Новгородская таможенная книга была обнаружена шведской исследовательницей Л. Нордквист и подготовлена к публикации новгородским историком Г. М. Коваленко. Сравнительно небольшую по объему книгу Невского устья, где располагался шведский таможенный пост, осуществлявший контроль за проходившими кораблями с товарами, открыл и опубликовал петербургский ученый А. А. Селин. Тексты обоих памятников подготовлены в целом на высоком археографическом уровне, но, к сожалению, не сопровождаются вспомогательным аппаратом.

Новгородская таможенная книга 1614/15 г. является исключительно интересным источником, в котором зафиксировано состояние торговли Великого Новгорода в период шведской оккупации. В этом документе, в частности, приводятся сведения о поставках ряда товаров, предназначенных для потребления шведами и не встречавшихся в других русских таможенных книгах XVII в., например, табака (табачная торговля, как известно, до начала XVIII в. находилась в России под строжайшим запретом). Несмотря на то, что с момента издания этого памятника минуло уже несколько лет, он до сих пор не стал объектом всестороннего изучения историками торговли. В этой связи следует еще раз обратить внимание на существование в нашей историографии и археографии до некоторой степени парадоксальной ситуации, когда публикатор источника, знающий его содержание и возможности

лучше, чем кто бы то ни было, не считает нужным заниматься изучением самого материала, имеющегося в опубликованном документе.

В 2009 г. Новгородский государственный университет, Государственный архив Швеции и Новгородская таможня выпустили CD-ROM¹⁸, на котором в формате PDF содержатся тексты двух указанных таможенных книг, а также аналогичных источников по Великому Новгороду 1610/11 и 1613/14 гг. и Невскому устью за 1615 г., которые уже были опубликованы в печатном виде в 1996 и 1998 гг.¹⁹ В электронной публикации представлена статья Г. М. Коваленко «Таможенные книги Великого Новгорода начала XVII века в Государственном архиве Швеции», содержащая краткий очерк истории происхождения и изучения публикуемых источников, а также характеристику их структуры и содержания. Тексты документов, имеющиеся на CD-ROM, снабжены общими именным и географическим указателями, однако указатель товаров, так необходимый историкам торговли, не был подготовлен. Его отсутствие, правда, отчасти компенсируется возможностью проведения компьютерного поиска слов или их отдельных фрагментов по тексту электронной публикации.

Из собрания Новгородского оккупационного архива происходит таможенная книга Повенецкого рядка 1612 г. Сканированные копии всех ее 13 листов (с оборотами) воспроизведены в «Рабочей тетради по курсу русской палеографии», составленной И. А. Черняковой²⁰. Сетевая версия текста этого документа представлена в настоящее время также в Интернете²¹.

В 2003–2005 гг. группой ученых под руководством Д. Я. Резуна из Института истории Сибирского отделения РАН были опубликованы пять таможенных книг пяти сибирских городов: Тобольска 1673/74 г., Томска 1671/72 г., Березова 1686/87 г., Енисейска 1685/86 г.²² и Мангазеи 1676/77 г.²³ Тобольская, томская и березовская книги изданы в составе 5-го и 6-го выпусков сборника «Таможенные книги сибирских городов XVII века», енисейская и мангазейская — в приложении к монографии Д. Я. Резуна «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.»²⁴.

Изданию сибирских таможенных книг, к сожалению, присущ ряд крупных недостатков. Прежде всего, ряд опубликованных источников неверно датирован. Так, тобольская таможенная книга, включающая сведения за период с 1 сентября по 31 августа 7182 г. (т. е. за 1673/74 г.), вопреки общеизвестному правилу редукции дат, ошибочно датирована публикаторами 1672/73 г. Таможенная книга Березова, содержащая записи с 1 сентября по 31 августа 7195 г. (т. е. за 1686/87 г.), датирована 1687/88 г. (при этом в «Содержании» выпуска значится другая ошибочная дата — 1689/90 г.).

Не вызывает сомнения тот факт, что самым важным условием при публикации любого исторического источника является исправная передача его текста. В этом отношении издание сибирских памятников нельзя признать удовлетворительным. В опубликованных текстах присутствует большое количество опечаток и неправильных чтений. Укажем на некоторые из них: «и всего у тобольских и родных сибирских городов» (должно быть: *розных*)²⁵; «пол десяти столы бумага» (должно быть: *столы*)²⁶; «да с ним же для товарноо бережения» (должно быть: *товарного*)²⁷; «березовской казк» (должно быть: *казак*)²⁸; «три рубли з гивною» (должно быть: *гривною*)²⁹; «шуба беля хрептовая да шуа ж беля» (должно быть: *шуба*)³⁰ и т. д. и т. п. Конечно, от ошибок и опечаток при публикации текстов никто не застрахован, но количество подобных недочетов в рассматриваемых изданиях превышает все допустимые границы.

Указатели к текстам сибирских таможенных книг отсутствуют. В каждом из выпусков серии приведены, правда, «Именные и биографические словари» сибирских служилых людей с указанием дефиниции (о некоторых сообщаются также краткие биографические и генеалогические данные) с отсылками к номерам листов опубликованных документов. При этом не отмечено, к какому именно источнику сделана отсылка, хотя в каждом выпуске опубликовано не менее двух разных документов. Все остальные упоминаемые в таможенных книгах лица, не относящиеся к сибирским служилым людям (в т. ч. сибирские посадские люди), в «словари» не попали. Едва ли подобный прием составления вспомогательного аппарата можно считать удачным.

Первый, второй и третий выпуски «Таможенных книг сибирских городов XVII века», опубликованные в 1997–2000 гг., подверглись детальному разбору в рецензиях Л. А. Тимошиной³¹. По ее мнению, этим изданиям свойственен «непрофессионализм с точки зрения археографической подготовки текстов, отсутствие, в большинстве случаев, необходимых при публикации исторических источников кодикологического и палеографического описаний рукописей и изложения принятых публикаторами правил издания, отказ от составления нормального научно-справочного аппарата. Положение усугубляется и решением составителей сборников печатать таможенные книги с исключением произвольно выбранных ими фрагментов». Рецензент констатировала, что «подготовленные в Новосибирске издания таможенных книг не отвечают современным требованиям археографии и не могут быть использованы в научных целях»³². Высказанная оценка, которую мы в целом разделяем, к

сожалению, в полной мере применима и к последующим выпускам серии. В то же время, на наш взгляд, полностью отрицать значение предпринятых публикаций было бы не совсем правильно. Несмотря на многочисленные погрешности в передаче текста по опубликованным материалам, все же можно составить общее представление о структуре и характере содержания сибирских таможенных книг, формулярах их статей, об ассортименте товаров, проходивших регистрацию в таможенных городах Сибири, географии торговых связей и социальном составе торгующих.

В 2007 г. автором настоящей статьи осуществлена публикация книги таможенного и питейного сбора Курска и Курского у. 1720 г.³³ Подобный источник, относящийся к XVIII в., издан впервые: до сих пор предпринимались публикации таможенных и кабацких книг исключительно XVII столетия. Введенный в научный оборот документ носит во многом уникальный характер. Он единственный из курских источников XVIII в. данного типа, сохранившейся в полном объеме. В опубликованном памятнике зафиксирована деятельность Курской пограничной таможни, осуществлявшей контроль за товарами, отправляемыми в малороссийские города и ввозимыми в обратном направлении. Благодаря этому в нем получила отражение не только торговля в самом Курске, но и транзитный товарооборот между Великороссией в Малороссии. Книга содержит также данные о казенной питейной торговле и торговле табаком в Курске.

В публикации дана подробная источниковедческая характеристика книги таможенного и питейного сбора Курска и Курского у. 1720 г., а также выполнен сравнительный анализ формуляра отдельных статей, содержащихся в этом документе и в курских таможенных книгах XVII в.

В издании содержится исследовательский раздел, в котором на основе фронтального анализа статистической и фактологической информации, содержащейся в опубликованном источнике, детально изучены количество и стоимость товарных партий, проданных и скупленных в Курске или провезенных через него транзитом, география торговых связей, ассортимент, цены и объемы поставок товаров, социальный и персональный состав торговцев, размеры и обороты казенной питейной и табачной торговли, номенклатура, размеры и принципы взимания таможенных пошлин. Сведения, содержащиеся в книге 1720 г., сопоставлены с аналогичными данными, имеющимися в курских таможенных книгах XVII в.

К тексту публикации составлено шесть вспомогательных указателей (имен, географических названий, ярмарок, социальных характеристик торговцев, названий товаров, названий мерных и тарных единиц), а также биографические и терминологические комментарии³⁴.

Таким образом, за 2002–2009 гг. впервые опубликовано 9 таможенных книг по 7 городам, 1 сельскому поселению и 1 таможенному посту. Всего же к настоящему времени издано 77 таможенных книг XVII–XVIII вв. по 29 городским и сельским населенным пунктам³⁵ и 1 таможенному посту (в Невском устье).

Таможенным и кабацким книгам посвящен ряд источниковедческих публикаций.

В 2005 г. была опубликована статья М. Б. Булгакова о таможенной книге Переяславля-Рязанского 1614/15 г., обнаруженная им в фонде Оружейной палаты РГАДА³⁶. Этот источник носит во многом уникальный характер. Во-первых, эта одна из самых ранних таможенных книг, дошедших до наших дней. Во-вторых, в данном документе получил отражение чрезвычайно редкий факт руководства (в течение месяца) сбором таможенных пошлин местным воеводой Ф. П. Барятинским (подобные прецеденты в последующую эпоху не встречались — воеводам было законодательно запрещено вмешиваться в действия таможенной администрации). В-третьих, в рассматриваемом источнике зафиксирован переход от ведения кратких и обобщенных недельных таможенных записей о сборе пошлин к подробным поденным. В-четвертых, в рязанской книге отмечено сосуществование наряду с практикой взимания пошлин «верными» целовальниками, контролировавшихся специально назначенными «приказными людьми», элементов откупной системы. М. Б. Булгаков привел археографическое описание памятника, охарактеризовал его структуру и формуляр отдельных статей. Автор рассмотрел также порядок организации таможенной и кабацкой службы в городе в 1614/15 г., персональный состав таможенных служащих, их социальный статус и имущественное положение, номенклатуру и размеры отдельных таможенных сборов.

В статье М. М. Дадыкиной описаны уникальные таможенные книги Тихвинского монастыря 1625/26, 1632/33, 1637/38 и 1658/59 гг., хранящиеся в Государственном архиве Стокгольма³⁷. Как известно, основной массив тихвинских таможенных книг сосредоточен в СПБИАИ. Именно этот документальный комплекс был положен в основу классической монографии К. Н. Сербиной о Тихвинском посаде, изданной в 1951 г. За 1632/33 и 1658/59 гг. в стокгольмском архиве имеются черновые книги, а в СПБИАИ — синхронные беловые; за 1637/38 г., наоборот, черновая книга есть в Петербурге, а беловая — в Стокгольме; книги за 1625/26 г. в обоих хранилищах черновые. М. М. Дадыкиной сде-

лан сопоставительный анализ записей черновой и белой книг 1632/33 и 1637/38 гг., рассмотрена практика составления этих документов.

Ряд статей источниковедческого плана был опубликован автором настоящей работы. В статьях о таможенных и кабацких книгах Вязьмы³⁸ и Можайска³⁹ XVII в. приведены данные о количественном и хронологическом составе этих источников, охарактеризована их структура и содержание, проанализированы формуляры статей, перечислены лица местной таможенной администрации, скрепы которых имеются в документах. В статье о вяземских таможенных книгах содержатся сведения о казенных расходах на их ведение и изготовление. В приложении к статье о можайских памятниках помещены регесты таможенных записей о сборе пошлин с лиц, регистрировавших товары или деньги на покупку стоимостью свыше 1 руб. (таможенные книги 1640/41, 1644/45, 1648/49, 1655/56, 1659/60, 1665/66, 1666/67, 1673/74 гг.), а также регесты отрывка конской таможенной книги Можайска 1629/30 г. В приложении к работе о кабацких книгах Можайска приведены тексты записей о производстве и продаже питей в этом городе в декабре и марте 1667/68 гг.

В 2003 г. вышла в свет наша статья о елецкой книге соляной привозки 1646/47 г.⁴⁰ Этот источник, впервые опубликованный в 1982 г. С. И. и Н. С. Котковыми, является одним из немногих сохранившихся памятников таможенного делопроизводства, в котором представлены данные о легальной торговле солью в условиях действия повышенного соляного налога. В статье дана источниковедческая характеристика рассматриваемого документа, а также приведены регесты записей о привозе соли в Елец и проанализирована динамика поставок этого товара.

В том же году мы опубликовали работу о двух других уникальных источниках — книгах киевского кружечного двора 1665/66 и 1669 гг., хранящихся в РГАДА⁴¹. Эти документы, от которых уцелели, к сожалению, лишь небольшие отрывки, представляют тем не менее большую ценность для изучения организации питейного дела и казенной питейной торговли на Левобережной Украине после ее присоединения к Московскому государству. Их значение особенно велико еще и потому, что основной массив подобных источников по малороссийским городам за вторую половину XVII в. до наших дней не дошел. В приложении к статье даны регесты записей о покупке вина на киевский кружечный двор.

И. А. Малышева проанализировала псковскую таможенную книгу 1749 г., хранящуюся в фонде Псковской Большой таможни РГАДА, с точки зрения ее использования как лингвистического источника⁴². В статье, вышедшей в свет в 2003 г., была дана источниковедческая характеристика этого документа, рассмотрен формуляр его статей и приведен образец одной из них, перечислены примеры названий тканей, предметов быта, одежды, галантерейных товаров, торгово-счетных единиц, упоминаемых в тексте памятника.

Таможенным книгам Великого Устюга 1748/49 и 1751/52 гг. из Великоустюжского филиала Государственного архива Вологодской области посвящена статья А. Н. Гуслистовой⁴³. Ею определена типология этих источников (первую книгу автор относит к категории «торговых пошлинных», а вторую — «явочных»), прослежены особенности их составления, охарактеризованы структура и формуляр записей (отмечено, в частности, что книги велись в табличной форме). А. Н. Гуслистовой подсчитано также количество вологодских купцов или их агентов, упоминаемых в великоустюжских книгах, выявлена их торговая специализация и география поездок.

Общие сведения о количественном составе, хронологическом охвате и особенностях ведения таможенных книг Псковского края XVIII в., имеющихся в Государственном архиве Псковской области и Псковском государственном объединенном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, приведены в работе О. А. Алексеевой⁴⁴. Данные этих источников получили отражение в ее кандидатской диссертации, защищенной в 2009 г.⁴⁵

Своеобразный памятник таможенного делопроизводства — книгу записи провоза соленой рыбы через Архангелогородскую таможню в 1733–1739 и 1742 гг. — из Государственного архива Архангельской области изучил А. В. Крайковский⁴⁶. Автор привел данные об особенностях формуляра таможенных записей, а также опубликовал первые результаты статистической обработки источника (данные о движении соленой трески и палтуса через таможню, размеры рыбного промысла Антониево-Сийского монастыря).

А. В. Крайковский в 2002 г. опубликовал статью, в которой рассмотрел методику сопоставительного изучения таможенных и монастырских приходных книг XVII в.⁴⁷ Для исследования этой важной проблемы им были привлечены таможенная книга Вологды 1634/35 г. (опубликована в 1983 г.) и приходная книга Вологодской службы Соловецкого монастыря за тот же год. Автора в первую очередь занимал вопрос о том, насколько согласуются между собой показания этих источников относительно соляной торговли в городе. В результате им было установлено, что таможенная и при-

ходная книги в целом одинаково фиксируют общие объемы продажи соли на вологодском рынке и соотношение привоза этого товара к сбыту. Данные монастырских приходных книг, по его мнению, могут в определенной мере компенсировать отсутствие таможенных книг.

Таможенные книги легли в основу двух диссертаций, защищенных в 2004–2005 гг. по истории и лингвистике.

В 2005 г. А. В. Крайковский защитил кандидатскую диссертацию «Торговля солью на севере России в 30-х — начале 50-х гг. XVII в.»⁴⁸. В качестве объектов изучения им были выбраны соляные рынки двух северных русских городов — Тотьмы и Вологды в период с середины 1630-х гг. по 1653 г. Первый город являлся значительным центром производства соли, а второй — крупнейшим центром сбыта этого товара. В основу работы А. В. Крайковским были положены комплексы источников XVII в. двух типов — таможенные книги Тотьмы и Вологды и приходо-расходные книги Соловецкого, Кирилло-Белозерского и Спасо-Прилуцкого монастырей, осуществлявших поставки соли в названные города. Такой подход обеспечил стереоскопичность исследования как в историко-географическом, так и в источниковедческом аспектах. Автором были детально изучены структура и содержание таможенных и монастырских приходо-расходных книг, формуляры их отдельных статей. Источники разных типов были сопоставлены друг с другом. Следует отметить, что, наряду с материалами из центральных архивохранилищ (РГАДА, ОПИ ГИМ, Архива СПбИИ), диссертант привлек к исследованию и документ из Государственного архива Мурманской области: уникальную записную книгу соляных пошлин холмогорской таможни 1646/47 г., представляющую собой ценный источник по истории реформы косвенного обложения 1646 г. Определение характера и масштабов последствий этой реформы для региональных соляных рынков стало одним из ключевых вопросов в рассматриваемой диссертации. Приведенные А. В. Крайковским факты показывают, что реакция различных местных соляных рынков на реформу 1646 г. была неоднозначной и проявлялась в разных городах страны по-разному. Автором подробно изучены погодные статистические данные о соляной торговле в Тотьме и Вологде, а также проанализировано движение цен на соль в этих городах в рассматриваемый период. Большой интерес вызывает отмеченный и подробно разобранный А. В. Крайковским факт фальсификации ряда сведений, содержащихся в тотемской таможенной книге 1642/43 г. головы Попова Гостя Гаврилова⁴⁹.

Как уже было сказано, А. В. Крайковский проанализировал данные таможенных книг, относящиеся исключительно к соляной торговле. Такой «монотоварный» подход по отношению к этим источникам в принципе допустим, однако нам он представляется не вполне рациональным. Хорошо известно, сколь сложна и трудоемка обработка таможенных книг. При выборке из таможенной книги сведений, относящихся к какому-либо одному товару или группе товаров, исследователю неизбежно приходится прорабатывать текст всего документа от начала до конца. Однако при этом данные об остальных упоминаемых товарах никак не фиксируются и не используются. Более того, выведение за рамки исследования других товаров, упоминаемых в таможенной книге, приводит к тому, что анализ изучаемого товара оказывается заведомо неполным. Так, в работе А. В. Крайковского отсутствует один из ключевых показателей, характеризующий положение любого товара на отдельно взятом рынке — его доля в совокупной стоимости всего товарного привоза. Этот показатель можно вывести лишь подсчитав общую стоимость других видов товаров, а для этого требуется уже сплошная, а не выборочная обработка таможенных книг. Без изучения ассортимента, количества явок и объемов поставок различных товаров невозможно определить товарную специализацию того или иного рынка. Наконец, без анализа движения цен на различные товары нельзя проследить корреляцию изменений стоимости одного отдельно взятого товара относительно остальных товаров, поступавших на рынок, т. е. невозможно выяснить, были ли колебания цены на тот или иной товар вызваны изменениями в положении дел в сфере торговли только этим товаром или же они были связаны с проявлениями более общих рыночных или внерыночных процессов.

В докторском диссертационном исследовании лингвиста О. В. Бараковой «Деловая письменность XVII века»⁵⁰ к исследованию были привлечены большинство опубликованных таможенных книг XVII в. (Великого Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска, Вологды, Москвы, Саранска, южнорусских городов, Сургута, Тары)⁵¹, а также десять неопубликованных таможенных книг Тюмени XVII–XVIII вв., хранящихся в Государственном архиве Тюменской области (1662, 1663, 1671, 1675, 1677, 1689, 1699, 1701 [две книги разных типов], 1721 гг.). Автором была предпринята попытка классификации таможенных книг по типам. Эти источники О. В. Баракова предложила разделить на две категории. К первой категории, по ее мнению, относятся общие книги, содержащие данные о взимании пошлин различных видов. Они, в свою очередь, делятся на две подкатегории: книги, состоящие из нескольких разделов («книг»), в каждом из которых фиксируется сбор определенного вида пошлин, и

книги, в которых имеются несистематизированные записи о сборе разных пошлин. Вторую категорию образуют частные книги, включающие записи о сборах пошлин только одного определенного вида. В диссертации с историко-лингвистической точки зрения проанализированы различные лексические группы, содержащиеся в таможенных книгах (названия лиц, связанных с таможенным делом, торговых людей, таможенных документов, таможенных строений, предметов для измерения товаров, таможенных пошлин, транспортных средств), а также формуляры их заголовков, явочных статей, записей счетного характера и скреп. В работе имеется таблица наименований внутренних таможенных пошлин, зафиксированных в таможенных книгах разных городов. В приложении к диссертации помещен текст тюменской таможенной книги 1663 г.⁵², подготовленный в соответствии с лингвистическими правилами передачи текста⁵³.

В рассматриваемое время вышло в свет несколько работ, в которых были использованы данные таможенных книг различных регионов.

В шестом выпуске серии «Таможенные книги сибирских городов XVII века» опубликована статья А. А. Люцидарской «Рыночные отношения как составляющая системы жизнеобеспечения населения региона (по материалам томских таможенных книг XVII в.)»⁵⁴. В основу работы положена томская книга 1671/72 г., опубликованная в том же выпуске серии (в статье ее датировка приведена неверно — 1673/74 г.). В исследовании прослежены изменения, произошедшие в 1670-е гг. на томском пушном рынке по сравнению с предшествующим временем, проанализирован географический состав купцов из городов Европейской России и ассортимент привозимых ими т. н. «русских товаров», рассмотрена производившаяся в Томске торговля скотом, сливочным маслом, мясом, хмелем, рыбой, солью.

Две небольшие по объему статьи были написаны по материалам опубликованных таможенных книг Тары 1674/75 г. (авт. О. В. Олейник) и Томска 1624–1627 гг. (авт. А. А. Пудов)⁵⁵, причем вопреки заглавию этих работ, в них не содержится какой-либо источниковедческой характеристики изученных документов, а дан только общий обзор торговли указанных городов. В первой статье приведены сведения о размерах торговых оборотов тарского рынка, основных видах доставлявшихся на него товаров, объемах поставок соли с Ямыш-озера в Тобольск, сумме собранных за год таможенных пошлин, процентном соотношении представителей различных социальных групп в торговых операциях. Во второй статье рассмотрен ассортимент трех основных групп товаров, поступавших в Томск (продукция сельского хозяйства и промыслов; «русские» товары; ясырь), социальный состав торговцев, география движения товарных потоков. Представляют интерес наблюдения автора о зависимости стоимости детей-ясырей от их возраста. В работе представлены данные об общем торговом обороте томского рынка в 1624/25 г. и сумме собранных пошлин. Следует отметить, что различные статистические показатели, приводимые в работах, основанных на опубликованных сибирских таможенных книгах, надо воспринимать с очень большой осторожностью, ибо, как уже подчеркивалось выше, тексты этих источников изданы с большим количеством ошибок и пропусков.

Статья Т. В. Павлины о торговых связях Коми края с Архангельском⁵⁶ базируется на таможенных книгах Яренска 1722 и 1724 гг., хранящихся в фонде Камер-коллегии РГАДА. В работе проанализированы размеры отпуска различных товаров из Яренска в Архангельск и Холмогоры, а также объемы поставок товаров, доставленных из Архангельска в Яренск, указаны данные о количестве товарных партий, проследовавших в обоих направлениях. В монографии Т. В. Павлины об истории таможенного дела в Коми крае представлены некоторые статистические сведения, полученные в результате анализа таможенной книги Туглимского погоста 1700 г. и обячевских источников XVII в.⁵⁷

А. А. Комиссаренко в работе об инфраструктуре рынка Нижней Вычегды в XVII — первой половине XVIII вв. привел сведения о количестве торговых караванов, проследовавших с территории Вятки в Нижневычегодский регион через Ношульскую пристань, данные о которых содержатся в таможенных книгах Летского караула 1740-х гг.⁵⁸

Ряд работ о торговле отдельных русских городов XVII в. опубликовал автор настоящей статьи. В статье о торговле Можайска в царствование Алексея Михайловича, написанной по материалам семи можайских таможенных книг 1644/45–1673/74 гг.⁵⁹, были проанализированы основные статистические показатели состояния местного рынка: совокупная стоимость проданных и скупленных товаров, количество оптовых явок товаров и денег на покупку, распределение оптовых товарных и денежных явок в стоимостном выражении, средний размер оптовых торговых операций, количество явок торговцев-оптовиков по месяцам, суммы таможенных сборов с оптовой и розничной торговли, а также рассмотрены география торговых связей можайского оптового рынка, ассортимент, цены и объемы поставок ряда товаров, социальный состав торговцев.

В отдельной работе представлены итоги сопоставительного анализа торговых контактов Вязьмы и Можайска в XVII в.⁶⁰ В другой статье рассмотрены торговые операции купцов из белорусских городов в Вязьме в этот период (в данной публикации содержатся регесты записей вяземских таможенных книг, в которых фигурируют торговцы из Белоруссии)⁶¹.

Три статьи посвящены казенной питейной торговле Можайска, Рыльска и Вязьмы в XVII в.⁶² Они подготовлены на основе кабацких книг названных городов⁶³. По данным этих источников проанализирован ассортимент питей, поступавших в продажу, формы, объемы и обороты питейной торговли, начальные и отпускные цены на алкогольные напитки, размеры питейных доходов. Рассмотрена также стоимость различных видов сырья (в т.ч. ржи, овса, солода, хмеля, меда), использовавшегося для производства питей в Можайске.

В заключение обзора исследований и публикаций таможенных и кабацких книг, осуществленных в 2002–2009 гг., необходимо отметить следующее. Таможенные книги по-прежнему остаются востребованным в отечественной историографии источником, который вызывает большой исследовательский интерес. Несколько не издававшихся до сих пор ценных документов этого типа опубликовано, в научный оборот введен значительный комплекс новых статистических и фактологических данных, извлеченных из таможенных книг различных городов и регионов страны. При этом важно отметить, что в ряде работ впервые были сопоставлены между собой показатели источников XVII и XVIII вв., изучавшиеся до сих пор изолированно друг от друга. Положительным моментом является и то, что к исследованию, помимо фондов РГАДА, привлекается все больше таможенных книг, хранящихся в региональных и зарубежных архивах. К сожалению, всего этого нельзя сказать применительно к кабацким книгам. Данные источники, в отличие от таможенных книг, с которыми они органично связаны, по сию пору остаются незаслуженно обойденными вниманием историков. Вместе с тем без изучения этих документов, содержащих сведения не только о казенной питейной торговле, но и о других сегментах рынка (в т.ч. о хлебных ценах), картина торговой жизни страны в XVII–XVIII вв. будет заведомо неполной.

В историографии и источниковедении таможенных и кабацких книг по-прежнему остаются нерешенными ряд проблем общего характера. Во-первых, несмотря на то, что изучение рассматриваемых источников началось еще в середине XIX в., до сих пор нет ответов на вопросы о том, по каким населенным пунктам, за какие годы и в каком количестве они сохранились. Специального и полного учета этих памятников в масштабах всей страны или хотя бы ее Европейской части до сих пор не произведено (подобная ситуация наблюдается и с другими массовыми источниками по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв., например, с писцовыми и переписными книгами). Исследователи не имеют в своем распоряжении систематизированных опубликованных данных о составе и местонахождении большинства таможенных и кабацких книг. Это обстоятельство создает существенные затруднения для изучения рассматриваемых документов и введения содержащейся в них информации в научный оборот. Поэтому важной задачей представляется составление сводного списка таможенных и кабацких книг XVII–XVIII вв., хранящихся как в центральных, так и в региональных архивах, а в перспективе и сводного каталога этих источников. Первый шаг в этом направлении был предпринят нами в 2007 г.: опубликован реестр хранящихся в РГАДА 1240 таможенных книг XVIII в. по 152 городским и сельским населенным пунктам, 5 ярмаркам, 2 провинциям, 1 волости и 2 речным таможням Европейской России, составленный по результатам обследования описей 16 фондов этого архива⁶⁴.

Во-вторых, следует отметить, что подавляющее большинство таможенных и кабацких книг до сих пор не исследовано и в научный оборот не введено. Опубликованные 77 таможенных книг составляют ничтожный процент от общего количества сохранившихся источников этого типа, число которых по самым приблизительным подсчетам может составлять порядка трех тысяч⁶⁵. Из кабацких книг, по всей видимости не менее, а может даже и более многочисленных, чем таможенные книги, к настоящему времени издано всего лишь две (нижегородского кружечного двора 1657/58 г. и саранского кружечного двора 1691/92 г.⁶⁶). При такой степени разработанности источниковой базы говорить о формировании сколько-нибудь полного представления о состоянии и эволюции русской торговли XVII — первой половины XVIII в., а тем более о постановке таких глобальных проблем, как, например, пресловутый вопрос о формировании единого национального рынка, просто не приходится.

В-третьих, существенную сложность создает то, что таможенные книги обрабатываются по разной методике, а содержащиеся в них статистические данные, которые придают основную ценность этим документам, фронтальной обработке и анализу, как правило, не подвергаются. Во многих работах, к сожалению, до сих пор господствует иллюстративный метод подачи содержащихся в таможенных книгах сведений, приводимых в качестве отдельных примеров, подтверждающих те или

иные наблюдения автора. Вследствие этого опубликованные в историографии цифровые материалы, извлеченные из таможенных книг, существенно отличаются друг от друга по содержанию и полноте, что затрудняет, а зачастую делает невозможным их обобщающий сравнительный анализ.

В этой связи особое значение и актуальность приобретает, с одной стороны, комплексное изучение и массовое включение в научный оборот статистических данных как можно большего числа таможенных и кабацких книг максимально широкого географического и хронологического охвата, а с другой — выработка унифицированной методики формализации, систематизации и количественной обработки содержащихся в них цифровых материалов. Без этого невозможно проведение многоаспектного сопоставительного анализа сведений, имеющихся в источниках разных регионов и разного времени, посредством которого можно будет составить сколько-нибудь адекватное представление о развитии внутренней торговли страны в XVII–XVIII вв.

Традиционная текстуральная публикация таможенных и кабацких книг сама по себе поставленных проблем не решает. В силу своей сложности и трудоемкости она не может обеспечить массового введения их данных в научный оборот. Достаточно сказать, что работа над классическим изданием 20 таможенных книг трех городов Северного речного пути (Устюга, Соли Вычегодской и Тотьмы) продолжалась более 40 лет — с 1908 по 1949 г. Предполагать, что публикация рассматриваемых источников получит в обозримой перспективе радикальное ускорение, не приходится. Не решит проблему и возможная (пока что чисто теоретически) оцифровка документов, так как, даже имея перед собой опубликованный или оцифрованный текст памятника, исследователь, должен его тем или иным образом препарировать.

Содержащимся в таможенных и кабацких книгах сведениям присущ сравнительно единообразный и стандартизированный характер, что дает возможность их формализовать и систематизировать. По нашему мнению, это наиболее удобно можно сделать посредством составления регестов. Использование данного метода, который подробно описан нами в двух статьях, опубликованных в 2007 г.⁶⁷, позволяет значительно рационализировать, упростить и ускорить обработку основной статистической и фактологической информации, имеющейся в рассматриваемых источниках. Метод регестирования массовых источников различных типов, изобретенный еще в XVIII в. в Германии⁶⁸, давно известен в исторической науке, однако применительно к таможенным и кабацким книгам русских городов XVII–XVIII вв. он до самого последнего времени не использовался.

При этом в очередной раз необходимо повторить, что регесты таможенных и кабацких книг не являются публикацией этих документов и не заменяют собой печатного воспроизведения их текстов. Их главное назначение состоит в формализации и систематизации основной статистической и фактологической информации, содержащейся в этих источниках, для ее последующей обработки и анализа. Противопоставлять регесты публикациям текстов некорректно и неверно по существу. Для исследования количественных показателей развития торговли, определения ассортимента товаров, географии торговых связей несравненно удобнее использовать регесты, а не опубликованные тексты таможенных и кабацких книг, поскольку регесты содержат уже обработанные и систематизированные статистические данные.

Хотя регесты являются прежде всего инструментом для обработки данных таможенных и кабацких книг, они обладают значительным самостоятельным информационным ресурсом и нуждаются поэтому в обязательной публикации, которая возможна как в печатном, так и в электронном виде, например, в Интернете. Формат регестов в виде электронных таблиц позволяет копировать их отдельные структурные блоки и компоновать их в том виде, какой необходим для решения конкретных исследовательских задач. Сетевые версии регестов таможенных книг могут послужить информационной основой для конструирования специальных тематических комплексов регестов второго уровня, включающих, например, данные о торговле отдельными товарами, о торговых операциях жителей конкретных городов или регионов, о торговой деятельности представителей тех или иных социальных групп.

При соответствующей организации работы с помощью регестов можно в сравнительно короткий срок добиться введения в научный оборот данных значительного массива таможенных и кабацких книг. Что же касается издания этих источников, то здесь необходима тщательная селекция подобных документов для публикации. Издавать следует лишь те источники, которые носят уникальный характер и представляют наибольшую ценность для истории таможенного делопроизводства.

Примечания

- ¹ Историографический обзор исследований и публикаций таможенных книг XVII в., вышедших в свет до 2001 г., см.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 15–58.
- ² *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. 815 с.
- ³ *Важинский В. М.* Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII века // Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та. 1963. № 5. С. 102–141.
- ⁴ *Демкин А. В.* Купечество и городской рынок в России во второй четверти XVIII века. М., 1999.
- ⁵ За 1714 г. по Тамбову имеется две книги.
- ⁶ Данные по Дубровке, Морше и Рыбной Пустоши за 1710 г. объединены в одной книге.
- ⁷ За исчерпывающую точность приведенного перечня мы в полной мере поручиться не можем, поскольку установить количественный и хронологический состав изученных Ю. А. Мизисом таможенных книг оказалось, как ни странно, делом чрезвычайно сложным. Сведения о таможенных книгах, привлеченных к исследованию, приведены им в четырех разных местах монографии: в разделах о торговле отдельных городов и сел (с. 310–368), в списке таможенных книг и выписей по городам и селам (с. 577–578), в хронологическом списке таможенных книг и выписей (с. 579–583), в табличных материалах (с. 638–815). При этом состав документов, показанных в одном месте, часто не совпадает с указанным в другом. Так, по Белгороду в разделе о торговле отдельных городов и сел перечислены таможенные книги за 1654/55, 1661/62, 1668/69, 1677/78, 1749 гг., в списке таможенных книг и выписей по городам и селам — за 1654/55, 1660/61, 1661/62, 1668/69, 1677/78, 1749 гг., в хронологическом списке — за 1653/54, 1660/61, 1661/62, 1668/69, 1677/78, 1749 гг., в табличных материалах — за 1653/54, 1654/55, 1661/62, 1667/68, 1677/78, 1749 гг. По Валуйкам в разделе о торговле отдельных городов и сел значатся книги за 1654/55, 1671/72 гг., в списке таможенных книг и выписей по городам и селам — за 1672/73 г., в хронологическом списке — за 1671/72 г., в табличных материалах — за 1654/55, 1672/73 гг. По Тамбову в списке таможенных книг и выписей по городам и селам приведены книги за 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1672/73, 1714 гг., а в других местах — за 1658/59, 1660/61, 1661/62, 1671/72, 1714 гг. Встречаются также ошибки в датировке таможенных книг. Например, таможенная книга Белгородца 1664/65 г. обозначена в одном месте как книга 1668/69 г., а в другом — как книга 1667/68 г. Имеются неточности в указании архивных шифров. Так, местом хранения таможенных книг за 1661/62 г. названа ГПБ — Государственная Публичная библиотека (она переименована в Российскую национальную библиотеку еще в 1992 г.) (с. 580), в то время как эти книги на самом деле хранятся в Отделе рукописей РГБ. При указании архивных шифров таможенных книг, хранящихся в РГАДА в фонде Разрядного приказа, не отмечены названия столов. Наконец, в списках таможенных книг и выписей и в табличных материалах таможенные книги никак не отделены от таможенных выписей, что создает дополнительные сложности для идентификации изученных документов.
- ⁸ *Макаров И. С.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в. // Изв. 1937. Т. 1. С. 193–219.
- ⁹ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 310–368.
- ¹⁰ Имеются также параграфы о торговле крепости Св. Анны, Борисоглебска, Раненбурга, Новохоперской крепости, по которым нет таможенных книг, но имеются таможенные выписи.
- ¹¹ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 429–520.
- ¹² Там же. С. 584–815.
- ¹³ Там же. С. 311.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Денежный стол. Кн. 94, 188, 104, 189, 319, 329, 342, 346, 356, 371; Белгородский стол. Кн. 29; Ф. 214 (Сибирский приказ). Кн. 405; Ф. 829. Оп. 1. Д. 173; ОР РГБ. Ф. 178. Д. 9988. Данные о белгородских таможенных книгах 1653/54–1677/78 гг. были введены в научный оборот еще В. М. Важинским в 1960-е гг. (см.: *Важинский В. М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 301), а тексты книг 1641/42, 1646/47 и 1651/52 гг. опубликованы в 1982 г. (Памятники южновеликорусского наречия: Тамож. кн. / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. С. 7–21).
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 405.
- ¹⁶ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 618–631.
- ¹⁷ Новгородская таможенная книга 1614/15 г. / Публ. Г. М. Коваленко // НИС. СПб., 2005. Вып. 10 (20). С. 384–466; Таможенная книга Невского устья 1616–1618 гг. / Публ. А. А. Селина // Там же. С. 475–482.
- ¹⁸ Новгородские таможенные книги XVII в. [Электронный ресурс] / Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого и др. Великий Новгород, 2009. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). Данный продукт не имеет всех необходимых атрибутов полноценного электронного издания, в частности, в нем не указаны сведения об издателе. На этикетке диска приведен иной вариант заглавия: Таможенные книги Великого Новгорода XVII века.
- ¹⁹ Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14 годов. СПб., 1996; *Коваленко Г. М.* Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998.
- ²⁰ *Чернякова И. А.* Рабочая тетрадь по курсу русской палеографии: Учеб. пособие. Петрозаводск, 2003. С. 88–100. — В данной публикации в текстуальной форме передан только первый лист книги.
- ²¹ *Чернякова И. А.* Повенецкая таможенная книга 1612 г. Петрозаводск, 2006 // Исследовательская лаборатория локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК) [Электронный ресурс]. URL: http://illmik.petrso.ru/Alkonost/pdf_s/Povenets.pdf [06.07.2009].
- ²² По Енисейску опубликован также ряд проезжих таможенных грамот и товарных росписей.
- ²³ По Мангазее в публикации приведено три документа: таможенная книга десятинного денежного сбора 7185 г., расходная таможенная книга 7186 г. и таможенная книга десятинного соболинного сбора 7184 г. Датировку и взаимосвязь данных документов между собой, исходя из опубликованных текстов, в полной мере установить затруднительно, для этого требуется обращение к оригиналам источников.
- ²⁴ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 2003. Вып. 5: Тобольск, Кетск. С. 8–173; Там же. Новосибирск, 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов. С. 20–38, 64–84; *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 93–96, 101–118. — По Кетску опубликована расходная книга хлебных запасов 1628/29 г., по Нарыму — смета Нарымского острога 1672/73 г. (в публикации неверно датирована

- 1673/74 г.), пометный список денежных доходов на 1673/74 г., книги служилым людям и оброчным новокрещеным 1673 г., окладная книга 1680/81 г. Эти источники по своему типу к таможенным книгам не относятся.
- ²⁵ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 5. С. 92.
- ²⁶ Там же. С. 95. Здесь же, по всей видимости, неверно передан падеж слова *бумага* (должно быть: *бумаги*).
- ²⁷ Там же. Вып. 6. С. 64.
- ²⁸ Там же. С. 65.
- ²⁹ Там же. С. 67.
- ³⁰ Там же. С. 74.
- ³¹ См.: Тимошина Л. А. 1) О публикации таможенных книг в 1996–1997 годах // ОФР. М., 1999. Вып. 3. С. 270–283; 2) О публикации таможенных книг в 1999–2000 годах // Там же. М., 2001. Вып. 5. С. 223–238.
- ³² Тимошина Л. А. О публикации таможенных книг в 1999–2000 годах. С. 237.
- ³³ Раздорский А. И. Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб., 2007. 623 с.
- ³⁴ В биографических комментариях отражены упоминаемые в источнике курские посадские люди (всего 323 чел.), сведения о которых содержатся в переписной книге Курска 1723 г. В терминологических комментариях раскрыто значение встречающихся в тексте документа устаревших, малоизвестных и диалектных слов (главным образом названий товаров, мерных и тарных единиц, бытовавших в XVIII в.).
- ³⁵ Белгород, Березов, Великие Луки, Великий Новгород, Великий Устюг, Верхотурье, Вологда, Воронеж, Елец, Енисейск, Красноярск, Кузнецк, Курск, Мангазея, Москва, Орел, Пелым, Повенец, Саранск, Сольвычегодск, Старый Оскол, Сургут, Тара, Тобольск, Томск, Тотьма, Туринск, Тюмень, Холмогоры.
- ³⁶ Булгаков М. Б. Таможенная книга г. Переяславля-Рязанского 1614/1615 г. как исторический источник // ОА. 2005. № 5. С. 35–42.
- ³⁷ Дадыкина М. М. Таможенные книги Тихвинского монастыря в Государственном архиве Стокгольма (Riksarkivet) // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков»: К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. М., 2008. С. 113–123.
- ³⁸ Раздорский А. И. 1) Таможенные книги Вязьмы XVII века // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Материалы XII Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвящ. памяти В. В. Крестинина (1729–1795). Архангельск, 2002. С. 248–255; 2) Вяземские кабацкие книги XVII века: Источниковед. характеристика и методика обработки // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы междунар. науч. конф. 25–28 апр. 2002 г., Тверь — Кашин — Калезин: В 2 ч. Тверь, 2002. Ч. 1. С. 83–96.
- ³⁹ Раздорский А. И. 1) Можайские таможенные книги XVII века // ВИД. СПб., 2002. Т. 28. С. 317–348; 2) Можайские кабацкие книги XVII века // Там же. СПб., 2005. Т. 29. С. 408–413.
- ⁴⁰ Раздорский А. И. Малоизвестный источник по истории реформы косвенного обложения 1646 года: (Елец. кн. соляной привозки 1646/47 г.) // Клио. 2003. № 1. С. 29–33.
- ⁴¹ Раздорский О. И. Книги київського «кружечного двора» 1665/66 та 1669 рр. // Київська старовина. 2003. № 6. С. 127–132.
- ⁴² Мальшева И. А. Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летопис. упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 245–250.
- ⁴³ Гуслистова А. Н. Таможенные книги середины XVIII в. как источник по истории вологодского купечества // 1941–1945: Уроки войны — уроки правды, мужества и патриотизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., 24–25 февр. 2005 г., посвящ. 60-летию Победы в Великой Отечеств. войне. Вологда, 2006. С. 248–255.
- ⁴⁴ Алексеева О. А. Источники по истории торговли и промыслов Псковского края в XVIII в. (1725–1800) // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». С. 32–39.
- ⁴⁵ Алексеева О. А. Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
- ⁴⁶ Крайковский А. В. Материалы Архангелогородской таможи как источник по истории рыболовных промыслов на Мурмане в XVIII веке // Российская таможня: История, современность, перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 27 июня 2006 г.). Архангельск, 2006. С. 67–71.
- ⁴⁷ Крайковский А. В. О методике сопоставительного изучения таможенных и монастырских приходных книг // Массовые источники истории и культуры России XVI–XX вв. С. 157–170.
- ⁴⁸ Крайковский А. В. Торговля солью на севере России в 30-х — начале 50-х гг. XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005.
- ⁴⁹ Подробнее об этой работе см.: Раздорский А. И. Отзыв о диссертации А. В. Крайковского «Торговля солью на севере России в 30-х — начале 50-х гг. XVII в.», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Клио. 2005. № 3. С. 222–225.
- ⁵⁰ Баракова О. В. Деловая письменность XVII века: Концептосфера, субтекст. состав: (На материале тамож. кн. Моск. государства): Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2004.
- ⁵¹ Отметим, что за пределами исследования О. В. Бараковой остались уже опубликованные к тому времени таможенные книги Великого Новгорода, Великих Лук, Туринска, Кузнецка, Томска, Верхотурья, Красноярска, Тюмени и Пельма.
- ⁵² Об этом документе автор диссертации опубликовал небольшую источниковедческую заметку — см.: Баракова О. В. Тюменская таможенная книга 1663 года как памятник региональной письменности // Образование, культура, православие: пути их взаимодействия и миссия в XXI в.: Материалы докл. и ст. окруж. науч.-практ. конф. Ханты-Мансийск, 2002. С. 257–259.
- ⁵³ В автореферате диссертации упоминается монография О. В. Бараковой «Таможенные книги Московского государства XVII века: Структура, языковое оформление» (М., 2003). Это издание в РНБ, РГБ, БАН, а также в Научной библиотеке Института лингвистических исследований РАН нам обнаружить не удалось.
- ⁵⁴ Люцидарская А. А. Рыночные отношения как составляющая системы жизнеобеспечения населения региона (по материалам томских таможенных книг XVII в.) // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 6. С. 9–19.
- ⁵⁵ Олейник О. В. Таможенная книга г. Тары 1674–1675 гг. как источник для изучения локальной истории // Политология и политический процесс: Сб. ст. Барнаул, 2004. С. 80–83; Пудов А. А. Таможенная книга Томска 1624–1627 гг. как источник по изучению локальной истории // Там же. С. 94–97.

- ⁵⁶ Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края в первой половине XVIII века (по материалам таможенных учреждений Яренского уезда) // Российская таможня. С. 105–112.
- ⁵⁷ Павлина Т. В. «Памятуя присяжную должность...»: (Очерки по истории тамож. службы в Коми крае в XV — первой половине XVIII в.). Сыктывкар, 2004. С. 17–32.
- ⁵⁸ Комиссаренко А. А. К вопросу об инфраструктуре рынка Нижней Вычегды в XVII — первой половине XVIII вв. // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX–XX вв. [Яренск, 2003. Электронный ресурс]. URL: <http://yarensk.narod.ru/conf4/komissarenko.html> [22.01.07].
- ⁵⁹ Раздорский А. И. Можайский рынок в царствование Алексея Михайловича: (По данным тамож. кн. 1644/45–1673/74 гг.) // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 464–473.
- ⁶⁰ Раздорский А. И. География торговых связей Вязьмы и Можайска в XVII в.: (Опыт сравнит. анализа) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: Материалы междунар. конф., май 2002 г. Тамбов, 2002. С. 278–283.
- ⁶¹ Раздорский А. И. Материалы таможенных книг 1649/50–1679/80 гг. о торговых операциях белорусских купцов в Вязьме // Белорусский сборник: Ст. и материалы по истории и культуре Белоруссии. СПб., 2002. Вып. 2. С. 158–171.
- ⁶² Раздорский А. И. 1) Производство и продажа питей в Можайске в XVII веке: По данным кн. питейн. прибыли 1644/45–1673/74 гг. // Клио. 2003. № 3. С. 170–173; 2) Питейная торговля в Рьльске в 1669–1671 гг. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура». Белгород, 2005. Ч. 2. С. 112–117; 3) Питейная торговля в Вязьме в XVII в. (по данным кабац. кн.) // Исследования по истории средневековой Руси: К 80-летию Ю. Г. Алексева. М.; СПб., 2006. С. 333–337.
- ⁶³ По Можайску проанализировано 12 кабацких книг (1644/45, 1645/46, 1648/49, 1655/56, 1660/61, 1665/66, 1666/67, 1667/68, 1668/69, 1669/70, 1671/72, 1673/74 гг.), по Вязьме — 22 (1627/28, 1639/40, 1640/41, 1641/42, 1642/43, 1644/45, 1645/46, 1646/47, 1647/48, 1648/49, 1649/50, 1652/53, 1653/54, 1666/67, 1668/69, 1669/70, 1673, 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1676/77, 1679/80 гг.), по Рьльску — 2 (1669/70, 1670/71 гг.).
- ⁶⁴ Раздорский А. И. Таможенные книги Европейской России XVIII в. в фондах РГАДА (количественная, хронологическая и географическая характеристика) // АЕ за 2005 г. М., 2007. С. 394–462. Были обследованы описи фондов: 695 («Сольвычегодская земская изба, ратуша и городской магистрат»), 829 («Таможни и кружечные дворы»), 273 («Камер-коллегия»), 1408 («Вятская таможня и кружечный двор»), 1409 («Курская пограничная таможня»), 1417 («Севская пограничная таможня»), 1418 («Серпуховская таможня и кружечный двор»), 1419 («Сольвычегодская таможня и кружечный двор»), 1421 («Трубчевская таможня»), 1422 («Тульская таможня»), 1427 («Ярославская таможня и кружечный двор»), 1452 («Московская Большая и подчиненные ей таможни Померная, Мытенная, Конская, Хомутная»), 1594 («Нарвская портовая таможня»), 1595 («Петербургская Большая портовая и Мелочная таможни»), 1600 («Псковская Большая таможня»).
- ⁶⁵ Только по Сибири, согласно данным Н. Н. Оглоблина, сохранилось 880 приходных (по 22 городам, 5 острогам, 2 заставам, 1 зимовью и 1 ярмарке за 1629—1717 гг.) и 234 соболинных (по 10 городам, 1 острогу и 2 зимовьям за 1616—1701 гг.) таможенных книг (см.: *Оглоблин Н. Н.* Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592—1768 гг.). Ч. 2: Док. тамож. управления. М., 1897). В описи городских книг Устюжской четверти XVII в., хранящихся в 137 фонде РГАДА, учтено 145 таможенных книг по 9 городам и 212 кабацких книг по 19 городам (см.: *Книги Московских приказов в фондах ЦГАДА, 1495–1718 гг.: Опись / Отв. сост. В. Н. Шумилов; Под ред. Л. В. Черепнина.* М., 1972).
- ⁶⁶ См.: *Смирнов М. И.* Нижегородские кабаки и кружечные дворы XVII в. Н. Новгород, 1913. С. 135–189; Саранская таможенная книга за 1692 г. / Под ред. А. И. Яковлева. Саранск, 1951. С. 33–59. — Книга Саранского кружечного двора образует единый комплекс приходо-расходной документации с таможенной книгой.
- ⁶⁷ Раздорский А. И. 1) О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // ОА. 2007. № 1. С. 31–40; 2) О составлении и публикации регестов кабацких книг XVII–XVIII вв. // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. 2007. № 4, Вып. 3. С. 84–91
- ⁶⁸ См. об этом: *Валк С. Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 22–47.

О. А. Дячок

ВОПРОСЫ ТОРГОВЛИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО С РУССКИМИ КНЯЖЕСТВАМИ И ЗЕМЛЯМИ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ СЕРЕДИНЫ XV — НАЧАЛА XVI В.

Вопросы внешнеторговых отношений и взимания пошлин постоянно были в центре внимания во время дипломатических переговоров, а посему нашли отражение в межгосударственных соглашениях и других международных актах. В данной статье под указанным углом зрения анализируются документы, содержащиеся в книгах Литовской метрики.

Внешняя торговля была сопряжена со многими рисками и убытками. Но, потеряв товар или его часть, купцы пытались юридическими методами возместить свои потери. Действительные или мнимые обиды, причиненные купцам на территории другого государства, влекли за собой обращения к правителю последнего. В частности, в конце XV в. (документ датируется периодом между 1479 и 1490 гг.) псковичи, «урадиша <...> на вечи», направили посольство к великому князю литовскому, королю польскому Казимиру IV¹. Среди вопросов на первом месте была жалоба об ограблении луц-

ким старостой псковского купца Микифорки. Псковичи просили, чтобы король «*тому делу управу даль по крестному целованью а отчина великих князей*»². Следует отметить, что положения, регулировавшие внешнюю торговлю, имелись в договорах Великого княжества Литовского (далее ВКЛ) с великими княжествами и республиками Северо-Восточной Руси еще до их объединения в единое Московское государство. Так, 30 декабря 1440 г. великий князь литовский Казимир подписал договор с Псковом, в котором определялось, что купцу «*путь чистъ изо все мое отчины въ Псковскую землю. А гостю торговати в Пскове без пакости, по старои пошлине со всяким гостем, такожь и псковичомъ <...> путь чысть во всю мою отчину, в Литовскую землю. А гостю торговати во все Литовскои земли по старыне, без пакости, по старои пошлине со всякимъ гостемъ*». Был оговорен и механизм решения спорных вопросов: «*Аже вчыниться пеня гостю в Литве псковьскому, кончатъ по великого князя правде и по целованью. Аже вчыниться пеня нашымъ <...> во Пскове, кончатъ по псковскои правде и по целованью*»³. В ответе Казимира псковитянам, датированном 1479–1480 гг., в частности, сказано: «*А што говорили есте, же вашимъ не дають з немцы торговать, ино о томъ хочомъ доведатися, какъ будетъ здавна бывало, и откажомъ о томъ нашимъ посломъ, доведавшиися*»⁴. В 1486 г. уже Казимир в послании к посадникам Пскова поднимал вопрос об обидах и насилиях, причиненных виленским и полоцким купцам в этом городе, и требовал расследовать их дела согласно действующему взаимному соглашению⁵.

Аналогичные с указанными выше положения содержатся и в договоре ВКЛ с Великим Новгородом, подписанном также в 1440 г. Но он имеет некоторые отличия. В частности, приехавшие с товаром великого князя должны были торговать с новгородцами на Немецком дворе. Кроме того, Казимир брал на себя обязательство не препятствовать проезду купцов в Новгород или из него⁶. Роль купцов из земель ВКЛ в торговле Великого Новгорода была значительной. Н. И. Костомаров отмечал, что «из иностранных купцов, торговавших в Новгороде в начале XVI века, первое место занимали фламандцы, за ними литвины. Такое стечение купцов давало ему значение первого торговища в России». Многие «литвины», т. е. купцы из ВКЛ, жили в городе постоянно⁷.

31 августа 1449 г. был подписан мирный договор великого князя московского Василия Темного с Казимиром IV, в котором, в частности, значилось: «*<...> гостемъ нашым гостити без рубежа и без пакости*»⁸. В договоре великого князя тверского Михаила Борисовича с Казимиром IV 1483 г. также оговаривался свободный проезд купцов и торговля «*без рубежа и без пакости*», а пошлины должны были взиматься «*по-давнему, а нового не прымышляти*». Это дословное повторение положения договора между великим князем тверским Борисом Александровичем и его дедом — великим князем литовским Витовтом от 3 августа 1427 г., перенесенное в договор с Казимиром IV 1449 г.⁹

С конца XV в. вопросы обид, причиненных купцам, поднимались в ходе переговоров между ВКЛ и Московским государством. В статейном списке посольства великого князя московского Ивана III к Казимиру IV от 1 января 1488 г. зафиксирован протест против увеличения размера пошлин в украинских и белорусских городах ВКЛ. Документ также содержит перечень незаконных, по мнению московской стороны, конфискаций купеческих товаров в счет неуплаченных пошлин¹⁰. Н. Н. Бантыш-Каменский упоминает, что во время аудиенции 23 июля 1489 г. у Ивана III князя Тимофея Мосальского, бывшего с посольством от польского короля, московская сторона указывала на «*лишние сборы мыт и пошлин*» с ее людей¹¹. Протест против конфискации товаров у тверского купца Климуши Михалева киевским наместником Юрием Пацовичем содержится в статейном списке посольства от Ивана III к Казимиру IV от 7 мая 1490 г.¹² Н. Н. Бантыш-Каменский пишет, что 7 мая 1490 г. «по причине умножающихся от поляков российским подданным обид» к польскому королю был отправлен посол сын боярский Михайла Кляпик Еропкин с представлением о чинимых проезжающим через Польшу и Литву с товарами в Россию московским, новгородским и тверским купцам «*грабительствах, убийствах и сборе лишних мыт и пошлин*» и «с прошением как о унятии всех таких беспорядков, так и о удовольствии обиженных». Предписывалось подать жалобные списки, а также указать, кому именно и какие обиды были нанесены. Еропкин возвратился в Москву с ответом, что король уже приказал некоторую часть награбленного возвратить российским купцам, а о других случаях велел учинить расследование¹³.

30 ноября 1491 г. в Москву прибыло посольство от Казимира IV, возглавляемое дворянином Василием Хрептовичем. Среди других поднимался вопрос об убийстве московскими людьми двух смоленских купцов и отнятии их товара. Иван III через дьяка Федора Курицына ответил, что убийцы уже найдены и наказаны, а «пограбленные товары сыскиваются от их родственников, что взяты прежде ордынцами в полон, а ныне приведены оттуда в Москву»¹⁴.

Вскоре в мирном договоре между великим князем московским Иваном III и великим князем литовским Александром Казимировичем от 5 февраля 1494 г. была закреплена беспрепятственная

торговля купцов на территории обоих государств: *«А гостем нашим по нашим землям на обе стороны гостити без рубежа и без всякое пакости»*. Как видно, это расширенная формула упомянутого выше договора. Говорилось тут и о Пскове: *«А во Псковъ, в мою отчину, ис твоих земель послу и гостю изо въсее твоее отчины во Псковъскую землю, а гостю торговати во Пскове без пакости по старои пошлине со всякимъ гостем, такъже и псковскому послу и гостю изо всее моее отчины, изо Псковское земли, в твою отчину гостю Псковскому торговати во всех твоих земляхъ во твои отчине безъ пакости по старои пошлине со всякимъ гостем»*¹⁵.

Но и после заключения мира случаи «пакости» по отношению к купцам имели место. В частности, в послании от 11 июня 1494 г. своему тестю великому князю московскому Ивану III великий князь литовский Александр Казимирович говорит о захвате в Вязьме товара смоленских купцов и требует его вернуть¹⁶. А в 1496 г. уже московский государь требует от литовского *«управу учынити»*, чтобы возместить убытки купца Грыдка Возила, пострадавшего от действий киевских мытников, потопивших его судно *«зъ рухлядью»*. В ответ на это было сказано, что господарь уже рассматривал данное дело и купец не смог доказать факта причинения ему мытниками ущерба¹⁷. Позже великим послам Александра Казимировича¹⁸, отправленным в конце 1502 — начале 1503 г. в Москву для ведения переговоров о заключении мирного договора, предписывалось в случае упоминания об этом происшествии отвечать, *«што ж тая речъ была сужона у Вильни, а такъ люди его м(и)л(о)сти досветчили, иже тые купцы не были забраны, а отъ воды товары их згинули, а ни одному человеку в томъ они не дали вины»*¹⁹. В посольстве великого князя литовского, короля польского Сигизмунда I (Жигимонта)²⁰ к великому князю московскому Василию III обращалось внимание на задержку купцов в Московском государстве несмотря на «опасную грамоту». Литовский государь предлагал отпустить купцов с товарами, чтобы впредь торговцы ездили в соседнюю страну без опаски²¹. В ответе же говорилось, что «наместники и приказники» Жигимонта задержали купцов из Московского государства и отняли у них товары, а иных хотя и отпустили, но товары у них также отобрали. Василий III предлагал литовскому правителю отпустить задержанных домой вместе с их товарами, после чего обещал освободить и купцов из ВКЛ²².

Вновь подтверждение о свободной торговле встречаем в договоре о перемирии на шесть лет между Александром Казимировичем и Иваном III от 26–28 марта 1503 г.: *«А вашымъ купцомъ изо всехъ вашихъ земель во вси мои земли прыехати со всякимъ товаром и торъговати на всякии товаръ, а прыехати имъ и отъехати доброволно, безо всякихъ зачепокъ»*. Но если в мирном договоре от 5 февраля 1494 г. отдельно оговорена свободная торговля как подданных великого князя литовского в Новгородской, Псковской и Тверской землях, так и купцов из этих земель на территории ВКЛ, то в договоре о перемирии 1503 г. фигурирует только Псков: *«Такеж и в(а)шое отчины псковскому послу и гостю изо всее ваше отчины и Псковское земли, в нашу отчину. А гостю псковскому торговати во всехъ нашихъ земляхъ безъ пакости, по старои пошлине, со всякимъ гостемъ. А из моихъ земель, з моее отчины, послу и гостю вашу отчину, и во Псковъ, во въсю Псковъскую землю путь чысть. А гостю торговати во Пскове по старои пошлине со всякимъ гостемъ»*²³. В перемирной грамоте между Василием III и Сигизмундом I от 8 октября 1508 г. встречаем те же формулировки, но здесь значится Новгородская, Псковская и Тверская земли²⁴. В «докончальном листе» от 2 июля 1537 г., переданном Сигизмундом I Ивану IV через послов, предлагалось в перемирии предусмотреть свободный проезд, отъезд и свободную торговлю купцов на территории другого государства. Также предлагалось пропускать через свои земли купцов, следующих с послами или самостоятельно в третьи страны транзитом и не отнимать у них товар²⁵.

Следует отметить, что рассмотренные выше случаи подтверждают вывод историков права о том, что трудно найти договор XV–XVII вв., в котором бы не содержались положения о «чистом пути» для купцов «на обе стороны»²⁶.

Интересный факт находим в одном из посланий Александра Казимировича Ивану III (конец 1494 г. или начало 1495 г.). Московский государь ранее известил литовского о том, что дворянин Петр Держкович изъял в Смоленске у можайского купца Якуша Андреева сына двадцать гривен серебра, поскольку серебро относилось к заповедным товарам. Великий князь литовский подтвердил, что он запретил вывозить серебро за пределы государства и продавать его. Указанный дворянин был послан вслед виленским мещанам, повезшим серебро. Металл был найден у можайского купца, который сказал, что купил его у виленского мещанина. Решение Александра Казимировича было справедливим и никоим образом не нарушало права купца: *«Ино нехай онъ и теперь нам скажетъ, в которого будетъ вилневца купил, а мы тому вилневцу велимъ ему тое серебрьо заплатити»*²⁷. Следует отметить, что практика запретов на вывоз определенных товаров в разных государствах применялась

сравнительно часто. В частности, категорический запрет на вывоз из Московского государства золота и серебра был закреплен в Новгородской таможенной грамоте 1571 г.²⁸

Связанные между собой право склада и дорожное принуждение часто становились предметом дипломатических переговоров между ВКЛ и другими государствами. Так, в ответе Казимира IV Ивану III через упоминаемое выше посольство Еропкина (1490 г.) говорилось, что «российские купцы, объезжая новыми дорогами смоленское и минское мыто, сами подают мытникам причину к отнятию у них товаров»²⁹. В ответе (июнь 1496 г.) Ивану III великий князь литовский Александр Казимирович объяснял, в частности, почему не были пропущены в Московское государство купцы, шедшие с турецким послом, ссылаясь на практику предыдущих лет: «А которые гости прыхоживали с послом турецкимъ до наше земли, тыи опять назад с посломъ жо ворачивались, а иные гости заморскии николи не бывали в нашеи земли далее Киева. До Киева прыездывали с тавары и, попродавши тавары в Киеве, и опять зася с Киева ворочывались, бо зьдавна бывало и за отьца нашего всимъ гостемъ заморскимъ склад бывал в Киеве, а другиши — у Великом Луцку»³⁰. Напоминание о складах в этих городах для иностранных купцов находим и в ответе послу великого князя московского, данном в феврале 1498 г. В нем Александр Казимирович обвиняет московского посла Михаила Плещеева в том, что тот провел купцов мимо «главных мест», т. е. мимо пунктов взимания главного (въездного) мыта. В направленном тогда же послании к соседнему монарху великий князь литовский конкретизировал, что Плещеев не поехал определенной дорогой на Киев, а поехал «полем» мимо Черкасс, Канева и Киева к Путивлю. В ответе Александр Казимирович также обратился к Ивану III, чтобы тот приказал своим послам ездить обычными дорогами. С ними должны были следовать московские или заморские купцы, «ажбы мыть наших не объездчали, и, где зьдавна склады гостемъ бывали, тут бы и тепер были, какъ жо и в доконьчани о томъ записано, што гостемъ нашимъ добровольно ездити на обе стороны по нашимъ землямъ старыми обычаиными дорогами, а мыта и пошлины везде платити по-старому, а новыми дорогами мыт не объездчати»³¹. Указанный «полевой» путь от Перекопа до истоков реки Коломак мимо Путивля, Новгорода-Северского и далее на Москву был достаточно популярным среди тогдашних контрабандистов. Некоторые из них брали проводниками и представителей властей ВКЛ на местах. Последние за свои услуги получали соответствующую плату³².

На указанные эпизоды обращалось внимание великих послов Александра Казимировича, отправленных в конце 1502 — начале 1503 г. в Москву для ведения переговоров о заключении мирного договора: «А естли будетъ мовено, ижъ послове кн(я)зя московского и тежъ купцы не бываютъ перепущени ехати, куды имъ надобе, ино отповедати, иже оного часу король его м(и)л(о)сть мель непрязнь с турецкимъ, и для того посол его не былъ перепущень, и тежъ, што купцы, ездечы с послы, мыта не даютъ. Бо верымъ и ведаемъ добре, ижъ такии мыта ест по всимъ землямъ и въ вась тежъ, коли которыи купцы мыта проминают, а мыта не заплативши, тогда у тыхъ товары их забирають»³³. Но в упомянутом выше договоре о перемирии на шесть лет от 26–28 марта 1503 г. этот аспект не нашел отражения. Напротив, было оговорено не отнимать товар у послов и едущих с ними купцов, а пропускать на территорию другой стороны³⁴.

В конце XV в. состоялись два взаимосвязанных события. По литовской версии, подданные великого князя московского — вяземские купцы — попытались объехать смоленскую мытницу, но были задержаны слугами великого князя литовского, среди которых был и смоленский мытник. У нарушителей конфисковали товары, так как «по всимъ землямъ такии обычаи ест, по хрестиянскимъ и поганскимъ, которыи гость, где промытитца, мыто проедеть, не заплативши, тотъ товаръ свои тратитъ». После этого вяземский наместник отомстил за своих земляков, пограбив смолян, которые привезли товар в Вязьму. В марте 1498 г. Александр Казимирович предложил Ивану III, чтобы на границе встретились судьи с обеих сторон и «тому делу право вчинили <...> абы правыи не гинули, а виноватыи бы не корыстовалисе, а в том бы гостем нашим межы нас порубок не было»³⁵.

Как видно из документов, в дипломатических отношениях ВКЛ с русскими княжествами и землями, а позже с Московским государством (середина XV — начало XVI вв.) различные проблемы международной торговли поднимались постоянно. Основными вопросами были обеспечение безопасности купцов на территории другого государства, взимание пошлин, согласно устоявшейся практике, юридический механизм разрешения споров, соблюдение права склада и дорожного принуждения. Вместе с тем и обоюдные нарушения соглашений встречались регулярно. Как отметил еще Н. И. Костомаров, торговля Москвы с Литвой нарушалась бесперывными войнами и враждой правительств³⁶.

Примечания

- ¹ Великий князь литовский Казимир (1440–1492) в 1447 г. был избран также польским королем, став, таким образом, Казимиром IV.
- ² Торгівля на Україні, XIV — середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина / Упор. В. М. Кравченко, Н. М. Яковенко; Редкол.: М. Ф. Котляр (відп. ред.) та ін. Київ, 1990. С. 29. № 14.
- ³ LM. Кн. 5: (1427–1506). Vilnius, 1993. P. 246. № 129; АЗР. Т. 1: 1340–1506. СПб., 1846. С. 51. № 38.
- ⁴ LM. Кн. 4: (1479–1491). Vilnius, 2004. P. 97. № 36.
- ⁵ Ibid. P. 140. № 130.
- ⁶ Ibid. Кн. 5. P. 244–245. № 128; АЗР. Т. 1. С. 52. № 39.
- ⁷ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 3, 91.
- ⁸ LM. Кн. 5. P. 133. № 78.1; АЗР. Т. 1. С. 65. № 50.
- ⁹ LM. Кн. 5. P. 251. № 135; P. 258. № 140; P. 259. № 141; АЗР. Т. 1. С. 46–47. № 33; С. 66. № 51; С. 100. № 79.
- ¹⁰ Торгівля на Україні... С. 32–33. № 17.
- ¹¹ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 год, составленная, по дипломатическим бумагам... Ч. 1: 1487–1584. М., 1862. С. 6.
- ¹² Торгівля на Україні... С. 37. № 21.
- ¹³ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею... С. 7.
- ¹⁴ Там же. С. 8.
- ¹⁵ LM. Кн. 5. P. 136. № 78.2.
- ¹⁶ Ibid. P. 86. № 34.
- ¹⁷ Ibid. P. 115. № 63.1, 63.2.
- ¹⁸ Александр Казимирович был великим князем литовским в 1492–1506 гг. и королем польским в 1501–1506 гг.
- ¹⁹ LM. Кн. 5. P. 195–196. № 118.2.
- ²⁰ В литературе на русском языке утвердилось написание имени «Сигизмунд», тогда как в документах оно писалось «Жикгимонт».
- ²¹ LM. Кн. 8: (1499–1514). Vilnius, 1995. P. 110. № 68.
- ²² Ibid. P. 122. № 76.
- ²³ Ibid. Кн. 5. P. 210–211. № 118.13.
- ²⁴ Ibid. Кн. 8. P. 127–128. № 80.
- ²⁵ Ibid. Кн. 15: (1528–1538). Vilnius, 2002. P. 215–216. № 165.
- ²⁶ Развитие русского права в XV — первой половине XVII вв. М., 1986. С. 285.
- ²⁷ LM. Кн. 5. P. 210–211. № 118.13.
- ²⁸ Дмитриенко С. А. Государственно-правовая деятельность по развитию предпринимательства в период сословно-представительной монархии в России // История государства и права. 2004. № 3. С. 55.
- ²⁹ Бантыш-Каменский Н. Н. Переписка между Россией и Польшею... С. 7.
- ³⁰ LM. Кн. 5. P. 114. № 62. Текст почти дословно приводится и в статейном списке посольства 1496 г. Ивана III к Александру Казимировичу (Торгівля на Україні... С. 40. № 26).
- ³¹ LM. Кн. 5. P. 129–130. № 75–76; Торгівля на Україні... С. 41. № 27.
- ³² Гальський К. С. Торгівля й митна справа у середньовічному Києві // Митна політика в Україні: Історичні та правові аспекти проблеми: Зб. наук. праць пам'яті професора Йосипа Леонідовича Рисіча. Дніпропетровськ, 2004. С. 46–47.
- ³³ LM. Кн. 5. P. 195. № 118.2.
- ³⁴ Ibid. P. 211. № 118.13.
- ³⁵ Ibid. P. 130–131. № 77.
- ³⁶ Костомаров Н. И. Очерк торговли... С. 122.

И. Ю. Уваров

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ЕДИНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РЫНКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В XVI в.

С развитием барщинно-фольварочной системы хозяйствования в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. существенно увеличилось производство товарного зерна (рожь, овес, ячмень и др.). Это наблюдалось как во владениях господарского домена, так и в имениях шляхты и способствовало росту товарности феодальной экономики в целом. В начале XVI в. товарные отношения существенно расширились, что было связано с ростом городов и увеличением численности населения. Наиболее крупными торговыми центрами Беларуси тогда были Брест, Витебск, Гродно, Минск, Могилев, Новогрудок, Полоцк и др.

Особенностью развития белорусских земель в период феодализма было то, что этот регион специализировался в основном на товарах лесопильного промысла и сельскохозяйственном производстве. Это усиливало развитие товарно-денежных отношений и стало существенным фактором в эволюции феодального хозяйства. Продукты труда и промыслов сельских тружеников рассматривались тогда как жизненно важные для человека¹.

Данные источников преимущественно конца XV в. свидетельствуют о том, что с территории белорусских земель стали вывозить больше лесных полуфабрикатов. Это способствовало увеличению числа предприятий, основанных на сплаве леса. Данный вид деятельности превратился в важную отрасль хозяйства, притом что цены на древесину за рубежом постоянно росли. Вывоз же зерна значительного размаха не имел, пока аграрная политика правительства ВКЛ не привела к значительному увеличению доходов феодалов за счет усиления эксплуатации крестьян. Это содействовало экономическому подъему в Беларуси и втягиванию ее в систему западноевропейских товарно-денежных отношений. Белорусские товары начинают занимать преобладающее место на рынках большинства европейских стран. Спрос на природное сырье и продукцию сельского хозяйства был вызван тем, что в Западной Европе начинают бурно развиваться города, ремесло и торговля. Вместе с тем перед Западом всерьез встала проблема заготовки хлеба².

Тем временем на территории белорусских земель в конце XV — начале XVI в. богатые купцы начинают занимать господствующее положение в большинстве крупных и средних городов. Как правило, это были верхи городского купечества, которые именовались «гостями». Векторы их торговой активности были направлены во многие страны мира. Более развитое и экономически сильное купечество повсеместно выступает в виде корпоративной группы граждан, объединенных сословным интересом. Купцы постепенно начинают подчинять своей финансовой власти ведущие секторы городской экономики, прежде всего экспортные отрасли ремесла. В этот период наиболее прибыльными товарами белорусского ремесленного экспорта были различные изделия из металлов, обработанные шкуры и кожи животных, одежда, домашняя утварь, ювелирные изделия. При этом цеховые уставы гарантировали совершенную на тот период технологию производства и качество готовой продукции.

В исследовании проблемы экономического развития общества рассматриваемого периода следует обратить внимание на крупные города Беларуси, которые имели привилегии на самоуправление и вели внутреннюю и внешнюю торговлю. Так, например, в 1390 г. Бресту был дан привилегия на Магдебургское право, а Полоцку — в 1498 г. Этот город играл значительную роль в ведении торговли северо-восточных земель Беларуси. Кроме того, на Берестейском сейме 1511 г., который проходил с 23 мая по 10 сентября, Полоцку была выдана специальная уставная грамота. В данном документе определялись социально-политические обязанности жителей этого региона страны³. С получением специальной грамоты от 14 марта 1499 г. Минск обрел право на самоуправление с указанием прав на торговлю⁴. Постепенно на протяжении XVI в. многие другие белорусские города получили Магдебургское право, на основе которого организовывалась городская жизнь в странах Западной Европы. Оно действовало в дальнейшем и в Беларуси на протяжении трехвекового периода.

В XVI в. развивающееся ремесленное производство способствовало интенсивному росту товарооборота. Изменения в экономике ВКЛ сопровождались подъемом внутренней и внешней торговли. Через земли ВКЛ и Беларуси проходили торговые пути купцов из Польши, Ганзейских городов, Русского государства, Крыма и т. д. Внешняя торговля велась купцами без посредников и шляхтичами, которые из личных имений вывозили собственные товары к балтийским портам и далее в страны Западной Европы. Вся территория Беларуси, в особенности ее восточные части, была изрезана густой сетью торговых дорог. Это был торговый центр обширной округи, охватывающий Верхнее Поднепровье (включая Борисов, Оршу, Мстиславль, Бобруйск, Речицу)⁵. Ряд торговых путей шел с Востока на Запад через Мценск, Путивль, Смоленск, Полоцк. Для удобства ведения торговли во многих городах Беларуси располагались специальные дворы, где жили иностранные купцы: русские, немцы, поляки и т. д. В 1485 г. в Бресте, наряду с другими улицами, упоминается и Русская⁶. Русские купцы проезжали территорию Беларуси по дороге в Крым и Западную Европу. Ежегодные ярмарки привлекали на европейский рынок купцов не только со всей Беларуси, но и из других зарубежных стран.

Крепостничество мешало крестьянам быть заинтересованными в производительности своего труда, однако в этот период сельский труженик начинает активно фигурировать на внутреннем рынке. Торговали крестьяне продуктами своего труда, чтобы получить наличные деньги для уплаты налогов в пользу феодала и церкви⁷.

Учитывая, что восточные поветы Беларуси подверглись разорительным войнам конца XV — начала XVI в., торговля здесь велась слабее, чем в других регионах страны. Западные поветы ВКЛ оказались в более перспективном экономическом положении. Такие города, как Вильно, Гродно, Брест, Ковно, Ошмяны и др., были богатыми центрами ремесла и торговли. Этому есть подтверждение: в 1529 г. серебщина (налог на военные нужды) собирался с Вильно в размере 1500 коп грошей (одна копа — 60 грошей), с Ковно — 300 коп грошей, с Гродно — 180 коп грошей⁸. Северные регионы Беларуси оказались в более выгодных условиях в сбыте различных товаров. Из природных ресурсов предметом повышенного спроса были лес, хлеб и мед. «Дань медовая» вносилась зависимым на-

селением в пользу феодала⁹. Несмотря на войны между ВКЛ и Московским государством, прослеживается стремление к совместной торговле между ними. Так, в 1537 г. правительство Елены Глинской дало распоряжение возобновить торговлю с ВКЛ. В первой четверти XVI в. москвичи, тверичи, топорчане приезжали в Витебск, Полоцк и др. города. В 1543 г. могилевские купцы ездили со своими товарами в Стародуб. В дальнейшем эти отношения укреплялись¹⁰. Будучи хозяевами земли, как средства существования, шляхта постоянно добивалась экономических свобод от государства. При великом князе Александре Ягеллончике в 1499 г. шляхта получила разрешение на сплав зерна, золы и смолы в Ригу без уплаты «мыта» при условии, что эти товары будут из личных имений¹¹. Феодалы Подвинья с давних пор занимались торговлей, сплавляя свои товары в Ригу, где был тогда крупный международный европейский торг¹².

Документы первой половины XVI в. подтверждают, что представители военно-служилого сословия часто возили свои товары в Ригу. Так, например, господарский боярин Т. Гетолтович в октябре 1533 г. жаловался воеводе на господарского слугу, который занимался сплавом товаров по рекам. При погрузке на струг ржи тот затонул прямо на причале. По итогам судебного процесса виновником оказался судовладелец, который был обязан уплатить хозяину пропавшего товара его стоимость по рижским ценам, а это составило 10 коп грошей. Лица, заинтересованные в развитии торговли и проживавшие в районах сплавных рек, строили речные суда под заказ. Из договора витебских мещан от 19 декабря 1560 г. видно, что Семенович, Мартинович и мытник Шмерлевич построили шесть небольших судов по 6 коп грошей каждый¹³.

Белорусская шляхта, накопив огромные богатства, создала возможности для более эффективного экономического развития страны. Быстро ориентируясь в новой экономической обстановке, представители служилого сословия стали пытаться извлечь из торговли для себя определенную выгоду. В первой половине XVI в. это могло им удасться только косвенным путем, так как правительство не допускало шляхту участвовать в международной торговле¹⁴. Однако владельцы имений стремились хотя бы опосредованно включиться в торговую сферу. Они покупали у купцов товары, привезенные из-за границы, а взамен продавали им по сходным ценам местные товары: сырье, пушнину, хлеб и прочее¹⁵.

Одним из важных объектов торговли внутри страны оставалась земля. При этом феодалы нарушали существующее законодательство в отношении торговли земельным фондом. Документальные материалы это широко подтверждают. Так, в записи от 15 февраля 1549 г. указана купчая сделка между боярами Монкой Римкевичем и Иваном Шимковичем на участок земли: «Продали есмо ниву нашую власную <...> Яну Шимковичу боярину господарскому <...>». При этом указано, что земля продана на «Литовскую монету». Подобные записи о продаже земли упоминаются в документах и раньше¹⁶.

С началом Ливонской войны 1558–1583 гг. и общим осложнением политической обстановки в стране правительство ВКЛ в 60-х гг. XVI в. через систему привилеев и в законодательной форме идет навстречу шляхетскому сословию, предлагая новые социально-экономические льготы. Документы это явственно подтверждают¹⁷. Государство стремилось оградить шляхту на городских торгах от произвола купцов и мещан, издавая соответствующие постановления, подкрепленные решением вальных сеймов. На Городенском сейме 1568 г. сенаторы просят государя о том, чтобы шляхта на городских рынках не притеснялась местной администрацией. На что был дан ответ: в статуте все сказано, делать все по закону¹⁸. На этом же сейме шляхта обращается к великому князю с просьбой разобратся с пинскими мещанами, которые запретили ей скупать соль для своих нужд. Это противоречило желаниям шляхты и ущемляло их вольности. Ответ государя содержал вразумительное разъяснение: любой шляхтич имеет право покупать соль, сколько ему надо, но только для личных нужд, а не для продажи¹⁹.

Представители шляхетского сословия за несение военной службы систематически добивались у правительства свободных цен на продовольственные товары и отмены таможенных пошлин. Рассматривая эти и другие вопросы, великий князь в первую очередь соблюдал интересы государства. На вальном сейме 1563 г. шляхта ВКЛ требовала отмены таможенных пошлин и установления фиксированных цен на сукно и ремесленные товары. В своем ответе великий князь дал согласие на нормирование только цены.

Желая расширить свои доходы, шляхта в очередной раз обратилась на вальном сейме 1568 г. к государю с просьбой дать ей разрешение на обустройство корчмы в своих имениях и на больших дорогах, на что был дан ответ: «Мы то подле статута старого обычаю заставаем»²⁰. Как видно, правительство стремилось удержать за собой прибыльную торговлю для пополнения государственной казны. Иногда челобитчики, хлопотавшие перед правительством о выдаче привилея на право постройки

корчмы, добивались разрешения. При этом оговаривалось, что шляхетская корчма не должна приносить ущерба государственной. Владелец корчмы получал право пожизненного владения с передачей ее по наследству²¹.

Основной статьей доходов шляхты было производство и торговля спиртным. Производство спиртных напитков было неотъемлемой составной частью в развитии феодального хозяйства ВКЛ. В документах XVI в. современники описывают постоянно возрастающий спрос на спиртные напитки. Производимая продукция предназначалась в основном на продажу в корчмах для заезжих постояльцев. Достаточно много водки и пива потреблялось солдатами. Производство спиртного было весьма выгодным делом. Огромные доходы от данного предприятия определялись почти двойной разницей цен — на «сырье» и на произведенную из хлеба водку. При этом использовался бесплатный труд крепостных людей, а главной статьей «издержек» было производство и заготовка дров. Большой размах производства сначала пива, а потом и водки был отмечен в разных районах белорусских земель в период ВКЛ, а затем и Речи Посполитой.

На вальных сеймах шляхта выступала против того, чтобы на территории ее маентков строились таможи, так как прибыль для их владельцев-мытников была очень велика. Так, например, в 1496 г. аренда от Берестейской, Дорочицкой, Бельской, Городенской таможен Берестейскому войту составила в среднем по 400 коп грошей в год. На сеймах шляхтичи просили великого князя, чтобы таможи отдавали заведовать людям христианской веры, а не иноземцам.

В Беларуси арендаторами таможен в основном были евреи, которые к началу XVI в. в ВКЛ сформировали прослойку состоятельных горожан. В 1522 г. Минской таможней заведовали Мордухай Ескович и Агрон Нахимович. В 1524 г. в Бресте таможней управлял Михель Езофович, младший брат подскарбия земского Аврама Езофовича. В 1509 г. он предоставил Сигизмунду I материальную помощь на сумму 1000 гривен серебра. Были случаи, что господарь даровал евреям за верную службу шляхетские звания. Так, в государевой грамоте от 20 февраля 1565 г. сказано: бывшего еврея Левку Доновича, в христианстве Станислава, освободить от подчинения еврейскому праву. Принятие евреями христианства, как видно, было распространенным делом. Ф. Скорина в своих обращениях к евреям, принявшим христианство, призывает их быть верными новой вере. Выдающийся гуманист выражает сожаление, что еврейский народ принял муки в Иерусалиме и теперь сыскал себе новую родину, которой и должен честно служить²².

Согласно решению верховной власти, созданные ранее таможи оставались в шляхетских владениях. Однако добиться окончательного решения о полной ликвидации внутренних таможен шляхта не смогла. На Городенском сейме 1567 г. господарь высказал свое решение о том, что если шляхтичи желают владеть мытнями, то должны платить больше за аренду, чем их бывшие владельцы. Из имеющихся документов видно, что еще в начале XVI в. правительство получало высокие прибыли от таможенных пошлин. С 12 июля 1507 г. до праздника Рождества Христова в 1508 г. с ковенской таможни в казну поступило 7000 коп грошей. В Полоцке за два года таможенных сборов от торговли солью сумма прибыли составила 2000 коп грошей²³.

Со второй половины XVI в. шляхта стремилась установить контроль над торговлей лесными товарами, так как лес в средние века играл большую роль в развитии производительных сил. Шляхтичи желали получить от великого князя разрешение на свободную охоту в пущах и лов рыбы²⁴. Подобные заявления обычно не удовлетворялись, а решение этих вопросов переносилось для рассмотрения на очередные заседания вальных сеймов. Право торговать лесными товарами получили только владельцы лесных угодий и при условии, что они своими силами будут разрабатывать лесосеки. Такой товар пропускаться за границу при уплате специальной пошлины и после принесения присяги лиц, сопровождавших товар. Подобной льготы шляхта добилась по решению Виленского сейма 1551 г.²⁵ Борьба представителей привилегированного сословия за прибыльную торговлю лесом была обусловлена его высокой стоимостью на рынках Прибалтики начиная с середины XV в.

Кроме лесных товаров, шляхта добивалась разрешения на торговлю хлебом без уплаты таможенных пошлин. На сейме 1558 г. этот вопрос был поднят вновь. Великий князь дал на это согласие, но при условии, что эти товары будут из личных имений шляхты. Из чего следует, что государство стремилось сохранить свою монопольную власть на прибыльные экспортные товары²⁶. Вопрос о торговле лесом был настолько сложным, что даже Ливонская война не смогла повлиять на благоприятное его разрешение в пользу шляхты. На сеймовой сессии 1563 г. представители от поветовой шляхты просили у господаря разрешения на право пользования пущами. В своем ответе великий князь указал на то, что лес, как и раньше, должен идти только на личные нужды: «В пущах робити на себя, ани от толе спущати, ани проробков в тых пущах разраблявати, ани и грунтов себе привлащати не маете»²⁷. Иногда великий князь за военную или гражданскую службу жаловал шляхтичам лесные

угодья. Так, в заявлении Жемойтского Тивуна от 15 сентября 1564 г. видно, что он просил великого князя предоставить шесть волок леса боярам Павлу и Шимку Сакелайтям, «лесу волок шести завел и на вечность им подал». Из данного документа следует, что правительство не отказывало шляхте иметь возможность дополнительных доходов²⁸. На Берестейском сейме 1566 г. шляхта еще раз подняла вопрос о привилегиях на провоз разного рода товаров через границу без уплаты пошлин. Ответ правительства был отрицательным: «Платить мыто при вывозе за границу в пользу казны»²⁹.

Вместе с тем правительство шло и навстречу шляхте, например, в ликвидации «мостового сбора». На сейме 1554 г. господарь заявил: «по моставым шляхте не ченить утиснени»³⁰. Экономические требования шляхты подрывали городскую торговлю ВКЛ, так как беспошлинный вывоз товаров тормозил развитие городского рынка, сокращал торговые обороты, задерживая тем самым рост ремесленного производства³¹.

Представители шляхты из Полоцка на Виленском сейме 1559 г. просили верховную власть уравнивать их в правах с господарскими мещанами по уплате мыта и предоставить право беспошлинного отправления своих товаров в Ригу. На это заявление господарь ответил: кто выполняет замковые повинности, тот от уплаты мыта освобождается и товары к Риге может отправлять без уплаты пошлин³². Жители Великого княжества, проживающие в шляхетских городах, имели право вести торговлю и проводить ярмарки³³. Желая совмещать торговлю со своим основным занятием, шляхта на сейме 1563 г. потребовала для себя экономического привилегия. Но великий князь на это требование согласия дать не мог³⁴. С обострением внешнеполитической обстановки и началом Ливонской войны правительство увеличивает налоги и снимает разные льготы для шляхты, установленные ранее. Так, на вальном сейме 1565–1566 гг. шляхта ходатайствовала о беспошлинном пропуске товаров из-за границы на собственные нужды. Это могли быть предметы роскоши, вина, драгоценности, оружие и т. д. В ответе господаря на эти просьбы присутствует ссылка на постановление прошлого Виленского сейма, где речь идет о десятинах и пошлинах на ввозимый товар.

Вопросы о получении шляхтой экономических свобод долгое время оставались предметом острых дискуссий на сеймовых сессиях. Вновь эта проблема была поднята на Городенском сейме 1569 г.³⁵ Таким образом, стремление шляхты ВКЛ к расширению социально-экономических привилегий противоречило государственным интересам и в известной мере обостряло внутрисословные отношения в среде феодалов, а также отношения шляхты и мещанства.

Одним из итогов социально-экономической борьбы шляхты было официальное признание за сеймом право контроля над правительством. Сейм ВКЛ все более и более превращался в центр жесткой борьбы, наиболее острые вопросы которой все чаще решались сенаторами сейма (налоги, сбор податей, торговля и т. д.).

Это позволяет сделать вывод о том, что в XVI в. в ВКЛ царило полное господство независимых в финансовом отношении светских и духовных феодалов. Средние и мелкие шляхтичи, которые сообща вершили в своих поветах все местные дела, постоянно выступали с требованиями новых социально-экономических свобод. Их общая взаимосвязь отражала близость социальных и экономических интересов в рамках шляхетского сословия. Подчеркивая очевидное отличие этих представителей от феодальной аристократии, нельзя забывать, что рядовые шляхтичи в значительной мере были необходимы государству, так как несли воинскую службу. Следовательно, господарь и правительство были вынуждены удовлетворять социально-экономические требования шляхты.

Примечания

¹ Копыцкий З. Ю., Копыцкий Б. З., Спиридонов М. Ф. Рыночные связи крестьянского хозяйства Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: Тез. докл. и сообщ. / XXII сес. Всесоюз. симп. по изучению проблем аграр. истории, Минск, 11–14 окт. 1989 г. М., 1989. С. 200–223.

² АЗР. СПб., 1846. Т. 1: 1340–1506. С. 112–130; АВК. Вильна, 1897. Т. 24: Акты о боярах. С. 36–48.

³ Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958. С. 62; Тарановский Ф. В. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи: Ист.-юрид. исслед. Варшава, 1897. С. 36; Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 года)... Вильно, 1858. Ч. 1. С. 26–28.

⁴ АЗР. Т. 1. С. 177; Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой XIV–XV веках. М., 1963. С. 107; РИБ. СПб., 1910. Т. 27: Литовская метрика. С. 739–744; Спиридонов М. Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси (XV–XVI вв.). Минск, 1993. С. 50.

⁵ Мелешко В. И. Торговые связи Могилева с городами Польши и Прибалтики во второй половине XVI — первой половине XVII в. // Acto-Baltico-Slavico. Białystok, 1965. Т. 2. С. 60–101; Wawrzyńczyk A. Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim Księstwem Litewskim i Rosją w XVI wieku. Warszawa, 1956. S. 26–41.

⁶ АВК. Вильна, 1908. Т. 33: Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. С. 4.

- ⁷ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного: Очерки соц.-экон. и полит. истории России середины XVI в. М., 1960. С. 148; *Копыцкий З. Ю., Копыцкий Б. З., Спиридонов М. Ф.* Рыночные связи крестьянского хозяйства... С. 213–220; *Лойка П. А.* Прыватнаўласніцкі сяляне Беларусі: Эвалюцыя феадальнай рэнты ў другой палове XVI–XVIII ст. Мінск, 1991. С. 52–74.
- ⁸ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 62.
- ⁹ *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. Минск., 1989. С. 50–51.
- ¹⁰ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 142; *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 19; Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. док. и материалов: В 3 т. Минск, 1959. Т. 1: С древнейших времен до середины XVII в. С. 266.
- ¹¹ *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства... С. 53–56; LM. Кн. 224: (1522–1530). Vilnius, 1997. P. 23.
- ¹² Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. М., 1977. Т. 1. С. 105–115; АЛРГ. М., 1899. Вып. 1: (1390–1529 г.). С. 180; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм: Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внеш. жизнью государства. М., 1900. С. 226–230; *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска... С. 43–58; *Хорошкевич А. Л.* Торговля Великого Новгорода... С. 151–170.
- ¹³ *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска... С. 272; *Спиридонов М. Ф.* Закрепощение крестьянства... С. 52–56.
- ¹⁴ LM. Кн. 224. P. 73.
- ¹⁵ АЛРГ. Вып. 1. С. 209.
- ¹⁶ АВК. Т. 33. С. 117, 194–195.
- ¹⁷ АЗР. СПб., 1848. Т. 3: 1544–1587. С. 118–121, 138–139; Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв.: Сб. материалов. Л., 1936. С. 94–99, 108–119; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 517–543, 551–582, 592, 599, 606, 639; РИБ. Т. 30: Литовская метрика. Юрьев, 1914. С. 271–272, 334–336, 356–357, 371–372.
- ¹⁸ РИБ. Т. 30. С. 510.
- ¹⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1887. Т. 2: (1533–1560 г.). С. 512.
- ²⁰ РИБ. Т. 30. С. 196, 207–208, 268, 370, 477.
- ²¹ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 74, 75–76.
- ²² АЗР. Т. 3. С. 28–29; РИБ. Т. 30. С. 174; *Скарына Ф.* Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мінск, 1990. С. 122; Русско-еврейский архив: Док. и материалы для истории евреев в России. СПб., 1882. Т. 1: Док. и регесты к истории литов. евреев (1388–1550). С. 135–137; LM. Кн. 224. P. 68–69.
- ²³ РИБ. Т. 30. С. 282.
- ²⁴ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI вв. Т. 1. С. 477; Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1916. Кн. 21. С. 285.
- ²⁵ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм... С. 371–372.
- ²⁶ РИБ. Т. 30. С. 271; *Лойка П. О.* Феодальная рента в частновладельческих поместьях Белоруссии во второй половине XVI — XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1984. С. 13–14.
- ²⁷ Документы Московского архива Министерства юстиции. М., 1897. Т. 1. С. 153.
- ²⁸ АВК. Т. 24. С. 276.
- ²⁹ *Мелешко В. И.* Торговые связи Могилева... С. 198.
- ³⁰ РИБ. Т. 30. С. 234–235.
- ³¹ *Пичета В. И.* Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: (Исслед. по истории соц.-экон., полит. и культур. развития). М, 1961. С. 636.
- ³² РИБ. Т. 30. С. 286.
- ³³ *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: (Соц.-экон. исслед. истории городов). Минск, 1975. С. 30.
- ³⁴ *Пичета В. И.* Аграрная реформа... С. 79–80.
- ³⁵ РИБ. Т. 30. С. 344–345, 371–372, 474.

А. Ю. Савосичев

ПРИКАЗНАЯ БЮРОКРАТИЯ И КУПЕЧЕСТВО В РОССИИ XVI в.

Приказная бюрократия XVI столетия, являясь достаточно обособленным слоем профессиональных управленцев, была весьма неоднородна в социальном отношении. Ядро корпуса дьяков и подьячих составляли выходцы из рядов служилого сословия. Почти все они были представителями фамилий провинциальных детей боярских средней руки. Родственники дьяков и подьячих (да и сами они зачастую) служили с городом или в рядовом составе Государева двора (почти исключительно по выбору). В то же время на приказной работе было достаточно выходцев и из других сословий. Для способных людей из, так сказать, демократических слоев населения служба в дьяках и подьячих представляла одну из возможностей для повышения социального статуса.

Специфика наших источников такова, что выявить в среде дьяков и подьячих выходцев из дворянства гораздо проще, чем представителей других социальных групп. Большинство последних при анализе попадает в категорию лиц, чье сословное происхождение не поддается определению. Только в относительно небольшом количестве случаев удается указать конкретные социальные связи. Так, из 62 дьяков Ивана III только троих можно уверенно назвать выходцами из непривилегированных сословий. Среди 92 дьяков Василия III таковых шестеро. Подьячих «из простого всенародст-

ва» было больше: 8 из 50 и 10 из 80 соответственно. Все это выдвиженцы из рядов духовенства, слуг-министериалов, слуг под дворскими, мелких неслужилых вотчинников.

Выходцев из купечества можно выявить в среде дьяков (и только дьяков) начиная с XVI в. Их относительно немного — только четверо. Один из дьяков великого князя Василия Ивановича и трое из более чем трехсот дьяков Ивана Грозного. Все они происходили из двух старинных купеческих фамилий: Сырковых и Таракановых.

Родоначальником Сырковых был Иван Сырков, строитель церквей и кредитор ряда влиятельных людей¹. Его стараниями была возведена каменная церковь Жен Мироносиц на Ярославовом дворе в Новгороде². Около 1481 г. в духовной князя Андрея Васильевича Вологодского упоминается долг брата великого князя Ивану Сыркову более чем в 80 руб.³ В числе должников купца был также Иван Михайлович Плещеев⁴.

У Ивана Сыркова было двое сыновей: Афанасий и Дмитрий. Оба они пошли по стопам отца. Список Никольского Новгородской IV летописи упоминает братьев как соработников отца при строительстве вышеупомянутой церкви⁵. В 1515 г. Дмитрий был нарядчиком при строительстве храма Успения Богородицы в Тихвине. В апреле 1524 г. он руководил работами по ремонту церкви св. Параскевы Пятницы на Торговой стороне Новгорода. Летописец именует Дмитрия московским гостем. В 1528/29 г. он же строил храм св. Прокопия в той же части города⁶. Дмитрий Иванович был нарядчиком при строительстве каменной церкви св. Николая на владычном дворе в августе 1532 г.⁷ Осенью 1536 г. московский гость Дмитрий Сырков руководил заменой деревянного «верха» к храму св. Варлаама на каменный⁸. В 1542/43 г. за братьями числилось небольшое поместье (примерно по две обжи на каждого) в Островском погосте Деревской пятины⁹.

О потомстве Афанасия Ивановича Сыркова ничего не известно, а его брат оставил после себя двоих сыновей — Алексея и Федора. Оба они продолжили семейную традицию. Алексей известен как новгородский купеческий староста. 3 марта 1556 г. местные дьяки получили из столицы указную грамоту с предписанием отстранить от должности ямского дьяка Алабыша Колобова Перепечина за держание корчмы. Вина приказного деятеля усугублялась сопротивлением большому старосте Алексею Сыркову, пытавшемуся пресечь нарушение закона¹⁰.

Осенью 1537 г. в Новгороде был построен придел к церкви св. Жен Мироносиц, освященный в честь Сретения Господня. Работами руководил Федор Дмитриевич Сырков, сын гостя московского¹¹. Таким образом, начало карьеры будущего приказного деятеля ничем не отличалось от жизненного пути отца, деда и других родственников. В 1550/51 г. Федор впервые упоминается как дьяк¹². Судя по всему, сам факт пожалования гостя в дьяки относится именно к этому году. Деятельность новгородской приказной избы сравнительно хорошо документирована. Дьяки упоминаются здесь практически ежегодно. Так что можно с достаточной долей уверенности считать, что дата первого упоминания того или иного дьяка в Новгороде совпадает с датой назначения его на должность.

Вся дьяческая служба Федора Дмитриевича Сыркова с 1550/51 по 1559/60 гг. была связана только с Новгородом. В 1550-е гг. здесь служило одновременно до 6 дьяков. 1–2 дьяка именовались дворцовыми и относились к ведомству новгородского дворецкого. Один дьяк был ямским. В его ведении было оформление владельческих документов на холопов. Оставшиеся 2–3 дьяка занимались, судя по всему, теми делами, которые находились в компетенции новгородских воевод. Федор Сырков относился именно к этой последней категории дьяков. В период своей приказной работы он сотрудничал с Казарином Дубровским и Дмитрием Фомичом Гориним. Главной их задачей был разбор потока указных грамот и наказов, шедших в Новгород из столичных ведомств, обеспечение исполнения тех управленческих решений, которые содержались в этих грамотах.

Определенное представление о характере работы новгородских дьяков дают материалы записной книги государевых грамот 1554–1556 гг. В ней содержатся копии с 234 указных, поступивших из Москвы в Новгород за два с небольшим года. Большая часть из них (около 150) опубликована¹³. 52 из полутора сотен грамот адресованы Федору Дмитриевичу Сыркову и Казарину Юрьевичу Дубровскому. Иногда в качестве дополнительных адресатов в указных упоминаются новгородский наместник кн. Дмитрий Федорович Палецкий (18 документов), новгородский дворецкий Семен Васильевич Шереметев (1) и местный дворцовый дьяк Афанасий Михайлович Бабкин (1).

Большая часть анализируемых нами указных грамот посвящена проблемам землеустройства новгородских помещиков¹⁴. Распоряжения центральной власти были ответами на многочисленные челобитные местных детей боярских о пожаловании поместьями, придачах к уже имеющимся именьям, о выделении отдельных дач из общих владений, о юридическом закреплении сделок с поместьями (в основном обменов). Новгородские дьяки должны были на месте организовать все земельные перемены. На них же возлагалась обязанность проверки владельческих прав местных помещиков¹⁵.

Вопросы земельного обеспечения новгородских помещиков были тесно связаны с их службой. Но только четыре из рассматриваемых нами указных грамот затрагивают данные проблемы. Один документ предписывает отправить в отставку двоих детей боярских, записав в службу их сына и внука¹⁶. Еще две грамоты поручали дьякам организовать отправку на службу новгородских помещиков и земцев¹⁷. Оба указа были связаны с начавшейся войной со Швецией. Еще в одном случае Чудин Митрофанов, Федор Сырков и Дмитрий Горин конфисковали поместье у нетчиков братьев Юрия и Тимофея Баташевых Олтуфьевых, не явившихся для участия в походе под Казань зимой 1553/54 г.¹⁸

Судя по данным источников, местные дьяки заведывали движением всего земельного фонда в Новгороде и пятинах. В писцовых книгах есть ряд указаний на то, что Федор Сырков и Казарин Дубровский наделяли земельными дачами церкви и монастыри¹⁹. Ввозные грамоты новгородским землевладельцам выдавались теми же должностными лицами²⁰.

Существенная доля указов, направленных на имя новгородских дьяков, была посвящена разного рода судебным тяжбам²¹. Споры, возникавшие в среде новгородцев и требовавшие вмешательства властей, были разнообразны. Это поземельные и другие имущественные дела, конфликты между кредиторами и должниками, связанные со злоупотреблениями при займах, разбирательства господ с беглыми холопами, обвинения третейских судей в пристрастности при осуществлении правосудия, уголовные дела (нередко бывшие атрибутом поземельных споров) и дела, связанные с должностными преступлениями. На дьяков и новгородского наместника возлагалась задача организации соответствующих судебных разбирательств.

Ведая судом, вышеупомянутые должностные лица ведали и системой наказаний за проступки. Федору Сыркову, Казарину Дубровскому и кн. Дмитрию Палецкому было адресовано несколько грамот, касавшихся содержания тюремных сидельцев: об их освобождении, перемещении, расследовании фактов смерти²². Две указных предписывали исполнить царское повеление о снятии опалы с кн. Ивана Буйносова²³.

Много поручений, адресовавшихся новгородским дьякам из столицы, касались финансовых вопросов²⁴. Это предписания об отправке по назначению разного рода налогов и сборов, об организации сбора налогов и исправлении ее нарушений, об обеспечении денежного содержания местных должностных лиц. Одна из грамот, анализируемых нами, была посвящена организации торговли: новгородским дьякам предписывалось не пропускать в Нарву торговых людей, не имеющих соответствующих документов²⁵.

Правильное ведение финансовых дел невозможно без наличия соответствующего налогового кадастра. Основную роль, безусловно, играли писцовые книги, составлявшиеся писцами, присланными из столицы. Но в то же время существовали переписи налогооблагаемых статей, созданные непосредственно в Новгороде, так сказать местными силами. 20 декабря 1586 г. Духов монастырь получил жалованную грамоту на постройку соляной варницы в Старой Руссе. Варница должна была быть возведена на прежнем варничном месте, зафиксированном «по Федорову письму Сыркову»²⁶.

Судя по интитуляции указных грамот, большую часть царских повелений новгородские дьяки должны были исполнять единолично. Только в тех случаях, когда необходимо было организовать судебное разбирательство, обязательным адресатом указных был и наместник.

В нашем распоряжении относительно немного документов, которые позволяют судить о том, каков был механизм реализации государевых указных грамот новгородскими дьяками. Федор Сырков, Казарин Дубровский и Дмитрий Горин были должностными лицами достаточно высокого ранга. Их функция была преимущественно организаторской. В роли непосредственных исполнителей выступали подьячие, рассыльщики, губные старосты и другие чины местного управления. На основании царского указа новгородские дьяки составляли собственные наказы и доводили их до сведения исполнителей. Так, в 1550/51–1551/52 гг. писцовые работы в Бежецкой пятине велись «по цареве и государеве и великого князя Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по записи» новгородского дворецкого и дьяков²⁷.

Какие-то, скорее всего, наиболее важные дела новгородские дьяки делали непосредственно сами. Это, прежде всего, отправление правосудия. Так, 6 января 1554 г. доводчик ямгородского наместника Григория Никитича Сукина Максим доложил кн. Дмитрию Федоровичу Палецкому и дьякам Федору Сыркову и Казарину Дубровскому судный список суда тиуна Слота Иванова. Слота Иванов разбирал спор Василия Федоровича Кобылина и Якова Борисовича Тиркова о подстрекательстве холопов к побегу и сносу. Окончательный вердикт по делу был вынесен новгородским наместником и дьяками. Интересна подпись на правой дьяка кн. Дмитрия Василия Долматова²⁸. Эта пометка свиде-

тельствует о существовании у наместника своей собственной канцелярии, отдельной от аппарата новгородской приказной избы.

Некоторые аспекты деятельности Федора Дмитриевича Сыркова на посту новгородского дьяка были сходны с тем, чем он занимался, будучи московским гостем. Это, прежде всего, церковное строительство. В указной грамоте от 9 февраля 1556 г. упоминается камень, заготовленный дьяком для строительства церковного помоста²⁹. В 1559/60 г. по царскому указу Федору Сыркову было поручено учреждение общежительного монастыря на месте Пречистинского Тихвинского погоста в Обо-нежской пятине. Под руководством дьяка было расчищено место близ погостской церкви Успения Богородицы: все дворы церковного причта и посадских людей с их лавками были перенесены на другие места, дальше от храма. На обже земли, бывшей ранее за тихвинскими попами, была построена деревянная церковь Преображения³⁰.

О какой-либо деятельности Федора Дмитриевича Сыркова после 1559/60 г. сведений найти не удалось. В 1570 г. братья Федор и Алексей погибли во время опричного разгрома Новгорода³¹.

Таракановы были более многочисленной фамилией. Они вели свой род от московского купца Таракана, известного тем, что он в 1470/71 г. построил каменные хоромы в Кремле близ Фроловских ворот³². У Таракана был сын Федор и трое внуков: Никита, Никифор и Илья³³. Из Таракановых произошли трое дьяков великого князя Василия Ивановича, царей Ивана IV, Федора Ивановича, Бориса Годунова и Василия Шуйского.

Владимир Никитич Тараканов был сыном Никиты Федоровича, о котором выше уже говорилось. Вся его известная служба была связана с посольскими делами. В марте 1518 г. в Москву прибыл посол Тевтонского ордена Дитрих Шонберг. Основным предметом переговоров была денежная помощь со стороны России для ведения войны Ордена с Польшей³⁴. 16 апреля дьяки Владимир Никитич Тараканов, Алексей Лукин и Некрас Харламов обсуждали с дипломатом вопрос о размере денежных средств для найма солдат³⁵. В августе 1522 — июне 1524 г. дьяк участвовал в мероприятиях, связанных с двумя приездами в Россию турецкого посла Скиндера. Роль Владимира Никитича Тараканова была здесь скорее церемониальной, чем дипломатической. Во время дипломатических аудиенций в великокняжеском дворце дьяк был одним из придворных, участвовавших в торжественной встрече посла (стоял вместе с другими на одной из дворцовых лестниц). Во время обоих приездов дипломата в столицу Владимир Тараканов официально передавал Скиндеру подарки великого князя Василия III³⁶. Из сведений посольских книг мы явственно видим, что почти все участие Владимира Никитича в дипломатических делах имело финансовый подтекст: денежная помощь союзникам, подарки послам.

Петр Васильевич Тараканов был внуком Никиты Федоровича, а Владимиру Никитичу приходился племянником. О его службе в дьяках известно только по записи в Дворовой тетради³⁷.

Василий Матвеевич Тараканов Владимиру Никитичу приходился внуком, а Петру Васильевичу двоюродным племянником. Впервые как дьяк Василий упоминается в боярском списке 1588–1589 г.³⁸ Впоследствии он был записан как дьяк в боярском списке 1598/99 г. и в росписи русского войска 1604 г.³⁹ В 1598 г. Василий Тараканов поставил свою подпись под соборным приговором об избрании на царство Бориса Годунова⁴⁰. Конкретных служебных назначений нашего героя известно немного. Зимой 1589/90 г. он принял участие в походе русской армии под Нарву, будучи одним из дьяков в царской свите⁴¹. В 1597/98 г. Василий Матвеевич Тараканов и Дружина Петелин служили на Казенном дворе⁴². В мае 1607 г. приказной деятель был в походе царя Василия под Тулу. В разряде он записан как дьяк с казной⁴³. Таким образом, в дьяческой службе Василия Матвеевича Тараканова мы видим ту же финансовую специфику, что и в деятельности его деда Владимира Никитича.

Какие выводы можно сделать из проанализированного материала? Во-первых, следует отметить относительную замкнутость торгового сословия. По крайней мере, его верхушка — гости — прочно держались своего социального слоя и неохотно переходили к каким-либо иным занятиям. Дьяки в XVI столетии практически на треть рекрутировались из податных, неслужилых сословий. В то же время мы видим за все столетие в рядах дьячества только четверых бывших гостей. Во-вторых, перейдя на приказную работу, торговые люди продолжали заниматься привычной для них деятельностью, связанной с торговлей и финансами.

Примечания

¹ Варенцов В. А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв.: Учеб. пособие по спецкурсу. Вологда, 1989. С. 84.

² Голицева Н. Б. Образование сословной корпорации гостей и ее состав в XVI веке // АРИ. М., 1995. Вып. 6. С. 14.

³ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 381. № 74.

- ⁴ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1952. Т. 1. № 499.
- ⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 612.
- ⁶ Там же. С. 540, 541, 547.
- ⁷ Там же. С. 550.
- ⁸ Там же. С. 573.
- ⁹ ПКНЗ. М., 2004. Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. С. 440.
- ¹⁰ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 103; *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 89.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. С. 578.
- ¹² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века: Опыт ист. исслед.. М.; СПб., 2007. С. 6.
- ¹³ Там же. С. 246–247.
- ¹⁴ ДАИ. Т. 1. № 52/I–XIII, XVIII, XIX, XXXVIII, XXXIX.
- ¹⁵ Там же. № 57, 59.
- ¹⁶ Там же. № 47/I.
- ¹⁷ Там же. № 50, 65.
- ¹⁸ Там же. № 52/XXV.
- ¹⁹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 154; ПКНЗ. Т. 2: Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 110.
- ²⁰ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2008. Т. 4. № 214, 299, 400.
- ²¹ ДАИ. Т. 1. № 51/I–XII, XIV, XV, XVII.
- ²² Там же. № 51/XIII, 63.
- ²³ Там же. № 61/I, II.
- ²⁴ Там же. № 49, 51/XIII, 53–56, 58, 60, 64, 74, 94, 104.
- ²⁵ Там же. № 61.
- ²⁶ *Анкудинов И. Ю., Баранов К. В.* Акты Новгородского Духова монастыря 1574–1595 гг. № 5 // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 348.
- ²⁷ *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. С. 6–7; *Корецкий В. И.* О земельных владениях Адашевых в XVI в. // Исторический архив. 1962. № 6. С. 124.
- ²⁸ РИБ. СПб., 1898. Т. 17. Стб. 191–192.
- ²⁹ ДАИ. Т. 1. № 96/I.
- ³⁰ ПКНЗ. Т. 2. С. 109.
- ³¹ Свод данных источников об этих событиях см.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 371.
- ³² *Голикова Н. Б.* Образование сословной корпорации гостей... С. 16.
- ³³ *Варенцов В. А.* Привилегированное купечество Новгорода... С. 84–85.
- ³⁴ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени: (Очерки полит. истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 187–188.
- ³⁵ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 53. С. 56.
- ³⁶ Документы Архива Министерства иностранных дел в Москве. Из книги «Турецкие дела № 1» // *Дунаев Б. И.* Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке: Ист. исслед. с прил. текстов дипломат. сношений России с Турцией в начале XVI ст. по док. Моск. архива М-ва иностр. дел. М., 1916. С. 36, 39–41, 72.
- ³⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950. С. 115.
- ³⁸ *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 205.
- ³⁹ Там же. С. 251, 400.
- ⁴⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613. № 7.
- ⁴¹ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 413.
- ⁴² ДАИ. Т. 1. № 157.
- ⁴³ *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 87.

М. В. Мусеев

РУССКО-НОГАЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ В XVI СТОЛЕТИИ

Русско-ногайские торговые отношения имеют достаточно развитую историографию. Уже начиная с Н. М. Карамзина, история взаимоотношений России и Ногайской Орды рассматривается через призму экономических сюжетов. По мнению многих историков XIX — начала XX в., русско-ногайские связи определялись их экономической составляющей¹. Вместе с тем, сама торговля рассматривалась недостаточно внимательно. Постепенно эти недостатки начали преодолевать. С. В. Бахрушин отмечал начало русско-ногайской торговли при великом князе Василии III². Более детально эти вопросы рассмотрела М. В. Фехнер. Исследовательница определила содержание ввоза и вывоза Ногайской Орды, установила пути сообщения между Россией и ногаями и пришла к выводу о значительной роли торговли в отношениях России и восточных стран, в частности Ногайской Орды³.

На долгое время наблюдения М. В. Фехнер стали определяющими, но развитие исторической науки потребовало большей детализации русско-ногайской торговли. В результате в 1991 г. появилась работа Д. С. Кидирниязова, посвященная экономическим сюжетам русско-ногайских отношений. Впрочем, данное исследование имеет слишком общий характер и изобилует фактическими ошибками⁴.

В. Д. Назаров, обратившись к русско-ногайской торговле, создал весьма обстоятельный труд, в котором были отражены эти связи в первой половине XVI в. Историк отметил устойчивый характер русско-ногайской торговли, постоянный характер взимания пошлин с ногайских купцов. Общим выводом исследования стало наблюдение о постепенно растущей зависимости Ногайской Орды от русского экспорта⁵.

Не прошел мимо торговых сюжетов и исследователь истории Ногайской Орды В. В. Трепавлов. Он отметил факты освобождения ногаев от пошлин и связал это с политическими соображениями. В целом, оценивая ногайско-русскую торговлю, историк пришел к выводу о том, что она послужила одним из факторов относительно мирного сосуществования России и Ногайской Орды⁶.

Таким образом, русско-ногайские торговые отношения нашли достаточно полное освещение в отечественной историографии. Вместе с тем, часть вопросов оказалась не рассмотрена или рассмотрена частично. Именно поэтому мы взяли на себя смелость вновь обратиться к этой проблематике.

Начало торговли ногаев с Русским государством стоит относить к началу дипломатических отношений между государствами. Уже первое ногайское посольство 1489 г. сопровождали купцы⁷. Однако в конце XV в. торговля между странами не имела устойчивого характера. Поэтому в источниках не отражалось ни ее содержание, ни количественные характеристики.

При Василии III торговые сюжеты прозвучали вполне отчетливо. Русское государство сформулировало принцип свободной торговли: «гости бы ваши в наши земли ходили добровольно безо всякие зацепки»⁸. И Россия, и Ногайская Орда стремились к регулярности торговых контактов⁹. Таким образом, в начале XVI в. обе стороны определенно заявили об интересе в развитии взаимной торговли, который сохранялся вплоть до второй половины XVII в.

Первоначально русско-ногайская торговля была не строго регламентирована, но, начиная с 1530-х гг., степень регламентации возрастает. Это явление связано, скорее всего, с учащением случаев ограблений ногайских купцов, с одной стороны, а с другой — с участием в нападениях на деревни по украинам самих ногайских купцов¹⁰. Как средство минимизирования подобных криминальных случаев правительство Елены Глинской предлагало уменьшить количество приезжавших купцов¹¹. Другим средством обеспечения безопасности стала организация охраняемого торгового пути.

Для этих целей назначались «базарские» воеводы¹². В 1530-х гг. назначение происходило во время прибытия послов и купцов в Москву, позднее эта служба слилась со службой «детей боярских встречальников», т. е. «базарские воеводы» контролировали ногаев в течение всего времени их нахождения в России. Впрочем, это совмещение длилось недолго: уже с мая 1555 г. вернулись к прежней практике. О функциях «базарских воевод» позволяет судить наказ А. В. Плещееву (август 1577 г.). Воевода должен был пресекать любые контакты местного населения с ногаями. На него же возлагался контроль за криминогенной обстановкой на базаре и сыск в случаях преступлений. Он же учитывал проданный товар, в случаях покупки без записи штрафовал покупателей (сумма штрафа составляла 2 руб. с человека), а лошадей, купленных таким способом, забирал «на государя». Именно он следил за тем, чтобы «заповедный товар» продавался в рамках, строго установленных специальным указом. Нарушителей торгового порядка воевода должен был задерживать и препровождать в Посольский приказ, а товар конфисковывать¹³.

Длительное время основным местом русско-ногайского торгового обмена оставалась Москва¹⁴, но после присоединения Казанского и Астраханского ханств торговля начала проводиться в Казани и Астрахани¹⁵, причем, традиционных для ногайского купечества.

Место ногайского торгового обмена в Москве определить достаточно сложно. Скорее всего, базар размещался там же, где устанавливали самих купцов. Как правило, ногайских купцов ставили либо под Паншиным, либо «на лугу» около Симонова монастыря, временами торговали в Наливках, иногда — в Красном селе¹⁶.

На торге присутствовали специалисты по устному переводу — толмачи. В их обязанности входил сбор и учет пошлин на государя и Троице-Сергиев монастырь¹⁷. Пошлины, взимавшиеся с ногайских купцов, были разнообразными. Их структура представляется в следующем виде. В Москве взималась тамга на царя, в Рязани и Коломне — на коломенского наместника. Если ногаи ехали через Владимир, то сборы взимались на владимирского наместника. При следовании через Касимов тамгу взимали на царя и царевича, а также «на большого князя на Ширинского»¹⁸. Кроме этого, правом сбора пошлин за клеймение ногайских лошадей обладал Троице-Сергиев монастырь¹⁹.

При таком количестве различных пошлин естественно выглядит стремление ногаев избавиться от них. Однако правительство подходило к этому вопросу весьма осмотрительно. Впервые вопрос о возможном снижении пошлин рассматривался великокняжескими представителями в 1534 г., но эта практика не была сколько-нибудь долгой, и вскоре ее прекратили²⁰. Сама эта попытка находилась в

русле мероприятий правительства Елены Глинской, направленных на снижение напряженности в русско-ногайских отношениях. Учитывая, что эта политика имела ограниченный успех, постепенно от нее отказались. Впоследствии к практике снижения пошлин прибегали по политическим соображениям²¹. Так, в 1548 г. Шейх-Мамай-бий добился освобождения собственных купцов от косвенных сборов. Этому же права добился и Исмаил-мирза. В 1554 г. таможенные льготы получил Юнус-мирза б. Юсуф²². Наиболее значительную льготу получил Исмаил-бий в июле 1558 г. Русское правительство по причине голода в Ногайской орде освободило ногаев от взимания «тамги и иных пошлин» на три года²³. С купцов Исмаила пошлины не брались и в 1562 г., а те сборы, что уже были взяты, русское правительство обещало даже вернуть²⁴.

Со стороны ногаев торговлю с русскими вели ордобазарцы — представители привилегированной социальной группы. Они были приближены к бию и мирзам и обслуживали их товарами²⁵. Не редко ордобазарцы выполняли дипломатические поручения и становились доверенными лицами ногайских биев²⁶. Для торговли вне орды ордобазарцы получали у бия ярлык, разрешавший ее, при его отсутствии купцы занимались контрабандой²⁷. Ордобазарцы также занимались поиском и выкупом плененных ногаев²⁸.

Необходимо отметить, что купцы могли купить не все товары. Так, из сферы торговли выводились так называемые «заповедные товары»: оружие, доспехи, некоторые металлические изделия и ряд других²⁹. Однако в отношении послов этот режим значительно смягчился³⁰. Подобное правило приводило к махинациям со стороны ногаев. Так, Д. И. Губин в 1535 г. упоминал, что многих людей в дипломатической миссии ногаев в послы назначил представитель Саид-Ахмед-бия Кудояр. Среди таких назначенцев оказались и ордобазарцы³¹. В 1553 г. в Москве вскрыли факт следующего мошенничества. Некий Карач просил Исмаила отпустить его торговать в Россию, но получил отказ. В итоге он прибыл как посол Исмаила. Его махинации вскрылись благодаря прочтению нишана, в котором оказалось имя Мухаммад-мирзы б. Исмаила. После расспроса русского гонца М. Девлечарова выяснилось, что Исмаил не посылал Карача послом и грамот ему не давал. В результате русское правительство отослало грамоту обратно, потребовало от Исмаила разобраться в ситуации и наказать виновного, а также сконцентрировать заверение грамот у Исмаила³².

Торговые караваны ногаев всегда сопровождали ногайских послов. Пути их следования достаточно полно изучены нашими предшественниками. Основные направления были следующими: Самара — Казань — Нижний Новгород — Владимир — Москва или Переволока — вдоль Дона — устье Воронежа — Ряжск — Рязань — Москва. Первая дорога (так называемая «казанская») являлась основной³³.

Однако стоит указать на существовавшие в XVI в. иные варианты этих путей. Так, ногайские посольства, торговые караваны да и военные отряды шли в основном через Мещеру или Рязанщину. Часто первым пунктом их прибытия становились Касимов³⁴ и Темников³⁵. Встречался и более древний³⁶ путь в Москву через Казань на Муром³⁷. Можно сказать, что ногаи тяготели, в основном, к движению через Мещеру, но после 1556 г. возвращались назад часто водным путем через Нижний Новгород и Казань на Астрахань³⁸.

Основной статьей экспорта из Ногайской Орды являлись кони. Особое значение поставки ногайских лошадей приобрели после 1515 г., когда Мухаммед-Гирей-хан переориентировал крымских конепродавцев на турецкий рынок³⁹. Литовский автор М. Литвин придавал русско-ногайской торговле военно-стратегическое значение⁴⁰. По мнению ряда исследователей, именно на базе ногайских лошадей происходило становление русской кавалерии⁴¹. Это суждение подтверждается и сообщениями источников, согласно которым покупка ногайских коней разрешалась исключительно служилым людям⁴².

Стоили ногайские лошади сравнительно дешево. По подсчетам В. Д. Назарова, их минимальная стоимость составляла 1,5–2 руб.⁴³ По данным Н. И. Костомарова, за украденного коня при Иване Грозном взимали 5 руб., за кобылу — 3 руб. (за русскую — 6 руб.), а за жеребенка — 2 руб. Правда, отдельные отборные аргамаки и кобылы могли стоить 20 руб.⁴⁴ На ценовую политику ногайских купцов влияли природные условия во время их доставки в Россию. Так, в 1539 г. лошади были дешевы вследствие раннего выпадения снега, что привело к высокой их смертности из-за «безъкормия»⁴⁵.

Русское правительство имело право отобрать для царских конюшен лошадей до начала торга. Так, в 1551 г. царь приказал ясельничим сначала отобрать на себя коней, а после этой операции разрешил начать торговлю. На «государево имя» отбирались иноходцы и «лутчие кони»⁴⁶.

Поставки лошадей из Ногайской Орды были весьма значительны. Например, за период до 1563 г. ногаи пригнали в Россию 319465 лошадей. Однако динамика лошадиной торговли носила регрессивный характер, что было связано с хозяйственной разрухой орды, вызванной долгой ногайской

смуты середины XVI в. Послания правителя орды Исмаила рисуют картину крайнего обнищания кочевников⁴⁷. На сокращение поголовья коней в Ногайской Орде влияли также нападения на ногайские кочевья и угоны лошадей⁴⁸. Угон лошадей Исмаил расценивал как удар по своей обороноспособности⁴⁹.

Самые крупные поставки пришлись на 1555 г., когда ногаи привели на рынки Москвы и Казани 40000 коней⁵⁰. Затем количество коней, пригоняемых на продажу, снижается⁵¹. Наиболее значительные поставки после 1555 г. составили 7000 лошадей в ноябре 1556 г.⁵², 2000 — в июле 1557 г.⁵³, 5000 — в июне 1561 г.⁵⁴. Остальные поставки не достигали даже 1000 голов.

Кроме коней ногаи поставляли на русские рынки овец. Однако информация об этом скудна и ограничивается сообщением о пригоне на продажу 24300 овец в 1555 г., причем большая часть (20300) была продана в Казани⁵⁵. Продавали они и продукты скотоводства и ремесла. Среди них упоминаются войлок, «кожи телятинные», топленное сливочное масло, звериные шкуры. Особой известностью пользовались ногайские тулупы⁵⁶.

Еще одной статьёй русско-ногайской торговли во время Ливонской войны стала продажа пленных, однако точных данных о количестве и составе ливонских пленных посольские книги не содержат. Хотя другие источники позволяют считать, что торговля ливонцами имела весьма бойкий характер⁵⁷. В 1561 г. упоминается просьба Исмаил-бия разрешить его представителю Бекчуре купить своим женам по «девке немецкой», а для себя бий хотел приобрести двух полонянок⁵⁸. В 1577 г. Дин-Ахмад-бий просил разрешение на покупку 30 полоняников⁵⁹.

В целом работорговля с ногаями находилась под контролем русского правительства. Главной задачей подобного контроля было пресечение продажи под видом «немцев» русских людей. В виду того что в войне принимали участие касимовские татары в это время для ногаев открылось дополнительное место торга полоном — Касимов. Впрочем, торг здесь был весьма ограничен. В Касимове разрешалось торговать только послам в числе не более 6 чел. в сопровождении толмача и сына боярского⁶⁰. В целом, изучение судеб «ливонского полона» в орде требует специального изучения.

Подытоживая наши наблюдения можно сказать следующее. Русско-ногайская торговля имела весьма существенный характер для обоих государств. Об этом свидетельствует заинтересованность русского правительства в стимулировании ногайских мирз отсылать торговые караваны в Москву, а также усилия по восстановлению торговли в завоеванных областях⁶¹. Однако тенденция ее развития оказалась регрессивной, что объясняется междоусобицей и «хозяйственной катастрофой» в Ногайской Орде в середине XVI столетия.

Таким образом, торговля в русско-ногайских отношениях занимала важное место, но преувеличивать ее роль нельзя. Для Русского государства, несмотря на его высокую заинтересованность в ногайском конском экспорте, она была дополнительным инструментом политического воздействия на ногаев ради сохранения их союзных отношений или нейтралитета.

Примечания

¹ См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. 2, т. 4. Стб. 118–119; *Соловьев С. М.* Соч. М., 1989. Кн. 3, т. 6. С. 466; *Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 379, 389.

² *Бахрушин С. В.* Москва в период укрепления Русского централизованного государства XVI века // История Москвы. М., 1952. Т. 1: Период феодализма, XII–XVII вв. С. 171.

³ *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд., доп. М., 1956. С. 6, 7, 18–19, 48, 53, 54, 55, 56, 57, 61, 64, 65, 97, 98.

⁴ *Кидирнязов Д. С.* Из истории торговых отношений ногайцев с Россией (XVI–XVIII вв.) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане: Темат. сб. Махачкала, 1991. С. 58.

⁵ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля (первая половина XVI века) // Восток. 1998. № 1. С. 48–64.

⁶ *Трепавлов В. В.* 1) Кочевники на русских рынках: Ногайская торговля в XVI–XVII вв. // ОИ. 2000. № 3. С. 165–177; 2) История Ногайской Орды. М., 2001. С. 522–539.

⁷ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 81.

⁸ ПКСРНО. С. 65.

⁹ Там же. С. 80; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 49.

¹⁰ ПКСРНО. С. 102, 113.

¹¹ Там же. С. 102.

¹² Там же. С. 113; РГАДА. Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 4. Л. 49, 101 об., 110, 122, 139 об.–140, 166 об., 172 об., 182 об.–183, 256 об., 374 и др. Первоначально служба не была разрядной. С 1561 г. она приобретает этот статус и даже используется в местнических спорах, но в «Государевом разряде» не фиксируется. См.: *Анхимюк Ю. В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. М., 2005. С. 121.

¹³ Там же. Кн. 8. Л. 27 об.–29 об.

¹⁴ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 51.

- ¹⁵ См.: РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 350 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 5 об., 49, 59 об., 65 об, 72 об. и др.
- ¹⁷ Там же. Кн. 8. Л. 30 об.
- ¹⁸ Там же. Кн. 6. Л. 185 об.–186.
- ¹⁹ См.: *Капитанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века. Ч. 2. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 140. № 676, 677.
- ²⁰ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ²¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 532–533. Ср.: *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ²² ПКСРНО. С. 252, 290; РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231, 231 об.
- ²³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 178. Данная жалованная грамота дошла до нас еще в копии XIX в., но она неверно датирована (см.: Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 1).
- ²⁴ Там же. Оп. 1. Кн. 6. Л. 116 об.–117.
- ²⁵ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 524.
- ²⁶ ПКСРНО. С. 183, 184; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 362–362 об.; Там же. Кн. 5. Л. 44 об., 91 об.–92.
- ²⁷ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 523.
- ²⁸ ПКСРНО. С. 162.
- ²⁹ Там же. С. 114; *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 126; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 534. Прим. 15.
- ³⁰ ПКСРНО. С. 114; *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 53.
- ³¹ ПКСРНО. С. 162.
- ³² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 165 об., 176 об.–177 об.
- ³³ *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства... С. 18, 19, 45; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 526.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 5. Л. 27 об., 117 об., 180 об.
- ³⁵ Там же. Кн. 4. Л. 373; Кн. 5. Л. 31, 80, 164 об., 214.
- ³⁶ Сб. РИО. Т. 41. С. 81.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 89 об.
- ³⁸ Там же. Кн. 5. Л. 116.
- ³⁹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 527.
- ⁴⁰ О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин. М., 1994. С. 75.
- ⁴¹ *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 528.
- ⁴² РГАДА. Ф.127. Оп. 1. Кн. 8. Л. 30.
- ⁴³ *Назаров В. Д.* Российско-ногайская торговля... С. 61.
- ⁴⁴ *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях // *Костомаров Н. И.* Земские соборы: Ист. моногр. и исслед. М., 1995. С. 247.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 130.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 5–5 об.; Кн. 8. Л. 31.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 5. Л. 32 об., 43 об., 46 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 7 об., 37 об; Кн. 6. Л. 4 об.–5, 8, 9, 10 об., 11, 14 об., 43 об.–44.
- ⁴⁹ Там же. Кн. 6. Л. 56 об.
- ⁵⁰ Там же. Л. 300, 350 об.
- ⁵¹ Там же. Кн. 4. Л. 359, 373; Кн. 5. Л. 27 об., 41 об., 45 об., 80 об., 117 об., 123, 181; Кн. 6. Л. 48, 197 об.
- ⁵² Там же. Кн. 4. Л. 373.
- ⁵³ Там же. Кн. 5. Л. 27 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 214 об.
- ⁵⁵ Там же. Кн. 4. Л. 300, 350 об.
- ⁵⁶ См.: *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 529–530.
- ⁵⁷ *Штаден Г.* Записки немца-опричника / Сост. и комм. С. Ю. Шокарева. М., 2002. С. 57, 97, 103, 114; *Ульфельдт Я.* Путешествие в Россию. М., 2002. С. 245, 333, 334, 335, 339, 352.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 6. Л. 7 об.–8.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 8. Л. 44.
- ⁶⁰ См.: *Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.).* М., 2003. С. 19–20; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1583 г. Д. 1. Л. 6.
- ⁶¹ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 4. Л. 159, 161 об.–162, 163, 165–165 об.

Я. В. Велуенкам

ГОЛЛАНДСКАЯ СИСТЕМА ТОРГОВЛИ И РУССКИЙ РЫНОК В 1560–1760 гг.*

Голландская торговля с Россией, зародившаяся в XVI в., достигла расцвета в XVII в. и постепенно пришла в упадок в течение XVIII в. То же самое можно сказать и о голландской внешней торговле в целом. В течение 300 лет между 1500 и 1800 гг. голландская коммерческая система времен «Золотого века» пережила подъем, расцвет и упадок. Голландия достигла первенства в мировой торговле в XVI в.¹ и доминировала в ней в XVII в., поскольку являлась «экономическим лидером Европы»². Голландская коммерческая система может быть определена по-разному, ее функции были многочисленными. Еще в XVIII в. Нидерланды располагали хорошо развитой индустрией, работающей

на международный рынок. Кроме того, Голландская республика являлась на протяжении более чем столетия основным средоточием международной посреднической торговли и транспорта. Она была ведущим объединяющим международным рынком, где товары меняли своих владельцев и где, кроме того, голландские купцы организовали прямую торговлю и перевозки между третьими странами³. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать и объяснить развитие русско-голландской торговли и коммерческой системы Голландской республики.

Торговля Нидерландов с Россией достигла значительных размеров около 1560 г., после того как царь Иван IV добился прямого выхода к морю, завоевав ливонский порт Нарва в 1558 г. Купцы из Нидерландов торговали с Нарвой в 1570-х гг. Со временем шведы блокировали порт и окончательно захватили его в 1581 г. Россия снова осталась без порта на Балтийском море. Однако голландские купцы стали использовать иной путь в Россию, идущий по северным широтам, через Белое море к устью Северной Двины. Этот маршрут был открыт англичанами в 1550-х гг. В 1583 г. здесь, в устье Двины, Иван Грозный основал портовый город Архангельск, и в 1585 г. его сын и наследник Федор решил, что это будет единственный порт для торговли России с Западной Европой⁴.

До 1580-х гг. торговля Нидерландов была в значительной мере торговлей Антверпена. Основная часть внешней торговли Нидерландов, включая торговлю с Россией, была сконцентрирована в этом большом и древнем городе на реке Шельде, который был основным европейским перевалочным пунктом для товаров, имеющих высокую стоимость. Отсюда португальские специи и сахар распространялись по всей Европе. Отсюда английские сукна отправлялись на Балтику и в Левант. И отсюда испанская соль, французские вина, субтропические фрукты и американское серебро поставлялось на Балтику и в Германию, даже если часть этих товаров и не поступала физически в сам порт Антверпена⁵. Когда торговля Антверпена достигла расцвета, антверпенские купцы начали развивать торговлю с Россией.

Антверпен несомненно являлся доминирующим торговым центром в Нидерландах, но в стране имелось множество центров меньшего размера. Одним из них был Амстердам. Он служил основными воротами для Нидерландов в Северную Германию, Норвегию и на Балтику⁶. Амстердам доминировал по большей части в торговле с Балтикой. Купцы из Амстердама и других городов Северных Нидерландов привозили соль, вино и сельдь и покупали зерно и древесину⁷.

Золотое время для голландцев в торговле с Россией началось в 1590-х гг., когда они, как и везде, добились превосходства над англичанами⁸. Быстрый рост торговых оборотов был составной частью экспансии голландской внешней торговли в целом, имевшей место в конце XVI в.⁹ Первоначально антверпенская торговля не была существенно затронута революцией в Голландии, которая началась в 1568 г. и продолжалась 80 лет. Катастрофа разразилась в 1585 г., когда испанская армия захватила Антверпен, а повстанцы блокировали город и его морскую торговлю полностью остановилась. В 1581 г. восставшие провинции Северных Нидерландов отказались признать испанского короля Филиппа II своим сувереном и с 1588 г. более не пытались найти себе монарха, утвердив таким образом де факто с этого времени республику Соединенных провинций. Поскольку Антверпен находился под властью Испании и был изолирован от моря, Амстердам стремительно превратился в новый центр международной торговли. Это было видно по многим показателям. В 1590-х гг. голландская торговля на Балтике расширилась и включила большее, чем раньше, количество субтропических и колониальных товаров, включая фрукты, оливковое масло, перец, специи и сахар. Это показывает, что она к этому времени была в большей степени интегрирована с рынками Пиринейского полуострова и Средиземноморья. В свою очередь голландцы проникали на рынки Южной Европы с лейденским сукном, хаарлемским льном, русским воском, мехами, кожей, икрой и балтийским зерном. Кроме того, голландские торговцы в те же годы начали торговать с Западной Африкой, где они покупали золото, слоновую кость и камедь, а также с Южной Америкой и Карибским бассейном, где приобретали соль, шкуры, жемчуг, серебро и табак. Наконец, развивалась торговля голландцев с Юго-Восточной Азией. В 1597 г. первый голландский корабль вернулся из этих краев, а в 1602 г. возникла хорошо известная Объединенная Ост-Индская Компания (VOC)¹⁰.

Быстрая торговая экспансия Голландской республики имеет несколько объяснений. Прежде всего, центр голландской коммерческой системы переместился из Антверпена в Амстердам, когда из-за восстания множество ремесленников и предпринимателей мигрировало из Южных Нидерландов на север. Амстердам был очень удачно расположен для международной торговли, существующие возможности северной экономики обеспечивали благодатную почву для торговой экспансии, но иммиграция была здесь решающим фактором. Рвение, с которым иммигранты с юга селились в северных провинциях, объяснялось благоприятным предпринимательским климатом, который тут господствовал. Этот благоприятный климат установился в значительной степени благодаря тому, что

Республика управлялась по существу городскими элитами, в особенности торговцами, которые на любом уровне стремились защитить свои собственные интересы. Иммигранты, кроме того, поддерживали интенсивный обмен рыночной информацией в Амстердаме, что стимулировало инновации. Как следствие, в Амстердаме деловая информация превратилась в деловые знания. Эти знания позволили голландским купцам — местным и иммигрантам — найти дополнительные источники товаров и рынки их сбыта за границей, увеличить обороты и прибыль, объединяя в своих руках все отрасли европейской и мировой торговли¹¹. Покупая по всему миру товары, на которые где-либо был спрос, они всегда и везде могли предложить практически неограниченный ассортимент. Таким образом, они стали посредниками для всех рынков мира и очень быстро достигли беспрецедентной конкурентоспособности в мировом масштабе¹².

В первой половине XVII в. торговля с Голландской республикой (фактически — с Амстердамом) составляла примерно до 75 % всей торговли России с Западной Европой. Секрет конкурентоспособности голландцев заключался в том, что их торговля носила многосторонний характер. Все конкуренты, и, в первую очередь, англичане, торговали на двусторонней основе, и, следовательно, в значительно более скромных размерах. Англичане покупали главным образом товары для своего собственного рынка и продавали товары, произведенные в Англии¹³.

Голландская торговля с Россией увеличила экспорт через Архангельск с 149 тыс. руб. (около 1,1 млн. гульденов) в 1604 г. до приблизительно 430 тыс. руб. (примерно 2,3 млн. гульденов) в 1642 г. Таким образом, Архангельск превратился в один из главных торговых центров Северной Европы. В первой половине XVII в. почти половина российского экспорта состояла из мехов, а другая половина в основном из русских кож и сала. В некоторые годы Россия экспортировала значительное количества зерна, но это случалось только тогда, когда цены в Западной Европе были исключительно высоки, кроме того, на это требовалось особое разрешение российского правительства. Российский импорт на протяжении всего XVII в. состоял главным образом из серебра и золота, жемчуга и драгоценных камней, дорогих тканей, оружия, пороха, цветных металлов, экзотических продуктов, таких, например, как вина, сахар и специи, а также красителей¹⁴.

Внешняя торговля России — это только один из примеров доминирования голландцев в международной торговле и их посреднической роли на международном рынке. Этот пример показывает, что голландцы торговали товарами из разных стран. Серебро, которое они ввозили в Россию, шло из Латинской Америки, ткани были из Азии и Нидерландов, оружие — из Льежа, Германской империи и Нидерландов, вино — из Франции и с Рейна, сахар — из Бразилии, жемчуг, драгоценные камни и специи — из Азии. Русские кожи и меха были предметом роскоши, и на эти статьи русского экспорта существовал огромный спрос в разных странах, включая Италию.

Объем торговли Архангельска к 1650 г. удвоился и оставался на уровне примерно 800 тыс. руб. или 4 млн. гульденов в год на протяжении всей второй половины XVII столетия. Основной вклад в этот стремительный рост внесли именно голландцы. Во второй половине XVII в. они доминировали в российской торговле, как никогда раньше. Торговля с Амстердамом составляла, возможно, до 90 % всей торговли России с Западной Европой. Позиции англичан серьезно пошатнулись в основном потому, что царь Алексей Михайлович был потрясен казнью короля Карла I в 1649 г. — и запретил англичанам впредь торговать во внутренних районах России¹⁵.

Рост архангельского экспорта совпал с решительными изменениями в его составе. Доля мехов снизилась до 10 %. Вместо них основным товаром стала кожа. В 1647 г. ее доля достигла 46 %. Сало в том же году составило всего около 2 % русского экспорта. Кроме того, большое значение приобрели поташ и пенька. Как и в первой половине XVII в., значительные партии зерна экспортировались из России только тогда, когда цены в Амстердаме были высоки и царь давал специальное разрешение. К концу XVII в. важное значение приобретают смола и строевой лес. Состав российского импорта оставался в основном таким же, что и в первой половине столетия. Импортные товары по-прежнему происходили со всего мира и включали драгоценные металлы, ювелирные изделия, дорогие ткани, оружие, цветные металлы, экзотические продукты питания и красители¹⁶.

Увеличение российского экспорта и изменение его состава можно объяснить структурными изменениями в голландской коммерческой системе. Голландская посредническая торговля до такой степени способствовала развитию международной коммерции, что начались прямые торговые сношения между производителями и потребителями. В этих условиях голландская посредническая торговля постепенно стала ненужной. Эта угроза для торговли Голландии была нейтрализована ростом продаж продукции голландской экспортной промышленности¹⁷. Как следствие, в течение XVII в. основу голландской торговли постепенно начинают составлять сбыт изделий отечественной индустрии и приобретение сырья для нее¹⁸. Рост и изменение состава архангельского экспорта в Амстердам бы-

ли результатом увеличения спроса на сырье со стороны голландской промышленности¹⁹. Основная часть сырья, которое голландцы вывозили из России во все более увеличивающихся количествах, обрабатывалась голландской промышленностью. В то же время Россия продолжала получать выгоду от голландской посреднической торговли. Прямая торговля между Россией и третьими странами еще не развилась в это время. Российские купцы не участвовали в морской торговле, а Англия — единственная важная торговая нация помимо Голландии — была не слишком эффективна на российском рынке. Члены Московской компании, которая в Англии владела монополией на русскую торговлю, не были активны сами и, более того, блокировали доступ в Россию другим купцам²⁰.

Во время Северной войны (1700–1721 гг.) архангельская торговля процветала как никогда раньше, пользуясь тем, что война нанесла страшный удар по балтийской торговле. Объем архангельского экспорта сала вырос до 1,8 млн. руб., или до 5,8 млн. гульденов. Особенно вырос экспорт пеньки. И, как всегда, в отдельные годы особое значение приобретал вывоз зерна. Ткани, оружие и металлы доминировали в архангельском импорте с 1705 по 1710 г. Примерно половина всего вооружения российской армии было импортным. Но в то же время Россия развивала собственное оружейное производство, что привело к значительному сокращению импорта оружия после 1711 г.²¹

Рост архангельской торговли после 1700 г. был в основном результатом подъема торговли России с Англией. Англичане начиная с 1675 г. все более остро нуждались в материалах для кораблестроения. В России они нашли источник таких товаров, прежде всего пеньки. С 1690 г. русское правительство вновь позволило им торговать во внутренних районах страны. На торговлю с англичанами пришлось примерно 2/3 колоссального роста русского экспорта пеньки. Соответственно, голландская доля в русской торговле сократилась до 45 % и оставалась на этом уровне до второй половины XVIII в.²²

После завершения Северной войны российская торговля претерпела еще одно коренное изменение. В 1703 г. царь Петр основал Санкт-Петербург и в начале 1720-х гг. его решение о том, что именно этот город должен стать главным портом России вместо Архангельска было исполнено. Архангельск утратил свое центральное положение в российской внешней торговле. Его порт сохранил значение только для своей непосредственной округи. В 1726 г. архангельский экспорт составил всего 285 тыс. руб., т. е. примерно треть от довоенного уровня, а в 1741 г. — около 426 тыс. руб. — примерно половину от довоенного уровня. Санкт-Петербург приобрел то, что потерял Архангельск. К 1726 г. петербургский экспорт превысил показатели Архангельска в 8 раз²³.

Огромный рост российского экспорта в Англию был частично вызван получением англичанами разрешения на возобновление торговых операций во внутренних областях России. Но в основном на это повлияло решение английского парламента об открытии с 1699 г. Московской компании для любого англичанина, внесшего 5 ф. ст. С этого момента английские купцы, традиционно торговавшие на Балтике, устремились на русский рынок. Они были готовы вести операции в Архангельске потому, что Северная война разрушила их балтийскую торговлю. Англичане немедленно начали в огромных количествах приобретать русские товары, в первую очередь пеньку. Особое значение имело то, что Великобритания к этому времени превратилась в ведущую морскую и торговую державу мира. Ее коммерческая мощь была основана на двух столпах. Первым из них было проникновение на европейские рынки, где до того были сильны голландцы. Вторым столпом стал рост экономики Британской Атлантики, огромный «общий рынок» Великобритании, ее колоний в Северной Америке и сахарных островов в Карибском море, защищенный меркантилистской политикой британского правительства. Это новое британское доминирование было заметно и в преобладании англичан на русском рынке²⁴.

Относительно слабые позиции голландцев на русском рынке в XVIII в. по сравнению с ситуацией, имевшей место веком ранее, были составной частью общего упадка голландской коммерции после 1700 г. Этот упадок стал результатом агрессивной меркантилистской политики прежде всего Англии и Франции, а также Пруссии, России, Швеции, Дании, Австрии и Испании. Все эти страны проводили политику протекционизма и поддержки национального производителя. В результате голландская посредническая торговля, голландская промышленность и международная посредническая торговля, связанная с ней, понесли серьезный урон. Этот ущерб был частично возмещен ростом голландской торговли с Германией и увеличением продаж колониальных товаров. Тем не менее теперь уже не Голландская республика, а Британия правила морями²⁵.

Коренные изменения в структуре как голландской, так и британской экономик отразились на товарах, экспортируемых и импортируемых Россией. Меха, поташ, смола и древесина практически исчезли из русского экспорта. Это было следствием упадка голландской промышленности, а также объяснялось тем, что Великобритания имела собственные источники данных товаров в Северной

Америке. Импорт вин и колониальных товаров, например, перца и в особенности сахара и кофе, возрос за счет сокращения ввоза тканей и главным образом оружия, которое практически перестало ввозиться в Россию после 1710 г.²⁶

Какие выводы можно сделать на основе этого краткого обзора развития голландской коммерческой системы и русского рынка в XVII и XVIII вв.? Прежде всего, ясно, что российская торговля — один из примеров того, как голландская коммерческая система связывала между собой европейские и мировые рынки на протяжении всего XVII в. Во-вторых, в течение XVII столетия Россия стала важным поставщиком сырья для голландской промышленности, работавшей на экспорт. В-третьих, из истории голландско-русской торговли отчетливо видно, как в первой половине XVIII в. пошатнулось доминирующее положение голландцев — международных торговых посредников и знаменитых производителей экспортных товаров, и как они, чтобы поправить положение, увеличили вывоз колониальных товаров. В XVIII в. уже не голландцы, а британцы доминировали в международной торговле, в том числе и в торговле с Россией.

Примечания

*Перевод А. В. Крайковского.

¹ См.: *Israel J. I. Dutch primacy in world trade, 1585–1740.* Oxford, 1989.

² См.: *North D. C. Structure and change in economic history.* New York; London, 1981. P. 154.

³ *Lesger C. Handel in Amsterdam ten tijde van de Opstand: Kooplieden, commerciële expansie en verandering in de ruimtelijke economie van de Nederlanden, ca. 1550 — ca. 1630.* Hilversum, 2001; *Veluwenkamp J. W.* 1) Afscheid van de stapelmarkt: Review article of: C. Lesger. Handel in Amsterdam... // *Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden.* 118. 2003. № 1. Blz. 41–48; 2) De buitenlandse textielhandel van de Republiek in de achttiende eeuw // *Textielhistorische Bijdragen.* № 34. 1994. Blz. 70–88.

⁴ *Veluwenkamp J. W. Archangel: Nederlandse ondernemers in Rusland, 1550–1785.* Amsterdam, 2000. Blz. 16–21, 27–32.

⁵ *Veluwenkamp J. W. Afscheid van de stapelmarkt; Klein P. W., Veluwenkamp J. W. The role of the entrepreneur in the economic expansion of the Dutch Republic // The Dutch economy in the Golden Age.* Amsterdam, 1993. P. 27–53.

⁶ *Veluwenkamp J. W. Afscheid van de stapelmarkt.* Blz. 42.

⁷ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 40.

⁸ *Велувенкамн Я. В. Экономические отношения между Западной Европой и Россией (1600–1800) // Инославные церкви в Санкт-Петербурге: Докл. конгресса...* СПб., 2004. С. 32; *Veluwenkamp J. W. Archangel.* P. 37, 43, 67, 107–108.

⁹ *Veluwenkamp J. W. Afscheid van de stapelmarkt; Klein P. W., Veluwenkamp J. W. The role...*

¹⁰ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 38–40.

¹¹ *Veluwenkamp J. W. Afscheid van de stapelmarkt.* Blz. 41, 43–45; *Lesger C. Handel in Amsterdam.* Blz. 9–13, 209–249; *Veluwenkamp J. W. Merchant colonies in the Dutch trade system (1550–1750) // Kapitaal, ondernemerschap en beleid: Studies over economie en politiek in Nederland, Europa en Azië van 1500 tot heden.* Amsterdam, 1996. Blz. 144; *Klein P. W., Veluwenkamp J. W. The role...* P. 32–35.

¹² *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 38.

¹³ *Велувенкамн Я. В. Экономические отношения...* С. 32; *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 37, 43, 67, 107–108.

¹⁴ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 68–69.

¹⁵ *Велувенкамн Я. В. Экономические отношения...* С. 32; *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 107–108; *Демкин А. В. Западно-европейское купечество в России в XVII в. М., 1994. Вып. 1. С. 71–72; Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов в России в конце XVII — первой четверти XVIII в. // ИЗ. 1985. Т. 112. С. 184; Bushkovitch P. The merchants of Moscow, 1580–1650. Cambridge, 1980. P. 46–47; Kellenbenz H. The economic significance of the Archangel route (from the late 16-th to the late 18-th century // *The Journal of European Economic History.* 1973. № 2/3. P. 567–568, 572.*

¹⁶ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 110–111.

¹⁷ *Veluwenkamp J. W. De buitenlandse textielhandel...* Blz. 85–86; *Vries J. de, Woude A. van der. Nederland 1500–1815: De eerste ronde van moderne economische groei.* Amsterdam, 1995. Blz. 395–396, 578.

¹⁸ *Israel J. I. Dutch primacy...* P. 115–117, 410; *Jansen P. C. Nijverheid in de Noordelijke Nederlanden 1650–1780 // Algemene Geschiedenis der Nederlanden.* 1979. № 8. Blz. 102–123.

¹⁹ *Veluwenkamp J. W. Merchant colonies...* Blz. 144–145.

²⁰ *Zakharov V. Russian trade policy in the 18-th century // Entrepreneurs and institutions in Europe and Asia 1500–2000.* Amsterdam, 2002. P. 55; *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 155, 200.

²¹ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 154, 156–158.

²² *Op. cit.* Blz. 154–156, 180; *Захаров В. Н. Торговля западноевропейских купцов...* С. 195–197, 200.

²³ *Veluwenkamp J. W. Archangel.* Blz. 157–158, 179–181.

²⁴ *Велувенкамн Я. В. Экономические отношения...* С. 33–34.

²⁵ Там же. С. 34.

²⁶ Там же.

КОШКИ, МЫШИ И ЛЮДИ ИЛИ ПРОБЛЕМА СНАБЖЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА В МОСКВЕ В 1610–1612 гг.:

Картина из торговых отношений в Московском государстве в эпоху Смуты

Дислоцирование в Москве в 1610–1612 гг. польско–литовского гарнизона в одинаковой степени как с военной, так и с политической точки зрения было предприятием огромного масштаба. Успех этой операции зависел прежде всего от решения проблем логистического характера, сводившихся в конечном счете к организации бесперебойного снабжения и поддержки отрядов, размещенных в городе.

С октября 1610 по март 1611 г. осуществлением этих функций занимались прежде всего гарнизонные полки, что на фоне «мирной» еще ситуации не было затруднительным. Торговые (и приятельские) контакты между поляками и литвинами, с одной стороны, и жителями Москвы, с другой, начались уже накануне вступления войск гетмана Жолкевского в город. В лагерь на Хорошевских лугах и Ходынском поле в большом числе стали прибывать те, кто почувствовал неплохую возможность нажиться: купцы, торговцы помельче, ремесленники, женщины легкого поведения. В свою очередь в Москву съезжались солдаты и челядь, которые, помимо необходимого ремонта своего снаряжения и оружия, а также совершения покупок, активно пользовались городскими соблазнами в обильных постоянных дворах и других местах развлечений. Конрад Буссов, возвращавшийся тогда вблизи поляков и литвинов, так вспоминал эти контакты: «Затем наступил добрый мир между поляками и московитами, последние ходили в лагерь к полякам, а поляки в город, они вели друг с другом всякие дела, и было между ними большое согласие и единение»¹. Ротмистр же Миколай Мархоцкий прямо утверждает: «Вроде бы и недавно та дружба наша с москвой, а мы уже так спокойны, что большая часть наших из лагеря постоянно в Москве бывает, и едут столь беспечно, что, пожалуй, и в Краков бы так не ехали. И ночует их там иногда множество, и не в одном месте, а порознь, где кому понравится»². Самуэль Маскевич признавал, что в Москве «мастер любого ремесла — превосходный, хорош — очень, и такой разумный, что хоть чего в жизни не то что не делал, а и не видел ни разу, но один лишь раз увидев, сделает так славно, будто бы на этом вырос, и особенно вещи турецкие, как то чолдуры [тур. — чепраки], збруи, седла, сабли, вещи, золотом украшенные, словно бы из Турции самой»³.

С момента размещения польско–литовских войск в Москве животрепещущей проблемой стал вопрос обеспечения их продовольствием. В город вступило от 5675 до 6583 солдат гусарских и панцерных хоругвей, а также 800 пехотинцев иноземного строя и 400 гайдуков. Это были четыре полка (Александра Гонсевского, Марчина Казановского, Людвика Вейера и Александра Зборовского), которые целиком будут дислоцироваться в Москве и Новодевичьем монастыре до мая 1612 г. Вместе с челядью, семьями, которые нередко сопровождали солдат, купцами, а также разного рода «вольными» людьми (например, наемной прислугой и женщинами легкого поведения), которых особенно много прибилось к хоругвям бывших «тушинцев» из полка Александра Зборовского, когда в среднем на каждого солдата приходилось по трое гражданских, в сумме это должно было бы дать более 17 тыс. или почти 20 тыс. чел. Однако это был только социальный «тыл» кавалерийских хоругвей.

Неотложной проблемой стало также содержание внутри города значительного количества лошадей: одних только предназначенных для боя верховых могло быть почти 11,5 тыс. или даже более 13 тыс. (учитывая, что каждому солдату должно было бы полагаться по две лошади). Сюда следует добавить также и обозных лошадей: на 100-конную хоругвь в среднем выходило от 30 до 33 возов, на которых перевозили имущество так называемых «товарищей» (шляхтичей-гусар или бойцов панцерных хоругвей, каждый из которых в свою очередь выставлял еще двух или трех бойцов), их почтовых, а также челяди или родных. На основе численности отдельных полков и входивших в их состав хоругвей — полк Гонсевского (1000–1160 чел.) состоял из 7 хоругвей (следовательно, на одну хоругвь в среднем приходилось 154 солдата), полк Казановского (584–760 чел.) — из 6 хоругвей (здесь хоругвь в среднем состояла из 112 солдат), полк Вейера (412–520 чел.) — из 4 хоругвей (в среднем 116 солдат в каждой) и наконец, самый многочисленный полк Зборовского (от 3679 до 4143 чел.) — из 18 или даже 20 хоругвей (в среднем 205 солдат!) — можно, хотя и в очень приближенной степени, определить численность обозов, составлявших их непосредственный логистический «тыл». На хоругвь в полку Гонсевского в среднем выходит 51 воз, что для семи хоругвей в сумме дает 357. Аналогично обоз полка Казановского мог состоять из 222 возов (на одну

хоругвь приходилось 37), полк Вейера мог располагать 152 возами (38 для одной хоругви), за полком же Зборовского могло тянуться ни много ни мало, а 1368 возов (72 на хоругвь). В итоге мы имеем 2099 возов, и, следовательно, около 4200 лошадей (в каждый воз по правилам особенно при огромных пространствах Московского государства запрягали по две лошади)⁴.

Гетман Жолкевский, сознавая огромные трудности содержания такой массы людей и обоза на территории города, еще в сентябре 1610 г. (вскоре после заключения договора с Семибоярщиной об избрании королевича Владислава московским царем) высказывался против введения подчиненных ему войск в Москву. Пересилило, однако, давление со стороны ротмистров полка Зборовского, которые угрожали отказом от службы, а также нажим Сигизмунда III. Интересно также и то, что когда гетман на рубеже октября — ноября покидал Москву, чтобы под Смоленском обсудить с королем свои уступки московской стороне, он сократил силы польско-литовского гарнизона, выведя из города полки свой и Миколая Струся, которые разместил в Можайске, Борисове и Верее. Немного раньше он отказался от услуг части наемников — иностранцев из отрядов шведского полководца Якуба Понтуса Делагарди, которые во время битвы под Клушиным перешли на его сторону. С помощью щедрых денежных обещаний и обычных взяток он склонил и солдат Яна Петра Сапеги, недавнего гетмана Лжедмитрия II, также выразивших желание вступить в Москву, уйти на зимние квартиры в Северскую землю.

Проблема снабжения польско-литовских отрядов в Москве была решена следующим образом: отдельным полкам были выделены специальные районы (в тогдашней польской военной терминологии такая система именовалась «станции»), из которых им должно было доставляться продовольствие. Маскевич вспоминает, что «с согласия бояр раздали войску приставства, в ста милях и далее от столицы. Моей роте [хоругвь князя Януша Порыцкого — Т. Б.] два города достались: Суздаль и Кострома, милях в 70 от столицы»⁵. Другим полкам, размещенным в городе и Новодевичьем монастыре, пункты снабжения были также выделены в том же самом регионе, то есть к северо-востоку от Москвы. Такая локализация была обоснованной, поскольку тамошние земли (так называемое Московское Залесье) в наименьшей степени пострадали от потрясений первого десятилетия XVII в. Маскевич следующим образом описал ту процедуру обеспечения польско-литовского гарнизона продовольствием, которая использовалась первоначально: «Там мы сей же час разослали товарищей с пахоликами для изымания провизии...»⁶.

Всё, однако, довольно быстро осложнилось, так как при удобном случае не обходилось без злоупотреблений и насилия. Солдаты и челядь стали забирать не только провиант, но «что кому понравилось, и у наибольшего боярина жена ли, дочь ли, брали их силой»⁷. Вполне понятно, что своеволие поляков и литвинов не нравилось и московской стороне. С этого времени тяжесть снабжения польско-литовских отрядов продовольствием взяли на себя москвиты: «<...> и они уже сами от городов выбирали посланцев», — вспоминал Маскевич⁸. Командование гарнизона вместе с боярами переложило на царскую казну бремя выплаты квартального жалованья в размере 30 злотых на одного солдата. Такая система гарантировала хорошее снабжение гарнизона провизией.

Ситуация кардинально изменилась в конце марта 1611 г. 29 марта командир гарнизона референдарий литовский Александр Корвин Гонсевский, желая упредить неизбежное выступление горожан в связи с подходом Первого ополчения Прокопия Ляпунова, Ивана Заруцкого и князя Дмитрия Трубецкого, спровоцировал столкновения в Москве, которые привели к ожесточенным боям, тотальному усмирению населения, а также сожжению Белого и Земляного города. 4 апреля у стен Кремля и Китай-города появился основной противник и приступил к осаде. С этого момента принципиальное значение приобрела помощь извне.

Первоначально ключевая роль в доставке снаряжения и пополнения в Москву принадлежала полку старосты усвяцкого Яна Петра Сапеги. После его смерти в сентябре 1611 г. эту задачу принял на себя великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич, предпринявший 4–5 октября свою первую попытку оказать помощь гарнизону. Тогда, однако, ему не удалось провести в Кремль подкрепления, но он смог организовать из части гарнизона экспедицию за продовольствием. Уже в это время положение польско-литовских отрядов, находящихся в Кремле, было тяжелым: «<...> войско было уже голодом утеснено. Всего более кони нас беспокоили, ибо зерна мешок дороже был, чем мешок перца. Посему принуждены мы были травой за лагерем неприятельским пользоваться, во время чего мы большой урон в челяди несли», — вспоминал Маскевич⁹. В этих условиях и было принято решение послать из города сильный отряд, задачей которого была доставка провианта в Москву. В ту эпоху в вооруженных силах Речи Посполитой еще отсутствовала централизованная квартирмейстерская служба. Иными словами, ни на уровне хоругви, ни тем более полка, не было человека, ответственного за снабжение данного подразделения продовольствием. Эта задача

ложились на плечи каждого отдельного товарища (командира почта), его почтового или вспомогательной службы при почте, так называемых пахолков. Как все было устроено конкретно в случае с апровизиационной экспедицией, организованной Ходкевичем, образно разъясняет Маскевич: «положив за службу крепостную тем, кто в столице бы остался, товарищу каждому — по 20 злотых, а пахолику — по 15 злотых на месяц <...> те, которые в поле должны были бы идти, чтобы с собой для выпаса и коней тех взяли, кто на стенах остается, служба же, к какой бы хоругви и к какому бы почту ни относилась, вся должна была идти»¹⁰. Речь здесь идет только о лошадях, которых с целью выпаса следовало вывести из города, однако не подлежит сомнению, что другой задачей этого отряда, сформированного из представителей разных почтов, должна была быть доставка продовольствия для гарнизона.

На рубеже октября — ноября хоругви, которые должны были собрать и доставить в город провиант, выступили из Москвы. Будзилло вспоминает, что Ходкевич «Москву людьми обсадил как из войска пана Сапежина, так и столичного, под теми же старшими <...>»¹¹. Маскевич же в свою очередь приводит интересные дополнения: «Кто провизию имел, а посему остаться хотел, сами на стенах оставались, другие же челядь оставляли, сами в поход уходя, так что примерно 3000 войска в службе на стенах осталось»¹². Литовский гетман вместе со своими отрядами и частью полков, до того несших службу в Москве, отправился на север, в район бассейна Волги, намереваясь там же и перезимовать. А на ближайшие месяцы он предполагал расположиться в Рогачеве. Полк Будзиллы продвинулся немного дальше на восток, нежели отряды гетмана, в окрестности Ростова. Обе группы взаимно подстраховывали друг друга.

В первой половине декабря в ответ на присылаемые из Москвы призывы поторопиться, бывшие с гетманом гарнизонные хоругви выступили в направлении столицы, до которой добрались 18 декабря. Положение отрядов, остававшихся в городе, было критическим. Иссякание запасов, которые последний раз в середине августа доставил в Кремль Сапега, а также жестокие морозы, привели к скачку цен на дефицитные продовольственные товары. Будзилло вспоминает: «<...> с 8 [a 8 Decembris usque 26 — лат., т. е. с 8 декабря по 26] по 26 декабря настолько страшный голод был и такая дороговизна: корова — 70 рублей, конины четв. — 20 злотых, курица — 5 злотых, кусок сала — 30 злотых, яйцо — 2 злотых, кварта паршивой водки — 12 злотых, пива гарнец — 2 злотых, меда гарнец — 8 злотых, воробей — 10 грошей, сорока или ворона — 15 грошей, жита четверть — 40 злотых. Кто не имел, за что купить, падалю должен был питаться»¹³. Анонимный свидетель в свою очередь указывает, что «в Крепости голод такой великий, что иные уже от голода умирали, ели, что могли добыть. Собак, кошек, крыс, сухие шкуры (кожи) и людей даже»¹⁴. Не исключено, что до проявлений каннибализма, о которых упоминает этот аноним, действительно дойти могло, однако в середине декабря 1611 г. это были пока только единичные случаи.

Оборотистые обогащались на контрабанде. До нашего времени дошел протокол допроса двух казаков сапежинской хоругви Миколая Зезулимского — Микитки Павлова и Якушки Петрова из Чернобыля, которые попали в московский плен в окрестностях Суздаля в конце 1611 г. Согласно их показаниям, каравай хлеба, купленный под Москвой в таборах Первого ополчения за «две деньги» и контрабандно доставленный в Москву, продавался там за «десять алтын». То есть в тридцать раз дороже! Пленники добавили также, что в Москве «многие литовские люди едят кобылятину, потому что русские люди дороги все поотняли и запаса в Москву к Литве не пропускают»¹⁵.

Так или иначе, но в результате тяжелых боев отряду в 500 чел. под командованием князя Самуэля Корецкого все-таки удалось доставить в Кремль точно не определяемое количество возов с продовольствием, что на какое-то время облегчило положение гарнизона¹⁶.

С очередным транспортом провианта в Кремль 27 января 1612 г. прорвался полк мозырьского хорунжего Юзефа Будзиллы. Стоит добавить, что двумя неделями ранее войска, до сих пор находившиеся в Москве вследствие многомесячной задержки жалованья, образовали войсковую конфедерацию и грозили королю отказом от службы. В случае невыполнения их требований до 14 марта конфедераты обещали покинуть столицу, вторгнуться на территорию Великого княжества Литовского и оккупировать королевские имения (что и было ими осуществлено в июне 1612 г.). В этих условиях часть задач по обороне Москвы взял на себя полк Будзиллы, который в июне 1612 г. был усилен полком хмельницкого старосты Миколая Струся (в сумме они насчитывали от 2500 до 3000 солдат). Струсь принял командование московским гарнизоном.

Помимо начавшегося распада Первого ополчения, отрядам под командой Струся благоприятствовала также лучшая, нежели у предшественников, подготовка к службе внутри города. Численность гарнизона, в отличие от случая с отрядами Гонсевского, не была излишне большой. Правда, и условия, в которых начала свою службу вторая смена, были также не те, поскольку

солдаты Струся уже не располагали такими запасами продовольствия, какие оставались в Китай-городе после умирения столицы на рубеже марта — апреля 1611 г. Ситуацию ухудшали неблагоприятные погодные условия, имевшие место весной и летом 1612 г. Будзилло пишет, что была «в недостатке водка, по причине чего великие болезни в силу вошли, то есть цинга». С явным злорадством он при этом добавил, что из-за отсутствия алкоголя прежде всего хворала именно «москва, что с нами в осаде сидела, ибо, если бы водка, а то нужно было 20 злотых за квартиру потому только выложить, что воняла водкой»¹⁷. Шутки шутками, но нехватка высокопроцентных спиртных напитков, вне всякого сомнения, не была главной причиной снижения сопротивляемости организмов польско-литовско-московского воинства в Москве. Нунций Симонетта в письме из Вильны кардиналу Боргезе, датированном 28 июля 1612 г., сообщал: «Говорил мне один поляк из числа посланцев, что из столицы возвратился, что гарнизоном стоят там 1200 поляков и 1000 москалей, которые великий недостаток терпят»¹⁸. Мы лучше поймем смысл употребленного нунцием слова «недостаток», если приведем еще один фрагмент на этот раз из другого его письма также кардиналу Боргезе, вновь из Вильны, но уже от 16 декабря 1612 г.: «Два месяца почти — постоянный дождь. Отсюда — болезни и смертность великая. Страх и опасность заразы. В Гданьске у берега столько рыб снулых, что суда малые пристать не могут»¹⁹. Не взирая на то, как мы отнесемся к этим совершенно апокалиптическим словам Симонетты, не подлежит сомнению, что весна и лето 1612 г. в восточной части Европы были периодом климатических аномалий.

При таком положении дел настоятельной необходимостью до осени 1612 г., то есть до давно ожидаемого прибытия Сигизмунда III и королевича Владислава, становилось более или менее регулярное снабжение московского гарнизона продовольствием и подкреплениями. Эти планы перечеркнули князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин — руководители Второго ополчения, которое в конце августа 1612 г. подошло к Москве. Правда, еще 25 июля отряду ротмистра Якуба Бобовского удалось пробиться в Кремль с несколькими возами зерна, которого, однако, как заметил Будзилло, «только по шапке досталось»²⁰. Это была последняя успешная попытка доставить продовольствие гарнизону. В ходе следующей дело дошло до кровопролитных боев войск гетмана Ходкевича с силами Второго ополчения на предпольях Кремля 1–3 сентября 1612 г. В руки московских войск, которые нанесли польско-литовским силам тяжелые потери, попал весь транспорт из 400 возов с провиантом. С этого момента судьба московского гарнизона была уже предопределена, в Кремле же стало доходить до ужасающих сцен.

Положение гарнизона осложнил тот факт, что во время боев Ходкевича с войсками Второго и Первого ополчений в Кремль удалось прорваться 600 венгерским пехотинцам Феликса Невяровского, которые, однако, не располагали собственными запасами продовольствия.

Из воспоминаний киевского купца Богдана Балыки, который за несколько месяцев до того достиг Кремля вместе с купеческим караваном, следует, что именно они и начали питаться чем попало: «<...> а нас, увъ осаде начал стискати голод, бо пехота, що их было 600, почалы псы и кошки ести»²¹. Солдаты гарнизона, многие с семьями и челядью, а также гражданские — бояре с семьями и службой, купцы — не питали оптимизма по поводу своего будущего. Те, кто еще имел деньги или драгоценности, могли купить что-то из еды. Беднейшие занимались ловлей всевозможных грызунов, собак и кошек, которых в округе было великое множество. Когда запасы питания кончились и купить его стало вообще невозможно, получила развитие контрабанда. Осажденные спускали за стены корзины с драгоценностями, но не всегда получали за них еду: «Мнози же рустии людие приходиша нощию к стене града Кремля, и серебра и жемчюгов и свешиваху з града. Рустии же людие емлюще сия и в то место вяжуще только же хлеба и дающе им. Егда же сия уведана быша, и пойманы мнози и наказаны. По сем начаша им вместо злата навязываху за хлеба место камения и кирпичи. И сие им злохирьство преста» — сделал заметку один из очевидцев²². Много подробностей о голоде, который уже в середине сентября стал свирепствовать в Кремле и Китай-городе, можно найти в реляции Балыки: «Тогож лета септеврия дня 14, голод велми стал утискати, пехота новая [т. е. 600 гайдуков ротмистра Невяровского — Т. Б.] стала з голоду мерти и мало не вси вымерли, и наша пехота и товариство также все поели; немцы кошки и псы все поели, медь и зеля, и травую и леда чим живилися, бо все Москва отняла; дорогувля великая стала: селедец был по ползолотого, шкури воловыи перво были по пять золотых, а потом стали по 12 золотых; сыра мандрыку куповали по 6 золотых; хлеб денежный 10 золотых; мы сами куповали калач денежный 7 золотых. Около святои Покровы велми силный голод знял: жита четверть золотых 100, овса четверть 40 золотых, круп кварта 20 золотых; з лободына насеня, як гречанык пеняжный — три золотых. Пан Харлинский, капитан пихотный взял за меринца 500 золотых, а четверть себе отрезал; за корову давали 600 золотых; четверть мяса конского была по 120 золотых. А потом уже голод незносный почал трапити, же пехота и немцы

потай почали людей резати и ести. Мы найпершей, идучи от церкви соборной пресвятой Богородыси из службы, голову и ноги чловеции у яме нашли, у кайстре (мешке); вязнев московских килканадцать чловека пихоте з турмы подавали, тых всех поели; потом у килка дней несли Москва уголе майстером денежным у ворота Миколские. Гайдуки выскочивши з муров, одного порвали и зараз забили и зъели; <...> Пахолика одного, недавно умерлого, из гробу выкопали и изели. Октября 16 дня выпал снег великий, же всю траву покрыл и кореня, сильный и неслыханный нас голод змогл: гужи и попруги, поясы и ножны и леда костища и здохлину (падал) мы едали; у Китайгороде, у церкви Богоявления, где и греки бывають, там есмо и травою живилися, а що были пред срегом наготовали травы, з лоем свечаным [свечным салом] тое ели; свечку лоевую куповали по пол золотого. Сын мытника Петриковского з нами ув осаде был, того без ведома порвали и изели, и иных людей и хлопят без личбы поели; пришли до одной избы, тамже нашли килка кадок мяса чловеческого солоного; одну кадку Жуковский, товарищ Колонтаев, взял; той-же Жуковский за четвертую часть стегна чловечого дал 5 золотых, кварта горелки в той час была по 40 золотых; мыш по золотому куповали; за кошку пан Рачинский дал 8 золотых; пана Будилов товарищ за пса дал 15 золотых, и того было трудно достать; голову чловечую куповали по 3 золотых; за ногу чловечую, одно по костки, дано гайдуку два золотых и пол фунта пороху — и не дал за тое; всех людей болше двох сот пехоты и товарищов поели»²³.

Смерть от рук теряющих от голода разум убийц из-за угла грозила не только осажденным (хотя им прежде всего), но также и не вполне осознающим опасность казакам Трубецкого. В свою очередь необычайную решимость проявили те гайдуки, которые предприняли рискованную вылазку за стены Китай-города, чтобы поймать, убить и немедленно съесть одного из неосторожных врагов.

Или другая реляция: на этот раз в смертельной опасности оказался один из солдат гарнизона. «Голод у них несказанно великий; тех, кого они первыми ели, тех уже сейчас не имеют, только шкуры, что с них сковали (пол. — сняли), едят уже, отсюда нечто страшное приключилось, а именно, некий Биковский, молодой человек лет 20 от товарищей из замка отделился и к пехоте заглянул, пехота же сразу его схватила и ну к реке вести, пока товарищи, наконец, крики его не услышав, с трудом его у нее не отбили. Голод — не брат»²⁴.

Столь же драматично и свидетельство Юзефа Будзиллы, который описал самые страшные минуты голода: «Того же года 14 октября сидельцы, не будучи уже в состоянии голод сносить, послали вновь к пану гетману двух товарищей, пана Ельского и пана Вольского, прося помощь дать на этой неделе, ибо дальше держаться из-за голода не могут, который неслыханный и для описания трудный, о каком никакие хроники и истории свидетельств не дают, чтобы кто-то когда, в осаде будучи, мог его сносить или вообще такой мог наступить, ибо, когда уже трав, корешков, мышей, собак, кошек, падали не стало, колодников поели, трупы, из земли выкопав, поели, пехота сама и друг друга ела и тех, кого хватала. Трушковский, пехоты поручик, двух сыновей своих съел; один гайдук также сына съел, другой — мать свою; товарищ один съел слугу своего; вот так сын — отцу, отец — сыну не отпускали, пан — от слуги, слуга — от пана в безопасности не был; проще говоря, кто кого осилил, тот того и съел, более здоровый — более хилого убрал. О родственнике или товарище своем, если кто другой у кого съел, как о своем наследстве судились, что он был более близкий, чем кто-то другой, чтобы его съесть; подобное дело у пана Леницкого в команде случилось: гайдуки своего сослуживца умершего съели, родич его из другого десятка жалобу ротмистру подал, что я де, как родственник, был более близок, чтобы его съесть, чем кто другой; те же возражали, что мы де более близки для его поедания, так как он с нами под одной командой в одном строю и в одном десятке был. Ротмистр, как *novum emergens* (лат. — неопытный), не знал, какое решение принять, боясь, как бы сторона, что будет решением недовольна, самого судью не съела, и почел за лучшее из трибунала ноги унести. При таком-то жестоком голоде начались болезни разные, смерти ужасные, так что без страха и плача не обходилось при виде человека, с голоду умирающего, коих много я насмотрелся; он землю под собой, руки, ноги, тело, как мог, жрал, и что хуже, рад бы умереть был, а не мог, камень иль кирпич кусал, прося господа бога, чтобы в хлеб превратил, но откусить не мог. Ох, ох, ох! Замок весь полон, а за замком — плен и смерть. Осада — тяжелая, а еще тяжелее — выдержать ее»²⁵.

Можно себе представить, насколько упали мораль и дисциплина в отрядах московского гарнизона, если судье в трибунале пришлось решать, кому достанутся останки умершего пехотинца, а основной проблемой едва ли не для всех солдат была не оборона от осаждающего противника, а поиск хотя бы какой-нибудь пищи. В этих условиях усилилось дезертирство. «Множество людей таких было, что добровольно на смерть к неприятелю шли и отдавались; посему, кто на неприятеля спокойного натыкался, тот его в живых оставлял, большинство же бедолаг к извергам попадало, он и

со стены то спуститься не успел, а уже в куски бывал порублен», — без какой-либо ноты осуждения вспоминал Будзилло²⁶.

Дезертиры, которые свое бегство из Москвы не оплатили жизнью, были великолепным источником информации о драме, разыгрывающейся в стенах Кремля и Китай-города. Трубецкой и Пожарский вспоминали, что «...и из города Москвы выходят выходцы русские и литовские и немецкие люди, а сказывают, что в городе московских сиделцов из наряда побивают и со всякия тесноты и с голоду помирают, и едят литовские люди человечину, а хлеба и иных никаких запасов ни у кого ничего у них не стало <...>»²⁷. Еще один инцидент, свидетельствующий об упадке дисциплины в отрядах гарнизона, произошел в резиденции князя Федора Мстиславского, в старом дворце Бориса Годунова. В один из октябрьских дней туда вломились «жолнер Воронеж и козак Щербина, впадши в дом Федора Ивановича Мстиславского, почали шарпати, ищучи живности, и Мстиславский почал их упоминати; там же некоторый ударил его цеглюю (кирпичем) у голову, же мало не умер»²⁸. Воронеж и Щербина за нападение на Мстиславского были казнены: «Доведался того пан Струсь, казал обоих поймати: Воронца (как шляхтича. — Т. Б.) стято и поховано, а Щербину обесити казали, который з годину на шубеници не был; пехота зараз отрезали и на штуки зазрубали и изели»²⁹. Казака Щербину не спасли даже заслуги, которыми он отличился за время службы в Москве: согласно реляции Будзиллы, именно он 27 сентября пробрался в Кремль с письмом от короля Сигизмунда III³⁰.

Во второй половине октября голод, дезертирство и упадок дисциплины достигли апогея. Ввиду рыскающих банд людоедов передвижение по улицам Кремля и Китай-города после наступления темноты было крайне рискованным. Можно допустить, что не у одного солдата возникала мысль ускорить сдачу обороняемых позиций. Скорее всего именно к этому времени относится не вполне ясное упоминание о попытке измены, когда некий солдат, находясь в сговоре с противником, должен был сдать одну из кремлевских башен. Но план этот не удался, а изменник, имя которого осталось неизвестным, был приговорен к смерти, убит, затем сразу порублен на куски и съеден³¹.

При таком положении дел Струсь решился на переговоры с Пожарским и Трубецким о капитуляции гарнизона. Несомненно, на такое решение оказал влияние и тот факт, что 1 ноября казакам Трубецкого удалось занять Китай-город³². В результате переговоров 7 ноября гарнизон в Москве капитулировал.

Подводя итоги, следует признать, что к неудаче в удержании столицы Московского государства до прибытия главы Речи Посполитой и его сына, кроме явных политических просчетов, привело принятие в основе своей ложной концепции передачи обороны Москвы кавалерийским полкам и позднейшие упущения в планировании операции по их снабжению продовольствием. На концепцию повлияло ошибочное предположение, что предназначенная для боев в поле кавалерия в большом количестве будет вполне способна нести службу на территории города. Ясно, что речь здесь не идет о ее высоких боевых качествах, поскольку не подлежит сомнению, что гусары длительное время успешно справлялись с обороной Кремля. Речь о том, что в принципе не кавалерийские части должны были защищать хорошо укрепленное сердце Московского государства, а пехота. Но дело в том и заключалось, что как раз ее то у Речи Посполитой было, что называется, кот наплакал.

Примечания

* Перевод с польского А. Б. Плотникова.

¹ Буссов К. Московская хроника, 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 310.

² Marchocki M. Historia moskiewskiej wojny prawdziwa przez mię Mikołaja Ścibora z Marchocic Marchockiego pisana // Moskwa w rękach Polaków: Pamiętniki dowódców i oficerów garnizonu polskiego w Moskwie w latach 1610–1612. Liszki, 1995. S. 81; Maskiewicz S. Dyjariusz Samuela Maskiewicza: Początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idące // Moskwa w rękach Polaków. S. 172. Маскевич вспоминал, что «бояре из Москвы от старших приехали в лагерь к его милости пану гетману с тем, чтобы купцам с товарами и провизией свободно можно было в лагерь приезжать, а нам как раз этого и надо было. Было у нас потом провизии в достатке и самим нам в столице, если нужно, свободно уже бывать можно было...».

³ Maskiewicz S. Dyjariusz. S. 176.

⁴ Подсчеты численности полков и хоругвей даны по: Spisek Wojska Stołecznego P. P. Confederatów wyszedłszy na odpoczynek na Białą Ruś i jako się położyli // AGAD. AR. II, 12. Ark. 641–642; Porządek i artykuły do Confederacji należące: (Summariusz żołdu wojska stołecznego moskiewskiego po rugu pośledniejszym w obozie pod Grodkiem uczynionym) // Biblioteka Jagiellońska w Krakowie. 108. Ark. 9–10; Вержбовский Ф. Ф. Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях. Вып. 2: Война с Польшею в 1609–1611 годах. Варшава, 1898. С. 7–9.

⁵ Maskiewicz S. Dyjariusz. S. 175.

⁶ Ibid.

- ⁷ Ibid.
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Ibid. S. 204.
- ¹⁰ Ibid. S. 205; *Budzillo J.* *Wojna moskiewska wzniecona i prowadzona z okazji fałszywych Dymitrów od 1603 do 1612 r.* Wrocław, 1995. S. 134.
- ¹¹ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 134.
- ¹² *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 206.
- ¹³ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 136; *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 207.
- ¹⁴ Wjazd K. J. M. *Polskiego Zygmunta Trzeciego do Moskwy A.D. 1610 // AGAD. AR. II, 12. Ark. 639.* Этот аноним приводит две истории. Первое событие: «...ибо пришли однажды к пану войсковому судье немцы, на голод жалуясь. Тот, не имея, что им дать, отдал им двух колодников, потом трех, они их съели. И пахолики также когда их получили, так как немцы, словно как мед их съели». Другое событие, о котором вспоминает анонимный свидетель, касается уже высшего командования: «У старших такой же голод был, что и у товарищей. Однажды собралось товарищество у пана референдария и пана Зборовского, которые, приказав столы понакрыть, просили тех на банкет, и такие блюда изысканные поданы были: плесневелые сухари с хреном, каша с перцем, а вместо вина — квас или вода. Товарищи, один с другим тихонько говоря, никто громкого слова не сказал, съевши понемногу кушаний этих, на стены сразу шли».
- ¹⁵ Отписка с Верхотурья в Туринск о присылке польских пленников и их распросных речей, после 22 января 1612 г. // *Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг.* Вып. 3: Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915. С. 47–48.
- ¹⁶ *Maskiewicz S.* *Dyjarusz.* S. 207. О сложности задачи и степени сопротивления московских войск свидетельствует сообщение Маскевича: «Выскочила москва и часть возов с провизией отбила, но немного. У меня самого, однако, 5 взяли. Гонялись мы за ними долго у самой реки и неприятеля отразили».
- ¹⁷ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 138.
- ¹⁸ Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Krakowie. Rkps. 8397. Ark. 37.
- ¹⁹ Ibid. Ark. 64.
- ²⁰ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 144.
- ²¹ *Балыка Б.* О Москве и о Дмитрию, царю московском ложном // *Киевская старина.* 1882. № 7. С. 103.
- ²² *Лаврентев А. В.* Оригинальные сведения о «смутном времени» в летописном своде 1652 г. // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода:* Сб. ст. М., 1982. С. 119.
- ²³ *Балыка Б.* О Москве... С. 103–104.
- ²⁴ NN — NN, Warszawa, 20.XI.1612 // *Muzeum Narodowe w Krakowie. Oddział: Zbiory Czartoryskich.* Rkps. 361. Ark. 135–138.
- ²⁵ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 164–165.
- ²⁶ Ibid. S. 165.
- ²⁷ Отписка воевод и ратных людей Д. Трубецкого, Д. Пожарского и др. на Белоозеро воеводе С. Чепчугову, конец октября — начало ноября 1612 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2: 1598–1613. С. 374–375).
- ²⁸ *Балыка Б.* О Москве... С. 104.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Budzillo J.* *Wojna moskiewska...* S. 162.
- ³¹ NN — NN, Warszawa, 20.XI.1612 // *Muzeum Narodowe w Krakowie. Oddział: Zbiory Czartoryskich.* Rkps. 361. Ark. 135–138.
- ³² *Авраамий (Палицын А. И.).* Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 228. Палицын также упоминает о чудовищных находках, на которые, заняв Китай-город, наткнулись казаки Трубецкого: «И обретоша много тщанов и наполов плоти человеческия солены и под стропами много трупы человеческого <...>».

А. А. Селин

СЕМЬЯ НОВГОРОДСКИХ КУПЦОВ ИГОЛКИНЫХ ДО СМУТЫ, В СМУТУ И ПОСЛЕ НЕЕ

История Новгорода в Смутное время чрезвычайно богата яркими и поучительными событиями. Сосуществование шведской и Русской администрации в течение нескольких лет, родившееся как компромисс между военной силой шведов и общественной активностью новгородцев и только к Пасхе 1615 г. определившееся как шведская оккупация, явило собой опыт интеграции военной, бюрократической и, вероятно, политической культуры двух народов.

Среди участников событий на Северо-Западе в годы Смутного времени видное место занимает гость Степан Юрьев сын Иголкин. Вместе с родным братом Иваном он участвовал в посольстве юрьевского архимандрита Никандра, отправленном из Новгорода 25 декабря 1611 г. в Стокгольм к королю Карлу IX для приглашения одного из королевских сыновей на московский престол.

Современный комментатор «Истории» Юхана Видекина И. П. Кулакова привела подробный анализ биографий братьев¹. Она связала их с родом псковских купцов Иголкиных, потомков жившего в XV в. псковского купца Игнатия Иголки. Участники посольства Степан и Иван Иголкины были сыновьями псковского купца Юрия Иголкина и принадлежали к верхушке псковского купечества. В феврале 1600 г. Юрий Иголкин был послан в Ригу для переговоров о принятии русского подданства².

По предположению исследовательницы, Иголкины могли быть среди бежавших из Пскова «лучших людей» в 1608 г. Однако это не так.

Среди новгородских таможенных целовальников 17 марта 1576 г. упоминается Владимир Иголкин со Славковы улицы³. Юрий же Иголкин обосновался в Новгороде уже в начале XVII в. В 1602 г. при подготовке к встрече датского принца Ганса встал вопрос о том, на чем датчанин проследует из Ивангорода. По указанию Посольского приказа новгородская администрация выяснила, у кого в Новгороде есть достойный транспорт. «Колымажки», в которых было уместно везти принца, нашлись на митрополичьем дворе и во дворе гостя Юрия Иголкина и Федора Прокофьева. Они были взяты и 4 августа 1602 г. посланы в Ивангород⁴. «Колымажка» Юрия Иголкина так описана источниками: «Колымажка киноваренная гостя Юрья Иголкина, а на ней сукно червчато инбарское, подложено белыми холсты, а хомута и дуги и шлея и тяжи нет, а колеса у колымажки окованы железом»⁵. Одновременно новгородские воеводы писали, что для свиты датского королевича пригодны лучшие дворы новгородцев на Михайлове улице, находившиеся близ старого государева двора дворы Юрья Иголкина, Ивана Онаньина и Петруши Исакова⁶. Видимо, это тот же двор, который в 1615 г. принадлежал сыну Юрия Степану Иголкину и был определен шведской администрацией для английского посла Джона Мерика⁷.

Вероятно, Юрий Иголкин скончался тогда же, в начале XVII в. Документы из архива Новгородской приказной избы не упоминают его. Сомнение вызывает сообщение 12 октября 1615 г. лазутчика Данилки Ржевы московским послам кн. Д. И. Мезецкому с товарищами, что среди новгородцев, с которых шведы взимают непосильные платежи — Иван Харламов, Юрий Иголкин и Истома Демидов⁸.

В 1604/05 г. упоминаются дети Юрия Иголкина Семен и Александр, за которых «о серебряных судах» поручился подьячий Павел Алексеев⁹. О Семене и Александре Иголкиных более не известно.

Главный герой настоящего сообщения Степан Юрьев сын Иголкин служил новгородским таможенным головой еще в 1592 г. Но хронологически первое хорошо документированное событие его биографии — это тяжба с дьяком Иваном Тимофеевым в апреле 1611 г.

В конце 1950 — начале 1960-х гг. большая группа советских ученых во главе с Л. В. Черепниным посетила Швецию. Это стало импульсом к возобновлению интереса к событиям эпохи Смуты в Новгороде. Черепнин, работая с архивом Новгородской приказной избы 1611–1617 гг., хранящимся в шведском Государственном архиве, обнаружил и опубликовал судебное дело, возбужденное дьяком Пятым Григорьевым, всеильным руководителем Новгородского дворцового приказа, против Ивана Тимофеева. В этом деле упоминается о челобитной, поданной в апреле 1611 г. на дьяка Тимофеева гостем Степаном Иголкиным. Черепнин подчеркнул связь между судебными преследованиями, которым дьяк Иван Тимофеев подвергался в Новгороде при шведах, и строками его «Временника», говорящими о злобствовании в Новгороде не только шведов, «иже граз враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих» но и «неверных» «же приседят о нас татю в ловителях ко еллинам», которых Тимофеев обвинял в расколе общества. По мнению Черепнина, под этими неверными Тимофеев имел в виду скорее всего новгородских дьяков Пятого Григорьева и Семена Лутохина¹⁰. Рассматривая данное судебное дело, Черепнин попытался выявить политическую приверженность его фигурантов. По его наблюдениям, дьяк Тимофеев был врагом и дьяку Ефиму Телепневу (перебравшемуся ко времени завершения «Временника» в Москву и имевшему чины дворянина московского, позднее — думного дьяка), и М. И. Татищеву. Черепнин считает, что «между смертью Скопина в Москве в апреле 1610 г. и затруднениями, с которыми столкнулся Тимофеев, желавший примерно в то же время попасть в Москву, по-видимому, есть какая-то внутренняя связь». Здесь Черепнин склонен вслед за традиционной русской историографией XIX в. идеализировать Скопина.

По мнению Черепнина, челобитчики на Тимофеева в апреле 1611 г., в том числе гость Степан Иголкин, входили в число бывших сторонников Татищева. Совершенно точно недоброжелателем Ивана Тимофеева был гость Степан Иголкин, которого шведские информаторы о Выборгских переговорах называли «новгородским бургомистром». Конфликтовавший со Степаном Иголкиным дьяк Иван Тимофеев рисует его портрет не столь патетически. Дьяк обвинял купца в злоупотреблениях при сборе тамги: «Да тот же, государь, Степан Иголкин, сидячи в таможенной избе, торгует всякой мягкой рухлядью. И как, государь, придет гость с товаром, и он товар держит день и другой в таможенной избе — соболи и рыси и бобры, и всякой мяхкой товар для своей корысти. И как, государь, тот товар у гостя купят, и он емлет прибыль сидячи, кому тот товар достанетца. И в том, государь, шлемся на бобровой ряд на весь и на скорнячной и на всех торговых людей, которые мяхкой рухля-

дью торгуют». Попытку привлечь Иголкина к ответственности Тимофеев предпринял сразу по прибытии в Новгород, в феврале 1607 г.¹¹ Обращает на себя внимание, что и первый Иголкин-новгородец, Владимир в 1576 г. связан с таможенным делом, и сам Степан Иголкин с 1592 г. имел отношения с новгородской таможей.

Центральным событием в жизни Степана Иголкина стало его участие в Выборгских переговорах лета 1613 г. В Выборг посольство юрьевского архимандрита Никандра попало после полутора лет пребывания в Стокгольме.

По какой-то причине Черепнин счел гостя Степана Иголкина, члена посольства 1611–1612 гг., сторонником шведской династии¹², хотя позиция С. Иголкина на переговорах с королем была совсем не однозначной и даже, как сказали бы советские ученые 1960-х гг., «патриотической». Апологет Якова Деллагарди шведский историк XVII в. Юхан Видекинд так описывает поведение С. Иголкина на аудиенции у Густава Адольфа: «*Неуместная речь новгородского старосты*. Когда те уже собирались это сделать, вдруг бестолково вмешался новгородский староста (в латинском переводе: один из бургомистров) Степан Иголкин (Igolkinus) и спросил, что это еще за присяга? Может быть, они решили совсем покориться шведской власти? Ему-то она столь же противна, как и польская (в латинском переводе: Русские не подчинятся и шведской власти, как не подчинились польской, пока останется в живых хоть младенец в колыбели)»¹³. По наблюдениям комментатора Видекинда В. Геймана, «очевидно, текст присяги, принесения которой требовали шведы, говорил не о признании Карла Филиппа самостоятельным от Швеции русским царем, а об инкорпорации Новгорода в состав Шведского государства. Инструкция Густава Адольфа от 18 июля 1613 г. шведским сенаторам, сопровождавшим Карла Филиппа и уполномоченным для ведения переговоров в Выборге, предписывала добиваться присоединения Новгорода к Швеции в том случае, если в Выборг придут послы не от всего Московского государства, а лишь от Новгорода <...> Поэтому речь Иголкина далеко не была “бестолковой”, а имела большой политический смысл. Она изложена Г. В. Форстенем несколько в иной редакции, чем у Видекинда: “О какой клятве идет тут речь, уж не намерены ли шведы подчинить русских своей Короне? Но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше”».

Позиция новгородского гостя Степана Иголкина, высказанная в Выборге — об «историческом единстве» Новгорода и Москвы, вряд ли разделялась всеми новгородцами в 1612–1613, да и в 1614 г. Однако все участники посольств архимандритов Никандра и Киприана, оказавшиеся летом 1613 г. в Выборге, присягнули Карлу Филиппу. В записках Тордсена, бывшего секретарем Карла Филиппа в Выборге 1613 г., сохранился перевод присяги, принесенной перед отъездом на Родину 17 сентября 1613. В нем упомянуты дьяк Мина Третьяк Копнин, гости Степан Иголкин и Иван Харламов, дворяне Федор Бутурлин, кн. Василий Кропоткин, кн. Мурза Мышецкий, Гордей Судокон, Дмитрий Зеленин, Никита Калитин, Юрий Копнин, подьячие Петр Копнин и Орефа Башмаков¹⁴.

Находясь в Швеции, Степан Иголкин вынужден был дать Якову Деллагарди займы «чепь золоту с камнем с алмазы да с рубины и з жемчюги да запонку золоту», а также деньги. Вплоть до 1623 г. Яков Деллагарди не отдавал эти деньги. Новгородский воевода кн. Д. И. Мезецкий пытался добиться возвращения цепи, запонки и оставшихся 400 руб. оставшемуся в живых брату Степана Иголкина Ивану¹⁵. Об участии последнего в Стокгольмском и Выборгском посольствах сохранилось гораздо меньше известий.

Всё время отсутствия Степана Иголкина в Новгороде оставалась его жена Устинья. Сохранились сведения о том, что она испытывала в это время денежные затруднения. В 1612 г. ей по указу Деллагарди из судебных пошлин было выдано 30 руб. денег¹⁶. 29 августа 1612 г. она продала двор своего мужа Степана. Новгородские дворяне Василий Трусов и Гаврило Бекетов зарегистрировали за нее купчую запись, «а сказал Василий Трусов: как гость Степан Иголкин поехал в Свию для государя королевича, и поедучи приказал жене своей Устинье двор свой, в котором жил брат его Иван Иголкин, продати»¹⁷. В 1614/15 г. Устинья Иголкина отказалась платить оброк за огородное место¹⁸. Она пережила события 1615–1617 гг., связанные с ужесточением политического режима в Новгороде, и жила в городе в момент составления писцовой книги в 1623 г.: на Михайлове улице упоминается принадлежавшие ей полдвора¹⁹. Однако в росписях пленных 1615 г., представленных как шведской, так и московской стороной, она не упомянута, хотя и Степан и Иван Иголкины находились в то время в Москве.

Они оказались там, следуя вместе с посольством архимандрита Никандра из Выборга в Новгород. Все посольство в Суйде было захвачено псковскими казаками и весной 1614 г. отправлено из Пскова в Москву, куда прибыло 4 апреля. Оба Иголкиных названы гостями. В их свите следовали человек Степана Иголкина Омельян («у рухляди») и человек Ивана Иголкина Артюшка Петров, по дороге из Новгорода во Псков бежавший²⁰. Чрезвычайно скудным представляется имущество гостя

Степана Иголкина по прибытии в Москву: «спанчишко да полсти ветчаные плачены, шуба боранья, треух суконной да коробейка, а в ней рубашенко да портки ветчаные»²¹ (при том, что он сумел дать в долг драгоценные вещи и крупные суммы Якову Делгарди). Имущество Ивана Иголкина вовсе не известно.

Как упоминалось выше, Иван Иголкин был еще жив в начале 1620-х гг. Писцовая книга 1623 г. упоминает сад Ивана Иголкина на Михайлове улице в Новгороде, но называет его не гостем, а «гостевым братом», относя, следовательно, этот чин лишь к Степану Иголкину²². К 1627 г. на новгородской сцене действует уже его сын Сергей Иванов сын, поручившийся по сыну другого новгородского гостя-участника событий Смутного времени, Степану Первому сыну Прокофьева²³.

Потомки братьев Иголкиных жили в Новгороде до петровского времени. В середине XVII в. некий Григорий Иголкин упоминается среди детей боярских новгородского архиепископа (в 1646 г.)²⁴. Посадский человек Елисей Яковлев сын Иголкин весной 1650 г. подписал повинную челобитную новгородцев царю Алексею Михайловичу²⁵. В 1678 г. он жил с 12-летним сыном Ивашком на Щитной улице в Новгороде²⁶. Среди других посадских людей Елисей Иголкин был приглашен на пир 15 августа 1696 г., который новгородский митрополит Евфимий III давал новгородцам по случаю праздника Успения Богоматери²⁷.

Еще один потомок Иголкиных (видимо — Ивана Юрьева сына) в XIX в. стал героем пьесы Н. Полевого и героем картины «Подвиг купца Иголкина». В середине XX в. об этом так писал В. Г. Гейман: «Интересную аналогию случаю с купцом Иваном (так у В. Геймана; верно: Степаном. — А. С.) Иголкиным можно усмотреть в эпизоде, относящемся уже к началу XVIII в. Во времена Северной войны некий купец Иголкин (однофамилец, а возможно и потомок современника Смуты), оказавшись в плену у шведов, убил двоих из них за оскорбительные слова в адрес России и Петра I. По легенде, шведский король Карл XII, изумленный храбростью и патриотизмом Иголкина, отменил вынесенный ему смертный приговор и отправил на родину»²⁸. Этот эпизод подробно рассмотрен в недавней статье Г. М. Коваленко²⁹. Более поздних сведений об Иголкиных в Новгороде мне не известно.

Примечания

¹ Кулакова И. П. [Комментарии] // *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московитской войны = Thet Swenska i Rubland Tiiio Ahrs Krijgz-Historie. М., 2000. С. 600.

² Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 128.

³ Уставная грамота таможенной пошлины опричной торговой стороны Великого Новгорода. 1571.17.03 // Великий Новгород во второй половине XVI в.: Сб. док. / Сост. К. В. Баранов. СПб., 2001. С. 31.

⁴ Отписка в Ивангород воеводе М. Г. Салтыкову и дьяку Афанасию Власьеву из Новгорода от воеводы об отправке с подьячим Немиром Ручкиным колымажек, полученных из Москвы. 1602.4.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 16).

⁵ Запись об отправке в Новгород 3 новых колымажек с подробным описанием каждой отдельно и кроме того описание простой колымажки на митрополичий двор. 1602.20.07 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 4).

⁶ Память новгородскому воеводе кн. В. И. Буйносову-Ростовскому, Третьяку Савину и Василию Бирину о составлении росписи 20–30 лучших дворов в Новгороде. 1602.16.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 1. Д. 5).

⁷ Отписка С. Г. Коробына с товарищами в Посольский приказ о ходе переговоров о размене пленными 11–12 мая 1615 г. 1615, мая после 12 (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 3. Л. 119–131).

⁸ Расспросные речи лазутчика Данилка Кондратьева Ржевы, посланного в Старую Русу и в Новгород. 1615.12.10 (РГАДА. Ф. 96. 1615. Д. 10. Л. 294–302).

⁹ Переписные книги судных, разбойных и татейных дел, записок и приходные пошлинных денег с судных и управных дел и холопы Новгородского Судного приказа при разных воеводах и владыках. 1584–1605 (Архив СПбИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 394).

¹⁰ Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. Л., 1961. Т. 7. С. 454–472.

¹¹ Корецкий В. И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 152–153.

¹² Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры...

¹³ Видекинд Ю. История десятилетней шведско-московитской войны... С. 281–282.

¹⁴ Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века: Очерки полит. и воен. истории: Сб. науч. работ. СПб., 2008. С. 219. Прим. 94.

¹⁵ Лист новгородского воеводы кн. Д. И. Мезецкого нарвскому генерал-губернатору Андерсу Эриксону 1623.12.01 (Архив СПбИИ. Кол. 109. Д. 111).

¹⁶ Книги сбора судной пошлины. 1611/12 (RA. NOA. Ser. 1:122. С. 115).

¹⁷ Nordlander I. Real Estate Transfer Deeds in Novgorod 1609–1619 // Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. № 18. Stockholm, 1987. S. 121.

¹⁸ Показания сборщика Казарина Башмакова о сборе им оброков по приказу боярина князя Ивана Никитича Большого Одовского (отрывок). 1614/15 (Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Карт. 4. Д. 522).

- ¹⁹ Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова и дьяка Д. Семенова. Выписи. 1623 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв.: Сб. док. / Сост. И. Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 43.
- ²⁰ Перечень посольства Юрьевского архимандрита Никандра в Стокгольм, захваченного по дороге обратно и отправленного в Москву. 1614.4.04 (РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 4–5).
- ²¹ Роспись имущества посольства Юрьевского архимандрита Никандра по прибытии его участников в Москву. 1614 (РГАДА. Ф. 96. 1614. Д. 4. Л. 6–10).
- ²² Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры А. И. Чоглокова... С. 44. Неподалеку, на той же Михайлове улице располагался гостиный двор Степана Иголкина, позже переданный дьяку Михаилу Милославскому (Там же. С. 46).
- ²³ Список с расспросных речей подьячих новгородского разрядного стола Григория Федосеева, Богдана Воломского и Ивана (Карпова?) и поручная запись по С. П. Прокофьеву. 1627.1.05–25.08 (РГАДА. Ф. 96. 1629. Д. 2. Ч. 1. Л. 55–58).
- ²⁴ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. Г. Д. Долгорукого и подьячего И. Раковского. 1646 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого... С. 89.
- ²⁵ Повинная челобитная посадских людей Новгорода. 1650 апреля 27 – мая 16 // Мятёжное время: Следств. дело о новгор. восстании 1650 г. СПб.; Кишинев, 2001. С. 298.
- ²⁶ Переписная книга Новгорода Великого переписи кн. В. Ф. Жирового Засекина и подьячего С. Родионова. 1678 // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого... С. 156.
- ²⁷ Список лиц, приглашенных к столу митрополита Евфимия на праздник Успения. 1696.15.08 (Архив СПбИИ. Кол. 183. Карт. 2. Д. 310).
- ²⁸ *Немировская М. А.* Акварель и рисунок XVIII — первой половины XIX века в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1982. С. 23 (цит. по В. Гейману).
- ²⁹ *Коваленко Г. М.* Новгородские купцы в Стокгольме // Чело. 2008. № 2 (42). С. 58–60.

З. В. Дмитриева, А. В. Крайковский

ЦЕНЫ НА РЫБУ И РЫБОПРОДУКТЫ В НАЧАЛЕ XVII в. (по приходо-расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря)

История цен в России изучалась сравнительно мало. В первую очередь следует назвать классические труды В. О. Ключевского и А. Г. Манькова¹. Работ, специально посвященных движению цен в XVII в., российские ученые так и не создали. Одной из причин такого положения дел является, очевидно, состояние источниковой базы. Источников по истории цен в России XVII в. довольно много, но они не составляют непрерывных долговременных однородных серий, дающих основания для применения статистических методов. Между тем именно наличие таких серий является одним из главных требований, предъявляемых в рамках методики, разработанной Международным комитетом по истории цен в 1930-е гг. Работы таких корифеев данного направления, как, например, У. Бевериджа и Н. Постхюмуса, были созданы согласно этой единой методике, и именно в этом состоит их ценность². В основе их исследований лежат длинные серии однородных данных, которые сводятся в таблицы. Так, работа Н. Постхюмуса основана на бюллетенях Амстердамской биржи, регулярно публиковавшихся с XVII в. Для того, чтобы сделать данные разных источников, созданных на протяжении большого периода времени, сопоставимыми, цены переводились из денежных единиц в граммы чистого серебра.

В результате работ, предпринятых Международным комитетом по истории цен, была разработана единая история движения цен в Европе с XVI по XVIII в. К сожалению, ничего сопоставимого на российском материале создано не было. В настоящее время работа, начатая Международным Комитетом, продолжается под эгидой Международного института социальной истории (Амстердам, Нидерланды), где собрана богатая коллекция данных по истории цен³. В США также существует Группа по изучению глобальных цен и доходов (Global Price and Income History Group), коллекционирующая и выкладывающая в Интернете сведения о ценах, в том числе и российских⁴. Однако анализ накопленного материала отечественными исследователями, очевидно, остается делом будущего.

Отдельно следует сказать о труде американского историка Р. Хелли, выпущенном в 1999 г.⁵ В отечественной исторической литературе уже отмечалось, что этой работе присущ ряд коренных недостатков методологического характера, которые существенно снижают ее ценность⁶. В книге американского историка отсутствует источниковедческий анализ, который подтвердил бы, что данные, которые он подвергает исследованию, достоверны. Не раскрыт также и сам метод работы с материалом, хотя его можно восстановить по мере изучения книги. Монография Хелли разбита на главы, каждая из которых посвящена анализу цен на ту или иную разновидность товаров или категорию расходов. В частности, глава 23 посвящена налогам и пошлинам. Каждая глава начинается со сводной таблицы, в которой представлены названия товаров (по-английски и по-русски в латинской транскрипции), единицы измерения, количество записей, касающихся каждого товара, крайние даты, минимальная,

средняя и максимальная цены. Средние цены, по мнению Хелли, наиболее удобны для сравнительного изучения⁷. После сводной таблицы следуют разделы, каждый из которых посвящен одному из товаров, занимающих отдельную строчку в таблице. В случае необходимости текст раздела сопровождается диаграммой, где ось абсцисс — годы⁸, а ось ординат — цена в копейках. На график точками нанесены все данные о ценах на исследуемый товар. Так создается корреляционное поле, на котором построена кривая. Кроме того, на графике проведена прямая средней цены, а также линия регрессии, отмечающая общую тенденцию к понижению или повышению цены в среднем за каждый год исследуемого периода.

При всей своей объемности труд Р. Хелли не закрывает вопрос о ценах в России XVII в., а скорее только ставит его. Прежде всего, неясно, насколько возможно при изучении цен XVII в. выведение единой кривой, демонстрирующей колебания цен на тот или иной товар для всей России. Создание такого графика предполагает наличие в XVII в. единого всероссийского рынка, в то время как его существование еще далеко не доказано.

Кроме того, представляется сомнительным некритическое использование в работе американского исследователя данных, полученных из разных источников. Очевидно, что разные по происхождению документы могут неодинаково освещать процессы, имевшие место на рынке, в том числе и процесс изменения цен. Их данные могут оказаться просто несопоставимыми, поэтому перед статистической обработкой известий о ценах необходимо провести источниковедческое исследование и доказать, что такое использование привлеченных источников правомерно.

В данной статье сделана попытка свести в таблицы данные о ценах на рыбу и рыбопродукты в начале XVII в., извлеченные из однотипного источника — приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря. На наш взгляд, монастырские хозяйственные книги являются массовыми и достоверными источниками⁹, на основе которых можно составить базу о ценах на самые разные товары, купленные на «монастырский обиход».

Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря велись казначеями, как правило, по годам или за небольшой отрезок времени в тех случаях, когда казначейство одного старца длилось несколько месяцев. Каждая книга «считалась» и «ревизовалась» на монастырском сборе, о чем делалась соответствующая запись на первом листе.

В данной статье использованы материалы семи книг за 1603–1611 гг.: старца Евстафия (1 сентября 1603 г. — 1 сентября 1604 г.), старца Филарета (две книги с 13 марта 1605 г. по 1 марта 1607 г.), старца Паисия (две книги с 1 марта 1607 г. по 1 марта 1609 г.), старца Иринарха (2 книги с 25 мая 1610 по 31 августа 1611 г.)¹⁰. Как видим, в кирилловском архиве сохранились приходо-расходные книги (с небольшими купюрами) почти за 10 лет, что позволяет увидеть движение цен на продукты питания в период голода 1603–1604 гг. и «смутного времени».

На трапезе монахов, исключая строгие посты, рыба была одним из основных блюд. Наиболее часто в келарских обиходниках встречается запись: «<...> ясти белья, шти или ушное, квас полуян, двое рыба. А случатся в среду или в пяток, ясти икра или каравай»¹¹. «Гостевой стол» в монастыре также состоял из рыбы и рыбопродуктов. Гостям подавали «ества»: белую рыбицу, «капусту с сельдями», икру черную и красную, паровую рыбу (леща, судака, стерлядь), «студени окрошены от разных рыб», «семгу под лимонь», пироги «мневые» и проч.¹²

В XVII в. Кирилло-Белозерский монастырь владел богатыми рыбными промыслами в Белозерском крае и в Поморье. Рыбу ловили на тонех и езах в реке Шексне, а также на Белом озере «летом с 10 лодок» «кереводами, и переметы, и вершами, и удами, и иными всякими ловлями», а также в других реках «неводами, и поездами и гарвами»¹³. На «морских ловлях» (Терский берег Белого моря) в речках Умбе, Оленице и на «Оленьих рогах» кирилловская братия летом и осенью ловила более 7 тыс. рыб семги¹⁴. Однако рыбы, выловленной на территории собственных угодий, не хватало, и монастырь покупал на рынках значительное дополнительное количество свежей, сухой и соленой рыбы.

Купленная рыба и рыбопродукты учитывались в приходо-расходных книгах наравне с другими товарами. Записи велись по месяцам, как правило, без учета точной даты покупки; указывался вид рыбы; ее количество в штуках (свежая), в бочках (соленая), пудах (рыба ценных пород и икра), в мехах и четвертях (сухая рыба-моль); часто отмечали место покупки; во всех случаях количество затраченных денег, причем большие партии свежей рыбы оценивались суммарно. Приведем типичный пример: «В Каргополе слуга Третьяк Данилов купил на монастырской обиход: мневые икры 19 пуд 17 гривенок, дано 7 рублей 6 алтын 3 деньгою; да рыбы семги свежие воблы 20 пуд, дано 7 рублей 6 алтын 4 денги»¹⁵. В редких случаях фиксировали и число рыб, и их вес («114-го году слуга Посник Михайлов купил в Каргополе семги свежие 90 рыб, весом 40 пуд <...>»)¹⁶. В записи могли включить

только имя продавца («Куплено у белозерца у Первуши у Харитонова 6 бочек рыб сигаovina заонежские, денег дано 8 рублев 17 алтын 2 денги»)¹⁷.

Все особенности учета отражены в табл. 2–5, причем в них не включены: 1) суммарные сведения о цене свежей рыбы (в штуках) и соленой рыбы (в бочках); 2) записи о купленной рыбе, цена которой указана с провозом. Из табл. 4 исключены 525 пудов 2 чети семги, привезенной в монастырь из Турчасова в декабре 1605 г., так как, вероятно, в приходо-расходной книге указанные деньги заплачены за перевоз («додано половина извозу 11 рублев 5 алтын 3 деньгою»)¹⁸.

Свежую рыбу (судаки, лещи, щуки, стерляди, мни, язи, «ряпусы» и др.) покупали в Белозерске или в селах, расположенных вблизи Белого озера. Вероятно, рыбные рынки были и на берегах больших озер. Здесь же покупали соленую «бочечную» рыбу («судочину», «щучину», «лещевину») и икру речных и озерных рыб. В августе 1611 г. зафиксирована покупка трех бочек «белужины». Рыбу ценных пород (лососевых и осетровых) привозили из Каргополя, Ярославля и Москвы или покупали (семгу) на месте лова «под Порогом».

Свежую рыбу: семгу, лососей, осетров продавали штуками, пудами, икру — пудами, реже бочками, сухую рыбу («моль») — «мехами», четвертями и пудами. Величина бочек в приходо-расходных книгах не указана. О. Н. Вилков, опираясь на тобольские таможенные книги конца XVII в., устанавливает вес бочки осетровой икры в 30 пудов¹⁹.

В денежном выражении «рыбные» закупки по годам составили следующие суммы: 1603/04 г. — более 145 руб. (около 15 % от общего количества денежных расходов за год); 1605/06 г. — более 316 руб. (около 11 %); 1606/07 г. — более 287 руб. (около 12 %); 1607/08 г. — более 422 руб. (около 15 %); 1608/09 г. — более 422 руб. (около 12 %); 1610/11 г. — более 673 руб. (около 15 %)²⁰.

Как видно из табл. 2, цены на свежую рыбу на протяжении изучаемого периода не изменились. Цена судаков и лещей, а их покупали чаще всего, определялась размерами рыб и колебалась от 0,2 д. (мелкие судаки «лещевого числа») до 4 д. (судаки «головы», вес более 2 кг). Как правило, за 100 судаков и лещей платили от полтины до 1 руб. Исключение составили купленные в марте 1611 г. 36 лещей по 10 д. за штуку. Значительно реже покупались «щуки большие», их цена поднималась до 6 денег и выше за одну рыбу. Самыми дешевыми были «ряпусы», за 1 тыс. платили полтину (см. табл. 2). Как видим, уровень цен на свежую рыбу в первом десятилетии XVII в. оставался стабильным. Вероятно, на местном рынке Кирилло-Белозерский монастырь был доминирующей силой, диктовавшей свои условия закупок.

Цена на соленую рыбу (чаще всего в одной бочке солили вместе судаков и лещей) колебалась от 60 до 193,2 д. М. Б. Булгаков, основываясь на материалах белозерской таможенной книги 1629/30 г., указывает вес бочки соленой рыбы, равной 6 пудам²¹. Чаще всего за бочку «судочины и лещевины» платили от 80 д. до 1 руб. Значительно дороже — в 1,5 раза и более — стоила бочка сигов (см. табл. 3). Из общего ряда приведенных данных выпадает стоимость бочки «белужины», купленной в Ярославле в августе 1611 г. В целом, приведенные в табл. 3 данные показывают явно выраженный рост цен «на бочечную рыбу» во второй половине 1610 — первой половине 1611 г., причину чего пока установить не удалось. Для объяснения требуется дальнейшее исследование процессов, происходивших на белозерском рынке, в том числе и на рынке соли.

Цены на семгу и осетра даны в табл. 4. Приведенные данные свидетельствуют о некотором росте в начале XVII в. стоимости рыбы ценных пород, по сравнению с 1590-ми гг.²²

Икру покупали в основном «мневую» и «ряпусью», за бочку платили 60–84 д. — примерно столько же, сколько за бочку соленой рыбы. Черная икра стоила почти в 3 раза дороже, поэтому неслучайно записи о ее покупке редко встречаются в кирилловских приходо-расходных книгах (см. табл. 5).

Приведенные нами данные о ценах на рыбу и рыбопродукты, извлеченные из приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря (табл. 2–5), подтверждают несостоятельность работы Р. Хелли, ибо выведенные им показатели о ценах нельзя использовать даже с оговорками. Для убедительности приведем несколько примеров. Так, Хелли, основываясь на 8 записях (1604–1674 гг.) выводит среднюю цену судака за штуку в 15 коп. (30 д.), минимальную — в 1,5 коп. (3 д.), максимальную — в 50 коп. (100 д.). Как было показано в табл. 2, самая высокая цена судака по кирилловским книгам составила 4 д. Цена леща, по Хелли, (18 записей за 1621–1679 гг.) равна 4 коп. (8 д.) за штуку (минимальная), средняя — 15 коп. (30 д.), максимальная — 90 коп. (180 д.); минимальная цена щуки (69 записей за 1621–1689 гг.) — 0,6 коп. (1,2 д.), максимальная — 4 руб., средняя — 50 коп. (100 д.) и т. д.²³ По данным приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря, за лещей и щук в начале XVII в. платили зачастую не более 3 д., только «щуки большие» стоили 6,6 д. (см. табл. 2).

Наша работа демонстрирует перспективность изучения истории цен на основе долговременных и однородных серий данных, полученных в ходе исследования монастырских приходо-расходных книг, а также других источников, достоверность которых будет подтверждена критическим источниковедческим анализом.

Примечания

¹ *Ключевский В. О.* Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему: Опыт определения меновой стоимости старин. рубля по хлеб. ценам: (Материалы для истории цен) // *Ключевский В. О.* Соч. в 8 т. М., 1959. Т. 7: Исслед., рец., речи (1866–1890); *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951.

² *Beveridge W.* Prices and Wages in England from the Twelfth to the Nineteenth Century. Price Tables: Mercantile Era. London, 1939. Vol. 1; *Posthumus N. W.* Inquiry Into the History of Prices in Holland. Leyden, 1946. Vol. 1: Wholesale Prices at the Exchange of Amsterdam, 1585–1914, Rates of Exchange at Amsterdam, 1609–1914.

³ См.: International institute of social history [Электронный ресурс]. URL: www.iisg.nl/hpw [23.07.2009].

⁴ См.: Global price and income history group [Электронный ресурс]. URL: <http://gpih.ucdavis.edu/index.htm> [23.07.2009].

⁵ *Hellie R.* The economy and material culture of Russia, 1600–1725. Chicago; London, 1999.

⁶ *Крайковский А. В.* Цены на соль в России в 1630–1650-х гг. // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 73–99; *Kraikovski A. V.* The salt prices in Russia in 1630-s–1650-s // *Journal Of Salt History*. 2000. Vol 10/11. P. 21–40.

⁷ *Hellie R.* The economy and material culture... P. 12.

⁸ Ось абсцисс у Р. Хелли разделена не так, как обычно — по пятилетиям или десятилетиям. На ней отмечены следующие даты — 1600, 1613, 1633, 1648, 1654, 1663, 1675, 1689, 1700 и 1725 гг. Эти даты были выбраны Р. Хелли по следующим соображениям: 1613 г. — конец династического кризиса (Р. 3); 1633 г. — война за Смоленск (Р. 4–5); 1648 г. — конец Тридцатилетней войны в Европе, городские бунты (Р. 5); 1654 г. — начало войны с Польшей за Украину (Р. 5–6); 1663 г. — вывод из обращения медных денег (Р. 6); 1675 г. — последний год царствования Алексея Михайловича (Р. 7); 1689 г. — вступление на престол Петра I (Р. 7); 1700 г. — начало Северной войны (Р. 7); 1725 г. — смерть Петра I (Р. 8).

⁹ О значении монастырских приходо-расходных книг как основного источника для изучения истории цен в XVI в. писал А. Г. Маньков (см.: *Маньков А. Г.* Цены и их движение... С. 15–22).

¹⁰ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1, Вып. 2: О средствах содержания монастыря. С. ОСXXXVII–OCLX, OCLIX–OCLXXX, ОСXCIX–OCCXXXII, CCLIX–OCCLXV, OCCLXXIV–OCCXCVIII, OCCCIII–OCCCIV; Архив СПбИИ. Кол. 260. Оп. 2. Д. 26. Л. 27–116.

¹¹ *Матфей (Никифоров М.).* Келарский обиходник Матфея Никифорова старца Кирилло-Белозерского монастыря, 1655/1656 год. М., 2002. С. 46. Подробно об этом см.: *Покровская В. Ф.* Описание монастырской трапезы (по рукописи конца XVI в.) // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 239–295; *Шаблова Т. И.* О трапезе в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XVII в.: (По келарскому Обиходнику 1655 г. старца Матфея Никифорова и Описи монастыря 1601 г.) // Наследие монастырской культуры: Ремесло, искусство, искусство: Материалы ист.-теорет. конф., 24–27 февр. 1997 г.: Ст., реф., публ. СПб., 1997. С. 25–35.

¹² *Матфей (Никифоров М.).* Келарский обиходник... С. 140.

¹³ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 1, Вып. 2. С. 115–116. Подробно о рыбной ловле Кирилло-Белозерского монастыря см.: Там же. С. 110–121.

¹⁴ Там же. С. 120.

¹⁵ Там же. С. OCCLXXIX.

¹⁶ Там же. С. OCCXL.

¹⁷ Там же. С. ОСXXXIX.

¹⁸ Там же. С. OCLXXX.

¹⁹ *Вилков О. Н.* Рыбная торговля Тобольска XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. Вып. 1. С. 7.

²⁰ Примерный процент рассчитан, исходя из итоговых данных, подведенных в приходо-расходных книгах: в 1603/04 г. — 991,3 руб., в 1605/06 г. — 2943,88 руб., в 1606/07 г. — 2352,56 руб., в 1607/08 г. — 2804,66 руб., в 1608/09 г. — 3603,4 руб., в 1610/11 г. — 4506,4 руб. (*Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... Т. 1, Вып. 2. С. OCLXVI, OCLVIII, OCLXXXIX, OCCXXXIII, OCCLXVII, OCCC; Архив СПбИИ. Кол. 260. Оп. 2. Д. 26. Л. 123).

²¹ *Булгаков М. Б.* Рыбный рынок г. Белоозера в XVII столетии: (О развитии регион. торговых связей) // Проблемы отечественной истории: Сб. ст. аспирантов и соискателей Ин-та истории СССР. М., 1973. Ч. 1. С. 39.

²² По данным А. Г. Манькова, на Русском Севере цена пуда семги колебалась от 33 д. (1595 г., Унский промысел) до 62 д. (1597 г., Николо-Корельский монастырь); один осетр стоил от 1 д. (1593 г., Ненокса) до 52 д. (Вологда) (*Маньков А. Г.* Цены и их движение... С. 159, 160. Табл. 18).

²³ *Hellie R.* The economy and material culture... P. 71–72. Tab. 5.1.

Приложение

Таблица 1

**Общий объем купленной рыбы в Кирилло-Белозерском монастыре в начале XVII в.
(по данным приходо-расходных книг)¹**

Рыба / год	1603/04	1605/06	1606/07	1607/08	1608/09	1610/11
В бочках соленая судочина, лещевина	84	78	271	247	222	286
сиговина	6	6	9	15	13	11
Свежая (шт.) судоки, лещи, шуки, окуни, язи, юранчики	11150	21036	4347	7950	41534	28172
мни	220	850	50	–	350	17
сиги	–	63	–	–	–	420
«ряпусы»	–	–	–	–	3560	1700

¹ Источник: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь... С. ОСXXXVII–ОСССIV; Архив СПбИИ. Кол. 260. Оп. 2. Д. 26.

Таблица 2

**Цена на свежую рыбу в начале XVII в.
(по данным приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря)¹**

Год/месяц	Вид рыбы	Место покупки	Кол-во (в шт.)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	за 1 шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1603 октябрь	судаки, лещи	Белозерск (Белоозеро) ²	250	2	7	5	447	1,8
ноябрь	судаки, лещи, «непоротые»	–"–	368	2	17	2	504	1,4
	линьки	с. Кивуй	220	1	–	10	210	1
	шуки «поледенные» «головы»	Воже оз.	540	7	31	3	1589	2,9
декабрь	судаки «поледенные средние и меньшие»	Белозерск	3848	44	33	2	9000	2,3
	судаки «поледенные» «числа»	–"–	3277	19	28	4	3972	1,2
	лещи «поледенные» «числа»	–"–	1525	4	22	3	935	0,6
1604 февраль	судоки «поледенные, головы и числа», лещи поледенные	«у озадских крестьян»	152	1	26	4	360	2,4
апрель	стерлядь «погонная»	Белозерск	870	5	8	2	1050	1,2
1605 март	лещи шуки, судаки	не указано –"–	100 70	2	–	–	400	2,4
апрель	стерляди «погонные»	–"–	760	3	20	–	720	1,0
июль	судаки	с. Великоселье	1170	9	33	–	1998	1,7

Год/ месяц	Вид рыбы	Место покупки	Кол-во (в шт.)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	за 1 шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
октябрь	щуки	не указано	130	–	44	–	264	9
	«полежденные» судаки «головы»	Белозерск	3126	45	2	4	9016	2,9
	щуки	–"	83	2	21	–	526	6,3
	судаки	–"	230	1	17	1	303	1,3
	«судочье числа»	–"	3356	19	32	–	3992	1,2
	«лещевого числа»	–"	450	–	15	4,5	94,5	0,2
декабрь	судаки «головы»	Белозерск, «в заозерских се- лах»	1626	24	14	5	4889	3,0
	щуки большие	–"	5	–	5	–	30	6,0
	стерляди	–"	166	1	17	–	302	1,8
	судаки	–"	2343	13	30	5	2785	1,2
	лещи «большие и меньшие»	–"	128	–	17	–	102	0,8
	судаки «головы и числа», щуки, лещи	–"	1929	17	32	3	3595	1,9
	лещи	Воже оз.	780	7	10	–	1460	1,9
щуки	–"	390	3	23	2	740	1,9	
1606 февраль	судаки «головы»	Белозерск	200	3	6	4	640	3,2
	судаки «числа»	–"	350	1	5	4	234	0,7
	судаки «лещевого числа»	–"	230	–	14	4	88	0,4
	сиги	–"	63	–	18	5	113	1,8
	судаки «головы»	–"	200	3	10	–	660	3,3
	меньки	не указано	850	2	–	–	400	0,5
	судаки «головы»	–"	445	8	27	2	1764	4,0
	судаки «числа»	–"	369	2	12	2	474	1,3
судаки «лещевого числа»	–"	500	–	25	–	150	0,3	
1607 апрель	стерляди, щуки	–"	190	1	13	5	283	1,5
октябрь	судаки, лещи	–"	330	4	2	4	816	2,5
ноябрь	лещи, судаки, мень- ки, язи	–"	499	3	5	–	630	1,3
декабрь	судаки, лещи, стер- ляди	–"	969	12	31	–	2586	2,7
1608 январь	судаки, щуки, мень- ки	–"	119	–	61	4	370	3,1
февраль	судаки, лещи, мни, окуни, тарбары	Белое оз.	5477	49	–	100	9900	1,8
март	«погонные» судаки «головы» и «числа», стерляди	не указано	1659	10	17	2	2104	1,3
октябрь	судаки, лещи	–"	400	3	3	2	620	1,6
декабрь	разная рыба ³	«заозерские села»	23271	113	8	5	22653	1
	ряпусы	не указано	3560	2	3	–	418	0,12

Год/ месяц	Вид рыбы	Место покупки	Кол-во (в шт.)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	за 1 шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1609 январь	судаки «головы» и «числа», юранчики	не указано	635	2	18	4	512	0,8
	судаки «головы» и «числа»	с. Кивуй	4938	24	5	2	4832	1
	судаки «числа»	с. Вашки	1170	6	1	4	1210	1
	судаки, лещи, щуки, окуни	Белозерск	5410	37	–	4	7404	1,4
	меньки	не указано	350	–	29	3	177	0,5
	судаки «большого и меньшего числа»	–"–	3730	8	24	5	1749	0,5
1610 май	судки, щуки, язи, тарабары	«заозерские села»	1964	8	21	2	1728	0,9
сентябрь	судаки лещи «головы»	с. Великоселье	409	6	4	–	1224	3,
ноябрь	щуки, ряпусы	Белозерск	1727 ⁴	–	20	2	122	0,1
	судаки «головы и числа», стерляди	–"–	498	7	28	3	1571	3,2
	лещи «головы и числа»	в монастыре	100	2	16	4	500	5
	судаки, лещи «головы и числа»	«в заозерских селах»	3926	51	–	1	10201	2,6
	судаки «числа»	в монастыре у белозерца	1100	8	26	4	1760	1,6
	судаки, лещи, щуки «головы», лещики, тарабары	Азатская вол.	1580	10	–	–	2000	1,3
декабрь	судаки «головы и числа», щуки, мни, лещи, тарабары, окуни	«заозерские села»	13067	150	12	2	30074	2,3
	судаки «головы и числа», лещи «числа»	Азатская вол.	1240	14	11	4	2870	2,3
1611 январь	сиги	в монастыре у «заонежан»	420	3	5	–	630	1,5
	щуки, лещи, судаки «головы и числа»	не указано	412	7	3	4	1422	3,5
	щуки «головы», судаки «числа»	Белозерск	316	8	19	2	1716	5,4
	судаки «головы» и «числа», лещи, стерляди, тарабары	Азатская вол.	3474	24	22	5	4937	1,4
	судаки «головы и числа», лещи «головы и числа», щуки «головы»	Белозерск	1091	8	28	–	1768	1,6
февраль	судаки «головы»	у белозерца	101	2	–	–	400	4
март	лещи «головы»	–"–	36	1	26	4	360	10

¹ Источник: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь...

² Здесь и далее в таблице указано современное название города

³ В состав купленной рыбы входили: стерляди «большие и мелкие», судаки «головы», «большого», «среднего числа» и «лещевого числа», щуки «головы» и «числа», юранчики, тарабары, окуни, сороги, лещи, в том числе 27 щук.

Таблица 3

**Цена на соленую рыбу в начале XVII в.
(по данным приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря)¹**

Год/месяц	Место покупки	Вид рыбы	Кол-во (в бочках)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	на 1 бочку
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1603 ноябрь	с. Вашки	рыба	15	5	8	2	1050	70
ноябрь	не указано ²	«сиговина заонеская»	6	8	17	2	1704	284
1604 март	с. Мегра	рыба	4	2	–	6	406	101,5
май	Воже оз.	«щучина»	25 ³	11	13	4	2282 ⁴	91,4
июль	с. Мегра	«судочина»	6	3	–	9	609	101,5
июль	с. Мегра	–"–	4	2	9	2	456	114
1605 апрель	Воже оз.	«щучина»	20	10	6	2	2038	101,9
август	не указано	«судочина»	1	–	14	–	84	84
	с. Великоселье	«судочина и лещевина»	11	4	25	7	957	87
октябрь	Воже оз.	рыба	7	3	12	–	672	96
	не указано	«судочина и лещевина»	23	10	30	1	2181	94,8
ноябрь	с. Мегра	–"–	26	12	6	–	2436	93,7
1606 январь	не указано	«сиговина, палья»	6	6	20	–	1320	220
февраль	Белозерск	«сиговина»	6	6	–	–	1200	200
1607 май	с. Кивуй	«судочина»	3	–	44	1	265	88,3
июнь	не указано	«судочина, лещевина»	3	–	66	–	396	132
июль	–"–	«судочина»	8,5	7	16	4	1500	176,5
сентябрь	с. Великоселье	рыба просольная	5	4	–	56	856	171,2
ноябрь	Белое оз.	«судочина, лещевина»	85	47	30	5,5	9585,5	112,8
	с. Великоселье	–"–	7	6	10	–	1260	180
1608 февраль	«за Онегом»	сиги	15	24	25	–	4950	330
	–"–	«кельчевина»	1	1	–	–	200	200
	–"–	«судочина, лещевина»	135,5	105	14	3	21087	155,6
июнь	не указано	«судочина, лещевина, шу- чина»	5	3	–	10	610	122
июль	с. Кивуй	«судочина, лещевина»	13	6	5	4	1234	94,9
август	с. Кивуй, с. Мегра	–"–	28	11	33	–	2398	85,6

Год/месяц	Место покупки	Вид рыбы	Кол-во (в бочках)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	на 1 бочку
1	2	3	4	5	6	7	8	9
сентябрь	с. Вашки	—	11	6	6	—	1236	112,4
	с. Мегра	—	27	11	25	—	2350	87
	с. Кивуй	—	5	2	13	2	480	96
октябрь	с. Мегра	—	31	17	2	2	3414	110,1
	с. Кивуй	—	4	2	13	2	480	120
декабрь	«заозерские села»	—	41	25	12	4	5076	123,8
1609 январь	не указано	—	22 ³	11	17	—	2302	104,6
	—	«сиговина, лодога»	13	16	30	—	3380	260
	с. Кивуй	«судочина, лещевина»	8	4	18	4	912	114
1610 сентябрь	с. Мегра	«судочина»	2	—	20	—	120	60
октябрь	—	«судочина» «пластаная и облая», лещи «голова и числа», судочки с примесью	64	38	23	5	7743	121
	с. Кивуй	«судочина» «голова и «числа», лещевина	20	12	8	—	2448	122,4
	с. Вашки	«судочина, лещевина»	43	27	31	3	5589	130
декабрь	«заозерские села»	—	6	3	20	—	720	120
	с. Каргополь	«сиговина»	6	14	23	2	2940	490
1611 январь	в монастыре у белозерца	—	1	2	6	4	440	440
	в монастыре у «заонежан»	—	4	8	10	—	1660	415
май	Воже оз.	«щучина»	20	17	13	4	3482	174,1
август	Ярославль	«белужина»	3	28	—	—	5600	1886,7
	с. Куность	«судочина», «лещевина», палани	11	9	2	—	1812	164,7
	с. Мегра	«судочина», «лещевина»	54	42	15	3	8493	157,3
	с. Кивуй	—	20	17	6	1	3437	171,9
	с. Вашки	—	5	4	27	4	966	193,2

¹ Источник: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь...

² Продал белозерец.

³ 24 бочки и одна изварь.

⁴ Цена указана «с провозом».

⁵ В т. ч. 1 бочка тарбарок.

**Цена на рыбу ценных пород в начале XVII в.
(по данным приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря)¹**

Год/месяц	Место покупки	Вид рыбы	Количество		Цена					
			в пудах	шт.	рубли	алтыны	деньги	всего	денег	
									на пуд	шт.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1605 август	Каргополь	семга «порожская»	20,4	–	10	6	2,5	2038,5	100	–
1606 январь	не указано	лососи свежие	–	13	–	26	–	156	–	12,0
февраль	Москва	осетры	–	54	27	10	–	5460	–	101,1
1607 апрель	не указано	осетры	–	50	20	–	–	4000	–	80,0
август	Каргополь	семга	40	90	16	20	–	3320	83	36,9
1608 январь	Ярославль	осетры	–	100	55	–	–	11000	–	110
1608 февраль	«за Онегом» –"–	лососи	–	27	4	–	100	900	–	11,4
		лососи просольные	–	52	–	–	–	–	–	–
март	Каргополь	семга свежая «вобляя»	20	–	7	6	4	1440	72	–
1609 январь	Каргополь	семга свежая «непоротая порожская»	20	33	6	31	5	1391	69,6	42,2
февраль	у карго- польца	семга «порожская осени»	165	–	47	–	5	9405	57	–
1611 январь	в монастыре у белозерца	лососи свежие	–	44	3	30	–	780	–	17,7
май	Каргополь	семга свежая «обляя»	–	5,5	2	32	2	594	–	108
	под Поро- гом	семга свежая	12	–	5	21	4	1130	94,2	–
август	Ярославль	осетры «волские»	66	–	37	18	1	7509	113,8	–
		«белужина» (3 бочки) ²	–	–	28	–	–	5600	–	–
	Москва	осетры «волские»	–	10	6	–	–	1200	–	120

¹ Источник: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь...

² Бочка белужины стоила более 9 руб. (1886,7 д.).

**Цена на икру в начале XVII в.
(по данным приходо-расходных книг Кирилло-Белозерского монастыря)¹**

Год / месяц	Место покупки	Вид икры	Кол-во (в пудах)	Цена				
				рубли	алтыны	деньги	денег	
							всего	на 1 пуд
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1604 апрель	Каргополь	«мневая»	22	6	22	3	1335	60,7
1605 июнь	Белозерск	икра	3	1	2	4	216	72
август	Каргополь	«мневая»	12	3	11	4	670	55,8
декабрь	не указано	«ряпусья»	3,75	1	14	1	285	76
1606 февраль	Москва	икра	21,5	12	9	3	2457	114,3
1607 август	Каргополь	«мневая»	11,25	3	21	–	726	64,5
1608 январь	не указано	икра	29,5	23	20	4	4724	160,1
май	Вологда	черная	28	25	6	4	5040	180
1609 январь	Каргополь	«мневая»	17	5	27	5	1167	68,7
февраль	Белозерск	«ряпусья»	6	1	32	4	396	66
	не указано	«мневая»	12,25	3	22	3	735	60
1610 декабрь	Карголома	сиговая 0,5 бочки	–	1	25	–	350	–
1611 февраль	Белозерск	«мневая»	1,25	–	17	3	105	84
март	Каргополь	«мневая»	29	11	3	4	2222	76,6
август	Ярославль	черная	4,4	6	32	1	1393	316,6

¹ Источник: *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь...

А. В. Крайковский

ТАМОЖЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ XVII–XVIII вв. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОРСКИХ ПРОМЫСЛОВ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ

Таможенные материалы используются в отечественной исторической литературе уже на протяжении более чем столетия. Основной массив сведений, содержащихся в этих источниках, касается истории торговли. Однако в сферу деятельности таможен входили и иные отрасли экономики. Так, таможенные материалы Русского Севера позволяют изучать также историю морских промыслов, составлявших важнейшую часть местного хозяйства. Настоящая публикация преследует довольно ограниченную цель — осветить изученные коллекции документов и представить возможности, которые они дают для изучения истории использования морских ресурсов.

История рыболовства и охоты на морского зверя в России изучена сравнительно слабо. В отечественной исторической литературе нет ни одного монографического исследования, которое было бы специально посвящено этой тематике. Лишь на протяжении последних лет в рамках глобальных проектов «История популяций морских животных» (HMAP) и «Крупномасштабная историческая эксплуатация полярных областей» (LASHIPA) были созданы работы, комплексно рассматривающие

историю морских промыслов в Белом и Баренцевом морях (наши работы). Разумеется, изучение истории русских морских промыслов еще только началось и перспективы этой работы очень велики.

Таможенные материалы, использованные в наших исследованиях, в основном сосредоточены в двух крупных архивохранилищах — в РГАДА (Москва) и ГААрхО (Архангельск). Документы оказались как в фондах таможенных учреждений, так и в материалах иных фондообразователей, в частности, монастырей. Изученные источники содержат сведения обо всех основных морских промыслах Русского Севера — ловле семги в Беломорском бассейне, трески и палтуса в Баренцевом море, а также дальних охотничьих экспедициях на арктические острова для промысла морских млекопитающих.

Источники по истории различных морских промыслов.

Некоторые документы содержат сведения сразу о нескольких различных видах морских промыслов. Как правило, это таможенные книги либо сводные материалы, составившиеся по итогам деятельности таможен для отчета перед вышестоящим начальством. Наиболее ранние из таких документов относятся к первой половине XVII в. Это приходо-расходные книги Новгородской чети, хранящиеся в РГАДА¹. В этих документах зафиксирован привоз таможенными целовальниками десятины, собранной с различных морских промыслов Севера. Наибольшее количество данных относится к семужным ловлям Белого моря², однако в документах содержатся также упоминания о сборе пошлин с мурманских тресковых промыслов³ и с «кости рыба зубу» — продукции моржовых промыслов⁴.

В фонде Холмогорской таможенной избы ГААрхО сохранилась таможенная книга 1674 г. — уникальный документ, фиксирующий сбор таможенных пошлин в крупнейшем торговом пункте низовой Двины⁵. Значительная часть сведений относится к морским промыслам. Среди товаров, поставляемых на холмогорский рынок, значатся семга⁶, ворвань⁷, кожи моржа и тюленя⁸, а также моржовый клык⁹. Кроме того, таможенники собирали пошлины с рыбаков, возвращавшихся с Мурмана с грузом трески и палтуса. В книге зафиксирован приход людей с промышленниками, явленный ими улов, а также его дальнейшая судьба — продажа, отправка во внутренние районы России и т. д.¹⁰

В начале XVIII в. кольские таможенники создали две таможенные книги, дошедшие до наших дней¹¹. Кола с XVI в. являлась крупнейшим пунктом продажи продуктов морских промыслов, и в таможенных книгах содержатся сведения не только о тресковых промыслах Баренцева моря, но также и об уловах семги в окрестностях Колы. Кроме того, таможенники фиксировали случаи продажи на рынке товаров, полученных от выброшенных на берег китов¹².

Но из всех дошедших до нас памятников таможенного делопроизводства наиболее богатым источником по истории морских промыслов Севера может служить комплекс материалов Архангелогородской таможни, фиксировавший провоз через город соленой рыбы в 1733—1739 и в 1742 г. Уже отмечалась огромная ценность этого источника для истории промыслов на Мурмане¹³. Здесь только следует отметить, что, кроме сведений о треске и палтусе, в документе зафиксирован также провоз семги, сельди, сига и ряпусовой икры¹⁴. Книжки создавались в период действия соляной монополии, и их задачей было максимально строго отслеживать движение соли во всем регионе, поэтому в ней содержатся сведения о привозе соленой рыбы из самых отдаленных мест, в том числе и Пустозерска. Таким образом, документ дает возможность судить не только о промыслах Беломорского и Баренцевоморского региона, но и бассейна Печоры.

В конце XVIII в., в период, когда Коммерц-коллегию возглавлял граф А. Р. Воронцов, таможенники по приказу из Санкт-Петербурга ежегодно представляли подробные экстракты, освещавшие промысловое и торговое судоходство на Белом море. В архивах сохранились документы двух видов. В одном из них фиксировались все товары, привезенные в Архангельск из-за границы и отправленные в иностранные государства на кораблях. Среди этих товаров фиксируются и различные продукты морских промыслов — рыба, ворвань, продукты моржового промысла и др.¹⁵ В документах второй разновидности подробно фиксировалось судоходство в важнейших портах Русского Севера — Архангельске, Онеге, Коле и Мезени¹⁶. Эти реестры дают основания судить о том, какое количество судов и промышленников отправлялись в те или иные точки побережья (на Мурман, на Шпицберген, на Новую Землю), а также какая продукция и в каком количестве доставлялась с различных промыслов на рынок.

Отдельно следует сказать о системе регистрации судов, покидающих Архангелогородский порт. Портовая таможня обязана была строго следить за погрузкой на суда съестных припасов во избежание попыток контрабанды. Вывоз хлеба из Архангельска был обставлен целым рядом формальностей, в том числе и в тех случаях, когда речь шла о припасах, необходимых на промысле. Транспортовка этого провианта промышленниками «про свой обиход», без дальнейшей перепродажи входила в число тех случаев, когда вывоз хлеба из порта Архангельска не облагался таможенными

пошлинами, и власти имели все основания опасаться контрабандной торговли под видом снабжения промышленников.

До нас дошла небольшая часть обширной документации Архангелогородской портовой таможни, касающейся покидающих порт судов, в том числе и промысловых. Для первой половины XVIII в. сохранились челобитные с просьбой о дозволении покинуть порт. Среди этих документов можно найти сведения об отправке промысловых судов в различные регионы Арктики, например, на о. Вайгач¹⁷.

Источники по истории семужных промыслов.

Семга, безусловно, была одним из важнейших ресурсов Русского Севера, и именно ей посвящена самая значительная часть документов, изученных в ходе наших исследований. Таможенники также оставили огромное количество материалов, описывающих торговлю этим товаром. Однако использование таможенных источников для изучения истории семужных промыслов зачастую осложнено рядом обстоятельств. Прежде всего, в таможенных записях, как правило, не указывалось, где была выловлена семга. При отсутствии этих данных ценность прочих сведений заметно снижается. Как правило, наиболее информативными оказываются таможенные выписи, сохранившиеся в архивах монастырей. Так, в архиве Антониево-Сийского монастыря имеется выпись от 1706 г., свидетельствующая, что «в разных месяцах и числах на архангелогородской ярмонке в таможню бургомистру Афанасию Гурьеву с товарищи явлено без выписи Сийского Антониева монастыря с моря с Летние стороны и из Варзуги монастырского промысла на 16 санех 256 пуд рыб семги соленой, бочка рыб сельдей соленых, 6 рыб семги свежей весом 2 пуд»¹⁸. Таможенные выписи, содержащие сведения о привозе семги с промыслов, сохранились и в фондах таможенных учреждений, например, Мезенской таможни¹⁹.

Источники по истории тресковых промыслов.

История лова поморами трески и палтуса на Мурманском берегу восходит к XVI в. Контроль за деятельностью промышленников осуществляли кольские таможенники. Выше уже было сказано о двух дошедших до наших дней таможенных книгах Кольского острога. Но целовальники, подведомственные кольской таможне, осуществляли сбор пошлин с промышленников не только непосредственно в Коле, но и в других пунктах побережья в непосредственной близости от мест лова. Данные об их деятельности такого рода очень редки и скупы. Так, на основании выписей, сохранившихся в архиве Крестного Онежского монастыря, мы можем судить о том, как действовала таможенная застава на Зеленцах, к востоку от Колы. Монастырские старцы по пути с промысла предпочитали платить пошлины не в Коле и не в Архангельске, а непосредственно на месте и брать таможенные выписи. Вероятно, это можно объяснить географическим положением монастыря в устье р. Онеги. Наиболее удобный морской путь от становища Гавриловского, где располагался промысел, до Кий-острова, где улов сдавался в монастырские погреба, пролегает по открытому морю без заходов в сколько-нибудь значимые центры, где могла бы быть уплачена пошлина. Выписи, данные зеленецкими целовальниками, наряду с учетной документацией самого монастыря, являются ценнейшим источником по истории мурманских промыслов²⁰.

В настоящем сообщении я не преследовал цели подробно изложить результаты, полученные в результате изучения представленных материалов. Моя задача была несколько иной. Мне хотелось показать, что, с одной стороны, возможности использования таможенных материалов существенно шире, нежели только история торговых оборотов и торгового обложения, а с другой стороны — что целые сферы хозяйства России до сих пор остаются малоизученными, хотя источники дают все возможности для исследования. Создание истории морских промыслов Русского Севера, игравших огромную роль в экономике региона, представляется невозможным без дальнейшего привлечения таможенных материалов.

Примечания

¹ РИБ. М., 1912. Т. 28: Приходно-расходные книги московских приказов; Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М., 1983; РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Д. 15, 28, 117, 123.

² Lajus J. et al. Status and potential of historical and ecological studies on Russian fisheries in the White and Barents Seas: The case of the Atlantic salmon (*Salmo Salar*) // *The Exploited Seas: New Directions for Marine Environmental History*. 2001. № 21. P. 67–96

³ См., например: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 г. С. 318.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ ГААрхО. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 193 а.

⁶ См., например: Там же. Л. 70.

⁷ Там же. Л. 4.

⁸ Там же. Л. 7.

⁹ Там же. Л. 4.

¹⁰ См. например: Там же. Л. 36.

¹¹ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 908; Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Д. 32771.

¹² Там же. Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Д. 32771.

¹³ Крайковский А. В. Материалы Архангелогородской таможни как источник по истории рыболовных промыслов на Мурмане в XVIII веке // Российская таможня: История, современность, перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 27 июня 2006 г.). Архангельск, 2006. С. 67–71.

¹⁴ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3028.

¹⁵ Там же. Ф. 51. Оп. 6, ч. 1. Д. 239.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 848, 856, 871, 886, 891, 898, 904, 905.

¹⁷ ГААрхО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 545 а. Л. 16. См. также: Там же. Д. 529 н., 2638, 6094; Ф. 58. Оп. 16. Д. 174, 176, 177, 178; Ф. 51. Оп. 6, ч. 1. Д. 209.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 2. Д. 54. Л. 5

¹⁹ Там же. Ф. 829.

²⁰ См. например: РГАДА. Ф. 1195. Оп. 3. Д. 17, 136, 143.

М. Б. Булгаков

МЕСТНЫЙ ТОРГ МАЛОГО ГОРОДА В XVII в. (на примере г. Луха)

После событий «смутного времени» начала XVII в. экономика русских городов начинает постепенно налаживаться. Процесс восстановления городской жизни отразился в писцовых книгах 20-х гг. XVII в. Валовые писцы, посылаемые в города из приказов, снабжались специальными наказами — инструкциями, по которым они должны были проводить описания. В этих инструкциях предусматривалось, кроме описания городских объектов: крепости, крепостного вооружения, монастырей, церквей, осадных дворов, казенных учреждений и посадских дворов жителей, и описание оброчных «статей». К последним относились торговые заведения: лавки, амбары, харчевни, шалаши и т. д., а также кузницы, солоденные омшенники, воскобойни, дворовые и огородные места¹.

Торговые оброчные объекты описывались по следующим параметрам: вид заведения, его размеры «вдоль и поперек» в сажнях, сословный статус («чин») владельца-оброчника с указанием на единоличное или на совместное владение, отметка о «крепостной» документации, по которой оброчник и с какого времени владеет объектом и размер ежегодного денежного оброка. При этом почти всегда назывался ряд, в котором находилось заведение, а иногда указывалось каким товаром торговал владелец («москательем», сукнами, крашенинами, кожами, хлебом, солью, рыбой, мясом и т. д.).

Задачей настоящей публикации является анализ состояния местного торга г. Луха в середине 1620-х гг. и его сравнение с ситуацией 1688 г., т. е. по истечению более чем шести десятилетий. Известно, что последующие валовые описания городов (вслед за описанием начала века) проводились в 1646 и 1678 гг., но перепись 1646 г. описаний городских оброчных «статей» не включала, а перепись 1678 г. включала, но далеко не для всех городов.

В середине 80-х гг. XVII в. правительство предприняло попытку осуществить валовое описание земель и, в частности, городов по принципам описания 1620–30-х гг., но война с Турцией помешала этому мероприятию. Работы по описанию городов, куда были высланы писцы, остались незаконченными, так как писцы в 1686 г. были срочно вызваны в Москву. Естественно, что писцы в городах, в которых они работали, описывали и оброчные «статьи», но полностью закончить их описание не смогли. Поэтому при анализе этих источников исследователям надо учитывать их незавершенность².

Правительство, озабоченное пополнением казенных доходов и в том числе сборов со всевозможных оброчных «статей», с 1640-х гг. посылает в города сборщиков, которые составляли переписи торговых и других объектов с включением в них новых оброчных заведений с указанием новых оброчных окладов. Со второй половины XVII в. правительство такую работу стало поручать местным воеводам с подьячими или высылать в города подьячих из приказов, где «ведались» эти города. Переписчики снабжались наказами, подобными тем, по которым работали писцы 1620–1630-х гг.

Приехав в город, переписчик с помощью воеводы и представителей земской власти — земского старосты и выборных посадских «старожильцев» (они должны были ему помогать по государевой грамоте) проводил «допрос» владельцев оброчных объектов. Последние должны были ему рассказать, какими торговыми заведениями, на каком юридическом основании и с какого года они ими владеют. Писцу следовало представить подлинники документов на право владения (купчие, закладные,

воеводские данные, отдельные, отказные, духовные и т. д.), с которых он делал списки и оставлял для себя. На основании записей «сказок» владельцев-оброчников при их «допросе» и представленной ему «крепостной» документации писец составлял переписные книги городских оброчных «статей». Список с этих книг он оставлял в местной земской избе, а подлинник сдавал в свой приказ вместе с образовавшимся у него архивом. Такие архивы писцов и переписчиков составляют пласт очень ценных источников по экономической жизни русского города XVII в.

В изучаемое время Лух был небольшим городом, расположенным на левом берегу одноименной несудоходной реки (левого притока Клязьмы). Он имел маленькую деревянную крепость (60 на 35 саженей) и являлся центром своего уезда. В настоящее время это поселок городского типа (с 1959 г.) Ивановской области в 94 км к востоку от областного центра. До революции 1917 г. Лух входил в состав Костромской губ.

По данным писцовой книги 1625/26 г., в нем насчитывалось всего 74 посадских двора (37 тяглых, 24 бобыльских и 13 вдовьих), по переписи 1646 г. — 123 двора³, по переписи 1678 г. — 165 тяглых и бобыльских дворов да 22 двора нищих людей, 6 дворов священнослужителей и 5 осадных дворов уездных вотчинников и помещиков, всего 198 «живущих» дворов⁴.

Город и уезд считались «медвежьим углом» региона, лежащего в междуречье Волги и Клязьмы и находящегося вдали от больших водных и сухопутных дорог. Такое положение подтверждается тем, что Лух как торговый центр не привлекал внимания крупных иногородних торговцев и «торгующих крестьян» округи. При городе не было ямской слободы с ямщиками для перевозок казенных грузов и почты. Лух служил недолго местом ссылки для опального боярина А. С. Матвеева в 1682 г. после его северных мытарств. Также отметим, что грамотность посадского населения Луха в первой половине XVII в. составляла всего 13,5 %⁵, в то время как в других торговых городах она была гораздо выше (от 20 до 50 %). В этой связи любопытно обозреть экономическую ситуацию, сложившуюся в городе после событий «смутного времени».

Как и в каждом русском городе, в Лухе функционировала торговая площадь, на которой располагались торговые ряды с лавками. Два дня в неделю (в торговые дни) в город приезжали крестьяне из окрестных селений и торговцы из ближайших городов (Суздаль, Шуя, Юрьевец Повольский, Гороховец). На посаде находилась таможня, а около нее стоял государев кабак.

О состоянии и развитии местной городской торговли в XVII в. исследователи судят по свидетельствам таможенных книг, но эти источники сохранились далеко не для каждого города. Поэтому, чтобы получить представление о состоянии торговой жизни в тех городах, которые не обладают таможенными книгами, надо использовать описания оброчных торговых объектов и другие источники.

Обработанные статистические данные писцовой книги 1625/1626 г. писца И. А. Головленкова и подьячего Василья Львова, касающиеся оброчных торговых заведений города⁶ и сведения переписи оброчных городских лавок 1688 г. подьячего Якова Семенова⁷, представлены в таблице.

Состояние местного торгова г. Луха в XVII в.

Показатели	1625/1626 г.	1688 г.
Число торговых объектов*	50	40
Число владельцев объектов**	34	30
Число владельцев одного объекта	22	20
У них торговых объектов	21	18
Число владельцев двух и более объектов	12	10
У них торговых объектов	29	26
Общий размер годового оброка	3 руб. 3 алт.	3 руб. 31 алт. 2 д.

* В число торговых объектов вошли лавки, полулавки, лавочные места, харчевни и пустые лавочные места, за которые владельцы выплачивали годовой оброк.

** Все владельцы торговых заведений, за исключением одного крестьянина (в 1625/1626 г.) были посадскими людьми – тяглецами и бобылями.

Из таблицы видно, что почти по всем критериям, характеризующим состояние местного торгова в городе на протяжении XVII в., произошел некоторый спад. Так, если в 1625/26 г. на посаде насчитывалось всего 50 оброчных торговых объектов (35 лавок, 14 лавочных мест и харчевня), то в 1688 г. только 44 объекта (34 лавки, 7 лавочных мест и 3 пустых лавочных места). Соответственно уменьшилось и число владельцев оброчных торговых объектов с 34 чел. в 1625/1626 г. до 30 чел. в 1688 г.

Обращает на себя внимание отсутствие на торговой площади амбаров, амбарных мест, полок, шалашей, скамей и других торговых точек, наличие которых характеризует оживленность местного торгового центра. Такая ситуация свидетельствовала о слабой вовлеченности жителей Луха в городской торговле.

Лиц, владевших одним торговым заведением, в начале века насчитывалось 22 чел. Они владели 21 объектом (одна лавка была в совместном пользовании у двух торговцев). В конце века таковых было только 20 чел. У них насчитывалось 18 объектов (у двух владельцев имелись лавки в совместном пользовании). Владельцев-оброчников, имевших от двух до пяти объектов, в начале века насчитывалось 12 чел. Им принадлежало 29 заведений. В конце века их осталось только 10 чел. Им принадлежало 26 заведений.

Из приведенных данных можно сделать вывод о том, что общий процесс мобилизации (концентрации) торговых объектов в руках у наиболее предприимчивых торговцев, заметный во всех городских центрах России, развивался и в Лухе. Так, в 1625/1626 г. двумя торговыми заведениями владели восемь луховских торговцев. В 1688 г. шесть торговцев владели тремя заведениями.

В начале века четверть объектов не владел ни один торговец, а пятью заведениями владел лишь один человек — тяглец Федор Иванов сын Кокорин (двумя лавками и тремя лавочными местами, причем одним лавочным местом он владел совместно с тяглецом Марком Ивановым). Все торговые объекты Кокорина находились в мясном ряду и про род его занятий писцовая книга сообщает: «бьет животину». В тягле он был «с полуденги»⁸ при максимальном обложении тяглецов «с двух денег» и при минимальном «с четверти деньги».

В конце века четверть заведениями владели три человека: Алексей Кириллов сын Зубков, Родион Иванов сын Гаврилов и его брат Петр Иванов сын Гаврилов. Пятью и более объектами в это время, по сведениям оброчной книги, не владел никто. Из приведенных данных следует, что процесс мобилизации торговых объектов у отдельных оброчников в городе находился в заторможенном состоянии из-за слабости и неустойчивости местного рынка.

Отметим, что в 1688 г. увеличилась лишь общая сумма годового денежного оброка города — она составила почти 4 руб. (3 руб. 31 алт. 2 д.), а в начале века эта сумма равнялась 3 руб. 3 алт. Увеличение было достигнуто за счет повышения оброков с некоторых владельцев. Если в 1625/26 г. величина максимального оброка с лавки или с лавочного места составляла 2 алт. 4 д. (минимальный — 1 алт. 2 д.), а оброчных окладов насчитывалось только четыре, то в конце века максимальный оброк с лавки составил 3 алт. 4 д. (минимальный — 1 алт. 4 д.), а оброчных окладов насчитывалось уже шесть. Отметим, что величина годового оброка могла зависеть от размера лавки или лавочного места в сажнях, который мог отличаться в большую или в меньшую сторону от стандартного (2 на 2 сажени), но в основном зависела от состоятельности торговца. Отсюда видно, что правительство не упускало возможности увеличить свои доходы даже с тех оброчных объектов, которые приносили весьма скромную прибыль.

Использованные нами официальные источники, кроме основного вывода о том, что местный торговый центр (по числу торговых заведений) малого города Луха в XVII в. не развивался, позволяют выявить некоторые детали его торговой жизни. Например, из указаний писцовой книги на ремесло владельцев торговых оброчных заведений можно установить, что в основном местная торговля была мелкоотварной и в ней участвовали далеко не состоятельные посадские люди, в том числе и бобыли. К последним относились жители посада, которые в силу своей несостоятельности в тягло «не пригодились» и были обложены облегченной податью по сравнению с денежным тягловым обложением (она в два и более раза была легче тягла).

Так, среди владельцев торговых заведений попадаются такие, которые «животину бьют», «рыбу ловят», «калачи пекут», «делают сапоги», «делают сыромятное», «крашенины делают», «делают серебряное». Ясно, что эти мелкие товаропроизводители на местном рынке продавали свою продукцию. Кроме того, многие владельцы торговых объектов вели мелочный торговый оборот «москатильным товаром», «щепетинным товаром», луком и чесноком, солью и мясом. Четыре владельца, которые владели одной лавкой и тремя лавочными местами, были бобылями.

В 1688 г. среди владельцев лавок также были представлены мясники, серебряники, сыромятники, красильники, кузнецы и четыре бобыля. Один из них — Василий Филиппов сын Мельников — владел тремя лавками в одном объединенном москатильном и соляном ряду⁹.

Приведенные данные свидетельствовали о мелкой торговле местных товаропроизводителей, которая дополнялась небольшим торгом местных скупщиков, что и определяла традиционный замкнутый характер городского рынка, когда минимальный местный спрос на ремесленные изделия и продукты питания удовлетворялся небольшой частью ремесленного производства. Об этом же говорит и тот факт, что официальные описания лавочного городского торгового центра называют всего четыре торго-

вых ряда: мясной, рыбный, объединенный москательный и соляной ряд, и ряд на площади (без конкретного названия). Другие источники — лухские «крепостные» документы второй половины XVII в. — несколько дополняют этот перечень. Так, главным образом в купчих записях на Лухском посаде упоминаются еще ряды щепетинный, горшечный, красильный и Большой москатильный ряд¹⁰.

Видно, что правительственные агенты, присланные из Москвы в город для его описания (в том числе для переписи лавок) в 1625/1626 г. не знали местной хозяйственной специфики и особо не спрашивали о ней у помогавшим им в работе «старожильцев». Что касается переписчика лавок в 1688 г. Якова Семенова, то он свою работу делал наспех. «Скаска» владельцев торговых заведений и «крепостную» документацию он собрал всего за четыре дня (2–5 февраля), но, конечно же, не со всех владельцев, а с 6 по 12 февраля составлял сначала черновые, а затем беловые книги, которые представил в приказ Владимирской четверти 14 февраля¹¹.

Среди владельцев лавок отмечены посадские вдовы — в начале века названа Марфа Михайловская жена Посникова, которой принадлежали две лавки (одна лавка указана в мясном ряду, а для другой ряд не указывался¹²), а в конце века — Фетинья Ивановская жена Шурыгина, владевшая одной лавкой в москательном и соляном ряду¹³ и Арина Петровская жена Кашина, владевшая лавкой в мясном ряду и лавочным местом «на площади»¹⁴. Со временем вдовы передавали лавки своим сыновьям или продавали, если у них не было наследников.

По данным описаний оброчных торговых заведений начала и конца века, можно выявить факт наследственного владения, правда в небольшой доле и, следовательно, факт преемственности торговым занятием, когда лавки переходили от дедов и отцов к внукам и детям, в основном, по отцовской линии. Так, в 1688 г. можно насчитать несколько фамилий (прозвищ) владельцев лавок, которые были известны в начале века. Это Зубковы, Гавриловы, Еремеевы, Поповы и Соколовы. Определение торговой преемственности затруднено из-за того, что писцовая книга во многих случаях не дает полного имени. Она ограничивается или именем и отчеством или именем и прозвищем. Здесь следует отметить, что неустойчивость статуса торговца в условиях слабо развитого местного торгового не способствовала созданию устойчивых торгово-предпринимательских династий.

Слабая рыночная конъюнктура в городе заставляла ремесленников-товаропроизводителей и перекупщиков ориентироваться на внегородские рынки. Луховчане довольно часто выезжали на многочисленные торжки и ярмарки своего и соседних уездов, а также посещали отдаленные города, в частности, Москву и Нижний Новгород. Так, таможенный голова Луховской таможни объяснял недобор пошлинных денег в 1677 г. тем, что посадские торговые люди «для торговых своих промыслов бывают в понизовых и в ыных городех, а приезжают де те торговые люди к Рождеству Христову»¹⁵. Каждый раз недобранные пошлинные деньги по памятам из приказа Большого прихода с должников собирали новые выборные таможенные головы.

Благодаря такой торговой внегородской активности луховчан и участию в городском рынке окрестных крестьян, особенно в торговые дни, местные таможенные сборы давали хоть и скромный, но стабильный доход казне. Например, в 1674 г. они составляли 356 руб. 5 алт. 3 д.¹⁶

Как и во всех русских городах, в Лухе выделялась прослойка состоятельных посадских людей, занимающихся ростовщичеством, откупной деятельностью и использующих в своем промысле труд наемных работников. Так, состоятельный тяглец Лука Гаврилов в 1640 г. был откупщиком Луховской таможни за 175 руб. 30 алт. 1 д.¹⁷ (Отсюда видно, что таможенные сборы в городе к середине 1670-х гг. возросли в два раза, но не за счет увеличения торговых оброчных объектов, а скорее всего за счет расширения товарных привозных и отвозных масс и скорости оборота товаров в «застывших» на одном количественном уровне торговых объектов). Еще один состоятельный тяглец Федор Соколов в 1677 г. был откупщиком «мельницы, что на реке Луху» за 100 руб. 17 алт. 3 д.¹⁸

Переписная книга Луха 1678 г. называет двух торговых людей Суконной сотни, которые жили в своем родном городе и платили тягло вместе с луховскими посадскими людьми. Первый из них — Никифор Еремеев сын Малокуров — владел в городе двумя лавками¹⁹, а про другого — Максима Федорова сына Попова — сказано, что «у него ж купленный ясырь (пленник, невольник — М. Б.) Васька 13 лет, да у него ж бобыль Николаевского монастыря Шархмы (вотчина монастыря — М. Б.) Ивашка Григорьев, а работает из найму погодно да Городца Повольского из Нижней слободы Пашка Кузьмин, работает из найму погодно»²⁰. Еще у одного состоятельного тяглеца Степана Аксенова сына Попова также во дворе отмечен «купленный ясырь Ивашка Васильев, 10 лет»²¹. Все отмеченные луховчане, имевшие зависимых или наемных людей, использовали их в своем товарном промысле или в торговой деятельности как своих приказчиков.

Отметим, что в Лухе переписчик оброчных статей 1688 г. не оброчил промысловые заведения, находившиеся в тяглых посадских дворах (амбары, амбарные и харчевые места, солодовни), что де-

ляли переписчики в других городах. Впрочем, это зависело от наказов. Однако такая неоднозначная оброчная политика казны, конечно, «скрывала» развитие предпринимательской деятельности посадского населения, в частности, в Лухе.

Таким образом, изучение торговой жизни малого города Луха по официальным источникам XVII в. выявило парадоксальное явление в его экономике. С одной стороны, не заметно увеличения торговых оброчных заведений и числа их владельцев — торговцев на посаде, а с другой стороны, прослеживается увеличение торговых оборотов города по данным о таможенных сборах. В то же время в Лухе, как и во всех русских городах в конце XVII в., наблюдается появление прослойки торговых состоятельных людей, использующих труд наемных работников и активно торгующих вне своего города. Такое состояние экономики Луха необходимо проверить по данным других малых городов, по которым имеются необходимые источники.

Примечания

¹ Наказы валовым писцам некоторых городов опубликованы. См.: *Веселовский С. Б.* Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Моск. государстве. М., 1913. Т. 1. № 166–193.

² *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: Исслед. по истории кадастра и посош. обложения Моск. государства. М., 1916. Т. 2. С. 257.

³ *Смирнов П. П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. Т. 1, Вып. 2: Количество и движение населения. С. 124.

⁴ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 11838. С. 17–18.

⁵ *Булгаков М. Б.* К вопросу о грамотности населения малых городов России в первой половине XVII в. (на примере города Луха // *Русское средневековье.* 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 91.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 33–39. Источник — подлинник за рукоприкладством писцов.

⁷ Там же. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 2. Кн. 317. Л. 1–8. Кроме оброчных лавок Яков Семенов переписал и кузницы, о которых мы речь не ведем. Источник — подлинник за рукоприкладством подьячего. Отметим, что переписчик был не из Владимирского приказа, который «ведал» городом, а из Новгородского приказа. Таким образом, в случае необходимости приказы «выручали» друг друга и на какое-то время одалживали своих подьячих. У С. Б. Веселовского указано, что этот подьячий в 1676 г. служил в Патриаршем Разряде (*Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв.: Справ. М., 1975. С. 472). Возможно, это были разные люди.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 10 об.

⁹ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 3–4 об. О бобыльском статусе торговца см: Там же. Ф. 1209. Кн. 11838. Л. 3. Впрочем, по этой переписной книге 1678 г. отчество показано другое — Фомин, что вызывает сомнения в идентичности фигуранта.

¹⁰ Там же. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 4. № 575. Л. 22–60. В этом деле сосредоточен архив переписчика лухских оброчных «статей» подьячего Якова Семенова.

¹¹ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 1. Поспешность и небрежность работы переписчика приводила к ошибкам в его книге. Так, упоминаемый тяглец Алексей Кириллов сын Зубков в своей «скаске» сообщил, что «на Луху лавочных мест и лавок за мною пять мест...» (Там же. Ф. 159. Оп. 4. № 575. Л. 51), а в книге у него обозначено только три лавки и одно лавочное место (еще одно его лавочное место не отмечено). Другой тяглец Иван Иевлев сын сыромятник «сказал, что на Луху на посаде за мною две лавки...» (Там же. Л. 20), а в книге за ним числилась только одна лавка. Такие ошибки вели к некоторому искажению действительности. Статистический подсчет оброчных торговых объектов (см. табл.) мы делали по данным этой, как выясняется, небезупречной официальной оброчной книги.

¹² Там же. Ф. 1209. Кн. 246. Л. 35 об., 37 об.

¹³ Там же. Ф. 137. Оп. 2. Кн. 317. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 6 об., 7.

¹⁵ Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 1461. Л. 253.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Там же. Ф. 371 (Преображенский и Семеновский приказ). Оп. 2. № 31. Л. 158.

¹⁸ Там же. Ф. 159. Оп. 1. № 1462. Ч. 2. Л. 411.

¹⁹ Там же. Ф. 1209. Кн. 11838. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 16 об. Здесь опять же можно предъявить претензии переписчику Якову Семенову, не отметившему в своей переписи новый статус указанных состоятельных луховчан.

²¹ Там же. Л. 3 об.

А. В. Барсукова

ТОРГОВЛЯ КОЛОМЕНЦЕВ ПО ОКСКО-МОСКВОРЕЦКОМУ РЕЧНОМУ ПУТИ В XVII В.*

Издавна в хозяйственной жизни страны большее значение отводилось Окско-Москворецкому речному пути, где особую роль играла Коломна как главный город-порт (после Москвы) этой терри-

тории, который, с одной стороны, обеспечивал прямые коммерческие контакты с «украинскими» городами, а с другой, представлял торговые ворота столицы, через которые шло ее снабжение¹.

Сформулированная в названии статьи проблема рассматривалась в публикациях В. М. Важинского, В. С. Бакулина, Ю. П. Балашовой и М. Б. Булгакова². Результаты их исследований показали, что коломенцы и Коломна выполняли важную транзитную функцию в обеспечении солью и хлебом товарного ассортимента рынков Москвы, Зарайска, Белева, Мценска, Орла. Обращаясь к уже затрогнутому в литературе вопросу, мы остановимся на конкретизации условий, способствующих активной роли коломенцев в соляной и зерновой торговле, дополним имеющийся материал сведениями из архивных массовых источников по Коломне XVII в.

Благодаря своему географическому расположению, рядом со слиянием двух рек Москвы и Оки, Коломна находилась в наиболее оживленной части движения соликамской и пермской соли от мест добычи в районы хранения и распределения³. Задача реализации была возложена государством на соляные дворы, один из которых был организован казной в Коломне во второй половине XVI в. «за Мясным рядом у Москвы реки»⁴.

Определить размеры этого двора можно с помощью ретроспективного метода по данным писцовой книги Коломны 1623/24 г. По источнику, общая площадь владений Строгановых, расположенных на месте гостиного двора, равнялась 406 кв. саж.⁵

Важно то, что интерес к Коломне проявили потомки именно Аники Федоровича — родоначальника сольвычегодско-пермских Строгановых, крупнейших солепромышленников России. Так, по сведениям за 1577/78 г., коломенский соляной амбар Строгановых — Семена Аникиевича (1540 — 22.10.1586)⁶ и его племянника Максима Яковлевича (21.01.1557 — 06.04.1624) — находился рядом с казенным гостиным двором. Возможно, что их собственность расширилась, разросшись на территорию гостиного двора, и к 20-м гг. XVII в. составила 2 соляных амбара⁷. Одно из свидетельств о сроках владения этими соляными дворами содержится в челобитной кашевцев Ф. И. Аргунова и К. Г. Волкова на жену внука Максима Яковлевича Данилы Ивановича (17.12.1622 — 19.10.1668) Агафью Тимофеевну (? — 1680) от 21 марта 1671 г. о взыскании с нее убытков за несвоевременную поставку соли, закупленной челобитчиками у Строгановых в Коломне⁸.

Таким образом, по перечисленным сведениям, соляные дворы рода Строгановых действовали в Коломне с 70-х гг. XVI в. до начала 70-х гг. XVII в. включительно.

Кроме Строгановых, по писцовой книге 1623/24 г., соляную торговлю вели «лучшие» посадские люди Коломны — «Матвеи да Михаило да Петр Кузьмины дети Волкова», в число товаров которых входила рыба, мед, солод⁹. Их тяглые дворы располагались в городе до середины 50-х гг. XVII в.¹⁰, но уже сын Михаила — член гостиной сотни Василий Волков (1625–1655)¹¹ упоминается как владелец двора в Москве¹².

Коломна, представляя собой коммерческий центр на пути следования соли по Оке и Москвереке, привлекла одного из самых видных и богатых торговых людей в России первой половины XVII в. Григория Леонтьевича Никитникова. «В Коломне он платил со своего соляного двора, расположенного на посаде, в год 20 руб. оброка в земскую избу»¹³. Г. Никитников скончался осенью 1651 г. Все свое имущество он завещал внукам, членам гостиной сотни, Борису Андреевичу Никитникову (1648–1654) и Григорию Булгакову (1620–1654) от дочери Марии. Но в 1654 г. чума унесла и их¹⁴.

Для уточнений дальнейшей судьбы соляного двора Г. Никитникова мы обратились к ответной докладной коломенского воеводы Леонтия Кафтырева 1676 г. на государеву грамоту Феодора Алексеевича о проведении учета бывших владений гостя Г. Никитникова для отписки их в государственную собственность¹⁵. Согласно этому источнику, часть коломенского соляного двора перешла к жене Г. Булгакова Анне с сыном, членом гостиной сотни Иваном Григорьевичем (1655–1676), владевшим ею до своей кончины в 1676 г., а вторая половина была куплена, возможно, у правопреемников Б. А. Никитникова, и находилась во владении гостя Семена Афанасьевича Левашова до его смерти в 1669 г.¹⁶

По показаниям земских старост и посадских людей, гость Г. Никитников для строительства своего соляного двора купил «5 тяглых дворов» на территории Большого Посада, расположенного на берегу Москвы-реки¹⁷. Имена 4 посадских тяглецов, чьи компактно расположенные дворы были куплены Г. Никитниковым, позволяют воссоздать данные дозорной книги Коломны 1667 г.¹⁸

Вероятно, московский гость приобрел дворы в результате не одной, а нескольких сделок купли. Причем, пятый двор, упоминаемый коломенским воеводой, скорее всего был присоединен к территории соляного двора следующими за Г. Никитниковым владельцами. Это мог быть опустевший к 1667 г. посадский двор, стоявший рядом с ранее приобретенными¹⁹.

Следовательно, площадь соляного двора Г. Никитникова превосходила 145 кв. саж. С учетом версии о пятом дворе в 60-е гг. XVII в. она была сопоставима с соляным двором Строгановых в Коломне, так как могла равняться более 335 кв. саж.²⁰ На купленной земле Г. Никитников поставил двор и кладовой соляной амбар. Кроме оброка, он уплатил тягло в размере 255 руб. 16 алт. 4 д.²¹

В 50–70-е гг. XVII в. на обеих половинах И. Булгакова и С. Левашова располагались две части соляного кладового амбара, построенного близко к улице. Он был «крыт тесом», но и кровля, и «мосты» уже поизносились. Все жилые и хозяйственные постройки (2 дубовых погреба, конюшня) были обнесены забором с воротами, который тоже обветшал²².

Расположение на посадской территории обширных соляных дворов членов привилегированных купеческих корпораций показывает, что сами коломенцы были заинтересованы в их размещении в городе, так как это открывало им большие возможности для предпринимательства по Окско-Москворецкому речному пути. В 1670–1680-х гг., когда в городе остался только казенный двор, Коломна продолжала играть важную торговую роль. И. Е. Тришкан сомневается, «что в приокских городах до впадения Москвы-реки были соляные дворы»²³. Это позволяет подчеркнуть, что за Коломной благодаря деятельности частных соляных дворов Строгановых, Никитниковых, Булгаковых на протяжении первых двух третей XVII в. закрепилось значение крупного транзитного пункта хранения, распределения и сбыта соли.

Устремляясь по Оке в Орел, «являвшийся основным соляным рынком для южных городов»²⁴, коломенцы укрепляли позиции на протяжении всего пути. Например, по данным П. П. Смирнова, до посадского строения 1649/50 гг. один из Волковых член гостиной сотни Петр Кузьмич (1635–1649) владел двумя соляными сараями и одним соляным двором в Калуге²⁵. В другом случае интересна государственная грамота 1684 г. о включении в посадское тягло Каширы коломенских ямщиков за то, что они «в лавках своих и на лавочных местах торгуют всякими товарами, и приезжим торговым людям те свои лавки в наем отдают»²⁶, но в уплате налогов не участвуют.

Устойчивые связи торговцы Коломны сформировали с рынком другого окского города — Белева — «крупного уездного торгова, правда, испытывающего на себе постоянное влияние более мощного орловского рынка»²⁷. Основным промышленным товаром на белевском рынке была соль, по торговым оборотам которой Белев находился на втором месте после Орла. Таблица, составленная В. С. Бакулиным по таможенным книгам Белева 60–70-х гг. XVII в., позволяет рассчитать объем соляных продаж коломенцев в сравнении с другими городами и уездами²⁸.

Размер соляных продаж коломенцев в Белеве от общей суммы (в %)

Год	1664/65 гг.	1668/69 гг.	1669/70 гг.	1670/71 гг.	1671/72 гг.	1676/77 гг.	1678/79 гг.
%	2,79	11,79	6,24	9,80	41,63	(3,98)	–

Размеры коломенских торговых поставок соли на белевский рынок были непостоянными, но осуществлялись ежегодно. В 1671/72 г. коломенцы заняли первое место на рынке Белева по объему проданной соли (от 9053 до 11838 пудов при цене от 13 до 17 коп. за пуд). Также коломенские городские и уездные торговые люди зафиксированы белевскими таможенными книгами как постоянные покупатели. Число их явок за 60–70-е гг. XVII в. составило 55. Это сопоставимо с Москвой и Московским у. (57), Калугой и Калужским у. (55), Болховом (50).

Но главной целью торговых плаваний коломенцев был Орел. «За период с 1654/55 по 1679/80 гг., т. е. за 25 лет, продажа соли в Орле, судя по таможенной оценке, увеличилась более чем в 13 раз (с 775 до 10285 руб.). Орловский соляной рынок был в руках московских, коломенских и калужских торговцев, на долю которых приходилось в 1654/55 гг. более 95 % всей проданной соли, в 1660/61 гг. более 97 % и в 1679/80 гг. более 80 %»²⁹.

Соляная торговля была очень выгодной, ведь в XVII в. рыночные цены на соль поднимаются на 100 % против уровня цен XVI в.³⁰ На вырученные деньги коломенские торговые люди покупали в основном зерно. Остановимся подробнее на показателях коломенских закупок хлеба для центра страны, главным образом, Москвы.

С 1661 по 1667 г. в первый месяц после вскрытия реки ото льда (обычно март — апрель) из Орла по Оке ежегодно вывозилось от 180 тыс. до 250 тыс. пудов хлеба³¹. Участию коломенцев в крупных закупках хлеба способствовало наличие семи судов около Орла, им принадлежавших³².

Так, в 1658/59 г. было зафиксировано 12 сделок на покупку зерна общей суммой 5126 руб. От общего числа две сделки коломенцев на 1230 руб. составили почти 24 % и заняли второе место после двух сделок торговых людей из Москвы. В этом году одна из крупнейших покупок — на 900 руб. — была совершена посадским человеком Коломны Е. Трофимовым³³, в среднем это около 4000 пудов ржи.

Постоянство рыночных интересов коломенцев подтверждается данными таможенной книги за 1679/80 г. В ней торговая деятельность посадских людей Коломны отражена в 7 % от общего числа явок и почти в 8 % от всей суммы зарегистрированных денег (общая сумма всех явок 994 руб.). Следующая за коломенцами позиция составляла чуть более 5 % от всей суммы зафиксированных денег, а вышестоящая — 8,6 %³⁴.

В 1679/80 г. такие крупные суммы денег на покупку хлеба, как 130 и 300 руб., были зарегистрированы, соответственно, у коломенцев Максима Москвитина и Лучки Дутикова. Привлекая материал по другим источникам, можно сделать вывод, что механизм торгового оборота «соляная продажа — зерновая закупка» в коммерческих связях коломенцев был традиционным. Например, уже упомянутый посадский человек Максим Яковлев сын Москвитин по таможенной книге 1677/78 г. поставил в сентябре на курский рынок 15 мехов соли (280 пудов) стоимостью в 47,6 руб.³⁵

В качестве поставщика соли в таможенных книгах Зарайска 1667–1669 гг. встречается и второй коломенец, торговавший на орловском рынке, — Лука Иванов сын Дутиков, совершивший в сентябре поставку пяти мехов соли на сумму 20 руб.³⁶ По оброчной книге 1670/71 г., он значится в качестве владельца лавки Соляного ряда коломенского торгова, за которую с него был взят оброк в 16 алт.³⁷ В то же время «коломенцы чаще всего из приезжих торговцев появлялись на зарайском рынке именно потому, что этот окский город представлял для них интерес как зерновой местный центр южной части Московского края»³⁸.

Обратившись к хлебной торговле коломенцев, мы решили привлечь данные одной из Можайских кабацких книг за 1637/38 гг.³⁹ Они показывают, что торговые операции коломенцев не ограничивали покупку зерна только последующей перепродажей, а зачастую превращались в целое предприятие с изготовлением нового товарного продукта — солода, который поставлялся в Москву. Активная деятельность коломенцев вызывала предпринимательскую «ревность» москвичей, что выражалось в их прошениях к правительству о сокращении и четком фиксировании коломенских солодяных омшеников. Так, в 1629 г. из 43 омшеников должно было остаться только 25⁴⁰, а с 1637 г. центральная власть ограничила количество омшеников «указным числом», равным 43⁴¹. Настойчивость москвичей вполне объяснима, ведь коломенский солод на рынке столицы, привозимый в том числе и по Москве-реке, явно составлял хорошую конкуренцию.

Для изготовления браги в 1637/38 г. представителями Можайского кабака было произведено 24 покупки ржаного солода, из которых 10 были сделаны у коломенцев на московском рынке. Общий размер проданного солода составил 70 четей московской меры⁴². Все продажи были сделаны с января по март тремя коломенцами: С. Купреяновым (1), В. Григорьевым (4) и С. Фоминым (5). Цена одной чети коломенского ржаного солода составляла от 24 до 26 алт., что было дешевле, чем у прежних продавцов, с которыми были заключены сделки в сентябре — декабре 1637 г.⁴³

Для производства пива в Можайске ячменного солода было куплено 76 четей с полуосьминою. В общем объеме доля проданного коломенцами товара равнялась 58 %. Практически также выглядит размер продаж в процентном соотношении по ржаному солоду, привезенному коломенцами С. Фоминым, Б. Федоровым, М. Петровым, С. Матвеевым и В. Сергеевым на торг в Москву⁴⁴. О систематичности подобных продаж говорит их наличие в течение всего года.

Соляные продажи и зерновые закупки, совершаемые коломенцами по Окско-Москворецкому речному пути, занимали наибольший вес в их торговых операциях, но не ограничивались ими. Например, «из года в год на рынок Зарайска привозили коломенцы обувь, мыло, кожи»⁴⁵. Как рынок сбыта галантерейных товаров привлекал коломенцев также город окского бассейна Мценск⁴⁶.

Таким образом, функционирование соляных дворов в Коломне включало торговых людей города в интенсивный процесс реализации соли, проходящий на приокских рынках в XVII в. Коломенцы активно занимались хлебной торговлей, призванной удовлетворить потребности многотысячной Москвы. По-видимому, торговый механизм «хлеб в обмен на соль» действовал уже в начале XVII в., так как именно после снятия с города польской блокады в августе 1609 г. «хлеб пошел к Москве с Коломны добре много»⁴⁷. Значит, подобная система транзитной торговли, осуществляемая коломенцами, сформировалась в предыдущем XVI в.

Примечания

- * Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 09-01-94713м/Мл «Торговые семьи г. Коломны в XVII веке (генеалогический аспект и особенности именослова): на основе материалов, хранящихся в фондах РГАДА, РГБ, ГПИБ (г. Москва)».
- ¹ Белов А. В. Речная транспортная система Московского края и развитие городов: XIV–XVII в. // *Задавая вопросы прошлому...*: К 75-летию проф. О. В. Волобуева: Сб. ст. М., 2006. С. 164, 167.
- ² *Важинский В. М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // *Города феодальной России*: Сб. ст. памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 298–307; *Бакулин В. С.* 1) Орёл как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Там же. С. 256–263; 2) Торговые обороты и социальный состав торговцев на белевском рынке в 60–70-х годах XVII века // *Труды МГИАИ*. 1965. Т. 21. С. 289–313; *Балашова Ю. П.* К истории торговых связей Московского края во 2-ой половине XVII в. // *Из истории Московского края*: Сб. тр. М., 1975. Т. 2. С. 3–37; *Булгаков М. Б.* Торговое движение по Окско-Московской речной системе в середине XVII века // *Промышленность и торговля в России XVII–XVIII вв.*: Сб. ст. М., 1983. С. 201–219.
- ³ *Тришкан И. Е.* Из истории казенных соляных дворов XVI–XVII вв. // *Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.*: Сб. ст.: Посвящается памяти А. Д. Горского. М., 1991. С. 83.
- ⁴ *Тришкан И. Е.* Из истории казенных соляных дворов... С. 77. Писцовая книга г. Коломны 1577/78 гг. // *Города России XVI века*: Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 54.
- ⁵ Писцовая книга торговых рядов, кузниц и оброчных объектов в городе писцов Галицкой четверти А. Л. Ушакова и подьячего Д. Брянцева 1623/24 г. (РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Коломна. Ч. 1. № 201. Л. 328 об.–329).
- ⁶ Даты жизни Строгановых указаны по: *Введенский А. А.* Торговый дом XVI–XVII веков. Л., 1924.
- ⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 201. Л. 329 об.–330.
- ⁸ *Введенский А. А.* Торговый дом... С. 148–149.
- ⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 201. Л. 43 об.
- ¹⁰ Переписная книга г. Коломны писцов Поместного приказа Ф. П. Неелова и подьячего Г. Богданова 1646/47 г. (Там же. № 206. Л. 955 об.).
- ¹¹ Здесь и далее в скобках обозначены годы упоминаний торгового человека в составе привилегированной купеческой корпорации по: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1.
- ¹² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 206. Л. 858–858 об.
- ¹³ *Тришкан И. Е.* Из истории казенных соляных дворов... С. 80.
- ¹⁴ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 249, 145.
- ¹⁵ Выпись об отписке в казну дворов и лавок гостя Григория Никитникова в г. Коломне, 1676 г. (РГАДА. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 4. № 92. Л. 1).
- ¹⁶ Часть соляного двора Г. Никитникова, возможно, была куплена им не сразу в 1654 г., а позднее. В чине гостя С. Левашов упоминается начиная с 1657 г., хотя Н. Б. Голикова говорит о его пожаловании более пространно — 50-е гг. Вероятно, С. Левашов был членом гостиной сотни с 1645 по 1657 г., а в 1657 г. перешел в состав гостей (см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 121).
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. № 92. Л. 3. 1676 г. В соответствии с общими ссылками, имеющимися в литературе, вероятно, покупка земли в Коломне была произведена после 1632 г., когда Г. Никитников активно начал вкладывать капиталы в солеваренную промышленность (см.: *Никитников Григорий Леонтьевич* // *Slovari-online.ru* [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari-online.ru/word/исторический-словарь/никитников-григорий-леонтьевич.htm> [15.05.2009]).
- ¹⁸ Дозорная книга дворов посадских людей, составленная по наказу из Галицкой четверти писцом Алексеем Семёновичем Полтевым, 1667 г. (РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Галич. Оп. 1. № 20 а. Л. 70 об.).
- ¹⁹ Там же. Л. 70.
- ²⁰ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. № 201. Л. 65 об.–66 об.
- ²¹ Там же. Ф. 159. Оп. 4. № 92. Л. 3–4.
- ²² Там же. Л. 2–4.
- ²³ *Тришкан И. Е.* Из истории казенных соляных дворов... С. 81.
- ²⁴ Там же. С. 85.
- ²⁵ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948. Т. 2. С. 620–621.
- ²⁶ Дело о включении в посадское тягло каширских пушкарей, затинщиков, рыбных ловцов, коломенских ямщиков, бобылей Белопесочского Богоявленского монастыря, занимающихся торговлей в г. Кашире, 1670–1685 гг. (РГАДА. Ф. 159. Оп. 4. ПДНР. № 12. Л. 10).
- ²⁷ *Бакулин В. С.* Торговые обороты... С. 298.
- ²⁸ Там же. С. 291.
- ²⁹ *Бакулин В. С.* Орел как хлебный рынок... С. 257.
- ³⁰ *Тришкан И. Е.* Из истории казенных соляных дворов... С. 81.
- ³¹ *Бакулин В. С.* Орел как хлебный рынок... С. 260.
- ³² *Балашова Ю. П.* К истории торговых связей... С. 17.
- ³³ *Бакулин В. С.* Орел как хлебный рынок... С. 259–260. С марта по ноябрь пуд ржи в Орле стоил 20–21 коп., а с декабря по февраль (включительно) — 25–27 коп.
- ³⁴ Там же. С. 261.
- ³⁵ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 610.
- ³⁶ Таможенные книги Зарайской таможи, 1667–1669 гг. (РГАДА. Ф. 137. Владимир. Оп. 1. № 10. Л. 211).
- ³⁷ Книга сбора оброчных денег с посадских людей Коломны, 1670/1671 гг. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 1-а. Л. 65).
- ³⁸ *Балашова Ю. П.* К истории торговых связей... С. 11.
- ³⁹ См.: *Раздорский А. И.* 1) Можайский рынок в царствование Алексея Михайловича: (По данным тамож. кн. 1644/45–1673/74 гг.) // *Российское государство в XIV–XVII вв.*: Сб. ст., посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексева. СПб., 2002. С. 464–473; 2) Можайские кабацкие книги XVII века // *ВИД*. СПб., 2005. Т. 29. С. 408–413.

⁴⁰ Булгаков М. Б. Торговое движение... С. 204.

⁴¹ Булгаков М. Б. «Крепости» на оброчные заведения горожан Коломны второй половины XVII века // История Московского края: Проблемы, исследования, материалы. М., 2008. Вып. 2. С. 52.

⁴² Книга сбора кабацкой прибыли, винокуренная и варки пива Можайского кабака 1637/38 гг. (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. № 1. Л. 69 об.–80).

⁴³ Там же. Л. 53 об.–69.

⁴⁴ Там же. Л. 97–131 об.

⁴⁵ Балашова Ю. П. К истории торговых связей... С. 9–10.

⁴⁶ Дело о незаконной постройке за рекою Зушею на ямской земле при Новосильской дороге торговых помещений приезжими из Коломны (РГАДА. Ф. 210. Мценск. Оп. 13. № 379).

⁴⁷ АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 299.

В. Н. Филатова

ТОРГ И ТАМОЖНЯ СЕЛА ЛЫСКОВО НИЖЕГОРОДСКОГО УЕЗДА В XVII в.

Село Лысково в XVII в. представляло из себя крупное торгово-промышленное поселение и являлось административно-хозяйственным центром для 5 приселков и 11 деревень. Значительную роль в жизни села играл торг. Опираясь на материалы писцового делопроизводства, мы имеем возможность проанализировать структуру торгового дела, динамику его развития, вопросы, связанные с обложением податями торговых мест.

В 1620-е годы на лысковском торгу насчитывалось 98 лавок и полок, 37 амбаров и амбарных мест (всего 135 торговых мест)¹. Специализация торговых рядов села нашла свое отражение только в описании 1665 г. Наиболее значительными по числу лавок и полок были Щепетильный (21), Овощной (17), Соляной (15), Мыльный (14) ряды. Не меньшую роль играли Калачный (13), Рукавичный (13) и Серебряный (8) ряды. Их название и количество торговых мест в каждом отражало не только уровень развития в Лысково отдельных ремесленных производств, но и спрос на указанные товары лысковчан и крестьян округи.

Лысковский торг состоял из нескольких типов торговых мест: лавок и полок. В первой половине XVII в. для лысковского торгового дела характерно наличие большого количества полок, как более простых по устройству торговых мест. В дальнейшем, с развитием торгового дела, число полок уменьшается, и их место заняли лавки, что в свою очередь свидетельствует о том, что лысковский торг, несмотря на близость Макарьевской ярмарки, развивался как торг постоянно действующий. В середине XVII в. в Лысково устоялся удобный для всех единый торговый день — пятница².

В ходе крестьянской войны в Поволжье, прервавшей доставку соли, рыбы и восточных товаров из Астрахани, в Лысково сократилось число лавок Соляного ряда с 15 до 11-ти, Серебряного — с 8 до 3-х, Рукавичного — с 13 до 3-х, Свечного — с 6 до 3-х. Таким образом, произошло уменьшение общего числа торговых мест на 32 %.

К 1672 г. в Лысково оформилась отдельная «Хлебная площадь». Когда после волнений начала 1670-х годов многие лавочные и полочные места опустели, занимаемые ими земли были расчищены и превращены в специализированную площадь³.

В годы владения селом Лысковым боярином Б. И. Морозовым (1645–1661 гг.) оно стало одним из центров хлебной торговли. Выработанные в Лысково хлебные запасы вывозились местными скупщиками-оптовиками: Василием Муромцевым, Онтропом Леонтьевым, Сергеем Взрезным в города волжского Поволжья и Прикамья. Хлеб также складывался в боярские житницы Нижнего Новгорода, а затем отвозился в Москву⁴. Для доставки хлеба из Лысково целый ряд крестьян имели собственные суда: два судна имели братья Иван и Семен Онтроповы, по одному — Василий Муромцев, Офонка Можухин и другие⁵.

Несмотря на восстановление числа действующих торговых мест, в 1680-х гг. оставалось много и пустующих. Сами жители отмечали, что по сравнению с прежними годами торг стал меньше, владельцы лавок неоднократно обращались с челобитиями, в которых описывали свое бедственное положение⁶.

К 1680-м гг. лысковский торг разделился на два: нижний и верхний базары, это коснулось калачного и соляного рядов. В 1680-е гг. правительством будет издано несколько указов, основной целью которых будет наведение порядка на торгу. Будет издан указ о запрете торговать скоропортящимися товарами, такими, как рыба и мясо, в шалашах и на скамьях⁷. Далее будет установлено наказание в виде изъятия товаров «на Государя безденежно и безповоротно» за реализацию товаров в несоответствующих им торговых рядах⁸.

На протяжении всего XVII столетия отчетливо прослеживается активное развитие торговли в Лысково, чему в немалой степени способствовало географическое положение села. В отличие от Нижнего Новгорода и Балахны, где влияние Макарьевской ярмарки негативно сказалось на числе торговых мест: в Нижнем Новгороде к концу XVII в. по сравнению с серединой этого столетия их число сократилось на 17 %, в Балахне — на 29 %; в Лысково число торговых мест не только не сократилось, но и увеличилось. Данная тенденция может быть объяснена тем, что с течением времени лысковский торг принял на себя часть функций разросшейся Макарьевской ярмарки. Именно здесь, на лысковском берегу, многие торговцы оставляли часть своих товаров, чтобы не оплачивать лишней раз их перевозку.

В 1700 г. общее число лавок, полков и амбаров в Лысково достигло 151. На рубеже веков отчетливо видно отмирание многих направлений торговли и усиление других: превалировала торговля щепетинными товарами и хлебом.

Интересно отметить, что на лысковском торгу значительное число торговых мест (24 % в 1620-е гг.) принадлежало не лысковчанам. В дальнейшем число приезжих владельцев торговых мест в Лысково значительно уменьшилось. Это может быть объяснено укреплением позиций местных торговцев и тем, что приезжие, возможно, после начала функционирования ежегодной ярмарки под стенами Макарьева Желтоводского монастыря предпочитали реализовывать свой товар там.

Торг села Лысково развивался в непосредственном контакте с нижегородским торгом. Местные производители поставляли свои товары туда сами или через посредников-скупщиков, составляя тем самым серьезную конкуренцию нижегородским торговцам. По своим масштабам лысковский торг был сопоставим с торгом нижегородским. Если в основу сравнения положить количество лавок, расположенных на торгу населенного пункта, приходившихся на одного человека, то мы получим весьма интересные цифры: в Нижнем Новгороде в 1620-е гг. на одного человека приходилось 0,22 торгового места, в 1680-е — 0,12 торгового места; в Лысково на одного человека в 1620-е гг. приходилось 0,2 торгового места, во второй половине XVII века — 0,5–0,9 торгового места. Таким образом, торговля в селе Лысково развивалась даже более динамично, нежели в крупном городе, каким тогда был Нижний Новгород.

Вместе с тем, структура городского торгового ряда оставалась все же более развитой: в Нижнем Новгороде в XVII в. было 22–25 торговых рядов, в Лысково их число достигает 14. Отличие городского торгового ряда определялось реализацией здесь товаров элитного потребления: в Нижнем Новгороде был птичий рынок, где закупались кречеты и соколы для царской охоты и в дар иностранным послам, иностранные товары (ювелирные изделия, ткани, бумага, специи и др.).

Лысковские крестьяне и бобыли не замыкали свои торговые интересы исключительно на местных торгах. Среди лысковчан были такие, кто торговал далеко за пределами родного села. Онтроп Леонтьев в волжское Понизовье поставлял хлеб и крупы, его сын сконцентрировал свои интересы на поставках соли-бузуна. Семье Муромцевых принадлежали корабли, и они занимались поставками хлеба. Взрезновы занимались поставками соли, рыбы, хлеба, тканей. Желваковы за пределами Лысково ограничивались поставками соли⁹.

Оброки, которые налагались на торговые места, не были одинаковыми. Разница между минимальным и максимальным размером оброка колебалась от 2 до 13 раз¹⁰. Сумма оброка определялась не только успешностью ведения торговых операций. Так, например, в 1681 г. одному из богатейших крестьян села Лысково Василию Муромцеву принадлежало 8 лавок. В их число входили две лавки в Соляном ряду, которые были обложены самым маленьким оброком из всех 83 лавок лысковского торгового ряда: оброк составлял 1 деньгу с лавки¹¹. Основная же масса торговцев в это же самое время платила от 3 алт. 2 д. до 10 алт. с лавки. Несмотря на то, что две лавки Муромцева были обложены наименьшим оброком, его суммарные выплаты составляли 2,5 % от оброка со всех лавок, к тому же его сын Иван выплачивал еще 4,5 % от общей суммы оброка, владея при этом 5 лавками¹².

Максимальный и минимальный уровень обложения постоянно изменялся, причем какой-либо строгой закономерности в этом не прослеживается. Видимо, при раскладе оброков каждый раз учитывались какие-либо индивидуальные обстоятельства. В зависимости уровня обложения от степени коммерческой успешности прослеживается стремление общины не допустить полного разорения ее членов, так как в противном случае вся тяжесть оброка легла бы на оставшихся ее представителей.

Количество торговых мест в Лысково не являлось постоянным, на протяжении столетия оно неоднократно менялось от 91 до 136. По количественному показателю торг достигал своего наивысшего расцвета в середине 1660-х гг. и в самом конце XVII в. При этом необходимо сравнить и суммы оброков уплачиваемые за эти торговые места.

Сумма оброка, уплачиваемая за торговые места села Лысково¹³

Год	1624–1626	1664	1672	1681	1700
Сумма	16 руб. 29 алт. 4 д.	49 руб. 27 алт. 1 д.	40 руб. 14 алт. 1 д.	45 руб. 2 алт. 5 д.	27 руб. 14 алт. 1 д.
%	0	+34	-19	+12	-40

Несмотря на то, что количество торговых мест к концу XVII в. достигло своего максимума, сумма оброка лишь на 42 % превышала показатель начала века и уступала данным середины XVII столетия на 45 %. Основываясь на этих данных, можно сделать следующий вывод, что к концу XVII столетия единицы лысковского торгога значительно мельчают в объемах своих торговых операций, что сказывается на сумме выплат. Период наивысшего развития торгога — 1660—1680-е гг. (с некоторым снижением экономической активности в начале 1670-х гг.). В конце XVII — начале XVIII в. показатели активности лысковского торгога, как и экономической жизни всего села, резко снизились. Это было вызвано заметным увеличением числа чрезвычайных государственных поборов: «пятин», «десятин», «на конский государев двор», «в корабельное дело», подводные и ямские повинности. К тому же еще с 90-х годов XVII в. Петр I начал требовать сотни и тысячи крестьян «к строению морских судов», к «струговому делу», к «лесной работе» (заготовка корабельного леса), в «кормицки», в «гребцы на плоты», к постройке дорог, на сооружение фортификационных сооружений и т. д. Мобилизация десятков и сотен тысяч крестьян на эти работы разоряла крестьянские хозяйства¹⁴.

В Лысково, как и во всех центрах торговли, прямо на торговой площади, среди лавок и полок находилась таможенная изба¹⁵. Там собирались прибыли от питейных заведений, перевоза, торговли солью, рыбой, лошадьми и другими товарами¹⁶. К 1700 г. в Лысково появилось уже две таможенные избы¹⁷, а таможенных голов стали именовать бурмистрами¹⁸.

Писцовые и переписные книги дают возможность реконструировать устройство таможни. Комплекс таможенных построек находился на кабацком дворе. Таможня и кабак оснащались на средства откупщиков, на что имеется прямое указание в источнике, хотя сами здания — избы принадлежали «государю»¹⁹. Рядом находился важный амбар, где хранились различные меры. В середине XVII в. при лысковской таможне хранилось «10 мер осминных, 10 мер полуосминных, 5 ковшей померных деревянных»²⁰. Собранные таможенным головой и целовальниками средства хранились в самой таможенной избе в особо укрепленных железом сундуках²¹.

В период управления селом Лысковым дворцовым ведомством (до 1645 и после 1665 г.) таможенные сборы и питейные прибыли поступали в местную приказную избу, во времена же Б. И. Морозова — в казну вотчинника.

В 1624–1626 гг. лысковская таможня и кабаки откупались самими лысковчанами за 24 руб. 15 алт. 5 д.²² В середине 20-х гг. XVII в. откупщиком был оброчный бобыль Ивашка Григорьев сына Цылибиев «с товарищи»²³. Судя по сумме оброка, который Ивашка Григорьев выплачивал за двор — 20 алт., он являлся одним из самых состоятельных лысковчан. Обычно на эту должность назначались именно зажиточные люди, так как в случае недобора, по сравнению с прошлым годом, они несли личную ответственность²⁴.

К середине XVII в. сборы, получаемые в таможне села Лыскова, возросли по сравнению с началом столетия. Только за октябрь 1666 г. ею было подучено пошлин на 65 руб. 30 алт.²⁵ Общая же сумма годовых сборов превысила несколько тысяч, так что только А. Леонтьеву в 1659 г. из них было одновременно выдано 2000 руб.²⁶

Даже в условиях охватившей районы Поволжья крестьянской войны под предводительством Степана Разина и резкого сокращения по этой причине привоза сюда товаров из Понизовья таможенно-кабацкие сборы в селе Лыскове составили 2495 руб.²⁷

Но особо значительными доходы лысковской таможни стали после того, как правительственным указом 1691 г. торг рыбой и солью с территории Макарьевской ярмарки был переведен на противоположный берег Волги под Лысково. При этом пошлины с соли и рыбы стали собирать в Нижегородскую таможню²⁸. Официально этот акт частичного подчинения знаменитой ярмарки казне объяснялся тем, что в жалованной грамоте 1641 г. право сбора таможенных пошлин в Макарьев Желтоводский монастырь с этих товаров особо не оговаривалось. В 1693 г. лысковская таможня дала казне 3967 руб., а на следующий год — 5124 руб.²⁹, за что таможенный голова Иван Желваков с ларечными целовальниками был вызван для награды из царских рук в Москву.

Суммы таможенных сборов можно рассматривать как показатель экономической активности торгово-промышленных поселений. Значительность таможенных доходов Лыскова становится очевидной при сравнении их с таможенными доходами некоторых русских городов: например, общая

видной при сравнении их с таможенными доходами некоторых русских городов: например, общая сумма всех таможенных сборов Смоленска в последней четверти XVII в. колебалась от 976 до 1119 руб., Великого Устюга и волостных ярмарок в 1670-х гг. не превышала 2352 руб., Пскова — 3573 руб.³⁰, объемы таможенных сборов в Нижнем Новгороде достигали 33000 руб.³¹ Таким образом, суммы таможенных сборов села Лысково сопоставимы с аналогичными статьями доходов некоторых городов, но не такого крупного центра торговли, как Нижний Новгород.

Таким образом, в XVII в. Лысково являлось крупным торговым центром. Именно в этот период были заложены основы дальнейшего развития села как крупнейшего перевалочного пункта в общероссийской хлебной торговле. О значительности товарооборота лысковского торгового центра красноречиво свидетельствуют данные таможенных денежных сборов.

Примечания

¹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–38 об.

² Там же. Ед. хр. 8. Л. 74 об.

³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 169.

⁴ *Забелин И. Е.* Материалы для истории русской иконописи // Временник Императорского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 7. С. 112.

⁵ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 3 об., 6 об., 7.

⁶ Там же. Ед. хр. 8. Л. 215.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 2. № 1038.

⁸ Там же. № 1040.

⁹ *Филатов Н. Ф.* Государевы предприниматели Леонтьевы – Онтроповы // Каждый род знаменит и славен: Из истории нижегород. предпринимательства XVII — начала XX в. Н. Новгород, 1999. С. 26–29; *Филатов Н. Ф.* Торговые люди — крестьяне Муромцевы // Там же. С. 22–25; *Филатова В. Н.* История крестьянских родов XVII века (по материалам Лыскова) // Записки краеведов: Очерки, воспоминания, ст., док., хроника. Н. Новгород, 2006. С. 76–81.

¹⁰ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 30–33; ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 386–392.

¹¹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 78 об.

¹² Там же. Л. 75 об.–80.

¹³ Таблица составлена на основании данных: РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2, 5, 7, 8; ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13.

¹⁴ *Стиридонова Е. В.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 201; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2168.

¹⁵ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 74; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 6035. Л. 518.

¹⁶ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 75.

¹⁷ Там же. Ед. хр. 7. Л. 49–50 об.

¹⁸ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 50 об.; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 1750, 1813.

¹⁹ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29 об.–30.

²⁰ ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 385.

²¹ Там же. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 384 об.–385.

²² РГАДА. Ф. 141. Д. 35. 1622 г. Л. 274.

²³ РО НижГОНУБ. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 29 об.

²⁴ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 200–201.

²⁵ ЦАНИЖО. Ф. 2013. Оп. 602-а. Д. 13. Л. 385.

²⁶ Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. М.; Л., 1945. Ч. 2. С. 93.

²⁷ Труды Историко-археологического ин-та. Т. 10: Разгром разинщины. М., 1934. С. 55.

²⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 3. № 1409.

²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 21. Д. 33191. Л. 1.

³⁰ *Тверская Д. И.* Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959. С. 77.

³¹ *Филатов Н. Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История, архитектура. Горький, 1989. С. 54–55.

С. Н. Кустерев

ОСОБЕННОСТИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ УСТАВНЫХ ТАМОЖЕННЫХ ГРАМОТ ЮЖНОРУССКИХ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII в.

Сравнительный анализ текстов уставных таможенных грамот, относящихся к регионам, достаточно рано вошедшим в состав единого Русского государства, прежде всего — так называемому Замосковному краю, иногда показывает стабильность норм сбора таможенных пошлин на протяжении длительного времени в предшествующий Смуте период¹. Несомненно, такой стабильности не

наблюдается уже в первые по окончании Смуты годы на территориях к югу от Оки, в подведомственных Разрядному приказу уездах.

В качестве примера можно сослаться на ситуацию с изменением правил взимания таможенных сборов в Курске. В начале осени 1619 г. право сбора пошлин в этом городе было предоставлено крестьянину боярина князя Ивана Борисовича Черкасского Ивашке Ефремову сыну Юршину². Началом его деятельности был назначен день 22 ноября, а датой платежа первой половины откупной суммы — 22 мая следующего года. Однако вскоре новоявленный откупщик обратился в Разряд с просьбой о выдаче ему уставной грамоты, мотивируя свою просьбу тем, что «государевы уставные грамоты в Курске нет, в литовское разорение утерялася, и мне твоей государевы пошлины збирати не по чему». При этом он не настаивал на получении некоего оригинального документа, а испрашивал грамоту «против вяземской уставной грамоты, по чему б мне было в Курску пошлина збирать»³. Требование откупщика было уважено, и 3 марта 1620 г. появился документ, содержательная часть которого в целом действительно повторяла нормы уставной грамоты таможи Вязьмы, выданной в сентябре 1616 г. крестьянину боярина Ивана Никитича Романова Тимошке Петрову⁴. Анализ установлений, содержащихся в тексте новой курской грамоты⁵, показывает, что правила сбора пошлин в Курске претерпели серьезные изменения по сравнению с предшествующим откупом И. Е. Юршина годом, насколько об этом позволяют судить сведения, содержащиеся в таможенных книгах этого города 1619 г.⁶ Причем изменение произошло, естественно, в сторону увеличения норм сборов, что, разумеется, было к выгоде в первую очередь самого откупщика, чьи обязательства в отношении казны оставались неизменными. Тем самым, можно отметить, что проявленная И. Е. Юршиным личная инициатива имела своим следствием изменение правил сбора таможенных пошлин в целом уезде, и вряд ли стоит думать, что извлеченная откупщиком выгода оказалась случайностью, а не результатом его целенаправленных действий. Несомненно, сам Юршин, требуя документ по аналогии с вяземской уставной грамотой, не преминул заранее сопоставить размеры пошлин, прописанные в ней, с обычными для Курска и не смог не оценить открывающихся перспектив.

Примечательно, что сама уставная таможенная грамота Вязьмы была в 1616 г. дана по образцу появившейся несколько ранее такой же грамоты Можайска. Это явствует из текста вяземского документа: «бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси боярина Ивана Никитича Романова крестьянин Тимошка Петров, а сказал, ездят де в Вязьму торговые всякие люди с своими товары, и с тех деи с торговых людей с товаров их таможенных всяких пошлин збирати не по чему, уставные грамоты нет. А в приказе Большого приходу после московского розоренья вяземские уставные грамоты не сыскано, и государь бы его пожаловал, велел ему дать свою государеву уставную грамоту, по чему ему збирать таможенную всякую пошлину, против можайские уставные грамоты»⁷. Можайская грамота была дана 14 марта 1613 г. и в списке сохранилась до нашего времени⁸, что позволяет произвести сравнение ее положений с вяземским аналогом. Таковое сравнение показывает принципиальное совпадение норм уплаты пошлин в Можайске и Вязьме, как они прописаны в обоих документах. Таким образом оказалось, что сначала в Можайске и Вязьме, а затем и в Курске произошла унификация правил таможенных сборов, причем в последних двух пунктах она стала следствием частной инициативы откупщиков Т. Петрова и И. Е. Юршина.

Юршин нашел последователя в лице крестьянина Константина Ивановича Михалкова Томилки Волкова, который в 1620 г. получил на откуп сбор кабацкой и таможенной пошлин в Ельце. Он был обязан заплатить казне на 200 руб. больше, чем Иван Фатьянов, собиравший пошлины в Ельце годом ранее. Видимо, опасаясь за успех своего предприятия при сохранении прежнего порядка и рассчитывая на получение дополнительного дохода за счет повышения норм собираемых пошлин путем замены местного устава иногородним, Волков подал челобитную, в которой просил разрешить ему использовать такой таможенный устав. «Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, — писал челобитчик, — вели, государь, мне дати уставную грамату с курские уставные грамоты, а причальная [с] стругов и с комян вели, государь, томоженную пошлину брать с елецкия уставные грамоты»⁹. Нетрудно заметить, что здесь нет речи об утрате настоящей и сохранявшей силу елецкой таможенной грамоты, напротив, судовые пошлины предполагается собирать, ориентируясь именно на ее предписания. Все же остальное откупщик предпочел бы взимать с торговцев, применяя нормы курского устава. Несомненно, что в данном случае подразумевалась именно уставная грамота, только что полученная Юршиным. Следовательно, ее нормы были весьма привлекательны для елецкого откупщика. Единственным затруднением было отсутствие в ней даже намек на возможность транспортировки грузов речным путем. Для Курска это не имело значения, поскольку, как отметил А. И. Раздорский, мелководность р. Тускарь, лишь в нескольких километрах ниже по течению впадавшей в Сейм, исключала возможность доставки товаров в город речным путем, почему

курские таможенные книги XVII в. не содержат известий о подобных транспортах¹⁰. Выход из положения Волков нашел в выборочном применении правил старой елецкой грамоты.

На обороте челобитной Томилки Волкова читается помета «Дать грамоту». Следовательно, усилия и этого предприимчивого крестьянина не пропали даром, а последующая на протяжении года его деятельность по сбору кабацких и таможенных пошлин была достаточно успешна, хотя в будущем это и стало причиной его бед. Опись Разрядного приказа 1668 г. под 132 г. упоминает «Дело сыскное по челобитью елецкого кабацкого и таможенного откупщика Костянтинова крестьянина Михалкова Томилка Волка на розрядных подьячих на Дорофея Пустынникова да на Федора Иванова в том, что за ним Томилком был в откупу елецкой кабак и таможня в 128-м году на год, и он те откупные деньги на тот год заплатил сполна, и откуп отказал, и об отказе подписную челобитную им отдал, и они для своей бездельной корысти тое челобитную утаили, и навалили на него тот кабак (так в публ. — С. К.) таможню в другой год з большою наддачею неволею, и имали с нево посулы, и от тово ему убытки учинились многие, а сверху у того дела начало и челобитная згнила и изодрано»¹¹. Видимо, даже повышение размеров пошлин в соответствии с нормами курского устава не могли обеспечить новые требования приказных дельцов, но в первый год Волков достиг неплохих результатов.

Таким образом, можно заключить, что к трем перечисленным выше уездам, где благодаря стараниям откупщиков произошла унификация норм сбора таможенных пошлин, в 1620 г. присоединился еще один — Елецкий.

Выступая в роли откупщика в Курске в 1619 г., И. Е. Юршин не оставил этого своего промысла и в последующее время, меняя лишь города и выбранные в качестве образца нормативные акты. Осенью 1628 г. он подал челобитную, в которой приказные деятели могли прочитать: «...дано мне на Лебедяни кабак и пошлина на откуп на нынешней на 137-й год, и мне, сироте твоему, твоей государевы пошлины збирать не по чему. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, сироту своего, вели, государь, мне дать свою государеву уставную грамоту, как дана уставная грамота на Воронеж, по чему б мне было твоя государева пошлина збирать, чтоб я в том откупу в недоборе в конец не погиб»¹². Его просьба не осталась без внимания, и 9 декабря того же года требуемый документ был выдан, но по образцу уставной таможенной грамоты Оскола: «И на Лебедянь таможная уставная грамота с Оскольские уставные грамоты, какова дана на Оскол во 137-м году откупщику Олешке Золотову, дана»¹³. Таким образом, образовался еще один комплекс уездов, где нормы сбора таможенных пошлин оказались унифицированы. Правда, на сей раз инициатива откупщика натолкнулась на встречную инициативу служителей государственного учреждения, решивших по какой-то причине использовать в Лебедяни правила Оскола, а не Воронежа. К сожалению, пока нет возможности достаточно определенно говорить о сходстве или отличиях норм взимания таможенных пошлин в Воронеже и Осколе, и не исключено, что они и не отличались друг от друга сколько-нибудь существенным образом. Пока же будет более осмотрительно район использования изложенных в Лебедянской грамоте правил ограничивать для 1628 г. двумя уездами — Оскольским и Лебедянским.

Однако история на этом не окончилась. 4 марта 1629 г. в Разрядный приказ от имени назначенного в Елец верным таможенным головой воронежского жильца Мартына Мосалитинова поступила челобитная, в которой тот писал: «И по твоему государеву наказу я, сирота твой, у того Ивана Хромого с товарищи кобацкия запасы принел и в том с ним росписался, а житные, государь, меры и приемочные и отдаточные ведра принял неорлены, нет де на Ельце житных мер и кобацких ведр орляных от елетцкого разоренья. А твоей государевай уставной грамоты у Ивана не примал, а сказал он мне, сироте твоему, есть де списак с твоей государевай с уставной грамоты в съезжей избе у воевод, и тот, государь, списак не сполна, не против твоих государевых иных уставных грамот, что на Вороножи и на Белегороде и по иным городом, что, государь, Сосною рекою ходят в судах нимо Елец и с Ельца торговые люди с товары, и твоих государевых никаких пошлин ни с людей явки, ни причального, ни мыта, ни з дуги нимоезду взяти не по чему, твоей государевай уставной грамоты на Ельце в таможенной избе нет. А прежняя, государь, кобацкия и таможенные головы имывали твои государевы всякия пошлины з городовых и с приезжих людей с товаров и которые люди в судах ходят Сосною рекою нимо Елец и с Ельца, применяючись к иным городом, и в том, государь, з городскими и с приезжими людьми чинитца спор великай, что, государь, на Ельце в таможенной избе твоей государевай уставной грамоты нет»¹⁴. Насколько можно заметить, Мартыну было известно о существовании хотя бы неполного списка с некоей уставной грамоты. Кажется, не будет слишком смелым допустить, что это был список с грамоты, данной в 1620 г. Томилке Волкову, а неполнота обусловлена именно отсутствием в этом документе правил взимания судебных пошлин, которые сам Волков предполагал собирать, используя более древнюю елецкую грамоту. Видимо, в чем-то важном, особенно в части

правил о судебных пошлинах, этот неполный список отличался от известных Мосалитинову белгородской и воронежской грамот. И в данном случае примечательно, что в восприятии Мартына наличие таких несоответствий елецкого документа двум другим представлялось уже как нечто нарушающее порядок, противоречащее естественному положению вещей. Его указание на то, что и предшественники на должности собирали пошлины, не используя имеющийся список, а «применяючись к ыным городом», свидетельствует о солидарности верных голов в стремлении, пусть даже вынужденном, к унификации таможенных правил.

Дьяки, думный Федор Лихачев и Михаил Данилов, уже 11 марта выдали требуемый документ, взяв за образец уже известную нам по лебедянскому эпизоду оскольскую грамоту¹⁵. Следует учесть, что и Юршину в Лебедянь грамоту по образцу оскольской выдали те же должностные лица. В результате к комплексу из двух — Оскольского и Лебедянского — уездов присоединился еще один — Елецкий. При этом пока нет оснований утверждать, будто появление в Ельце нового документа радикально изменило нормы таможенных сборов в этом месте.

Вышеизложенное позволяет заметить, что унификация правил взимания таможенных пошлин, возводимая исследователями обычно к так называемому таможенному тарифу 1653 г., началась значительно раньше и в первую очередь на окраинах Русского государства в первой трети XVII в. Невозможно полностью отрицать участие в этом процессе правительственных чиновников, в частности, дьяков Разрядного приказа, но начало его было обусловлено инициативой частных лиц, прежде всего, откупщиков рубежа второго и третьего десятилетий на юге страны. Изменение стародавних норм выступало не просто в виде увеличения размеров сборов, но и в форме уравнивания этих размеров в отдельных регионах, объединявших большее или меньшее число уездов. Это явление в его начальной стадии можно было расценивать как реформу без реформатора, частичное преобразование системы государственных финансов при крайне пассивной роли самого государства.

Примечания

¹ В частности, на Белоозере и в Пошехонье, насколько позволяют судить сохранившиеся материалы нормы сбора пошлин не менялись на протяжении целого столетия с 1497 по 1602 г. (*Кустерев С. Н.* 1) Таможенные правила в Белоозерском крае в середине XVI — начале XVII в. // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб., 2007. С. 195–205; 2) Таможенные правила на Белоозере в конце XV — середине XVI в. // Вестник Нижневартковского гос. пед. ун-та. 2009. № 3 (в печати).

² О торговцах и промышленниках из числа крестьян кн. И. Б. Черкасского см.: *Щенетов К. Н.* 1) Торгово-промышленная деятельность и расслоение крестьянства в вотчинах Черкасских в XVII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): Сб. ст. М., 1958. С. 59–72; 2) Помещичье предпринимательство в XVII в.: (По материалам хозяйства князей Черкасских) // Русское государство в XVII веке: Новые явления в соц.-экон., полит. и культур. жизни: Сб. ст. М., 1961. С. 17–38.

³ *Кустерев С. Н.* Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // ОФР. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 211–233.

⁴ Крестьяне И. Н. Романова часто выступали в роли откупщиков таможенных и кабацких пошлин. В Бежецком Верхе в Веси Егонской кабак с 26 октября 1619 г. обычным сроком на один год был на откупе за неким Степанком Рухлядником (РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Разрядный приказ. Кн. 1. Ч. 1. Л. 366–367). С сентября 1620 г. мыт и явку в Калуге откупил Василий Урманов (*Кустерев С. Н.* Документы о таможенном деле в Калуге и Перевитске в начале 20-х годов XVII в. // ОФР. М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 141. № 4). Известна уставная таможенная грамота, выданная летом 1622 г. из приказа Большого Прихода ошастковскому таможенному откупщику Андрею Тройнину (*Полевой Н. А.* Русская вивлиофика, или Собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы. Т. 1. М., 1833. С. 60; *Гейман В. Г., Гранстрем Е. Э.* Краткая опись древнерусских грамот, хранящихся в Отделе рукописей ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, 1613–1629 гг. Вып. 3 // Краткий отчет о новых поступлениях, 1947–1949 гг. / ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отд. рукописей. Л., 1952. С. 102. № 190; ОР РНБ. ОСАГ. Оп. 2. № 197). В 1629 г. псковские кабаки откупили закладчики И. Н. Романова некто И. Хмелевский с товарищами (*Соловьев С. М.* Соч. в 18 кн. Кн. 5, т. 9. М., 1990. С. 285; История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1: От средневековья до середины XIX в. С. 107–108; *Афанасьев В. И.* Обзор собрания псковских актов А. Ф. Бычкова // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 186; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. С. 756. № 179; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 281). С 1 сентября 1634 г. воронежские таможня и кабак были переданы на откуп крестьянину с. Пасского Калужского у. Андрону Григорьеву (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 74. Л. 31–32; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 145).

⁵ *Кустерев С. Н.* Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. № 5.

⁶ Памятники южновеликорусского наречия: Тамож. кн. / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1982. С. 81–100.

⁷ РГАДА. Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 1. № 1. Л. 241.

⁸ *Кустерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. 1). С. 75–77. № 35.

⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 1. Л. 77.

¹⁰ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 97.

¹¹ Описи архива Разрядного приказа XVII в. / Подгот. текста и вступ. ст. К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 489.

¹² РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 28. Л. 155.

¹³ Булгаков М. Б., Гамаюнов А. И. Уставная таможенная грамота города Лебедяни 1628 г. // ОФР. М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 234–243.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 28. Л. 289–290.

¹⁵ Там же. Стб. 28. Л. 293 а–304.

Л. А. Тимошина

ТАМОЖЕННАЯ ГРАМОТА 1654 г.: ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ

Важнейшим этапом в развитии таможенного законодательства и таможенного дела в России стала середина XVII в., когда был подготовлен и принят хорошо известный в отечественной историографии документ, датированный 25 октября 1653 г.¹, который исследователи, ориентируясь, вероятно, на его различные заголовки в публикациях, называли и называют по-разному — торговый устав, уставная грамота, таможенный тариф². Через полгода, 30 апреля 1654 г., возник еще один акт, называемый чаще всего уставной грамотой царя Алексея Михайловича, также связанный с регламентацией некоторых сторон таможенной системы³. Однако из-за существовавшего, по-видимому, у исследователей определенного параллелизма в восприятии двух документов, в целом ряде работ грамота 1654 г. не упоминалась вообще⁴, а историки, обращавшие внимание, главным образом, на ее содержание, трактовали грамоту как дополнение к торговому уставу 1653 г.⁵ или меру, направленную исключительно на отмену откупов⁶, не задавались вопросом об обстоятельствах возникновения акта. Решение этого вопроса начнем со сравнительного анализа двух, появившихся почти одновременно, документов.

Прежде всего, обращает на себя внимание первичная форма актов и способ их последующего существования. Документ 1653 г. представляет собой приговор царя и боярской думы — «государь... указал и бояре приговорили», вынесенный 25 октября этого года, за скрепой думного дьяка Алмаза Иванова. Никакие особенности внешнего оформления документа не отмечены. Приговор 1653 г. был, вероятно, записан, ориентируясь на повседневную делопроизводственную практику, в конце докладной выписи, по которой царю и членам боярской думы зачитывали дела, требовавшие решения высшего государственного органа, а скрепа А. Иванова, находившегося в 1653 г. одновременно во главе Посольского приказа и Новгородской четверти⁷, позволяет полагать, что выпись готовилась сотрудниками этого последнего учреждения, так как круг вопросов, ведавшихся Посольским приказом, был несколько иным. Следовательно, и само дело с инициативными документами — подлинными челобитными и сказками торговых людей — формировалось в Новгородской четверти. Не исключено, что впоследствии из-за большого объема и важности содержания приговор был переписан в виде отдельного, впоследствии опубликованного, документа, отсюда и присутствующее в публикациях уточнение — «Торговый устав (в списке)».

Документ 1654 г. имеет вид указной грамоты («Божиею милостию мы, великий государь царь... указали есмы»), подготовленной, как следует далее из ее текста, в двух экземплярах, каждый за подписью царя («за нашу царскою рукою») и с золотой печатью, первый из которых был отдан на хранение («положили есмы») в кремлевский Успенский собор («в соборной церкви Пресвятыя владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии честнаго и славнаго ея Успения и великих святителей российских чудотворцов Петра, Алексия, Ионы и Филипа»), второй — вероятно, в Казенный приказ («царского величества в казне»). Заметим, кстати, что такой чести — находиться в Успенском соборе, чтобы «сама небесная царица Богородица и российстии чудотворцы» «соблюдали» их нерушимость, не удостоился в XVII в. ни один акт, включая Новоторговый устав и основной законодательный памятник столетия — Соборное уложение. Затем документ был напечатан на Московском печатном дворе тиражом 1200 экземпляров и вышел в свет 30 апреля 1654 г.⁸

Приведенных «внешних» различий уже достаточно, чтобы понять полную несхожесть документов 1653 и 1654 гг., составлявшихся, бесспорно, в различных учреждениях и разными лицами. Для подтверждения высказанного предположения проведем текстологический анализ актов.

Приговор 1653 г. написан с использованием обычных как для приказной практики в целом, так и для регламентирующей таможенной документации в частности терминов⁹ и в соответствии с общей структурой уставных грамот, например, с привычным выделением отдельных клаузул через предлог «А».

Совершенно иначе, витиеватым, вычурным, церковно-книжным языком, абсолютно далеким от четкого, лаконичного, делового языка приказной документации, в иной стилистике и с применени-

ем иной лексики и грамматики написана грамота 1654 г., отдельные цитаты из которой уже были приведены выше. Дополним их: после первой вступительной фразы следует «Сего ради умилившись и потщавшись, яко да поможет нам господь бог благоподражательное наше начало сотворити, якоже весть святая его благодать мир строити и любя тем присно на лучшее преуспевати и от любопытных низу плещущих горе восходити...» и т. д.¹⁰ Вместо четких и совершенно недвусмысленных санкций за различные нарушения по приговору 1653 г. («а сыскивать про утаенные товары и про цену всякими сыски накрепко, а буде кто доведется пытки, пытать») в документе 1654 г. читаются весьма расплывчатые и, главное, не содержащие реальных санкций филиппики: «Такожде заповедаем о Христе бозе детям нашим и внучатом и всем, хранящим державу царствия Российского, ему же господь бог благоволит, хранити в предъидущия веки сие наше изображение, еже есть, уставную грамоту непреступно соблюдать, и того ради воздаст ему господь бог в будущем веце вечная нетленная благая, о них же божественный апостол известует»¹¹.

Из этих фрагментов очевидно, что текст, подобный грамоте 1654 г., не мог возникнуть в светском государственном учреждении; постоянные апелляции к богу, московским чудотворцам, сочинениям апостолов, угрозы посмертной вечной муки вместо реальных наказаний в земной жизни, наконец, само место хранения документа — кафедральный собор, свидетельствуют о его появлении в церковном ведомстве. Исходя же из важности содержания (защита торговых людей от лихоимства откупщиков и мытчиков), особенностей оформления (золотая печать) и последующего хранения (Успенский собор) допустимо предположить участие в составлении документа высших церковных иерархов.

Определенное направление поиска подсказывает заключительный фрагмент грамоты с сообщением о том, что акт был положен в Успенском соборе «в царствующем нашем граде Москве при отце нашем и богомолце святейшем Никоне патриархе Московском и всея России». Высказанное предположение несколько неожиданно, но как нельзя лучше подтверждается при обращении к сборникам материалов, связанных с жизнью и деятельностью московского первосвященника.

Среди таких подборок имеется ряд сборников постоянного состава, включающего в себя: «Известие о рождении и воспитании и о жизни святейшего Никона» Ивана Шушерина; грамоту 30 апреля 1654 г.; грамоту царя Алексея Михайловича в Воскресенский монастырь о наименовании места Новым Иерусалимом; «видение» патриарха Никона; его же ответы присланным в Воскресенский монастырь архимандриту Чудова монастыря Иоакиму и думному дьяку Дементию Башмакову; грамоты газскому митрополиту Паисию и константинопольскому патриарху Дионисию; переписку Никона с митрополитом Иконийским и Каппадокийским Афанасием и греком Саввой Дмитриевым; «голос» епископа Полоцкого Каллиста в защиту Никона; проект низложения патриарха Никона на соборе 1660 г.; «чудеса врачевные» опального иерарха; духовную царя Алексея Михайловича; челобитную строителя Воскресенского монастыря старца Германа царю Федору Алексеевичу с просьбой о возвращении Никона из заточения; послание царя Федора Алексеевича в Кириллов монастырь; разрешительные грамоты вселенских патриархов 1682 г.; рассказы о «видениях», произошедших в Воскресенском монастыре; акrostихи на могиле патриарха Никона¹².

Исходя из постоянного, несмотря на разные рукописи, подбора сочинений и документальных материалов в существующих в настоящее время сборниках, можно с полной уверенностью утверждать, что именно такой состав был характерен и для протографического сборника, размноженного затем в нескольких списках. Историки русской книжности XVII в. датируют появление этого сборника хронологическим промежутком 1681–1686 гг., когда И. Шушерин написал свое «Известие», и самым концом XVII в. (запись о «видении» 1695 г.)¹³. Следовательно, и включение в протографический сборник грамоты 1654 г. произошло в этот хронологический период. Дальнейший же анализ тематического состава материалов сборника позволяет сделать еще ряд важных для нашей темы наблюдений.

Во-первых, бросается в глаза хорошая продуманность всей подборки: литературно-публицистическое «Известие» И. Шушерина, охватывающее всю жизнь Никона, дополняется наиболее важными документальными материалами, характеризующими ключевые моменты жизни патриарха. Во-вторых, достаточно строго соблюдаемый (нарушения есть только в порядке расположения «видений») хронологический принцип расположения документов «конвоя». Все вместе взятое позволяет полагать, что составитель сборника очень хорошо знал все обстоятельства жизни и деятельности патриарха Никона и имел свое собственное представление о наиболее показательных в этом отношении документах, свою, если угодно, историографическую концепцию. Следовательно, и грамота 1654 г., открывающая этот комплекс, была включена в него сознательно и составитель сборника прекрасно понимал связь этого документа с патриархом¹⁴.

Патриаршее происхождения грамоты 1654 г. хорошо объясняет такие отмеченные выше особенности документа, как книжно-церковный язык, отличный от приказного делового письма, хранение первого экземпляра грамоты в кафедральном московском Успенском соборе, появление акта в печатном виде вскоре после того, как Московский печатный двор перешел под контроль патриаршего ведомства.

Атрибуция грамоты 1654 г. патриарху Никону неизбежно ставит достаточно сложный вопрос о степени его личного участия в подготовке документа. Ответ на него требует проведения серьезных текстологических исследований. Сейчас же выскажем некоторые первоначальные и, возможно, подлежащие в дальнейшем корректировке наблюдения.

Анализ приговора 25 октября 1653 г. и грамоты апреля 1654 г. показывает определенную близость текста этих документов в постановляющих частях:

Приговор 25 октября 1653 г.	Грамота 1654 г.
<p>А перевоз имать на больших реках, на Волге и на Оке*, в косую воду, весною на Николин день вешний, а в осень с Покрова до заморозья, с товарные телеги по десяти денег; а с тутошних с уездных людей с товарной же телеги ... по шти денег; а с проезжей телеги по четыре деньга, а с верхового человека по три деньга, с пешего <u>по две деньга</u> (СГГД. Ч. 3. № 158. С. 492)</p>	<p>...перевозы, на Волге и на Оке, в вешнюю полуую воду по Николин день, с большия з двойныя телеги по десяти денег; с одинакия с товарныя телеги по шти денег; а с ... проезжих бестоварных телег по четыре деньга, а с вершника проезжаго человека по три деньга, с пешаго <u>по деньге</u> (СГГД. Ч. 3. № 173. С. 519)</p>

* Полу жирным шрифтом выделены совпадающие фрагменты, подчеркиванием — различия.

Очевидно, что составителю грамоты 1654 г. был не только известен, но и доступен (в том или ином виде) приговор 1653 г., без непосредственного использования которого такая текстуальная близость вряд ли была бы возможна; различия же в норме взимания перевозной пошлины с пешехода (две деньга или одна) могут объясняться опиской или опечаткой, допущенной как в XVII, так и в XIX в. (в дальнейшем с привлечением конкретных таможенных документов эту величину можно и нужно проверить).

Вместе с тем, очень подробное перечисление в грамоте 1654 г. пошлин, которые следовало отменить и не отдавать в откуп (посаженного, привального, грузового, головщины и др.), отсутствующее в приговоре 1653 г., свидетельствует о знакомстве составителя нового акта с местными уставными таможенными грамотами предшествующего периода, где упоминаются подобные пошлины¹⁵, или просто с повседневной недавней практикой взимания пошлин.

Отметим теперь некоторые личные качества патриарха Никона, способствующие работе над этим документом: известны его многочисленные автографы (отписки из Новгорода в 1650 г., письма царю Алексею Михайловичу, подписи на грамотах), выполненные беглым и уверенным, хотя и не каллиграфическим почерком¹⁶, не просто грамотного, а постоянно пишущего человека. Исследователи же его творчества постоянно отмечают хорошее владение словом, уверенное знание церковно-учительской литературы, публицистическую одаренность автора¹⁷.

Объединение этих двух наблюдений позволяет предполагать непосредственное участие патриарха Никона в подготовке и, весьма вероятно, написании текста грамоты 1654 г. в ее начальной и заключительной частях, наполненных церковно-книжной риторикой¹⁸. Однако средняя часть документа, где излагаются собственно нормы таможенного обложения, несколько отличающаяся и по лексико-грамматическому строю, вряд ли может быть напрямую атрибутирована самому патриарху. Скорее всего, эта часть была первоначально подготовлена кем-то из служителей патриарших приказов, знакомым с приказной делопроизводственной документацией. И здесь уместно, пусть и сугубо предположительно, упомянуть дьяка Патриаршего разрядного приказа с 1652/53 по декабрь 1662 г. Лукьяна Голосова, хорошо образованного выходца из приказной среды¹⁹, который с декабря 1662 г.²⁰ станет дьяком Посольского приказа, что не может не свидетельствовать о его высоких профессиональных достоинствах.

В любом случае эти наблюдения позволяют еще раз подчеркнуть, что подготовка грамоты 1654 г., не являясь спонтанным актом, проводилась вполне основательно, что заставляет задаться следующим вопросом — о причинах появления документа.

Напомним, что грамота 1654 г. была не первым примером вмешательства патриарха Никона в экономическую сферу: по указу от 11 августа 1652 г., исходящего, как и грамота 1654 г., от имени

царя, но составленного, по мнению исследователей, по инициативе патриарха, воплотившего в нем уже в общегосударственном масштабе свои идеи периода пребывания на новгородской митрополичьей кафедре²¹, была проведена так называемая «кабацкая реформа». По меткому замечанию С. Б. Веселовского, «реформа эта была проникнута необычайной для московского правительства решимостью пожертвовать фискальными интересами ради отвлеченных идей» и решительно порывала «со всеми кабацко-приказными традициями», и, вероятно, поэтому была неудачна — уже к 1663/64 г. различные ее положения были отменены и почти полностью восстановлен старый порядок²².

Параллели очевидны: почти одновременное с чрезвычайно значимыми для личного положения Никона событиями (интронизация на патриарший престол 25 июля 1652 г. и открытие 27 февраля 1654 г. инициированного им поместного собора, посвященного церковным реформам²³) появление двух²⁴ формально исходящих от имени высшего светского правителя, а в действительности подготовленных по замыслу высшего духовного иерарха актов, по своему содержанию связанных с финансово-экономическими вопросами, но одновременно имеющих идеологическую, если угодно, абстрактно-гуманистическую направленность, не слишком хорошо сочетающуюся с реальной жизнью, — борьба против разоряющего народ излишнего пьянства и таких же действий мытчиков и откупщиков, мздоимцев и лихоимцев (на самом деле, таможенные нормы грамоты 1654 г. не вносили практически ничего нового по сравнению с приговором 25 октября 1653 г.). Одинаков был и конец инициатив патриарха: несмотря на все инвективы грамоты с золотой печатью откупа ликвидированы не были²⁵, наоборот, и в следующие десятилетия правительство рассматривало именно откупную систему сбора таможенных пошлин (там, где, разумеется, это было возможно — в относительно небольших по объему сборов таможнях) как наиболее предпочтительную²⁶.

В целом, представляется, что причина появления грамоты 30 апреля 1654 г. крылась в стремлении патриарха Никона высказать в открыто публицистической форме свои собственные взгляды не только в отношении церковных обычаев, но и сфере общественной жизни, развития экономики и финансов в момент своего наивысшего влияния, в том числе и на царя, и подчеркнуть свой авторитет, используя появившиеся в его распоряжении мощности печатных станков московской типографии (понятно, что степень распространения среди различных групп населения 1200 экземпляров печатного текста была заведомо выше, чем рукописных приказных копий). Вряд ли случайно и исчезновение следов этого влияния после ухода с исторической сцены самого патриарха.

В заключение рассмотрения обстоятельств появления грамоты 1654 г. заметим, что в дальнейшем необходимо изучить, привлекая материалы таможенного производства, особенности применения «приказного» и «патриаршего» документов — использовались ли приговор 25 октября 1653 г. и грамота 30 апреля 1654 г. параллельно или предпочтение отдавалось какому-то одному документу и какому именно; насколько широко и где именно была распространена печатная грамота²⁷; существовал ли таможенный откуп в период 1654–1658 гг., в момент пребывания Никона на патриаршем престоле. Ответы на эти вопросы помогут окончательно определить характер грамоты 1654 г.: представляла ли она собой некое идеолого-публицистическое произведение, причем одно из первых, напечатанных в московской типографии при патриархе Никоне, или являлась действующим законодательным актом.

Примечания

¹ Публикацию текста см.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. № 158; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 107; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4: 1645–1700. № 62/II; Таможенное дело России: Сб. док. и материалов. Т. 1: 907–1721 гг. М., 1997. С. 136–138 (по тексту ПСЗРИ).

² Литература, посвященная этому акту, весьма обширна, поэтому сошлемся на две библиографии, включающие среди прочих работ исследования по таможенному законодательству: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 747–757; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII в. Тамбов, 2006. С. 545–571.

³ Публикацию текста см.: СГГД. Ч. 3. № 173; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 122; Таможенное дело России. Т. 1. С. 39–41 (по тексту ПСЗРИ).

⁴ Грамота 1654 г. не упоминалась ни в общих исследованиях по истории таможенного дела (*Николаева А. Т.* Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // *ИЗ.* 1950. Т. 31. С. 262–263); *Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955 (Гл. 1. § 4. Торговля / К. В. Базилевич, Н. В. Устюгов; Гл. 7. § 3. Финансы / Н. В. Устюгов; Шумилов М. М.* История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. СПб., 1999), ни в работах, посвященных таможенному делу или развитию торговли в отдельных регионах (*Шемякин А. И.* История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль, 2000; *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке) или таможенной деятельности отдельных категорий населения (*Булгаков М. Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004 (Гл. 3. § 1. Службы посадских людей в таможнях, кабаках, при банях и мельницах)).

- ⁵ См., например: *Семенов А.* Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. СПб., 1859. Ч. 1. С. 9–10; *Тихонов Ю. А.* Таможенная политика Российского государства с середины XVI до 60-х годов XVIII в. // *ИЗ.* 1955. Т. 53. С. 276; *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 42.
- ⁶ *Захаров В. Н.* Таможенное управление в России в XVII в. // *Государственные учреждения России XVI–XVIII вв.*: Сб. ст.: Посвящается памяти А. Д. Горского. М., 1991. С. 52.
- ⁷ *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 105, 132–133, 243.
- ⁸ *Зернова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Свод. кат. М., 1958. № 255; *Гусева А. А.* Издания Московского печатного двора в период патриаршества Никона // *Федоровские чтения.* 2005. М., 2005. С. 305.
- ⁹ Ср.: «имати (*вариант:* емлют) таможенные пошлины с рубля по две деньги (*вариант:* четыре деньги) с рубля» — уставные грамоты Соли Вычегодской 1590 г., Устюга Великого 1619 г., Переславля-Рязанского 1620 г., Перевицка 1621 г. (*Кустерев С. Н.* 1) Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. 1). С. 19–26; 2) Документ о таможенном деле в Калуге и Перевицке в начале 20-х годов XVII в. // *ОФР.* М.; СПб., 2005. Вып. 9. С. 146–149, 152–156) и «таможенную пошлину имати <...> по десяти денег с рубля» — приговор 25 октября 1653 г. (СГГД. Ч. 3. № 158. С. 490).
- ¹⁰ СГГД. Ч. 3. № 173. С. 517.
- ¹¹ Там же. № 158. С. 490, 491; № 173. С. 518, 519.
- ¹² ОР ГИМ. Собр. Е. А. Барсова. № 897, 898; Собр. П. П. Щукина. № 667 (отсутствует первая часть — «Известие» И. Шушерина, но это, скорее, дефект конкретной рукописи — утрата начала); Воскресенское собр. № 129-бум; ОР РГБ. Ф. 310. Собр. В. М. Ундольского. № 415; РГАДА. Ф. 357. Собр. Саровской пустыни. Оп. 1. № 127.
- ¹³ Во всех изданиях «Известие», текст которого заимствован именно из сборника, публикуется без «конвоя» (лучшее, на наш взгляд: *Шушерин И. К.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). 2-е изд. М., 1908 (с предисловием архимандрита Леониды), т. е. без всех других материалов, в том числе и грамоты 1654 г. Архимандрит Леонид указал на присутствие после текста жития «нескольких актов», которые, с его точки зрения, «имеют лишь значение исторических материалов и уже все напечатаны в разных сборниках и периодических изданиях», и поэтому опускаются. Церковный археограф был неправ: и напечатаны в то время были далеко не все, входившие в сборник, материалы, и само изучение сочинения И. Шушерина предполагает обязательный анализ включающих его рукописей, что невозможно без их полной публикации. Однако именно это обстоятельство и послужило, по-видимому, причиной того, что историки не знали о существовании грамоты 1654 г. в подобном контексте.
- ¹⁴ К сожалению, в литературе неизвестно не только имя составителя сборника, но и не ставился вопрос о необходимости его определения.
- ¹⁵ См., например: *Раздорский А. И.* Можайская уставная грамота 1613 года // *Кодекс-Info.* 2000. № 9. С. 135–139; *Кустерев С. Н.* 1) Нормативные документы таможенных учреждений... С. 19–26; 2) Документ о таможенном деле в Калуге и Перевицке... С. 146–149, 152–156; 3) Уставная таможенная грамота Курска 1620 г. // *ОФР.* М.; СПб., 2009. Вып. 13. С. 211–233; *Булгаков М. Б., Гамаюнов А. И.* Уставная таможенная грамота города Лебедяни 1628 г. // Там же. С. 234–243.
- ¹⁶ Образцы почерка патриарха Никона см.: Патриарх Никон: Облачения, лич. вещи, автографы, вклады, портр. из собр. Гос. Ист. музея, музея-заповедника «Москов. Кремль»... / [Е. М. Юхименко и др.]. М., 2002. С. 58. № 17; С. 70. № 28; С. 79. № 31.
- ¹⁷ См., например: *Севастьянова С. К.* Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками: Исслед. и тексты. М., 2007. С. 176–320.
- ¹⁸ Показательно упоминание в грамоте «нового чудотворца» митрополита Филиппа, мощи которого сам Никон, тогда еще митрополит Новгородский, привез весной — в начале лета 1652 г., к авторитету которого он апеллировал в написанных лично им сочинениях этого периода, в частности, в «Слове благополезном...» на основании Валдайского Иверского монастыря, сочиненном до 1656 г. (См.: *Никон, патриарх.* Труды / Патриарх Никон; Науч. исслед., подгот. док. к изд., сост. и общ. ред. В. В. Шмидта. М., 2004. С. 80).
- ¹⁹ О Лукьяне Голосове см.: *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 110, 111, 117, 211, 217.
- ²⁰ *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат... С. 232.
- ²¹ Публикацию текста см.: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. № 72, 82. Об указе см.: *Веселовский С. Б.* 1) О кабаках и кружечном дворе в 1651 г. в Новгороде // *ЧОИДР.* М., 1907. Кн. 1. Отд. 4. Смесь. С. 38–40; 2) Две заметки о Боярской думе // *Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели.* Сб. ст., посвящ. С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 299–310.
- ²² *Веселовский С. Б.* О кабаках и кружечном дворе... С. 38.
- ²³ Подробнее см.: *Макарий (Булгаков М. П.).* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 7. С. 80–90.
- ²⁴ 30 апреля 1654 г. датирован опубликованный текст грамоты. Первоначальный же документ (рукописный текст, с которого делался набор) был подготовлен, по всей видимости, учитывая процесс создания подобного рода актов (черновик → редакционная правка → беловик) и время, необходимое на собственно типографские работы в конце марта — первой половине апреля 1654 г.
- ²⁵ Примеры их сохранения см.: *Захаров В. Н.* Таможенное управление в России... С. 52.
- ²⁶ В частности, в 1668 г. грамотой из Москвы за приписью дьяка Дмитрия Шубина путивльскому воеводе М. Волконскому было предписано «таможню и кабаки отдать на откуп из наддачи... охочим людям», которых, правда, как следует из отписки самого воеводы, в городе не обнаружилось, и поэтому во главе этих учреждений были поставлены верные головы (РГАДА. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 2. № 235. Л. 12, 78 (листы в столбце перепутаны)).
- ²⁷ В настоящее время известны отдельные экземпляры печатной грамоты (например: РГАДА. Ф. 196. Собр. Ф. Ф. Мазурина. Оп. 2. № 278. Л. 1–2) или упоминания о ее существовании (*Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 216).

ВОРОНЕЖСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ ИЗБА В XVII в.

В XVII в. сбор таможенных пошлин с населения города Воронежа и Воронежского у. осуществлялся административным аппаратом таможенной избы. На протяжении всего столетия, наряду с таможенными пошлинами, им же собирались так называемые «питейные прибыли», то есть доходы с кабака (позднее кружечного двора). Сбор этих двух видов пошлин мог осуществляться как верными головами, так и откупщиками.

Таможенный голова представлял собой самую важную фигуру на таможне. Он оценивал товар, разбирал конфликты целовальников с торговыми людьми, отвечал на запросы из центра. Его обязанностью было осуществление делопроизводства. Голова регулярно, раз в месяц или даже чаще, проверял приходно-расходные книги, оценочные росписи строений и инвентаря.

В 1659–1660 гг. в Воронеж воеводе Сеиту Алексеевичу Хрущеву были присланы грамоты из Москвы о сборе таможенных пошлин и прибыли с кружечного двора. Ему было поручено приказать, чтобы голова и целовальники таможенную пошлину и прибыль с кружечного двора «сбирали с великим раденьем неоплошно, чтоб таможенную пошлину и с кружечного двора прибыль перед прежними годами собрать с прибылью»¹.

В тех же документах указывалось, что в случае, если голова и целовальники начнут сами пить на кружечном дворе или будут злоупотреблять своим положением, они должны будут возместить ущерб из собственного имущества. Голову предостерегали от использования денежных средств для собственных целей и от «поноровки», то есть помощи друзьям и знакомым. Перед таможней все должны были быть равны.

В штатах таможни имелись целовальники. Они в свою очередь могли быть универсальными сборщиками или специализироваться на особом виде пошлин. На таможне один из целовальников назначался старшим, он же по совместительству являлся ларечным (ларешным). Ларечный целовальник фактически выполнял роль казначея. Он же занимался приготовлением и покупкой вина. Были также «ходячие» и караульные целовальники. Они, как правило, направлялись для сбора пошлин в торговые места и охраняли таможенную избу. Остальные назывались рядовыми целовальниками. На должности целовальников привлекались служилые люди и черносошные крестьяне. Целовальники не назначались, они всегда избирались из местного населения. В обязанности целовальников входили оценка товаров и сбор пошлин. Они заведовали таможней, кружечным двором, брали откупные деньги с бань и ухажаев, а также могли выполнять самые разнообразные мелкие поручения, если на таможне не хватало для этих целей людей. Целовальники также стояли за стойкой на кабаке, а позднее на кружечном дворе. Эти должностные лица контролировались головой ежемесячно, в некоторые годы еженедельно.

Среди архивных документов Воронежского у. удалось найти довольно любопытный документ — роспись голов и целовальников воронежского таможенного и кружечного двора с 1674 по 1680 г. Согласно росписи, в 1677 г. головой был некий Агей Лосев. Должность целовальников при нем исполняли 10 чел.: Василий Титов, Василий Полуэктов, Давид Присыпков, Афрам Исачев, Трафим Сукочого. Из казаков были выбраны Матвей Догав, Тимофей Макашев и Яков Дехтев. Из стрельцов — Терентей Ключенской и Иван Дубровин².

Для ведения письменной документации на таможне обязательно находился дьячок. 1 сентября 1679 г. по государеву указу и по грамоте из Разряда и по приказу воронежского воеводы Максима Михайловича Карташова воронежские дворяне и дети боярские выбрали таможенным головой сына боярского Максима Григорьевича Протопопова. В помощь ему «для письма» тогда же был выбран дьячок Мартын Петров, «чтоб государевой казне приход вел и приходные книги писал в правду против евангельской заповеди»³.

В штате Воронежской таможни имелся вспомогательный персонал. Здесь работали сторожа, рассыльные, ярьжные. Их нанимали на полгода или на год. Были здесь таможенные приставы, ходоки или посыльщики, которые ездили к уездным целовальникам. Иногда в помощь таможенному голове выделялись местные стрельцы и воеводские рассыльные. В 1694 г. в январе по указу из Москвы голове воронежских стрельцов и казаков С. Ф. Малцову было велено прислать двух стрельцов в качестве посыльных на воронежский таможенный и кружечный двор по недели переменяясь...⁴

Как правило, выставление права собирать таможенные и питейные «прибыли» на откуп, то есть на своеобразный «аукцион», осуществлялось перед тем, как начать процедуру выбора. О том,

что государство не против откупа, сообщалось заранее, воеводам приказывали в соответствующих грамотах «кликать биричем по все дни».

Прежнего откупщика обязывали объявлять о своем отказе от откупа заблаговременно. Он должен был за некоторое время, в основном, за два месяца или за месяц до окончания своего откупа, отказаться от него в Московском приказе. В противном случае откупщик и люди, поручившиеся за него, так называемые «поручники по нем», обязаны были платить прежние откупные таможенные деньги за следующий год. Уплачивали они также и «наддачу», которая росла либо вдвое, «либо что государь укажет». Иногда от «наддачи» откупщика могли освободить. «Наддачей» называлась дополнительная сумма денег, собранная сверх прибыли прошлого года. То есть с каждым годом откупщик брал на себя обязательство в том же уезде собирать все большие и большие таможенные и питейные пошлины.

Все желающие взять кабак и таможеню на откуп должны были подать челобитную, которая рассматривалась в Москве на предмет состоятельности и благонадежности откупщика. Далее началась процедура передачи таможенных и питейных сборов на откуп. Несмотря на то, что в целом, как правило, кандидатуру откупщика утверждали в Москве, на местах, в уезде, за него должны были поручиться местные жители, составив необходимые поручные записи. В этом отношении следует различать передачу откупщику имущества таможни и кабака «верного бранья», то есть находящегося ранее в ведении выборного таможенного головы, и от одного откупщика другому. В последнем случае процедура, как следует из источников, была более упрощенной и определялась только денежными суммами, уплаченными новым откупщиком старому.

Если же ранее питейные и таможенные доходы собирались выборными должностными лицами, процедуре вступления в должность нового откупщика предшествовала оценка всех вещей, находящихся в таможенной избе и на кабаке (кружечном дворе). «Ценились» также и сами строения.

Согласно присланным из Москвы грамотам, «таможенные и кабацкие заводы», то есть все имущество, передаваемое от старого откупщика новому, нужно было оценить, составив «ценовные росписи». Судя по источникам, «ценовные росписи» составляли «сторонние», то есть не заинтересованные в деле люди — земский староста и выборные оценщики.

Откупщика в специальном наказе, также присылаемом из Москвы, увещевали не злоупотреблять своим положением, честно и в срок собирать положенные пошлины и «смотреть в правду». В случае недобора для выяснения причин могли проводиться сыски.

Откупщик не обязательно должен был быть жителем уезда, в котором он хотел взять на откуп таможенные и питейные сборы. Судя по документам, зачастую откупщиками становились жители соседних уездов или даже так называемые «инородцы», «чужаки». Отсутствие родственных связей в данной местности значительно облегчало бесперебойные сборы пошлин и обеспечивало самим откупщикам более высокий доход.

Сохранившиеся в документах сведения о нескольких наиболее удачливых и предприимчивых откупщиках обычно свидетельствуют об их личной неординарности. Откупщик мог собирать таможенные пошлины и питейные сборы в течение одного года или двух лет. Однако нам известны случаи, когда срок откупа мог значительно увеличиться. В этом отношении интересна личность откупщика воронежского кружечного двора и таможни Бориса Полосина, который занимал эту должность, как следует из доступных нам источников, около пяти лет, с 1692/93 г. по 1696 г., или даже более⁵.

По сохранившейся документации можно проследить основные этапы в деятельности откупщика за время его владения откупом:

- 1) направление челобитной в Москву о желании вступить во владение откупом
- 2) составление поручных записей (не всегда)
- 3) составление «ценовной росписи» передаваемых откупщику «заводов» и строений
- 4) получение наказа из Москвы
- 5) покупка вина, пива, меда или их заготовка
- 6) отчет в сборах в Москве (спустя положенный срок)
- 7) правож с поручиков в случае недобора или сыск, если случай спорный
- 8) отказ от откупа (в обязательном порядке, за месяц или два до окончания срока откупа).

В том случае, если желающих взять таможеню и питейные сборы на откуп не находилось, голова таможни вступал в должность «по выбору». Выборным таможенным головам и целовальникам во время исполнения своей должности запрещалось заниматься какого-либо другого рода деятельностью, в том числе и торговлей. Ю. А. Мизис склонен считать «верный способ» таможенных и питейных сборов прямой эксплуатацией местного населения. Это была принудительная, безвозмездная и материально ответственная работа⁶.

Процедура «выбора» целиком и полностью контролировалась воеводой, который обязан был проследить за тем, чтобы на этой важной должности оказался кто-то из числа людей «добрых и прожиточных», то есть обладающих определенным имуществом, которое выступало в качестве гарантии в случае недобора таможенных денег.

Выбор проводился осенью, обычно в начале года, в сентябре, и представлял собой сложную процедуру с письменной отчетностью. В Воронежском у., как правило, головой «на вере» становился выходец из посадского населения или представитель детей боярских — мелких служилых людей.

В число выборщиков, судя по присылаемым в столицу документам, входили люди из числа местных жителей разных сословных групп. Срок, на который выбирались должностные лица таможи и кружечного двора, был почти всегда годовой (с 1 сентября до 1 сентября). После выборов составлялся «выбор» — документ об избрании, который подписывали все его участники. Это повышало ответственность избранных и наделяло их правами действовать от имени той части населения, которая выдвинула их на эту должность. «Выбор» вместе с поручными записями отправлялся в Москву.

После процедуры выбора в городской приказной избе проводилось крестоцелование в присутствии служилых, «жилецких» и уездных людей. Выбранные должностные лица давали обещание «не корыстовать». Целовальники принимали присягу в присутствии воеводы. К крестоцелованию обязывали и дьячка, он обещал «кабацкую прибыль и таможенные пошлины и всякие доходы в приход и расход записывать в книги в правду... и не корыстовать»⁷.

Крестное целование проводилось 1 сентября — в первый день календарного года, как правило, в утренние часы. Согласно Соборному уложению 1649 г., присягу на кресте могли давать люди, возрастом старше 20 лет. Голова таможи и кружечного двора, собирающий пошлины и питейные сборы «на вере», не обязательно должен был быть жителем этого уезда. Практиковалось избрание в таможи лиц из других уездов или даже их назначение из Москвы. В последнем случае воеводам присылалась грамота не об организации выбора, а об отправке конкретных лиц в соответствующий уезд для сбора таможенных пошлин и питейных денег. В 1628 г. в Елец были посланы «лучшие» торговые люди К. Мосалитинов, С. Корамышев, П. Онисимов, Д. Веневитинов. Они должны были сменить там голову Ивана Хромого, находящегося «у денежного сбора»⁸. В 1629 г. воронежский торговый человек Денис Веневитинов «за поруками безсрочно» был прислан в Курск «в головы»⁹. В 1648 г. по указу из Москвы в Воронежском у. должность головы исполнял житель Ельца Наум Плеханов¹⁰.

Если голова мог быть выходцем из другого уезда, то, как правило, целовальники при нем всегда были местными. Это, по всей видимости, облегчало работу таможен и кабака (кружечного двора). Целовальники знали местные порядки и обычаи, к тому же именно им приходилось непосредственно стоять за стойкой. Процедура выбора верного головы была более сложной, чем передача таможенных и питейных сборов откупщику. Воевода зачастую не мог найти желающих на эту должность. С другой стороны, должность головы означала определенное превосходство над остальными жителями уезда.

Злоупотреблений при отдаче кабака и таможи на веру было меньше. Головы и целовальники понимали, что они на этой должности временно, поэтому меньше притесняли местное население. К тому же верные головы гораздо в большей степени были ответственны перед местной администрацией в лице воеводы. Все их действия контролировались из Москвы. В случае недобора всегда устраивался сыск, голов и их поручителей ставили на праведж. Откупщики пользовались большей свободой.

До середины XVII в. таможенные головы отчитывались в своей финансовой деятельности перед воеводой. В связи с тем что воеводы обладали реальной полицейской и военной властью, от них зависело положение таможенников. Это порождало злоупотребления со стороны воевод.

Во второй половине XVII в. контрольные функции за деятельностью таможен постепенно переходили к таможенным головам. Воеводам было отныне запрещено вмешиваться в их дела, а обязанности смотреть за действиями таможенников возлагались на посадских земских старост. Отношения голов с воеводами оговаривались следующим образом: «А будет к нему для таможенных и кабацких денег учнет присылать по государевым грамотам <...> воевода памяти за своєю рукою, и голове по тем памятем кабацкие и таможенные деньги давати и писать в книги имянно, а без государевых грамот воеводе ни на какие розходы денег и питья не давати»¹¹.

Такие формулировки показывают, что взаимоотношения кружечного двора головы и воеводы были далеко не однозначными. Четких правил поведения не существовало. С одной стороны, голова кружечного двора выполнял указания из Москвы и должен был руководствоваться в своих действиях государственной выгодой. С другой стороны, во многих вопросах (ремонт зданий, наем работников, организация сбора денег с неуплатчиков) его сфера деятельности пересекалась с компетенцией вое-

воды. Когда таможенный голова по истечении годового срока выезжал вместе с таможенными книгами и деньгами в Москву для отчета, воевода давал ему подорожную память и провожатых.

Откупщики и выборные головы были обязаны вести строгую письменную отчетность о собранных пошлинах. Первоначально, день за днем, данные о сборе пошлин заносились в так называемые черновые таможенные книги, «напойные», конские и другие книги.

Собранные в таможене суммы отправлялись в Москву или шли на уплату жалования местным служилым людям и подьячим, на ремонт административных и хозяйственных зданий, строительство стругов и подготовку припасов для донских отпусков. В любом случае все доходы с уездных откупов, крупных и мелких, контролировались из Москвы. Воевода мог воспользоваться ими только с разрешения соответствующего приказа. Это говорит о том, что деятельность таможенных и кабацких служб оставалась важным элементом финансовой политики государства и находилась под пристальным контролем. Постоянные отчеты, ежегодные отправки в столицу таможенных и кабацких, оброчных книг вместе с деньгами давали возможность вовремя выявить злоупотребления и недостатки и принять необходимые меры.

Таможенные пошлины и «припойные» деньги представляли собой своеобразный «банк» средств, находящийся непосредственно на местах, в уездах. Несмотря на то что местная администрация в лице воеводы не могла им воспользоваться без разрешения соответствующего приказа, в XVII в. «таможенные и кабацкие зборные деньги» составляли существенную и постоянную, стабильную долю дохода Воронежского у.

Собранные таможенными и кабацкими (кружечного двора) головами и целовальниками деньги не являлись собственностью уезда, а представляли собой «государеву казну», в которой они обязательно отчитывались. Присылать деньги из Москвы было затруднительно, это требовало и времени и дополнительных затрат. Наличие на местах значительных денежных средств, которые можно было потратить на самые разные государевы нужды, но которые вместе с тем не являлись собственно «местным бюджетом» — это характерное явление для государственной внутренней политики того времени.

Примечания

¹ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 7. Д. 3. Л. 2–3.

² Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 1.

³ Там же. Д. 50. Л. 5–7.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

⁵ Там же. Д. 48. Л. 3.

⁶ Мизис Ю. А. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 5.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. Д. 27. Л. 82–83.

⁸ Там же. Л. 38–39.

⁹ Там же. Л. 151–152.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 24. Д. 58. Л. 36.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 104. Л. 1–2.

Ю. А. Мизис

ВНУТРЕННИЕ ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ГОРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.

В настоящей статье нами ставится задача проследить процесс формирования внутренних связей вновь освоенного региона, получившего в XIX в. название Центрального Черноземья. Первоначально эта территория называлась Полем, с начала XVIII в. — Азовской, а затем Воронежской губ. Этот регион имел единую историю своего формирования в ходе русской колонизации конца XVI–XVII вв., создания укрепленных линий и образования военных поселений. Предложенный регион был однотипен по своему производственному потенциалу, социальному составу населения, типу управления и специализировался на промысловым характере товарного производства. Значительная часть населения городов и сел (мелкие служилые люди, дворцовые, монастырские и владельческие крестьяне) занималась, помимо своих воинских дел, сельскохозяйственным производством для обеспечения членов своих семей, необходимым запасом продовольствия. Абсолютно преобладали мелкие служилые люди. Находясь в пограничном районе, они предпочитали заниматься сельскохозяйствен-

ными занятиями. Товарных излишков здесь практически не наблюдалось. Поэтому продовольственные товары, такие, как зерно, мясо, птица, на местные рынки не поступали.

Часть населения дополнительно занималась промысловой деятельностью: охотой, рыболовством, бортничеством. Это позволяло вывозить излишки продукции на торги. Однотипный вид производственной деятельности мало способствовал внутреннему обмену между городскими и сельскими торгами региона. Наличие отдельных таможенных книг второй половины XVII в. позволяет частично проследить эти проблемы¹.

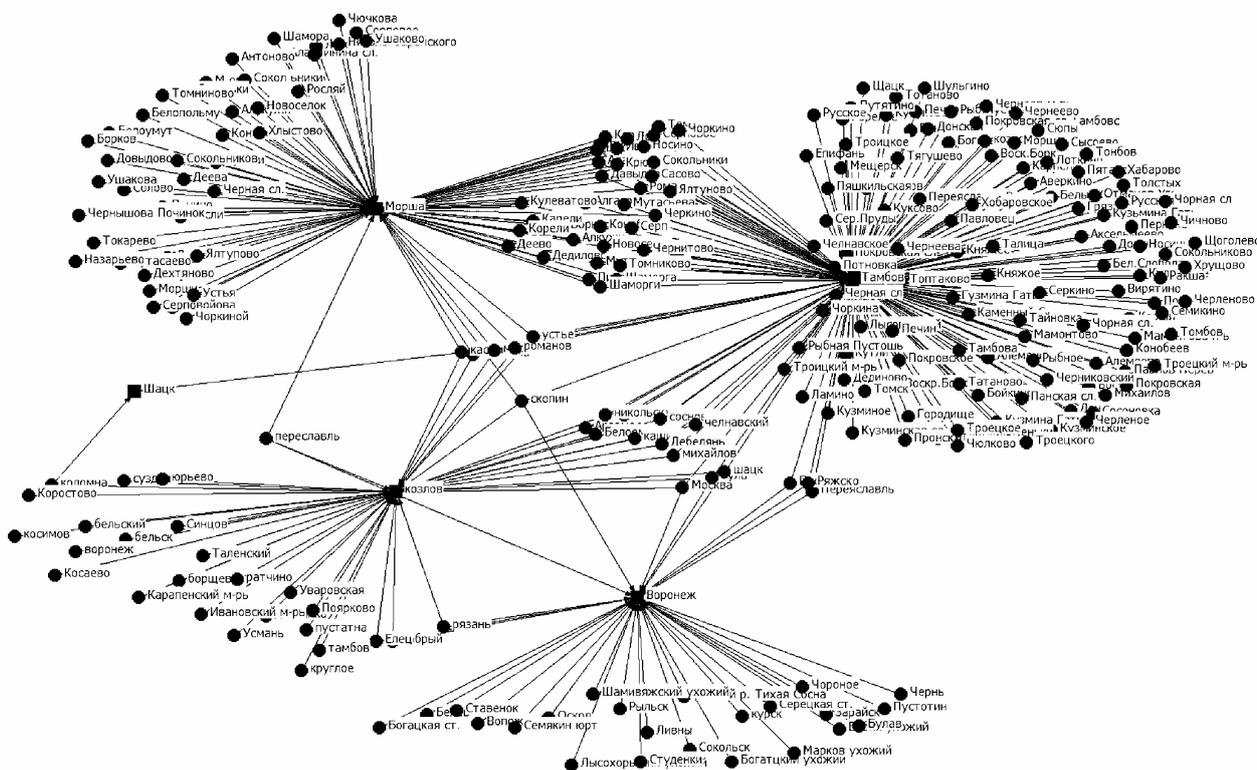
Часть товаров в новых городах на юге России попадала в межрегиональный товарооборот. Из городов юга России вывозились продовольственные товары: рыба, сало, мед, воск, частично пушнина. Ввозились одежда, обувь, головные уборы, варежки, голицы. Однако основной объем торговых сделок производился внутри региона.

Для анализа товарооборота была составлена схема торговых связей между городами Тамбов, Козлов, Воронеж и с. Морша Тамбовского у. (см. рис.). Расположенные близко друг от друга (на расстоянии 100–200 км) они идеально подходят для такого обследования. Схема показывает наличие промежуточных сельских населенных пунктов, из которых постоянно приезжали торговцы. Так, между рынками Тамбова и Морши, расположенными в 100 км друг от друга, имелась группа сел, поставщиков и потребителей продукции местных рынков. С одной стороны, эти села находились внутри этого круга: Кулеватово, Черкино, Чернитоно и др. С другой стороны, они располагались к северу от Морши, которая тяготела к обоим рынкам.

Торги Воронежа, Козлова, Тамбова и Морши имели устойчивые контакты с рядом городов, расположенных к северу от данной территории: Шацком, Ряжском, Михайловым, Лебедяню. Посадские люди этих городов регулярно выезжали в южном направлении и использовали свои рынки в качестве транзита для товаров из центра страны.

Таким образом, мы видим наличие у каждого местного рынка своего торгового ареала сельских населенных пунктов, с которыми поддерживалась устойчивая связь. Как правило, это соседние населенные пункты, создающие свою зону влияния и сбыта продукции. Главный торг втягивал их в свою орбиту. Однако выделяются промежуточные зоны влияния, которые тяготели к нескольким торгам.

Сетевая модель торговых связей рынков городов Воронежа, Козлова, Тамбова и с. Морши²

Статистический анализ таможенных книг показывает, что традиционно с торгом были связаны села и деревни данного уезда, для которых он и создавался³. Так, по Белгороду они составляли от 12 до 18 % всех торговых ставок, по Ельцу — от 11 до 30 %. В Коротояке доля местных торговцев по 6 имеющимся таможенным книгам 60–70-х гг. XVII в. сохранялась в пределах 22,7 % и 52,85 %, причем, в 1670-е гг. их вес значительно увеличился. По Козлову прослеживается тенденция снижения доли местных торговцев на торгах и увеличения численности приезжих: от 60,5 % и 85,7 % в 1650–е гг., до 26,5 % и 17 % в 1660-е гг. В Тамбове в 1650–60-е гг. доля местных городских и сельских торговцев колебалась в пределах 67–85 %, а в 1670-е гг. снизилась до 31,5 %. Даже в 1714 г. на Тамбовском рынке почти половина (48,4 %) ставок осуществлялось торговцами Тамбовского у.

Значительная доля торговых оборотов в регионе падала на соседние города. В Белгороде на торговцев из городов ЦЧР в 1654/55 г. пришлось 37 %, а в 1661/62 г. — 62 % от общего числа всех сделок. По другому крупному рынку региона — елецкому — этот показатель составлял в 1672/73 г. 13 %, в 1677/78 г. — 31 %, в 1678/79 г. — 11,6 %. В Козлове в 1653/54 г. 25,5 % всех ставок падало на торговцев ЦЧР. В Тамбове с конца 1650-х гг. по 1714 г. доля торговцев соседних рынков неуклонно повышалась с 11,5–17 % до 23–29 %.

По Коротояку доля приезжих торговцев из соседних городов составляла 31–62,5 %. Причем, по этому городу ставки местных торговцев в 1677/78 г. выросли до 53 %, а приезжих из соседних уездов снизились до 31 %. Это было связано с близостью к театру военных действий во время русско-турецкой войны и значительными рисками для приезжих.

Совершенно особняком стоит положение с торговлей в Воронеже в начале XVIII в. Фактически во время приезда Петра I на воронежские верфи сюда перемещался политический центр страны. В городе концентрировался большой отряд строителей, среди которых немалое место занимали иностранцы. Поэтому воронежский рынок в тот период становился одним из главных торговых центров страны. По Воронежу сохранилась таможенная книга 1705 г.⁴ В ней 36 % ставок составили жители Воронежа и уезда, а 30 % — население соседних уездов. В то же время жители соседних с Воронежем Козлова и Тамбова составили всего 4 % от всего числа торговцев. Высокий процент (почти треть всех торговых ставок) принадлежала торговцам центральных уездов России. Они везли сюда железо и железоделательные изделия, одежду, обувь, предметы хозяйственного обихода, а вывозили рыбу, сельскохозяйственные изделия, мед, воск.

Таким образом, статистические данные по основным рынкам ЦЧР четко показывают эволюцию новых городов на юге России от местных локальных торгов, созданных для обслуживания потребностей воинских гарнизонов, до региональных центров торговли, втягивающихся в областные торговые связи. Города региона поддерживали на протяжении всего XVII в. постоянные торговые отношения между собой. Торговцы активно общались внутри региона. В то же время торговые связи с городами центра Русского государства оставались незначительными. Торговцы привозили, в основном, продовольственные товары или выступали промежуточным звеном по поставкам промышленных товаров из Центра России в южные города. Таким путем на торгах юга России оказывались металлоизделия, одежда, обувь, головные уборы, посуда. Гораздо ниже оставалась доля торговцев из Центральных районов страны. Вести далеко на юг свои товары для них оказывалось невыгодно и опасно.

Юг России почти до середины XVIII в. сохранял свое промысловое значение. Только резкие перемены в социальной и демографической структуре населения, приход сюда крупного помещичьего хозяйства, вложение значительных финансовых средств позволили в значительной мере изменить место ЦЧР в экономической жизни страны и превратить этот регион в аграрный центр.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 104. Л. 214–272, 710–764; Кн. 105. Л. 261–291; Кн. 189. Л. 126–156; Кн. 319. Л. 712–788; Кн. 329. Л. 242–311, 615–779; 820–253, 1680–1763; Кн. 342. Л. 632–750, 1976–2132, 2137–2143; Кн. 371. Л. 692–697; 811–933; Ф. 829. Оп. 1. Кн. 1751. Л. 87–95; Кн. 1755; ГАВорО. Ф. 182. Оп. 2. Д. 64; Д. 81. Л. 1; Д. 78. Л. 4–40; ОР РГБ. Ф. 178. Кн. 314. Л. 286–321; Д. 9988. Л. 480–1161.

² Сетевая модель выполнена по нашей базе Р. Б. Кончаковым.

³ Расчеты сделаны на основании базы данных, представленной в монографии: *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 638–723.

⁴ ГАВорО. Ф. 182. Оп. 2. Д. 64.

НАЛОГОВОЕ ОБЛОЖЕНИЕ ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ ЮГА РОССИИ В XVII в.

Основным консолидирующим признаком посадских людей, который отличал их от других групп населения, занимающихся торгово-ремесленной деятельностью, была сумма налогов, составлявшая посадское «тягло». Новый член посадской общины это, прежде всего, участник в уплате податей, а также в отпращивании местных повинностей.

Сбором налогов на местах ведала приказная бюрократия во главе с воеводой, который назначался в Москве в Разрядном приказе из числа князей, бояр или дворян сроком на 1–3 года, в зависимости от обстоятельств. В его руках сосредотачивались все нити управления городом. Занимаясь сбором податей и пошлин, воевода и его приближенные иногда доводили широкие массы посадских людей до полного разорения. В Ельце, например, посадские люди на воевод и на приказных людей «неволею» сено косили, и пиво варили, и дрова возили, и «всякое изделие» делали вместо вотчинных крестьян¹. Кроме этого, елецкие посадские люди были обязаны нести караульную службу у ливенской башни, это отрывало их от непосредственных занятий и приводило к оскудению. Московское правительство препятствовало этим злоупотреблениям, которые порой становились причиной бегства посадских людей на Дон, в вольные казачьи городки. Сборщики «в стрелецком хлебе и в деньгах воронежским сошным людям делали продажи и убытки великие. И многие уездные люди от тех продаж и убытков охудали, а иные, покиня свое тягло, разошлись по городам»².

Хотя до 80-х гг. XVII в. главным должностным лицом, ведавшим сбором налогов, был воевода, кроме него этим занимались и другие лица. В таможне и на кружечном дворе сбор налогов вели таможенные кабацкие головы и целовальники, которые могли также происходить из посадской среды. Непосредственными сборщиками налогов у посадских людей были земские старосты и земские целовальники. После сбора налоговые поступления передавались в съезжую избу воеводе.

После финансовой реформы 1679–1681 гг. воеводы устранялись от сборов стрелецкой подати и косвенных налогов. Стрелецкая подать собиралась в городах выборными городскими органами, а центром стал Стрелецкий приказ. Косвенные налоги поступали в приказ Большой Казны. Был также указ от 1 марта 1698 г., который предписывал стрелецкие деньги земским старостам собирать «мимо воевод». Воеводская власть с ее прихотями рассматривается как главная причина неисправности посадских платежей. Отсюда стремление изъять посадское население из ее ведомства³.

Основную группу прямых налогов составляли так называемые окладные сборы (налоги), собиравшиеся ежегодно по установленному правительственному окладу⁴. Жизнь посадских людей была тесно связана с существованием так называемой «государевой десятинной пашни». Десятинная пашня создавалась в некоторых южных и сибирских городах с целью сосредоточения казенного хлеба в государственных житницах. В отличие от пашенных земель, находившихся в частном владении и измерявшихся в четвертях, «государева» земля измерялась в десятинах.

Работа на ней была тяжелой обязанностью не только служилых, но и посадских людей Воронежа, по сути дела, государственной барщиной. В 1619 г. в Воронеже было высеяно 100 дес. ржи и овса. Это значит, что фактически было по 300 дес., так как в то время при трехпольной системе земледелия измерялась лишь третья часть земли. Из этих запасов хлеб посылали на Дон к атаманам и казакам. Но так как экономической необходимости в существовании десятинной пашни в городах юга России не было, то уже в 1621 г. во многих городах она была упразднена и заменена натуральным хлебным налогом, который сначала назывался «десятинным хлебом», а затем «посопным хлебом»⁵. Но так было не везде. Елецкие посадские люди и в середине XVII в. указывали, что они десятинную пашню пашут⁶.

Правительство Алексея Михайловича также продолжило собирать с горожан налоги в виде хлеба: независимо от профессии посадские люди вносили натуральный сбор ратным людям (стрелецкий хлеб), четвериковый хлеб для отправки по Дону (в донской отпуск) и посопный хлеб (взамен обработки десятинной пашни) по 21 четв. ржи и 21 четв. овса со двора⁷. Так как многие горожане уже перестали заниматься сельским хозяйством, то хлебные сборы их очень тяготили. Для взноса этих налогов посадские люди вынуждены были покупать хлеб у перекупщиков на рынке за очень высокую цену или везти его из других мест. Хлеб для выплаты налогов доставался горожанам «дорогой ценой»: в Москву для его закупки посылали целовальника или подрядчика. Эти поездки дорого обходились посадским людям. Так хлеб в эти времена становится предметом купли-продажи и подрядчики от того «себе чинят великие прибыли», а посадским людям от того «великое утеснение». Кроме того, и подрядчики не всегда были людьми честными. Среди них были те, кто, собрав деньги, пропа-

дал вместе и ними, и тогда посадским людям приходилось нанимать других людей для покупки хлеба, а это тоже приводило к немалым убыткам. Еще дороже делал хлеб тот факт, что подрядчики покупали его не в южных городках, а в Москве, где цены на хлеб были, естественно, гораздо выше⁸.

Число безземельных посадских жителей возрастало. Например, дозорная книга Воронежа 1615 г. называет 77 чел. из среды посадских людей, не имеющих земельных участков. Из-за этого горожанам приходилось покупать хлеб для взноса налога. Город все больше отделялся от сельского хозяйства. Видимо, это учло, наконец, и правительство⁹. В 1672 г. царь Алексей Федорович из-за того что продолжались набег татар предлагает увеличить количество стрельцов, а если будет увеличено количество стрельцов, то соответственно возрастут расходы на их содержание. Это приведет и к возрастанию налогов с посадских людей. Поэтому для лучшего и более надежного пополнения казны правительство предписало собирать стрелецкий хлеб только с уездных людей, а с посадских — деньги: «для того, что они люди торговые, а не пашенные», поэтому хлеба с них «не иметь, а за четверть ржи да за четверть овса по 2 рубли в нашу великого государя казну»¹⁰.

Таким образом, посадские люди платили уже не натуральный, а денежный налог — «стрелецкие деньги» — на содержание ратных людей. Кроме этого, взимались деньги «полоняникам на откуп» (для выкупа пленных). По Уложению 1649 г. ставка сбора «полоняничных» денег со двора составляла от 4 до 8 д. со двора¹¹. Сумма полоняных денег в 1678 и 1679 г. составила 8 д. со двора в год¹².

Вносили посадские люди сборы за «даточных людей», призывавшихся в армию. Даточных солдат, кроме всего прочего, воронежским посадским людям пришлось «возить к Москве на подводах <...> и одевать зипунами и шубами». Это, естественно, вызвало недовольство посадского мира, и они подали жалобу на злоупотребления земского старосты Тимофея Моисеева¹³. Платила эта категория населения и ямские деньги на содержание ямов и предоставление подвод для казенных нужд.

Правительство Михаила Романова, остро нуждавшееся в деньгах, прибегало к чрезвычайным сборам — «пятиной деньге» (пятая деньга составляла 20 % оценки «животов», т. е. имущества и промыслов). В течение 1613–1645 гг. этот тяжелый для горожан сбор производился семь раз. В 1689 г. было приказано собрать «ратным людям на жалование» десятую деньгу¹⁴. Это был также внеплановый, дополнительный налог.

В 1678–1681 гг. была проведена финансовая реформа, которая консолидировала прежние сборы слив их в две большие прямые подати — стрелецкую и ямскую, — наложенные на различные классы населения. Стрелецкой, наиболее тяжелой податью — от 80 коп. до 2 руб. со двора — были обложены посадские люди городов и чернососшные крестьяне поморских уездов. Ямской податью, несравненно более легкой, было обложено крепостное крестьянское население церковных вотчин (10 коп. со двора) и служилых вотчин и поместий (5 коп.).

Отдельным налогом считался государственный оброк за дворы и лавки. За владение двором посадский человек платил определенный налог, естественно, если он являлся владельцем ни одного, а нескольких дворов, то «тянуть тягло» ему приходилось со всех принадлежащих ему дворовых мест¹⁵. Причем, налог этот мог в некоторых городах отличаться для разных дворов, но в Ельце в середине XVII в. оброк составлял 10 алт. со двора¹⁶. По Воронежу годовой оброк с посадского населения в 40–50-х гг. XVII в. составлял 277 руб. 20 алт.

На протяжении большей части XVII в. сумма налога с одной лавки в Воронеже оставалась стабильной — 17 алт. 2 д. Поэтому увеличение общей суммы налога с этой статьи дохода шло только за счет расширения количества лавок. В 1670/71 г. со 131 лавки собрали 68 руб. 9 алт. оброка, а с 14 полок — 2 руб. с гривной оброка, по 5 алт. с полки¹⁷. В 1681 и 1682 гг. со 132 оброчных лавок всего было собрано 137 руб. 9 алт. 2 д., по 17 алт. 2 д. с лавки¹⁸. Есть сведения, что такой оброк существовал с 1666 по 1677 г.¹⁹ Оброк новопостроенных лавок был неодинаков. Так, если с новопостроенной лавки Давыдки Иконника за 1681 и 1682 гг. оброк составлял 10 алт., то есть по 5 алт. в год, то с новопостроенной лавки Кузьмы Масалитинова в 1682 г. оброк составил 17 алт. 2 д.²⁰ Общий объем собираемого налога с лавок в Белгороде в 1648 г. составил 6 руб. 2 д., в 1657 г. — 6 руб. 29 алт. 2 д. В 1648 г. разброс сумм налога с лавок был весьма значительным — от 3 д. до 9 алт. 2 д.²¹ Таким образом, средняя сумма составляла 2 алт. 2 д., что значительно ниже сборов в Воронеже.

Все лавки в Ельце облагались достаточно высоким налогом в 0,5 руб. Лишь за одно место платили 3 алт. 2 д. С 1671 по 1694 г. произошло уменьшение этого налога, так как сумма в 0,5 руб. оказалась неподъемной и завышенной для большинства торговых заведений. В 1694 г. владельцы старых лавок в Ельце платили по 6 алт. 4 д., а с лавочного места по 3 алт. 2 д. налога. Суммы налогообложения новых лавок разнились от 2 алт. 2 д. до 0,5 руб.²² В Курске в середине XVII в. оброк с ла-

вок также был не одинаков — самым распространенным был оброк в 6 алт. 2 д., но он мог быть как выше, так и ниже указанной суммы²³.

Диапазон оброчных сумм, бравшихся с торгово-промысловых мест иных типов, в Курске находился в пределах от 5 до 40 коп. При этом даже с незастроенного лавочного места, принадлежавшего посадскому человеку К. Левонову, оброк взимался в таком же размере, как с наиболее доходных полок и скамей²⁴.

Таможенные сборы — налог на внутреннюю торговлю — взимался в городских таможах с привозимых в город и продаваемых в нем товаров. Следовательно, местом их получения был город, где производилась торговля²⁵. В таможе платили пошлины те, кто приезжал в город для продажи товаров, и те, кто уезжал торговать в другое место. Попытка миновать таможеню, вести торговлю без уплаты пошлин наказывалась особым штрафами — «протаможьем» или «промытом», которые были фиксированы и налагались вне зависимости от стоимости товара. Следует отметить тот факт, что эти сборы посадские люди платили наряду с иными группами населения, занимавшимися торговлей.

До издания Таможенного устава 1653 г. в каждом городе действовали свои принципы взимания таможенных сборов, различны были и их размеры. Как отмечает А. И. Раздорский, в Курске за период с 1619 по 1653/54 г. было зафиксировано 15 наименований различных таможенных пошлин. Главной среди них была рублевая пошлина, взимавшаяся с цены продаваемого или покупаемого товара. До реформы ее размер напрямую зависел от местожительства продавца или покупателя. Куряне платили 1,25 % от общей стоимости товара, жители других русских городов — 2,5 %, а иноземцы — 3,5 %. Кроме этого, на таможе брались различные регистрационные взносы (явка, херное, записка) и т. п.

Указ 25 октября 1653 г. «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах, с показанием поскольку взято и каких товаров» стал первым обобщающим в русском законодательстве законом по правилам торговли. Этот акт устанавливал единую для всех таможенных обложений рублевую пошлину взамен многочисленных прежних налогов, ликвидировал проезжие сборы, вызывавшие наибольшее раздражение у торговцев. Устанавливался пятипроцентный налог с цены товара или 10 денег с рубля продажной цены. Причем, в случае привоза денег на покупку товара с продавца сначала брали 5 денег с рубля за покупку, а затем еще 5 денег с рубля за продажу товара²⁶. Упраздняясь дифференциация между местными и иногородними торговцами.

Согласно этому акту, воронежский посадский человек Михаил Меньшиков должен был заплатить откупщику Л. Елизарьеву в общей сложности 22 руб. 16 алт. 4 д.: с 206 лисиц — 8 руб. 28 алт. 3 д., с 14 белуг — 25 алт., с 2 пудов воска — 16 алт. 4 д., с 2 кульков клея — 12 алт. 3 д., с 12 бочек и 2 кадок икры весом 228 пудов — 9 руб. 25 алт. 2 д., с бочки белужины — 8 алт. 2 д., но эти таможенные пошлины он заплатил в разных городах²⁷. На таможе были специальные таможенные книги, куда записывались товары, а по уплате налога посадскому человеку давалась выпись²⁸. То есть с людей, прибывавших для торговли в город или выезжавших из него, взимались проезжие пошлины с учетом количества приехавших людей, транспорта, на котором они прибыли, характера и разнообразия товаров²⁹.

Всего в Воронеже в таможе и кабаке в 1659–1661 гг. было собрано 1850 руб. (суммы округлены). В 1661–1662 гг. сумма увеличилась до 1860 руб., а в 1675 г. до 2033 руб. Расходы же на содержание таможи и кабака в 1675 г. составили 53 руб. В Белгороде сумма налоговых сборов была несколько выше: в 1659–1661 г. — 4017 руб., в 1661–1662 гг. — 4054 руб. В 1675 г. эта цифра сократилась до 1886 руб.³⁰ Даже эти примеры показывают, что сумма таможенных сборов в южных городах была неоднородной. В зависимости от внешних и внутренних факторов объемы торговли то увеличивались, то падали, и пропорционально им росли или уменьшались таможенные сборы.

В дополнение к натуральным и денежным сборам был еще целый ряд особых повинностей. Например, в связи с тем что через Воронеж в Крым, Турцию и на Кавказ проезжали посольства, местные посады были обязаны устраивать для них «посольские проводы», создавать хлебные запасы, строить струги и т. п. К концу XVII в. у посадских людей особенно часто покупались или отписывались на государево имя струги и будары³¹. При этом продажа проводилась отнюдь не всегда по доброй воле.

На фитильное дело с курских посадских людей собирали в 1680 г. лен и лошадей, а в донские отпуска железо и смолу. Они обязаны были конопатить струговые припасы и оковывать колеса³². В обязанности курских посадских людей до 1686 г. входило строительство дворов для калмыков, а также поставка сена и дров для боярских и дьячих дворов, но по челобитью они были освобождены от этих повинностей и «никаких поборов кроме податей с них имать не велено»³³. В условиях русско-турецкой войны середины 1670-х гг. на жителей Воронежа легли дополнительные обязанности —

строить суда, грузить на них зерно, доставленное из разных городов. При этом иногородние, привезшие продовольствие, были распушены по домам и вся тяжесть ложилась на воронежцев.

Все эти сборы и налоги составляли посадское «тягло», невыплата которого каралась очень жестоко: тюрьма, порка, битье палками, батогами. Так как до принятия Соборного уложения 1649 г. белые слободы освобождались от многих налогов и повинностей, это приводило к «закладничеству». Например, в Курске в 30-х годах XVII в. данное явление было широко распространено: посадские люди, стремясь ослабить тяжесть налогового бремени, переходили под юрисдикцию монастырских властей, обретая тем самым более благоприятное экономическое положение³⁴. Лишенная части дохода государство с 1649 г. вело активную борьбу с этим.

Частым явлением в XVII в. были недоборы, когда сумма реально собранного налога была меньше установленной. В посадской среде земский староста был ответственным за погашение недоимок. Например, в 1684 г. в Воронеже земский староста Напрасной слободы Алексей Проскуряков подал челобитную на бывшего земского старосту Афанасия Сергеева сына Савостьянова о недоборе оброчных денег за 1679, 1681 и 1682 гг. из лености³⁵. Долгие годы воронежцы имели недоимки по выплате натурального налога, и лишь при жестком управлении воеводы М. А. Вельяминова все недоимки были взысканы, несмотря на сопротивление населения, после чего долг перед казной был покрыт³⁶.

Таким образом, в течение XVII в. правительство старалось усовершенствовать систему налогообложения посадских людей, как с учетом интересов этой группы населения, отменяя вначале десятинную пашню, затем заменяя посопный хлеб на денежный налог, так и с учетом собственных интересов, так как все эти меры увеличивали денежные поступления в казну.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210. Стб. 563. Л. 103–105.

² *Чистякова Е. В.* Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. [Воронеж], 1953. С. 5–8.

³ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биогра. М., 2007. Т. 3: Стрелец. розыск. Воронеж. кораблестроение. Гор. реформа 1699 г. Карловиц. конгр.: 1698–1699. С. 270–271.

⁴ *Скобелкин О. В.* Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 47.

⁵ Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века: Док. и материалы по истории края. Воронеж, 1976. С. 54–55.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Стб. 563. Л. 103–105.

⁷ *Чистякова Е. В.* Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в. // Труды Воронежского гос. ун-та. Л., 1954. Т. 25. С. 51.

⁸ ГАВорО. Ф. И-182 (Воронежская приказная изба). Оп. 2. Д. 10. Л. 6–10.

⁹ *Чистякова Е. В.* Ремесло и торговля... С. 51.

¹⁰ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 10. Л. 7.

¹¹ *Скобелкин О. В.* Формы эксплуатации... С. 52.

¹² ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 201. Л. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 210. Стб. 514. Л. 323.

¹⁴ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 321. Л. 7.

¹⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований: Исслед. СПб., 1890. С. 307.

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Стб. 29. Л. 252 об., 256.

¹⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 200. Л. 1–4.

¹⁸ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 201. Л. 2.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 170. Л. 1–2.

²¹ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006. С. 378.

²² Там же. С. 380–381.

²³ РГАДА. Ф. 210. Стб. 29. Л. 246–249.

²⁴ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 100.

²⁵ *Богословский М. М.* Петр I: Материалы к биогра. Т. 3. С. 274.

²⁶ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 42.

²⁷ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 107. Л. 2–3.

²⁸ Там же. Оп. 3. Д. 181. Л. 1.

²⁹ *Флоря Б. Н.* Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV — начало XVII в) // ИЗ. 1990. Т. 118. С. 330

³⁰ *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья... С. 584–586.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Стб. 1688. Л. 51–63

³² Там же. Ф. 210. Стб. 995. Л. 238.

³³ Там же. Ф. 210. Стб. 1525. Л. 234.

³⁴ Раздорский А. И. Торговля Курска в XVII веке. С. 105.

³⁵ ГАВорО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 172. Л. 1.

³⁶ Глазьев В. Н. Воронежские воеводы и их окружение в XVI–XVII веках. Воронеж, 2007. С. 82.

А. И. Панков

ПРИОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРСТВОМ ЦЕРКОВНОЙ УТВАРИ ДЛЯ СНАБЖЕНИЯ ХРАМОВ И МОНАСТЫРЕЙ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Большой интерес представляют вопросы, связанные с деятельностью Русской Православной Церкви (РПЦ) в качестве организации, отвечающей за состояние мировоззрения общества в первой половине XVII в. С этой точки зрения Юг России является уникальной территорией. Здесь переплелись: необходимость противостояния католическо-униатской экспансии с Запада, постоянная опасность с мусульманского Юга, особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения.

Учитывая расширение государственной территории на протяжении XVI–XVII столетий, необходимо отметить определенную условность и изменение содержания понятия «Юг России» в указанный период. Данное понятие применительно к концу XVI — первой половине XVII в. в контексте избранной для исследования проблемы можно ограничить Окой на севере и территорией Белгородской черты XVII в. на юге. Особенности изучаемой территории являются невысокая плотность населения, доминирование в его составе военно-служилых людей и, как следствие, невысокий уровень доходов местных жителей. Кроме того, в первой половине XVII в. на Юге России практически отсутствовало крупное землевладение. Перечисленные факторы отражались на имущественном положении храмов и монастырей, функционировавших на этой окраине страны.

В научной литературе уже обосновано мнение о том, что в рассматриваемое время монастыри Юга России сами не могли обеспечить своего существования. В итоге государство вынуждено было оказывать им материальную помощь, так как монастырь того времени выполнял функции богадельни для раненых, больных и бездомных¹. Поддержка оказывалась не только монастырям, но и храмам. Поэтому можно предположить, что в ее основе лежало не только стремление решать при помощи РПЦ социальные проблемы отдельных категорий населения, но и желание обеспечить создание определенной идеологической обстановки на приграничных территориях. В результате государство брало на себя ряд обязательств по материальному обеспечению деятельности храмов и монастырей. На практике это выливалось в выделение земли и других хозяйственных угодий, установление денежного или натурального жалованья (руги), предоставление различного рода льгот и выделение имущества, прежде всего икон, облачения священнослужителей, колоколов и другой церковной утвари. Учитывая сначала обстоятельства основания крепостей на южном рубеже страны и необходимость помощи в восстановлении окраин, пострадавших в годы Смуты, а затем постоянное увеличение количества церквей и монастырей в регионе, решение указанной задачи представляется делом довольно непростым.

Так, в 1594 г. были приобретены в Москве и отправлены в Воронеж для Успенского монастыря деисус, два колокола, книги: Евангелие, Часослов, Шестоднев, Минея общая, Псалтырь печатная с Часовником². Строельная книга Валук 1599 г. свидетельствует о выдаче воеводе кн. В. В. Кольцову-Мосальскому и голове Судаку Мясному «церковного строенья» для храмов, которые надлежало выстроить в новом городе. Причем, церковной утвари в столице было выделено вполне достаточное количество: два больших образа «на золоте» — Богоматери Владимирской и великомучеников Бориса и Глеба, а также деисус, запрестольный образ Пречистой Богородицы и запрестольный крест. Кроме того, царские и северные двери с завесами, 30 образов господских праздников, Богородицы и других святых «на золоте», воздвизальный крест, церковные сосуды с сундуком для их хранения (в том числе медная чаша для водоствятя), срачицы на жертвенники и престол, четыре блюда, два комплекта иерейского облачения (риз, подризники, пояса, епитрахили), а также дьяконский стихарь и орарь. Были выделены следующие церковные и богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Трифолой, Минея общая, Псалтырь, Часовник и два Служебника. Следует также упомянуть аналой и медное паникадило, а также два церковных колокола, один весом в три, а другой — в четыре пуда³. Из наказа воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву о постройке г. Царевоборисова в 1600 г. известно, что строителям были выделены не только вооружение, боеприпасы, продовольствие, но и «образы, и

антиминс, и книги, и ризы, и всякое церковное строенье, а тому всему дана им роспись за дьячей приписью». Церковная утварь предназначалась для двух храмов, которые надлежало возвести сразу после строительства крепостных укреплений⁴.

Практика строительства храмов в новых городах за государственный счет была продолжена во время строительства городов Белгородской черты. Строельная книга г. Усерда 1637–1638 гг. сообщает: «А в городе строенья государево богомолья соборная церковь Происхождения Чесного и Животворящего Креста Господня, да в приделе страстотерпец Христов Георгий. Церковь деревянная с трапезою и с папертьми и с лестницы, покрыта тесом, а в церкви и в пределе образы, и царские двери, и деисусы, и сосуды церковные, и книги, и ризы, и колокола строенье государево <...>»⁵ О схожей ситуации в Хотмыжске говорит строельная книга этого города 1640 г. В остроге была поставлена соборная церковь Воскресения Христова. «А в церкви строения церковного прислано с Москвы: образ местный Воскресения Христова, образ Пречистой Богородицы на престольной, двери царские с сенью и столбцы, крест деревян осеянной, да церковное строенье сосуды оловянные, кадило медное, кандея, в чем вода святить, укропник, на престол и на жертвенник срачицы <...> стихарь подризной полотняной, пояс, потрахиль, поручи, на сосуды покров и пелены, к царским дверям запоны, 3 фунта ладану, да книг: Евангелие на престольное, евангелисты серебряны, Охтай восемь гласов, две Триоди, постная да цветная, Псалтырь со следованием, Служебник, Потребник, Псалтырь учительная, Минея общая, Часовник»⁶. Согласно наказу строителям г. Коротояка 1648 г. соборному храму этого города книги и ризы были пожалованы от имени царя Алексея Михайловича⁷.

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что государственная помощь приводила к формированию тенденции к дальнейшему удовлетворению церковных потребностей за казенный счет. Так, священники собора г. Хотмыжска спустя год после его основания и получения церковной утвари вновь «били челом» о выделении им святых мощей, хоругвей и другого церковного имущества⁸. Схожие челобитные подавали в 1642 г. священники городов Вольного и Яблонова⁹, в 1643–1645 гг. — Усерда, Яблонова¹⁰ и Хотмыжска¹¹. С аналогичными просьбами в Москву обращался не только причт церквей новых городов, но и, например, Белгорода в 1637 г.¹² При этом в Белгороде имелась соборная церковь Живоначальной Троицы с двумя приделами, построенная за счет казны взамен ранее сгоревшей. Она была богата церковной утварью и иконами. Большая часть имущества была прислана из Москвы от имени государя. Хотя помимо царских даров, «образы обкладывали и золотые приложили» белгородские воеводы, кн. Григорий Тюфякин, Василий Измайлов, Григорий Горихвостов, Яков Дашков и Владимир Татищев. Имелись и другие пожертвования частных лиц¹³.

В писцовых книгах 1629 г. отмечен факт снабжения соборной Благовещенской церкви Воронежа иконами, облачением, книгами, колоколами и другой богослужебной утварью за государственный счет¹⁴. В 1630 г. Казенный приказ выдал в Святогорский монастырь 10 фунтов ладана и церковное облачение: ризы (два комплекта), стихарь, поручи, епитрахиль и покрыва для сосудов. В 1638 г. в этот же монастырь по челобитью его настоятеля государем были пожалованы книги: Апостол, Требник, Псалтырь, Минея общая и Трифолой¹⁵.

Нельзя утверждать, что только государство вкладывало средства в церковные учреждения. Все зависело от обстановки и возможностей жителей конкретного региона. Можно привести ряд примеров, раскрывающих различные варианты снабжения храмов богослужебными предметами. Например, писцовая книга 1594–1595 гг. поместных земель Орловского у. содержит описание церквей в 30 погостах пяти станов этого уезда и во всех 15 случаях, когда имеются упоминания о церковной утвари, говорится, что в храмах «образа и свечи и книги и всякое церковное строенье приходных людей»¹⁶. В храмах Тулы конца XVI в. также не имелось церковной утвари, пожалованной правительством, за исключением церкви Покрова Пречистой Богородицы на Пятницкой улице. Во всех остальных храмах имущество было приобретено стараниями прихожан. Схожая ситуация прослеживается в Дедилове и его уезде, а также в Епифани¹⁷. В Рязанской земле в 1627–1628 гг. г. Сапожок значился «городищем» (пострадал в годы Смуты. — *А. П.*), на котором стоит дубовый острог. Тем не менее, в это время здесь действовало три деревянных храма. Два из них находилось вне острога. При этом церковная утварь и иконы, имевшиеся в городском соборе (он насчитывал два придела), были как полученные от правительства, так и приобретенные на средства прихожан и настоятеля храма. К первым относились иконы «Успение Пресвятой Богородицы», «Чудотворец Николай». Они были богато украшены: имели серебряные с позолотой венцы и гривны. Кроме того, были пожалованные царем местный образ Пречистой Богородицы Одигитрии, образ Богородицы запрестольный, деисусы и царские двери «на золоте», оловянные церковные сосуды, а также печатный Апостол. Остальное «церковное строенье» было «мирским» и священника Лаврентия. Оно состояло из одного Евангелия, двух печатных Служебников, Октоиха, рукописной Псалтыри, полотняных риз и стихарей, а также выбой-

чатого оплечья и двух колоколов по пуду весом. Второй храм, находившийся за пределами острога, — деревянная церковь в честь Николая Чудотворца. В ней вся утварь и иконы принадлежали попу Захарию и прихожанам. В самом остроге находился храм в честь Параскевы Пятницы. Он был деревянным, имел паперть. Все церковное имущество было приобретено священником и прихожанами. В окрестностях г. Сапожка располагалась слобода Малый Сапожок. В ней стояла деревянная церковь Параскевы Пятницы. Вся церковная утварь, как и в предыдущем храме, была приобретена прихожанами и попом Яковом. В том же Сапожковском у. была слобода Коровка, в которой жили полковые казаки. В ней имелась деревянная церковь в честь Живоначальной Троицы с приделом Бориса и Глеба. Как и в предыдущем случае, все «церковное строенье» было «мирское» и священника¹⁸.

Во время сооружения Белгородской черты активно шел процесс основания монастырей на прилегающих к этому району территориях. Ранее 1640 г. в рязанском крае появился Михайловский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, а ранее 1646 г. — Перенецкий Троицкий мужской монастырь. В период с 1636 по 1638 г. был основан Елецкий Свято-Троицкий мужской монастырь. Около 1640 г. появился Дивногорский Острогжский мужской монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы, в 1646 г. — Воронежский Талишевский Преображенский мужской монастырь, а около 1652 г. был основан мужской Шатрищегорский Преображенский монастырь. До 1638 г. в Путивле появился женский монастырь во имя Святого Духа, а в Рыльске — мужская пустынь во имя Пресвятой Богородицы. Ранее 1642 г. был создан мужской монастырь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Знамение» в Хотмыжске. До 1644 г. в Белгороде был основан еще один монастырь — мужской, носивший имя святой Параскевы Пятницы. В начале 50-х гг. XVII в. появляются упоминания о Карповском Царевском Покровском мужском монастыре и Карповском Святотроицком мужском монастыре. Около 1636 г. появляется Верхоценская Святотроицкая мужская пустынь. Ранее 1645 г. возникла Лебедянская Городецкая мужская пустынь в честь Преображения Господня, а в 1652 г. — Старокадомская Святотроицкая мужская пустынь¹⁹. Всем храмам, открывавшимся в новых монастырях, было необходимо соответствующее имущество.

В это же время продолжилась практика государственной поддержки ранее существовавших монастырей. По челобитью старца Ефрема, в 1638 г. оскольский воевода Иван Ржевский выдал 50 руб. на строительство новой церкви в Троицком мужском монастыре Тюляфтиной пустыни. По окончании строительства воевода получил роспись строения и расхода средств. У выстроенного храма было два придела — Введения Пресвятой Богородицы и Николая Чудотворца. Икон в церкви насчитывалось уже 17. В приделах добавились иконы Николая Можайского и Пресвятой Богородицы Сретенской и Владимирской²⁰.

Известно описание Валуйского Николопристанского монастыря 1641 г. В монастырском храме Успения Пресвятой Богородицы насчитывалось всего пять икон, в том числе и одна, покрытая серебряным с позолотой окладом. Богослужебные книги были представлены двумя Евангелиями, двумя Псалтырями и еще 11 изданиями, а также двумя рукописными книгами: «Житием Николая Чудотворца» и монастырским синодиком. Церковные сосуды были оловянными, большинство риз были «миткалинными» с бархатными оплечьями, но эти облачения были ветхими, а завеса у Царских врат была из простого холста²¹.

Сложное материальное положение вынуждало церковные власти южной окраины обращаться в столицу с просьбой выделить иконы, ризы, книги и другие предметы церковного обихода. Соответственно Разрядный приказ, ведавший данной территорией, в подавляющем большинстве случаев удовлетворял эти просьбы, причем помощь оказывалась не только храмам и монастырям, строившимся в новых городах и их окрестностях, но и тем, которые довольно долгое время существовали в достаточно крупных населенных пунктах.

Приведенные факты говорят о наличии довольно внушительного спроса на различную церковную утварь, необходимую для полноценного функционирования храмов на Юге России. Этот спрос не способствовал быстрому развитию рынка данных товаров в регионе. Активное церковное и монастырское строительство, развернувшееся в середине XVII в. в связи с сооружением Белгородской черты, привело к увеличению спроса на товары данной группы. Однако эти потребности в существенной степени удовлетворялись государством, которое закупало значительную часть необходимых изделий в столице и направляло в регион в качестве пожертвований. Таким образом, можно говорить, что побочным эффектом активной государственной поддержки РПЦ стало сокращение возможностей развития рынка церковной утвари в регионе.

Примечания

- ¹ См.: *Багалея Д. И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства: Исслед. М., 1887. С. 119–120.
- ² РГАДА. Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 45–46.
- ³ *Багалея Д. И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Харьков, 1890. Т. 2. С. 2. № 1.
- ⁴ *Багалея Д. И.* Материалы... Харьков, 1886. Т. 1. С. 7–9. № 2.
- ⁵ Там же. Т. 2. С. 23. № 2.
- ⁶ Там же. С. 29. № 4.
- ⁷ *Комолова Э. В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 5.
- ⁸ РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 139. Л. 198–201.
- ⁹ Там же. № 151. Л. 457–458; № 152. Л. 97–99.
- ¹⁰ Там же. № 170. Л. 563–570; Л. 796–800.
- ¹¹ Там же. № 278. Л. 266–275.
- ¹² Там же. № 123. Л. 325–326.
- ¹³ *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Ч. 1. С. 67–68.
- ¹⁴ *Комолова Э. В.* Церковное развитие южнорусского региона... С. 5–6.
- ¹⁵ АМГ. СПб., 1894. Т. 2: 1635–1659. С. 31. № 60; С. 101. № 155.
- ¹⁶ См.: Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1, отд. ние 2. С. 902–1063.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 1079–1095, 1261–1290, 1582–1593.
- ¹⁸ Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854. № 23. С. 50–54.
- ¹⁹ См.: *Макарий (Булгаков М. П.).* История Русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 758–761.
- ²⁰ *Никулов А. П.* Старый Оскол: Ист. исслед. Оскол. края. Старый Оскол, 1997. С. 166.
- ²¹ *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта... С. 136–137.

Э. Л. Дубман

РУССКОЕ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЕ КУПЕЧЕСТВО В ПОНИЗОВОМ ПОВОЛЖЬЕ В XVII в.

В статье рассматривается предпринимательство привилегированного купечества (гостей, членов Гостиной и Суконной сотен) в Понизовом Поволжье¹. В занятиях этих групп населения, являвшихся по сути дела служилым торгово-промышленным сословием, сочетались выполнение «государственных служб» и собственная хозяйственная деятельность. В пределах данного региона нас интересует, прежде всего, их промысловые действия.

Активность привилегированного купечества в Понизовье нашла определенное освещение в исторической литературе. Можно назвать работы Л. К. Ермолаевой² и И. И. Степанова³, касающиеся торговли и промыслов в Астраханском крае; С. В. Бахрушина о предприятиях Светешниковых и Гурьевых⁴; Н. А. Баклановой⁵, Н. Ф. Филатова⁶, ряда других авторов. Однако целостной работы о результатах купеческого предпринимательства, его роли в освоении региона, пока не создано. Попытки отдельных исследователей получить обобщающие результаты на ограниченном материале оказывались не всегда удачными. Вряд ли прав, например, И. В. Степанов, писавший, что едва ли не все гости XVII в. занимались промыслово-торговой деятельностью в Астраханском крае⁷. Л. К. Ермолаева, основываясь на материалах местной таможни и приказной палаты, считает, что эти выводы верны лишь для первой половины столетия⁸. Собственно говоря, и Степанов заявлял, что с конца 60-х гг. XVII в. правительство взяло в свои руки наиболее выгодные промыслы, а деятельность привилегированного купечества резко сократилась.

Уже летом 1614 г., после ликвидации авантюры И. Заруцкого, единичные промысловые предприятия купечества появились в Понизовом Поволжье. Эпицентром такого предпринимательства была, несомненно, Астрахань, прилегающие к ней волжская дельта и северный Прикаспий. На первых порах государству пришлось приложить немало усилий для того, чтобы возродить рыболовецкие промыслы Астраханского края. Крупных откупщиков было мало и казне пришлось создавать собственные предприятия. Только к концу 1610 — началу 1620-х гг. казенное предпринимательство уступило место частновладельческому, в котором доминирующие позиции заняли члены купеческих корпораций. Этому способствовала и политика правительства, поручавшего завоз хлеба для гарнизонов и населения низовых городов представителям крупнейших купеческих фамилий, посылавшего их для руководства таможнями, местными предприятиями и т. д. Записные книги Печатного приказа пестрят сведениями о таких поручениях⁹. Именно в эти годы большинство наиболее доходных промысловых

угодий Понизовья перешло в оброчное пользование к торгово-промышленным агентам правительства, получившим таким образом вознаграждение за многотрудную «государеву службу». Прежде всего, таких предпринимателей привлекали учуги. Видимо, первыми из тех, кто взял их на откуп, были гости Н. Светешников и Г. Никитников¹⁰. В конце 1610 – начале 1630-х гг. сложился немногочисленный круг предпринимателей, которые смогли создать в Понизовом Поволжье крупные долговременные промысловые хозяйства. В него вошли все те же ярославцы — гости Н. Светешников, Г. Никитников, несколько позднее Дружина Назарьев и его родственники, В. Шорин. Эти промышленники, за исключением Никитникова и Шорина, не ограничивались только окрестностями Астрахани. Они организовали крупные промыслы и на Средней Волге, и в низовьях Яика. Каждый из них занимался интенсивной эксплуатацией природных богатств края, прежде всего, рыбных и соляных, создал крупные, хорошо организованные предприятия, история которых насчитывала по несколько десятилетий, внес свой значительный вклад в хозяйственное освоение региона¹¹.

Составить полный список предпринимателей, занимавшихся в Астрахани промыслами, сложно из-за фрагментарности источников. Л. К. Ермолаева насчитала в 1620-е гг. таковых всего восемь¹². Но это были лишь владельцы учугов. На самом деле этих людей, выполнявших периодически казенные службы и одновременно имевших свой промысел в Понизовье, насчитывалось значительно больше. Например, в 1626 г. один из братьев Судовщиковых брал на откуп учуг Бирюль¹³. Еще один ярославец, Н. Чистой, впервые упоминавшийся по Астрахани в 1621 г.¹⁴, в 1628 г. там был таможенным головой, а с 1629 по 1634 г. без перекупки владел учугом Бирюлем¹⁵. Член Гостиной сотни Паточкин (видимо, Яким) до 1628 г. держал на откупе учуг Басаргу¹⁶. С 1 сентября 1646 г. по 1 сентября 1652 г. в течение 6 лет было «указано» принадлежавшим к этой же корпорации Федору Горохову и казанцу Томиле Ушакову держать на откупе (т. е. не своей волей) в Астрахани «лукошную» зернистую икру. Эту икру они «делали», т. е. изготавливали из нее товарную продукцию на астраханских и яицких учугах, а также на насадах. Из Астрахани икра вывозилась в судах предпринимателей и продавалась в верховых городах. Откупные платежи они платили в приказ Большого дворца по 1400 руб. в год, что на 6 лет составило весьма значительную сумму в 8400 руб.¹⁷ Брат Федора Дружина брал на откуп учуги Бирюль и Дертюль, но в 1649 г. отказался от их дальнейшей эксплуатации¹⁸.

Другие представители привилегированного купечества в Астрахани руководили местной таможенной, дворцовыми промыслами, завозили запасы хлеба и других продуктов, совершали в крае свои частные торговые операции, владели дворами и лавками. Важнейшей сферой их промысловой деятельности с середины XVII в. стали астраханская соль и икра. Роль добычи рыбы резко уменьшилась. Например, члены Гостиной сотни Я. Шустов и П. Дубенский в 1659 г. выполняли крупный казенный подряд по доставке хлеба в Астрахань, с 1659 по 1662 г. Шустов брал в Астрахани откуп по изготовлению икры; в 1665 г. его поставили промышленником дворцового насадного промысла¹⁹. Еще раньше, в начале 1650-х гг., он вместе с К. Климшиным откупил у Светешниковых Надеинское Усолье и занимался эксплуатацией этого предприятия до 1658/59 г.

П. Дубенский стал дворцовым насадным промышленником в конце 1660-х гг.²⁰ Из двух братьев Веневитовых (Веневитиновых) Парфен (в Гостиной сотне с 1646 г.) в 1646 г. заведовал икряным промыслом в Астрахани²¹. Второй брат Федор (член Гостиной сотни примерно с 1629 г.) в 1643 г. добился, чтобы в Астрахани на его дворе и в амбарах не ставили хлебные запасы, людей и «кизылбашей»²². Федор 3 года был на казенном икряном промысле в Астрахани, 7 лет руководил доставкой хлеба в Астрахань из Темникова, Алатыря и Казани, за что и получил в 1646 г. чин гостя²³.

Кроме Н. Чистого, руководили таможенной в Астрахани член Гостиной сотни Русин Александров (упоминание за 1625–1632 г.) и др. Видной фигурой среди предпринимателей Понизового Поволжья был С. Ф. Задорин (член Гостиной сотни по данным 1646–1651 гг., с 1651 г. гость). Он служил в астраханской таможене, строил и отправлял на Каспий суда, закупал для Астрахани хлеб в Казани и Чебоксарах²⁴. Этот список можно продолжить, однако дело сведется к простому перечислению новых имен и поручений.

Конец 1640 — начало 1650-х гг. стали переломными — в формировании крупных, длительное время существующих промысловых предприятий привилегированного купечества в Астраханском крае. Последние сведения о них относятся к 1650-м гг., когда М. Гурьев получил в откуп патриарший учуг Бузан²⁵. Упадок крупного промыслового предпринимательства явился следствием начала общего экономического кризиса, охватившего страну в эти годы. В сообщениях астраханских воевод в центр говорится о запустении промысловых угодий, об отказе предпринимателей от откупов учугов²⁶.

Волжская акватория между камским устьем и астраханскими промысловыми водами также привлекала, хотя и в значительной меньшей степени, представителей привилегированного купечества.

ва. Удалось обнаружить сведения о более чем двух десятках случаев откупов промысловых вод, юртов и т. д. Большинство из них относилось к эксплуатации рыболовных угодий, лишь дважды вместе с водами упоминались «зверовые юрты» и один раз (не считая Светешниковых и Гурьевых) — откуп крупного населенного владения. Все эти промысловые предприятия укладываются в сравнительно небольшой хронологический промежуток с 1639 по 1667 г. От более раннего и более позднего периодов известий не сохранилось. Лишь трижды организаторами промыслов были гости — Н. Светешников (1631/32 г.), его сын Семен (1646 г.) и С. Ф. Задорин (до 1662/63 и в 1662 г.); трижды — члены Суконной сотни. Большинство промыслов арендовали члены Гостиной сотни (9 случаев). Пять предпринимателей лишь однажды брали промысловые угодья в аренду. Известно 5 случаев повторных откупов и ни одной попытки проделать это в третий раз. С учетом 3 откупов Надеинского Усоля, на первом месте находились самарские угодья (8 случаев). На саратовские воды приходилось 5 случаев, дважды брали на оброк совместные самаро-саратовские угодья и лишь однажды — черныярские. Обычная откупная цена на саратовские промысловые угодья колебалась в пределах от 75 до 100 руб. в год. Самарские воды, которые располагались за пределами наиболее богатой рыбой акватории, находившейся в вотчинном владении центральных монастырей, как правило, ценились ниже. Обычная годовая откупная их цена колебалась от 5–10 до 30 руб. и лишь однажды достигла 60 руб. Сроки откупов составляли от 1 до 5 лет (2 и 3 года по 1 случаю, 5 лет — 4 случая). Таким образом, трудно говорить о каком-то постоянстве, возникновении и длительном существовании крупных промысловых предприятий, создании на территории региона постоянных поселений.

Крупнейшими промышленниками региона (кроме, разумеется, Светешниковых) были член Гостиной сотни К. И. Климшин и гость С. Ф. Задорин. Задорин, ведший операции в Астрахани, в конце 1650 — начале 1660-х гг. взял на откуп ряд больших промысловых участков вод в Саратовском Поволжье (Саратовские, Чирлатовские, Курдюмские) и, кроме того, самаро-саратовские Елань-Иргизские воды. В результате этих действий возникли предпосылки для появления крупного промысла²⁷. К. И. Климшин в 1652 г. откупил на 3 года Елань-Иргизские промысловые воды²⁸. Однако наиболее значительным его предприятием, организованным вместе с еще одним членом Гостиной сотни Я. С. Шустовым, был откуп в 1652 г. после смерти С. Светешникова у его тетки вдовы Антонины Надеинского Усоля²⁹.

Вывод И. В. Степанова о том, что «золотой век» предпринимательства для представителей привилегированного купечества в Астраханском крае завершился во второй половине 1660 — начале 1670-х гг., следует распространить на всю территорию Понизового Поволжья. Их активная деятельность продолжалась и в более поздний период, однако касалась она, прежде всего, торговли, подрядов на перевозку государственных грузов, откупов, сборов десятой рыбы. Не известно ни одного случая, когда представители этих категорий купечества в последней трети XVII в. получали астраханские учуги. Лишь изредка они претендовали на сравнительно недорогие рыболовные угодья. Уход представителей купеческих корпораций из сферы организации рыболовецких, соледобывающих и других промышленных предприятий отнюдь не означал конец крупного светского частного предпринимательства в Понизовом Поволжье. В конце XVII — начале XVIII в. в регионе известны случаи откупа весьма значительных дворцовых промысловых угодий предпринимателями из московских слобод. Но все же инициатива в организации и владении крупными промысловыми предприятиями окончательно перешла в руки дворцового ведомства и церковных феодалов, в чьих руках оказались практически все ключевые позиции в рыболовстве Волжского Понизовья. Всем остальным (особенно в Астраханском крае) доставались неводные и частичковые участки лова, не приносившие столь значительной прибыли.

Все же для этого периода можно назвать имена представителей привилегированного купечества, интересы которых охватывали территорию всего региона. К таковым относились гости: В. Воронин, А. Олисов, братья Калмыковы, среди которых выделялся старший Клим, ряд других. Нижегородец А. Олисов (с 1677 г. гость) вел крупную торговлю в Среднем и Нижнем Поволжье, в том числе пермской и астраханской солью. В Астрахани он имел кирпичное производство, во второй половине 1670-х гг. (до 1680 г.) заведовал астраханским и яицким дворцовым промыслом³⁰.

Показательна промыслово-торговая деятельность в Понизовом Поволжье и, прежде всего, в окрестностях Астрахани трех братьев Калмыковых. Двое из них, Клим и Никита, вошли в состав Гостиной сотни в 1696 г., уже в конце своей жизни³¹. При рассмотрении их разноплановой предпринимательской деятельности в регионе, мы не находим свидетельств о создании крупных, длительно существующих рыболовецких предприятий. Частнопредпринимательская деятельность Калмыковых основывалась на их положении привилегированных государственных агентов. Их собственные предприятия были кратковременными — торговые и посреднические операции, судовой и соляной про-

мысл³². Характерно, что деятельность тех же Калмыковых, как и других крупных предпринимателей, помимо Астрахани, распространялась на Саратов, Царицын, другие города, где у них находились перевалочные базы, амбары, дворы и т. д.³³

В конце XVII в. в Симбирске и Астрахани появились свои предприниматели, входившее в категории гостей и членов Гостиной сотни³⁴. Состав симбирского купечества отражен в сказках «торговых людей» 1704 г., согласно которым в городе насчитывались 1 гость и 11 членов Гостиной сотни³⁵. Лишь немногие из них стали гостями (Я. Т. Бабушкин с 1695 г.) и членами Гостиной сотни (А. Ушаков с 1683 г.³⁶, И. Хлебников (Андреев) с 1691 г., Илья Иванов с братьями Василием и Симоном в 1694 г.³⁷, Н. Бармищев в 1690-е гг.) в конце XVII в. Большинство же из этих предпринимателей вошли в состав привилегированного купечества в начале XVIII в. (Бородулины Василий, Иван, Алексей Семеновичи с 1701 г., Хлебниковы, Капраловы, Твердышевы). В основном они представляли семейные кланы, выделившиеся из верхушки симбирского посада³⁸.

В последние десятилетия XVII в. Симбирск не только укрепил свое положение важнейшего перевалочного пункта на волжском пути, но и стал центром быстро развивающегося нового земледельческого района. Богатство местной посадской верхушки было обусловлено именно этими двумя факторами, что очень хорошо выразил один из местных членов Гостиной сотни Ф. Хлебников: «А пожитки мои в стругах соляного торгу и в хлебной покупке». Краткая сводка предпринимательской деятельности Хлебникова полностью подтверждает его слова³⁹. Вывоз в Астрахань и другие города Понизовья крупных партий хлеба, закупка там соли и рыбы, содержание мельниц в Симбирском и Казанском у., винокурение — вот основные статьи дохода этих людей. Завести сколько-нибудь крупные, существовавшие длительное время предприятия на территории Понизового Поволжья эти представители купечества не смогли⁴⁰. Хронологически деятельность большинства из них также не входит в период, рассматриваемый в данной статье. Среди них следует выделить лишь А. Ушакова, в довольно крупных размерах занимавшегося солеварением в Уфимском у.⁴¹

Сложнее определить состав местного купечества в Астрахани, по которой «сказок» не сохранилось. Кроме Горезина, ставшего гостем в Астрахани, других имен для последних десятилетий XVII в. обнаружить не удалось. В самом начале XVIII в. среди членов Гостиной сотни по Астрахани называли братьев Боковых — Луку (1701 г.), Андрея (1701 г.) и Ивана (1703 г.), вышедших из местного посадского населения⁴². Любопытна судьба крупного промышленника Василия Горезина из Кадашевской слободы (он принадлежал к той же семье, что и известный староста Кадашевской слободы в 1640-е гг., а позднее таможенный откупщик Илья Горезин). Его выслали за какие-то провинности в Астрахань, где он появился в 1660-х гг. и был записан в посад. Здесь В. Горезин занялся торговлей, посредничеством и стал одним из богатейших астраханских предпринимателей. В 1670-е гг. его избрали земским старостой, в 1681 г. он был целовальником Делового двора, управлял дворцовыми рыбными промыслами, с 1685 г. возглавлял астраханскую таможеню. Ему простили старые вины и с начала 1680-х гг. предприниматель вновь именуется кадашевским посадским человеком. Горезин стал компаньоном крупных купцов, восстановил старые связи с Москвой. Он организовал крупный рыболовный промысел, скупал рыбу с государевых учугов Урустобы и Байтемира. В 1685 г. он получил чин гостя (у Ермолаевой указан 1686 г.), а под конец жизни вернулся в Москву. В 1695 г. Горезин подрядился поставить в казну припасов на 16550 руб., но не смог этого сделать⁴³.

Таким образом, на протяжении XVII в. роль, значимость и характер деятельности привилегированного купечества в Волжском Понизовье претерпели значительные изменения. Если до 60-х гг. XVII в. эта категория людей активно способствовала хозяйственному освоению края, организовывала крупные, существовавшие длительное время предприятия, владело землями и создавало на них постоянные населенные пункты, то в последующий период характер деятельности купечества изменился. Оно по-прежнему активно участвовало в хозяйственной жизни региона, но в основном сосредоточилось на торгово-посреднических операциях.

Примечания

¹ Этот регион для изучаемого периода мы трактуем расширительно — от устья Камы до северного побережья Каспийского моря. См., например: *Дубман Э. Л.* Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI—XVII вв. Самара, 1999. С. 5–6.

² *Ермолаева Л. К.* 1) Торговые связи Астрахани в XVII — первой четверти XVIII в.: (К проблеме формирования всерос. рынка): Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981; 2) Крупное купечество России XVII — первой четверти XVIII в. (по материалам астраханской торговли) // Изв. 1986. Т. 114; др. работы.

- ³ Степанов И. В. 1) Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. № 48, вып. 5. Л., 1939; 2) Организация соляных промыслов в низовьях р. Волги в XVII в. // Там же. Вып. 8. Л., 1941; др. работы.
- ⁴ Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.
- ⁵ Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в.: К истории формирования рус. буржуазии. М., 1959.
- ⁶ Филатов Н. Ф. 1) Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке: История, архитектура. Горький, 1989; 2) Торговый дом нижегородского гостя А. Ф. Олисова // Записки краеведов: Очерки, ст., док., хроника. Горький, 1979. Вып. 4; др. работы.
- ⁷ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность... С. 97.
- ⁸ Ермолаева Л. К. Торговые связи Астрахани... С. 138, 231. В пользу ошибочности мнения Степанова свидетельствуют и обобщенные данные, приведенные в недавно вышедшей работе Н. Б. Голиковой (Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1).
- ⁹ Архив СПбИИ. Ф. 38. Д. 68. № 1086–1168 и др.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 281. Д. 226. Л. 1–4.
- ¹¹ Изучение таких предприятий — особая тема, на которой мы не будем останавливаться. См.: Бахрушин С. В. Промышленные предприятия...; Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство...
- ¹² Ермолаева Л. К. Торговые связи Астрахани... С. 127.
- ¹³ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность... С. 97.
- ¹⁴ Архив СПбИИ. Ф. 38. Д. 68. № 1581.
- ¹⁵ Степанов И. В. Хозяйственная деятельность... С. 94.
- ¹⁶ Там же. С. 95, 97. Степанов ошибается на с. 95 называя Патокина гостем и исправляет свою же ошибку на с. 97.
- ¹⁷ Архив СПбИИ. Ф. 38. Д. 68. № 1367.
- ¹⁸ Там же. № 1643.
- ¹⁹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 136.
- ²⁰ РИБ. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 1503–1505.
- ²¹ Архив СПбИИ. Ф. 38. Д. 68. № 1402.
- ²² Там же. № 1607.
- ²³ АИ. СПб., 1842. Т. 5: 1676–1700. С. 66. № 43.
- ²⁴ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 142.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 229. Л. 1.
- ²⁶ АИ. СПб., 1842. Т. 4: 1645–1676. С. 132. № 40.
- ²⁷ Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898. С. 283–289.
- ²⁸ Гоздаво-Голомбиевский А. А. Материалы для истории г. Саратова: Записки книг Печатного Приказа (1650–1675) // ЧОИДР. М., 1892. Кн. 3. С. 19.
- ²⁹ Архив СПбИИ. Кол. 133. Д. 39. Л. 1–7.
- ³⁰ ГААстрО. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 25. Л. 42, 43, 68; РГАДА. Ф. 1104. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2; Ермолаева Л. К. Крупное купечество... С. 318–319.
- ³¹ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 392, 398–399.
- ³² Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность...
- ³³ Гераклитов А. А. К истории волжского транспорта в конце XVII в. // Труды Нижневолжского о-ва краеведения. Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 24–25.
- ³⁴ Заозерская Е. И. Торги и промыслы Гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII–XVIII вв. // Петр Великий: Сб. ст. М.; Л., 1947; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 402, 404, 410, 419, 431, 441.
- ³⁵ Сказки торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. М., 1984. [Ч. 2]. С. 242–261.
- ³⁶ Заозерская Е. И. Торги и промыслы Гостиной сотни... С. 229.
- ³⁷ РГАДА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- ³⁸ Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 385, 395, 425, 431, 434, 436, 441 и др.
- ³⁹ Там же. С. 259–261.
- ⁴⁰ Заозерская Е. И. Торги и промыслы Гостиной сотни... С. 244–245.
- ⁴¹ Сказки» торговых людей о торгах и промыслах. [Ч. 2]. С. 263–265.
- ⁴² Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 431.
- ⁴³ Ермолаева Л. К. Крупное купечество... С. 314–316; Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации... С. 164.

Э. Монахан

ВЕРТИКАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В МОСКОВИИ: КУПЦЫ ГОСТЕВЫ И ЛЯНГУСОВ В СИБИРИ В XVII в.*

В период с XVI по начало XVIII в. привилегированные купеческие корпорации составляли верхушку торгового класса Московии. На вершине пирамиды находились гости — небольшая по численности и исключительная по своему положению группа привилегированных купцов. За ней в иерархии располагались вторая и третья группы привилегированного купечества — Гостиная и Су-конная сотни. Гостиная сотня являлась источником пополнения корпорации гостей¹. Большинство

купцов, добившихся статуса гостя, прошли через Гостиную сотню. Н. Б. Голикова насчитывает более 2700 купцов и ремесленников, состоявших в ее рядах с XVI по XVIII в., в то время как гостей за тот же период известно лишь несколько сотен².

Изучение Гостиной сотни важно по ряду причин. Исследование этой корпорации способно, в частности, пролить свет на проблему «отсутствующего среднего класса» в России. До сих пор наиболее существенную работу о Гостиной сотне составляют три главы в фундаментальном труде Н. Б. Голиковой «Привилегированные купеческие корпорации в России XVI — первой четверти XVIII в.»³ Изучение появления купцов Гостиной сотни в Сибири позволяет проследить растущую интеграцию Сибири в состав Российского государства и развитие торговли между Китаем и Москвией. Надо признать, что Российское государство раннего нового времени рассматривало активную коммерческую политику как фундаментальную основу государственного строительства и экспансии. Изучение привилегированных купеческих корпораций приносит результаты в области социальной и культурной истории, поскольку углубляет наше понимание предпринимательской культуры в России раннего нового времени. Изучение Гостиной сотни, включавшей около 3000 чел. (из них лишь несколько женщин), заставляет по-новому взглянуть на природу Московского государства в целом. Данная статья посвящена предпринимательской культуре в России раннего нового времени и, в особенности, вертикальной социальной мобильности, пути для которой открывали коммерческие возможности сибирского фронта. Рассматривая индивидуальную карьеру членов Гостиной сотни в Сибири, мы можем увидеть, как успех на торговом поприще мог изменять социальный статус людей.

Как и в любом сообществе, основанном на конкуренции, большинство членов Гостиной сотни не смогло пробиться на более высокий уровень иерархии. Но некоторым это удалось. Так, благодаря трудам С. В. Бахрушина карьера Г. Р. Никитина является хорошо известным примером вертикальной мобильности в XVII в. Большинство исследователей полагали, что пример Г. Р. Никитина являлся единственным в своем роде. Однако другие подобные ситуации остались просто неизученными. Данная статья — попытка хотя бы отчасти заполнить этот пробел. Восстанавливая карьеры русских купцов — выходцев из простонародья, которые добились высокого положения членов Гостиной сотни, статья иллюстрирует возможности вертикальной социальной мобильности в России раннего Нового времени. Андрей Гостев и его сын Илья являются представителями двух поколений, управлявших семейным бизнесом. Спиридон Яковлев Лянгусов, начавший свою карьеру в приказчиках у Гостевых, прошел свой собственный путь, чтобы стать членом Гостиной сотни. Эти купцы, происходившие с Русского Севера, демонстрируют, какие возможности предоставлял сибирский фронт для коммерческих предприятий в России XVII — начала XVIII в.

Гостевы

Семья членов Гостиной сотни Гостевых была очень активна в сибирской торговле. Сделки, заключенные отцом и сыном Гостевыми, составляют до четверти всех сделок привилегированных купцов, зафиксированных в таможенных книгах, подвергшихся анализу⁴. Андрей Гостев принадлежал к Гостиной сотне с 1658 по 1664 г.⁵ Отрывок из недатированной таможенной книги Тюмени, относящейся к первой половине XVII в., содержит запись о явке человеком Андрея Гостева Лучкой Ондреевым 60 лосиных шкур и 5 заячьих шуб⁶. Лучка Ондреев еще несколько раз появлялся в Тюмени по поручению Гостева в начале 1660-х гг.⁷ Н. Б. Голикова отметила, что документы, в которых Андрей Кузьмич Гостев назван членом Гостиной сотни, датируются периодом между 1658 и 1664 гг.⁸ Она считает, что этот купец получил доступ в Гостиную сотню после 1651 г. и в своем роду был первым представителем привилегированного купечества. В то же время происхождение его семьи остается неясным. Единственный потенциальный родственник, которого мне удалось выявить, — Иван Гостев из Бобровского в 1635 г. явил хмель и рожь в таможене Устюга и продал эти товары в устюжский кабак, а также Игнатию Кабакову⁹.

1661–1663 гг. были для Андрея Гостева в Сибири весьма насыщенными. Он дважды упомянут в таможенных книгах Тюмени 1661/62 г. вместе со своими работниками. 5 января записана явка приказчика Андрея Гостева Иакова Микифорова со своим сыном Спиркой, зафиксированная одновременно с явкой приказчика гостя Семена Задорина и купцов из Устюга. Дважды товары по приказу Андрея Гостева являл Лучка Ондреев¹⁰. 18 августа приказчик Андрея Гостева Кирилл Иванов явился в таможене Тобольска на обратном пути из Томска¹¹. 2 февраля 1663 г. человек Гостева Филька Кондратьев прибыл в Тюмень из Верхотурья и платил проезде по пошлины за один воз с грузчиком¹². Спустя менее двух недель, 15 февраля, приказчик Кирилл Иванов вернулся в Тюмень из Тобольска с достаточно большим грузом, потому что ему пришлось просить помощи у людей Гостева Миши Ондреева и Фильки Кондратьева присмотреть за товарами. Сам Андрей Гостев путешествовал вместе

с лалетином, купцом Иаковом Парфановым. Вместе они платили пошлины с пяти возов и пяти грузчиков¹³. После 1663 г. мне не удалось найти упоминаний об Андрее Гостеве в таможенных книгах.

Примерно в это же время мы видим приход в торговлю следующего поколения Гостевых. Сын Андрея Гостева Илья продолжил дела своего отца в Сибири. В 1663 г. Илья Гостев появился в таможене без своего отца. Он был со своим приказчиком Спиридоном Яковлевым — тем самым Спирькой, который сопровождал отцовского приказчика Якова Микифорова четырьмя годами ранее. Спустя 10 лет Спиридон Яковлев сам стал членом Гостиной сотни, и уже его собственные приказчики действовали в Западной Сибири.

Обычно сын получал привилегированный статус с тем, чтобы сразу же занять место своего отошедшего от дел отца. Однако в случае с Ильей Гостевым дело обстояло иначе. Его отец исчезает из документов в 1664 г., но Илья стал членом Гостиной сотни только несколько лет спустя. Список, составленный Н. Б. Голиковой, свидетельствует о том, что он вступил в корпорацию в 1676 г. Однако уже в таможенной книге Тюмени 1672/73 г. он назван купцом Гостиной сотни¹⁴. Илья прожил долгую жизнь и оставался членом Гостиной сотни до своей смерти в 1704 г.¹⁵ То, что отец Ильи исчезает из источников внезапно, а получение Ильей привилегированного статуса растянулось на несколько лет, заставляет предположить, что Андрей Гостев умер внезапно. Временной разрыв между исчезновением Андрея Гостева и выходом на сцену Ильи требует объяснений. Возможно, Илья был еще слишком юн на момент отхода отца от дел и не мог взять под свой контроль семейные коммерческие дела. С другой стороны, этот пробел может иллюстрировать недостаточное развитие политических связей Ильи Гостева. По-видимому, он провел совсем немного времени в Москве. На протяжении всей своей карьеры Илья неоднократно упоминался как член Гостиной сотни из Вятки, что позволяет предположить, что Москва не являлась его основным местом жительства. Свое жалованье в 80 руб., например, он получал в Вятке¹⁶. Его отец, подобно более знаменитым купеческим семьям Босых и Ушаковых, считал более выгодным иметь своей основной базой Русский Север, откуда он и управлял своими торговыми операциями в Сибири.

Илья Гостев появлялся в Западной Сибири во второй половине XVII в. чаще, чем любые другие купцы Гостиной сотни, сведения о которых мне удалось получить в ходе исследования. Он путешествовал по Сибири с торговыми целями сам и нанимал для этого как минимум трех приказчиков: Спиридона Яковлева, Елеську Федорова и Ивана Макарова (в одной из записей Иван Макаров упомянут как сиделец). Офонька Харитонов и Кузьма Калмак работали на него в качестве сидельцев. Кроме того, люди нанимались к Гостеву для того, чтобы перевозить и охранять большие партии товаров. Все они составляли своего рода торговую сеть, члены которой сотрудничали друг с другом (например, однажды Иван Макаров оставил некоторые товары на попечение приказчика Спиридона Яковлева). Сеть, созданная Ильей Гостевым, имела уникальный характер: он единственный русский привилегированный купец, о котором мне удалось найти сведения в таможенных записях, сотрудничавший с бухарскими купцами. Так, в Таре в 1674/75 г. приказчик Ильи Гостева отправил партию товаров в Тобольск по поручению бухарского купца, причем они совместно платили амбарную пошлину, что является редким примером сотрудничества¹⁷.

9 марта 1674 г. приказчик Ильи Гостева Спиридон Яковлев проехал через Верхотурье по пути из Тобольска. С ним были двое сидельцев (Офонька Харитонов и Иван Ермолаев), а также калмыцкая невольница — девочка по имени Седелейка. Эти люди помогали приказчику управиться с партией товаров, составлявшей 17 подвод. Они уплатили амбарные пошлины за три дня перед тем, как продолжить свой путь на Русь¹⁸. Несмотря на весеннюю распутицу приказчик Ильи Гостева Савва Федоров приехал 29 марта 1674 г. в Верхотурье из Соликамска с грузом на одиннадцати лошадях. Он вез товары самого разного рода, в том числе для личного пользования жителей Сибири: чашки, ложки, иголки, европейские ткани, а также (что неожиданно, поскольку его путь пролегал на восток) — точные товары, такие, как шелк и перец. Таможенники оценили эту партию товаров в 810 руб. 23 алт. 2 д. Для охраны товара и помощи при его перевозке Савва Федоров имел дополнительных людей — помощника Гостева Якунку Аверкиева, Ивана Макарова и его племянника Матфейку Прокопьева¹⁹. В 1680 г. Савва Федоров вновь отправился в Сибирь как приказчик Ильи Гостева. Он проехал через Верхотурье с грузом, стоившим 1003 руб. 31 алт. 4 д.²⁰

В середине 1680-х гг. торговые обороты Ильи Гостева росли, на него работало все больше приказчиков. В октябре 1686 г. Григорий Игнатьев платил пошлины как человек Ильи Гостева вместе с сидельцем Карпушкой Федоровым²¹. Можно предполагать, что приказчик Зоцей Григорьев, плативший десятину с 6000 беличьих шкурок по приезде из Верхотурья в Тюмень 8 января 1687 г., был сыном приказчика Григория Игнатьева²². Григорий Игнатьев являл меха, приобретенные на различных рынках. В Тобольске той же зимой, 21 февраля 1687 г., приказчик Ильи Гостева Иван Куртиев

явил партию товаров общей стоимостью 185 руб. 18 алт. 2 д., а потом отправил ее с сидельцем Зоце-ем (Изоткой) Григорьевым Плотниковым в Тару²³. Иван Васильев Куртиев нанял две лавки по приказу Ильи Гостева в марте 1687 г.²⁴ Тогда же он вместе с сидельцем Изоткой Плотниковым явил двое саней в таможене Тобольска²⁵. В мае 1687 г. Куртиев провез через тобольскую таможену товаров для Гостева на 788 руб.²⁶

Спиридон Яковлев Лянгусов

Этот человек был вовлечен в сибирскую торговлю на протяжении всей своей жизни. Как указано выше, он впервые появился в сибирской таможене в 1662 г., когда будучи еще мальчиком сопровождал своего отца Якова, работавшего на Андрея Гостева. Спиридон был членом Гостиной сотни с 1682 г. до своей смерти в 1713 г. Таким образом, документы, в которых зафиксированы сведения о его участии в сибирской торговле, охватывают впечатляющий полувековой отрезок²⁷.

В 1686 г., когда человек Ильи Гостева Григорий Игнатьев платил оброк за арендованную в Тобольске с сентября по апрель лавку, Спиридон Яковлев (Лянгусов) больше не служил у Гостева приказчиком²⁸. Спиридон Яковлев упоминается в трех изученных мной таможенных книгах 1672–1676 гг. как приказчик Гостева в Тюмени и Верхотурье. Но к 1686/87 г., когда он или его приказчики появляются несколько раз в таможене Тобольска, Спиридон уже сам был членом Гостиной сотни и на него в Сибири работало несколько приказчиков²⁹. Н. Б. Голикова пишет, что по указу от 15 февраля 1680 г. 12 чел. были введены в Гостиную сотню и 15 — в Суконную. Среди этих купцов был «вятчанин» Спиридон с братьями. Голикова полагает, что это Спиридон Лянгусов, который прежде жил в Кадашевской слободе³⁰. Б. Г. Курц называл Спиридона Лянгусова (sic!) в 1700 г. гостем, но в исследовании Голиковой не отмечено, что он имел такой статус³¹. В сентябре, октябре и ноябре 1686 г. вместе с прежним хозяином Спиридона Ильей Гостевым приказчик Лянгусова Иван Зверев платил оброк с лавки в Тобольске³². Хотя Спиридон Яковлев не арендовал лавку в Тобольске в декабре 1686 и январе 1687 гг., его приказчик Иван Александров Зверев приезжал для торговли в Сибирь и по приказу Лянгусова 29 января 1687 г. явил в Тобольске скупленных товаров на 211 руб.³³ Месяцем позже, 27 февраля 1687 г., Иван Зверев вновь явил меха на сумму 148 руб., которые «его люди» привезли в Тобольск из Сургута³⁴. Сиделец Лянгусова «Акинфейка Василева» (женщина?) платил пошлины с двух саней в тобольской таможене также в феврале 1687 г.³⁵ Сам Спиридон Яковлев посетил Сибирь той же зимой, когда он с группой торговцев, не названных в таможенной записи по именам, приехал из России со значительной партией различных «русских» товаров на сумму 359 руб., а также уплатил оброк с двух лавок на тобольском рынке за первую неделю февраля и за март 1687 г.³⁶ В мае 1687 г. Лянгусов (или его приказчик) прибыл в Тобольск с верхотурской выписью и товаром почти на 800 руб., который включал русские ткани и жемчуг³⁷. Похоже, что фамилию Лянгусов Спиридон Яковлев начал использовать позже, когда достиг более высокого статуса. Известно, что купец Гостиной сотни Спиридон Лянгусов был допущен в караван, идущий в Китай в 1700 г.³⁸

Н. Б. Голикова сообщает противоречивую информацию о происхождении Спиридона Лянгусова. По ее мнению, он был посадским человеком из Хлынова и принадлежал к Гостиной сотне в 1682–1713 гг.³⁹ В то же время она считает Спиридона Лянгусова одним из двенадцати купцов Кадашевской слободы Москвы, которые были приняты в Гостиную сотню согласно списку, приложенному к указу от 15 февраля 1680 г. Здесь, как она полагает, «вятчанин Спиридон Лянгусов [sic!] с братьями» — это, вероятно, бывший кадашевец, хорошо известный вятский купец⁴⁰.

Хотя некоторые детали в истории двух рассмотренных купеческих семей остаются неясными, таможенные книги и документы Сибирского приказа позволяют составить определенное представление о положении купцов в допетровской и петровской России. Пусть и не вполне завершенные портреты купцов открывают для нас важнейшие составляющие жизни привилегированного московитского купечества: продолжительность карьеры и влияние семьи как важнейшего организующего принципа коммерческой деятельности. В истории как семьи Гостевых, так и Спиридона Яковлева мы наблюдаем торговые операции в Сибири на протяжении нескольких поколений. Более того, и это самое главное, карьеры этих людей представляют пример вертикальной мобильности в Московии, обусловленной коммерческими возможностями сибирского фронта. Регулярные торговые экспедиции в Сибирь, сеть агентов на рынках и подъем этих людей по социальной лестнице демонстрируют успех их коммерческих предприятий. Чтобы оценить в полной мере успех Андрея Гостева, его сына Ильи и Спиридона Яковлева, надо помнить, что важное значение имело не только их материальное положение. В конце концов уровень стандарта жизни различается в зависимости от материальной культуры, статуса и обусловлен исторически. Тем не менее, мы можем рассматривать эти истории как истории успеха. В семье Гостевых мы видим два поколения, которые поддерживали семейное

торговое предприятие, рыночную сеть, в которой зародилась карьера Спиридона Яковлева Лянгусова — другого торговца, начинавшего со скромных стартовых позиций и самостоятельно достигшего привилегированного статуса. Эта перспектива с упором на проблему вертикальной социальной мобильности важна, поскольку подчеркивает возможности, существовавшие и реализуемые в Московии раннего нового времени.

Примечания

* Перевод А. В. Крайковского.

¹ Суконной сотне здесь не уделяется особого внимания. Одна из теорий утверждает, что термин «суконники» (члены Суконной сотни) первоначально относился к купцам, которые торговали с Европой, что отчасти объясняет их малое присутствие в Сибири. В последней четверти XVII в. Суконная сотня была упразднена и ее члены вошли в Гостиновую сотню (см.: *Перхавко В. Б.* Первые купцы российские. М., 2004. С. 328).

² *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 297, 381, 443.

³ Там же. В моем исследовании было задокументировано более 50 купцов Гостиной сотни, оперировавших в Сибири (см.: *Monahan E.* Trade and empire: Merchant networks, frontier commerce and the state in Western Siberia, 1644–1728: PhD diss. Stanford, 2007. Ch. 5).

⁴ Исследованные таможенные книги не исчерпывают всех возможных архивных источников. В хронологическом порядке они таковы: *Головачев П. М.* Тюмень в XVII столетии: Собр. материалов для истории города. Тюмень, 2004. № 97, 170; Архив СПбИИ. Ф. 187, Оп. 1. Д. 1. Л. 1–3; Оп. 2. Д. 17. Л. 1–25; РГАДА. Ф. 214. Кн. 301. Л. 1–100; ГАТюмО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 378. Л. 1; Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–33; ГАТюмО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 381. Л. 1–127; Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997–2001. Вып. 1–4; РГАДА. Ф. 214. Кн. 588. Л. 1–14; Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2. Д. 52. Л. 1–8; РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 187. Л. 120–133; Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2, Д. 80 Л. 1–8; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1398. Л. 224–462; Стб. 1376. Л. 1035–1059; ГАТюмО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–9; Д. 139. Л. 1–23; Д. 29. Л. 1–12; Д. 36. Л. 1–16; Д. 37. Л. 1–10; Д. 38. Л. 1–44; Д. 39. Л. 1–9; Д. 40. Л. 1–6; Д. 134. Л. 1–38.

⁵ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 314.

⁶ Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. Л. 1. Путь-путеводитель по архиву датирует этот документ «после марта 1601 г.» В то же время его почерк сходен с теми, которые датируются первой половиной XVII в. и я полагаю, что дата документа значительно более поздняя.

⁷ Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2. Д. 20. Л. 26 (1661/62 г.); Д. 21. Л. 1–21 (1662/63 г.).

⁸ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 314.

⁹ Таможенные книги Московского государства XVII века. М.; Л., 1950. Т. 1: Сев. реч. путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма в 1633—1636 гг. С. 200.

¹⁰ Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2. Д. 20. Л. 26.

¹¹ *Вилков О. Н.* Тобольск — центр таможенной службы Сибири в XVII в. // Города Сибири: (Экономика, управление и культура городов Сибири в досовет. период). Новосибирск, 1974. С. 136.

¹² ГАТюмО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 381. Л. 110.

¹³ Там же.

¹⁴ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 4. С. 50–51.

¹⁵ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 331. Более подробно см.: Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. С. 83, 98; Вып. 3. С. 72, 106.

¹⁶ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 446.

¹⁷ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. С. 86.

¹⁸ Там же. Вып. 3. С. 73.

¹⁹ Там же. Вып. 4. С. 106.

²⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 187. Л. 124.

²¹ Там же. Ф. 214. Кн. 892. Л. 56 об.

²² Там же. Л. 82 об.

²³ Там же. Л. 119 об. Возможно, это еще одно произношение имени Зоцея Григорьева, функции которого менялись по ходу его службы у Ильи Гостева.

²⁴ Там же. Л. 129.

²⁵ Там же. Л. 131 об.

²⁶ Там же. Л. 204.

²⁷ Такая продолжительность карьеры хотя и впечатляет, но вовсе не является уникальной среди привилегированного московитского купечества (см.: *Monahan E.* Trade and empire. Ch. 4. P. 387).

²⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 187. Л. 11, 49 об., 67 об., 77, 95, 109 об.

²⁹ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. С. 98; Вып. 3. С. 72; Вып. 4. С. 27–75; Архив СПбИИ. Ф. 187. Оп. 2. Д. 52. Л. 4; РГАДА. Ф. 214. Кн. 892. Л. 67 об., 88 об.; Ф. 1111. Оп. 2. Д. 611. Л. 52.

³⁰ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 337. На с. 374 Голикова пишет, что Спиридон Лянгусов из города Хлынова был членом Гостиной сотни в 1682–1713 гг.

³¹ *Куриц Б. Г.* Государственная монополия в торговле России с Китаем в первой половине 18 столетия. Киев, 1929. С. 1.

³² РГАДА. Ф. 214. Кн. 892. Л. 11.

³³ Там же. Л. 89.

³⁴ Там же. Л. 105.

³⁵ Там же. Л. 111.

³⁶ Там же. Л. 99–101 об., 110, 128 об., 142.

³⁷ Там же. Л. 202 об.

³⁸ *Оглоблин Н. Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1900. Ч. 3. С. 179.

³⁹ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... С. 374.

⁴⁰ Там же. С. 338. Спиридон Яковлев отсутствует в указателе Голиковой. Не упоминается он и в других работах, к которым я обращалась. К сожалению, фамилия «Яковлев» чрезвычайно распространена и ее трудно проследить с уверенностью. Например, 11 марта 1636 г. вятчанин Игнатий Яковлев из Хлынова продал кобылу в Великом Устюге. Возможно, он имеет отношение к Андрею Гостеву, но для того, чтобы установить эту связь наверняка, необходимы более прочные данные (см.: Таможенные книги Московского государства... Т. 1. С. 266).

Д. З. Фельдман

ЕВРЕЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.: ПОЛОЖЕНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Произошедшее в первой трети XVII в. обострение русско-польских отношений привело к кратковременной войне с Речью Посполитой за утраченные смоленские земли в 1632–1634 гг. Смоленская война оказалась неудачной для России и не сняла имевшихся противоречий с соседней Польшей, результатом чего стало длительное военное противостояние между двумя государствами в 1654–1667 гг.

В ходе военных действий в России оказалось значительное число пленных («иманы во языцех»), среди которых находились и польско-литовские евреи, составлявшие у себя на родине одну из крупнейших в мире иудейских религиозных общин (начало интенсивного процесса ее формирования было положено еще в конце XII в., а расцвет пришелся на XIV–XVI вв.). В отечественной истории подобное событие, связанное с более или менее массовым превращением евреев в русских подданных, состоялось, пожалуй, впервые. Проживавшие в Белоруссии и Литве евреи представляли собой корпорацию с особым юридическим статусом и традиционным образом жизни. Отношения польской иудейской общины с различными государственными органами и шляхтой строились на сложной и запутанной системе соглашений, определявших права и обязанности евреев и создававших легальную базу их хозяйственной и общинной деятельности. Местные иудеи пользовались свободой вероисповедания и правом создания автономных общин, им разрешалось заниматься экономической деятельностью, а также селиться в большинстве регионов страны.

Война нарушила их сложившийся уклад в политических, юридических и экономических рамках Речи Посполитой, а ряд евреев оказался в русском плену. При этом к «старозаконным» полякам (как они сами себя называли) применялись те же правила, которые были установлены и для остальных захваченных в плен мирных жителей. Однако наличие в Московии большого числа иноземцев и иноверцев заставило русское правительство задуматься об урегулировании сложившейся ситуации. Поэтому вскоре после окончания военных действий в Литве встал вопрос о дальнейшей их судьбе, требовавший законодательного разрешения. Сохранилась приказная переписка, касающаяся вопроса о пленных, попавших в период русско-польской (Смоленской) войны 1632–1634 гг. на территорию Московского государства: поляках, литовцах, «немецких людях» (в России той эпохи «немцами» именовали выходцев из Западной Европы), черкасах (так русские источники XVI и XVII вв. называют украинских казаков и жителей Украины) и, наконец, евреях. Как следует из этих документов, в 1634 г. царь Михаил Федорович повелел их «сыскивать и отпускать» за границу в Литву, кроме крестившихся и желающих остаться в России¹.

Как известно, процесс укоренения последних в новой стране имел вполне определенную специфику: практически все осевшие во внутренней России евреи были вынуждены креститься, поскольку проживание иноверцев-иудеев здесь со времен царя Ивана IV Грозного, утверждавшего, что они русских людей «от христианства отводили и отравные зелья в наши земли привозили, и пакости многим людям нашим делали»², было строжайше запрещено. (Так как до него договоры между российским и польско-литовским правительствами о взаимном допущении купцов не заключали в себе ограничений для евреев, то последние неоднократно приезжали в московские пределы на общих основаниях, например, при Василии III.) Некоторые из них воспользовались сложившейся ситуацией и, приняв православие, постепенно растворились в окружающем населении³. Впрочем, имеются документальные свидетельства того, что и в этот период в Великодержавию приезжали польские евреи, исполнявшие поручения королевского двора и казны⁴. Уже вскоре после окончания первой русско-польской войны отдельные представители зажиточного еврейского купечества упоминаются в межгосударственной переписке, причем на самом высоком уровне.

Так, в грамоте польского короля Владислава IV⁵ к царю Михаилу Федоровичу от 12 ноября 1637 г. содержалась просьба о разрешении приехать в Россию фактору и королевскому купцу Арону Марковичу с целью покупки разной «рухляди» и прочих товаров для королевского обихода и отпуске его обратно в Польшу⁶. Король, в частности, писал: «...Посылаем фактора и купца нашего королевского величества Арона Марковича, жида города нашего stolного Великого князства Литовского Вилна, в панства Ваши, брата нашего, государства Московского для скупенья розных футор и товаров на властную нашего королевского величества потребу. А он те ж, яко купец, многих дорогих товаров везет з собою для проданья в господарства Ваши, брата нашего»⁷. При этом монарх ссылался на прежние dokonчальные грамоты и договоры, в которых говорилось о разрешении польским и литовским «купецким людям» приезжать в Московию с любыми товарами, торговать здесь без взимания пошлин и свободно возвращаться к себе на родину. (В свое время, в 1550 г., Сигизмунд II Август⁸ также просил Ивана Грозного позволить еврейским купцам торговать, «как по старине», но, как сказано выше, польский монарх получил отрицательный ответ.) Грамота была доставлена в Москву с гонцом 12 января 1638 г., однако точно не известно, приезжал ли тогда виленский купец в нашу страну и, если приезжал, каковы были результаты его деловой поездки.

Зато нам точно известно, что спустя короткое время А. Маркович появился в пределах России с коммерческой целью, но эта попытка оказалась для него неудачной. Об этом свидетельствует следующий документ, текст которого мы приводим ниже. 1 января 1639 г. на имя царя Михаила Федоровича направляется отписка вяземских воевод — стольника князя Г. С. Куракина⁹, Д. А. Заметцкого¹⁰ и дьяка И. Кудрина¹¹: «В нынешнем, государь, во 7147 (1638) году декабря в 12 день в Вязме в съезжей избе подал нам, холопом твоим, таможенной и кобатцкой голова Иван Ляпин роспис, а в росписи, государь, иво написано: Декабря ж в 10 день явил литовской купец вилнивец Арон Марков на трех возех товару дватцат половинок сукна еренкового, дватцат четьи ребобра, семдесят аршин тафты, пят аршин бархоту, тканица жемчужная, три тысеци рублей денег с ним три пяхолка. И декабря ж, государь, в 16 день сказывал нам, холопом твоим, голова стрелецкой Григорей Семичов, а ему де сказывали на Гостине дворе литовские купцы розных городов, про того вилневца про Арона Маркова, что де тот Арон родом жидовин. И мы, холопи твои, голове стрелетцкому Григорию Семичову того жидовина Арона Маркова велели из Вязмы выслати за рубеж. И декабря, государь, в 20 день тот жидовин Арон из Вязмы в Дорогобуж выслан»¹². Таким образом, по доносу стрелецкого головы, инициированного литовскими купцами, о появлении в российском пограничье еврейского торговца, вяземские воеводы выслали последнего назад, в Литву.

Данный факт свидетельствует о том, что в правление Михаила Федоровича, так же, как и во второй половине XVI в., власти относились к евреям с особой неприязнью, препятствуя их приезду с товарами из-за рубежа. И несмотря на то, что правители Речи Посполитой настаивали, чтобы евреев пропускали хотя бы до Вязмы, русскому посольству, отправленному в Варшаву в 1638 г., поручено было заявить польскому правительству, что «жидам отнюдь в Россию не въезжать». В свою очередь русские купцы не питали симпатий не только к полякам, но и к прочим иноземцам; польско-литовским же торговцам разрешили бывать только в пограничных городах, а в Москву и близлежащие города ездить им было запрещено.

Во второй половине XVII в., в царствование Алексея Михайловича, наблюдается процесс некоторой активизации торговли России с другими странами, в том числе посредством еврейских купцов и мещан. Причем, это происходило несмотря на то, что после заключения Андрусовского мирного договора с Польшей в 1667 г. иностранцев в Московии стали подвергать новым стеснениям. В связи с этим здесь в первую очередь стоит упомянуть «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г.¹³ Как следует из архивных документов, 5 июня этого года пятеро торговцев-«евреян» — Самоил Яковлев, Лазарь Яковлев, Давыд Василев, Осип Алексеев и Яков Степанов — получили в Москве, в Посольском приказе, проезжую грамоту от царя Алексея Михайловича на свободный проезд до литовской границы. Их путь пролегал по Смоленской дороге через города Можайск, Вязьму, Дорогобуж и Смоленск. Купцам предоставлялось право беспошлинного провоза товаров и выделялся необходимый транспорт. Посольский приказ направил местной администрации («по городом <...> воеводам нашим и всяким приказным людям») наказную память о беспрепятственном их пропуске до границы и память в Ямской приказ о предоставлении подводы.

В этом документальном источнике обращает на себя внимание то обстоятельство, что в Московию приезжали именно шкловские мещане. Как известно, белорусское местечко Шклов (в Польско-Литовском государстве имевшее статус города), расположенное по обе стороны р. Днепр в 22 верстах от Могилева, отличалось довольно высоким уровнем развития торговли и ремесел, которые в

значительной степени осуществлялись евреями¹⁴. Немаловажно и то, что это селение с многочисленной еврейской общиной находилось на транзитном пути между Польшей и Россией, и через него в обе стороны проходил весьма внушительный объем разнообразных товаров. Кроме того, винная торговля являлась одним из главных занятий местных купцов, и в России, несомненно, об этом знали. Поэтому когда царь Алексей Михайлович задумал приобрести для своего двора большую партию венгерского вина (а токайские вина считались в то время одними из лучших), за помощью он обратился именно к шкловским евреям.

Кроме того, обнаружен еще ряд источников, касающихся торговой деятельности в России шкловца Самоила Яковлева. Причем, как видно из этих материалов, он далеко не единожды приезжал в Московское государство по коммерческим делам. Так, в мае 1679 г. «иноземец, королевского величества евреинин, житель города Шклова Самошка Яковлев» подает челобитную уже на имя нового царя Федора Алексеевича о выдаче ему и четырем его «челядникам» проезжей грамоты до литовской границы¹⁵. Он писал, что «приволокся к Москве» и привез сюда партию сукна, а на вырученные деньги закупил товар для отправки на родину. Необходимая купцу грамота на проезд «без задержания» через Смоленск за границу, «в сторону брата нашего наяснейшаго, великого государя Яна Третяго¹⁶», была ему тогда же выдана: она предназначалась смоленскому стольнику князю М. И. Лыкову¹⁷ «с товарищи» (т. е. воеводам)¹⁸. Саму проезжую грамоту коммерсант должен был отдать в Смоленскую приказную избу при выезде из города.

Здесь, однако, следует отметить интересный факт — при этом на обороте отпуска грамоты (где помещен текст расписки С. Яковлева в ее получении) указывалось, что вместе с ним нашу страну не покидает его земляк-мещанин Моисей Яковлев, видимо, оставшийся в Москве: «<...> А в тех людех, что писаны в сей проезжей, евреинина ж Моисея Яковлева сына Друкаря нет, и за рубеж с теми людьми он, Моисей, не едет. Салдацкова строю капитан Иван Таичинский вместа евреинина Самоилы Друкарева (Яковлева. — Д. Ф.), что ему собою евреинина ж Моисея Друкарева не свезть с Москвы, и руку приложил»¹⁹. Из этой записи можно сделать вывод, что и Самойло, и Моисей Яковлевы были близкими родственниками, возможно братьями (имея прозвище Друкарь или Друкарев), и одновременно в 1670-х гг. осуществляли международные коммерческие операции, находясь под покровительством русских монархов. Кстати, фамильное прозвище «Друкарь» (в переводе с польского языка означающее «печатник»), встречается в документах в непосредственной связи с белорусскими торговцами Яковлевыми в первый и единственный раз.

Архивные источники также свидетельствуют о том, что летом 1674 г. шкловские мещане Моисей Яковлев и Моисей Эвелев получили разрешение от царя Алексея Михайловича отправиться из столицы в Смоленск и далее до литовской границы²⁰. Об этом говорится в отпуске грамоты смоленскому стольнику князю М. А. Голицыну²¹ «с товарищи». Еврейских коммерсантов в дороге сопровождал толмач Посольского приказа М. Дроздов, который после выполнения своего задания должен был вернуться в Москву. Отписку же об исполнении этого указа стольнику в царской «отчине в Смоленеске» надлежало подать в приказ окольничему А. С. Матвееву²², думному дьяку Г. К. Богданову²³ и дьякам Я. Поздышеву²⁴, И. Евстафьеву²⁵ и В. Бобину²⁶.

Известно также, что в апреле 1675 г. Моска Яковлев, «человек» еврея Иуды Исаева, получил проезжую грамоту по городам для беспрепятственного пропуска его «с Иудиною рухледью» за рубеж с указанием о взятом с него налоге²⁷. Запись данной грамоты (за приписью дьяка Е. И. Украинцева²⁸) содержится в одной из книг пошлинных дел Печатной конторы, которая собирала пошлины с поданных на имя царя Алексея Михайловича челобитных. К этому можно добавить, что Иуда и Яков Исаевы в 1671–1676 гг. поставляли в российскую казну сукно. По этой причине они сами не раз приезжали в Московию и возвращались в Литву, пользуясь проезжими грамотами. Поскольку они осуществляли поставки в казну, то пошлину с них не брали и даже выделяли под товары казенные подводы. Упоминания об Иуде Исаеве как казенном поставщике встречаются в источниках и позднее.

В 1674 г. бил челом государю Алексею Михайловичу еврей Моисейко Исаев. «Приволокся я, работник твой, — писал он в челобитной, — к Москве для торгового своего промыслишку». Однако здесь он заболел и пролежал два месяца; с ним приехала его мать, «еврейка же Маремьяница». Мать М. Исаева умерла в Москве, и осиротевший купец просил государя отпустить его за рубеж с телом матери. Алексей Михайлович разрешил дать проезжую грамоту. Еще известно, что в ноябре 1676 г. «королевского величества евреинин Моска Яковлев» просил последующего царя Федора Алексеевича отпустить его с двумя «челядниками» из Москвы, куда он приезжал «для своего торгового промыслишку и для долговой взятки», в Польшу и выдать ему соответствующую проезжую грамоту до границы²⁹. Согласно резолюции, следовало снести с таможенной на предмет уплаты им пошлины и выдать шкловскому мещанину необходимый акт для проезда «в сторону королевского величества»³⁰.

Таким образом, перечисленные здесь персоналии входили в ограниченное число «избранных» иудеев, занимавшихся продажей привозимых ими иностранных товаров и поставлявших их к московскому царскому двору. Видный русский историк С. М. Соловьев так писал в своей «Истории России» по этому поводу: «Жида в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе <...> грамоты с красною печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссии от Двора». Причем, в тех случаях, когда эти еврейские купцы осуществляли поставки специально для казны, то пошлин с них не взимали и даже давали для перевозки продукции казенные подводы, а также жаловали их царскими подарками.

Но хотя экономические интересы царского двора требовали разрешать отдельным иностранцам, в том числе евреям Польши и Литвы, приезжать по коммерческим делам, в целом доступ их в пределы государства тогда был значительно затруднен, поскольку московские власти стремились оберегать народный быт и православие от влияния иноверцев и всячески противодействовали появлению чужеземцев. Для польско-литовских евреев, осуществлявших торговлю с Россией, пограничным пунктом был определен г. Смоленск. Именной указ царя Федора Алексеевича от 12 сентября 1676 г.³¹ и вслед за ним Торговый устав от 11 сентября 1677 г.³² вполне четко определяли: «Которые еврейяны впредь приедут с товары утайкою к Москве и учнут являться и товары свои записывать в Московской большой таможене, и тех еврейян из Приказа Большаго приходу присылать в Посольской приказ, и товаров их в таможене не записывать, для того что, по указу великаго государя, еврейян с товары и без товаров из Смоленска пропускать не велено». В торговом договоре, заключенном с Польшей в 1678 г., было предусмотрено, что евреи, в отличие от прочих польско-литовских торговых людей, не могут приезжать в Москву. Таким образом, в правление Федора Алексеевича политика по отношению к еврейским купцам вновь ужесточается.

Нелишне заметить, что, кроме приезжих торговцев, в Московском государстве (в том числе в столице) проживало большое число евреев, которые попали сюда в качестве военнопленных, а затем получили свободу. Как правило, приняв христианство, они селились в различных московских слободах: Немецкой, Мещанской, Бронной, а затем сливались с окружающим населением.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. Стб. 102. Ч. 1. Л. 1.

² Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. СПб., 1887. Т. 2: (1533–1560). С. 341–342.

³ См.: Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 10.

⁴ Подробнее об этом см.: Гессен Ю. И. 1) Триста лет назад: Евреи в Московском государстве до и после Смуты // Восход. СПб., 1913. № 9. С. 34–38; 2) Евреи в Московском государстве в XV–XVII вв. // Еврейская старина. 1915. Вып. 1. С. 1–19; Вып. 2. С. 153–173.

⁵ Владислав IV (1595–1648). В 1632–1648 гг. король польский и великий князь литовский; в Смутное время, в 1610 г., был признан Боярской думой русским царем.

⁶ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Оп. 2. Д. 38. Л. 1–4.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Сигизмунд II Август (1520–1572). В 1548–1572 гг. король польский и великий князь литовский.

⁹ Куракин Григорий Семенович был воеводой в Вязьме в 1637–1638 гг.

¹⁰ Заметцкий (Замыцкий, Замытцкий, Замытский) Данила Андреевич был товарищем (заместителем) воеводы в Вязьме в 1637–1638 гг.

¹¹ Кудрин Исаак был товарищем (заместителем) воеводы в Вязьме в 1636–1638 гг.

¹² РГАДА. Ф. 141 (ПДСЛ). Оп. 1. 1638 г. Д. 44. Л. 4–4 об.

¹³ Там же. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и о служивших в нем). Оп. 1. 1672 г. Д. 10. Л. 1–3. Оpubл.: Еврейские купцы в Москве XVII в.: «Дело об отпуске из Москвы в иностранные государства жидов Самоила Яковлева с товарищами его для покупки венгерского вина» 1672 г. июня 5 / Публ. Д. З. Фельдмана // Российский архив: (История Отечества в свидетельствах и док. XVIII–XX вв.). М., 2003. Вып. 12. С. 9–12.

¹⁴ Подробнее о еврейской общине Шклова см.: Цинберг С. Л. Шклов и его «просветители» конца XVIII века // Еврейская старина. 1928. Т. 12. С. 17–44; Фельдман Д. З. Из истории шкловских евреев (по материалам Российского государственного архива древних актов) // Вестник Еврейского ун-та в Москве. 1994. № 3. С. 28–38; Fishman D. E. Russia's first modern Jews: The Jews of Shklov. N. Y., 1995. P. 46–52; Анищенко Е. К. Черта оседлости: (Белорусская синагога в царствование Екатерины II). Минск, 1998. С. 97–114.

¹⁵ РГАДА. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 2. Д. 1976. Л. 1.

¹⁶ Ян III Собоеский (1624–1696). В 1674–1696 гг. король польский и великий князь литовский; в 1686 г. заключил вечный мир с Россией.

¹⁷ Лыков Михаил Иванович (1640–1701) был воеводой в Смоленске в 1677–1679 гг.

¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1976. Л. 2–2 об.

¹⁹ Там же. Л. 2 об.

²⁰ Там же. Ф. 145 (Смоленский приказ). Оп. 1. 1674 г. Д. 8. Л. 1–3.

- ²¹ Голицын Михаил Андреевич (1639–1687) был воеводой в Смоленске в 1672–1675 гг.; его товарищами были окольный М. С. Пушкин и стольник В. Я. Дашков, с 23 февраля 1675 г. — стольники М. П. Головин и К. А. Яковлев.
- ²² Матвеев Артамон (Артемон) Сергеевич (1625–1682) управлял Посольским приказом в 1671–1675 гг.
- ²³ Богданов Григорий Карпович был думным дьяком Посольского приказа в 1671–1676 гг.
- ²⁴ Поздышев Яков был дьяком Посольского приказа в 1669–1674 гг.
- ²⁵ Евстафьев Иван был дьяком Посольского приказа в 1672–1675 гг.
- ²⁶ Бобинин (Бабинин) Василий Иванович был дьяком Посольского приказа в 1673–1696 гг.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ). Оп. 1. Кн. 185. Л. 161 об.
- ²⁸ Украинцев (Украинцов) Емельян Игнатьевич (1641–1708) был дьяком Посольского приказа в 1675–1680/81 гг.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1587. Л. 1.
- ³⁰ Там же. Л. 1 об.
- ³¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 2. № 662.
- ³² РГАДА. Ф. 276 (Коммерц-коллегия). Оп. 1. Д. 1737. Л. 1. См.: *Шугуров М. Ф.* История евреев в России // РА. 1894. № 1. 65–66.

И. Р. Соколовский

ЗНАЧЕНИЕ ПУБЛИКАЦИИ СИБИРСКИХ ТАМОЖЕННЫХ КНИГ XVII в., ОСУЩЕСТВЛЕННОЙ ПОД РУКОВОДСТВОМ Д. Я. РЕЗУНА

«Таможенные книги сибирских городов XVII века» — серийное издание, издававшееся под грифом Института истории Сибирского отделения РАН в 1997–2004 гг. (тогда он официально назывался ИИОИИФ СО РАН). Всего вышло шесть выпусков: Сургут и Тара (Вып. 1), Туринск, Кузнецк, Томск (Вып. 2), Верхотурье и Красноярск (Вып. 3), Тюмень и Пелым (Вып. 4), Тобольск и Кетск (Вып. 5), Томск, Нарым, Березов (Вып. 6)¹. К этим книгам примыкает работа Д. Я. Резуна «Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: Общее и особенное»². В этой книге опубликованы таможенные документы Мангазеи и Енисейска. Общий объем публикации может быть оценен приблизительно в 60–65 авторских листов.

Публикация такого объема не могла быть осуществлена только за счет средств Института истории. Она была поддержана грантами РГНФ (вып. 1, 3, 5) и деньгами многочисленных спонсоров и меценатов: А. М. Лаврентьева, В. Т. Буркацкого (Вып. 3), М. А. Василенко (Вып. 4), И. В. Кудинча (Вып. 6). Часть расходов была покрыта за счет издательства «РИПЭЛ».

Программа издания, о чем имеется глухая ссылка в предисловии к первому изданию, предусматривала публикацию таможенных книг, хронологически относящихся к началу последней четверти XVII в.³ Однако по причинам, связанным как с сохранностью и доступностью источников, так и с финансовыми проблемами, публикаторам не удалось выдержать ее до конца (см. рис.). Два опубликованных источника серии относятся к рубежу первой четверти XVII в. (таможенная книга Томска 1624/25 г. в Вып. 2 и расходная книга Кетска за 1628/29 г. в Вып. 5). К концу третьей четверти столетия относятся опубликованные документы Томска, Тюмени, Тобольска, Верхотурья, Нарыма, Красноярска, Сургута, Тары, Туринска, Пельма, созданные в 1671–1675 гг. К последней четверти столетия относятся публикации документов Пельма, Мангазеи, Нарыма, Березова, Енисейска и Кузнецка (1677–1697). Такое разнообразие дат может расцениваться не только как недостаток, но и как определенное преимущество. Например, торговля Томска может быть рассмотрена в диахронной перспективе от 1624/25 по 1671/72 г. В какой-то мере можно отследить влияние на сибирскую торговлю эпохи «заката Московского царства» и предвестия петровских реформ⁴.

Еще одним моментом, отражающим бедственное финансовое положение издателей, является включение в состав сборников так называемых приложений, содержащих публикации, прямо не относящихся или относящихся косвенно к публикуемым документам. Зачастую это была единственная возможность их публикации. В первом выпуске это первая часть автобиографии О. Н. Вилкова⁵, в четвертом — источниковедческая статья Д. В. Раева о книгах пивных варей Сургута за 1702 и 1710 гг.⁶ Пятый выпуск содержит список трудов О. Н. Вилкова за 1958–2001 гг., фактически исчерпывающий, поскольку Вилков, скончавшийся в декабре 2005 г., ничего не публиковал с момента своего увольнения из института истории в 2001 г. В этом же выпуске приведен список из 197 работ (последняя работа — монография И. П. Каменецкого 2002 г.⁷), в которых упоминаются труды О. Н. Вилкова. Остальные выпуски вышли без подобных приложений.

За исключением приложений и некоторых отклонений, о которых мы скажем чуть позже, сборники имеют четкую структуру, состоя из предисловия главного редактора серии Д. Я. Резуна, двух вводных статей и двух публикаций таможенных документов (два города в каждом сборнике), а также именного указателя, в который включены только служилые люди, упоминающиеся в документах данного сборника. Подобный вид указателя является довольно необычным и был предложен лично главным редактором серии Д. Я. Резуном. Дело в том, что Д. Я. Резун обладает картотекой в 70–80 тыс. карточек, содержащих сведения о служилых людях Сибири XVII в., составленной по опубликованным и архивным материалам. Необычность данного вида указателя усиливается еще тем фактом, что в первом выпуске ссылки к тексту указателя сделаны в обычной манере (как ссылки к страницам). Во втором выпуске ссылка в тексте выполнена как ссылка к числу, когда упоминается то или иное лицо, но без указания, к какому публикуемому документу таможенного управления (туринскому или кузнецкому) относится это число. В третьем выпуске ссылка дается уже на номер листа публикуемого источника, однако опять без указания на то, к какой таможенной книге относится этот лист. Найденный таким образом принцип формирования ссылки к тексту сохранился и в последующих выпусках, а также в монографии Д. Я. Резуна «Фронт в истории Сибири <...>», что, кстати, является косвенным доказательством ее принадлежности к серии⁸. Очевидно, что такой «оригинальный» способ формирования указателя был продиктован финансовыми соображениями, поскольку он позволяет формировать указатель параллельно подготовке основного текста издания, а не после ее окончания. С другой стороны, вряд ли возможно пользоваться данным текстом собственно как указателем, т. е. осуществлять с его помощью поиск в тексте. Скорее он имеет характер приложения, носящего самостоятельный характер.

Авторами вводных статей выступили сибирские ученые-историки. Значительная часть из них отдала ни один десяток лет изучению истории того или иного города. В первом выпуске статья о торговле Сургута написана О. Н. Вилковым, о торговле Тары написала З. В. Башкатова, перу которой принадлежат несколько статей о сибирской торговле XVII в.⁹ Во втором выпуске статья о торговле Кузнецка написана И. П. Каменецким, который в 2005 г. публикацией монографии о Кузнецком у. подвел итог своим многолетним исследованиям¹⁰. В третьем выпуске о торговле хлебом в Верхотурье опять написал О. Н. Вилков. В четвертом выпуске статью о Тюмени написал видный специалист по истории этого города в XVII в. В. Н. Курилов¹¹. В шестом выпуске статью о Томске написала А. А. Люцидарская¹². Были, однако, и исключения. Таможенные книги Тобольска (в пятом выпуске) и Березова (в шестом) опубликованы без вводных статей. О. Н. Вилков был уже физически не в состоянии написать статью о тобольской торговле, а человека, способного его заменить, не нашлось. Специалист по торговле Березова В. М. Леонтьев не принял участие в подготовке издания по ряду личных причин¹³. В. А. Есипова, автор предисловия к публикации таможенной книги Томска 1620-х гг. (Вып. 2), не является узким специалистом по торговле в Сибири XVII в., однако не совсем чужда данной проблематике, что следует из списка некоторых ее публикаций в Интернете¹⁴. Статьи о Туринске, Пельме, Нарыме, Кетске (Вып. 2, 4, 5, 6) написаны И. Р. Соколовским, который никогда до этого не писал по истории торговли.

Для передачи текста был выбран научно-критический принцип, который нигде в издании не поясняется и не комментируется¹⁵. Исключением служит лишь статья В. А. Есиповой (вып. 2), но очевидно, что не все предложенные ею принципы распространяются на издания других сибирских таможенных книг.

Полиграфическое оформление серии единообразно и максимально упрощено. Книги изданы в мягких обложках. Лицевая сторона обложки разделена на две части: правая белая, левая черная. Три четверти обложки занимает вписанный в зеленый квадрат герб Сибири с рисунка XVIII в. На оборотной стороне обложек второго, четвертого и пятого выпусков помещена фотокопия титульной страницы Туринской таможенной книги за 1674/75 г. Задняя сторона обложки других выпусков оставлена белой. Из-за слабых полиграфических мощностей издательства не совпадают даже форматы изданий. Еще причудливей распределяется полоса набора. В первых четырех выпусках она одинаковая, зато в пятом выпуске ширина колонки сокращается, а в шестом это сокращение становится еще более заметным. Для первых пяти выпусков издательство выбрало шрифт с засечками, для шестого прямой. В первых четырех выпусках текст публикуемого источника набран полужирным шрифтом.

В издании встречаются опечатки, как замеченные и оговоренные в более поздних выпусках¹⁶, так и не замеченные и не оговоренные. Например, статья Д. Я. Резуна о торговле в Красно-

ярске (Вып. 3) ошибочно приписана И. Р. Соколовскому. В шестом выпуске в оглавлении дата таможенной книги Березова указана как 1689/90 г., в заголовке публикации как 1687/88 г., далее в тексте идет 1958 (!) и, наконец, несколько раз «нынешней 195-й» (что соответствует 1686/87 г. от Р. Х.)¹⁷

Таможенные книги не получили рецензий в центральной профессиональной исторической печати. Несколько рецензий вышло в малотиражных провинциальных сборниках, круг авторов и читателей которых ограничивается профессиональными сибиреведами или специалистами по истории таможенного дела и торговли XVII в.¹⁸

Рецензенты, в частности, отмечали, что «таможенные книги являются «интереснейшим источником по ранней истории не только экономики, но культуры Томска, Туринска и Кузнецка». Положительно оценивалось «наличие вводных аналитических статей», которое «позволяет отметить, что данная книга является не только сборником опубликованных источников, но и самостоятельным научным исследованием». Отмечалось, что «тексты вводных статей не только дают комментарии к опубликованным источникам, но и исследуют структуру, характер и направление торговли сибирских городов, содержат интересные наблюдения и выводы о социально-экономическом и социально-культурном развитии Туринска, Кузнецка и Томска». От внимания некоторых рецензентов не ушел и тот факт, что издание было выполнено при финансовой поддержке сибирских предпринимателей. Общий вывод, который сделал один из рецензентов (Д. А. Алисов): «Данное издание делает доступными представленные источники по ранней истории городов Сибири широкому кругу исследователей»¹⁹.

Для понимания любого явления требуется сравнение его как с современными, так и предшествующими ему однотипными явлениями. В 2001 г. под грифом Института российской истории (Санкт-Петербургский филиал) вышла монография А. И. Раздорского «Торговля Курска в XVII веке». Как следует из ее текста, подготовительная работа заняла не меньше пяти лет, а поскольку в списке работ указан автореферат диссертации кандидата исторических наук, то можно смело предположить и восьмилетний срок подготовки (начиная со сбора материалов)²⁰. Объем издания сопоставим с «Таможенными книгами сибирских городов» — 48 печатных листов, причем, вся работа выполнена одним человеком. Публикация работы не состоялась бы без финансовой поддержки трех грантов — совместного петербургской городской администрации и РАН, Института «Открытое общество» и РГНФ. Работа издана в специализированном издательстве «Дмитрий Буланин», однако в выходных сведениях не указаны фамилии корректоров. Книга издана в твердом переплете, размер блока 15,5×24 см, размер полосы 6,93×10,75 квадратов. Книга содержит 137 таблиц, графики и диаграммы, две вклейки с картами²¹. Однако автор отказался от идеи публикации текста таможенных книг целиком, ограничившись публикацией регестов, о чем позднее опубликовал специальную теоретическую работу²². «Таможенные книги сибирских городов XVII века» по качеству выполненной работы и по своему полиграфическому исполнению стоят ближе к публикациями П. М. Головачева, отделенным от них целым столетием, чем к публикации А. И. Раздорского, что приводит к печальным мыслям о сохранении деления отечественной науки на «провинциальную» и иную²³. С другой стороны, хочется проявить оптимизм и предположить, что как работа П. М. Головачева открыла новую эпоху в изучении Сибири XVII в., так и труд Д. Я. Резуна пригодится потомкам.

Примечания

¹ Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997–2004. Вып. 1–6.

² Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: Общее и особенное. Новосибирск, 2005.

³ Таможенные книги сибирских городов... Вып. 1. С. 9.

⁴ Седов П. В. Закат Московского царства: Цар. двор конца XVII в. СПб., 2006.

⁵ Таможенные книги сибирских городов... Вып. 1. С. 113–125.

⁶ Раев Д. В. Книги «пивных варей» Сургута как источник по изучению хозяйственной деятельности населения Сибири в начале XVIII в. // Таможенные книги сибирских городов... Вып. 4. С. 138–146.

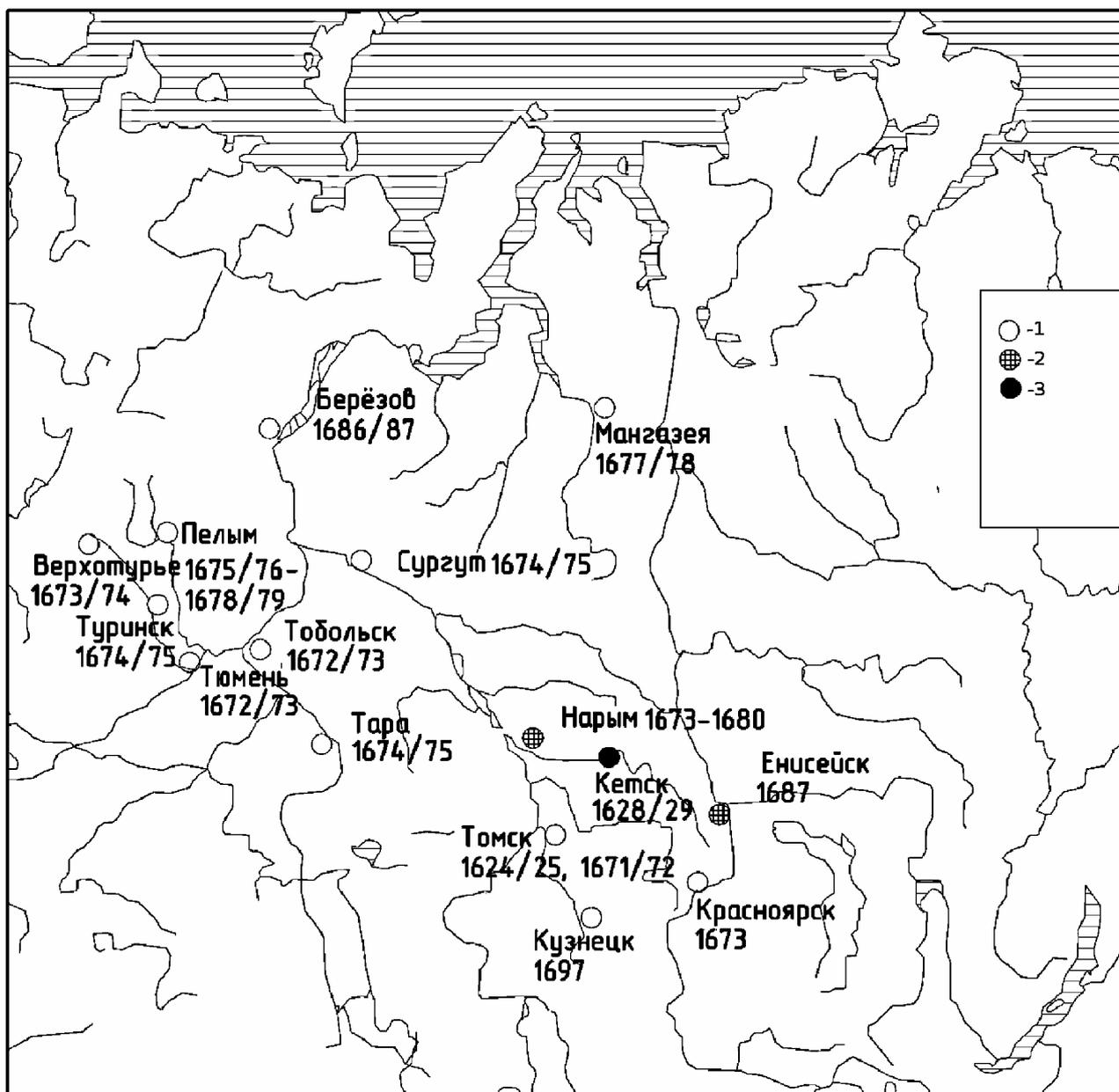
⁷ Каменецкий И. П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII — начале XVIII в.: Опыт жизнедеятельности в условиях фронта Юж. Сибири. Омск, 2005.

⁸ Таможенные книги сибирских городов... Вып. 1. С. 105 и след.; Вып. 2. С. 85 и след.; Вып. 3. С. 142 и след.

⁹ Башкатова З. В. 1) Влияние металлургической промышленности на развитие городов Томска и Кузнецка // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 129–144; 2) Численность и состав населения г. Тары в начале XVIII в. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: Тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. (12–14 дек. 1989 г.). Новосибирск, 1989; 3) Рыбная торговля города Тары в середине XVII века // Обмен-

- ные операции городов Сибири периода феодализма: Сб. науч. ст. Новосибирск, 1990. С. 174–182;
- 4) Народнонаселение Тарского уезда Тобольской губернии Сибири в период хозяйственного освоения (1793–1854 гг.) // Демографическое развитие Сибири периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1991. С. 172–189;
- 5) Купечество г. Тары в XVII — первой половине XX вв. (по материалам «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири») // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории: XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 29–31; 6) Градообразующие факторы сибирских городов (на примере Тары конца XVI — начала XVIII вв.) // Городская культура Сибири: Динамика культурно-исторических процессов: Сб. науч. тр. Омск, 2001. С. 153–155; *Баикатова З. В., Жиров А. А., Скубневский В. А.* Тара // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 1997. Т. 4, кн. 1. С. 115–116.
- ¹⁰ *Каменецкий И. П.* Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX века. С. 119–128.
- ¹¹ *Курилов В. Н.* 1) Новые данные о промышленном развитии Тюмени к концу XVII — началу XVIII в. // Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVII — нач. XX вв. Новосибирск, 1971. С. 13–25; 2) Участие служилых людей в становлении Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири: Экономика, управление и культура городов Сибири в досовет. период. Новосибирск, 1974. С. 76–86; 3) О некоторых закономерностях развития сибирского города XVII столетия // Сибирские города XVII — начала XX века. С. 109–119.
- ¹² *Люцидарская А. А.* 1) «Русские» товары на томском рынке во второй половине XVII в. // Из истории социально-экономического и политического развития Сибири. С. 5–13; 2) Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири. С. 60–75; 3) Социальная микротопография Томска в начале XVIII в.: (Опыт исследования источников). // Сибирские города XVII — начала XX века. С. 63 и след.; 4) Старожилы Сибири: Ист.-этногр. очерки: XVII — нач. XVIII в. Новосибирск, 1992.
- ¹³ *Леонтьев В. М.* Торговля Березова в XVII веке, или Русские в Сибири. Новосибирск, 1995. О личных причинах см.: Отчет сектора истории конца XVI — первой половины XIX в. о работе за 2003–2004 гг. // Институт истории Сибирского отделения РАН [Электронный ресурс]. URL: (http://history.nsc.ru/ot_rez_2004.htm [10.06.2009]).
- ¹⁴ Томский государственный университет. Научная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.tsu.ru/index_about.php?id=6 [21.05.2009].
- ¹⁵ Словарь-справочник автора. М., 1979. С. 93–94
- ¹⁶ Таможенные книги сибирских городов... Вып. 2. С. 6.
- ¹⁷ Там же. Вып. 6. С. 64, 66, 67, 96.
- ¹⁸ *Алисов Д. А.* [Рец. на изд.: Таможенные книги Сибирских городов XVII века. Вып. 2] // Центр Интернет ОмГУ [Электронный ресурс]. URL: http://www.ic.omskreg.ru/~cultsib/recen/al_tamo.htm [21.05.2009]; *Тимошина Л. А.* 1) О публикации таможенных книг в 1996–1997 годах // ОФР. М., 1999. Вып. 3. С. 270–283; 2) О публикации таможенных книг в 1999–2000 годах // Там же. М., 2001. Вып. 5. С. 223–238.
- ¹⁹ *Алисов Д. А.* [Рец. на изд.: Таможенные книги Сибирских городов XVII века. Вып. 2].
- ²⁰ *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 65.
- ²¹ В «вину» издательству можно поставить тот момент, что столбиковые диаграммы опубликованы в том виде, в каком их навязывает потребителю программа Word одиозной фирмы Microsoft, что снижает их информативность и ведет к излишнему перерасходу типографской краски. См.: Словарь-справочник автора. С. 91; *Боумен У.* Графическое представление информации. М., 1971.
- ²² *Раздорский А. И.* О составлении и публикации регестов таможенных книг XVII–XVIII вв. // ОА. 2007. № 1. С. 31–40.
- ²³ *Головачев П. М.* Ближайшие задачи исторического изучения Сибири // ЖМНП. 1902. № 9. С. 49–68; Томск в XVII веке: Материалы для истории города... СПб., [1911]; Тюмень в XVII столетии: Собр. материалов для истории города... М., 1903.

Города Сибири XVII в., таможенные книги и иные документы которых были опубликованы в серии «Таможенные книги сибирских городов XVII века» в 1997–2004 гг.

На карте подписаны названия населенных пунктов, таможенные и иные документы которых (с указанием дат создания этих документов), были опубликованы в сборнике «Таможенные книги сибирских городов XVII века»: 1 — таможенные книги; 2 — расходные книги; 3 — иные документы таможенного управления.

Ю. В. Кириллов

**ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА XVII в.
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Деловая письменность сыграла значительную роль в формировании национального русского языка. Особенно ценны как источник сведений о языке документы региональной деловой письменности, так как они сохраняли следы живой разговорной речи прошлого. Региональные особенности наиболее ярко проявляются именно в документах местных не крупных учреждений. Такие документы сохранились в относительно большом количестве, но многие из них до сих пор не исследованы в лингвистическом плане. С псковскими памятниками деловой письменности работает коллектив

СПбГУ, материалы памятников активно используются при составлении Псковского областного словаря с историческими данными (ПОС), работы над которым начинались под руководством Б. А. Ларина. Активно ведется исследование и в Псковском государственном педагогическом университете: известны работы Л. Я. Костючук¹, с документами Псково-Печерского монастыря работают Н. Д. Сидоренская, Е. В. Ковалых². Ряд исторических работ посвящен обзору деловых документов псковского региона. Так, документы псковской Приказной избы XVII в. описаны в работах А. П. Богданова и А. И. Плигузова³. Обращались к псковским таможенным книгам как историческому источнику В. А. Богусевич⁴, Ю. А. Тихонов⁵, А. Ц. Мерзон⁶. Известны публикация и исследования А. В. Юрасовым таможенных книг псковского региона⁷. Таможенным документам посвящен и ряд лингвистических исследований. Так, о Псковской таможенной книге 1749 г. писала И. А. Малышева⁸. Одна из первых публикаций по материалам великолукских таможенных книг 1669–1676 гг. принадлежит Е. В. Чендековой⁹.

Рассмотрим таможенные документы псковского региона XVII в. как лингвистический источник на примере великолукских таможенных книг 1669–1676 гг., книги Псковской Большой таможни 1670/71 г., а также книг Псковского гостиного немецкого двора 1670/71 г. и Псковской рыбной таможни 1670/71 г. Оригиналы великолукских таможенных книг хранятся в РГАДА в фонде Разрядного приказа (ф. 210) в составе книг Денежного стола (Оп. 6–ж)¹⁰. Таможенные книги города Пскова XVII в. хранятся в Отделе рукописных и редких книг Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в фонде Приказной избы (ф. 607, оп. 65). Они представляют собой конволют, в состав которого, помимо уже названных, входит ряд документов, объединенных территориально (окружающая Псков территория — Воронач, Выбор, Вышегород, Гдов, Изборск, Кобыльск, Опочка, Остров, Печки) и по времени (около 1670/71 г.)¹¹.

Великолукские таможенные книги в публикации А. В. Юрасова представлены четырьмя беловыми и одной черновой книгами. Беловые книги написаны одним почерком (черновая — несколькими). В книге Псковской Большой таможни 1670/71 г. записи сгруппированы по времени уплаты пошлин (по месяцам), а внутри таких групп выстроены в хронологическом порядке по времени явки товара; каждая группа записей отделена от соседней чистым листом. Такая организация отличает ее и от великолукских, и от других книг в составе конволюта (в них записи расположены в хронологическом порядке по месяцам и числам). Книги города Пскова написаны несколькими почерками. Встречаются отдельные приписки и исправления, но в целом записи выполнены аккуратно. Собственно-ручных подписей торговцев (рукоприкладств) не имеется. Книги имеют беловой характер.

Наиболее богатый материал книги псковского региона содержат для изучения лексики. Таможенные книги являлись документами торгового дела, что обуславливает наличие в них значительно количества слов, обозначающих понятия, связанные с торговлей. О составе торговой лексики XVII в. Б. А. Ларин писал: «Эти три группы слов — названия мер и денежных единиц, названия товаров и их сортов, названия процессов производства и торговли — составляют запас профессиональной лексики, терминологии, которую ввела в русский язык посадская среда»¹². В таможенных книгах эти категории лексики представлены неравномерно: для фиксации денежных операций требовались точные указания на единицы измерения товаров и денежные суммы, подробное перечисление товаров и указание их характеристик. В языковом плане это определяло очень слабую представленность и малое разнообразие глагольной лексики и наличие большого количества номинативных единиц.

Может быть выделено несколько крупных групп лексики. В статьях содержательной части таможенных книг в реквизите характеристики товара представлены лексико-семантическая группа «метрологическая лексика» (*аршин; берковск; осмина, асмина; осмак; пуд* и др.), включая также наименования денежных единиц (*алтын; гривна; копейка; рубль* и др.) и используемые для торговых нужд наименования предметов как счетных единиц (*головка (чеснока); косяк (мыла); куль (снетков); кумач; лубка (меда); мех (соли); рогоза (снетков)* и др.).

Для характеристики товаров используются лексико-семантические (ЛСГ) и лексикотематические группы (ЛТГ), содержащие наименования товаров и их характеристики: ЛСГ «наименования животных» (*баран; боров; бычок; животина; животинина; козел; козелок; корова; нетель; скот* и др.); ЛТГ «названия шкур и мехов» (общие: *кожа, мех*; по отношению к животному: *белка, бобр, волк, выдра, горностай, куница, лисица, норка; рысенок; зайчина, козлиная, норица; коровья, яловичья*; по способу изготовления: *деланный*; по качеству: *хребтовый, черевий*¹³ и др.); ЛТГ «названия мяса и сала» (общие: *мясо, сало*; по отношению к животному: *свинина; свиной; ворвань*¹⁴; по обработке: *сырец*; по способу изготовления: *мясницкого бою*); ЛСГ «названия рыбы» (общие: *рыба; рыбный*; по видам рыбы: *беребра, окунь, плотва, платица, ряпуха, ряпушка, сельдь, сиг, синец, снет, снеток, угорь, шабер, шерешпер, щука*; по времени отлова: *вешняк, зимний*; по способу обработки:

вялый, просол, свежий, сухой); ЛСГ «названия зерновых и бобовых» (*горох; жито; овес; пшеница, рожь; хлеб*); ЛСГ «названия овощей» (*огурец; лук; чеснок*); ЛТГ «названия спиртных напитков» (общее: *вино*; по назначению: *церковное*); ЛТГ «названия хозяйственной утвари» (*ложка, ножик, сковороды*; по материалу: *кафельчатый*¹⁵); ЛТГ «названия видов ткани» (*кумач; сукно*; по качеству: *люндыш*¹⁶, *простое*); ЛТГ «названия видов сырья» (общие: *железо, свинец, уклад*; по происхождению: *алонское, свитцкое*); ЛСГ «названия строительных материалов» (*доска, дортица, щепка*).

В статьях содержательной части таможенных книг в реквизитах указания на операции явки товара, продажи и взвешивания товара, взятия пошлины, подачи выписи представлены лексика ЛСГ «глаголы, обозначающие действия, связанные с торговлей и таможенным делопроизводством»: *взять, купить, отвесить, отмерить, платить, положить (выпись); продать, сделать, явить*.

В начальных протоколах статей содержательной части таможенных книг и начальных протоколах таможенных книг широко представлена лексика с общей семьей 'человек'. Отметим, что выбор наименований людей весьма избирателен. Исследование показало, что структура группы обусловлена назначением документов — фиксацией взимания пошлин с различных торговых операций. Для этого требовалось обозначить всех участников операции так точно, чтобы впоследствии было возможно их опознать. Поэтому наиболее важной (кроме, конечно, имени собственного) была информация о территориальной принадлежности человека; затем шла информация о социальном статусе участников торговой сделки. Эти сведения, хотя и могли оказать помощь в идентификации торговца, были дополнительными. Разнообразие наименований человека в таможенных книгах объединяется в четыре неравноценных по объему ЛТГ.

1) ЛТГ «наименования человека по отношению к месту жительства»: *борисоглебец, витебленин; витебский (мещанин), луцкий (казак)* (выявлено 87 лексем и словосочетаний). По данным И. А. Малышевой, в материалах таможенных книг XVIII в. ядро данной группы составляли существительные, образованные от топонимов (*московитин*); примыкали к группе сочетания слова *житель* в Р.п. с оттопонимическим прилагательным (*брянской житель*) или существительным-топонимом (*села Ра³ве^мя жыте^н*)¹⁷. В псковских таможенных книгах XVII в. стандартизация способов передачи информации о месте жительства участвующих в торговой сделке лиц была менее жесткой. Наиболее частотными способами указания на территориальную принадлежность человека были существительное, образованное от топонима (*псковитин*) и сочетание существительного, обозначающего социальный статус, и оттопонимического прилагательного (*псковской казак*). Мог использоваться и топоним (*со Ржевы князь Михайловъ кр^стьяни^н Шаховско^о цшка Кондратьевъ...*) (ПТКБТ 1670/71. Л. 234). Отсутствие четких предписаний и большая роль делопроизводственных традиций в формировании формуляра таможенных статей определили разнообразие способов передачи сведений о месте жительства. Информация могла передаваться и косвенно — путем указания на топообъект с известной территориальной принадлежностью (*взято на покровском попе Михаиле Маркове...* (ВлТК 1670/71. Л. 304 об.), т. е. 'церкви Покрова Богородицы в городе Великие Луки'), указанием на подданство государству. Например, словосочетание *торговый иноземец* употребляется в значении 'профессиональный торговец': *псковити^н поса^оцко^н члвкъ Иванъ Ананы^н Сы^рнико^о прода^н и отвѣси^н т^мр^огово^му иноземцу Федору Ба^нсыреву...* (ПТКГНД 1670/71. Л. 394 об.–395). Словосочетание сходно с сочетаниями *купецкий человек* и *торговый человек*, но отличается от них тем, что содержит сему 'иностранец, подданный другого государства' и, таким образом, указывает не только на род занятий человека, но и на его территориальную принадлежность.

2) ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению». В составе группы зафиксированы наименования, отражающие сословную дифференциацию общества и светские феодальные ранги: *князь, дворянин, шляхтич, шляхта, мещанин, посадский человек, вольный человек, крестьянин, бобыль*; формы феодальной зависимости: *дворцовый, митрополичий, монастырский, патриарший*; ранги духовной иерархии: *поп, причетник, дьякон, пономарь, братия*; профессиональное разделение людей: *казак, стрелец, торговый человек, сторож, ямщик*; воинские звания: *рядовой, десятник, пятидесятник*; отношение к службе: *отставной* (отмечена 81 лексическая единица). Имеется специфика, связанная с косвенной передачей лексемами ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению» и информации о территориальной принадлежности. Зафиксирован ряд значений лексем, не отмечавшихся в памятниках, послуживших материалом для исторической части Псковского областного словаря (ПОС). Например, у слова *вкладчик* в ПОС отмечается только значение 'кто вносит пожертвование, дар' (4: 38). В книге Рыбной таможи 1670/71 г. слово употребляется в значении 'пайщик': *...збираны г^сдрвы о^брочные де^нги... со вкла^очико^о и с поновоч^никовъ и со псковски^х и с ы³бо^рскихъ и с пече^рскихъ рядовичъ и с тала^оля^н рядовые де^нги...* (ПТКРТ 1670/71. Л. 592)¹⁸.

3) ЛТГ «наименования человека по отношению к родству». Отмечены наименования собственно по родству (слово *сын*) и по передающемуся по наследству общественному статусу (словосочетания *казацкий сын*, *пушкарский сын*).

4) Информация о национальной принадлежности торговца сообщалась редко и преимущественно лишь в тех случаях, когда она косвенно указывала на его территориальную принадлежность. Поэтому ЛТГ «наименования человека по отношению к национальности» представлена только одной лексической единицей — лексемой *жид*¹⁹. Примыкают к данной ЛТГ слова и словосочетания, в значении которых содержится косвенное указание на национальную принадлежность — *иноземец*, *торговый иноземец* (в значении ‘подданный другого государства’) и вступающее с ними в контекстуальные антонимические отношения словосочетание *русский человек* (в значении ‘подданный Московского государства’).

Широко представленные в исторических словарях группы наименований человека по действию, по внешнему виду, по полу, по физическим и психологическим состояниям и свойствам, вовсе не получают отражения в содержательной части таможенных книг²⁰, как не свойственные данному виду деловых документов. Однако во входящих в состав расходных разделов таможенных книг *списках* с документов других типов обнаруживается более широкий круг лексики с семой ‘человек’. Так, в *списке с челобитной* о выделении денег на транспортные расходы появляются совершенно закономерные, предписанные реквизитом документа и деловым этикетом XVII в. обозначения состояния просителей: *голодны и наги*.

Проводимые наблюдения над спецификой языкового оформления текстов в таможенных книгах псковского региона XVII в. свидетельствуют о значимости памятников как лингвистических источников, в том числе для пополнения лексических материалов в исторической части Псковского областного словаря.

Примечания

¹ См.: Костючук Л. Я. Псковские говоры в помощь пониманию псковских документов прошлого // Псковские говоры: Синхрония и диахрония: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 2003. С. 135–147.

² См.: Сидоренская Н. Д. Монастырские книги Псково-Печерского монастыря XVII века как лингвистический источник // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991. С. 128–139; Ковалых Е. В. 1) К изучению переписных книг XVII в. как ценных лингвистических источников (на материале хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. С. 103–110; 2) Общерусское и региональное в языке псковских монастырских хозяйственных книг XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2000.

³ Богданов А. П., Плигузов А. И. Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 77–83.

⁴ Богусевич В. А. Псковские купцы XVII в. Русиновы // НИС. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 38–52.

⁵ Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60-х гг. XVII в. // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 258–290.

⁶ Мерзон А. Ц. Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.

⁷ Юрасов А. В. Внешняя торговля Пскова в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Таможенные книги города Великие Луки (1669–1676 гг.) / Подгот. к печати А. В. Юрасов. М., 1999.

⁸ Мальшева И. А. Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летопис. упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 245–250.

⁹ Чендекова Е. В. К вопросу о лексико-семантических связях в тематической группе «названия тканей» в русском языке XI–XVII вв. // Материалы XXXII Международной филологической конференции. СПб, 2003. Вып. 11, ч. 2. С. 34–40.

¹⁰ Таможенные книги города Великие Луки... С. 13.

¹¹ Мы уже писали об этом конволюте: Кириллов Ю. В. Приходо-расходная книга Псковской таможи 1670/71 г. как лингвистический источник (предварительные наблюдения) // Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. (в печати).

¹² Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.): Учеб. СПб., 2005. С. 328.

¹³ Ср. у В. И. Даля: *хребтовый мех* — ‘из хребтов шкуры; самый прочный, но грубый’ (Даль. Т. 4. С. 565). При отсутствии словосочетания *черевий мех*, фиксируются слова с корнем *черев-*: *черево*, *черевья*, *черевязо*, *черевязь* в значении ‘брюшко меха’ (Даль. Т. 4. С. 591). Предполагаем, что словосочетание *черевий мех* означает ‘мех на шкурах с брюшка’.

¹⁴ *Ворвань* — ‘жир, вытопленный из морских млекопитающих и рыб’ (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 28).

¹⁵ *Корельчатая ложка* — ‘изготовленная из корня дерева’ (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. М., 2005. Вып. 2. С. 179–180).

¹⁶ Слово указывает на два признака сукна: происхождение (‘лондонское’ [СлРЯ XI–XVII. Вып. 8. С. 306]) и качество (‘дорогое’). В контекстах качественное *сукно лондыш* противопоставляется дешевому *простому сукну*.

¹⁷ Мальшева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 74–75.

¹⁸ Историческими словарями у слова *вкладчик* зафиксированы значения: ‘тот, кто делает вклад, пожертвование (для монастыря)’; ‘пайщик’ (СлРЯ XI–XVII. Вып. 2. С. 198–199); ‘кто делает вклад, пожертвование в монастырь, церковь’; ‘кто вносит свою долю средств в какое-л. дело (?)’ (Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2006. Вып. 2. С. 222).

¹⁹ В 80 % контекстов, в которых присутствует указание на национальную принадлежность продавца, отсутствует формула указания на его территориальную принадлежность. Ср.: ...*взято на жиде на Осине Якобове* (ВлТК 1670/71. Л. 310). В случаях с другими категориями торговцев пропуски этой формулы практически не встречаются, что может свидетельствовать о том, что слово *жид* устойчиво ассоциировалось с определенной территориальной принадлежностью. Понятие «черта оседлости» появилось в XVIII в., однако оно закрепляло исторически сложившуюся ситуацию: большинство евреев в конце XVII в. проживало на западных территориях. Псков и Великие Луки в черту оседлости не входили и потому упоминания наименования по национальному признаку было достаточно для однозначного определения положения торговца в важной для взимания пошлин системе координат «местный — не местный».

²⁰ Зафиксировано одно слово — наименование лица женского пола *просвирица* — «женщина, занимающаяся выпечкой просвиры» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 20. С. 215). Тем не менее отражение разделения наименований человека по гендерному признаку не характерно для таможенных документов. Слово *просвирица* зафиксировано не в основном массиве контекстов содержательной части великолукской таможенной книги 1669/70 г., а во включенном в расходный раздел *списке с памяти* воеводы о выплате жалования священнослужителям.

А. В. Топычканов

ЦЕНОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИКАЗА ТАЙНЫХ ДЕЛ

Приказ Тайных дел в свой деятельности прошел эволюцию от Потешной палаты, занимавшейся организацией соколиной охоты и выполнявшей частные поручения царя Алексея Михайловича, к приказу, выполнявшему функции царской канцелярии и ведавшему государевыми тайными делами. В 1663 г. он был преобразован в приказ с традиционной территориальной компетенцией, основными задачами которого, наряду с тайными делами, стало обеспечение хлебом московских стрельцов и управление царскими хозяйственными предприятиями¹. Именно на последнем этапе деятельности приказа сформировалась его ценовая стратегия. После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. Тайный приказ был ликвидирован.

А. И. Заозерский, изучая хозяйственную политику Приказа Тайных дел и его торговые операции с недвижимостью, обратил внимание на то, что самостоятельной ценовой политики в отношении недвижимости приказ не выработал. Он лишь стремился разнообразными способами приобретать те территории, которые соответствовали его хозяйственным планам, т. е. были пригодны для земледелия, сенокоса, устройства винокурен, мельниц, солеварен, рыбных ловель и т. д.² Целью хозяйственной деятельности приказа на приобретенных территориях было получение прибыли³.

Агенты Тайного приказа, выполняя различные поручения, следили за ценами, их колебаниями, спросом и возможностями оптимального сбыта товаров в разных местностях России, что позволяло использовать для получения прибыли разницу цен как на внутреннем рынке, так и на внешнем. Особенное внимание обращалось на колебание цен на хлеб и другие товары в Москве⁴. Ценовая стратегия приказа ориентировалась на московскую торговлю, которая по своему объему превышала торговлю не только российских, но даже многих восточноевропейских городов⁵.

Царь Алексей Михайлович получал товар с низкой себестоимостью, либо производя его на собственных «заводах» с собственными материальными и трудовыми ресурсами, либо покупая его в отдаленных регионах и за границей. К царским «заводам», созданным преимущественно в 1660-е гг., относятся опыты по выращиванию экзотических растений (тутового дерева, винограда, арбузов) в Москве и Симбирске, винокурни, скотные дворы, рыбные садки и соляные варницы вблизи Москвы, поташные, железоделательные, стекольный, сафьяновый, хамовный, кожевенный, кирпичный заводы близ Москвы или в соседних регионах и поиски полезных ископаемых на Русском Севере и Урале⁶. Алексей Михайлович особое внимание уделял начальной фазе экономического цикла хозяйственной деятельности Тайного приказа — фазе экспансии, которая сопровождалась вводом в действие новых «заводов», ростом объемов производства, занятости и инвестиций.

При реализации продукции Алексей Михайлович ориентировался на средние цены московского рынка, поэтому развитие хозяйственной деятельности Тайного приказа не привело к заметному росту цен на производимые товары. Таким образом, основным инструментом по поддержанию равновесия бюджета Тайного приказа были взаимообусловленные ввод в действие новых «заводов» и рост объемов производства, занятости и инвестиций, а не ценовая политика.

В связи с этим, создавая тот или иной «завод», Тайный приказ основное внимание уделял его функционированию, а способы реализации продукции зависели от потребностей рынка, например, изделия Измайловского стекольного завода сбывались в лавке на Гостином дворе, вино крупными партиями продавалось в Приказ Новой чети, который занимался его дальнейшей реализацией, а продукция Строкинского кирпичного завода, которая по своему качеству не могла конкурировать с кир-

пичом Хамовного и Даниловского заводов, шла на дворцовые нужды и на жалование. Способы реализации продукции иногда определялись при проектировании «заводов», например, в юрьевских селах Алексей Михайлович распорядился «завести скотный двор, а больша держать на том дворе быков и, покормя, пригоняя к Москве, продавать и на те деньги покупать иных»⁷.

На рубеже 1660–1670-х гг. фаза экспансии заканчивается и начинается спад производства⁸, который сопровождается падением интереса царя Алексея Михайловича к хозяйственной деятельности Тайного приказа. Федор Алексеевич в фазу кризиса производства отдал многие «заводы», созданные в 1660-е гг., на откуп.

Вторым способом получения дешевой продукции являлось ее приобретение в отдаленных регионах и других странах. Приказ Тайных дел занимался перепродажей различных товаров, например, овощей, соли, персидских тканей и пр.⁹ К малоизвестным торговым операциям Тайного приказа относится покупка свиного мяса и коровьего масла в Галиче и продажа его в Москве. Автором проекта был галицкий помещик стряпчий Приказа Тайных дел Семен Васильевич Готовцев, «который послан в Галичь для найму работников на сергацкие будные майданы» в сентябре 1674 г. Он сообщил в Тайный приказ, что в Галиче при дешевом хлебе пуд свиного мяса стоит 25–27 коп., при дорогом — 30–33 коп., при недороде хлеба — 35–36 коп., а пуд масла при дешевом хлебе — 80 коп., а при дорогом — 90 коп. Подвода от Галича до Москвы обходится в 1 руб. 20 коп., на подводу грузят по 25 пудов, беря с пуда по 5 коп. Причем, Готовцев отмечает, что «больша 25 пуд на подводу не кладут, потому что лошади обышние не такие, как бывают у прямых извошников». Таким образом, в хлебобородный год пуд свиного мяса с доставкой в Москву должен был обходиться в 54,8 коп., а пуд масла — в 89,8 коп. (в Москве пуд масла стоил 1 руб. 30 коп.¹⁰, а средняя цена свинины по России была около 80 коп. за пуд¹¹). В 1674 г. хлеб уродился, однако цена на указанные продукты, по словам Готовцева, должна была установиться «как морозы уставятца» (в сентябре на галичском рынке продавалась только соль)¹². Он дважды производил закупки в Галиче. Деньги на приобретение мяса и масла Готовцев брал из прихода Галицкого кружечного двора и доходов Галицкой приказной избы¹³. В 1675 г. им было приобретено более 3313 пудов мяса и 703 пуда масла¹⁴.

Сложно представить, насколько ценовая политика Тайного приказа, ориентирующегося на средние цены московского рынка, влияла на цены в Москве и других городах России. Вероятно, царь Алексей Михайлович не стремился к существенному изменению цен¹⁵. Так, например, в одной записке он спрашивал управляющего Измайловской дворцовой волости Устина Зеленого: «<...> и не лутче ль ганять (дрова — *А. Т.*) с верховья, для того чтоб по Володимерке и по Стромынке лесов не вывесть, и на Москве дровам цену не поднять?»¹⁶. А. И. Заозерский обратил внимание на то, что Тайный приказ при продаже поташа не воспользовался возможностями получения максимальной прибыли¹⁷. Не использовал эти возможности приказ и при продаже вина, хотя являлся одним из крупнейших поставщиков Приказа Новой чети.

Таким образом, основным инструментом поддержания равновесия бюджета Тайного приказа был ввод в действие новых «заводов», рост объемов производства, занятости и инвестиций и торговые операции. Цена на продукцию и товары назначалась исходя из их средней стоимости на московском рынке. Можно предположить, что ценовая стратегия Приказа Тайных дел была направлена на сохранение стабильных цен на московском рынке.

Примечания

¹ Гурлянд И. Я. Приказ Великого государя тайных дел. Ярославль, 1902; Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в.: Из истории хоз. и приказной политики царя Алексея Михайловича. 2-е просмотр. и испр. изд. М., 1937; Топычканов А. В. Культура повседневности подмосковных дворцовых усадеб второй половины XVII в.: Делопроизводство. источники и методы исслед.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. С. 58–60, 61–68.

² Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. С. 16–44.

³ Там же. С. 216.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Тверская Д. И. Москва второй половины XVII века — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959.

⁶ Подробнее см.: Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в.; Бакланова Н. А. 1) Стекланные заводы в Московском государстве XVII в. // Труды ГИМ. М., 1928. Вып. 4. С. 119, 132–138; 2) Звенигородские железные заводы в XVII в. // Московский край в его прошлом: Очерки по соц. и экон. истории XVI–XIX вв. М., 1930. Ч. 2. С. 91–100; Смирнов П. П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии: (Жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 и 1648 гг.). Ташкент, 1928; Бакланов Н. Б., Мавродин В. В., Смирнов И. И. Тульские и каширские заводы в XVII в. М.; Л., 1934. (Известия ГАИМК; Вып. 98); Якобсон А. Л. Ткацкие слободы и села в XVII веке (Кадашево, Хамовники, Брейтово и Черкасово). М.; Л., 1934; Палентреер С. Н. Сады XVII в. в Измайлове // Сообщения Ин-та истории искусств. М., 1956. Вып. 7. С. 80–104; Черняк Я. Н. Очерки по истории кирпичного производства в России: X — начало XX вв. [М.], 1957; Стоскова Н. Н. Первые метал-

лургические заводы России. М., 1962; Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокур. пр-во. М., 1979; Дубман Э. Л. Промысловое предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI—XVII вв. Самара, 1999. С. 84–136; Топычканов А. В. Строкинский кирпичный завод XVII в. // Вестник архивиста. 2003. № 2. С. 143–150; и др.

⁷ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 525. Л. 12.

⁸ Во многом он совпадает с падением цен на многие продукты на рубеже 1660–1670-х гг. (Hellie R. The economy and material culture of Russia, 1600–1725. Chicago; London, 1999).

⁹ Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. С. 226–229, 231.

¹⁰ РИБ. СПб., 1904. Т. 23: Дела Тайного приказа. Стб. 1251.

¹¹ Hellie R. The economy and material culture... P. 96.

¹² РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 524. Л. 50–51.

¹³ Там же. Ф. 159. Оп. 4. Д. 47. Л. 19–36, 42–45; РИБ. СПб., 1907. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 278.

¹⁴ РИБ. СПб., 1907. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 278.

¹⁵ В настоящее время выявлен лишь один случай превышения средней цены на вино, которое было продано Новой чети (Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. С. 219–220), однако он может быть обусловлен качеством продукции.

¹⁶ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 525. Л. 20.

¹⁷ Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. С. 223.

А. П. Павлов

ГОСТЬ И ДЬЯК МИХАИЛ СМЫВАЛОВ: ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

С конца XVI в. происходит заметное возрастание роли верхушки купечества в политической жизни страны. Из среды посадского населения выделяются привилегированные купеческие организации — гости, Гостиная и Сукодная сотни, члены которых привлекаются к обязательному несению службы в финансовых органах управления государством (в качестве таможенных и кабацких голов, оценщиков и продавцов правительственных товаров и т. д.)¹ Наиболее видные гости становились дьяками и определялись на службу в приказы, ведавшие делами финансового управления. Острая нужда в финансах заставляла московские власти все чаще (особенно в Смутное и послесмутное время) обращаться к советам и услугам представителей купечества — опытных «специалистов» по торгово-финансовым делам. Некоторые наиболее выдающиеся представители верхушки русского купечества выдвигались в круг ближайших советников московских государей, определявших общие направления внутренней и внешней политики Русского государства. К числу таких ближайших советников российских государей, временщиков («временных», по определению современников) принадлежал выходец из видной купеческой фамилии, гость, а затем дьяк Михаил Степанович Смывалов, жизненный путь которого мы и попытаемся проследить в настоящей работе.

Смывалов происходил из рода богатых смоленских купцов, переведенных после взятия Смоленска в 1514 г. на жительство в Москву. Группа купцов-«смолян» образовала в Москве особую корпорацию, занимавшую в торговой иерархии Москвы второе место после гостей². Видным представителем этой корпорации был дед Михаила Смывалова Тимофей Смывалов, упоминание о торговой деятельности которого содержится в Дмитровской таможенной грамоте 1549 г.: «В Дмитров, на Кимру и в Рогачево приезжают торговати сведенцы смоляне, паны московские Тиша Смывалов да Федька Кадигробов с товарищи»³. Как «смолянин» (представитель корпорации купцов-«смолян») Тимофей Смывалов фигурирует среди участников земского собора 1566 г.⁴ В 1567 г. Тимофей Смывалов ездил вместе с гостем И. Афанасьевым в Антверпен «к бургомистром и ратманом» торговать казенными товарами⁵. Крупным купцом и видным человеком в Москве был сын Тимофея — Степан Тимофеевич Смывалов (отец нашего героя Михаила Смывалова). Показателем этого может служить то обстоятельство, что род Степана Тимофеева Смывалова был записан в Синодике Московского Успенского собора⁶.

Первое упоминание о самом Михаиле Степановиче Смывалове относится к 1603/04 (7112) г. — сохранилась челобитная о пропуске его в Литву для торговли пушным товаром, в челобитной приводится список товаров, вывозимых им за рубеж. Смывалов выступает здесь с чином торгового человека гостиной сотни⁷.

При царе Василии Шуйском М. С. Смывалов получает уже высший купеческий чин гостя. В документах Печатного приказа сохранилась запись от 14 декабря 1613 г., согласно которой Смывалов добился подтверждения прежней жалованной грамоты на звание гостя, данной ему царем Василием, от правительства нового царя Михаила Федоровича⁸. Пожалование Смывалову звания гостя обуславливалось не только его успехами на торговом поприще, но и личной близостью к царю Василию.

Имеется известие об особом, приближенном положении Смывалова при дворе Василия Шуйского. Позднее, в октябре 1610 г., противник Шуйского, бывший тушинский боярин и приверженец короля Сигизмунда М. Г. Салтыков в своем письме к Л. Сапеге, выражая недовольство чрезмерным возвышением при новой власти «торгового мужика» Федора Андронова и других худородных временщиков, указывал, что «при Шуйском, за неправду, и за такие ж временники за Измайловы, да за такого ж мужика, что за Федора (Андронова — А. П.), за Михалка Смывалова посямест льется кровь <...>»⁹. Таким образом, согласно высказываниям М. Г. Салтыкова, купец Смывалов занимал при Василии Шуйском такое же положение, какое позднее, при польской власти, занимал временщик Федор Андронов.

При царе Михаила Федоровиче Смывалов вновь начинает обретать влияние в государстве и доверие со стороны властей. Уже в первый год нового царствования (14 декабря 1613 г.), как говорилось выше, ему удалось закрепить за собой звание гостя, данное ему царем Василием. В том же 1613 г. (до 19 октября) Смывалову вместе с другими гостями и торговыми людьми было доверено произвести в Архангельске оценку и отбор английских товаров (драгоценных камней, сукна и т. д.) для приобретения в государеву казну¹⁰. Одновременно гость Смывалов вел в Архангельске активную торговую деятельность. Сохранилась его челобитная царю 1614 г. о выделении места под амбар на архангельском гостином дворе¹¹.

В 1615/16 г. Смывалов исполнял должность таможенного и кабацкого головы в Архангельске. Находясь на этом посту, он «учинил прибор, сверх оклада» 1924 руб. 19 алт., 4,5 д., за что был пожалован «при государе у стола» серебряным ковшом, 10 аршинами камки и 40 соболями стоимостью в 24 руб.¹² В 1617/18 г. Смывалов вел крупную торговлю солью в Нижнем Новгороде¹³.

В июне 1617 г. Смывалов значился в числе наиболее авторитетных гостей-«экспертов», с которыми советовались назначенные для переговоров с английским послом Дж. Мериком члены боярской комиссии (бояре Ф. И. Шереметев, кн. Д. М. Пожарский с товарищами) относительно целесообразности предоставления английским купцам свободы торговли на территории России. Смывалов отдельно давал также показания по поводу месторождений железной руды на севере страны.¹⁴

Как человек весьма состоятельный, Смывалов приобрел обширные земельные участки в Москве — его огороды на Сретенке занимали площадь земли в 60×36 саж., а раньше там стояли 20 дворов¹⁵.

Помимо профессиональных навыков купца, Смывалов обладал широким общим культурным кругозором, свидетельством чему может служить его интерес к новейшим техническим достижениям европейских стран. В 1614 г. у него была куплена для молодого царя Михаила Федоровича «трубочка», «что дальнее, а, в нее смотря, видитца блиско», т. е. подзорная труба, изобретенная совсем недавно (в 1608 г.) в Голландии¹⁶. Помимо этого, у Смывалова тогда же было куплено для царя немало других диковинных вещей: «брусочек скляной, во что смотряся;... очки хрустальные с одной стороны гранены, а с другую гладки, что в них смотря, много кажется; бочечка костяная точеная, в ней лунное течение да часы солнечные; склышечка деревянная кругла, в ней под стеклом мужик с женкою; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем; ящик, в нем под стеклом жена со младенцем на осяти; ящик, в нем под стеклом человек наг, с ним лев; ящик, в нем под стеклом три жены со младенцем»¹⁷. Смывалов был одним из активных покупателей книг из библиотеки Никиты Григорьевича Строганова, пущенной в 1617–1620 гг. в распродажу после смерти ее владельца. Всего им было приобретено 12 книг, в числе которых находились: «Книжка литовская, писана по страницам...», «2 Азбуки письменные, фряские, с прописными строки...»¹⁸; эти последние приобретения свидетельствуют о знании Смываловым иностранных языков.

В период «правления» патриарха Филарета происходит дальнейшее возрастание авторитета и влияния Смывалова в государстве. В 1621 г. он был назначен на ответственный пост таможенного и кабацкого головы в Устюге Великом, одном из крупнейших торговых центров страны (упоминается в этой должности в январе — ноябре 1621 г.). На плечи Смывалова возлагалась важная и ответственная задача — «устюжская и усольская тамга и кабац обновити», т. е. увеличить объем поступающих с Устюга и Соли Вычегодской таможенных и кабацких сборов путем установления здесь рублевой пошлины с товаров, которая взималась во всех других «городах Московского государства», а также путем сурового пресечения злоупотребления кабацких целовальников¹⁹. По всей видимости, Смывалов успешно справился с поставленной перед ним задачей.

После службы в таможенных головах в Устюге Смывалов был пожалован в дьяки и назначен главой приказа Устюжской четверти, одного из важных финансовых и территориально-административных приказов, ведавшего управлением 20 с лишним городов и уездов (Устюг, Соль Вычегодская, Можайск, Вязьма, Тотьма, Великие Луки, Устюжна Железопольская и др.). Он был назначен в приказ не позднее 4 июня 1622 г. — под этой датой значится челобитная дьяка Устюжской чети

Мих. Смывалова о выдаче в Архангельске 500 руб. взамен взятых у него в Новгородскую четверть²⁰. Но еще 22 июня 1622 г. в качестве главы приказа Устюжской чети упоминается думный дьяк Томило Юдич Луговской²¹. По-видимому, Смывалов первоначально некоторое время служил в приказе под началом Т. Луговского (о службе Смывалова «в помощниках» у Луговского сообщают иностранные наблюдатели)²². Но вскоре, после отставки Луговского²³, с 13 июля, Смывалов становится главой Устюжской чети²⁴.

Во главе приказа Устюжской чети Смывалов находился до 29 марта 1631 г., а 31 марта того же года руководство приказом переходит к дьяку Пантелею Чирикову²⁵. Лишь на короткое время, осенью 1630 г., когда Смывалов был в отпуске в деревне, в управлении Устюжской четью его замещал дьяк Никифор Спиридонов²⁶.

Политическое значение Смывалова не ограничивалось, однако, тем, что он управлял одним из важнейших финансовых приказов государства. В 1620-х гг. он вновь, как и при царе Василии Шуйском, выдвигается в число наиболее влиятельных людей в государстве. Весьма интересны в этом отношении показания одного сохранившегося в шведских архивах голландского донесения 1624 г., автор которого следующим образом описывает круг наиболее приближенных к патриарху Филарету лиц: «Ежели желают чего просить у патриарха, должны идти к Шереметевым, [Ивану] Никитичу [Романову], а также к Лыкову, Шеину, Ивану [Борисовичу Черкасскому?], а прежде всего (выделено мной — А. П.) — к некоему Михайле Смывалову, продувной бестии, из купцов сделавшемуся канцлером в Устюжской канцелярии; все, что он скажет и прикажет, то слушает и делает патриарх; поэтому его очень ненавидит мать великого князя, и в Москве его называют временщиком, то есть «временным», так почти всех называют, кто достиг высокого положения»²⁷. В другом месте голландского донесения 1624 г. читаем: «Из всех знатных господ и дьяков наиглавнейшие суть: бояре Черкасский, Иван Никитич [Романов], Шереметев, Лыков и Пожарский. Дьяки и канцлеры, в которых нуждаются и которые имеют наибольшую власть: Исая Болотников, Иван Грамотин и Томило Луговской, у которого здесь в помощниках некий Михаил Смывалов и Ждан Шипов...»²⁸

Данные других источников свидетельствуют о том, что Смывалов действительно занимал весьма видное положение в приказной иерархии Московского государства и обладал связями в правящих верхах, что косвенно подтверждает правдоподобность приведенного выше иностранного сообщения.

Согласно «Книге столов» 1624–1629 гг., Смывалов был в числе дьяков, наиболее часто приглашавшихся к царским и патриаршим званым обедам — из приказных дьяков (в расчет не берутся думные дьяки) чаще всего за «столами» присутствовали: Михаил (Феофилактович) Данилов, разрядный дьяк, ставший впоследствии думным дьяком (137 раз); Иван (Титович) Дедков, дьяк Челобитного приказа (41 раз); Михаил Степанович Смывалов (33 раза); Иван (Иванович) Болотников, дьяк приказа Казанского дворца (в упомянутом голландском донесении 1624 г. он значится (ошибочно как Исая Болотников) в числе наиболее влиятельных дьяков государства) (32 раза); Иван (Кириллович) Грязев, дьяк Казанского дворца, впоследствии думный дьяк (26 раз)²⁹. Смывалов приглашался в числе приближенных лиц на Пасху «видеть государевы очи в комнате»³⁰. Важным показателем высокого статуса Смывалова является то обстоятельство, что он имел один из самых высоких окладов среди дьяков (на основании размера денежного оклада определялся размер штрафа за бесчестье служилого человека). В 1622/23 (7131) г. ему был учинен поместный оклад в 800 четв. и денежный — в 100 руб., а в апреле 1630 г. учинен оклад уже 900 четв. и 150 руб.³¹ По боярской книге 1629 г. (всего здесь названы имена 92 дьяков), денежный оклад, больший, чем у Смывалова (150 руб.), имели лишь дьяки Иван Болотников (200 руб.; поместный оклад не указан) и Григорий Нечаев (170 руб. вместе с придачами за посольскую службу; поместный оклад с придачами 950 четв.), а денежный оклад, равный окладу Смывалова, имели лишь дьяки Герасим Мартемьянов (поместный оклад не указан), Матвей Сомов (поместный оклад 850 четв.), Михаил Алфимов (поместный оклад 800 четв.) и Марк Поздеев (поместный оклад 900 четв.). Дьяк Смывалов владел поместьями и вотчинами в различных уездах страны. В Московском у. он получил поместье из государевых дворцовых земель — деревню Лопатниково с другими деревнями и пустошами; впоследствии часть этого поместья перешла к Смывалову (очевидно, была куплена им из Поместного приказа) в вотчину; согласно межеванию 1625/26 г., некоторые деревни находились за ним в поместье, а другие — в вотчине. Соседями Смывалова по этому владению были боярин кн. Алексей Юрьевич Сицкий, представитель родственной и близкой семье Романовых фамилии, а также видные придворные — князья Семен Петрович и Семен Андреевич Львовы³². Владел он, кроме того, поместьем (дано ему из поместья опального боярина кн. Ивана Васильевича Голицына) и вотчиной в Арзамасском у.³³, а также вотчиной в Клинском у. (по купчей у вдовы дьяка Богдана Ильина и по закладной местного сына боярского И. Д. Ростопчина 1624/25 г.)³⁴

Источники позволяют проследить определенные связи Смывалова в правящей придворной среде. В близких отношениях он находился с дьяком Иваном Болотниковым, упоминаемым в голландском донесении 1624 г. в числе наиболее влиятельных лиц государства. Известны вклады дьяков Смывалова и Болотникова в Соловецкий монастырь³⁵. В кормовой Симонова монастыря обозначен особый корм (на 17 июля) по Якове Боборыкине, Ионе Болотникове, иноке Мисаиле Смывалове и Иване Тимофееве³⁶. Можно полагать, что перечисленные здесь лица находились в каких-то родственных или клановых связях друг с другом. Среди этих близких Смывалову людей, помимо Болотникова, значится Яков (Михайлович) Боборыкин, человек весьма заметный при дворе, близкий к клану боярина Ивана Никитича Романова — родного брата и «приятеля (близкого советника)» патриарха Филарета Никитича³⁷. Боборыкин упоминается в числе недругов Василия и Федора Федоровичей Михалковых, пытавшихся отобрать у последних поместье и вотчину³⁸. Михалковы являлись представителями придворного клана матери царя Михаила старицы Марфы Ивановны, который в известной мере противостоял «партии» царского отца патриарха Филарета и И. Н. Романова. Характерно, что, согласно голландскому донесению 1624 г., Смывалов являлся приближенным именно патриарха, в то время как мать царя испытывала к нему ненависть и вражду.

30 марта 1631 г. Смывалов был назначен дьяком в Астрахань, где он служил и в 1632 г.³⁹ По всей вероятности, его отправка из Москвы на службу в далекую Астрахань явилась проявлением немилости к нему со стороны правительства Филарета, учитывая, что он состоял прежде в числе самых близких советников патриарха. О причинах такой немилости можно только догадываться. Возможно, значительное влияние Смывалова на Филарета вызывало недовольство со стороны боярского окружения патриарха, как в свое время бояре — сторонники Сигизмунда III были недовольны чрезмерным усилением влияния на правительственные дела «торгового мужика» Ф. Андропова. Не исключено и возникновение разногласий между патриархом и его советником, в частности, по вопросам внешней политики. Известна приверженность Филарета политике союза со Швецией, а в донесении голландца (союзника шведов) 1624 г. Смывалов был удостоен весьма нелестных эпитетов.

О судьбе Смывалова после службы в Астрахани почти ничего не известно. Единственное упоминание о его службе после 1632 г. встречаем в книге, содержащей списки дворян и приказных, приглашавшихся в царский дворец по случаю празднования Пасхи в разные годы («Книга, а в ней писаны дворяне и приказные люди, которые по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу на праздник на Светлое воскресенье выдают государские очи в комнате и в передней избе, с 134-го [1625/26] году». В этой книге под рубрикой «В нынешнем во 141-м [1633 г. — Пасха в этом году приходилась на 21 апреля] году пожаловал государь, велел свои государские очи видети в комнате» среди дьяков упоминается и имя Михаила Смывалова с пометой «Умре»⁴⁰. Показание этого позднего источника относительно смерти Смывалова в 7141 г. следует принимать, однако, с известной долей осторожности⁴¹. После 1632 г. мы не встречаем упоминаний о дьяке М. Смывалове в разрядных книгах. Его имя отсутствует в перечнях дьяков в боярских списках 1632/33 (7141) г.⁴² и последующих годов. В списке думных и придворных чинов 1533–1700 гг. Михаил Степанович Смывалов значится под 7141 (1632/33) г. думным дьяком⁴³, однако данными других источников это известие не подтверждается. Имеются сведения о пострижении Смывалова в монахи — в упомянутой выше кормовой книге Симонова монастыря он упоминается как «инок Мисаил Смывалов»⁴⁴.

Итак, можно полагать, что через некоторое время после возвращения из Астрахани в Москву (в 1633 г.) дьяк Михаил Смывалов принял постриг в монахи и, очевидно, вскоре после этого умер.

После его пострижения и смерти род Смываловых сходит с политической сцены. Представителей этой фамилии после 1633 г. мы уже не встречаем ни среди дьяков, ни среди других чинов государева двора⁴⁵, ни среди московских гостей⁴⁶.

Приведенные выше данные раскрывают Михаила Степановича Смывалова, ближайшего советника царя Василия Шуйского и «государя-патриарха» Филарета Никитича Романова, как одну из наиболее ярких и выдающихся личностей первой трети XVII в. В то же время нельзя не отметить, что судьба Смывалова, история его вхождения во власть в определенной мере типична для политической карьеры выходцев из незнатных купеческих родов допетровской России. Доминирование принципа происхождения («отчества») над службой при карьерном продвижении в XVI–XVII вв. препятствовало талантливому, но худородным людям надолго удерживаться на вершинах государственной власти. В условиях безраздельного господства при московском дворе представителей боярской служилой и придворной аристократии худородным выходцам из «торговых мужиков» была уготована лишь карьера временщиков.

Примечания

- ¹ *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XV — начало XVII в.) // *История СССР.* 1977. № 5. С. 145–160.
- ² *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 162–163; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 67.
- ³ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1: 1294–1598. С. 212–213. № 223; *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 1. С. 163.
- ⁴ Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1909. С. 9.
- ⁵ *Сыроечковский В. Е.* Гости-сурожане. М.; Л., 1935. С. 99; ПСРЛ. М., 1965. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. С. 408; Описи Царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 40.
- ⁶ ГИМ. Собр. Успенского собора. Кн. 64. Л. 249; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 480.
- ⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 1799. Л. 47; *Кулакова И. П.* «Москвичи торговые люди» конца XVI — начала XVII в. // Торговля и предпринимательство в феодальной России: К юбилею проф. рус. истории Н. Б. Голиковой. М., 1994. С. 87–88.
- ⁸ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 2. Л. 138 об.; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 67.
- ⁹ АИ. СПб., 1841. Т. 2: 1598–1613. С. 361. № 306; *Соловьев С. М.* Соч. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7/8. М., 1989. С. 596.
- ¹⁰ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. С. 179.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 1614 г. Д. 8. Новгородская четь. Л. 13–14; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). СПб., 1999. Кн. 2. С. 19.
- ¹² РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 139 (1630/31) г. № 82; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 479.
- ¹³ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 479.
- ¹⁴ Привилегированное купечество России во второй половине XVI — первой четверти XVIII в. / Сост. Т. Б. Соловьева, Т. А. Лаптева. М., 2004. Т. 1. С. 22–27.
- ¹⁵ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 97.
- ¹⁶ *Соболь С. Л.* Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси // Труды Ин-та истории естествознания. М.; Л., 1949. Т. 3. С. 138–139; Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 577.
- ¹⁷ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. 1, ч. 1. С. 255.
- ¹⁸ Опись библиотеки Н. Г. Строганова, 1620 г. / Сост. Н. А. Мудрова, Б. Н. Морозов. Екатеринбург, 1991. С. 34–36, 44, 47, 49, 50, 52, 53, 57, 58.
- ¹⁹ *Кистерев С. Н.* Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. (Материалы для истории таможенного дела в России XVI–XVII веков; Т. 1). С. 33–34. № 8; см. там же также: № 3. С. 26–29.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 1621 г. Д. 17. Новгородская четь. Л. 329; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... СПб., 1999. Кн. 2. С. 117. — Еще 31 декабря 1621 г. в приказе значился один Т. Ю. Луговской (*Кистерев С. Н.* Нормативные документы... С. 33–34, 95).
- ²¹ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века // *Богоявленский С. К.* Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 189.
- ²² *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624–1626 годов // АРИ. М., 2007. Вып. 8. С. 375.
- ²³ 7 июля 1622 г. Т. И. Луговской «сказывал» решение по местническому спору (Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 516). Это последнее упоминание его как думного дьяка.
- ²⁴ *Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII века. С. 189.
- ²⁵ Там же. С. 190. — 31 марта 1631 г. была составлена роспись дел за 1618/19–1631/32 гг., передаваемых дьяком Устюжской четверти М. С. Смываловым дьяку той же четверти П. М. Чирикову (РГАДА. Ф. 141. ПДСЛ. 1625 г. Д. 28. Устюжская четверть. Л. 1–69; *Воскобойникова Н. П.* Описание древнейших документов... М., 1999. Вып. 3. С. 96).
- ²⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 479.
- ²⁷ *Бушкович П.* Шведские источники... С. 277. — В начале XX в. перевод и публикацию данного источника осуществил В. Ф. Ржига (*Ржига В. Ф.* Сообщение из двух шведских источников // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. Н. Новгород, 1913. Т. 14. С. 19–24 3-й паг.). Однако, как показал П. Бушкович, В. Ф. Ржигой был опубликован текст не голландского оригинала, а его копии на немецком языке, которая представляет собой некомпетентный перевод с голландского (*Бушкович П.* Шведские источники... С. 360–361), в результате чего в публикации Ржиги содержатся пропуски в тексте и искажения имен (так, Смывалов фигурирует здесь как «Самбулов»).
- ²⁸ *Бушкович П.* Шведские источники... С. 375. — В публикации В. Ф. Ржиги вместо фамилии Смывалов ошибочно указывается «Шувалов».
- ²⁹ *Петров К. В.* Царские «столы» (по материалам 1622–1629 гг.) // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 30.X–01.XI.2003 г., Александров. Владимир, 2006. С. 230.
- ³⁰ РИБ. СПб., 1884. Т. 9: Приходо-расходные книги Казенного приказа. Записные книги Московского стола. С. 475.
- ³¹ Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 113; РГАДА. Ф. 210. Боярская книга. № 2. Л. 348; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 62. Л. 246; АМГ. СПб., 1901. Т. 3: 1660–1664. С. 535. № 640.
- ³² РИБ. СПб., 1907. Т. 21: Дела Тайного приказа. Стб. 1528–1531.
- ³³ Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: Сб. Н. Новгород, 1915. Т. 15, вып. 8. С. 234; РГАДА. Ф. 137. Боярские и родовые книги по Новгороду. Кн. 15. Л. 824; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 480.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 190. Л. 373.
- ³⁵ Архив СПбИИ. Кол. 2. № 151. Л. 126–126 об.
- ³⁶ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. А. И. Алексеев // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 90.
- ³⁷ Я. М. Боборыкин в 1620-е гг. вместе с боярином кн. А. В. Сицким являлся одним из руководителей Поместного приказа (*Богоявленский С. К.* Приказные судьи XVII в. С. 125–126). Дворяне Боборыкины происходили, как и Романовы, из рода

Андрея Кобылы и были приближены ко двору в период «правления» Филарета. Упоминается вклад боярина И. Н. Романова по одному из представителей рода — Тимофее Боборыкине — в Соловецкий монастырь (Архив СПбИИ. Кол. 2. № 152. Л. 52.). — Упомянутый в кормовой Симонова монастырь Иван Кол Тимофеев (дьяк, автор известного «Временника») также, очевидно, пользовался расположением правительства Филарета. В 1628 г. он разбирает судебное дело елецких помещиков с И. Н. Романовым и, вопреки очевидным фактам, оправдал последнего; возможно, с этой услугой семье Романовых были связаны щедрые земельные пожалования ему в 1629 г. (*Солодкин Я. Г.* Иван Тимофеев сын Семенов // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1993. Вып. 3, ч. 2. С. 15).

³⁸ *Шереметев С. Д.* Из архива Михалковых // *Старина и новизна: Ист. сб. М., 1914. Кн. 17. С. 27–29.*

³⁹ *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 9; Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 687; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 194, 290.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 181. № 86. Л. 6. — С материалами данного источника нас любезно ознакомил К. В. Петров.

⁴¹ В частности, не ясно происхождение помет «Умре», которые стоят здесь над именами подавляющего большинства дворян и дьяков.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 86. Столпик 3. Л. 16–20; № 356. Столпик 1. Л. 69–73; № 1088. Столпик 1. Л. 86–89.

⁴³ РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. № 475. Л. 99.

⁴⁴ Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря... С. 90.

⁴⁵ См.: *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М., 1853.

⁴⁶ Именной состав корпорации гостей в XVII в. (после 1631 г.) см.: *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации... Т. 1. С. 98–99, 121–123, 151–153.

XVIII в.

И. А. Малышева

АРХАНГЕЛЬСКАЯ ТАМОЖЕННАЯ КНИГА 1710 г.

Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН располагает значительной коллекцией таможенных документов первой половины XVIII в., в основе которой лежат рукописи, собранные Археографической комиссией¹. Большая часть таможенных материалов, относящихся к первым двум десятилетиям XVIII в., сосредоточена в фонде Архангелогородской губернской канцелярии (ф. 10), в нем находятся таможенные книги архангельской, верховажской, галицкой, кеврольской, кольской, мезенской, пустоозерской, холмогорской, шенкурской таможен, выписи пустоозерской, усть-важской и других таможен.

Научная ценность (и историческая, и лингвистическая) данных материалов определяется несколькими моментами: во-первых, это памятники доколлегияльного периода, связанные своими правилами ведения с приказным делопроизводством (документов доколлегияльного таможенного делопроизводства по сравнению с общим количеством сохранившихся таможенных материалов немного) и представляют они за единичными исключениями северную территорию; во-вторых, это памятники региональные, которые велись местными писцами, следовательно, в большей степени следуют сложившимся в данной таможне традициям ведения дел и с большей объективностью отражают особенности языка данных территорий; в-третьих, значительная часть документов относится к небольшим периферийным канцеляриям, что позволяет обнаруживать не только определенную степень отражения живой речи, но и региональные черты; в-четвертых, особый интерес представляют материалы архангельской таможни, через которую на внутренний рынок в большом объеме поступали иностранные товары, в связи с чем эти документы широко отражают процессы вхождения и освоения заимствованных слов и процессы приспособления русских языковых средств к обозначению иностранных предметов.

В фонде Архангелогородской губернской канцелярии находится архангельская таможенная книга 1710 г. (Ф. 10. Оп. 3. № 145. Ч. 1–5. 1756 л.)², представляющая собой копию (список) счетных выписок, которые составлялись в конце года и подводили итог торговым операциям иностранных купцов³, имевших большой торг: Список со щетных выписок архангелогородской таможни ярмоночного таможенного сбора 1710 года⁴.

Книга представляет собой частично сшитые между собой, частично разрозненные тетради (каждая по 8 листов, формат «в десть»), разделенные на пять частей. Части не имеют обложек, каждая обернута плотной бумагой. Книга была единым томом, но со временем или по какой-то другой причине распалась или была разделена на части. О том, что книга представляла собой единый том, свидетельствует сквозная пагинация (составительская буквенная и архивная карандашная арабскими цифрами) и непрерывность скреп. Книга имеет скрепу (БѸ-рѣ-гѡ-ми-стрѣ-Іва-нѣ-Попѡ-вѣ) и поставленные внизу на каждом листе две справки, удостоверяющие правильность документа, его полное соответствие с оригиналом (Спра-вил-Оси-пѣ-КѸ-сто-вѣ, Спра-вил-Ѳе-дорѣ-По-га-рел-скій). Преобладает вторая справка. О цельности книги говорит и то, что первая часть (л. 1–301 об.) обрывается на середине записи, продолжение которой следует во второй части (л. 302–653 об.). Каждая из следующих частей начинается новую запись: третья часть — л. 654–1029 об., четвертая часть — л. 1030–1380 об., пятая часть — л. 1381–1756 об. Общий объем рукописи 1752 листа, есть литерные листы 1 а, 380 а, 1145 а, но при нумерации пропущены листы 44, 410, 522, 541, 542, 581, 582 (последний л. 1756). А. Ф. Шидловский называет объем книги в 1764 л., но отмечает, что материал разбит в переплете и предан гнилости. Судя по тому, что последние листы книги сильно обтрепаны, несколько листов были утрачены позже.

Рукопись написана на бумаге голландского производства (филигрань — герб города Амстердама) чернилами бурого цвета. Написана несколькими почерками (около 10), преимущественно красивыми, ровными, с нажимом, с четким рисунком букв (например, л. 1303–1326, 1381–1392 об.,

1554 об.–1592 об. и др.), однако встречаются и менее каллиграфические почерки (в одном из них встретились описки), что говорит о том, что большой объем книги потребовал привлечения и не самых искусственных писцов. Книга не имеет разметки (разметка в таможенных книгах отмечается с 1725 г.).

Списки как копии беловых экземпляров не содержат подлинных рукоприкладств торговцев и таможенников, но приводят косвенные указания на них: У торгу закрѣпа бѣргомистра Ивана Попова (л. 23), Закрѣпа бурмистра Ивана Крюкова (л. 254 об.), На подлинной выписки под прошением рѣка Андрея Еля писана по немецки Смотрение подячего Андрея Митусова (л. 378), На подлинной выписки под прошением Андреи Бовышка руку приложил а писана по иноземчески (л. 653 об.), На подлинной выписке у скаски рука Тимофеева писана по иноземски (л. 1403 об.) и др.

Начинается книга записью торговых операций компании А. Д. Меншикова (л. 1–39 об.). Список содержит перечень местных товаров, привезенных с кольских промыслов, и товаров, купленных у иностранных купцов. Далее (л. 41–107 об.) идут записи торговых операций армян (выписки по армянской книге), называются имена Парсел Григорьев, Матвеи Сачебеков да Авет Савельев, армянин Петр Сафаровъ и др. С л. 110 начинаются регистрации счетов англичан: Андрей Стельс, Томас Ель, Роман Юрьев сын Мендарингъ, Яков Иванов сын Гут да брат ево Юрье, Самоило Андреевъ сын Мюкс, Осип Осипов сын Дикинс, Аглинской консул Карлус Гутфель да товарищ ево Вилим Парсонс,⁵ Самойло Исаков сын Гарцен и др. С л. 434 идут записи «галанцев»: Исак Михайлов сын Киньсюс, Соломон Соломонов сын Варнезобр, Николай Родионов сын Фандерстам, Николай Иванов сын Ромсвилкель, Андрей Андреев сын Бодышка, Иван Петров сын Любс, Володимер Иевлев, Петр Дебос, Исак Еремеев сын Фандербурхъ, Иванъ Иванов сын Фанбасен, Григорей Тембоузен, Корнило Володимеров сын Деюнг с товарищем, Иван Павлов сын Тамес, Андрей Мене и др. С л. 1030 следуют записи гамбургских купцов («анбурцы»): Еремей Брунсъ, анбурской купор Иван Андреев, иноземец лекарь Осип Пестер, анбурцы Иванъ Попп да Фрянсъ Гиз, Артемей Иванов сын Фарбс, Иван Пвеск, Крестьян Крестьянов сын Меэр и др. С л. 1381 регистрируются торговые счета по торговым операциям цесарцев⁶: Юрье Меллер, Михел Гросман, Илияс Слипс, Илияс Кампер, Юрье Ганзель, Юрье Лангар, Александръ Опель, Юрье Крус. Далее снова идут записи регистраций датчан, «анбурцев», бременцев: датчанинъ Вилим Геделгер, анбурец Иван Юрьев сын Маринц, анбурец Давыд Кондратьев сын Беркузен, анбурцы Яков Руер да Аврам Лопбор, Бремена гврода торговой иноземец Петр Иванов сын Мартисен и др.⁷

Запись торговых операций каждого торговца начинается с общего заголовка, затем следует указание на книгу, из которой сделана выписка, и имя торговца: Списки с выписокъ счетныхъ по армянской статье. Выписано из архангелогородцких ярмоношного збора таможенных книгъ ꙗАѲІ 2 года. По книгѣ армянской Ѧ 2 да Е 2 листов Армяне Аветъ Сергѣев да Григорей Топченецъ с товарищи (л. 41); Выписано из архангелогородцки ярмоношного збора таможенных книгъ ꙗАѲІ 2 года По торговой особой книге агличанина Якова Вельяминова сына Спелмана Агличанин Яковъ Спельманъ (л. 137 об.), Списки св счетныхъ выписокъ по голанскѣй статьѣ Выписано из Архангелогородцкихъ ярмоношного збора тамуженныхъ книгъ ꙗАѲІ 2 гвду Галанецъ Лаврентей Юрьевъ сынъ Гарлантъ по всособой иноземческой книги (л. 434).

Структура статьи, относящейся к одному торговцу, имеет четкую последовательность в указании зарегистрированных торговых операций (в зависимости от объема торга может не иметь некоторых сведений): перечень явленных (или остальных) товаров, досмотр этих товаров целовальниками, явка товаров с кораблей, досмотр и пропуск целовальников, записи торговых операций по месяцам (что было продано, куплено, выменено), запись непроданных товаров, регистрация взятых пошлин. Пример явочной записи: Выписано из архангелогодцких ярмоношного збора таможенных книгъ ннѣшняго ꙗАѲІ 2 года Галанецъ Иван Иванов сын Ѳерколень Пѡ особои ево книге явкою остальных от прошлого гвда заморскихъ товаровъ КѢ грошеи пугвиць шерстяныхъ Ѣ грошеи пугвиць шелковыхъ І столовъ деревянныхъ малыхъ З замковъ желѣзныхъ ДѢ косяковъ стоѡовъ шелковыхъ і гарусныхъ ящикъ сыргуча чернаго ЛѢ коробокъ коѡяныхъ ДѢ котлика чаиныхъ МѢ шандановъ мѣдныхъ стоячихъ МѢ щипцовъ мѣдныхъ АѢ дюжинъ с полудюжиною колпаковъ спалнихъ ДѢ дюжины рукавиць валяныхъ СѢ утюговъ мѣдныхъ ЗѢ камѡоровъ мѣдныхъ <...> ВѢ бочки краски желти ЙѢ ящикковъ ДѢ коробки да ЕѢ кружекъ коѡяныхъ груда сандала краснаго коряннаго груда сандала синего груда сандала бразилѣта ДѢ ящикковъ посуды камяной⁸ І бочекъ полуберемянныхъ вина церковногѡ (л. 654–654 об.); Выписанъ из Архангелогорѡдцкихъ таможенныхъ книгъ ярмоношного збора ннѣшняго ꙗАѲІ 2 году Датчанинъ Андреи Андрѣевъ сынъ Мееръ По книге бѣшманской листъ КѢ и НѢ Явкою с анбѣрскогѡ карабля от карабелшика Лоремсъ Алверсъ евѡ Андрѣевыхъ товаровъ бочка да кул покрамѣи сѣконныхъ ВѢ бочки с полубочкою ракушекъ

Ді бочекъ полуберемянных ренскогѡ бѡчка сахара голѡвногѡ Ъ ящика посуды склянѡи ящикъ з серкалами Е ры волосы накладные А пѡ досмотрѸ тамѡженногѡ целовальника пѣнежанина Ивана Маслова Меншегѡ в вышеписанѡи бочкѣ да в кулкѣ РК тюковъ покрѡмѣи сѸконных дюжинныхъ синихъ да въ Ъ ящикахъ посуды стекляной ТЧ стакановъ болшихъ и малыхъ простыхъ бѣлыхъ СѦ со сѸдовъ стекляныхъ роморѡк гладкихъ малыхъ чарѡкъ двоецетыхъ чашекъ малыхъ прѡстныхъ и крѸжекъ маленкихъ гладкихъ и ложчатыхъ ѡдинакихъ бѣлыхъ (л. 1030–1030 об.).

На л. 1593–1618 об. находится Книга полавная по которой собрано на русскихъ торговыхъ людехъ и на иноземцахъ с полать Гостина каменного руского двора с верхнихъ и нижнихъ житеи <...> ВІ полату в наемъ имал Гостинѡи Сотни Ѳедора Козмина приказшикъ ево Прокопеи Ивановъ на него Ѳедора Козмина и на брата своево Тимоѡея наемныхъ денегъ взято Л рѸблевъ (л. 1594), КГ полату угловой в наемъ ништо не имал потому что занята ис приказу под воинские припасы (л. 1595), А я полата о дву житяхъ верхнее житѣе в наемъ ималь до новыя ярмонки агличанин Яковъ Гуать (так в ркп.) наемныхъ денегъ взято Л рублевъ (л. 1609).

В составе книги находятся списки с оброчной книги (л. 1619–1705 об.) о взятѣе сборовъ с лавок, питейныхъ амбаров, кузниц, поварен, солодовен, сушил, прядилен, «сараявъ гдѣ кирпичъ дѣлають и обжигаютъ» и др.: Анбар с перерубом галанца Данила Артмана мѣрою длинника по лицу Й сажень с аршиномъ поперегъ Ё сажень Д вершка оброку К алтын (л. 1637–1637 об.), Поварня горожанина Якова Сороилова мѣрою длинника по лицу и с прибавошнымъ перерубомъ З сажень Д вершка поперегъ Г сажени с четвертью оброку З алтынъ <...> сушило горожанина Евдокима Шишкина мѣрою длинника по лицу Г сажени В аршина без четверти <...> солодилня горожанина Василя Цыварева мѣрою длинника по лицу Е сажень пол В аршина (л. 1648–1648 об.), Полокъ против сарая проезжей дороги по нижнюю сторону нового кружечного двора горожанки вдовы Ириньи Афанасьевы дочери Матигорова мѣрою длинника по лицу сажень поперегъ В аршина оброку СІ алтынъ Д денги (л. 1650).

Далее следуют записи о приеме денег (подводных, прогонных и др.) у бурмистров и целовальников; о выдаче подводныхъ денегъ целовальнику, отправленному в Вологду с денежною казною; «перечневая выписка <...> сколько на нѣшней архангелогородцкой ярмонки русскихъ и заморскихъ вѣсчихъ и невѣсчихъ всякихъ товаровъ было в продаже в мене и в отпуску за море и верховские города и в привозе <...>» (л. 1709–1744 об.).

Завершается книга росписнымъ спискомъ архангельской таможи (л. 1749–1756 об.): Росписной списокъ по которому отдача от Пѣ с года от зимнего бурмистра Ивана Коржавина приемъ Пѣ с года зимнего ж бурмистра к таможенному Петру Неупокоеву. Как уже сказано, конецъ книги не сохранился, и росписной списокъ обрывается на перечне документовъ, хранящихся в таможе: Грамота из ратуши о клею Павла Вѣстова Память <...> (л. 1756 об.).

Росписной списокъ включает описание икон, находящихся в разныхъ помещенияхъ таможи, законодательныхъ документовъ, печатей, весов и мерныхъ емкостей, необходимыхъ предметовъ обихода (счеты, чернильницы, щандалы, суконные покрытия столов, мебель и др.): образъ прстыя бдцы Одегитрия окладъ I венець с ризою серебряные кованые золоченые кругомъ того образа писаны на краскѣ отечество и протчи стии около того образа кѣють резной золоченой (л. 1750); Списокъ с новаго торгового уставу в полудестовыхъ тетратехъ за приписью дьяка Якова Кирилова Книга новоуказныхъ статей в коже за сакрѣпою бѸргоистра Ивана Панкратева Тетради дестовые а в нихъ списки з грамотъ за гостинными руками Книга соборного уложения печатная (л. 1751); печать вновь которая прислана с Москвы из ратуши въ ПЗ м году серебряная в черену деревянномъ что печатають выписи на отпускные товары Г пятна скотинныхъ да Й пятень З рыбныхъ все железные ис того числа одно пятно въ ПЙ м году утеряно оброномъ целовальничьимъ клеимо таможенное хомутное (л. 1751 об.); В тюѡяка кожаныхъ да тюѡяк суконной красной <...> гирка серебряная заорленая в мѣдномъ кожухе заорленомъ ж вѣсомъ та гирка ПГ золотника противъ ста золотыхъ а кожухъ противъ того вѣсу что присланъ с Москвы въ РЧГ м году (л. 1752 об.), Бочка мѣдная заорленая салнего розмѣру вѣсомъ В пуда Г ѡу (л. 1754)⁹.

В качестве лингвистического источника данная книга представляет особый интерес не только обширностью и значимостью лингвистического материала. Она относится к периоду активного проведения петровских реформ, бурного роста внешней торговли, т. е. времени проникновения в русскую жизнь, в частности, новыхъ торговыхъ-счетныхъ единиц, предметовъ быта, продуктовъ питания и др., в связи с чем не только значительно увеличился притокъ в русский языкъ иноязычной лексики, но и активизировались номинативные процессы в самомъ русскомъ языке. «В периодъ наибольшей диффузности языка в отношении иноязычныхъ вхождений формируются одновременно и силы сопротивления им, возбуждается семантическая и словообразовательная активность исконного состава языка»¹⁰.

Данный источник, пожалуй, в отличие от большого количества других таможенных книг содержит в обозначении товара достаточно много определительных конструкций с союзом *что* или союзными словами *который, где*, отражая процесс поиска наименования нового для русского быта предмета или пояснения иностранного слова: В дюжины коробочекъ кожаных крашенных что пудра кладетца крѣглых (л. 54)¹¹, Ш дюжинъ кисточекъ шелковыхъ что в волосы пудрѣ набивают (л. 54 об.), Пол 3 дюжины чашекъ да пол 3 дюжины блюдець ѿарѿорovýchъ что чаи пьютъ (л. 55 об.), ПИ досокъ крашенныхъ что пите носятъ круглыхъ (57 об.; ср.: доска подносная деревянная крашенная под красками (л. 105)), ящичьк в немъ 3 кѣвшинцовъ что калян тянуть (л. 86 об.), дюжина сѣмочекъ кожаныхъ малыхъ что кладѣтъ писма (л. 95), Х перышковъ каменныхъ что пишутъ в книжкахъ каменныхъ (л. 105), И ѿшнтъ морховъ что нашиваютъ на платьѣ по подолѣ гарѣсомъ К ѿшнтъ бахрама что крѣгомъ кровати окладываютъ шерстяныхъ (л. 310), камѿор оловянной на которомъ ставятца блюда и торелки Д подблюдника оловянныхъ да камѿорикъ блюднои оловянной на ношкахъ <...> В тюка рогож камышевыхъ которые постилаются на полы под ноги (л. 316 об.–317), КШ перешницъ и гдѣк масло держать столовыхъ (л. 378 об.), КШ перешницъ с поддвнами в чемъ масло держать (л. 380)¹², чашка серебряная в которой аглинской понжъ строить (л. 431)¹³, ящичьк в немъ Д шилдерей что в окна ставить (л. 503 об.), К коробочекъ что сахар держать (л. 984)¹⁴, в коробочкѣ КИ нитокъ помаранцовъ что кругъ шеи держат (л. 985 об.), Ш коробочекъ галѣнчиковъ нитяныхъ чтѣ около шляпъ обшиваютъ <...> И перя что около шляпъ живеть (л. 1564 об.).

Поиск средства номинации проявляется в подборе русского соответствия. Например, будущую *табакерку* называют *коробкой, коробочкой, досканцем*: В дюжины коробочекъ табашныхъ мѣдныхъ простыхъ гладкихъ (л. 54), дюжина коробочекъ деревянныхъ крашенныхъ что порошокъ кладут (л. 55)¹⁵, дюжина коробочекъ деревянныхъ крѣглыхъ с обвертными кровелками что держат порошокъ носной (л. 95 об.), Полѿшнта порошокъ носной В досканца черепаховыхъ в которыхъ порошокъ держать (л. 345), Ш коробокъ черепаховыхъ в которыхъ порошокъ держать (л. 1467)¹⁶.

Необходимость назвать новый предмет вызывала производство новых слов: Р ѿхвертокъ мѣдныхъ (64 об.); Полдюжины плюиониковъ оловянныхъ <...> В перешницы да В солоницы оловянные плюионикъ мѣдной (л. 69)¹⁷; Дюжина блюдець мѣдныхъ бородобритныхъ что под бороды подкладывают (л. 103 об.), В махалца в кости I в деревѣ с листьями шелковыми (л. 533); НЕ дюжинъ махалцовъ бумажныхъ простыхъ (л. 1450), И ящика в нихъ VI дюжинъ махавокъ женскихъ бумажныхъ (л. 984), ЛШ дюжинъ махавокъ бумажныхъ простыхъ (л. 1476 об.)¹⁸; дюжина трѣбокъ окозрителнихъ (л. 74), В дюжины трѣбокъ окозрителнихъ (л. 1189 об.)¹⁹.

Для развития русского языка XVIII в., особенно первой половины, характерна многоконтактность, которая интенсивно протекала и в местах такого постоянного взаимодействия с иностранцами, как крупные ярмарки, в первую очередь в портовых городах. В этом отношении Архангельская ярмарка и в целом Архангельск, где торговало большое количество иностранных купцов, играли существенную роль.

Книга содержит достаточно много заимствованной лексики (преимущественно из голландского, немецкого и английского языков), время вхождения которой в русский язык определяется петровской эпохой. По своему характеру это лексика метрологическая (в проникновении которой торговля играла ведущую роль), и бытовая (названия мебели, одежды, продуктов питания, украшений, предметов роскоши и др.²⁰): *анкирек, алексир, анчоус, галун, галстук* (в варианте *галздук*), *грош* «12 дюжин», *канфор* «жаровня для подогрева» (в варианте *камфор*)²¹, *каперс, кофь* (вариант *кофь*), *олива, оливка, лента* (в варианте *линта*), *менгиль* «мера жидкости», *мундитук* (в варианте *муштук*), *парик, пузумент* (в вариантах *басамент* и *пузомент*), *портупей* (в варианте *портупей*), *пудра, саржа, стамет, тафта, трип, тюк, флаг* (в варианте *флак*), *флюр* «ткань», *шелдерей* «картина», *шкаф* (и варианты), *шкатуля, штоф* «ткань» (в варианте *стоф*) и др.

Адаптация иноязычного слова проявляется, в первую очередь, в многообразном варьировании его материальной формы, что нередко связано с параллельным вхождением слова из разных языков, при этом «характер модификаций предопределен <...> возможностями дающей и принимающей системы, которые очерчивают предел возможных колебаний»²². Материал архангельской книги показывает как фонетическое и грамматическое варьирование пришедшего в язык слова, так и новообразований от него: *анчоус – ончоус – анчовись – ансовиш – ансьювес*: Е боченекъ рыбъ анчовись (л. 24), Ё боченекъ анчоусъ (л. 25), Д боченки рыбъ ансьювес (л. 168 об.), Боченка рыбъ ончоусъ (л. 407 об.), Ансовишь въ В пестеряхъ ОЕ боченкахъ маленькихъ (л. 977 об.);²³ *роморка – ромка – румка – рюмка*: УН роморокъ стекляныхъ среднихъ стекла бѣлого (л. 77), РН роморокъ скляныхъ бѣлыхъ среднеи руки РМ роморокъ скляныхъ кубасныхъ зеленого стекла среднихъ же (л. 98 об.), В чаиника цениныхъ болшихъ

¹⁰ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 5.

¹¹ Слово *пудреница*, по данным КС XVIII, отмечается только с конца XVIII в. (1796 г.), первая словарная фиксация – САР¹ (IV: 1174), однако значительно более раннее его употребление представлено в одной из таможенных книг 1725 г.: явил <...> товару своего серебра в дѣле в венцах в крестах в подносах <...> в стаканах в пудреницах (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32894. Л. 95 об. (Брянская Свинская ярмарка)). Но еще в 1730-е г. встречается описательное наименование: дватцать коробокъ пудренных (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32799. Л. 53. (Москва, 1736 г.)).

¹² В СлРЯ XVIII дано слово *масленица* «Небольшой сосуд для масла» по фиксации его в САР² (III: 705) и ФРЛ¹ (I: 616).

¹³ В КС XVIII такой вариант не зафиксирован, ранние примеры употребления слова *пуни* относятся преимущественно к 60-м годам.

¹⁴ Слово *сахарница* в КС XVIII представлено единственной иллюстрацией, относящейся к 1743 г.: Глиняная белая сахарница галанская (МАН V: 781, опись имущества умершего академического контролера Якова Гофмана); первую словарную фиксацию оно получило в САР¹: Сосуд, в коем рубленой или толченой сахар держат (V: 345); чуть раньше отмечено в переводной части ФРЛ¹: Сахарница, сосуд высокой и круглой, с рѣшеточным колпаком, в котором кладут мѣлкой сахар, сахарная стклянка (II: 557). Примечательно, что автор ФРЛ¹ счел необходимым дать подробное пояснение.

¹⁵ Речь идет о нюхательном табаке, который в ранних таможенных книгах называется *порошок носный*, *порошок носовой*.

¹⁶ Одно из ранних употреблений слова *табакерка*, по данным КС XVIII, датируется 1714 г. в письме Петра I: Пришлите сюда <...> остинских черепахъ нѣсколько черепов верхнихъ, изъ которыхъ табакерки точать (МГО II 4). В таможенных материалах *табакерка* (вариант *табакирка*), впервые встречается в астраханской таможенной книге 1725 г.: двѣ дюжины роговыхъ табакирокъ (РГАДА. Ф. 1361. № 2. Л. 82); затем в московской книге 1737 г.: четыре табакерки костяныхъ с стеклами (РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Ч. 8. № 32807. С. 19).

¹⁷ В КС XVIII слово *плюйник* отсутствует.

¹⁸ В КС XVIII и СлРЯ XVIII зафиксировано слово *махало* «Веер, опахало», но только по данным словарей (*Нордстет II*. Российский, с немецким и французским переводами, словарь. СПб., 1780. Ч. 1. С. 349, САР² III: 719) и дериват *махальцо* (СлРЯ XVIII 12: 96), слова *махавка* в КС XVIII нет. Показателен такой пример: в записи явки называется махавокъ цвѣтныхъ 3 дюжинъ слоновои кости да 3 дюжинъ в деревѣ крашенныхъ (л. 488); в записи продажи — 1 дюжины ваеръ деревянныхъ травчатыхъ (л. 493). Заметим, что варианта *ваер* СлРЯ XVIII не отмечает (2: 245).

¹⁹ В КС XVIII слово *окозрительный* отсутствует.

²⁰ В списках товаров встречаются названия и описания весьма экзотических для русского быта того времени вещей, предметов роскоши: В ящикѣ арабъ здѣланъ изъ дерева на деревянномъ поддонѣ плате на немъ золоченое (л. 103 об.), Ящикекъ в немъ К куколь малыхъ немецкихъ воцанныхъ крашенныхъ да В куклы большихъ такихъ же обшиты платемъ и ѱлоромъ бѣлыхъ 1 ставочковъ маленькихъ деревянныхъ простыхъ в нихъ по садочку игрушешныхъ с попугаиками костяными (л. 981 об.–982), Ящикъ в немъ птица складна іс полотна (л. 986), К1 птички кѣнарѣекъ в клѣткахъ В птички снигиревъ в клѣткахъ же (л. 1040 об.), К птичекъ кѣнарѣиекъ (так в ркп.!) в клѣткахъ <...> одинъ снигирекъ (л. 1045 об.), Птица попѣгай Е ящиковъ лимоновъ да ящикъ помаранцовъ свѣжихъ <...> КИ боченокъ ракъшекъ соленыхъ <...> Г кѣнареики в клѣткахъ (л. 1275 об.). Заметим, что слово *попугайка*, как и слово *попугаец*, появляющееся в записи продажи этого товара, в КС XVIII отсутствует; ранний пример употребления слова *снегирь* (в варианте *снигирь*) в КС XVIII относится 1755 г., уменьшительного *снигирек* — к 1764 г.

²¹ СлРЯ XVIII датирует вхождение слова *канфор* в русский язык 1731 г., а вариант *камфор* — 1780-ми гг. (9: 237), уменьшительное *камфорик* в Словаре не отмечено.

²² Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии... С. 12.

²³ Вариант *ансовиш* СлРЯ XVIII датирует 1768 г., варианты *анчовись*, *ансьювес* не отмечены (1: 76).

²⁴ Слово *шоколад* в КС XVIII представлено более, чем 10 вариантами (*шекулат*, *шокелат*, *чекулад*, *каколата* и др.), ранняя фиксация которого (в варианте *чекулат*) относится к 1698 г., однако этот ряд может быть дополнен вариантом *сакалат*, кроме того, материал картотеки дополняется прилагательным *соколатовый*: Ящикъ в немъ Р бумажекъ по В пряника черныхъ соколатовыхъ (л. 984 об.); в картотеке есть прилагательное *шоколадный*, представленное материалами конца века. См. также: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии... С. 404.

²⁵ В КС XVIII слово *шкаф* (варианты *шкафа*, *шкан*) представлено большим количеством примером, ранний из которых относится к 90-м гг. XVII в., однако этот материал может быть дополнен вариантами *шхан* и *шкаф* (*шхав*) и дериватом *шхалец* (в КС XVIII есть *шхалец*, 1716 г.): Ящикъ в немъ верхъ шкавнои створы со стеклами (л. 271 об.), Ящикъ в немъ шхалецъ малоу дитячей деревянной под красками (л. 538 об.). Прилагательное *шкафный* в картотеке представлено только по данным САР¹ и ФРЛ¹.

²⁶ Варианты *кофяной* и *кофный* в СлРЯ XVIII отсутствуют (10: 210).

Е. Н. Наседкин

ПОСАДСКИЕ ВЫБОРЫ В МОСКОВСКИЕ ТАМОЖНИ В 1739–1740 гг.

В России со второй половины XVI в. известна практика привлечения купцов к казенным службам. Купцы занимались таможенными сборами, торговали вином и целым рядом других казенных товаров, исполняли полицейские обязанности, привлекались к оценке конфискованного имущества, выполняли многие другие обязанности. Служили купцы на основаниях выборности, срочности и безвозмездности. С начала XVIII в. проводятся значительные реформы в сфере управления посадом и купечеством, однако казенные службы принципиальных изменений не претерпели, поэтому 20–30-е гг. XVIII в. — период очень интересный, когда в условиях прошедшей через реформы страны продолжала существовать архаическая система казенных служб.

В литературе уже давно обращали внимание на негативное влияние, которое оказывали на хозяйственную деятельность городских тяглецов казенные службы¹. Выбранные в службы купцы должны были отрываться на год от своих дел, что грозило разорением, и несли огромную финансовую ответственность перед казной. Совершенно ясно, однако, что купечество должно было приспособиться и адаптироваться к условиям несения казенных служб, иначе эта система не смогла бы существовать до конца XVIII в.; но каковы были механизмы данной адаптации? Без подробного изучения хода служб ответить на этот вопрос невозможно.

В этом плане очень интересны для изучения выборы в таможенную службу, происходившие в московском посаде осенью 1739 г. Выборы, о которых пойдет речь, были вполне заурядны, но для нас примечательны тем, что о них сохранились достаточно подробные документальные сведения.

В общей сложности от московских слобод и сотен к таможенным службам на 1740 г. должно было быть прислано 279 чел. Масштабы впечатляют! Необходимо было выбрать служителей в Московскую большую таможенную, Мытненную таможенную, к «кресцовским» сборам, в «Хомутную» таможенную, для торговли табаком, в «конскую» таможенную².

Служители делились: на выборных — руководителей таможен, ларечных — помощников выборных и целовальников — рядовых служащих. Указ гласил, что выборные должны быть избраны из «первостатейных и пожиточных людей достойных, грамоте и писать умеющих, за выбором ратушским и всего купечества; також в ларечные и целовальники за выборами ж достойных же и грамоте и писать умеющих»³. Здесь сформулированы наиболее важные принципы выборов с точки зрения государства. Общее правило и для выборных, и для их подчиненных, целовальников и ларечных — грамотность.

В некоторых случаях это условие могло быть расширено до требования компетентности в том деле, к которому избирают. Например, в одном из документов к выборным ценовщикам, которые должны были оценивать имущество, предназначенное для продажи за долги, выдвинуто следующее требование: «<...> ценить, такими ценовщиками, которые знают цену тем вещам, а не такими, что, например, торгует лаптями, а его заставлять ценить алмазные и протчие драгоценные вещи»⁴.

Неграмотность сборщика пошлин или служащего кабака грозила обернуться уроном казне, поэтому казна была заинтересована в «грамоте и писать умеющих» выборных, ларечных и целовальниках. По исследованиям ученых, большую часть грамотных российского купечества составляли первостатейные и среднестатейные. Объясняется это не только сложным материальным положением малотяглых, но и отсутствием необходимости для них даже в начальном образовании. Впрочем, даже далеко не все купцы первой гильдии были грамотны. Так, в 1744 г. Главный магистрат потребовал переизбрания в бурмистры Можайского магистрата Макея Мшихина, так как он ни читать, ни писать не умел, но купечество снова выдвинуло его кандидатуру. С точки зрения купцов главным достоинством являлось то, что он был человеком «добрым и первостатейному ратушскому чину быть способен»⁵.

В выборные должны были избираться первостатейные, а в ларечные и целовальники купцы остальных гильдий. Это правило было установлено указом 26 июня 1731 г.⁶ Здесь видна та же логика, что и в аналогичных узаконениях для выборов в ратуши и магистраты: с точки зрения государства, чем более состоятелен избранный к казенной службе и избравшие его, тем больше гарантий, что сборы пройдут «без упущений». Кандидатов в выборные или бурмистры в центральные московские учреждения выбирали привилегированные купеческие объединения, такие, как Гостиная сотня и первая гильдия.

Механизм выборов в таможенную и кабацкую службу не был регламентирован, как будут конкретно проходить выборы — это государство волновало мало, главное, чтобы все было бы проведено в срок и были соблюдены все вышеперечисленные требования.

Так выборы должны были происходить согласно закону. У исследователя есть великий искус считать, что именно так все и было, но, как хорошо известно, закон и реальная практика его применения могут иметь серьезные различия. Вернемся к выборам 1739 г. и попробуем их реконструировать на основе имеющихся источников.

В начале сентября в Московскую ратушу был прислан указ из Камер-коллегии о начале проведения выборов служителей в таможенные службы. Чиновники Камер-коллегии угрожали серьезными штрафами за промедление с началом процесса выборов, однако никакой реакции не последовало. Указ следовал за указом, но воз с места не сдвигался. Только когда присланная воинская команда заперла бургомистра, бурмистров и секретарей в помещении Ратуши, учреждение начало работу. Ратуша распорядилась начать выборы и, чтобы интенсифицировать процесс, посадила в оковы старшин купеческих гильдий⁷.

Жестокие полицейские меры по отношению к Ратуше и московскому посаду сразу дали результат — выборы начались. Служителей начали выбирать по слободам Москвы, потом кандидатуры утверждались решениями старшин гильдии. Причем, решение старшин имело решающее значение, можно сказать, что основной выбор делали именно они. Потом выбранных служителей отводили в церковь, где они давали присягу. Присяга оформляла принятие посадскими жителями на себя ответственности за несение службы.

Выборы 1739 г. в вышеперечисленные учреждения длились по декабрь месяц, но некоторые вопросы пришлось решать до середины весны 1740 г. Далеко не все смирились с необходимостью на год отрываться от своих дел и безвозмездно трудиться на пользу казны. Некоторые из избранных пытались уклониться от служб.

Иван Иванов сын Култыгин прибыл от Московской ратуши в Камер-коллегию 12 декабря, он был избран старшиною первой гильдии Карпом Ивановым «со товарищи» в выборные в Хомутную таможенную на 1740 г., но не все оказалось так просто. Култыгин подал доношение, в котором сообщил, что к службе он не годен, так как «он от старости и дряхлости и за маловидением, и всегда находится болен, и лет ему за семдесят четыре». Видимо, доношение соответствовало истине, поскольку Камер-коллегию взволновало «немалое упущение» в сборах, которое должно было образоваться из-за состояния здоровья старика.

Чиновники Камер-коллегии посчитали, что Карп Иванов выбрал Култыгина «по злобе, а не по достоинству», и 20 декабря отправили Ивана Култыгина обратно, приказав Московской ратуше и купечеству еще раз решить, насколько он способен нести службу, а если не способен, то избрать нового выборного⁸. И хотя крупный денежный недобор, который возник бы после службы слепого и глухого старика, наверняка был бы возложен на первую гильдию и, в первую очередь, выборщиков, старшины гильдии продолжали настаивать, чтобы служил Култыгин⁹.

Несмотря на решение старшин, Култыгин выходить на службу не собирался: не появился в конце декабря, чтобы принять инструкцию по сборам у прежнего откупщика Обросимова, не появился и с 1 по 4 января, о чем сообщал канцелярист Федор Елин¹⁰.

Отсутствовал в это время в Хомутной таможне и ларечный, поскольку сидел под караулом по вексельному долгу, соответственно подписываться за прием сборов было некому. Канцелярист описывал эту ситуацию так: «В оную таможенную приходят извозчики с платежом с найму подвод десятой доли и требуют ярлыков, а тех же денег принимать и ярлыков подписывать некому»¹¹.

По поводу Култыгина Камер-коллегия забила тревогу с конца декабря. Регулярно посылались указы, в которых требовалось сыскать, а если сыскать его невозможно, то выбрать другого, иначе всю сумму хомутного сбора обещали собрать с Ратуши, выборщиков и всей первой гильдии¹². Иван Култыгин объявился сам: в начале января послал «человека», который сообщил, что Култыгин болен. К нему отправили солдата, однако, по его донесению: «Култыгин в тою таможенную не пошел»¹³. Вряд ли можно упрекнуть солдат того времени в нерешительности или шепетильности: когда требовал приказ они без промедления арестовывали престарелых вдов задолжавших купцов, но Иван Култыгин действительно был настолько болен (или производил впечатление тяжело больного), что солдат не решился привести его в Камер-коллегию.

В итоге купечество первой гильдии было собрано в Ратушу в начале декабря, чтобы найти выход из положения. На этом собрании вместо Култыгина был выбран купец первой гильдии, житель Красносельской слободы Петр Федотов¹⁴. После этого Федотов был приведен к присяге в церкви Введения святой Богородицы, «что у Гостинного двора»¹⁵.

Освободить содержавшегося под стражей в Коммерц-контуре ларечного Хомутной таможни Федора Баженова не удалось, приказали выбрать вместо него новых двух¹⁶. 10 января они были выбраны: второй гильдии Кадашевской слободы Максим Миронов сын Попов и Басманной слободы Иван Иванов сын Слонов, люди, как заверяло купечество, «пожиточные»¹⁷. Однако купечество утаило, что Максим Попов был тяжело, если не смертельно, болен.

Уже 14 февраля Петр Федотов сообщил в доношении, что Максим Попов «одержим головою жестокою болезнью. И видно де, что на той голове имеются гноевые струпы и раны, от которой всегда бывает в беспамятстве и ныне лежит в оной таможне. И в означенном сборе за помянутою болезнью и беспамятством вступить ему никак не возможно, отчего он [Петр Федотов] имеет опасение, чтоб в зборе пошлин какой остановки не учлось»¹⁸.

22 января Попова осмотрел лекарь Федор Карпов и староста второй гильдии Петр Григорьев. Лекарь поставил диагноз: «французская болезнь», т. е. сифилис. При этом лекарь отметил, что с его точки зрения данная болезнь «отправлению службы не вредит»¹⁹. Петр Федотов снова подал доношение в Ратушу с требованием о перемене ларечного, после чего больного 1 февраля снова осмотрел тот

же лекарь в присутствии старосты. На этот раз Федор Карпов пришел к заключению, что в прошлый осмотр болезнь «не весьма была сильна», теперь же она «весьма умножилась», поэтому «ему [ларечному Максиму Попову] в службе быть невозможно», и ему надо дать время на излечение²⁰.

На основании результатов последнего осмотра из Московской ратуши был дан указ выбрать нового ларечного вместо Максима Попова, что и было исполнено: был выбран купец второй гильдии Кожевенной полусотни Михаил Павлов²¹, а несчастного больного отнесли домой.

С Михаилом Павловым тоже не задалось — от неожиданного избрания на службу он скрылся, поэтому 26 марта 1740 г. купечеству второй гильдии пришлось снова собраться. В этот раз выбрали Садовой набережной слободы Родиона Матвеева сына Мыльников²². Но ему тоже не суждено было надолго задержаться в Хомутной таможне — он оказался страдающим «падучей»²³. 1 апреля вместо него был выбран второй гильдии Напрудной слободы Тимофей Лукин, по заверениям избравшего его старосты и старшины, «человек добрый и пожиточный»²⁴, как и все предыдущие.

История больного сифилисом ларечного Максима Попова потрясает. Что, неужели вторая гильдия не знала, что он болен и почти при смерти? Неужели она не знала, что Родион Мыльников страдает «падучей»?

Не могло не знать купечество о том, что выбирает и явно сумасшедших людей: так капрал Большой таможни Федор Дорогин рапортовал, что у Покровской заставы целовальник Степан Васильев «находится завсегда вне ума и с оной заставы, беснуясь, бегают в поле»²⁵. Случалось это с ним, по словам других служителей, два–три раза в месяц.

С целовальником Спасской заставы Сергеем Степановым приступы болезни происходили чаще: припадки падучей случались с ним три–четыре раза в месяц²⁶. Все это никоим образом не шло на пользу сборам. Опасаясь за срыв работы застав, 27 февраля Камер-коллегия требует прислать из второй гильдии других купцов на смену²⁷. Также был болен выбранный в Мытенную таможню целовальник Борис Соловецкий²⁸.

Выбирало московское купечество к службам откровенных пьяниц и разгильдяев. Так, из Мытенной таможни были отправлены назад с требованием переменить их другими целовальники Василий Лебедев, Максим Лесников — за пьянство, а Тимофей Сабачка — «за непорядочное поведение»²⁹.

Но не всем удавалось уклониться от службы по состоянию здоровья. Петр Колпаков был избран Московской ратушей в выборные в Конскую таможню, но к службе своей не приступил. Его подчиненный, ларечный Алексей Дубровской сообщил в Ратушу, что Колпакова «бил смертным боем» Пермского полка подпоручик и правая рука у Колпакова «порублена». После инцидента он содержался в Полицмейстерской канцелярии, потом был выпущен домой, где лежал в постели, не вставая. 22 января освидетельствовать больного пошли староста второй гильдии и лекарь, но Петра Колпакова дома не оказалось. Домашние Колпакова сказали, что его с утра увела полицейская команда. Староста и лекарь решили, что Колпаков не болен, а лишь «отбывает», т. е. уклоняется от службы³⁰.

Интересно сравнить этот случай с рассмотренной выше историей Ивана Култыгина. Иван Култыгин прекрасно знал логику чиновников Камер-коллегии: физически неспособный выборный не должен быть «достойным» службы, потому что он не сможет эффективно заниматься сборами. На эту же норму уповал выборный Петр Колпаков, лежавший в постели со сломанной рукой. Здесь интересы выборных явно расходились с интересами общины и старшин в первую очередь. Ивану Култыгину удалось благодаря упорству переиграть своих старшин, которые настойчиво отправляли его служить. Петру Колпакову вследствие стечения обстоятельств и небеспристрастного отношения лекаря — нет. То, что лекарь стоит на стороне общины, видно из ситуации с Максимом Поповым, которому «французская болезнь», согласно первому осмотру, «не мешает» отправлять службу.

Часто выбранные к службам, несмотря на присягу, скрывались и ударялись в бега. Сбежали пятеро целовальников, отправленные в Конскую таможню, поэтому третья гильдия была вынуждена выставить других им на замену³¹. Не сыскан был Никита Дмитриев сын Солодовников, выбранный в Московскую большую таможню целовальником³². На смену ему и двум его сумасшедшим сослуживцам (см. выше) выбрали из второй и третьей гильдий четырех человек³³. В Мытенной таможне в марте месяце числились не досланными целовальники, члены гостинои сотни Петр Симаков, Басманной слободы Илья Радионов, Екатерининской слободы Андрей Кондратьев, Кошельной слободы Михайло Михайлов, Барашской слободы Степан Осипов, слободы Малых Лужников, что у Крымского двора, Иван Покромщиков³⁴.

Описанные выше ситуации свидетельствуют об ужасе, внушаемом купечеству казенными службами. Добиться, чтобы купечество начало выборы, удалось только благодаря применению полицейских мер. Жесткое давление государственных учреждений, однако, не осталось без сопротивления купечества.

Некоторые, такие как Иван Култыгин, добивались увольнения от служб по возрасту и состоянию здоровья. Многие купцы бежали, тем самым обрекая себя на беспаспортное и бесправное существование. Ответственность за побег ложилась на их гильдию, купцы гильдии должны были либо найти беглецов, либо выбрать новых служителей. В противном случае грядущая недоимка возлагалась на избирателей.

Неожиданным и странным выглядит поведение купеческой общины. Возникает вопрос: чем руководствовались старшины, упорно выдвигая в руководители таможенных сборов слепого, глухого немощного старика, находящегося при смерти сифилитика, калек, сумасшедших, пьяниц? Вопрос не прост. Результат их службы предсказуем — невыполнение плана сборов, которое ляжет в будущем на плечи выборщиков и общины в целом. Московское купечество, однако, постоянно выбирало неспособных к службам, тем самым, увеличивая риск будущей значительной недоимки.

Объяснить все эти случаи только личными неурядицами между отдельными посадскими жителями невозможно. Что же получается: посад не боялся последующей недоимки? Уж очень сомнительно это выглядит. Понять весь комплекс причин именно такого поведения купеческой общины без дальнейшего подробного изучения самих служб и процесса взыскания недоимок невозможно, но одно важное наблюдение можно сделать.

Посад в рассмотренных ситуациях подставлял под удар наиболее слабых своих членов, защищая тем самым средних и состоятельных, на которых ложилась основная тяжесть платежей при мирской раскладке. Перед нами один из механизмов обеспечения выживаемости общины, который позволял ей приспособиться к жестким требованиям казны. «Сирым же и убогим», оказавшимся выбранными к казенной службе, ничего не оставалось, как тем или иным способом попытаться от нее уклониться. Подобное поведение посадской общины можно расценить и как пассивную форму сопротивления указам государства, навязывавшего тяжелейшие для купечества службы.

Примечания

¹ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903; Козлова Н. В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 47–56.

² РГАДА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 321. Л. 1, 4.

³ Там же. Л. 1–2.

⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 2. Ед. хр. 1072. Л. 3.

⁵ Козлова Н. В. Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1989. № 4. С. 35–38.

⁶ Кизеветтер А. А. Посадская община... С. 344; ПСЗРИ. Т. 8. № 5794. п. 2.

⁷ РГАДА. Ф. 308. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–9.

⁸ Там же. Л. 95–95 об.

⁹ Там же. Л. 96.

¹⁰ Там же. Л. 111.

¹¹ Там же. Л. 111–111 об.

¹² Там же. Л. 109–114.

¹³ Там же. Л. 111.

¹⁴ Там же. Л. 113.

¹⁵ Там же. Л. 115.

¹⁶ Там же. Л. 111 об.

¹⁷ Там же. Л. 120.

¹⁸ Там же. Л. 135.

¹⁹ Там же. Л. 137 об.

²⁰ Там же. Л. 140–142.

²¹ Там же. Л. 143.

²² Там же. Л. 144.

²³ Там же. Л. 158.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 149.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 154 об.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 131–131 об.

³¹ Там же. Л. 123.

³² Там же. Л. 149.

³³ Там же. Л. 150–151.

³⁴ Там же. Л. 154 об.

ОТНОШЕНИЕ КУПЕЧЕСТВА К ТАМОЖЕННОМУ ОТКУПУ В XVIII в. (На примере Н. Т. Шемякина)

Использование таможенных откупов как средства решения финансовых и административных проблем часто применялось в российской государственной практике XVIII в. В годы Северной войны таможенные откупа, отмененные в конце XVII в., были восстановлены в отношении внутренних и пограничных таможен. Царским указом от 18 января 1721 г. предлагалось всем желающим взять на откуп таможи по польской границе. После его опубликования выяснилось, что ни Камер-коллегия, ни Коммерц-коллегия не имеют сведений о таможенном внешнеторговом сборе в этих порубежных местах. К счастью, желающих принять на себя заботу о таможах не нашлось, и правительство решило временно отложить исполнение указа¹. В 1732 г. внутренний таможенный сбор в Архангельске по указу Камер-коллегии на шесть лет передавался на откуп московским купцам. В 1746 г. правительство также передало московским купцам во главе с Иваном Хилковым на 4-летний откуп сбор внутренних пошлин в Севской, Брянской и Курской таможах². Камер-коллегия обычно не вмешивалась в деятельность откупщиков и следила только за исправными выплатами откупных сумм и «наддач» по контрактам.

В 1754 г. внутренние таможенные пошлины в России были отменены и потери казны компенсировались установлением 13-процентной «новоположенной прибавочной пошлины» со всех экспортных и импортных товаров. Введение нового таможенного налога вместе с увеличением пошлинного обложения привозных товаров по тарифу 1757 г., с одной стороны, являлось предпосылкой для увеличения таможенных доходов, а с другой — вызывало негативную реакцию купечества. В этих условиях требовалось особое внимание к процедуре начисления пошлин и повышенная бдительность при проведении таможенного досмотра. Кроме того, в 1757 г. Россия вступила в Семилетнюю войну и правительство нуждалось в стабильном источнике бюджетных поступлений. Все указанные обстоятельства привели руководство страны к решению о распространении откупной системы на все таможи России. Правительство Елизаветы Петровны надеялось, что представители купеческого сословия отнесутся к организации сбора пошлин более ответственно, чем государственные служащие, и это позволит ликвидировать многие притеснения и несправедливости, на которые часто жаловались купцы. Откупная система должна была способствовать росту государственной прибыли, уменьшению контрабанды, совершенствованию организации таможенного дела.

В 1758 г. все пограничные и портовые таможи, за исключением остзейских провинций и азиатской границы, в соответствии с Сенатским указом передавались на 6-летний откуп директору Темерниковской торговой компании Н. Т. Шемякину с компаньонами. Откупщики, помимо сбора пошлин, обязывались содержать в исправности таможи, выплачивать жалование всем таможенным служащим из собственных средств, аккуратно вести таможенные книги и предоставлять в Коммерц-коллегию рапорты о привозе и вывозе товаров. Одновременно Шемякин получил право осуществлять кадровую политику по своему усмотрению вплоть до замещения управляющих таможами. Сам откупщик стал обер-инспектором таможи, а его помощники — директорами таможен.

Размер откупной суммы не был обозначен в контракте. Он подлежал определению во время действия договора через вычисление среднего поступления доходов от таможен за каждый месяц в 1755–1757 гг. Компания должна была уплатить сумму против месяца вперед. Кроме того, Шемякин обязывался вносить в виде прибавки к откупной плате каждый год по 170 тыс. руб. (около 7 % от среднегодовых таможенных доходов государства)³.

Известно, что Никита Шемякин подал ходатайство о передаче ему на откуп таможенных сборов в конце 1757 г. Правительство, обсудив его просьбу, поторопилось заключить договор до начала навигации 1758 г. К моменту подписания контракта чиновники подсчитать размер откупной суммы не успели, поэтому можно предположить, что в это время Коммерц-коллегия не имела регулярно поступающей информации о таможенных доходах государства.

Откупщики выплачивали государству около 2 млн. руб. в год⁴. После смерти Елизаветы Петровны новый император Петр III продлил Шемякину право на откуп еще на 10 лет, принимая во внимание полученную казной прибыль и отсутствие жалоб купечества за предшествующий период откупа⁵. Однако уже через несколько месяцев контракт был расторгнут, так как компания Шемякина не смогла заплатить откупную сумму за полгода и не предоставила отчетов о ходе торговли и ведомости о получении таможенных доходов. 26 августа 1762 г. вышел указ Сената «О принятии в казенное ведомство всех портовых таможенных сборов и об определении к оным смотрителя»⁶. Управление таможами передавалось членам специально созданной Комиссии о таможах. Смотрителем над всеми

таможенными сборами назначался статский советник Алексей Яковлев, а его помощниками — надворный советник Николай Самойлов и ярославский фабрикант Иван Затрапезный. По указанию Сената Комиссия о таможах занималась выяснением размеров государственного долга откупщиков и его взысканием. В ходе работы Комиссия выяснила, что только казенный долг Шемякина составляет 702535 руб., в том числе по таможенным пошлинам — 303170 руб., по кредиту Медного банка — 314000 руб., не считая многочисленных непогашенных займов у купцов⁷. По доносу бывших служащих Петербургской таможни регистратора И. П. Матвеева, подканцеляриста Н. Г. Быкова и ундеринспектора Анисимова было проведено следствие, которое установило, что с согласия Шемякина в столичной таможне купцам предоставлялась незаконная скидка в пошлинах, выдавались конфискованные бесфактурные товары, с иностранных купцов пошлины взимались полностью рублями, а не наполовину ефимками, как это было положено по тарифу. Руководство таможни вело двойную финансовую отчетность и многие таможенные документы оказались переправленными⁸. Никита Шемякин в свое оправдание написал, что на многие нарушения он пошел из-за условий военного времени. В 1758 г. недобор компании по таможенным пошлинам составил более 200 тыс. руб. Шемякин понимал, что из-за войны недобор будет и в последующие годы, поэтому, чтобы его компенсировать, делал уступку купцам в пошлинах за шелковые товары. В ином случае, как он указывал, казна не только не получила бы 1,5 млн. руб. наддачи, но и потеряла бы более миллиона рублей. Для возвращения конфискованных товаров у откупщика тоже нашлись причины. Он возвращал их после истечения срока представления фактуры, чтобы они не испортились и купцы заплатили бы с них пошлину, а иначе компания от конфискации понесла бы убыток и купцы могли бы разориться. «А впрочем, — писал в заключение Никита Шемякин, — мы никого не обидели, коммерции не разоряли, а единственно старались еще, чтобы она год от году в лучшую силу приходила»⁹. Оправдания откупщика императрицу и Сенат не удовлетворили, и его просьбы о списании с суммы долга пошлин за сгоревшие во время пожара 1761 г. в Петербурге на складах экспортные товары остались без внимания. Имущество Шемякина в столице описали за долги, а его самого посадили в тюрьму. Многочисленные нарушения таможенного законодательства, совершенные откупщиками, не заставили Екатерину II отказаться от идеи таможенного откупа. Она намеревалась отдать на срок не более 6 лет все портовые и пограничные таможни в содержание частным лицам, имеющим капиталы, которые до сентября 1763 г. могли бы представить свои условия. На предложение откликнулся рижский купец Я. Тиссен. Он соглашался взять таможни на 10-летний откуп, обещая 500 тыс. руб. ежегодной наддачи, если ему предоставят следующие права: 1) по своему усмотрению уменьшать пошлины; 2) не подчиняться Коммерц-коллегии и состоять под управлением императрицы; 3) не отчитываться о своей таможенно-финансовой деятельности при условии исправного платежа откупной суммы¹⁰. Условия, выдвинутые Тиссеном, как и оправдания Шемякина, говорят о том, что отношение купечества к таможенному откупу было иным, чем представляло себе государство. Купцы считали, что главная цель заключается в получении прибыли, ради которой можно пренебречь таможенным законодательством и протекционистскими интересами государства.

С декабря 1763 г. вопросом о целесообразности таможенного откупа занялась Комиссия о коммерции во главе с Яковым Шаховским, которой поручено было найти возможности и способы поощрения отечественной торговли и промышленности¹¹. Член Комиссии Г. Н. Теплов, изучивший документы о деятельности откупщиков, пришел к выводу о нежелательности использования откупной системы в таможенном деле. По его мнению, откупщики постоянно занижали размер пошлинного обложения ради увеличения общей суммы сборов. В страну поступало чрезмерное количество иностранных товаров, что подрывало отечественное производство. В противоположность утверждения, высказанного в указе Петра III о «немалом приращении казны» во время содержания таможенных сборов на откупе, Теплов писал о «чрезвычайном вреде», нанесенном государству откупным содержанием таможен, и сомневался в возможности значительного увеличения доходов с таможен за счет введения таможенного откупа¹².

Русский опыт передачи всех таможенных сборов в стране на откуп оказался неудачным. К середине XVIII в. Швеция, например, уже имела значительный опыт организации таможенной аренды. С 1726 г. все внутренние, морские и пограничные таможни сдавались там государством в аренду с целью получения регулярных и устойчивых доходов. Несмотря на укрепление русско-шведских отношений в середине 1750-х гг., правительство Елизаветы Петровны не воспользовалось шведским опытом и допустило многочисленные просчеты при заключении откупного контракта. Коммерц-коллегия возложила всю вину на откупщика, не желая признавать собственные ошибки. Контракт с Шемякиным правительство продлило без серьезного анализа его деятельности, размер откупной суммы в контракте не менялся, несмотря на введение в 1757 г. нового таможенного тарифа (который

высотой ставок превосходил все предыдущие тарифы) и увеличение поступления импортных товаров за годы откупа. В Швеции, для сравнения, таможенная арендная сумма и возможности ее увеличения тщательно просчитывались и обсуждались при перезаключении договоров. Кадровая политика, проводимая Шемякиным и его компаньонами с согласия правительства, также повлияла на исход предприятия. Назначение на таможенную службу попадало в зависимость от срока действия контракта откупщиков с правительством, что увеличивало количество злоупотреблений на местах. Регулярные жалобы Шемякина на неправомерные действия командиров воинских команд, направляемых для оказания помощи таможенным служащим, получение ими взяток за тайный провоз товаров через границу оставались без внимания правительства. Все эти факторы вместе с нарушениями условий контракта самого откупщика и его помощников закономерно привели к неблагоприятному результату.

В ноябре 1763 г. Екатерина II учредила Главную над таможенными сборами канцелярию под руководством действительного тайного советника И. Э. Миниха, которому предписывалось с навигации 1764 г. взять таможенные сборы в казенное содержание. С 1 января 1764 г. таможни перешли в государственное управление¹³. По итогам года Комиссия о коммерции сравнила данные о таможенном доходе, полученном за 1764 г. и в период откупа. Шемякин с компаньонами платил в год 885 пудов, 14 фунтов, 61 золотник ефимков и 1405711 руб., а в 1764 г. в казну поступило 1110 пудов, 28 фунтов, 45,5 ефимков и 1671953 руб. за вычетом расходов, что подтверждало выводы Теплова о сомнительной возможности получения государством большой прибыли от таможенного откупа¹⁴.

Правительство, передавая таможни на откуп в годы Семилетней войны, надеялось получить стабильный доход от таможенных сборов и использовать его на военные нужды. Однако война традиционно приводила к сокращению внешней торговли, тем более что среди противников России в Семилетней войне оказался ее главный торговый партнер — Англия. В контракте с Шемякиным не оговаривался вариант возможного уменьшения таможенных сборов из-за условий военного времени, что заставляло откупщика и его компаньонов нарушать закон ради исполнения договора, но в то же время он сам не захотел признаться Коммерц-коллегии в убытках за первый год откупа и добровольно расторгнуть контракт. Деятельность Шемякина продемонстрировала отношение российских купцов к таможенному откупу и таможенной политике государства. Шемякин стремился к получению прибыли любой ценой, не принимая во внимание, что средства достижения этой цели могли нанести вред таможенной политикой государства в целом.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3713; РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 589. Л. 3, 5, 71–73.

² ГААрхО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 105; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 12. № 9457, 9506.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 10837.

⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188.

⁵ Таможенное дело в России: X — начало XX вв.: (Ист. очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995. С. 49.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11658.

⁷ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 585. Л. 200–201.

⁸ Там же. Д. 581. Л. 21 об.; Д. 589. Л. 1–58.

⁹ Там же. Д. 581. Л. 4 об.–5.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 1–9 об.

¹¹ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 158 об.–159.

¹² Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа: Исслед. СПб., 1886. С. 122–123.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11985; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 596. Л. 4–8 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188, 191.

И. Н. Юркин

«И НЫНЕ СОСТОЯТ РАЗОРЕННЫМИ И ОПУСТЕЛЫМИ?» (Номенклатура и сбыт продукции подмосковных металлургических заводов, избежавших закрытия по сенатскому указу 1754 г.)

В 1754 г. указом Правительствующего Сената от 22 августа было предписано уничтожить истреблявшие древесину заводы, располагавшиеся ближе 200 верст от Москвы. Это распоряжение, действовавшее и исполнявшееся на протяжении десятилетия, нанесло тяжелый удар по металлургической промышленности Московской губ.

Интригу, лежащую в основании появления на свет этого документа, участие в ней Шуваловых и мотивы их действий (братья Александр и Петр Ивановичи Шуваловы были заводовладельцами), наконец, историю реализации положений указа в общих чертах рассмотрел Н. И. Павленко¹. В недавней нашей статье уточнен круг предприятий, затронутых действием указа, и обсуждена роль, сыгранная в его подготовке побудительными мотивами экологической природы² — та мотивация, которая с легкой руки Павленко считается в литературе, в общем, формальной, не отражающей истинные мотивы действий законодателя.

Согласно тексту указа, уничтожению подлежали все (за вычетом конкретно оговоренных многочисленных исключений) предприятия металлургической и стекольной отраслей, расположенные в границах объявленной запретной для них зоны. Список включает 13 заводов, а именно:

- статского советника Никиты Демидова железные в Алексинском у. на р. Дугне;
- его же молотовой в Калужском у. в Ромодановской волости на р. Выровке;
- покойного действительного статского советника Акинфия Демидова железный, в Тульском у. на р. Тулице, на котором «доменного действия не бывает»;
- тулянина Родиона Баташева молотовой в Медынском у. на р. Грязненке;
- туляк Максима Мосолова с братьями железные в Старорусском у., в вотчине Пафнутьево-Боровского монастыря, в деревне Лениной, на р. Мыжеге;
- туляк Мосоловых³ Верхний и Нижний Шанские доменный и молотовой в Можайском у.;
- тулянина Федора Мосолова с детьми железный в Алексинском у. на р. Дубне⁴;
- покойного действительного тайного советника Александра Львовича Нарышкина железные в Каширском и Алексинском у., из которых последние «стояли пусты»;
- вяземского купца Федора Карасева с братьями Нижний и Верхний Подбережские доменные и молотовые в Зубцовском у.;
- калужан Петра и Ивана Золотаревых доменный и молотовой в Калужском у. на р. Киевке⁵.

Кроме того, было приказано прислать в Сенат сведения еще о двух предприятиях в Тульском у. — Родиона Баташева и Ильи Данилова (имелись в виду располагавшиеся в Тульском у. заводы, соответственно Тулицкий и Верхотулицкий), на которых делались «вещи» на «оружейное дело». В отношении их решение до рассмотрения запрошенных сведений откладывалось.

Учитывалась вероятность обнаружения в запретной зоне других предприятий, не замеченных законодательством, их по выявлении также предписывалось «все генерально уничтожить». Такие действительно обнаружались: в поле внимания дополнительно попал Серпейский (Песоченский) завод А. Гончарова⁶.

В истории реализации указа 1754 г. можно выделить два периода. На первом, относящемся ко второй половине 1754 и 1755 гг., затронутые им металлзаводчики — Афанасий Гончаров, Евдоким Демидов (наследник Н. Н. Демидова), Родион Баташев, Илья Данилов, Максим Мосолов с братьями — вооружившись подходящими к делу аргументами, убеждали Сенат исключить свои предприятия из черного списка. Но уже в 1755 г. главный их противник А. И. Шувалов предпринял контрдействия, и на втором этапе «продавил» ряд властных распоряжений (1756, 1761 гг.), отражавших его интересы.

Обостряясь и затухая, борьба продолжалась до смерти императрицы Елизаветы Петровны. «Оные заводы, — писал, подводя ее итоги сын М. П. Мосолова Антипа, — доведены уже до самого крайнего разорения, кои и ныне состоят разоренными и опустелыми <...>»⁷. Лишь в начале царствования Екатерины II с падением влияния Шуваловых компания сошла на нет. Ее завершил сенатский указ 1765 г. (высочайше подтвержденный его доклад), давший действиям Шуваловых жесткую и нелицеприятную оценку и возвративший право на существование всем подмосковным металлзаводам, сумевшим выстоять в годы гонений.

В настоящей статье рассмотрен экономический аспект вопроса: как этим предприятиям удалось остаться «на плаву» в условиях, когда угроза уничтожения потребовала поиска сильного патронажа, а обращение к таковому — адаптации к нему номенклатуры производства и рынка сбыта продукции. С этими вопросами тесно связан еще один — о взаимодействии частных заводчиков с казенными предприятиями.

Статья основана на материалах архивного дела 1778 г. о сборе сведений об этих заводах и их владельцах, произведенном по инициативе местной администрации — Тульского наместнического правления⁸. В силу местного характера инициативы ее результаты, если и нашли отражение в фондах центральных архивов, то только в виде итоговых, сводных документов. Эти материалы содержат ценные данные об экономических показателях работы заводов, в том числе, об объеме производства и себестоимости производимой ими продукции, а также о ее реализации — куда она сбывалась и по какой цене.

9 июля 1778 г. Калужский, Тульский и Рязанский наместник генерал-поручик Михаил Никитич Кречетников, возглавлявший действовавшую в это время Комиссию о Тульском оружейном заводе (она должна была выработать новое положение о предприятии), направил Тульскому наместническому правлению предложение, в котором в дополнение к ранее запрошенным сведениям о заводах в губернии, «от Москвы менее 200-т верст отстоящих», просил «истребовать» от их владельцев сведения, «коликое... число вырабатывается на них ежегодно металла, *по какой цене им обходится и продается*, в каких местах для употребления отпускается, [да]бы, асмотрев из того общую и частную пользу, возможно было зделать о них по[ст]ановления»⁹.

Тульское наместническое правление отрапортовало Кречетникову об исполнении поручения 5 декабря того же года. В Тульском наместничестве местным чиновникам был известен только один действующий металлзавод¹⁰ — в Алексинском у. заводчика Филиппа Мосолова на р. Дубне¹¹. Потребовать сведения о нем было поручено нижнему земскому суду. По поводу еще двух действующих заводов, находившихся недалеко от Алексина — Дугненском Евдокима Демидова и Мышегском Антипа Мосолова — потребовалось связаться с Калужским наместническим правлением (первый завод по действовавшему административно-территориальному делению находился в Перемышльском, второй в Тарусском у. Калужской губ.). Собранные сведения поступили в Тульское наместническое правление к 13 ноября и в оригиналах были переданы Кречетникову¹².

Они содержали следующую информацию о продукции заводов и ее сбыте.

Иван Васильев, приказчик Дубненского завода Ф. Мосолова, 28 сентября 1778 г. сообщил, что на заводе выплавляется чугуны (от 2600 до 4200 пудов в год), производится чугунное литье — в песок (от 2300 до 3000), глину и опоки (от 2400 до 3900), изготавливается железо полосное и связное (от 2000 до 3000). Себестоимость продукции составляла: чугуна от 26 до 27 коп. пуд, песчаного литья от 32 до 33, литья «апоичатого» от 56 до 57, железа от 63 до 64 коп. Продукция реализовывалась большей частью при заводах, эпизодически также в Москве и других местах по ценам: литье песчаное от 35 до 38 коп. пуд, опойчатое от 60 до 63, железо от 70 до 72 коп. с отклонениями от этих цифр в обе стороны. Отпуск для продажи «к портам» не практиковался¹³.

Илья Алфимов, приказчик Мышегского завода А. Мосолова, представил данные 13 октября 1778 г. Он сообщил, что чугуна выплавляется до 5000 пудов, «выливается в песок разные всякия заводския, и лесопиленныя и мельничныя инструменты, загнетные и весовые доски и разные решотки и болюстры, и в продчих разных вещах литья до 9000; выливается ж в фурмы и апоках разного в котлах горшках и в продчих вещах литья до 8000; полоснаго железа до 4000; связнаго железа ж до 3000; стропильнаго железа до 1500; плющильнаго железа до 500; полосное железо в машинах употребляется на прореску: на тройной сорт до 500; на пятерной сорт до 1000; на семерной сорт до 1500». Отмечались колебания «в зделке» продукции по причине «разных обстоятельств и починки».

Себестоимость определялась с учетом налогов и заводских расходов. Для чугуна она составляла 35 коп. с четвертью. Чугун (с прибавлением покупного) шел на расковку в железо; в переработку отправляли и «издержанныя в мошинах инструменты, кои уже к действию не способны».

Себестоимость литья и железа составляла: литье в песок 38 коп., в фурмы и в опоках 65, полосовое и связное железо от 73, стропильное от 75, прорезанное в машинах: тройной сорт по 81, пятерной от 87, семерной от 92 коп., плющильное по ценам последнего. Себестоимость могла колебаться «в разсуждении покупок материалов и в доставлении оных», а также платы наемным работникам.

Продукция продавалась при заводе по следующим ценам: литье в песок от 40 до 45 коп., в фурмы и апоки от 70 до 75, полосовое и связное железо от 80 до 85, стропильное от 82 до 87, тройной сорт по 85, пятерной от 90 до 95, семерной от 97 коп. до 1 руб., плющильное по ценам семерного. «Смотря по обстоятельству времени и покупщиков», цены могли снижаться. Закупившие металл оптовики уже от себя отправляли его к Санкт-Петербургскому и Рижскому портам и в другие города. Продукция, остававшаяся на заводе, отпускалась в Москву, Тулу, Калугу, Смоленск, Вязьму, на Курскую Коренную ярмарку, где продавалась «с приложением в ценах провоза и последующих на то расходов». Отметим сходство этого перечня со списком мест, куда уходила продукция соседнего Дугненского завода в середине 1720-х гг.¹⁴ — это может быть интерпретировано как свидетельство устойчивости производственной специализации и обусловленных ею торговых связей в данном секторе промышленности.

Помимо работы на рынок, завод в военное время выполнял и казенные заказы. По нарядам Берг и Адмиралтейств коллегий здесь «в немалом перед другими заводчиками количестве» отливали «бомбы, гранаты, кортечи, брансугли и прочие военные снаряды», которые «в повеленные места по

указам доставляемы бывают». Как раз в это время выполнялся один такой заказ: указом Берг-конторы было «велено при оном заводе отлить в само скорейшем времени в Днепровскую экспедицию ядер 6-фунтовых 1650, 3-фунтовых 1200, кннпелей 36-фунтовых 540, 24-фунтовых 1080, 18-фунтовых 600, 12-фунтовых 1170, да в Тоганърог 1626, 6-фунтовых 450, а всего <...> вещей 8316»¹⁵.

Известие о третьем заводе пришло так же в октябре 1778 г. Доношение в Перемышльский нижний земский суд поступило от имени Василия Евдокимовича Демидова, сына заводовладельца. Василий сообщил, что из-за переходящих остатков точные годовые экономические показатели завода установить невозможно, поэтому он «за удобнейшее средство» считает предоставить сведения «с начала заведения вновь на том заводе капитала и материала». За начало он принимал 1764 г., в котором «от наводнения дождевой воды завод размыло и заводскую кантору, и в ней имеющиеся от начала завода заводския записныя книги... без остатку разнесло»¹⁶. После этого завод был отстроен заново, тогда же были завезены на него руда, дрова и материалы.

За следующие 14 лет было выплавлено 2 млн. 399 тыс. 312 пуд. 13 фунтов чугуна, что в среднем на год составляло 171 тыс. 379 пуд. 18 фунтов. С учетом расходов на привозные дрова себестоимость чугуна по годам колебалась от 17 до 22 коп. за пуд, в среднем — 19,5 коп. без учета десятичных и экстраординарных денег, которых в военное время платилось по 8, в мирное — по 4 коп.

Отливка изделий на заводе не производилась; чугун выливался в штыки, поступавшие на переработку в железо. В 1776 г. Е. Н. Демидов остановил на Дугненском заводе все молотовые фабрики, и со следующего года весь чугун водой и подводами доставлялся на Людиновский завод, где передельвался в железо. Впрочем, в особых случаях, а именно в годы русско-турецкой войны (включая «последнепрошедшую») литье на Дугненском заводе все же осуществлялось: здесь по указам Берг и Адмиралтейств коллегий отливались для флота ядра и бомбы¹⁷.

Сведения о переделе чугуна таковы. С 1764 по 1776 г. на обоих заводах, а с 1777 по 1778 г. на одном Людиновском, было выделано 1 млн. 511 тыс. 912 пуд. железа, в среднем за год — 107 тыс. 993 пуда. Себестоимость составляла от 45 до 57 коп. пуд, в среднем — 50,75 коп. Железо продавалось помещикам Калужского, Мещовского, Брянского и др. уездов, тульским и других городов купцам, которые отправляли его в Киев и другие города Украины. Иногда эти покупатели разбирали железо полностью, иногда оставался небольшой остаток. Последний (не более 10 тыс. пудов) отправлялся к Петербургскому порту. Продажная цена колебалась от 55 до 75 коп. в зависимости от стоимости издержанных в производстве покупных материалов, составляя в среднем: при продаже на заводе — 62 коп., с провозом до Тулы, Смоленска и других городов, в зависимости от расстояния, — от 65 до 75 коп., при Петербургском порте — 80 коп.¹⁸

Перед нами три завода, заметно между собой различающиеся. Производительность Дубненского по чугуну в среднем 9450 пудов в год, Мышегского — до 22000 пудов, Дугненского — 171379 пудов. Если Дубненский завод принять за единицу, то производительность Мышегского — 2,3 такой единицы, Дугненского — 18,1. Другими словами: если считать по чугуну, Дугненский завод это 18 Дубненских. Производительность по железу сравнить не удастся: на Дугненском заводе его производство с 1777 г. остановили, на Мышегском, напротив — даже прикупали чугун для передела. Впрочем, имеются сведения о мощности молотовых фабрик заводов Дубненского и Мышегского: 2–3 и до 9 тыс. пуд. соответственно.

Под закрытие в рамках «лесоохраной» компании попали все три завода, прямо упомянутые в сенатском указе от 22 августа 1754 г. Некоторые сведения о том, как их владельцы пытались избежать уничтожения предприятий, имеются для заводов Мышегского и Дугненского.

Согласно сенатскому указу 1754 г., заводы могли действовать еще один год, в течение которого должны были переработать все имеющиеся на них запасы сырья и топлива. Таким образом, некоторое время для того, чтобы вывести свои заводы «из-под топора», у их владельцев было. Они этой возможностью воспользовались. Решения, принятые в ответ на их усилия, относятся, первое, к 12 мая 1755 г.: по челобитью Е. Н. Демидова Дугненскому и Выровскому доменным и молотовым его заводам было велено «быть по-прежнему в действии», второе, к 24 октября того же года: четырем заводам, в том числе Мышегскому М. П. Мосолова с братьями, для Тульских оружейных заводов «к деланию железа и чугунных вещей оставить в действии»¹⁹.

Проще всего решил вопрос с Мышегским заводом: его владелец «зацепился» за военно-промышленный комплекс Тулы, основу которого составлял казенный Тульский оружейный завод, способный стать спасательным кругом огромной грузоподъемности. И он таковым стал. Вот как в июне 1777 г. в своем доношении тарусскому земскому исправнику писал об этом владелец завода Антипа Максимович Мосолов: Мышегский завод оставлен в действии «по указу Правительствующа-

го Сената 1755-го года июля 22 дня <...> для государственной и всенародной ползы, а паче для Тульских оружейных заводов, по доброту железа к деланию онаго, также и чугунных вещей».

Конечно, добровольное согласие выполнять поступавшие с завода задания (несомненно, не всегда экономически выгодные²⁰) подразумевало определенную перестройку производства: сокращалась доля продукции, поступавшей на рынок, увеличивалась доля госзаказа. Кроме того, понадобилась, очевидно, определенная техническая его адаптация, но во сколько она обошлась — судить затруднительно; известно лишь, что последующее поддержание завода (ремонт и модернизация), по утверждения владельца, потребовало инвестирования не менее 35 тыс. руб.²¹

Чтобы понять последующее, необходимо учесть, что на протяжении всего XVIII – начала XIX в. Тульский оружейный завод неоднократно ставил и повторно решал перманентно актуальный вопрос: какое железо для него лучше и выгоднее: с подмосковных заводов (в т. ч. с Тульского завода Демидовых), ручное (производства тульских железного дела промышленников) или заводское сибирское. В разное время испытания давали различный результат, с учетом чего корректировался выбор. Одна из таких перемен произошла в начале 1760-х гг. Оружейная канцелярия обратилась в Берг-коллегию (а та в 1764 г. в Сенат), сообщив, что «канцелярия во оставленных заводах, в том числе и в означенном Мышевском, надобности не находит, а довольствуется сибирским железом»; в связи с этим требовала, «чтоб оставленные заводы, в том числе и <...> Мышевской, уничтожить»²². В ответ на это, рассказывает А. Мосолов, его отец «бил челом, что <...> с того Мышевского ево завода и ныне ко оружейным заводам чугунные инструменты и железо требуется, и <...> оной <...> для Оружеинаго завода надобен». Владелец обращал внимание на значительные собственные и заемные средства, вложенные завод, и заявлял, что «вместе с ним всеконечно и он разорен будет, потому что к пропитанию ево последняя надежда осталась от онаго завода, ибо с прочими несчастливыми своими сотоварищами в ево разорении заводов претерпел он всех наиболее лишением трех заводов²³, кои състояли не менее ста тысяч рублей». Во мнении, представленном императрице, Сенат рекомендовал «назначенные ко уничтожению заводы, в том числе Мышевской, не уничтожать, а оставить их в своей силе и действии по-прежнему»²⁴. При этом весьма нелицеприятная оценка была дана действиям А. И. Шувалова.

Сочувствуя Мосолову и отдавая должное наконец пробудившейся мудрости Сената, задумавшись над тем, почему инициатором запоздалого применения к Мышегскому заводу указа 1754 г. выступила Оружейная канцелярия. Полагаем, ее позицию определил углублявшийся «дровяной» кризис. Для удовлетворения нужд Оружейного завода канцелярии после приписки к заводу казенных засек древесины хватало. Но рыночная цена угля в Туле продолжала расти, и металлургические заводы, чтобы их владельцы не говорили об удаленности источников, из которых они черпали лес, ситуацию усугубляли. Получается, что в начале 1760-х после переориентации Оружейного завода на сибирское железо Мышегский завод стал для него не только ненужной обузой, но еще и конкурентом в потреблении сжимавшегося ресурса. Косвенным подтверждением этого объяснения является отсутствие в доношении, поступившем от мосоловского заводского приказчика в октябре следующего (1778) г., упоминаний о продукции для Оружейного завода — как специально изготовленной, так и поставленной из ассортимента. Таким образом, даже если Мышегский завод в середине 1750-х гг. и перестроил производство с учетом нужд Оружейного завода, перестройка (в отношении продукции и ее сбыта) была относительно неглубокой, и десятилетие спустя следы этой перестройки уже стерлись.

Разрешение сохранить Дугненский завод было дано также в 1755 г. Евдоким Демидов утверждал, что: а) дрова для завода не покупаются, а заготавливаются в собственных его дачах, и происходит это в «дальних местах», приблизительно в 300 верстах от Москвы; б) металл отправляется для передела на Брынский завод в Мещовский у., т. е. тоже за пределы запретной зоны. Закрытие Дугненского завода, указывал Демидов, неминуемо приведет к закрытию связанного с ним передельного предприятия. Указом Сената от 23 мая 1755 г. Берг-коллегии было велено освидетельствовать Дугненский завод. Утверждения заводчика подтвердились, и 12 сентября 1755 г. определением Берг-коллегии владельцу завода было разрешено на нем «по-прежнему работу производить»²⁵.

Но, как и в случае с Мышегским, владельца этого завода ждало еще одно испытание. По поданным в Берг-коллегию доношениям Шувалова, определениями Сената от 7 сентября и 29 октября было решено «Выровской молотовой так и при нем доменные заводы, кои вновь в 759-м году сыном онаго Алексеем Демидовым построены, паки по челобитью вышеозначенного графа Шувалова <...> уничтожить и впредь не быть»²⁶. Дугненский завод не принадлежал к «новым» (для этой ветви демидовского рода он был фактически первым), но в целом удар по хозяйству заводчика получался довольно сильный.

Любопытно, что Демидов тоже пытался разыграть «оружейную карту». Но в его случае существовало обстоятельство, затруднившее достижение успеха на этом пути. На истории отношений с казенным заводом оставил пятно случай, когда «по требованию той канцелярии» с демидовского завода не было дано железа «для учинения пробы». Почему так получилось — не ясно. Не исключаем, что заводовладелец боялся испытаний — того, что его железо окажется хуже других образцов. В доношении в Оружейную канцелярию Демидов дал, разумеется, иное объяснение своему поведению: «уже доньше за 15 лет по пробам и в самом деле по мастерским свидетелствам оное, кроме сибирскаго, лутче других оказалось; и доньше руда берется из собственной <...> земли из одного ж места, а из тамошних других руд, кроме их *ивашкинской* руды, в подобие ей нигде добротою быть не может». Другими словами: раз всем известно, что его железо — наилучшее, другим оно быть не может. Если Сенат соизволит «достоверную оному пробу учинить ныне, по прибытии сюда корована, <...> взяв с каждого заводу по несколку полос, то <...> пре[д] другими несравнительная оного доброта окажется <...>»²⁷.

С сожалением отметим, что нам неизвестно, как удалось сохранить крошечный Дубненский завод. Небольшие объемы производства на нем, наличие полного набора базовых технологий (выплавка чугуна, литье, производство железа), дешевизна продукции, сопряженная, возможно, с невысоким ее качеством, реализация большей ее части при заводе — все говорит о том, что это было предприятие местной промышленности, ориентированное на нужды локального рынка и способное гибко под него подстраиваться. Опасности в качестве конкурента крупным промышленным хозяйствам оно не представляло. Но завод находился внутри 200-верстной запретной зоны (что признается в доношении, поступившем с завода²⁸) и по формальному признаку подлежал закрытию. Что его просто забыли — крайне маловероятно. В поступившей в наместническое правление в 1778 г. сказке приказчика факт не объяснен — только констатирован.

Итак, благодаря привлеченному нами новому источнику на примере одной из групп входивших в состав подмосковной металлопромышленности заводов проясняется, в каком направлении происходила и в чем заключалась ее адаптация к неблагоприятному для нее развороту промышленной политики государства. Владельцы ряда предприятий пошли на выполнявшую защитную функцию «привязку» к казенному оружейному заводу и, несмотря на необходимость экономически невыгодных им уступок (изменения объемных долей в структуре продукции), сумели сохранить эти предприятия и смогли приспособиться к кризисным условиям хозяйствования.

Виден ситуативный, не отражающий долговременные потребности промышленников характер этой адаптации. Альянс с предприятием из состава государственного военно-промышленного комплекса изначально носил прежде всего камуфляжный характер. Оружейникам, для которых первостепенную значимость имел вопрос качества железа, сотрудничество с местными заводами было интересно не столько в отношении металла, предназначавшегося на «оружейные вещи» (в поисках продукции лучшего качества ими велся постоянный мониторинг рынка железа), сколько в плане «чугунных вещей»: срочного штучного литья на те или иные заводские потребности. Экономически не были заинтересованы в этой связке и металлзаводчики, предпочитавшие работу с рынком, с которым они освоились и который своим присутствием на нем отчасти формировали.

На примере крупного Дугненского завода особенно отчетливо виден искусственный характер связи частных заводчиков с казенной промышленностью, возникший после указа 1754 г. Завод постепенно специализировался на выплавке чугуна для передела, осуществлявшегося первоначально на самом заводе, позже на особом молотовом предприятии. Литье изделий из чугуна, по данным на 1764 г., на заводе не производилось, и организация его исключительно для исполнения казенного заказа была сопряжена с рядом трудностей и дополнительных затрат. Если судить по факту отказа Демидовым дать металл на пробу, казна не представляла для него интереса даже в качестве покупателя основной продукции — железа.

После завершения компании, развернутой по сенатскому указу 1754 г., связи металлзаводов с госзаказом в известной степени все же сохраняются, но носят спорадический характер: исчерпываются обеспечением армии боеприпасами в годы военных кампаний. Заинтересовано в таких контактах прежде всего государство. Продукция частных металлзаводов производится для рынка и посредством рынка реализуется.

Примечания

- ¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 129–132, 467.
- ² Юркин И. Н. Как хоронили подмосковную металлургию: (К истории реализации сенат. указа 1754 г.) // История Московского края: Проблемы, исслед., новые материалы. М., 2008. Вып. 2. С. 108–121.
- ³ В публикации данного указа в ПСЗРИ (Собр. 1. Т. 14. № 10285) эта фамилия присутствует в форме *Масаловы*.
- ⁴ В ПСЗРИ — «на речке Дугне», что является ошибкой.
- ⁵ По названию реки этот, находившийся в 3 км от Калуги, завод именовался Киевским (Павленко Н. И. История металлургии... С. 187).
- ⁶ Павленко Н. И. История металлургии... С. 466.
- ⁷ ГАТулО. Ф. 54 (Тульское наместническое правление). Оп. 1. Д. 300. Л. 22.
- ⁸ Там же. Л. 1–32.
- ⁹ Там же. Л. 1. Здесь и далее выделения в цитатах наши. — И. Ю.
- ¹⁰ Еще два завода в границах наместничества — Демидова и Баташевых на р. Тулице — в это время стояли «впусте».
- ¹¹ Сын и наследник (с братьями) завода, построенного их отцом Федором Кузьмичом.
- ¹² ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 2–3.
- ¹³ Там же. Л. 20–20 об.
- ¹⁴ Юркин И. Н. Продукция и торговые связи Дугненского завода Н. Н. Демидова в середине 20-х годов XVIII века (по материалам алексинских таможенных книг) // Российское предпринимательство: История, традиции, памятники: Тез. 2-й Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства». М.; Тула, 1995. Ч. 2. С. 75–90.
- ¹⁵ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 28–29. Форма числительных в цитате нами унифицирована: все переданы арабскими цифрами.
- ¹⁶ Там же. Л. 30–30 об.
- ¹⁷ Для подобных случаев на Дугненском заводе были оставлены работоспособные домы (Там же. Л. 31 об.).
- ¹⁸ Там же. Л. 31 об.–32.
- ¹⁹ Там же. Л. 23 об.–24.
- ²⁰ Напомним о весьма непростых отношениях с казной Н. Д. и А. Н. Демидовых, предпринимательский успех которых во многом был обусловлен льготами, полученными за многолетнее исполнение разнообразных заказов казны (см. прил. 1 к части 2 в кн.: Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых: Из истории становления и развития домен. металлургии России, 1695–1782. М., 1996).
- ²¹ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 22–22 об.
- ²² Там же. Л. 22 об.
- ²³ Подразумеваются потери, понесенные братьями Мосоловыми от действий А. И. Шувалова.
- ²⁴ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 25 об.
- ²⁵ Там же. Л. 15 об.–16.
- ²⁶ Там же. Л. 23 об.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ Там же. Л. 19.

Ю. И. Головки

ОПИСАНИЕ ТОРГОВЛИ С ТУРЦИЕЙ, СОСТАВЛЕННОЕ КУРСКИМ КУПЦОМ МИХАИЛОМ ОДНОРЯДКИНЫМ (1765 г.)

Вопрос о развитии торговли и судоходства на Черном море долгое время был одним из главных во взаимоотношениях Турции с большинством европейских государств, в том числе и с Российской империей. Хотя к началу 60-х гг. XVIII в. право российского купечества торговать на территории Османской империи, «как и прочия иностранная наипочтеннейшая нации», было закреплено российско-турецкими договорами, благодаря ряду привилегий европейское купечество имело в торговле с Турцией существенные преимущества перед российским¹. Тем не менее, и европейские купцы должны были учитывать специфику местной турецкой торговли и полагаться в решении многих торговых вопросов на местное купечество, выступавшее в роли посредника между иностранными торговыми домами и внутренними регионами Турции. Соответственно именно посредники и определяли уровень цен и спрос на товары как импорта, так и экспорта.

Турецкое купечество, во многом ограничивавшее возможности иностранных купцов, в не меньшей степени ограничивалось в своих правах и возможностях самим турецким государством: участие не только иностранного, но и местного купечества в тех сферах торговли, которые были признаны стратегическими для обороны или экономики государства, строго регламентировалось, а бесправие турецкого купечества приводило к утаиванию доходов от государства, даже за счет ограничения собственной торговли и к переходу к тем видам деятельности, которые позволяли не так

очевидно демонстрировать финансовые возможности купца и усложняли отъем его имущества в пользу государственной казны (например, к ростовщичеству или к скупке мелкой недвижимости)².

Для российского же купечества начало 60-х гг. XVIII в. было отмечено рядом правительственных мер, призванных улучшить ситуацию во внешней торговле и реформировать таможенную систему Российской империи: был отменен ряд торговых монополий, в том числе казенных, таможи переведены в казенное содержание, началась подготовка нового тарифа, ориентированного на увеличение экспорта российских товаров³. Состояние российско-турецкой торговли и изменения в торгово-таможенной системе Российской империи не могли не найти отклика в купеческой среде, и, возможно, одним из таких откликов стало составленное курским купцом Михаилом Однорядкиным описание торговли с Турцией.

Данный документ выявлен в деле «О доходах в Темерниковской таможене. 1765 г.» в фонде 19 («Финансы») РГАДА. Дело состоит из двух документов: рапорта воронежского губернатора А. П. Лачинова на имя Екатерины II и собственно описания торговли с Турцией. Прямой связи между двумя документами не выявлено: в рапорте от 1 декабря 1765 г. идет речь непосредственно о доходах упомянутой Темерниковской таможни за 1765 г., губернатор сообщал императрице, что общий доход таможни с отпускных и привозных из Константинополя товаров составил 43867 руб. 4,5 коп.⁴ О следующем за рапортом документе в самом губернаторском рапорте упоминаний нет.

Сам документ с описанием торговли носит название «Обстоятельства о торге российского купечества от Темерниковского порта и Сечи Запорожской на судах турецких подданных» и состоит из 33 пунктов, не имеющих заголовков (формально 32-го пункта в самом документе нет, хотя, возможно, этот пункт механически соединен с пунктом 31-м). В документе отсутствует обращение или указание на адресата. Собственной даты документ также не имеет (датирован по содержанию) и подписан курским купцом Михаилом Однорядкиным, который, согласно указанной подписи, с 1752 г. находился по купеческим делам в Молдавии, Валахии, Турции, островах Архипелага, Средиземном море и в Иерусалиме⁵.

Логически документ подразделяется на две части: первая часть (пункты с 1 по 21) посвящена описанию основных проблем, сопровождающих торговлю российского купечества в Турции, а вторая часть состоит из просьб или предложений на имя императрицы Екатерины II по поводу преодоления описанных препятствий или предотвращения их влияния на развитие российско-турецкой торговли.

Среди проблемных ситуаций, описанных Однорядкиным, особое внимание акцентируется на многочисленных сложностях, сопровождающих доставку товаров в Константинополь. Они напрямую связываются с необходимостью фрахтовать турецкие суда, шкиперы которых — турки или греки — часто вообще не практикуют подписание контрактов, но даже при наличии контракта или другого обязывающего документа редко соблюдают его условия (пункт 4). Во-первых, перевозка товаров зависела от наличия турецких судов в Темерниковском порту (они приходили в порт с июля по октябрь), и в случае опоздания или неблагоприятной погоды суда вместе с товарами и пассажирами вынуждены были зимовать в Крыму, что само по себе весьма накладно. С точки зрения Однорядкина, ситуация могла быть исправлена в лучшую сторону с развитием российского судоходства (пункт 1). Во-вторых, стоимость перевозки товаров даже при наличии турецких судов в Темерниковском порту сильно зависела от количества самих судов и желания хозяина судна заработать (Однорядкин указывает на возможность удвоения стоимости фрахта в отдельных случаях). Кроме того, многие шкиперы в расчете на значительные прибыли пренебрегали безопасностью самого судна и брали на борт количество товаров, превышающее возможности корабля, навигаторские умения и опыт самого шкипера (пункты 2–3)⁶. В результате довольно частым явлением стали кораблекрушения, приводящие в лучшем случае к гибели только самого судна. Забота о выброшенных на берег товарах полностью ложилась на купца или лиц, сопровождающих товар (приказчиков, служителей и т. д.): они должны были его собрать, зачастую оплатить за него пошлину местной администрации и организовать доставку уже другим транспортом до места назначения, где пошлина оплачивалась вторично, что, безусловно, приводило к дополнительным расходам, поскольку никаких компенсаций для подобных случаев от перевозчика не предполагалось, более того — не приходилось рассчитывать и на помощь местной администрации (пункт 5)⁷. И третья составляющая проблемы была связана с вынужденной необходимостью фрахтовать именно турецкие суда. Практика использования турецкими властями частных судов для перевозок зерна для Константинополя позволяла некоторым представителям турецкой администрации создавать дополнительные сложности при отправлении турецких судов с товарами: владельцы загруженных товарами и готовых к отплытию судов часто получали распоряжения о срочной необходимости перевозки государственных грузов и разрешить подобную ситуацию можно было исключительно путем дачи взятки (пункт 16)⁸.

Отдельную и существенную проблему создавала деятельность (или бездеятельность) администрации Крымского ханства. Однорядкин в своем описании торговли подчеркивал масштабы взяточничества, с которым сталкивались купцы, провозившие товары через Еникале и Очаков. Формально местная администрация задерживала не российских купцов и претензии предъявляла не к ним, а к турецким подданным — шкиперам и к их транспорту, перевозившему товары. Но российские купцы, будучи напрямую заинтересованы в скорейшей доставке товаров и «чтоб не опустить погоды благополучной, принуждены бедныя давать презенты по их воле сколько они хотят турки»⁹. В отдельных случаях ситуация доходила не просто до вымогательства, а до фактического взятия заложников (пункт 6). Вынужденная зимовка в Крыму также могла принести значительные убытки. В случае необходимости выгрузить товары и частично их продать здесь купец должен был оплатить пошлину в полном размере, а также различные местные сборы, а после доставки товаров в Константинополь пошлина оплачивалась еще раз и снова в полном объеме, невзирая на предъявление купцом в таможене квитанций об оплате пошлин (пункт 7, 9)¹⁰.

В начале 60-х гг. XVIII в. по требованию крымского хана перевозка товаров между Запорожской Сечью и Константинополем должна была производиться исключительно через Перекопскую крепость и Козловский порт с целью взимания двух дополнительных пошлин, но и после отмены этого правила крымская администрация продолжала требовать взятки от проезжающих. Провоз же через Очаков был сопряжен и с другими расходами: в случае обмеления Днепра и необходимости доставки товаров на лодках купцы вынуждены были обращаться к местному населению, которое монополично устанавливало достаточно высокие цены на перевозку. Кроме того, перевоз товаров в открытых лодках приводил к порче некоторых из них, например, фруктов, в связи с чем «многие российские купцы пришли в крайнее разорение» (пункт 8)¹¹.

Третий комплекс вопросов был связан с особенностями торговли в самой Турции. В первую очередь Однорядкин обращал внимание на разницу условий для торговли российского и европейского купечества, которую трактовал явно не в пользу первого. Часть проблемы создавала сама турецкая сторона, например, практикой монопольных закупок иностранных товаров и регламентацией их перевозки в пределах империи. Это приводило не только к вынужденному снижению цен на иностранные товары, но и к задержкам в расчетах (пункт 12)¹². Также при перевозке российских товаров между Константинополем и другими турецкими городами предполагалось взимание пошлины в полном объеме¹³. Кроме того, российское купечество не имело в Турции возможности кредитования, кроме как на условиях турецких ростовщиков, что заставляло решать вопрос о продаже привезенных товаров или закупке турецких товаров не столько выгодно, сколько быстро и даже с убытками¹⁴. Существенной составляющей особенностей торговли в Турции, на которую особое внимание обращал автор документа, было активное участие во внешней торговле донских и запорожских казаков, которые, по мнению автора описания, были «люди в купечестве нелегулярны и пользу свою ненаблюдающая, провозят товары свои niskими и необыкновенными ценами и от того сами разоряются, да и других российских купцов подле себя разоряют»¹⁵. Кроме того, Однорядкин подчеркивал, что торговое мошенничество казаков приводило к подрыву авторитета российской торговли и приносило ощутимый ущерб купечеству. Во-первых, казаки провозили в Константинополь товары, предназначенные для продажи в Новороссийской губ. и Запорожской Сечи, то есть без оплаты пошлин на границе Российской империи, а, соответственно, могли значительно дешевле их продавать в Турции, вынуждая российское купечество также снижать цены. Во-вторых, донские и запорожские казаки брали у турецких ростовщиков кредиты и довольно часто их не возвращали, что приводило к ужесточению условий кредитования для российского купечества (пункты 14–15)¹⁶.

Четвертая группа неблагоприятных для развития торговли с Турцией условий имела непосредственное отношение к деятельности (или бездеятельности) представителей российской стороны в Турции, в том числе и в лице российского министра: автор описания неоднократно подчеркивал, что ни российский министр, ни переводчик при министре не оказывали помощи российскому купечеству даже в принципиальных и жизненно важных ситуациях. Переводчик, будучи иностранцем, русского языка не знал, не разбирался в торговых делах и выступить в защиту российских купцов не мог, а министр занимался исключительно политическими вопросами. В результате купечество оставалось один на один с законами и традициями другой страны. Этот фактор купец Однорядкин считал одним из наиболее неблагоприятных и подчеркивал, что оставление этой ситуации без изменений (то есть дальнейшее отсутствие государственной поддержки) чревато полным прекращением российско-турецкой торговли без перспективы ее возобновления в будущем¹⁷. Кроме того, российский министр из опасения распространения эпидемий не выдавал российским купцам паспорта для вывоза из Турции сырья для российских фабрик — шелка, хлопка и шерсти — в то время, как иностранные купцы получали такие паспорта от своих консулов и привозили в Российскую империю перечисленные то-

вары, проходя положенную карантинную обсервацию близ Запорожской Сечи и Черкаска. Убытки российской торговли были очевидными (пункты 20–21)¹⁸. Осложняло торговую дельность российского купечества в Турции и отсутствие надежной почты, в то время как, например, европейские купцы благодаря наличию таковой своевременно получали товарные ведомости и прейскурранты и могли вовремя сориентироваться на товарном рынке Европы и Турции. Российские купцы пользовались государственной константинопольской почтой, которая, по замечанию Однорядкина, была весьма неточной и не гарантировала доставку отправок, что в свою очередь также приводило к финансовым потерям. Таким образом, автор описания констатировал, что «российское купечество не получали писем, ни товарных ведомостей, ничего как и пользе государственной, так и своей ничего полезного усмотреть не могут и так заблужденны ходят как слепые по улицы» (пункт 19)¹⁹.

Вторая часть документа (начинается с пункта 22) состоит из достаточно конкретных просьб или предложений по улучшению сложившейся неоднозначной ситуации в российско-турецкой торговле. Данные предложения также можно разбить на четыре группы в соответствии с сформулированными автором документа проблемами. Во-первых, по поводу непосредственной доставки товаров между Россией и Турцией Однорядкин еще раз подчеркивает необходимость развития торгового флота для российского купечества (желательно под российским флагом, но если это будет невозможно, то хотя бы под турецким), деятельность которого основывалась бы на контрактах, которых придерживались бы обе стороны. Шкиперы этого флота должны были разбираться в навигации, предоставлять опытный экипаж, заранее объявлять объем загрузки судна, заверять подтверждающие документы и контракты у местной администрации, и в случае необходимости именно подобные документы должны были служить для разбирательства споров между сторонами и т. д. (пункты 22 и 24).

Во-вторых, М. Однорядкин обращался к императрице с просьбой исходатайствовать от Порты указ по всей Османской империи (акцентируя внимание на Анатолии, Румелии и Крымском ханстве) о непритеснении российских купцов (пункт 25) и о нечинении препятствий турецким судам, зафрахтованным российскими купцами (пункт 31)²⁰.

В-третьих, курский купец предлагал учредить в Константинополе банк под покровительством российского министра для кредитования российских купцов и фактурную контору, а также просил исходатайствовать у турецкого правительства тариф для российской торговли такой же, как и для купцов европейских стран. Наличие же банка и возможность кредитования избавила бы российское купечество от необходимости обращаться к турецким ростовщикам «с такими варварскими процентами» и приносило бы дополнительный доход российской казне (пункты 27–28)²¹.

Фактурная контора, по мнению Однорядкина, могла бы принимать приезжих российских купцов и сообщать им положение дел на местном рынке, предостерегать от мошенников и недобросовестных торговцев, принимать на хранение купеческие товары и при необходимости выдавать кредит, разрешать долговые и прочие конфликты между купцами, закупать товары по предварительному заказу купечества, вести учет импорта и экспорта товаров российскими купцами и движения цен на рынках, связанных с турецкой торговлей, а также, зная торгующее в Турции российское купечество, поддерживать кредитование надежного купца и предостерегать от кредитования недобросовестных торговцев (пункт 29)²².

Для предотвращения беспрошльного провоза товаров казаками через границу Российской империи в Константинополь под предлогом их вывоза для продажи в Елисаветградской крепости или Сечи Запорожской Однорядкин предлагал усилить контроль за движением грузов через Переволочанскую и Кременчугскую таможни (в том числе требовать свидетельства о доставке товаров до указанного места назначения). Это должно было способствовать как наполнению государственной казны, так и уменьшению торговли контрабандными товарами²³.

И, в-четвертых, Однорядкин предлагал назначить в Константинополь переводчика и консула, знающих торговлю, возможно даже из купечества. Более того, он предлагал от имени торгующих в Турции купцов оплачивать содержание консула путем введения специального сбора, часть которого могла быть использована для помощи российским подданным в Турции. Предлагалось наделить консула правом контроля за российским купечеством в Турции и решения купеческих конфликтов, чтобы не отвлекать от государственных дел российского министра. В пример приводился французский консул в Константинополе, избираемый из торгующего в Турции французского купечества на один год. Консул или другой российский представитель нужен был не только в Константинополе, но и в Измире, Салониках, Крыму и в других местностях, где производилась закупка товаров российским купечеством. Консулы могли бы сообщать купечеству о ценах на товары и потребностях конкретных регионов в конкретных товарах, заблаговременно закупать товары и т. д. Содержание таких российских представителей в Турции Однорядкин от имени купечества предлагал возложить на само купе-

чество, опять же по примеру содержания консулов других стран за счет консульских сборов с торгующих в этой стране купцов. Консульский сбор позволил бы не только платить жалованье российским представителям, но и часть суммы передавать в факторную контору под проценты для нужд российских подданных в Турции (пункт 31)²⁴.

Отдельным пунктом (пункт 33) излагалась просьба организовать почтовую службу для сообщения с Константинополем через Киев, чтобы получать прейскурранты или купеческие ведомости, «а за отвос и привос писем какую-нибудь положить аксиденцию»²⁵.

Таким образом, описание торговли с Турцией, составленное курским купцом Михаилом Однорядкиным в середине 60-х гг. XVIII в., позволяет увидеть ситуацию, сложившуюся в российско-турецкой торговле, не просто с точки зрения очевидца или современника, а с точки зрения купца, непосредственно занимающегося торговлей с регионами, находящимися во владениях Османской империи. Автор описания приводит не только фактические данные о размере таможенных пошлин, различных поборов, стоимости фрахта судов и т. д., но и демонстрирует доскональное знание особенностей российско-турецкой торговли и проблемных ситуаций, изученных, возможно, на собственном опыте. Отдельного внимания заслуживает «проектная» часть документа, состоящая из предложений, касающихся дальнейшего развития российско-турецкой торговли. Примечательно то, что предложения эти достаточно конкретны и даже просчитаны с точки зрения возможности их реализации. В целом, сам документ, несмотря на некоторую сумбурность изложения и отдельные эмоциональные обороты, достаточно продуман и подготовлен, имеет практический характер и отражает не только состояние российско-турецкой торговли, но и непосредственную заинтересованность российского купечества в ее развитии.

Примечания

¹ Михнева Р. Россия и Османская империя в международных отношениях в середине XVIII века. (1739–1756). М., 1985. С. 113.

² Мейер М. С. Османская империя в XVIII веке: Черты структур. кризиса. М., 1991. С. 57–63.

³ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 210–212.

⁴ РГАДА. Ф. 19. Д. 299. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 2 об.–3.

⁸ Там же. Л. 5 об.–6.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 3–4 об.

¹¹ Там же. Л. 3 об.–4.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 4 об.

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁷ Там же. Л. 6 об.–7.

¹⁸ Там же. Л. 7–7 об.

¹⁹ Там же. Л. 7.

²⁰ Там же. Л. 8, 12.

²¹ Там же. Л. 9–10.

²² Там же. Л. 11–11 об.

²³ Там же. Л. 13 об.

²⁴ Там же. Л. 13.

²⁵ Там же. Л. 13 об.

Е. А. Солонченко

ТАМОЖЕННЫЙ НАДЗОР НА АЗИАТСКОЙ ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ В 80-х гг. XVIII в.

К началу 80-х гг. XVIII в. Россия превратилась в одну из ведущих мировых держав. Но огромные пространства империи порождали ряд серьезных проблем, связанных с внешнеполитическими угрозами, трудностями в охране протяженной государственной границы, слабой освоенностью

приграничных территорий и др. Обеспечить эффективную защиту экономических интересов страны в таких условиях было крайне сложно. Расширение территории Российской империи, установление новых торговых путей, рост объема торговых операций и изменение внешнеэкономической и политической обстановки требовали совершенствования таможенно-тарифного регулирования, увеличения количества таможен для контроля за торговыми потоками, а практика организации таможенного дела порождала необходимость улучшения управления деятельностью таможенных органов.

Для усиления таможенного контроля на западных рубежах империи еще в 1754 г. был учрежден институт таможенных объездчиков, на который возлагалась обязанность пресечения контрабанды. Европейская граница России стала охраняться в две линии: в первой несли службу армейские подразделения или иррегулярные казачьи войска, во второй совершали разъезды вдоль границы вольнонаемные таможенные объездчики¹. В декабре 1779 г. таможи с заставами были переданы в подчинение губернским Казенным палатам под общий контроль генерал-губернаторов².

К этому времени на азиатской границе России единой таможенной системы не существовало. Не было и единого Азиатского тарифа: на отдельных участках применялись различные таможенные правила и нормы. На Сибирской линии, в состав которой входили Кяхтинско-Троицкая коммерческая экспедиция, Цурухайтуевская пограничная таможня, Ямышевская пограничная таможня и Семипалатинская пограничная таможня с заставами, действовал Кяхтинский тариф 1761 г. с дополнениями 1762 и 1770 гг.³ На Оренбургской линии (Оренбургская и Троицкая пограничные таможи с заставами) сбор пошлин осуществлялся на основании Оренбургского тарифа 1777 г. В Астраханской портовой и Кизлярской пограничной таможнях с заставами определяющими были нормы Астраханского тарифа 1754 г. с учетом изменений, внесенных Таможенным уставом 1755 г. и указом 1762 г.⁴

Такая разобщенность, объяснявшаяся неодинаковым значением для российской экономики провозимых через эти участки товаров, затрудняла работу таможенных чиновников и осложняла обеспечение таможенного надзора. Негативно влияла на работу таможенных органов и неустойчивая политическая обстановка в азиатском регионе, «прозрачность» и большая протяженность границы. Таможенный надзор здесь осуществлялся лишь в местах наиболее оживленных торговых путей. Переходные пункты и таможенные присмотры, на которых находились досмотрщики, не были связаны в единую цепь таможенной охраны. В отличие от западных рубежей империи, институт таможенных объездчиков в большинстве таможен по азиатской границе был введен лишь в конце XVIII в.

Сложность состояла еще и в том, что руководство охраны государственной границы не было централизовано. С одной стороны, за безопасность российских рубежей отвечало военное ведомство; с другой — эта функция входила и в сферу деятельности Коммерц-коллегии, руководившей таможенной службой. Подчиненность охраны границы разным ведомствам негативно сказывалась на работе таможенных органов и на общем порядке пограничной службы, так как приводила к разобщенности и несогласованности в действиях. Причем, такая ситуация складывалась как на европейском, так и на азиатском участках российской пограничной линии: форпосты были удалены друг от друга, их охрана не справлялась с возложенными на нее задачами⁵.

Окраинное положение, отдаленность «азиатских» таможен от центра повышали степень влияния на них местных органов власти. Хотя деятельность таможенных служб регламентировалась указами и предписаниями, поступавшими из Сената и Коммерц-коллегии, центральное руководство не всегда оперативно реагировало на возникавшие по таможенному ведомству проблемы. Поэтому деятельность таможенных структур на азиатской границе во многом определялась распоряжениями губернской администрации.

С проведением губернской реформы Екатерины II все таможи на азиатской границе, аналогично с таможнями на западных рубежах, были подчинены Казенным палатам. При Палатах создавались Таможенные экспедиции во главе с советником таможенных дел⁶. Советник должен был на основании законов разрешать возникавшие у таможенных чиновников вопросы и затруднения по торговым и пошлинным делам, а «чего он сам не сможет решить — относиться в Казенную палату». Если советник считал нужным что-либо изменить в таможенном законодательстве, дополнить или конкретизировать, то обязан был «с крайней осмотрительностью представлять о том в Палату»⁷. По указу Сената от 17 сентября 1782 г. советнику поручалось: 1) не менее трех раз в год объезжать пограничную таможенную стражу и контролировать ее деятельность; 2) посещая как можно чаще таможни, следить за их служителями; 3) поправлять все недочеты и ошибки в работе таможенников, а о замеченных преступлениях доносить Казенной палате⁸. Таможенный советник со своей стороны, как и директор таможни, раз в год представлял президенту Коммерц-коллегии доклад о доходах по торговле⁹. Тем самым правительство надеялось путем сверки приходивших из разных инстанций доку-

ментов составить реальную картину таможенных доходов и расходов, исключив возможность подлога документов или отдельных данных.

Советник таможенных дел выступал в качестве связующего звена между руководством таможни, Казенной палатой и канцелярией генерал-губернатора. Введение института таможенных советников должно было повысить эффективность взаимодействия этих учреждений, но на практике привело к дальнейшей бюрократизации госаппарата. Таможни не имели права самостоятельно выносить решение по каким-либо вопросам. Только после рассмотрения дела в Казенной палате оно могло быть закрыто¹⁰. Такой механизм принятия решений сковывал инициативу низовых таможенных учреждений и не позволял оперативно решать возникавшие по таможенному ведомству проблемы.

В начале 80-х гг. XVIII в. правительство подвергло изменениям всю таможенную политику. В 1782 г. с разработкой нового Европейского тарифа Комиссия о коммерции приступила к пересмотру устаревших Сибирского и Астраханского тарифов¹¹. Предполагалось также скорректировать Оренбургский тариф 1777 г.¹²

Для реализации новой таможенной политики потребовалась новая пограничная стража, которая, не сильно обременяя государственную казну, поддерживала бы на границе необходимый порядок и пресекала контрабанду. 27 сентября 1782 г. вышел указ «Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров»¹³. Таможенная стража должна была состоять из объездчиков и надзирателей: на каждые 10 верст пограничной линии полагалось по два объездчика, а на каждые 50 верст для наблюдения за объездчиками — один таможенный надзиратель. Вновь создаваемая структура вошла в сферу компетенции Казенных палат и губернских правлений¹⁴, тем самым еще более расширив полномочия местных администраций и усилив их влияние на деятельность таможенных служб.

Таможенную стражу планировалось сформировать в каждой пограничной губернии, где имелись таможни (и на западной границе она вскоре была учреждена). Был поднят вопрос и о создании подобной стражи в азиатской части России. В ходе его обсуждения наглядно проявилась специфика организации таможенного надзора на российско-азиатской границе, в частности, на пространных Оренбургской и Сибирской линиях.

В октябре 1782 г. Сенат поручил Уфимскому и Симбирскому генерал-губернатору А. И. Апухтину рассмотреть вопрос о возможности организации таможенной цепи и стражи в Оренбургском крае. В свою очередь Апухтин дал распоряжение Уфимской казенной палате, чтобы она вместе с советником таможенных дел прислала свое мнение по этому вопросу.

Уфимская казенная палата донесла, что если на Оренбургскую линию от Гурьева до Звериноголовской крепости определять на каждые 10 верст по 2 чел., то потребуется 336 объездчиков. Сверх того, на каждые 50 верст по границе по проекту предполагалось по одному таможенному надзирателю и с ним еще по два объездчика из числа определенных в запас. В итоге на Оренбургскую линию потребовалось бы 33 надзирателя, а вместе с объездчиками и запасными — 436 чел. На их содержание ежегодно пришлось бы выделять 9050 руб. (8060 руб. на объездчиков — по 20 руб. каждому; и 990 руб. на надзирателей — по 30 руб. каждому)¹⁵. Учитывая обширность края и невыгодность для государства траты такой суммы денег, Уфимская казенная палата пришла к выводу, что нет нужды учреждать здесь особую пограничную таможенную стражу. Тем более что «ни потаенных заповедных товаров малыми частями сии пограничные народы нигде, кроме назначенных мест, никогда не провозят, равно и российской стороны купечество с азиатскими народами никакой партикулярной связи и ознакомления не имеет, следовательно, и погрешностей таковых быть не уповательно»¹⁶. Новая система охраны границы была признана Палатой несостоятельной еще и потому, что каждому объездчику пришлось бы во время его перемещения по дистанции выделять военное прикрытие, без которого его легко могли захватить и увести в плен кочевники¹⁷.

В то же время Палата считала, что для соблюдения казенных интересов и пресечения возможной контрабанды, было бы целесообразно учредить в каждой пограничной крепости по одному таможенному надзирателю и по два объездчика вместе с ними. Таким образом, в этом варианте должно было быть всего 27 надзирателей и 54 объездчика. Жалованье предполагалось производить им по окладам обер-офицерских чинов¹⁸. Уфимский таможенный советник, со своей стороны, рекомендовал повысить жалованье, установив его в размере: объездчикам — по 60 руб. каждому; надзирателям — по 200 руб. в год. В общей сложности на оклады всех этих таможенных служителей должно было расходоваться 8640 руб. ежегодно¹⁹.

Генерал-губернатор Апухтин согласился с мнением Уфимского таможенного советника²⁰. Местные власти признали нецелесообразность введения единой цепи таможенной стражи, мотивируя это тем, что расходы на ее содержание не будут оправданы. Однако если сравнить суммы предпола-

гаемых затрат в первом (9050 руб.) и во втором (8640 руб.) варианте, то разница между ними окажется несущественной. А вот количество штатных единиц в последнем варианте в несколько раз меньше (81 чел. против 436). Видимо, для местных властей более важным оказался вопрос не о размерах затрат на содержание таможенных учреждений, а вопрос направленности этих расходов: лучше за счет повышения зарплаты отвратить таможенников от злоупотреблений, чем раздувать штаты и создавать излишние, как тогда представлялось, таможенные пикеты и присмотры. В итоге правительство решило не создавать на Оренбургской линии особую таможенную стражу.

Схожим было обсуждение данного вопроса применительно к таможням Сибирской линии. Командующий Линией Н. Г. Огарев в своем донесении Пермскому и Тобольскому генерал-губернатору Е. П. Кашкину подчеркивал, что объездчиков нельзя равномерно распределить по границе на 10-верстном расстоянии, как то предполагалось в указе 1782 г. Пребывание служителей таможенной стражи в незаселенной местности крайне опасно. Огарев предлагал размещать объездчиков в пограничных редутах, а надзирателей — в крепостях. А чтобы объездчики при исполнении своих обязанностей не подвергались давлению со стороны кочевников, «и не были подвержены опасности к захватыванию и увозу их в кочевья», отправлять объездчиков для осмотра дистанции только «при учрежденном из воинских на Линии состоящих команд разъезде»²¹. Правда, Огарев не учел, что в таком случае таможенная стража оказывалась в прямой зависимости от военного ведомства, а это уже расходилось с основными положениями указа 1782 г.

Словам Огарева вторила Тобольская казенная палата: «в разсуждении кочующих поблизости киргизцов полагаемые объездчики и надзиратели <...> не могут исправлять возложенной на них должности, а всегда подвержены будут опасности»²².

Невыгодность создания сплошной таможенной цепи и стражи на Сибирской линии признавали и некоторые правительственные лица. Так, член Комиссии о коммерции Т. И. фон Клингштет в поданной им «Записке относительно новосочиняемого Сибирского тарифа» (1783 г.), помимо прочего, отмечал: с учреждением таможенной стражи по всей границе казна понесет большие издержки на содержание «бесчисленного множества объездчиков», «и не известно еще, какая будет от того польза»²³.

В результате многолетней переписки правительство, как и в случае с Оренбургской линией, отказалось от идеи создания в Сибири особой пограничной таможенной стражи. Вероятно, в тот период действительно не было необходимости в создании разветвленной таможенной системы на азиатской границе, поскольку торговые потоки проходили только по известным караванным путям, подконтрольным таможням. Контрабанда, хотя и была, но в случае задержания размеры штрафов за нее не смогли бы покрыть огромных расходов на финансирование многочисленной стражи. Да и сумма государственных доходов от «азиатских» таможен значительно уступала аналогичным сборам по европейской границе. Так, командующий Каспийской эскадрой П. Шишкин в письме графу А. Р. Воронцову от 9 марта 1787 г., характеризуя положение астраханской торговли, отмечал: «Здесьняя торговля с Персией довольно расстроена, а с Индией и совсем нет торгова; <...> не думаю, чтобы превышали все таможенные сборы в год 55 тысяч рублей, включая в то число всю торговлю хивинскую и бухарскую, производящуюся морем. На эскадру же и порт выходит в год до 50 тысяч рублей, а иногда и более, то прибавя ко оной сумме содержание таможи и ее служителей, содержание консула, переводчиков, священника, артиллерии и гарнизонных команд, едва ли доходов будет достаточно <...>»²⁴.

Учет этих обстоятельств переориентировал правительство с обсуждения вопроса о введении сплошной таможенной цепи на решение другой проблемы: на поиск путей оптимизации работы уже существующих таможенных органов без резкого увеличения из штатов. Выход был найден в изменении мест размещения таможенных застав. Там, где прибыль от них была минимальна, заставы закрывались и переводились в пункты более активной торговли²⁵.

Однако позднее с увеличением торговых оборотов, развитием внешнеэкономических связей и путей сообщения, и, как следствие, с ростом контрабанды, отсутствие на азиатской границе специализированной таможенной стражи стало негативно сказываться на таможенных доходах государства.

Специфика организации таможенного надзора на азиатской границе проявлялась и в штатной структуре, и в решении кадрового вопроса. Во-первых, в 80-е гг. XVIII в. во многих «азиатских» таможнях и заставах в штат включались толмачи и переводчики. Во-вторых, в силу нехватки кадров, в этих отдаленных регионах власти были вынуждены в больших масштабах, чем на европейской границе, привлекать на таможенную службу не только дворян и купцов, но и представителей других сословий²⁶. По той же причине в Сибири, например, и в 80-х гг. XVIII в. некоторые таможенные должности с распоряжения местных магистратов возлагались на выборных лиц (из купцов и мещан) «с зачетом службы». Такие служители, как правило, жалованье не получали²⁷.

Любопытно еще одно обстоятельство: в 80-е гг. XVIII в. правительство предприняло попытку перевести таможенных чиновников на систему «самофинансирования». Предполагалось осуществлять выплату жалования им не из центральной общегосударственной казны (когда деньги выделялись из бюджетных средств), а непосредственно из собранных при таможне пошлинных денег. Однако на азиатской границе в силу специфики самой торговли этот эксперимент не дал положительных результатов. Так как торговля носила в основном сезонный характер, то в те месяцы, когда ярмарка не проводилась, не было и никаких поступлений пошлин, и, соответственно, нечем было платить жалованье²⁸.

Отмеченные выше обстоятельства, свидетельствующие о наличии специфических черт в системе организации таможенного надзора на азиатской границе, позволяют сделать вывод о принципиально различных подходах российского правительства к выстраиванию своей таможенной политики на разных стратегических направлениях. На данном этапе европейское направление оставалось ведущим. Именно поэтому здесь действовал единый Европейский тариф; именно поэтому здесь вводилась усиленная стража; именно поэтому таможенная охрана западных рубежей империи в первую очередь обеспечивалась кадрами и лучше финансировалась. Система таможенного надзора на азиатской границе значительно уступала по этим показателям «европейским» таможням России. Попытки ее совершенствования путем частных корректировок в 80-х гг. XVIII в. не дали существенных результатов.

Примечания

¹ Кисловский Ю. Г. История таможни государства Российского, 907–1995 гг. М., 1995. С. 49.

² ОГАЧелО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 7. Л. 25 об., 219.

³ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 418. Л. 202.

⁴ Там же. Л. 202 об.

⁵ Ежуков Е. Л. Горячие окраины России: Ист. очерк. М., 2000. С. 105.

⁶ ОГАЧелО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 2. Л. 21 об.–23.

⁷ Там же. Л. 56 об.

⁸ Там же. Л. 32–32 об.

⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 1461. Л. 61.

¹⁰ ОГАЧелО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 2. Л. 56.

¹¹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 418. Л. 17.

¹² Там же. Л. 77.

¹³ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 327. Л. 2–4.

¹⁴ Ежуков Е. Л. Горячие окраины России. С. 106–107.

¹⁵ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 325. Л. 162 об.

¹⁶ Там же. Л. 163

¹⁷ Там же. Л. 162 об.

¹⁸ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 371. Л. 9

¹⁹ Там же. Л. 9

²⁰ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 325. Л. 163 об.

²¹ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 418. Л. 81.

²² Там же. Л. 301 об.

²³ Там же. Л. 102–102 об.

²⁴ Там же. Ф. 1261. Оп. 11. Д. 1579. Л. 2.

²⁵ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 418. Л. 458–472 об.

²⁶ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 1467. Л. 3–14.

²⁷ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 418. Л. 474 об., 475 об.

²⁸ ОГАЧелО. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 8. Л. 153

Н. Д. Борщик

ТОРГОВЛЯ И КУПЕЧЕСТВО КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII в.*

27 декабря 1779 г. было открыто Курское наместничество, границы которого совпадали с границами Курской губернии, учрежденной 23 мая того же года¹. Со времен существования Курского наместничества сохранились три «Описания», выполненные в 1784–1785 гг. курскими чиновниками: правителем наместничества А. Н. Зубовым, прокурором С. И. Ларионовым и губернским землемером И. Ф. Башиловым. Одно из них — С. И. Ларионова — было опубликовано в 1786 г. и спустя столетие перепечатано в «Памятной книжке Курской губернии на 1893 г.»; остальные так и остались в рукописях и остаются малоизвестными исследователям.

Эти материалы представляют собой своды разнообразных сведений о социально-экономическом развитии Курсчины, а наличие в них большого количества цифровых итогов различных обследований (учета камерного дохода, ассортимента товаров, продовольствия и пр.) дает возможность исследовать состояние торговли в одном из регионов Российской империи конца XVIII в. Достаточно подробные сведения на этот счет имеются в описаниях Зубова (1784 г.) и Башилова (1785 г.), данные которых использованы при написании этой статьи.

Из описания Зубова применительно к Курску следует, что «жителей считается в городе вообще, то есть купцов, мещан, священно- и церковнослужителей и протчих разночинцев мужеска пола душ по прошедшей ревизии 6285, а по нынешней 7985 душ», а в 1784 г. было 422 чел., «ремеслом питающихся в городе Курске», а «протчие же пропитание имеют от торгов и промыслов»².

Данные, приведенные Башиловым о количестве зданий в Курске, интересны в отношении благосостояния курского купечества. Среди всех «обывательских домов», численность которых составила 2335 строений, каменные здания в количестве 63-х были только у курских купцов. У других категорий «обывателей»: дворян, мещан, разночинцев, священнослужителей каменных построек не имелось. Кстати говоря, значительным было и количество купеческих семей — 676, больше было только мещанских (716) и разночинских (789). У Башилова есть сведения, что курское купечество щедро жаловало средства на городские нужды, например, на «городовой магистрат в два этажа построенный в 1762 году купеческим иждивением»³.

В целом по губернии купцов было 3486 чел. в 1784 г. (по данным Зубова) и 3609 чел. в 1785 г. (сведения Башилова).

Башилов отметил, что «торговля и промысел курских купцов, имеющих довольный капитал и кредит, состоит большей частью пушными товарами по Сибири, с Казанью, Оренбургом и Астраханью, салом и русаком в Санктпетербургском порту. Скотом в Москву и Петербург, воском в Польшу и Бреславль, который там они променивают на немецкие разные товары, и вывозя оные в Россию, продают и меняют на ярмонках в Харькове, Сумах, Ромне, Кролевце, Нежине и других городах великороссийских и малороссийских. Медом в Москву, Тулу и Санктпетербург, хлебом в разные места, гужом его доставляя, а иные в своем городе торгуют в лавках, продавая красные и всякие нужные товары, как-то железо, деготь и прочие всякие мелочи. Начинают также некоторые торговать в Херсонском порту. Мещане и многие небогатые купцы отъезжают с молочными товарами по уездам, торгуют на ярмонках и в слободах, как и в своем городе». По его сведениям, торговые заведения в Курске в 1785 г. были представлены лавками в следующем составе: рыбных 12, мясных 120, хлебных 78, сапожных и кожевенных 26, горшечных 9, шапочных 4, стекольных 4⁴.

Зубов так охарактеризовал городскую торговлю: «в Курске бывают 2 торга в неделю в понедельник и пятницу, на которые съезжаются обыватели из уезда с разными съестными припасами, строеным лесом с дровами». По его данным, купечество и мещанство торгуют в лавках «хлебом как-то пшеном, пшеницею, рожью, овсом, солодом и крупами, разными шелковыми и бумажными материями и сукнами, серебряною, форфоровою, хрустальною, оловянною, медною, железною и глинею посудою, ружьями, шпагами и пистолетами тульского мастерства, немецкого и российского мастерства, обувью, состоящею в чулках, сапогах и башмаках, воском, медом, салом, маслом, дехтем, сырыми и выделанными кожами, пенькою, веревками, неводною пряжею и неводами, свечами, деревянною разною посудою, а также сахаром, чаем, кофею, изюмом, черносливом, разных родов орехами, миндалями, виноградными всякими напитками, рыбою соленою, свежою и живою»⁵.

Развита была и международная торговля: «лучшие товары получают курское купечество из заграничных мест из Лейпцига, Данцига, Вены и Китайской границы», причем, «из Китая шелковые и бумажные материи, из Лейпцига и Данцига льняные тонкие полотна и сукны из Вены»⁶.

Внутренние торговые связи Курска были представлены следующими направлениями: купцы из Санкт-Петербурга, Москвы, Калуги и Тулы привозили «сеножатные косы», а из Херсона «виноградные напитки и весьма хорошие апельсины», из Карачева и Брянска «лес для строения»; покупали «всякие же припасы от сельских жителей на торги из уездов приезжающих», а именно «воск, мед, сало, масло конопляное, пеньку, веревки. Щетину, лисьи и волчьи меха, заечьи шкурки отпускают в Петербург, рогатую ж скотину и лошадей отгоняют в Москву, отвозится всякого товару по примеру на 500000 рублей»⁷.

Ярмарок непосредственно в Курске не проводилось, ближайшим местом ярмарочной торговли была Коренная пустынь, при которой действовала крупнейшая в Курской округе ярмарка. Зубов описывает ее так: «В округе Курской находится монастырь упраздненной, называемой Коренною пустыню <...>, подле которого на корене одного срубленного дерева найден был образ Знамени Богородицы, почему и пустыня сия Коренною проймаюва, а как по обретении упомянутого образа

произшедшие а чудотворениях его слухи побудили народ к ежегодному к пустыне сей стечению, то дворяне начали на продажу туда пригонять лошадей, а купцы привозить товары, от чего восстановился при оной ярмонка, Коренною называемая, где ежегодно бывают всякие иностранные и российские товары <...> Торговых лавок деревянных 337, от которых короне доходу приносится до 4000 рублей ежегодно»⁸. Он же отметил наличие необычного промысла у крестьян Курской округи: «Коронные и помещичьи крестьяне осенью ходят с ястребами добывать перепелок и как добыча сия им довольно прибыточна, поелику продают они пуд оных по три и четыре рубля»⁹.

Оба автора с разной степенью подробности сообщают немало сведений о состоянии торговли во всех уездах Курской губ. Проанализировав тексты рукописей, удалось выяснить, что в Курском крае, помимо губернского Курска, торговые отношения были развиты в нескольких городах — Белгороде, Путивле, Рыльске и Судже, являющихся своеобразными региональными торговыми центрами, сведения о которых приводятся ниже.

О втором по величине после Курска городе Зубов пишет: «Живущих в Белгороде купцов 446, мещан 1424, однодворцев 460, малороссиян 197», при этом для ежедневной торговли имеется «трактиров 3, харчевен 1, купеческих торговых лавок москательных и железных 58, мясных 48, дехтярных и овсяных 21, погребов каменных 3. В них на продажу содержатся напитки водка, французская, вейновая, вино белое, красное, французское, венгерское, шенпанское, бургунское, мушкатель, <...> пиво аглицкое, полпиво московское, рейнвейн, малиновка <...> Получают же напитки выходящие таганрогским портом, а болшей частию в Москве».

Кроме того, в Белгороде были «торги в каждую неделю по 3 раза в понедельник, среду и пятницу», ярмарки проводились 29 июня, 24 июля и 15 августа, которые «продолжаются по 2 дни», а «купечество торгуют воском, медом, хлебом и мехами, немецкими и российскими, шелковыми и суконными и полушалковыми, <...> хрустальными, медными, оловянными и железными. Торг производят с Московскою, Курскою, Харьковскою и Малороссийскою губерниями и в портах Таган-Рога и Херсона»¹⁰.

Зубов сообщает также подробные сведения о состоянии торговли Рыльска: «Живущих в городе купцов 268, мещан 851, однодворцев 584, войсковых обывателей 194». Имелся «трактир 1, харчевен деревянных 211, купеческих и мещанских лавок 40, погреб каменный 1, а в нем вины содержатся французские, кипрские, шампанское, бургонское, мушкатель, пиво аглицкое, получают товары и напитки из Москвы и в малороссийских ярмонках». О купеческом сословии сообщается: «Купечество и мещанство здешнее, торгуют первые разными шелковыми материями, сукнами и прочими многими вещами; а последние мелочным товаром. Из Вены доставляются сюда разные орудия для хлебопашества, которые разкупают той и ближних округ поселяне», причем отмечено, что «первым стал привозить косы из Австрии сметливый рыльский купец Иван Федотович Филимонов».

Зубов также отметил, что на ярмарках «купечество в сем городе и мещане торгуют шелковыми материями, разными сукнами и прочим мелочным товаром, медом, сырцом, гарусом, хлебом, хрусталем и стеклом, деревянной посудю и прочим тому подобным, главной же их торг состоит в сеножатных косах, которые покупают в Вене»¹¹.

Башилов о Рыльске пишет, что «ярмонки в городе бывают в год две: 1-я в десятую после Пасхи пятницу, 2-я июля 8 в день Казанской Богоматери. Сии ярмонки продолжаются дни по два и по три, на которые купечество приезжает из городов ближних Севска и Путивля с товарами шелковыми и разными мелочными». На ярмарках «стечение народа бывает тысяч до шести человек. Сверх сих ярмонок бывает каждую неделю два торга, в пятницу и понедельник, которые продолжаются от утра до вечера».

В описании Башилова есть любопытные данные о нравах и обычаях купечества: «Купцы рыльские состояние имеют посредственное, есть и богатые, но немного. Живут чисто и опрятно, у некоторых есть дома каменные порядочно построенные. К промыслам предприимчивы и прилежны, склонны к тяжбам и беспокойствам. Женщины их также опрятны, одеваются чисто и по большей части ходят в немецком платье»¹².

О Путивле в описании Зубова сказано: «Ярмарка в городе одна, 24 июня, есть торги 2 раза в неделю в понедельник и пятницу, на оные приезжают из городов Рыльска, Глухова и Конотопа с мелочными разными товарами. Торгуют косами, сухой рыбой, дегтем, мылом, разной деревянною, глиняною и стеклянной посудой. Деревенские жители привозят всякой хлеб, сено, овес, и другие сельские припасы, дрова, горшки, ведры и другую деревянную посуду. Купечество в сем городе и мещане торгуют шелковыми товарами и сукном, полотнами, разными мехами, сурками, белками и прочим мелочным товаром. Купцы ж торг производят в Крыму, в Орле, в Харькове, в Сумах и Ахтырке»¹³.

В Путивльском у., по сведениям Башилова, «ярмонки» бывают в Софрониевой пустыни: 15 августа, 8 сентября и 1 октября, в с. Крупце 15 августа и 1 октября, в с. Духановке 8 июля, причем «стечение на оных бывает от 200 до 500 чел. из близлежащих селений, а купечество приезжает рыльское и путивльское с товарами мелочными крестьянству нужными, из селений же большей части с фруктами. Упражнение жителей состоит в хлебопашестве, от которого продукты отвозят они в малороссийские близлежащие города на винокуренные заводы»¹⁴.

О Судже Зубов сообщает, что жителей мужского пола в городе 2602 чел., из них купцов 13. Ярмарки проводятся 4 раза в год: 23 апреля, 29 июня, 1 октября и 25 января, продолжаются не более 2 дней. На них приезжают торговать купцы из Курска, Рыльска, Путивля, Обояни, Белгорода, Сум, Мирополья, Белополья и Лебедина, «привозят товары шелковые, парчевые, бумажные и протчие разные небольшим числом, а по большей части съезжаются разных округ деревенские жители, из Малороссии с рогатым скотом, лошадьми, хлебом и прочей мелкой рухлядью»¹⁵. Торги бывают по 2 раза в неделю по понедельникам и пятницам.

Башилов о состоянии суджанской торговли привел аналогичные данные: «Купечество в сем городе и мещане торгуют и казенные обыватели всяким товаром, сукном, платками, лентами, шелковыми и бумажными, медом, воском, железом, свинцом, зделанными вещами, т. е. замками, сошниками, косами, сковородами, кожами выделанными, дехтем, соленой рыбой и хлебом, торг наиболее производят с городами Сумами, Миропольем, Белопольем, Лебедином, Ахтыркою, и с малороссийскими городами, но больше упражняются в хлебопашестве». На суджанские ярмарки, длившиеся по 2–3 дня, собиралось до трех тысяч человек, из них «купечество из близлежащих городов с разными мелочными товарами, а из уездов поселяне с разными их деревенскими продуктами»¹⁶.

О других уездных городах в отношении торговли и торговых операций сведения более скудные. Приводим данные из описаний Зубова и Башилова, практически повторяющих друг друга. В Дмитриеве «торгов и ярмонок не имеется, бывает съезд с мелочными припасами по четвергам»; во Льгове купцов как особого сословия не имелось, а все население города состояло из «живущих в городе мещан 11 чел., экономических крестьян 131 чел. Мещане по новости своей домов не имеют, а живут у крестьян в наемных избах». Не было купцов и в Тиме, «разночинцы» торговали здесь хлебом, а крестьяне — «разными съестными припасами».

В Обояни «ремеслом питающихся находится из купцов и мещан портных, сапожников, кузнецов и плотников 24 чел.». Немногочисленные обоянские купцы торговали с Воронежским и Харьковским наместничествами, а местные жители товары для собственных нужд покупали на Коренской ярмарке.

Для семерых фатежских купцов главным предметом торгова была пенька, за которой в город приезжали купцы из Курска, Кром и Михайловки. «Торговля и промысел» жителей Старого Оскола «состоит в разных товарах российских: меду, хлебе, рыбе, кожах и дегте. Как купцов и мещан мало, то промышленяют однодворцы и церковники. Рыбу получают из Царицына, деготь из Тамбова. Свой же товар возят и продают в своей и соседней округах, хлеб ставят в Орел и Таврическую область».

При анализе «Ведомости продаваемого в городах Курского наместничества хлеба и других съестных и протчих припасов», приведенной в описании Зубова, удалось проследить цены на основные продовольственные товары и выяснить не только предельную стоимость отдельных продуктов, но и выявить самые «дорогие» и «дешевые» города Курского края. Эти данные нами сведены в таблицу, приведенную ниже.

Цены на различные товары в городах Курского наместничества*

Товар	Стоимость (руб.)		
	Наиболее «дорогой» город / цена	Курск	Наиболее «дешевый» город / цена
Рожь	Льгов 0,9	0,64	Фатеж 0,55
Ржаная мука	Льгов 1,6	0,75	Белгород, Тим 0,5
Пшеница	Льгов 3,4	2,8	Нов. Оскол 0,4
Пшеничная мука	Дмитриев 3,89	3,8	Нов. Оскол 0,5
Греча	Путивль 0,73	0,4	Курск 0,4
Крупа гречневая	Рыльск 2	1,3	Ст. Оскол 0,6
Просо	Курск 1,8	—	Льгов, Путивль 1,15
Пшено	Курск 3,3	—	Льгов, Дмитриев 1,9
Овес	Дмитриев 0,73	0,45	Тим 0,4

Товар	Стоимость (руб.)		
	Наиболее «дорогой» город / цена	Курск	Наиболее «дешевый» город / цена
Горох	Курск 2	–	Ст. Оскол, Тим, Льгов 0,8
Солод	Белгород, Ст. Оскол 2	1,44	Суджа 0,7
Семя конопляное	Короча, Обоянь 1,9	1,6	Фатеж, Дмитриев 1,13
Ветчина	Льгов 1,9	1,2	Короча, Нов. Оскол 0,6
Свинина	Дмитриев 2	0,8	Суджа, Короча, Нов. Оскол 0,45
Говядина	Льгов, Путивль, Суджа 0,9	0,6	Белгород, Рыльск, Обоянь, Тим 0,4
Баранина	Короча, Нов. Оскол 2,6	0,8	Белгород, Рыльск. Ст. Оскол, Обоянь 0,4
Масло коровье	Путивль, Дмитриев 3,1	2,6	Короча, Нов. Оскол 1,25
Масло конопляное	Короча, Нов. Оскол, Льгов 2,1		Курск 1,1
Масло деревянное	Курск, Короча 16	–	Ст. Оскол 13,9
Осетрина свежая	Фатеж, Суджа, Путивль 2,25	1,8	Льгов 0,6
Белуга свежая	Тим 1,9	1,6	Рыльск 0,8
Севрюга соленая	Курск, Суджа, Обоянь 1,2	–	Рыльск, Нов. Оскол, Белгород 1
Сом, сазан соленый	Нов. Оскол 1,6	0,8	Фатеж, Обоянь, Путивль 0,7
Икра свежая	Белгород, Рыльск, Суджа 6,5	6,1	Путивль 6,1
Икра соленая	Нов. Оскол, Ст. Оскол 4,5	4,5	Рыльск, Суджа 4
Сельдей донецких сотня	Рыльск, Путивль 0,9	0,5	Белгород, Ст. Оскол 0,4
Соломы воз	–	0,2	Белгород, Короча 0,5
Дров воз	–	0,25	Путивль, Фатеж 0,1

* Мерные единицы для большинства товаров в источнике не приведены. Хлеб, по-видимому, показан в четвертях, мясо — в тушах, рыба осетровых пород — в штуках, икра — в пудах.

Как видим, цены на многие группы товаров были выше в Курске: губернский центр 7 раз отмечен в колонке наиболее «дорогих» городов. Дешевле всего можно было сделать покупки в Старом и Новом Осколах, эти города отмечены соответственно 6 и 5 раз среди наиболее «дешевых». Остальные уездные центры распределяются примерно поровну — что-то в них было дороже, что-то дешевле.

Укажем, что торговля в Курском крае конца XVIII в. в целом повторяла традиции, сложившиеся в XVII столетии и отмеченные в историографии: возрастание количества профессиональных торговцев, наличие торговой специализации не только у купцов, но и у отдельных населенных пунктов, преобладание привозных промышленных товаров над местными¹⁷. Курск по-прежнему оставался крупнейшим торговым центром региона, в котором проживали самые состоятельные купеческие фамилии.

Появились и новые черты, нашедшие отражение в описаниях Зубова и Башилова: активно развивалась международная торговля, причем не только в губернском Курске, но и в некоторых уездных городах, которые, как и Курск, стали выполнять функции распределительных центров в товарно-торговых операциях. Купечество Курского края осваивало морские торговые пути через Херсон и Таганрог, были налажены постоянные торговые связи с европейскими городами.

В связи с новым административно-территориальным делением некоторые населенные пункты получили статус уездных городов, жители которых, как и священнослужители, не имея прямого отношения к купеческому сословию, вели товарообмен на местных ярмарках и торгах. Несколько утратила свои позиции конская торговля, имевшая значительный удельный вес в торговых операциях Курского порубежья XVII в.. Связано это было с уменьшением количества служилых людей и утратой Курским краем статуса пограничных территорий в XVIII столетии.

Тексты рукописных описаний Курского наместничества 1784–1785 гг. являются ценным источником по истории социально-экономического развития данного региона и вполне могут стать основой для будущих исследований в этой области.

Примечания

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09–01–72107 а/Ц «Историко-статистические и топографические описания Курского наместничества XVIII века»

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14880, 14984.

² РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18800. Л. 8–8 об.

³ Там же. Д. 18801. Л. 24–25.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 18800. Л. 10–10 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Зубов А. Н.* Топографическое описание Курской губернии с показанием климата и пр. (КурОКМ. Д. 274. Ч. 1. Л. 11 об.).

⁹ Там же. Л. 12 об.

¹⁰ Там же. Л. 106 об.–107.

¹¹ Там же. Д. 265. Ч. 2. Л. 64 об.–65 об.

¹² РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 66 об.

¹³ КурОКМ. Д. 273. Ч. 2. Л. 164–165.

¹⁴ РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 105 об.

¹⁵ КурОКМ. Д. 272. Ч. 6. Л. 78 об.

¹⁶ РГВИА. Ф. 486. Оп. 16. Д. 18801. Л. 79 об.

¹⁷ См.: *Раздорский А. И.* Торговля Курска в XVII веке: (По материалам тамож. и оброч. кн. города). СПб., 2001. С. 288–289.

Е. Д. Беспаленок

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА XVIII в. (по материалам Смоленской губернии)

Метрические книги — хорошо известный источник по истории России XVIII–XIX вв. В таком качестве они прочно утвердились в научной литературе уже в XIX в.¹ В последние годы в связи с усилением внимания к социальной истории России интерес к этому источнику возрос. Среди множества современных научных трудов, посвященных метрикам, выделяется монография Д. Н. Антонова и И. А. Антоновой². Авторы не только обстоятельно исследовали историю возникновения и развития метрикации в России, а также информационные возможности метрических книг, но и рассмотрели методику использования их как массового источника. Следует заметить, что большинство историков обращается к метрическим книгам, главным образом, в связи с исследованием демографических проблем³. Этот аспект изучения данного источника стал традиционным, что естественно, так как демографические сведения в нем практически лежат на поверхности. Внимание другим возможностям документа, если и уделяется, то явно недостаточно.

Цель данной работы — рассмотреть метрические книги как источник по изучению истории российского купечества XVIII в., точнее — его повседневной жизни. Наряду с различными потенциалами, которые может использовать исследователь истории купечества, здесь более подробно рассматривается проблема межличностных и социальных связей купцов, отражавшихся на их участии в крещении новорожденных, то есть через восприемничество. В центре внимания — верхушка купечества двух крупнейших городов Смоленской губ. середины и второй половины XVIII в. — Смоленска и Вязьмы. Отличительной чертой купцов, включенных в исследуемую группу, является активное участие их в храмостроительстве.

Известно, что фонды Смоленской духовной консистории (ф. 48) Государственного архива Смоленской области сохранились не полностью. К тому же далеко не все из сохранившихся документов доступны исследователям. В «Описи особо ценных дел» названного фонда учтено около шести сотен метрических книг, составленных в церквях Смоленской губ. в XVIII — первой трети XIX в. Книги церквей разных городов губернии, содержащие богатые сведения по истории провинциального купечества, составляют лишь небольшую их долю. Имеется 15 книг города Смоленска. Почти все они начинаются с метрик 1740–1744 гг.⁴ Более ранних книг нет, хотя известно, что их составление в Рос-

сии началось с 1722 г. Однако, по всей видимости, смоленские метрики можно отнести к группе довольно ранних источников этого рода⁵.

Хранящиеся в ГАСМО метрические книги города Вязьмы начинаются в большинстве случаев с 1765 г.⁶ Таких книг 16, хотя в описи к ним отнесены еще три, которые в действительности являются сельскими⁷.

Изучение метрических книг позволило существенно дополнить, а иногда и воссоздать историю целого ряда купеческих семей, представители которых — купцы первой и второй гильдии, известные предприниматели и общественные деятели — сделали в XVIII в. крупные пожертвования на строительство храмов в Смоленске, Вязьме и в окрестностях этих городов. Таких семей в Смоленске было обнаружено 8, а в Вязьме — 17.

Метрические книги позволили уточнить возраст многих купцов. В этом плане метрики выгодно отличаются от ревизских сказок, которые, как правило, не содержат сведений о датах рождения и смерти людей, а их возраст указан приблизительно. Например, из данных первой ревизии следует, что купец А. Ф. Сисоев родился в 1717 г., а согласно метрической книге Петропавловской церкви — в 1715⁸. Это всего лишь один пример из множества. Погрешности в ревизских сказках, как известно, были связаны с особенностями их составления. Сбор и оформление их требовали довольно длительного времени, а горожане, со своей стороны, не стремились быть точными и откровенными перед представителями власти. Этого недостатка у метрических книг нет, хотя именно от государства исходило требование об их составлении. Однако та информация, которая фиксировалась в церковных метриках со слов прихожан, более правдива уже потому, что православному человеку лгать в храме было непозволительно.

Одна из возможностей, которые дают исследователю метрические книги — сведения об изменении с годами социального положения отдельных представителей купечества. В записях 40-х гг. XVIII в. имеются указания на принадлежность горожан к посаду, мещанству («старинному смоленскому»), указываются должности в магистратах и пр. После гильдейской реформы 1775 г. называлась гильдия, к которой принадлежал купец, а также другие данные. Это особенно важно в случае изучения именно смоленского купечества, так как обывательские книги не доступны исследователям (возможно, они отсутствуют вообще). Пример изменения социального статуса купца, прослеженного по метрическим книгам, показывает история И. Б. Пискарева, депутата Уложенной комиссии 1767 г. от Смоленска. В «Метрической книге записей о родившихся, умерших и бракосочетавшихся церкви Сошествия Святого Духа города Смоленска» в 1741 г. И. Б. Пискарев назывался посадским человеком, в 1748 г. — уже президентом смоленского магистрата, в 1761 г. — «града Смоленска президентом и полотняной фабрики фабрикантом», в 1776 г. — «титулярным советником»⁹.

Метрические книги помогают установить место жительства купца по его церковному приходу, так как в других источниках, например, ревизских сказках, определить его удастся редко. Исследование метрик Петропавловской церкви города Смоленска показало, что в ее приходе проживали самые богатые купцы города, большинство из них было похоронено здесь же, на кладбище¹⁰. В современном Смоленске на месте этого купеческого посада расположена железная дорога, а на месте кладбища — проезжая улица.

Записи метрических книг «о бракосочетавшихся» позволяют выяснить, какие купеческие фамилии объединяли свои капиталы через заключение браков между детьми. Так, в феврале 1768 г. старший сын купца первой гильдии, владельца мануфактуры Стефана Никитина — Константин — сочетался браком с дочерью президента губернского магистрата Федора Щедрина — Матроной¹¹.

Анализ материалов метрических записей XVIII в. «о рождающихся» позволяет проследить межличностные и междусемейные связи купеческой верхушки, а именно — купцов-храмостроителей и их семей. Данные второй половины XVIII в. по девяти таким семьям Вязьмы свидетельствуют о том, что наибольшую долю среди родителей их крестников составляли также купцы — 149 случаев из 393 (т. е. 38 %). На втором месте были мещане и посадские люди — 64 случая (16 %). Хотя здесь следует отметить, что один и тот же человек нередко оказывался в разные годы в разных группах, так как метрики фиксировали настоящее положение купцов, капиталы которых не всегда отличались высокой устойчивостью, отчего и положение людей менялось. Особенно внимательно священники относились к этим сведениям с 1775 г. К названным группам примыкают и близкие родственники воспитанников, называвшиеся обычно купцами — 56 случаев (14,5 %). Однако если в первых двух случаях можно сделать вывод о дружбе, основанной на деловых отношениях, то здесь речь идет об устойчивых, нередко патриархальных, внутрисемейных связях купцов. Здесь нельзя согласиться с утверждением Д. Н. Антонова и И. А. Антоновой о том, что «степень родственных отношений между персоной и воспитанниками при рождении <...> в метрической записи не указывалась»¹². Напротив,

в метрических книгах Смоленска и Вязьмы, как правило, содержались указания на дедушек и бабушек младенцев: «отец ево», «мать ево», то есть отца крещаемого ребенка. Если восприемниками выступали брат и сестра, то это также указывалось. На выраженное покровительственное отношение купцов к своим дворовым и работникам указывает заметная доля этой группы в числе родителей новорожденных — 56 случаев (14,5 %). Доля священников составляла около 10 % (40 случаев), что также немало, учитывая незначительную численность духовенства по сравнению с другими категориями городского населения. Среди родителей крестников встречаются также служащие магистрата (президент, нотариус, подканцелярист и др.), суда (секретарь, канцелярист, регистратор и пр.). Единичны случаи крещения детей у дворян. Крестьяне же, особенно экономические, в целом довольно часто фигурировавшие в метриках Вязьмы, среди родителей крестников купцов отсутствуют. Аналогичную картину можно наблюдать и по метрическим книгам Смоленска (см. таблицу). Более высокая доля священников в данном случае связана с тем, что в выбранных материалах рассматриваются наиболее активные участники храмостроительства.

**Межличностные связи купцов-храмостроителей г. Смоленска в XVIII в.
(по материалам метрических записей о крещении новорожденных)**

Социальное положение родителей крестников	Число случаев участия в крещении в качестве восприемников						Итого
	А. Ф. Сисоев	Члены его семьи (4 чел.)	В. Г. Хлебников	Члены его семьи (8 чел.)	С. Никитин	Члены его семьи (4 чел.)	
Дворяне	–	–	–	1	–	1	2
Служащие магистрата, суда и пр.	3	1	–	–	1	–	5
Священники	1	5	1	9	6	8	30 (19 %)
Купцы	–	17	–	5	–	3	25 (16 %)
Мещане и посадские люди	8	12	5	20	5	16	66 (42 %)
Дворовые и работники купцов	–	10	–	4	–	5	19 (12 %)
Крестьяне	–	–	–	1	–	1	2
Родственники восприемников	–	–	7	1	–	–	8 (5 %)

Существенное значение имеют и сведения о тех людях, которые становились восприемниками в паре с купцами или членами их семей. Хотя в целом эти данные аналогичны представленным выше, между ними имеются и весьма показательные отличия, два из которых заслуживают внимания. Во-первых, несколько больше здесь была доля дворян — 17 случаев (4 %) в Вязьме и 9 случаев (6 %) в Смоленске. Это свидетельствует о том, что дворяне не пренебрегали обществом представителей верхушки купечества. К тому же по тем же метрическим книгам известно, что во второй половине XVIII в. нередкими были и браки между выходцами из этих сословий. Во-вторых, дворовые и работники купцов практически никогда не выступали в паре с купцами в качестве восприемников. Как правило, при крещении детей этой категории крестными родителями становились дети купцов — братья и сестры или дети друживших между собой семей. Возраст восприемников-детей, как показывают метрики, нередко едва достигал 7–10 лет, чего не допускалось в XIX в.¹³

Прочные связи складывались между семьями купцов, представлявших элиту городского населения и отличавшихся своим активным участием в возведении храмов. Общие данные по выбранным 12 семьям купцов-храмостроителей Смоленска и Вязьмы показывают, что из 520 крещений, в которых участвовали 76 представителей этих семей в качестве восприемников, 135 (т. е. 26 %) были проведены вместе с другими храмостроителями или их родственниками. Отношения кумовства внутри этой категории купечества были обычным явлением. Если восприемничество купцов первой гильдии при крещении младенцев у небогатых горожан было своего рода благотворительностью, поскольку

они могли оказывать таким образом материальную помощь этим людям, то кумовство равных по положению людей — купцов первой гильдии — часто свидетельствовало о дружбе семей. При этом влияние их друг на друга, безусловно, было важным фактором в развитии храмостроительства в городе.

Примером того, как исследование церковных записей о крещении добавило новые черты к портрету смоленского купца второй половины XVIII в., явилось изучение такой выдающейся личности, как Андрей Федорович Сисоев. Он, купец первой гильдии, бургомистр, на протяжении всей своей жизни отличался необычайно активной общественной позицией, славился добротой и умел заразить своими полезными делами окружающих. Особенно он отличился в храмостроительстве, будучи не только щедрым жертвователем, но и активным пропагандистом и организатором этого дела. Материалы метрических книг свидетельствуют о его популярности и авторитете у жителей города Смоленска. Сисоев и члены его семьи — жена Матрона Логиновна и дочери Варвара и Александра, а затем, уже с семи лет, и сын Николай — часто выступали в качестве восприемников при крещении детей горожан. По данным метрической книги Петропавловского прихода, сам Андрей Федорович с 1766 по 1783 г. четыре раза выступал в качестве восприемника, его супруга — с 1768 по 1774 г. — 7 раз, дочь Варвара в 1771–1784 гг. — 19, дочь Александра в 1770–1783 гг. — 7, сын Николай в 1775–1783 гг. — 10 раз¹⁴. К тому же Андрей Федорович, по записям метрической книги Духовской церкви, с 1762 по 1766 г. стал крестным отцом трех дочерей президента смоленского губернского магистрата, «фабриканта» и храмостроителя Ивана Борисовича Пискарева¹⁵ (Александры — в 1762, Елизаветы — в 1763 и Анны — в 1766 г.)¹⁶ Не исключено, что он был одним из идейных вдохновителей Пискарева, как и некоторых других купцов, решивших построить каменные храмы.

Сисоевы вступали в кумовство с представителями самых разных слоев городского населения. Среди родителей их крестников и восприемников, с которыми они вместе крестили младенцев, были знатнейшие люди Смоленска, такие, как купцы Пискаревы, Сенаторские, Нашиванкины, Никитины, а также священники городских церквей. Это свидетельствовало об их общественном положении, так как желание горожан видеть Сисоевых в качестве крестных родителей своих детей говорит о большом уважении к этой семье, прежде всего — к ее главе.

В 1765 г. Матрона Логиновна Сисоева, будучи в Вязьме, стала также крестной матерью дочери вяземского купца-храмостроителя Лаврентия Парфеновича Гайдукова¹⁷. Это произошло в то время, когда А. Ф. Сисоев строил в Смоленске Воскресенскую церковь. Легко представить, что этот пример мог увлечь будущего вяземского храмостроителя, который возвел храм в своем селе Настасьино Бельского у. в 1769 г.

Сисоевы часто становились восприемниками при крещении детей из семей небогатых мещан, посадских людей и даже дворовых. Дочери Варвара и Александра, а затем и сын Николай с юных лет часто выступали в качестве восприемников при крещении детей дворовых своего отца и смоленских мещан¹⁸. Большое количество крестников предполагало и определенную материальную помощь их родителям, особенно если речь шла о людях, занимавших невысокое социальное положение. Таким образом, можно рассматривать это явление как своеобразную форму благотворительности. И следует признать, что семейство Сисоевых в этом преуспело.

Нельзя не заметить, что крестными родителями детей А. Ф. и М. Л. Сисоевых становились самые разные люди. Так, в декабре 1768 г., когда у них родился сын Николай, восприемниками были соборный священник Яков Лешкевич и «вдова Леона Осипова крестьянка Килина Спиридонова». В марте 1776 г., когда родилась дочь Анна, ее крестными отцом и матерью стали полковник И. И. Кошелев и жена отставного полковника А. Я. Вонляр-Лярского Анна Петровна. А при крещении самого младшего ребенка Сисоевых Петра, в июне 1778 г., восприемниками были смоленский генерал-губернатор князь Н. В. Репнин и княгиня Е. А. Долгорукова¹⁹. Конечно, кумовство в данном случае наглядно отражает подъем главы семейства по социальной лестнице. Однако отношение его к простым людям при этом не изменилось.

Метрические записи замечательно раскрывают подробности жизни и другого смоленского купца, о доброте которого в городе ходили легенды. Это — Василий Григорьевич Хлебников. О круге общения Хлебникова и членов его семьи в 50–80-х гг. XVIII в. свидетельствуют многочисленные записи о крещении новорожденных в метрических книгах смоленских церквей. Сам глава семьи не менее 14 раз выступал в качестве восприемника, его сын Варфоломей — 10 раз, дочь Ирина — 8 раз. Судя по этим данным, широкие личные связи Хлебниковых распространялись на людей самых разных слоев городского общества. Это был и бывший смоленский губернатор Тимофей Текутьев (при крещении внучки Хлебникова — Анны), и жена смоленского мещанина Филипа Федорова сына

Щедрина — Ирина Васильева²⁰, а также священники, чиновники, купцы — смоленские и приезжие, крестьяне.

Особое место среди тех, с кем Хлебниковы вступали в кумовство, занимали люди церковные. Так, дочь В. Г. Хлебникова Ирина не раз становилась крестной матерью детей священника Михаило-Архангельской церкви Дорофея Сонцова, пономаря той же церкви Георгия Чамова. Невестка Хлебникова Прасковья была восприемницей при крещении детей священников Михаило-Архангельской церкви Никифора Дорофеева Сонцова, Алексея Брянцова. Вместе с ними восприемниками были «бывший антариус» духовной консистории В. И. Которов, дьяконы той же церкви Иоанн Дедов и Алексей Стефанов, а также священник Василий Буславский, священник из Бельского у. Яков Чамов. Вместе с Хлебниковым восприемницами выступали «вдова священническая жена» А. Гаврилова, жена протопопа смоленского Вознесенского монастыря П. Петрова, а в 1770 г. — старица Смоленского Вознесенского монастыря Серафима Гедеонова²¹. Кумовство со священниками и их близкими наблюдалось и у других членов семьи Хлебниковых. Тесное общение членов семейства Хлебниковых с церковнослужителями может свидетельствовать об их глубокой воцерковленности и об особенно важном для них, и в первую очередь — для главы семейства, значении участия в церковной жизни.

В то же время дети Хлебникова, как и других купцов-храмостроителей, нередко становились крестными родителями дворовых и крестьян своего отца²². Более того, об особом отношении к людям низкого происхождения говорит случай, произошедший в 1786 г., когда восприемниками при крещении незаконнорожденного ребенка дворовой девки стали внуки В. Г. Хлебникова — Василий и Анна²³. Обычно же, судя по материалам метрических книг, купцы сторонились участия в крещении незаконнорожденных детей, вероятно, заботясь о чистоте своей репутации.

Метрическая книга Михаило-Архангельской — приходской церкви Хлебниковых — красноречиво характеризует внутрисемейные отношения этих купцов. Тесные связи внутри этой патриархальной семьи сочетались с высочайшим авторитетом ее главы у членов семейства. Практически все дети сыновей Василия Григорьевича Хлебникова — Ивана и Варфоломея были крестниками своего деда²⁴.

Восприемничество купцов Никитиных было также неотъемлемой стороной повседневной жизни их семьи, особенно — ее главы Стефана Никитина и его супруги Акилины Васильевны. По материалам исследованных метрических книг, с 1755 по 1772 г. Никитин не менее 12 раз участвовал в крещении детей в качестве крестного отца, а его жена — с 1767 по 1777 г. стала крестной матерью не менее чем 25-ти детей²⁵. Весьма характерен состав круга людей, с которыми Никитины вступали в кумовство. Это, главным образом, — священники, купцы, мещане, магистратские служащие, военные. Прослеживаются особенно тесные связи Никитиных с представителями смоленского духовенства. Наиболее часто Никитины участвовали в крещении детей священников смоленской Николаевской церкви. С. Никитин в 1764–1772 гг. был восприемником у пятерых детей священника Я. А. Климова, а А. В. Никитина в 1768–1777 гг. — у семерых детей сначала дьякона, а потом священника П. Ф. Ракусовича. Вместе с Акилиной Васильевной восприемниками были в разное время секретари Смоленской духовной консистории Г. А. Тарнавский и С. Г. Жирной — по 2 раза, а также священник той же Николаевской церкви М. Ф. Вишневский. Тесные межличностные связи с людьми духовного звания не могли не отложить отпечатка на взгляды С. Никитина. Характерно и то, что совместно с ним восприемницами выступали жены известных смоленских купцов-храмостроителей. Уже в 1755 г. его кумой стала первая супруга президента смоленского магистрата И. Б. Пискарева — Евдокия Петровна, а в 1771 г., когда бывший депутат стал коллежским советником, — его вторая жена — Анна Вилимовна. Но особенно близкие отношения связывали Никитиных с семьей Ф. К. Щедрина, пожертвовавшего деньги на постройку их приходского Николаевского храма. С 1764 по 1772 г. сначала — жена, а потом — вдова Щедрина — Дарья Стефановна — не мене пяти раз участвовала в крещении как восприемница вместе со Никитиным.

Нередко материалы метрических книг помогают выявить возможные мотивы, подвигнувшие купцов к пожертвованию своих капиталов на строительство церквей. Один из таких мотивов — смерть единственных сыновей²⁶.

Другим важным фактором было межличностное общение купцов-храмостроителей. Из рассматривавшихся документов известно о фактически дружественных отношениях А. Ф. Сисоева с И. Б. Пискаревым и Ф. М. Нашиванкиным, И. Б. Пискарева — со Стефаном Никитиным, С. Никитина — с Ф. К. Щедриным. Не исключено, что у хорошо знакомых и друживших между собой И. Б. Пискарева, А. Ф. Сисоева и С. Никитина, представлявших верхушку смоленского купечества и в разное время возглавлявших губернский магистрат, был даже единый замысел строительства храмов в середине 60-х гг. XVIII в.

Говоря о метрических книгах, нельзя не отметить их недостатки, которые должен учитывать исследователь истории российского купечества. Этот вопрос достаточно подробно освещен в источниковедческой литературе. Один из главных недостатков — отсутствие сведений по разным годам. Как уже было отмечено, большинство вяземских книг начинается только с 1765 г. И в смоленских и в вяземских книгах имеются пропуски записей за отдельные годы. К тому же многие купцы, о жизни которых велось исследование, родились вообще до начала составления метрических книг, то есть ранее 1722 г.

В метриках практически невозможно найти сведений о крещении, венчании и отпевании умерших в случаях, когда эти таинства совершались в других церквях, а иногда и в других городах, а не в своем приходе. На это указывает целый ряд записей, касающихся иногородних купцов. Так, в 1768 г. в Смоленске у тульского купца И. Иванова родился ребенок, восприемниками при крещении которого выступали президент Смоленского губернского магистрата С. Никитин и жена А. Ф. Сисоева — М. Л. Сисоева²⁷. Или другой случай, когда в 1776 г. в Вязьме был погребен найденный здесь же в реке мосальский купец К. И. Дяконов²⁸.

К недостаткам метрических книг следует отнести и отсутствие в записях фамилий купцов. Так, в 40-х гг. XVIII в. основатель крупнейшей смоленской купеческой династии Б. З. Пискарев назывался в метриках просто Борисом Захаровым²⁹. Иногда в метрических книгах неверно указывались отчества даже довольно известных людей. Например, в 1773 г. выступавшая в качестве восприемницы супруга И. Б. Пискарева была записана как «депутатская жена Анна Васильева Пискарева»³⁰. Настоящее отчество урожденной Анны Фондтертен было Вилимовна.

Однако не всегда очевидные на первый взгляд ошибки были действительно таковыми. Например, в метриках вяземской церкви Рождества пресвятой Богородицы за 1783 г. содержится нелепая, казалось бы, запись: «Вяземскаго мещанина Михайлы Прокопиева сына Колачникова у сына ево Стефана з женою ево Вассою Васильевою родился сын Феодор. Крещен священником Алексеем Кириловым того ж числа, а при крещении восприемники были вяземской купец Стефан Михайлов сын Колачников да купеческая жена Агафия Исидорова дочь Чканикова». Как видно, фамилия, имя и отчество восприемника и отца мальчика полностью совпадают, что можно сразу расценить как ошибку. Однако через два года встречается подобная запись с теми же действующими лицами, но есть одно маленькое дополнение — теперь восприемник назван: «Стефан Михайлов сын большой Колачников»³¹.

Внимательное отношение к содержанию метрических книг иногда помогает решить исследовательские проблемы там, где они первоначально представляются неразрешимыми. Так, казавшиеся погрешностью из раза в раз повторявшиеся в смоленских метриках пропуски фамилии известнейшего в городе купца Стефана Никитина в сочетании с указанием отчества и фамилии его взрослых сыновей дали возможность точно идентифицировать этого человека. В результате оказалось, что он был основателем купеческой династии, а его отчество стало фамилией его и его детей. При восстановлении истории купеческих семей появлялось немало и других вопросов, ответ на которые был найден только при помощи изучения метрических книг. Таким образом, этот источник, еще далеко не раскрывший своего потенциала, содержит богатейшие возможности для исследования истории российского купечества.

Примечания

¹ См., например: *Журавский Д. П.* Об источниках и употреблении статистических сведений. Киев, 1846; *Буняковский В. Я.* Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. СПб., 1865; и др.

² *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006. 385 с.

³ *Палли Х. Э.* Методика использования метрик в историко-демографических исследованиях // История СССР. 1982. № 1. С. 87–93; *Фомина О. В.* Рождаемость и смертность в среде московских купцов в последней четверти XVIII века // Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы междунар. науч. конф. 25–28 апр. 2002 г., Тверь — Кашин — Калязин. Тверь, 2002. Ч. 2. С. 382–394; *Маркова М. А.* Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX вв. как исторический источник (метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник: Сб. ст. Барнаул, 2007 и др.

⁴ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 337–344, 347, 350–355.

⁵ См.: *Антонов Д. Н., Антонова И. А.* Метрические книги России... С. 52.

⁶ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 210–212, 215, 216, 218–225, 293, 295, 296.

⁷ Там же. Д. 213, 214, 217.

⁸ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3238. Л. 424 об.–425.; ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 708.

⁹ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 343. Л. 9 об., 37, 153, 387 об.

¹⁰ Там же. Д. 355.

¹¹ Там же. Д. 347. Л. 95 об.

¹² См.: Антонов Д. Н., Антонова И. А. Метрические книги России... С. 167.

¹³ Там же.

¹⁴ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 278 об., 320 об., 355 об., 365 об., 381, 393, 395, 418 об., 444 об., 454, 475, 527, 567 об., 594, 692 об., 695, 710 и др.

¹⁵ Там же. Д. 343. Л. 157 об., 165 об., 199.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 212. Л. 1.

¹⁸ Там же. Д. 355. Л. 454, 472 и др.

¹⁹ Там же. Л. 324, 512, 543.

²⁰ Там же. Оп. 5 (ОЦ). Д. 351. Л. 98 об.

²¹ Там же. Оп. 1 (ОЦ). Д. 347. Л. 66; Д. 351. Л. 23, 60 об., 63, 72, 78, 171 и др.

²² Там же. Д. 351. Л. 43, 51 об.

²³ Там же. Л. 175.

²⁴ Там же. Л. 120, 128, 136 об., 145 об., 164, 165 об., 174.

²⁵ Там же. Д. 342. Л. 180 об.; Д. 343. Л. 87; Д. 347. Л. 73, 81, 95, 95 об., 97, 107, 121, 127, 127 об., 144, 158, 184 об., 198 об. и др.

²⁶ См., например: Беспаленок Е. Д. 1) Купцы Кремлицыны и строительство храма св. Варвары в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. 2003. № 3. С. 43–48; 2) Жизненная драма купца Ф. М. Нашиванкина: Из истории купеч. храмо-строительства в Смоленске // Край Смоленский. 2008. № 12. С. 3–10.

²⁷ ГАСМО. Ф. 48. Оп. 1 (ОЦ). Д. 355. Л. 320 об.

²⁸ Там же. Д. 215. Л. 106 об.

²⁹ Там же. Д. 343. Л. 29.

³⁰ Там же. Д. 342. Л. 231 об.

³¹ Там же. Д. 224. Л. 77, 84.

М. С. Черкасова

ОБЫВАТЕЛЬСКИЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА И ТОРГОВЛИ ВОЛОГДЫ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Обывательские книги русских городов еще не выявлены в полном объеме, не систематизированы и недостаточно разработаны в источниковедческом и конкретно-историческом отношении. Из доступной нам литературы о них удалось познакомиться лишь с тремя статьями по Архангельску и Сарапулу¹. Предлагаемая заметка представляет лишь начальный этап подобной работы, проведенной на основе фондов Государственного архива Вологодской области.

Сохранившиеся в нем две обширные обывательские книги 1785–1796 гг. были составлены во исполнение Екатерининской Жалованной грамоты городам от 21 апреля 1785 г.² Наиболее ранней является книга № 17 (объем 546 л. с об.), представляющая собой *алфавитный список* обывателей за 1785–1792 гг. Она была составлена городскими старостами, торговыми людьми Мих. Рыниным и Вас. Исаевым, имела буквенные разделы от А до Я и оформлена в виде таблицы из шести граф. *Первая графа* — «Имя и прозвание обывателя в том городе старожила, родившагося или вновь поселившагося и его лета». *Вторая* — «Холост или женат и на ком, или вдов». *Третья* — «Много ли детей мужескаго или женскаго пола и их лета». *Четвертая* — «Есть ли в городе за ним дом или иное строение или место или земля, им ли построено или наследственно или куплено, или в приданое получено и в каком месте в городе и которой номер». *Пятая* — «В городе ли живет тот обыватель или в отлучке». *Шестая* — «Какого он промысла»³. Большинство записей сопровождаются датами внесения обывателя в протокол городской думы, и это имеет важное значение для понимания ее хронологии.

В книгу № 17 две трети записей (62 %) были внесены в сентябре — октябре 1785 г. На 1786 г. приходится 263 записи, или 18,8 %. К 1787–1792 гг. относится лишь 20 % записей. Имеющие разные даты протоколы нередко отмечены в кн. 17 одним и тем же почерком на одном листе, следовательно, составители книги воедино сводили в нее (в соответствующий буквенный раздел) разновременные записи о городских обывателях.

По-настоящему увесистым фолиантом (1678 л.!) является книга 1787–1796 гг. (№ 4211), скрепленная городским головой, купцом второй гильдии Степаном Митрополовым и депутатом городской думы, купцом третьей гильдии Федором Окатовым⁴. Большая часть записей в ней (74 %) относится к 1787–1789 гг., а по палеографическим данным значительная ее часть датируется 1790–1792 гг. Сравнение наличного состава жителей в книгах 17 и 4211 показывает, что большинство из них в кн. 4211 было повторно зафиксировано с указанием новых протоколов. Близкие к нашим наблюдения о соотношении двух обывательских книг по Архангельску В. В. Крестинина —

А. И. Фомина 1786–1788 гг. сделала и О. В. Чуракова: в первую книгу по алфавиту были переписаны все жители-домовладельцы, а во вторую каждый был внесен повторно в соответствии со своим капиталом и социальным положением⁵.

Самоназванием книги № 4211 является: «Города Вологды городова *обывательская* книга, сочиненная в силу Высочайшего о городах положения 61-й и 62-й статьи». Речь идет о 61-м и 62-м пунктах Жалованной грамоты городам 1785 г. В 61-м пункте говорилось: о составлении городским головой с выборными депутатами городской обывательской книги по каждой городской части на основании списка городского старосты, а в пункте 62-м — об ее разделении на 6 частей. Однако в действительности эта книга состоит не из шести, а из пяти частей, самой обширной из которых является первая (л. 1 об.–1409) — «По силе Городового положения 63-й статьи о настоящих городских обывателях, кои в городе дом или иное строение или места или землю имеют». Далее в 1-й части по буквенным разделам от А до Я приведены фамилии настоящих городских обывателей, старожилов и родившихся в Вологде. Всюду в пределах этой части на обороте листов в верхнем левом углу было помечено: «1-я часть». После каждого буквенного раздела оставлены чистые листы, скорее всего, для последующего заполнения, что говорит о рабочем, текущем ее характере.

Во 2-ю часть кн. 4211 (л. 1411–1501) были включены купцы 1–3-й гильдий с указанием размера их капитала; в 3-ю часть (л. 1503–1608) — цеховые ремесленники; в отсутствовавшую 4-ю часть следовало внести иностранных граждан; в 5-ю часть (л. 1609–1611) — именитые граждане; в 6-ю часть (л. 1615–1678) — «обыватели, кои по состоянию ко внесению в книгу не подходят» (не имевшие домовладений). В этих частях также встречаются незаполненные листы, но в гораздо меньшем количестве по сравнению с первой частью.

Не позднее 1832 г. возникла третья из сохранившихся в Государственном архиве Вологодской области обывательская книга Вологды (формат, как и двух предыдущих, в лист, объем 298 л. с об.)⁶. Палеографические наблюдения показывают, что большая ее часть была написана на бумаге с датой 1823 г., отчетливо видной на л. 189, 197, 200, 211 и др. Последний тетрадный блок был написан на бумаге с датой 1832 г. В заголовке же она отнесена к 1830-му году («Список города Вологды обывателей, учиненной в силу Городового положения 58 и 59 статей по алфавиту 1830 года»). По содержанию своему она является, подобно книге № 17, *алфавитным списком* обывателей, выполненным в табличной форме от А до Я, только граф в кн. 572 не шесть, а семь (последняя называется «В каких градских или иных службах обыватель был или есть»). Оставленные в конце каждого буквенного раздела чистыми листы тоже расчерчены в табличной форме. Значит, когда-то и они предназначались для последующего заполнения, так и не состоявшегося. Почерк, которым пронумерованы все три обывательские книги, довольно схож. Возможно, это делалось одновременно одним лицом. В целом по информационной насыщенности поздний алфавитный список 1832 г. значительно уступает обывательским книгам конца XVIII в. Шестая и седьмая графы в нем зачастую остались без заполнения, что не дает систематических сведений о промысловых и торгово-ремесленных занятиях населения и казенных службах горожан. Состав их недвижимого имущества (дома, огороды, огородные места, лавки, амбары, промысловые заведения — «фабрики и заводы») в кн. 572 перечислены столь же тщательно и пронумерованы, как и в книгах конца XVIII в. Вполне сопоставим материал и о семейно-брачной и возрастной структуре населения, «детности» семей.

Общее количество купцов всех трех гильдий Вологды в 1780–1790-е гг. составляло 133 чел. Численность купцов первой и второй гильдий была примерно одинакова — 19–20 чел., а третья гильдия оказалась наиболее многочисленной — 114 чел. Примерно такое же количественное соотношение гильдейского купечества указывает и У. М. Полякова по обывательской книге Архангельска 1786–1788 гг.⁷ Н. В. Козлова отмечает, что преобладание третьегильдейского купечества в массе торговых людей вообще было характерно для городов России второй половины XVIII в.⁸

Различие между гильдиями заключалось в размахе торгово-предпринимательской деятельности и размерах денежного капитала. В первую гильдию были включены вологодские купцы с капиталом от 10 до 30 тыс. руб., во вторую — 5–6 тыс. руб., в третью — 1–1,1 тыс. руб. При всей условности этой величины она выражала минимум денежных капиталов, необходимый для вступления в ту или иную гильдию⁹. В отличие от Архангельской обывательской книги 1786–1788 гг., вологодская книга № 4211 не содержит сведения о капиталах посадских людей, мещан и цеховых ремесленников. По наблюдениям У. М. Поляковой, они были очень пестры и обычно колебались от нескольких рублей до 700 руб.¹⁰

Наиболее крупный денежный капитал зафиксирован у богатейшего вологодского купца М. И. Рыбникова — 30 тыс. руб. За ним следовали: 1) М. Ф. Колесов — 25 тыс. руб.; 2) братья М. И. и Г. И. Поповы-Веденские — 21 тыс. руб.; 3) братья Г. А. и А. А. Митрополы — 20 тыс. руб. Среди купцов

второй гильдии наиболее значительными капиталами обладали дядя с племянником И. Я. и И. Г. Немировы — 6040 руб., М. И. Козулин — 5600 руб., М. И. Хомутильников — 5500 руб. Среди купцов третьей гильдии — И. И. Манойлов — 1125 руб. и Л. И. Корелкин — 1100 руб.

Первостатейное купечество Вологды занималось оптовой и розничной торговлей не только в России, но и за рубежом на своих судах, имело фабрики и заводы с использованием принудительного труда крестьян из купленных деревень, брало казенные подряды. Внутривосский и иностранный торг (через Архангельский и Петербургский порты) отмечен у М. И. и И. А. Рыбниковых, М. И. и Г. И. Поповых-Веденских, Г. А. и А. А. Митрополовых, Н. И. и С. И. Митрополовых, И. А. и В. А. Лаптевых, П. В. Свешникова, П. В. Ягодникова, Е. М. Макарова. М. И. Рыбников отправлял свои товары в Гамбург, Амстердам и Англию, «а ныне (то есть в 1785 г. — М. Ч.) использовал иностранные суда с платежом фрахта»¹¹. Именитые граждане братья М. И. и Г. И. Поповы-Веденские торговали через Архангельский порт «с иностранными корреспондентами и засылкою к ним разными российскими товарами на свой счет, равно и от них выпискою немецких товаров на собственной же счет, которыми и производят распродажу в разных российских городах, а затем и в здешнем городе оптом и по мелко». Они брали разные подряды «в казенных местах и поставкою разных припасов и материалов как здешняго города, так и других российских городов». Братьям принадлежали три торговых корабля, «купленные от разных купцов» («Анфиноген», «Река Луза», «Добрая Надежда»). От Архангельска до Амстердама и обратно их водили нанятые иностранные шкиперы, в частности, Г. Ф. Груф¹². Более ранние сведения, относящиеся к 1769 г., об участии вологодских купцов в торговле с Голландией через Архангельский порт были приведены В. Н. Захаровым¹³. Братья Николай и Степан Митрополовы торговали «в разных российских городах, а большею частью при Архангельском порте с российскими и иностранными купцами российскими и немецкими товарами». С 1786 г. они начали «проводить торг и за море, при том имеют внутри России разные подряды, как оказались во всякой исправности окончены».

Первостатейный купец и именитый гражданин И. А. Лаптев-Большой, хотя и числился городовым обывателем, фактически проживал в Санкт-Петербурге. Здесь он вел оптовый торг российскими и иностранными товарами. Указан внушительный объем его товарооборота: в 1785 г. — 74187 руб., в 1786 г. — 136651 руб.¹⁴ Братья И. и В. Шапкины по половинам владели кораблем «Санкт-Иоганнес Баптис», предназначенным для «промыслу морских зверей». Они торговали в разных сибирских городах, на Камчатке и на Китайской границе «посылкою в те места и оттуда получаемых тамошних товаров, которым имеют оптовую распродажу в разных российских городах»¹⁵. Товары в Сибирь и на Кяхтинскую ярмарку отправляли также Я. В. Спешилов и М. И. Рыбников. Оптовая торговля у названных купцов сочеталась с лавочной в самой Вологде¹⁶. А. И. Узденников имел лавку в Вологде и, кроме того, торговал в Санкт-Петербургском гостином дворе «при бирже в отданной ему из оброку полулавке и в других российских городах разными товарами».

«Заводы» вологодских купцов, вкладывавших свои капиталы в «предприятия» того времени, располагались как при доме, воплощая в себе Ласлеттовское «домохозяйство», так и далеко от места их проживания. М. И. Рыбников имел при своем доме кожевенный завод по производству юфти, а в Яренской округе Устюжского у. — Сереговский «наследственной крепостной» соляной завод «с людьми, со строением и протчими принадлежностями», на котором ежегодно вываривалось «на продовольство в обывателей Вологодского наместничества» до 150 тыс. пудов соли, приносящей в казну до 20 тыс. руб. прибыли¹⁷. Его племянник И. А. Рыбников также имел кожевенный завод по производству юфти, в свечном заводе «производил макание свеч», а в набойчатой фабрике — «печатание разных набоек». Кожевенный завод в пригородной Дюдиковой пустыни находился в совладении у М. Рыбникова с племянником Иваном. Солодовенный завод имел купец М. Ф. Колесов, продавая квас и пиво в двух городских харчевнях. Заводы по производству юфти известны у купцов В. А. и И. А. Шапкиных (у второго — в пригородном селе Фрязинове)¹⁸. Три завода — кожевенный, свечной и крашеннинный — отмечены у А. Д. Никифорова¹⁹.

В отношении некоторых купцов обывательская книга № 4211 не указывает прямо на наличие у них фабрик и заводов, а только отмечает: «такой-то производит делание юфти и макание свеч». Можно согласиться с Г. Н. Козиной в том, что промышленные предприятия XVIII — начала XIX в. имели в основном полукустарный характер, поэтому именование их в соответствии с официальной терминологией того времени «заводами» носит условный характер²⁰. Столь же условным можно считать и употребление слова «промышленность» («торгует скипидаром, коего имеет промышленность»). Вместе с тем, заслуживает внимания наблюдение исследовательницы о том, что в 1780–1790-е гг. в Вологде примерно каждое десятое купеческое семейство владело фабрично-ремесленными заведениями²¹.

Недвижимость М. И. Рыбникова состояла из купленных им деревни Глухой на р. Ихалице, селец Семенкова и Козицына под Вологдой. Это свидетельствует об использовании им труда зависимых крестьян на собственном производстве. Промышленные заведения Рыбниковых могли передаваться по наследству. В обывательской книге 1832 г. отмечены свечной и кожевенный заводы 47-летней вдовы М. П. Рыбниковой, доставшиеся ей в наследство после мужа²².

Масштаб торговли менее крупных купцов Вологды был скромнее: про членов второй гильдии обычно говорилось, что они торгуют «здесь в городе и других российских городах оптом и по дробно», а третьей гильдии — «они торгуют здесь в городе разными товарами». Некоторые купцы второй гильдии (И. А. Лаптев-Меньшой, Г. И. Носков) тоже вели торг в Архангельске и Санкт-Петербурге, последний, скорее всего, мясом, так как и в Вологде он продавал его в двух мясных лавках. А. Д. Сумкин торговал через Архангельский порт, а также на Китайской границе и в других российских городах²³. Описание торговли вологодских купцов во второй части обывательской книги, к сожалению, часто дается неразвернуто. Используя сведения о тех же самых лицах в первой части книги, можно предположить, например, что упомянутый А. Д. Сумкин торговал скорее всего, кожевенными товарами, так как среди его недвижимости отмечен кожевенный завод²⁴. Наличием землевладения в уезде с зависимым крестьянством купцы второй гильдии отличались от менее мощных предпринимателей, сближаясь тем самым с первостатейными. Так, братья Федор и Николай Григорьевы дети Турондаевские имели бумажную, крупяную, сургучную и шелковую фабрики, а в селе Широгорье Вологодского у. — 15 дворов с 50 душами м. п., купленными их дедом, отцом и дядьями²⁵. Иногда сообщаются сведения о казенных службах купцов третьей гильдии. Например, М. В. Москотилников с 1779 г. служил в Архангельске в портовой таможне юфтяным браковщиком, «где и по сие время находится». И. В. Пономарев также в Архангельске отмечен браковщиком «при льняном семени».

Производственно-торговые характеристики в деятельности купцов второй и третьей гильдий были органично соединены. Так, М. И. Денгин имел при доме своем кожевенный завод, а в Кожевенном ряду торговал в кожевенной лавке. М. П. Масленников торговал в Хлебном ряду в лавке продуктами, производимыми на собственном солодовенном заводе в селе Фрязинове²⁶. А. Д. Немиров на своем заводе «производил делание юфти», а в двух лавках в Кожевенном ряду ею торговал²⁷. Братья Ф. Г. и Н. Г. Туронтаевские торговали в своих лавках бумагой, производимой на их бумажной фабрике²⁸.

Купец Петр Михайлов сын Мартьянов в 1832 г. имел купленную с аукционного торга бумажную фабрику на р. Торменге в Вельском у., а в пригородном с. Фрязинове — сахарный завод, торговлю вел в каменной палатке в Шапочной линии и в харчевне²⁹. Интересно еще и то, что сама обывательская книга 1830–1832 гг. написана на бумаге, на ряде листов которой отчетливо виден водяной знак — литеры *ПМ*. Это может указывать на производство данной бумаги как раз на Вельской фабрике Петра Мартьянова³⁰.

Смешанный характер предпринимательской деятельности был присущ и мелким торговцам. Например, Г. И. Носков вывозил к Архангельску крупные партии мяса, а в своем заводе при доме «производил делание свеч»³¹. В обывательской книге 1832 г. гораздо меньше сведений о торговле вологодских купцов в Архангельском порту и за границей. Ее вели только М. И. Леденцов, Ф. Ф. Окатов и В. А. Колесов³². Часто обывательские книги оперируют неразвернутыми определениями: «такой-то человек торговаго промысла», «торгует здесь разными товарами», «...холстами и разными товарами», «...маслом и холстами», «...сеном и разными товарами», «...мылом и харчевыми припасами», «...дровами и прочими товарами», «...лотками и дровами», «мелочью и щепяными товарами», «...разными мелочными товарами и конской збруей в лавке», «...мелочью», «...скорняжными и разными товарами», «...холстами и мылом», «...табаком и мылом», «...москотилными и разными овощными товарами», «...льняным семенем и прочими товарами», «...в лавках хлебными припасами, а в доме производит делание войлоков», «торг имеет в трех каменных лавках в Овощном ряду» и т. п.³³ На ассортимент розничной торговли указывают такие линии (они же — ряды) Вологодского торга, как Железная, Кожевенная, Кузнечная, Меховая, Мясная, Овощная, Рыбная, Светлая (свечная), Солодяная, Суровская, Холщовая. Помимо рядов и линий, лавки могли располагаться непосредственно при доме мелкого товаропроизводителя (стекольная, табачная, фруктовая). Кроме мужчин, в лавках могли торговать и женщины, причем не обязательно вдовы. Наряду с лавками, в 1832 г. упоминаются палатки и магазины³⁴. Ассортимент товаров в них включал фрукты и виноградные вина. Соединение производственных и торговых характеристик можно наблюдать в рамках семейной кооперации: отец сапожно-го мастерства, а сын торгует в Кожевенном ряду.

В анализируемых книгах нередко реплики о том, что посадский человек «находится у хозяев в услужении». Характер последнего иногда раскрывается: «торгует от хозяев в сибирских и протчих российских городах разными припасами»³⁵. Речь здесь должна идти о том, что какая-то часть мелких

торговцев Вологды, включая и некоторых купцов третьей гильдии, и мелких безлапочных торговцев, выступала в качестве агентуры более крупных купцов по розничной распродаже их товаров³⁶.

На разнообразные промыслово-ремесленные занятия вологодского мещанства указывают такие ремарки обывательских книг: «промысел имеет крашенинный», «красильной и набойчатой», «жестяной и паяльной», «скорняжной», «резной по дереву», «слесарной», «золотарной», «серебряной и медной», «каменной и печной», «шитье шапок и скатертей», «переплетческой», «седельной и прочей конской сбруи». Иногда перечисляются виды «мастерства и рукоделия»: «производит крашение куниц и прочих шкур», «мастерство имеет башмачное ...калашное ...кирпичное ...кузнецкое ...сапожное ...столярное», «печенье витушек ...хлебов», «прядильное», «тележное и санное», «...шорное и обойное», «тканье золотых и серебряных позументов»³⁷. К редким профессиям следует отнести «рукоделие часов»³⁸. Обращает внимание смешанный состав ремесленно-промысловых занятий: «промысел имеет делание войлоков и варение клею»³⁹. А. Ф. Оконнишников «промысел имеет делание слудяных окончин» (от изделия и произошла эта известная в Вологде торговая фамилия: окончины — Оконнишниковы)⁴⁰.

Столь же кратко объясняется и отсутствие определенных занятий: «за старостью промысла никакого не имеет» или, скажем «промысла не имеет за темнотою глаз». Принадлежность к цеховому ремеслу выражалась так: «ремесло имеет крашенинное и есть того ремесла мастер». На развитие местной медицины указывает наличие трех членов «фершалного цеха» — двух мастеров и одного ученика. К медицине относилась и оптика: Иван Мясников «имеет промысел делание окуляра»⁴¹. Всего в обывательских книгах был зафиксирован 161 цеховой ремесленник и 12 цехов. Среди ремесленников наиболее многочисленной была группа мастеров (134 чел.), а среди цехов — столярный и сапожный (по 28 и 34 чел. соответственно).

Интересен гендерный аспект обывательских книг 1780–1790-х гг., их сведения о положении женщин, социальных ролях полов. Возраст вступления в брак для девушек чаще всего зафиксирован с 18–20 лет, выявлены лишь два случая раннего брака (больше характерного для традиционных обществ) — в 13–14. Взятая в чужую семью 13-летняя девушка была ровесницей одного из младших братьев своего 19-летнего мужа⁴². У мужчин выявлено 4 случая раннего вступления в брак с 15–16 лет (чаще — с 20–22 лет). В то же время понятие «дети» распространялось в книгах на возраст от 1-го года до 19 лет, что позволяет предполагать постепенное увеличение брачного возраста у городского населения в конце XVIII в., который можно соотнести с начавшимся «демографическим переходом». Это предположение подтверждается наличием значительной группы девушек и юношей 20–24 лет, еще не заведших семью и живших в доме родителей. С 27–28 лет число несемейных граждан резко убывает.

Интересно выглядит возрастная пирамида жителей по обывательским книгам. Двум самым старым замужним женщинам в Вологде было 88 лет, одному самому старому женатому мужчине (оставшемуся капралу) — 93 года. Про занятия вдов или незамужних «девок» говорилось: «промысел имеет шитье женского платья» или: «рукоделие крашенинное», «...шитье золотом», «печенье ржаных и пшеничных хлебов, калачей»⁴³. Нередко отмечалось, что они промысла никакого не имеют, «питаются от черной работы, а дети их находятся у хозяев в услужении». Женщины могли и самостоятельно заниматься торговлей: «вдова со снохой торг имеют обувью»⁴⁴. Вдова И. И. Дементьева с сыновьями торговала дегтем и имела постоянный двор. Источником существования вдов нередко был «бизнес» их сыновей: у вдовы М. Г. Журиной один сын был кирпичного мастерства, второй — торговал лесом, а третий — работал в Мясном ряду, причем понятия *работать* и *торговать* в рядах различались⁴⁵.

В составе купцов третьей гильдии указано немало вдов, причем известных в Вологде торговых фамилий еще в XVII в. — Наталья Девяткова, Матрена Денгина, Афимья Манойлова, Татьяна Оконнишникова, Анисья Полянина, Настасья Рыбникова, Прасковья Свешникова и ряд других. Они наследовали денежные капиталы (свыше 1000 руб.) и недвижимость от своих мужей. Наследовали вдовы и их профессионально-ремесленную специализацию. В третьей части обывательской книги № 4211 указаны: «мастер портного цеха» вдова Мавра Иванова дочь Королькова и член хлебно-калашного цеха вдова Наталья Борисова дочь Шапошникова. Купчиха 1-й гильдии, вдова Афимья Витушешникова имела в 1832 г. сахарный и соляной заводы (последний — в Серегове усолье, ранее принадлежавший Рыбниковым, а до того — гостям Панкратьевым) и торговала сахаром и солью в Вологде и других городах⁴⁶. Среди занятий вдовых купчих в редких случаях отмечено ростовщичество: 55-летняя бездетная вдова У. Я. Рыбникова с капиталом в 1010 руб. «промысел имеет раздачу денег в интерес»⁴⁷. О значительной концентрации лавок в руках отдельных купцов говорит такое ука-

зание обывательской книги № 532: вдова Анна Васильева дочь Корелкина имела 7 каменных лавок в Кожевенном ряду и 21 — в Суровской линии⁴⁸.

Таким образом, при дальнейшей источниковедческой разработке обывательских книг русских городов важно различать среди них алфавитные списки и собственно переписи городских обывателей. Обе разновидности книг являются ценным, многоплановым источником для изучения социально-экономической и демографической истории России, установления численности купечества, мещанства, цеховых ремесленников, их торговли и других видов хозяйственной деятельности, порядков управления, социально-профессиональной, семейно-брачной и поло-возрастной структуры, миграций городского населения, исполняемых торговыми людьми государственных служб. Однако более ранние (1780–1790-х гг.) обывательские книги представляются содержательнее, нежели позднейшие, XIX в. В перспективе их следует изучать в сравнении с другими видами учетной и нарративной документации конца XVIII — первой трети XIX в. — ежегодными магистратскими ведомостями о состоянии городов, историко-топографическими и статистическими описаниями, записными книгами выдачи паспортов, векселей, маклерскими книгами, списками купечества и др.

Примечания

¹ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска 1786–1788 гг. как источник для изучения социального строя северного города // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Сев. археогр. сб. Вологда, 1970. Вып. 1. С. 123–151; Обухова Г. И. Обывательская книга 1787 г. как источник по истории города Сарапула // История и культура Волго-Вятского края: (К 90-летию Вят. учен. арх. комис.): Тез. докл. и сообщ. к межрегион. науч. конф., Киров, 18–20 окт. 1994 г. Киров, 1994. С. 141–143; Чуракова О. В. Архангельск XVIII в. по материалам переписных книг «городовых обывателей» (гендерный аспект исследования) // Массовые источники отечественной истории: Материалы X Всерос. конф. «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX вв.: Проблемы изучения и издания», посвящ. 90-летию А. Л. Шапира, Архангельск, 25–26 июня 1998 г. Архангельск, 1999. С. 283–289.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16188.

³ ГАВологО. Ф. 476 (Городская дума). Оп. 1. Кн. 17.

⁴ ГАВологО. Ф. 496 (Духовная консистория). Оп. 1. Кн. 4211.

⁵ Чуракова О. В. Архангельск XVIII в. по материалам переписных книг... С. 285.

⁶ ГАВологО. Ф. 14 (Губернское правление). Оп. 1. Кн. 572.

⁷ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 128, табл. 1.

⁸ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке (20-е — нач. 60-х годов). М., 1999. С. 244.

⁹ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 129.

¹⁰ Там же. С. 130, 141, табл. 8; С. 149, табл. 10–11.

¹¹ ГАВологО. Ф. 476. Оп. 1. Кн. 17. Л. 396 об.; Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1611.

¹² Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1610 об. (сведения почерпнуты также из пятой части обывательской книги).

¹³ Захаров В. Н. Голландские купцы в Архангельске и торговые связи Русского Севера и Нидерландов во второй половине XVIII в. // Нидерланды и Русский Север в XVI–XX вв.: Сб. тез. и докл. междунар. науч. конф. Архангельск, 1999. С. 32.

¹⁴ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1610.

¹⁵ Там же. Л. 1338 об.–1339.

¹⁶ Там же. Л. 715.

¹⁷ Там же. Ф. 476. Оп. 1. Кн. 17. Л. 396 об.; Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1028 об.

¹⁸ Там же. Л. 1339 об.

¹⁹ Там же. Ф. 476. Кн. 17. Л. 302 об.

²⁰ Козина Г. Н. Вологодские купцы — фабриканты и заводчики (XVIII — начало XX века) // Вологда: Краевед. альм. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 86.

²¹ Там же. С. 135–136, прим. 17.

²² ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1021 об.

²³ Там же. Л. 1173.

²⁴ Там же. Л. 1172 об.

²⁵ Там же. Л. 765

²⁶ Там же. Л. 681 об.–682.

²⁷ Там же. Л. 1209 об.

²⁸ Там же. Л. 1209 об.

²⁹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 152 об.–153.

³⁰ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII — начала XX века. М., 1978. № 133–135.

³¹ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 797.

³² Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 99 об.–100, 129 об., 174.

³³ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 336, 745, 766, 823, 889, 934 и мн. др.

³⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 41, 281

³⁵ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 352.

³⁶ Полякова У. М. Городовая обывательская книга Архангельска... С. 132.

³⁷ ГАВологО. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 138, 1316.

³⁸ Там же. Л. 281; Ф. 14. Оп. 1. Кн. 532. Л. 61.

³⁹ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1028 об.–1029.

⁴⁰ Там же. Л. 1028 об.–1029.

⁴¹ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 155.

⁴² Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1066.

⁴³ Там же. Л. 58, 71, 102.

⁴⁴ Там же. Л. 61.

⁴⁵ Там же. Ф. 14. Кн. 572. Л. 71.

⁴⁶ Там же. Л. 35 об.–36.

⁴⁷ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Кн. 4211. Л. 1024.

⁴⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Кн. 572. Л. 94 об.–95.

А. Н. Торопов

ОТКРЫТИЕ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОРТУГАЛИЕЙ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЕКАТЕРИНЫ II

Как отмечается на сайте посольства Российской Федерации в Португальской республике, обе страны, территориально удаленные друг от друга, не имели общих политических интересов ни в Европе, ни в других частях света. Однако в интересах обоих государств было установить торговые связи, и в этом, прежде всего, была заинтересована Португалия. Она обладала обширными колониями и мечтала о могущественном флоте. Для осуществления этой мечты португальцам необходимы были товары, являющиеся предметом русского экспорта: мачтовый лес, пенька и смола.

Первые документально зафиксированные попытки установления контактов между Португалией и Российской империей относятся к началу XVIII в. Имеются сведения, что в 1724 г. португальское правительство обратилось к Петру I с предложением об установлении торговых отношений. В ответ на это Петр I издал указ о посылке в Лиссабон консула для налаживания торговли с Португалией. Однако никаких точных сведений относительно его пребывания в Лиссабоне и об успехе или неуспехе его миссии не имеется. К 1739 г. относятся факты прямой торговли между Россией и Португалией, которая состояла из весьма небольшого спектра товаров: Португалия ввозила, помимо леса, железо, лен и воск, а Россия покупала португальское вино, фрукты, пробку, оливки и соль¹.

Только при Екатерине II торговые связи России с Португалией становятся регулярными, а позднее между странами устанавливаются официальные дипломатические отношения. Большую роль в этом сыграла российская императрица, лично интересовавшаяся данным вопросом. В частности, именно по ее инициативе был отправлен в 1765 г. секретный корабль с российскими товарами в Лиссабон. Об этом можно получить представление из переписки Комиссии о коммерции с одним из крупнейших предпринимателей в России в XVIII в. Саввой Яковлевым.

Савва Яковлевич Яковлев (1713–1784), родившись крестьянином, в середине XVIII в. стал одним из богатейших людей России, добился потомственного дворянства. Источниками формирования его капиталов были самые различные сферы коммерческой и промышленной деятельности, такие, как торговля мясом, сделки с недвижимостью, питейные откупы, таможенные сборы, мануфактурная деятельность. К концу жизни он создал на Урале крупнейшее заводское хозяйство, которое по объемам производства чугуна и железа, числу построенных заводов во второй половине XVIII в. превосходило даже заводское хозяйство Демидовых. Везде Савва Яковлев добивался успеха благодаря своим предпринимательским талантам, умением извлекать выгоду из всего².

О масштабах торговой деятельности Яковлева в середине 60-х гг. XVIII в. можно получить представление из «Ведомости, сочиненной в гильдии Санктпетербургского купечества в суму полученного главного магистрата канторы в гильдию указа, а по требованию учрежденной при дворе Ея Императорского Величества Комиссии о комерции» от 19 августа 1764 г. Из восьми купцов, которые «торги производят в портах», Яковлев «производил торги» на 500 тыс. руб., в то время как общая сумма товаров всех восьми составляла 590 тыс. руб. Предприниматель занимался экспортом «пеньки, сибирского железа, разных мануфактурных товаров»³. Не зря Н. И. Павленко считает Савву Яковлева крупнейшим экспортером России⁴. Именно поэтому Яковлеву было поручено снарядить и отправить секретный торговый корабль в Португалию с российскими товарами.

Не вызывает сомнений, что Савва Яковлев занялся этой рискованной коммерческой операцией потому, что этим вопросом интересовалась непосредственно сама Екатерина II. 3 февраля 1765 г. Яковлев отправляет письмо в Комиссию о коммерции, в котором сообщает, что «ваше превосходительство объявить мне изволили секретно, не пожелаю ли я в Лиссабон отправить каравль с грузом российских продуктов нынешнею весною для опыту в торг и чтоб ежели опыт сей учиню, то се будет

Ея Императорскому Величеству Всемилостивейшей Государыне весьма угодно». О секретности данной миссии говорит тот факт, что корабль в Португалию следует отправить «под видом якобы в Средиземное море».

Из текста письма видно, что это дело было совершенно новым. Также предприниматель, как впрочем и в других своих прошениях и письмах в различные правительственные учреждения, не забывает упомянуть, что делает это не в своих, а в государственных интересах: «А хотя я и не имею в Португалию поныне корреспонденции, а потому и не знаю каких там продукты надобны и каких можно на обмен оттуда закупить, однако ж для пользы моей Отечества принимаю на себя сей опыт сделать».

Яковлев намеревался отправить корабль весною 1764 г. При выборе товаров он руководствовался опытом своей торговой деятельности: «Принимаю на себя <...> отправить в Лиссабон будущей весною корабль с грузом с полотняной моей Ярославской фабрики парусных делающихся дюймовых полотен, какими я в Англию и Голландию по корреспонденции в опыт болшим числом обязался, а притом железа и других насколко надобных к караблеплаванию товаров». В конце письма Яковлев не забыл напомнить Комиссии о коммерции, чтобы о его стараниях донесли императрице⁵.

Следующее письмо Яковлев отправил в комиссию 8 мая 1765 г. В нем он пишет, что «высочайшее благоволение» получено, товары для отправки готовы и только «состоит надобность в корабле». Предприниматель отмечает, что корабли «российские, какие хотя и есть построенные из соснового лесу токмо к далнему вояжу безнадезны, а о наиме чужестранного старание прилагаю и как скоро оной корабль офрахтую, то немедленно отправление иметь буду, которое уповаю ежели могу в сем мае и непременно в июне месяце отправлю»⁶.

Однако в июне корабль еще не был отправлен. На запрос Комиссии о коммерции 16 июня 1765 г. Яковлев отвечал, что подготовлен корабль «невеликой пропорции», на котором шкипер и матросы из Голландии. Товары — железо, юфть и воск — грузятся, и «сего дня корабль пойдет в Кронштадт, а на будущей неделе в море»⁷.

Наконец, 22 июля 1765 г. корабль «Христина Кателина» во главе со шкипером Корнелисом Плоем вышел в море. В фактуре товаров, погруженных на борт правой рукой Яковлева во всех его делах — сыном Михаилом указываются следующие товары: 1822 полосы сибирского железа весом 2760 пудов, 560 пудов воска, 356 пудов чистой и 106 пудов юфти «развала», 3012 пудов пеньки первой руки, 2019 пудов пеньки второй руки, 320 кусков парусного полотна и 308 кусков «равендуку», т. е. толстой парусины для больших парусов. Общая стоимость товаров составила 21608 руб. 97 коп. Всего же отправка корабля вместе с пошлиной, погрузкой, транспортровкой, «фрахтовой дичью» обошлась Яковлеву в 25593 руб. 52 коп.⁸

Подобной хоть и торговой, но секретной миссии требовалась серьезная дипломатическая поддержка, которая и осуществлялась доступными для того времени средствами. В реляции от 17/28 июня 1765 г. полномочный министр Гросс сообщал из Лондона, что он «по содержанию императорского рескрипта» предупредил португальского посланника Мелло «о намеряемом еще 8 лет» отправлении корабля из России в Португалию. Гросс просил Мелло, чтобы он сообщил своему королевскому двору об ожидании прямого прибытия корабля, чтобы корабль был свободно допущен и «по возможности фаворитизируем был», чтобы «приохотить купцов российских к продолжению оной коммерции». Португальский посланник обещал, что первой почтой донесет в Лиссабон о корабле и что корабль хорошо примут⁹.

В следующей реляции от 30 сентября/11 октября 1765 г. Гросс сообщал, что по словам Мелло: «Его величество португальское с особливым удовольствием услышал о таком зачатии прямой торговли», и что все российские корабли будут «приемлимы <...> со всякой приязнью». От себя Мелло добавлял, что если российские товары будут «той же доброты», как английские и голландские, но стоить будут дешевле, то предпочтение будет отдаваться российским.

Еще в одной реляции Гросса приводится перечень российских товаров, в которых нуждается Португалия. Португальский посланник сообщил российскому представителю, что «надобно полотно на одевание бразильских обывателей», также парусное полотно, железо, медь, коноплю. «Россияне же могут взять вина, соль сетубальскую, чистое бразильское золото. Бразильские алмазы и фрукты», — считал Мелло¹⁰. Таким образом, начало прямой торговли между Санкт-Петербургом и Лиссабоном было положено.

С 1769 г. португальцы стали проявлять систематическую заинтересованность в торговле с Россией, для осуществления которой стало необходимо учреждение первого официального генерального консульства. Оно было открыто в Лиссабоне и прежде всего защищало интересы и обслуживало русскую эскадру, посланную тогда в Средиземное море. В период заинтересованности расширения

торговли происходит и установление постоянных дипломатических отношений между Россией и Португалией.

Официальные дипломатические отношения между Россией и Португалией были установлены сравнительно поздно. 20 октября 1779 г. в Санкт-Петербург переводом из Гааги по указу португальской королевы Марии I прибыл в качестве первого португальского посла Франсишку Жозе Орта Машаду. 4 июля 1780 г. (во времена правления императрицы Екатерины II) в Португалию прибыл и первый русский посол граф Нессельроде¹¹.

Примечания

¹ Из истории развития российско-португальских отношений // Посольство Российской Федерации в Португальской республике [Электронный ресурс]. URL: http://www.portugal.mid.ru/rus/otn_01.html [23.07.2009].

² *Торопов А. Н.* Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во второй половине XVIII — начале XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

³ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 445/40. Л. 1–3 об.

⁴ *Павленко Н. И.* История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводладельцы. М., 1962. С. 250.

⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 286. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2–2 об.

⁷ Там же. Л. 4–4 об.

⁸ Там же. Л. 8, 13–13 об.

⁹ Там же. Л. 6–7.

¹⁰ Там же. Л. 10–11 об.

¹¹ Из истории развития российско-португальских отношений [Электронный ресурс].

Н. В. Серeda

КУПЕЧЕСТВО В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДОВ РОССИИ

Термины «купец» и «купечество» в различные периоды истории России имели разное содержание. Ученые неоднократно пытались понять, что вкладывали в них законодатели и как понимали их значение в практике российской жизни в тот или иной исторический период. Н. Б. Голикова отмечала, что «для обозначения группы людей, занимающихся торговлей» термин «купечество» стал использоваться достаточно поздно, при этом состав купечества в XVII и первой четверти XVIII в. в различных городах имел свои особенности. В него могли входить представители различных сословных групп, каждая из которых должна была совмещать торговую деятельность с несением других обязанностей, лежащих на представителях данного сословия¹. По сведениям Н. В. Козловой, в коломенское купечество, наряду с посадскими людьми Коломны, были записаны посадские люди других городов, дети священнослужителей, отставные стрельцы и другие категории населения². Автор указывает на противопоставление коломенскими источниками понятий «посадские люди» и «купецкие люди» и высказывает предположение о их содержании. Она предполагает, что первое из них использовалось для обозначения малоимущих людей и чернорабочих, а второе — напротив, для обозначения более зажиточных жителей города³. Н. В. Козлова отмечает также стремление купечества «к обособлению от других тяглых сословий в интересах возвышения собственного сословного статуса»⁴. О процессе постепенной консолидации купечества и превращении его «в наиболее мощную в экономическом плане социальную группу населения» пишет Н. Б. Голикова, выделяя как особо значимые вехи на этом пути учреждение Главного магистрата и создание гильдейской системы⁵. М. Я. Волков и Е. В. Анисимов придерживаются несколько иной позиции. Они считают, что в ходе реформ Петра I термины «купечество» и «посадские» стали идентичными. Это привело к тому, что часть «купечества» занималась черной работой, а отдельные представители данной категории населения относились даже к числу нищих, «вольных и гулящих»⁶. Следует сказать, что все эти исследователи как особо важную веху в развитии городского населения выделяют реформы Петра I: введение подушной подати, гильдий и магистратского управления.

Прежде всего, попытаемся разобраться, как повлияло введение подушной подати на структуру городского населения. До Петра I система управления каждым городом включала множество элементов, отражая корпоративность городского населения и, по сути дела, отсутствие в городе единого городского сообщества. Функционирование этих патриархальных самоуправляющихся структур: посадской общины, профессиональных корпораций (оружейников в Туле, записных каменщиков в Тве-

ри и др.) — было направлено, прежде всего, на выполнение членами этих корпораций налоговых обязательств и каких-либо служб и повинностей в пользу государства. Назначение к подобного рода службам ученые рассматривали как «систему разверстки» государственных нужд между отдельными категориями населения и справедливо отмечали, что такая система вела к обособлению отдельных групп городского населения⁷. Члены каждой из корпораций имели особые права, льготы и обязанности. В конце XVII в. подобные структуры часто имели свои органы самоуправления, например, выбирали своего старосту в случае проживания обособленно от населения посада⁸. В составе государственного управления они были вертикально ориентированы, т. е. в большей степени зависели от центральных учреждений — приказов, чем от воеводы — главы местной администрации. Так, записные кирпичники и каменщики, например, обязаны были выполнять строительные работы в самых разных частях страны. Считаясь состоящими на службе у государства, они были освобождены от посадского тягла, т. е. являлись беломестцами, изымались из общей подсудности провинциальной администрации и подчинялись административно-судебной власти Приказа Каменных дел⁹. В собственности подобных корпораций были орудия труда и производства (инструменты, сараи для обжига кирпича и др.).

Такая система приводила к тому, что в управлении населением каждого отдельного города участвовало несколько ведомств, поскольку различные категории жителей подчинялись разным приказам: пушкари — Пушкарскому, стрельцы — Стрелецкому, каменщики — Приказу Каменных дел, дворяне — Разрядному приказу. Члены посадской общины — главной городской самоуправляющейся корпорации — подчинялись сразу нескольким приказам: по части сбора таможенных и кабацких денег — приказу Большой казны, по сбору ямских денег — Ямскому приказу и т. д.¹⁰

Многие дореволюционные авторы, отмечая подведомственность горожан XVII в. различным приказам, первоочередную задачу Петра I видели в создании «сословия торгово-промышленного населения Руси», «в обращении его в одно тяглое сословие, прочно организованное», в создании ведомства, которое этим сословием управляло¹¹.

Первые попытки консолидации городского населения относятся, видимо, к Соборному Уложению 1649 г., когда была ликвидирована часть белых слобод путем перевода их населения в число посадских людей. Большое значение имела попытка введения ратуш в 1699 г. Тенденция на централизацию управления торгово-промышленными людьми стала более заметной с 1704 г., когда вышел указ, по которому все мастеровые и торговые люди должны были пройти регистрацию у воевод и платить деньги (от 2 алт. до 2 гривен в год) за право вести свою деятельность¹². Указы 1711 и 1714 гг. дали право «людям всех чинов» вести в городе лавочную торговлю без вступления в состав посадской общины, а лишь с уплатой соответствующих пошлин и податей¹³.

Введение подушной подати в городах, совпавшее по времени с введением магистратского устройства, стало, на наш взгляд, еще одним инструментом этого сплочения. В городах стала формироваться межсословная общность населения, члены ее были связаны уплатой подушной подати и при этом *не были связаны отбыванием посадского тягла*.

По мнению И. И. Дитятина, с этого времени законодательство сделало доступ «к занятию торговлей или ремеслом и вообще каким-либо промыслом для лиц других сословий совершенно свободным. Если дворяне не делали этого, то лишь потому, что страдали предрассудками»¹⁴. И. И. Дитятин также настаивал на необходимости развести понятия «посадская община», «посадское тягло» и «торгово-промышленное сословие»¹⁵. К сожалению, эта плодотворная, на наш взгляд, мысль оказалась забытой в советский период развития исторической науки. Лишь в последние годы начался новый этап в осмыслении положения горожан в эпоху Петра I. Исследования о разночинцах и торгующих крестьянах вполне убедительно свидетельствуют об отличиях в положении этих групп населения городов и посадских людей¹⁶.

В дальнейших поисках ответа на вопрос: как называлась эта группа городского населения, объединенная круговой порукой по выплате подушной подати, но различающаяся по отношению к исполнению посадского тягла, — обратимся к законодательству Петра I.

Бесспорно, новым явился термин «граждане», введенный законами императора-реформатора о магистратском устройстве. В общеисторической литературе, в трудах, посвященных реформам Петра I, а также в исследованиях, отражающих проблемы развития русского города, содержатся разнообразные трактовки этого термина. Анализируя его содержание, исследователи чаще всего оперируют текстом седьмой главы Регламента Главного магистрата: «О разделении гражданства», который вводил деление городского населения на гильдии. «А магистрату граждане надлежат», — говорится в Регламенте и далее перечисляется большое количество профессий, ремесел, представители которых входят в 1-ю или 2-ю гильдию. Далее следует оговорка: «Прочие же все подлые люди, обретающиеся

в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не считаются»¹⁷. Это позволяет предположить, что граждане города — люди, имеющие свое дело, или как теперь сказали бы — свой «бизнес», либо имеющие какие-то престижные, требующие навыков профессии. Сословная принадлежность лиц, записывающихся в гильдии, а значит зачисляемых в гражданство, не оговаривалась. Это позволяет говорить, что магистратская реформа стала развитием принципов, заложенных Петром I еще в начале XVIII в. Под натиском требований жизни правительство уже тогда должно было отступить от последовательного проведения своей политики и допустить к занятию промыслами «всяких чинов людей», не обращая их в тяглецов, но с уплатой точно такой же пошлины, какую платят в казну посадские торговые люди¹⁸.

Следует сказать, что некоторые ограничения допуска «к гражданскому свободному промыслу» все же существовали. Регламент устанавливал, что право на него может получить всякий, «кроме матросов и солдат и ежели кто не крепостной», при условии проживания в городе, принесения присяги и платежа положенных податей «в ряд с другими», Лиц, отвечающих этим условиям, можно было «яко гражданина охотно принять и к гражданскому свободному промыслу допустить»¹⁹.

Таким образом, Регламент Главного магистрата соответствовал предшествующему законодательству, направленному на развитие в государстве торговли и промышленности, на привлечение к этой сфере деятельности на различных основаниях представителей всех сословий России, и развивал его. Регламент оформил существование в городах межсословной категории лично свободного торгово-промышленного населения и предложил гильдии в качестве формы для них. Кроме того, он определил тенденцию на размежевание торгово-ремесленного населения города с крепостным крестьянством и консолидацию его с привилегированными слоями общества.

Следующий важный для понимания поставленной проблемы закон — Инструкция магистратам — был опубликован в 1724 г. От регламента ее отделяют три года. Проведенная правительством податная реформа и ряд законодательных актов, изданных в этот период, серьезно повлияли на толкование самим законодателем интересующих нас понятий. Инструкция подтверждает выдвинутый Регламентом профессиональный критерий принадлежности к той или иной гильдии, но на первый план выводит другой критерий принадлежности к гражданству — участие в платеже городского оклада. Как следствие в число граждан попали «подлые люди». В пункте 15 сформулировано положение о том, что «оныя по гражданству в магистратском ведомстве состоят и подати надлежащие по силе и состоянию их без отягощения платить повинны». Перенесение акцента с одного критерия на другой позволило распространить гражданство на те группы городских разночинцев, которые не занимались торгово-промышленной деятельностью и не были включены в штаты учреждений. В ходе податной реформы они оказались положены в оклад по данному городу без учета их желаний. Для них то, что было обозначено Регламентом как право (право записаться в гильдии и тем самым оказаться в числе регулярных граждан), в процессе внедрения в жизнь Инструкции магистратам трансформировалось в обязанность быть в числе граждан со всеми вытекающими отсюда последствиями, прежде всего, обязанностью платить подушную подать.

Процесс создания магистратов сопровождался новыми переписями городского населения, которые едва ли возможно отождествлять с ревизскими материалами. В Сибири, в ходе переписи 1723 г., которую М. О. Акишин отождествляет с «посадским строением», происходили массовые записи в подушный оклад, что автор приравнивает к записи в посад. Судя по данным, приводимым исследователем, в иркутский «посад» были внесены сын сотника, 9 казаков, сибирские дворяне В. Хлуднев и В. Фирсов, а также служилые люди. В Тобольске в 1723 г. в оклад по городу было записано 277 чел., в том числе из казаков, дворян, детей боярских, пушкарей и их детей²⁰.

Сведения о записывании «в посад» в ходе «первой ревизии» служилых людей и дворян, причислении их к гильдиям и даже о выборе в состав членов магистратов находим и в работах других авторов²¹. По сведениям Е. Н. Кушевой, дворянин М. К. Нечаев являлся саратовским бургомистром в 1744 г., а дворянин И. П. Левашев в 1740–1750 гг. был ратманом Саратова. Дети дворянина К. В. Толмачева занимались торговлей еще в 1723 г., а его внуки в 1760-е гг. являлись купцами 1-й и 2-й статьи²².

Следует иметь в виду, что часть из тех, кто записался в гильдии, был положен в оклад по первой ревизии или чуть позднее — в процессе устройства магистратов. Они не входили в компетенцию посадской общины — основного элемента тяжелой структуры городского самоуправления XVII — начала XVIII в. Пушкари, стрельцы, дворяне и другие разночинцы, проживающие в городах хотя и стали с этого времени платить торговые сборы или подушную подать (а в ряде случаев и то, и другое) наравне с другими посадскими людьми города, при этом не исполняли всего многообразия обязанностей, возложенных на членов посадской общины. И. Б. Сидорова, изучив положение разночинцев в

городах, пришла к выводу: будучи обязанными по результатам первой переписи платить подушный оклад и участвовать в мирских раскладках, они тем не менее были освобождены от традиционных посадских служб при питейной и соляной продаже. При этом разночинцы ходили в ночные караулы, участвовали в тушении пожаров, служили в сотских и десятских²³, т. е. участвовали в выполнении полицейских обязанностей наряду с посадскими людьми. Подчинить эти категории городского населения должностным лицам посадской общины едва ли было возможно и целесообразно. Они должны были по замыслу Петра I подчиняться магистратам, как впрочем и члены посадской общины.

Иноязычный термин «граждане» не приживался на почве российской жизни, да и магистраты были закрыты вскоре после смерти царя-реформатора (1727 г.). Но межсословные группы населения, сложившиеся в большинстве развитых торгово-промышленных центров в ходе петровских преобразований, продолжали существовать и именно для их обозначения стали использовать термин «купечество».

Являясь межсословной группой населения, купечество, скорее всего, сложилось, с одной стороны, как результат всей политики Петра I на разрешение представителям разных сословий заниматься торговлей и промыслами (не записываясь при этом в посадское тягло), а с другой, вследствие стремления царя выделить полноправных горожан — лично свободных людей — в особые территориальные сообщества. Поскольку в этой формирующейся среде занятия торговлей все же преобладали над занятиями по производству товаров, то за ней и закрепился термин «купечество», который и ранее характеризовал занятия людей торговлей.

Термин «купечество» вводился в практику жизни именно для обозначения новой категории городского населения, более широкой, чем посадская община, но включающей все же только лично свободных людей. Термин «купечество» близок по смыслу к термину «граждане», вводимом двумя крупнейшими законодательными актами о магистратском управлении.

В результате их осуществления в городах должны были сосуществовать две общности людей. Кроме посадской общины, в которую входило городское торгово-промышленное население, объединенное несением посадского тягла, в каждом из городов стала складываться территориальная корпорация лично свободных лиц, часть из которых была записана в гильдии. Часть городского населения оказывалась одновременно и в составе посадской общины, и в составе купечества. Причастность к купечеству от посадских требовала уплаты подушного и оброчного сбора по данному городу и вытекала из факта записи их в ревизскую сказку этого города.

Положение Регламента о не приеме в состав городского гражданства, а значит и купечества, крепостных крестьян осталось в силе, более того, оно, видимо, распространилось на крестьян вообще. Крестьяне, в том числе крепостные, получили право приписываться к этой категории населения, получая статус «торгующих крестьян». За этим статусом стояло существенное отличие в правах и обязанностях перед городом и государством, набор этих прав и обязанностей отличал торгующего крестьянина от торгующего посадского и тем более торгующего дворянина. Особенности положения торгующих крестьян конца XVII — начала XVIII в. нашло отражение в исследованиях Е. И. Индовой, И. А. Булыгина, В. Р. Тарловской. Было доказано, что помещичьи крестьяне, занимаясь в городе торговлей и записываясь в купечество, не переставали быть крепостными, что они несли лишь часть посадского тягла и не являлись полноправными горожанами²⁴. Их вносили в ревизские сказки по основному месту жительства — феодальным владениям. Там они должны были платить 80 коп. подушного сбора. Еще 40 коп. они платили в городе в качестве оброчного сбора. Записываясь в купечество, такой крестьянин не становился равноправным членом городского общества и купеческих гильдий. Он был не «купцом», а «приписанным к купечеству по торгам» крестьянином, при переписях отделялся от купечества и не имел права вступления в состав регулярных граждан.

Дворяне вступали в гильдии, видимо, значительно реже и платили лишь промысловые сборы за право занятия торговлей и промыслами. Все занимающиеся купеческой деятельностью, в том числе дворяне, должны были платить таможенные сборы. Однако же членство в посадской общине накладывало на горожан еще ряд обязательств, в том числе службы при таможенных, кабацких и иных косвенных сборах.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что применительно к первой половине XVIII в. не следует отождествлять купечество и посадских, однако же и отождествление купечества с наиболее зажиточными горожанами едва ли правомерно. Тем не менее, следует отметить, что отождествление посадских и купечества более правомерно, ибо оно учитывает главнейшее правовое отличие определенной группы горожан, которую традиционно, хотя и не вполне точно, определяют как посадских людей: их личную (хотя и относительную) свободу, из которой вытекал ряд других преимуществ. Однако полного отождествления понятий «купечество» и «посадские люди» допускать не следует, так же как не

следует отождествлять граждан города с посадскими людьми. Это уводит рассуждения в сторону пренебрежения правовыми нормами и упрощает реконструкции прошлого до излишнего схематизма.

Примечания

- ¹ Голикова Н. Б. К вопросу о составе русского купечества во второй половине XVII — первой четверти XVIII в. // Русский город: Исслед. и материалы. М., 1980. Вып. 3. С. 39, 63–65.
- ² Козлова Н. В. Социально-экономическое развитие Коломны в 20–40-х годах XVIII в. // Там же. М., 1981. Вып. 4. С. 124–126.
- ³ Там же. С. 128.
- ⁴ Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке: (20-е — нач. 60-х гг.). М., 1999. С. 360.
- ⁵ Голикова Н. Б. К вопросу о составе русского купечества... С. 65.
- ⁶ Волков М. Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: Первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 27; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I: Введение подуш. подати в России, 1719–1728 гг. Л., 1982. С. 207.
- ⁷ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. СПб., 1875. Т. 1: О гос. устройстве. С. 217–218; Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930. С. 8, 32.
- ⁸ См., например: Богдавленский С. К. Московская мещанская слобода в XVII в. // Богдавленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII в. М., 1980. С. 9–170.
- ⁹ Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел. С. 8.
- ¹⁰ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. СПб., 1875. Т. 1. С. 174; Тарловская В. Р. Из истории городской реформы в России конца XVII — начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 102 и др.
- ¹¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 136–137, 134; Градовский А. Д. История местного управления в России.
- ¹² Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел. С. 204.
- ¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2433; Т. 5. № 2770. Подробнее об этих указах см., например: Булыгин И. А. Законодательство о крестьянской торговле в России XVII — 60-х годов XVIII века // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 189–191.
- ¹⁴ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 400. См. Указ о единонаследии: ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 2789. п. 15. Сведения о намерении Петра Первого разрешить дворянам заниматься торговлей и записываться в купечество см. также: Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 191–192.
- ¹⁵ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. С. 178.
- ¹⁶ Сидорова И. Б. Положение разночинцев в русском обществе (XVIII — первая половина XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1982. С. 13–14.
- ¹⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3708.
- ¹⁸ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875. С. 178.
- ¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3708. Гл. 13.
- ²⁰ Акишин М. О. I ревизия и посадское строение в Сибири // Россия и Восток: Тез. междунар. конф. Ярославль, 1995. Вып. 2. С. 164–167. Сомнение в правомерности использования ученым термина «посад» усиливает приводимый этим же автором факт, что в 1724 г. служилые татары и казачьи дети просили об исключении их «из разночинского оклада», куда они оказались внесенными в ходе переписи.
- ²¹ См., например: Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 32–34.
- ²² Кушева Е. Н. Саратов в первой половине XVIII века // Проблемы социально-экономической истории России: Сб. ст.: К 85-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина. М., 1971. С. 35–38.
- ²³ Сидорова И. Б. 1) Отражение нужд разночинцев в городских наказах 1767 года // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч. 1. С. 33–39; 2) Положение разночинцев в русском обществе... С. 13–14. Правда, некоторые из положенных в подушный оклад, выполняли в пользу государства какие-то другие повинности, например, работали на заводах, как это было с тульскими оружейниками (См.: Юркин И. Н. Выборные службы в системе управления Оружейной слободой Тулы в первой трети XVIII столетия // Управление городами: История и современность: Материалы науч. конф. Тверь, 2000. С. 129–141).
- ²⁴ Булыгин И. А. Законодательство о крестьянской торговле... С. 192; Тарловская В. Р. Торговля России периода позднего феодализма: (Торгов. крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в.). М., 1988. С. 26, 158.

Е. В. Комлева

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА (конец XVIII — начало XX в.)*

Сибирское купечество формировалось за счет выходцев из самых разных слоев общества; не было оно однородным и по такому критерию, как этническая принадлежность входивших в него людей. Несмотря на появление в последние годы большого числа исследований по истории сибирского купечества, вопрос об этническом происхождении купцов по-прежнему остается одним из наименее изученных. Это

обусловлено, прежде всего, спецификой имеющихся источников, в которых национальная принадлежность начала фиксироваться лишь к середине XIX в., да и то не в чистом виде, а через указание вероисповедания. По мнению авторов, затрагивающих в своих работах проблему национально-религиозного происхождения сибирских купцов, на протяжении конца XVIII — XIX в. для сибирского купечества был характерен почти однородный состав: подавляющее большинство гильдейцев составляли русские православного вероисповедания¹. Данные В. Н. Разгона показывают, что в первой половине XIX в. русские продолжали сохранять «абсолютное преобладание, но при общем росте количества объявляемых этой основной национальной группой капиталов, ее удельный вес постепенно снижался, что было вызвано увеличением численности других национальных групп»². Еще быстрее этот процесс пошел в конце XIX — начале XX в., в результате чего к 1904 г. русские (православные) стали составлять лишь около 66 % от численности всего сибирского купечества³.

Привлечем для рассмотрения вопроса об этнической принадлежности сибирских купцов материалы «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», изданной в Новосибирске в 1990-х гг.⁴, которой по праву принадлежит наибольшее значение в ряду целой серии появившихся в последние два десятилетия биографических работ, посвященных представителям сибирского купечества⁵. Несмотря на имеющиеся недостатки, «Краткая энциклопедия» пользуется большим спросом как среди исследователей, так и среди самого широкого круга читающей публики и уже стала библиографической редкостью. В последние годы в Новосибирском институте истории ведется работа по подготовке второго, значительно переработанного издания «Краткой энциклопедии». Обилие собранного в ходе работы биографического материала позволяет не только получить представление о жизни и размахе деятельности выдающихся сибирских предпринимателей (купцах, а также наиболее активных в экономической жизни региона мещанах, дворянах, чиновниках, крестьянах и пр.), но и составить целостную характеристику социокультурного облика всего сибирского купечества и, в частности, такой его составляющей, как этнический состав гильдейцев на протяжении XVIII — начала XX в.

Судить об этническом происхождении гильдейцев можно по их вероисповеданию, если оно указано, а также основываясь на их фамилиях и именах, хотя оба эти критерия не всегда достаточно объективны. Установить конкретную национальность купцов возможно далеко не всегда, а уж выделить, например, в национальном большинстве купцов, которых многие исследователи называют «русскими православного вероисповедания», украинцев или белорусов почти невозможно. Между тем, среди владельцев капиталов, попадающих в эту категорию, нередко встречаются такие фамилии, как Белых, Богусевич, Галицкой, Кравец, Малых, Криворучка, Микулич, Мирошниченко и др., указывающие на самое различное региональное и национальное происхождение предков их обладателей. Кроме того, к этой группе относились также сектанты. Сюда же могли попасть и представители других народов, принявших православие и, соответственно, изменивших имена, а иногда и фамилии.

Помимо восточных славян, по материалам «Краткой энциклопедии» удалось выявить 687 купцов-выходцев из других этнических групп, в том числе: 529 евреев, 78 западноевропейцев (немцев, французов, англичан, датчан), 34 поляка, 38 татар и выходцев из Средней Азии, 4 коми-зырян, китайца, представителя коренных сибирских народов (скорее всего, хакаса). Кроме того, в конце XVIII в. в енисейское купечество входил некий Авар Бавлуцкой⁶, который, возможно, был польского или какого-нибудь другого происхождения. Недостаточно сведений и для определения этнической принадлежности балаганского купца конца XIX в. Р. Л. Боннера⁷.

Самую большую группу (77 %) купцов не восточнославянского происхождения составляли евреи, появившиеся в Сибири в качестве ссыльных (нередки были случаи, когда их ссылали целыми общинами⁸), а после указа о воинской повинности для евреев 1827 г. — кантонистов. В 1835 г. для устройства еврейских земледельческих поселений были выделены земли в Тобольской губ. и Омской области, однако в 1837 г. евреи вновь были лишены права переселяться в Сибирь; исключение делалось только для ссыльнопоселенцев, крещеных и отслуживших полный срок службы в армии⁹. Поначалу центральные и местные власти стремились ограничить предпринимательскую деятельность евреев. Например, с 1798. по 1817 г. евреи обязаны были платить двойную подать за позволение отправлять мещанские и купеческие промыслы¹⁰. Согласно же постановлению 1824 г., даже те из евреев, кто состоял в первой гильдии, в отличие от первогильдейцев-христиан, не могли быть награждаемы чинами и орденами по особенно важным заслугам, а также просить о принятии их детей в гражданскую службу¹¹. Постепенно отношение к евреям смягчалось: в 1834 г. указом Сената сосланным на поселение в Сибирь евреям разрешалось заниматься торговлей, а в 1865 г. евреи были уравнены в правах с христианским населением России¹². Однако некоторые сибирские территории (например, Алтайский горный округ) оставались закрытыми для евреев вплоть до конца XIX в.¹³

Отмена ограничений привела к заметному росту численности купцов еврейского происхождения в составе сибирского купечества во второй половине XIX — начале XX в. Особенно много купцов из евреев насчитывалось в городах Восточной Сибири (основного места еврейской ссылки) — например, в конце XIX в. в Верхнеудинске 134 еврея составляли 55,6 % от общей численности местного купечества¹⁴.

Купцы-евреи, наряду со всеми остальными гильдейцами, несли городские повинности и исполняли службы в органах местного городского самоуправления. Примером может служить избрание в 1817 и в 1818 гг. красноярского третьей гильдии купеческого сына из евреев М. Г. Каминера на должность частного пристава¹⁵. В 1829 г. он же был избран в гласные местной Думы. При вступлении в должность он присягал не в православном соборе, а у местного раввина¹⁶.

По наблюдениям исследователей жизнедеятельности еврейских общин на территории Сибири, на протяжении всего XIX в. шел сложный процесс взаимодействия русской и еврейской культуры, выражавшийся в том числе и в достаточно многочисленных фактах перехода из иудаизма в православие и наоборот¹⁷. Что касается купцов-евреев, то среди них зафиксировано 19 случаев перехода в православие (3,6 % от всех купцов данной национальности). Иногда это было результатом искреннего убеждения, примером чего может служить судьба ачинского и енисейского купца И. Л. Фактурова, который под влиянием бесед с Даниилом Ачинским (позже канонизированным) крестился сам вместе со всем семейством¹⁸. Впоследствии А. Д. Данилов часто встречался с о. Даниилом, а через шестнадцать лет после смерти старца, в 1859 г. пожертвовал значительную сумму на постройку в Енисейском Христо-Рождественском монастыре над могилой покойного квадратной каменной часовни, крытой железом¹⁹.

Напротив, томский первогильдеец Ф. И. Манасевич хлопотал о разрешении прибавить к своей фамилии приставку «Мануйлов» для сокрытия своего еврейского происхождения²⁰. Крупный тарский купец Л. М. Глизман также поменял веру и даже служил старостой Тихвинской кладбищенской церкви. Известно, что он обращался с просьбой к Николаю II разрешить ему именоваться Глузманенко. Крещеными евреями были также томские и барнаульские купцы Ельдештейны, енисейский Б. Ф. Флеер. Вполне возможно, что сюда же относились красноярские купцы Прейны, Майеры, Рейхелигман, Шток.

На предпринимательскую активность евреев указывали многие исследователи сибирского купечества²¹. Как показывают данные «Краткой энциклопедии», именно среди купцов-евреев были наиболее богатые и влиятельные купцы по сравнению с представителями других народов, не относившихся к группе восточных славян. Всего выявлено 40 евреев, объявлявших капитал по первой гильдии, что составляло 51,3 % от общей численности купцов-евреев. Среди остальных этнических групп этот показатель был гораздо менее значителен: в верхние слои купечества входили только 7 западноевропейцев (9,0 % от всех гильдейцев-выходцев их стран Западной Европы), 5 татар и среднеазиатов (13,6 %), 1 поляк (2,9 %).

Большинство купцов-евреев занимались разного вида торговлей (454 чел. — 85,8 % от всех гильдейцев еврейского происхождения). На втором месте шла золотопромышленность, в которую вкладывали капиталы 67 чел. (12,7 %), далее шли: обрабатывающая промышленность (70 чел. — 13,2 %), подряды (17 чел. — 3,2 %), промышленные мастерские (11 чел. — 2,1 %), сфера услуг (7 чел. — 1,3 %), ростовщичество (6 чел. — 1,1 %) и др. Среди наиболее крупных и известных сибирских купцов еврейского происхождения — ачинские, енисейские и красноярские Даниловы, иркутские Домбровские, Кальмееры, Лейбовичи, Новомейские, Патушинские, Хотимские, Я. Д. Фризер, каинские, омские и тюкалинские Мариупольские, нерчинские Рифы, канские и красноярские Прейны, томские Фуксманы, Хаймовичи, Хотимские.

Следующую значительную группу сибирских купцов составляли выходцы из Западной и Восточной Европы, на которых вместе взятых приходилось 16,3 % от общего числа всех купцов не восточнославянского происхождения. Среди западноевропейцев особенно много насчитывалось немцев (63), далее шли англичане (4), французы (3), датчане (2). В 8 случаях для определения конкретной национальности недостаточно данных.

Манифестом от 1 января 1807 г. все иностранцы были исключены из купеческих гильдий, а в мае того же года они получили право записываться в российское купечество, но с условием принятия «вечного России подданства». Только в середине XIX в. выходцы из других стран были уравнены в правах заниматься торговой деятельностью с российскими подданными²². Один из первых случаев записи представителя Западной Европы в сибирское купечество относится к 1807 г., когда в Красноярском округе проживал некий Лаврентий Меттих, судя по фамилии, немецкого происхождения²³. В. Н. Разгон упоминает о еще более раннем факте вхождения иностранца в сибирское купечество: в

1795 г. в тобольское купечество был записан из «иностранных купцов» Ф. Март²⁴. Активная запись выходцев из стран Западной Европы в сибирское купечество пришлась на вторую половину XIX в., когда их число возрастало с каждым десятилетием. Это объяснялось как развернувшейся золотодобычей, так и строительством Сибирской железнодорожной магистрали и началом массовых переселений в Сибирь из европейской части страны²⁵.

Из сфер приложения капиталов купцов-западноевропейцев наиболее значимыми были: торговля (70 чел. — 89,7 % от числа всех представителей этой группы), обрабатывающая промышленность (14 чел. — 17,9 %), золотопромышленность (5 чел. — 6,4 %), промышленные мастерские (4 чел. — 5,1 %). Известен купец (И. О. Краузе), в 1860-х гг. зарабатывавший на иркутском городском театре²⁶.

Среди выходцев из Западной Европы, записывавшихся в сибирское купечество, были такие видные фигуры, как, например, француз Жан Пьер (Иван Петрович) Алибер, владелец первого и крупнейшего в России графитового рудника под Боготолом²⁷. Гамбургский подданный и временно барнаульский купец А. Брокмиллер известен как строитель первого в Сибири свеклосахарного завода²⁸. В первой гильдии состояли: тюменский промышленник Р. Гуллет, владелица аптеки в Иркутске О. Я. Копп, красноярский торговец швейными машинами Г. А. Нейдлингер, омский скупщик молочных продуктов Паллизен, хлеботорговец из Иркутска В. И. Таубер, занимавшийся торговлей с Китаем кяхтинский купец А. А. Хомзе, красноярский золотопромышленник К. И. Шпейер.

Случаи записи поляков в сибирское купечество фиксируются с конца XVIII в.: в 1796 польский шляхтич Н. О. Бакуринский вошел в 3-ю гильдию Иркутска²⁹. В основном это были ссыльные или их потомки. Исключение составляли самые крупные фигуры из поляков — дворяне и первогильдейцы Поклевские-Козелл, прибывшие в Сибирь по собственной воле и занимавшиеся золотопромышленностью, пароходством, торговлей³⁰. Как и представители остальных этнических групп, купцы-поляки занимались, главным образом, торговлей разными товарами (26 чел. — 76,5 %) и обрабатывающей промышленностью (5 чел. — 14,7 %). С золотопромышленностью и пароходством была связана деятельность 3 чел.: первой занимались А. Ф. и В. А. Поклевские-Козелл, вторым — А. Ф. Поклевский-Козелл и Л. А. Ясинский. Как основатель одной из первых в Западной Сибири пароходной компании известен также Ю. Адамовский, однако он никогда не входил в число местных купцов³¹.

Многочисленностью отличалась группа купцов-мусульман, сосредотачивавшихся, главным образом, в городах Сибирской линии (Петропавловск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск)³². В остальных городах насчитывалось незначительное число купцов из татар и выходцев из Средней Азии. Например, в 1780-х гг. в купечество Томска входило 3–5 % мусульман-бухарцев³³. По данным В. Н. Разгона, в первой половине XIX в. мусульмане составляли от 3,1 до 9,7 % в составе сибирского купечества, причем, пик их записи в гильдии пришелся на 1830–1850-е гг. в связи с указом от 15 января 1834 г., ограничивавшим торговые льготы бухарцев³⁴. Эти данные в сопоставлении с очень небольшим числом статей в «Краткой энциклопедии», посвященных выходцам из Средней Азии, числившихся в сибирском купечестве в первой половине XIX в., дают основания утверждать, что далеко не все сведения попали в рассматриваемое издание и что реально купцов-бухарцев и татар было значительно больше. Значительное число купцов-мусульман, занимавшихся торговлей мануфактурой, фиксируется также в городах Акмолинской области в конце XIX — начале XX в. Многочисленным и влиятельным был клан тарских купцов и потомственных почетных граждан Айтыкиных, ведущих свое происхождение от бухарца Дин-Али ходжи из Ургенча и занимавшихся торговлей со Средней Азией³⁵. Казанскими татарами были иркутские золотопромышленники и торговцы Шафигуллины³⁶. Из обрусевших татар вышел крупный тюменский и московский купец, писатель и общественный деятель Н. М. Чукмалдин³⁷.

В литературе встречаются упоминания о наличии в рядах сибирских купцов цыган³⁸, якутов³⁹. Однако на основании рассматриваемого нами издания удалось выявить лишь одного человека, которого с уверенностью можно причислить к представителям коренных сибирских народов: это А. В. Юсупов, в 1852 г. записавшийся в третью гильдию Минусинска из «ясачных инородцев» Красноярского округа⁴⁰. Возможно также, что из инородцев происходил и ачинский купец конца XVIII в. Иван Ерлыков⁴¹, хотя прямых указаний на это не найдено. Выявить остальных «инородцев» крайне сложно из-за возможной смены ими имен при крещении в православную веру. Известны также единичные случаи записи в купеческие гильдии представителей других народов: например, видные красноярские купцы и общественные деятели Латкины⁴² происходили из коми-зырян; к 1898 г. относится случай записи в сибирское купечество китайца Тянь-Ху-Сина⁴³.

Таким образом, материалы «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири» позволяют существенно обогатить представление об этническом составе сибирского купечества и о деятельности купцов различного происхождения, которых в течение XIX в. становилось все больше. Кроме русских, среди гильдейцев региона можно выделить представителей, по крайней мере, еще 14 национальностей: украинцев, белорусов, англичан, датчан, французов, немцев, евреев, поляков, представителей коренных сибирских народов, татар, казахов, узбеков, зырян, китайцев. Наибольший удельный вес после восточных славян в сибирском купечестве составляли евреи, отличавшиеся как многочисленностью, так и предпринимательской активностью и наличием значительных состояний. Однако и среди остальных сколько-нибудь значительных по численности групп были представители крупного капитала. Независимо от этнической принадлежности, основное занятие большинства купцов составляла торговля разными товарами. В целом, несмотря на происходивший в течение XIX — начала XX в. рост численности и удельного веса купцов нерусского происхождения в составе сибирского купечества, каких-либо серьезных конфликтов на национальной почве среди купцов не отмечалось.

Примечания

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 09-01-00550 а/р.

¹ Бойко В. П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII — XIX в.: Очерки соц., отраслевой, бытовой и ментал. истории. Томск, 2007. С. 72.

² Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: Регион. аспект предпринимательства традиц. типа. Барнаул, 1999. С. 104–105.

³ Гончаров Ю. М. Купеческая семья второй половины XIX — начала XX вв.: (По материалам компьютер. базы данных купеч. семей Зап. Сибири). М., 1999. С. 108.

⁴ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: В 4 т. Новосибирск, 1994–1999.

⁵ Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая, 1861–1917: Энцикл. предпринимательства. Барнаул, 1996; Погребняк А. И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002; Ноздрин Г. А. Ерофеевы: жизнь и судьба // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2005; Деловая элита старой Сибири: Ист. очерки. Новосибирск, 2005; Комлева Е. В. 1) Енисейское купечество (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века). М., 2006. С. 235–348; 2) Петр Федорович Ларионов: история «обыкновенного» купца // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков: Сб. биограф. очерков. Новосибирск, 2007. С. 20–33; Зуева Е. А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. С. 124–162; Связь времен: Баснины в истории Иркутска. Иркутск, 2008; и др.

⁶ РГАДА. Ф. 291. Оп. 1. Д. 19080.

⁷ Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 год. Иркутск, 1891.

⁸ Резун Д. Я., Беседина О. В. Городские ярмарки Сибири XVIII — первой половины XIX в.: Ярмарки Зап. Сибири. Новосибирск, 1992. С. 99.

⁹ Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнич. состав. М., 1992. С. 162–163; Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 21. С. 426–466.

¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 24. № 18015.

¹¹ Там же. Т. 39. № 30115.

¹² Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 106.

¹³ Гончаров Ю. М. Купеческая семья... С. 110.

¹⁴ Зуева Е. А., Скубневский В. А. Купечество сибирское // Краткая энциклопедия... Т. 2, кн. 2. С. 145.

¹⁵ АААКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 22. Л. 147; Д. 31. Л. 50 об.–51.

¹⁶ Там же. Д. 81. Л. 65–66.

¹⁷ Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии: (По материалам Том. губ.) // Русский архипелаг: Сетевой проект «Рус. мира» [Электронный ресурс]. URL: www.archipelag.ru/ru_mir/tm-diaspor/hebrew/religious-life/ [23.07.2009].

¹⁸ Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. Машинопись. Т. 1. С. 272.

¹⁹ Фаст Г. Енисейск православный: Очерк протоиерея Геннадия Фаста: К 375-летию города. Красноярск, 1994. С. 40.

²⁰ Краткая энциклопедия... Т. 3, кн. 1. С. 74.

²¹ Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск, 1975. С. 70–71.

²² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. №. 22418, 22533; Старцев А. В. Торгово-промышленное законодательство и социально-правовой статус предпринимателей в России в XVIII — начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVII — начало XX вв.). Барнаул, 1995. С. 10–11.

²³ АААКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 12.

²⁴ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 104.

²⁵ Гончаров Ю. М. Купеческая семья... С. 108.

²⁶ Краткая энциклопедия... Т. 2, кн. 2. С. 54.

²⁷ Там же. Т. 1, кн. 1. С. 27–29.

²⁸ Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Предприниматели Алтая... С. 40.

²⁹ Краткая энциклопедия... Т. 1, кн. 1. С. 62.

³⁰ Там же. Т. 3, кн. 3. С. 22–24.

- ³¹ Туманик Е. Н. Становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX в.: Предпринимательская инициатива Юзефа Адамовского // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири... Новосибирск, 2005. С. 120–127.
- ³² Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 104–105.
- ³³ Бойко В. П. Происхождение и состав томского купечества в конце XVIII — начале XIX в. // Российское купечество от средних веков к новому времени: Науч. конф., Москва, 2–4 нояб. 1993 г.: Тез. докл. М., 1993. С. 92.
- ³⁴ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 105.
- ³⁵ Краткая энциклопедия... Т. 1, кн. 1. С. 21.
- ³⁶ Там же. Т. 4, кн. 3. С. 11–12.
- ³⁷ Там же. Т. 4, кн. 2. С. 123–125.
- ³⁸ Разгон В. Н. Сибирское купечество... С. 106.
- ³⁹ Зуева Е. А., Скубневский В. А. Купечество сибирское // Краткая энциклопедия... Т. 2, кн. 2. С. 145.
- ⁴⁰ АААКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 538. Л. 37 об.
- ⁴¹ Высоцкий Н. О., Айгустов Н. Н. Об основании, устройстве и развитии города Ачинска // Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. СПб., 1863. С. 20; Резун Д. Я. Русские в Среднем Причумылье в XVII–XIX вв.: (Пробл. соц.-экон. развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984. С. 104.
- ⁴² Краткая энциклопедия... Т. 3, кн. 1. С. 19–20.
- ⁴³ Там же. Т. 4, кн. 2. С. 33.

П. В. Лизунов

ПЕРВЫЕ МАКЛЕРЫ В РОССИИ: ЗАРОЖДЕНИЕ БИРЖЕВОЙ ТОРГОВЛИ (XVIII — НАЧАЛО XIX в.)

Петербургская биржа, учрежденная Петром I в начале XVIII в., изначально предназначалась для облегчения торговли иноземных купцов, а также для приобщения русского купечества к европейским торговым обычаям. Царь не раз посещал биржу, где общался с русскими и иностранными negociантами¹. Им были установлены некоторые начала упорядочения биржевой торговли, отчасти заимствованные на Западе. Так, указом Петра I от 17 марта 1717 г. учреждалась должность гоф-маклера. Им стал английский купец Самуил Андреевич Мюкс². До своего назначения Мюкс вел торговлю в Архангельске и Москве. В Архангельске он женился на дочери местного купца Якова Якимова Авдотье. Затем со всем семейством Мюкс перебрался в Петербург, где продолжил торговлю и даже приобрел сахарный завод, принадлежавший ранее «московскому торговому иноземцу» Павлу Вестову³.

В обязанности гоф-маклера Мюкса входили «к стороне Его Величества чинить всякую верность и казенной прибыли прилежное радение»⁴. В дополнение именного указа из Коммерц-коллегии 24 марта 1717 г. было дано распоряжение, которым «велено ему Мюксу в приказах и в губерниях, на ярмарках, как у покупки, так и у продажи казенных товаров, быть <...> гоф-маклером, и за труд брать с одних купцов, которые те казенные товары будут покупать, по деньге с рубля, а с цены казенных товаров не брать, и с купецких всяких товаров, которые будут чинить торг через его, брать с купца и с продавца по деньге ж с рубля»⁵. При этом ему не запрещалось вести собственную торговлю. В сущности, Мюкс являлся правительственным чиновником для сбора пошлин с купеческих товаров.

В объявлениях, печатавшихся в «Санкт-Петербургских ведомостях» о торгах, которые совершались при посредничестве Мюкса, он именовался гоф-маклером или придворным маклером. Товары, которые продавались через него, были самые разнообразные: лошади, вестфальские окорока, бургундское и рейнское вино, золото, серебро, алмазы, женские платья, чулки, шляпы, полотно, сукно, кофе, фарфоровая посуда, сало, треска, поташ, пенька, железо и пр. Иногда в объявлениях о публичных торгах через Мюкса сообщалось, что товары «от него гораздо сносной цене уступлено будет»⁶. Торговля велась Мюксом на бирже, буянах или на квартире, где он жил, в доме английского купца Якова Гарнера за Императорским почтовым двором⁷.

Однако коммерческие дела у Мюкса шли не всегда успешно. Так, 18 марта 1721 г. по указу Сената президента Коммерц- и Камер-коллегиями П. А. Толстым и Д. М. Голицыным рассматривалось дело о долгах Мюкса казне и частным лицам. Сам должник государю «бил челом, что многократными и несносными <...> случаями в купечестве как морем, так и от должников, пришел он во всеконечную скудость, между которыми и его царскому величеству паче всех других уплатить надлежит, но не может того вскоре учинить понеже от того немалою печалью убивает имея страх всегда в опасение чтоб <...> не приведен он был в тюрьму и правез, и за таким случаем вновь торг завести и кредит себе зажить не имеет ежели его царское величество в бедности и несчастном его скудости милость свою <...> ему оказать не изволит»⁸. Мюкс просил Петра I дать ему, по примеру европейских государств, «мораторские листы или грамоты» сроком на 10 лет для поправления коммерции. Вместо «поруки» Мюкс обещал «по смерть свою пребывать» с женой и детьми в российском государстве и

дать о присягу на верность государю⁹. Неизвестно получил ли Мюкс отсрочку уплаты своих долгов, но звание гоф-маклера он сохранил.

16 января 1721 г. был издан «Регламент Главного магистрата», XIX глава которого «О маклерах или о торговых сводчиках» гласила: «Понеже определенных и присяжных маклеров дело весьма есть потребное, и касается до установления доброго в купечестве порядка <...> и избирается такой маклер и определяется от Магистрата, но никакого жалования не имеет; токмо получает за труды свои определенные деньги от купеческих людей, что ему от Магистрата определено будет, и какие торги и векселя через такого человека заключаются, те надежны от всякого обмана и обмена товаров суть безопасны». Главному Магистрату было велено «в приморских и других знатных городах, в тех, где знатные торги есть, таких маклеров выбрать Магистратом из купечества добрых и во всех торгах и вексельных переводах искусных людей <...>»¹⁰. Никакие договоры на бирже не должны были заключаться без их посредничества, а маклерские записки при сделке должны были гарантировать купцов от возможных убытков и обманов в их торговых операциях¹¹.

Сенатскими указами от 7 июня 1729 г. и 22 января 1731 г. вновь подтверждались права С. Мюкса на занятие им гоф-маклерской должности, данные ему Петром I. По просьбе Мюкса в помощь к нему Коммерц-коллегия определила его соотечественника Ивана Эдварца¹². Как и Мюкс, ранее он вел обширную торговлю в Архангельске, а к 1719 г. переехал в Петербург. В круг их обязанностей входило «чинить всякое прилежание <...> о всяких покупках и подрядах в казну и о продаже казенных товаров, и о переводе через вексель денег из Коллегий и Канцелярий <...> ища казне <...> прибыли»¹³.

Поводом для сенатских указов стали челобитные Мюкса, в которых он просил Петра II об определении его в чин гоф-агента или советника и списании с него «прежних лет доимки»¹⁴. В челобитной, которую Мюкс подал 29 октября 1728 г. государю, он просил доставить из Доимочной конторы в Коммерц-коллегию дела о числящихся на нем казенных и частных долгах за прошлые годы. Из-за задержки с их высылкой, указывал Мюкс, ему «чинился немалый убыток»¹⁵. В доимочных ведомостях значилось за Мюксом по Адмиралтейству и Берг-коллегии долгов на 16504 руб. 97 коп. «да по поручке за платежом» 1371 руб. 70 коп., всего 17876 руб. 67 коп. До окончания расследования дела Мюксу было предложено найти «добрых поруки». Из таковых «поруччиков» он назвал контрадмирала Дуфеса, купцов Векеля, Инесби, Гиля и Эвенса, но только на словах. Реестра их в Доимочную контору не представил и сам туда не являлся. Более того, выяснилось, что некоторые из поручителей сами имели немалые долги и быть таковыми не могли¹⁶.

Мюкса под караулом доставили в Доимочную контору, где свою задолженность он снова объяснил тем, что «в доимку впал от несчастья своего в торгах». Мюкс объявил «долгов своих на российских и иностранных купцов больше 30000 рублей». Несмотря на значительные долги, Сенат приказал освободить Мюкса из Доимочной конторы¹⁷, а ему по-прежнему быть гоф-маклером. Более того, с него снимались прежние долги. В ходе сенатского расследования выяснилось, что многие должники Мюкса были не в состоянии оплатить ему свои обязательства, а некоторых даже отыскать не удалось¹⁸.

В июне 1741 г. на место умершего Мюкса «у продажи казенных товаров и для переводу на вексели казенных же денег» был назначен выходец из Нарвы, мещанин Каспер Кервидер¹⁹. В 1708 г., в ходе Северной войны, он вместе с другими жителями Нарвы был выселен в Вологду. Через Архангельск и Москву он вел торговлю, главным образом, шелковой материей. После окончания войны Кервидер не захотел возвращаться в родной город, а перебрался в Петербург, где продолжил коммерческие дела на бирже и в порту.

В 1750 г. после смерти Кервидера указом Сената гоф-маклером был определен любекский купец Иоганн Сирициус, иностранец, как и его предшественники. Он предоставил в Коммерц-коллегию вместе с прошением о занятии должности «одобрительных о себе три аттестата». Один из них принадлежал английскому генеральному консулу барону фон Вольфу, который сообщал, что ему известно о долгом времени службы Сирициуса в хорошей английской конторе «с великой похвалой». Сирициус также пожелал «быть в вечном подданстве ее императорского величества» Елизаветы Петровны. 9 ноября 1750 г. по указу Сената присланного в Коммерц-коллегию его просьба была удовлетворена²⁰.

Если гоф-маклерами в России в течение долгих лет были исключительно иностранные купцы, то маклерской деятельностью занимались и россияне. Их имена встречаются в документах Петербургского магистрата, Комиссии о коммерции и Коммерц-коллегии. Однако их было значительно меньше, чем иностранных маклеров. Назначение иностранных купцов маклерами, безусловно, было связано с их знанием европейских обычаев и норм биржевой торговли.

24 июля 1727 г. российские купцы, торговавшие при Петербургском порте, подали в Главный магистрат на имя Петра II прошение, где жаловались на действия иностранных маклеров, от которых им «чинится <...> немалая ж обида». Они просили государя «тех иностранных маклеров от здешнего порта отрезать». Под прошением стояли многочисленные подписи петербургских купцов и маклеров.

Согласно справке подданной в Комиссию о коммерции из Петербургского магистрата, явствовало, что, кроме Мюкса, других маклеров «определения не было». Магистрат отмечал, что имеется несколько маклеров без определения — 7 иноземцев и 2 русских²¹. В списке перечислялись лица, занимавшиеся посредничеством в Петербурге: гамбургцы Давид Вернер и Яган Штанг, голландец Яков Мысне, Герман Митцен, бременец Петр Маэр, англичане Яган Нигтер и Николас Шмит. Из россиян маклерами были Еремей Михайлович Титов и Иван Иванович Копейкин. Сколько «оныя за труды получают о том», как отмечалось в справке, Магистрату не известно²².

Вскоре, по подсчетам Комиссии о коммерции, в Петербурге посредничеством занимались 4 российских маклера — Еремей Титов, Василий Агаев, Петр Сафонов, Андрей Краснаков.

Наряду с присяжными маклерами, было немало и неофициальных посредников. Борьба с незаконным маклерством велась почти с самого учреждения биржи. Еще в 1729 г. Мюкс подал прошение в Комиссию о коммерции, в котором жаловался, «что многие из купецких людей в его маклерскую должность вступают, и тем добрый порядок должности маклерской повреждают, а у него пропитание отнимают»²³.

В 1734 г., согласно справке, поданной в Коммерц-коллегию маклером Иваном Эдварцом, при Петербургском порту имелись 3 присяжных маклера (Мюкс, Кервидер и Тамес). Из неприсяжных маклеров 8 были иностранными купцами и 6 российскими²⁴.

В 1749 г., по доношению гоф-маклера К. Кервидера, при Петербургском порту посреднической деятельностью занимались как официальные, так и неофициальные маклеры. Из присяжных он указал россиянина Филиппа Веленина, из иностранцев — братьев Тимерман и Якова Мерисонова. Из неприсяжных маклеров Кервидер назвал иностранных купцов Якова Ренигольта, Готфрида Опира, Роберта Девейпорта, Христофора Тесина, Андрея Бодышка, Якова Фиценридера, Фондерса Флита, Питера Медра, Карста Фохта²⁵.

В 1750–1760-х гг. маклерским промыслом в Петербурге занимались Андрей Габбе, Голст, Конрад Готфрид Кизель, Людвиг, Мас, Ренгольт Рейнсторп, Петр Иероним, Георг Эдварц, Рейнсторп, Тесин, Даниэль Цахау, Шлиттер, Яган Гендеман, Отто Каспер Дейчман, Андрей Бодышка²⁶. Из российских маклеров встречается имена купцов: Михаила Сахарова, Ивана Коншинова, Артемия Золотарева, Клима Житного²⁷.

В 1759 г. торговавшие на Петербургской бирже купцы, отмечая, что маклерами являются в основном иностранцы, а из русских только 3 маклера, «да и те к тому делу не весьма еще заобычные», обратились в Сенат с просьбой назначить гоф-маклером природного российского купца. В их челобитной обращалось внимание на то, что «по немало-производимой при здешнем порте коммерции исправиться никак невозможно; и необходимо <...> для лучшего в распространении российскими купцами коммерции и купечеству удовольствия и наблюдения российского купечества интереса, для заключения ими между собою и иностранными купцами, також и судебными местами договоров и торгов и переводу на вексели денег, надлежит определены быть с их российской стороны одному гоф-маклеру»²⁸. На усмотрение Сената была предложена кандидатура торопецкого купца Михаила Ивановича Туфанова, постоянно ведущего торг в Петербурге. В своем прошении русские купцы писали: «должность он, Туфанов, по особливому его достоинству, как честному человеку надлежит, исправить может безостановочно, и они им будут довольны»²⁹. Сенатским указом от 9 ноября 1759 г. Коммерц-коллегии повелевалось привести купца Туфанова к маклерской присяге и назначить его вторым гоф-маклером на таком же основании и с такой же оплатой, как у Сирициуса³⁰.

Вскоре, 29 ноября того же года, состоялось назначение и третьего гоф-маклера. Им стал ревельский уроженец Яган Миттендорф, выбранный по его личной просьбе, поддержанной иноземными купцами. В сенатском указе определение сверх имеющихся двух гоф-маклеров третьего объяснялось возросшими торговыми оборотами: «<...> в рассуждении толь знатного здешнего порта и много-производимых торгов, для записки оных, а особливо ради случающихся в казенных местах при покупке и продаже всяких припасов и материалов надобностей»³¹. Четвертым гоф-маклером по указу Сената в 1760 г. был определен англичанин Томас Рональд³².

Через два года, в мае 1762 г., к ним сверх штатного расписания был добавлен еще один гоф-маклер — гамбургский купец Вильгельм Махенгоур, который 12 лет исправлял должность обычного маклера при Петербургской бирже³³. В указе о его назначении Сенат также предписывал Коммерц-коллегии по необходимости назначать «людей добрых и надежных» сверх определенного

числа гоф-маклеров, «дабы за малоимением оных в случающихся между купечеством, по их маклерской должности, обращениях, остановки быть не могло»³⁴.

В 1764 г. Комиссия о коммерции рассматривала челобитную двух гоф-маклеров Ивана Митендорфа и Петра Барца «о бытии им одним в той должности и о запрещении другим»³⁵. В 1764 г., по справкам, наведенным Комиссией о коммерции, при Петербургском порте числилось 12 присяжных российских и иностранных гоф-маклеров и маклеров. Их точное количество, как указывала Комиссия о коммерции, никаким положением не определено, но, по опросу купечества, «лучшая купеческая польза во множественном числе гоф-маклеров состоит ибо в едином или в двух человеках сия должность отправляющих монополия к отягощению купцов составляться может». Комиссия доносила, что она полагает «и за наилучшую пользу купечеству удобнее большее нежели меньшее число маклеров иметь»³⁶.

Согласно рапорту в Коммерц-коллегию от 12 июня 1797 г. гоф-маклера Якова Барца, на Петербургской бирже к этому времени числилось «по списку иностранных и российских маклеров <...> слишком сто человек, но иные из них или вовсе не исправляют своей должности и находятся в отлучке, а другие померли и иные считаясь только маклерами находятся в других службах»³⁷. Барц к своему рапорту приложил реестр, находящихся при Петербургском порте 3 гоф-маклеров и 102 маклеров. Из трех гоф-маклеров фактически занимались делами только двое — Андрей Фок и он, Иоганн Сирициус «за старостью лет не исправляет должность на бирже». Барц отмечал, что 6 маклеров умерли, трое несколько лет не подавали о себе сведений и на биржу не являлись. Михаил Пастухов с февраля 1787 г. находился на службе в Ассигнационном банке, некоторые пребывали в отлучке по разным делам³⁸.

По переписи, сделанной в 1802 г. тем же гоф-маклером Я. Барцем по поручению Коммерц-коллегии, на Петербургской бирже числилось: еще один гоф-маклер и 105 маклеров, из которых регулярно посещали биржу только 84 маклера.

Подводя итоги, можно утверждать, что в течение XVIII в. число маклеров неуклонно росло, а маклерство, как один из важнейших элементов биржевой торговли, постепенно приживалось в России. Многочисленные правительственные указы, имевшие отношение к деятельности гоф-маклеров и маклеров, свидетельствуют о значении, которое придавалось государством упорядочению торговли. К концу XVIII — началу XIX в. биржевые маклеры становятся неотъемлемым элементом оптовой торговли в крупных городах страны. Однако российских городов, где функционировали присяжные маклеры, было немного. В XVIII столетии, кроме Петербурга, маклеры имелись в Москве, Архангельске, Одессе и Нежине.

На протяжении всего XVIII в. должность гоф-маклера давалась как особая награда и число гоф-маклеров не зависело от действительной в них потребности. Их помощниками являлись другие «казенные маклеры», которые первоначально назначались Коммерц-коллегией, а с 1762 г. избирались по рекомендации биржевого купечества. Все маклеры приводились к присяге, суть которой заключалась в обещании беспристрастия и незаинтересованности в посреднической деятельности³⁹. Они обещали удовлетворяться куртажем по установленной таксе и не вести торговли за свой счет. За убытки, происшедшие по их ошибке, маклеры несли материальную ответственность; в случае же умышленной вины они подвергались уголовной ответственности.

Характерно, что в России маклерами часто становились разорившиеся не по своей вине купцы — «невинно упавшие», оказавшиеся по тем или иным причинам неудачливыми в торговле. Некоторые из них «за несчастием и разорением свой собственный торг оставили» и были вынуждены «для прокормления своего» занялся маклерством⁴⁰. Английский купец, придворный банкир Екатерины II Ричард Сутерланд в 1782 г. в записке президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову отмечал, что «предмет сего учреждения (институт маклеров. — П. Л.) есть тот, чтобы дать хлеб бедным рачительным людям»⁴¹.

Примечания

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00306а.

¹ См.: Штелин Я. В. Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества. СПб., 1786. С. 136–137.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 5 об.–6.

³ Кросс Э. Г. Британцы в Петербурге: XVIII в. СПб., 2005. С. 82; Захаров В. Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 355.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 556. Л. 28 об.; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 5 об.–6.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3074; РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 190. Л. 216.

- ⁶ Санктпетербургские ведомости. 1729. 16 дек.; 1734. 21 февр., 4 апр., 30 мая и др.; *Кайданов Н. И.* Систематический каталог делам Комиссий о коммерции и о пошлинах, хранящимся в Архиве Департамента таможенных сборов. СПб., 1887. С. 57. № 486.
- ⁷ Санктпетербургские ведомости. 1734. 21 февр., 11 июня и др.
- ⁸ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–1 об.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3708; Реестр копиям о должности маклеров (Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 364–366); РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 130. Л. 216.
- ¹¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. №. 3708.
- ¹² РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 178. Л. 2 об.; Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 6 об.–7; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 369; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. №. 5420, 5682.
- ¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. №. 5682.
- ¹⁴ Там же. №. 5420, 5682.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 138. Л. 1–1 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 2–2 об., 8–9.
- ¹⁷ Там же. Д. 138. Л. 7
- ¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 5682.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2854. Л. 12 об.; Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 7 об.–8.
- ²⁰ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 8–8 об.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 190. Л. 216 об.
- ²² Там же. Л. 204–204 об., 216 об.
- ²³ Там же. Л. 207–207 об.; *Чулков М. Д.* Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах... СПб., 1785. Т. 4, кн. 2. С. 440.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2854. Л. 6–6 об.
- ²⁵ Там же. Л. 3 об.
- ²⁶ Там же. Ф. 397. Оп. 1. Д. 486. Л. 8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11008; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 4–5.
- ²⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11008.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. № 11011.
- ³² См.: *Кайданов Н. И.* Систематический каталог... С. 236. № 1775; РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 485. Л. 4–5.
- ³³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 11544; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 361–362, 371–372 об.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 486. Л. 19.
- ³⁶ Там же. Л. 21–21 об.
- ³⁷ Там же. Ф. 276. Оп. 5. Д. 2890. Л. 1–1 об.
- ³⁸ Там же. Л. 2–4 об., 5–7 об., Л. 10.
- ³⁹ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 545. Л. 400.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Ф. 485. Л. 252.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1261. Оп. 6. Д. 464. Л. 5.

Т. В. Павлина

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ КОМИ КРАЯ В 20–40-е гг. XVIII в. (по материалам таможенного делопроизводства)

Трудно переоценить значение торговли в экономической жизни России XVIII столетия. «Душою общества» называли ее современники. Доходы от торговли, составлявшие к середине века более трети поступлений в казну¹, обеспечивали финансовую основу для проведения преобразований Петра I и его последователей. Самые отдаленные области Российского государства, представители всех сословий становились участниками товарообменных операций на российском рынке и за его пределами.

Не был исключением и Коми край. Выгодное расположение региона на важных судоходных реках Севера Печоре и Вычегде, повышение товарности развитых на его территории промыслов и сельского хозяйства способствовали упрочению в XVIII в. позиций края на всероссийском рынке, расширению торговых связей с другими областями России и зарубежьем.

Данные процессы получили освещение в обобщающих трудах по истории края и ряде специальных работ². Вместе с тем представленная в них картина торговых связей региона в первой половине XVIII в. не является завершенной, поскольку за рамками исследований остался один из основных источников, необходимых для детального изучения данного вопроса. Речь идет о документации таможенных учреждений, действовавших на территории Коми края до реформы 1753–1754 гг.

Так, в частности, мало изучены сохранившиеся в фондах РГАДА и ГААрхО материалы трех таможен, функционировавших в этот период в административных центрах Яренского и Пустозерского у. и слободке Усть-Цильма Пустозерского у. Они включают таможенные книги Яренской (1722, 1724 гг.), Пустозерской (1728 г.), Усть-Цилемской таможен (1730 г.), отпускные таможенные выписи 1741 г. Яренской и Пустозерской таможен, книги оборотных выписей на отпускные товары Пустозерской таможни 1740–1741 гг.³

Содержащиеся в них данные о номенклатуре и объемах перемещаемых товаров, путях их следования позволяют определить географию, структуру, основные количественные и качественные характеристики торговых связей Коми края с другими регионами в 20–40-е гг. XVIII в. Результаты проведенного в этих целях анализа представлены в нашей работе.

Для изучения характеристик вывоза товаров за пределы Коми края использованы данные об отпуске товаров из местных таможен и оборотные выписи российских таможен, выданные в местах продажи товаров. С их помощью выявлен рыночный спрос на товары, произведенные (добытые) на территории края, который преимущественно и определял номенклатуру и объемы их вывоза за пределы региона.

Как показало исследование, самым популярным на российских рынках товаром из Коми края в рассматриваемый период являлась продукция рыболовного промысла. Ее продажи зарегистрированы в 14 торговых пунктах (Архангельск, Важская Благовещенская и Красноборская ярмарки, Вологда, Лальск, Москва, Мезень, Новое Усолье, Обва Инвенская, Санкт-Петербург, Соль Вычегодская, Соль Камская, Устюг, Чердынь).

Поставка рыбы на российские рынки осуществлялась преимущественно из Пустозерского у. Так, в частности, в 1740–1741 гг. из Пустозерской таможни было отпущено 9148 пудов соленых сига, 7179 пудов семги, 350 пудов омулей. По данным оборотных выписей, основными потребителями рыбы явились Москва (здесь реализовано 4629,5 пуда семги, 80 пудов сига), Соль Камская (4540 пудов сига, 181 пуд семги), Новое Усолье (3285 пудов сига, 41,5 пуд семги), Устюг (1145 пудов семги), Архангельск (342 пуда семги, 132 пуда сига, 350 пудов омулей), Санкт-Петербург (660 пудов семги)⁴.

В 20-40-е гг. XVIII в. сохранялся спрос и на традиционный для Коми края товар — меха. Продажи пушнины из Яренского и Пустозерского у. зафиксированы в 11 торговых пунктах России (Архангельск, Брянск, Верхотурье, Галич, Курск, Макарьевская ярмарка, Москва, Севск, Соль Вычегодская, Старый Оскол, Холмогоры).

Главным потребителем местной пушнины в рассматриваемый период являлась Москва. Только за два года (1722, 1724) здесь было продано 237986 шкурок белки, 15643 горностаев, 2441 заячин, 403 лисы, 240 норка, 240 ласок, 118 лисьих пар, 100 беличьих пластин, 37 куниц, 22 выдры, 13 волков, 5 бобров, 4 кожи волчи, а также 3,5 пуда струи бобровой. Как показывают данные за 1724 г., значительным спросом пользовались меха из Коми края также в Севске (реализовано 110970 белок), Курске (60000 зайчин), на Макарьевской ярмарке (40960 белок, 2061 горностаев, 65 лис, 30 норка, 2 росомахи), в Архангельске (13930 белок)⁵.

В двух пунктах зафиксирован отпуск мехов из Коми края за границу. Так, в ноябре 1740 г. в Архангельске были проданы «в заморской отпуск» 840 «заячин», в августе 1741 г. — 500 песцов, поступивших из Усть-Цильмы и Пустозерска. В мае 1741 г. предъявлена на продажу партия местной пушнины в Курской пограничной таможне⁶.

В рассматриваемый период отмечается устойчивый рыночный спрос на продукцию сельского хозяйства из Коми края. В 1722, 1724 гг. продажи местных «земских» товаров зафиксированы в 11 населенных пунктах. Номенклатура и объемы их вывоза в эти годы представлены в таблице⁷.

Основными потребителями хлебопродукции, выращенной в южных волостях края, являлись Архангельск и Холмогоры. За два года здесь было реализовано 2997 четв. ржи (87 % от общего объема), все отпущенные мука, крупа, ячмень и овес. Продукция животноводства была наиболее востребована в Архангельске (более 80 % овчин и кож говяжьих, 60 % сала), Устюге (около 50 % коровьего масла), Соли Вычегодской (более 60 % мясных туш). Сермяжное сукно пользовалось особым спросом в Сибири (на Верхотурье продано 76 % от общего объема).

Вывоз и продажи «земских» товаров из Коми края в 1722, 1724 гг.

Наименование товара, единица измерения	Архангельск	Верхотурье	Вологда	Галич	Двинский у.	Лальск	Москва	Соль Вычегодская	Тотьма	Устюг	Холмогоры	Итого
Рожь (четв.)	2645	–	360	–	25	–	–	–	49,5	–	352	3431,5
Мука ржаная (четв.)	186,5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	155	341,5
Ячмень, овес (четв.)	323	–	–	–	–	–	–	–	–	–	49	372
Мука (крупа) ячменная (четв.)	53	–	–	–	–	–	–	–	–	–	41	94
Быки, коровы, свиньи (туш)	–	–	–	–	–	–	–	111	–	63	7	181
Кожии говяжьи (шт.)	876	–	130	–	–	–	–	34	–	3	–	1043
Овчины (шт.)	810	169	–	–	–	10	–	–	–	20	–	1009
Сало говяжье (тыс. пудов)	1,242	–	–	–	–	–	–	0,71	–	–	–	1,952
Масло коровье (пудов)	98	–	–	2	–	–	18	5	–	128	14	265
Сукно сермяжное (аршин)	890	5490	–	–	–	840	–	250	–	–	–	7470

Следует отметить рост объемов вывоза «земских» товаров из Коми края к концу рассматриваемого периода. Как свидетельствуют выписи Яренской таможни, только за 6 дней 1741 г. в Архангельск было отпущено 1190 пудов говяжьего сала, 345 овчин, 225 говяжьих кож, 177 пудов коровьего масла, 100 пудов говяжьего мяса, 42 мясных быка и яка, 480 пудов ржаной муки, 265 четв. ржи, 110 четв. ячменя⁸.

В рассматриваемый период зафиксированы отпуска из таможен края продукции местных промыслов — Сереговского соляного и Сопляского брусняно–точильного. В 1722, 1724 гг. из Яренской таможни было отпущено на вологодский рынок 179350 пудов сереговской соли, в Устюг — 2500 бруснев и 10 точил⁹.

Для изучения характеристик ввоза товаров использованы данные местных таможенных книг о явках и продажах товаров, поступивших из-за пределов Коми края, и сопровождавшие их отпускные выписи иных российских таможен.

По этим данным зафиксирован ввоз товаров в Коми край в 20–40-е гг. XVIII в. из 21 пункта (местности) (Архангельск, Важская Благовещенская, Красноборская и Макарьевская ярмарки, Верхотурье, Вологда, Вятский Слободской, Галич, Казань, Кокшенская четверть, Мезень, Москва, Новое Усолжье, Соль Вычегодская, Соль Камская, Тотьма, Устюг, Уфимский у., Хлынов, Холмогоры, Чердынь).

Номенклатура и объемы ввоза в Коми край определялись в основном потребностями местного населения в товарах, производство которых в крае отсутствовало или было слабо развито. Так, одним из наиболее востребованных товаров являлись металлы и изделия из них, поставка которых на российский рынок оставалась в рассматриваемый период прерогативой западноевропейских купцов.

В Коми край данные товары попадали прежде всего через Архангельск. В 1722, 1724 гг. отсюда на яренский рынок было ввезено 450 листов белого железа, более 86 пудов уклада, 75 пудов свинца, 0,5 пуда прутowego олова, 60 ножиц. Кроме того, отмечены поставки различных металлов общим весом около 50 пудов и изделий из них (сохи плахи, оковы, клюки, замки) из Соли Вычегодской, Устюга, Вологды, Холмогор, Важской Благовещенской и Красноборской ярмарок¹⁰.

Необходимые в хозяйстве и быту химикаты, красители, дубильные вещества доставлялись в Коми край из Архангельска, Москвы, Устюга и Соли Вычегодской. В 1722, 1724 гг. отсюда поступило в Яренск 45 пудов сандала, 15 пудов квасцов, 6,5 пудов краски брусковой, 4 пуда белил, 4 пуда

серы, 1 пуд скипидара, 10 фунтов олифы, 3,5 фунта сулемы, 3 фунта яри «мидяни» и «травянки», 1 фунт нашатыря. Наибольший привоз товаров обеспечила Соль Вычегодская.

Важной статьёй ввоза, учитывая роль охоты в жизни местного населения, являлись оружие и порох. Главными поставщиками их на рынок Коми края являлись Москва и Макарьевская ярмарка. В частности, в 1722, 1724 гг. отсюда ввезено в Яренск 30 пищалей, 14 пудов 15 фунтов пороха¹¹.

Хозяйственный инвентарь, посуда поступали из Вологды, Устюга, Слободского и Хлынова. В 1722, 1724 гг. на яренском рынке было продано 130 ставней решет, 119 хомутов обшитых, 87 подошв и 20 лап «кониных», 72 клещей конских, 54 ножни, 29 шлей мочальных, 83 «сосудины» щепья, 1400 ложек и 60 сковород¹².

Привоз товаров из Архангельска, Москвы, Соли Вычегодской, Устюга, Макарьевской ярмарки обеспечивал нужды местных учреждений и храмов. В 1722, 1724 гг. на яренском рынке было реализовано 94 стопы писчей бумаги, более 1,5 пудов бумаги красной, 3,8 пуда ладана, 2,5 бочки и 3 ведра церковного вина, а также 66 пудов 6 фунтов воска (более 60 пудов поставили Уфимский у. и Вятка)¹³.

Для местных кружечных дворов в больших количествах завозился хмель. В 1722, 1724 гг. на яренский рынок его поступило 1579 пудов (95 % ввоза обеспечили Устюг, Кокшенская четверть, Тотьма). Отмечены поставки льна с Красноборской ярмарки, конопли и пеньки из Соли Камской, Нового Усоля и Чердыни¹⁴.

Ходовым товаром повседневного спроса являлось мыло. В 1722, 1724 гг. в Яренске было продано свыше 28 пудов, 21 косяка, 8 кусков мыла, доставленного из Устюга (более 50 % ввоза), Соли Вычегодской, Вятки и Красноборской ярмарки. В северные районы товар поставлялся из Нового Усоля и Чердыни (в 1741 г. отсюда завезено в Пустозерск 9 пудов мыла)¹⁵.

Востребованным товаром была продукция кожевенного производства. В 1722, 1724 гг. на яренском рынке была реализовано 2482 пары обуви (чарки, коты, туфли, башмаки, сапоги). Поставку обеспечили Устюг (70 %), Соль Вычегодская (20 %), Красноборская ярмарка, Вятка, Москва. Покупалась и выделанная кожа для изготовления изделий на месте (продано 79,5 юфтей, из них 50 поставил Галич)¹⁶.

Готовая одежда в ограниченных объемах и ассортименте завозилась из Вологды, Устюга, Соли Вычегодской, Вятки, Макарьевской и Красноборской ярмарок. В 1722, 1724 гг. на яренском рынке было продано 150 пар чулок и рукавиц «вязи», 180 рукавиц кожаных, 150 поясов, 220 аршин и 70 штук кушаков шерстяных, 100 аршин покроей суконных, 4 колпака гарусных¹⁷.

В гораздо больших количествах (что говорит о развитом в крае портновском ремесле) завозились разнообразные ткани и текстиль русского и иностранного производства. В 1722, 1724 гг. в Яренской таможне было предъявлено более 4000 аршин крашенины, 1600 аршин пестряди, 1100 аршин холста, 335 аршин выбойки, 11 тюней китайки, 304 аршина, 85 половинок и 50 кусков сукна, 9100 аршин тканцу, 10 аршин каламии, 6 поставов атласа и камки, 3,5 фунта шелка, 619 кумачей, 4 портища и 2 косяка кружев, 8 кусков лент и 20 аршин шнурков шелковых¹⁸. Товары поставили Архангельск (сукно), Москва (более 60 % кумачей), Вологда (более 60 % крашенины), Верхотурье (китайка, атлас, камка), Макарьевская (шелк, более 80 % тканцу, 60 % холста и пестряди) и Красноборская ярмарки, Казань, Вятка, Соль Вычегодская, Устюг.

Значимой (а для севера Коми края жизненно важной) являлась продовольственная статья ввоза. Следует отметить роль Чердыни, Нового Усоля, Соли Камской в обеспечении хлебом жителей малопродуктивного Пустозерского у. Данные пункты, в частности, поставили 1566 пудов ржи и ржаной муки в Усть-Цильму в 1730 г., 6096 пудов муки и крупы ржаной, ячменной, пшеничной и овсяной, 16 пудов толокна, 1 пуд пряников в Пустозерск в 1741 г.¹⁹

Стол жителей более благополучного в продовольственном отношении Яренского у. разнообразили устюжские и вятские хлебобулочные изделия, вятский мед, огородная продукция вологодского, устюжского и красноборского привоза, продукция морского промысла из Архангельска и Мезени.

В частности, в 1722, 1724 гг. яренский рынок потребил 16300 «витиков пшеничных» и 13 пудов пряников, 48 пудов меда, 90 тыс., 4150 батманов, плениц и столбцов чеснока, 5785 батманов, плениц и столбцов лука плетеного, 5 четвертей лука насыпного, более 410 пудов соленой и 25 пудов сушеной морской рыбы (треска, палтусы, черкасы, пикша), более 13 бочек сала моржевого, белужья и ворвани, 6 «моржин».

За счет привоза товаров из Архангельска, Устюга, Соли Вычегодской, Макарьевской ярмарки удовлетворялись и более взыскательные вкусы. По сведениям яренских таможенных книг, местная элита к началу 1720-х гг. уже по достоинству оценила вкус ягод винных (за 2 года продано около 22 пуда), чернослива (8,5 пудов), изюма (8 пудов), смокв (3 ящика), лимонов соленых (0,25 бочки), пер-

ца (свыше 5 пудов), оливкового масла (около 9 пудов), вина ренского (3,5 бочки, 3 ведра), миндаля (1 пуд) и сахара головного (1,25 пуда)²⁰.

Впрочем, предложение по этим и другим ввозимым в Коми край товарам нередко превышало спрос. Нереализованные по причине небольшой емкости местного рынка товары увозились в другие населенные пункты края и за его пределы, например, на Красноборскую ярмарку²¹.

Сохранял свою коммерческую привлекательность и рынок Сибири, освоенный жителями Коми края еще в XVII в. Поэтому значительная часть товаров из Москвы, Архангельска, Вологды, Маркарьевской ярмарки ввозилась в Яренск специально для последующей отправки за Урал. Так, именно в этом направлении проследовали и были впоследствии проданы на Верхотурье и в Березове всё предъявленное в Яренской таможне в 1722, 1724 гг. листовое железо, 90 % сандала, более 60 % оружия и писчей бумаги, 50 % свинца, олова и пороха, более трети изюма и масла деревянного, а также товары для пребывающих в Сибири «начальных» людей и их семей: бобры беломездрые, пуговицы камзольные, запонки и серьги серебряные, немецкая обувь, шелк и тонкое сукно, зеркала, оклады иконные медные и серебряные²².

В обратном направлении следовали через Яренск в русские города закупленные в Сибири и Китае товары, преимущественно китайские ткани. К примеру, в 1724 г. поступили в Яренскую таможню с Верхотурья и впоследствии были реализованы в Старом Осколе и Устюге 177 тюней, 55 тюков и 22 конца китайки, 58 поставов камки, 8 тюней самец, 1 постав атласа, приобретенные яренчанами в Урге, Селенгинске, Нерчинске и Иркутске²³.

Итак, по результатам проведенного исследования удалось выявить торговые контакты Коми края в 20–40 гг. XVIII в. с 29 российскими пунктами. Наиболее тесные, носящие двусторонний характер связи отмечены с центрами торговли всероссийского значения (Москва, Архангельск, Маркарьевская ярмарка), региональными торговыми центрами Поморья (Устюг, Соль Вычегодская, Красноборская ярмарка), Прикамья (Чердынь, Новое Усолье, Соль Камская) и Сибири (Верхотурье).

Учитывая, что торговые связи осуществлялись не обезличенно, представляет интерес и может стать темой самостоятельного исследования вопрос, касающийся участия в этих связях представителей различных областей.

Примечания

¹ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 214, табл. 18.

² Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1; Жеребцов Л. Н., Мацук М. А. Торговля продовольственными товарами в Коми крае в XVII — начале XIX вв. // Труды Ин-та языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1983. Вып. 28; История Республики Коми: Науч.-попул. очерки. Сыктывкар, 1996; Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф. Коми край: Очерки о десяти веках истории. Сыктывкар, 2003; История Коми: С древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар, 2004. Т. 1; Комиссаренко А. И. 1) Город Яренск и Вычегодский край в системе формирующегося всероссийского рынка XVII–XVIII вв. // Крестьянство Вычегодского края в XVII–XX веках: Науч.-практ. конф.: Тез. докл. Архангельск, 1999. С.11–14; 2) Летско-ношульский транзит как фактор связи Вычегодского края с юго-восточным регионом Поморья в XVIII веке // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения Вычегодского края, XVII–XX вв.: Материалы науч. конф. Сыктывкар, 2000. С. 81–84.

³ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879, 32880; Ф. 829. Оп. 1. Д. 1503–1505, 1507, 1818, 1984; ГААрхО. Ф. 58. Оп.17. Д. 2. Отдельные данные использовались в следующих работах: Центры торговли Европейской России в первой четверти XVIII века. М., 1986. С. 60, 64; Павлина Т. В. 1) «Памятуя присяжную должность...»: (Очерки по истории тамож. службы в Коми крае в XV — первой половине XVIII в.). Сыктывкар, 2004; 2) Яренская таможня в 1741 году // Областные и районные центры России и их округа в историческом процессе: Управление, экономика, культура: Ст., сообщ. и материалы участников науч.-практ. конф. Яренск, 2005. С. 59–63; 3) Торговые связи Архангельска и Коми края в первой половине XVIII века: (По материалам тамож. учреждений Ярен. у.) // Российская таможня: История, современность, перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф. (Архангельск, 27 июня 2006 г.). Архангельск, 2006. С. 105–112; 4) Социально-экономические предпосылки создания и функционирования таможенных учреждений в Коми крае в конце XVI — первой половине XVIII вв. // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы VII Всерос. науч.-теорет. конф. Сыктывкар, 2008. Ч. 2. С. 89–97; 5) Таможенные доходы в Пустозерском уезде в 20–30 годы XVIII века: Источники, структура, объемы // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы VIII Всерос. науч.-теорет. конф. (Сыктывкар, 25 марта 2009) (в печати).

⁴ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1507. Л. 2–48, 98–113; Д. 1818. Л. 2 об.–14 об.; ГААрхО. Ф. 58. Оп. 17. Д. 2. Л. 1–28 об.

⁵ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 11, 14–14 об., 16–22, 40–45 об., 63 об.–69; Д. 32880. Л. 41 об.–43, 61–66; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 1.

⁶ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1505. Л. 7; Д. 1507. Л. 103, 111.

⁷ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 2–7 об., 11–13 об., 18 об.–25 об., 29–30, 38, 46–49 об., 54–59, 62 об.–63; Д. 32880. Л. 5 об.–7 об., 17 об.–20, 39–40, 46–47, 50–51 об.; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 1.

⁸ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1984. Л. 4–7, 9, 15, 19.

⁹ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 34, 46; Д. 32880. Л. 40 об.–41

- ¹⁰ Там же. Д. 32880. Л. 8 об., 17–20, 38 об., 53 об.; Д. 32879. Л. 4 об., 8–10 об., 19–22, 25 об., 47 об., 59; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ¹¹ Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2; РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 4 об., 8–11 об., 18–21, 33 об., 47 об., 60; Д. 32880. Л. 7–8 об., 17–20, 32 об.–33, 46, 51 об.–52, 55 об., 60.
- ¹² РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32880. Л. 12 об.–13 об., 45 об.–46, 53 об.; Д. 32879. Л. 10, 47 об.–48.
- ¹³ Там же. Д. 32879. Л. 4 об., 8–10 об., 24, 46 об., 58 об.–60; Д. 32880. Л. 5–8 об., 12 об.–21, 32 об.–33, 51 об.–60; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 25, 30 об.; Д. 32880. Л. 8 об.–14 об., 35 об., 38 об., 49, 53–58 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 32880. Л. 8, 12 об.–13, 54 об.–57; Д. 32879. Л. 8 об.–9, 58 об.–59 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 3 об., 7 об., 10, 18–18 об., 24, 47, 48 об.–49 об., 56 об.–59 об.; Д. 32880. Л. 12 об.–13 об., 18 об., 35 об., 45 об.–46, 54 об.–57.
- ¹⁷ Там же. Л. 7 об.–8, 17–19, 35 об., 46 об., 54–55 об.; Д. 32879. Л. 10, 24, 25, 58 об., 60.
- ¹⁸ Там же. Л. 4 об., 8–11 об., 18–25, 30 об., 33 об., 48; Д. 32880. Л. 5–8 об., 12 об.–13 об., 17–20, 34–35 об., 44 об.–55 об., 57, 60, 68.
- ¹⁹ Там же. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1503. Л. 7–8; Д. 1507. Л. 82–97; Д. 1818. Л. 4 об.–10.
- ²⁰ Там же. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32879. Л. 4 об., 7 об.–11 об., 47 об., 56 об.–57 об.; Д. 32880. Л. 7 об.–13 об., 15 об.–20, 44 об., 46 об., 53 об.–57, 60–61 об.; Павлина Т. В. Торговые связи Архангельска и Коми края... Табл. 2.
- ²¹ РГАДА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 32880. Л. 34–34 об.
- ²² Там же. Л. 32 об.–33. Д. 32879. Л. 12 об., 18–24, 33 об.
- ²³ Д. 32879. Л. 68

С. В. Кольчугина

ПЕНЗЕНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ВИНОКУРЕННОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ (XVIII–XIX вв.)

Пензенский край занимает особое положение в винокуренном предпринимательстве. Традиционно «хлебное вино» производилось в центральных губерниях, но уже в первой четверти XVIII в. благодаря наличию сырья здесь появляются крупные казенные, помещичьи и купеческие винокурни. При этом купцы-винопромышленники находились в менее благоприятных условиях, а достигали порой значительных результатов.

Возможности для купцов извлекать прибыль из производства и продажи водки значительно расширились в начале XVIII в. благодаря указу 1716 г., вводящему в России свободу винокурения. Все винокуры облагались особой пошлиной, исчисляемой и с оборудования (кубов), и с готовой продукции (выкуренной водки). Купечество не замедлило воспользоваться благоприятными условиями, и в 1719–1725 гг. в Пензенской провинции Казанской губ. насчитывалось 8 купеческих винокуренных заводов. Большинство из них принадлежало иногородним купцам — из Москвы, Рязани, Арзамаса, Гороховца. Это были предприятия, ориентированные на товарное производство, основанные преимущественно на наемном труде.

Таблица 1

**Состав работников купеческих винокуренных заводов по сказкам
1719–1724 гг. в Пензенской провинции Казанской губ.**

Владелец завода	Всего работников	В том числе	
		крепостных	наемных
Д. А. Котельников (Лягусов)	2	–	2
Е. Иванов	8	3	5
И. П. Симонов	15	3	12
М. П. Симонов	17	–	17

Преобладание наемного труда на купеческих заводах вполне объяснимо. Купцам никогда не разрешалось покупать людей к винокуренным заводам, а в 1740-х гг. по требованию дворянства у купцов были отписаны все дворовые люди, купленные ими между первой и второй ревизиями. Также сокращение использования принудительного труда обуславливалось ростом рынка рабочей силы. В результате большинство купцов-винопромышленников являлись владельцами 2–4 душ мужского пола (включая детей), а часть их вовсе не имела крепостных.

Дворовые люди при этом пользовались значительным доверием — нередко они выполняли обязанности приказчиков на заводах или их помощников. В таком случае крепостные относились к исполнению порученных им дел очень добросовестно, поскольку часть доверенных агентов купцов получали по завещанию хозяина освобождение и вознаграждение за свою службу. Некоторые отпущенники сами становились предпринимателями. Так, зависимый человек купцов Гороховца С. Н. и М. Н. Ершовых Клим Андреев (позднее Ершов) получил по завещанию награду, позволившую ему стать собственником Почерского винокуренного завода, расположенного в Саранском у. Пензенской провинции.

Крупнейшим винокуренным предприятием Пензенской провинции был Кашнаевский (Шнаевский) завод, принадлежавший московским купцам Ивану Симонову и его сыну Леонтию. Он был основан в 1723 г. и потребовал очень крупных затрат — не менее 10 тыс. руб. В 1742–1743 гг. на заводе было 80 казанов емкостью 1369 ведер, а в 1753 г. — уже 130 казанов емкостью 4820 ведер. Для своего времени предприятие было гигантским: объемы его производства превышали объемы четырех заводов, принадлежавших прежде Симоновым.

Кроме производства водки, купечество извлекало немалую прибыль и благодаря содержанию откупов. Например, тот же Леонтий Симонов взял на откуп с 1727 г. питейную продажу в Пензе и Пензенском у. вместе с рязанским купцом Ф. Демидовым, обязавшись уплачивать в казну по 6858 руб. в год (надбавив 400 руб. к прежнему окладу). Это означало, что откупщики рассчитывали продавать здесь ежегодно не менее 10 тыс. ведер водки¹.

Данное обстоятельство вызывало резкое недовольство со стороны помещиков-винокуров, которым заниматься откупами было запрещено. Уже в конце 1730-х гг. в правительство стали поступать записки, в которых они призывали запретить купцам заниматься винокурением и подрядами вина. В результате в 1753 г. Сенат удовлетворил требования помещиков о предоставлении им прав на продажу вина, разрешив им брать сборы в откупное содержание, а с 1755 г. было принято решение ликвидировать купеческие винокуренные заводы в европейской России (за исключением некоторых северных и восточных уездов)².

Так дворянам было предоставлено монопольное право на винокурение, которое подтвердил устав о винокурении от 9 августа 1765 г.: «Вино курить дозволяется всем дворянам и их фамилиям, а прочим никому»³. При почти полном отсутствии конкуренции прибыль помещиков значительно возросла. «Винокурение — это Ост-Индия нашего дворянства», — не без оснований утверждал в 1795 г. пензенский вице-губернатор И. М. Долгоруков⁴. Данная ситуация сохранялась вплоть до 1863 г.

Для купцов возможности извлечения прибыли из винокурения сосредоточились исключительно на содержании откупов. По мнению В. В. Похлебкина, это сказалось на русском купечестве чрезвычайно негативным образом. Оно «благодаря водке уже в истоках своего существования стало привыкать не к деятельностному соревнованию и жесткой, заставляющей думать и считать каждую копейку конкуренции, а к паразитированию и наживе на основе злоупотреблений, воровства из казны, фальсификации и ухудшения качества продукта, поскольку именно водочные откупа представляли все эти “редкие” возможности»⁵. Здесь, наверное, уместно отметить, что откупа развращали не только купечество.

Своими впечатлениями об откупной системе поделился пензенский чиновник и мемуарист И. И. Мешков. Назначенный в 1801 г. в Пензу винным приставом, он сменил на этом посту смотрителя над магазинами «купца М...» и сразу столкнулся с мошенничеством. «Вина я принял от него до 230 бочек и начал уже отпускать его откупщику. Принимал я это вино не на меру, а нарезками на бочках, по которым оно потом и отпускал; но у откупщика при продаже вина открылось, что мера в бочках не верна против нарезок; а посему от 250 бочек, по выбору их, он насчитал на меня с лишком 200 ведер». Правда, откупщик особенно в претензии не был, «ибо это ему очень мало значило: вино продавалось тогда дешевле рубля за ведро»⁶.

Другой случай: комиссионер откупщика Н. А. Бахметьева в Пензе, пошехонский купец В. Л. Серебренников «был таким же комиссионером с 1807 по 1811 гг. по рязанским питейным сборам, по которым было большое следствие через сенатора, и Серебренников по именному повелению был лишен честного имени. Но так как упомянутый комиссионер в недавнем пред тем времени сделал одно очень полезное для винокурения изобретение, а сверх того представил свидетельства значительных лиц о благородной своей жизни, то по ходатайству князя Голицына [видимо, речь идет о Г. С. Голицыне, пензенском губернаторе в 1811–1816 гг. — С. К.] не только возвращено ему было честное имя, но всемилостивейше пожалована золотая медаль на анненской ленте для ношения на шее»⁷.

Для некоторых категорий населения винокурение было едва ли не «путевкой в жизнь». Например, в 1791 г. была введена черта оседлости, за пределами которой постоянное жительство для евреев запрещалось. Срок их проживания во внутренних губерниях, как правило, ограничивался сроком действия паспорта — не более 2-х месяцев. По истечении данного срока евреи, выехавшие за пределы черты оседлости на законных основаниях, а также все, находившиеся во внутренних губерниях незаконно, подлежали немедленному выдворению.

Но по отношению к еврейским специалистам-винокурам власти были лояльнее. Они являлись чрезвычайно ценными работниками и заводовладельцы оказывали им всяческое покровительство даже после указа Николая I, когда все евреи-винокуры в порядке борьбы «со спаиванием народа» были выселены из внутренних губерний. Канцелярия пензенского губернатора содержит массу объяснений спиртопромышленников, из коих следует, что «если всех евреев отлучить от винокурения, то заводы останутся». Также были весьма популярны заявления, что «оним евреям [винокурам — С. К.] по неимению надобности отказано, которые [здесь следует дата, обычно за несколько дней до запроса — С. К.] с завода уехали, а куда — неизвестно»⁸.

После ликвидации монопольного права дворянства на винокурение многие специалисты впоследствии широко использовали этот опыт для ведения собственного винокуренного бизнеса, правда, общественного признания они часто не получали. Например, в марте 1908 г. пензенский купец 1-й гильдии Х. А. Пинес, занимавшийся подрядом по развозке казенного вина, писал в местное купеческое общество: «<...> я признаюсь членом купеческого общества в тех случаях, когда дело касается денежного обложения, но, по-видимому, не признаюсь таковым по вопросам о решении наших корпоративных нужд, ибо ни на одно из заседаний Пензенского купеческого общества пригласительных повесток не получал». Ответ губернского правления свидетельствовал о наличии в государственной политике по отношению к еврейскому купечеству определенной дискриминации: «на основании 805 статьи Закона изд. 1899 г. евреи к участию в городских обществах не допускаются <...>, евреи-купцы участвовать в купеческих собраниях не имеют права»⁹.

Значительного коммерческого успеха достиг германский подданный Э. Ф. Мейергольд (1835–1893), начинавший в Пензенской губ. с работы винокуром на заводе Устинова. Позднее, вступив во 2-ю купеческую гильдию, он построил в с. Ухтинке собственный водочный завод, на котором поначалу было 4 рабочих, а в 1880 г. их число возросло до 15. В 1868 г. на заводе было произведено 10 тыс. ведер ликеров, ромов, наливок на 45 тыс. руб. Здесь выпускали ликеры, два сорта рома, бальзам, вишневку, рябиновку, калиновку. Эмилю Федоровичу в Пензе принадлежали фирменный магазин и оптовый склад спиртных напитков как собственного, так и заграничного производства. Он имел разносторонние интересы, особенно покровительствовал театру. В 1880-е гг. Пенза была очень популярна в театральном мире из-за угощений для трупп, устраиваемых Мейергольдом. В. А. Гиляровский, игравший в 1878–1881 гг. на пензенской сцене, имел случай познакомиться с самим хозяином завода и принять из его рук большую рюмку «водки из бутылки, на которой было написано: «Углевка, завода Э. Ф. Мейергольда, Пенза». Ах, и водка была хороша! Такой, как «Углевка», нигде не пил — ни у Смирнова Петра, ни у вдовы Поповой, хотя ее «Вдовья слеза», как Москва называла эту водку, была лучше Смирновской». Несомненно, что этот успех был напрямую связан с личностью самого предпринимателя. Н. Д. Волков, биограф В. Э. Мейерхольда, великого русского режиссера и актера, так писал о его отце: «Выходец из Германии и до конца дней своих германский подданный <...> имел горячий нрав, широкий размах и недюжинную предприимчивость. Человек западной культуры, он вывез из своего фатерланда навыки европейца, привычку к комфорту <...> Он был гурманом, любителем тонких вин и ценителем женщин <...> Россия привила ему черты хлебосольства». Со смертью Э. Ф. Мейергольда его дело завершилось крахом. Его жена Елизавета и старшие сыновья Альберт и Артур были менее удачливы, и в 1908 г. суд признал их торговый дом несостоятельным¹⁰.

Участие купечества в винокуренном производстве стало вновь возможным с введением «Положения о питейном сборе» от 4 июля 1861 г. Провозгласив, что «все лица, имеющие право на заводскую и фабричную промышленность, могут брать в аренду винокуренные заводы», оно ликвидировало монополию помещиков в винокурении¹¹.

По данным П. Г. Сумерина, до реформы 1861 г. все винокуренные заводы в Пензенской губ. принадлежали помещикам. В первые пореформенные десятилетия преобладание дворянского винокуренного предпринимательства сохранялось; в дальнейшем до начала XX в. наблюдается увеличение доли купечества, а затем — вновь рост дворянской деловой активности (см. табл. 2). Данный процесс был обусловлен возросшей прибыльностью переработки продукции сельского хозяйства на вино, чем землевладельцы не преминули воспользоваться.

Социальная структура винокуренной промышленности Пензенской губ.¹²

Годы	Доля сословий в процентном соотношении		
	дворянства	купечества (в том числе почетных граждан)	крестьянства
1861	91,4	8,6	—
1870	71,6	26,4	—
1882	44,8	55,2	—
1890	44,4	55,6	—
1900	63	20	2
1913	67,2	18,9	5

Винокуренное предпринимательство являлось весьма привлекательной сферой приложения коммерческой инициативы. Об этом свидетельствует структура занятости пензенского купечества в 1868–1869 гг.¹³ В частности, содержанием промышленных предприятий занималось 43 чел., из них большинство — 12 (27,9 % от общего числа) — связали свою деятельность именно с винокурением.

Хотя в целом правительственная политика в отношении винокурения носила продворянский характер, купечество также имело немалые возможности для извлечения прибыли из данной отрасли благодаря природно-климатическим условиям, умеренному налогообложению и устойчивому рынку сбыта.

Примечания

¹ Волков М. Я. Очерки истории промыслов России: Вторая половина XVII — первая половина XVIII в.: Винокур. пр-во. М., 1979. С. 84, 266.

² Подробнее см.: Гавлин М. Л. Вопрос о винных откупах в истории законодательства Российской империи: XVIII–XIX вв. // Экономическая история: Обзорение. М., 2007. Вып. 13. С. 127–139.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 17. № 12448.

⁴ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2004. Т. 1. С. 395.

⁵ Похлебкин В. В. История водки. М., 2007. С. 205–206.

⁶ Записки Ивана Ивановича Мешкова (1767–1832) // РА. 1905. № 6. С. 209.

⁷ Там же. С. 225–226.

⁸ ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 359; Левин В. И. Очерк истории пензенского еврейства // Краеведение. 1998. № 3/4. С. 38–39.

⁹ Тюстин А. В. Пензенское купечество как социальный слой: Вопросы истории формирования // Земство: Архив провинц. истории России. 1994. № 3. С. 61.

¹⁰ Тюстин А. В. Во благо Отечества: Из истории предпринимательства Пенз. губ. М., 2004. С. 376.

¹¹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 36. № 37197.

¹² Подсчитано по: ГАПензО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3887, 3985, 4858, 5707, 7326; Ф. 9. Оп. 1. Д. 497; Ф. 158. Оп. 3. Д. 5454.

¹³ Составлено по: Памятная книжка Пензенской губернии за 1868 и 1869 годы... Пенза, 1869. С. 80–111.

О. Е. Думенко

**ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛ ОСИРОТЕВШИХ ГОРОЖАН
(по материалам Тверского сиротского суда
последней четверти XVIII — начала XIX в.)***

Торговая деятельность является неотъемлемой частью предпринимательства. В условиях интенсивного развития рыночных отношений в современной России изучение истории торговли является особенно важным и актуальным. Интерес к этой проблеме обусловлен также характерной для современной исторической науки ориентацией на социальную историю и историю повседневности¹, в рамках которых вырабатываются новые подходы и взгляды на различные социальные феномены, в том числе предпринимательство.

Понятие торговли в отечественной историографии XX в. традиционно тесно связывалось с городским пространством. Так, Я. Е. Водарский выделял два главных критерия города: торгово-промышленные занятия жителей и наличие посадской общины². Таким образом, изучение истории торговли невозможно без обращения к документам, сформированным в городской среде.

В историческом знании наиболее интенсивно разрабатывается тематика предпринимательской деятельности в России второй половины XIX — начала XX вв. Становление российского предпринимательства, его ранние этапы зачастую остаются вне комплексного изучения³. Однако в годы царствования Екатерины II произошли значительные трансформации в городском пространстве и торговой деятельности. Реформа местного управления 1775–1785 гг. вызвала изменения не только системы городского устройства, но и социально-экономического положения города⁴.

Важной научной проблемой, относящейся к городской истории XVIII — начала XIX вв. является вопрос о преемственности купеческих капиталов. В историографии господствует мнение о непрочности, нестабильности положения как богатых, так и рядовых купцов⁵.

В данной статье мы попытаемся установить, существовал ли механизм преемственности торговой деятельности в тверских семьях последней четверти XVIII — начала XIX вв., чье существование было отягощено дополнительными обстоятельствами — потерей кормильца. Источниковую базу работы составляют делопроизводственные документы Тверского сиротского суда последней четверти XVIII — начала XIX вв.

Сиротские суды открывались в каждом городе в соответствии с «Учреждением о губерниях» 1775 г. На это учреждение государство возлагало опеку и попечение о сиротах и вдовах. Опека и попечительство — санкционированный законом надзор за каким-либо лицом и его имуществом, поводом для этого может служить правовая или хозяйственная недееспособность⁶.

По инициативе председателя сиротского суда, родственников, свойственников, посторонних и приходского священника сиротский суд мог вступить в дело об опеке. Заседатели сиротского суда должны были выбирать достойных опекунов к осиротевшим детям, попечителей к вдовам, отслеживать финансовую деятельность опекунов по поводу имущества подопечных⁷. Сиротские суды по законодательству должны были работать при каждом городском магистрате. Председателем сиротского суда определялся городской голова, кроме того, в учреждении заседали два члена городского магистрата (ратманы) и городской староста⁸.

При ведении дел Тверской сиротский суд опирался на Генеральный регламент 1720 г. В его делопроизводстве можно выделить два уровня документов: общие и специальные⁹. К общим относятся журналы заседаний, докладные и настольные реестры, протоколы (если велись), книги записей поступивших указов, предложений и сообщений. Специальными являются дела об опеке, приходно-расходные книги опекунов, дела о разделе имущества, приходно-расходные книги сиротского суда и т. д. Рассмотрим вторую категорию документов, так как они содержат более конкретные данные о состоянии капитала сирот.

Дело о взятии в опеку заводилось после смерти родителя и заканчивалось по совершеннолетию ребенка. В целом стандартное дело о взятии в опеку можно разделить на две основные части: в первой подшиты документы о принятии в опеку сирот, вдов и их имущества, во второй — ежегодная отчетная документация опекунов о состоянии опекаемых и их имущества. Во второй части всех дел об опеке находятся ежегодные отчеты от опекунов о состоянии опекаемых и их имущества в форме рапортов. За каждым опекуном следует выписка из журнала заседаний и черновик рапорта сиротского суда, отсылаемого в губернский магистрат, о получении опекунского отчета¹⁰. Вместе с рапортом в сиротский суд должны были ежегодно сдаваться приходно-расходные книги. Местоположение этих книг в делопроизводстве было различным. Часто книги за несколько лет подряд (или за все годы) подшивались в конце дела, при этом полный комплект приходно-расходных книг за весь период опекунства встречается не всегда¹¹. Это можно рассматривать как свидетельство недобросовестности, с одной стороны, опекунов, а с другой стороны — членов сиротского суда, которые не требовали обязательного ведения и представления ежегодных приходно-расходных книг на рассмотрение сиротского суда.

Вне зависимости от полноты состава необходимых документов большинство дел об опеке все же содержат сведения об основных источниках доходов опекаемых. Чаще всего основным доходом семьи, потерявшей кормильца, обозначены проценты с денег, отдаваемых в долг¹². К примеру, капитал умершего купца Михаила Попова опекуны отдавали в рост под 6 % годовых. Слепой сирота Абрам после смерти родителей посадских людей Уединовых получал доход от ежегодных вексельных сделок с момента учреждения опеки в 1791 г. до своего совершеннолетия в 1803 г.¹³ В 1778 г. сиротский суд «взял в смотрение» имущество тверского купца Ивана Воротилницына по причине «его слабого стояния». После вступления в должность опекуны отдали полученные 725 руб. 70 коп. в рост под проценты¹⁴.

Подобная практика соответствовала потребностям горожан того времени. Кредит был важнейшим условием торговли и пронизывал все слои городских обывателей¹⁵. Поскольку в это время банки еще не появились, была необходимость пользоваться частными займами¹⁶. Е. А. Зуева, исследовав материалы сиротских судов городов Сибири, отмечает, что опекуны, заботясь о приращении

капитала, должны были предоставлять его частным лицам и государственным учреждениям под проценты. На деле же в сибирских городах капитал часто оставался в руках опекунов или родственников. Наблюдения, сделанные нами на тверском материале, свидетельствуют, что деятельность опекунов в Твери в большей степени соответствовала возложенным на них обязательствам, чем купцов-опекунов в Сибири. Важно отметить, что Тверской сиротский суд брал под свою опеку имущество совершеннолетних горожан, неспособных им самостоятельно управлять. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в Твери опекунов воспринималось в первую очередь как способ сохранить капитал недееспособных граждан.

Помимо вексельных сделок, существовали и другие источники дохода в семьях, потерявших кормильца. Дети купца Якова Капустина и мещанина Данилы Селезнева содержались на средства, получаемые от сдачи внаем лавки¹⁷. Осиротевшие дети купца Василия Ворошилова получали доход от содержания мельницы¹⁸. После достижения опекаемым совершеннолетнего возраста весь капитал передавался ему под расписку, как правило, для ведения торговли, т. е. продолжения той деятельности, которой занимался его отец.

На основании отчетов, ежегодно сдаваемых опекунами, в сиротском суде составлялись годовые ведомости о состоянии опекаемых для отправки во второй департамент губернского магистрата¹⁹. Их черновики иногда можно обнаружить в составе опекунских дел. Кроме того, отпуски сводных ведомостей о состоянии опекаемых сирот Твери за 1799 г., подшитые в одно дело, были случайно обнаружены в фонде Тверского городского магистрата²⁰. Нахождение этих документов в фонде магистрата можно объяснить как ошибкой фондирования, так и особенностью разграничения функций между городскими учреждениями в тот период времени. Ведомости содержат краткие сведения об имуществе, каптале и занятиях осиротевших детей.

Каждая ведомость оформлялась в виде таблицы из 10 граф. В первой записывались имена опекаемых и опекунов, а также год, в которые была установлена опека. Во второй — пол и возраст опекаемых. В третьей зафиксировано движимое и недвижимое имущество, а также векселя, расписки, закладные, принятые опекунами по описи при вступлении их в должность. В 4–7 графах содержится информация о векселях, сроках платежей по ним, процентам. В следующей графе записаны годовые расходы на опекаемых. В девятой находятся сведения о движимом и недвижимом имуществе, а также векселях и наличных деньгах, имеющиеся на конец отчетного года. В последней графе записана информация о месте проживания и занятиях опекаемых сирот. Завершающим элементом каждой ведомости являлись подписи членов сиротского суда — городского головы, старосты и хотя бы одного ратмана городского магистрата. Всего в деле 1799 г. подшито 14 ведомостей, отражающих сведения о семьях, в составе которых насчитывалось в общей сложности 27 осиротевших детей.

Проследим, каков был основной источник доходов осиротевших детей жителей Твери. Анализ ведомостей показал, что наиболее распространенным источником доходов в этих семьях были проценты от вексельных сделок. Наряду с этим, доходы получали от сдачи в наем лавок, амбаров, пристаней и даже жилого дома. Обязанностью опекунов было оформлять сделки вместо недееспособных малолетних детей. В двух семьях основным источником дохода обозначен торг. В многодетной семье Дмитрия Вагина торговлей под присмотром опекунов занимался старший 19-летний сын Иван, младшие дети Дмитрия не привлекались к какой-либо деятельности. Осиротевшие дети купца Петра Вагина содержались на средства, получаемые от торговли, которую производила их мать Авдотья Трофимова. Важно отметить, что из 27 сирот 8 в возрасте от 11 до 23 лет обучались «торговому промыслу».

Несколько семей, потерявших кормильца, содержались на средства, получаемые от производственной деятельности. Семья купца Василия Ворошилова получала прибыль от производства муки на собственной водяной мельнице. Среди опекаемых сирот женского пола наиболее распространенным занятием было рукоделие: «вязание варежек и чулок» и «портное мастерство», очевидно для продажи. Основным занятием сына умершей посадской жены Афросиньи Кулаевой Ильи 16 лет обозначено «обучение кузнечному ремеслу».

В семьях, потерявших кормильца, традиционно существовало несколько источников доходов. Только в двух случаях опекаемые сироты не имели капитала, единственным источником доходов здесь была работа. Сын Ивана Новикова Петр 17 лет «обращался в услужении у разных людей», младший сын бывшего публичного нотариуса Диомида Карманова Петр 19 лет работал пищиком в городском магистрате.

Таким образом, основная функция опекунов фактически состояла в обеспечении функционирования капитала недееспособных граждан, к которым относились в основном осиротевшие дети. Опекуны также обеспечивали обучение детей «торговому промыслу», что способствовало транслированию традиционной для семьи деятельности через поколение. При передаче наследуемого капи-

тала опекаемому по достижении им совершеннолетия оговаривалось, что деньги отдаются ему для ведения торговли.

Опекунство было направлено на сохранение капитала горожан, передачу традиций в семьях, потерявших кормильца. В таком контексте деятельность опекунов можно рассматривать как один из механизмов, с помощью которых государство пыталось создать благоприятные условия для развития торговой, предпринимательской деятельности в городской среде. Государство предписывало сохранять имущество недееспособных горожан путем учреждения опеки и создания системы социального призрения в целом. Помимо этого, практика жизни требовала, чтобы малолетних сирот обучали торговой деятельности, которая являлась традиционной для городской среды.

Е. А. Зуева приходит к выводу, что купцы-опекуны извлекали немалый доход с опекаемого ими имущества. По ее наблюдениям, они использовали этот капитал для кредитования собственных торговых операций²¹. При исследовании документов Тверского сиротского суда такой практики не выявлено, что свидетельствует о более точном выполнении тверскими опекунами задачи, возложенной на них государством.

Однако, на наш взгляд, использование капиталов сирот в личных интересах опекунов, наблюдаемое в Сибири, не противоречит основной задаче сиротских судов и института опекунства. Опекуны назначались, как правило, из родственников или свойственников, которые являлись жителями этого же города. Следовательно, подобная практика в любом случае способствовала развитию торговой жизни города в целом.

Примечания

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Тверской области, проект 08-01-57101 а/Ц

¹ *Ретина Л. П.* История исторического знания: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 07.00.02 История. 2-е изд. М., 2006. С. 250–251.

² *Водарский Я. Е.* Исследования по истории русского города: (Факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 10.

³ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1. С. 5

⁴ *Клокман Ю. Р.* Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII в. М., 1967. С. 5.

⁵ *Демкин А. В.* Купечество в России в XVIII в. // Исследования по истории России XVI –XVIII вв.: Сб. ст. в честь 70-летия Я. Е. Водарского. М., 2000. С. 167.

⁶ *Зуева Е. А.* Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 2007. С. 108.

⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14392.

⁸ Там же.

⁹ *Голшков А. Г., Круглова Т. А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000. С. 119.

¹⁰ ГАТвО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 10, 11, 12, 13, 15.

¹¹ Там же. Д. 3, 9.

¹² Там же. Д. 1, 2, 3, 10, 12, 14.

¹³ Там же. Д. 14.

¹⁴ Там же. Д. 2.

¹⁵ *Демкин А. В.* Купечество в России... С. 169.

¹⁶ *Комлева Е. В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII — первая половина XIX века). М., 2006. С. 127.

¹⁷ ГАТвО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 9, 15.

¹⁸ Там же. Д. 11.

¹⁹ После реформы Павла I — палаты гражданского суда и расправы.

²⁰ ГАТвО. Ф. 175. О. 2. Д. 1356.

²¹ *Зуева Е. А.* Опека и попечительство у сибирского купечества в последней четверти XVIII — первой половине XIX вв. // Социально-культурное развитие Сибири. Новосибирск, 1991. С. 33.

Н. С. Лукина

ТВЕРСКОЙ КУПЕЦ АНФИМ КОНЯЕВ: К ИСТОРИИ НАКОПЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАПИТАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII В.)

Род Коняевых относится к числу известных фамилий Твери, активно занимавшихся торгово-предпринимательской деятельностью. Согласно материалам 80-х гг. XVIII в., в Твери проживало одиннадцать семей Коняевых, большинство из которых занимались торговлей и состояли в купечестве. Из многочисленных представителей данного рода наибольший интерес представляет семья купца третьей гильдии Степана Васильевича Коняева. Его сыновья Анфим, Матвей, Иван и Михаил, состо-

явшие в купечестве в последней четверти XVIII — начале XIX вв., торговали хлебом, железным товаром и мылом. В рамках данного исследования рассмотрим деятельность старшего сына С. В. Коняева — Анфима Степановича, самостоятельная деятельность которого, вероятнее всего, началась в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в. В 1760-е гг. он состоял в гильдии «второй статьи» и торговал полосным железом, доставляя его сухим путем к Рижскому и Ревельскому портам¹.

С 1776 по 1785 г. Анфим Коняев состоял в купечестве второй гильдии с объявленным капиталом 1010 руб., при этом не известно, имел ли он собственный капитал или использовал заемные средства. В обывательских книгах 1780-х гг. в сообщении о роде деятельности Коняева указано, что он торгует «в портах и к Рижскому и Санкт-Петербургскому водяным и сухим путем» железом, мылом, хлебом, а также состоит в соляных подрядах². Анализ документов показал, что в конце 1770 — начале 1780-х гг., как и в 1760-е гг., основу торговли Коняева составляло полосное железо и гвозди, которые сбывались в Риге, Вышнем Волочке, Старице, Ржеве³.

Тот факт, что Коняеву принадлежали две каменные лавки, расположенные в Овсяном и Хмелевом рядах Гостиного двора Твери, свидетельствует о том, что он вел торговую деятельность и в самом городе, возможно, нанимая для этой цели приказчиков. Однако лавки могли сдаваться и в аренду. Таким образом, Коняев вел типичную для тверских купцов коммерческую деятельность, и, согласно исследованиям Х. Д. Сориной, относился к купеческой верхушке Твери⁴.

По мнению исследователей, одной из важнейших форм накопления купеческих капиталов в XVII–XVIII в. является участие в казенных подрядах⁵. Купцы заключали подряды с центральными государственными и местными учреждениями, частными лицами. Часто имело место перепоручение части подряда или наличие компаньонов в деле, что было связано с недостатком денежных средств у купцов при необходимости производить крупные поставки на большие расстояния. Подрядные сделки были выгодны купечеству тем, что при заключении контракта выдавался аванс, как правило, составлявший не менее половины стоимости подряда, а также тем, что казна гарантировала подрядчикам получение определенной прибыли. При благоприятных обстоятельствах участие в подрядах действительно обеспечивало купцам хорошую прибыль, однако и риск неудач был достаточно высок. Неблагоприятными факторами, приводившими к убыткам, а порой и разорению подрядчиков, могли стать повышение цен на товар и расходов на транспорт, порча товара, затопление транспортных средств, недобросовестность компаньонов, отсутствие аванса или задержки расчета по подрядам, заключенным ранее и т. п.⁶

В результате изучения материалов книг верующих писем, прошений тверских купцов о выдаче аттестатов на вступление в подряды установлено, что с 1775 по 1784 г. Коняев ежегодно брал подряды на доставку пермской и эльтонской («елтонской») соли из Нижнего Новгорода, где располагался главный запасной магазин, в Москву, а также в города западных и северо-западных губерний. Компаньонами («товарищами») Коняева в разные годы выступали: мещанин В. А. Шуваев, купцы Г. Г. Козин, Ф. И. Пирогов, М. Н. Пирогов, И. И. Пирогов, И. А. Сапунов, Д. Д. Кириллов, К. Д. Светогоров, П. Д. Светогоров. Подряды заключались в казенных палатах Тверской, Псковской, Новгородской губ., а также с частными лицами, например, с соляным промышленником В. А. Всеволожским, бароном Г. Н. Строгановым. В этом случае тверские купцы выступали как комиссионеры.

По подсчетам А. В. Демкина, в 1776 г. только 6 тверских торговцев занимались торговлей солью⁷. Однако, согласно материалам верующих писем за 1776 г., как минимум 11 тверских купцов имели подряды на поставку соли в разные города России, еще несколько жителей города поставляли соль по подрядам, заключенным московскими купцами, т. е. являлись субподрядчиками⁸. В 80-е гг. XVIII в. уже десятки тверских купцов участвовали в «соляных» подрядах, и среди них был Коняев⁹.

Для получения аттестата, на основании которого можно было заключить подряд, необходимо было представить «одобрение» со стороны градского общества и нескольких поручителей. Например, когда в 1783 г. Коняев и купец Данила Дмитриевич Кириллов попросили Тверской городской магистрат выдать им аттестат на участие в подрядах на поставку пермской и эльтонской соли в города Псковской, Новгородской и других губерний, их поручителями выступили Ф. И. Пирогов, К. О. Барсуков, П. Д. Светогоров, М. Е. Блохин, И. К. Соболев, К. Д. Светогоров, И. И. Пирогов, Л. С. Вагин, Я. Е. Кафтанов, М. Г. Вагин, И. А. Янковский¹⁰.

Получив аттестат, Коняев и Кириллов оформили доверенность на имя своего приказчика тверского купца А. Д. Круглова, дав ему право «подрядиться нашими именами» и оформить в казенных палатах перечисленных губерний контракты на поставку до 50 тыс. пудов соли¹¹. Договор удалось заключить лишь с Псковской казенной палатой. По его условиям подрядчики должны были за четыре года поставить 40 тыс. пудов соли в города Остров и Великие Луки, по 5 тыс. пудов в каждый

город ежегодно¹². Первую партию товара должен был доставить другой поверенный Коняева и Кириллова — тверской купец К. И. Цепляев¹³.

В ряде случаев подряды заключались под залог недвижимого имущества. Так, из прошения Коняева за 1796 г. следует, что он «желает вступить в разные подряды откупу в казенных местах или у партикулярных людей, где случай допустит, под залог недвижимого имения»¹⁴. Залогом должны были служить каменный двухэтажный дом и две каменные лавки. Следует отметить, что согласно материалам второй половины 90-х гг. XVIII в., помимо этих каменных строений, отдаваемых под залог, Коняеву принадлежали еще два деревянных дома¹⁵, что могло бы обеспечить крышу над головой его семье даже в случае неудач в бизнесе.

Имели место случаи выполнения Коняевым подряда, заключенного другими лицами. Например, в 1778 г. Коняев и Киприан Дмитриевич Тюльпин выступили доверенными московского купца первой гильдии Луки Афанасьевича Девятова — крупнейшего соляного подрядчика России¹⁶. Поставку соли Коняев и Тюльпин доверили своему «товарищу» М. Н. Пирогову, который должен был «из числа его Девятова суммы 25200 пудов ту соль в Н. Новгороде принять и расписаться, и на поставку оной с приказчика Девятова 1/3 провозных денег получить, по привозе соли в Санкт-Петербург остальные провозные деньги получить»¹⁷.

С середины 80-х гг. XVIII в. помощь Коняеву стал оказывать сын Петр. Одна из первых доверенностей, выданных Анфимом Степановичем сыну, относится к 1785 г., в это время Петру было около 14 лет. По подряду, заключенному с казенной палатой Новгородского наместничества, Петр Анфимович должен был доставить из Нижнего Новгорода в Новгород 7 тыс. пудов пермской соли¹⁸. Кроме того, Коняевыми заключались подряды на поставку провианта (ржаной муки и круп) в Санкт-Петербург. Для перевозки грузов использовали собственные суда.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII в. соляной промысел приходит в упадок, солеварни закрываются, что приводит к значительным убыткам, а порой и разорению поставщиков соли и соляных подрядчиков¹⁹. С конца 1780-х гг. Анфим Степанович и его сын Петр специализировались на доставке железного товара, принадлежащего другим купцам, к Рижскому порту. В большинстве случаев Коняевы нанимались к купцу первой гильдии Петру Дмитриевичу Светогорову и купцу второй гильдии Максиму Ивановичу Нечаеву. К сожалению, источники не содержат дополнительной информации об этом роде деятельности Коняевых.

Документы свидетельствуют, что Анфим Коняев в своей деятельности использовал и нечестные методы ведения дел. В 1785 г. тверской мещанин К. М. Зубчанинов заявил, что Коняев должен ему 369 руб. — часть прибыли по их общему подряду на поставку соли из Нижнего Новгорода²⁰. Подобную жалобу подал и Иван Коняев, родной брат Анфима Степановича, который требовал выплатить его долю от продажи товара в размере 1453 руб. Кроме того, Иван обвинил брата в том, что он обманул его при разделе купленного ими на двоих в Риге мыла (10 пудов 21 фунта) и специально отдал ему только «худой» товар²¹. Невозможно установить, насколько справедливы подобные обвинения, а также были ли злоупотребления Анфима Коняева систематическими или это единичные случаи, произошедшие в результате неблагоприятного стечения обстоятельств.

Обращает на себя внимание тот факт, что К. Зубчанинов и И. Коняев подали жалобы на Анфима Степановича в 1785 г., требуя выплаты долгов за 1777–1780 гг. Судя по документам, торговая деятельность А. Коняева в конце 1770-х гг. была весьма успешной. Об этом можно говорить и на основании искового заявления его брата Ивана Степановича, в котором содержатся сведения о том, что весь товар продавался ими «с барышем». Косвенным свидетельством успешности деятельности Анфима Коняева являются многочисленные данные о сотрудничестве его с крупнейшим в городе торговцем Петром Дмитриевичем Светогоровым.

Однако к концу XVIII в. коммерческие дела Анфима Коняева приходят в упадок, он уже не каждый год записывался в купечество. Последний раз он фигурирует в купеческих списках третьей гильдии в 1797–1798 гг. с объявленным капиталом 2005 руб.²² По данным обывательской книги за 1799 г., Анфим Коняев закрыл торговлю, так как в городской магистрат на него поступили «ко взысканию векселя»²³. После смерти Анфима Степановича в 1803 г. многочисленные кредиторы потребовали погашения долгов и все его имущество было продано²⁴.

Единственный сын Анфима Коняева Петр состоял в мещанстве. В 1806 г. ему удалось выбиться в купечество, объявив минимальный капитал для купцов третьей гильдии 2010 руб. В дальнейшем он зарабатывал на жизнь приказчицей деятельностью, так же, как и его сын Анфим Петрович. Не имея в городе никакого имущества, они проживали в съемных квартирах.

Подводя итог, следует сказать, что в 60–80-е гг. XVIII в. основным видом деятельности Анфима Степановича Коняева была оптовая торговля железом, хлебом и мылом преимущественно в северо-

западном направлении. В отдельные периоды он, вероятно, совмещал оптовую и розничную торговлю. В 70–80-е гг. XVIII в. Коняев активно участвовал в казенных подрядах, в первую очередь соляных, выступая как подрядчиком, так и субподрядчиком. Оптовый характер торговли, участие в казенных подрядах свидетельствуют об определенном уровне состоятельности Коняева и позволяют отнести его к зажиточным кругам Твери. Однако уже в 90-е гг. XVIII в. Коняев прекратил коммерческую деятельность. В дальнейшем его потомки состояли в мещанстве, что подтверждает широко распространенное в историографии мнение о кратковременности существования большинства купеческих династий.

Примечания

¹ *Сорина Х. Д.* К вопросу о процессе социального расслоения города в связи с формированием капиталистических отношений // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1964. Т. 38. С. 290.

² ГАТвО. Ф. 312. Оп. 4. Д. 14553. Л. 145 об.

³ Там же. Ф. 175. Оп. 2. Д. 606. Л. 26–31.

⁴ *Сорина Х. Д.* Очерк социально-экономической истории Твери в 50–60 гг. XVIII в. // Ученые записки Калининского гос. пед. ин-та. Калинин, 1962. Т. 26. С. 104–108.

⁵ *Сорина Х. Д.* Место Твери и других городов Тверской губернии в Волжской водной системе во второй половине XVIII в. // Из истории Калининской области: Ст. и док. Калинин, 1960. С. 86–87; *Демкин А. В.* Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. М., 1990. С. 17.

⁶ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1. С. 230–231.

⁷ *Демкин А. В.* Русское купечество... С. 18.

⁸ ГАТвО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 4.

⁹ Например, исследование верующих писем за 1784 г. показало, что минимум 20 жителей Твери заключили подряды на поставку соли.

¹⁰ ГАТвО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 479. Л. 49–51 об.

¹¹ Там же. Д. 67. Л. 16 об.

¹² Там же. Д. 479. Л. 101–103 об.

¹³ Там же. Д. 67. Л. 34.

¹⁴ Там же. Д. 1104. Л. 13–13 об.

¹⁵ Там же. Ф. 312. Оп. 4. Д. 14560. Л. 150.

¹⁶ *Введенский Р. М.* Экономическая политика самодержавия в конце XVIII — первой половине XIX вв.: (По материалам соляного дела): Пособие к спецкурсу. М., 1983. С. 32.

¹⁷ ГАТвО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 20. Л. 307.

¹⁸ Там же. Д. 85. Л. 52 об.

¹⁹ *Введенский Р. М.* Экономическая политика... С. 33–36.

²⁰ ГАТвО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 586. Л. 2–13.

²¹ Там же. Д. 606. Л. 26–31.

²² Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4610. Л. 29, 66.

²³ Там же. Ф. 312. Оп. 4. Д. 14560. Л. 150.

²⁴ Там же. Оп. 6. Д. 291. Л. 42 об.

Е. В. Лицова

ДИНАМИКА ТАМОЖЕННЫХ ТАРИФОВ НА УКРАИНЕ-ГЕТМАНЩИНЕ В XVIII в.

В середине XVIII в. на Украине-Гетманщине¹ существовала таможенная система, существенно отличавшаяся от системы Российской империи и развивавшаяся автономно от нее. Основы ее были заложены универсалом Б. Хмельницкого от 28 апреля 1654 г. Формировалась она на основе политики меркантилизма и протекционизма.

В течение первой половины XVIII в. гетманское правительство проводило гибкую таможенную политику, изменяя под влиянием колебаний рынка ставки таможенного обложения. При этом в целом размеры индукты и эвекты (таможенные пошлины на импорт и экспорт) оставались достаточно низкими (2–3 % от стоимости товара), что содействовало развитию внешней и внутренней торговли².

В основе таможенной системы Гетманщины лежала откупная система. Основная борьба за таможенный откуп шла между тремя купеческими группами: семьей Рагудзинских, нежинскими купцами греческого происхождения Тернавиотами и севскими купцами Шереметцевыми³. Откупная сумма в течение первой половины XVIII в. выросла с 8 до 35 тыс. руб. в год (см. табл. 1). Однако откупная система дискредитировала себя вследствие многочисленных злоупотреблений со стороны откупщиков, и с 8 декабря 1748 г. Сенат отдал таможенный сбор на содержание Генеральной войсковой канцелярии.

Откупщики таможенного сбора на Гетманщине в первой половине XVIII в.⁴

Откупщики	Годы							
	1709	1722	1723	1725	1732	1735	1746	1752
	Откупная сумма (руб.)							
С. и Г. Рагудзинские	8000–9000			18698				
П. Тернавиот			18 698		20000	30000	27000	
П. и М. Шереметцевы		15180						
А. Крижановский								50000

Вскоре после возобновления института гетманства в 1750 г. доходы от индуктного сбора начали поступать в распоряжение гетмана. В сентябре 1751 г. таможенный сбор (мыто) был отдан гетманом в откуп купцу А. Крижановскому. Однако вскоре в Генеральную войсковую канцелярию посыпались многочисленные жалобы на злоупотребления откупщика.

К середине XVIII в. изменения во внешней и внутренней политике Российской империи также подготовили необходимость в коренном реформировании ее таможенной системы.

Ранее неоднократно поднимался вопрос о включении Гетманщины в единую таможенную систему России⁵. Однако украинскому правительству и старшине всякий раз удавалось противостоять давлению, используя внешнеполитическую ситуацию⁶. Мощную поддержку последней в 1740-х гг. также оказывали Разумовские, которые играли в то время решающую роль при российском дворе⁷.

В начале 50-х гг. XVIII вв. положение изменилось. Улучшение состояния экономики России, укрепление ее внешнеполитического положения, развитие экономических связей с Гетманщиной подготовили условия для ликвидации ее автономии. В ходе реформы были уничтожены внутренние сборы, затруднявшие внутреннюю торговлю в Российской империи, ликвидированы таможи на российско-украинской границе, изданы Таможенный устав (1755 г.) и новый Таможенный тариф (1757 г.)

Таможенный устав 1755 г. подтверждал уничтожение внутренних сборов и устанавливал единую ввозную и вывозную пошлину в размере 13 %, которая взималась с товаров вдобавок к тарифным ставкам обложения. С этого момента взимание ввозной и вывозной пошлины в Российской империи должны были осуществлять 15 портовых и 33 сухопутных таможен и застав, 8 из которых находились на польско-украинской границе. Главная таможня вместе с карантинным домом была построена возле Васильковского пограничного форпоста. Кроме нее, на западной границе Гетманщины были поставлены еще три таможни — Переяславская, Добрянская и Кременчугская, между которыми располагались заставы.

Таможенный тариф 1757 г.⁸ юридически зафиксировал изменения, внесенные реформой. В нем был дан реестр товаров и устанавливались нормы таможенного обложения, которые создавали благоприятные условия для зарубежной торговли российских купцов и мануфактуристов. Правительство не настаивало на торговле через посредничество балтийских портов, считая что их товарооборот уже достаточно вырос⁹. Фискальные интересы имперской казны удовлетворялись тем, что «портовая» пошлина теперь взималась как в портовых, так и в сухопутных таможнях. То есть теперь существовали две вывозные пошлины: портовая, которая взималась по тарифу, и внутренняя в размере 13 %. Согласно с новым тарифом таможенная пошлина на ввозные товары составляла от 12,5 до 20 % от их стоимости. Правда, иностранные товары дополнительно облагались особым налогом от 6 до 16 % от их цены. Итак, таможенный сбор с импортных товаров составлял от 18,5 до 36 % от цены¹⁰.

Реформа 1753 г., дополненная протекционистским тарифом 1757 г., принесла российской казне значительную прибыль. Если при императрице Елизавете таможенные сборы составляли лишь 900 тыс. руб., то в начале царствования Екатерины II таможни приносили казне более 2 млн. руб.¹¹

В то же время ликвидация таможенной системы Гетманщины имела крайне негативные последствия для политического положения страны и стала одним из шагов на пути к полной ликвидации ее автономии. В 1756 г. последовала передача ведения дел Левобережной Украины из Коллегии Иностранных дел в Сенат, позднее — уничтожение института гетманства и, наконец, переустройство территориально-административного устройства Левобережья по российскому образцу. Ликвидация

таможенной границы между Россией и Гетманщиной, а также принятие нового тарифа дали российскому купечеству свободный доступ на рынок Левобережной Украины, вследствие чего украинское среднее и мелкое купечество понесло крупные финансовые потери. Серьезным ударом по внешней торговле также стало повышение таможенных пошлин в 6,5 раз.

Позитивным следствием этой реформы для Гетманщины стала активизация украинской внутренней торговли, которая с этого момента становится частью всероссийского рынка, получив доступ на гигантский рынок Российской империи. Это послужило толчком для роста экономики на Левобережье.

Развитие торговых отношений привело к увеличению таможенных сборов на границе Гетманщины с Польшей. Если в 1724 г. в казну Генеральной Войсковой канцелярии поступало 18 тыс. руб. годовых таможенных сборов¹², в 1751 г. — 50 тыс. руб.¹³, то уже в 1755 г. за провоз как ввозных, так и вывозных товаров через таможи Левобережной Украины было получено более 65 тыс. руб.¹⁴

Рост товарооборота экспортно-импортной торговли продолжался и в дальнейшем. В 1766 г. за провоз одних только ввозных товаров через Васильковскую таможню в казну поступило более 40 тыс. руб.¹⁵ В 1772 г. через украинско-польскую границу было вывезено товаров на сумму 187594 руб. 25 коп., а ввезено на 265592 руб. 83 коп. Через 12 лет после реформы объем экспорта и импорта товаров, проходивших через Васильковскую таможню, достиг 1,5 млн. руб., т. е. увеличился почти в 10 раз¹⁶.

Однако правительство рассчитывало на большее¹⁷, ведь практика показала, что таможенные откупщики в Гетманщине даже в худшие годы получали сумму, в полтора раза превышающую откупную¹⁸.

Таблица 2

Доходы, полученные на таможнях и заставах Гетманщины в 1755 г.¹⁹

Таможни и заставы	Размер таможенного сбора	
	Руб.	Коп.
Васильковская	12467	4
Добрянская	9756	13
Злынская	10464	49
Кременчущкая	14263	25
Переволоченская	13159	86
Переяславская	5639	56
Всего:	65750	33

Причины того, что надежды чиновников не оправдались, следует искать в резкой смене принципов взимания таможенных сборов на Левобережье. Купцы Гетманщины не хотели забыть, что совсем недавно не обязательно было платить таможенную пошлину на границе. К тому же, как уже сказано выше, новые пошлины были выше дореформенных в 6,5 раз. Поэтому в конце 1750-х гг. тайный провоз товаров стал весьма популярным источником доходов среди киевских мещан²⁰.

В 1757 г. правительство, нуждавшееся в пополнении казны для ведения войны с Пруссией, пошло на нетрадиционный для России шаг — отдало таможенное управление империи в откуп²¹. 29 декабря 1757 г. был подписан контракт с директором Темерниковской компании М. Шемякиным. С 1 января 1758 г. таможенные портовые и внутренние сборы на западной сухопутной границе, в том числе и на территории Гетманщины, а также в Астрахани и Риге, были отданы в откуп сроком на шесть лет с выплатой откупной суммы в 1 млн. 500 тыс. руб., по 250 тыс. руб. в год. Для удобства торговли пушниной греческими купцами была также учреждена специальная таможенная контора в Нежине²².

Очень скоро выяснилось, что идея откупной системы была неудачной: злоупотребления в таможнях приобрели массовый характер; высокие тарифные ставки при сравнительно слабо развитой промышленности внутри страны и плохо защищенной границе содействовали активизации контрабандной торговли²³. Плохая отчетность откупщиков, их задолженность правительству, многочисленные злоупотребления заставили власти в августе 1762 года разорвать договор с Темерниковской компанией²⁴. Директор компании был обвинен в «беспорядочном» правлении и нарушении контракта. Купец Шемякин был отдан под суд.

Российскому правительству понравилась позаимствованная у Гетманщины практика отдачи таможенных сборов на откуп. В том же 1762 г. Сенат обнародовал намерение провести торги за таможенный откуп с 1764 г. на срок не более 6 лет. Отозвался на это предложение лишь один человек — директор одной из таможен М. Дубровин²⁵. Он предложил такие же условия, что и М. Шемякин. Однако правительство надеялось на большее и не заинтересовалось таким предложением.

Таким образом, в начале 60-х гг. XVIII в. назрела объективная необходимость кардинальной реорганизации таможенной системы. Эту проблему пыталось решить правительство Екатерины II²⁶. В это же время часть украинской шляхты во главе с гетманом подала императрице «Прошение малорусского дворянства старшин с гетманом о восстановлении прав Малороссии»²⁷. В нем, между прочим, содержалось прошение восстановить индуктный сбор. Как известно, результатом акции было ухудшение отношений между Екатериной и гетманом К. Разумовским, которое завершилось уничтожением в 1764 г. института гетманства²⁸.

В октябре 1763 г. российским правительством была учреждена Главная над таможенными сборами канцелярия, которую возглавил Э. Миних. Особенно его беспокоило положение на украинско-польской границе. Как свидетельствуют архивные документы, с 1764 г. на западной границе Левобережья существовало пять таможен: Васильковская, Добрянская, Нежинская, Кременчугская и Переволоченская. Им были подчинены заставы: Переяславская, Стайковская, Секеринская, Межигорская, Царичанская²⁹.

В феврале 1764 г. было проведено реформирование таможенной службы. Штат таможен был изменен, а их служащие получили новые инструкции. Эти меры положительно повлияли на работу таможенной системы империи и привели к увеличению таможенных сборов почти в 5 раз по сравнению с серединой 50-х гг. XVIII в. Так, сумма таможенных сборов в Киевской губ. в 1764–1765 гг. достигла 305 тыс. руб. в год (см. табл. 3). Это на 55 тыс. руб. больше предложенной откупщиками суммы. Общая сумма таможенного сбора в империи накануне принятия нового тарифа составляла 2 млн. 700 тыс. руб.³⁰

Попытки российского правительства защитить отечественного производителя с помощью либерализации таможенной политики и протекционистского тарифа привели к увеличению ставок таможенного обложения³¹. В сентябре 1766 г. Коммерц-Коллегией был издан новый тариф³², согласно которому пошлина на импортные товары составила от 12 до 30 % от их стоимости. Экспортные пошлины не превышали 5 % с цены товара. Самые дорогие товары с целью противодействия контрабанде были обложены невысокой пошлиной. Однако тариф 1766 г. был составлен без надлежащих правил и с большой «неравносью» пошлин, которые были наложены на товары равного спроса: на значительную часть товаров пошлина составляла почти 100 %³³.

Как следствие, объемы таможенных сборов начали резко снижаться. Если в 1764–1766 гг. доход от взимания таможенных сборов в таможах Киевской губ. достигал 300 тыс. руб., то в первый же год введения нового тарифа сборы упали до 250 тыс. руб. (см. табл. 3). За четыре года, прошедших после введения в действие нового тарифа, они упали почти в три раза — с 305 тыс. руб. до 130 тыс. руб. Также участились случаи злоупотреблений таможенных служащих своим положением, а уровень выявленной контрабанды достиг катастрофических размеров.

Таблица 3

Доходы от таможен Левобережья в 1764–1769 гг. и их доля в таможенных доходах Российской империи (исключая таможен Санкт-Петербургского порта)³⁴

Год	Таможенные сборы таможен Левобережья (руб.)	Доля сборов украинских таможен в общероссийских (%)
1764	304980	40
1765	305016	36
1766	279266	36
1767	250955	40
1768	202202	32
1769	133711	24

Серьезным ударом по внешней торговле и, соответственно, по таможенным сборам, стала русско-турецкая война (1768–1774 гг.) Однако это было не самой страшной бедой, которую принесла война населению Гетманщины. В августе 1770 г. по пути продвижения военных курьеров из Молда-

вии была занесена страшная беда — эпидемия чумы (1770–1771 гг.), которая забрала жизни почти 20 тыс. жителей Левобережья³⁵.

Российское правительство предприняло беспрецедентные меры безопасности, которые действовали вплоть до 1774 г.³⁶ Указом Сената 1771 г. запрещался ввоз на территорию страны различных тканей, а также кож, пушнины, пряжи³⁷. Контрабандные товары подлежали сожжению. Для пересечения границы были оставлены открытыми лишь две таможни — Васильковская и Добрянская, как наиболее популярные и хорошо оборудованные на украинско-польской границе.

Эпидемия чумы 1770–1774 гг. имела ужасные последствия для страны. К тому же, по официальной статистике, количество побегов крепостных увеличилось вдвое вследствие «положения в оклад малороссийских мужиков сообразно российским»³⁸, что также не могло не повлиять на социально-экономическое развитие Гетманщины. Чувствовалось резкое падение темпов развития промышленности, торговли. Купечество несло громадные убытки³⁹.

Необходимые жесткие противоэпидемические меры резко сократили внешнеторговую активность населения, что отразилось на размерах таможенных сборов на украинско-польской границе (см. табл. 4). Их годовые показатели не превышали 50 тыс. руб. в год (ср. с 305 тыс. руб. десятилетней давности — табл. 3).

Таблица 4

Доходы с таможен Левобережья в 1770-е гг. и их доля в таможенных доходах Российской империи (исключая таможню Санкт-Петербургского порта)⁴⁰

Год.	Таможенные сборы с таможен Левобережья (руб.)	Доля сборов с украинских таможен в общероссийских (%)
1770	65468	15
1771	49104	11
1772	48852	9
1773	56286	12
1774	66415	19
1775	38313	10
1776	43961	13
1777	46960	14
1778	30093	11
1779	43730	15
1780 ⁴¹	22706	30

Как видим, невзирая на окончание эпидемии, падение объемов таможенных сборов не прекратилось. В 1775 г. таможни Левобережной Украины принесли всего лишь 38 тыс. руб. И даже после уничтожения запретительных противоэпидемических мер сумма сборов здесь не превышала 46 тыс. руб.

Одной из причин дальнейшего падения объемов таможенных сборов на Левобережье стало окончание русско-турецкой войны, вследствие которой к России были присоединены земли Северного Причерноморья⁴². Эти геополитические перемены неизбежно привели к изменению расположения таможен, а присоединение Правобережной Украины — к их переносу далеко на запад.

Часть товаров начала вывозиться через порты Черного моря, поскольку для их популяризации ставки таможенного тарифа для портовых таможен (Керченской⁴³, Херсонской) были снижены на четверть по сравнению с остальными⁴⁴.

Такие перемены отразились на изменении путей иностранной торговли и размерах таможенных сборов⁴⁵. Важной причиной уменьшения таможенных поступлений был также катастрофический рост контрабанды и злоупотреблений таможенных служащих своим положением.

Размеры таможенных сборов Киевской губ. в 70-х гг. XVIII в. колебались в пределах 60–40 тыс. руб. в год⁴⁶. Всего с таможенных сборов расходовалось 77197 руб. 89 коп. Простой подсчет показывает, что в 70-х гг. XVIII в. доходов с таможенных сборов Гетманщины далеко не всегда хватало на эти статьи расходов и Малороссийский скарб находился в постоянном дефиците.

В течение 1770-х гг. прибыльность таможен Киевской губ. уменьшилась настолько, что расходы на их содержание составляли в среднем от 20 до 40 %, в то время как в середине 1760-х гг. расходы колебались в пределах 5 % от общего объема таможенных сборов Российской империи.

В начале 1780-х гг. в управлении таможенными на Левобережной Украине произошли некоторые изменения. Согласно указу Сената 1780 г. Главная над таможенными сборами канцелярия приказала передать все таможни и подчиненные им заставы в ведение генерал-губернатора П. А. Румянцева⁴⁷. Накануне этих перемен положение дел в таможенном ведомстве Киевской губ. оставляло желать лучшего. За первые восемь месяцев 1780 г. размер таможенного сбора здесь составил всего лишь 22,7 тыс. руб. (см. табл. 4). Таких низких показателей на Левобережье не наблюдалось более 50 лет.

Следует отметить, что такое критическое положение в таможенном деле наблюдалось не только на Левобережной Украине. Каким маленьким не был доход таможен Киевской губ., однако он составлял значительную часть таможенных сборов всей Российской империи (см. табл. 4)⁴⁸.

Правительство было поставлено перед необходимостью внесения новых изменений в работу таможенного ведомства. Однако причинами постановки вопроса о необходимости таких изменений была не только контрабанда.

Период правления Екатерины II принес Российской империи не только успех и благополучие. Крупные расходы на ведение войн, содержание двора и фаворитов требовали огромных средств, которых у страны не было. Финансы находились в критическом положении, а внешние долги достигли неслыханных размеров. К тому же система доходов России во время царствования Екатерины II преследовала исключительно фискальные цели. Принцип «с чего бы ни брать, только бы брать» стал девизом российской финансовой системы XVIII в.⁴⁹

Внешний долг России в конце правления Екатерины II достигал 41 млн. 406 тыс. руб.⁵⁰ В сложных условиях финансовой нестабильности правительство искало выход из этого сложного положения.

Однажды английский посол рассказал на приеме Екатерине II о том, что Англия теряет на контрабанде одну треть доходов с таможенных сборов. Императрица поинтересовалась, как обстоит дело с контрабандой в России. Из Коммерц-Коллегии ей сообщили о том, что только выявленной контрабанды хватило бы, чтобы рассчитаться по одному из крупных кредитов в Генуе. Ей доложили также, что задержанная контрабанда — это лишь верхушка айсберга огромной массы товаров, незаконно пересекающих границу. Так императрица узнала, что существующий порядок охраны границы, установленный еще реформами 1753–1757 гг., исчерпал себя⁵¹.

Граница фактически была открыта для контрабандистов. Контрабанда шла через западные рубежи России широким потоком. Форпосты и таможни находились далеко друг от друга, их служащие зачастую находились в сговоре с контрабандистами, помогая им в тайном провозе товаров. Члены Коллегии пришли также к выводу, что на рост контрабанды влияют высокие ставки таможенного тарифа 1766 г. Было решено, что таможенная система России нуждается в немедленном реформировании⁵².

Новая коренная перестройка таможенного дела в России совпала по времени с окончательной инкорпорацией Гетманщины. В январе 1782 г. было ликвидировано традиционное административное устройство на Левобережье: вместо полкового деления были учреждены наместничества по российскому образцу⁵³. Следующим шагом было уничтожение в том же году 2-й Малороссийской коллегии как административного, а в 1786 г. — как судебного органа.

Таким образом, в начале 80-х гг. XVIII в., когда Гетманщина окончательно прекратила свое существование, на повестку дня встал вопрос нового кардинального реформирования таможенного дела.

Динамика суммы таможенного сбора на территории Гетманщины в XVIII в. находилась в тесной связи с внешнеполитической ситуацией. Существенное влияние также оказали несколько крупных реформ таможенной системы, произошедшие в это время. Откупная сумма выросла в течение первой половины XVIII в. более чем в пять раз. После ликвидации таможенной автономии Гетманщины система сбора таможенных пошлин была кардинально перестроена по российскому образцу. Эти изменения нанесли непоправимый удар по политической автономии Украины-Гетманщины. Рынок Левобережья становится частью общероссийского, что привело к росту активности внутренней торговли.

Во второй половине XVIII в. таможенное дело на территории Гетманщины действовало под полным контролем российского правительства и в рамках российского законодательства. Таможенная реформа 1762 г. способствовала росту таможенных сборов. Однако неоправданное повышение ставок таможенного обложения, вызванное ростом фискальных потребностей империи, войны и эпидемии, рост контрабанды и злоупотреблений среди таможенных служащих вызвали значительное снижение объемов таможенных сборов. Вот почему в начале 80-х гг. XVIII в. правительство вновь было поставлено перед необходимостью проведения реформирования таможенной системы.

Примечания

- ¹ Україна-Гетьманщина — полуофіційне назвння Левобережної України во второй половині XVII—XVIII вв.
- ² При взиманні мита откупщики Гетьманщини в первой половині XVIII в. пользовались офіційними та неофіційними таможенними тарифами. См.: *Лицовева О. В.* Офіційні та неофіційні митні тарифи Гетьманщини першої половини XVIII ст. // Київська старовина. 2003. № 4. С. 88–95.
- ³ *Лицовева Е. В.* Таможенное дело в Украине-Гетьманщине во второй половині XVII — XVIII вв. // Клио. 2003. № 3. С. 60–66.
- ⁴ Составлено автором на основании: РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Л. 2–96 об.; *Барвинський В. О.* До питання про індукту та евекту в Гетьманщині // Наукові записки науково-дослідчої кафедри історії Української культури. 1927. № 6. С. 441–445.
- ⁵ А именно в 1726, 1734–1737, 1740, 1745 и 1747 гг. См.: *Джиджора І.* Економічна політика російського правительства супроти України в 1710–1730 рр. // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. 1910. Т. 103–104. С. 79; *Лицовева О. В.* «Полное собрание законов Российской империи» як джерело вивчення прикордонних служб на території Лівобережної України (друга половина XVII — перша половина XVIII ст.) // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Історія. 2001. № 58. С. 11.
- ⁶ *Барвинський В. А.* Заметки по истории финансового управления в Гетьманщине // Сборник статей в честь проф. В. П. Бузе-скула: Изд. по поводу тридцатилетия его науч.-преподават. деятельности. Харьков, 1914. С. 821.
- ⁷ *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен в России // История СССР. 1957. № 2. С. 92–94.
- ⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 45: Кн. тарифов. С. 1–123.
- ⁹ Там же. Т. 14. № 10323.
- ¹⁰ *Волков М. Я.* Отмена внутренних таможен... С. 94.
- ¹¹ *Мельгунов П. П.* Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. С. 264; *Марков Л. Н.* Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С. 43.
- ¹² *Нечипоренко П.* До характеристики податкової політики уряду Елісавети // Науковий збірник за рік 1927: Записки Українського наукового товариства в Києві тепер історичної секції Української Академії Наук. 1927. Т. 26. С. 46; *Василенко Н. П.* Протоколы Верховного Тайного совета как материал по истории Малороссии XVIII в. // Киевская старина. 1900. № 9. С. 117.
- ¹³ *Барвинський В. О.* До питання про індукту... С. 443.
- ¹⁴ ЦГИАУК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–21 об.
- ¹⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 28. Л. 35 об.
- ¹⁶ *Шульга І. Г.* Документи митниць як джерело до вивчення торгівлі на Україні у XVIII ст. // Архіви України. 1975. № 6. С. 61.
- ¹⁷ ЦГИАУК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 41. Л. 29–30.
- ¹⁹ ЦГИАУК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
- ²⁰ Табачная контрабанда среди киевских мещан / А. А. // Киевская старина. 1888. № 7. С. 261–265.
- ²¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 10837.
- ²² ЦГИАУК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 10. Л. 38 об.–39.
- ²³ *Спаский И. Г., Юхт А. И.* Финансы. Денежное обращение // Очерки русской культуры XVIII века. М., 1987. Ч. 2. С. 118–130.
- ²⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11658.
- ²⁵ Там же. № 11829.
- ²⁶ Там же. № 11955.
- ²⁷ Прошение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 году // Киевская старина. 1883. № 6. С. 338–340.
- ²⁸ *Струкевич О. К.* Україна-Гетьманщина та Російська імперія протягом 50–80-х рр. XVIII ст. (політико-адміністративний аспект проблеми). Київ, 1996. С. 30–31.
- ²⁹ ЦГИАУК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 22. Л. 6.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 296. Л. 1–3.
- ³¹ *Кисловский Ю. Г.* История таможи государства Российского, 907–1995. М., 1995. С. 43.
- ³² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 17. № 12735; Т. 45: Кн. тарифов.
- ³³ Там же. Т. 17. № 12766.
- ³⁴ Таблица составлена автором на основании: РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 296.
- ³⁵ *Бородій М. К.* До історії боротьби з чумою на Україні в XVIII ст. // Український історичний журнал. 1984. № 5. С. 86; *Васильев К. Г., Сегал А. Е.* История эпидемий в России: (Материалы и очерки). М., 1960. С. 154.
- ³⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19. № 13502.
- ³⁷ Там же. № 13552.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. Д. 145. Л. 13 об.
- ³⁹ *Тищенко М.* Форпости, митниці, та карантини на західному пограниччю, в зв'язку з зовнішньою торгівлею України в 18 в. // Історико-географічний збірник. Київ, 1931. Т. 4. С. 97–105.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 296.
- ⁴¹ За 1780 г. приводятся данные только за период с января по август 1780 г.
- ⁴² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14274, 14293.
- ⁴³ Штат Нежинский таможи был полностью переведен в новоназначенную портовую Керченскую. См.: *Харламович К.* До історії національних меншостей на Україні: Грецька колонія в Ніжені (17–18 ст.): Нарис 5: Ніженські греки і торгівля // Записки Історико-філологічного товариства Андрія Білецького. Вип. 3. Київ, 1999. С. 111.
- ⁴⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14355.
- ⁴⁵ Уничтожение Запорожской Сечи в 1775 г. не могло повліяти на уровень таможенных сборов, поскольку Сечь имела привилегию не платить таможенную пошлину. См.: *Загорювський Є. О.* Запорізько-російська митна політика за часів Нової Січі // Ювілейний збірник на пошану академіка Дмитра Івановича Багалія. Київ, 1927. Т. 1. С. 807–810.

⁴⁶ Согласно рапортам П. А. Румянцева, эти средства расходовались Малороссийским скарбом по 11 пунктам расходов. См.: РГАДА. Ф. 13. Оп. 1. Д. 93. Л. 198–199.

⁴⁷ С этого времени все таможенные учреждения Украины должны были отчитываться перед казенной палатой 2-й экспедиции таможенных дел Канцелярии (ЦГИАУК. Ф. 122. Оп. 1. Д. 58, 59, 64, 65).

⁴⁸ При подсчете принимались во внимание все сухопутные и портовые таможи России, за исключением Санкт-Петербургской, поскольку ее доходы составляли отдельную статью в бюджете империи.

⁴⁹ Цит. по: *Кисловский Ю. Г.* Контрабанда: История и современность. М., 1996. С. 42.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Тищенко М.* Форпости, митниці, та карантини... С. 78.

⁵² Там же.

⁵³ *Струкевич О. К.* Україна-Гетьманщина та Російська імперія... С. 75.

А. А. Петренко

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ НА УКРАИНЕ В XVIII в.

С развитием издательского дела и книготорговли продукция отечественных и зарубежных типографий становилась все более доступной для представителей различных слоев общества. Книга занимает все более важное место среди других товаров. В начале XVIII в., помимо официальных книжных лавок, существовал стихийно сформировавшийся, широкий по тому времени и очень подвижный частнопредпринимательский книжный рынок. Сбыт книг происходил несколькими путями. Торговля изданиями гражданской печати, наряду с разнохарактерными рукописными текстами, гравюрами и количественно преобладавшими церковными книгами, включая старопечатные, чаще всего происходила там же, где продавались и другие товары, то есть на ярмарках, в торговых рядах, купеческих лавках и т. д. Часть книг и календарей приобреталась в одном городе с целью вывоза и выгодной последующей перепродажи в другом. Книги развозились по разным городам, особенно в ярмарочные дни¹. Осуществлялась также продажа книг в самих типографиях. С коммерческой стороны продажа печатных книг, особенно предназначенных для церковного потребления, была очень выгодным делом и приносила издателям значительные прибыли. Крупные типографии, например, Львовского братства или Киево-Печерской лавры, рьяно отстаивали монопольные права на печать и продажу богослужебных книг. Издания Киево-Печерской типографии, кроме Украины, распространялись в России, Молдавии, попадали и в другие страны. Однако торговля ими сталкивалась с острой конкуренцией. Украинскими книгами в Москве торговали также киевские мещане. Расширяли свою книготорговлю и другие украинские типографии. С начала XVIII в. Черниговская типография продавала много книг в других городах. Распространенным явлением была и продажа книг путешествующими торговцами. Наряду с новыми книгами, они предлагали и так называемую «букинистическую» литературу. Чтобы иметь деньги на покупку новых изданий, многим сравнительно малообеспеченным книголюбам приходилось отказываться от увеличения своих книжных собраний, а уже прочитанные книги нести на продажу. На протяжении десятилетий книги, не устаревавшие по содержанию и бережно хранимые по причине их дороговизны, многократно переходили из одних рук в другие через книжный рынок. Таким образом, книги не только пополняли личные и семейные библиотеки, но и служили насыщению обширного книжного рынка.

В книжных собраниях (как частных лиц, так и монастырских), сохранившихся с XVIII в. до наших дней, встречается много книг на латыни, немецком и французском языках. Это свидетельствует о том, что такие книги пользовались спросом, несмотря на свою высокую стоимость. Из «Дневных записок» Якова Марковича известно, что такие книги переходили из рук в руки, из них выписывались цитаты, а когда нужно было выехать в далекое путешествие, то некоторые издания брали с собой. Маркович в 1725 г. насчитывал в своей личной библиотеке 289 книг. Здесь были книги по богословию, истории, естествознанию, географии и др. Напечатаны они были на русском, латинском, польском и других языках². Такие личные библиотеки имели, очевидно, и другие представители украинской старшины. Для монастырских библиотек также закупалось много зарубежных книг, о чем свидетельствует, например, состав библиотеки Киево-Печерской лавры.

Во второй половине XVIII в. в большом количестве поставлял заграничные издания на Украину бреславский купец Корн, который наследовал книжную торговлю от своего отца. Корн и его брат продавали, в частности, труды Феофана Прокоповича, Варлаама Лашевского, Симона Тодорского, Николая Мотониса и Григория Козицкого³. Через их фирму Киево-Могилянская академия заказывала книги для своей библиотеки. В работе «Из истории книги на Украине» В. Модзалевский⁴ привел интересные сведения о книжной торговле этого купца. Среди его заказчиков были лубенский полковник П. Апостол, генеральный есаул И. Скоропадский, К. Шафаренко, П. Симоновский, полковник

П. Кулябка, а из духовенства — киевский митрополит Тимофей (Щербацкий), Иакинф (Карпинский) и многие другие. Содержание привозимых книг было различное: литература современных авторов, история, естествознание, техника, богословие, медицина, логика, философия и др. Фирма принимала заявки и на оправу книг. Для Киевской духовной академии закупались книги в многочисленных экземплярах, очевидно, в качестве учебников для студентов. Фирма практиковала продажу книг в долг, причем за некоторыми лицами числилась достаточно большая задолженность. Книжная торговля Корна была весьма популярной на Украине в рассматриваемое время.

В январе 1778 г. в Черниговский полк прибыл «итальянской нации, местечка Мелян купец Иозеф Бинда» для продажи латинских книг и «различных напечатанных кунштов»⁵. Кроме иностранцев, поставщиками иностранных книг были украинские купцы, которые имели торговые связи в Данциге, Кенигсберге, Лейпциге, Бродах и других городах. Так, в 1724 г. среди разных вещей, которые Яков Маркович поручил купить сотнику Костенецкому, перегонявшего волов на продажу в Данциг, было 5 книг⁶.

В 1738 г. райца киевского магистрата Степан Андриевский перед отъездом в Бреславль узнал, что библиотека Киево-Печерской Лавры нуждается в латинских книгах, а Лаврская типография — в бумаге. Он обязался весь нужный товар привезти из Бреславля и получил для закупки бумаги 300 руб., а на латинские книги 160 руб.⁷

Во второй половине XVIII в. много книг привозили на Украину полтавские купцы, которые объединились в одно общество, в состав которого входили Г. Паскевич с братьями, С. Максимович, Ф. Лукьянович и др. В мае 1781 г. приказчик Григорий Семенович Паскевич, возвращаясь из Бреславля, с разными товарами привез 725 медицинских книг, напечатанных на немецком и французском языках. Все они были в оправе и стоили 1100 руб. В октябре того же года приказчик указанного общества Иосиф Пашенко привез из Бреславля 140 медицинских книг, напечатанных на немецком, французском и латинском языках⁸.

Снабжение Украины книгами из Лейпцига осуществляли также полтавские купцы. В июле 1781 г. купец Ф. Лукьянович, наряду с другими товарами, привез из Лейпцига 1200 книг, напечатанных на немецком и латинском языках. Все книги были в оправе и стоили 2000 руб. Вместе с ними Лукьянович привез 172 картины «живописных разных размеров» стоимостью по 3 руб. каждая, 1700 «разных величин гравированных и тушеванных» по 20 коп. каждый, 12 «инструментов математических» на 15 руб. и 8 «инструментов хирургических» по 5 руб. каждый⁹.

Помимо полтавских купцов, итальянец Балтазар Тессар доставил из Варшавы в Киев 500 книг исторического содержания, напечатанных на латинском языке. Часть книг была в оправе, остальные без оправы. Их совокупная цена была определена в 400 руб. Тессар привез также 4 тыс. напечатанных на бумаге картин «гравированных и тушеванных» общей стоимостью 300 руб.¹⁰

Если сравнить цены на книги, которые привозили полтавские купцы и Тессар, мы увидим, что у первых книга стоила по полтора рубля, а у второго всего по 80 коп. Это объясняется тем, что полтавские купцы закупали книги по медицине, нужные специалистам, а они стоили намного дороже изданий по истории, которые привозил Тессар.

В нашем распоряжении есть сведения о доставке книг из разных зарубежных городов, провезенных в 1795 г. через Волочинскую таможенную. К сожалению, в заявках купцов, поданных в таможенную, не указано количество привезенных книг, а приведено только число ящиков с ними. В каждом отдельном случае не указывалась и цена. Из-за того, что купцы часто не сообщали пункт назначения своего товара, мы вынуждены ограничиться только общими указаниями на количество провезенных через таможенную ящиков и упаковок с книгами.

За 1795 г. из Бродов было привезено 58 ящиков и 35 упаковок книг, а из Лейпцига 2 ящика. Большинство книг было напечатано на латыни, кроме двух ящиков, где были книги, напечатанные по-гречески. К этому следует добавить, что через Броды было провезено 12 упаковок, а из Лейпцига — 5 ящиков нот и много разных музыкальных инструментов. Помимо этого, 650 книг было привезено из Бродов Исааком Ароновичем. Из украинских купцов, которые привезли книги, встречаем только киевского купца Антона Миклашевского и черниговского купца Василия Демьяновича. Первый привез из Бродов 2 ящика, а другой — одну пачку книг¹¹.

Через Волочинскую таможенную в 1795 г. привезены были книги, напечатанные на латинском, греческом и еврейском языках и ни одной книги на французском языке. Это не случайно. Российское правительство, опасаясь распространения идей французской революции, запретило в это время ввоз французских товаров, в том числе и книг. За этим следили российские консулы. В свидетельствах, которые выдавались купцам, направлявшимся с приобретенным товаром в Российскую империю, необходимо было указывать, что товары приобретены не во Франции и изготовлены не на французских фабриках.

В середине XVIII в. из-за границы можно было привозить далеко не все книги. В первую очередь запрещалось доставлять польские календари львовской печати, которые тем не менее достаточно часто попадали на Украину. В 1737 г. были привезены календари, составленные профессором Замойской академии Станиславом Дунчевским (на 1738 г.) и Франциском Невизским совместно с еще одним неизвестным автором (на 1739 г.). В этих календарях были опубликованы пророчества о разного рода политических переменах в различных странах. Пророчества, касающиеся России, не устроили российское правительство. Поэтому им был отдан суровый приказ об уничтожении подобных календарей по всей Украине¹².

В указе императрицы Анны Иоанновны (1738 г.) на имя киевского генерал-губернатора по поводу привезенных в Киев календарей на 1739 г. читаем: «Доносили вы нам коим образом взято в Киеве у одного мещанина львовского, ехавшего в Малую Россию, явившиеся у него календари на польском языке львовской печати на приходящий 1739 г. двух авторов по сту по 50 экземпляров, которые до указа нашего в Киеве удержаны и из оных приехало сюда по одному экземпляру. И конез в тех обоих календарях по рассмотрению здесь находятся в прогностиках о нашей империи и особенно об Украине некоторые зловымышленные и непристойные нюансы чем нерассудительный народ может легко прийти в какой соблазн и служение того ради надлежит все же календари в Киеве сжечь и ежели иногда где инде в Украине такие календари у кого духовных или мирских явятся, то оные по тому ж отбирая поджигать и о том вам в надлежащие места, по силе сего нашего указа, объявления учинить с таким изъяснением, чтоб никто из подданных наших календари у себя не держали но тотчас объявляли, також бы и впредь оных на Польши в наши границы провозились под опасением жестокого наказания не дерзали, чего вам надлежит приказать на всех постах, накрепчайше престоерегать, а вместо тех польских календарей могут в Киеве и во всей Украине употреблять российские календари, которые издаются в печать Академией наук»¹³.

Кроме польских календарей, запрещалось привозить из-за границы также книги религиозного содержания. Об этом особенно заботилась Киево-Печерская Лавра. В 1730 г. лаврский архимандрит Иона обратился к императрице с просьбой, в которой указывал, что на Украину привозится много церковных книг, свободно продающихся потом на ярмарках, а книги эти «наречию российскому и орфографии весьма противны и к тому же есть еще угроза занесения ереси через эти книги». Иона просил выдать лавре грамоту, которая разрешила бы ей следить за тем, чтобы подобные книги не продавались на Украине¹⁴. При этом лавра, очевидно, стремилась оградить от конкуренции свои издания, которые продавались монастырскими шафарями и разными купцами в Киеве и в других местах¹⁵.

Сенатским указом 1743 г., а потом указом Синода от 19 июля 1782 г. запрещено было привозить из-за границы «печатные вне России на российском диалекте церковные и другие, содержащие в себе богословные термины под образом российских типографий» книги, а исполнение этого указа было поручено таможенной администрации¹⁶.

В ходе реакции, наступившей в конце XVIII в., в Россию был запрещен ввоз из-за границы практически всех книг. По указам от 16 сентября 1796 г. и 17 мая 1798 г. зарубежные книги, часописи и другие издания, попадавшие тем или другим способом к российским подданным, должны были проходить контроль цензора, в противном же случае хозяин книг мог понести наказание за непослушание законам¹⁷.

Запрещая провозить зарубежные издания, правительство заботилось прежде всего о том, чтобы не допустить проникновения революционных идей из-за границы. Так, в письме генерал-прокурора А. Б. Куракина киевскому гражданскому губернатору В. И. Милашевичу от 24 июня 1798 г. сообщалось, что государю стало известно, что молодежь, учащаяся в иностранных университетах, пересылая по почте своим родственникам и знакомым частные письма, счета, записки, школьные труды и др., шлет вместе с ними и «развратные и непозволительные сочинения». Рескриптом от 17 июня 1798 г. на имя Куракина император Павел I приказал отозвать из-за границы всех, кто там учился, определив для этого два месяца. В случае невозвращения на родину по истечении указанного срока их имения подлежали конфискации. Губернаторам предоставлялось право распечатывать все почтовые отправления, присылаемые из-за границы¹⁸.

Итак, в XVIII в. объем продаж книжной продукции значительно увеличился и стал более доступным. Книжная торговля была мощным фактором развития культуры. С другой стороны, особенно во второй половине XVIII в., распространение зарубежных изданий и печатание отечественных оказались под все более усиливающимся контролем государственной цензуры. Данное обстоятельство оказало существенное влияние на ассортимент книжной продукции и ее роль в общественной жизни украинских земель в составе Российской империи.

Примечания

- ¹ Книга в России XVII — начала XIX в.: Проблемы создания и распространения: Сб. науч. тр. Л., 1989. С. 30.
- ² *Маркович Я. А.* Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767 гг.). Киев, 1893. Ч. 1. С. 205.
- ³ Портал Чернигова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gorod.cn.ua> [23.07.2009].
- ⁴ Книгарь-літопис українського письменства. Київ, 1918. Ч. 5. С. 235–238.
- ⁵ *Слабченко М. Е.* Организация хозяйства Украины от Хмельницыны до Мировой войны. Одесса, 1923. Ч. 1, т. 3. С. 183–184.
- ⁶ *Маркович Я. А.* Дневник... Ч. 1. С. 95–96.
- ⁷ ЦГИАУК. Подотдел Культов. Печатный отдел Лаврского фонда. Д. 10.
- ⁸ Там же. Дела Казенной палаты. Д. 163.
- ⁹ Там же. Л. 268–269.
- ¹⁰ Там же. Л. 307.
- ¹¹ Там же. Отдел старых дел. Д. 13619. Про торговлю еврейскими книгами в Бродах см.: Еврейская старина. 1911. № 1. С. 25–28.
- ¹² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве, за XVIII век / Сост. П. И. Баранов. СПб., 1875. Т. 2. С. 531, 569. См также: ЧИОНЛ. Киев, 1901. Кн. 15, вып. 1. С. 18.
- ¹³ ЦГИАУК. Отдел старых дел. Д. 5661. Л. 6.
- ¹⁴ Там же. Печатный отдел Лаврского фонда. Д. 8.
- ¹⁵ Там же. Д. 16, 20, 22.
- ¹⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 11. № 8832.
- ¹⁷ *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.). СПб., 1892. С. 261–262.
- ¹⁸ ЦГИАУК. Отдел старых дел. Д. 17304.

М. А. Приходько

ТОРГОВЛЯ И КОММЕРЧЕСКОЕ ДЕЛО И УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА КОММЕРЦИИ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XIX в. (Организационно-структурный аспект)

Отличительной особенностью Министерства коммерции было то, что учреждение должности министра коммерции опередило по времени образование самого Министерства. Еще 13 сентября 1800 г. министром коммерции был назначен Г. П. Гагарин¹, занимавший до этого должность президента Коммерц-коллегии. Тем самым были внесены изменения в руководящий состав Коммерц-коллегии — министр коммерции стал, так сказать, главным директором² Коммерц-коллегии (управляющим Коммерц-коллегией и главным начальником над всеми таможенными чиновниками), под руководством которого продолжали действовать президент³, вице-президент и члены Коммерц-коллегии.

В структуру и штатный состав Коммерц-коллегии были внесены лишь частичные изменения. Коммерц-коллегия была разделена на 4 экспедиции, которым были подведомственны⁴: 1) дела по внешней торговле; 2) дела по внутренней торговле; 3) дела по внутренней и внешней торговой коммуникации; 4) дела по таможенному управлению⁵. Канцелярия при президенте Коммерц-коллегии была переименована в Канцелярию при министре коммерции⁶. В состав членов Коммерц-коллегии были введены представители от купечества и владельцев мануфактур (всего 13 чел.)⁷.

Таким образом, в 1800 г. была учреждена только должность министра коммерции, без образования самого Министерства коммерции. Г. П. Гагарин недолго занимал свою новую должность: 11 декабря 1801 г. его сменил Н. П. Румянцев⁸. К 1802 г. в состав учреждений подчиненных министру коммерции входили⁹ Коммерц-коллегия, Канцелярия при министре коммерции и Санкт-Петербургская ликвидационная контора (до 3 сентября 1802 г.)¹⁰.

При подготовке и разработке министерской реформы первоначально учреждение Министерства коммерции не планировалось¹¹. Но на основе мнения, высказанного императором Александром I на заседании Негласного комитета 12 мая 1802 г., было принято решение учредить Министерство коммерции вместо Министерства государственного казначейства¹². После этого Министерство коммерции вошло в полную и окончательную редакцию проекта учреждения министерств Н. Н. Новосильцева¹³. Манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. было провозглашено учреждение восьми министерств, в числе которых было и Министерство коммерции¹⁴.

Указом Сенату «Об образовании первых трех коллегий в образе производства государственных дел на прежнем основании и о лицах, избранных к управлению министерствами» от 8 сентября 1802 г., определившим персональный состав министров и Государственного казначея, было подтверждено, что «Коммерц-коллегия остается по-прежнему в управлении министра коммерции» Н. П. Румянцева¹⁵. По непонятным причинам в основных биографических статьях и исследованиях о Н. П. Румянцеве¹⁶ и справочниках по истории государственных учреждений¹⁷ фигурирует ошибочная дата его назначения министром коммерции 8 сентября 1802 г., хотя, архивные документы определенно указывают на 11 декабря 1801 г.¹⁸ — дату именного указа Сенату¹⁹.

Первичная структурная организация Министерства коммерции была определена Манифестом «Об учреждении министерств» весьма кратко: министр коммерции управляет Коммерц-коллегией и осуществляет главное начальство над всеми таможенными чиновниками²⁰. Таким образом, фактически было подтверждено прежнее (до 1802 г.) организационное устройство «ведомства» министра коммерции — Коммерц-коллегия и Канцелярия при министре коммерции без каких-либо нововведений.

Компетенция же Министерства коммерции определялась основными предметами ведения Коммерц-коллегии: 1) дела по внешней торговле — переписка с дипломатическими агентами и консулами по предметам торговли, сбор сведений о ценах, налогах, пошлинах, трактатах, регламентах, о торговых связях иностранных государств; руководство торговыми предприятиями за границей; ведение баланса привоза и вывоза товаров, составление предположений об изменениях в тарифе, торго-

вых и купеческих уставах, о назначении консулов и учреждении контор; переписка с начальниками портовых городов, вопросы транзитной торговли; контроль за соблюдением торговых трактатов; 2) дела по внутренней торговле — переписка по вопросам внутренней торговли с государственными учреждениями, сбор справочной информации по губерниям о промыслах, фабриках, заводах и компаниях, количестве и качестве производимой продукции, спросе на нее, сбыте и возможности ее экспорта, наблюдение за торгами, ярмарками и морским промыслом; разработка и внедрение мер по расширению промыслов, увеличению количества производимых товаров, обеспечению займами и поддержанию внутреннего кредита; 3) дела по внутренней и внешней торговой коммуникации — сбор и обработка сведений о торговых путях, портах, о судостроении, количестве морских и речных судов, о путях торгового мореплавания; руководство купеческими верфями, кадровое обеспечение торгового судоходства шкиперами и матросами, страхование судов, разработка предположений о строительстве судостроительных предприятий; 4) дела по таможенному управлению — обработка и ревизия документов таможен, дел по личному составу, устройству и содержанию таможен, дел о конфискации товаров, судебных дел между российскими и английскими купцами²¹. Данные предметы ведения находились в управлении соответствующих экспедиций Коммерц-коллегии.

Следует отметить важное значение для торговли и таможенного управления России Манифеста «Об учреждении министерств» в плане установления гарантированного доступа или права личного доклада министров императору, закрепленного в нем²². Теперь это право зависело не от неформальной близости и личных отношений высших сановников с императором, а от министерской должности, что существенным образом облегчило доступ министра коммерции к императору по вопросам управления торговлей и таможенным делом Российской империи.

Основные изменения затронули структуру Министерства коммерции лишь 8 января 1803 г., когда с утверждением Штата Департамента министра коммерции Канцелярия при министре коммерции была преобразована в Департамент министра коммерции²³ в составе двух экспедиций²⁴. Так установилась структура Министерства коммерции на основе двух структурных подразделений — Коммерц-коллегии и Департамента министра коммерции, которая определяла организационное устройство Министерства коммерции на протяжении всего времени его деятельности.

Как показывает всеподданнейший доклад министра коммерции «Об устройстве коммерческого Департамента», представленный в Комитет министров 16 апреля 1803 г.²⁵, производство дел в Министерстве коммерции осталось «на основании коллежского обряда»²⁶. Кроме того, с 1803 г. министр коммерции непосредственно сам осуществлял текущее управление Коммерц-коллегией, так как президент Коммерц-коллегии Ю. А. Головкин с 6 января 1803 г. находился в длительном отпуске в связи с путешествием за границу²⁷.

Наряду с Коммерц-коллегией, Н. П. Румянцев по званию главного директора водяных коммуникаций руководил еще и Департаментом водяных коммуникаций, а также Экспедицией о устройении дорог в государстве²⁸.

В октябре 1804 г. было принято решение о преобразовании Счетной экспедиции (Экспедиции для свидетельства таможенных счетов) Коммерц-коллегии в Экспедицию торговых балансов²⁹. (К сожалению, архивные документы не позволяют определить, произошло ли это преобразование на практике³⁰).

В мае 1805 г. Н. П. Румянцевым был представлен на рассмотрении Комитета министров очередной всеподданнейший доклад «Об образовании Департамента коммерческих дел»³¹. Этот доклад текстуально повторял аналогичный доклад 1803 г. и вновь свидетельствовал о продолжении производства дел в Министерстве коммерции на основании коллежского обряда³².

С присоединением Российской империи в 1807 г. по Тильзитскому мирному договору к континентальной блокаде Англии 28 октября 1807 г. образуется Санкт-Петербургская ликвидационная комиссия под руководством члена Коммерц-коллегии П. С. Байкова, а также подведомственные ей ликвидационные комиссии в Риге и Архангельске³³. В задачу комиссий входило заведование всеми секвестрированными товарами и имуществом англичан и удовлетворение из этого имущества российских кредиторов³⁴. Континентальная блокада весьма сильно подорвала внешнюю торговлю и вызвала расстройство в финансовой сфере России³⁵.

В 1807 г. Н. П. Румянцев был назначен министром иностранных дел, что существенно повысило его управленческую нагрузку и отвлекло его внимание от дел Министерства коммерции.

В 1809 г. под ведением министра коммерции учреждается Санкт-Петербургская комиссия по делам нейтрального мореплавания³⁶ для рассмотрения дел о допуске в российские порты иностранных кораблей в период континентальной блокады.

К началу завершающего периода министерской реформы 1810–1811 гг.³⁷ Министерство коммерции продолжало действовать в составе Департамента министра коммерции и Коммерц-коллегии, а также Санкт-Петербургской ликвидационной комиссии и Санкт-Петербургской комиссии по делам нейтрального мореплавания.

Уже первый правовой акт завершающего периода министерской реформы — Манифест «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов каждому управлению принадлежащих» от 25 июля 1810 г. — определил факт упразднения Министерства коммерции. Оно не упоминалось среди прочих министерств, а его предметы ведения перешли в компетенцию Министерства финансов и Министерства внутренних дел³⁸. «Высочайше утвержденное разделение государственных дел по министерствам» от 17 августа 1810 г. конкретизировало ликвидацию Министерства коммерции и определило точные категории дел, переходившие в Министерство финансов и Министерство внутренних дел. В первое переходили дела по 1-й и 4-й экспедициям Коммерц-коллегии, а во второе — дела по 2-й и 3-й экспедициям³⁹. Коммерц-коллегия до окончания преобразования коммерческой части переходила под управление министра финансов, а вопросы по внутренней торговле решались по согласованию с министром внутренних дел⁴⁰. Дела Департамента министра коммерции также распределялись между Министерством финансов и Министерством внутренних дел⁴¹. Кроме того, под надзор министра финансов переходили нейтральные и ликвидационные комиссии⁴². Окончание же дел Санкт-Петербургской ликвидационной комиссии было оставлено в ведении государственного канцлера Н. П. Румянцева⁴³.

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. уже не упоминало о Министерстве коммерции⁴⁴. Указом Сенату от 31 декабря 1811 г. упразднение Коммерц-коллегии было официально подтверждено. В Указе сообщалось о закрытии Коммерц-коллегии с 8 ноября 1811 г. и об открытии с 9 ноября 1811 г. Временного департамента Коммерц-коллегии для решения старых дел⁴⁵, который в составе 12 чиновников действовал в ведении Министерства финансов и под надзором директора Департамента внешней торговли⁴⁶. Аналогичный Указ Сенату, подтверждавший факт упразднения Департамента министра коммерции, был издан 18 января 1812 г.⁴⁷ Им же провозглашалось открытие Департамента внешней торговли с 25 октября 1812 г.⁴⁸

В июле 1813 г. была закрыта Санкт-Петербургская ликвидационная комиссия⁴⁹, и в декабре 1815 г. прекратила свое существование Санкт-Петербургская комиссия по делам нейтрального мореплавания⁵⁰. Последним учреждением так или иначе связанным с бывшим Министерством коммерции был Временный департамент Коммерц-коллегии для решения старых дел, действовавший во многом уже не как присутственное место, а в большей степени как справочное (архивное) учреждение, занимавшееся разбором и упорядочением старых дел Коммерц-коллегии. Деятельность Временного департамента Коммерц-коллегии продолжалась до 1823 г., когда Указом Сенату от 27 декабря 1823 г. он был упразднен⁵¹.

Таким образом, учреждение Министерства коммерции не внесло кардинальных изменений в систему управления внешней и внутренней торговлей и таможенным делом Российской империи. С момента своей организации в 1802 г. и до окончательной ликвидации в 1811 г. оно не сумело преодолеть в своей структуре, порядке делопроизводства и штатном устройстве пережитки коллежской системы управления. И, несмотря на достаточно органично выделенную отрасль управления (внутренняя и внешняя торговля и таможенное управление), Министерство коммерции было ликвидировано с распределением дел между Министерством финансов и Министерством внутренних дел.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 19554. Ст. X–XV.

² По аналогии с должностями главных директоров других государственных учреждений этого времени.

³ После назначения Г. П. Гагарина министром коммерции, должность президента Коммерц-коллегии оставалась вакантной до 21 ноября 1800 г., когда на нее был назначен Ю. А. Головкин (РБС. Т. Гоголь–Гюне. М., 1997. С. 264).

⁴ Тем самым, общее количество структурных подразделений Коммерц-коллегии возросло до семи — 4 номерные экспедиции и существовавшие прежде Бухгалтерская (Бухгалтерия) и Секретная экспедиции и Экспедиция для свидетельства таможенных счетов (Счетная экспедиция) (*Кайданов Н. И.* Систематический каталог делам Государственной Коммерц-коллегии. СПб., 1884. С. 2).

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 19554.

⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России, 1801–1917. СПб., 2002. Т. 3. С. 109.

⁷ На короткое время до 16 марта 1801 г. (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 15792).

⁸ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 24. Л. 66.

⁹ По всей видимости, Департамент Коммерц-коллегии для окончания дел по старым откупам и поставкам, об открытии которого было провозглашено в Указе Сената от 29 марта 1800 г. (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. № 19351), действовал недолго.

- ¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20402.
- ¹¹ Правда, в наиболее ранних черновых записях проекта учреждения министерств Н. Н. Новосильцева фигурировало Министерство внешней торговли, вычеркнутое самим Новосильцевым из текста проекта (ОР РНБ. Ф. 526. Оп. 1. Д. 71. № 2. Л. 1).
- ¹² РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 12. Л. 50–50 об.
- ¹³ Архив СПбИИ. Кол. 115. Оп. 1. Д. 1186. Л. 39 об.–40; РГАДА. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 9. Л. 18, 28 об.
- ¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20406.
- ¹⁵ Там же. № 20409.
- ¹⁶ *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей русской земли... М., 1836. Ч. 4. С. 339; *Старчевский А. В.* Справочный энциклопедический словарь. СПб., 1855. Т. 9, ч. 2. С. 224; *Ивановский А. Д.* Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцов: Биограф. очерк. СПб., 1871. С. 24; *Барсов Е. В.* Государственный канцлер граф Н. П. Румянцев // Древняя и новая Россия. 1877. № 5. С. 6; Энциклопедический словарь Русского библиографического ин-та Гранат. М., Б. г. Т. 23. С. 647; Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. С. 307; *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи, 1802–1917: Главы высших и центр. учреждений: Биобиблиогр. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 639, 872; *Молчанов В. Ф.* Государственный канцлер России Н. П. Румянцев. М., 2004. С. 210.
- ¹⁷ Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы и органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века — февраль 1917 года): Слов.-справ. М., 2001. Кн. 3. С. 86; Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 3. С. 108.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 1729. Л. 1–2.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 24. Л. 66.
- ²⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20406. Ст. 6.
- ²¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 3. С. 111.
- ²² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 20406.
- ²³ Там же. Т. 42, ч. 2. Отд. 4. № 20747. Табл. 2.
- ²⁴ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 804. Л. 20 об.–25 об.
- ²⁵ Дата передачи доклада Н. П. Румянцева на рассмотрение Комитета министров (РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 804. Л. 2–3).
- ²⁶ РГИА. Ф. 13. Оп. 2. Д. 804. Л. 19–19 об.
- ²⁷ РБС. Т. Гоголь–Гюне. С. 264.
- ²⁸ В отношении Экспедиции о устройении дорог в государстве в основном кураторские полномочия для обеспечения связи между Экспедицией и императором.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 562. Л. 43–48.
- ³⁰ И в последующих документах продолжала упоминаться именно Счетная экспедиция Коммерц-коллегии (РГАДА. Ф. 276. Оп. 3. Д. 2118. Л. 8; РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 150. Л. 2).
- ³¹ РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 562. Л. 2–48.
- ³² Там же. Л. 6 об.
- ³³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 29. № 22664.
- ³⁴ *Кайданов Н. И.* Систематический каталог делам Сибирского приказа, Московского комиссарства и других бывших учреждений по части промышленности и торговли, хранящимся в Архиве Департамента таможенных сборов. СПб., 1888. С. 53.
- ³⁵ *Покровский В. И.* Краткий очерк внешней торговли и таможенных доходов России за 1894 г. СПб., 1896. С. 171; *Злотников М. Ф.* Континентальная блокада и Россия. М., 1966. С. 9, 290, 355–356.
- ³⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 30. № 23710.
- ³⁷ К этому времени (с 1809 г.) Н. П. Румянцев перестал быть главным директором водяных коммуникаций.
- ³⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24307.
- ³⁹ Там же. № 24326.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 3. С. 109.
- ⁴² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24326.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Собр. 1. Т. 31. № 24686.
- ⁴⁵ Там же. № 24938.
- ⁴⁶ РГИА. Ф. 559. Оп. 1. Д. 150. Л. 2–3.
- ⁴⁷ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 24955.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 3. С. 113.
- ⁵⁰ Там же. СПб., 2001. Т. 2. С. 113–114.
- ⁵¹ ПСЗРИ. Т. 38. № 29717.

А. С. Минаков

ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ ГУБЕРНАТОРОВ КАК ИСТОЧНИК ПО ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Ежегодные всеподданнейшие отчеты губернаторов хорошо известны историкам. За период с XIX по начало XX в. они являются одним из наиболее систематизированных, в целом хорошо сохранившихся и удобных для прочтения источников по самому широкому спектру общественно-политических и социально-экономических вопросов истории России. Пожалуй, в большей степени

губернаторские отчеты нашли свое применение в исследованиях по аграрной истории. Зарождение и формирование системы годовой губернаторской отчетности совпало со временем интенсивного развития отечественной торговли. В XIX столетии, особенно в пореформенное время, продолжал свое формирование всероссийский рынок. Он развивался несмотря на многоукладность экономических отношений, низкую покупательную способность основной массы населения. В это время укреплялись торговые связи между регионами, шло углубление их хозяйственной специализации. Роль крупнейших торговых центров играли ярмарки всероссийского и местного значения. Кроме того, развивалась и внешняя торговля, отечественные товары выходили на мировой рынок. Поэтому отражение уровня и характера торгово-экономического развития регионов на страницах губернаторских отчетов демонстрировало обоснованный интерес правительства к этому важному сектору экономики.

Сведения торгово-экономической проблематики присутствовали в губернаторских отчетах всегда. Еще в начале XIX в., когда по инициативе Министерства внутренних дел (МВД) губернаторы начали систематическую подготовку своих годовых отчетов, ярмарки и торговые операции в целом уже были одним из объектов внимания. Эти сведения включались главой МВД в его ежегодный доклад императору. Император обратил внимание на полезность заведенного министром внутренних дел порядка и повелел доставлять отчеты из губерний ежегодно.

Информация о состоянии торговли стала особенно необходима, после того как в 1810 г. было ликвидировано Министерство коммерции, а его полномочия по руководству внутренней торговлей были переданы МВД. Даже после перехода в 1819 г. руководства внутренней торговлей к Министерству финансов сведения о торговых операциях все равно продолжали помещаться в губернаторские отчеты. Так, например, отчет о состоянии Орловской губ. за период с 1 июня 1821 по 1822 г. имел раздел «О коммерции», а также в качестве приложения записку «о всех ярмарках, бывших в Орловской губернии»¹.

С утверждением 3 июня 1837 г. «Общего наказа гражданским губернаторам» ежегодные отчеты губернаторов получили «высочайший» статус. В Наказе содержалась программа этого документа, который стал официально называться «отчет о состоянии губернии и управлению ею». Вместо прежнего министерского (департаментского) членения отчета устанавливались 16 «статей», которые давали возможность разностороннего освещения всех направлений развития края. Одна из статей, седьмая по счету, предписывала сообщать об учреждении новых городов, посадов, местечек, селений, а также «ярмарок и торгов»².

Выход новой программы принципиально не изменил качества губернаторских отчетов. В правительстве их критиковали главным образом за неполноту и неточность сведений. В целях исправления положения время от времени издавались циркулярные распоряжения МВД, где губернаторам указывалось на недостатки документа и предлагались конкретные меры их устранения. Самой распространенной было преподнесение своего рода образцового варианта отчета. В наиболее развернутой форме он отразился в циркуляре 13 июня 1853 г. По нему отчет должен был состоять из двенадцати пунктов, первым из которых значился «Естественные и производительные силы губернии». В нем нужно было сообщать о состоянии торговли, судоходстве, ярмарках. В качестве приложений к отчету должны были присылаться 27 ведомостей, отражавших цифровые данные развития различных отраслей хозяйства губернии³. Среди них были ведомости «Об оборотах на ярмарках» и «О справочных и торговых ценах на разные роды хлеба в течение года». Последняя ведомость сообщала справочные и торговые цены на зиму, весну, лето и осень. По каждому уезду приводились цены на рожь, пшеницу, овес, гречу, просо, горох, ячмень, а с 1847 г. сообщались данные по ценам на картофель.

Н. Н. Улащик, изучавший отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии первой половины XIX в., отмечал, что содержащиеся в них сведения о ярмарочных оборотах являются уникальной в своем роде информацией. Других источников, которые могли дополнить, впрочем, как и проверить эти данные, нет. Кроме того, Н. Н. Улащик пишет, что в Виленской, Гродненской и Ковенской губ. ярмарочная торговля значительно уступала магазинной. Поэтому он справедливо утверждал, что «при развитии магазинной торговли делать выводы о размерах торговли в крае, ссылаясь только на данные ярмарочных оборотов нельзя, так как, очевидно, основная торговля происходила, минуя ярмарки»⁴.

Начавшаяся с 1860-х гг. череда крупномасштабных реформ нивелировала все старания МВД. С каждым годом, с каждой новой реформой программа губернаторского отчета все более утрачивала связь с реальным положением дел. Создатели «образцового» отчета, конечно, не могли предвидеть многих изменений пореформенного времени. В этой ситуации губернаторы, вооруженные формуляром отчета, образца 1853 г., не имели возможности в полной мере объективно отражать результаты развития управляемого ими края. Между тем, власть вовсе не была молчаливым наблюдателем ста-

рения такого важного документа, причем понимание необходимости усовершенствования формуляра отчета было как у центральной власти, так и у местной.

Уже вскоре после начала реализации «Великих реформ», в конце 60-х гг. XIX в., появились первые ходатайства губернаторов, в которых они просили МВД рассмотреть вопрос о необходимости изменения форм губернаторского отчета. Центральное руководство со своей стороны также прекрасно понимало, что всеподданнейшие отчеты в том виде, каком они существуют, перестали объективно отражать все многообразие различных сторон жизни губерний.

Результатом такой двусторонней заинтересованности стала разработанная МВД и утвержденная 19 июня 1870 г. новая программа губернаторских отчетов. Теперь отчет представлял текстовую, собственно «отчетную» часть и статистические приложения к нему. Статистические приложения к губернаторскому отчету по новой программе приобрели аналитический характер. Они представляли собой «не просто набор “ведомостей”, а связное изложение фактов и их комментирование»⁵. Им было дано официальное название «Обзор губернии». В дальнейшем приложения к всеподданнейшим отчетам приобрели полусамостоятельное значение. Они стали изготавливаться типографским способом, имели специальный список рассылки обязательных экземпляров, а губернаторы даже отправляли их друг другу для ознакомления и обмена полезным опытом.

Обзоры губерний, как неотъемлемая составляющая часть губернаторских отчетов, также содержат немало интересной информации по торгово-экономической проблематике. Согласно программе 1870 г., они начинались с раздела «Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения», который включал в себя подпункт д) «торговля». В нем требовалось сообщать о количестве выданных торговых свидетельств по сравнению с предыдущим годом. Необходимо было объяснить разницу в цифрах и указать, «в каких именно городах и почему торговля особенно увеличилась или уменьшилась». Сведения о грузообороте в речных и морских портах, а также на железнодорожных станциях помещались, «если в торговом движении по рекам, железным дорогам и таможням произошли значительные перемены, имевшие влияние на экономический быт жителей губернии». Подобным образом освещалось устройство новых железных дорог. В отличие от предыдущей программы отчета, ведомости об оборотах ярмарок теперь не подавались, но приводились «обстоятельные сведения о торговых оборотах самых значительных ярмарок с указанием на уменьшение или усиление сих оборотов и зависимости этих обстоятельств от местных или общих, случайных или постоянных условий». Наконец, в заключение раздела требовалось сообщить обстоятельства препятствия развития какой-либо отрасли торговли при наличии причин местного характера⁶.

Между тем, после 1870 г., всеподданнейшие отчеты губернаторов все равно не устраивали центральную власть. Поэтому вопрос о недостатках отчетов был вновь поставлен правительством, что привело в 1897 г. к очередному изменению в программе этого документа. Она не устанавливала новой структуры, а конкретизировала подачу требуемого материала, расставляла акценты на отчетных сведениях. Большинство губернаторов восприняли это как отмену формуляра. Одно из таких распространенных нарушений, как несоблюдение формуляра отчета, стало теперь обычным явлением.

Губернаторы очень часто придерживались своей, произвольной структуры отчета. Разрабатывая собственную программу отчета, губернаторы стремились заострить внимание императора на наиболее важных проблемах развития своего края. Это касалось, в том числе и сведений о состоянии торговли. Особенно интересную информацию присылали губернаторы пограничных регионов. Помимо данных о внутренней торговле, их отчеты содержат также информацию о внешнеэкономической деятельности. Например, в обзоре Кутаисской губернии за 1906 г. раздел «Торговля» включал в себя три пункта: «Внутренняя», «Базары и ярмарки» и «Внешняя». По поводу внутренней торговли сообщалось о числе выданных в губернии торговых свидетельств. В подразделе «Базары и ярмарки» указывались ведущие торговые пункты, ассортимент продаваемых товаров, оборот базаров и ярмарок, распорядок их открытия и работы. Наконец, относительно внешней торговли, приводились данные о движении судов в двух морских портах губернии — Поти и Анаклии. Сведения были представлены в виде таблицы, где по каждому порту указывалось число пришедших и ушедших судов, общая стоимость грузов с разделением на иностранные и российские, а также дальние и каботажные плавания⁷.

Интересные аналитические выкладки содержались в отчетах дальневосточных начальников. Например, в отчетах о состоянии Амурской обл. за 1905 и 1908 гг. имелись разделы «Торговля», «Порто-франко» и «Торговля», «Деятельность таможенной заставы» соответственно⁸. В дальнейшем, оценивая перспективы развития Амурской обл. за 1911 г., губернатор снова уделял внимание состоянию местной таможни и таможенной политике в крае в целом. Он, в частности, считал, что система

покупки интендантством местного хлеба придает неестественный характер торговле, полагая, что лишь ввозная пошлина может упорядочить хлебную торговлю⁹.

Важные сведения, представляющие серьезный научный интерес, содержатся в предварительных сведениях к отчетам с мест и документации по их рассмотрению в правительстве. Отношение центральной власти к предложениям губернаторов могут уточнить высочайшие резолюции на отчетах. Многие из них становились предметом обсуждения в правительстве и в дальнейшем могли учитываться при разработке каких-либо общегосударственных мероприятий. Например, в отчете бессарабского губернатора за 1910 г. император отчеркнул высказывание, «что с устройством Жебриановского порта припрутские русские грузы, ныне усиленно перехватываемые румынскими портами Галацом и Браиловым, а также отвлекаемые вследствие особо льготного тарифа, установленного для ближайших к Рени железнодорожных станций, от Рени на Одессу, будут направляться естественным путем к ближайшим нашим дунайским портам». 10 ноября 1912 г. данная резолюция рассматривалась на заседании Совета министров и о выгодах, которую приобретет экспортная торговля посредством устройства Жебриановского порта, был уведомлен министр торговли и промышленности¹⁰. По поводу сообщения об успешном проведении Коренной и конской ярмарок в отчете курского губернатора за 1894 г. император начертал: «удачно»¹¹. Подобным образом, как показатель благосостояния, император оценивал сообщение о росте ярмарочных оборотов в Воронежской губ. в 1900 г.: «Весьма отрадное явление»¹².

Ведущую роль в сборе подготовительной информации играли полицейские учреждения, хотя в подготовке всеподданнейших отчетов были задействованы почти все органы губернской администрации¹³. В Орловской губ. местные власти проявили творческую инициативу, усовершенствовав сбор данных для отчета. С 1887 г. уездные исправники стали представлять сведения о состоянии своего уезда в виде ответов на специальные вопросники¹⁴. Наряду с вопросами о сельскохозяйственном производстве, промысловых занятиях, капитальном строительстве, чрезвычайных происшествиях и др. в них также отражалась информация торгово-экономической проблематики.

Первоначально уездным исправникам предлагалось ответить на три серии вопросных пунктов. Из 48 вопросов 7 прямо или косвенно касались торговой проблематики. Чтобы увидеть, что конкретно интересовало губернатора, приведем их формулировки:

— Подробное обозначение цен на все хлеба вообще за четверть и пуд (ржи, озимой пшеницы, яровой, овса, гречихи, конопли, картофеля и проч.) по каждому их роду и виду и на главные сельскохозяйственные продукты и произведения (муку, пеньку, конопляное масло, жмыхи и проч.), а также за сено. Примерные сравнительные данные о ценах весною и по уборке урожая на главные хлеба. (Колебания цен на хлеба в течение года);

— Средние цены на землю при продаже и покупке имений;

— Какую примерно сумму вырабатывает население от местных промыслов, не соединенных с производством;

— Какие преобладают отхожие промыслы. Сколько примерно лиц занимаются отхожим промыслом и какая сумма выручается или ими через таковой промысел;

— Переименовать существующие в городе и уезде ярмарки, с обозначением примерно торгового оборота каждой из них и главных предметов торговли. В каких селениях и когда бывают торжки и базары, до какой примерно суммы простираются обороты на этих базарах. В какие дни бывают таковые же базары в городе, примерный оборот этих базаров за весь год;

— Обозначить примерный оборот торговли и промышленности в городе за отчетный год;

— Какое примерно количество хлеба и какого именно продано в уезде и городе в течение года. Куда отправляется покупаемый хлеб. Обозначить примерное количество других сельскохозяйственных произведений (каких именно), сбываемых за пределы уезда;

В дальнейшем три серии вопросных пунктов были объединены в одну. Количество вопросов уменьшилось до 42. Информация торгового характера по прежнему занимала важное место, хотя и подверглась сокращению. В новой серии ее отражали следующие 5 вопросов:

— Подробное обозначение цен на все хлеба вообще за четверть и пуд (ржи, озимой пшеницы, яровой, овса, гречихи, конопли, картофеля и проч.) по каждому их роду и виду и на главные сельскохозяйственные продукты и произведения (муку, пеньку, конопляное масло, жмыхи и проч.), а также и за сено. Примерные сравнительные данные о ценах весною и по уборке урожая на главные хлеба. (Колебания цен на хлеба в течение года);

— Средние цены на землю при продаже и покупке имений;

— Какую примерно сумму вырабатывает население от местных промыслов;

— Какие преобладают отхожие промыслы. Сколько примерно лиц занимаются отхожим промыслом и какая сумма выручается ими через таковой промысел;

— Переименовать существующие в городе и уезде ярмарки с обозначением примерно торгового оборота каждой из них и главных предметов торговли. В каких селениях и когда бывают торжки и базары. В какие дни бывают таковые же базары в городе.

Сравнение этих групп вопросов показывает их схожесть. Большинство пунктов сохранило формулировки, а некоторые подверглись редакции. Остается добавить, что брянский городской голова ежегодно представлял сведения об оборотах Свенской ярмарки.

Заметим, что похожим образом еще ранее усовершенствовали сбор статистических материалов саратовские чиновники. В 1841 г. появилась специальная программа, разработанная Саратовским губернским статистическим комитетом также предназначавшаяся для уездных исправников. В их донесениях был раздел «Промышленность» с подразделами «о хлебопашестве, садоводстве, огородничестве, лесоводстве, скотоводстве, пчеловодстве, рыболовстве, птицеводстве, охоте, “ископаемости”, фабриках, заводах, ремеслах, торговле»¹⁵.

В Рязанской губ. при составлении годового губернаторского отчета также использовались специальные вопросники и ведомости. Например, при подготовке отчета за 1867 г. рязанские начальники уездных и городских полицейских управлений присылали сведения, сгруппированные в подразделы, среди которых были «Торговля» и «Ярмарки»¹⁶. Практика предварительной группировки сведений демонстрировала устойчивость. Сбор материалов для всеподданнейшего отчета за 1875 г. производился примерно похожим способом. Например, рязанский уездный исправник в первом разделе своего донесения «Относительно народного хозяйства и экономической деятельности населения» выделял пункт о торговле¹⁷.

С началом Первой мировой войны подача всеподданнейших отчетов прекращается. Последние по времени охвата губернаторские отчеты составлены главным образом за 1914 г. Однако в правительстве не спешили хоронить этот важный инструмент делопроизводственного взаимодействия. В 1915 г. был подготовлен проект новой программы губернаторских отчетов. В ней сведениям торгово-экономической проблематики было уделено повышенное внимание. Предполагаемый раздел о торговле должен был включать следующую информацию: «Сведения о числе торговых и промышленных предприятий и о сумме их оборотов в отчетном году. Статистика торговых документов. Перечень всех ярмарок, бывших в отчетном году. Цены на хлебные продукты. Цены на фураж. Цены на пищевые продукты. Цены живого скота, лошадей и проч. Сведения об элеваторах и зернохранилищах»¹⁸.

Таким образом, всеподданнейшие отчеты являются сложным, многоаспектным источником по торгово-экономической истории России. Принципиальное значение имеет взгляд на них как на источниковый комплекс, состоящий не только из текста отчета и приложений. Важное, порой самостоятельное значение имеют предварительные материалы к отчетам и документы по их рассмотрению в правительстве. Они могут дать более развернутую картину развития торговли, таможенного дела в стране, существенно дополнить официальный отредактированный текст. Кроме того, на их основе может строиться критика губернаторских отчетов, ведь вопрос об их достоверности по-прежнему открыт. Все это расширит исследовательские горизонты при использовании информационного потенциала этого источника.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 96.

² Высочайше утвержденный общий наказ губернаторам 3 июня 1837. § 319 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 12. № 10303.

³ Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел с учреждения Министерства по 1 октября 1853 года. СПб., 1854. Т. 1. С. 318–334.

⁴ Улащик Н. Н. Отчеты губернаторов Литвы и Западной Белоруссии как исторический источник (1804–1861 гг.) // Проблемы источниковедения. М., 1961. Т. 9. С. 52.

⁵ Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 153.

⁶ Формы или программы для составления губернаторских отчетов. 19 июня 1870 // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 45. Отд. 1. № 48502.

⁷ Обзор Кутаисской губернии за 1906 год. Кутаис, 1908. С. 44–47.

⁸ РГИАДВ. Ф. 704. Оп. 1. Д. 368. Л. 1–2; Д. 344. Л. 1–11 об.

⁹ РГИА. Ф. «Библиотека I отделения». Д. 3. Л. 130–141.

¹⁰ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1912 год. М., 2004. С. 333, 341.

¹¹ РГИА. Ф. «Библиотека I отделения». Д. 48. Л. 43 об.

¹² Там же. Д. 18. Л. 56–56 об.

¹³ См.: *Минаков А. С.* Всеподданнейшие отчеты губернаторов как источник по изучению взаимоотношений центральной и местной власти в России второй половины XIX — начала XX веков // ОИ. 2005. № 3. С. 171.

¹⁴ ГАОрлО. Ф. 580. Ст. 3. Д. 4721. Л. 1–1 об., 5–6 об., 7–8 об., 9–10 об.

¹⁵ Цит. по: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения... С. 172.

¹⁶ ГАРязО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1216. Л. 488–489 об.; 363–365 об.

¹⁷ Там же. Д. 1545. Л. 325.

¹⁸ РГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 865. Л. 7–7 об.

В. Л. Степанов

ОТ ФРИТРЕДЕРСТВА К ПРОТЕКЦИОНИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ТАМОЖЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В XIX в.

В XIX столетии таможенная политика России, как и в других странах, характеризовалась колебаниями между фритредерскими и протекционистскими тенденциями. При ее формировании ставились несколько взаимосвязанных целей: расширение экспортно-импортных операций, повышение доходов казны, активизация торгового баланса, поддержка отечественной промышленности. Эволюция правительственного курса зависела от развития внутреннего производства, состояния денежно-валютной системы, перемен в мировых внешнеторговых отношениях и международной коммерческой конъюнктуре. Под воздействием этих факторов в «верхах» и обществе в разные периоды приоритетным вниманием пользовались либерально-фритредерская и протекционистская концепции.

Российские фритредеры следовали тезисам классической школы в политэкономии о невмешательстве государства в развитие народного хозяйства, свободе торговли и международном разделении труда. А. Смит, Ж. Сисмонди, Ж. Б. Сэй, Д. Рикардо и другие теоретики утверждали, что только свободный товарообмен между странами может обеспечить благоденствие государств и народов. Их сторонники в России во многом выражали интересы аграриев, заинтересованных в потреблении заграничных товаров и экспорте сельскохозяйственной продукции. Фритредеры считали, что покровительственные пошлины препятствуют рациональному товарообмену на мировом рынке, повышают цену как иностранных, так и отечественных товаров, сдерживают рост народного богатства, отвлекают капиталы от земледелия в промышленность, которая дает более высокий доход. Однако, выступая против искусственного насаждения промышленных предприятий, они отнюдь не были противниками индустриализации. Более того, фритредеры заявляли, что свободная иностранная конкуренция даст стимул российской промышленности, страдающей от монопольной власти отечественных фабрикантов на внутреннем рынке, и очистит ее от нежизнеспособных предприятий. Вместе с тем они считались с реалиями России — низким уровнем доходов основной массы населения, узостью внутреннего рынка для сбыта заграничных товаров, слабостью торговых оборотов, неудовлетворительными путями сообщения. Фритредеры были вынуждены мириться с перспективой длительного существования охранительной системы, либерализация которой могла проводиться очень постепенно.

Противники свободы торговли ориентировались на идеи немецкой экономической науки, которые пропагандировались в трудах Ф. Листа, а также представителей «старой» и «молодой» исторической школы (В. Рошера, Б. Гильдебранда, К. Книса, Г. Шмоллера, Л. Брентано, К. Бюхера и др.). Стремлению фритредеров к всемирной глобализации эти ученые противопоставляли национально-государственные интересы, доказывали правомерность вмешательства «верховой власти» в экономическую жизнь, обосновывали необходимость протекционизма и автаркии. Их российские единомышленники считали, что отсталая Россия с ее слабо развитой промышленностью не может выдержать на внешних рынках конкуренцию с передовыми странами Европы. Они рассматривали протекционизм как механизм для защиты национальной экономики от иностранной экспансии, подчеркивали его важность для индустриализации страны, активизации внешней торговли и решения социальных задач. Протекционисты утверждали, что высокие пошлины способствуют развитию мелкой крестьянской промышленности и повышению жизненного уровня населения¹.

Таможенная политика России первой четверти XIX в. складывалась под влиянием острых международных конфликтов и военных столкновений. Протекционистский тариф 19 декабря 1810 г., принятый накануне войны с Наполеоном для защиты отечественной экономики в условиях континентальной блокады, запрещал импорт всех иностранных изделий, облагал высокой пошлиной полуфабрикаты и объявлял беспошлинным ввоз сырья, необходимого для мануфактур и ремесел². Этот акт стимулировал промышленное развитие страны и способствовал росту внешней торговли. Окончание наполеоновских войн сразу же отразилось на уровне таможенной охраны. Тариф 31 марта 1816 г.

снял многие запреты с импорта промышленных товаров³, а тариф 20 ноября 1819 г. установил сравнительно низкие ставки обложения и отменил все ограничения на ввоз изделий⁴.

Эти меры были уступкой союзникам по антинаполеоновской коалиции, прежде всего Великобритании и Пруссии, заинтересованным в расширении торговых связей с Россией. Кроме того, дворянство выражало сильное недовольство дороговизной отечественной продукции. Однако оба тарифа совершенно не соответствовали экономическим интересам страны. Смягчение таможенной охраны привело к резкому возрастанию импорта иностранных товаров, сокращению числа промышленных предприятий и объема выпускаемой продукции, ухудшению торгового баланса. Современники считали либеральный тариф 1819 г. вторым разорением России после наполеоновского нашествия. Правительство приняло во внимание интересы народного хозяйства и отечественных производителей. Вторая четверть XIX в. стала эпохой ужесточения таможенного режима. По тарифу 12 марта 1822 г. были повышены пошлины на ввоз предметов роскоши и ряд мануфактурных изделий, запрещен ввоз товаров, которые могли составить конкуренцию российским промышленникам⁵. Тем самым произошел возврат к протекционистскому курсу. Тариф оказал положительное влияние на развитие хлопчатобумажного производства, привел к изменению сальдо торгового баланса в пользу России, росту таможенных доходов, способствовал созданию предпосылок для промышленной революции.

Вместе с тем высокие таможенные барьеры со временем стали отрицательно сказываться на прогрессе в отраслях тяжелой промышленности, так как из-за слабости собственной металлургической и машиностроительной базы экономика нуждалась в импорте иностранных материалов и оборудования для предприятий и железных дорог. Кроме того, повышение пошлин в значительной степени изолировало страну от мирового рынка и затрудняло экспорт сельскохозяйственной продукции, что наносило удар помещичьему хозяйству. Поэтому Министерство финансов старалось проводить гибкую политику, сочетая повышение и понижение пошлин на ввозимые товары с целью постепенного перехода от жесткой запретительной системы к охранительной. Это диктовалось и изменением ситуации на мировом рынке. В Великобритании одержала победу «манчестерская партия», и с отменой в 1846 г. хлебных законов начался переход к политике свободы торговли. Либерализация английской таможенной политики вызвала цепную реакцию по всей Европе. На этот путь встали Франция, Германский таможенный союз, Австрия, Италия и другие страны⁶.

Россия не могла оставаться в стороне от этого процесса. Третья четверть XIX в. ознаменовалась усилением фритредерских тенденций. 13 октября 1850 г. был введен умеренно-охранительный тариф, согласно которому значительно сокращалось число статей, снижались пошлины на импорт сырых полуфабрикатов и изделий, необходимых для развития промышленности⁷. Запрет на ввоз оставался лишь для нескольких десятков товаров. С целью расширения сбыта сельскохозяйственных товаров вывозные тарифные ставки на них понижались или вообще отменялись. Министерство финансов рассчитывало за счет увеличения ввозимой товарной массы значительно повысить таможенный доход. Результатом действия тарифа стали успехи в развитии промышленности, оживление внешней торговли, рост экспорта хлеба, ввоза машин и других изделий. Тем самым начался переход от запретительной системы к умеренному покровительству.

Этот курс получил дальнейшее развитие с утверждением тарифа 28 мая 1857 г.⁸ В нем в полной мере отразился расцвет популярности идей экономического либерализма, который переживала Россия после Крымской войны 1853–1856 гг. При поддержке правительства в стране оживилось предпринимательство, возникла сеть частных банков, развернулось сооружение железных дорог акционерными компаниями. По новому тарифу пошлины были понижены на 25–30 % почти по всем статьям. Переход к умеренно-охранительной системе завершился принятием тарифа 5 июля 1868 г.⁹ Он предусматривал еще большее снижение ставок на ввоз изделий и металлов для тяжелой промышленности. Итогом тарифов 1857 и 1868 гг. стало значительное смягчение таможенной защиты. Если в 1851 г. пошлины составляли 26,1 % стоимости ввезенных товаров, то в 1875 г. — 11,7 %¹⁰.

Умеренно-охранительная система способствовала обеспечению отечественной промышленности необходимыми товарами и расширению внешнеторговых связей России. Таможенный доход в 1868–1878 гг. возрос с 37,5 млн. до 80,7 млн. руб.¹¹ Однако уже через несколько лет возникла острая необходимость в дальнейшей корректировке действующего тарифа. Министерство финансов пыталось активизировать торговый баланс, всячески форсируя экспорт сельскохозяйственной продукции. Однако эти усилия не дали положительного результата. Из-за преобладания ввоза над вывозом баланс из года в год сводился с пассивным сальдо. Без его активизации было невозможно улучшить и платежный баланс, который постоянно складывался не в пользу России. Это в свою очередь препятствовало стабилизации денежного обращения, которое после Крымской войны находилось в расстро-

енном состоянии. Следствием отрицательного платежного баланса был значительный отлив золота за границу, усиление инфляции и нехватка платежных средств.

Кроме того, под влиянием мирового экономического кризиса 1873 г. в России осенью 1875 г. начался кризис перепроизводства, который выразился в замедлении темпов развития основных отраслей промышленности, снижении товарных цен, сокращении торговых оборотов, уменьшении объема экспорта. Последствия эпохи «экономической свободы» вызвали сильное общественное недовольство. В печати развернулась критика фритредерской доктрины, упала прежняя популярность классической политэкономии. Кризисные явления, которые переживало народное хозяйство, совпали с обострением международной обстановки. Россия находилась накануне столкновения с Турцией. С целью покрытия предстоящих военных расходов и поддержки оказавшейся в кризисе промышленности по закону 10 ноября 1876 г. пошлины с 1 января 1877 г. стали приниматься в золотой валюте, что по тогдашнему курсу кредитного рубля означало их повышение на 30 %¹².

Возрождение протекционизма отражало изменение экономической ситуации в стране. Смягчение таможенной политики было целесообразно лишь на стадии становления российской индустрии, когда она остро нуждалась в притоке сравнительно дешевых иностранных товаров. Но со временем по мере развития собственного производства конкуренция западной продукции стала наносить все больший ущерб отечественной промышленности. К концу 1870-х гг., в отличие от предшествующего двадцатилетия, Россия нуждалась не столько в импорте товаров, сколько в привлечении иностранных капиталов, для помещения которых в стране существовали выгодные условия — высокая норма прибыли в промышленности и более дешевая, чем на Западе, рабочая сила.

Поворот к протекционизму был общеевропейской тенденцией. После мирового экономического кризиса 1873 г. либерально-фритредерские идеи на Западе окончательно утратили былую популярность. В 1879 г. Германия в связи с появлением на европейском рынке огромного количества дешевого хлеба из Австралии, Америки и Индии установила высокие ввозные пошлины на сельскохозяйственные товары. За ней последовали Франция, Италия, Австро-Венгрия и другие страны. Это объяснялось трудностями экономического развития Европы последних десятилетий XIX в., осложненной мировым аграрным кризисом, который вскоре охватил и Россию.

Происходившее в 1880-е гг. систематическое увеличение российских пошлин завершилось принятием ультрапротекционистского тарифа 11 июня 1891 г.¹³, который не имел равных в Европе по уровню таможенной охраны. Ставки были повышены для 63 % ввоза, для 35 % оставлены без изменений, для 1 % понижены, для 1 % округлены¹⁴. Если в 1881 г. пошлины по всем границам империи составляли 16,5 % стоимости ввезенных товаров, то в 1892 г. — 33,1 %¹⁵. Таможенный доход в 1881–1892 гг. увеличился с 85,8 млн. до 130,6 млн. руб.¹⁶ Ограничение импорта сопровождалось беспрецедентным форсированием вывоза сельскохозяйственной продукции, несмотря на то, что цена на хлеб постоянно падала под влиянием аграрного кризиса. В итоге это позволило изменить торговый и платежный балансы в пользу России. Тем самым таможенная политика в сочетании с другими антикризисными мероприятиями способствовала стабилизации финансов и началу подготовки денежной реформы.

Однако вскоре после введения тарифа 1891 г. возникла необходимость в его дальнейшей корректировке. На Западе был поставлен на очередь вопрос о новых торговых договорах, так как к тому времени срок прежних уже заканчивался. Эти договора представляли собой отдельные соглашения, допускавшие значительные уступки, не распространявшиеся на другие страны. В конце 1891 г. Германия заключила торговые договоры с Австро-Венгрией, Бельгией, Испанией и Швейцарией, в которых были впервые установлены сниженные на 30 % ставки на ввоз хлеба. Поскольку Россия не имела подобного договора с Германией, то эти льготы создавали для нее невыгодные условия при конкуренции в хлебной торговле. Поэтому правительство стремилось к заключению договора с Германией и рядом других стран. Однако это было затруднительно при действии в России единого автономного тарифа, который предоставлял всем импортерам равные условия. 1 июня 1893 г. последовал закон о двойном таможенном обложении, действовавшем одновременно, но дифференцированно по отношению к торговым партнерам. Минимальный тариф создавался путем конвенционных снижений ставок для стран, предоставлявших России право наибольшего благоприятствования, максимальный — путем надбавок в размере 15, 20 и 30 % для остальных стран¹⁷.

После принятия закона о двойном тарифе Германия повысила пошлины на российские товары на 50 %. Между двумя странами началась таможенная война, завершившаяся подписанием 29 января 1894 г. торгового договора сроком на 10 лет¹⁸. Германии были сделаны существенные уступки в пошлинах на импорт железа, стали, химических продуктов, машин и тканей. Взамен она понизила ставки на ввоз российского хлеба. Вместе с тем, хотя договор формально был построен на принципах

равноправия, он был невыгоден для России и в определенной степени превращал ее в аграрный придаток Германии. После заключения конвенционных договоров с Францией, Германией и Австро-Венгрией российское правительство распространило действие подобных тарифов на остальных торговых партнеров.

Однако применение конвенционных тарифов привело к возрастанию ввоза иностранных товаров, отрицательно сказалось на торговом балансе и таможенном доходе России. В начале XX в. эта система подверглась сильной критике в экономической литературе и печати как не отвечающая интересам страны, а выгодная только Германии и другим основным торговым партнерам. Преобладающим было мнение о возвращении к автономному тарифу. Благоприятный момент для этого наступил после истечения срока торгового договора с Германией и введения в 1902 г. германского таможенного тарифа, неблагоприятного для российского экспорта. 13 января 1903 г. в России был принят последний автономный тариф, который по уровню таможенной охраны превосходил тариф 1891 г.¹⁹ Он был специально разработан для облегчения переговоров с Германией о новом соглашении. Многие пошлины были настолько высоки, что импорт становился возможным только при условии уступок по торговым договорам.

Таможенный протекционизм, утвердившийся в России в последней четверти XIX в., был одним из проявлений правительственной политики, направленной на расширение государственного вмешательства в экономику, наряду с выкупом частных железных дорог в казну, введением винной монополии, созданием казенного ипотечного кредита и другими мерами этатистского характера. Запретительная система во внешней торговле способствовала индустриализации страны, стала одним из основных факторов промышленного подъема 1893–1898 гг. В этот период в народном хозяйстве на базе достижений мирового технического прогресса заметно ускорились процессы механизации и интенсификации производства. Со второй половины 1880-х гг. промышленная революция в России вступила в завершающий этап, в ходе которого окончательно победила крупная машинная индустрия²⁰.

Однако протекционизм при всех его плюсах имел и отрицательные стороны. Он неизбежно вел к монополизации промышленности, подавлял развитие свободной конкуренции и служил интересам не всей буржуазии, а лишь отдельных ее слоев. Заградительные таможенные барьеры в условиях отсталости России, с одной стороны, обеспечивали сохранение искусственно вздутых цен на товары, что приводило к сокращению внутреннего спроса и потребления, а с другой — тормозили технический прогресс в производстве, так как гарантировали высокую прибыль предприятиям с устаревшим оборудованием. Ограничение ввоза топлива и металлов наносило ущерб некоторым отраслям промышленности, сдерживание экспорта сельскохозяйственных машин тормозило рост производительности труда в деревне. Постоянно повышаемые пошлины ложились на плечи не только состоятельных социальных групп, но и широких кругов населения.

Тем не менее жесткая таможенная охрана, как и этатистская модель развития народного хозяйства в целом, соответствовали исторически сложившимся традициям экономической жизни России. Современные исследователи, сравнивая «фритредерский» и «протекционистский» периоды таможенной политики, отдают явное предпочтение правительственному курсу последних десятилетий XIX в. В коллективной монографии о процессах российской модернизации подчеркивается: «При всей сложности чисто экономической оценки фритредерства и протекционизма, зависящих от множества переменных факторов, модернизационный характер экономической политики в период правления Александра III заключался, прежде всего, в создании устойчивого, защищенного разумными протекционистскими барьерами геоэкономического пространства страны, что в перспективе оказывалось гораздо более ценным, чем следование текущей рыночной конъюнктуре в “открытом” пространстве мировой экономики»²¹.

Примечания

¹ О взглядах фритредеров и протекционистов, а также дискуссиях между ними см.: *Соболев М. Н.* Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911; *Куприянова Л. В.* Таможенно-промышленный протекционизм и российские предприниматели (40–80-е гг. XIX в.). М., 1994; *Обухов Н. П.* Внешнеторговая, таможенно-тарифная и промышленно-финансовая политика России в XIX — первой половине XX вв. (1800–1945). М., 2007.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24464.

³ Там же. Т. 33. № 26218.

⁴ Там же. Т. 36. № 27987, 27988.

⁵ Там же. Т. 38. № 28964.

- ⁶ Янжул И. И. Английская свободная торговля: Ист. очерк развития идей свобод. конкуренции и начал гос. вмешательства. М., 1882. Вып. 2. С. 304–393.
- ⁷ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 25. Отд. 2. № 24533.
- ⁸ Там же. Т. 32. Отд. 1. № 31881.
- ⁹ Там же. Т. 43. Отд. 2. № 46079.
- ¹⁰ Соболев М. Н. Таможенная политика... С. 822.
- ¹¹ Министерство финансов. СПб., 1902. Ч. 2. С. 632.
- ¹² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 51. Отд. 2. № 56573.
- ¹³ Там же. Собр. 3. Т. 11. № 7811.
- ¹⁴ Кун Е. Развитие нашего таможенного обложения в последние десятилетия. Пг., 1917. С. 9.
- ¹⁵ Соболев М. Н. Таможенная политика... С. 823.
- ¹⁶ Министерство финансов. Ч. 2. С. 640.
- ¹⁷ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 13. № 9705.
- ¹⁸ Там же. Т. 14. № 10409.
- ¹⁹ Там же. Т. 23. Отд. 1. № 22389.
- ²⁰ Соловьева А. М. Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 208, 269.
- ²¹ Опыт российских модернизаций: XVIII–XX вв. М., 2000. С. 116–117.

О. В. Морозов

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ПРУССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Первой страной в западном мире, где таможенная политика превратилась в инструмент решения общенациональных задач, была Британия и произошло это в ходе изменений британского общества и государства под воздействием революции 1640–1649 гг. В государствах континентальной Европы и России этот процесс затянулся почти на полтора столетия и приобрел черты общенациональной политики в конце XVIII — начале XIX в.

В указанный период в России и Пруссии состоялась трансформация сути и содержания таможенной политики, она постепенно переходила от обслуживания интересов узкой прослойки дворянства к выполнению общенациональных задач. Особенно — в тот период, когда народные хозяйства этих стран вступили в фазу промышленного переворота.

Целью статьи является исследование генезиса таможенной политики Российской империи и Прусского королевства в первой половине XIX в., определение факторов, которые влияли на ее формирование и осуществление.

Активное исследование таможенной политики России эпохи Александра I и первых лет правления Николая I началось в 1880-х гг. Среди дореволюционных исследователей следует отметить К. Н. Лодыженского¹, М. Н. Соболева². В советской историографии эта тематика приобрела освещение после Великой Отечественной войны в работах П. И. Лященко³, П. А. Хромова⁴, С. А. Покровского⁵, В. Л. Полякова⁶. Роль таможенной политики в процессе «собирания» германских земель вокруг Пруссии раскрыта в работах Б. Ф. Калиновского⁷.

Начало правления императора Александра I совпало с существенными геополитическими изменениями в Европе и нарождающимся кризисом социальной структуры внутри России. Значительное влияние на внутренние процессы в России оказали наполеоновские войны и в первую очередь система «континентальной блокады». Так сложилось, что суть системы «континентальной блокады» в историографии раскрывают лишь как инструмент военной стратегии Наполеона I, который использовал ее в условиях обострения конфликта с Англией. Однако французская историография объясняет содержание мероприятий под названием «континентальная блокада» как нечто иное. «Континентальная блокада» — это комплексный механизм борьбы с экономической экспансией Англии на европейском континенте. Французская промышленность требовала защиты, невзирая на цену за это. Фактически были интегрированы интерес буржуазии Франции и административная воля государственного аппарата. На создание этого альянса повлияли и удачные военные кампании французской армии. Континентальная Европа было под контролем французской армии, и это позволяло реализовать идею самодостаточного европейского рынка, защищенного от английской товарной экспансии высокими тарифами и военной силой. Следует отметить, что Англия за время действия «континентальной блокады» пережила два острейших кризиса (1808 и 1811 гг.). В первом квартале 1808 г. доходы от экспорта упали по сравнению с 1807 г. с 9000 млн. до 7244 млн. ф. ст., во втором — с 10754 млн. ф. ст. до 7688 млн.⁸

Россия присоединилась к «континентальной блокаде» с 20 марта 1807 г. Императорский указ вводил полный запрет на английский импорт. На английские суда и имущество купцов, которое на-

ходило в российских портах, накладывался арест. Но не следует думать, что присоединение России к условиям «континентальной блокады» было осуществлено лишь под давлением военной машины Наполеона. На наш взгляд, присоединение к блокадной системе совпало с той экономической политикой, которую проводило российское правительство в это время. Во внутренней политике Александр I был вынужден уделять все больше внимания новому слою промышленников и идти навстречу их требованиям. Так, указ от 16 января 1806 г. предоставлял таможенные льготы для производителей и экспортеров чугуна и железа, а 20 мая того же года издается указ о разрешении беспошлинного ввоза машин и оборудования для сельского хозяйства и промышленности. 1 января 1807 г. издан указ «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»⁹. 27 июня 1808 г. создается Главное правление мануфактур для осуществления руководства всеми фабриками и заводами. Оно должно было проявлять заботу об увеличении объемов выпускаемой продукции.

Таким образом, русское самодержавие в начале XIX в., используя протекционные мероприятия, решало для себя две проблемы: первая — подтягивание страны в промышленном развитии согласно потребностям времени; вторая — русской буржуазии предоставлялись экономические привилегии в расчете на то, что она не будет претендовать на политические права. Но присоединение России к «континентальной» блокаде вызвало не столько экономические трудности, сколько оппозицию со стороны состоятельного дворянства, ориентированного на экспортирование аграрного сырья в Англию. Под влиянием внутренних факторов и дипломатического давления Англии 19 декабря 1810 г. императорским манифестом вводится в действие «Положение о нейтральной торговле на 1811 г. в портах Белого, Балтийского, Черного и Азовского морей и по всей западной сухопутной границе» и новый таможенный тариф, разработчиком которого выступил М. М. Сперанский. «Положение о торговле» фактически выводило Россию из системы блокады и разрешало принимать в российских портах суда под нейтральным флагом, что открывало путь к российскому рынку британским товарам. Согласно новому тарифу значительно увеличивались пошлины на вина, которые производились на территории Франции, Италии, Австрии, Греции, на сахар, кофе, французские шелковые ткани. Одновременно освобождались от таможенных сборов следующие экспортные товары: железные полуфабрикаты, зерно, меха, кожи, льняные ткани. По низким пошлинам разрешалось импортировать ткацкие станки, шерсть, бумагу¹⁰. В целом тариф 1811 г. отвечал интересам экспортеров сырья, т. е. дворянства. Его смело можно назвать проанглийским тарифом. Единственную уступку, которые смогли получить русские промышленники и купечество — возможность почти беспошлинно покупать импортные станки для мануфактур. Нужно отметить, что именно в тарифе 1811 г. винодельческая и сахарная отрасли получили постоянную протекционистскую защиту от государства. В то же время фискальные ожидания этот тариф так и не оправдал. Если оценивать стратегическую перспективу участия России в «континентальной блокаде» и тариф 1811 г., то можно говорить о проигрыше на фискальном направлении (недоборы по пошлинам составили 3,6 млн. руб.) и победе на индустриальном. Об этом свидетельствует промышленная статистика: в 1804 г. — произведено 6 млн. аршин хлопчатобумажной ткани, занят в производстве 8181 работник; в 1814 г. — 26 млн. и 39210, соответственно. Общее число фабрик: в 1804 г. — 2399, работников — 95,2 тыс., в 1814 г. — 3731 и 170,6 тыс., соответственно. Ежегодное производство сахара не изменяло показатели с 1801 по 1808 г. (0,2 тыс. пудов)¹¹, а в 1809 г. его выработка возросла до 1 тыс. пудов. Резко увеличилась добыча соли на юге и в северо-восточных районах. Поэтому вывод историков XIX в., что тариф 1811 г. стал прямым поводом для начала новой войны Франции против России, на современном этапе можно считать ошибочным. Начиная русскую кампанию, Наполеон старался выйти из стратегического кризиса, в котором он оказался. Поражение России открывало путь к победе над Англией. Поэтому британский кабинет старался при любых условиях втянуть Александра I в конфликт с Наполеоном, что ему и удалось. В конце июня 1812 г. английская олигархия ощутила себя спасенной. Наполеон начал русскую военную кампанию.

Одним из важных вопросов экономической политики российского правительства после завершения наполеоновских войн был вопрос о таможенной политике. В то же время для удержания власти и сохранения господствующего положения в стране российскому дворянству необходимо было приспособиться к новым экономическим условиям. От избранного курса таможенной политики зависел дальнейший путь экономического развития России — аграрный или промышленный. Это в свою очередь прямо влияло на социальную структуру общества, на политические процессы.

Российские промышленники и купечество в первой четверти XIX в. еще не были готовы выступить как самостоятельная экономическая и общественная сила. Поэтому их представители присоединялись к разным политическим группам господствующего класса и таким образом боролись за

эволюцию его политики в выгодном для себя направлении¹². Консервативные круги дворянства выступили единым фронтом против развития промышленности за счет их коммерческих интересов, а также против радикальных протекционистских тарифов, защищая преимущества свободной торговли¹³. Что касается купечества и владельцев мануфактур, то они активно выступали в защиту протекционистской политики, за сохранение запретительного тарифа. Борьба этих двух идей и стала причиной создания в правительстве Александра I двух группировок, которые боролись за определение перспективного курса таможенной политики. Обе стороны понимали, что невозможно обеспечить государственный суверенитет при экономической зависимости от других государств, но сословный эгоизм и экономическая заинтересованность отдельных групп дворянства преобладали над интересами общегосударственными. Развитием экономических связей с Европой русское правительство старалось укрепить позиции дворянства. Но развитие товарно-денежных отношений в дворянских хозяйствах, в конце концов, разрушало основы феодализма. Проведение государством даже умеренной протекционистской таможенной политики приводило к укреплению фабричного производства и усилению позиций промышленной буржуазии и как следствие — разрушению феодальной формации.

В этих условиях политика протекционизма вызывала сопротивление со стороны значительной части феодального сословия. На уровне правительства фритредерское направление отстаивал министр финансов Д. А. Гурьев. Его поддерживали приближенные к императору В. П. Кочубей, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцев, государственный канцлер Н. П. Румянцев¹⁴. Группу протекционистов, отстаивавшую интересы дворян-предпринимателей и купечества, возглавлял в тот период министр внутренних дел О. П. Козодавлев. В нее входили также Н. С. Мордвинов и М. М. Сперанский.

Еще с 1813 г. правительство начинает постепенный отход от принципов защитного тарифа, а 19 марта 1815 г. создается особый комитет для подготовки нового варианта закона о таможенном тарифе. Председателем этого комитета назначили В. П. Кочубея. Таким образом, поворот правительства в таможенной политике стал фактом и были сделаны шаги навстречу фритредерским настроениям дворянства¹⁵.

На внутреннюю борьбу фритредеров и протекционистов значительное влияние оказывали и внешние события. Александр I стал активным творцом и участником Венского конгресса. Во время работы этого международного органа неоднократно высказывалось пожелание по улучшению торговых связей между европейскими странами, устранению таможенных препятствий для международной торговли. Под влиянием этих идей Александр I согласился подвергнуть ревизии русский таможенный тариф в сторону его либерализации¹⁶. Таким образом, работа особого комитета Д. А. Гурьева нашла свое воплощение в манифесте о вступлении в силу Закона о таможенном тарифе 31 марта 1816 г. В манифесте отмечалось: «<...> по восстановлении свободных политических и торговых отношений между европейскими государствами признано за благо, для пользы общественной допустить некоторые перемены в запретительной торговой системе и разрешить привоз разных иностранных товаров, ранее запрещенных в течение многих лет»¹⁷.

Всего было запрещено импортировать 175 наименований разных товаров, в том числе сырьевые ресурсы для промышленной обработки, продукты питания, вина, а также другие товары, которые производились русским сельским хозяйством. Таким образом, учитывались интересы прежде всего дворян-землевладельцев, которые получили возможность реализовывать продукцию своих имений без иностранной конкуренции. Тарифная ставка в размере от 15 до 35 % стоимости применялась относительно 251 предметов торговли, а все другие товары, которые составляли больше половины импорта, разрешалось ввозить беспошлинно. Среди них были все виды машин для промышленности. По мнению авторов тарифа 1816 г., это поддерживало российскую буржуазию. Значительная часть товаров, производимых в Российской империи, экспортировалась за границу. Дворянство получило выгодные условия и при помощи доходов от экспорта могло улучшить финансовое состояние своих крепостных хозяйств. Фактически интересы российской экономики того времени были принесены в жертву политическим интересам Священного союза. Были созданы предпосылки для навязывания российскому правительству печально известного тарифа 1819 г., который, по словам министра финансов (с 1823 по 1844 г.) Е. Ф. Канкрин, «убил русскую промышленность»¹⁸.

Тариф 1819 г. нанес мощный удар мануфактурной промышленности России. Это произошло вследствие радикального снижения большинства таможенных ставок на импортные товары. Космополитические мечты о благах, которые подарит свободный товарообмен государству и обществу под давлением реальных дел быстро исчезли. И вдобавок европейские государства, пропагандируя идеи таможенного либерализма, совсем не собирались подменять собственные национальные интересы общеевропейскими. Так, в Пруссии в 1817–1823 гг. наблюдался зерновой бум и прусское правительство, защищая интересы юнкерства, ввело высокие пошлины на аграрный импорт, что ударило в первую очередь по российским экспортерам зерна¹⁹. В то же время таможенный либерализм не оправдал

теоретических ожиданий фритредеров относительно уменьшения контрабанды при низких пошлинах. Объемы контрабанды лишь возрастали, особенно на границах с Пруссией и Австрией. В таких условиях оставался единственный выход — возврат к протекционистскому таможенному тарифу.

Тариф 1822 г. ознаменовал собой «окончание периода влияния политических союзов на таможенную политику». Инициатором нового таможенного тарифа стал Е. Ф. Канкрин, который будучи министром финансов, превратил тарифное дело из узкой фискальной функции в комплекс мероприятий государства, направленных на защиту в первую очередь промышленных отраслей. Новым тарифом было запрещено экспортировать 21 и импортировать 3110 видов товаров. Согласно тарифу 1822 г. все импортные товары распределялись на четыре группы. В первую вошли товары, которые могли ввозиться беспошлинно. Запрещены были к ввозу льняные изделия, пенька, шерсть, кожи. Разрешалось ввозить после уплаты высокой тарифной ставки лишь те виды шерстяных тканей, которые в силу естественных условий не могли изготавливаться в России. С внедрением нового защитного тарифа российская промышленность была на некоторое время защищена от непосильной конкуренции со стороны более технологичных иностранных товаров. Но это был необходимый шаг. Именно в период действия тарифа 1822 г. в России начался процесс механизации производства. Тариф 1822 г. неоднократно пересматривался. В 1824, 1825, 1830, 1831, 1836, 1838 и 1841 гг. в него вносились изменения, которые зависели от состояния развития той или другой отрасли экономики. С началом правления императора Николая I таможенная политика приобрела прогнозируемый и последовательный характер. Результаты этой таможенной политики были в целом благоприятные. Таможенные доходы бюджета в период с 1823 по 1844 г. возросли на 250 % (с 11 до 26 млн. руб.)²⁰. Промышленность под защитой тарифа 1822 г. также достигла заметных успехов. Если брать промышленную статистику, то в период с 1814 по 1825 г. количество суконных предприятий выросло с 235 до 324; в период с 1825 по 1850 г. — с 324 до 492. Число металлургических предприятий в период с 1814 по 1825 г. возросло с 75 до 170; в период с 1825 по 1850 г. — со 170 до 416²¹.

Не одно экономическое событие в новейшее время не вызвало столь многочисленных толкований, как Прусский таможенный союз. Важные последствия, которые из него проистекали не только для Германии, но и для других государств, заставляют нас рассмотреть его историю.

Пруссия вступила в XIX в. аграрным государством. Охранительная таможенная политика Фридриха II не смогла решить полностью задачу по созданию развитой промышленности. К тому же, подобно и российской действительности, первую скрипку в торговой политике государства играло прусское дворянство, ориентированное на экспорт аграрного сырья. В период наполеоновских войн это привело к тому, что Пруссия всячески саботировала континентальную блокаду, в то время как промышленно развитые рейнские земли оставались верными союзниками Наполеона в самых критических ситуациях, поддерживая его таможенную политику, направленную на создание европейской промышленности²².

После завершения наполеоновских войн и начала эпохи Священного союза таможенная политика Пруссии начинает движение в сторону умеренного протекционизма. Тенденция эта была положена в основу королевского постановления, изданного в 1818 г., по которому вывоз и привоз всех сырых произведений объявлялись свободными, а с обработанных изделий надлежало взимать максимальную пошлину в 10 % с фактурной стоимости товара. В то же время все внутренние заставы были уничтожены и введено единообразие мер и весов. Для сравнения: в России подобная таможенная реформа была осуществлена П. И. Шуваловым еще в 1753–1762 гг. Прусское правительство понимало, что успехи промышленности в государстве невозможны при существовавшей тогда политической и экономической раздробленности Германии, внутри которой купец на протяжении каждых 4–5 миль встречал таможенную заставу и должен был дорого оплачивать свои товары. Поэтому вслед за изданием закона последовало объявление, в котором было сказано, что Пруссия готова заключить торговый трактат с остальными германскими землями в соответствии с положениями своего нового тарифа и признать для их подданных все те права, которыми пользуются собственные ее жители. Княжества Ангальтские и Шварцбург-Зондерсгаузен первыми откликнулись на этот призыв и заключили в 1819 г. с Пруссией трактат на предложенных условиях. Спустя 9 лет к нему присоединилось и великое герцогство Гессен-Дармштадское.

Однако этот союз сформировал в других германских государствах элементы конкуренции и противодействия Пруссии. В этом же году образовался центральный торговый союз в Касселе, в который вступили: королевства Ганноверское и Саксонское, курфюршество Гессенское, а также Брауншвейг, Нассау, Ольденбург, герцогства Саксонские, княжества Рейс, Шварцбург-Рудольштат и вольные города Бремен и Гамбург. Кроме этого, несколько раньше был заключен торговый договор между Вюртембергом и Баварией, а на севере Ганновер, Брауншвейг и Ольденбург образовали между

собой таможенно-акцизный союз (Zoll- und Steuerverein). Но ни центральный, ни Баварско-Вюртембергский союзы не нашли опоры в Германском сейме. По своему географическому положению, не будучи в состоянии ввести однообразное таможенное управление, они должны были распаться и мало-помалу интегрироваться к Пруссии, которая и в финансовом отношении представляла гораздо более выгодного партнера, и в политическом плане не угрожала (чего больше всего опасались) ни одному государству потерей его самостоятельности. Осторожной политикой Берлинский кабинет сумел развеять недоверчивость к себе, и в 1834 г. Прусский таможенный союз, получивший к этому времени название Германского, состоял уже из 11 государств, занимающих пространство в 7719 кв. км с населением около 23,5 млн. чел.; протяженность его границ составляла 1097 миль. К 1857 г. территория Таможенного союза после присоединения к нему Ганноверского союза увеличилась до 9000 кв. км., а население возросло до 33 млн. чел.

С момента формирования таможенного союза союзный (а точнее прусский) таможенный тариф несколько раз изменялся — главным образом в духе протекционистской системы с целью поддержки местных промышленников в их конкурентной борьбе с французской буржуазией.

Следует отметить, что прусская экономическая политика и принятые ею охранительные пошлины не были столь обременительными для потребителей, как в других континентальных державах. Принимая среднюю цену всех привозимых товаров в сложности за 15 лет (1835–1849 гг.) в 187,5 млн. руб., а таможенный доход в 21,25 млн. руб., фактически пошлина не превышала 12 % стоимости ввозимых товаров²³. Между тем выгоды ликвидации внутренних государственных границ проявились очень быстро. Таможенный доход союзных государств быстро увеличился с 13,6 руб. в 1834 г. до 26 млн. в 1845 г., то есть в течении 12 лет почти удвоился. В то же время издержки по управлению таможами значительно уменьшились (с 15 до 10 % таможенного дохода в тот же период времени). Внешняя торговля таможенного союза постоянно развивалась. Так, с 1837 по 1841 г. совокупная стоимость привезенных и вывезенных товаров составила в нем 310 млн. руб., а с 1847 по 1851 г. она увеличилась до 361 млн. руб.

В 1851 г. Пруссия достигла стратегической цели, заключив торговый договор с Северным таможенно-акцизным союзом, т. е. с королевством Ганноверским, великим герцогством Ольденбургским и герцогством Брауншвейгским, вследствие чего порты Северного (Немецкого) моря сделались доступными для ее торговых отношений. Расчет Пруссии был верен: последующие события оправдали ее таможенную политику созданием на фундаменте таможенного союза второй Германской империи.

Таким образом, в первой половине XIX в. российская и прусская таможенная политика прошла сложный процесс трансформации от узко фискальной к комплексной, учитывавшей интересы народного хозяйства страны и политические интересы в целом. Эта эволюция проходила в сложных условиях борьбы приверженцев аграрного и промышленного развития. В то же время таможенная политика России начала XIX в. демонстрировала отрицательный опыт влияния собственно политических факторов, когда национальные задачи поглощались мифическими идеями абсолютизма. Пример действия таможенных тарифов первой половины XIX в. подтвердил кризис дворянства как лидера общественного развития. Дворянство оставалось носителем консервативных, во многом космополитических в экономике идей, которые уже не отвечали морали и ценностям индустриальной цивилизации, в том числе в сфере международного права. В начале XIX в. резко проявилась следующая закономерность: индустриальная слабость государства порождала слабость на международной арене. А таможенный тариф теперь выступал как комплексный инструмент ускорения развития или стагнации экономики. Таможенный тариф 1822 г. для России и таможенный союз 1818 г. для Пруссии ознаменовали новую эпоху в тарифном регулировании, освободив его от непостоянства внешнеполитической конъюнктуры. Одновременно опыт использования этого тарифа указал российским государственным деятелям на следующую закономерность. В условиях индустриальной экономики одним таможенным тарифом невозможно было эффективно влиять на экономический процесс. В новых условиях таможенный тариф действовал лишь в тандеме с такими мероприятиями, как развитие внутреннего потребительского рынка, развитие банковской системы, развитие путей сообщения. Но понимание этого пришло российским чиновникам уже в годы буржуазных реформ 1860–1870-х гг.

Примечания

¹ Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. Челябинск, 2005.

² Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911.

³ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 1.

⁴ Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX веках: 1800–1917. [М.], 1950.

- ⁵ Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.
- ⁶ Поляков В. Л. Таможенная политика царского правительства и ее влияние на развитие отечественной промышленности в период разложения феодальной системы: (Конец XVIII — первая четверть XIX вв.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1976.
- ⁷ Калиновский Б. Ф. О развитии и распространении идеи свободной торговли и о применении ее к положительным законодательствам в главных западно-европейских государствах. СПб., 1859.
- ⁸ Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996.
- ⁹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 29. № 22222, 22418, 22430; Т. 30. № 23126, 23679, 23757 а.
- ¹⁰ Там же. Т. 31. № 24456.
- ¹¹ Карцов Ю. С., Военский К. А. Причины войны 1812 года. СПб., 1911. С. 49.
- ¹² Ляценок П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. С. 456–457.
- ¹³ Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX века. М.; Л., 1940. С. 129–130.
- ¹⁴ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исслед. 2-е изд. СПб., 1900. С. 262.
- ¹⁵ Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа. С. 176.
- ¹⁶ Там же. С. 175.
- ¹⁷ Туган-Барановский М. И. Русская фабрика... С. 176.
- ¹⁸ Витчевский В. Торговая таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 46.
- ¹⁹ Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. М., 2002. С. 162.
- ²⁰ Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после Революции. М.; Л., 1924. С. 13.
- ²¹ Хрестоматия по истории СССР. М., 1949. Т. 2. С. 411–412, 594.
- ²² Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М., 2002.
- ²³ Hübner O. Die Zolleinigung und die Industrie des Zollvereins und Oestreich. Berlin, 1850. S. 34–37.

М. В. Кобрин

ОРГАНИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОЙ (ПОГРАНИЧНОЙ) СЛУЖБЫ НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1819–1822 гг.)

На проведение таможенной политики Российской империи в первой четверти XIX в. повлияли внешние обстоятельства. Выполняя решения Венских соглашений 1815 г., Российская империя вынуждена была отказаться от протекционистской политики. Под влиянием Пруссии, Австрии и Великобритании она в 1816 г. ввела таможенный тариф, который для России являлся компромиссным. По этому тарифу разрешалось ввозить в Россию товары мануфактурного производства и предметы роскоши, запрещенные по таможенному тарифу 1810 г. Однако тариф 1816 г. не касался организации торговли в Царстве Польском, являвшимся провинцией Российской империи. Она регламентировалась договорами России с Австрией и Пруссией от 3 мая 1815 г. Поэтому затем состоялись российско-пруско-австрийские переговоры о торговле на польских землях. В них принимали участие и польские уполномоченные. Результатом стало подписание двухсторонних соглашений между Россией и Пруссией, Россией и Австрией, согласно которым провозглашалась свобода торговли и судоходства на реках Царства Польского¹.

2 декабря 1819 г. был введен в действие Общий тариф европейской торговли, а 26 декабря 1819 г. император Александр I утвердил «Таможенный устав Европейской торговли»², согласно которому ликвидировалась таможенная граница между Российской империей и Царством Польским. Статья 691 устава гласила: «Пограничные таможи российские и польские, которые теперь существуют между Империей и Царством Польским, упрощаются и сама граница ликвидируется. Вместо этого на средней линии основываются контрольные российские и польские таможи»³. Российская таможенная линия была вынесена на внешние границы Царства Польского, что привело к созданию таможенного союза между Царством Польским и Российской империей.

Общий тариф Европейской торговли и устав 1819 г. позволили свободно выйти польскому сырью, полуфабрикатам и промышленным изделиям на российский внутренний рынок. С этой стороны тариф 1819 г. был выгоден для экономики Царства Польского. Но отмена почти всех запретов на ввоз в Царство Польское вызвало наплыв иностранных товаров, особенно прусских. Это привело к тому, что сальдо в польской внешней торговле оставалось пассивным. Для российской экономики тариф 1819 г. оказался очень невыгодным: он принес прибыль западноевропейским странам.

Согласно уставу 1819 г. для растаможивания товаров создавались российские таможи и заставы по всей сухопутной и морской границах, а также внутри империи и в Царстве Польском. Все таможи делились на четыре класса: 1-го класса — складываемые, 2-го — главные таможи сухопутные и морские, 3-го — декларационные, 4-го — таможенные сухопутные и морские заставы, а также контрольные таможи на средней линии.

На складываемых таможах принимали на сохранение и оформление все иностранные товары, которые хранились до 8 месяцев. На главных таможах оформлялись все разрешенные товары, а также товары, которые направлялись на складываемые таможи. Срок оформления товаров на таможах 2-го класса не превышал двух месяцев. Главные таможи имели на реках вооруженные катера и шлюпки⁴.

На декларационных таможах пропускали все товары. При этом часть товаров оформлялась на этих таможах, другая — направлялась на какую-нибудь складываемую таможду для уплаты пошлины («очистки»). Однако на декларационных таможах в Царстве Польском не разрешалось брать пошлины с привозных товаров и их отправляли на главные таможи⁵.

Таможи и таможенные заставы 4-го класса оформляли ограниченный перечень товаров. На их «очистку» отводился месяц. На другие таможи товары для дальнейшего оформления направлять не разрешалось. Все контрольные таможи на средней линии между Российской империей и Царством Польским пропускали товары, за которые были уплачены пошлины на варшавской, люблинской и новодворской таможах. При желании на контрольных таможах можно было внести плату за провоз товара в империю, при этом разрешалось не довозить его на главную таможду. Но перечень товаров, за которые нужно было вносить платежи на контрольных таможах, был ограниченным. Кроме того, Брест-Литовская и Устилужская контрольные таможи имели право пропускать товары, которые поступали на складываемые таможи в Российской империи⁶.

Вывоз товаров из внутренних районов Российской империи разрешалось производить через все виды таможен, однако пошлина бралась только на некоторых из них. При вывозе товаров за пределы Царства Польского пошлина бралась главными или декларационными российскими таможами в Царстве Польском⁷. Пошлина бралась на таможах, которые находились на границе с Пруссией (палангенская, гарждовская, юрбургская) и Австрией (дружкопольской, радивиловской, волочинской, гусятинской, исаковецкой), а также на всех портовых таможах.

В Царстве Польском были основаны: российская складываемая таможа 1-го класса в Варшаве, 4 главные таможи 2-го класса в Люблине и Новодворе и контрольные таможи на средней линии в Гродно и Ковно; 13 декларационных таможен 3-го класса на внешней границе Царства Польского (Вербален, Рачки, Щучин, Кольно, Харжели, Нешава, Слупцы, Калиш, Пражка, Челядь — на границе с Пруссией; Красеница — на границе области вольного города Кракова; Завихост, Далгобышев — на границе с Австрией); 7 контрольных таможен 4-го класса на средней линии (брестская, устилужская, ганиондская, харощинская, техановецкая, нурецкая). Из них гродненская главная таможа и 7 контрольных таможен вошли в состав Гродненского таможенного округа, который был создан в 1819 г.

Существование такой сложной системы российского таможенного контроля определялось тем, что, находясь в составе Российской империи, Царство Польское имело государственные границы как с таможами на востоке, так и на западе. Поэтому грузы, которые приходили из Царства Польского на территорию Российской империи, облагались таможенными пошлинами, как иностранные.

Таким образом, по новому «Таможенному уставу» планировалось вынесение таможенной линии на внешние границы Царства Польского, что потребовало административной перестройки российского и польского таможенного аппарата. Для выработки условий реорганизации таможенного управления в Царстве Польском в октябре 1819 г. в Варшаве был создан Особый комитет. В него вошли: сенатор М. М. Новосильцев, председатель правительственной комиссии финансов и казначейства А. А. Венглинский, статс-секретарь И. В. Соболевский, генерал-майор А. Я. Ланг, действительные статские советники Л. С. Байков и Ф. Х. Вирст, референдарий Государственного совета Царства Польского А. А. Грайбнер⁸.

Для управления российскими таможами в Царстве Польском создавалось Главное управление торговых и таможенных дел, которому подчинялись российские таможи. Оно вело торговые дела в Царстве Польском и на сухопутной границе от Палангена до Дубосар. Главное управление начало свою работу 19 января 1820 г., и его возглавил начальник российских таможенных и торговых дел генерал-майор А. Я. Ланг.

Потери, которая понесла российская экономика в результате действия тарифа 1819 г., а также невыполнение западноевропейскими странами Венских соглашений о свободной торговле убедили правительство Александра I в необходимости введения протекционизма на российские товары. 24 марта 1822 г. был подписан манифест, который провозглашал введение протекционистского тарифа по европейской торговле. В зависимости от нужд народного хозяйства тариф делил все предметы импорта на четыре группы. Товары, которые относились к 1-й группе, были запрещены к вывозу, 2-я группа товаров облагалась высокой пошлиной, 3-я группа — умеренной пошлиной, а 4-я группа с товарами первой необходимости объявлялась беспошлинной. Таким образом, экспорт товаров по тарифу 1822 г. был чрезмерно облегчен. В 1822 г. в Царстве Польском был введен отдельный тариф,

который не носил запретного характера. Это было уступкой западноевропейским странам, потому что их товары могли легко попадать на польский, а потом и на российский рынок.

С 1810 по 1822 г. для охраны границы привлекалась казачья пограничная охрана, которая частично выполняла функцию наблюдения за таможенной охраной. Перенос российской государственной границы на внешние границы Царства Польского и ликвидация внутренней границы с Царством Польским (заменена средней линией) сделали ненужным использование казачьей пограничной охраны для военного прикрытия внутренних границ. Поэтому в начале 1820-х гг. на участке средней линии казачью охрану перенесли на второй эшелон.

9 июля 1822 г. было принято решение, согласно которому таможенная охрана стала размещаться на первой линии охраны границы. Цепь, которая состояла из донских и бугских казаков, с границы была снята и размещена после таможенной границы на расстоянии от 3 до 5 верст. Эти меры принимались для того, чтобы охрана «не решалась на злоупотребления»⁹. Казачьей военной охране было приказано вести наблюдение за действиями таможенной охраны, осуществлять поиск контрабандистов и других нарушителей границы, которые смогли обмануть охранников первой линии. Таким образом, казачья охрана преобразовалась в контролирующую структуру, которая следила за деятельностью таможни и прекращала попытки контрабандного перевоза товаров. В свою очередь и казаки не имели возможности вести противозаконную торговлю.

Однако казачья охрана переводилась на вторую линию не полностью по западной границе. Правительство Российской империи решало эту проблему исходя из условий, которые складывались на конкретных участках.

В 1822 г. таможенную (пограничную) охрану было решено пополнять воинскими нижними чинами, в первую очередь из кавалерийских частей, а также из отставных солдат и инвалидов. Для более надежной охраны границы на отдельных ее участках через каждые пять верст были построены казенные дома, а между ними биваки. С 1823 г. в дополнение к конным объездчикам были выделены для несения охраны еще и стражники — пешие воины.

Однако принятые меры не привели к уменьшению контрабанды. После введения манифеста, который носил протекционистский характер, ввоз многочисленных иностранных товаров — предметов роскоши и товаров мануфактурного производства — в Россию был или совсем запрещен, или обложен высокими пошлинами. Это привело к резкому увеличению контрабандных товаров. Вольнонаемные объездчики и казаки не справлялись с охраной границы, потому что не хватало специалистов и средств. Например, на одном из западных участков границы в каждом из шести пунктов было только по одному таможенному смотрителю и 10–12 конных объездчиков. В Радзивилловском таможенном округе (продолжительность 483 версты) службу несли только 332 конных объездчика, а в Любовском (437 верст) — 64 конных объездчика и 56 сторожей¹⁰.

Руководству российских таможенных и торговых дел не удалось покончить с коррупцией и взятками. Очень часто местные объездчики заключали соглашение с контрабандистами, получая часть прибыли. Так, например, в пропуске контрабандных товаров в первой половине 1820-х гг. были обвинены объездчики ганензской таможенной дистанции. Контрабандные товары были спрятаны в доме объездчика на кордоне в деревне Бела Новацкая. В занятии контрабандой обвинялись таможенный чиновник Букинский и таможенный смотритель Мошанский¹¹.

Таким образом, реорганизация таможенной службы на западной границе Российской империи была следствием принятия Россией Таможенного устава европейской торговли 1819 г., тарифа 1819 г. и манифеста 1822 г. В этих документах нашли отражение условия Венского конгресса о свободе торговли в границах Речи Посполитой 1772 г. Ликвидация таможенной границы между Российской империей и Царством Польским и установление таможенного союза двух государств — Царства Польского и Российской империей — потянула за собой реорганизацию всего таможенного командования, а также системы военного прикрытия границы. В связи с переносом основной границы империи на внешнюю границу Царства Польского использование казаков на охране средней линии стало менее необходимым, и они были переведены во второй эшелон. С 1822 г. основные функции по охране западной границы были переданы Министерству финансов.

Примечания

¹ Страхова Н. П. Тариф 1819 г. во внешнеполитических планах России // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1990. № 3. С. 48–49.

² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 36. № 28030.

³ Там же. С. 489.

⁴ Там же. С. 418.

⁵ Там же. С. 419.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 420.

⁸ *Обушенкова Л. А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг.: Экон. и соц. развитие. М., 1979. С. 229.

⁹ На страже границ Отечества: История погранич. службы. М., 1998. С. 170.

¹⁰ Там же. С. 183.

¹¹ НИИАГро. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 1.

К. Лятавец

МЕСТО ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО В ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 70-х гг. XIX в.

Ликвидация внутренней таможенной границы, отделявшей Царство Польское от остальных земель Российской империи, произошла 1/13 января 1851 г. Реализация нового таможенного закона привела к складыванию в Царстве Польском российской модели таможенной администрации. Здесь были учреждены таможни четырех классов. Все пространство Царства Польского было разделено на таможенные округа: Вержболовский, Калишский и Завихвостский¹.

В начале 1851 г. в Царстве Польском действовали 10 таможен 1-го класса, 8 — 2-го класса, 11 — 3-го класса, 18 таможенных застав и складочная таможня в Варшаве². Класс таможни зависел от объема потока проходящих через нее товаров. На статус таможни влиял также район отправки товаров. В таможнях 1-го класса облагали пошлиной все товары, ввезенные в империю. В отношении остальных таможенных органов действовали ограничения, вытекающие из особых инструкций Департамента внешней торговли (Департамента таможенных сборов) Министерства финансов.

Размещение органов таможенного контроля в Царстве Польском на границе с Австрией и Пруссией было предварено глубоким анализом данных о товарных потоках. При этом учитывался ранее имевшийся опыт. В этой связи необходимо упомянуть о деятельности Правительственной комиссии, решения которой, утвержденные Государственным Советом, вступили в силу до конца 1850 г.³

При анализе географического размещения таможенных органов заметно, что они были устроены на наиболее важных дорогах, идущих через границы империи с вышеупомянутыми государствами. Это были как сухопутные, так и железные дороги. Исключение представляла собой таможня у Границы, которая занималась досмотром пассажиров и товаров на железной дороге из Вены в Варшаву. Надо также упомянуть о складочной таможне в Варшаве, которая была значительно удалена от границ империи.

Со временем в структуре таможенной администрации Царства Польского произошли достаточно серьезные изменения. Они были обусловлены рядом факторов. К ним относятся развитие железных дорог и возникновение специальных пограничных переходов, изменения в объеме потока товаров на территории Российской империи и др. В январе 1867 г. в Царстве Польском функционировало 8 таможен 1-го класса, 6 — 2-го класса, 11 — 3-го класса, 10 таможенных застав и 22 погранперехода, служащих только для личного передвижения⁴.

Указанная система местных таможенных органов претерпевала непрерывную эволюцию. В первой половине 1870-х гг. в Царстве Польском (Варшавском генерал-губернаторстве) действовали 10 таможен 1-го класса (Вержболовская, Граевская, Пеплувская, Нешавская, Александровская, Щипиорнская, Верушовская, Сосновицкая, Границкая, Михаловицкая). Однако число аналогичных учреждений 2-го класса уменьшилось до 3 (Томашевская, Гербская, Прашская). Число таможен 3-го класса не претерпело изменений, как и число переходных пунктов. Зато сеть таможенных застав увеличилась до 14⁵.

Департамент таможенных сборов старался не увеличивать расходы по содержанию подчиненных ему структур. С этим связано понижение в статусе некоторых таможен 2-го класса до уровня мелких таможенных застав. При этом была создана новая таможня 1-го класса в Александрове Пограничном (Александрове Куявском). Действия таможенного департамента, надзирающего за поступлениями в бюджет таможенных пошлин, имели основания. Возникновение пограничного железнодорожного перехода с Германией привело к переносу товаропотока именно к вновь образованному учреждению. Аналогичным образом обстояло дело, например, в 1877 г., когда железнодорожную линию Ковель — Люблин — Варшава — Млава довели до границы с Германией. Тогда в Млаве вместо

переходного пункта была образована таможня 1-го класса. Лежащая же поблизости от Млавы Пеплувская таможня 1-го класса деградировала до уровня таможенной заставы⁶.

Географическое положение таможенных учреждений играло немаловажное значение в таможенной политике и торговле. Импорт и экспорт товаров по сухопутным дорогам из Европы в Россию проходил через таможенные учреждения, действовавшие в Царстве Польском. Анализ сумм таможенных пошлин, собранных этими учреждениями, указывает на их достаточно серьезную роль. В 1870–1876 гг. из 20 таможен Российской империи, приносящих наиболее крупные поступления в казначейство, 5 находилось на территории Варшавского генерал-губернаторства.

Среди таможенных органов Царства Польского на первое место по поступлениям таможенных пошлин выдвинулась Вержболовская таможня. Через эту таможню проходили товары из северо-восточной части Германии в Россию. Перевозили их прежде всего по железной дороге Крулевец — Вильно. Таможенный переход был расположен в посаде Кибарты в нескольких верстах от г. Вержболово.

Второй по величине собираемых таможенных пошлин была таможня в Варшаве. Она представляла собой типичный таможенный склад, в котором оценивались товары, подвергавшиеся обложению сборами. Действовала она на таких же принципах, что и таможня в Москве. Однако, в отличие от Московской таможни, Варшавская приносила значительно меньшие доходы.

Таможни Александровская, Граевская, Границкая, Сосновицкая, как и Вержболовская, были расположены на железнодорожных линиях. На первой из них облагались пошлинами товары, перевозимые по линии Варшава — Торунь. В 1876 г. с этого учреждения получили 2257682 руб. пошлин. В 1873 г. в Царстве Польском появился очень важный элемент в сети таможенных учреждений. По случаю проведения железной дороги из Бреста в Граево и дальше к немецкому Крулевцу в этой местности решили учредить таможню. Уже к концу 1874 г. она дала поступлений почти на миллион рублей. На границе с Германией действовала также Сосновицкая таможня, через которую шли товары по железной дороге из Варшавы во Вроцлав (Бреслау).

Упомянутые таможни (за исключением Варшавской) действовали на железных дорогах из Германии в Россию. Поступления таможенных пошлин из этих учреждений в 1876 г. составили почти 9,2 млн. руб. Такой результат был обусловлен прежде всего развитием торгового обмена между двумя государствами.

На границе с Австрией действовала Границкая таможня на дороге из Варшавы в Вену. В 1876 г. она принесла 945426 руб. таможенных пошлин.

Другие таможни в Царстве Польском принадлежали к типичным учреждениям, обслуживающим путешественников и товары, перемещавшиеся по сухопутным дорогам (шоссе). Из них выделяется складочная таможня в Варшаве. Положение этого города, имевшего важное административное и торговое значение, непосредственным образом влияло на доходы местной таможни. Особое значение имело расположение Варшавы на транзитных дорогах, идущих от границы с Германией и Австрией вглубь Российской империи. Различные сборы варшавской таможни достигали после 1871 г. 3 млн. руб.

Одной из наиболее значимых была таможня в Щипиорне. Она находилась на дороге, идущей из губернского города Калиша к границе с Германией. Однако по объемам перевозимых товаров и размерам собираемых пошлин ее нельзя сравнивать с аналогичными учреждениями на железных дорогах. В отношении сумм полученных пошлин Щипиорнскую таможню можно сравнить с Нешавской, действовавшей также на границе с Германией.

Наиболее значительными таможнями на границе с Австро-Венгрией были таможни в Михаловицах Келецкой губ., Сандомире Радомской губ. и Кршешове Люблинской губ.. Остальные таможни приносили доходов не более 100000 руб. Это свидетельствует о небольшом объеме товаропотока через данные учреждения на территорию России. Однако эти таможни играли немаловажную роль для местной торговли в приграничных местностях.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что таможни, действовавшие на территории Царства Польского (с 1874 г. — Варшавского генерал-губернаторства), играли важную роль в финансовой системе Российской империи. Интенсификация торгового обмена и, в частности, экспорт немецких товаров в Россию имели большое влияние на таможенную политику империи. Российское правительство старалось вести протекционистскую экономическую политику. Для этого вводились новые таможенные тарифы, содействующие защите внутреннего рынка от прилива чужих товаров. Это стало причиной роста доходов, получаемых от таможенных пошлин, что видно на примере данных Департамента таможенных сборов по Царству Польскому (см. табл.).

Пошлины, полученные в учреждениях таможенной администрации на территории Царства Польского в 1870–1876 гг.⁷

Наименование и местонахождение таможенного учреждения	Сумма таможенных пошлин (руб.)						
	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
Таможни 1–3 классов							
Вержболовская (Сувалкская губ.)	3303621	3576731	3405341	2700256	2898931	3696655	4119685
Варшавская (Варшавская губ.)	2228565	3180619	3269094	3568267	3661204	3913803	3853892
Александровская (Варшавская губ.)	887151	1235362	1329257	2148743	2118911	2389454	2257682
Граевская (Ломжинская губ.)	–	–	–	310000	983735	1184862	1964210
Границкая (Петроковская губ.)	210857	278289	225780	560840	629896	851134	945426
Сосновицкая (Петроковская губ.)	273217	290973	290876	307636	340183	455469	721566
Щипиорнская (Калишская губ.)	146984	189628	159865	185104	154734	188949	225903
Нешавская (Варшавская губ.)	159941	242348	207860	261451	176787	167721	184430
Михаловицкая (Келецкая губ.)	82129	147884	98681	137290	121520	136185	162222
Сандомирская (Радомская губ.)	2816	4839	4152	115151	121336	104577	128876
Верушовская (Калишская губ.)	20042	21331	34790	70183	70773	79807	93502
Слупецкая (Калишская губ.)	53342	34146	34448	72648	65377	84693	92239
Пеплувская (Плоцкая губ.)	8110	9269	6388	27303	42111	41763	69378
Кршешовская (Люблинская губ.)	8218	6262	5652	36276	30357	42718	52578
Завихвостская (Радомская губ.)	2703	2479	3061	33537	29840	37497	51852
Добржинская (Плоцкая губ.)	25845	12818	11719	22946	24141	30483	45583
Томашевская (Люблинская губ.)	23439	47871	42860	30539	26930	37973	40727
Прашская (Калишская губ.)	14787	20834	21298	28506	34334	32093	35721
Винцентская (Ломжинская губ.)	36997	29130	22397	20139	17566	20150	22911
Зелюнская (Плоцкая губ.)	4538	9563	4288	6733	8464	9226	18955
Пейзернская (Калишская губ.)	2601	5696	7528	8176	8776	7760	10600
Филиповская (Сувалкская губ.)	4785	8287	7683	5943	6667	9049	8296
Гербская (Петроковская губ.)	5338	7013	7451	6624	4931	7187	5461
Любичская (Плоцкая губ.)	4139	4288	5524	7573	3125	2023	3088

Наименование и местонахождение таможенного учреждения	Сумма таможенных пошлин (руб.)						
	1870 г.	1871 г.	1872 г.	1873 г.	1874 г.	1875 г.	1876 г.
Таможенные заставы							
Владиславовская (Сувалкская губ.)	12911	11718	11800	6577	9976	31501	28485
Баранская (Келецкая губ.)	3528	3795	2203	2919	3842	5381	13177
Рачковская (Сувалкская губ.)	6582	6438	3612	4153	3623	5639	12285
Опатовецкая (Келецкая губ.)	4116	6474	3996	5963	4878	6602	10189
Ратаевская (Келецкая губ.)	7281	8123	5946	5114	6116	7115	9832
Виштенецкая (Сувалкская губ.)	2436	1693	5546	14550	5086	6493	8972
Подмайданская (Люблинская губ.)	6722	2076	2734	1792	2680	2346	5451
Долгобычевская (Люблинская губ.)	1185	1168	2407	3545	4762	6472	5179
Иголомийская (Келецкая губ.)	2349	2642	2298	3683	3663	3968	4817
Богушская (Ломжинская губ.)	12223	28363	99385	91105	5347	1079	4228
Гродзискская (Калиш- ская губ.)	1041	906	733	1740	2299	2078	2767
Нездарская (Петроковская губ.)	1944	1922	1684	1137	2527	2110	2427
Подграбовская (Калишская губ.)	136	437	1122	178	2010	549	1796
Серославицкая (Келецкая губ.)	–	–	–	470	1706	2601	1788
Модржиевская (Петроковская губ.)	566	619	481	784	1257	1034	727
Лонжек- Закликовская (Люблинская губ.)	–	–	–	–	–	–	256
Общая сумма пошлин, полученных в таможнях в Царстве Польском	7573185	9442034	9349940	10815574	11640401	13616199	15227159
Общая сумма пошлин, получен- ных в таможнях Российской импе- рии (включая Царство Польское)	27054185	19919868	14840886	14013679	?	52455390	69199227

Примечания

¹ См.: Ustawa celna dla Królestwa Polskiego, Warszawa, 1851.

² Tekely W. P. Rozmieszczenie komór celnych w Królestwie Polskim po zniesieniu granicy celnej pomiędzy Królestwem Polskim a Cesarstwem Rosyjskim // Z historii państwa, prawa, miast i polonii: Prace ofiarowane Władysławowi Świkowi w czterdziestolecie jego pracy twórczej. Rzeszów, 1998. S. 260–261; Лятавец К. Таможенные учреждения в Царстве Польском в 50–60 гг. XIX в. // Исторія торгівлі, податків та мита: Зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2007. С. 126.

³ Tekely W. P. Rozmieszczenie komór celnych w Królestwie Polskim... S. 255–260.

⁴ Лятавец К. Таможенные учреждения в Царстве Польском... С. 130.

⁵ Государственный архив в Люблине. Фонд Актов города Люблина (1874–1915). Д. 8703.

⁶ Циркуляр Департамента таможенных сборов по таможенному ведомству от 3 августа 1877 г. за № 11928 // Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов. 1877. № 32. С. 819–820.

⁷ Сост. по: Государственный архив в Люблине. Фонд Актов города Люблина (1874–1915). Д. 8703.

М. М. Савченко

Д. И. МЕНДЕЛЕЕВ И ТАМОЖЕННО-ТАРИФНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Идеи Д. И. Менделеева в области таможенно-тарифной политики и его роль в формировании и осуществлении таможенного протекционизма в России на рубеже XIX–XX вв. остаются до настоящего времени одной из наименее изученных частей творческого наследия ученого-энциклопедиста. Многие годы Менделеев со свойственной ему энергией пропагандировал идею индустриализации России, видел в ней единственный путь движения к экономическому процветанию и народному благосостоянию. Труд на пользу роста русской промышленности он считал одной из трех своих служб Родине, наряду с работами в области естествознания и преподавательской деятельностью.

Интерес Менделеева к общим вопросам социально-экономического развития России складывался постепенно. Первой обобщающей работой ученого в этой области стал доклад «Об условиях развития заводского дела в России», сделанный на открытии торгово-промышленного съезда в Москве (1882 г.). Об этом выступлении впоследствии он писал: «Считаю, что с этого момента мое отношение к промышленности России получает ясную определенность, сказавшуюся в 1890–1899 годах»¹. Доказывая историческую необходимость индустриализации в России, Менделеев указывает на таможенный тариф как на одну из мер поддержки отечественной промышленности: «Без первоначального покровительства, конечно, нельзя ждать даже того, чтобы на внутренних рынках свои заводы могли соперничать с готовыми уже западными заводами <...> А когда заводы вырастут, можно действовать и на английский манер, проповедуя свободную торговлю». При этом, однако, ученый выступал против покровительства отдельным лицам и предприятиям, что, по его мнению, «скорее возбуждает не предприимчивость, а искательство»².

По образному выражению одного из биографов ученого, Менделеев «все время держал ногу в экономическом стремлении»³, и когда в конце 1880-х гг. настало время разработки таможенного тарифа, этой святой святынь экономической политики любого государства, он сразу был готов приступить к такой грандиозной работе. К этому времени после фритредерских увлечений 1850–1860 гг. таможенная политика России стала приобретать строго протекционистский характер. По отношению к стоимости ввезенных в страну товаров таможенные пошлины составляли: в 1857–1868 гг. — 18 %, в 1869–1876 гг. — 13 %, в 1877–1880 гг. — 16 %, в 1881–1884 гг. — 19 %, в 1884–1890 гг. — 28 %⁴.

В литературе существуют различия в понимании целей и характера таможенной политики России 1880-х гг. Н. Н. Шапошников видел в ней «рецидив меркантилизма и огульный протекционизм»; П. Б. Струве — взаимодействие фискализма и протекционизма, которое привело к созданию таможенной системы, окончательно оформившейся в 1891 г.; М. Н. Соболев признавал в ней доминирующей фискальную цель, полагая, что именно она была «блестяще осуществлена при величайшем напряжении платежных сил народной массы»⁵. Несмотря на различие в оценках, ясно, что, наряду с протекционными соображениями, интересы фиска являлись определяющими при осуществлении таможенных мер — увеличение государственных доходов было потребностью каждого дня.

Начало своего непосредственного участия в работе по пересмотру тарифа Менделеев вспоминал так: «В сентябре 1889 г. заехал, по-товарищески, к И. А. Вышнеградскому, тогда министру финансов, чтобы поговорить по нефтяным делам, а он предложил мне заняться таможенным тарифом по химическим продуктам»⁶. Ознакомившись с материалами, подготовленными для предстоящего пересмотра общего таможенного тарифа, Менделеев убедился, что рассмотрение тарифа какого-либо разряда привозных товаров в отдельности, без связи со всеми остальными, может не принести желаемого результата, потому что «теснейшая взаимная зависимость всех частей промышленности составляет одно из явлений, наиболее ясно выражающихся во всем современном промышленном движении»⁷. У ученого возник замысел составления проекта общего тарифа всех товаров, соответствующего состоянию и потребностям русской промышленности, что предполагало разработку принципов таможенной политики, а также системы распределения товаров, в которой выступала бы их взаимная связь. Менделеев, понимая, что от

предстоящего пересмотра тарифа во многом зависит промышленное будущее страны и ее экономическая независимость, «живо принялся за дело, овладел им и напечатал этот доклад к рождению» 1889 г.⁸

Разработка проекта потребовала изучения большого материала по экономике промышленности и сельского хозяйства, внешней торговле, сопоставления разнообразной информации, обработки обширных статистических данных. В декабре 1889 г. докладная записка «Связь частей общего таможенного тарифа. Ввоз товаров» — первая крупная работа Менделеева по тарифному вопросу — была представлена министру финансов. Впоследствии ученый оценивал ее так: «Этим докладом определилось многое в дальнейшем ходе, как всей моей жизни, так и в направлении обсуждений тарифа, потому что цельность плана была только тут. С. Ю. Витте сразу стал моим союзником, а за ним перешли и многие другие»⁹. Продолжая заниматься тарифными проблемами, Менделеев в октябре 1890 г. представил Вышнеградскому обширное «Добавление к докладной записке, относящейся к связи частей таможенного тарифа». Представленные доклады и их обсуждение быстро сделали Менделеева основной фигурой среди приглашенных разработчиков тарифной реформы. В 1891 г. ученый участвовал в заседаниях совещания и комиссии по тарифному вопросу и был, по словам В. И. Ковалевского, «духовной осью всей работы <...> по созданию промышленного протекционизма»¹⁰. В феврале 1891 г. он представил Вышнеградскому записку «О таможенной пошлине на серу и серный колчедан», весной — работал экспертом в Департаменте государственной экономики Государственного совета.

В острых дискуссиях Менделееву удалось отстоять главные принципы своего проекта, они не затерялись в многочисленных замечаниях, поправках и легли в основу общего таможенного тарифа Российской империи по европейской торговле. 27 мая общее собрание Государственного совета одобрило таможенный тариф, 11 июня 1891 г. он был высочайше утвержден и 1 июля введен в действие, став кульминационным пунктом протекционистской политики России (в 1891–1900 гг. таможенное обложение составило 33 % стоимости ввозившихся в страну товаров)¹¹. Современники и исследователи отечественной экономической истории не без оснований называли этот тариф «менделеевским».

В 1891–1892 гг. появился «Толковый тариф или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года» — главное произведение Менделеева по проблемам таможенно-тарифной политики. Как следует из предисловия, «Толковый тариф» «назначается быть по возможности краткою справочною книгою для тех, кому не чужды промышленные интересы страны»¹². Он представляет собой подробные комментарии к таможенному тарифу с экономическим обоснованием принятых в нем ставок обложения по отдельным видам товаров, описанием состояния основных отраслей и выяснением перспектив их развития. Широкий круг использованных источников, обширность представленного материала, тщательность его обработки и систематизации сделали «Толковый тариф» своеобразной экономической энциклопедией пореформенной России.

«Тарифными делами» Менделеев занимался весьма увлеченно. «Какой я химик, я — политико-эконом; что там «Основы», вот «Толковый тариф», это — другое дело», — говорил он полушутя¹³. Позднее в одном из писем ученый вспоминал, что дело пересмотра и выработки таможенного тарифа «поглотило в свое время (1890–1892 гг.) все мое внимание и ответило моим самым заветным мыслям»¹⁴.

Свою позицию Менделеев определял четко: «Я считаю долгом <...> открыто и громко сказать, что стою за рациональный протекционизм». Он подчеркивал, что не противопоставляет протекционизм фритредерству, считая обращение к ним целесообразным в определенных исторических условиях. Ученый писал: «Фритредерский образ действия подходит лишь к странам, уже укрепившим свою заводско-фабричную промышленность; <...> протекционизм как абсолютное учение есть такой же рационалистический вздор как и абсолютное фритредерство, и <...> протекционный способ действия совершенно уместен ныне для России, как был уместен и для Англии в свое время, когда ей грозило остаться разоренным и бедным островом Атлантического океана»¹⁵.

Менделеев видел сущность протекционизма не в высоте пошлин на ввозимые товары и, тем более, не в запрете ввоза, а в создании экономических условий для развития промышленности. Ученый пришел к выводу о том, что правильным «толковым» тарифом следует считать только такой, в котором каждый вид и род товаров обсужден в отдельности, а не в какой-либо теоретической абстракции — фритредеров или протекционистов. На конкретных примерах Менделеев показывает, сколь благотворно может быть разумное и выдержанное покровительство для России, которая уже переросла земледельческий период своей истории. Целью его тарифа было развитие и защита тех видов отечественных производств, которые доставят народу прочный заработок, а стране необходимые то-

вары. При этом, учитывая ограниченные возможности России в использовании свободных капиталов и специалистов, Менделеев считал необходимым «избрать немногие, но коренные промышленные дела, которые должны, вместе с ныне уже существующими, составить зерно предстоящего промышленного движения России» (угольная, металлургическая, машиностроительная, химическая отрасли)¹⁶. При разработке тарифа, по его мнению, следует исходить из того, что, во-первых, «таможенный тариф всегда будет делом времени, условий и обстоятельств страны, к которой прилагается», во-вторых, «от тарифа можно ждать вполне благоприятных плодов лишь тогда, когда он установлен прочно, когда к нему есть возможность приноровиться и когда его система отличается целостностью», в-третьих, тариф должен «ясно указывать всем и каждому его истинные цели и те начала, которые определяют размеры его таможенных окладов»¹⁷.

В статье «Оправдание протекционизма» (1897 г.) Менделеев предостерегал от узкого понимания покровительственной политики и сведения ее только к одним таможенным пошлинам. По его мнению, «протекционизм подразумевает не их только, а всю совокупность мероприятий государства, благоприятствующих промыслам и торговле и к ним приравливаемых, от школ до внешней политики, от дороги до банков, от законоположений до всемирных выставок, от бороньбы земли до скорости перевозки <...> Он обязателен и составляет общую формулу, в которой таможенные пошлины только малая часть целого». В статье получила развитие и другая основополагающая идея Менделеева — признание необходимости активного воздействия государства на экономику. Ученый подчеркивает, что государство обязано возбуждать, содействовать и охранять промышленность и торговлю своей страны всеми возможными способами. Годы, прошедшие после принятия тарифа 1891 г., по мнению Менделеева, показали правильность избранного курса в таможенной политике: тариф не уменьшил ввоза, таможенные доходы возросли, а вместе с ними возросли и общие доходы государства¹⁸.

В то же время в высказываниях Менделеева нельзя не увидеть некоторое преувеличение роли протекционистской политики государства и возможностей ее благотворного воздействия на экономику. Он явно идеализировал индустриальное развитие, утверждая, что «если видно впереди мерцание зари общего мира и правомерного распределения возможного для стран и людей благополучия, то не иначе, как через посредство той же промышленности»¹⁹. Справедливо обращая внимание на всеохватывающий характер капитала, Менделеев переоценивал его возможности в решении ключевых проблем мирового сообщества: «У капитала нет отечества: он как и более высокие виды человечности — религия, художества, науки — всемирны, назначен к мирному объединению людей и к уравниванию стран»²⁰.

Сторонники курса на индустриализацию в среде высшей бюрократии высоко ценили Менделеева как ученого и общественного деятеля, стремились полнее использовать потенциал этой незаурядной личности. Особенно активно Менделеев сотрудничал с Витте в годы, когда тот занимал ключевые посты во властной иерархии и, опираясь на «высочайшую волю», в значительной мере определял экономическую политику империи. Идея «воспитательного протекционизма» Ф. Листа — таможенной защиты молодых отраслей национальной промышленности, пока они не достигнут уровня международной конкурентоспособности — стала ведущей в экономической политике нового министра. В осуществлении этой политики Менделееву принадлежала значительная роль.

Ученый оказал значительное влияние на подготовленную в 1893 г. в финансовом ведомстве программу развития отечественной промышленности и торговли, участвовал в разработке таможенного тарифа 1903 г. Без заключения Менделеева не осуществлялось ни одно сколько-нибудь важное мероприятие, касавшееся торговли и промышленности. Его деятельность в этой области характеризовалась исключительным многообразием. Подготовку аналитических записок и заключений для министерств и ведомств ученый совмещал с работой на торгово-промышленных съездах и выступлениями в научных обществах; создание капитальных трудов (или глав в трудах) — с поездками для изучения отдельных экономических регионов страны; участие в многочисленных правительственных совещаниях и комиссиях — с выяснением состояния и экспортного потенциала конкретных отраслей и производств; работу на всемирных выставках и международных научных форумах — с газетными интервью и полемикой в прессе. На рубеже веков, когда в практике международной торговли ясно обнаружился переход ведущих мировых держав от автономной таможенной политики к системе конвенционных тарифов, Менделеев много внимания уделял подготовке торговых договоров с другими странами.

В конце 1890-х гг. в условиях очередного обострения борьбы по проблемам экономического развития страны Витте счел необходимым прибегнуть к авторитету Менделеева, но уже с целью воздействовать на самого Николая II. В 1897 г. ученый по просьбе министра направил императору письмо, в котором высказывался за сохранение преемственности и последовательности в экономической политике (курс на индустриализацию завещан Александром III), обосновывал умеренность и строгую

обдуманность покровительственной системы в России, признавал неизбежность жертв протекционизма и т. д.²¹ За первым последовали еще два письма на высочайшее имя с доводами в пользу покровительственной системы и привлечения в страну иностранных капиталов (1898, 1901 гг.). По свидетельству самого Менделеева, его обращения «приняты были государем хорошо и некоторое действие произвели», а письмо об иностранных капиталах «государь пометил во многих местах и приказал напечатать и передать некоторым членам Государственного совета»²².

В 1902 г. в связи с работой Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности Менделеев представил в Министерство финансов докладную записку, в которой настаивал на борьбе с предрассудком об антагонизме между сельским хозяйством и фабрично-заводской промышленностью, подчеркивал важность «нормальной комбинации сельского труда с заводско-фабричным».

Менделеевский план индустриализации на основе «рационального протекционизма» был так же противоречив, как и, по сути, проводимая на основе этого плана экономическая политика Витте. Не отрицая, разумеется, значения подъема индустриального сектора, следует признать, что «насаждение» промышленности без последовательных и, главное, результативных преобразований в деревне, реформ в социальной и политической сферах не могло не привести к нарастанию структурных диспропорций и, в конечном счете, к кризису всей социальной системы. Кроме того, реализация программы форсированной индустриализации уже в среднесрочной перспективе встречала серьезные затруднения, обусловленные спецификой российской политической надстройки. Веря в силу и действенность государственного вмешательства в экономическую жизнь, Менделеев считал возможным «сверху» развязать частную инициативу и поддержать конкурентную предпринимательскую среду. Однако объективная логика ускоренного развития приводила как раз к обратному — поощрению крупнейших фирм, имеющих наилучшие производственные показатели. Результатом были не только «особые» отношения между бюрократией и крупным капиталом (коррупция), но и те самые вскормленные государством монополии, об опасности появления которых предостерегал ученый, видя в них главное «зло» капитализма. Показательна в этом отношении отечественная нефтяная промышленность, на впечатляющие успехи которой в конце XIX в. часто указывал Менделеев (в 1898–1901 гг. Россия была мировым лидером по нефтедобыче). Оптимистические прогнозы ученого относительно развития этой отрасли не подтвердились. Оказавшись во власти монополий, она вступила в период длительного спада, обеспечивая, однако, высокую норму прибыли для нефтепромышленников.

По справедливому замечанию А. И. Скворцова, суждения Менделеева по вопросам таможенно-тарифной политики и его деятельность в этой сфере, рисовавшая ученого скорее как экономического политика, встречали «гораздо чаще осуждение общества, чем одобрение». «В то время еще у русских ученых-экономистов считалось нелиберальным или даже антинаучным признавать законность таможенного обложения: в символ веры большинства наших экономистов входило еще поклонение свободе торговли. Но, конечно, не Д. И. [Менделеев] мог испугаться выступить против общераспространенного мнения, раз он признал его заблуждением»²³.

Менделееву приходилось опровергать обвинения в том, что его деятельность по пропаганде идей индустриализации была обусловлена личной заинтересованностью в делах определенных компаний. В 1905 г. он отмечал, что свою задачу видел в привлечении капиталов к промышленности, «не мараясь соприкосновением с ними. Вот я — чрез И. А. Вышнеградского, в союзе с С. Ю. Витте — и стал протекционистом <...> Пусть тут меня судят, как и кто хочет, мне не в чем каяться, ибо ни капиталу, ни грубой силе, ни своему достатку я ни на йоту при этом не служил, а только старался и пока могу буду стараться — дать плодотворное, промышленно-реальное дело свое стране <...> Науки и промышленность — вот мои мечты <...>»²⁴.

Профессор химии Л. А. Чугаев в одном из первых исследований жизни и творчества Менделеева характеризовал его не только как гениального естествоиспытателя, но и как глубокого знатока промышленности, особенно русской, оригинального мыслителя в области учения о народном хозяйстве, как ученого, обладающего государственным умом, «которому, к сожалению, не суждено было стать государственным человеком, но который видел и понимал задачи и будущее России лучше представителей нашей официальной власти»²⁵. В этой характеристике нашли отражение те стороны личности Менделеева, которые с особой силой проявились в его деятельности по разработке и осуществлению таможенно-тарифной политики России. «Тарифные дела» оказались областью соединения естественнонаучного, экономического и социального знания, синтеза теории и практики, к чему всегда стремился ученый.

Примечания

- ¹ Архив Д. И. Менделеева. Т. 1: Автобиограф. материалы: Сб. док. Л., 1951. С. 68–69.
- ² Менделеев Д. И. Об условиях развития заводского дела в России. СПб., 1882. С. 18, 43.
- ³ Смирнов Г. В. Менделеев. М., 1974. С. 264.
- ⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1968. Т. 5. С. 142, 323.
- ⁵ Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после Революции. М.; Л., 1924. С. 18; Струве П. Б. Торговая политика России: Лекции. СПб., 1913. С. 238; Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. 842, 850.
- ⁶ Архив Д. И. Менделеева. С. 80.
- ⁷ Связь частей общего таможенного тарифа. Ввоз товаров: Докл. записка члена Совета торговли и мануфактур Д. Менделеева. СПб., 1889. С. VII.
- ⁸ Архив Д. И. Менделеева. С. 80.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Ковалевский В. И. Воспоминания / Публ. Л. Е. Шепелева // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1991. Вып. 2. С. 39.
- ¹¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 5. С. 323.
- ¹² Менделеев Д. И. Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. СПб., 1892. С. X.
- ¹³ Вейнберг Б. П. Из воспоминаний о Дмитрие Ивановиче Менделееве как лекторе. Томск, 1910. С. 14.
- ¹⁴ Архив Д. И. Менделеева. С. 33.
- ¹⁵ Менделеев Д. И. Толковый тариф... С. VIII.
- ¹⁶ [Менделеев Д. И.] Связь частей общего таможенного тарифа... С. IX.
- ¹⁷ Там же. С. VII.
- ¹⁸ Менделеев Д. И. Оправдание протекционизма // Новое время. 1897. 11 июля.
- ¹⁹ Менделеев Д. И. Толковый тариф... С. I.
- ²⁰ Д. И. Менделеев — Николаю II. Ноябрь 1898 г. (Научный архив Д. И. Менделеева при СПбГУ (НАМ СПбГУ). 1-я б-ка. Т. 1050. Док. 7. С. 10).
- ²¹ Д. И. Менделеев — Николаю II. Июнь 1897 г. (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–8 об.).
- ²² Архив Д. И. Менделеева. С. 105, 129.
- ²³ Скворцов А. И. Менделеев как экономист // Русская мысль. 1917. № 2. Отд. 2. С. 65, 66.
- ²⁴ Архив Д. И. Менделеева. С. 36.
- ²⁵ Чугаев Л. А. Дмитрий Иванович Менделеев: Жизнь и деятельность. Л., 1924. С. 15.

М. Б. Балова

ВВЕДЕНИЕ КАЗЕННОЙ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ И СОЗДАНИЕ МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПИТЕЙНЫМ СБОРОМ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1817–1819 гг.

Доходы от торговли спиртными напитками на протяжении длительного времени являлись одним из важнейших источников пополнения государственного бюджета. Изучение истории государственного регулирования винокурения и виноторговли в России показывает, что периоды казенной продажи вина сменялись откупной системой, при этом некоторые исследователи отмечают своеобразную цикличность этого процесса¹. Эффективность той или иной системы во многом зависела от деятельности соответствующих органов управления и чиновников разного уровня, призванных следить за соблюдением законодательства, причем зачастую определяющую роль играли именно местные чиновники, поскольку они были непосредственно связаны с производителями и продавцами спиртных напитков.

К началу XIX в. в России существовала система винных откупов, окончательно оформленная Уставом о вине 1781 г. Она предусматривала передачу монопольного права на торговлю алкоголем на определенной территории частным лицам (откупщикам) посредством торгов. Поступления от винной торговли в периоды господства откупной системы, по оценкам историков, составляли в первой половине XIX в. от 20 до 29 % доходов государственной казны, а в начале 1860-х гг. достигали 46 %². Тем не менее государство периодически забирало торговлю вином в свои руки, и очередной шаг в этом направлении был сделан 2 апреля 1817 г. принятием Устава о питейном сборе, который вводил в 29 российских губерниях систему казенной продажи вина, просуществовавшую до 1827 г.

Основными причинами принятия этого решения являлись бюджетный дефицит и рост злоупотреблений и финансового влияния откупщиков. По мнению министра финансов Д. А. Гурьева, идеолога новой системы, «содержатели откупов, умножая свои прибыли на счет народа и казны и мало-помалу соединяя в небольшом числе рук великие капиталы, из сборщиков дохода превратились в распорядителей оного в свою пользу. Ведая одни настоящее количество сборов, они предписывали

условия, на которых обещали уделять казне только такую часть оных, какую желали, ибо хотя и производились торги, но по малому соперничеству весьма в редких случаях открывался действительный доход, какой получать было можно. Не довольствуясь сим, они удерживали из условленного в контракте определенного платежа весьма значительные суммы и под разными предложениями накапливали чрезвычайные недоимки. Присовокупляя к сему злоупотребления и притеснения всякого рода к усилению распродажи питей, ими вводимые, и, невзирая на все меры, правительством предписанные, продолжавшие свое действие во вред внутренней промышленности и цельности доходов, надлежит, наконец, удостовериться, что образ взимания питейных сборов посредством откупов достиг той степени неустройства, которая делает их более нетерпимыми»³.

«Устав о питейном сборе» и «Учреждение для управления питейного сбора в 29 великороссийских губерниях на основании устава» вступали в действие с 1819 г., таким образом, полтора года отводилось на проведение подготовительных мероприятий, прежде всего непосредственно в губерниях. Изучение вопроса о подготовке на местах к введению казенной продажи вина и в том числе о создании государственных учреждений по управлению питейным сбором, представляет особый интерес, так как позволяет глубже проанализировать причины, по которым государство было вынуждено достаточно быстро вновь вернуться к откупной системе торговли спиртными напитками.

Согласно Уставу 1817 г.⁴ предметами питейного сбора являлись хлебное вино («хлебное вино» или «вино» — термин, который использовался в этот период для обозначения алкогольных напитков, изготавливаемых на основе зерновых) и хлебные водки (хлебное вино, обладающее дополнительным вкусом, ароматом или цветом), виноградные и фруктовые водки, пиво и мед. Производство вина должно было осуществляться на казенных и частных заводах с последующей поставкой в казенные магазины для оптовой продажи виноторговцам и производителям хлебных водок. Вино, продаваемое из казенных магазинов, должно было быть не ниже полугара (38°). Для винокуренных заводов устанавливался минимум ежегодного производства — 2000 ведер, для водочных заводов — 1000 ведер.

На производство фруктовых водок устанавливался акциз в зависимости от количества произведенной продукции, которое заводчик должен был объявлять ежегодно казенной палате. Заявленный заводчиком объем водки, предполагаемый к производству, вносился в свидетельство, после чего определялся размер ежемесячных платежей. С производства пива и меда также взимался акциз, но уже в зависимости от количества используемых для производства котлов (с каждого котла объемом 72 ведра), что также фиксировалось в специальных свидетельствах. Отказ производителей от уплаты установленного на год акциза был возможен только в том случае, если им удавалось доказать, что они не смогли произвести заявленное количество продукции в силу не зависящих от них обстоятельств.

Устав жестко регламентировал продажу вина. Оптовая продажа сосредоточивалась в руках государства, розничная отдавалась в частные руки. С винокуренных заводов вино поставлялось в казенные магазины по цене, определяемой раз в два года на торгах. Оттуда оно продавалось виноторговцам (оптом не менее 40 ведер) и производителям хлебных водок (оптом не менее 200 ведер) по установленной государством цене (сначала 7 руб. за ведро, с 1820 г. — 8 руб.). При этом виноторговцам на каждое ведро делалась скидка 20 коп., и они обязаны были продавать из питейных домов производить по этой же установленной цене. Настойки и наливки они имели право продавать на 2 руб. дороже. Хлебные и фруктовые водки, пиво и мед с заводов, пивоварен и в питейных домах продавались по свободной цене. Кроме этого, была разрешена розничная продажа по свободной цене фруктовых водок в ренсковых погребах, пива и меда в портерных лавочках. Устав также разрешал продажу для распития на месте всех видов напитков, кроме хлебных, в трактирах, кухмистерских столах, кофейных домах и в гостиницах при почтовых дворах.

Для перехода на новую систему требовалось наличие в губерниях достаточного количества оборудованных помещений для хранения и казенной продажи вина. Планировалось, что для этой цели будут использованы существующие казенные магазины в губернских и уездных городах, а также дистанционные подвалы в уездах. Министерство финансов рассчитывало, что приведение их в надлежащее состояние не потребует больших затрат. Но реальная ситуация на местах оказалась хуже предполагаемой. Условиями о содержании питейных сборов с 1803 по 1819 г. было установлено, что держатели сборов, принимая для использования казенные винные магазины, обязаны их содержать и ремонтировать за свой счет и сдавать казне или другим держателям в том состоянии, в котором они их принимали. Однако откупщики не считали необходимым тратить деньги на эти цели, и многие магазины требовали не просто ремонта, а новой постройки.

Министерству финансов пришлось выделить казенным палатам средства на оборудование мест для хранения вина, а там, где не было возможности, на наем соответствующих помещений у частных лиц. Для Архангельска в 1818 г. эта сумма составила 1250 руб., для семи уездных городов — по 500 руб., всего

— 4750 руб.⁵ Этих денег было явно недостаточно, и в Министерство финансов из губерний сразу стали поступать ходатайства о выделении дополнительных средств. В ответ на это 8 июля 1818 г. последовал Указ Сената «О средствах к исправлению питейных домов, пришедших в ветхость», в котором предписывалось казенным палатам произвести полный осмотр казенных винных магазинов, привести их в исправность, а необходимые для этого средства взыскать с откупщиков⁶.

В Архангельской губ. каменные магазины существовали только в губернском городе, а в уездных для этой цели использовались деревянные магазины и земляные выходы. Дистанционных подвалов, принадлежащих казенному ведомству, ни в одном уезде Архангельской губ. не было, а откупщики нанимали их у обывателей. В Архангельске существующие помещения позволяли организовать хранение 110000 ведер, в Холмогорах — 10800, в Шенкурске — 12040, в Пинеге — 4400, в Мезени — 6800, в Онеге — 12000, в Кеми — 5000, в Коле — 2400, всего по губернии — 163440 ведер вина⁷. Но даже каменные магазины требовали ремонта, а деревянные находились в таком ветхом состоянии, что их было опасно использовать. После осмотра выяснилось, что в Онеге и Холмогорах необходимо строить новые магазины, а помещения для дистанционных подвалов придется нанимать у частных лиц. Архангельская казенная палата запросила в Министерстве финансов дополнительно 7 тыс. руб., однако было выделено только 5 тыс. и дано указание любыми путями востребовать возмещение расходов с откупщиков⁸.

С учетом состояния помещений для хранения на 1819 г. было определено следующее количество вина для продажи в городах Архангельской губ.: Архангельск — 105000 ведер, Холмогоры — 13600, Мезень — 5500, Кемь — 3000, Кола — 2450, Шенкурск — 13600, Пинега — 5700, Онега — 7000, всего 155850 ведер. Кроме этого было установлено еще 33150 ведер для продажи в дистанционных подвалах в местностях, которые находились далеко от городов: Холмогорский у. — 8600 ведер, Мезенский — 8500, Кемский — 1700, Кольский — 2150, Шенкурский — 5400, Пинежский — 2300, Онежский — 4500, всего по дистанционным подвалам — 33150 ведер. В итоге общее количество вина для продажи в казенных магазинах Архангельской губ. должно было составить 189000 ведер⁹. Для этого уже в середине 1818 г. в Архангельскую губ. был отправлен спирт с вятских винокуренных заводов, поэтому срочно были необходимы не только помещения для его хранения, но и чиновники, которые должны были его освидетельствовать и принять на хранение. Таким образом, новая система организации производства и продажи вина требовала быстрого создания на местах соответствующей системы управления и надзора.

Управление питейным сбором в соответствии с «Учреждением для управления питейного сбора в 29 великороссийских губерниях на основании устава» было сосредоточено в Департаменте разных податей и сборов Министерства финансов. В губерниях учреждались отделения питейного сбора в казенных палатах и подчиненные им уездные правления питейного сбора. Отделение питейного сбора в казенной палате возглавлял советник, управляющий питейным сбором. Отделение состояло из четырех столов: в ведении первого находились подряд, прием и хранение вина в магазинах, определение и увольнение чиновников уездного правления питейного сбора, определение числа и местонахождения питейных домов; второй стол собирал сведения о количестве производимого и продаваемого вина, занимался выдачей свидетельств на продажу казенных печатей, контролировал поступление платежей в казну; третий стол осуществлял функции надзора за заключенными с казной контрактами, за питейной продажей, выдавал ярлыки на провоз вина и водки, вел судебные дела о нарушении Устава; четвертый стол вел полностью учет поступающих в казну доходов, осуществлял расчеты с винными поставщиками¹⁰.

Штаты отделений питейного сбора были учреждены одновременно с Уставом 2 апреля 1817 г. В Архангельской казенной палате в отделении питейного сбора полагалось 10 чиновников¹¹:

Отделение питейного сбора в Архангельской казенной палате	Количество человек	Оклад (руб. в год)	Всего в год (руб.)	На 1818 г. (руб.)
Советник	1	1500	1500	1000
Чиновники для разных поручений	2	750	1500	1000
Столоначальники	4	250	1000	666
Сторожа	2	100	200	133
Журналист	1	200	200	133
Расходы на канцелярских служителей	По мере надобности		3000	2000
Канцелярские расходы			1000	500
На разъезды			2000	1000
Итого по отделению	10		10400	6432

Советником по отделению питейного сбора в Архангельской губ. был назначен чиновник департамента Министерства финансов титулярный советник Рыбкин. На 1818 г. вместо двух чиновников для разных поручений был назначен один — коллежский секретарь Черетьев, столоначальником первого и второго стола — губернский секретарь Постников, третьего и четвертого — титулярный советник Евдокимов. Причиной сокращения числа чиновников послужило не только то, что работа в полном объеме должна была начаться только с 1819 г., но и отсутствие достаточного количества опытных чиновников. Обязанности же казенных палат были просто огромны: заготовка вина, включая проведение торгов и заключение контрактов, организация его хранения, определение количества питейных домов и их месторасположения, выдача установленных свидетельств, надзор за винокурением и виноторговлей, контроль поступления доходов, хозяйственное управление казенными винокурными заводами и т. п.¹²

Непосредственное осуществление перечисленных функций возлагалось на уездные правления питейного сбора. В них председательствовал надзиратель, в штате находились его помощники и винный пристав. Помощники осуществляли надзор за питейным производством и продажей в городе и уезде, винный пристав заведовал приемом, хранением и продажей вина из казенного магазина¹³.

В Архангельском уездном правлении полагалось 13 чиновников, несколько больше чем в других уездах¹⁴:

Уездное правление питейного сбора в Архангельске	Количество человек	Оклад (руб. в год)	Всего в год (руб.)	На 1818 г. (руб.)
Надзиратель	1	1000	1000	666
Помощники надзирателя	5	500	2500	1666
Винный пристав	1	400	400	266
Сторожа	2	100	200	133
Отставные унтер-офицеры (для рассылок по разным надобностям в городе и уезде)	4	125	500	333
Расходы на канцелярских служителей	По мере надобности		1000	666
На разъезды			2000	1000
На наем дома			600	300
На канцелярские расходы			500	250
Итого по правлению	13		8700	5280

В остальных семи уездах Архангельской губ. штат правлений состоял из 10 чел.¹⁵:

Уездные правления питейного сбора Архангельской губ.	Количество человек	Оклад (руб. в год)	Всего в год (руб.)	На 1818 г. (руб.)
Надзиратель	1	600	600	400
Помощники надзирателя	3	300	900	600
Винный пристав	1	300	300	200
Сторожа	2	50	100	66
Отставные унтер-офицеры (для рассылок по разным надобностям в городе и уезде)	3	100	300	200
На канцелярских служителей	По мере надобности		500	333
На разъезды			1000	500
На наем дома			300	150
На канцелярские расходы			300	150
Итого в 1 уезде	10		4300	2599
Итого в 7 уездах	70		30100	18193

В целом по Архангельской губ. расходы на управление питейным сбором по утвержденным штатам составили 49200 руб. в год, из них 29905 руб. было выделено в 1818 г., чтобы можно было срочно набирать людей, поскольку заниматься организацией хранения, освидетельствованием и приемом вина было фактически некому¹⁶.

Всего в Архангельской губ. предстояло определить на службу 93 чиновника по питейному сбору. Это было очень большое количество, учитывая, что в первой четверти XIX в. сохранялась проблема укомплектованности штатов губернских и уездных учреждений. На должности уездных надзирателей министр финансов Д. А. Гурьев рекомендовал приглашать местных дворян, «кои заслужили общее доверие и уважение, и коих хозяйственные занятия не могли бы отвлечь от исправления сих должностей»¹⁷. Однако из восьми назначенных надзирателей только в Архангельское уездное правление был определен дворянин, чиновник департамента государственных имуществ по лесным операциям надворный советник В. А. Йогель. В остальные уезды надзирателями были назначены чиновники из других отделений казенной палаты, из портовой таможни, а в Онежский у. вообще находящийся не у дел титулярный советник П. Я. Прохоров. Большинство из них происходили из обер-офицерских детей, четверо имели чин титулярного советника (IX класс), остальные коллежского (X класс) или губернского секретаря (XII класс)¹⁸.

Еще сложнее обстояло дело с помощниками уездных надзирателей и винными приставами. Для того, чтобы решить эту проблему, Д. А. Гурьев «признав сколь нужным по недостатку опытных чиновников, столько же для питейного с 1819 года сбора полезным разрешить определение людей из свободных состояний в помощники уездных надзирателей», подписал у императора соответствующее представление¹⁹. На основании этого в губерниях был объявлен набор в помощники надзирателей и винные приставы желающих чиновников и представителей податных сословий.

Архангельская казенная палата приняла решение «сообщить Архангельскому губернскому правлению, дабы благоволило о высочайшем разрешении определения людей из свободных состояний в помощники уездных надзирателей питейного сбора через кого следует распубликовать в Архангельской губернии с тем, чтобы кто из оных или из чиновников в здешней губернии находящихся пожелает быть определенным в помощники уездных надзирателей и в винные приставы являлись в сию палату сего года в будущих апреля и в начале мая месяцев, где и будут сортированы, кого и куда назначить по способностям»²⁰. Чиновники должны были иметь аттестаты о службе и поведении, купцы и мещане предоставляли аттестаты от городского магистрата или ратуши, «казенные или удельные крестьяне от своего начальства, а помещичьи — от своего помещика или управителя, что они поведения хорошего, в худых поступках не замечены, ни за что судимы и наказываемы не были, казенные и обывательские повинности отправляли бездоимочно, и что потому к определению по питейному сбору допущены быть могут <...>»²¹

В итоге на должности винных приставов в городах были назначены чиновники, имевшие чин от коллежского регистратора до титулярного советника, т. е. от XIV до IX класса Табели о рангах²². Из 26 помощников надзирателей оказалось 12 мещан, 5 государственных крестьян и 9 чиновников, из которых 3 были переведены с других должностей, а 6 «находились не у дел»²³. Получить надлежащий аттестат, как правило, не составляло особого труда, а надзиратели рекомендовали на должности помощников и приставов удобных им людей, заранее обеспечивая себе возможность для злоупотреблений. В результате к службе в уездных правлениях питейного сбора, на которые ложилась основная нагрузка по осуществлению перехода на новую систему, были привлечены люди, зачастую не имевшие ни профессиональных, ни высоких личностных качеств.

Таким образом, можно говорить о том, что государство приступило к введению казенной продажи вина, не имея ни торговых точек, ни административного аппарата, который должен был проводить мероприятия по реализации основных положений Устава 1817 г. Штаты губернских и уездных учреждений по управлению питейным сбором формировались наспех, правительство столкнулось с проблемой нехватки кадров и было вынуждено разрешить назначать на должности в уездных правлениях представителей податных сословий. Набранный в таких условиях штат чиновников питейного сбора явно не соответствовал тем сложным задачам, которые были возложены на него государством.

Введение казенной продажи вина дало эффект только на начальном этапе — в 1819 г., по некоторым оценкам, доходы казны увеличились на 10 млн. руб.²⁴ Однако в последующие годы они стали снижаться из-за повышения цены на вино и злоупотреблений чиновников. Уменьшалась и продажа вина: в 1819 г. было продано 18,5 млн. ведер, в 1825 г. — 11,9 млн. ведер. Чистая прибыль в 1823 г. составляла 69,6 млн. руб., в 1825 г. — 64,9 млн. руб.²⁵ Министр финансов Е. Ф. Канкрин, критикуя существовавшую казенную торговлю, отмечал факты, когда чиновники имели подвалы для корчемного вина, содержали питейные дома через подставных лиц, брали взятки за выдачу свидетельств и указывал, что «<...> казенное управление показало то важное неудобство, что все злоупотребления по этой части обращались непосредственно в упрек правительству, сословие чиновников развращалось <...>»²⁶. По его настоянию правительство Николая I приняло решение с 1827 г. снова

перейти к откупной системе. Одной из основных причин возврата к откупам явилась невозможность сформировать на местах надежный чиновничий аппарат, который мог бы осуществлять надлежащим образом функции управления и надзора за производством и продажей вина.

Примечания

- ¹ Мартынов А. С. К истории государственного регулирования водочного вопроса // Административное право и процесс. 2007. № 6. С. 36–41.
- ² Зиновьев В. П. Традиции сибирского винокурения в XVIII–XIX вв. // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. История. 2008. № 1. С. 14; Гавлин М. Л. Роль винных откупов в формировании крупных капиталов в России: Конец XVIII–XIX вв. // Экономическая история: Обзорение. М., 2001. Вып. 6. С. 98–102.
- ³ Фридман М. И. Винная монополия в России. М., 2005. С. 21–22.
- ⁴ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 34. № 26764.
- ⁵ ГААрхО. Ф. 51. Оп. 8. Т. 4. Д. 13. Л. 12.
- ⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. № 27400.
- ⁷ ГААрхО. Ф. 51. Оп. 8. Т. 4. Д. 13. Л. 16.
- ⁸ Там же. Л. 88–90.
- ⁹ Там же. Л. 17–18.
- ¹⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 34. № 26764.
- ¹¹ Там же. Т. 44, ч. 2: Кн. штатов. Отд. 4. С. 21; ГААрхО. Ф. 51. Оп. 8. Т. 4. Д. 16. Л. 54–55.
- ¹² ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 34. № 26764.
- ¹³ Там же. С. 152, 165–172.
- ¹⁴ ГААрхО. Ф. 51. Оп. 8. Т. 4. Д. 16. Л. 54–55.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. Л. 52 об.
- ¹⁸ Там же. Д. 9. Л. 1, 10, 20, 28, 54, 57, 61, 62.
- ¹⁹ Там же. Д. 12. Л. 1–1 об.
- ²⁰ Там же. Л. 2–2 об.
- ²¹ Там же. Л. 3–3 об.
- ²² Там же. Д. 15. Л. 6, 37, 42, 48, 65, 67, 73, 82, 87.
- ²³ Там же. Д. 10. Л. 1, 6, 9, 16, 19, 44, 46–49, 56, 59, 63, 69, 82, 84, 92, 96, 106, 113, 121, 129, 144, 158, 164.
- ²⁴ Мартынов А. С. К истории государственного регулирования... С. 36–41.
- ²⁵ Фридман М. И. Винная монополия в России. С. 24–25.
- ²⁶ Там же. С. 24.

Е. В. Банникова

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ТОРГОВЛЕ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ (Первая половина XIX в.)

Первая половина XIX в. была особым периодом в российской внешней торговле, поскольку складывающаяся в это время международная ситуация кардинальным образом изменила устоявшиеся ранее направления торговых путей, порядок, сложившийся на внешнем рынке. Во многом эта трансформация была вызвана событиями, происходившими как в самой Великобритании, так и в англо-русских отношениях: промышленным переворотом в Англии конца XVIII в., наполеоновскими войнами в Европе, континентальной блокадой Англии. Восточное направление внешней торговли в этой ситуации стало для России наиболее перспективным. «На западе Россия граничит с государствами, значительно опередившими ее в промышленном отношении, — писал один из российских экономистов XIX в., — и поэтому она может сбывать продукты своей промышленности только на восток, но развитие торговых сношений с Азией важно и в политическом отношении уже потому, что таким путем дикие азиатские племена приучаются к миру и сближаются с Россией»¹. Однако и в Азии Россия сталкивалась с английской короной, поскольку Британская империя, владевшая в этом регионе мира обширными колониями, не желала иметь здесь никаких конкурентов и очень ревниво относилась к появлению в непосредственной близости от своих территорий представителей других европейских стран.

Тем не менее внешняя торговля на азиатском направлении в первой половине XIX в. стала одной из приоритетных сфер интересов российских властей. В ней соединялись стремления обеспечить развивающейся отечественной промышленности рынки сбыта, получить прибыль от внешнеторговых операций и укрепить позиции России на Востоке в пику стремящейся к тому же Англии. Так, в «Заметках» П. Небольсина указывалось на то, что, ознакомившись с положением дел на среднеазиатских рынках, «мы

потом уже и сами будем в состоянии посылать в Среднюю Азию свои караваны, наводнять своими товарами рынки наших добрых знакомцев и, вытеснив отовсюду британские изделия, предпринимать другие, более смелые планы»². Хотя надо сказать, даже в начале XIX в. Россия уже достаточно активно вывозила свою продукцию через азиатскую границу. По сведениям западного наблюдателя, непосредственно познакомившегося с состоянием торговли в странах Средней Азии, там «нет ни одного дома и ни одной кибитки, где нельзя было бы найти какого-либо изделия из России. Наиболее значительную часть импорта составляют чугунные котлы и кружки для воды, которые ввозят из Южной Сибири и с фабрик Урала; только на их транспортировке в Бухару, Ташкент и Хиву занято ежегодно более 5 тыс. верблюдов. Вслед за чугуном следует упомянуть необработанное железо и медь, русские ситцы, перкаль, муслин, чайники, оружие, скобяные изделия и сахар. Сукно по причине его высокой цены покупают очень немногие, и встречается оно редко. Названные товары вывозятся из Бухары и Карши не только во все местности Туркестана, но даже в Меймене и Герат и дальше, в Кандагар и Кабул. Хотя последние два города находятся ближе к Пешавару и Карачи, предпочтение отдается все же русским товарам, несмотря на то что они во многом уступают английским»³.

При этом политико-стратегические задачи России на азиатском направлении являлись приоритетными и вполне четко осознавались ее западными конкурентами. «Так как Россия уже несколько столетий владеет землями, которые граничат с северными областями Туркестанской пустыни, — писал А. Вамбери⁴, — обширные торговые связи были главной причиной того, что Россия больше остальных соседей следила за событиями в трех ханствах и что ее политические устремления могут окончиться только полным их захватом. Тот факт, что планы русских осуществляются здесь медленно, хотя и верно, можно объяснить только естественными препятствиями. Три среднеазиатских ханства — это недостающие звенья той огромной татарской империи, присоединение которой начал в России Иван Васильевич (1462–1505). Со времен Петра Великого это присоединение продолжает проводиться втайне, но неуклонно»⁵. Европейская дипломатия признавала несомненные успехи России в ее продвижении в Азию и даже высказывала определенные опасения по поводу пределов этого продвижения. «<...> Я никак не могу свыкнуться с мыслью, что Англия должна равнодушно смотреть на приближение русских к ее индийским владениям», — писал Вамбери⁶.

Представители российской стороны, напротив, считали, что правительство обращает недостаточно внимания на Среднюю Азию. В сочинении В. В. Григорьева был дан краткий обзор внешней политики России на азиатском направлении с конца XVIII до середины XIX в. По его мнению, «к концу екатерининского царствования неудовлетворительность познаний наших об Азии и проистекавшая отсюда неудовлетворительность действий признаны были, по-видимому, и самим правительством <...>». В первой четверти XIX в. «политика наша по отношению к Средней Азии была, и по целям, и по приемам, и по результатам, столь же безуспешна и мало достойна России, как и в XVIII. Никакими властолюбивыми замыслами мы не задавались; никого не стремились ни покорять, ни присоединять; все заботы наши ограничивались скромною целию добиться равноправности в торговых сношениях с мелкими оседлыми владениями Узбекистана, но и той, несмотря на все старания, никак не удавалось нам достигнуть»⁷.

«Скромные» цели российского правительства в то же время распространялись довольно далеко. В «Записке» оренбургского губернатора Дмитрия Васильевича Волкова (1763–1764) об Оренбургской губ., в частности, говорилось: «Комерцию с бухарцами и хивинцами, а со времени может быть и до самой Индии, распространить не кажется мне никогда делом невозможным, но требует оно многих политических и экономических распоряжений, а к прожектированию оных человека поверенного, к производству ж в действо персону весьма уполномоченную»⁸. «Если пути в Индию оттого только затруднительны и опасны, что много живет по дороге разных своевольных народов, к хищничеству и грабежу жаждущих, то не пугаться сими затруднениями и опасностями, но верить, что трудом и искусством все преодолено быть может <...>»⁹. По словам председателя Оренбургской пограничной комиссии Григория Федоровича Генса, в 1811 г. «бухарцы привозили в Россию: перец, гвоздику, сахар рафинад и английския сукна. Сие необыкновенное явление произошло от тогдашней континентальной системы, и что доказывает возможность сношений России с Индиейю прямо через Оренбург»¹⁰. Таким образом, официальные власти если и не стремились целенаправленно к организации постоянных торговых контактов с Индией, то, по крайней мере, не отвергали такой возможности в принципе.

Автор «Краткого рассуждения о торговле», изданного в Петербурге в 1808 г., заявлял, что если Россия, «начав непосредственный торг с Ост-Индией», не будет создавать там колоний, если будет преследовать там исключительно торговые, а не завоевательные цели, «то любовь к порядку, кротость и справедливость в поведении и поступках ея, несомненно приобретет любовь сего народа и доставит ей великия выгоды, и действительно большия, нежели какия получают оттуда прочие евро-

пейцы, оказавшие себя там хищниками и утеснителями»¹¹. В опубликованном в середине XIX в. «Рассказе троического 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем» также говорилось, что даже «при настоящем положении дел, когда Англия слишком уже далеко зашла с своей политикой, в соседственных к Ост-Индии странах, и теперь еще можно ей противоборствовать. С Бухарой англичане, особенно ныне, потеряв кредит у бухарских купцов доставлением к ним самых негодных изделий, ничего не могут сделать; до Коканда им трудно дойти; на западные границы Китая их не пустят; Хивой нам нечего дорожить, потому что, и без Хивы, мы можем нанести удар английской торговле в соседстве самой Индии. Дорога в Кашмир для нас всегда может быть открыта. Задоблив в свою пользу местные китайские власти, мы можем овладеть всею торговлею Западного Китая и хозяйничать в Чугучаке, Кульдже, Аксу, Турфане, Яркянде, Тибете и Кашмире: а оттуда прямой и близкий путь в Пешаур»¹².

Иностранцы также отмечали успехи политики России на азиатском направлении. По словам Вамбери, «Россия поддерживает самые обширные и регулярные сношения со Средней Азией; поэтому русскую торговлю можно назвать самой старейшей и наиболее значительной; она постоянно растет, и по крайней мере в этой сфере русским трудно найти соперника. Как необычайно быстро развивается русская торговля в Средней Азии, мы лучше всего можем увидеть из следующих вполне достоверных данных. В своем сочинении, появившемся в 1843 г., Ханыков рассказывает, что для транспортной торговли ежегодно используется 5–6 тыс. верблюдов, что импорт из Средней Азии составляет 3–4 млн. руб., а экспорт, равный в 1828 г. 1180600 руб., возрос в 1840 г. до 3283654 р. 25 к. <...> Дж. Оэвилл Ламлей сообщает в подготовленном с усердием и знанием дела отчете под названием “Report on Russian Trade in Central Asia” (1862), что в 1840–1850 гг. экспортная торговля увеличилась до 1014237 ф. ст., импорт возрос до 1345741 ф. ст.»¹³.

В отчете Вамбери подчеркивалось, что тот «факт, что английская торговля все-таки вытесняется русской, можно, по нашему мнению, объяснить следующими причинами: 1) русские торговые связи с Татарией насчитывают уже столетия, английские же в сравнении с ними можно назвать новыми, а упорная приверженность жителя Востока ко всему привычному и старому достаточно известна; 2) будучи соседями, русские лучше знают вкус среднеазиатского населения, чем английские фабриканты Бирмингема, Манчестера, Глазго и т. д. Этому злу можно было бы помочь только в том случае, если бы европейский путешественник мог передвигаться более свободно, чем теперь, в тех областях, где опасность представляет не только Бухара, но и Афганистан; 3) дорога через Герат, несмотря на все ее природные удобства, сильно отпугивает иностранных купцов из-за грабительской политики тамошних правительств, <...> Поэтому в той части Средней Азии, по которой мы путешествовали, мы нашли, в силу приведенных обоснований, английскую торговлю гораздо менее значительной, чем русскую <...>»¹⁴.

Постепенно из сферы торговых интересов Азия стала перемещаться в сферу интересов военных и дипломатических. В ноябре 1832 г. в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел обсуждалась ситуация в Афганистане. Поводом к обсуждению стало прибытие на Оренбургскую линию посланника от кабульского шаха Дост-Мохаммеда с просьбой о помощи против англичан, поддерживающих противников правителя Кабула. Было высказано мнение о том, что если Афганистаном с помощью британской армии завладеет британский ставленник, «то Афганистан вполне подчинится восточно-индейскому Обществу и англичанам до самой Бухары останется один только шаг: Средняя Азия может подчиниться их влиянию; азиатская торговля наша рухнет; они могут вооружить против нас при удобном случае соседние к нам азиатские народы, снабдить их порохом, оружием и деньгами, а этого только не доставало, чтобы ничтожных противников наших превратить в опасных врагов». Если же покровительство России удержит имеющегося правителя на престоле, то «он без сомнения из признательности останется добрым приятелем нашим и врагом англичан, он разобьет их от Средней Азии, положит преграду торговому властолюбию их, усмирит хивинцев, а если нужда потребует — и бухарцев и будет способствовать распространению нашей торговли»¹⁵. Результатом обсуждения стало решение об отправке в Афганистан русского посольства во главе с Иваном Викторовичем Виткевичем, которое, согласно секретной инструкции Азиатского департамента Министерства иностранных дел, должно было собрать сведения о стране, выяснить динамику русско-афганской торговли, а также убедить афганских правителей в пользе их совместных действий с Россией¹⁶. Учитывая обстоятельство, что Афганистан в то время являлся сферой влияния Англии, действия российского внешнеполитического ведомства можно охарактеризовать как весьма решительные.

По возвращении из Кабула Виткевич был направлен в Бухару — крупнейшее и наиболее населенное государство в Средней Азии, занимавшее к тому же центральное место и в географическом положении. Через это ханство пролегали торговые пути в Персию, Афганистан, Индию и другие

страны. Бухарские купцы были очень активны на российских рынках, и экономические связи с Бухарой играли важную роль в торговле России с азиатскими государствами. У российского правительства вызывало беспокойство появление в Средней Азии большого количества английских товаров, привозимых из Индии и Афганистана, а также активизация в этом районе английской разведки. Однако опасения на тот момент были большей частью напрасными. Как писал в своих «Записках» И. В. Виткевич, «Англичане заменить и вознаградить бухарцам торговли с Россией не могут, эта вещь несбыточная, как я уже упомянул выше, по двум причинам: во-первых, англичане железа, меди, чугуна, юфти и других русских товаров доставлять бухарцам не в состоянии уже по отдаленности и трудности пути; во-вторых, им брать взамен своих товаров нечего; звонкой монеты в Бухаре нет; золото все идет из России, серебро из Кашгара, за русские же товары, и произведения Бухары все в излишестве находятся во владении англичан. Мы, напротив, легко могли бы распространить круг торговли своей до самого Мультана [город в английских колониальных владениях в Северной Индии — *Е. Б.*] и вытеснить английских промышленников из целой Средней Азии. Наш путь ближе, наши произведения и товары в большем ходу и славе, и мы можем вывозить из Средней Азии много предметов, между которыми бумага всегда займет первое место; ныне благоприятствует нам еще одно вовсе неожиданное и не многим известное обстоятельство. Дост Мохаммед-хан, владетель Кабулистана, ищет покровительства России и готов сделать в пользу нашу все, что от него потребуют; и наконец, что также не многим известно, товары наши во всей Средней Азии, до самой Индии, ценятся выше английских; довольно странно, что английские ткани, заготавливаемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать ни даже самого поверхностного сравнения с русскими. Все ситцы их и другие бумажные ткани жидки, редки, до невероятности, и только полощены и подклеены; в холодной воде краска сходит и остается тряпка. Я сам сначала не верил этому, но убедился, наконец, собственными глазами, будучи в Бухаре, куда также завезены уже товары англичанами, хотя сбыт их плохой, потому что товары плохи. Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны, наконец, занять место наших, и торговля наша упадет еще более»¹⁷.

Сопровождавший Виткевича в этой поездке Петр Иванович Демезон придерживался на счет английских товаров в Азии несколько другого мнения: «Из Индии в Бухарию ввозится довольно большое количество английских товаров, — писал он в своем отчете, — такие, например, как золотая парча, муслин, хлопчатая материя, ситец и расписные цветами или в полоску ткани. Большая часть золотой парчи привозится через Кокан. Два или три года назад англичане нашли другой путь для доставления своих товаров в Бухарию — через Персию. Последний караван, прибывший из Мешхеда в Бухару во время моего пребывания в этом городе, привез три больших тюка с английскими тканями — расписными холстами, ситцем, муслином и прочим. Эти ткани лучшего качества, чем привозимые в Бухарию из России, и легко раскупаются. Пробная эта торговля, собственно говоря, приносит мало выгоды, но очевидно свидетельствует о постоянных усилиях английских купцов полностью завладеть торговлей в этой части Азии, которая в скором времени может быть наводнена английскими товарами»¹⁸. Демезон также отмечал, что англичане были встревожены распространившимися в Индии слухами о планах России захватить Хиву и Бухару, ответом на которые и явилась попытка Британии посадить на афганский престол своего ставленника.

В 1839 г. действительно был предпринят знаменитый Хивинский поход В. А. Перовского. Результаты его были плачевны, но до того, как в Англии стало известно о неудаче, «английская журналистика до того всполошила общественное мнение, парламентские дебаты отличались такою страстностью, что царствовавшее тогда министерство вигов вынуждено было принять ряд мер, завлекших Англию далеко за пределы благоразумия и осторожности, — писал М. А. Терентьев¹⁹. Англичане ответили на Хивинский поход военными действиями против афганского правительства, закончившимися еще более трагично, нежели поход Перовского для России. В результате Афганистан стал представлять собой обширную территорию, разделяющую владения двух европейско-азиатских великих держав — Российской и Британской империй.

Продвижение российских границ на юго-восток вызывало в английской прессе ожесточенные нападки на «чрезмерное честолюбие» России, ее «беспрестанные интриги» против Англии, «наступательные планы» России в отношении британских владений в Индии. С другой стороны, определенная часть английского общества утверждала, что Англия должна радоваться тому, «что Россия, вступив на этот безконечный путь завоеваний, борьбы и присоединений, принуждена растрчивать свои силы и средства, создавать для себя внешние осложнения, задерживать и ослаблять непрерывный ход своего внутреннего развития!»²⁰ Президент Королевского географического общества в Лондоне сэр Родерик Мурчисон выступая 22 мая 1865 г. в годичном собрании заявил, что деятельность России в Средней Азии совершенно тождественна деятельности Великобритании в Индии и преследует цель

«наказать беспорядки» в степях Азии. Слухи о вторжении русских в английскую Индию, — подчеркнул Мурчисон, — «есть чистая химера, если только не физическая невозможность»²¹. Однако тех, кто спокойно смотрел на поступательное движение России в Азию и разделял убеждения Мурчисона о полезности «умиротворения Азии русскими штыками», было немного, да и те делали это «лишь по невозможности остановить наше движение»²².

Таким образом, на территории Средней Азии в первой половине XIX в. велась постоянная, но, как правило, тайная борьба между двумя сильнейшими государствами Европы — Британией и Россией. Обе империи преследовали в указанном регионе и экономические, и стратегические цели. У каждого из участников этой политической игры имелись свои козыри. Для англичан это были качественные товары, предлагаемые для продажи в Азии. Россия использовала свое выгодное геополитическое положение. После поражения в Крымской войне российское внешнеполитическое ведомство стало окончательно рассматривать Азию как арену борьбы с Англией. Именно в Азии Россия должна была продемонстрировать свою имперскую мощь и достичь паритета с западными колониальными державами. Тогда на первый план вышли экспансионистские устремления российского генералитета. Неудача попыток экономического освоения азиатского региона в первой половине XIX в. вызвала необходимость военных операций против Хивы, Бухары и Коканда, осуществленных во второй половине столетия. Русско-английские отношения, которые в первой половине XIX в. можно было охарактеризовать как напряженно нейтральные, окончательно испортились и перешли в плоскость острой конкуренции.

Примечания

¹ *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 53.

² *Небольсин П. И.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 186.

³ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии // Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/WAMBERI> [23.07.2009]. С. 233.

⁴ Арминий Вамбери — венгерский путешественник, совершивший в 1863–1864 гг. путешествие по странам Средней Азии, с 1861 г. член-корреспондент Венгерской академии наук. В 1864 г. опубликовал книгу о своих странствиях «Путешествие по Средней Азии». Она была переведена почти на все европейские языки. Первый русский перевод этой книги (с некоторыми сокращениями) был опубликован в Петербурге в 1865 г. Затем он был дважды переиздан в той же сокращенной редакции в Москве (в 1867 и 1874 гг.). Новый русский перевод, на который приводятся ссылки в данной статье, был осуществлен специалистами Института востоковедения РАН.

⁵ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. С. 237.

⁶ Там же. С. 238.

⁷ *Григорьев В. В.* Русская политика в отношении к Средней Азии: Ист. очерк. [СПб.], 1874. С. 21–23.

⁸ Записка Дмитрия Волкова об Оренбургской губернии 1763 г. // Вестник ИРГО. СПб., 1859. Ч. 27, № 9. С. 50.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ ГАОренО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

¹¹ *Василевский С. В.* Краткое рассуждение о торговле. СПб., 1808. С. 91–92.

¹² *Небольсин П. И.* Рассказ троичского 2-й гильдии купца Абдул-Вали Абдул-Вагапова Абу-Абубакирова о путешествии его с товарами из Троицка в Чугучак и о прочем // Географические известия. СПб., 1850. Вып. 3, № 7/9. С. 403.

¹³ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. С. 220.

¹⁴ Там же. С. 233–234.

¹⁵ Материалы об экспедиции Виткевича в Тегеран через Афганистан (ОР РНБ. Ф. 356. Д. 45. Л. 1 об.–2 об.).

¹⁶ Секретная инструкция Азиатского департамента МИД г-ну поручику Виткевичу (Там же. Л. 11–14 об.).

¹⁷ Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно, 1836 г. // Открытая русская электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://orel3.rsl.ru/nettext/22.02.06/dem_i_vit/v_zar.htm. С. 110–111 [на 23.07.2009 ресурс недоступен].

¹⁸ *Демезон П. И.* Записки его превосходительству военному губернатору Оренбурга господину генерал-лейтенанту Перовскому // Открытая русская электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: http://orel3.rsl.ru/nettext/22.02.06/dem_i_vit/d_ego_p.htm. С. 25 [на 23.07.2009 ресурс недоступен].

¹⁹ *Терентьев М. А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875. С. 209.

²⁰ *Мартенс Ф. Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880. С. 24.

²¹ Там же. С. 25–26.

²² *Терентьев М. А.* Россия и Англия в Средней Азии. С. 243.

УНИФИКАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Ликвидация таможенной линии между Царством Польским и Российской империей в 1850 г. не было только следствием унификационной (русификаторской) политики, но прежде всего результатом общеевропейского либерального движения (именовавшегося фритредерством или лесеферизмом). Такой тезис до сих пор возбуждает в Польше сомнения. Тем не менее сторонники либерализма, помимо борьбы с таможенными пошлинами, стремились вообще уменьшить роль государства в экономике. Но либерализм, что мы, к сожалению, видим даже сегодня, не вызывает самобытного регулирования рынка и ведет к циклическим кризисам¹.

Нет сомнения, что торговля имеет самое важное значение для развития рыночных отношений и промышленности, особенно торговля внешняя. Можно процитировать актуального и сегодня Антония Окольского, который в 1884 г. писал: «Зарубежная торговля сильно влияет на развитие просвещения, знания, на развитие всех общественных отношений. Не подлежит сомнению, что через торговлю с зарубежными странами одни нации заимствуют от других понятия, известия, изобретения, обычаи и устройства. Через торговые отношения разносится с чрезвычайной скоростью не только материальные имущества, но и моральные ценности, часто между отдельными, а даже и вражескими обществами и нациями. Торговля способствует устанавливанью отношений не только между отдельными людьми, но и между нациями, уничтожает делящие их предубеждения, производит общие дела, из неприятелей делает друзей, влияет на облагораживание человеческого общества»².

Эта статья посвящена государственному влиянию на торговлю Царства Польского. Можно определить следующие главные способы, при помощи которых государство влияет на развитие торговли: 1) торговое право и государственные учреждения, с ним связанные; 2) таможенные тарифы, пошлины, подати, сборы; 3) создание торговых учебных заведений; 4) международные торговые конвенции; 5) банки и кредитные учреждения; 6) создание и развитие транспортных средств и средств связи. Надо заметить, что последняя мера имеет прежде всего стратегическое значение. В данной статье сосредоточим наше внимание на первом способе.

Организация торговли и купечества в Царстве Польском в первой половине XIX в.

Происходящие из средневековья гильдии мало-помалу ликвидировали, видя в них препятствие в развитии торговли. Признание принципа свободы промышленности и торговли стало причиной отмены ограничений в проведении торговли. Все государства к концу 1870-х гг. упразднили гильдии и установили в отношении свободы торговли только такие ограничения, которые исходят из гражданского права. Первым государством, которое установило свободу торговли, была Франция, упразднившая во время революции всякие корпорации, в том числе и купеческую. Французский торговый кодекс 1807 г. (*Code de commerce*) установил принцип свободы торговли. Этот Кодекс, введенный впоследствии в Герцогстве Варшавском в 1809 г., был первой кодификацией торгового права в современном значении³.

Кодекс состоял из четырех книг. Первая — «О торговли вообще» (ст. 1–189) — заключала законы, касающиеся торгующих (разд. I); купеческих книг (разд. II); компаний (разд. III); имущественных отношений между супругами, если один из них занимается торговлей (разд. IV «О разделении имущества»); бирж, торговых агентов, обмена, маклеров (разд. V); основных торговых действий (комиссионных магазинов, перевозки и продажи) (разд. VI); покупки и продажи (разд. VII); законов о векселях (разд. VIII). Книга вторая — «О морской торговле» (ст. 190–436) — не касалась Царства Польского, поэтому в этом издании не напечатано соответствующих статей. Книга третья — «О несостоятельности и банкротствах» (ст. 437–614) — включала пять разделов: I. О несостоянии; II. О передаче имущества (об отказе от имущества в пользу кредиторов); III. О повторном приобретении (об исключении из имущества несостоятельного купца чужих предметов); IV. О банкротях; V. О восстановлении чести и возможности торговли. Показательно, что это была наиболее обширная книга (с. 106–180). В ней был сделан упор на безопасность торгового оборота. Надо заметить, что дела, не зафиксированные в этом кодексе, регулировались Кодексом Наполеона. Книга четвертая — «О торговом правосудии» (ст. 615–648) состояла из четырех разделов: I. Об учреждении Торговых трибуналов; II. О власти Торговых трибуналов; III. О судопроизводстве Торговых трибуналов; IV. О судопроизводстве Апелляционных судов⁴. В Царстве Польском существовал только один Торговый трибунал в Варшаве, в других же городах обязанности этих судов выполняли Гражданские трибуналы⁵.

Торговый Кодекс существовал в Польше по 1934 г., а его изменения и дополнения касались лишь некоторых частей. Так, уже в 1817 г. было введено корпоративное устройство купечества. В

каждом большом городе были созданы Купеческие собрания, возглавляемые Присутствием, в состав которых входили старший и подстарший (от купечества на три года), чиновник магистрата и комиссар. Желаящие заниматься торговлей должны были: 1) доказать перед президентом или бургомистром право на поступление в городское общество; 2) предъявить свидетельство на мастерство или 3) заявить, что торговля будет вестись через лицо, отвечающее вышеупомянутым условиям; 4) доказать, что имеют по крайней мере на 6000 злотых собственного имущества. Президент или бургомистр были обязаны выдать разрешение на торговлю, за которое надлежало внести плату в купеческую кассу: оптовикам — 300, а другим купцам — 180 злотых. При этом были определены права и преимущества купеческих учеников и подмастерьев. Остатком бывшей свободы была статья 60-я: торговля внутренними товарами без всяких ограничений дозволена каждому лицу⁶. В том же году в Варшаве, Плоцке, Люблине и Калише были учреждены Торговые палаты, главная задача которых состояла в даче советов властям относительно развития торговли⁷.

В 1823 г. новый закон разделил купцов и мелких торговцев. По образцу России зарубежной торговлей могли заниматься только купцы, т. е. такие торговцы, которые вели бухгалтерские книги на основании Торгового Кодекса. Мелкие торговцы, которые вели контрольные книги, могли покупать зарубежные товары только через посредничество купцов. Задачей этого Постановления было усиление контроля за внутренней торговлей и обеспечение доходов казны⁸.

Перемены 1850-х гг.

10 ноября 1850 г. был издан указ, который ввел чрезвычайно существенные изменения в торговле Царства Польского. Во введении к этому законодательному акту читаем: «В постоянном попечении Нашем о развитии торговли и промышленности, Мы признали за благо, для вящего облегчения как заграничных торговых сношений, так и внутренних между Нашими верноподданными в Империи Российской и Царстве Польском, издать для Империи и Царства один общий таможенный тариф, со снятием в то же время внутренней между оными таможенной линии». Тариф был введен в действие как в Империи, так и в Царстве с 1 (13) января 1851 г. Одновременно была снята таможенная линия между Империей и Царством, а в последнем введено российское таможенное управление⁹. Правительство установило также другие законы, которые должны были унифицировать торговлю Царства с имперской. Среди них надо отметить указ, определяющий подробные правила введения в действие в Царстве Польском российских мер и весов¹⁰. Присоединение Царства к российской таможенной территории теоретически ликвидировало до сих пор существовавшее своеобразие Польши в области внешней торговли. Потребности польской экономики при установлении и осуществлении российской таможенной политики во внимание не принимались¹¹.

Следующим шагом Петербурга было введение в Царстве Польском двух купеческих гильдий, впредь до учреждения третьей, согласно существующим в России узаконениям. Этот закон, по определению Совета управления Царства, был назначен к введению в действие с 19 сентября (1 октября) 1851 г. Поводом для учреждения гильдий было стремление к приведению в единообразную по возможности систему торговое сословие в Империи и Царстве. Это узаконение состоялось по представлению наместника в Царстве¹². В Империи этот Устав был опубликован только после сенатского указа от 24 марта 1852 г. «О распубликовании Устава о купеческих гильдиях в Царстве Польском». В нем были определены (ст. 20–26) права и преимущества, присвоенные гильдейским купцам Царства в пределах Империи и купцам Империи в пределах Царства.

Устав распался на четыре раздела: 1) О торгующих, записанных в гильдию; 2) О торгующих, не состоящих в гильдиях¹³; 3) О приказчиках; 4) О взысканиях за нарушение правил настоящего Устава. Торгующие были разделены на два разряда: гильдейские и негильдейские. Первым дозволено было покупать товары из-за границы, вести оптовую торговлю и заниматься банкирскими делами. Купцы делились на две гильдии. В гильдии было запрещено вступать духовным, чиновникам, нижним воинским чинам, банкротам, лишенным прав. В отличие от купцов первой гильдии, купцы второй не могли заниматься банковским делом и не имели права привозить из-за границы товаров за один раз более чем на 15 тыс. руб. серебром, а в течение года — не более как на 90 тыс. руб. серебром. С этого времени купцы Царства могли свободно торговать в Империи.

Patent na Kupca Gildyi 1-szej.

Патент купца первой гильдии в Царстве Польском

Все купцы в Царстве подвергались рекрутскому набору (ст. 9), а освобождались от него по переселению на постоянное жительство в Империю. И наоборот: «жители Империи, переселяющиеся в Царство на постоянное жительство и записывающиеся в том же Царстве в одну из купеческих гильдий, освобождаются от рекрутской повинности в Царстве, доколе будут оставаться в купеческом звании»¹⁴.

Что же касается приобретения прав гильдейских купцов, то здесь продолжали действовать узаконения 1817 г., но дополнительно надо было объявить купеческому обществу 15 или 6 тыс. руб. в зависимости от гильдии. В пользу казны ежегодно взималось с купцов 1-й гильдии 330 руб., а с купцов 2-й — 132 руб. серебром.

28 мая 1857 г. был установлен новый общий «Тариф по Европейской торговле для таможен Российской империи и Царства Польского»¹⁵. Применительно к Царству этот тариф ликвидировал остатки только здесь существовавших таможенных узаконений. С этого же года официальная российская таможенная статистика перестала выделять зарубежную торговлю Царства, удерживая статистическое своеобразие только для Финляндии.

С этих пор таможенная система Царства подвергалась всем тем же изменениям, что и общеимперская¹⁶. Но в Царстве при этом еще долгое время существовала автономная администрация, и полной интеграции с Империей препятствовали иная система гражданского и торгового законодательства, разное устройство крестьянского сословия и вообще другой строй общества, в частности отношение к евреям. В Царстве уход от политики протекционизма имел место еще в 1842 г., а в Империи первые шаги на этом пути были сделаны лишь в 1846 г. Тариф 1850-х гг. был отчетливым признаком перехода к либеральной таможенной политике. Этот тариф снимал запрещение ввоза многих товаров, а на другие снижал ввозные пошлины. Особенно это касалось металлических, текстильных и галантерейных изделий, до этого защищенных высоким тарифным барьером¹⁷.

Устройство купеческого сословия в России в середине XIX века

Что касается организации купечества в России, то здесь существовали разного рода запрещения и ограничения, касающиеся занятия торговлей и принадлежности к купечеству. Здесь надо сказать о нескольких указах, определяющих купеческое состояние. Во-первых, об Указе от 13 апреля 1711 г., допускающем к торговле людей всех состояний, исключая военнотружущих¹⁸, а также о «Регламенте или уставе Главного магистрата», разделяющем купцов на две гильдии¹⁹ и подтверждении этого разделения в «Инструкции магистратам» 1724 г. В последней, в частности, сказано: «В 1-й гильдии знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекары и лекары, судовые промышленники. В 2-й гильдии, которые мелочными товарами и всякими харчевыми припасами торгуют, ремесленные всяких мастеров люди и прочие сим подобные»²⁰.

Таким образом, была сделана попытка сделать купеческое сословие закрытой корпорацией. Следующим законодательным актом, касающимся нашей темы, был Манифест от 17 марта 1775 г.²¹ Он говорил уже о трех гильдиях, а купцы были освобождены от подушной подати и платили 1 % с объявленного капитала в год²². В это время регламентация доступа к гильдиям носила имущественный характер: «В первую гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит капитал выше 10000 рублей и до 50000 рублей»²³; «Во вторую гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит ка-

питал выше 5000 рублей и до 10000 рублей»²⁴; «В третью гильдию вписать всякого пола и лет, кто объявит капитал выше 1000 рублей и до 5000 рублей»²⁵. Членам первой гильдии «не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне Империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать, и покупать оптом или подробно, на основании законов»²⁶.

14 ноября 1824 г. было издано «Дополнительное постановление об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний»²⁷. Купечество в дальнейшем разделено было на три гильдии, но только членам первых двух дозволено было заниматься внешней торговлей²⁸. Были введены свидетельства на право торговли. За право торговли купца 1-й гильдии надо было заплатить 2200 руб. за свидетельство и дополнительно 100 руб. за особый билет на лавку в столицах, а в прочих местах — 75 руб. В цене свидетельства заключалось по 4 % с капитала (2000 руб.) и 200 руб. на водные и сухопутные сообщения. Купец 2-й гильдии платил 880 руб. за свидетельство и столько же за билет.²⁹ Этот законодательный акт определил условия торговли на следующий период. Именно он с начала 1850-х гг. определял положение купечества Царства Польского.

Что же касается положения купечества в России, то оно функционировало в сословном феодальном государстве. Данное обстоятельство очень ограничивало декларированный свободный доступ к торговле. Оно означало цивилизационное опоздание, которое влияло на экономическое развитие как России, так и Царства Польского. Восстановление сословного строя было для Царства Польского особенно болезненным еще и потому, что на его территории Гражданский Кодекс Наполеона установил личную свободу.

Узаконения 1824 г. просуществовали до 1863 г., когда в целях достижения единства узаконений и прав торговли было введено «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов», которое вступило в силу с 1 июня 1863 г.³⁰ Оно уравнивающим образом распределило взимаемый налог и уменьшило обложение купцов до размера пошлины за купеческое свидетельство (свидетельство 1-й гильдии — 265 руб.) и сбора за билет на право владения торговым или промышленным заведением (в зависимости от класса местности купцы 1-й гильдии платили 30, 25, 20, 15 и 10 руб.)³¹. Были определены две купеческие гильдии и два рода свидетельств: для оптового торга и для розничного. Положение удержало в силе свободу купцов от подушного оклада, рекрутской повинности и телесных наказаний³².

Некоторые изменения произошли несколько лет спустя — при издании положения от 9 февраля 1865 г. и указа от 23 мая 1868 г. В первом акте записано: «<...> опыт указал необходимость, с одной стороны, дополнить его [положение от 1 января 1863 г.], а с другой, изменить и пояснить некоторые его статьи».³³ Дополнения расширяли свободу торговли иностранными товарами, а именно: дозволяли купцам 2-й гильдии выписывать их. Однако они были «не в праве содержать контор или складов для оптовой продажи из них привозимых или отвозимых товаров». Дозволено было также всем лицам выписывать товары из-за границы для собственного потребления³⁴.

В 1866 г. было уничтожено отдельное существование финансовой администрации Царства Польского и образован особый отдел по финансам Царства Польского, упраздненный 28 декабря 1884 г.

С 1 июля 1868 г. действие ранее принятых российских положений было распространено и на Царство Польское, но с некоторыми дополнениями и изменениями:³⁵

1. Книжные лавки, магазины и библиотеки для чтения могут быть содержимы без платежа пошлин повсеместно.

2. Крестьянам в собственных усадьбах дозволяется содержать по одной лавке для торговли всеми предметами мелочного торга, без взятия свидетельств, но с уплатою пошлины за билет по местному окладу <...>³⁶.

3. Лица, занимающиеся на основании законного разрешения продажей гербовой бумаги (дистрибуторы) и билетов казенной лотереи (коллекторы), освобождаются от взятия установленных свидетельств и билетов <...>.

4. Взятые гильдейские на право торговли свидетельства могут по своему желанию вступать в состав местных купеческих обществ или оставаться в прежнем звании, пользуясь по всяком случае одинаковыми по производству торговли и промыслов правами.

5. <...> Личные права, купцам и их семействам в упомянутых 10 губерниях присвоенные, остаются на существующем основании, равно как и те местные обязанности и повинности, которые сопряжены тем с купеческим званием. <...>

8. Порядок гражданской подсудности по торговым делам, установленный действующими в упомянутых губерниях законами, остается в своей силе, <...>.

17. Во всех губернских городах упомянутых выше губерний и в городе Лодзи для местного надзора за торговлею магистраты с утверждения губернатора ежегодно назначают несколько лиц из местных купцов или торгующих по гильдейским свидетельствам. Лица сии образуют торговую депутацию <...>³⁷.

Одновременно был отменен действовавший в Царстве «Устав о гильдиях», за исключением правил, которые относятся до личных прав и преимуществ торговцев, вступивших в купеческие общества. Отменено также штемпелевание купеческих книг и выдача консенсов (Устав о гербовых сборах, ст. 18, 89–96)³⁸.

В это же время был введен в действие новый таможенный тариф (с 1 января 1869 г.). Он понизил ввозные пошлины на природные ресурсы и готовые изделия. Исключение представлял только уголь, на который установили таможенную пошлину в Царстве Польском. Этот тариф предусматривал также освобождение от таможенных пошлин товаров, вывозимых за границу, за исключением тех, которые при помощи вывозного тарифного барьера старались задержать в стране для развития их отечественной переработки. Это касалось таких ресурсов, как, например, железная руда, шерсть и т. п. Данный тариф был наиболее либеральным российским тарифом XIX в.

Перечисленные перемены в организации купеческого сословия в Царстве Польском начались, как мы отметили, задолго до снятия таможенной линии и не были полностью завершены даже к 1868 г. Тем не менее, в историографии 1850 г. воспринимается как некий главный рубеж. Такой взгляд основан на факте уничтожения таможенной линии между Царством и Империей, а также введения общего таможенного тарифа, «который заслужил даже название фритредерского, проводившего начала свободной торговли, хотя на самом деле был лишь умеренно-охранительным, оказывал умеренное покровительство существующим в России отраслям фабрично-заводской промышленности. Цель, преследовавшаяся тарифом 1868 г., была опять-таки по преимуществу фискальной: имелось в виду оживить внешнюю торговлю и увеличить таможенный доход государства. К тому же в 60-е годы развивался главным образом хлебный экспорт, хозяйственная энергия направлялась в то время все еще главным образом на сельское хозяйство, индустрия не ставилась еще на капиталистическую ногу, эпоха грюндерства только еще приближалась»³⁹.

В Царстве Польском техническая и промышленная революция произошла раньше, чем в России. Российская таможенная политика серьезно повлияла на рост вывоза товаров из Царства в Империю. Уже в 1864 г. оборот торговли с Россией составлял 42 % общего торгового оборота⁴⁰. Главным бизнес-партнером Царства был Запад, но постепенно увеличивался также товарообмен с Россией. В 1850-е гг. место Германии, основного торгового контрагента, заняла Англия, из которой приходила почти половина импорта из Запада Европы⁴¹. В противоположность экспорту на Запад, экспорт на Восток имел прежде всего промышленный характер⁴². Это не только железнодорожное оборудование, но и металлические изделия, мелкие орудия и металлическая галантерея. В свою очередь, главными товарами, ввозимыми из России, были хлопчатобумажная ткань, хлеб и пищевые продукты, такие, как табак или чай. В описываемый период Царство использовало либеральную таможенную политику для стягивания материалов, служащих развитию промышленности, что позднее способствовало ее успеху на внутреннем рынке Империи. В 1880–1910-е гг. торговля с Россией увеличилась в 11 раз, тогда как с Западом только вдвое⁴³.

Примечания

¹ Первые кризисы в 1857 и 1867 гг. охватили только торговлю, а не промышленность. Серьезным (особенно для Лодзи) был кризис 1870-х гг., но первый, который охватил все хозяйство Царства был кризис 1882 г. (см.: *Jeziński A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 2003. S. 186).

² *Okolski A.* Prawo administracyjne i prawo obowiązujące w Królestwie Polskim. Warszawa, 1884. T. 3. S. 364).

³ Дневник законов = *Dziennik praw*. Warszawa, [1816]. Т. 1. С. 239; *Kallas M., Krzymkowski M.* Historia ustroju i prawa w Polsce 1772/1795–1918: Wybór źródeł, Warszawa, 2006. S. 345–350; *Skarbek F.* Dzieje Księstwa Warszawskiego. Warszawa, 1897. Т. 2. S. 55–69; *Sobociński W.* Historia ustroju i prawa Księstwa Warszawskiego. Toruń, 1964. S. 261, 395.

⁴ *Kodeks handlowy obowiązujący w Królestwie Polskim: Nowy przekład polski wraz z jurysprudencją / Pod red. J. Namitkiewicza.* Wyd. 2. Warszawa, 1919. S. 315–318.

⁵ *Okolski A.* Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskim. Warszawa, 1884. Т. 3. S. 382.

⁶ ДЗЦП. Т. 4. С. 159–177.

⁷ Там же. Т. 3. С. 135–142.

⁸ Там же. Т. 8. С. 100–104.

⁹ Там же. Т. 43. С. 349–355.

¹⁰ Там же. С. 74–207.

- ¹¹ *Jeziński A. Handel zagraniczny Królestwa Polskiego, 1815–1914. Warszawa, 1967. S. 72.*
- ¹² Высочайше утвержденный Устав о купеческих гильдиях в Царстве Польском от 28 мая (9 июня) 1851 г. (ДЗЦП. Т. 44: (1851). С. 191–305).
- ¹³ Род торговли, известный в Империи под названием свободной торговли и торговые дела, дозволенные в Империи купцам 3-й гильдии.
- ¹⁴ Высочайше утвержденный Устав о купеческих гильдиях в Царстве Польском от 28 мая (9 июня) 1851 г. (ДЗЦП. Т. 44: (1851). Ст. 26.
- ¹⁵ ДЗЦП. Т. 50. С. 293.
- ¹⁶ Указ от 25 июля 1856 г. изменил ст. 902 и 916 таможенного устава Российской империи.
- ¹⁷ *Jeziński A. Handel zagraniczny... S. 73.*
- ¹⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 2349.
- ¹⁹ Там же. Т. 6. № 3708. Гл. VII.
- ²⁰ Там же. Т. 7. № 4624. п. 15.
- ²¹ Там же. Т. 20. № 14275. п. 47.
- ²² Там же; *Лавринович М. П. Местные элиты в России, XVIII — начало XX века // Саратовский межрегиональный институт общественных наук [Электронный ресурс]. URL: http://mion.sgu.ru/empires/docs/mestnye_text.doc [23.07.2009].*
- ²³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. № 16188.
- ²⁴ Там же. Ст. 108.
- ²⁵ Там же. Ст. 114.
- ²⁶ Там же. Ст. 104.
- ²⁷ Там же. Т. 39. № 30115.
- ²⁸ Там же. Гл. 1.
- ²⁹ Там же. С. 610.
- ³⁰ Там же. Собр. 2. Т. 38. № 39118. С этим узаконением сопряжены и другие. См.: Там же. № 39128.
- ³¹ Там же. № 39118. Местности Царства распределены по классам в следующем виде: 2-й класс — Варшава; 3-й — Калиш, Люблин и Лодзь с уездами, Варшавский у.; 4-й — Петроков, Плоцк, Ломжа, Седлец, Радом, Келцы, Сувалки и Ченстохова с уездами и уезды Варшавской губ.; 5-й — все остальные местности (ДЗЦП. Т. 68. С. 235).
- ³² ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. № 39118. Ст. 82–84.
- ³³ Там же. Т. 40. № 41779.
- ³⁴ Там же. Ст. 49–50.
- ³⁵ Там же. Т. 43. № 45890.
- ³⁶ Раньше нововведения (до 1 января 1867 г.) российская администрация взыскивала штрафы с сельских торговцев. Так, Седлецкое губернское правление обратило внимание уездных управлений, что сельские ремесленники и торговцы ведут свою деятельность без соответствующих свидетельств, а следовательно и оплаты пошлин. Луковское уездное управление на заседании 29 июля 1868 г. приняло решение о подтверждении взысканий с такой торговли на основании положения о гербовом сборе (см.: *Górak A. Spis rzemieślników i handlarzy powiatu łukowskiego z 1868 r. // Radzyński Rocznik Humanistyczny. 2001. T. 1. S. 189.*
- ³⁷ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 43. № 45890.
- ³⁸ Там же. С. 210.
- ³⁹ История России в XIX веке. СПб., [1909]. Ч. 3, т. 6. С. 72.
- ⁴⁰ *Jeziński A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. S. 193.*
- ⁴¹ *Jeziński A. Handel zagraniczny... S. 104–106.*
- ⁴² *Op. cit. S. 118.*
- ⁴³ *Jeziński A., Leszczyńska C. Historia gospodarcza Polski. S. 204*

Н. Ф. Тагирова

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТОРГОВОГО ДЕЛА
В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(На материалах мусульманских купеческих династий)**

К началу XX в. сформировались основные черты российского капитализма. Уже сказывались результаты завершившегося технического переворота и преобладания в промышленности машинного производства, начавшейся индустриализации и экономической политики, ориентированной с 1860-х гг. на поощрение рыночного хозяйствования. Российская экономика испытала на себе воздействие мирового аграрного кризиса 1870–1880-х гг., понизившего цены на главный экспортный российский товар (зерно), и мирового промышленного кризиса, совпавшего с началом нового столетия (1900–1903 гг.). Кризисные явления ускорили и подтолкнули процесс концентрации капитала и образования крупных финансовых структур, связанных с иностранным банковским капиталом, с одной стороны, российским промышленным и торговым бизнесом, с другой. В сельском хозяйстве кризис ускорил размежевание предпринимательских хозяйств (помещичьих, купеческих, крестьянских) и консервативно-традиционных.

Рыночные реалии с подъемами и кризисами становились неотъемлемой частью не только социально-экономической сферы, но и общественной жизни в целом.

Отметим, что, начиная с середины 1890-х гг. экономическая конъюнктура стала складываться более благоприятно: наблюдался рост цен на промышленные и сельскохозяйственные товары (1895–1914 гг.), увеличивалась номинальная и реальная заработная плата; инвестиции, вложенные в современные отрасли промышленности, приносили возрастающий доход.

Новшества были заметны и в торговле, способах сбора, складирования и купли-продажи товаров. Реалиями нового века, прежде всего в городах и губернских центрах, стали магазины, торговывшие разнообразным, в том числе заморским товаром, биржи, где совершались крупные оптовые сделки, учитывавшие мировой уровень цен, деятельность отечественных многопрофильных торгово-промышленных фирм и иностранных представительств. На мировом рынке Россия развивала активную торговлю.

Внутренние экономические условия для развития предпринимательства второй половины XIX — начала XX вв. определяли разные законы — Промышленный устав (1863 г.), Торговый устав (1865 г.), Положение о промысловом налоге (1898 г.), Устав вексельный, Устав кредитный, Устав судопроизводства торгового и др. Общая единая система торгово-промышленного права еще не сложилась. Несмотря на определенные противоречия, правовая среда для развития предпринимательства к началу XX в. была наиболее благоприятной, по сравнению со всеми предшествующими эпохами.

Организационно-правовые формы предпринимательства того времени были довольно разнообразны: частные единоличные или семейные предприятия, торговые дома и товарищества на вере, акционерные общества и иностранные компании, монополистические объединения и банковско-промышленные корпорации. По мере развития капиталистических отношений организационная структура российского бизнеса усложнялась: в начале XX в. простые единоличные формы предпринимательства, семейные торговые дома действовали наряду с другими, сложно организованными фирмами — паевыми и акционерными обществами, торгово-промышленными товариществами, монополистическими объединениями. В целом экономика страны была многоукладной: современный промышленный бизнес занимал свою рыночную нишу, мелкий кустарный промысел имел своего потребителя.

В многонациональной Российской империи отряд предпринимателей составляли представители разных сословий, разных этнических и конфессиональных групп, разных регионов. Институциональные и культурно-религиозные особенности народов, конечно, влияли на сферы и формы организации собственного дела. Исследователи считают, что в этот период главенствовал не экономический, а этноконфессиональный фактор, а значит, трансформация общественного сознания от традиционных форм к рыночным не завершилась¹. Другим словами, принадлежность к определенной нации, религиозной общности зачастую значили для предпринимателя в начале XX в. больше, чем доходность предприятия и получение прибыли. Думаю, что для конкретизации данного вывода важно выявлять специфику национальных институтов бизнеса (формальных и неформальных ограничителей) и способы их вхождения в российские рыночные реалии того времени.

Наиболее изучены особенности бизнеса предпринимателей-старообрядцев², немцев-колонистов³. Исследователи отмечают, что для старообрядчества характерны приверженность Рогожской общине, благотворительность, скромный быт и образ жизни, забота о работниках, занятых на предприятиях, трезвый образ жизни и др. черты. Немцам также была присуща религиозная сплоченность и отчужденность от других религиозных групп, большая работоспособность, коллективные формы организации труда (кооперативы).

История мусульманского бизнеса только начинает изучаться, причем наиболее подробно исследуется предпринимательство татар⁴. Экономические особенности и специфика бизнеса проявлялись не только по национальным и религиозным признакам, но и по регионам. Регионы огромной Российской империи различались климатическими и географическими условиями, этноконфессиональным составом населения, своей историей вхождения в Российское государство и «вхождения» в российское экономическое пространство.

Поволжье долгое время считалось внутренней окраиной, периферией и далекой провинцией Российской империи. Наиболее освоенными и заселенными были территории Казанской, Симбирской губ. (правобережье Волги). Самарское Заволжье (левобережье) как хозяйственная территория активно осваивалось начиная с XIX в. Хозяйственное освоение было связано с развитием скотоводства, а с ростом мирового спроса на зерно и особенно пшеницу постепенно стала усиливаться зерновая специализация. Заволжские степи становились хлебной житницей, а Поволжье в целом — значимой частью всероссийского аграрного рынка. К началу XX в. Поволжье — один из динамично развивавшихся экономических районов, основу которого составляло сельское хозяйство⁵.

Наряду с общеэкономическими условиями, быстрому развитию способствовало строительство и последующая эксплуатация железных дорог⁶, соединивших Поволжье со всеми регионами страны, Москвой и Петербургом, основными экспортными портами. Многие волжские города стали комплексными водно-железнодорожными пунктами, где условия для ведения бизнеса выгодно отличались от других населенных пунктов, лишенных современных благ индустриальной цивилизации.

В начале XX в. зерновое производство, скотоводство, переработка продукции животноводства определяли специализацию регионального рынка во всероссийских экономических связях. Ориентация на эту сферу экономической деятельности определила интерес к Поволжью со стороны российских и иностранных предпринимателей, крупных государственных и частных коммерческих банковских структур.

К началу XX в. в регионе уже сложилась и действовала разветвленная сеть банковских и кредитных учреждений, где можно было получить значительные кредиты и ссуды в залог имущества или товара. В губернских городах и крупных торговых центрах действовали отделения Государственных земельных банков (дворянского и крестьянского), Волжско-Камского коммерческого, Русско-Азиатского и Азовско-Донского, Санкт-Петербургского международного и Русского торгового-промышленного, Банка для внешней торговли и Северного, других столичных кредитных учреждений.

Особенности хозяйственной жизни и предпринимательства мусульман в Поволжье в начале XX в., помимо обрисованных черт, были обусловлены еще и историческими обстоятельствами. Поволжские мусульмане проживали в составе Российского государства достаточно давно, с конца XVI в., а корни истории их проживания в крае восходят к еще более ранним временам периода Волжской Болгарии. В конце XVIII — начале XIX вв. в состав Российской империи вошли территории Кавказа, Крыма, во второй половине XIX в. — Средней Азии и Туркестана, где высокой была доля мусульманского населения. В этих условиях поволжские мусульмане рассматривались российским правительством не только как опора в завязывании и развитии торговых и экономических отношений с мусульманскими народами других районов страны и сопредельными государствами (Ираном, Персией, Афганистаном, Индией), но и как «образец для других мусульман», как проводник имперской политики⁷.

В то же время мусульмане Поволжья — наиболее инкорпорированные в российскую социальную структуру и экономические отношения — оказались подверженными как христианизации (политика российского правительства по крещению татар), так и панисламизму (стремлению политической консолидации мусульманских народов для борьбы с западными странами, проводившими политику колониализма). В России среди мусульман широкое развитие получило реформаторское движение — джадидизм (обновление). Российское правительство опасалось панисламизма и тяготения мусульман к Турции, а с другой, было заинтересовано в обновлении мировоззрения мусульманских народов Российской империи. Складывалась очень сложная и своеобразная социально-экономическая и общественно-политическая среда, в которой существовал тогда мусульманский бизнес.

Для поволжских мусульман, как отмечает Р. Р. Салихов, на протяжении XVIII–XIX вв. сложились благоприятные условия развития коммерческой деятельности: возможности включения в правовое поле предпринимательства (право получения звания купечества, коммерции советника, мануфактур-советника, потомственного почетного гражданина), отсутствие прямой национальной и религиозной дискриминации в предпринимательской сфере, возможность конкурентного взаимодействия с русской буржуазией, существование особой системы координат в экономической сфере⁸.

Таблица 1

**Мусульманский состав населения (в том числе городского)
Поволжья по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.⁹**

Губерния	Самарская	Казанская	Симбирская	Саратовская	Всего
Всего населения, чел.	2751336	2170669	1527848	2405829	8855682
в %	100	100	100	100	100
В том числе татар, чел.	165191	675419	133977	94693	1069280
в %	6,0	31,1	8,8	3,9	12,1
Башкир, чел.	57242	38	20	1262	58562
в %	2,1	—	—	—	0,7

Губерния	Самарская	Казанская	Симбирская	Саратовская	Всего
Киргизов, чел.	7843	21	1	45	7910
в %	0,3	—	—	—	0,1
В том числе в городах, всего чел.	158842	185588	108049	309549	762028
в %	100	100	100	100	100
Татар, чел.	6536	35252	4123	4296	50207
в %	4,1	19,0	3,8	1,4	6,5
Башкир, чел.	127	36	4	26	193
в %	0,01	0,01	—	—	0,2
Киргизов, чел.	372	17	1	7	397
в %	0,2	—	—	—	0,05
В губернских центрах, всего чел.	89999	129959	41684	137147	398789
в %	100	100	100	100	100
В том числе: татар, чел.	2301	28520	2191	1711	34723
в %	2,6	21,9	5,3	1,2	8,7
Башкир, чел.	28	33	1	21	83
в %	0,03	0,02	—	0,02	0,02
Киргизов, чел.	1	1	—	5	7
в %	—	—	—	—	—

По обобщенным материалам первой всеобщей переписи населения 1897 г. число российских мусульман превышало 13,9 млн. чел. Народы, исповедовавшие ислам, жили преимущественно в трех регионах страны: Волго-Уральском (4–5 млн. чел.), Кавказском (3–4 млн. чел.), Казахстанско-Среднеазиатском (7–10 млн.), а также Крыму и Сибири. Поволжье являлось одним из главных районов проживания российских мусульман. Наибольшей их доля была среди жителей Уфимской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Нижегородской, Самарской, Саратовской, Оренбургской, Вятской губ. Перепись 1897 г. учитывала население по религиозному, а не национальному признаку. К магометанам (мусульманам) в крае были отнесены татары, башкиры, киргиз-кайсаки¹⁰ (см. табл.).

В целом, доля мусульман в Поволжье не превышала 13 %, наибольшую часть из них составляли татары (12,1 %). В 1897 г. в Казанской и Симбирской губ. жили татары, в Самарской, Саратовской губ. — татары, башкиры, киргизы. Доля мусульман среди городских жителей была ниже, чем в целом по региону. Мусульмане Поволжья были в основном сельскими жителями.

Место проживания, основной вид деятельности определял и главные направления предпринимательства. Современные исследователи отмечают невысокий уровень жизни крестьянства, не имевшего значительных капиталов, а потому и не помышлявших о самостоятельной хозяйственной деятельности¹¹. В недавнем прошлом государственные, удельные или помещичьи крестьяне Поволжья, получившие личную свободу в 1860-е гг., оставались хозяйничать в общине, пользовались небольшими наделами земли.

Однако часть татарского населения находила источники и возможности для предпринимательства. Главные предприниматели — купцы в Поволжье — к концу XIX в. были немногочисленным сословием (его доля в городах не превышала 2 % всего населения), а в торговле было занято гораздо больше: по данным Л. Н. Гончаренко, вместе с семьями в сфере торговли и торгового посредничества (1897 г.) было занято в Казани 17429 чел. (13,4 % от общей численности населения), Симбирске — 5490 (13,2 %), Саратове — 16904 (12,3 %), Самаре — 11976 (13,3 %), Астрахани — 18136 (16,1 %)¹²

Основные направления бизнеса были связаны с сельским хозяйством и переработкой сельскохозяйственной продукции, торговлей и промышленностью. Мусульманский бизнес, связанный с сельским хозяйством, по преимуществу — скотоводство, производство мяса, обработка продукции животноводства (выделка кож, меха и др.), а также связанные с этими основными видами деятельности отрасли вторичной переработки (мыловаренное, изготовление клея, желатина, производство сукна). Наличие этих отраслей — показатель глубокой животноводческой и агропромышленной специализации в регионе. В этом сегменте регионального рынка и активно

лизации в регионе. В этом сегменте регионального рынка и активно действовали в начале века татарские династии, проживавшие в Среднем Поволжье и Приуралье.

Особенности этого бизнеса в аграрном секторе — обязательное наличие большого поголовья скота, пастбищ, возможности быстрой первичной обработки шерсти (стрижка, мойка) на месте, в самой деревне. Заволжские степные просторы, изобилие сырья, наличие дешевой рабочей силы в лице крестьян, подрабатывавших побочными промыслами в зимние месяцы, — та благоприятная среда, в которой развивался этот бизнес.

Промышленный бизнес был связан с переработкой сельскохозяйственной продукции. В XIX в. были известны ситценабивная фабрика Ишмуратова, фабрика валяльной обуви Мулюкова, суконные и шерстомойные фабрики Дебердеева, Акчуриных¹³. Нам не известно, каков был на тот момент технический уровень всех производств, но предпринимательский их характер отрицать нельзя. Наибольшее распространение в крае получило суконное производство. Оно представляло отрасль вторичной переработки. Наличие в Поволжье таких отраслей свидетельствовало о глубокой сельскохозяйственной специализации региона, вхождении его в общероссийское рыночное пространство.

Спрос на различные виды сукна в России был всегда большой: из шинельного сукна изготавливалась одежда для российской армии, и главным заказчиком здесь выступало государство (в лице военного ведомства), а сукно других видов активно покупало мирное население. В Симбирской губ. уже в начале XIX в. действовала сеть суконных мастерских, обрабатывавших шерсть овец и верблюдов, привозимую из низового Поволжья. Мастерские работали преимущественно на военный заказ.

Симбирские суконные мануфактуры были связаны поставками сырья с животноводческими и скотоводческими фирмами Среднего и низового Поволжья, где уже сложились крупные торговые компании, занимавшиеся перегоном скота, стрижкой, мытьем шерсти, перетопкой, продажей сала. Скот, скупаемый у киргизов, оценивался очень дешево.

Позже, к концу XIX — началу XX в., общеэкономическая ситуация в Поволжье стала меняться. Спрос мировых цен на зерно, расширение посевных площадей и сокращение пастбищ создавали иные условия для предпринимателей-животноводов. Многие самарские, саратовские купцы стали ориентироваться на хлебную торговлю, обзаведение земельными владениями или промышленную переработку зерна (мукомольный бизнес). Имена самарских хлеботорговцев: Башкировых, Шихобаловых, Сурошниковых, Курлиных, саратовских мукомолов Шмидт, Борель, Рейнеке — были известны в начале века далеко за пределами региона.

Ставшее классическим для Поволжья производство сукна, стеариновых свечей, мыла, оленина, глицерина и других производств, основанных на переработке продукции животноводства, оказалось в более сложных экономических условиях. Удорожание и сокращение пастбищ, сокращение поголовья оборачивалось поисками новых источников сырья, новых рынков и партнеров. Но и в начале нового века касимовские купцы держали отары каракулевых овец в Средней Азии, их заводы по выделке мерлушек и овчин находились в Казанской губ., а магазины практически во всех крупных городах Поволжья (Максютов, Давлеткильдеев, Косров)¹⁴. Подобных примеров в исторической литературе приведено немало.

Исследователям еще предстоит выяснить, как изменение конъюнктуры повлияло на мусульманский бизнес. Казань, как центр производства кожи, меха, национальной татарской обуви, сохранила свои позиции в регионе, но и здесь перемены были неизбежны. В Самарской губ. (в конце XIX в.) и особенно Башкирии было развито кумысолечебное дело. По воспоминаниям известного краеведа К. П. Головкина, в Самаре в конце XIX в. было развито кумысолечение, причем их владельцами были Хамидов, Мухамедяров, Ишуков и Сагидов. Всего в конце XIX в., помимо известного кумысолечебного заведения Постникова, действовало еще более 10, принадлежавших мусульманским бизнесменам. Однако в начале XX в. он постепенно исчез¹⁵, что подтверждает изменение экономической конъюнктуры.

Неизменными, пожалуй, остались позиции городских торговцев, не связанных с местным производством. Л. Н. Гончаренко отметил, что во всех губернских городах в конце XIX в. три сферы торговли были главными: по числу занятых в торговле на первом месте находились разнообразные продукты сельского хозяйства, на втором месте — бессистемная торговля («без точного определения») во всех губернских городах, кроме Самары, где преобладала торговля тканями, на третьем месте — ткани, одежда (в Самаре — торговля зерновым товаром и «без точного определения»)¹⁶.

Торговля, являлась главным видом татарского предпринимательства в Среднем Поволжье в начале XX в.¹⁷ В литературе отмечено, что татарские купцы после соединения Средней Азии с Россией железнодорожным сообщением потеряли торговую монополию в этом регионе и сосредоточили свою деятельность в Среднем Поволжье¹⁸. По подсчетам Х. Х. Хасанова, чисто коммерческой торго-

вой деятельностью в России занималось 136 предприятий из 154, принадлежавших татарским предпринимателям. В каждом волжском городе (Казань, Бугульма, Чистополь, Нижний Новгород, Астрахань, Оренбург, Троицк, Орск, Самара, Саратов и др.) действовали магазины, где торговали фруктами, бакалейными и мануфактурными товарами, книгами представители татарских династий.

Известно также о наличии в каждом волжском городе бухарских дворов, где проживали торговцы из Средней Азии, либо местные мусульмане-торговцы азиатскими товарами. Торговля велась 28 видами продукции. В Самаре «в руках татарских купцов находились все более или менее приличные лавочки до лотков включительно», — отмечала казанская газета «Каспий». Магазины Ф. Муртазина (книжная продукция), Габд. Маннапова («бойкая торговля ташкентскими, крымскими, астраханскими фруктами»), Арслановых и др. имели большую известность в Самаре. Многие торговые дома, работавшие в губернских центрах, имели собственные отделения в Ташкенте, городах Сибири, иногда за рубежом¹⁹. Традиции обширной международной торговли, осуществляемой татарскими купцами через Оренбург, Астрахань, Нижний Новгород, другие города, были развиты еще в XVIII — первой половине XIX в.²⁰ В своей деятельности мусульманский бизнес был ориентирован преимущественно на среднеазиатские рынки как районы поставки сырья и фруктов, на европейские страны как рынки сбыта продукции.

Наименее изучены вопросы о занятиях предпринимателей и деловых людей просветительской деятельностью, поддержке религиозной жизни мусульманской уммы. Соединение религиозно-просветительской и торговой деятельности можно считать одной из особенностей мусульманского бизнеса.

Уникальной для Поволжья и страны в целом было издание в Самаре в 1908–1913 гг. общественно-экономического журнала на татарском языке. Его вдохновитель, организатор, редактор и автор большинства статей — самарский мулла Муртазин М.-Ф. Ш. (1875–1938). Самарский краевед К. П. Головкин отмечал, что журнал имел успех среди российских мусульман. Печатался он в Оренбурге в типографии «Хусаимова и К^о»²¹. Журнал выпускался ежемесячно, имел 6 разделов: общий отдел, торговый, промышленный и др.

Современная исследовательница Г. Н. Хисматова (1973–1998) провела библиографический анализ 1062 статей, опубликованных в журнале «Иктисад». Она сделала тематическую подборку статей по 15 разделам, выделив, помимо общих (экономика, промышленность, торговля, деревенская жизнь), частные разделы журнала (банковская деятельность, страхование, медицина, выставки, советы по ведению хозяйства и др.), а также статьи, посвященные религии и религиозной жизни мусульман России, редакционные статьи. Эта подборка дает возможность представить круг тем, обсуждаемых на страницах журнала. Тематика достаточно разнообразна и показывает широкий спектр вопросов, интересовавших читателей: что такое вексель, как взять кредит в банке, чем была интересна промышленная выставка в Мюнхене и т. д.²² Особый интерес представляет редакционная политика. Анализ заглавий статей, посвященных экономическим вопросам, свидетельствует о достаточно передовых взглядах издателей. Редакция ориентировалась на ознакомление читателей с новинками науки и техники (например, статья «Новости американской промышленности»), спецификой экономической деятельности исламского мира (2 статьи о мусульманских банках, информация о мусульманской торговой выставке в Мюнхене²³), стремилась просветить читателей об особенностях современной денежно-кредитной системы (статьи о видах кредитных документов, акциях и облигациях, о дивидендах, гарантированных акциях и облигациях и т. д.). Часть статей рассказывала о направлениях экономической политики российского правительства (о таможенных пошлинах и протекционизме). В связи с осуществлением реформы П. А. Столыпина в 1909–1911 гг. были опубликованы заметки о земельном законодательстве, землеустроительных комитетах, кооперативах и другим связанным вопросам.

Журнал постоянно информировал своих читателей о состоянии торговли в других районах Российской империи (состояние хлопкового и фруктового рынков в Фергане, Бухаре, Туркестане). Существовала постоянно действовавшая рубрика «Как торгуют в других районах».

Редактор газеты Муртазин М. Ф.-Ш. имел книжный магазин в Самаре, где продавалась литература религиозного содержания и журнал «Иктисад». В 1913 г. журнал по распоряжению правительства был закрыт.

Организационные формы мусульманского бизнеса не отличались от общероссийских. По подсчетам Х. Х. Хасанова, утвердившимся в последующей историографии, в конце века татарам-предпринимателям принадлежало не более десятка торговых домов, в 1911 г. — уже 90, в 1914 г. — 154. Подавляющее большинство из них (136) были чисто коммерческими (торговыми). 89 (57,8 %) торговых предприятий имели небольшие капиталы — до 25 тыс. руб., 39 (25,3 %) — были средними по оборотам (капитал от 25 до 50 тыс. руб.). Крупными предприятиями можно считать тех, у кого

размеры капитала колебались от 50 до 100 тыс. руб., таковых насчитывалось 18 предприятий (11,7 %). Капиталами свыше 100 тыс. руб. располагали владельцы 8 предприятий (5,2 %) ²⁴. Капиталы всех торговых домов составляли в 1914 г. 5 млн. руб., в том числе тех, кто занимался исключительно торговлей — 4 млн., промышленным производством — 1,02 млн. руб. В отечественной историографии имеются сведения о 141 промышленном предприятии, принадлежавшем татарам на 1914 г. (с годовой производительностью 72 предприятий, по которым есть сведения, 10,3 млн. руб.; на 110 предприятиях 12 тыс. рабочих). Наибольшие капиталы (4,5 млн. руб.) были сосредоточены в суконной промышленности, годовое производство товаров оценивалось в 10 млн. руб. ²⁵

Основной формой организации бизнеса были торговые дома и семейные предприятия. Именно они представляли оптимальную модель согласования индивидуальных и групповых интересов, дававших к тому же полный юридический контроль и необходимую защиту бизнеса ²⁶. При этом все больше распространение получили более сложные организационные формы бизнеса, призванные увеличивать и концентрировать капитал (товарищества на вере, на паях, акционерные общества), однако и они часто сохраняли семейно-родственные связи: в Кузнецком у. Саратовской губ. Ишмухамед Тибердеев с 3 братьями купил 3286 дес. земли, организовал суконную фабрику в селе Верхозим, ткацкое отделение в селе Пендель. В акционерном обществе 4 брата имели по 46 паев, в 1916 г. в акционерном обществе было 14 акционеров. В конце XIX в. в Казани действовало Торгово-промышленное товарищество «Ахметзян Сайдашев с сыновьями и Баки Субаев» ²⁷.

В начале нового века в ряде акционерных компаний шли процессы концентрации производства и капитала, монополизации различных рынков. Тенденции к монополизму независимо от этноконфессиональной принадлежности отмечены среди торговцев — оптовиков яиц (Фаткуллин, Терешин, Селивановы, агенты фирм Гильвина, Гольтадта и др.), производителей и торговцев сукна. Торгово-промышленные товарищества складывались в связи с организацией международной торговли. Однако подробной информации о деятельности акционерных компаний, созданных мусульманскими предпринимателями, пока нет ²⁸.

Одной из наиболее крупных предприятий, принадлежавших мусульманской династии поволжских предпринимателей, было суконное производство Акчуриных ²⁹. Информацию о зарождении этого бизнеса в Среднем Поволжье находим в многотомном издании «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества», которое выходило отдельными томами в конце XIX — начала XX вв. под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского. Вот как описывал суконное производство Акчуриных, расположенное в деревне Старо-Тимошкино в 20 верстах от железнодорожной станции Лесное Матюхино (по линии Инза — Рузаевка), П. П. Семенов-Тян-Шанский: «В деревне проживало более 5 тыс. жителей, действовало волостное правление, 9 мечетей и 2 суконных фабрики, выделяющее сукно армейское, верблюжье и крестьянское, урсов и бобриков на сумму более 500 тыс. руб. при 850 рабочих. Близ полустанка Акчуринский находится еще одна суконная фабрика Акчуриных, где занято 500 рабочих, изготавливается сукна на 300 тыс. руб. и деревня Гурьевка, где с 1823 г. работала большая суконная фабрика Акчуриных, изготавливавшая сукна на 750 тыс. руб. и имевшая 1170 рабочих. Кроме того, в 1880 г. купец Акчурин взял в аренду принадлежавшую И. Ф. Войкову фабрику» ³⁰.

С началом промышленного переворота начался их перевод на машинную основу, устаревшие, не выдерживавшие конкуренции, предприятия закрывались. К 1890-м гг. в Поволжье стал оформляться куст грубосуконной промышленности всероссийского значения из почти двух десятков предприятий Симбирской губ., трех фабрик в Кузнецком у. Саратовской губ. и Мулловской фабрики в Самарской губ.. К ним тяготели фабрики Пензенской губ. В литературе отмечено, что суконная промышленность Поволжья в классическом виде отразила все стадии становления капиталистического производства ³¹. Безусловное преимущество по сравнению с надомными кустарными мастерскими и фабриками на крестьянском труде имели современные, технически оснащенные производства. Лучшей в Поволжье (наряду с фабрикой А. А. Протопопова) была Гурьевская фабрика Акчуриных, где в начале века было занято 1600 рабочих, 7 паровых и 3 водяных двигателя, 450 ткацких станков. Большинство занятых на фабрике — крестьяне, которые летом уходили в деревни на сбор урожая. Сезонность — характерная черта суконной промышленности начала XX в.

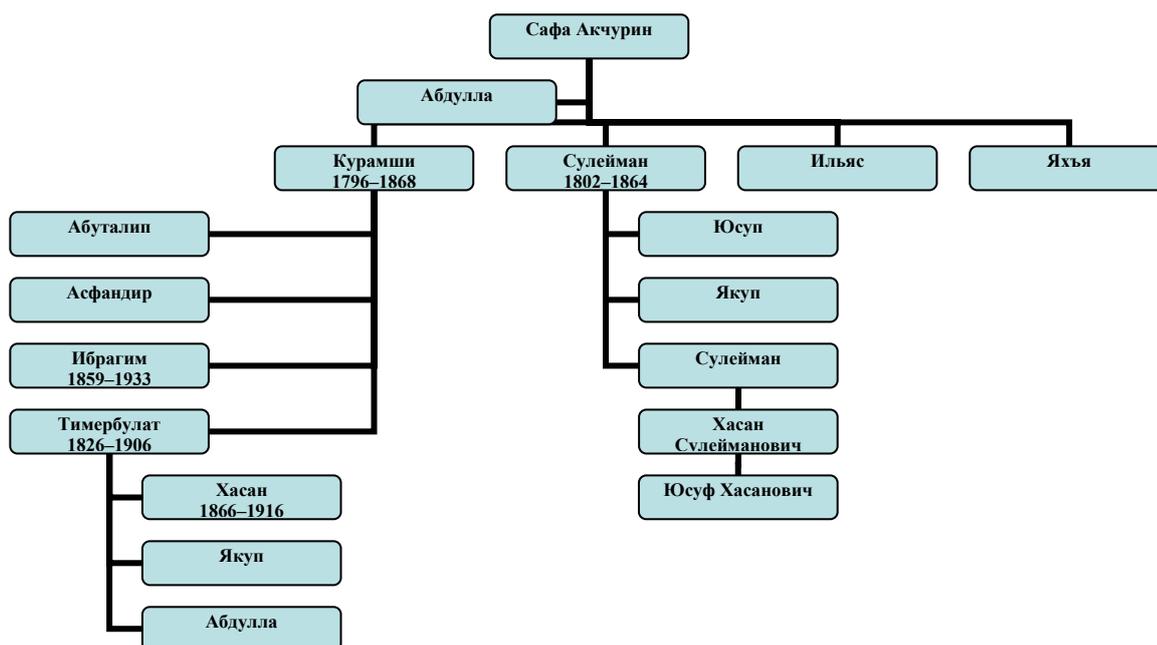
Способы поставки сырья — традиционные: большинство сделок заключалось на ярмарках, престижной считалась оплата наличными, широко использовалось посредничество мелких скупщиков при заготовке шерсти и оптовых торговцев при продаже сукна ³².

С 1890-х гг. сырье закупали на Нижегородской ярмарке и в Средней Азии, доля местного сырья уменьшилась из-за сокращения овцеводства. Рынок сбыта симбирского сукна — Среднее и Нижнее Поволжье, Средняя Азия.

В 1895 г. семейное дело было преобразовано в паевое Товарищество. В начале XX в. (1907 г.) суконные капиталисты Поволжья в целях ликвидации излишнего посредничества, распределения государственных заказов объединились, создали монополистическое объединение. Возглавил «Союз симбирских фабрикантов сукон» Ибрагим Курамшевич Акчурина³³.

Постепенное усложнение организационных форм от торговых домов и единоличных предприятий к торгово-промышленным товариществам и акционерным обществам было характерно для России в целом, причем тенденции к монополизации бизнеса прослеживались в Поволжье по отраслевому, а не национальному признаку.

Генеалогическое древо семьи Акчуриных³⁴

Проследим этапы развития рода и семейного бизнеса Акчуриных.

1-е поколение: Сафа — основатель династии. Происхождение — государственный крестьянин. Занятия — скупка шерсти и поставка ее на суконные мануфактуры.

2-е поколение: Абдулла (сын) — торговля шерстью и галантерейным товаром.

3-е поколение: Курамши Абдуллович (внук). Мещанское звание (обозначенный капитал 8,2 тыс. руб.). К концу жизни — купец 1-й гильдии. Бизнес: продажа и мытье шерсти (шерстомойни). Владелец земли (пашни), лесов, недвижимости (дома в городе и поместье в Симбирской губ.). Сулейман Абдуллович (внук). С 1864 г. — купец 1-й гильдии. Первый из династии от стадии предпринимательской подготовки перешел к производству сукна. Для этого арендовал 4 мануфактуры в Симбирской губ.. После его смерти остались «Торговый дом Акчурина с сыновьями», лавка в Нижнем Новгороде, дом в Казани и 1000 дес. земли в Карсунском у. Симбирской губ.

4-е поколение: Тимербулат Курамшевич (правнук). Имел две суконные фабрики: а) Гурьевская: 40 станков, 350 рабочих, годовые объемы производства более, чем на 40 тыс. руб. (до 1 млн. аршин сукна), прибыль — 3100 руб. На Казанской научно-промышленной выставке 1890 г. получил золотую медаль. Виды производимого сукна: сукно, трико, бобрик, байка, попонное сукно, войлок, одеяла, серое шинельное сукно; б) в с. Самайкино: объемы производства до 50 тыс. аршин в год. Поставки сукна в турецкую и болгарскую армии. В 1891 г. обе фабрики объединены в Товарищество Старо-Тимошкинской мануфактуры. В 1894 г. — преобразовано в Торгово-промышленное товарищество Тимербулата Акчурина (3 тыс. рабочих). Расширение бизнеса за счет организации вспомогательного литейного и лесопильного производства. Собственные склады в Сызрани.

5-е поколение: Хасан Тимербулатович (праправнук) — купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин.

Обозначим на примере династии Акчуриных характерные черты мусульманского национального бизнеса.

1. Накопление капитала в течение 2–4-х поколений. Мусульманский бизнес в основном формировался поколениями. Известные в начале XX в. династии татарских предпринимателей были представлены чаще всего внуками и детьми их основателей. Эффект семьи, семейного бизнеса срабатывал через 2–3 поколения, когда накапливался капитал, опыт ведения предпринимательской деятельности, формировались институциональные сети семейного характера. Дело продолжали 1–2 представителя нового поколения. По мере роста бизнеса усложнялись его организационные формы и расширялись сетевые контакты, выходящие за этноконфессиональные границы.

2. Совмещение торговли с промышленным производством — российская черта, особенно проявлявшаяся в аграрном Поволжье. Как разновидность — сезонный характер промышленного производства и зависимость от сельскохозяйственного года, определявшего как платежеспособность крестьянства, так и возможности получения сырья, а также наличие рабочей силы.

3. Ранняя монополизация бизнеса по отраслевому, но не национальному признаку, широкая география формировавшихся социальных сетей.

Таким образом, мусульманское предпринимательство в начале XX в. развивалось в контексте общемировых и российских экономических процессов. В этот период Среднее Поволжье, занимавшее нишу поставщика сельскохозяйственной продукции на всероссийский рынок, развивалось достаточно активно и динамично. Именно в этом сегменте региональной экономики были заметны результаты предпринимательской деятельности.

Мукомольное, лесопильное дело и торговля, переработка сельскохозяйственного сырья активно развивалось в Поволжье в начале XX в. Заметным направлением предпринимательства были животноводство и переработка продукции животноводства: выделка кож, мехов, суконное и мыловаренное производство, а также торговля этими и другими, привозимыми в Поволжье мануфактурными и бакалейными товарами. В этих сферах экономической деятельности был представлен разный по национальным и конфессиональным признакам бизнес, в том числе, мусульманский бизнес.

Поволжское предпринимательство в целом по отраслевой направленности можно разделить на сельскохозяйственное, промышленное и торговое; преобладающим являлось аграрное, что было обусловлено хозяйственной специализацией региона. Предпринимательская деятельность по мере развития приобретала комплексный, торгово-промышленный характер, эволюционировала в направлении усложнения организационных форм. Этноконфессиональная специфика торговли сохранялась, но не ограничивалась местным мусульманским обществом. Стремление развивать бизнес в общероссийском и общемировом пространстве, в соотношении его с общеэкономическими процессами при сохранении религиозных и духовных ценностей можно считать отличительной чертой мусульманского бизнеса в Поволжье.

Комплексная торгово-промышленная деятельность обусловила диверсификацию капитала, формирование институциональных сетей, в том числе международных с преобладанием этноконфессионального единства.

Предпринимательская деятельность, ориентированная на получение прибыли и ведение домашнего хозяйства, с одной стороны, унифицировала бизнес, делала его наднациональным. И в то же время при сохранении глубоких традиционных институтов (культура поведения, религиозность, образ жизни, национальные особенности, языковые различия) в бизнесе проявлялась этноконфессиональная специфика. Изучение этого феномена совмещения экономических и этноконфессиональных интересов (конгломерата, синтеза или вытеснения одного другим) представляет собой одну из интересных страниц экономической истории нашей многонациональной страны.

Примечания

¹ *Ананьич Б. В.* 1) Предпринимательство в России (религиозно-национальный аспект) // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 252; 2) Капитализм с человеческим лицом // Родина. 2005. № 5.

² *Керов В. В.* «Благословенны плоды праведного стяжания...»: Концепция Дела в духовном наследии старообрядцев // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения: Ежегодник. М.; Волгоград, 2006. Вып. 8. С. 317–326. *Расков Д. Е.* Торговля и хозяйственная этика раннего старообрядчества: (Из истории Выгов. помор. пустыни) // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения. М.; Волгоград, 2004. Вып. 6. С. 312–321.

- ³ Редькина О. Ю. 1) Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917-м — 1930-е годы: На материалах Европ. части РСФСР. Волгоград, 2004; 2) Еврейская сельскохозяйственная колонизация на юге РСФСР в годы НЭПа // Экономическая история России: Проблемы, поиски, решения: Ежегодник. Вып. 8. С. 257–265.
- ⁴ Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан в начале XX в.: Ист. зарисовки. Казань, 2005; Салихов Р. Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX в. Казань, 2001; Тагиров И. Р. Очерки истории Татарстана и татарского народа (XX век). Казань, 1999; Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; Юлдашбаев Б. Х. История формирования башкирской нации: (Доокт. период). Уфа, 1972.
- ⁵ Поволжье — «внутренняя окраина» России: Государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) / Под ред. Э. Л. Дубмана и П. С. Кабытова. Самара, 2007.
- ⁶ В Поволжье в начале XX в. действовали казенная Самаро-Златоустовская и Ташкентская железные дороги, а также частные Московско-Казанская, Волго-Бугульминская, Рязано-Уральская, Сызрано-Вяземская железные дороги.
- ⁷ Воробьева (Кембелл) Е. И. 1) «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Поволжье — «внутренняя окраина» России. С. 204–216; Campbell E. The Muslim Question in Late Imperia Russia // Russian Empire: State, People, Power, 1730–1930. Indiana University Press, 2007. P. 320–334; Werth P. Changing Conceptions in Difference, Assimilation and Faith in the Volga-Kama Region, 1740–1870 // Op. cit. P. 169–195.
- ⁸ Салихов Р. Р. Татарское предпринимательство в конце XVIII — начале XIX в.: Особенности социального статуса предпринимательства в конце XVIII — начале XIX века // Камская государственная инженерно-экономическая академия [Электронный ресурс]. URL: <http://kampi.ru/sets/base/19nomer/add/salihov/1.pdf> [23.07.2009].
- ⁹ Гончаренко Л. Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века: Соц.-экон. исслед. Чебоксары, 1994. С. 35, 37, 39.
- ¹⁰ Кочевой народ, кочует в пределах заволжских частей Красноярского, Енотаевского, Черноярского, Царевского уездов Астраханской губернии» (Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества: Настольн. и дорож. кн. для рус. людей. Т. 6: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 154).
- ¹¹ Губайдуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. Н. Новгород, 2008. С. 179.
- ¹² Гончаренко Л. Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья... С. 88.
- ¹³ Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества. Т. 6. С. 443, 450.
- ¹⁴ Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан... С. 94.
- ¹⁵ Классика Самарского краеведения: Антология. Самара, 2007. Вып. 3. С. 230.
- ¹⁶ Гончаренко Л. Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья... С. 99.
- ¹⁷ Гибадуллин М. З. Общие тенденции и особенности формирования капиталов татарской буржуазии России (1861–1913 гг.): Дис. ... канд. экон. наук. Казань, 2001. С. 87.
- ¹⁸ Сенюткина О. Н., Загидуллин И. К. Нижегородская ярмарочная мечеть — центр общения российских и зарубежных мусульман (XIX — начало XX вв.). Н. Новгород, 2006. С. 54.
- ¹⁹ При дроблении Торгового дома Маннаповых в Самаре отделения в Ташкенте и Сибири делились между братьями. См.: Самарское купечество: Вехи истории / Под ред. Е. П. Бариновой. Самара, 2006. С. 53.
- ²⁰ Шкунов В. Н. 1) Оренбуржье в системе торгово-экономических отношений России со странами Востока (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Самара, 2002; 2) Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII — первой половине XIX века. Самара, 2007.
- ²¹ Самарская историко-культурная энциклопедия посвятила ему отдельную статью: Муртазин Мухаммед Фатых Шигабетдинович, татарский просветитель и мулла. Родился в Татарии. В дореволюционные годы мусульманский вероучитель в Самаре. Издатель и редактор общественно-экономического журнала «Иктисад» (Экономика) на татарском языке. В 1910 г. переписывался с Л. Н. Толстым по вопросам религии, опубликовал в своем журнале ответ писателя (1910. № 11). В 1910 г. для встречи с Муртазиным в Самаре останавливался татарский поэт Г. Тукай. Муртазин поддерживал связи и встречался с видными татарскими общественными деятелями — М. Бигиевым, И. Акчуриным, З. Валиди, Султангалеевым, Г. Исхаки. Был делегатом съезда мусульман (СПб., 1906). Состоял членом Самарского кооператива просвещения. Репрессирован (Историко-культурная энциклопедия Самарского края: Персоналии. Т. 3: М–См. Самара, 1995. С. 102).
- ²² Хисматова Г. Н. Журнал «Иктисад» (1908–1913): Библиогр. обзор // Эхо веков. 2000. № 8. С. 72–103 (на татар. яз.).
- ²³ Иктисад. 1909. № 1.
- ²⁴ Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. С. 222; Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан... С. 98; Сенюткина О. Н., Загидуллин И. К. Нижегородская ярмарочная мечеть... С. 53.
- ²⁵ Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан... С. 102; Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. С. 218.
- ²⁶ Очерки истории российских фирм: Вопросы собственности, управления, хозяйствования / М. Н. Барышников и др. СПб., 2007. С. 56–57.
- ²⁷ Отчет высочайше утвержденного Торгово-промышленного товарищества «Ахметзян Сайдашев с с-ми и Баки Субаев» в Казани за 1895 год (с 23 апреля 1895 года по 1-е января 1896 года). Казань, 1896.
- ²⁸ Амирханов Р. У. Татарский народ и Татарстан... С. 94.
- ²⁹ Экономическая история России: С древнейших времен до 1917 г.: Энцикл. М., 2008. Т. 1. С. 62.
- ³⁰ Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества. Т. 6. С. 443–444.
- ³¹ Клейн Н. Л. Экономическое развитие Поволжья в конце XIX — начале XX века: К вопр. о предпосылках буржуаз.-демократ. революции в России. Саратов, 1981. С. 151.
- ³² Там же. С. 153.
- ³³ Лаврычев В. Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900–1917 гг.). М., 1964. С. 99.
- ³⁴ Составлено по: Таиров Н. И. Акчурины. Казань, 2002.

ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Сибирская еврейская диаспора начинает формироваться еще в XVIII в. Однако с 1791 г., когда была установлена «черта оседлости» и евреям был перекрыт доступ во внутренние губернии Российской империи, Сибирь оказалась исключена из числа губерний, в которых дозволялось проживание еврейского населения. Исключение составляли крещеные евреи. Евреи-иудеи могли попасть в сибирские земли в качестве ссыльных, каторжан, нелегальным путем или по особому разрешению. На каторжные работы ссылались преимущественно в Восточную Сибирь — Иркутскую губ., Якутскую и Забайкальскую области.

Однако в XIX в. развитие промышленности и торговли, потребность в дипломированных специалистах, борьба за эмансипацию в странах Центральной Европы и попытки ассимиляции евреев в русской среде привели к тому, что правительство вынуждено было открыть доступ за «черту» некоторым категориям евреев¹.

Численность еврейского населения начинает возрастать. Группы компактного проживания появляются в Тобольске, Томске, Каинске. В 1827 г. наиболее значительные еврейские общины были в Каинске (372 чел.), Тобольске (128 чел.), Томске (69 чел.). В Тюмени и Ялуторовске числилось 17 и 1 чел. В целом же в Западной Сибири проживало 607 евреев².

Росту еврейского населения, помимо притока сосланных из западных губерний, косвенно способствовали такие законодательные инициативы властей, как, например, выселение евреев, проживавших в Омской области, в глубь Тобольской и Томской губ. в 1826 г., поскольку, по мнению Сибирского комитета, слишком близкое поселение евреев к горным заводам³ и областям Сибирских Киргизов представлялось «вредным» для интересов государства⁴.

Переселение в Сибирь обставлялось различными правовыми ограничениями, но при малейшем послаблении со стороны правительства численность евреев начинала резко увеличиваться. В 1835 г. она составила 1735 чел. (из них в Тобольской губ. проживал 681 чел., в Томской — 1054 чел.)⁵, в 1875 г. — 11400 чел.⁶; а в 1897 г. (согласно итогам переписи) — 34477 чел.⁷, что составило 0,6 % от всего населения края. В 1862 г. в Тобольской губ. евреев насчитывалось 1474 чел., крупные общины располагались в Тобольске (445 чел.) и Омске (323 чел.)⁸.

Поселившимся в Сибири евреям было необходимо найти нишу, позволявшую вписаться в экономическую структуру региона. В 1830-е гг. правительство предприняло попытку создать земледельческие колонии, но быстро прекратило свою инициативу. В большинстве случаев евреи старались закрепиться в городе подчас на незаконной основе. Основными видами деятельности были специфично городские.

Уже в 1830 г. в Западной Сибири числилось три еврейских купеческих семьи⁹. В 1838 г. в Тобольске проживало 57 евреев, из них 48 занималось торговлей и ремеслом¹⁰. В 1840 г. был приписан в купечество тобольский мещанин Мендель Цванг. В эти же годы большинство еврейских семейств, приписанных к Тобольскому округу, перебиралось в губернский центр, и «некоторая часть из них снискивают пропитание ремеслами и мастерствами, которым обучены были до водворения в Сибири; другие занимаются перекупкою вещей, факторством, разными изворотами, нетерпимыми в благоустроенном обществе и служащим только к некоторому прикрытию их образа жизни и поведения <...>»¹¹. В 1840–1860-е гг. получает известность предприниматель В. Х. Гудович, специализировавшийся на казенных подрядах. В середине 1860-х гг. он записан омским купцом первой гильдии¹².

Таким образом, к середине XIX в. четко проявился торговый вектор деятельности еврейских общин. Еще в 1830–1840-е гг. были приняты нормативные акты, позволявшие заниматься торговлей легально: законы 1834 г. (согласно которому евреи, сосланные в Сибирь на поселение, получили право причисляться в купечество) и 1847 г. (позволявший выдавать торговые свидетельства всем евреям, поселившимся в Сибири до 15 мая 1847 г.)¹³.

Изменения в законодательстве вызвали социальные сдвиги внутри сибирской общины. Еврей-солдаты после выхода в отставку записывались в мещанское сословие для занятия торговлей, посредничеством, различного рода ремеслами. Подобным же образом поступали евреи, прежде записанные в земледельцы, а также ссыльные и ссыльнопоселенцы. Со временем наиболее удачливые выбирали гильдейские свидетельства. Например, из крестьянского сословия вышли омские купцы — братья Хаим и Абрам Хаймовичи, владевшие, кроме прочего, винокурным заводом (Дмитриевский № 2, находившийся вблизи хутора Марфушина Тюкалинского у.). Родом из крестьян были тюкалин-

ские купцы Цодык Пищиков и Яков Ицкович, разбогатевшие благодаря успешной торговой деятельности, и омский купец Хаим Островский, составивший свое состояние подрядами. Бывший рядовой омского гарнизона Шмуль Сометник, нажив солидный капитал торговлей и посредничеством, при выходе в отставку выкупил купеческое свидетельство (одновременно он являлся старостой еврейской общины Омска). Омский купец 2-й гильдии Шимон Колпаков в свое время стал первым среди евреев-солдат омского гарнизона, записанным в мещанское сословие.

Сеть еврейских торговцев (де-юре записанных в земледельцы или являвшихся ссыльными, ссыльнопоселенцами) охватывала большинство сел и деревень Тобольской губ.. Еврейское посредничество, связывая отдаленные поселения как между собой, так и с промышленно-административными центрами, находило понимание со стороны местных властей. Тобольское губернское правление в своем журнале (от 29 июля / 5 августа 1861 г. под № 219) заключало, что «евреи, вообще, трудолюбивы и снискивают пропитание или мастерством, или торговыми оборотами, и, что водворение их на известных пунктах может быть полезно распространением между старожилами промышленной деятельности, а, сверх того, предприимчивые евреи могут сделаться конкурентами нынешних барышников, стремящихся к местной монополии, которая наиболее проявляется в сих пунктах, так как местные капиталисты, не имея соперников и пользуясь обстоятельствами, скупают у крестьян сельские произведения по ценам, назначаемым ими самими, почему, по мнению губернского правления, для водворения евреев в Тобольской губернии нужно назначить в Ишимском округе волости: Усть-Ламинскую, Медведевскую, Малышенскую и Абатскую; в Тарском округе — Рыбинскую и Бергамаскую; в Ялуторовском округе — Агараскую и Новозаимскую»¹⁴.

Торговую сметливость отмечали и современники: «Занятие евреев в Сибири составляет преимущественно торговля. Ремесленного класса, кроме винокуров, водочных мастеров и несколько других обыкновенных профессий, у евреев не имеется»¹⁵. Корреспондент Русского географического общества сообщал, что сибирские евреи «занимаются торговлею и живут достаточно»¹⁶. Позднее, Ю. Островский отмечал: «<...> всякому, хотя бы сколько-нибудь знакомому с сибирскими евреями бросается в глаза преобладающая роль последних в мелкой и средней торговле, мелком ремесле и извозе»¹⁷.

Очевидно, что именно широкая распространенность этих занятий и противопоставление «еврейской торговли» и «русского земледелия» стала причиной включения определения «торговец» в отрицательный образ еврея. Этот стереотип сознательно культивировался сибирскими публицистами-антисемитами: «Не занимаясь ни хлебопашеством, ни скотоводством, а, избрав для себя одну только отрасль промышленности — тайную беспатентную торговлю вином, они служат тяжелым бременем для местного населения, эксплуатируя его на всевозможные манеры»¹⁸.

На выбор торговой сферы объективно влияло правовое положение сибирских евреев: неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала при одновременном получении высокой прибыли, скорого и безболезненного свертывания деятельности при первой угрозе выселения из города¹⁹.

Говорить о специализации в торговой деятельности среди еврейского населения достаточно сложно. Очевидно, торговля вином занимала особое место среди прочих видов торговли, воспринимавшись в западных губерниях как «исторически укоренившаяся монополия еврейства, к которой до такой степени привык народ, что в случае <...> фактического запрещения евреям заниматься продажей питей, можно предположить, что все питейные заведения закроются»²⁰. Еще в начале XIX в. (в период с 1804 по 1826 г.) в Омске и Омском у.²¹ 26 из 48 чел. занимались продажами питей²². Именно нехватка специалистов-христиан повлекла появление постановления 1863 г. о разрешении евреям заниматься в Сибири винокурением²³. В примечании к ст. 102 «Устава о питейном сборе», разрешавшим сибирским евреям заниматься винокурением, указывается: «Генерал-губернаторам Западной и Восточной Сибири предоставлено допускать евреев к производству винокурения на тамошних заводах, хотя бы они и не были приписаны к сибирским губерниям и не состояли в гильдии, дозволив выдачу таким евреям паспортов из постоянных мест их жительства на пребывание в Сибири для винокурения»²⁴. Возможно, свою роль сыграла и непрестижность такого занятия. Приезжие охотно соглашались служить на виноторговом поприще и подчас составляли там значительные капиталы. Так, в статистическом описании Каинска (Томская губ.) за 1842 г. указано: «Регулярно замещают эти места евреи, имеющие утонченную способность в отпращивании должности винопродавца. <...> Получая желаемое и поправляя свое состояние, оставляют таковое занятие, берут на себя лавку, начиная торговать красивым товаром»²⁵.

Однако для Тобольской губ. «питейная торговля» не была характерной. По материалам А. М. Мариупольского, в 1884–1885 гг. в Тобольской губ. евреям принадлежало только 2 винокурен-

ных завода из 16, а также 56 «питейных заведений» (трактиры, харчевни, питейные дома, винные и ренсковые погреба, штофные лавки) из 1456. (Необходимо заметить, что исследования Мариупольского опровергают распространенное мнение о преимущественно еврейском характере винокурения и виноторговли в Сибири. В 1884–1885 гг. в целом по сибирскому региону было открыто 8733 питейных заведения, из них евреям принадлежало 337 (3,7 %). То же самое касается и принадлежности винокуренных заводов, которых в трех сибирских губерниях насчитывалось 46, из них были открыты евреями 9 (20 %) ²⁶.

Согласно переписи 1897 г., торговлей «крепкими напитками» занималось в Тобольской губ. всего лишь 6 чел. Наиболее распространенной была торговля «остальными сельскохозяйственными товарами» (т. е. не живым скотом и не зерновыми продуктами) — 87 чел. (39 % всех занятых в торговле евреях). В целом же торговлей сельскохозяйственными товарами занималось 42,6 % всех евреев губернии, занятых в торговле, что отражает преимущественно аграрный характер края в этот период.

Следом за ней шли: торговля вообще, без точного определения — 47 чел., торговля тканями и предметами одежды — 42 чел., торговля разносная и развозная — 27 чел., торговля живым скотом и торговля зерновыми продуктами — по 4 чел., торговля металлическими товарами, машинами и оружием, торговля кожами, мехами и т. п., торговля остальными предметами — по 3 чел., торговля предметами домашнего обихода — 2 чел., торговля предметами роскоши, наук, искусств, культа и т. д. — 1 чел. ²⁷.

Занятия торговлей находились на втором месте после занятий ремеслом. Более трети еврейского населения Тобольской губ. были ремесленниками.

Доля евреев-предпринимателей начинает резко увеличиваться на рубеже веков. Так, в Тобольске в 1897 г. процентное соотношение купцов-евреев и неевреев составляла 12 %, а в 1912 г. — 35,5 % (17 из 48 чел.). Среди тобольских купеческих семей выделялись три семьи Фришманов, торговавших мануфактурными, бакалейными и мелочным товарами. Владельцем галантерейного магазина был Лазарь Гудович, магазин готового платья принадлежал Иосифу Немецкому, другой его магазин находился в Тюмени ²⁸.

В Тюмени на 1897 г. насчитывалось четыре еврейские купеческие семьи. Ювелирной торговлей занимался И. Л. Альтшуллер, Р. Г. Певзнер — винокурением и торговлей коврами, И. Х. Брандт владел часовой мастерской, Л. М. Брандт торговал одеждой ²⁹. В списке владельцев торговых фирм на 1910 г. также упоминалось пять еврейских фамилий: С. И. Айзенштадт (владелец аптеки); Л. Х. Брандт (торговля велосипедами, швейными и вязальными машинами, галантерейными товарами); братья Шайчик (торговля галантерейными товарами); И. Л. Альтшуллер (торговля швейными и вязальными машинами); Л. И. Альтшуллер (владелец ювелирного магазина) ³⁰. В число тюменских купцов второй гильдии были записаны: И. Х. Брандт; Л. Х. Брандт; В. А. Гирман; Ш. М. Овершток; В. И. Рабинович ³¹. В 1910-е гг. получили известность торговые дома «Л. И. Альтшуллер и К^о» ³², «Брандт и К^о» ³³, «Рабинович и К^о» ³⁴, принадлежавшие лидерам тюменской еврейской общины.

О торговых оборотах можно судить на примере деятельности И. Л. Альтшуллера, который в конце XIX в. торговал на Ишимской ярмарке в доме Карнауховой, на Ирбитской — в Пассаже № 14, а также вел дела на Нижегородской и Курганской ярмарках ³⁵. В начале 1910-х гг., будучи купцом второй гильдии, он обзавелся собственной типографией ³⁶ и еще одним магазином — на Царской улице, которым управлял, вероятно, его старший сын Литман ³⁷.

В Ишиме на 1897 г. числился купец 2-й гильдии Иуда Гершевич Межучь из кантонистов, который вел бакалейную и кожевенную торговлю ³⁸. В Ялуторовске проживало два еврейских купца — М. М. Беркович и М. Д. Добрин ³⁹.

Одним из самых крупных предпринимателей и не только среди еврейского населения был омский купец Миней Мариупольский, происходивший из предпринимательской династии Мариупольских. С 1897 г. он проживал в Омске, где создал торговый дом «М. Мариупольский и К^о». Торговый дом занимался оптовой торговлей хлебом и другой сельскохозяйственной продукцией. В 1900 г. был выстроен завод по производству пива и фруктовых вод. В 1913 г. торговый дом был акционирован, на начало 1915 г. баланс акционерного общества «М. Мариупольский и сыновья» оценивался в 1173706 руб. Это было одно из самых крупных акционерных обществ в Сибири ⁴⁰.

Крупными омскими предпринимателями были кожоторговцы М. А. Маркус, братья Нахим и Давид Гутермахеры. Товарищество «Гутермахер и К^о» торговало не только кожевенными изделиями, но и лесом, мукой, фруктами. Г. М. Красных вел торговлю фотоаппаратами, пианино, часами; галантерейными товарами торговала купеческая семья Саметник. Многие из еврейских предпринимателей Омска участвовали в работе Омского биржевого общества ⁴¹.

В начале XX в. (1903 г.) принятый «Устав о паспортах» утверждал: «евреям проезд и водворение в Сибирь воспрещается, с ограничениями, указанными в Уставе о ссыльных». В разъяснении особо подчеркивалось, что в законе не сделаны исключения даже для евреев, имевших право на повсеместное жительство в Центральной России. Более того, в начале XX в. евреям было запрещено даже временное пребывание в некоторых округах Тобольской губ., из-за чего ряд тобольских купцов, занимавшихся рыбными промыслами в низовьях Оби, разорились⁴². Поэтому сибиряки зачастую выступали с ходатайствами к председателю совета министров и министру торговли о разрешении евреям приезжать на ярмарки. Например, курганский биржевой комитет указывал, что «воспрещением въезда евреев будет нанесен ярмарке смертельный удар, тем более грозный последствиями, что обнищавшее вследствие неурожая население останется с непроданным товаром, без ожидавшихся от ярмарки средств»⁴³. Интересные наблюдения о роли евреев в торгово-промышленной жизни Сибири оставил С. В. Максимов: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоден и полезен»⁴⁴.

Включенность евреев в общественную и особенно хозяйственную жизнь региона делала их заинтересованными в его экономическом, социальном и культурном развитии. Евреи нашли свое место в экономической структуре Сибири. Помимо торговли и промышленности, они были широко представлены в различных ремеслах: слесарном, портняжном, чулочном, ювелирном, часовом и т. д. Активно участвовали они и в общественной жизни. Многие из еврейских купцов, пользовавшихся авторитетом у местного населения, избирались на общественные должности, состояли гласными городских дум, членами различных благотворительных организаций.

Примечания

¹ *Антропова И.* История проживания евреев на Урале с кон. XVIII по 1917 г.: (Обзор док. материалов из фондов ГАСО) // История евреев в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 85.

² Цит. по: *Ивонин А. Р.* Еврейская община Западной Сибири в первой половине XIX в. // Проблемы административно-государственного регулирования межнациональных отношений в Тюменском регионе: Ист. опыт и современность. Тобольск, 1995. С. 41.

³ О вреде присутствия евреев на горных заводах впервые было заявлено в секретном указе Александра I от 19 декабря 1824 г., которым правительство попыталось удалить евреев с горных и частных заводов Урала и из Екатеринбурга. Об этом см.: *Антропова И. Е.* Сборник документов по истории евреев Урала из фондов учреждений досоветского периода Государственного архива Свердловской области. М., 2004.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 1. № 237.

⁵ Цит. по: *Ивонин А. Р.* Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х — нач. 60-х гг. XIX в. // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность: Материалы III регион. науч.-практ. конф. Красноярск; Улан-Удэ, 2002. С. 21.

⁶ Евреи: История по Брокгаузу и Бухарину. М.; СПб., 2003. С. 126.

⁷ Энциклопедический словарь бр. Гранат. М., 1915. Т. 19. Стб. 470.

⁸ Статистические сведения по Тобольской губернии за 1862 г. Тобольск, 1864. С. 347.

⁹ *Ивонин А. Р.* Еврей-предприниматели Западной Сибири в дореформенный период // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность: Материалы V регион. науч.-практ. конф. (19–20 авг. 2004 г.). Красноярск, 2004. С. 8.

¹⁰ *Карих Е. В.* Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения XIX – нач. XX в. Томск, 2004. С. 171–172.

¹¹ ТобФГАТюМО. Ф. 464. Оп. 1. Д. 161. Л. 5–6 об.

¹² *Ивонин А. Р.* Сибирский предприниматель В. Х. Гудович // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Материалы VI регион. науч.-практ. конф. (22–23 авг. 2005 г.). Красноярск; Барнаул, 2005. С. 14–17.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 9. № 6875; Т. 22. № 21701.

¹⁴ ГАОМО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 4466. Л. 16–17.

¹⁵ *Гудович.* Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. 1871. № 30.

¹⁶ Цит. по: *Гончаров Ю. М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – нач. XX вв.). Барнаул, 2005. С. 50.

¹⁷ *Островский Ю.* Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 35.

¹⁸ *Словцов И.* Еврейский вопрос и евреи в Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1895. № 5, 8, 10, 12, 14, 16.

¹⁹ *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003. С. 129.

²⁰ Цит. по: *Кальмина Л. В.* Еврейские общины Восточной Сибири. С. 133.

²¹ С 1822 г. — Омская обл.

²² ГАОМО. Ф. 3. Оп. 14. Д. 18725. Л. 6–13 об.

²³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39998.

²⁴ Цит. по: *Мариупольский А. М.* Еврейская питейная торговля в Сибири в период акцизной системы // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках: (Сб. ст.). Красноярск, 2003. С. 18.

²⁵ Цит. по: *Гусаченко В. Л., Матвеева Л. Л., Тимяшевская Л. В.* Каинск исторический. Новосибирск, 1995. С. 19.

²⁶ *Мариупольский А. М.* Еврейская питейная торговля... С. 23–25.

²⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 78: Тобольская губ. СПб., 1905. С. 158.

²⁸ ТобФГАТюмО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 346; Ф. 417. Оп. 2. Д. 2, 8, 9, 11–13, 15 а, 25, 32, 33.

²⁹ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 346; Ф. 417. Оп. 2. Д. 1735, 1737, 1738, 1750.

³⁰ ГАТюмО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 202. Л. 210–213.

³¹ Там же. Л. 242.

³² Там же. Ф. Р-180. Оп. 1. Д. 61.

³³ Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 6. Л. 180.

³⁴ Там же. Л. 231.

³⁵ Адрес-календарь Тобольской губернии на 1899 год. Тюмень, 1899. Объявления в конце книги.

³⁶ Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1914–1915 гг. Пг., 1915. С. 547.

³⁷ Вся Тюмень. Тюмень, 1910. С. 113.

³⁸ ТобФГАТюмО. Ф. 417. Оп. 2. Д. 606.

³⁹ Там же. Д. 3340.

⁴⁰ Мариупольский А. М. Предприниматели Мариупольские // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: История и современность. Материалы VI регион. науч.-практ. конф. С. 56–58.

⁴¹ Киселев А. Г. Миней Мариупольский и другие (50 омских капиталистов). Омск, 1995. С. 29, 40, 41, 43, 50.

⁴² Цит. по: Гончаров Ю. М. Евреи в сибирском социуме второй половины XIX — начала XX в. // Страницы истории евреев Сибири в XIX–XX веках. С. 29, 32 (Систематический сборник законов о евреях, составленный Л. М. Роговиным. СПб., 1913. С. 100)

⁴³ Сибирские вопросы. 1911. № 37/39. С. 122.

⁴⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1900. С. 129.

А. Ю. Чистяков

КРЕСТЬЯНСКАЯ ТОРГОВЛЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XVIII — XIX в.)

С.-Петербургская губ. была образована в 1708 г. (до 1710 г. она именовалась также Ингерманландской) и первоначально включала в себя обширные земли Северо-Запада и верхнего Поволжья. На протяжении XVIII в. ее территория неоднократно изменялась. После проведения реформы 1775 г. в губернию входили только уезды, расположенные под С.-Петербургом (Шлиссельбургский, Софийский, Рождественский, Ораниенбаумский, Ямбургский, Нарвский), а с 1802 г. также Гдовский, Лужский, Новолодожский у.¹ Именно в границах 1802 г., просуществовавших с незначительными изменениями до 1922 г., рассматривается С.-Петербургская губ. в данной статье.

Окрестности С.-Петербурга известны своим влажным климатом и землями не особенно благоприятными для занятия сельским хозяйством. Статистика середины XIX в. относила С.-Петербургскую губ. «к числу слаборасположенных»: по плотности населения она занимала 30 место среди 55 губерний. На 1 чел. в губернии приходилось в среднем 9,25 дес. земли². В основном это были земли малоплодородные, покрытые лесами. Только в Ямбургском у. выращенные зерновые шли на продажу. Незрелость товарного земледелия определяла набор товаров, которые крестьянское хозяйство поставляло на рынок. Например, в 1830–1840-е гг. дворцовые крестьяне Вискатской волости Гдовского у. вообще не продавали зерно. Они торговали рыбой, скотом, лесом, а также шерстью, пенькой, холстом и тряпьем. Значительную роль играла торговля дрожжами, яйцами, маслом и молоком. Меньше торговали овощами и фруктами (за исключением яблок)³.

Крестьяне уходили на промыслы в С.-Петербург и малые города — кроме уездных центров, на территории губернии находились три заштатных города (Гатчина, Ораниенбаум, Павловск), портовый город Нарва и крепость Кронштадт. Городское население губернии было довольно значительным: на 1862 г. из 1154527 жителей 628301 были горожанами (в т.ч. 532297 — жители С.-Петербурга)⁴. Среди сельских населенных пунктов преобладали небольшие поселения. В конце XIX в. из 3850 сел и деревень более 100 дворов насчитывали только 1,5 %, а менее 50 дворов — 90 %⁵. По территории губернии проходили значимые водные пути. Прежде всего, это река Нева и Ладожские каналы, по которым осуществлялось сообщение между С.-Петербургом и внутренними районами страны. Однако некоторые части губернии (например, Ижорская возвышенность) не имели доступа к водным путям. Это компенсировалось наличием относительно развитой сети шоссейных, а впоследствии и железных дорог.

В XVIII — начале XX в. на территории С.-Петербургской губ. проводились ярмарки. По материалам Ф. О. Туманского, в конце XVIII в. в Ямбургском у. ярмарки проходили в Ливицах (20 июля), Ястребине (1 августа), Вруде (15 августа), Котлах (8 сентября), Ополье (24 июня, 14 сентября); в Ораниенбаумском — в Перкушах (9 мая), Копорской слободе (15 августа), Дятлицах (в Троицу, 20 июля и 6 октября), Ропше (29 июня), мызе Красной и в деревнях Коваши (18 августа) и Горки (9 мая); в Рождественском у. —

в мызе Губаницкой (24 июня и 29 сентября); в С.-Петербургском у. — в Лемболовской мызе (29 августа)⁶. Организация ярмарок была приурочена к дням церковных праздников. Эти ярмарки имели местное значение и привлекали крестьян прилегающей территории. Ярмарка в Лемболовской мызе считалась крупной уже потому, что в торговле участвовали не только местные крестьяне, но и приезжие из соседнего Кексгольмского у. Выборгской губ. (с 1812 г. в составе Великого княжества Финляндского), которые продавали соленую рыбу и деревянную посуду⁷. В XIX в. в С.-Петербургской губ. насчитывалось уже 54 ярмарки. Однако среди них не было крупных оптовых, так как оптовая торговля практически полностью проходила в столице⁸.

Наиболее значимая ярмарка проходила в уездном городе Новая Ладога, расположенном при судоходных Ладожских каналах. Население города, среди которого было много купцов, отличалось своей зажиточностью. Местные жители занимались торговлей, обслуживанием движения по каналам, промысловым рыболовством на Ладожском озере. Ярмарка открывалась в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15/28 августа) и, согласно данным начала XX в., продолжалась вплоть до 5 сентября. Оборот ярмарки, на которой велась торговля хлебом, мануфактурными и кожевенными изделиями, валенными изделиями, составлял на 1911 г. около 100000 руб.⁹ Ярмарка сопровождалась широкими народными гуляниями. Воспоминания о ежегодной Успенской ярмарке, которая функционировала еще в 1920-е гг., и сегодня сохраняются у жителей Новой Ладоги. Ежегодно в последнее воскресенье августа проходит праздник День города. В Новой Ладоге была и значительно меньшая по торговому обороту Рождественская ярмарка, приуроченная, соответственно, к празднику Рождества Христова (25 декабря), Среди прочих на нее приезжали торговцы из Олонейской и Новгородской губ. для продажи продуктов (солонина, коровье масло, дичь), кож, деревянной и глиняной посуды¹⁰.

На рубеже XIX–XX вв. в работе ярмарок принимали активное участие различные сельскохозяйственные общества, которые стремились к внедрению в крестьянских хозяйствах передовых технологий, распространению высокопродуктивных пород скота. Например, 12–13 июля 1900 г. на ярмарке у железнодорожной станции Молосковичи Петербурго-Царскосельско-Ямбургское общество сельских хозяев организовало животноводческую выставку, чтобы «облегчить крестьянам покупку породистых телят и поросят». Участники выставки ничего не платили за место размещения своего скота и имели возможность дешево получить корм для животных. Для привлечения большего числа посетителей выставка прошла в рамках местной ярмарки¹¹. В июле 1913 г. Эстонское благотворительное общество провело однодневную ярмарку близ станции Волосово. Устроители брали по 5 коп. с каждой приведенной лошади и коровы, а также отдельную плату за торговлю иными товарами. Ярмарка была признана успешной, и ее решили впредь устраивать ежемесячно¹².

Возможность выхода на петербургский рынок для крестьян имела большее значение, чем торговля в ярмарочные дни. Раньше других в торговлю в С.-Петербурге втягивались пригородные хозяйства, которые имели возможность быстро доставить товары в город. Ориентация на промыслы и торговлю отразилась на организации сельского хозяйства. В последней четверти XIX в. население пригородных волостей сокращало посеvy ржи и увеличивало посеvy картофеля; применялись более прогрессивные севообороты; активнее развивалось животноводство, причем недостаток удобных земель для выгонов и покосов мог восполняться путем их аренды. Например, в 1880-е гг. жители деревень Ораниенбаумской волости арендовали выгоны на пустошах и в лесах Дворцового Ораниенбаумского управления, а покосы — в соседней Ковашевской волости¹³.

Скорость доставки продукции потребителю была особенно важной для торговцев молоком и молокопродуктами. Гужевого транспорт позволял привозить молоко только из ближайших мест. Если хозяйство находилось более, чем в 20 верстах от С.-Петербурга, то трудно было уберечь молоко от скисания, хотя крестьяне и обкладывали его льдом и мхом. Во время дороги молоко взбалтывалось и перемешивалось со сливками. Поэтому пригородные крестьяне продавали цельное молоко и очень редко сметану или творог, а из деревень, расположенных в 50 и более верстах от города, в С.-Петербург привозили только сливки и другие молокопродукты¹⁴. Земледелие и животноводство крестьян Токсовской волости Шлиссельбургского у., несмотря на формальную близость к столице, сохраняли больше черт натурального хозяйства, чем некоторые более удаленные районы губернии. Причиной было отсутствие здесь до 1917 г. железной дороги. Поездка в С.-Петербург в таком случае оказывалась весьма затратной. Владелец одной из мыз в окрестностях Токсово С. Лошкарев в статье, присланной в Вольное экономическое общество в 1843 г., указывал, что одна поездка на петербургский рынок занимала двое суток. Крестьяне из числа его крепостных раз в неделю отправлялись в С.-Петербург для продажи сливок. Те семьи, которые занимались торговлей, закупали сливки у своих соседей и в близлежащих имениях¹⁵.

Изменения в молочной торговле происходили по мере развития железных дорог. В 1837 г. первая в России железная дорога соединила С.-Петербург и Царское Село, в 1838 г. она была продлена до Павловска. За ней последовало строительство линии С.-Петербург — Москва (открыта в 1851 г.), Варшавской железной дороги (1853 г., С.-Петербург — Гатчина — Луга), Петергофской (1857 г.), Балтийской (1870 г., С.-Петербург — Гатчина — Нарва), линии С.-Петербург — Мга — Званка (Волхов) — Вологда (1906 г.). На Карельском перешейке возникли железные дороги Финляндская (1870 г.), Ириновская (1892 г.), Сестрорецкая (1894 г.). В 1914 г. вступил в строй железнодорожный мост через Неву¹⁶. Доставка товара на поезде позволяла подвозить свежее молоко не только с территории С.-Петербургской губ., но также из Финляндии и Эстляндии.

В начале 1870-х гг. первостепенное значение приобрела Финляндская железная дорога (С.-Петербург — Гельсингфорс). Основная часть доставляемого по ней товара была произведена в Финляндии, так как дорога проходила вдали от большинства поселений ингерманландцев. Молочное хозяйство Финляндии находилось в хорошем состоянии, кроме того, плата за перевозку молока по этой дороге была ниже, чем на других. Уже в то время были устроены специальные вагоны с полками, на которых помещали жестяные сосуды с молоком и сливками. Крестьянину не приходилось самому ехать в С.-Петербург, он сдавал молоко по прибытии поезда на ближайшей станции и там же получал деньги. Молоко, доставленное в столицу, перевозили на склады или же тем лицам, которым оно было адресовано¹⁷. С конца XIX в. между Ревелем и С.-Петербургом начал курсировать товарно-пассажирский поезд, получивший название «молочного». Рано утром поезд выходил из Ревеля, на станции Тапс к нему присоединяли вагоны, пришедшие из Валка Лифляндской губ., после чего поезд следовал в столицу, принимая на остановках молоко у крестьян¹⁸.

В поселениях, удаленных от железных дорог, молочный промысел мог вовсе отсутствовать даже в первой трети XX в. Например, в деревне Большое Заречье (нынешний Волосовский район), расположенной примерно в 15 км от железнодорожной станции Кикерино, еще в 1920–1930-е гг. удои в местных хозяйствах были крайне низкими. Деревенские коровы «недойные были» — давали не более литра молока в день. Для сравнения в деревне Яскелево (близ станции Елизаветино) корова давала в день около восьми литров молока. Получая значительный доход от продажи молока, жители этой деревни уделяли значительно большее внимание уходу за скотом, заготовке кормов (в частности, большие по площади угодья засеивали клевером)¹⁹.

Местная торговля была связана и с дачным промыслом, который заключался в сдаче жителям С.-Петербурга помещений на летний период. Этот промысел был характерен, прежде всего, для поселений близ железнодорожных станций. Доход крестьянам приносили сбыт постояльцам различных продуктов (молока, грибов, ягод) и различные услуги (обеспечение водой и дровами, стирка белья, перевозка мебели и т. д.)²⁰.

В С.-Петербургской губ. существовали и специфические промыслы, характерные для определенной местности. В конце XVIII в. жители деревень Дубровка и Виликина (ныне Великино) Нарвского у. занимались изготовлением и «продажею деревянной посуды, как то: пивных и водочных чанов, бочек, ушатов, квасников, лоханей, кадок, ведер, шаек»²¹. Тогда же некоторые селения Нарвского у. продавали дрова, которые водным путем доставляли в Кронштадт и С.-Петербург²². По данным «Материалов по статистике народного хозяйства», в 1882 г. в деревне Ойнолово Лемболовской волости пятеро крестьян занимались изготовлением оглобель, для чего арендовали землю, поросшую мелким лесом. Готовую продукцию они продавали возами ломовым извозчикам в Петербурге²³. В северных волостях С.-Петербургского у. (Коркиомьякская, Кюляятская, Лемболовская, Мурунская) практиковался сбор муравьиных яиц, которые использовались как корм для птиц и золотых рыбок. Иногда их сбывали непосредственно владельцам певчих птиц, чаще же скупщикам, которые торговали на Щукином дворе в С.-Петербурге. Всего в С.-Петербургском уезде собирали до 500 четвериков муравьиных яиц в год²⁴. В деревнях Нурколово и Пелгола Дудергофской волости в зимнее время изготавливали курительные трубки. Средняя семья могла сделать за неделю около двухсот трубок, которые продавали в столице²⁵.

Скупщики были типичной фигурой в жизни деревни. Крестьянин не имел времени, а часто и способностей лично вести торговлю в С.-Петербурге. Скупщики приобретали на месте различные товары, например, улов в рыболовецких деревнях или ивовую кору, которую затем в измельченном виде сбывали в С.-Петербурге на кожевенных заводах²⁶.

Скупщики участвовали даже в питомническом промысле — так называли воспитание сирот из С.-Петербургского Воспитательного дома (питомцев) в крестьянских семьях. Воспитательный дом оплачивал содержание питомцев. Промысел породил особый вид ростовщичества — так называемый учет билетов Воспитательного Дома для получения платы за питомцев до срока выплаты. Так как

выплата денег за воспитание совершалась через 2–4 мес. в С.-Петербурге, бедной семье ездить несколько раз в город за получением незначительных сумм в 3–5 руб. оказывалось невыгодно. Выдача денег проводилась только в рабочие дни по расписанию, согласно инструкции запрещались выплаты в воскресенья и двенадцатые праздники²⁷. Поэтому крестьяне закладывали выдаваемые им билеты Воспитательного Дома богатым односельчанам под ссуду в 10 и более процентов в месяц. Ссуда могла выдаваться не наличными деньгами, а продуктами по завышенным ценам²⁸.

Следует упомянуть и этнические различия организации торговли. Большинство сельского населения региона составляли русские. Кроме них, в губернии проживали также прибалтийско-финские народы (ингерманландские финны, ижора, воль, эстонцы) и немцы (колонисты). Ингерманландские финны (финны-инкеры), проживавшие в разных уездах губернии, в том числе и в ближних пригородах С.-Петербурга, втягивались в торгово-промысловую деятельность медленнее русских крестьян. Автор описания С.-Петербургской губ. И. И. Пушкарев отмечал, что финны «претерпевают бедность в домашнем быту, не умеют пользоваться выгодами по близкому жительству к столице, которая при большей с их стороны деятельности, могла бы доставить множество средств к улучшению их хозяйства»²⁹. Даже в последней четверти XIX в. статистики указывали, что «степень развития земледелия [в Шлиссельбургском у. — А. Ч.] обуславливается этнографическим составом населения: чем больше финнов в данной местности, тем больше и пашни, так как в финских селениях запашки значительнее, чем в русских»³⁰. Главной причиной было незнание финнами русского языка и, соответственно, их низкая конкурентоспособность при торговле в С.-Петербурге. Примером связи языка и занятий может служить рассказ о распространении извозного легкого промысла в одной из финских деревень, известный из материалов земской переписи 1881–1882 гг. Один из крестьян в течение 2–3 лет трудился на мызе, что позволило ему овладеть русским языком. После этого он занялся извозом в С.-Петербурге и заработал за первую же зиму 70 руб. чистого дохода. Тогда и его односельчане взялись за изучение русского языка, и многие из них стали извозчиками³¹. Эту историю можно рассматривать как вполне типичную для того времени.

Таким образом, торговля оказывала существенное влияние на крестьянское хозяйство. На протяжении XVIII–XIX вв. по мере развития путей сообщения в торговле участвовало все большее число крестьянских хозяйств губернии. С.-Петербургский рынок мог поглотить практически любое количество товаров, произведенных крестьянами губернии. Поэтому местная торговля в форме ярмарок оказывалась второстепенной и не играла существенной роли в доходах крестьян. С торговлей были тесно связаны и различные виды промыслов, продукция которых также поставлялась в С.-Петербург либо непосредственно крестьянами, либо оптовыми торговцами.

Примечания

¹ Административно-территориальное деление Ленинградской области: Справ. Л., 1990. С. 9–10.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1851. Т. 3, ч. 1: Санктпетербургская губ. / Сост. гв. Ген. штаба полк. Жуковский. С. 205, 232.

³ Павлова Л. Г. Хозяйственное и правовое положение крестьян дворцовой волости Северо-Запада России (по материалам Выскатской волости) // История крестьянства Северо-Запада России в XVII–XIX веках: Межвуз. сб. Л., 1983. С. 133.

⁴ Каценко С. Г. Реформы 19 февраля 1861 года в Санкт-Петербургской губернии. Л., 1990. С. 33.

⁵ Ленинградская область: Ист. очерк. Л., 1986. С. 55.

⁶ Туманский Ф. О. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии (ОР РНБ. Ф. 885 (Эрмитажное собрание), № 558. Л. 236, 254 об., 276 об., 281).

⁷ Там же. Л. 236.

⁸ Ленинградская область. С. 83.

⁹ Денисов В. И. Ярмарки. СПб., 1911. С. 124.

¹⁰ Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. СПб., 2004. С. 56.

¹¹ Земледельческая газета. 1900. № 26 (24 июня). С. 581.

¹² Гатчинская неделя. 1913. № 15.

¹³ МСНХ. СПб., 1882. Вып. 1: Крестьянское хозяйство в Петергофском уезде. С. 90, 106.

¹⁴ Реутович Д. Молочное крестьянское хозяйство под Петербургом // Труды Императорского Вольного Экономического общества. Т. 1. СПб., 1854. Отд. 2. № 1. С. 59; № 2. С. 144.

¹⁵ Мыза К... на 1 января 1843 г. Сельскохозяйственный отчет (РГИА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 326. Л. 82–82 об.).

¹⁶ Исаченко Г. А. «Окно в Европу»: История и ландшафты. СПб., 1998. С. 351–361.

¹⁷ Наумов А. О молочном промысле // Гдовско-Ямбургский листок. 1872. № 26. С. 8.

¹⁸ РГИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 24. Л. 5; Россия: Полн. геогр. описание нашего Отечества: Настольн. и дорож. кн. для рус. людей. СПб., 1900. Т. 3: Озер. обл. С. 149.

¹⁹ Архивные материалы этнографических экспедиций кафедры этнографии и антропологии СПбГУ; 1998. Чистяков; дневник полевых записей 1. Л. 21 об.; Красовская; дневник полевых записей 1. Л. 50 об.

²⁰ МСНХ. Вып. 1. С. 167; Россия: Полн. геогр. описание... Т. 3. С. 170.

²¹ Туманский Ф. О. Опыт повествования... Л. 292 об.

²² Там же. Л. 292.

²³ МСНХ. СПб., 1887. Вып. 5, ч. 2: Крестьянское хозяйство в Петербургском уезде. С. 287.

²⁴ Там же. С. 303–304.

²⁵ МСНХ. СПб., 1887. Вып. 7: Крестьянское хозяйство в Царскосельском уезде. С. 242.

²⁶ МСНХ. Вып. 5, ч. 2. С. 258; Берташ А. В., Векслер А. Ф. Новая Ладога. С. 52.

²⁷ Положение о правлении С.-Петербургского Воспитательного дома, штаты сего учреждения и инструкции должностным лицам, служащим в заведении. СПб., 1870. С. 74.

²⁸ Россия: Полное географическое описание... Т. 3. С. 172.

²⁹ Пушкирев И. И. Описание Санктпетербургской губернии. СПб., 1842. Ч. 4. С. 24.

³⁰ МСНХ. СПб., 1885. Вып. 2: Крестьянское хозяйство в Шлиссельбургском уезде. С. 94.

³¹ МСНХ. Вып. 1. С. 159.

М. К. Акользина

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ КУПЕЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (по материалам Моршанска Тамбовской губернии)

В настоящее время одним из перспективных направлений в отечественной историографии является история купечества провинциальных городов. Это объясняется, в частности, тем, что в первой половине XIX в. в российских городах шло формирование новых слоев населения, прежде всего — предпринимательских. Изучение механизма этого процесса имеет несомненную актуальность и привлекает постоянное внимание современных ученых-историков¹.

Задача данной статьи — рассмотреть изменение численности, особенности социальной и территориальной мобильности и занятия купечества провинциального города в первой половине XIX в. на примере Моршанска.

Моршанск в рассматриваемый период относился к числу наиболее развитых в экономическом отношении городов Тамбовской губ.. В первой половине XIX в. в нем постепенно возрастала численность купцов, мещан, цеховых ремесленников, а также увеличивался удельный вес этих сословий — с 25 % в 1805 г. до 94 % в 1863 г. Процент лиц городских сословий в Моршанске был выше, чем в российских городах в целом (даже после включения в 1864 г. в состав города прилегающих слобод). В 1868 г. доля купцов и мещан в населении Моршанска составляла 65 %, тогда как в 1870 г. их доля в составе всех горожан страны равнялась 47 %.

Численность моршанского купечества на протяжении изучаемого периода изменилась незначительно. Исключение составляют первые два десятилетия XIX в. Судя по данным административной статистики в первой четверти столетия, доля купечества по сравнению с 1805 г. утроилась. С начала второй четверти XIX в. до середины 1850-х гг. наблюдался равномерный рост. Во второй половине 1850-х гг. численность купечества в Моршанске снизилась из-за упадка рынка хлебной торговли и уменьшения доходности местного «бизнеса». В результате к 1861 г. доля купечества в населении города оказалась на 7 % ниже уровня 1805 г. В 1860-е гг. купцы перешли на другие виды деятельности и их численность оставалась постоянной. Сумма объявленного капитала постоянно увеличивалась.

Повышение государственного налогообложения, которое проводилось с 1807 по 1821 г., и особенно касалось купцов 3-й гильдии, вызвало постепенное разорение части купцов и переход их в состав мещанства.

Перемены в численности купечества приводили к качественному изменению состава данного сословия, трансформации социального содержания понятия «купечество». На протяжении первой половины XIX в. происходило уменьшение притока в купечество лиц из других сословий, шла консолидация купечества.

Главным источником пополнения моршанского купечества в 1820–1830-е гг. были выходцы из местного мещанства (39 %) и крестьянства (22 %). Случаи раздела семей купцов встречались нечасто (6 %). Отмечались случаи самовольного включения крестьян в число купцов. В середине XIX в. основным источником пополнения моршанского купечества стало крестьянство (29 %), на второе место опустилось мещанство (28 %). Новым было то, что число купцов увеличивалось за счет раздела семей, выделения купеческих детей, братьев, племянников и внуков в самостоятельные домохозяйства (22 %) и соответственного изменения их сословного статуса. Переходили купцы или в мещанство (в большинстве случаев), или повышали свой социальный статус, становясь почетными гражданами.

Важным фактором пополнения моршанского купечества были миграции. Так, из 109 причисленных к купечеству Моршанска в 1835 г. иногородние купцы составляли 23 % семей, мещане —

10 %, т. е. 33 % всех вновь причисленных. В 1850 г. купечество города пополнилось 17 % купеческими и 6 % мещанскими семьями (всего 23 % новоприсчисленных). В частности, был отмечен случай перехода в купцы в 1834 г. московского цехового Федота Денисова Столыпина.

Вторым по численности источником пополнения моршанского купечества в 30-е гг. XIX в. были выходцы из волго-окских городов России, которых привлекали возможности хлебного рынка и пристаней Моршанска. В 1834 г. к купеческому обществу Моршанска было вновь причислено 23 % семей иногородних купцов и 10 % семей иногородних мещан (всего 33 % причисленных). За последующие годы приток жителей других городов России значительно уменьшился. Так, по ревизии 1850 г. из 72 вновь причисленных семей 17 % было купеческих и 6 % — мещанских (всего 23 % причисленных). Ревизия 1834 г. не зафиксировала выезда моршанских купцов в другие города России. В 1850 г. 7 купеческих семейств (18 % всех отчисленных) выбыли из моршанского купеческого общества. Моршанские купцы причислились к купечеству более крупных уездных торговых городов (по одному выбыли в Балашов, Кирсанов и Пронск) и губернских центров (по два выбыли в Тамбов и Воронеж).

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. уменьшился приток в моршанское купечество иногородних купцов и мещан, а также местных мещан и увеличился приток вольноотпущенных и экономических крестьян, уже тесно связанных с рынком и имевших необходимые средства для объявления капитала. К середине XIX в. втягивались в товарно-денежные отношения и выбывались в купцы и некоторые государственные и удельные крестьяне.

В 1863 г. была отменена 3-я гильдия и представители всех сословий получили доступ в ряды купечества. Но эта мера не привела к росту числа купцов. Причина заключалась в том, что в глазах городских и сельских обывателей упала привлекательность купеческого звания. Для них на первом месте был критерий имущественный, а не сословный.

Основным занятием купцов Моршанска в первой половине XIX в. была торговля, причем в этой сфере купцы занимали господствующее положение. Наиболее крупными торговцами были купцы-судовладельцы. В навигацию 1811 г. из 121 хозяина судов, отправивших грузы с Моршанской пристани, 14 (12 %) составляли купцы Моршанска, а весной 1826 г. из 583 владельцев судов был 51 моршанский купец (9 %). Среди 73 моршанских судовладельцев купцы составили 70 %².

Поскольку торговля в Моршанске носила в основном транзитный характер и ярмарка реально не существовала, основным местом торговли для моршанских купцов было с. Алгасово, удачно расположенное на тракте Тамбов — Шацк. Там они имели постоянные места на базарной площади с ежегодным оброком по 2 руб. за места с навесами и 1 руб. — без навесов. На протяжении 30 лет купеческий сын Иван Иванов содержал место в Моршанской Пригородной слободе близ дороги из Моршанска в Шацк, недалеко от городской заставы, с возможностью возводить строения с платежом оброка по 30 руб. в год.

Хорошие доходы приносило содержание складов. Так, моршанский купец Тюлюкин платил сверх установленной суммы оброка ежегодно 150 руб. за береговое место в дачах с. Старое Устье по течению р. Цны, использовавшееся для складирования сплаваемого хлеба, чтобы Казенная палата не передала его тамбовскому купцу Курочкину или другим многочисленным желающим.

В городе купцы торговали главным образом продуктами питания (мясо, овощи, крупы, бакалейные товары), которые перекупали у крестьян, привозивших забитый и живой скот в базарные дни. Купеческий бизнес, как правило, был семейным. Так, моршанский купец 2-й гильдии Степан Кондратьев Житков с братьями Яковом и Евдокимом владели сообща лавкой стоимостью 1800 руб. серебром, приносящей ежегодно 300 руб. дохода. В собственности моршанских купцов Поповых в 1828 г. были 6 каменных лавок с усадебной землей на Вознесенской торговой площади стоимостью 15000 руб. ассигнациями. Часто лавки и жилые помещения располагались под одной крышей.

Купцы содержали постоянные дворы, гостиницы и харчевни. Часть купцов занималась торговой деятельностью в других городах России. В 1860 г. купцам Моршанска был выдан 291 паспорт. В Коммерческом указателе Санкт-Петербурга на 1836 г. в разделе о «второстатейных» купцах упоминались два моршанских купца — Алексеев Павел Савин и Кожин Дорофей Данилов, имевшие собственные лавки и постоянную торговлю в столице. Магазин Алексеева располагался в Петербурге «близ Казанского моста по Каналу в доме Копосова», хозяин занимался продажей шелковых шляп («круглые от 15 до 25 руб., форменные от 30 до 35 руб.»)³.

Большинство купцов Моршанска занимались мелкой торговлей. В 1864 г. купцам было выдано 515 свидетельств на мелочный торг, 10 — на развозной, 51 — на разносный. Членам купеческих семейств было выдано 332 свидетельства.

Занятие торговлей всегда было связано с риском, и Моршанскому городскому магистрату часто приходилось разбирать дела о невыплате долгов местными купцами. Моршанские купцы очень дорожили званием столичных поставщиков. Купец 1-й гильдии Яссон Макаров Синев не выполнил в

срок осенью 1865 г. поставки овса и муки в петербургские магазины по контракту, заключенному им с окружным интендантским управлением Петербурга. В обеспечение неустойки он заложил дом, оцененный в 4000 руб. серебром и сумел поставить овса на сумму 38000 руб. и муки на сумму 32000 руб. серебром уже в январе 1866 г. Выполнив поставки, Синев заплатил 6 руб., чтобы об исполнении его обязательств было объявлено в «Санкт-Петербургских ведомостях»⁴.

Кроме торговцев, в Моршанске было много купцов-промышленников. Они были владельцами большинства мельниц и крупорушек. Так, у моршанского купца Конона Антонова Давыдова имелась крупная мельница с сукновальной близ Праволамской волости в с. Вириатино с ежегодным оброком в 600 руб. У него же в с. Пичаево содержалась наливная мельница с крупорушкой с ежегодным оброком в 705 руб. Обе мельницы были отданы ему в оброчное содержание Казенной палатой сроком на 12 лет.

В 1809 г. во владении моршанских купцов находились оброчные мельницы «Моршанского уезда при селе Серповом на речке Серпу о пяти поставах с толчеею о шести пестах в содержании у моршанского купца Петра Тиханова с 1803 года по 375 руб. в год; при селе Давыдове того же уезда на речке Серпу о семи поставах с толчеею о семи пестах у моршанского купца Алексея Тюлюкина с 1805 года по 3000 руб. Эта мельница была снята за ту же сумму еще у прежнего ее владельца г-на действительного тайного советника Саблукова и принята им Тюлюкиным от него по описи, с которою она и в Удел поступила, по покупке от г-на Саблукова в селах Давыдове и Крюкове имение и по заключении на нее в бывшей Удельной экспедиции вследствие предписания Департамента Уделов от 3 октября 1804 г. контракта»⁵. Эта мельница была оценена в 5161 руб. 25 коп. В 1816 г. Тамбовская удельная контора заключила контракт с моршанским купцом Петром Тихоновым об отдаче ему в 4-летнее содержание мельницы, располагавшейся в даче с. Серповое «из объявленного с окончательных торгов оброка по 5230 руб. в год». С 1808 по 1832 г. в оброчном содержании моршанского купца Сорокина находилась крупная «хлебомольная» мельница, располагавшаяся при с. Ракше Моршанского у., за которую он выплачивал ежегодно по 1054 руб. 73 коп. Самая крупная мельница принадлежала моршанскому купцу Сливину. Она находилась при с. Давыдове и облагалась оброком в 3025 руб. серебром. Чтобы оставить ее за собой, купец на очередных торгах 1816 г. повысил сумму оброка на 1975 руб. в год, предоставил «благонадежный» залог и обошел всех конкурентов, среди которых был инженер англичанин Кларк. Мельница стоила того. Ежемесячно от помола ее хозяин выручал по 1500 руб. серебром (в среднем по 50 руб. в день).

Сохранились сведения о состоянии купца 2-й гильдии Ермила Тюлюкина, одного из братьев богатого и влиятельного моршанского клана (Иван-старший, Иван-младший, Трофим, Агафон Федоровичи), который «производя отдельно от братьев своих обширный торг, скупил на одно свое имя в разных губерниях земли и лесных дач более 12 тыс. десятин, несколько мельниц и домов, всего на 500 тыс. рублей» (для сравнения: 42 крестьянских двора «с разным надворным построением, хлебом и имуществом» оценивались в 14485 руб.).

Городская промышленность Моршанска была представлена в основном салотопенными заводами. В первой половине XIX в. их насчитывалось 20, купцам принадлежали 19 из них. Все владельцы этих заводов были указаны в Списке фабрикантам и заводчикам Российской империи 1832 г. В этот перечень был включен и владелец единственного в городе свечносального завода Кондратий Михайлов. Крупными кожевенными предприятиями руководили купцы Матвей Якжин (Янжин) и Егор Толмачев. В собственности Карпа и Егора Смесовых находилась прядильная фабрика, производившая канаты и бечеву. Самым крупным промышленником города в 30-е гг. XIX в. был владелец трех салотопенных заводов с 27 рабочими, купец 2-й гильдии Карп Ильин Смесов.

Тот же Смесов и купец 3-й гильдии Алексей Дмитриев 19 января 1812 г. заключили контракт с помещицей с. Новое Сысоево (Островка) Моршанской округи Томилиной и ее взрослыми детьми о содержании двух мукомольных мельниц, располагавшихся в дачах того же села с платежом оброка по 3200 руб. в год. Единовременно купцами была выплачена сумма оброка за 2 года. Эти мельницы находились в пользовании данных купцов с 1803 г. и арендовались еще на 6 лет. Одновременно купцы получили право на владение землей, принадлежавшей мельницам.

Заключали купцы договоры и о коммерческой деятельности. Так, в 1830 г. моршанский купец Гаврила Герасимов Васильев с товарищами, моршанским купцом Иваном Федотовым Родионовым и тульским мещанином Иваном Тупинкиным, заключили договор с ряжским помещиком Федором Андреевым Сухаревым на куплю лесной рощи в Ряжском у. при с. Кензене для вырубki на 10-летнее содержание за 8000 руб. и 1000 руб. задатка. По контракту им было разрешено построить поташный завод.

Товарным сельским хозяйством занимались немногие из моршанских купцов, имевшие собственные земли в разных губерниях. Так, моршанский купеческий сын Захар Иванов Иванов в 1828 г. под предлогом постройки богадельни на 25 чел. занял часть городского выгона площадью более

40 дес., в т. ч. 8 дес. дровяного леса, 18 дес. — под сад, 11 дес. — под выгон, 129 саженой — под дорогу. В саду он высадил 2543 яблони разных сортов. Другой моршанский купец Иван Медведев в 1850-е гг. имел 200 дес. в Балашовском и 196 дес. в Сердобском у. Саратовской губ., сдавал их в аренду и ежегодно получал доход по 200 и 160 руб. серебром соответственно.

В 1834 г. однодворцы села Шехмани Липецкого у. Тамбовской губ. заключили контракт на 10 лет с моршанским купцом Никитой Куприяновым, по которому «предположили отдать ему из удобной 545 десятин, а с неудобной 786 десятин <...> Куприянов же вместо платежа оброчных денег за пользование землей обязался выстроить в том селе вместо ветхой деревянной новую каменную церковь с колокольнею <...> наемными от него рабочими людьми со всеми его материалами и покрыть железною крышею». Сами однодворцы должны были «для делания кирпича» отвести место и доставлять лес «на подмостья» (на постройку церкви требовалось около 25 тыс. руб.)⁶.

Моршанским купцом 1-й гильдии Григорием Белугиным «была куплена у г. Александра Львовича Нарышкина из собственной его дачи, состоящей в Моршанском уезде, удобной земли 200 десятин с устроенною на оной хлебомольною мельницею. Водяная хлебомольная мельница, называемая Городищевская на реке Выше и 200 десятин самага лучшего осинового леса»⁷. В 1831 г. у моршанского купца Карпа Ильина Смесова находились в собственности лесные дачи у с. Кутли.

Одним из показателей социального положения горожан было наличие собственного дома. Купеческие дома были средними по стоимости (от 1000 до 1600 руб.) и в этом отношении мало отличались от мещанских. Один из самых крупных домов в Моршанске в 1855 г. принадлежал купцу 1-й гильдии Яссону Макарову Синеву. Дом был каменный, двухэтажный, крытый железом. Присяжными ценовщиками он был оценен в 6000 руб. серебром.

Но не все купцы имели собственные дома. Например, вдова, купчиха Анна Акимова Котельникова снимала квартиру у мещанина Сергея Савельева Петракова; вдова, почетная мещанка Матрена Николаева Котельникова со взрослыми детьми снимала квартиру у купца Федора Иванова Алексеева. Купец Андрей Филиппов Марков с семьей из шести человек проживал в доме у вдовы, мещанки Евдокии Евдокимовой Копейкиной.

Купцы проживали и вне городской черты. Так, вдова, купчиха Матрена Петрова Маркова с семьей из 12 чел. жила в слободе Кочетовке, а Алексей Абрамов Резанов с семьей из 13 чел. имел жительство «за р. Цной».

В источниках содержатся фрагментарные сведения об использовании купцами наемного труда. Наемные работники в массовом количестве работали на промышленных предприятиях.

Прислуга в купеческом доме встречалась редко. Только у почетного гражданина вдовца Якова Дмитриева Серебрякова, в семье которого были снохи работоспособного возраста 25 и 29 лет, жила в услужении мещанская дочь девица Любовь Константинова, 24 лет. Дворовые были у купца Никиты Борисова Попова. Они принадлежали его жене Пелагее Кириловой, происходившей из дворян, и достались ей по наследству от матери — прапорщицы Матроны Антоновой Шахматовой. У моршанской купчихи Пелагеи Шубиной находился в работниках (ухаживал за лошадью) удельный крестьянин моршанской Пригородной слободы Иван Сажин.

8 февраля 1812 г. моршанский купецкий сын Авдей Городнов и мещанин Егор Федоров Галилеев нанялись в услужение к моршанскому купцу Карпу Гаврилову Касалапову на срок до 1 ноября 1812 г. для перегона гуртов скота.

Купечество принимало активное участие в управлении городом. В 1859 г. городским головой был купец 1-й гильдии Андрей Захаров Платицын, гласными городской думы — купцы Илья Андреев Алексеев, Иван Никитин Смесов, Николай Афанасьев Юсов и Николай Антонов Городков. Места бургомистров занимали купцы Иван Иванов Ефремов и Финоген Данилов Щербаков, места ратманов в городском магистрате — купцы Кузьма Александров Кулеватов, Павел Семенов Юдин, Яков Васильев Фокин и мещанин Иван Борисов Скопинцев.

В 1864 г. в состав Моршанской городской думы входили: городской голова — потомственный почетный гражданин Андрей Захарович Платицын, и гласные — купцы 3-й гильдии Степан Фирсов Михайлов, Григорий Иванов Прокофьев, Ефим Трофимов Дутов и Яков Кондратьев Житков. В городском магистрате на должности бургомистров находились: почетный гражданин Гаврила Григорьев Умников и купец 3-й гильдии Василий Павлов Николаев, на должности ратманов — купцы 3-й гильдии Еремей Фирсов Сычев, Кирилл Лазарев Фомин и Тимофей Харламов Никифоров. В 1866 г. в состав депутации Моршанского Цнинского судоходства входили: депутат — купец 2-й гильдии Степан Кондратьев Житков и маклер — купец 2-й гильдии Петр Алексеев Алексеев.

Городским головой в 1868 г. был потомственный почетный гражданин Емельян Захаров Платицын. Его брат — купец 1-й гильдии Андрей Захаров Платицын — занимал место почетного блю-

стителя женского приходского училища. Почетный гражданин Николай Михайлов Рымарев принимал участие в работе уездной земской управы.

Главным отличием купечества Моршанска от купечества других городов России была его семейно-деловая консолидация в условиях ухудшения экономической конъюнктуры в середине 50-х гг. XIX в. Консолидация была связана с конкуренцией между принадлежавшими купцам однотипными перерабатывающими предприятиями и сопровождалась разорением части купечества в связи с изменившимися условиями торговли.

Примечания

¹ Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI — начала XX в. Рязань, 1996; Разгон В. Н. 1) Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: Регионал. аспект предпринимательства традиц. типа. Барнаул, 1998; 2) Отставание сибирским купечеством сословных привилегий в сфере торгово-промышленного предпринимательства (XVIII — первая половина XIX в.) // Предприниматели и предпринимательство в Сибири: Сб. науч. ст. Барнаул, 2001. Вып. 3. С. 22–42; Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.): Учеб. пособие. Барнаул, 1999; Кашенов А. Т. Государственная политика в отношении городских предпринимательских слоев во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: Сб. ст. Барнаул, 2005. С. 115–138.

² ГАТамбО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 289; Ф. 4. Оп. 1. Д. 681.

³ Кишкин-Жгерский В. Коммерческий указатель города С.-Петербурга... На 1831 год. СПб., 1830.

⁴ ГАТамбО. Ф. 142. Оп. 1. Д. 51. Л. 25–27 об.

⁵ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 2–2 об.

⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 946. Л. 790–791 об.

⁷ Там же. Ф. 29. Оп. 1. Д. 742. Л. 4, 10.

О. А. Кравченко

РОЛЬ КУПЕЧЕСТВА НА ЗЕМЕЛЬНОМ РЫНКЕ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере Курской губернии)

Складывание купеческого землевладения как формы частной собственности началось после указа Александра I от 12 декабря 1801 г., разрешавшего купцам, мещанам и государственным крестьянам приобретать незаселенные земли. На основании этого базового узаконения через введение совершенно нового для российского законодательства понимания права собственности, не как привилегии и сословного преимущества, а как равной для каждого субъекта права возможности, были начаты последующие преобразования в направлении создания полноценной частной собственности исследуемого сословия. Интенсивное развитие купеческое землевладение получило после реформ 1860–1870-х гг., когда земельный фонд стал всесословным товаром, число субъектов права поземельной собственности потенциально выросло почти вдвое, выстроилась целостная институциональная система. В связи с этим купцы стали вкладывать свои предпринимательские капиталы в недвижимость — землю¹.

Важной стороной в развитии любого товарного рынка является динамика цен. С конца 1860-х гг. в черноземных губерниях наблюдался быстрый ценовой рост земли. В этих условиях земля становится весьма выгодным объектом вложения капитала. Динамика цен на землю была обусловлена изменением ее стоимости (см. табл.).

Цены за 1 дес. земли (в руб.) по черноземной полосе Европейской России²

1863 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.	1902 г.
25,7	33,7	53,5	19,8	99,8

С 1863 по 1902 г. цены на черноземные земли выросли в 3,9 раза, при этом временной тренд составил 1,9 руб. в год, что говорит о высоком темпе роста земельных цен.

Динамика цен на землю в Курской губ. в 1863–1902 гг., также как и в черноземной полосе в целом, характеризовалась высоким уровнем роста. В 1863 г. уровень цен на землю в Курской губ. был равен 29 руб., что на 3,3 руб. выше показателя по губерниям черноземной полосы. При этом вре-

менной тренд за 1863–1878 гг. составил 2,41 руб. в год. Неоднородность в показателях была связана с сельскохозяйственной перестройкой, начавшейся после отмены крепостного права.

К концу 1870-х гг. несмотря на кризис, который казалось должен был затормозить рост цен на землю, в действительности происходил повсеместный ценовой рост. В 1879 г. средняя стоимость 1 дес. земли составила 65 руб., временной тренд с 1879 по 1894 г. был равен 3,5 руб. в год, что говорит о более высоких темпах роста земельных цен, чем в предшествующий период. К концу 1890-х гг. в Курской губ. наблюдался наиболее интенсивный рост цен (цена за 1 дес. выросла до 109 руб.), временной тренд за 1895–1910 гг. составил 6,42 руб., причем это были наиболее высокие показатели по Центральному Черноземью, средний тренд в регионе за указанный период составлял 4,8 руб.³

Таким образом, главной чертой динамики цен на землю в Курской губ. в пореформенный период с точки зрения развития земельного рынка была отчетливо проявляющаяся тенденция к ее интенсивному увеличению.

Появление с конца 1870-х гг. основной тенденции в развитии земельного рынка и увеличение купеческой частновладельческой поземельной категории предусматривает рассмотрение роли купцов-землевладельцев в процессах, происходивших на общесословном земельном рынке.

Погубернские сведения о купле-продаже земли отсутствуют до 1893 г., но статистический материал позволяет проследить межсословную мобилизацию земель в исследуемый период в целом по ЦЧР. Эти данные раскрывают процесс перехода земель от одного сословия к другому, отражая общую тенденцию в черноземных губерниях.

Для выявления роли купечества на земельном рынке и установления тенденций развития купеческого землевладения с 1863 по 1892 г. обратимся к анализу купли-продажи земли в Центральном Черноземье по десятилетиям. В период с 1863 по 1872 г. купечество заключило на продажу земли 1025 сделок или 3,5 % от всех сделок подобного рода. По этим сделкам купеческое сословие реализовало на земельном рынке 103760 дес. или 3,2 % всех проданных земель. Средний размер проданного купцами участка составил 101,2 дес. За этот же период времени купцы заключили 3255 сделок на покупку земли или 11,3 % всех сделок подобного рода, в целом купечество приобрело 658866 дес. или 20,9 % всех купленных земель. Средний размер земельного участка, купленного купечеством, был равен 202,4 дес.⁴ В целом за десятилетие купечество на общероссийском земельном рынке приобрело на 555106 дес. больше, чем продало, т. е. наблюдается процесс расширения купеческих землевладений.

С 1873 по 1882 г. купечество в результате 1948 сделок (3,6 % всех сделок подобного характера) продало 320037 дес. земли (6,7 % всех проданных земель). В сравнении с 1863–1872 гг. наблюдается увеличение вышеприведенных показателей как в количественном отношении на 923 и 216277 дес. соответственно, так и в процентном отношении к общесословному земельному рынку. Средний размер земельного участка, проданного купечеством, составил 164,3 дес., что выше данных первого десятилетия в 1,6 раза. Таким образом, купечество стало продавать более крупные участки. За этот же период купцы на покупку земли заключили 4065 сделок или 7,6 % от всех аналогичных сделок. По этим сделкам представителями купечества было приобретено 894812 дес. или 18,8 % всех купленных земель. По сравнению с рубежом 1860–1870-х гг. показатели по покупке земель на общесословном рынке сократились на 3,7 % и 2,1 % соответственно. Средний размер купленного купцами земельного участка был равен 220,1 дес., что меньше показателя 1860–1870-х гг. на 17,7 дес.⁵

В период с 1883 по 1892 г. купечество заключило 4983 сделки на продажу земли или 3,3 % от всех сделок продажи земли. По этим сделкам купцы реализовали на земельном рынке 321367 дес. или 8,5 % всех проданных земель. Средний размер проданного купечеством участка составил 159,8 дес., что на 4,5 дес. меньше предыдущего аналогичного показателя и на 58,6 дес. больше показателя за период 1860–1870-х гг. К началу 1890-х гг. купцы на покупку земли заключили 2978 сделки или 6,0 % от всех подобных торговых операций. По ним было куплено 551653 дес. земли или 14,6 % всех приобретенных земель. Средний размер земельного участка составил 185,2 дес.⁶ Это меньше на 16,9 дес., чем в 1870–1880-е гг. и на 17,2 дес., чем в 1860–1870-е гг.

За рассматриваемый отрезок времени сохраняется тенденция к сокращению купеческого земельного фонда. Так, показатель приобретенных земель относительно 1870–1880-х гг. сократился на 343159 дес. или на 4,2 % всех купленных земель. По сравнению с 1860–1870-ми гг. также наблюдается сокращение на 107213 дес. или на 6,3 %. Показатель проданных земель по сравнению с 1870–1880-ми гг. увеличился на 1330 дес. или на 1,8 % всех проданных земель. Относительно 1860–1870-х гг. также наблюдается увеличение на 217607 дес. или на 3,1 % всех проданных земель.

С 1863 по 1892 г. по 10 губерниям ЦЧР купечество заключило 4983 сделки на продажу земли или 3,3 % от всего количества данных сделок. По этим сделкам купцы продали 745165 дес. или 6,3 % реализованной земли, приблизительно столько же составлял показатель в Европейской России —

6,2 %. Средний размер проданного купечеством земельного участка составлял 149,5 дес.⁷ То есть на земельном рынке продавцами земель были в основном представители среднего (101–1000 дес.) купеческого землевладения.

За этот же период на покупку земель купечество заключило 10298 сделок или 7,8 % всех сделок подобного характера. Купечество по этим сделкам приобрело 2105332 дес. или 17,9 % всех купленных земель, что на 0,5 % выше общероссийских данных. Средний размер земельного участка, купленного купечеством, составлял 204 дес.⁸

Таким образом, купеческое сословие приобрело на 1360167 дес. больше, чем продало, к тому же средний размер купленного участка оказался на 36,4 % выше проданного.

Итак, с 1863 по 1892 г. в Центрально-Черноземных губерниях наблюдается тенденция сокращения купеческого земельного фонда. При этом на общесословном земельном рынке купцы на протяжении всего пореформенного периода занимали лидирующие позиции, уступая лишь дворянам.

Сопоставим аналогичные данные за 1890-е гг. по Европейской России, Центральному Черноземью и Курской губ.. Это позволит выявить общее и особенное в эволюции купеческого землевладения в исследуемой губернии.

В 1895 г. в Курской губ. купечество на продажу земли заключило 20 сделок или 1,5 % от всех сделок подобного рода, что было на 1,9 % меньше, чем по ЦЧР, и на 2,8 % меньше, чем в среднем по Европейской России. По этим сделкам купеческое сословие реализовало на земельном рынке 608 дес. или 2,1 % всех проданных земель, что было на 6,9 % меньше, чем по Центральному Черноземью, и на 6 % меньше среднего показателя по Европейской России. Средний размер проданного купцами участка составил 30,4 дес., что на 168,1 дес. меньше, чем в ЦЧР, и на 186,8 дес. меньше, чем по Европейской России. В этом же году купцы заключили 46 сделок на покупку земли или 3,4 % всех сделок подобного рода, что было на 1,7 % меньше, чем по Центральному Черноземью, и на 1,6 % меньше, чем в среднем по Европейской России. По этим сделкам купечество приобрело 2278,1 дес. или 7,9 % всех купленных земель, что было на 5,5 % меньше, чем в ЦЧР, и на 5,9 % меньше подобного показателя по Европейской России. Средний размер земельного участка, купленного купечеством, по Курской губ. был равен 49,5 дес., что было меньше, чем в Центральном Черноземье на 145,3 дес., и на 280,1 дес. меньше, чем в Европейской России⁹. Итак, купеческое сословие приобрело на 1670,1 дес. больше, чем продало, к тому же средний размер купленного участка оказался на 36,4 % выше проданного.

Таким образом, в Курской губ. процесс купли-продажи земли купеческим сословием был не тождественен Центральному Черноземью в частности и Европейской России в целом. Это показывает разнонаправленность тенденции развития купеческого землевладения в однотипном экономическом регионе.

В 1895 г. структурный характер проданной купцами земельной собственности по категориям землевладения выглядел следующим образом: к числу мелкого землевладения относилось 164,6 дес. или 27 % всех проданных купцами земель, среднего — 443,4 дес. или 73 %. Крупных земельных владений в рассматриваемом году купцы не продали. Таким образом, большая часть проданных купеческих земель приходилась на среднее купечество.

Часть проданных земель компенсировалась параллельной ее покупкой. Из общего числа купленных земель 554,4 дес. или 24,3 % приходилось на мелкие землевладения, 1723,7 дес. или 75,6 % — на средние. Также, как и в случае продажи земли, купечество в 1895 г. при покупке не приобрело крупных земельных владений. Средний размер приобретенного купцами земельного участка для мелкого землевладения составил 14,9 дес., для среднего — 191,5 дес.¹⁰ Таким образом, в структуре купли-продажи земли наблюдается преобладание среднего землевладения по количеству земли и мелкого — в отношении представленных сделок.

Главными поставщиками частновладельческих земель для купеческого сословия в Курской губ. было дворянство. В 1895 г. на покупку земли купцы с дворянами заключили 14 сделок или 30,4 % всех сделок подобного рода. По этим сделкам было приобретено 1534,9 дес. или 67,4 % всех купленных земель на сумму 209845 руб. Средний размер купленного купцами земельного участка у дворянской сословной группы составлял 109,6 дес. Таким образом, при покупке исследуемым сословием земли у дворян преобладало среднее землевладение. Такое положение было обусловлено большой концентрацией дворянских земель.

В области спроса на землю нами были выявлены некоторые особенности, определяющие в значительной мере само предложение земли. Большая часть предложенной купцами земли была приобретена самими же купцами — 270,9 дес. или 44,5 % всех проданных земель. Наибольшее количество сделок по продаже земли купцы заключили с крестьянами — 8 сделок или 40 % всех сделок данного характера. По ним было продано 47,4 дес. земли или 2,1 % всей проданной земли.

Итак, на протяжении всего пореформенного периода купечество ЦЧР являлось активным покупателем земельной собственности. Баланс купли-продажи земли показал преобладание покупательной способности не только по количеству заключенных сделок, но и увеличение земельного фонда исследуемого сословия.

Примечания

¹ Ковальчук М. А., Тесля А. А. Земельная собственность в России: Правовые и ист. аспекты (XVIII — первая половина XIX вв.): Моногр. Хабаровск, 2004. С. 75.

² Составлена по: Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 13: Погуберн. итоги мобилизации земель и сред. земельн. цены за 40-летие 1863–1902 гг. СПб., 1907. С. 12.

³ Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX века. М., 2004. С. 165–181.

⁴ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 4: Свод данных о купле продаже земель в 45 губерниях Европейской России за тридцатилетие 1863–1892 гг. СПб., 1901. С. 56–59.

⁵ Там же. С. 2–5, 8–11.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 50–51.

⁹ Материалы по статистике движения землевладения в России. Вып. 3: Купля продажа земли в Европ. России в 1895 г. СПб., 1898. С. 130–133.

¹⁰ Там же. С. 130–133.

¹¹ Там же. С. 134–135.

А. А. Терещенко

КУПЕЧЕСТВО ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ЧИСЛЕННОСТЬ И СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одним из наиболее характерных явлений социально-экономического развития ЦЧР во второй половине XIX в. было изменение численности купечества и развитие торговли. Процессы модернизации вызвали не только количественное движение городского населения, но и привели к существенным переменам в сословной структуре городских центров, специализации торговли и характера занятости горожан. Так, если в 1861 г. в городах региона насчитывалось 52,9 тыс. чел. купцов, или 10,4 % населения, то в 1897 г. их доля резко уменьшилась и стала составлять 1,8 % (15,4 тыс. чел.) от общего числа горожан (см. табл. 1–2).

Таблица 1

**Сословная структура городского населения Центрального Черноземья
в 1861 г., тыс. чел., (в т. ч. члены их семей)¹**

Сословия	Города Воронежской губ.		Города Курской губ.			Города Орловской губ.		Города Тамбовской губ.			Итого
	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	
Дворяне потомственные	1,9	0,8	0,3	1,3	0,1	0,3	1,0	0,6	0,8	0,03	7,1
Дворяне личные	3,0	1,2	0,9	1,4	0,03	0,5	2,3	1,1	1,8	0,05	12,4
Духовенство	2,1	1,2	0,8	2,0	0,2	0,7	2,8	2,2	1,7	0,4	14,1
Почетные граждане	0,2	0,01	0,1	0,2	–	0,1	0,3	0,04	0,3	–	1,3
Купцы	2,1	6,4	1,2	11,3	0,2	1,0	15,2	0,6	14,3	0,6	52,9

Сословия	Города Воронежской губ.		Города Курской губ.			Города Орловской губ.		Города Тамбовской губ.			Итого
	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	
Мещане	8,8	19,5	16,5	39,0	1,0	24,3	74,8	13,5	64,2	5,8	267,5
Цеховые и рабочие	7,7	5,5	1,9	1,9	0,02	–	–	0,01	–	–	12,2
Крестьяне	7,8	16,5	2,5	7,7	9,7	1,3	9,9	7,5	11,8	0,4	75,2
В т. ч. временнообязанные	2,0	0,1	0,1	0,3	–	0,5	3,0	3,5	1,3	0,1	10,9
Военные	3,9	4,7	3,3	7,5	0,5	3,2	7,8	4,6	6,2	0,2	45,7
Иностранцы	0,05	0,02	0,1	0,02	–	0,04	0,01	0,01	0,01	–	0,3
Другие группы	0,01	0,8	0,4	0,7	–	3,6	0,7	0,1	0,9	0,02	13,4
Все население	39,5	56,7	28,1	73,3	11,7	35,8	116,8	33,7	103,3	7,5	506,4

При этом численность купечества в губернских центрах в 1897 г. осталась почти на том же уровне, что и в начале 1860-х гг. Так, если в 1861 г. в Воронеже, Курске, Орле и Тамбове зарегистрировано 4,9 тыс. чел. купцов, то в 1897 г. — 4,3 тыс. чел., т. е. всего на 0,6 тыс. чел. меньше. Тогда как в уездных городах региона количество купцов в 1897 г. уменьшилось с 47,2 тыс. чел. в 1861 г. до 11,0 тыс. чел. в 1897 г., т. е. в 4,3 раза. В заштатных городах численность данного сословия упала почти в 5 раз².

Среди губернских городов наибольшее сокращение числа купцов наблюдалось в Воронеже — с 2,1 тыс. чел. до 1,1 тыс. чел., т. е. в 1,9 раза. В Курске их численность уменьшилась незначительно — на 0,1 тыс. чел., или в 1,1 раза. В Орле и Тамбове произошло некоторое увеличение горожан данного сословия — на 0,3 и 0,2 тыс. чел. соответственно, или в 1,3 раза.

Снижение численности купечества в составе городского населения к концу XIX в. было особенно заметно в уездных городах Воронежской и Курской губ. Так, численность данного сословия в воронежских уездных центрах уменьшилась к 1897 г. на 5,1 тыс. чел., или на 79,9 % от их количества в 1861 г., и составила всего 1,3 тыс. чел. В курских уездных городах в 1897 г. насчитывалось 2,5 тыс. чел. купцов (произошло уменьшение в 4,6 раза). В уездных городах Орловской и Тамбовской губ. численность купечества сократилась, соответственно, на 11,2 и 11,0 тыс. чел. (в 3,8 и 4,4 раза)³.

Таблица 2

Сословная структура городского населения Центрального Черноземья в 1897 г., тыс. чел. (в т. ч. члены их семей)⁴

Сословия	Города Воронежской губ.		Города Курской губ.			Города Орловской губ.		Города Тамбовской губ.			Итого
	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	
Дворяне потомственные	3,6	1,5	4,0	3,5	0,05	2,9	2,8	2,3	2,5	0,03	23,0
Дворяне личные и чиновники	3,9	2,2	2,6	2,5	0,03	3,5	3,6	3,0	3,6	0,03	24,9

Сословия	Города Воронежской губ.		Города Курской губ.			Города Орловской губ.		Города Тамбовской губ.			Итого
	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	губ.	уезд.	губ.	уезд.	зашт.	
Дворяне потомственные	3,6	1,5	4,0	3,5	0,05	2,9	2,8	2,3	2,5	0,03	23,0
Духовенство	2,5	1,4	1,5	1,9	0,1	2,0	2,2	2,2	2,2	0,1	16,0
Почетные граждане	1,9	0,9	1,2	1,9	0,1	2,0	3,0	1,4	2,1	0,04	14,5
Купцы	1,1	1,3	1,1	2,5	0,03	1,3	4,0	0,8	3,2	0,1	15,4
Мещане	26,1	24,6	24,8	43,6	1,2	26,8	78,0	14,0	58,0	5,0	302,2
Крестьяне	40,5	53,0	40,0	87,6	11,8	30,4	79,8	23,9	99,4	0,9	467,4
Войсковые казаки	0,1	0,03	0,03	0,02	–	0,02	0,05	0,03	0,08	0,01	0,4
Иностранцы	0,01	–	–	0,02	–	–	0,02	–	0,01	–	0,06
Финляндские уроженцы	0,01	–	–	–	–	–	0,01	–	–	–	0,02
Иностранцы	0,3	0,05	0,2	0,1	–	0,2	0,1	0,1	0,2	–	1,3
Не принадлежащие к этим сословиям	0,4	0,1	0,2	0,3	0,04	0,5	0,5	0,2	0,4	–	2,6
Не указавшие сословия	0,2	0,1	0,1	0,2	–	0,2	0,2	0,2	0,3	0,01	1,5
Все население	80,6	85,2	75,7	134,1	13,4	69,8	174,3	48,1	174,0	6,2	861,4

За этот же период численность остальных сословий увеличилась: дворян потомственных — в 3,3 раза, дворян личных и чиновников не из дворян — 2,0 раза, духовенства — в 1,1 раза, потомственных личных почетных граждан — в 11,5 раза, мещан и рабочих — в 1,1 раза, иностранных подданных — в 5,2 раза⁵. Таким образом, в отличие от других сословий, в городских центрах Черноземья весьма заметно уменьшилось количество купцов — с 52,9 тыс. чел. в 1861 г. до 15,4 тыс. чел. в 1897 г., или в 3,4 раза.

Такое резкое снижение числа купцов связано, прежде всего, с ростом в городах к концу XIX в. стационарной оптовой торговли, с повышением роли промышленности в городской экономике, а также с переходом части купцов в разряд почетных граждан.

Наиболее привлекательными для купцов, наряду с губернскими городами, были уездные Белгород, Болхов, Борисоглебск, Брянск, Елец, Козлов, Ливны, Липецк, Моршанск и Острогожск, ставшие к концу XIX в. важными экономическими центрами региона. В указанных 10 из 55 (18,2 %) городах Черноземья в 1897 г. насчитывалось 270,8 тыс. чел., или 31,4 % горожан региона. В них проживали 5145 чел., или 33,3 % купцов, а также 4448 чел., или 19,2 % всех потомственных дворян; 5274 чел., или 21,1 % личных дворян; 3030 чел., или 19,0 % духовенства; 4066 чел., или 28,1 % почетных граждан, а также 352 чел. (из 1312 чел.), или 26,8 % иностранных подданных⁶.

Притягательностью для купечества в этих городах было наличие удобного железнодорожного, водного или шоссейного сообщения, обеспечивающего надежные экономические связи с всероссийским рынком, большая возможность для приложения своих коммерческих и предпринимательских способностей в развивающихся рыночных отношениях. Помимо губернских Воронежа, Курска, Орла и Тамбова, наибольший интерес для купечества имели древние Борисоглебск, Елец, Козлов, Ливны, Моршанск и Острогожск. Наименьшую привлекательность в данное время имели города с еще недостаточно окрепшей экономикой и коммунальной сферой: уездные Богучар, Грайворон, Дмитровск, Елатьма, Задонск, Зем-

лянск, Кромы, Новохоперск, Павловск, Севск, Спасск, Темников, Тим, Трубчевск, Фатеж, Шацк и заштатные Богатый, Кадом, Мирополье и Хотмыжск. На долю купечества заштатных городов Богатого Обоянского, Мирополя Суджанского, Хотмыжска Грайворонского у. Курской губ. и Кадома Темниковского у. Тамбовской губ. в 1897 г. приходилось всего 695 чел.

Реформа 1861 г., «перевернувшая вверх дном всю русскую жизнь»⁷, открыла новую эпоху в истории России — эпоху становления и утверждения буржуазных отношений в стране, широкого приобщения российского общества к новым нормам экономической, политической и культурной жизни, ставшими основой развития человеческой цивилизации на очередном этапе ее развития.

Одним из основных занятий горожан в 1861 г. была торговая деятельность (см. табл. 3).

Таблица 3

**Занятия горожан Центрального Черноземья в области экономики
в 1861–1897 гг., тыс. чел. об. пола
(мастеров, членов их семей и подмастерьев)⁸**

Занятия горожан	Городские центры Центрального Черноземья							
	Воронежская губ.		Курская губ.		Орловская губ.		Тамбовская губ.	
	1861 г.	1897 г.	1861 г.	1897 г.	1861 г.	1897 г.	1861 г.	1897 г.
Фабрично-заводская и ремесленная деятельность	9,6	48,2	11,7	61,6	7,4	8,4	4,0	59,4
Торговля	1,1	19,8	14,3	33,0	2,0	35,3	1,5	34,8
Сельское хозяйство	3,0	29,2	10,4	45,8	0,7	27,6	2,1	34,4
Др. виды экономической деятельности	3,3	23,6	9,2	24,9	16,0	20,4	11,9	36,2
Итого занято в экономике	17,0	120,8	45,6	165,3	26,1	91,7	18,5	164,8
Административная деятельность*	нет данных	7,0	нет данных	7,8	нет данных	7,9	нет данных	8,2
Социокультурная деятельность	3,3	37,1	3,0	39,0	3,4	48,0	4,3	44,0
Военнослужащие	4,7	4,0	11,5	8,3	13,1	13,4	12,3	7,7
Итого внеэкономических занятий	8,0	48,1	14,5	55,1	16,5	69,3	16,6	59,9
Всего населения	96,2	169,6	113,1	221,5	152,6	244,0	144,2	226,3

* Некоторые данные о деятельности горожан в 1861 г. в источниках неполные и поэтому отсутствуют.

Для правильной оценки состояния торговли городов Черноземья во второй половине XIX — начале XX в. важно учитывать как своеобразие изучаемого региона, так и особенности переживаемого страной пореформенного периода, а также хозяйственную специфику конкретных городов, обслуживающих потребности не только собственно горожан, но и огромного сельского населения прилегающих территорий. Последнее обстоятельство особо отмечалось современниками, так как «крестьянский спрос высвобожденной от крепостного права деревни стимулировал рост фабрично-заводской промышленности, торговли и в связи с этим толкал горожан к еще большей специализации»⁹.

Либерализация российского общества в 60–70-е гг. XIX в. способствовала расширению коммерческой и предпринимательской деятельности городского населения, привела к возрастанию функций города в поступательном экономическом движении страны. По свидетельству современника, «города из резиденции администрации» постепенно превращаются в «самодовлеющие экономические центры»¹⁰. В торговле Тамбовской губ. большую роль играли местные реки. Основной продукцией перевозки из Пензенской и Саратовской губ. были хлеб и хлебный спирт — до 6 млн. пудов на 3 млн. руб. Из города Моршанска Тамбовской губ. везли до 2 млн. пудов на 1 млн. руб. сала, торговали с Воронежской, Орловской, Курской и др. губерниями России. Значение рек в экономике этой

губернии было настолько весомым, что в Борисоглебске была построена Хоперская пристань, где осуществлялось строительство судов¹¹.

До открытия железнодорожного сообщения не только орловские, но и курские торговцы для оптовой торговли с Калугой, Серпуховом, Коломной и Москвой подвозили все свои товары к Орловской пристани. До 1869 г. с Мценской и Орловской пристаней ежегодно отправлялось от 500 до 600 судов разной величины. За навигацию осуществлялось по 5–6 рейсов. Наибольшая грузоподъемность судов приходилась на время половодья р. Оки — от 30000 до 45000 пудов на одно судно. Мелкие суда грузоподъемностью от 6000 до 20000 пудов совершали по 4–5 рейсов в сезон. Конечным пунктом доставки грузов были пристани Калуги, Перемышля, Серпухова, Коломны и Москвы¹².

Все суда и большая часть плотов из Брянска и Трубчевска по окончании разлива р. Десны отправлялись с грузами в малороссийские города, например, в Киев, Кременчуг, Екатеринослав и Херсон, а по прибытии на место назначения после реализации груза продавались на постройки (особенно в трех последних городах, испытывающих недостаток в строительных материалах).

Взаимовыгодные экономические связи местного крестьянского и городского населения можно проиллюстрировать на примере городской торговли в Ельце и Ливнах. Так, для отправки из Ельца пшеничной муки требовалось 450 тыс. мешков, из Ливен — 500 тыс. мешков. Для каждого мешка необходимо 4 аршина холста. Следовательно, для 950 тыс. мешков только в два названных города крестьяне поставляли 3800 тыс. аршин холста на сумму 190 тыс. руб. серебром (по 5 коп. за аршин). Многие небогатые мещане для собственного потребления также покупали холст у крестьян. Кроме того, окрестные крестьяне осенью продавали горожанам целые возы живых гусей, а в Брянске, Ельце и особенно в Задонске продавали живую, соленую, вяленую и копченую речную рыбу: соленых щук, сушеных в печах сомов, копченых лещей и язей. После введения в строй железной дороги многие торговцы-оптовики — жители Ливен, Ельца, Малоархангельска, Мценска и Орла — стали поставлять по железной дороге в Москву гусей и другую битую птицу¹³.

Воронежские города вели круглогодичную торговлю с большинством городов Орловской, Тамбовской и Курской губ. С Москвой, Санкт-Петербургом, Нижним Новгородом, Курском, Полтавой и Харьковом из-за отсутствия до конца 1860-х гг. железнодорожного сообщения торги велись только в летнее время и на ярмарках. С Ростовом, Камышином и Таганрогом торговали с весны до осени, пока имелся подножный корм для лошадей и волов. Русское население товары перевозило на лошадях, украинское — на волах. Зимой по санному пути торговали с Ельцом, Козловым и Моршанском¹⁴.

Рожь, пшеница и льняное семя, частично просо, гречиха, овес являлись основными товарами, которые вывозились из региона. Постоянными потребителями проса были подмосковные губернии — до 50 тыс. четв., гречиха шла в армейские части Кавказа, овес — на юг в войско Донское. Ячмень, горох, конопляное и подсолнечное семя, табак и анис перерабатывались на месте и поставлялись в столицы, в Нахичевань, соседние губернии. Муку отправляли на Кавказ, зерно — в Моршанск и Елец, а также на склады Тамбовской и Курской губ.

Экспортными товарами городов Центрального Черноземья являлись сахар, зерно, топленое сало. Так, до 670000 четв. хлеба и 100000 четв. льняного семени вывозилось ежегодно только из воронежских городов в Англию. Кроме того, каждый год около 300000 пудов белого воронежского сала вытапливалось на экспорт. «Воронежские капиталисты» также поставляли этот качественный продукт в Москву и Санкт-Петербург, а также на Моршанскую пристань, откуда сало отправлялось в различные районы страны и за границу.

Особенно много говяжьего, бараньего и свиного сала поставлялось из орловских городов. Торговцы салом закупали целыми гуртами преимущественно овец и свиней, откармливали их на мельницах и крупорушках отходами от переработки пшеницы и гречихи, а осенью забивали на сало (для владельцев последних это был иногда единственный источник их дохода). К примеру, из Ельца сала вывозилось на 400 тыс. руб. в год, из Ливен — на 180 тыс. руб., из Орла — до 60 тыс. руб. После введения в действие железной дороги поставки сала к Рижскому порту не только из этих городов, но и из других мест значительно возросли¹⁵.

Не меньшей популярностью у потребителей пользовалось и топленое белгородское сало, собираемое с большой территории в Белгород из соседних уездов и губерний, в том числе малороссийских. Собранная продукция разливалась в осиновые бочки, изготовленные, в основном, слободским населением, и через руки курских купцов объемом около 600000 пудов на сумму в 2 млн. руб. зимой также отправлялась в российские столицы, прибалтийские города и на экспорт.

Рыльские купцы, ведущие интенсивную торговлю с Австрией, скупали у «шибаев» (мелочных перекупщиков) кожаный товар, конский волос и щетину не только в Курской и соседних чернозем-

ных губерниях, но и в Поволжье. Вместе с продукцией пчеловодства это сырье они вывозили в Австрию и Германию в обмен на косы, которыми снабжали практически всю Россию (даже Сибирь).

Купцы-оптовики в Рыльске или через свои конторы в других городах сбывали «сеножатные» косы мелким купцам. Розничную же торговлю осуществляли с наступлением весны следующим образом. Из Рыльска в разных направлениях отправлялось до 3 тыс. повозок, на каждой из которых находилось по 500–600 изделий. Купцы продавали свой товар на ярмарках, а также на городских базарах. Иногда косы обменивали на прасольский товар. Основной сбыт продукции производился в тех местностях, где предполагался хороший урожай хлеба и трав. С учетом расходов каждую косу покупали за 40–50 коп., а продавали по 1–1,5 руб. Таким образом, с каждой повозки, содержащей на 200–300 руб. товара, купец-возчик получал до 300–600 руб. чистой прибыли¹⁶.

Другим примером городской экспортной торговли являлась продажа «Италийскому двору» лошадей козловским купцом Лычевым. На Тамбовщину за рысистыми породами лошадей приезжали купцы даже из Германии, Франции и Австрии¹⁷.

В торговом отношении выделялись губернские центры Воронеж, Курск, Орел и Тамбов, а также уездные Белгород, Болхов, Брянск, Елец, Козлов, Липецк, Моршанск, Рыльск, Старый Оскол, Суджа и др. При этом это не было напрямую связано с административным статусом указанных городов. В 1900 г. Курск среди товарных рынков земледельческих и растительных продуктов опережал соседний Орел, хотя количество предприятий в последнем было вдвое больше, чем в Курске: соответственно 49 и 94. Курск — единственный город из центральной хлеботорговой полосы — имел оборот только по торговле сахаром свыше 1000000 руб. в год¹⁸.

Жители некоторых уездных центров, по сравнению с вышеуказанными городами, в меньшей степени занимались торгово-промышленной деятельностью, что было связано с относительно недавним основанием или возрождением большинства из них (Бирюч, Бобров, Валуйки, Дмитриев, Кирсанов, Коротояк, Льгов, Нижнедевицк, Щигры)¹⁹.

Важнейшим торгово-перевалочным пунктом в Тамбовской губ. являлся Моршанск. Через его речную пристань только в Рязанскую губ. в год отправлялось на 5 млн. руб. хлеба, до 20 тыс. голов крупного рогатого и 100 тыс. голов мелкого скота. Значительными центрами сплавной торговли в губернии являлись Козлов и Борисоглебск, осуществлявшие торговлю с Москвой, Саратовской и Воронежской губ. Тамбов и Лебедянь вели торговлю в основном во время трех ярмарок — Крещенской, Троицкой и Покровской. В Кирсанове наибольшее развитие получила прасольская торговля. Из Елатьмы в Москву поставлялась доброкачественная мука. Однако недостаток железных дорог тормозил на Тамбовщине развитие промышленности и препятствовал расширению торговли. Города Липецк, Темников, Усмань, Шацк и Кадом в 1860-е гг. не отличались активной торговой деятельностью²⁰.

Оптово-розничная торговля в городах Орловской губ., как и в других губерниях региона, выполняла важную роль. С одной стороны, она снабжала местное население многочисленными товарами, идущими на внутреннее потребление. С другой, торговля привлекала нужное количество денежных средств, необходимых для финансирования многочисленных государственных и муниципальных программ. Несмотря на большее разнообразие розничных товаров, ведущую роль в городской экономике, конечно, выполняла оптовая торговля, превышающая по своим объемам розничную.

Через такие орловские города, как Ливны, Елец, Мценск, Карачев и Севск, в 1860-е гг. проходила транзитная хлебная торговля с Калужской, Тульской и особенно Московской губ. В этих городах сосредоточились важнейшие рынки по продаже товаров из Воронежской, Курской, Черниговской, южной части Тульской и Орловской губ. Ливны стали пунктом сбора товарной продукции, особенно хлеба, поступающей из Щигров, Тима, Обояни, Старого Оскола, Малоархангельска и Ельца, а также западных уездов Воронежской губ..

Хлеб из восточных уездов Курской и западных уездов Воронежской губ. отправлялся через Ливны в Ефремов, Мценск, Новосиль, Чернь. Товарные потоки из Курской и Черниговской губ. через Дмитровск и Кромы поступали в крупный хлеботорговый пункт — Орел. Курские и другие купцы нанимали на орловской пристани барки и везли на них хлеб в Белев, Жиздру, Козельск, Серпухов, Сухиничи и Москву. На обратном пути в Курск торговцы поставляли строевой лес, лесоматериалы и изделия из них²¹. Преобладающей торговлей в 1860-е гг. в местных городах была хлебная торговля и торговля скотом. В заштатных городах в основном торговали только предметами первой необходимости²².

После 1861 г. важной группой товаров, отправляемых из городов Черноземья, были пенька, конопляное семя и масло. Основным временем закупки пеньки была весна, с середины апреля до середины июня. После сортировки пенька двух высших сортов отправлялась к балтийским портам, а низший, так называемый «бухара», расходился между местными потребителями. С 1860-х гг. вывозилось несколько сотен тысяч пудов пеньки в год и лишь незначительная ее часть шла на внутреннее

потребление. Самыми крупными центрами производства и продажи пеньки были Брянск, Карачев, Кромы, Мценск, Севск и Трубчевск Орловской губ. и Рыльск Курской. Изделия из пеньки сбывались в Харьковскую и Полтавскую губ.. Конопляное семя и масло на сумму до 1 млн. руб. в год поставлялись в Москву и к портам Балтийского моря, а также сухопутным путем к Австрийской границе²³. Чиновники Курской казенной палаты отмечали, что многие города становятся торговыми центрами, куда приезжают жители окрестных сел и «торговцы с разного рода товаром и торгуют из особо устроенных для этой цели помещений»²⁴.

Следствием сооружения железных дорог стало значительное сокращение или даже прекращение дальнего извоза и образование при железнодорожных узлах сначала обширных складов по сыпке хлеба, а затем и местная его переработка, которая привела к возникновению более или менее крупных предприятий фабрично-заводского характера. После начала железнодорожного сообщения по линии Москва — Курск торговцы Серпухова, Коломны и Москвы перестали закупать хлеб на орловских пристанях и осуществляли свои торговые операции в Курске, отправляя хлеб по железной дороге напрямую в столицу²⁵.

До ввода в строй железных дорог в 1860-е гг. орловские города, расположенные на востоке губернии (Орел, Елец, Ливны, Мценск, Малоархангельск, Болхов, Дмитровск и Кромы), перевозили хлеб, муку, крупу, пеньку, конопляное масло, сало, сырые кожи и прочие товары объемом более 21 млн. пудов сухопутным путем. Для отправки такого количества груза требовалось 840 тыс. подвод (25 пудов на 1 подвод). Но еще большее количество подвод требовалось для доставки того же груза в эти города, во-первых, для удовлетворения внутренних потребностей в продовольствии, а во-вторых, в качестве сырья для городского промышленного производства (до 1 млн. подвод).

После открытия железнодорожного сообщения гужевая доставка грузов из Мценска и Орла резко уменьшилась (более чем наполовину), а из Малоархангельска, Кром, Ливен, Болхова и частично Дмитровска сократилась на значительные расстояния, т. е. до ближайших станций железных дорог. К примеру, в Ливны более чем вчетверо сократилась поставка хлеба из Курской губ.. Ранее Ливны служили перевалочным пунктом почти для всей восточной полосы Курской губ.. Из нее в Ливны поступало не менее 8 млн. пудов разных сортов хлеба, а в 1869 г. его количество едва достигло 2 млн. пудов. Это произошло потому, что с проведением железной дороги Курск сам стал центром хлебной торговли для всей своей губернии²⁶.

Сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки стали в растущем количестве поступать в городские центры Черноземья и уже из них по железным дорогам направлялись в различные районы страны и на экспорт²⁷.

Вместе с тем железнодорожная сеть к началу XX в. распределялась по территории края отнюдь не равномерно. 19 из 51 уездного города Черноземья (Богучар, Задонск, Землянск, Новохоперск, Павловск, Грайворон, Короча, Тим, Фатеж, Болхов, Дмитровск, Кромы, Малоархангельск, Севск, Трубчевск, Елатьма, Спасск, Темников, Шацк) и все 4 заштатных (Богатый, Кадом, Мирополье и Хотмыжск) остались вне железнодорожной связи, что негативно отразилось на их экономической эволюции²⁸.

В то же время Воронеж, Белгород, Брянск, Елец, Курск, Козлов, Карачев, Моршанск, Орел, Рыльск, Тамбов, Щигры превратились в центры сбора товарной продукции с большого пространства, куда входили не только Черноземные губернии Европейской России, но и Левобережная Украина и Закавказье (нефтепродукты)²⁹.

Богатство товарно-сырьевых (прежде всего продовольственных) ресурсов губерний Черноземья в сочетании с высоким уровнем развития железнодорожного сообщения определяло относительно высокую степень торгово-промышленного развития некоторых городских центров региона, выступало в качестве важного фактора, способствующего превращению городов края в центры внутригосударственного товарообмена во второй половине XIX — начале XX в.

Многие города Черноземных губерний, имеющие выход на Киевский и Московский железнодорожные узлы, получили надежную круглогодичную связь с другими районами империи и зарубежьем. Заметим, что относительная дороговизна железнодорожных перевозок по сравнению с водными предопределила необходимость развития при транспортных узлах региона обрабатывающей промышленности.

Доставляемое по воде зерно перед погрузкой на железнодорожные составы целесообразно было переработать в муку, лес — в пиломатериалы и т. п. Это обстоятельство явилось мощным толчком к созданию в таких городах, как Белгород и Брянск, Воронеж и Елец, Козлов и Курск, Липецк и Моршанск, Орел и Тамбов, обрабатывающей промышленности, превращения их к концу XIX в. не только в транспортные узлы, а в промышленно-торгово-транспортные комплексы.

Городские станции железных дорог стали важными центрами вывоза агропромышленной продукции и источниками создания новых рабочих мест. Достаточно сказать, что к 1897 г. только на железнодорожном узле Курска трудились 4472 чел. против 16984 чел. работников местной промышленности³⁰.

С другой стороны, в города Центрального Черноземья по железным дорогам доставлялись товары, с которыми продукция местных фабрик не выдерживала конкуренции, что приводило к их закрытию и сокращению общей численности рабочих мест. Однако в целом железнодорожный транспорт стимулировал экономическое развитие городских центров Черноземья, особенно в области торговли.

До строительства железных дорог характер торговых связей городов Черноземья был сезонным, а отсутствие до конца XIX в. складских помещений для хранения сельхозпродукции определяло преимущественно «прасольский» вид торговли (малыми партиями через несколько посредников от производителя к оптовику), особенно хлебом. Например, как мы уже упоминали, в Рыльске главным занятием большинства жителей являлась «торговля косная и пенечная» (продажа кос и пеньки)³¹.

Такая же картина наблюдалась в 1904 г. в Старом Осколе, вывозившем по железным дорогам из местной округи (в том числе за границу) крупу, пшеницу, муку, подсолнечное масло. Развитию довольно значительной торговли способствовало также то, «что в городе производят свои операции 3 банка (городской, отделение Воронежского и комиссионерство Северного банка) <...> обслуживая исключительно торговый класс населения»³². В Старом Осколе в 1904 г. 1645 чел. были заняты торговлей (без членов их семей) при общем населении города в 9479 чел.

Подобная ситуация была характерна и для Суджи. Город стал «крупным центром хлебных торговых операций, а железная дорога немало способствовала успешному сбыту хлебных продуктов в крупные торговые города» России. В результате контингент его жителей «исключительно составлял торговый класс»³³.

Картина размещения торговли и объем торговых оборотов несколько изменились в конце XIX — начале XX в. Прошедшие через города железные дороги изменили характер и структуру торговли. В крупных железнодорожных узлах (Курск, Воронеж, Орел, Тамбов, Белгород, Козлов, Борисоглебск, Старый Оскол и др.) были созданы оптовые склады, в основном, для хранения сахара, хлеба, леса и др. товаров и торговля стала преимущественно оптовой. К примеру, в 1900 г. в Курске был создан пункт складирования сахара, поступающего из соседних сахаропромышленных районов Центрально-Черноземной полосы. Многие города превратились в крупные торговые узлы, прежде всего, по торговле сахаром, хлебом и лесом. К примеру, объемы совокупной торговли различными товарами в Курске превышали обороты его промышленных предприятий более чем в 3,5 раза³⁴.

В неземледельческих занятиях экономического характера в 1897 г. торговля переместилась на второе место. В Воронеже, Курске, Орле и Тамбове численность занятых в торговой сфере составила соответственно 9,4 тыс. чел., или 11,7 % горожан; 1,1 тыс. чел., или 1,5 %; 7,7 тыс. чел., или 11,0 %; 5,1 тыс. чел., или 10,6 % населения; в целом 23,0 тыс. чел., или 8,4 % населения. В воронежских городах торговой деятельностью занималось 11,7 % (19,8 тыс. чел. в 1897 г. против 1,1 тыс. чел. в 1861 г.). Число горожан, действующих в торговой сфере возросло с 1861 по 1897 г. в городских центрах Орловской и Тамбовской губ. Так, в орловских городах численность торгующих достигла 35,3 тыс. чел. (рост более чем в 17 раз, против 2,0 тыс. чел. в 1861 г.), в тамбовских — 34,8 тыс. чел. (рост более чем в 23 раза, против 1,5 тыс. чел. в 1861 г.)³⁵. Большое количество горожан отлучались для торговли «преимущественно в малороссийские губернии» и в соседние уезды Черноземных губерний.

Постоянная торговля заняла главное место в городском товарообороте и, прежде всего, в местах проведения ярмарок и базаров, где открывались склады, магазины, лавки, трактиры, харчевни, закусочные, чайные и т. п. Например, в Борисоглебске имелись крупный элеватор и зернохранилище, из которых к Хоперской пристани ежегодно вывозили зерно и муку до 10 тыс. бурлаков. Борисоглебск стал крупным железнодорожным узлом, связавшим Царицын и весь Поволжский край с Москвой и Санкт-Петербургом. С Поволжья через Борисоглебск в столицы везли зерно, лес, керосин, рыбу, икру, арбузы, соль (с Астраханских озер). Острогожск за большую торговлю рыбой получил в народе название «Рыбный», так как в нем был главный склад рыбы, вывозимой со всего Дона во внутренние губернии России. Основным занятием острогожцев также являлась торговля, главным образом, скотом, лошадьми и салом³⁶.

Курск, наряду с Белгородом, превратился в крупный распределительный пункт для рынка губернии, а также в узловое звено в торговле с отдаленными районами Европейской России. Некоторые товары предназначались для вывоза отсюда за границу (хлебные продукты, жмых, пенька и др.). В 1900 г. около 2/3, или 2649 тыс. пудов, отправляемых через Курск продуктов земледелия, составляли гречневая крупа, овес, рожь, ржаная мука, пшеница, пшеничная мука, отруби, горох, бобы и прочее³⁷. Всего через Курск было отправлено 3586,8 тыс. пудов различных грузов, а прибыло 8378,5 тыс. пудов³⁸.

Имея надежное железнодорожное сообщение, Воронеж, Борисоглебск, Курск, Белгород, Орел, Рьльск, Старый Оскол, Суджа, Тамбов и, частично, Щигры (всего 32 города в Центральном Черноземье) к началу XX в. становятся основными центрами городской торговли региона. Уездные города Грайворон, Землянск, Тим, Кромы, Малоархангельск, Шацк теряют свой торгово-промышленный потенциал. Вместе с ними в разряд слабых в этом отношении городских центров края переходят и заштатные города Богатый, Кадом, Мирополье и Хотмыжск.

Тимский уездный исправник, например, в 1904 г. так объяснял значение железнодорожного сообщения для социально-экономического развития города: «Город Тим с проведением Курско-Воронежской железной дороги на город Щигры в торговом отношении настолько пал, что в настоящее время представляет один из самых беднейших в губернии городов <...> средства города настолько скудны, что встречается затруднение в своевременной выдаче жалования городской полицейской команде <...>»³⁹.

В ЦЧР под влиянием различных природно-климатических, демографических, экономических и других факторов сложились две группы территорий, близких по своему социально-экономическому развитию: западная половина края Центральной хлеботорговой полосы, куда входили воронежско-курские земли и восточная, приволжская половина, включающая орловско-тамбовскую территорию. Интенсивное русско-украинское освоение региона, осуществляемое с юга украинцами, а с севера — русскими, привело к формированию в крае различных по национальному составу поселений и складыванию в городах различных по характеру торговых связей. Существенную роль в торговых связях Центрального Черноземья и России в целом до строительства железных дорог играли купцы, осуществлявшие торговлю по водным транспортным путям. Центрами сосредоточения и перевалки грузов на реках являлись города. При недостатке сухопутных и железнодорожных путей сообщения важнейшее значение для экономики Воронежского, Орловского и Тамбовского края имела, в частности, их близость к волжскому и донскому речным бассейнам. Во всех сферах социально-экономической деятельности здесь большую роль играло торговое судоходство. Пограничные территории Курской губ. были мало пригодны для этого.

В пореформенный период важным звеном посредничества между производителями и потребителями товаров оставались ярмарки. В развитии ярмарочной торговли особенно выделялась Курская губ., которая по их числу и характеру стала похожа на Малороссию. К концу исследуемого периода опережающими темпами растет стационарная торговля, которая служила градообразующим фактором, причем постоянные торговые точки стали устраивать и на селе. Постоянная торговля заняла главное место в городском товарообороте и, прежде всего, в местах проведения ярмарок и базаров.

В конце XIX в. прошедшие через города железные дороги изменили характер и структуру торговли, ставшей преимущественно оптовой. Являясь в первую очередь торговыми центрами, города Черноземья выполняли посреднические функции по доставке агропромышленной продукции от производителей к потребителям. В отличие от губернских городов уездные центры региона были скорее вывозящими городами, чем ввозящими. Так, объем вывозимых ими грузов составлял в 1,3 раза больше, чем количество прибываемых товаров. Среди экономических функций городов черноземных губерний важную роль играла торговля, что объясняется, на наш взгляд, более ранним распространением торговых занятий среди городского населения края и наличием огромного рынка сельскохозяйственного сырья.

Резкое снижение числа купцов к концу XIX в. связано, прежде всего, с ростом стационарной оптовой торговли и повышением роли промышленности в экономике городов. Кроме того, к этому времени произошли структурные изменения в экономике Центрального Черноземья: более глубокая степень развития товарно-денежных отношений привела к сокращению многоступенчатости торговых операций и числа торговых посредников, что вызвало уменьшение численности купечества. Торговлей стали заниматься и мещане, и крестьяне, и представители разорившегося дворянства.

И, наконец, снижение численности купечества произошло в связи с потерей привлекательности этого сословия, не дающего теперь права на отсрочку от призыва на действительную службу в вооруженные силы России после введения в стране всеобщей воинской повинности.

Примечания

¹ Составлена по: Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб., 1863. Ч. 1. Разд. IX. С. 3–4, 8–9, 11, 14, 17, 19, 22, 24, 26–27, 28–29, 31, 34–35 (Воронежская губ.); Разд. XVIII. С. 3, 7–8, 10–11, 12, 14–15, 17, 19, 21–22, 23–24, 26, 29, 32, 34, 36, 38, 40–41, 42, 44 (Курская губ.); Ч. 2. Разд. XXVI. С. 3, 8–9, 12, 16–17, 18–19, 22, 25, 27–28, 31, 34, 36, 39 (Орловская губ.); Разд. XXXIX. С. 3, 7, 10–11, 13, 16, 19–20, 22, 25, 29, 32, 35, 38, 41 (Тамбовская губ.).

² Подсчитано по: Там же. Ч. 1. Разд. IX. С. 3–4, 8–9, 11, 14, 17, 19, 22, 24, 26–27, 28–29, 31, 34–35 (Воронежская губ.); Разд. XVIII. С. 3, 7–8, 10–11, 12, 14–15, 17, 19, 21–22, 23–24, 26, 29, 32, 34, 36, 38, 40–41, 42, 44 (Курская губ.); Ч. 2.

- Разд. XXVI. С. 3, 8–9, 12, 16–17, 18–19, 22, 25, 27–28, 31, 34, 36, 39 (Орловская губ.); Разд. XXXIX. С. 3, 7, 10–11, 13, 16, 19–20, 22, 25, 29, 32, 35, 38, 41 (Тамбовская губ.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 9: Воронежская губ.. С. 18–19, 32–33; Вып. 20: Курская губ.. С. 46–47, 60–61; Вып. 29: Орловская губ.. С. 36–37, 48–49; Вып. 42: Тамбовская губ.. С. 40–41, 54–55.
- ³ Подсчитано по: Там же.
- ⁴ Составлена по: Первая всеобщая перепись населения... Вып. 9. С. 18–19, 32–33; Вып. 20. С. 46–47, 60–61; Вып. 29. С. 36–37, 48–49; Вып. 42. С. 40–41, 54–55; РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 34. Л. 38–46 об.
- ⁵ Подсчитано по: Там же.
- ⁶ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Вып. 9. С. 32–33. Вып. 20. С. 60–61; Вып. 29. С. 48–49; Вып. 42. С. 54–55.
- ⁷ Шрейдер Г. И. Город и Городовое положение 1870 г. // История России в XIX веке. Ч. 2, т. 4. СПб., Б. г. С. 15.
- ⁸ Составлена по: Экономическое состояние городских поселений... Ч. 1. Разд. IX. С. 3–37 (Воронежская губ.); Разд. XVIII. С. 3–45 (Курская губ.); Ч. 2. Разд. XXVI. С. 3–41 (Орловская губ.); Разд. XXXIX. С. 3–33 (Тамбовская губ.); Первая всеобщая перепись населения... Вып. 9. С. 146–153; Вып. 20. С. 176–183; Вып. 29. С. 156–163; Вып. 42. С. 156–163.
- ⁹ Цит. по: Шрейдер Г. И. Городская контр-реформа 11 июня 1892 г. // История России в XIX веке. Ч. 3, т. 5. СПб., Б. г. С. 181.
- ¹⁰ Пичета В. И. Городская реформа 1870 года // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1913. Т. 6. С. 175.
- ¹¹ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 42: Тамбовская губ.: По сведениям 1862 г. СПб., 1866. С. V–VIII.
- ¹² Там же. Вып. 29: Орловская губ.: По сведениям 1866 г. СПб., 1871. С. LXXXII.
- ¹³ Там же. С. LXXXIV–LXXXVI.
- ¹⁴ Там же. Вып. 9: Воронежская губ.: По сведениям 1859 г. СПб., 1865. С. XXXIV.
- ¹⁵ Там же. Вып. 29. С. LXXXIX]
- ¹⁶ Подсчитано по: ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 5274. Л. 14.
- ¹⁷ Списки населенных мест Российской империи... Вып. 9. С. XXXIV; Вып. 20: Курская губ.: По сведениям 1862 г. СПб., 1868. С. LXVIII; РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 332. Л. 11.
- ¹⁸ Торговля и промышленность Европейской России по районам: Общ. часть и прил. СПб., 1909. Вып. 4. С. 24–25.
- ¹⁹ Городские поселения в Российской империи. Т. 1. СПб., 1860. С. 432, 435, 440–441, 448–449, 451; Т. 3. СПб., 1863. С. 26, 54–55, 56–57, 58–59, 545–546, 564–565; Т. 5. СПб., 1865. С. 22–23, 29–31, 51–54; ГАКурО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9195. Л. 346–348.
- ²⁰ Списки населенных мест Российской империи... Вып. 42. С. XL–XLII.
- ²¹ Там же. Вып. 29. С. XXI.
- ²² Экономическое состояние городских поселений... Ч. 1. Разд. IX. С. 4–6, 9–10, 12, 14–15, 17–18, 20, 22, 25, 27, 29, 31–32, 34–35 (Воронежская губ.); Разд. XVIII. С. 4–5, 8, 11, 13, 15, 17–18, 19–20, 22, 24, 26–27, 29–30, 32–33, 34–35, 37, 39, 41, 43–44 (Курская губ.); Ч. 2. Разд. XXVI. С. 4–5, 9–10, 13–14, 16, 19–20, 22–23, 26, 28–29, 31–32, 34–35, 37, 39–40 (Орловская губ.); Разд. XXXIX. С. 3–4, 7–9, 11, 14–15, 16–17, 20–21, 23, 26–27, 30, 32–33, 35–36, 39, 41–42 (Тамбовская губ.).
- ²³ Списки населенных мест Российской империи... Вып. 20. С. LXVIII.
- ²⁴ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6391. Л. 555.
- ²⁵ Списки населенных мест Российской империи... Вып. 29. С. LXXXII.
- ²⁶ Там же. С. LXXXIII.
- ²⁷ Терещенко А. А. Социально-экономическое развитие провинциального города Центрального Черноземья во второй половине XIX — начале XX века. Курск, 2003. С. 46.
- ²⁸ Подсчитано по: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 164–166.
- ²⁹ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 4: Центральная хлеботорговая полоса. СПб., 1909. С. 16–17, 36, 39–40, 43, 66, 68–69, 72–73, 76–77, 90, 125–128, 133, 137–140, 147, 150–151, 179, 184, 188–189, 193, 199, 201, 203–204, 210–213, 218, 249–251, 255, 261–262, 267–268, 273–274, 281–282, 292; Разд. X. С. 8, 36, 40, 42, 44, 49, 56, 58, 62, 75, 80, 83–84, 140, 142–143.
- ³⁰ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Вып. 20. С. 176–183.
- ³¹ ГАКурО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 80.
- ³² Там же. Л. 94.
- ³³ Там же. Л. 100.
- ³⁴ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 4. С. 80.
- ³⁵ Подсчитано по: Там же.
- ³⁶ Города России: Энцикл. М., 1994. С. 52, 338.
- ³⁷ Подсчитано по: Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 4. С. 80.
- ³⁸ Подсчитано по: Там же. С. 81.
- ³⁹ ГАКурО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 144. Л. 110.

А. Н. Курцев

МИГРАЦИИ В ТОРГОВЛЕ ЗА 1861–1917 гг. (на примере Центрально–Черноземного региона)

В многовековом развитии отечественной торговли целостная эпоха 1861–1917 гг. стала последней на путях формирования общенационального рынка, когда постройка железных дорог повлекла завершение складывание такового. Способ железнодорожной транспорти-

ровки товара быстро вызвал прогресс круглогодично-стационарной торговли, начиная с оптовой и заканчивая розничной, обусловив падение сезонных ярмарок, прежде всего самых крупных, которые позднее уступили место биржевому торгу.

В пределах центрально-черноземных губерний: от Курской и Воронежской до Тульской и Рязанской, такой ярмаркой слыла Коренная (в 27 верстах от Курска). Будучи «перевалочным» торгом, имевшим всероссийский характер, она еще в начале 1860-х гг. собирала коммерсантов с разнообразными товарами: особенно «южными» и частью «восточными», «западными» и «северными», столиц и окраин, в т. ч. близкой Москвы и далекой Сибири; иностранный завоз в российские порты и на продажу за границу, включая обмен со странами Азии и европейскими государствами.

Основное ядро торговцев находилось в постоянных разъездах по ярмаркам. Например, куряне — братья А. П. и П. П. Гладковы, закупая ткани в обеих столицах, везли свой товар «с ярмарки на ярмарку, совершая следующее круговое движение: к весне привозится на Коренную товара на сумму более 250 тыс. руб., затем он везется на Ильинскую ярмарку в Полтаву <...> Оттуда непроданный товар везут в Харьков на Успенскую, с Успенской на Кролевецкую, с Кролевца возвращаются в Харьков на Покровскую, с Покровской едут в Сумы, а из Сум еще раз в Харьков, когда к Крещенской ярмарке зимним путем делается новый завоз <...> С Крещенской товар везут на Маслянскую в Ромны, а из Ромен обратно на Коренную».

После строительства в 1868 г. железнодорожной линии через Курск с выводом туда с 1878 г. и ярмарки последняя выродилась в розничную распродажу местного масштаба, поскольку «торговля стала постепенно оседать и превращаться из бродячей, кочующей, неправильной, внезапно на несколько дней загорающейся и на целый год утихающей <...> в постоянную, оседлую, правильную»¹.

Введение нового транспорта легче перенес оптовый рынок, заполняемый товаром из собственного региона, в т. ч. крупнейшая на Орловщине Свенская ярмарка вблизи Брянска с широким отпуском за пределы губернии изделий из конопли: пеньки и пряжи, масла и бичевы, а также хлеба, леса и проч.

С 1868 г. «уже в первый год по открытии железной дороги значение Свенской ярмарки для Брянска уменьшилось почти в 3 раза», ибо «железная дорога ускорила сбыт и отправку того товара, который прежде целый год, завязывая капиталы от осени до осени, освобождал их только на Свенской ярмарке. Ныне благодаря железной дороге торговые операции в Брянске совершаются по частям, ежемесячно, а потому и необходимые для торговли капиталы оборачиваются весьма быстро и в годовой сложности приносят больше процентов», а значит, «нет никакого сомнения в том, что через два–три года эта — некогда знаменитая ярмарка» — приобретет только «местное значение», служа потребностям мелкорозничного торгова².

Состояние торговых миграций в различных городах региона полностью зависело от развития последних. В 1861 г. Тула, как наиболее многочисленная и промышленно развитая, сбывала свои изделия «в обеих столицах и на всех без исключения ярмарках России», вплоть до вывоза их части за рубеж. Все это силами 308 купцов, включая 10 приезжих (3,3 %), что потребовало получения 231 годового паспорта (77,5 % к 298 местным торговцам)³.

На тот же год характеристика Землянска Воронежской губ. гласила, что тот, «принадлежа к числу беднейших и незначительных городов губернии, не производит почти никакой торговли; близкое соседство Воронежа уничтожает в нем даже мелочную торговлю, так что в лавках Землянска можно найти только товары, употребляемые в крестьянском быту». Поэтому из 74 коренных торговцев (иногородние отсутствовали) в городке осталось только 5 купцов, остальные 93,2 % выселились: «не имея в городе собственности, живут и торгуют в других местах», главным образом в крупных селениях⁴.

К 1891 г. из-за уничтожения ярмарок и стабилизации торговли число купцов в Туле стало меньше — всего 220 семей, преимущественно владевших специализированными магазинами, причем две за год успели официально перечислиться в московское купечество, что отражает ежегодное (по 1 %) выбытие торговцев. Миграционное пополнение за пореформенные десятилетия дало 12 глав купеческих семейств (5,5 %), являвшихся выходцами из

тульской глубинки (4 чел.), соседних губерний (7 чел.) и единственный издалека — прибалтийского городка⁵.

Приток городских торговцев в сельскую местность рисуют сведения по волостному центру Тютчево Козловского у. на территории Тамбовщины за 1881 г.: из 17 «лавок» и «полок» 10 принадлежали горожанам (58,8 %), в т. ч. у двоих купцов из Козлова было по лучшей лавке с «красным товаром». Лавочный и полочный торг «мелочными изделиями» вели единственный представитель липецкого купечества, городское мещанство (Козлова, Липецка, Усмани) и несколько крестьян Тамбовской губ., при этом лишь трое относились к уроженцам здешней волости⁶.

Попутно отметим расселение по Черноземью отдельных иностранных торговцев. Англичанин Р. Барсельман, например, к 1903 г. был главным оптовиком яичных закупок (с вывозом их за границу), преимущественно у крестьян Тамбовской и частично Воронежской губерний⁷.

Массовые миграции, в особенности у крестьянства, порожидала специализация торговой деятельности. Например, Рязанщина (с. Дединово и соседние) славилась отхожим промыслом для питейной торговли. К 1900 г. большинство «дединовцев» работали прислужкой в столичных кабаках, иные содержали там «свои заведения». Среди вернувшихся с «деньжонками» селян «много есть таких», что побывали на службе и в Польше, и в Сибири. Богатые торговцы к старости возвели в Дединове «колокольню, в которой в 1893 г. был освящен Александрово-Невский престол в память уничтожения крепостного права», устроили и содержали образцовое училище для крестьянских девочек. Особо отметим вклад жителя с. Любичи, достигшего высот питерского купца, «построившего в своем родном селе каменную двухэтажную церковь с 6-ю престолами, основавшего каменное двухклассное училище с общежитием и крестьянско-общественный банк»⁸.

Монополия торговли косами к 1862 г. принадлежала жителям Рыльска Курской губ.: «косы закупаются в Австрии от самих заводчиков на месте, частью на границе <...> и сбываются на ярмарках Ирбитской, Корсунской, Лебедянской и Коренной, а большая часть развозится для распродажи по всей Империи местными купцами и мещанами». Для этого они взяли в 1862 г. 108 купеческих паспортов (на 113 купцов города) и 1042 мещанских документов (также почти с полным охватом взрослых мужчин). В торговлю втянулись и крестьяне как мелкие субпродавцы крупнейших купцов, много превысив число подобных мещан, «к стеснению последних». Общее количество участников торга за десятилетие увеличилось до 3 тыс. чел., резко упало за 1890-е гг. — до 2 тыс. лиц, а на 1912 г. здесь осталось всего 68 косников, не выдержав конкуренции со стационарной продажей данного товара на прежних рынках⁹.

Передвижной товарооборот в форме «развозного и разносного» торга в области «мелочной» продажи за 1881–1899 гг. в Курской губ. сократился от 1518 до 830 свидетельств, т. е. почти вдвое. Скудность данной торговли отражают сведения по тульским селениям, где торговцы-мигранты «бывают большей частью пешие, на лошадях — редко»; продавая женщинам лишь немногие «мелочные вещи»: платочки, кружева, гребешки, зеркала, пуговицы, сережки, колечки» и т. п. В тяжелое время Первой мировой войны за 1914–1917 гг. даже этот нерегулярный сбыт узкорозничного вида практически прекратился¹⁰.

Для обобщения подчеркнем, что торговую деятельность всегда сопровождают миграции, особенно на начальном этапе складывания рынка. Новая эпоха 1861–1917 гг., проявления которой прослежены на типичном примере аграрного региона, в условиях функционирования железнодорожного транспорта и развития стационарных способов товарооборота в сфере оптового и розничного торга показала угасание торговых миграций архаичного характера: ярмарочно-оптовой и рознично-передвижной. Организация магазинно-лавочной деятельности требовала минимума разъездов оптовиков, широкое выселение местных и локальное подселение иногородних коммерсантов.

Примечания

- ¹ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–62 г. СПб., 1863. Ч. 1. Разд. XVIII. С. 4–5; *Бесядовский И. И.* Коренная ярмарка в 1863 году // Труды Курского губернского статистического комитета. Курск, 1866. Вып. 2. С. 36–102, 150–154; РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 132. Л. 15.
- ² Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 29: Орловская губ.: По сведениям 1866 г. СПб., 1871. С. CVIII, CIV.
- ³ Экономическое состояние городских поселений... Ч. 2. СПб., 1863. Разд. XLI. С. 4–6.
- ⁴ Там же. Ч. 1. Разд. IX. С. 22–23.
- ⁵ См.: ГАТулО. Ф. Р–1905. Оп. 5. Д. 3. Л. 1–147.
- ⁶ ГАТамбо. Ф. 143. Оп. 1. Д. 3528. Л. 48–49, 63–64, 73–74.
- ⁷ Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903. С. 307–308.
- ⁸ АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1445. Л. 6, 10. Д. 1446. Л. 1, 4.
- ⁹ Экономическое состояние городских поселений... Ч. 1. Разд. XVIII. С. 26–28; РГИА. Ф. 573. Оп. 25. Д. 515. Л. 174; ГАКурО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 634. Л. 284–293.
- ¹⁰ Обзор Курской губернии за 1899 год. Курск, 1900. С. 25; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1456. Л. 26; ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6172. Л. 11 об.–12.

Р. Б. Кончаков

«ВРЕМЯ БЫСТРО УЛЕТАЕТ, КАПИТАЛЫ ИСЧЕЗАЮТ, КРЕДИТ В АГОНИИ, ТОРГОВЦЫ В ОТЧАЯНИИ»:

К проблеме хлебных залежей на железных дорогах Центрального Черноземья по материалам Тамбовской губернии

10 февраля 1867 г. шеф жандармов препроводил министру путей сообщения П. П. Мельникову выдержку частного письма из Козлова, в которой местные хлеботорговцы описывали отчаянное положение с задержками отправки грузов по Рязано-Козловской дороге: «<...> Время быстро улетает, капиталы исчезают, кредит в агонии, торговцы в отчаянии, так посудите, каково же наше положение? Сказать о том, что происходит с товарами на платформах, не достаёт слов; при одном воспоминании о железной дороге кровь стынет в жилах. Мы погибаем, т. е., не мы, а наши капиталы. Если месяц времени и отправка товаров не улучшится, тогда банкротств в Козлове, как должно ожидать, будет много, но на исправление надежд мало»¹.

Несмотря на дополнительные закупки железной дорогой товарных вагонов, паровозов и совершенствование разездов, жалобы из Козлова продолжались в течении 1867–1868 гг. Жалобы грузоотправителей послужили главным поводом тому, что в марте 1868 г. Александром II было дано поручение графу В. А. Бобринскому разобраться с причинами задержки грузов на железных дорогах. По окончании проверки Бобринский был назначен товарищем министра путей сообщения, а затем и министром. Однако замена министра и проверки деятельности частных дорог проблемы образования залежей грузов не решились.

Историк М. А. Давыдов, кропотливо исследовавший источники по динамике хлебной торговли начала XX в., обнаружил имеющее место в некоторых случаях превышение объемов перевозки хлебов над общим объемом урожая в аграрных центральных губерниях центра России². Он пришел к выводу, что обнаруженный им эффект связан со значительными неточностями в статистике урожайности. Как вариант объяснения этих неточностей им была предложена гипотеза о намеренном уменьшении респондентами данных об урожае, особенно заметном в неурожайные годы³. Таким образом, причиной неточной статистики, по мнению Давыдова, являлся комплекс неблагоприятных экономических обстоятельств и традиционный менталитет крестьянства.

Однако, анализируя качество железнодорожной статистики, исследователь не дает оценки факту, который мог оказать значительное деформирующее воздействие на транспортную статистику. Это проблема наличия задержек в отправки хлеба, образования хлебных залежей, невостребованность хлебных вкладов в железнодорожных элеваторах.

Целью статьи является рассмотрение проблемы хлебных залежей в 1860–1900-е гг. в Тамбовской губ. и постановка вопроса об их значимости и масштабах влияния на статистику перевозок.

Обобщая упомянутые в литературе и источниках причины образования хлебных залежей можно выделить следующие: а) низкая пропускная способность дорог; б) переоценка возможностей дорог на начальном этапе их эксплуатации; в) недостаток вагонного парка или его ненадлежащее ка-

чество; г) халатность и злоупотребления агентов железных дорог при отправке и распределении грузов; д) неравномерность графика доставки хлеба на станции.

Проблема хлебных залежей выражалась прежде всего в наличии больших запасов хлеба, который был готов к отправке, но хранился на территории железной дороги из-за продолжительной очередности (задержки) отправки либо как невостребованный груз. Объемы таких залежей в масштабах всей железнодорожной сети могли быть очень значительными, а их постепенный вывоз вносил поправку в корреляцию статистики урожайности и грузовых перевозок. Вообще проблему хлебных залежей надо понимать как комплексную, связанную с рядом причин.

Задержка в отправке грузов возникла практически одновременно с появлением железных дорог в Тамбовской губ.. Наиболее значительные проблемы с отправкой, которые потом повторялись на многих вновь открываемых дорогах, возникли на Рязано-Козловской дороге.

Станция Козлов, по свидетельствам современников, сразу захлебнулась под наплывом грузов. В. Чаславский, анализируя хлебную торговлю в районе Рязано-Козловской дороги, выделяет следующие причины задержек грузов: «Рельсы в один путь, недостаток подвижного состава, некоторая безурядица, которая бывает всегда при открытии новых линий»⁴. Попытка установить очередность привела к возникновению специфического комиссионерства и мошенничеств. Так, например, появились посредники, занимающие фиктивные места в очереди и затем продающие их. Груз скопился на станции, места для его хранения было недостаточно, и хлеб портился под открытым небом. В довершение всего отсутствие подъездных путей приводило к большим издержкам на транспортировку хлеба от складов в городе к станции (до 15 коп. с пуда за расстояние 1,5–2 версты)⁵.

Козловские купцы, потерпевшие от задержки и порчи груза, прежде всего, пеняли на недостаточное количество товарных вагонов у дороги. Однако Главный инспектор частных железных дорог барон А. И. Дельвиг обратил внимание на факт чисто технический: при 25-ти верстных расстояниях между станциями дороги в один путь и движение пассажирских поездов нельзя было отправлять в сутки больше семи товарных составов в одну сторону. А эти семь составов могли вывезти лишь 100 тыс. пудов в сутки, тогда как к станции Козлов ежедневно подвозилось до 200 тыс. пудов. Таким образом, даже при идеальной работе товарной конторы и всех служб, обеспечивающих движение на дороге, реально вывезти можно было лишь половину накапливающихся грузов⁶.

Интересно отметить, что А. И. Дельвиг не принимал претензии, связанные с нехваткой вагонов, за достаточное основание для жалоб. Причина нехватки товарных вагонов еще не раз будет называться основным источником задержек в отправке грузов многими коммерсантами, публицистами, земцами на страницах региональной и центральной печати. Между тем, уже первый случай образования залежей показал, что увеличением числа вагонов проблему решить было нельзя: особенности дороги ставили жесткие ограничения на размер и количество товарных поездов.

В то же время более значимой причиной А. И. Дельвиг называл разнообразные махинации, связанные с устройством комиссионерства при дороге. Другая причина была признана Дельвигом более основательной. Она состояла в том, что очередность отправки грузов нередко нарушалась. Вперед отправлялись грузы, хранящиеся на складах дороги, за что брался особый сбор, в чем купцы не без основания усматривали род вымогательства. Дельвиг первым делом установил строгую очередность грузов и, как главный инспектор частных железных дорог, запретил служащим дороги заниматься комиссионерством по отправке грузов. Грузоотправителям было предписано заблаговременно уведомлять дирекцию станции об имеющимся у них грузе, что вряд ли было осуществимо.

Роль естественного регулятора загрузки станций играла сама природа. Отсутствие хороших дорог, неустроенные переправы и т. п. приводили к тому, что подводы с сельскохозяйственной продукцией не могли преодолеть нескольких верст к станции. Неравномерность подвоза грузов, естественно, не только снижала нагрузку на станцию, но и непропорционально увеличивалась с началом установления гужевого пути. Так, в 1870 г. Борисоглебское земство, разбирая причины образования залежей на Грязе-Царицынской дороге, пришло к выводу, что из-за дождливой осени подвоза груза к станциям почти не было, а с установлением пути в начале января поток грузов настолько вырос, что большие партии хлеба ожидали отправки по две-три недели. К природным факторам надо отнести и снежные заносы, которые значительно препятствовали движению поездов. Другая причина заключалась в неустановившемся еще порядке взаимодействия отдельных железных дорог, смежных, но представлявших собой отдельные предприятия. Так, Борисоглебское земство выяснило, что Орловско-Грязинская железная дорога по причине накопления грузов по линии на всем своем протяжении, почти не принимала от Грязе-Царицынской дороги груженные вагоны. Причина заключалась в том, что Козловско-Воронежская дорога в обмен крытых груженных вагонов, сдаваемых Грязе-

Царицынской дорогой, возвращала открытый подвижной состав, в который большинство грузоотправителей не решалось грузить свой товар, опасаясь его кражи⁷.

В начале XX в. авторы работ по железнодорожной истории уже не выделяли неопытность персонала и откровенные махинации как обстоятельства, препятствующие отправке грузов. Однако проблемы с задержкой отправки хлебных грузов по-прежнему оставались. Тем не менее их оценка в обобщающих работах характеризовалась как вынужденные трудности, связанные с экономическим подъемом. Так, А. Н. Кислинский связывает напрямую активное железнодорожное строительство 1891–1893 гг. и экономический подъем середины 1890-х гг., считая свидетельством оживления экономической жизни рост хлебного экспорта. При этом «количество хлебных грузов, вывозимых за границу через порты Балтийского моря, достигшее уже в 1895 г. 123 милл. пуд., продолжало к 1897 г. непрерывно возрастать под влиянием, главным образом, постройки новых железных дорог в восточной части черноземной земледельческой полосы»⁸. Увеличение грузопотоков в земледельческом регионе, по данным Кислинского, действительно представлялось как грандиозное: с 335 млн. пудов в 1890 г. до 819 млн. пудов в 1896 г.

Учитывая, что провозная способность и количество дорог в центре России изменилось незначительно, «развитие сети на восток довело работу главных магистральных линий до крайней степени напряжения, причем дороги эти все же не могли удовлетворить всем предъявляемым к ним требованиям»⁹. Так, например, в декабре 1896 г. в Козлове и Ельце прием груженых вагонов общества Рязанско-Уральской железной дороги был совершенно прекращен на значительный промежуток времени, причем явилось накопление на дорогах общества свыше 10 млн. пудов залежей¹⁰.

Автор очерка о торговле Центрального земледельческого района в многотомном издании «Живописная Россия» этнограф В. Н. Майнов отметил и особенности, связанные с задержками грузов. По его мнению станции железных дорог этого региона не имели достаточного количества подвижного состава и площадей для хранения хлеба, необходимого для усиленного отпуска хлеба. На станциях Грязе-Царицынской, Ряжско-Вяземской и других железных дорог «скопится очень часто масса хлеба, ожидающего дальнейшей отправки»¹¹. Значительную вину Майнов возлагал на злоупотребления железнодорожной администрации. В 1900 г. корреспондент «Тамбовских губернских ведомостей» сообщал из Козлова о том, что хлеботорговцы сожалеют о временах, когда хлеб, хотя и по дорогой цене, можно было отправить в любое время гужом. Причиной таких высказываний было то, что: «<...> все железнодорожные станции Рязано-Уральской и особенно Юго-Восточной железных дорог на протяжении как нашего, так и соседнего уездов, буквально завалены всевозможными хлебными грузами, для своевременного передвижения коих по назначению нужны десятки тысяч вагонов <...> Срочные хлебные грузы не принимаются уже давно и партии ржи, пшеницы и овса вылеживаются по несколько недель!»¹².

Из-за огромных объемов на станциях часто не хватало не только даже самых примитивных временных хранилищ, но и брезента, которым укрывались от непогоды складированные прямо на землю мешки с зерном. Так происходило, например, в 1900 г. на многих станциях в Тамбовской губ.. Автор другой заметки в губернских ведомостях, видимо, сам связанный с торговлей хлебом, описывал подобные способы складирования зерна: «На днях мне пришлось видеть массы мешков с хлебом, сложенные на станции Кузминка; здесь я заметил, что нижние мешки, лежащие на помосте, мокры и ничем незащищены внизу. Когда я выразил ужас по поводу виденного, ехавший со мною пассажир сказал, что на станции Сампур хлеб находится в еще худшем положении. К моему удовольствию засвидетельствую, что груз на ст. Кариан-Строганово лежит в образцовом порядке, хотя его скопилось до 50 вагонов <...>»¹³. Этот же автор отмечал, что жалобы отчаявшихся отправителей в министерство безответны: «залежи хлебных грузов продолжают расти: вагонов по-прежнему очень мало и очереди погрузки растягиваются на 30-40 дней». Другой корреспондент приводил примеры второклассных станций Кочетовка, Александровская, Ряжск, на которых ожидало отправки по 200 вагонов хлеба¹⁴. Таким образом, несмотря на двадцатилетний интервал от начала движения на дорогах в Тамбовском регионе, проблемы залежей так и не нашли решения. В условиях возросших объемов хлебного экспорта дороги снова оказались технически неспособны справиться со скоплениями грузов на станциях.

Однако, если меры по постройке второго пути казенные и частные железные дороги не могли себе позволить по ряду соображений, то они старались обеспечить нормальные условия хранения зерна. Можно с уверенностью сказать, что одной из попыток как-то урегулировать прием и отправку хлебных грузов представляло собой масштабное строительство элеваторов, предпринятое некоторыми железными дорогами. Так, к 1900 г. Рязано-Уральская железная дорога имела 25 элеваторов — наибольшее количество среди дорог, расположенных в Центральном Черноземье. Завозные склады и элеваторы на Рязано-Уральской железной дороге входили в состав вспомогательных предприятий и

изначально были ориентированы на поддержание имиджа этой дороги как крупнейшего перевозчика хлебных грузов. Однако и эти элеваторы все же полностью проблемы решить не могли.

Грузы, предъявленные к публичной продаже со складов Рязано-Уральской железной дороги в Тамбовской губ.*

Наименование станции	Место хранения груза	год	месяц	Род хлеба	Количество (пудов)
Кочетовка	элеватор	1896	май	рожь	32954
Рязск	склад	1896	апрель	мука ржаная	750
Лебедянь	элеватор	1896	май	пшеница	3963
Елец	зернохр.	1896	март	пшеница	6000
Сампур	элеватор	1896	март	овес	4500
Сампур	зернохр.	1895	июнь	рожь	18927
Уварово	зернохр.	1896	март	рожь	17250
Уварово	элеватор	1896	февраль	рожь	17413
Краснослободск	элеватор	1895	июнь	рожь	37239
Краснослободск	элеватор	1896	март	рожь	1480
Умет	элеватор	1896	май	рожь	2250
ИТОГО					142726

*Источник: Тамбовские губернские ведомости. 1897. № 1.

Кроме того, новым явлением стали не востребуемые грузы, расположенные в железнодорожных хранилищах. Согласно ст. 17 Высочайше утвержденных правил о товарных складах, грузы, помещенные на хранение и не востребуемые в течение шестимесячного срока, дорога могла предложить к свободной продаже. Об объемах и сроках образования таких залежей наглядно говорит вышеприведенная таблица из объявления о подобной продаже. Как видно из таблицы, в хранилищах только на территории одной губернии находилось не востребуемых хлебных грузов разных сортов свыше 140 тыс. пудов.

В данной статье изначально не ставились цели определить количественную меру массива хлебных залежей. Но данная проблема заслуживает более внимательного изучения, так как только ее формализация в виде некоторого поправочного коэффициента, дает возможность репрезентативного сопоставления транспортной и урожайной статистики второй половины XIX — начала XX в.

Примечания

¹ Дельви́г А. И. Мои воспоминания. М., 1913. Т. 3. С. 413.

² Давыдов М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв.: (По материалам трансп. статистики и статистики землеустройства). М., 2003. С. 63–72.

³ Там же. С. 191–195.

⁴ Чаславский В. Хлебная торговля в центральном районе России. СПб., 1873. Ч. 1. С. 48.

⁵ Там же. С. 49.

⁶ Дельви́г А. И. Мои воспоминания. Т. 3. С. 413–416.

⁷ Журнал Борисоглебского уездного земского собрания: Сент. 1871 г.

⁸ Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам Архива Комитета министров: Ист. очерк. СПб., 1902. Т. 4. С. 77.

⁹ Там же. С. 78.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Живописная Россия: Отечество наше в его земел., ист., плем., эконо. и бытовом значении. СПб.; М., 1900. Т. 7, ч. 1. С. 271.

¹² Хуже старины (из Козлова) / С. // Тамбовские губернские ведомости. 1900. № 33.

¹³ Тамбовские губернские ведомости. 1900. № 37.

¹⁴ Железнодорожное дело / В. С. // Тамбовские губернские ведомости. 1900. № 37.

ЧИНОВНИЧЕСТВО И ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНИЦИАТИВА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Развитие промышленности и торговли в России во второй половине XIX в. осуществлялось под постоянным контролем государства, которое, используя проверенный принцип «круговой поруки», возложило по традиции некоторую часть своих контрольных функций на сословные корпоративные структуры купечества и органы городского самоуправления. Однако, несмотря на это, именно от коронного чиновничества в центре и на местах зависел успех или крах частной инициативы в период ее превращения из идеи в дело, так как собираясь открыть лавку, трактир, типографию, салотопенный завод или суконную фабрику предприниматель вступал в контакт с соответствующими государственными структурами, дававшими разрешение на ту или иную предпринимательскую деятельность. Роль городских дум в контроле за торгово-предпринимательской деятельностью сводилась к постоянному отслеживанию качества этой деятельности, проверке своевременности оплаты купцами и предпринимателями всех установленных налогов и пошлин, воспрепятствованию в торгово-предпринимательских делах лицам, не имевшим на них право. Причем последнее обстоятельство было в интересах самого купечества, так как осуществление этой контрольной функции устраняло с рынка недобросовестных конкурентов, подрывавших своей деятельностью финансовые интересы и корпоративные ценности купеческого сословия. От характера, масштаба и сложности производства, торговой или иной деятельности зависели содержание и алгоритм процедуры согласования и получения официального разрешения, а значит, и начало предпринимательской деятельности.

Характер, масштаб и содержание деятельности учрежденного предприятия обуславливали и особенности контроля за его деятельностью. Все предпринимательские структуры, независимо от содержания своей деятельности, находились под пристальным вниманием финансовых учреждений государства как источники поступления в казну налогов и пошлин. Ряд товаров имел для государства особое значение, так как они облагались дополнительно, поэтому повсеместно акцизные учреждения с лихвой окупали свое содержание. Предприятие с вредным и опасным для здоровья работников и окружающего населения производством, а также учреждения питания, переработки и изготовления продовольственных продуктов контролировались полицией и санитарными врачами. С начала 1880-х гг. частные (так называемые цензовые) промышленные предприятия попали в поле зрения и фабрично-заводских инспекций. Цензовыми предприятиями считались такие, на которых трудилось более 16 рабочих или использовался механический двигатель при меньшем числе рабочих. Доля таких предприятий в Центральном Черноземье была невелика, например, в Воронежской губ. в 1900 г. к цензовой промышленности были отнесены 192 предприятия из 4648¹. Таким образом, юрисдикция Воронежской фабричной инспекции распространялась лишь на 4,1 % промышленных предприятий губернии. Однако проконтролировать и это небольшое число промышленных заведений было непросто, так как Воронежская фабричная инспекция (как и Курская) имела в своем штате только три фабричных инспектора, на каждого из которых приходилось от 30 до 94 предприятий с общим числом рабочих от 2179 до 7344 чел.² Были у фабричных инспекторов и строгие предписания, помимо охраны труда работников, от Министерства внутренних дел — содействовать порядку и спокойствию на предприятиях, от Министерства финансов — способствовать сохранению и упрочнению интересов промышленности, учитывая интересы рабочих и владельцев фабрик и заводов. Несмотря на двойственность своего положения, фабричной инспекции в Центральном Черноземье удалось сделать самое главное: практически на нет свести использование труда малолетних, сократить женский труд, особенно на предприятиях с вредным производством, улучшить условия работы женщин и подростков. Так, с 1885 по 1901 г. доля детского труда на промышленных предприятиях Курской и Воронежской губ. сократилась соответственно с 4,5 и 4,1 % до 0,3 и 0,8 %, доля женского труда в те же временные сроки — с 28,7 и 14,3 % до 12,7 и 10,7 % соответственно³.

Рост численности торгово-промышленных заведений, усложнение законодательства, регламентирующего эту сферу деятельности, постепенно влекли за собой создание в провинции новых и укрупнение существующих коронных учреждений, появление в них новых должностей, расширение или изменение функциональных обязанностей у действующих должностных лиц, так или иначе связанных с контролем за деятельностью частного сектора. Понимая, что без обратной связи невозможна эффективная деятельность государственных учреждений по управлению и мониторингу деятельности хозяйствующих субъектов, государство создает коллегиальные совещательные органы при коронных административных структурах на местах. Такие органы включали в себя, помимо чиновни-

ков, делегатов от корпоративных предпринимательских или сословных структур, органов местного самоуправления. Например, при губернских казенных палатах в конце XIX в. существовали присутствия по дополнительному промысловому налогу, по квартирному налогу и др. В деятельности этих присутствий активное участие принимали представители местного купечества. Правом выдвижения своих представителей в присутствия при губернских казенных палатах обладали купеческие корпоративные структуры, а также органы городского самоуправления, господствующее положение в которых тоже занимали купцы. Такой подход к формированию присутствий обеспечивал компетентность и гласность принимаемых решений, учет сословных интересов местного купечества и интересов государства. В некоторых случаях купцы обеспечивали себе фактически единоличное право решающего голоса при принятии решений в присутствиях. Например, в 1894–1895 гг. в податные присутствия Курской казенной палаты по обложению гильдейских торговых и промышленных предприятий, контролировавших весь средний и крупный бизнес, входили исключительно купцы⁴.

Политика привлечения представителей торгово-промышленных кругов к выработке управленческих решений не ограничивалась органами местной коронной власти. Государство в России стремилось к стимулированию экономического развития, зачастую опережая инициативу буржуазии. С другой стороны, правительство в рассматриваемый период при разработке законодательных актов, касавшихся развития промышленности и торговли, создавало или использовало уже существующие консультативные органы для выяснения мнений, интересов и предложений российских предпринимателей. Этим обстоятельством, вероятно, и объясняется отсутствие у национальной буржуазии «широкой программы требований в области экономической политики» и усилий на ее превращение в активную политическую силу. Следует отметить, что «перед правительством постоянно стояла проблема сочетания региональных и отраслевых интересов предпринимателей, фискальной политики Министерства финансов и общегосударственных интересов. Эту проблему более или менее успешно пытались решать все министры финансов России второй половины XIX века от А. М. Княжевича до С. Ю. Витте»⁵.

Несовершенство законодательных актов и практики правоприменения рождали негативную составляющую во взаимоотношениях чиновничества и торгово-промышленной буржуазии. Строгое и последовательное следование букве закона по убеждению или по хитрости (а скорее по тупому упорству государственных служащих) порой стесняли развитие полезной и важной предпринимательской инициативы. В этом случае просители вынуждены были идти на дополнительные расходы, а некоторые и не собирались на этом экономить, поэтому сразу использовали взятки для успешного и более оперативного получения разрешительных документов. При этом заинтересованные стороны были свято убеждены в том, что взятка не является предосудительным, тем более преступным актом. А когда встречали честного чиновника, то недоумевали и возмущались публично. Примеров подобного отношения к взятке в мемуаристике достаточно. Приведем, на наш взгляд, наиболее красочный, который иллюстрирует типичный и устоявшийся характер отношений между чиновниками и питейными откупщиками в российской провинции, в частности в Курской губ., в середине XIX в.

«Рыцарски благородный и честный правитель» курский губернатор В. И. Ден был для местного чиновничества чудаковатым и страшно опасным представителем верховной власти. Первым, ошеломившим государевых слуг, случаем стал его вызывающий отказ принять взятку в 15 тыс. руб. от откупщиков. Попытался передать эти деньги Дену на Пасху 1861 г. председатель Казенной управы И. Я. Телешев. Позже он «уверял всех своих знакомых, что он никогда не мог себе представить подобной странности в новом губернаторе и что бывшие перед ним шесть губернаторов не только за это не обижались, но, совершенно напротив, находились с ним в самых дружеских отношениях». Стремясь обезопасить себя, Телешев настроил против Дена своего министра, представив в выгодном для себя свете промахи губернатора в борьбе со злоупотреблениями в винных откупах. Поэтому посетивший позднее Курск министр финансов А. М. Княжевич весьма сухо обошелся с Деном, высказав ему недовольство за противодействие правительственной политике по откупам, от которых государство получало главный доход⁶.

Взятка несомненно упрощала и ускоряла решение многих вопросов — и сиюминутных, и имевших стратегическое значение для представителей торгово-промышленного класса. Но только этим значение взяток не исчерпывалось. Например, начатое раньше на год, полгода или месяц строительство фабрики означало не только более раннее получение владельцем прибыли, но порой и завоевание лидирующих или даже монопольных позиций в какой-либо экономической нише. Население получало рабочие места, заработную плату, новые товары. С этой точки зрения все оказывались в выигрыше: предприниматель, население, чиновник, пополнивший свой карман, экономика в целом.

Такой подход и подобная логика привели некоторых авторов к выводу о том, что взятки являлись прогрессивным и полезным явлением⁷.

Однако это неверно ни с морально-этической и правовой, ни с конкретно-исторической точки зрения. Не останавливаясь на контраргументации аморальности и антиправовом характере взятки, обратимся к анализу того, почему взятка не могла играть позитивную роль в конкретно исторических условиях. Одним из важнейших аргументов является то, что не взятки способствовали экономическому росту. Его тормозило несовершенство законодательства. Если и было некоторое влияние института взятки на сокращение сроков продвижения предпринимательской инициативы, то следует иметь в виду, что, будучи явлением массовым, она в большей мере являлась традицией и способом пополнения чиновниками своих доходов. В условиях, когда государство декларировало борьбу с этим явлением, попытка кардинально изменить сроки решения процедурных вопросов фактически делала взятку, точнее подозрение о ее получении, слишком явной, а значит, опасной для служебной карьеры чиновника. Таким образом, взятки в массовом порядке вряд ли существенно сокращали сроки реализации бюрократических процедур.

Другим обстоятельством, не позволяющим рассматривать взятку как прогрессивный фактор, является ее разлагающее влияние на формирование в России в рассматриваемый период правового государства и основ гражданского общества. Именно поэтому, с нашей точки зрения, взятка как устойчивый и негласно принимаемый обществом способ решения организационно-управленческих задач в экономике в гораздо большей мере была тормозом, а отнюдь не катализатором социально-экономического и общественно-политического развития страны.

Примечания

¹ Смоленская О. А. Фабричная инспекция и ее деятельность по охране труда детей и женщин в 1882–1905 гг. (на материалах Курской и Воронежской губерний): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. С. 21.

² Там же. С. 20

³ Там же. С. 22–23; Смоленская О. А. Состав и численность рабочих фабрично-заводской промышленности Воронежской и Курской губерний в конце XIX — начале XX вв. // Юг России в прошлом и настоящем: История, экономика, культура: Сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф., г. Белгород, 8 дек. 2006 г.: в 2 т. Белгород, 2006. Т. 1. С. 168.

⁴ Кулабухов В. С. Купечество // Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород, 2005. С. 168.

⁵ Мошкин А. Н., Белоножко Е. П. Корпоративные предпринимательские организации и некоторые аспекты торгово-промышленной политики правительства России в 1850–1870-е годы. М., 2008. С. 10–11.

⁶ Решетов Н. А. Дела давно минувших дней // РА. 1885. № 12. С. 543–545.

⁷ Голосенко И. А. Феномен «русской взятки»: Очерк истории отечеств. социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, вып. 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soc.pu.ru/publications/jssa/1999/3/6golosenko.html> [23.07.2009].

В. П. Гарматный

ТРАНСПОРТ, ТОРГОВЛЯ И КРЕДИТ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Экономика Беларуси после проведения реформ 60–70-х гг. XIX в. развивалась довольно неравномерно: темпы ее развития значительно ускорились в 1880—1890-е гг. в связи с завершением промышленного переворота и были более высокими, чем в коренной России. Вместе с тем промышленность Беларуси во второй половине XIX в. значительно отставала по уровню развития от основных индустриальных центров. Главной причиной этого стали отсутствие значительных промышленных залежей природных ископаемых, сохранение феодальных пережитков, а также близость региона к Центральному, Петербургскому, Прибалтийскому и Польскому промышленным районам, где крупная промышленность сложилась значительно раньше, чем в Беларуси. В связи с этим белорусские губернии оставались регионом с высокоразвитой легкой промышленностью, преимущественно кустарной и основанной на переработке сельскохозяйственного сырья. Рынок Беларуси в это время был насыщен преимущественно товарами индустриально развитых регионов Российской империи. По причине неразвитости крупной промышленности особое значение в Беларуси во второй половине XIX в. получили транспорт, торговля и кредит.

Развитие капитализма приводило к складыванию единого национального рынка Беларуси, который в свою очередь являлся частью всероссийского рынка. С прокладкой железных дорог эконо-

мика Беларуси получила значительный стимул для дальнейшего развития: ускорилось развитие местной промышленности, возросла товарность сельского хозяйства, распространялись достижения научно-технического прогресса, оказывалось благотворное влияние на специализацию экономики регионов и рост общественного разделения труда, увеличение трудовой миграции населения. Направление железных дорог определялось главным образом старыми торговыми путями хлебных, лесных и других грузов из центральных районов России в Западную Европу.

Первая железнодорожная ветка прошла по белорусским землям в 1862 г. по северо-западной части Гродненской губ.: это был участок Петербургско-Варшавской железной дороги (от Кузницы до Поречья) протяженностью 53 версты (1 верста = 1,066 км). Первоначально она прошла по малонаселенной местности и имела второстепенное экономическое значение. В 1866—1867 гг. началось движение по Рижско-Орловской железной дороге, которая прошла по северо-востоку Беларуси (линия Витебск — Полоцк — Двинск).

В 70–80-е гг. XIX в. железнодорожное строительство было более интенсивным: 16 ноября 1871 г. открыто движение на участке Московско-Брестской железной дороги через Оршу — Борисов — Минск — Барановичи, протяженностью около 570 верст, а осенью 1873 г. сдана в эксплуатацию Либаво-Роменская железная дорога (линия Сморгонь — Молодечно — Минск — Осиповичи — Бобруйск — Жлобин — Гомель длиной 520 верст); в это же время через участок Брест — Ковель (около 60 верст) прошла Привисленская железная дорога из Украины до границы с Пруссией.

В 80-е гг. XIX в. началось движение на Полесских железных дорогах, которые состояли из нескольких участков общей протяженностью более 1400 верст. Построенная в 1882 г. линия Пинск — Жабинка длиной 134 версты соединила Полесскую железную дорогу с Московско-Брестской, а в 1886 г. линией Лунинец — Гомель в 282 версты — с Либаво-Роменской. В этом же году закончено строительство железной дороги Белосток — Барановичи (протяженность белорусского участка в 150 верст). С конца XIX в. до 1902 г. строилась Петербургско-Одесская железная дорога, прошедшая через Витебск, Оршу, Могилев, Жлобин, а общая протяженность ее белорусского участка составила примерно 332 версты. Для перемещения грузов и пассажиров за границу российским правительством были подписаны необходимые соглашения с представителями правлений основных европейских железных дорог.

До 80-х гг. XIX в. железные дороги Беларуси прокладывались в основном частными акционерными компаниями с участием иностранного капитала, английского в частности. В начале 80-х гг. XIX в., в связи с проведением государственной реорганизации всей системы железнодорожного сообщения Российской империи, начался выкуп частных железных дорог в государственную собственность. 18 марта 1891 г. опубликован царский указ о выкупе в казну Либаво-Роменской железной дороги, а до конца XIX в. все важнейшие железные дороги Беларуси стали государственными и их дальнейшее строительство велось за счет государства (исключение составила только построенная в 1895–1897 гг. узкоколейная линия Свенцяны — Постава — Березвечь (Глубокое)). Государство выкупало в казну у частных владельцев в первую очередь железные дороги, размещенные у западной границы, которые имели важное военно-стратегическое значение, а также представляли интерес для экспортной торговли. В результате выкупа железных дорог правительству удалось избавиться от многих недостатков, имевшихся на них прежде.

В итоге к началу XX в. Беларусь была покрыта густой сетью железных дорог протяженностью 2837 верст (8 % всех железных дорог Европейской России). Если в 1870 г. протяженность железнодорожных линий Беларуси составляла 302 км, то в 1902 г. — 2752 км. За пореформенный период железнодорожная сеть региона увеличилась более чем в 10 раз, а в России за этот же период — в 7 раз. По плотности железнодорожной сети Беларусь находилась на одном из первых мест в Российской империи. Благодаря прокладке железных дорог укреплялись торгово-экономические связи Беларуси с крупнейшими промышленными центрами Российской империи: Москвой, Санкт-Петербургом, Варшавой, Киевом, Одессой, Харьковом, Ригой, а также морскими портами. В 1900 г. в Беларуси насчитывалось 19 казенных железнодорожных мастерских с 4500 рабочими из числа разорившегося крестьянства, мещан-кустарей, ремесленников, мелких торговцев.

Финансовые условия учреждения акционерных компаний для строительства железных дорог в Беларуси в 60–70-е гг. XIX в.

Название железной дороги	Длина линии, верст	Основной капитал, млн. руб.	Стоимость версты, тыс. руб.	Правительственная гарантия на капитал, %	
				Облигации	Акции
Динабург-Витебская	242	16 250	67	6,25	5,12
Орловско-Витебская	485	37 000	77	5,12	5,12
Смоленско-Брестская	631	26 040	42	5,1	–
Ландварово-Роменская	711	28 467	40	5,1	–

Прокладка железных дорог оказала значительное положительное влияние на социально-экономическое развитие городов, размещенных вдоль них. В это время в Беларуси возникли такие крупные железнодорожные узлы, как Минск, Витебск, Гомель, Жлобин, Лунинец, Брест, Барановичи и другие. Каждый регион Беларуси, через который прошла в это время «железка», получил мощный стимул для дальнейшего экономического роста. Например, за первые 25 лет эксплуатации в Беларуси железных дорог их товарооборот вырос в 50 раз. Если в 1885 г. в Полесье насчитывалось всего 6 лесопильных заводов с общей производительностью продукции на 150000 руб. в год, то уже в 1909 г. таких заводов было 48 с общей производительностью более 2000000 руб. в год. Количество сыромятных заводов увеличилось с 24 до 100, а их годовая производительность выросла до 500000 руб. Общее количество всех фабрик и заводов в районе Полесских железных дорог выросло с 674 до 4000 с годовой производительностью около 60000000 руб.

Важное значение для развития белорусской экономики имели, как и прежде, водные транспортные пути, грузопоток на которых также значительно увеличился, но в связи с тем, что основное внимание российским правительством в это время отводилось развитию железных дорог, состояние водных систем сообщения оставалось прежним. На территорию пореформенной Беларуси приходилось около 1/3 протяженности всех каналов Российской империи и в 3 раза больше водных путей, чем в среднем по Европейской России. Основное место среди грузов, которые переправлялись по воде, составляли лесоматериалы. Индустриализация также охватила и водный транспорт: количество паровых судов на реках Беларуси за 1864–1900 гг. возросло с 20 до 164. По другим данным всего по судоходным белорусским рекам — Припяти, Березине, Сожу — в 1900 г. плавало 310 непаровых и 23 паровых судна.

Статистика железнодорожных и водных путей сообщения достаточно ярко свидетельствует об экономическом подъеме белорусских губерний во второй половине XIX в. За 1866–1900 гг. общий товарооборот железнодорожного и водного транспорта региона вырос в 18,3 раза (с 19600000 до 357700000 пудов различных грузов).

Реализация огромной программы строительства железных дорог привело к почти полному свертыванию строительства сухопутных дорог, но с конца XIX в. прокладка новых шоссе стала одним из приоритетов Министерства путей сообщения и местной администрации. С утверждением в 1883 г. деления сухопутных дорог на два класса большинство белорусских гостинцев было отнесено к первому разряду — дорог общегосударственного значения, куда были отнесены все дороги на запад от рек Днепр и Западная Двина.

Необходимо также отметить, что с 1874 г. в Минске начал действовать первый в Беларуси водопровод, с 1889 г. на Добрушской бумажной фабрике появилось электроосвещение, а в 1898 г. в Витебске пущен первый трамвай. Уже в 1860 г. вдоль шоссе и железных дорог Беларуси протянулись телеграфные провода, которые соединили многие населенные пункты.

Быстрое развитие путей сообщения играло решающую роль в экономике Беларуси рассматриваемого периода и оказывало определяющее влияние на структуру белорусского рынка. В конце XIX в. в Беларуси уже сложились местные (областные) рынки, которые были тесно взаимосвязаны, наблюдалось укрепление связей с общероссийским внутренним рынком. Необходимо отметить, что с прокладыванием железных дорог уменьшается доля ярмарочной торговли (в 1868 г. на белорусских

ярмарках продано товаров немногим более чем на 1000000 руб., что почти вдвое меньше, чем в 1860 г.) и все большее значение получает магазинная торговля, что свидетельствовало о более тесных и регулярных рыночных связях белорусских городов и деревень, а также Беларуси в целом с другими регионами Российской империи. Благодаря прокладке железных дорог у предпринимателей появилась возможность вести торговлю равномерно на протяжении года и не зависеть от природных условий. Ярмарки, которые сохранялись, приобретали черты торговых бирж, где шла не столько торговля товарами, сколько заключались сделки, совершались торговые операции.

Рост урбанизации Беларуси привел к значительному увеличению розничной торговли. Так, в конце XIX в. магазинная торговля сконцентрировала 95 % всего городского внутреннего торгового оборота. В 1900 г. насчитывалось 14 белорусских городов с торговым оборотом свыше 1000000 руб., которые продавали товаров на 79000000 руб. (всего по Беларуси в это время — на 95000000 руб.), в том числе: Минск — на 22500000 руб., Витебск — на 12900000 руб., Брест — на 11300000 руб., Гомель, Гродно, Могилев, Пинск — более чем на 3000000 руб. каждый.

В конце XIX в. самым крупным торгово-промышленным и главным экономическим центром Беларуси становится Минск, который находился в прямых или косвенных торгово-экономических связях почти со всей территорией края. Промышленные товары Минского региона расходились по всей Беларуси, а на местный рынок шла продукция из Витебска, Гомеля, Могилева, Гродно и других белорусских городов. Торговали в основном изделиями стеклянной промышленности, бумагой, картоном, сельскохозяйственными машинами.

Важное место в торгово-экономических связях Беларуси занимал город Гродно, через который осуществлялась торговля с Царством Польским (Привисленским краем), Украиной, Литвой и странами Западной Европы. Главное место в гродненской торговле принадлежало мясу, ржаной муке, отрубям. Значительные изменения вывоза картофельной муки произошли по причине широкого развития торгового картофелеводства и крахмального производства.

Среди других торгово-экономических центров тогдашней Беларуси необходимо отметить Гомель, Могилев, Брест, Пинск, Витебск.

Товарооборот в сельской местности оставался низким и значительно отставал от городского по показателям на душу населения (в 1900 г. — меньше в 7 раз).

Улучшение путей сообщения и успехи в развитии белорусской промышленности привели к значительному увеличению в белорусском экспорте готовых изделий, в первую очередь продукции фабрик и заводов: спирт, табачные изделия, бумага, спички, лесохимическая продукция, шерстяные товары, строительные материалы.

Таможенная политика Российской империи на протяжении второй половины XIX в. характеризовалось постоянным увеличением ввозных пошлин, направленных на защиту внутреннего рынка. Основным заграничным партнером белорусских губерний в это время оставалась Германия.

Особенностью создания национального рынка в Беларуси стало то, что экономическая общность не усиливалась государственным объединением в рамках национальной территории, так как белорусская нация, которая только начала складываться, в это время не имела своей собственной государственности.

Продукты сельского хозяйства и промышленные изделия Беларуси во второй половине XIX в. сбывались на месте или вывозились в города России, Украины, Польши, а также шли за границы Российской империи. Молочные товары из Беларуси отправлялись в другие регионы Империи, а также за границу: так, за 1895–1897 гг. в среднем за год по железным дорогам Беларуси было отправлено 144000 пудов, а в 1898–1900 гг. — 243000 пудов (прирост 68 %) молочных товаров. В начале 1890-х гг. в среднем из Беларуси по железным дорогам предпринимателями отправлялось почти 34000, а в 1896–1900 гг. — около 39000 свиней, которые через либавскую фирму «Марриот и Зеликман» сбывались в Англию. В 1893–1896 гг. через Беларусь вывозилась 1/5 всей российской птицы.

Спирт тогдашние белорусские предприниматели вывозили в Петербург, Киев, Ростов-на-Дону, Одессу, Кременчуг, Тверь; спички — в Ромны, Харьков, Баку, Кишинев, Владикавказ, Варшаву; бумагу и картон — в Киев, Екатеринослав, Харьков, Вязьму, Белосток, Ригу; изделия стеклянной и керамической промышленности — в Москву, Киев, Одессу, за границу.

Увеличению товарного оборота и развитию торговли в Беларуси в значительной мере содействовали торговые объединения и кредитные учреждения, банки и сберегательные кассы. В конце XIX в. в Беларуси действовало около 10 акционерных товариществ, которые владели крупными местными предприятиями. Например, с 1877 г. начало действовать «Гродненское товарищество водоснабжения и эксплуатации водопроводов», в 1895 г. — «Товарищество витебских водопроводов», в 1898 г. — бельгийское акционерное общество «Витебский трамвай».

Вместе с концентрацией производства и рабочего класса наблюдалась также и централизация капитала, увеличение роли банков в экономике Беларуси. Так, во второй половине XIX в. во всех белорусских губернских городах действовало 5 отделений Государственного банка, который выполнял не только эмиссионные функции (то есть выпуск в оборот денежной массы), но и возглавил всю кредитную систему страны и сохранил функции крупнейшего коммерческого банка. Услугами Госбанка пользовались другие банки, льнозаготовительные фирмы, купцы, помещики и крупные белорусские промышленники. Вопросы о кредитоспособности клиента решали учетно-ссудные комитеты во главе с руководителем отделения банка. В состав комитета приглашались местные помещики, купцы, промышленники. По количеству учтенных векселей Минское отделение Госбанка на рубеже столетий занимало пятое место во всей Российской империи.

Государство активно поощряло создание частных банков: 8 января 1870 г. был подписан сенатский указ о создании в Гомеле общественного банка. Более мелкие городские банки действовали в Полоцке (с 1874 г.), Витебске (с 1882 г.), Борисове (с 1900 г.). Большую роль среди кредитных учреждений на территории Беларуси играл основанный в 1873 г. Минский коммерческий банк краткосрочного кредита, крупнейший частный банк региона. Основателями банка стали помещики Ч. Севостьянов и Л. Ванькович, барон А. Врангель, минские купцы первой гильдии З. Гурвич, Х. Лурье, В. Раппопорт, рижский купец первой гильдии Л. Нейшеллер, пинские купцы второй гильдии С. Лурье, Е. Элиясберг, пинский потомственный гражданин А. Лурие, фирма «Братья Лурье и К^о» в Пинске, коммерции советники М. Полежаев и С. Елисеев. В уставе банка было записано, что будет также открыто отделение в Пинске, но реализация этого решения затянулась до конца XIX в.

Уставной капитал Минского коммерческого банка был определен учредителями в размере 1500000 руб., из которого сразу же было внесено 40 % (600000 руб.), а оставшиеся 900000 руб. планировалось, согласно действовавшему законодательству, внести на протяжении двух следующих лет. Но в свои лучшие годы статутный капитал Минского коммерческого банка достигал не более 1000000 руб., что было обусловлено трудностями с денежными средствами на местном финансовом рынке.

В 1875 г. делегаты Минского коммерческого банка приняли участие в работе первого всероссийского съезда представителей акционерных банков коммерческого кредита, которые рассмотрели вопросы об одинаковой форме банковских отчетов и взаимоотношений акционерных банков между собой и Госбанком. За 1876–1897 гг. основной капитал Минского коммерческого банка увеличился с 500000 до 1000000 руб. (фактически вдвое). В период промышленного подъема 1890-х гг. банк открыл 11 своих филиалов, в том числе 9 за пределами Беларуси. В списке акционеров Минского коммерческого банка, явившихся на собрание правления 9 апреля 1895 г., из 45 акционеров, владевших 413 акциями, 39 чел. были купцами: 3 — из Пинска, 36 — из Минска. Члены правления имели во владении по 50 акций ценой 250 руб. Таким образом, Минский коммерческий банк был в основном купеческим: его владельцами и клиентами были главным образом белорусские купцы.

Азово-Донской коммерческий банк с 1871 г. открыл свои отделения в Минске, Могилеве, Пинске, а Виленский частный коммерческий банк и коммерческий банк в Белостоке занимались в основном ипотечным кредитованием и имели свои филиалы в Бобруйске, Гомеле, Гродно и Слониме. Получить в этих банках кредит имели возможность далеко не все желающие: так, согласно указу от 25 сентября 1885 г., для получения кредита в государственном Дворянском банке необходимо было предоставить удостоверение о праве приобретать имение в белорусских губерниях, которого были лишены так называемые «лица польского происхождения» (в том числе и белорусы католического вероисповедания).

В 90-х гг. XIX в. в Минске развернуло свою деятельность отделение Петербургско-Азовского банка, а в Бобруйске, Гомеле и Бресте действовали филиалы Орловского коммерческого банка. С конца XIX в. количество филиалов столичных банков в Беларуси значительно увеличилось. В результате деятельности акционерных банков накапливались значительные капиталы, которые в основном направлялись на развитие торговли, а также промышленности по первичной обработке льна и леса.

Наибольшей активности кредитные операции под залог недвижимости достигли в конце 1890-х гг. Кредиты выдавались в размере 60 % от оценочной стоимости закладываемого имущества на любой срок, но не более на 61 год и 8 месяцев. Сумма выданных кредитов банками Беларуси на 1 января 1900 г. увеличилась по сравнению с 1895 г. в два раза, что свидетельствует о быстром экономическом росте белорусских городов. Полученные кредиты использовались предпринимателями для жилищного строительства и развития торговли. На 1 января 1900 г. дисконтно-кредитные операции в Беларуси составили около 16500000 руб. (по всей Российской империи — 953000000 руб.). При этом на долю Государственного банка приходилось 46,7 %, акционерных банков — 25,3 %, товариществ взаимного кредита — 21,8 %, городских банков — 6,2 %.

Кроме того, кредит можно было получить под залог ценных бумаг и ювелирных изделий. Минимальный размер кредита под ценные бумаги составлял 10 руб., а ценность изделий из серебра и золота — не менее 5 руб. Но при осуществлении таких операций банк часто нес убытки, особенно в случае, когда кредиты выдавались на основе личного знакомства с членами правления и без предварительной проверки клиента на платежеспособность.

Частные акционерные банки, которые конкурировали с Госбанком, стремились закрепить за собой наиболее значительную клиентуру края. Особенно успешно частные банки действовали в сфере заготовок и экспорта льна и леса. Вместе с тем деятельность каждого из банков имела свою специфику. Московский международный банк вел операции исключительно с купечеством и осуществлял денежные переводы в другие банки. Операциями по долгосрочному кредитованию под залог городской недвижимости занимались Виленский и Московский земельные банки. Крестьянский поземельный банк содействовал крестьянам в приобретении земли в собственность.

Мелкое и краткосрочное кредитование осуществляли банкирские и банковские конторы. По закону 1894 г. каждый, кто хотел основать банковскую контору или меняльную лавку, должен был заявить об этом губернскому правлению и информировать о характере операций, которыми он собирался заниматься. Банкирские учреждения такого типа не обязаны были публиковать свои балансы и биржевые отчеты. Их руководители распоряжались доверенными им средствами по своему усмотрению.

В конце XIX в. 37 таких кредитных учреждений существовало в 16 населенных пунктах Беларуси, в том числе в относительно небольших городах: в Волковыске, Кобрине, Ляховичах, Несвиже, Пружанах, Слониме и т. д. В 1874 г. появились первые белорусские товарищества взаимного кредита — минское и моголевское (на начало XX в. в них состояло 7 из 3700 пайщиков и имелось 2400000 руб. вкладов и текущих активов), а затем и витебское. Необходимо отметить, что у витебского товарищества взаимного кредита наблюдались значительные трудности при осуществлении кредитных операций: в 1892–1896 гг. оно не приносило прибыли и дивидендов и соответственно не выплачивало, а вскоре и вовсе остановило свою деятельность.

В 1880 г. было создано Товарищество взаимного кредита землевладельцев Витебской губ., целью которого было дать возможность своим членам выгодно размещать денежные сбережения и получать кредиты для торговой и промышленной деятельности. Каждый член товарищества при вступлении брал на себя обязательства, что он несет ответственность за операции товарищества в сумме, которая определялась в зависимости от благонадежности данной личности или ее поручителей, а также стоимости предоставленного имущественного обеспечения. При этом необходимо было внести в кассу товарищества 10 % от этой суммы, но не менее 100 руб. и не более 5000 руб. В 1893 г. капитал обеспечения товарищества составлял 1159623 руб., а количество членов — 670 чел., которых по степени владения суммой кредита можно разделить на две группы. Первую группу (около 74 % всех членов) составляли землевладельцы, а вторую (26 %) — домовладельцы и торговцы. Товарищество исполняло практически все виды учетно-кредитных операций: принимало денежные средства на разные виды вкладов, брало документы и ценные вещи на хранение, осуществляло перевод денег во все города Российской империи и за границу. Сумма оборотного капитала увеличилась с 129000 руб. на 1893 г. до 136000 руб. в 1899 г. Размер дивидендов составлял 7 %. В своей деятельности товарищество ориентировалось на зажиточную часть города Витебска.

Таким образом, в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.) экономика Беларуси получила значительный стимул для дальнейшего развития в первую очередь благодаря становлению во всех сферах хозяйства капиталистического способа производства, а также прокладке большого числа железных дорог и быстрому и успешному развитию торговли и кредитно-банковских учреждений. Для торговли Беларуси во второй половине XIX в. было характерно преимущество продуктов сельского и лесного хозяйства, кроме того регион выступал в качестве рынка сбыта российских промышленных товаров.

Экономическое развитие Беларуси в рассматриваемый период было противоречивым и неоднозначным: ее крупная промышленность в этот период существенно отставала от общероссийских средних показателей, но благодаря значительному развитию транспорта, торговли и кредита белорусская экономика занимала в экономической структуре Российской империи место выше среднего.

ПРОМЫШЛЕННО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ СОСЛОВИЙ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XIX в.

В середине XIX столетия Российская империя, ставшая на путь модернизации экономики, совершила значительный прорыв, одним из результатов которого стало резкое усиление деловой активности. Предприниматели, заинтересованные в оптимальном использовании своих капиталов, зачастую применяли передовые формы организации производства. Происходившие в экономике преобразования во многом меняли облик страны. В белорусских губерниях Российской империи данный процесс имел специфические черты, которые касались формирования слоя промышленной элиты и дальнейшего становления промышленного предпринимательства. Данные особенности были обусловлены местными экономическими условиями, а также внутренней и внешней политикой Российской империи. В сферу предпринимательства все активнее включались самые разнородные социальные, национальные, конфессиональные группы населения. Это были не только и не столько представители купеческого сословия, сколько потомки дворянских семей, выходцы из мещан и крестьян, капиталисты из числа подданных иностранных государств. Каждая группа, привнося свой специфический опыт, оказывала большое влияние на формирование новой деловой среды.

Как было отмечено выше, предпринимательством в Западных губерниях Российской империи занимались представители разных сословий — дворянства, купечества, мещанства и др. Особое по сравнению с другими сословиями положение землевладельца обусловило господствующую позицию дворянства в экономике белорусских земель середины XIX в. Оно в совокупности с историческими традициями содействовало тому, что практически все основные отрасли экономики оказались под контролем данного сословия. Ни в одном из регионов Империи дворянство не занимало таких сильных позиций в предпринимательстве, как в белорусских губерниях. Но к концу XIX в. ситуация постепенно начинает изменяться: дворяне начинают терять лидирующие позиции в промышленном предпринимательстве, а их место занимают представители городских сословий.

Происхождение городского сословия в Российской империи, которое в течение императорского периода несколько раз изменяло свое название, берет начало в XVII столетии. Основы же сословного деления городского населения Российской империи были сформированы преобразованиями времен Петра I и реформами Екатерины II. В окончательном виде принципы сословного деления были определены Манифестом от 17 марта 1775 г. и просуществовали без радикальных изменений до 1917 г. Согласно данному законодательному акту, «мещанам, которые не имеют капитала свыше 500 рублей, запрещается называться купцами; купцы, которые имеют капитал свыше 500 рублей, но сделались банкротами, должны тоже записываться в мещанское сословие. И только тем мещанам, чей капитал составит свыше 500 рублей, можно записываться в купеческое сословие»¹. Таким образом, при выделении новых социальных групп использовался имущественный ценз — богатые горожане должны были приписываться к купечеству, менее обеспеченные — к мещанству и ремесленникам. После присоединения Западных губерний к Российской империи принципы сословного деления были распространены и на жителей городов этих территорий.

В результате в белорусском городе сложилась социальная иерархия, во главе которой находилось купечество. Последнее по Манифесту 1785 г. делилось на три гильдии, принадлежность к которым определялась размером капитала. Купечество первой и второй гильдий имело право на все виды торговли, основание фабрик и заводов, освобождалось от казенной службы. Купцы, которые были записаны в третью гильдию, имели право только на мелкую торговлю и владение мелкими фабриками и мастерскими. Помимо этого, было предоставлено право заниматься торговлей и промышленностью на самом низком уровне и мещанству. Новая социальная организация была закреплена Жалованной грамотой 1785 г., которая давала возможность перечисленным выше сословиям осуществлять торгово-промышленную деятельность, а также право владения основными средствами производства в границах городских поселений².

Сложившаяся в конце XVIII в. система организации «торгово-промышленного сословия», которое входило в состав горожан, окончательно оформилась в первой половине XIX в. с выходом в 1832 г. «Свода законов», который включал в себя том 9 «О состояниях». Однако и в нем принципы сословной системы не были строго регламентированы, что допускало возможность их неоднозначного толкования. По действовавшему законодательству, все «природные жители России» состояли из «четырех основных родов людей»: дворянство, духовенство, городские жители, сельские жители. Под «городскими жителями» понимались «лица, отнесенные к среднему роду людей», а именно гильдейское купечество, почетные граждане и мещанство³.

Незадолго до отмены крепостного права произошло событие, ставшее первым шагом на пути консолидации предпринимателей в социальную группу, в которой все ее представители были наделены равными правами. 16 марта 1859 г. был принят законопроект «О предоставлении купцам первой гильдии и евреям права жительства и торговли вне границ жительства евреев»⁴. В 1863 и 1865 гг.⁵ были приняты законодательные акты, в соответствии с которыми «торгово-промышленное» сословие потеряло последние черты замкнутости. Только единственный критерий — занятие торгово-промышленной деятельностью — служил институциональным фактором и определял принадлежность к купеческому сословию. А новое «Положение о пошлинах на право торговли и промыслов» 1863 г. декларировало полную свободу предпринимательской деятельности.

Наиболее яркой особенностью, отличавшей купечество от других социальных групп, из которых складывалась российская буржуазия, стала равномерность представительства купцов во всех сферах производства, за исключением винокурения — традиционной сферы деятельности дворянства.

В фабрично-заводском производстве конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в. купеческие предприятия лидировали по численности среди заведений, занимавшихся обработкой животных продуктов, и текстильных фабрик. Весомым было представительство купцов среди владельцев пищевых предприятий, в особенности по производству водки, где из 19 учтенных фабрично-заводских заведений 14 являлись купеческими⁶. Относительно высокая доля купеческих фабрик и заводов в пищевкусовом производстве обусловлена тем, что винокуренные предприятия в основном находились еще на стадии мануфактуры.

Ситуация начала меняться в начале 1890-х гг. Несмотря на кризис конца 80-х — начала 90-х гг. XIX в., купечество осваивало новые отрасли производства. В это время купеческое сословие занимало в фабрично-заводском секторе существенное место среди владельцев предприятий текстильного производства и заведений по обработке животных продуктов. Половина фабрик по металлообработке и силикатному производству также принадлежала купцам. Всего к концу 80-х — началу 90-х гг. XIX в. среди 223 учтенных фабрик и заводов купцам принадлежали 47⁷. По сравнению с концом 70-х — началом 80-х гг. XIX в. удельный вес купеческих предприятий снизился, что объясняется высокими темпами внедрения паровых двигателей на помещичьих винокуренных заводах, составивших более половины фабрично-заводских предприятий белорусских губерний в этот период.

К началу XX в. численность промышленных предприятий, которыми владели купцы, выросла незначительно. Купечество продолжало играть существенную роль среди владельцев предприятий пищевкусового производства и обработки животных продуктов, оно вышло на лидирующие позиции в химическом производстве, металлообработке и обработке минеральных веществ⁸.

Сословие мещан было традиционно самой близкой к купечеству группой городского населения. Это объясняется схожестью рода занятий: мещане являлись мелкими предпринимателями, которые имели право заниматься мелкой торговлей и промыслами в городах. Кроме того, граница, разделявшая два сословия, была весьма зыбкой: разорившиеся купцы обязаны были вступать в состав мещанского сословия, а «расторговавшиеся» мещане без затруднений могли переходить в купечество. Однако в конце XIX в. подавляющая часть мещан не стремилась реализовать свое право на повышение сословного статуса. Данные промышленных переписей свидетельствуют о том, что мещане достаточно активно занимались фабрично-заводской деятельностью. Отличительной особенностью мещан как части промышленной элиты было то, что в белорусских губерниях их удельная доля среди владельцев фабрик и заводов была выше средней по империи (17,6 % в 1900 г.; обследование 1908 г., более тщательно фиксировавшее данную категорию владельцев заводов, дает цифру в 29,2 %). Для сравнения: в Центральном Промышленном районе эти показатели были равны 10,8 % и 13,6 %, в Петербурге — 6,3 % и 11,2 %, а в Закавказье — 0 и 8,1 % соответственно⁹.

Промышленно-предпринимательская деятельность мещанского сословия в конце 70-х — начале 80-х гг. XIX в. была незначительной. В это время мещанство в основном продолжало заниматься ремесленничеством, а также скупкой продукции и сырья мелких помещичьих предприятий. Постепенно последние переходили в руки мещан, и, таким образом, мещанское сословие становилось составляющей частью промышленной элиты страны. Уже на этом этапе мещанство владело абсолютным большинством фабрик и заводов, занимавшихся обработкой кожи и производством пива¹⁰.

Вторая половина 90-х гг. XIX в., характеризовавшаяся общим экономическим подъемом, была относительно благоприятным периодом для развития промышленного производства на территории белорусских губерний. Результатом этого стало ускоренное накопление капитала и его переливание в сферу промышленности. Мещанство не осталось в стороне от этих процессов. В это же время намечаются основные приоритеты в развитии промышленного производства, выяв-

ляются основные отрасли доминирования мещанских предприятий. Этот процесс продолжился и в последующие годы. В конце XIX в. мещанство занимало лидирующее положение в следующих видах производства: мыловаренное, где данному сословию принадлежало 57 % от всех предприятий, кожевенное — 66 %, производство минеральной воды — более 50 %, спичечное — более 50 %, пивоваренное — около 23 %, маслособойное — около 36 %, производство извести — около 42 %, кирпичное — 33 %, суконное — около 25 %¹¹.

В начале XX в. мещанство Беларуси сохранило свои позиции в сферах производства, которые были связаны с обработкой шерсти (мещанам принадлежало около 56 % всех предприятий), льна (около 38 %), кожи (около 46 %), а также в древесно-бумажном производстве (около 32 %)¹².

Таким образом, в конце XIX в. промышленное предпринимательство занимало важное место в деятельности городских сословий белорусских губерний Российской империи. Для горожан было характерно постепенное наращивание мощностей, о чем можно судить по значительному росту объемов производства на купеческих и мещанских фабриках и заводах. При сохранении своего участия в мануфактурных предприятиях, отвечавшего интересам и степени развития местного рынка сырья и рабочей силы, городские жители Западных губерний, особенно в 80-х — начале 90-х гг. XIX в., стали активно осваивать фабрично-заводское производство.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 20. № 14275.

² Там же. Т. 22. № 16188.

³ Свод законов Российской империи. Т. 9: Законы о состояниях. СПб., 1846. С. 458–459.

⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 34. № 34248.

⁵ Там же. Т. 37. №39118; Т. 40. № 41779.

⁶ Подсчитано по: Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. 2-е изд. СПб., 1881.

⁷ *Полетаева Н. И.* Купечество Беларуси: 60-е гг. XIX — начало XX вв. Минск, 2004. Прил. 33.

⁸ Подсчитано по: Список фабрик и заводов Российской империи. СПб., 1903.

⁹ *Шаццло М. К.* Социальный состав буржуазии в России в конце XIX века. М., 2004. С. 150.

¹⁰ Подсчитано по: Указатель фабрик и заводов...

¹¹ Подсчитано по: Указатель фабрик и заводов Европейской России. 3-е изд. СПб., 1894.

¹² Подсчитано по: Список фабрик и заводов...

С. Н. Дейнеко

РОЛЬ ХАРЬКОВСКОЙ ТАМОЖНИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИКИ ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Города служат не только рынком сбыта сельскохозяйственной продукции. Город — это прежде всего центр товарообмена¹. Благодаря своему удачному географическому месторасположению в треугольнике между Крымом, Москвой и Северным Кавказом Харьков стал крупным торговым центром на юге Российской империи. Так, например, в 1864 г. на Крещенскую ярмарку было привезено товаров на 11380870 руб., продано на 6959497 руб.²

Харьков, являясь крупным торговым центром, не был потребителем всех товаров, сюда привозившихся. Город стал центром транзитной торговли на юге Российской империи. С постройкой железной дороги завязались интенсивные торговые связи Донецко-Криворожского экономического района и Европы³.

Увеличение товарооборота поставило на повестку дня вопрос об упрощении процедуры осуществления внешнеэкономических связей быстро развивающегося Донецко-Криворожского экономического района. Необходимо было приблизить заграничные рынки к отечественному потребителю. Нужно было создать таможню в непосредственной близости к Донецко-Криворожскому бассейну.

Целью данного исследования является стремление выяснить роль Харьковской таможни в экономическом развитии Донецко-Криворожского района. Недостаточное освещение данной проблемы в литературе дает основание считать ее актуальной⁴. Источниковую базу работы составили правительственные распоряжения, статистические данные и архивные материалы^{5–7}.

Харьковская таможня была основана в 1870 г. и являлась одной из десяти внутренних таможен Российской империи. Она была отнесена к числу главных складочных таможен Департамента таможенных сборов⁸. Предназначение Харьковской главной складочной таможни состояло в растаможивании иностранных товаров, почтовых посылок непосредственно в Харькове. Это давало возможность приобретать товары большими партиями и на месте производить их таможенную очистку, минуя дорогие услуги посредников на границе. Товар разрешалось хранить на таможенных складах три года, брать его со склада по частям и в рассрочку, уплатив таможенную пошлину. Это было очень удобно для товароладельцев, получавших товар в Харькове⁹.

Анализ направления товаропотоков во второй половине 60-х гг. XIX в. говорит о том, что значительная часть мануфактурных товаров, проданных на харьковских ярмарках, в дальнейшем вывозилась в города южных губерний и частью на Кавказ.¹⁰

В 1869 г. была введена в строй Курско-харьковско-Севастопольская железная дорога с веткой до Азова и Ростова-на-Дону. Направление железнодорожных линий, шедших на юг и юго-восток от Харькова, совпадало с маршрутом купцов, вывозивших мануфактурный товар, купленный на харьковских ярмарках. В дальнейшем, в последней четверти XIX в., через данные торговые артерии стали снабжать необходимыми товарами Донецко-Криворожский экономический район¹¹. Так, например, в 1876 г. по Министерству финансов было издано распоряжение, разрешающее государственным и частным учреждениям беспошлинно ввозить в страну ранее запрещенные таможенным тарифом к ввозу взрывчатые вещества, которые могли употребляться при строительных работах, а также в каменноугольном и горнозаводском производстве¹². Тем самым горнопромышленники юга Российской империи получили возможность получать данный товар прямо в Харькове, без задержек на границе и, что немаловажно, по более низкой цене, так как направлять в приграничные таможни экспедиторов, чьи услуги были платными, не было необходимости.

В условиях развития промышленности и увеличения потребления металла и угля встал вопрос о развитии новой металлургической базы, где бы выплавка металла была основана на применении кокса. Таким районом стал Донецко-Криворожский бассейн.

Быстрое развитие на юге Российской империи угледобычи и металлургии повлекло за собой рост других отраслей экономики, например, легкой, пищевой, сельскохозяйственного машиностроения¹³. Это привело к быстрому росту населения в регионе, в основном за счет переселенцев из других губерний, страдавших от аграрного перенаселения¹⁴.

К концу XIX в. Донецко-Криворожский район стал крупным потребительским рынком, а Харьков превратился в складочный и транзитный центр на юге Российской империи. Торговля оказывала сильное влияние на жизнь жителей Харькова. Согласно переписи 1897 г. 13,7 % жителей губернского города и губернии были заняты в торговле. Сумма торговых оборотов Харькова в конце 90-х гг. XIX в. составила 81,1 млн. руб. Харьков сконцентрировал более 16 % торговых заведений всей Левобережной Украины, 2,6 тыс. торговых точек¹⁵.

Структура харьковского импорта более чем наполовину состояла из готовых изделий. Так, в год открытия Харьковской таможни было привезено товаров на 18000550 руб., из них готовых изделий на 11000440 руб., что составило 61,67 %.¹⁶ К середине 80-х гг. XIX в. структура импорта практически не изменилась. В 1885 г. доля готовых изделий составила 62,03 % от общей стоимости ввезенных товаров.¹⁷

Харьковская таможня по структуре импорта не была похожа на другие складочные таможни Европейской части Российской империи. Например, в 1885 г. доля готовых изделий от общей стоимости товаров, ввезенных через Московскую таможню, составила 19,74 %, через Одесскую — 12,36 %, а через Таганрогскую всего лишь 9,06 %.¹⁸ В 1897 г. доля готовых изделий в общей сумме харьковского привоза составляла 71,93 %¹⁹.

Большие отличия в структуре импорта между Харьковской и остальными складочными таможнями произошли вследствие разнонаправленности приоритетных отраслей в различных экономических районах страны. Донецко-Криворожский район резко отличался от Центрально-промышленного района. Так, в промышленных губерниях Центра находились самые разные отрасли промышленности — текстильная, судостроение, производство машин для легкой промышленности, вагоностроение, машиностроение. В Донецко-Криворожском районе, помимо металлургии и угледобычи, промышленность была представлена транспортным и сельскохозяйственным машиностроением, а также пищевкусовой промышленностью²⁰. Во второй половине 70-х гг. XIX в. основными товарами, хранящимися на складе Харьковской таможни, были табак, обувь, головные уборы, части машин²¹.

При строительстве Харьковского паровозного завода в 90-е гг. XIX в. руководство Русского паровозостроительного и механического общества заключило договора о поставках оборудования на завод более чем с 40 русскими и иностранными предприятиями²².

О росте внешнеторговых операций харьковских купцов и промышленников свидетельствует «Алфавит купцам торгующим при Харьковской таможене». Среди них упоминаются известные в Харькове промышленники Г. Х. Гельферих, Н. А. Трепке, Общество производства минеральных красок, компания Сименс и Гальске, Всеобщая электрическая компания. Всего же в 1900 г. при Харьковской таможене состояло 97 купцов и промышленников, занимающихся внешней торговлей. Все они были импортерами, так как таможня в Харькове работала только на ввоз товаров²³.

Таким образом, к началу XX в. Харьков превратился в крупный центр оптовой торговли. Наличие таможни в городе приблизило заграничные рынки, удешевило товары из-за отсутствия посредников-экспедиторов, представлявших интересы хозяев товаров на границе. Складочное право сроком на 3 года и возможность изъятия товаров со склада по частям увеличило ряды купцов и промышленников, занимающихся внешнеторговыми операциями. Помимо существования таможни, большую роль в развитии региона сыграли железнодорожное строительство и богатая сырьевая база.

Примечания

¹ *Боже-Гарнье Ж., Шабо Ж.* Очерки по географии городов. М., 1967. С. 383.

² Памятная книжка Харьковской губернии на 1866 год. Харьков, 1866. С. 159.

³ *Резникова А. М., Добреля Л. П.* Діяльність головної складської митниці у системі митного відомства Російської імперії в 70–90-х роках XIX ст. // Другі Сумцовські читання: Тези наук. конф. Харків, 1996. С. 54–55.

⁴ Митниці Слобожанщини / Гол. ред. Б. К. Мигаль. Харків, 2000.

⁵ ПСЗРИ. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1865.

⁶ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1892 год. СПб., 1893.

⁷ ГАХарО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 45.

⁸ *Резникова А. М., Добреля Л. П.* Діяльність... С. 54–55.

⁹ На варті митних рубежів. Харків, 2000. С. 21.

¹⁰ ГАХарО. Ф. 52. Оп. 1. Д. 63. Л. 13; Д. 45. Л. 4; Ф. 51. Оп. 1. Л. 11.

¹¹ Керівники митних установ Слобожанщини. Харків, 2000. С. 34.

¹² ГАХарО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 363. Л. 34.

¹³ *Лившиц Р. С.* Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 172–173.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Чорний Д. М.* По лівий бік від Дніпра: Проблеми модернізації міст України (кінець XIX — початок XX ст.). Харків, 2007. С. 120–121.

¹⁶ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1870 год. СПб., 1871. Ч. 1. С. 250, 295, 427.

¹⁷ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1885 год. СПб., 1886. С. 52.

¹⁸ Там же. С. 23, 32, 50.

¹⁹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1897 год. СПб., 1898. С. 44.

²⁰ *Лившиц Р. С.* Размещение промышленности... С. 209.

²¹ ГАХарО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 172. Л. 240–243.

²² История Харьковского паровозостроительного завода: 1895–1917: Сб. док. и материалов. Харьков, 1956. С. 58.

²³ ГАХарО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–20.

В. В. Морозан

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИРМЫ «БРАТЯ ЯХНЕНКО И СИМИРЕНКО» НА ЮГЕ РОССИИ

Предпринимательский опыт бывших помещичьих крестьян первой половины XIX в. в отечественной историографии относительно хорошо изучен. Ряд крупных купеческих фамилий, имевших крестьянское происхождение, известен самому широкому кругу читающей публики. К таким фамилиям можно было бы причислить и ряд представителей предпринимательских родов Яхненко и Симиренко. Впрочем, обе семьи известны как крупные сахарозаводчики и хлебные экспортеры и не более. О том, как складывалось их предприятие, какими были промышленные и торговые обороты их фирмы, приемы коммерческой деятельности, до сего дня практически не известно. Слабо освещена история гибели этой фирмы, не исследованы причины, приведшие ее к краху. Большой интерес представляет и торговая деятельность фирмы через Одесский порт как одного из крупнейших экспортеров юга России.

К сожалению, пока не удалось установить точную дату возникновения торгово-производственного предприятия братьев Яхненко (Степана, Кондрата и Терентия Михайлови-

чей) и их компаньона Федора Степановича Смиренко. Большинство исследователей полагают, что это могло произойти около 1815 г. Соучредители предприятия были некогда крепостными крестьянами, проживавшими в Черкасском у. Киевской губ. По архивным материалам из фондов Сената, Ф. С. Смиренко был уроженцем м. Городище и принадлежал графине А. В. Браницкой¹. Этот факт подтверждается ревизскими сказками за 1811 г., согласно которым крестьянин Степан сын Антона Смиренко, его жена Васса и их дети Федор, Фома и Авксентий были крепостными графини Браницкой². Известно, что большая часть Черкасского у., как и само м. Городище, принадлежавшие князю Г. А. Потемкину, перешли к его племяннице графине А. В. Браницкой. Затем это местечко досталось ее дочери Елизавете Ксаверьевне, ставшей женой графа М. С. Воронцова. Впрочем, по справке, составленной в 1887 г. при участии Ивана Терентьевича Яхненко, обе семьи якобы принадлежали графу А. Н. Самойлову³. Однако эта версия маловероятна. Следует учитывать, что в составлении и сборе бумаг для представления в Департамент герольдии в 1854–1855 гг. для получения звания потомственного почетного гражданина непосредственно участвовал Ф. С. Смиренко, который не мог забыть своих прежних хозяев. Из этих бумаг следовало, что владельцем крестьян Смиренко была именно графиня Браницкая. Очевидно, графу А. Н. Самойлову принадлежали лишь Яхненко, которые были родом из с. Смела. Этот населенный пункт принадлежал с 1793 г. графу А. Н. Самойлову.

Свою редкую предприимчивость и неумную энергию братья Яхненко и Ф. С. Смиренко проявили еще крепостными крестьянами. В 1812 г. они стали промышлять в Одессе выделкой и реализацией кожевенных товаров, а также скупкой и продажей «гуртового скота». На первом этапе это предприятие, основанное на принципах взаимного доверия сторон, носило характер «патриархального товарищества». В 1838 г. мать братьев Яхненко Ефросинья Антоновна вошла в состав одесских купцов 2-й гильдии, формально возглавив торговое дело семьи. Однако душой предприятия стал ее старший сын Степан, так как его матери к тому времени было уже более 70 лет. С 1830 г. важной частью их предпринимательской деятельности стала хлебная торговля, в которой немалую долю занимали экспортные операции. Коммерческие сделки с зерновыми товарами хотя и носили регулярный характер, однако не отличались особо крупными объемами, если сравнить их с операциями по вывозу этих продуктов известных торговых домов Одессы. К примеру, фирмы Родоканаки, Ралли и Папудова в 1840-е гг. опраивляли через этот порт за одну навигацию хлеба на сумму от 1 до 3,4 млн. руб. в год.⁴ Вместе с тем, следует учитывать, что зерновой торговлей занимались от своего имени и сами соучредители фирмы, вследствие чего общие объемы могли существенно возрасти. Так, в 1850-е гг. Кондратий Яхненко вывозил из Одессы зерновые продукты на сумму до 100 тыс. руб. в год⁵. Кроме того, Яхненко и Семиренко сбывали хлеб и через Николаев, где завели, как и в Одессе, свои складские помещения. В последнем из указанных городов компаньоны приобрели и жилые дома. В частности, Терентий Яхненко, который большую часть года проживал в Черкасском у. Киевской губ., купил в 17 квартале 3 части Одессы дом под № 228. Затем (в 1849 г.) это каменное здание было им перепродано старшему брату Кондату Яхненко (около 1786 г., м. Смела Черкасского у. Киевской губ. — 14.02.1868, Киев)⁶. Чтобы расширить свои коммерческие возможности, компаньоны построили в 1858 г. в Одессе на Балковской ул. (недалеко от Херсонской ул.) пятиэтажную паровую мельницу. В то время эта мукомольня была самой крупной в городе. В 1870-е гг. фирме пришлось уступить эту мельницу А. М. Бродскому.

В конце 1830-х гг. участники предприятия заинтересовались сбытом, а затем и производством сахара. Очевидно, первые партии сахара для реализации на юге России они приобретали у графа А. А. Бобринского. Впоследствии этот товар принес их коммерческой фирме наибольший успех, как, впрочем, и неудачу. После смерти в 1842 г. Степана Яхненко (род. около 1782 г.), его братья Кондрат и Терентий совместно с Ф. С. Смиренко и его сыном Платоном основали торговый дом под названием «Братья Яхненко и Смиренко». Как и прежнее предприятие, вновь учрежденная фирма сохраняла некоторое время принцип товарищества на взаимном доверии. Однако в 1858 г., после отделения от общего капитала тех частей, которые принадлежали наследникам Степана Яхненко, предприятие было преобразовано в товарищество «по договору» с капиталом в 1,5 млн. руб. В частности, из состава фирмы вышел Семен Степанович Яхненко, который в 1860–1863 гг. был одесским городским головой. В 1844 г. он закончил Московскую Практическую коммерческую академию, благодаря чему получил звание личного почетного гражданина⁷. Некоторое время он был директором Городищенского сахарного завода. После смерти отца состоял в одном капитале с дядей Кондратием Михайловичем Яхненко, а в 1854 г. совместно с его семьей был возведен в потомственное почетное гражданство⁸. Примечательно, что в следующем 1855 г. к потомственному почетному гражданству

были причислены и Ф. С. Симиренко с супругой Анастасией Михайловной и сыновьями Платоном, Василием, Антоном и Михаилом⁹.

Первые опыты по производству сахара предприниматели проводили в с. Ташлык Черкасского у., где в 1843 г. был построен небольшой завод¹⁰. На нем компаньоны использовали передовые для того времени технологии, в частности, впервые на Украине была установлена паровая машина. После смерти в 1843 г. Ефросиньи Антоновны Яхненко (род. около 1765 г.) главой торгового дела стал ее средний сын Кондрат, который, очевидно, был главным организатором сахарного производства. Значительную помощь в этом деле ему оказывал Платон Федорович Симиренко, который обучался сахарному производству во Франции и ездил в Германию для приобретения технического опыта. Видимо, ему принадлежит идея создания в 1848 г. второго — намного более крупного завода близ с. Млиева, известного как Городищенский свеклосахарный рафинадный завод. На первом этапе он производил до 73 тыс. пудов сахарного песка в год, хотя его возможности были гораздо значительнее¹¹. Помимо сахарного песка, это предприятие выпускало рафинад до 500 тыс. пудов в год¹². Почти половину сырья для рафинада компаньоны вырабатывали на своих заводах, благо в конце 1840-х гг. на арендуемой ими земле в 45 верстах от Городищенского производственного комплекса они устроили третье предприятие — Русско-полянский сахарный завод.

Последнее из предприятий было организовано на земле, состоящей в управлении Министерства государственных имуществ, а затем перешедшей во владение Марии Петровны Бразоль (урожденной Селецкой). Арендный контракт с новым владельцем был долгосрочным и истекал в 1893 г. Завод вырабатывал ежегодно от 40 до 70 тыс. пудов сахарного песка, нанимая во время 4-х месячного производства до 600 чел., а в остальное время года до 100 чел. Стоимость заводского оборудования составляла около 300 тыс. руб., а различное сырье, топливо и др. материалы, которые накапливались ежедневно на его территории, доходили до 50 тыс. руб.¹³ Владельцы страховали это предприятие в Петербургском страховом обществе, в частности, в 1887 г. страховая сумма достигала 212525 руб.

Городищенский сахарный завод был построен на земле графа М. С. Воронцова, которая затем перешла во владение Николая Петровича Балашева. Контракт на аренду земли истекал в 1905 г. В 1870–1880-е гг. предприятие вырабатывало от 100 до 150 тыс. пудов сахарного песка ежегодно. Во время сезонного производства на этом заводе работали 1200 рабочих, а в остальное время года — до 300 чел. В конце 1850-х гг. между м. Городище и с. Млев возник целый промышленный комплекс с жилым кварталом. Являясь бывшими крепостными крестьянами, владельцы этого завода прекрасно понимали тяжесть труда рабочих. Чтобы облегчить положение этих людей, были построены каменные казармы, а для служащих и мастеров — отдельные многоквартирные дома. В заводском городке была возведена на личные средства предпринимателей церковь, причт которой содержался за счет семей Яхненко и Симиренко. Там же была сооружена больница, которая по своему оснащению и квалификации персонала превосходила такие учреждения многих губернских городов. При ней была и аптека, где рабочие получали лекарства бесплатно. В городке было и училище на 100 мест, в котором обучались за счет владельцев дети местных жителей. По отзывам руководителей учебного округа, это заведение было одной из лучших сельских школ в крае.

Кроме свеклосахарного и рафинадного завода, в 1840-е годы были устроены и другие предприятия, обеспечивающие как выпуск главной продукции фирмы, так и жизнедеятельность городка. Уже в первый год работы завода из-за поломок механизмов приходилось останавливать производство, что приводило к убыткам. Для замены вышедших из строя узлов фирма тратила на их закупку не только деньги, но и время. На их доставку из-за рубежа порой уходили недели, что пагубно отражалось на ритмичности работы. Чтобы исключить простои, было принято решение возвести механический и чугунно-литейный заводы. На этих предприятиях изготавливались паровые машины, паровики, аппараты и различные приборы как для сахарного завода, так и других предприятий, на сумму до 200 тыс. руб. ежегодно.¹⁴ Для работы на них нанимались мастера различной квалификации и рабочие до 250 чел. Чтобы обеспечить промышленный поселок всем необходимым, были заведены паровая мельница, пекарня, газовое заведение, различные магазины и склады, организованы пожарная и полицейская части.

Для транспортировки по Днепру рафинада и различных материалов для нужд заводов владельцы фирмы приобрели несколько пароходов и берлины. Один из пароходов их небольшой флотилии в 100 лошадиных сил был построен на собственном механическом заводе. Готовая продукция реализовывалась с большим размахом благодаря многочисленным складам и магазинам в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону, Киеве, Одессе, Николаеве, Елисаветграде и в др. городах. Большинство из них были собственностью фирмы. Обороты фирмы в значительной степени поддерживались за счет многочисленных кредитов, которые брались даже у собственных рабочих и местных жителей.

Мелким кредиторам, также как и солидным финансистам, выписывались векселя с начислением по заимствованным суммам относительно высоких процентов — до 10 % годовых. Благодаря этому фирма «Бр. Яхненко и Симиренко» пользовалась популярностью почти во всей России, вследствие чего многие лица, владевшие наличными капиталами, помещали свои свободные средства в это заведение. Часть полученных денег пошла на расширение производства, часть использовалась на оборотные нужды. В лучшие для фирмы времена ее годовые обороты достигали 20 млн. руб.

Особенный рост заимствований наблюдался в конце 1850 — начале 1860-х гг., когда фирма решила увеличить производство рафинада. Так, на эти цели на Киевской контрактной ярмарке 1858–1859 гг. братья Яхненко и Симиренко приобрели рекордное для того времени количество сахарного песка — 250 тыс. пудов. Однако полученные для этой операции кредиты оказались для фирмы уже непомерными. Они накладывались тяжким бременем на другие, ранее приобретенные долги, составив солидную сумму. К концу 1850-х гг. для торгового дома сложился крайне опасный баланс, по которому сумма активов достигала 5 млн. руб., а пассивов — 3,5 млн. руб. При этом основная масса долгов приходилась на те векселя, по которым фирма обязалась платить проценты мелким заимодавцам. По сведениям А. Э. Раковского, из общей вексельной массы в 15 млн. руб., которая была в обращении на территории Правобережной Украины, в 1862 г. одна треть была выписана фирмой «Братья Яхненко и Симиренко»¹⁵. В феврале того же года владельцы этого предприятия были вынуждены прекратить платежи, обратившись к кредиторам с предложением совместно решить образовавшиеся проблемы. На общем собрании кредиторов были предъявлены конторские книги фирмы и представлен обширный отчет о состоянии дел. Очевидно, совладельцам удалось убедить Собрание в своей честности и способности добросовестно вести дела предприятия. Фирма была признана исправным заведением, способным в полной мере вернуть кредиторам долги. Поддержку в деле восстановления своей платежеспособности она получила и от Государственного банка, который предоставил ей отсрочку по погашению кредита в 320 тыс. руб. на 15 лет.¹⁶ По решению заимодавцев 1 сентября 1862 г. была учреждена администрация, управлявшая торговым домом до начала 1890-х гг. Однако восстановить эффективную работу предприятия ей не удалось, хотя ее состав менялся несколько раз. Первую администрацию возглавил Гаспар Казаковский, который допустил массу просчетов при управлении торговым домом.

В деловых кругах Одессы бытовало мнение, что предприятие братьев Яхненко и Симиренко было доведено до разорения умышленно. Некоторые действия администрации дают основание считать это мнение обоснованным. Так, в самом начале своего существования администрация заключила договор с торговым домом Ефрусси о предоставлении последним новому управлению оборотных средств для ведения сахарного производства. Получая у Ефрусси кредиты, администрация обязывалась предоставлять торговому дому сахар рафинад на комиссию, т. е. для продажи (на *del credere*). Однако вскоре это соглашение по неизвестной причине было сорвано администрацией, а взамен заключена новая сделка с Уманским банкиром Тульчем. При этом соглашение было составлено на условиях совершенно не выгодных для сахарного производства. Помимо этого, деятельность администрации вопреки требованиям закона не носила гласный характер, отчетность почти не публиковалась в прессе. Первый ее публичный отчет состоялся лишь в 1866 г., когда дела фирмы окончательно расстроились.

Сильнейший удар по фирме нанес кризис 1875–1876 гг., принесший ей около 1 млн. руб. убытков. После этого администрация больше уже не покупала сахарный песок, а перерабатывала на рафинад только то, что добывала на своих заводах, и частью брала на перерафинировку сырье от других лиц. Так продолжалось до начала 1881 г. Для возврата долгов администрация была вынуждена в 1875–1876 гг. распродать часть имущества, среди которых были пароходы и берлины, дома в ряде городов. Был также ликвидирован Ташлыкский завод, который приносил одни убытки. Из-за предельного износа заводского оборудования его пришлось продать как металлический лом. Однако львиную долю долгов администрации удалось вернуть. Мелкие кредиторы получили не только капитальные суммы, рубль за рубль, но и проценты по ним. Для владельцев предприятия это было одной из главных задач, поставленной перед внешним управлением. Был погашен долг перед Государственным банком, а также по всем векселям. С 1862 по 1887 г. удалось вернуть кредиторам 3245518 руб. из 3799832 руб., которая фирма получила от своих заимодавцев. Кроме того, было уплачено 2,5 млн. руб. в качестве процентов по всем кредитам¹⁷

13 мая 1887 г. администрация в составе В. С. Качало (председатель), И. Т. Яхненко, В. С. Олтаржевский и Н. Ф. Барсуков была заменена новой, во главе с Василием Кондратовичем Яхненко. К тому моменту предприятие задолжало казне почти 150 тыс. руб. за неисправную оплату акцизных сборов. Возник вопрос об аресте имущества фирмы с последующей ее аукционной продажей. Неко-

торые попытки отсрочить эту процедуру оказались безуспешными, так как долги не погашались. Очевидно, где-то в середине 1887 г. В. К. Яхненко окончательно решил свернуть производство и распродать остаток имущества. Чтобы выручить достойную сумму от этих торгов, он обратился к директору Департамента неокладных сборов А. С. Ермолову с прошением разрешить прекратить производство сахара на Городищенском заводе и приступить к поиску его покупателя¹⁸. Это предложение было поддержано министром финансов, который обратился в Комитет министров для получения соответствующего разрешения. 22 марта 1888 г. Комитет министров постановил разрешить продажу имущества, которое принадлежало торговому дому «Братья Яхненко и Симиренко»¹⁹. Согласно этому решению администрации разрешили продать Городищенский сахарный завод и другое имущество по частям без торгов, чтобы выручить от этой продажи достойную цену. Но процесс распродажи затянулся, и фирма прекратила свое существование в начале 1890-х гг. Таким образом, усилия различных групп управителей торговым домом «Братья Яхненко и Симиренко» потерпели неудачу, растянув момент ликвидации фирмы на три десятилетия.

Примечания

- ¹ О почетном гражданстве одесского купца 1 гильдии Федора Симиренко (РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5993).
- ² *Вольвач П.* Род Симиренко // *Зеркало недели.* 1996. № 8 (73). 24 февр. — 1 марта.
- ³ Записка о положении Городищенского предприятия Торгового дома бр. Яхненко и Симиренко (состоящего в Киевской губернии Черкасского уезда), по делам которого учреждена администрация в 1862 году, действующая по сей день. Киев, январь 1887 г. (РГИА. Ф. 574. Оп. 3. Д. 1659. Л. 3).
- ⁴ *Kardasis V.* *Diaspora Merchants in the Black Sea: The Greeks in Southern Russia, 1775–1861.* New York, 2001. P. 154.
- ⁵ Ведомость участвовавших в заграничной торговле по Одесскому порту в 1857 г. // *Одесский вестник.* 1858. № 40. 8 апр.
- ⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 5993. Л. 7.
- ⁷ О личном почетном гражданстве Семена Яхненко (Там же. Д. 5834).
- ⁸ О почетном гражданстве одесского купца Кондратия Яхненко (Там же. Д. 5833).
- ⁹ О почетном гражданстве одесского купца 1-й гильдии Федора Симиренко (Там же. Д. 5993).
- ¹⁰ *Соловьева А. М.* *Промышленная революция в России в XIX в.* М., 1990. С. 27.
- ¹¹ *Сарбей В. Г.* *Начало украинского производственно-коммерческого предпринимательства: Фирма «Братья Яхненко и Симиренко»* // *Экономическая истории России XIX–XX вв.: Современ. взгляд.* М., 2000. С. 418.
- ¹² РГИА. Ф. 574. Оп. 3. Д. 1659. Л. 3 об.
- ¹³ Там же. Л. 4 об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Раковский А. Э.* *Сахарная промышленность Украины второй половины XIX в.: Соц.-экон. очерк.* Чернигов, 1992. С. 25.
- ¹⁶ Объяснительная записка к Отчету Одесской конторы за 1862 г. (РГИА. Ф. 587. Оп. 52. Д. 37. Л. 224).
- ¹⁷ Там же. Ф. 574. Оп. 3. Д. 1659. Л. 4 об.
- ¹⁸ Отношение директора Департамента неокладных сборов А. С. Ермолова к управляющему акцизными сборами Киевской губернии 22 июня 1887 г. (Там же. Л. 24).
- ¹⁹ Выписки из журналов Комитета министров 8 и 22 марта 1888 г. (Там же. Л. 68).

Ю. А. Кузьмин

ТОРГОВЫЙ ДОМ «Б. М. ШАСКОЛЬСКИЙ» И ЭКСПОРТ МИНЕРАЛЬНОЙ ВОДЫ ИЗ ЗАПОВЕДНОГО ИМЕНИЯ «БОРЖОМ»

Многие еще помнят очень популярную до недавних пор минеральную воду «Боржом». Она разливается в одноименном селении в Грузии, где источники были обнаружены в 1829 г. солдатами Херсонского гренадерского полка. 20 октября 1872 г. император Александр II пожаловал эту местность своему младшему брату — кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу¹. Площадь имения составила почти 70 тыс. дес. В него также входило и другое известное впоследствии селение — Бакуриани. 4 июня 1888 г. Боржом получил статус майоратного или заповедного имения, т. е. оно должно было переходить по наследству исключительно старшему сыну и не делиться между наследниками.

Владельцы имения, разумеется, знали, какой уникальный источник им достался, и со временем построили здесь цех по розливу минеральной воды. Первоначально продажей воды, получившей название «Кавказское Виши», занималось Управление имениями великого князя. К 1904 г. экспорт достиг объема 2,2 млн. бутылок и полубутылок² в год, чистый доход составил в 1904 г. 34 тыс. руб., в 1905 г. — 39 тыс.³ Видимо, такой незначительный объем по сравнению с потенциалом Боржома заставил владельца подумать о передаче сбыта минеральной воды в руки профессионалов. В результате в начале 1906 г. Главное управление имениями великого князя

заключило договор с Борисом Матвеевичем Шаскольским на исключительное право продажи Боржомской минеральной воды по всей России.

Борис Матвеевич Шаскольский (04.01.1843 — 16.09.1910) был владельцем нескольких аптек в С.-Петербурге⁴ и крупного торгового дома, который занимался продажей аптекарских, химических и косметических товаров, минеральной воды, резиновых и хирургических изделий. Согласно договору⁵, добычей и розливом воды занимались владельцы источников. Главное управление не имело права продавать воду другим лицам и учреждениям и могло удерживать воду только собственного потребления. Бутылки в соломенных колпаках должны были быть хорошо упакованы в ящики и доставлены на станцию «Боржом». Шаскольский, в свою очередь, был обязан покупать ежегодно не менее 2,5 млн. бутылок и полубутылок воды из Екатерининского и Евгеньевского источников по цене 18 коп. за бутылку и 12 коп. за полубутылку. Договор был заключен на 2 года, начиная с 10 марта 1906 г. В следующем году договор был продлен еще на 2 года, до 10 марта 1910 г., а объем продажи доведен до 3 млн. бутылок. Затем договор неоднократно продлевался, причем увеличивались и срок действия договора, и объем разливаемой воды. Последний договор был заключен 13 января 1917 г. со сроком действия до 1 января 1925 г. и объемом воды 11,5 млн. бутылок.

После смерти в 1910 г. основателя торгового дома дело формально перешло к его вдове Евгении Михайловне Шаскольской, а фактически — к сыну Павлу⁶. 27 июля 1912 г. Павел Борисович подал владельцу имения великому князю Николаю Михайловичу⁷ записку, в которой, обосновывая увеличение срока действия договора, подробно рассказал о принципах торговли минеральной водой⁸.

Владельцы торгового дома с самого начала установили для всех оптовых покупателей одинаковые условия, расчет стал проводиться исключительно за наличный расчет. Перепродажа воды была передана от мелких продавцов крупным местным фирмам. Со временем некоторым из них товар стал отпускаться в кредит, но при условии увеличения объема. Обращалось внимание на розничную цену товара, были выработаны меры против тех, кто чрезмерно завышает или, наоборот, занижает ее. С крупными покупателями поддерживались постоянные контакты, владельцы знакомились с ними лично. П. Б. Шаскольский также отметил, что состоит членом правления общества, которое объединило 17 крупнейших кампаний, занимающихся торговлей аптекарскими товарами, с целью защиты общих интересов.

Особое место в деятельности торгового дома отводилось работе с жалобами покупателей. Владелец отметил, что быстрое реагирование на мельчайшие претензии спасает от повторных жалоб, которые часто бывают преувеличены вследствие озлобления клиентов. Указал Павел Борисович и на плодотворное сотрудничество с разливающим производством в самом Боржоме. Управление имения улучшило качество стекла и форму бутылок, их упаковки, этикетки. Но оставались две основные проблемы: йодоморфный запах воды и постоянное обнаружение пустых бутылок и их недостача в ящиках. Последнее, вероятно, объяснялось систематическими кражами в пути.

Минеральная вода была дешевым и тяжелым товаром, а Боржом находился в отдалении от основных районов потребления, поэтому вопрос о транспортировке играл важнейшую роль. Автор записки отметил постоянное увеличение фрахтов на Черном море и портовых сборов, забастовки докеров. В этих условиях был найден нетрадиционный путь в северо-западную часть России — пароходами из Батума в Санкт-Петербург через Дарданеллы и Гибралтар. Основной пик перевозок приходился на летний период, в крупных городах создавались теплые склады, откуда вода регулярно поступала в аптеки страны. Осваивали владельцы торгового дома и новые рынки сбыта. Вода стала поставляться в Болгарию, Турцию, Египет, США.

Естественно, что для продвижения товара была необходима реклама. Объявления давались в десятках центральных газет и журналов. Выпускались брошюры и проспекты, причем как на русском языке, так и на немецком, польском, французском, «еврейском»⁹, арабском, татарском и болгарском. Брошюры на русском языке в огромном количестве безостановочно рассылались представителям различных профессий, в первую очередь врачам. В 1911 г. 48 тыс. экземпляров брошюр было послано священникам по всей России, в 1912 г. около 50 тыс. — высшим чинам всех ведомств страны и лицам свободных профессий, каждый год 24 тыс. отправлялось докторам. Серьезные научные статьи о боржомской воде публиковались в профессиональной медицинской прессе.

В результате успешной деятельности Б. М. Шаскольского и его наследников объем продаж минеральной воды с 1906 по 1912 г. удвоился, достигнув 6 млн. бутылок в год. Больше всего воды в 1912 г., естественно, продавалось в столицах — С.-Петербурге (878 тыс. бутылок) и Москве (652 тыс.), а также в ближайших к источникам губерниях: Тифлисской — 226 тыс. и Бакинской — 155 тыс. Добралась вода и до таких отдаленных регионов, как Бухара (10 тыс.) и Амурская область (около 12 тыс.). Меньше всего воды продавалось в губерниях Царства Польского (например, в Плоцкой всего 700 бутылок). В Курской губ. в 1912 г. было продано 80 тыс. бутылок против 28 тыс. в

1908 г. К сожалению, по тем документам, которые оказались нам доступны, невозможно установить доходность бизнеса Шаскольских. Но великий князь Николай Михайлович получил чистой прибыли в период с 15 сентября 1912 г. по 1 марта 1913 г. 137263 руб.¹⁰

Начавшаяся летом 1914 г. Первая мировая война нанесла торговле Шаскольских огромный урон. Это было связано с резким ухудшением транспортировки такого «тяжелого» товара. Были закрыты черноморские проливы — самый дешевый путь в С.-Петербург. Те суда, которые до начала войны успели пройти Дарданеллы, не смогли пройти Балтийское море и были вынуждены оставить свой груз в Копенгагене и Ньюкасле. 724 ящика (37 тыс. бутылок) затонуло на пароходе «Ялта», который подорвался на турецкой мине возле Феодосии¹¹. В связи с всеобщей мобилизацией выгружен оказался товар, перевозимый по железной дороге. Его с трудом отыскивали сотрудники торгового дома, часть его пришла в негодность в связи с тем, что хранилась в неподобающих условиях. Возникли проблемы и у разливочного производства в Боржоме. Был затруднен экспорт оборудования из-за границы, резко подорожали многие материалы. Несмотря на это, П. Б. Шаскольский не терял оптимизма и в начале 1915 г. договор с великим князем был вновь продлен на 8 лет¹². Он в частности, предусматривал ежегодное увеличение объема продажи на 300 тыс. бутылок. Причем, с 1906 г.(!) не менялась цена, по которой имение отпускало воду. Однако уже 14 февраля 1915 г. подписывается дополнение к договору и цена увеличивается на полкопейки. 22 декабря 1915 г. следует новое дополнение. И на 1916 г. цена увеличивается на 3,5 коп. за большую бутылку и на 2,5 коп. за малую, соответственно до 22 и 20 коп. Учитывая рост инфляции на 1917 г., были установлены цены в 33 и 31 коп. Скорректированы были и объемы поставок: вместо планируемых на 1917 г. 8,6 млн. бутылок было решено закупить только 7 млн.

В 1918 г. эта страница истории Боржомского имения была закрыта, розливом минеральной воды занялись вскоре новые хозяева, а Павел Борисович Шаскольский еще до 1929 г. держал аптеку на Невской проспекте.

Примечания

¹ Михаил Николаевич, великий князь (1832–1909), младший сын императора Николая I, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-фельдмаршал, наместник Кавказа в 1862–1881 гг.

² Бутылка — 0,75 л, полубутылка — 0,42 л.

³ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 778. Л. 40–40 об.

⁴ Одна из них располагалась по адресу Невский проспект, дом 27, на углу Екатерининского канала (Грибоедова) — напротив нынешней станции метро «Невский проспект».

⁵ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 778. Л. 41–42.

⁶ Павел Борисович Шаскольский (1882–1942), отец историка Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995).

⁷ Николай Михайлович, великий князь (1859–1919), старший сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, председатель Исторического, Географического, Энтомологического обществ.

⁸ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 778. Л. 99–108.

⁹ Так в записке, с добавлением: «для черты оседлости».

¹⁰ РГИА. Ф. 549. Оп. 1. Д. 810. Л. 106.

¹¹ Там же. Д. 778. Л. 162.

¹² Там же. Л. 96.

Н. Н. Коротеева

ВНЕАПТЕЧНАЯ ТОРГОВЛЯ ЛЕКАРСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в. КАК НЕГАТИВНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФАРМАЦИИ

Прежде, чем рассматривать вопрос о негативном влиянии внеаптечной торговли на развитие фармации, нужно отметить следующее. Татаро-монгольское нашествие значительно затормозило развитие аптечного дела на Руси. Если в XVI в. в Западной Европе были созданы университеты, открыты аптеки и развивалась химическая наука, то в Московском государстве аптечное дело развивалось самобытными путями через «зелейничество» — лечение травами. В этот период на Руси появляются учреждения аптечного типа, так называемые зеленые лавки или зеленки. Они являлись самобытными аптечными предприятиями, развившимися вследствие определенных жизненных потребностей русского народа. Государство собирало с них оброк как с заведений торгового характера. Зеленки продавали лекарства народу. Здесь и записались лекарственными средствами врачи — «лечители», приобретались медикаменты для воинских

частей. Зелейники сами собирали сырье, готовили порошки, мази, сиропы, сборы и другие снадобья. Из фармакомеханических и фармакохимических операций употреблялись следующие: изрезывание, толчение, растирание, раздавливание, просеивание, процеживание, снятие пены, испарение, дистилляция, поджаривание. По мере развития торговли лекарственными травами владельцы зелейных лавок начали культивировать некоторые дикорастущие лекарственные растения в приусадебных огородах, что облегчало снабжение своих «зелеен» сырьем.

Традиции народной медицины, корни которой уходят в глубокую древность, были обобщены и продолжены в период подъема народного хозяйства, имевшего место на Руси после монголо-татарского ига. Необходимость сосредоточения лекарственных средств в определенном месте была вызвана теми обстоятельствами, что врачи в Русском государстве не всегда имели под рукой широкий арсенал лекарств. Тем более что они, в основном, являлись природными веществами, а это требовало проведения определенной технологической обработки перед использованием в качестве лечебных средств. Естественно, для того, чтобы обеспечить сбор, обработку и приготовление нужной лекарственной формы и добиться качества лекарств нужно было организовать соответствующее учреждение. Первоначально такими учреждениями были зелейные лавки, в которых продавались лекарства населению. «Зелейщики» самостоятельно заготавливали лечебные средства растительного, животного и минерального происхождения, осуществляли их очистку и обработку. Передача из поколения в поколение медико-фармакологической информации стало решающим условием превращения «зелейщиков» в лиц особой профессии — аптекарей.

Специфику аптечному делу придавали случаи отравлений, злоупотребления лекарствами как ядами. Стремление к монополизации торговли лекарствами требовало особого контроля и вмешательства со стороны государства. Вследствие этого был создан орган контроля — Аптекарский приказ. Государственная власть поддерживала официальные аптеки всем своим авторитетом, причем развитие аптек, открытых «по царскому указу», опиралось на такую экономическую базу, как государственная казна.

Начало XVIII в. в истории Российского государства ознаменовалось крупными преобразованиями в экономической, политической и культурной жизни страны, вызванными стремлением Петра I укрепить и упрочить положение страны. Петр I не обошел вниманием и аптечное дело. А его состояние было весьма незавидным. За исключением «царской» аптеки, обслуживавшей членов царской семьи, и казенной аптеки, открытой в 1672 г. для обслуживания населения, аптек в столице не было. Лекарственную помощь оказывали знахари, бабки, торговавшие зельем и дававшие советы по врачеванию. Таким образом, слабо развитое аптечное дело не могло удовлетворить потребности населения в организованной лекарственной помощи.

Время царствования Петра I является наиболее важным периодом развития аптечного дела, когда коренным образом изменилась и структура его управления, и произошло реформирование на организованных началах. Находясь за границей, Петр I интересовался постановкой аптечного дела. По возвращении из своего первого заграничного путешествия он решает учредить в Москве частные аптеки по типу западноевропейских. Покупка «зелья» в зелейных лавках часто приводила к трагическому исходу. В 1698 г. лекарь Туленщиков был сослан в Курск за то, что он лекарю Харитонову вместо раковых глаз отвесил в пьянстве золотник сулемы. Харитонов дал сулему одному подъячему — и тот умер. А трагический случай с боярином П. П. Салтыковым ускорил закрытие зелейных рядов и процесс открытия аптек. Известно, что Салтыков обратился в зелейную лавку, где ему отпустили изрядное количество требуемого зелья и дали указание, как его применять. В результате боярин принял дозу во много раз превышавшую допустимую и быстро скончался. Комиссия, созданная для расследования смерти Салтыкова, обратила внимание царя на недопустимое состояние, в котором оказалось лекарственное обеспечение населения столицы, вследствие чего Петр I принимает решение об открытии сети аптек. По его инициативе в 1700 г. открывается частная аптека бывшим служащим царской аптеки Даниилом Гурчиным. Располагалась она на Мясницкой улице у Никольских ворот. В этом же году повелением Петра I учреждаются военные аптеки при военных и морских госпиталях, при крупных воинских соединениях. А 27 октября 1701 г. выходит царский указ о запрещении в пределах города Москвы торговли лекарствами в зеленых и москательных рядах, располагавшихся в основном в Китай-городе. Указ гласил: «Зеленному ряду, что в Китай-городе, также и по улицам, где есть в Китае и Белом городе что-нибудь, лавки в которых торгуются и продаются товары всякие зелья и масти будто за лекарства и тем лавкам не быть и никакими зельями и травами и мастями и лекарствами никому в тех местах мимо аптек не торговать и не продавать и тот зеленый ряд по улицам и перекресткам лавки очистить и продавцам тех товаров выехать вон из Ратуши <...>»¹.

Этот указ имел огромное значение, поскольку неконтролируемая продажа «зелья», в том числе и ядовитого, давала возможность злоупотреблений — отравлений с целью убийства или самоубийства, что, как показывает история, довольно часто происходило в исследуемый период. А это могло стать одной из причин вырождения русской нации. «Отравления сильнодействующими ядами составляют явления исключительные, и смертные случаи от них суть либо убийства, либо самоубийства»².

Указ вызвал оппозицию со стороны лавочников, под давлением которых городская Ратуша не стала принимать никаких мер к его выполнению. Однако Петр I, понимая всю важность устранения конкуренции зеленщиков, назначил специальную комиссию для расследования бойкота городских властей и добился определенных успехов в деле запрета внеаптечной торговли лекарственными средствами в Москве. Однако полного запрета этого вида торговой деятельности добиться не удалось. Она не имела запрета за пределами Москвы, а в дальнейшем возобновилась и в столице.

Императрица Анна Иоанновна продолжила дело Петра по борьбе с незаконной продажей медикаментов вне аптек. 6 февраля 1731 г. вышел ее указ «О непродаже и недержании в лавках мышьяку, кроме аптек»: «во всем Государстве в рядах, в лавках, на торжках мышьяку отнюдь не держать и не продавать и никому тем не торговать, також и у портов купцам и другим никому не покупать, и до того не допускать, а продавать, и кому надобно для потребных нужд покупать из аптек; а в которых городах аптек нет, в тех покупать из таможен»³. 8 января 1733 г. вышел указ «О запрещении продавать в рядах, в лавках и на торжках мышьяк и всякие ядовитые материалы и о наказании, кто в такой непозволительной продаже окажется виновным». Этим указом предусматривалось и наказание за его неисполнение: «А ежели кто впредь в противность Нашего указа, тем мышьяком и прочими <...> материалами торговать станут <...>, тем учинено будет жестокое наказание. И сосланы имеют быть в ссылку <...> А ежели кто, купя такие ядовитые материалы, чинить будет повреждение людям, таковыя <...> смертию казнены будут <...>»⁴.

Государственная политика по запрещению внеаптечной торговли была достаточно жесткой. Но торговлю «зельем» полностью ликвидировать не удалось. На нелегальных условиях «зелейники» продолжали торговать, так как оставался спрос на их товар и народ еще не научился приобретать лекарства в аптеках, которых на тот момент было еще незначительное количество. Об этом свидетельствуют пословицы, особо распространенные в то время: «аптекари лечат, а больные кричат», «аптека улечит полвека», «не жива та душа, что по лекарям пошла».

Начало фармацевтической правовой базы было положено указом Петра I от 22 ноября 1701 г. «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зеленых лавок»⁵. В аптеках разрешалось продавать все без исключения лекарства и «лекарственные спирты», но запрещалось продавать виноградное вино и другие нелекарственные напитки. Указом разрешалось открыть в Москве не более восьми аптек, и все они передавались в ведение Посольского приказа. Указ преследовал цель создать благоприятные условия для будущих владельцев аптек: устранение конкурентной торговли лекарствами за пределами аптек и введение аптечной монополии на количество аптек, что гарантировало их владельцам высокий доход. Петровская монополия призвана была служить стимулом роста городской аптечной сети.

Императрицей Елизаветой Петровной был принят указ «О запрещении неучившимся медицине и неимеющим в том свидетельства от Медицинской канцелярии, заниматься лечением больных, под жестоким штрафом и наказанием; о непродаже медикаментов нигде, кроме аптек и о покупке оных из аптек по запискам от домов и по рецептам докторским и лекарским», что свидетельствует о существовании по-прежнему лечения в зеленых лавках, несмотря на принятые Петром и Анной Иоанновной меры к пресечению этого явления. «В аптеках же, для самага подлага и весьма беднаго народа <...> издревле производится продажа без рецептов докторских и лекарских, называемая ручная, мазями, пластырями и другим таким несомнительным вещам, которые такие несмысленные бродяги покупая по малому числу, лечат многих в народе людей от всяких болезней, и для того к пресечению таких дерзновенных лечений <...> Медицинская канцелярия определила, все продаваемые из аптек без рецептов мази, пластыри и прочия тому подобные вещи <...>, однако б тем бродягам все их дерзновенные и противные указам способы через ту покупку пресечь и истребить <...>»⁶. Этот указ положил начало дальнейшему развитию аптечного контроля.

Таким образом, на протяжении XVIII в. происходило становление государственной политики в области аптечного дела, цель которого состояла в приближении лекарственной службы населению. Это касается, в первую очередь, петровской аптечной монополии, которая стала отправной точкой для расширения аптечной сети. Указы о запрещении внеаптечной торговли лекарственными средствами своей целью ставили защиту населения от возможных отравлений, так называемыми лекарствами

ми, которые продавались не в организованных аптеках, а на зеленых рядах. Дальнейшая политика государства была направлена на улучшение лекарственного обслуживания и расширение аптечной сети во всем Российском государстве с целью предотвращения внеаптечной торговли.

Но с середины XIX в. в России появляется новая форма внеаптечной торговли — аптекарские магазины и разнообразные товарищества, осуществлявшие продажу тех же медикаментов, но без рецептов врачей, а, помимо этого, сбывавшие парфюмерные и косметические товары, а кроме того «минеральные воды, соли для ванн, краски для волос, зубные средства, средства для дезинфекции, средства для истребления насекомых, крыс и мышей, очки, пенсы, барометры и термометры лучшего качества, звонки электрические и принадлежности к ним, фотографические принадлежности, кофе, какао, прованское масло, деревянное масло лучшего качества, материалы для стирки белья: мыло, синька и щелок сгущенный, бумажное белье и прочее»⁷. Естественно, что при таком разнообразном ассортименте товаров отсутствовал надлежащий контроль со стороны врачебных отделений губернских правлений. Владельцы аптекарских магазинов не имели фармацевтического образования и, следовательно, не имели законного права осуществлять продажу ядовитых и сильнодействующих лекарственных веществ. Но так ли обстояли дела на практике?

В качестве примера рассмотрим Курскую губ. В Курске существовало несколько аптекарских магазинов: три на Московской улице (владельцы Ф. И. Грошковский, В. А. Свирчевский, П. С. Клейн) и один на Херсонской улице (владелец В. А. Свирчевский)⁸. В начале XX в. на Московской улице был открыт еще один магазин Г. В. Письменным, а на Херсонской улице три магазина — В. И. Панцем, Л. В. Седлисом и Т. Р. Форстманом⁹. Они имели промысловые свидетельства 2 разряда, а их годовая сумма оборота составляла от 6 до 28 тыс. руб.¹⁰ «Патент на выделывание изделий из вина» имели только магазины Свирчевского и Грошковского на Московской улице. Следовательно, остальные магазины не имели права продавать даже виносодержащие растворы. Естественно, что о продаже ядовитых и сильнодействующих веществ из этих магазинов не могло быть и речи, тем более что это являлось прямым нарушением «Правил раздробительной продажи ядовитых и сильнодействующих веществ» от 1852 г.

Но в архивных документах мы находим сведения об имевшем место случае незаконной продажи. Так, 20 сентября 1892 г. во врачебное отделение поступило заявление от содержателей курских вольных аптек о том, «что в августе 1892 г. на Московской улице в доме Кошеварова открылся аптекарский магазин Грошковским. Из этого магазина отпускаются беспрепятственно яды: сулема, красная и белая ртуть, морфий, кодеин, эфир, азотная кислота и др., а также все галеновые препараты, не исключая настойки опия, капель Иноземцева и Боткина и сложные лекарства по рецептам, в состав которых входит морфий и кодеин. Причем многие галеновые препараты отпускаются без этикеток или с надписью, без указания фирмы. Некоторые из препаратов разливаются по бутылкам в магазине и на них наклеивается этикетка Москворецкой аптеки. Такая незаконно открытая аптека наносит чувствительный удар по аптекам города. При такой свободной продаже всех без исключений средств, может быть причинен вред населению. Поэтому необходимо сделать внезапную ревизию в этом магазине и привлечь его владельца к ответственности»¹¹. Владельцы аптек отправили и заявление курскому полицмейстеру с просьбой привлечь к ответственности Грошковского за незаконную продажу ядов и галеновых препаратов, а также за приготовление лекарств по рецептам. Полицейстер Степкевич собрал сведения об отпуске из магазина ядов и галеновых препаратов, а также выяснил, что из магазина Грошковского отпуск товара производится по дешевой цене. Через подставное лицо он получил из магазина следующие лекарства: чистый кодеин с водой, салициловый натр с морфием и водой, азотную кислоту и др. На основании этого из магазина были изъяты все ядовитые и сильнодействующие вещества, а также галеновые препараты, а дело о данном факте передано на рассмотрение судебному следователю. Отсюда следует, что без законного основания продажа таких веществ не могла быть допущена, хотя без жалобы конкурентов вряд ли правовые органы смогли бы достаточно быстро среагировать на имевшее место нарушение правил торговли.

Для сравнения хотелось бы обратить внимание на работу земского аптекарского магазина, открытого Щигровским земством в 80-е годы XIX в.¹² В докладе ревизионной комиссии очередному земскому собранию 1897 г. отмечалось следующее: «аптекарский магазин содержится очень опрятно, а особенно отделение, где содержатся медикаменты и другие, входящие в состав аптечных товаров, и где наблюдается полнейшая чистота и аккуратность как в содержании самих лекарств, так и в помещении для них (банки, ящики, шкапы и пр.). При проверке самих медикаментов, предназначенных для врачебных участков и ручной продажи, не отмечено ничего, заслуживающего внимания. При проверке месячных книг, отпусков в участки, счетов фирм видна правильность поступления и расхода проверенных медикаментов»¹³. Таким образом, нарушений в земском аптекарском магазине ревизией замечено не было. И это является подтвер-

ждением того, что торговля владельцев частных магазинов, направленная на получение большей прибыли, коренным образом отличалась от торговли земского магазина.

Материальный интерес к ведению дела, жажда большей наживы толкали частных владельцев на злоупотребления. Их торговля не контролировалась обязательными ежегодными ревизиями врачебных отделений губернских правлений, что давало возможность для фальсификаций и нарушений. А широко распространенная реклама продаваемых товаров способствовала лучшей реализации их даже по большой цене. Так, товарищество «Жень-шень» в Санкт-Петербурге реализовывало препараты из китайского корня жень-шень. Стоимость их была достаточно велика: «эссенция — 10 руб. за флакон, таблетки 10 шт. — 2 руб. (два раза в день по 1 таблетке перед едой)»¹⁴, следовательно, на курс необходимо было купить не менее 60 таблеток, что стоило соответственно 12 руб. Но реклама этих препаратов однозначно рекомендовала их для «возстановления своих сил»¹⁵, что, естественно, пробуждало интерес обывателей к «лекарствам». А товарищество «Пчела» в Саратове рекламировало «бинт доктора Юнга», который «быстро вылечит от вредной и некрасивой привычки храпеть»¹⁶.

Так же, как и в современном фармацевтическом бизнесе, в исследуемый период рекламировались достижения препаратов, а именно: «парижская золотая медаль и аттестат изобретателя» для «безподобного, наилучшего и вернейшего средства для рощения волос»¹⁷. Или же: «только товарный знак “Человек с фонарем” гарантирует от подделок»¹⁸. «Секретное средство против алкоголизма» имело благодарность от «трубочистного мастера К. О. Квейзера», так называемый «добровольный отзыв из публки, ясно показывающий действительное значение чудесного препарата»¹⁹.

К 1914 г. в России функционировало 164 товарищества, занимавшихся исключительно торговлей аптекарскими товарами²⁰. Что касается аптекарских магазинов, открытие и последующая работа которых не были обставлены такими формальностями и ограничениями, как открытие аптек, то их численность в начале XX в. увеличивалась быстрыми темпами. В 1906 г. аптекарских магазинов по России насчитывалось более 3900, в 1908 г. — уже более 4600, а в 1913 г. — свыше 7200²¹.

Частная торговля, в том числе и лекарственными средствами, имеет свою логику — стремление к прибыли, порождая такой негативный фактор как возможность злоупотреблений. Это претерпела и частная фармация в рассматриваемый исторический период. Данный факт имеет место и в настоящее время.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 4. № 1778.

² *Венюкова М. И.* О вырождении рода человеческого // Русская мысль. 1887. Кн. 9. С. 56.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 8. № 5691.

⁴ Там же. Т. 9. № 6304.

⁵ Там же. Т. 4. № 1879.

⁶ Там же. Т. 21. № 10586.

⁷ Курская быль. 1911. № 260. С. 2.

⁸ ГАКурО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–59.

⁹ Курский адрес-календарь, 1912 год. Курск, 1912. С. 125.

¹⁰ ГАКурО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 101. Л. 44–59.

¹¹ ГАКурО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 6484. Л. 43.

¹² Труды 5 съезда земских врачей и представителей земств Курской губернии 13–20 января 1893 г. Курск, 1893. С. 9.

¹³ Сборник протоколов заседаний губернского и уездных врачебных советов Курской губернии за 1895 г. Курск, 1896. С. 431.

¹⁴ Нива. 1909. № 35. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. 1909. № 30. С. 4.

¹⁷ Там же. № 23. С. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Сборник сведений о действующих в России торговых домах (товариществах полных и на вере) / Изд. Отд. торговли Министерства торговли и промышленности. Пг., 1915. С. 157.

²¹ *Егоров В. А., Абдулманова Е. Л.* История фармации. Самара, 2002. С. 281.

ЗАГОТОВЛЕНИЕ КАМЕННОГО УГЛЯ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Российское военно-морское ведомство было, по-видимому, первым потребителем каменного угля в России. Еще при Петре I при адмиралтейских работах использовали привозное «галанское уголье»¹. Когда при Екатерине II в Кронштадте была установлена паро-атмосферная машина Смитона, ее котлы так же отапливались ньюкасельским углем². В первой половине XIX в. сфера применения этого каменного угля значительно расширилась. На заводах и в мастерских морского ведомства все в большем количестве устанавливаются паровые машины и паровые молоты, а также строятся металлургические печи, приспособленные к использованию не древесного, а каменного угля³. Тогда же в составе российского флота появляются первые паровые суда. Тем не менее главной силой военных флотов до середины XIX в. оставались парусные линейные корабли, а военные пароходы рассматривались как важное, но тем не менее исключительно вспомогательное средство при парусном флоте⁴.

После окончания Крымской войны российский военный флот становится паровым. Но ни в России, ни за границей полностью от парусов военные моряки не отказались. Вплоть до конца века «железа и пара» броненосцы, крейсера и даже миноносцы продолжали строить с развитым парусным вооружением. 282-я статья российского морского устава даже требовала от командира корабля, чтобы в плавании он для экономии топлива пользовался парусами «при всяком случае, когда это позволяют свойства данного кораблю поручения или безопасность»⁵. В полном соответствии с требованием этой статьи в 1886 г. корвет «Витязь» во время перехода из Кронштадта до Йокогамы прошел 14844 миль под парусами и лишь 7275 миль под парами⁶. Только после того как к концу 1880-х гг. стало очевидно, что для современных кораблей парусное вооружение не более чем тяжелое и дорогостоящее украшение, началось строительство исключительно паровых судов. Последним крупным кораблем российского императорского флота, который получил парусное вооружение позволявшее «держаться в море не расходуя пара», стал крейсер 1 ранга «Рюрик», который был заложен в 1889 г. и вступил в строй в 1895 г.⁷

Естественно, что расходы морского ведомства на заготовление каменного угля во второй половине XIX в. должны были постоянно возрастать. Так, если по смете морского министерства на 1860 г. «на заготовление каменного и древесного угля и дров для паровых судов и для адмиралтейских заводов и мастерских» по балтийскому управлению назначалось всего 300 тыс. руб., то по смете морского министерства на 1898 г. на заготовление каменного угля назначалось уже свыше 5,2 млн. руб. Если же для более точного сопоставления этих цифр вычесть из последней суммы расходы на заграничное плавание и отопление зданий морского ведомства, то все равно останется 3,2 млн. руб.⁸

В XIX в. российское морское министерство накопило богатый опыт заготовления угля, но его сохранению мешали частые административные преобразования. Причем особенно решительно реорганизовывались хозяйственные органы, в том числе ведавшие заготовлением угля.

После того как в начале правления Николая I была ликвидирована Адмиралтейств-коллегия и морское министерство было организовано на общих с другими ведомствами основаниях, «заготовление угля каменного и древесного» оказалось в ведении второго отделения кораблестроительного департамента, которое занималось заготовлением различных материалов, необходимых для постройки военных судов⁹. Затем, уже во время Крымской войны, заготовление каменного угля было передано из кораблестроительного департамента в комиссариатский¹⁰. Основной причиной такой реорганизации было личное доверие генерал-адмирала к директору комиссариатского департамента: еще зимой 1854 г., накануне разрыва с Англией, вел. кн. Константин Николаевич лично поручил князю Д. А. Оболенскому организовать заготовление донецкого антрацита для Балтийского флота, но «не как директору департамента, а как князю Оболенскому»¹¹. Впрочем, такая реорганизация была обоснована и с сугубо административной точки зрения: комиссариатский департамент занимался обеспечением флота провизией и мундирными вещами, а теперь, когда главным потребителем каменного угля стали не заводы и адмиралтейства морского ведомства, а паровые суда флота, логично было отнести заготовление «пароходного и заводского топлива» к комиссариатской части.

На этом, однако, реформирование морского министерства не прекратилось. Одной из главных идей «либеральных бюрократов», которые возглавляли тогда военно-морское ведомство, было сокращение административного аппарата и децентрализация управления. В идеале министерство должно было сократиться до двух органов — одного для сообщения «приказаний и предположений» высшего морского начальства на места (канцелярию), а другого — «для рассмотрения тех вопросов, разрешение коих требует особых специальных познаний». При этом все хозяйственные дела предполагалось передать в ведение

портовых управлений¹². В 1867 г. эта идея была отчасти воплощена. По крайней мере, в составе центрального аппарата морского министерства не осталось ни одного самостоятельного хозяйственного органа, в том числе был ликвидирован и комиссариатский департамент¹³.

В полной мере осуществить децентрализацию, конечно, не удалось. Почти весь заготовлявшийся тогда каменный уголь предназначался для кронштадтского и санкт-петербургского портов и Ижорских адмиралтейских заводов. Естественно, что покупку для них топлива было целесообразно объединить в одних руках и еще накануне введения нового положения, главному командиру санкт-петербургского порта вице-адмиралу Воеводскому было предписано «принять на время в личное и ближайшее заведование угольную операцию»¹⁴. Кроме того, результатом ликвидации хозяйственных департаментов в составе министерства стало расширение функций канцелярии министерства. Высочайше утвержденный в 1869 г. наказ об управлении морским ведомством фактически закрепил переход многих функций упраздненных департаментов и управлений к канцелярии, узаконив создание в ней отделений, в том числе комиссариатского, в котором, в частности, «сосредотачивалась переписка» по заготовлению «минерального и древесного топлива для судов, заводов и зданий»¹⁵.

Очередной этап административных реформ в морском ведомстве наступил при Александре III. «Либеральное» положение об управлении 1867 г. вскоре после его воцарения было заменено. По новому положению в аппарате министерства создавался орган, ведавший практически всем хозяйством, — Главное управление кораблестроения и снабжений. В его состав входило три отдела — сооружений, занимавшийся всем кораблестроением, счетный, ведавший всей «счетной частью» и заготовлений. Последний, впрочем, занимался далеко не всеми заготовлениями морского ведомства. Помимо общего руководства заготовительным делом, он должен был производить заготовки только для кронштадтского и санкт-петербургского портов, а «для портов отдаленных — по тем предметам, которые признано будет более выгодным заготовить или заподрядить в С.-Петербурге»¹⁶. Поэтому, например, черноморские порты заготовляли донецкий уголь самостоятельно, а английский уголь — через отдел заготовлений.

Следует учесть, что морское министерство было заинтересовано не просто в приобретении каменного угля, а в приобретении каменного угля, который бы обладал определенными техническими качествами. Связано это было с тем, что он шел на разные цели, которые зачастую предъявляли противоположные требования к свойствам топлива.

В первую очередь морскому ведомству нужен был уголь для плавания паровых судов флота. По смете расходов морского министерства на 1898 г. на заготовление твердого минерального топлива для внутреннего плавания ассигновалось 1,71 млн. руб., а для заграничного еще 1,83 млн. руб., что составляло 68 % всех расходов на заготовление угля. Основным требованием к топливу для военных судов была его высокая паропроизводительность. Для Балтийского флота на протяжении нескольких десятилетий заготовлялся преимущественно ньюкасельский каменный уголь, который добывался на севере Англии в районе города Ньюкасл-апон-Тайн. Поскольку ньюкасельский уголь давал много густого черного дыма, то на случай войны, а также для императорских яхт заготовлялся кардифский уголь. Этот уголь добывался в южном Уэльсе и вывозился через порты Кардиф и Барри. Имея практически такую же паропроизводительность, что и ньюкасельский уголь, кардиф практически не давал дыма, но стоил несколько дороже. После того как в 1890-х гг. на кораблях русского флота вместо огнетрубных котлов стали устанавливать водотрубные котлы, Морской технический комитет предписал снабжать суда с водотрубными котлами исключительно кардифским углем. Дело в том, что ньюкасельский уголь давал при горении длинные языки пламени, что крайне вредно сказывалось на котлах такого типа¹⁷.

На Черном море первоначально также использовался кардиф и ньюкасельский уголь, но после того, как в 1880-х гг. были введены запретительные таможенные пошлины на ввоз иностранного каменного угля в черноморские порты, импортные кардиф и ньюкасельский уголь заменили антрацит и каменный уголь, добывавшиеся в Донбассе. Имея высокую паропроизводительность, донецкий каменный уголь был склонен к самовозгоранию, а антрацит требовал для поддержания горения усиленного дутья. Поэтому для императорских яхт, а так же миноносок, механизмы которых были слишком чувствительны к качеству топлива, продолжали заготовлять кардиф¹⁸.

Находившиеся в заграничном плавании суда должны были пополнять запасы угля в попутных портах. Вполне естественно, что при этом они старались приобретать хорошо им знакомый кардиф или ньюкасельский уголь. Русская тихоокеанская эскадра, корабли которой считались находящимися в заграничном плавании даже тогда, когда стояли на якоре во Владивостоке, к концу XIX в. тоже предпочитала доставлявшийся из Англии кардифский уголь. Правда, по экономическим соображениям, расходовать его предписывалось только на ходу, а вот на якоре ее корабли должны были пользо-

ваться исключительно местным, японским или сахалинским углем, который давал много дыма и имел меньшую паропроизводительность, но зато стоил в несколько раз дешевле.

Но плаванием паровых судов флота потребность морского ведомства в топливе не исчерпывалась. Ему также требовался каменный уголь и каменноугольный кокс для заводов и мастерских. В 1898 г. на их приобретение предполагалось отпустить 1,45 млн. руб. При этом главным потребителем каменного угля и кокса были Ижорские адмиралтейские заводы. По смете на 1898 г. на заготовление твердого минерального топлива для этого предприятия отпускалось 826 тыс. руб. Объяснялось это тем, что Ижорские заводы были единственным в России предприятием, производившим броню. Наконец, на заготовление каменного угля для отопления принадлежавших морскому министерству зданий ассигновалось еще 216 тыс. руб.

Разброс требований к качествам топлива, которое расходовалось не в море, а на берегу, был несколько больше. Береговые паровые котлы могли довольствоваться топливом самого низкого качества — главное чтобы в итоге стоимость произведенного ими пара была ниже. Примерно такие же требования предъявлялись и к углю, который использовался для отопления зданий. Поэтому в начале XX в. владивостокский порт стал приобретать бурый уголь, который добывался в ближайших окрестностях Владивостока. Использовать его на судах флота было невозможно, так как он обладал низкой паропроизводительностью и давал много золы и шлаков, а вот на берегу его вполне можно было применять, так как стоил он намного дешевле сахалинского угля¹⁹. В то же время мастерским и заводам морского ведомства требовался уголь и кокс для производства кузнечных и литейных работ.

Имея дело с такой обширной номенклатурой различных сортов углей, морское ведомство должно было внимательно следить за качеством того топлива, которое оно приобретало. Во-первых, перед тем как принять решение о заготовлении угля той или иной марки, проводились его испытания. Они обязательно включали в себя испытания угля на судах флота. Проводившие их флотские инженер-механики должны были представить заключения о пригодности данного угля для отопления котлов, установленных на их корабле. При этом они, как правило, сравнивали представленный для испытания уголь с ньюкасельским и кардифским, которые уже много десятилетий использовались в русском флоте и являлись фактически эталонами этого вида топлива. Кроме того, проводилось также испытание угля в особых «пробных» котлах, а также лабораторные исследования, включавшее в себя его химический и технический анализ и определение теоретической теплотворности.

Во-вторых, поставщик должен был представить документы, которые подтверждали бы происхождение топлива, причем не просто документ о том, у какого именно углепромышленника он его приобрел, а сертификат от шахтовладельца, в котором указывалось бы, из какого пласта и когда именно был добыт доставленный уголь. Следует отметить, что поскольку в 1860-е гг. подобные сертификаты не требовались, то подрядчики часто сдавали уголь сомнительного происхождения²⁰.

В-третьих, при приемке топлива портовая приемная комиссия должна была проверить соответствие доставленного подрядчиком угля условиям заключенного с ним контракта. В контрактах, помимо общего количества и марки каменного угля, указывались также важнейшие для этого топлива параметры — допустимый процент мелочи, влажность, отсутствие серы и т. п. В случае, если по тому или иному параметру доставленное поставщиком топливо не удовлетворяло условиям контракта, то приемная комиссия имела право либо произвести вычет из суммы, которую следовало уплатить подрядчику, либо вовсе отказаться от приема угля. Наконец, уже после того, как топливо было принято и начало использоваться на судах флота, инженер-механики должны были время от времени сообщать о нем отзывы.

Естественно, поставщики угля были заинтересованы в том, чтобы поставляемый ими уголь не подвергался слишком тщательному контролю, и даже были готовы оказать «материальную поддержку» отдельным офицерам и чиновникам. В ходе так называемого «севастопольского дела», когда за злоупотребления при поставках угля и других материалов для Черноморского флота к уголовной ответственности было привлечено 27 лиц, выяснилось, в частности, что в 1896–1897 гг. пять старших инженер-механиков, которые по должности обязаны были представлять начальству сведения о качестве употребляемого на их судах топлива, получили «в дар» за представление благоприятных отзывов от 100 до 975 руб., а химик севастопольского порта капитан Худынцев за получаемое от поставщиков вознаграждение доносил о соответствии поставляемого ими угля и масла условиям контракта, хотя те им явно не удовлетворяли²¹.

Существенным является также вопрос о способах проведения заготовительных операций. С точки зрения закона нормой была отдача заготовления в подряд с торгов. В Российской империи даже имелось особое положение о казенных подрядах, многие нормы которого уже плохо согласовывались с деловой практикой второй половины XIX в., например, проведение «переторжки» и обязательное предоставление подрядчиком залога. Поэтому в изданном в 1887 г. наказе об управлении морским ведомством порядку

производства казенных заготовлений была посвящена целая глава, содержащая 82 статьи, в том числе 48 о заготовлении посредством подряда с торгов, которые существенно корректировали нормы положения о казенных подрядах²². Но на практике Отдел заготовлений существенно отступал даже от требований наказа. Главным образом это выражалось в том, что к участию в торгах приглашались только «известные угле-торговцы», которых указывал петербургский биржевой комитет²³. Такой порядок должен был предотвращать получение подряда такими предпринимателями, которые были не способны его выполнить. Соответствующий опыт у морского министерства уже был. В 1860-е гг. заготовление каменного угля привлекало «поставщиков самого низкого разбора, которые понижали на торгах цены до размеров немыслимых при добросовестном исполнении и, в последствии, при открытии их злоупотреблений, вовлекали министерство в нескончаемые процессы»²⁴.

Ограничение конкуренции только кругом «известных углепромышленников», список которых в 1889–1903 гг. оставался сравнительно стабильным, не могло не угрожать интересам казны, так как они могли явиться на торги с заранее согласованными ценами и тем самым обеспечить себе высокую прибыль. Но министерство располагало военно-морским агентом в Лондоне, который, являясь дипломатом по положению, регулярно выступал в роли комиссионера. Поэтому, если цены, заявленные петербургскими углеторговцами, оказывались выше тех, которые сообщал военно-морской агент, то морское ведомство могло поручить заготовление угля ему. Однако такое заготовление угля по закону допускалось только в виде исключения.

Впрочем, такого рода исключения периодически становились нормой. Так, в 1867–1868 гг., разуверившись в подрядном способе заготовления угля для балтийского флота, морское министерство попыталось выписывать его из Англии посредством «особенного комиссионера», продолжая заготавливать его также посредством торгов. Но с 1869 по 1878 г., убедившись в преимуществе комиссионерского способа, министерство пользовалось уже только им, ежегодно испрашивая на это «высочайшее разрешение». В 1879 г. министерство вернулось к подрядам²⁵, но с 1884 по 1888 г. уголь для кронштадтского порта приобретался опять комиссионерским способом через агента министерства финансов в Лондоне²⁶.

Иногда морское министерство приобретало уголь и путем заключения контрактов без торгов. Такой способ, с одной стороны, позволял существенно улучшить условия поставки в ходе переговоров, но, с другой, предоставлял слишком широкие возможности для различных злоупотреблений. Поэтому законом он допускался только в случае «экстренной надобности», при заказе изделий, «требующих особого искусства и чистоты отделки», а также при мелких покупках. Обычное заготовление каменного угля ни к одной из этих категорий, конечно же, отнести было нельзя. Тем не менее время от времени к нему прибегали. Например, когда в 1896–1898 гг. для балтийских портов вместо английского угля заготавливался донецкий, то Отдел заготовлений приобретал его непосредственно у южнорусских углепромышленников, «пользующихся наилучшею репутацией как в отношении добросовестного исполнения принимаемых на себя обязательств, так и солидности их предприятий» без торгов²⁷.

Некоторое влияние на ход заготовительных операций морского министерства оказывали также «стратегические» соображения. Но если они входили в противоречие с «экономическими», то влияние это было сравнительно недолгим. В данном отношении весьма показательным, что на протяжении практически всей второй половины XIX в. российский флот готовился в первую очередь к войне с Англией и в то же время балтийский флот пользовался почти исключительно английским углем. Эта парадоксальная ситуация объясняется сугубо экономическими причинами — перевозка угля морем из Англии в Кронштадт, Санкт-Петербург и Колпино стоила намного меньше, чем его доставка по железной дороге из Донбасса. В 1896–1898 гг. эти перевозки оказались возможны только благодаря искусственному понижению тарифа. Но после того, как «вполне выяснилась выгодность заготовки английского угля», морское ведомство отказалось от заготовления донецкого угля для балтийских портов²⁸.

В целом можно констатировать, что в своей заготовительной деятельности морское министерство в первую очередь руководствовалось стремлением к экономии казенных средств. Созданная в нем к концу XIX в. система заготовлений неплохо справлялась с обеспечением флота и береговых учреждений морского ведомства различными сортами каменного угля. Действуя как на отечественном, так и на мировом рынке каменного угля, хозяйственные органы морского ведомства проявляли значительную гибкость, часто допуская существенные отступления от предписанных законом процедур. В то же время, ориентируясь на использовании нормальных рыночных инструментов, эти органы, очевидно, не были готовы к войне, которая бы нарушила нормальное течение коммерческой деятельности.

Примечания

- ¹ Открытие и начало разработки угольных месторождений в России: Исслед. и док. М.; Л., 1952. С. 28.
- ² *Бараш П. А.* Развитие судовых паровых котлов. Л.; М., 1937. С. 26.
- ³ Извлечение из описания Адмиралтейских Ижорских заводов, составленного корабельными инженерами подполковником Швабе // Морской сборник. 1855. № 5. С. 16, 20.
- ⁴ Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1846. Ч. 10. С. 309–310.
- ⁵ Свод морских постановлений: Изд. 1886 г. СПб., 1887. Кн. 10: Морской устав. С. 64.
- ⁶ С. О. Макаров: Док. М., 1953. Т. 1. С. 494.
- ⁷ История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. 2: Паров. и метал. судостроение во второй половине XIX в. С. 351.
- ⁸ Сметы Морского министерства на 1860 год. СПб., 1859; Сметы Морского министерства на 1898 год. СПб., 1897.
- ⁹ О предварительном образовании Морского министерства, 24 августа 1827 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 1325
- ¹⁰ О переводе из Кораблестроительного департамента в Коммисариатский департамент всех дел по изготовлению каменного угля, а равно чинов, заведующих одним углем, 25 августа 1854 г.: // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 29, ч. 1. № 28500.
- ¹¹ *Оболенский Д. А.* Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского, 1855–1879. СПб., 2005. С. 52.
- ¹² Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича, 1855–1880. СПб., 1880. Ч. 2. С. 915.
- ¹³ Высочайше утвержденное положение об управлении морским ведомством, 18 июня 1867 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 42. № 44714.
- ¹⁴ Отчет по морскому ведомству за 1869 год. СПб., 1870. С. 119.
- ¹⁵ Высочайше утвержденный наказ по управлению морским ведомством, 26 мая 1869 г. // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. № 47127
- ¹⁶ Высочайше утвержденное положение об управлении морским ведомством, 3 июня 1885 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 5. № 3023.
- ¹⁷ Отчет Главного управления кораблестроения и снабжений по Отделу заготовлений за 1903 год. СПб, 1904. С. 59.
- ¹⁸ Отчет по морскому ведомству за 1884–1889 гг. СПб., 1891. С. 255.
- ¹⁹ РГА ВМФ. Ф. 967. Оп. 2. Д. 153. Л. 26.
- ²⁰ Отчет по морскому ведомству за 1869 год. СПб., 1870. С. 119.
- ²¹ Дополнение к сборнику решений главного военно-морского суда (1894–1900 гг.). Николаев, 1903. С. 904–905.
- ²² Высочайше утвержденный наказ об управлении морским ведомством, 29 декабря 1886 г. // ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 6. № 4135.
- ²³ Отчет Главного управления кораблестроения и снабжений по Отделу заготовлений за 1891 год. СПб, 1892. С. 68.
- ²⁴ Отчет по морскому ведомству за 1869 год. СПб., 1870. С. 118.
- ²⁵ Обзор деятельности... Ч. 2. СПб., 1880. С. 360–362.
- ²⁶ Отчет Главного управления кораблестроения и снабжений по Отделу заготовлений за 1890 год. СПб, 1891. С. 37.
- ²⁷ Отчет Главного управления кораблестроения и снабжений по Отделу заготовлений за 1896 год. СПб, 1897. С. 67.
- ²⁸ Отчет Главного управления кораблестроения и снабжений по Отделу заготовлений за 1899 год. СПб, 1900. С. 53.

Е. С. Кравцова

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ТОРГОВЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Обложение торговых и промышленных предприятий в Российской империи всегда занимало особое место во взаимоотношениях государственной власти и предпринимателей. В условиях усиления податного пресса купечество остро реагировало на финансовую политику правительства. Его требования сводились к уменьшению ставок прямого налога, исключению из подушного оклада выбывших членов общины, недовольству мирской раскладкой сборов, созданию более благоприятных условий для развития торговли и промышленности¹.

Развитие фискальных отношений между этими субъектами получило в 70-е гг. XIX в. До этого времени купечество было освобождено от подати, а обязано было платить процентный сбор в размере 1 % с декларированных капиталов, причем проверкой объявленных средств никто не занимался. Купечество стало разделяться на три гильдии, в которые мог записаться всякий, если объявит капитал не ниже определенной суммы. Принадлежность к определенной гильдии давала право на занятие строго определенным видом торговли или промысла.

Некоторую систематизацию получило налогообложение в 1824 г. С принятием «Дополнительного постановления об устройстве гильдий и о торговле прочих сословий» была введена патентная система промыслового налога, сочетающая торговые права каждого сословия с размерами обложения. Гильдейская подать вместо процентного сбора с капиталов стала неизменным окладом за свидетельство на право торговли: 2200 руб. — по первой гильдии, 880 руб. — по второй, 220 руб. — по третьей.

Однако, как отмечал С. Ю. Витте, настоящая цель реформы 1824 г. — «доставить купеческим капиталам средства обращаться со свойственной им быстротой», «возбудить в низших классах желание вступать в гильдии и через то способствовать распространению народной промышленности и умножению государственного по сей части дохода» за сорокалетнее свое существование так и не бы-

ла достигнута. Налогообложение «отличалось крайней неравномерностью и слабо затрагивало платежную способность торговых и промышленных предприятий»².

За последующие 60 лет хотя и были предприняты некоторые изменения в области обложения торговых и промышленных предприятий (в 1863, 1865 гг.), существенных отличий не произошло, если не считать ввода в законодательную базу понятий «способа» и «рода» торговли и деления местностей на пять классов. К первому классу были отнесены лишь столицы, ко второму классу — крупные города, такие, как Ростов-на-Дону, Киев, Харьков и др.; типичные губернские города (Курск, Воронеж, Орел и т. д.) были приписаны к третьему классу, а уездные города в зависимости от степени развития промыслов — соответственно к четвертому и пятому классам.

Министр финансов Н. Х. Бунге, который отличался либеральными взглядами, в 1883–1884 гг. поставил на очередь вопрос о введении большей уравнительности в промысловом обложении. Он был убежден, что обязанность платежа податей есть обязанность всеобщая, вытекающая из начал равенства всех перед законом и начала справедливости: тот, кто принадлежал к государственному союзу не может быть освобожден от обязательств, вытекающих из существа этого союза, кто пользуется выгодами государственной жизни, обязан способствовать достижению цели государства³. Поэтому он предлагал чистый доход от торговых и промышленных предприятий обложить в размере 3 %.

Этот проект был сообщен министром финансов на заседании биржевых комитетов, большинство из которых выступили против него. Минусами назывались следующие факторы: нежелательность обложения торговли и промышленности подоходным сбором, в то время как другие виды доходов не подлежали такому же сбору; обременительность порядка взимания, сопряженного с начислением полученной прибыли; неравномерность обложения, необходимость обращаться к торговым книгам, как единственному средству ограждения от излишней тягости обложения. Государственный совет также посчитал такое обложение не своевременным⁴.

После долгого обсуждения был принят закон «О более равномерном обложении торговли и промышленности», в котором были введены новые правила обложения в соответствии с вышеуказанными категориями местности. Также устанавливалась конкретная сумма на промышленные и торговые свидетельства и промысловые пошлины. Например, за свидетельство купца 1-й гильдии во всех классах местности необходимо было уплатить 565 руб.; за 2-ю гильдию в районе первого класса — 120 руб., второго — 95 руб. и т. д.⁵ Комплекс этих законов в результате многолетнего действия показал возрастающую неравномерность обложения крупных и мелких производств: первые несли гораздо меньшее налоговое бремя. Назрела необходимость учета объемов и доходности предприятий при назначении суммы налога.

Законом от 15 января 1885 г. для гильдейских торговых и промышленных предприятий были введены дополнительные сборы: 3-процентный с отчетных предприятий (обычно крупных) и раскладочный с частновладельческих (более мелких). Произошло перераспределение всей территории государства по классам. Раскладочный сбор начислялся для каждой губернии по сумме производства фабрик и заводов и по цене пошлин за гильдейские свидетельства и билеты с утверждением в законодательном порядке на три года. Данная сумма ежегодно разверстывалась губернским податным присутствием по уездам и городам, а далее уездными присутствиями между отдельными плательщиками. В частности, раскладочный сбор на трехлетие 1885–1887 гг. был установлен в размере 0,1 % от суммы производства фабрик или заводов. Скажем, на Курскую губ. было назначено к поступлению 34 тыс. руб., что было самой высокой ставкой для черноземных губерний, а, к примеру, в Орловской — 32 тыс. руб., Воронежской — 24 тыс. В промышленно-развитой Харьковской губ. оклад равнялся 57 тыс. руб.

При назначении на должности податным инспекторам в первую очередь вменялся в обязанность контроль за торговыми и промышленными предприятиями. Назначенные инспектора сразу же приступили к учету и проверке деятельности предпринимателей, не встретив с их стороны поддержки. К примеру, инспектор Новооскольско-Корочанского участка Ф. А. Ройев в своем отчете в Казенную палату от 1 августа 1885 г. писал: «<...> в Прохоровке просмотрел все. Сборы денег небольшие. Евреи разбежались еще до моего приезда, только один получил свидетельство приказчика первого класса. Торговля стоит»⁶.

Иные владельцы вообще отказывались давать какие-либо сведения о товарообороте и прибыли. По показаниям предпринимателей, общая прибыль по губернии составляла 13 млн. руб., а по данным, собранным инспекторами, она составляла 17 млн. руб.⁷ Помощь в наведении порядка на местах инспекторам должны были оказывать торговые депутаты, которые иногда уклонялись от выполнения своих обязанностей. К примеру, в Обоянском у. Курской губ. был зафиксирован случай, когда депутаты отказывались принимать участие в поверке торговых заведений в базарные дни «на основании того, что назначенное для поверки торговли время не должно причинять помехи в торговых делах лицам торгового сословия». Однако «самые большие злоупотребления по торговле именно и практи-

куются во время базаров, потому что в эти дни на базарных площадях становятся балаганы с мануфактурными и другими товарами, торговля коими производится без всяких документов»⁸.

Уездные податные присутствия рассылали налогоплательщикам окладные листы. Приведем типичный пример по курскому купцу П. Ф. Панченко: «В торговое заведение, находящееся в Новом Осколе [уездный город Курской губ. — *Е. К.*] на торговой площади. Окладной лист № 6 дополнительного раскладочного сбора с торговых и промышленных предприятий, подлежащего поступлению в Новооскольское уездное казначейство в 1885 г. По утвержденной губернским податным Присутствием раскладке, купец Петр Федорович Панченко имеет уплатить с принадлежащих ему торговых и промышленных предприятий сумму в размере 80 руб. 03 коп.»⁹

После годовой апробации нового налогового положения в Курскую казенную палату стали поступать предложения от податных инспекторов о снижении налоговых ставок с уездов. В 1885 г. на г. Рыльск было назначено к поступлению 4,6 тыс. руб., или 13,6 % от общей суммы налога на губернию, т. е. 9 руб. 88 коп. с каждой 1000 руб. прибыли. Податный инспектор отмечал, что «торговцы противятся этому и может получиться так, на долю крупных торговцев выпадет 1/3 всей суммы, а на долю мелких — остальные 2/3». Ввиду этого он просил снизить размер налога до 9,6 % от общегубернской суммы, так как данная сумма являлась весьма обременительной для предпринимателей. В то же время для Путивльского у., на который было назначено 1394 руб. и на каждую тысячу рублей прибыли приходилось 17 руб. налога, положение вещей было нормальным и не вызывало протестов¹⁰.

Просьба о снижении оклада поступила в Губернское присутствие и от щигровского податного инспектора, который описывал бедственное положение в уезде, сложившееся из-за недородов последних лет, и как следствие этого — разорение населения. «Землевладельцы сидят без денег, крестьяне разорены взысканием недоимок <...> купцы торгуют тихо и прямо с убытком. <...> Я глубоко убежден, что нет в Курской губернии столь расстроенного в платежном отношении уезда, как Щигровский, а равно и нет такой великой недоимки». Здесь же содержалось прошение скинуть хотя бы 300 руб. или, в крайнем случае перенести их на Фатежский уезд, где положение дел обстояло значительно лучше¹¹, хотя уездное податное присутствие на одном из своих заседаний отмечало, что «<...> торговля в г. Фатеже приходит в более или менее в упадок, а в селениях Фатежского уезда и, в особенности, вблизи станций Московско-Курской железной дороги, напротив, улучшается»¹².

По Высочайшему повелению 20 декабря 1892 г. при Министерстве финансов была создана особая комиссия по рассмотрению фискальной законодательной базы торговых и промышленных предприятий. В ее состав вошли представители от различных ведомств и биржевых комитетов, предприниматели и эксперты. В своей резолюции новый орган признал наиболее правильной формой обложения подоходный налог, но, учитывая отечественную действительность, считал, что при плохом ведении дела торговцы и промышленники вообще не платили бы налоги, даже минимальные. Поэтому для России наиболее приемлемой формой налогообложения была признана система патентов, которая не требовала расширения податных учреждений, ни активного вмешательства этих органов в коммерческие дела плательщиков. Тем более что податные инспекторы вполне справлялись с контролем взимания патентных налогов. При корректном назначении налога, с учетом местных особенностей эта система обеспечивала надежный источник доходов в государственный бюджет. Возникающий недостаток системы — неравномерность обложения — предполагалось устранить дополнительным промысловым сбором от доходности предприятий по прогрессивной шкале, что потребовало разработку нового закона.

Таковым стало «Положение о государственном промысловом налоге», Высочайше утвержденное 8 июня 1898 г., которое вступило в действие с 1 января 1899 г.¹³ В документе, включавшем 180 статей, нашла отражение новая концептуальная схема налогообложения, административный механизм исполнения, правила начисления и уплаты налогов, порядок наложения взысканий за их нарушение. Отныне Государственный промысловый налог делился на основной и дополнительный. Основной промысловый налог уплачивался по патентной системе посредством «выборки» (покупки) промысловых свидетельств на каждое отдельное торговое или промышленное заведение или личное промысловое занятие. Для определения размера налога, т. е. цены промысловых свидетельств, местности России разбили на четыре класса по степени развития в них торговли и промышленности; торговые заведения распределялись на пять, а промышленные предприятия на восемь разрядов, которые в законодательном порядке подлежали пересмотру каждые пять лет. Обе столицы — Петербург и Москва — были выделены из общего класса деления местностей. К первому классу отнесли девять крупных городов, ко второму — 37, к третьему — 255 городов и к четвертому — 511 городов. Внегородские территории отнесли к третьему классу — 145 уездов с развитыми промыслами и торговлей и к четвертому остальные 594 уезда.

Разделение торговых и промышленных предприятий на разряды было проведено по родовым и видовым внешним признакам, указывающим «на размер и силу» предприятий, с объявлением для каждого разряда оклада налога по классам местностей. К первому разряду относились предприятия оптовой торговли. Ко второму — крупной розничной торговли, с несколькими наемными продавцами. К третьему — более мелкие торговые точки, где, кроме хозяина, мог работать один наемный приказчик (продавец). К четвертому разряду — мелочная продажа товаров из постоянных небольших и «не имеющих вида» помещений без содержания наемных приказчиков. В пятый разряд вошла развозная и разносная торговля строго определенными видами товаров вне городских поселений. Промышленные предприятия разделялись на разряды по количеству занятых рабочих с учетом применения механических двигателей (текстильные фабрики, металлургические, машиностроительные и химические заводы), по объемам выпуска продукции (каменноугольные копи, водочные и сахарные заводы и т. п.), по мощности оснащения технологическим оборудованием (мукомольные, маслобойные заводы).

Оклады основного промыслового налога были законодательно регламентированы. Например, во всех классах местностей торговое предприятие первого разряда оценивалось окладом в 500 руб.; второразрядные в столицах — в 150 руб., в местностях второго класса — в 100 руб., и т. д. с уменьшением на 25 руб. с каждым понижением по классам. Общая на империю сумма раскладочного сбора утверждалась законом на три года и ежегодно распределялась по губерниям и областям Особым по промысловому налогу присутствием при Департаменте окладных сборов. После принятия Положения сумма раскладочного сбора по империи существенно увеличилась. К примеру, в 1898 г. она составляла в целом по стране 48,2 млн. руб., а в 1914 г. достигала уже 155,6 млн. руб.

Современники новый закон оценивали так: «В нововведении перенесение налога с лица на предприятие нельзя не видеть огромного преимущества нового положения по сравнению со старым. Раньше купеческие торговые права: 1 и 2 гильдейские свидетельства давали лицам, выбравшим их, право на содержание торговых и промышленных заведений <...>, причем плата за билеты на каждое промышленное или торговое заведение взимается по сравнению со старыми свидетельствами в ничтожном размере. На практике эта система выдачи торговых документов приводила к убыткам для казны и несправедливостям в смысле уравнительности плательщиков перед законом по следующим пунктам: 1) тот, кто имел больше торговых или промышленных заведений платил относительно меньше, т. о. обложение являлось обратно пропорциональным доходности; 2) плательщики не были уравнены между собой, т. к. имеющие меньше заведений платили относительно больше тех, которые имели полное их количество по свидетельству; 3) во многих местах значительно была развита так называемая подымная торговля, когда лицо, имеющее гильдейское свидетельство снабжало билетами тех, кто такого свидетельства не имел»¹⁴.

Результаты введения нового закона не заставили себя ждать. Однако для России были характерны экстремальные ситуации, отражающиеся на процессе взимания налогов. Например, когда в 1900 г. наблюдалось снижение урожая в условиях аграрной России последовало ослабление покупательной способности основного российского сословия — крестьянства. Податной инспектор VIII участка Москвы писал в своем отчете: «В торговых делах застой оказался гораздо сильнее, чем в промышленности. Здесь он выражался не только в сокращении операции, но в полной остановке дел с неплатежами. Из обзора бюллетеней Московской хлебной биржи, находящейся в районе податного участка, характеристика годовых отметок может выражаться следующими словами: “со всеми хлебами спокойно и тихо, иногда без спроса и дел”»¹⁵. Такие же мысли высказывались служащими казенной палаты Самарской губ.: «При слабом развитии в Самарской губернии фабрично-заводской промышленности и при полном почти отсутствии мелких поземельных промыслов, покупательные средства населения, а, следовательно, и состояние местной торговли находится в полной зависимости от состояния сельского хозяйства и, главным образом, от урожая»¹⁶.

Наиболее прибыльной, например в Москве, была торговля дрожжевая, мануфактурная, булочная, башмачная¹⁷, т. е. традиционная. Однако имела развитие торговля и новыми группами товаров, таких, как сушеная кровь, колбасно-молочная, скульптурное и гипсовое производство¹⁸.

С началом Первой мировой войны произошло увеличение на 50 % основного промыслового налога с торговых предприятий I–III разрядов и с промышленных предприятий I–VI разрядов, который должен был взиматься с 1915 г. Налог с капиталов и процентный сбор с прибыли предприятий с обязательной публичной отчетностью взимался (с необязательной публичной отчетностью) в полоторном размере — 7,5 %. Эти меры повысили поступление средств в казну, но привели к сокращению дополнительного промыслового налога из-за закрытия пивных лавок, складов пива, некоторых винокуренных заводов.

В целом промысловый налог приносил России немалые доходы, но к концу 1917 г. себя практически исчерпал. Война и революция наложили свой отпечаток на фискальную политику, но повышение налогов только способствовало росту глубочайшего кризиса в области предпринимательства. Газета «Новая жизнь» от 27 сентября 1917 г. в передовой статье указала, что: «В некоторых отраслях торговли необходимо ввести государственную монополию, все важнейшие отрасли промышленности нужно объединить и поставить под контроль государства. За семь месяцев правительством не было сделано ничего для устроения хозяйственной разрухи, а крах промышленности и транспорта идет все сильнее»¹⁹.

Примечания

¹ Козлова Н. В. К вопросу о социально-политической характеристике русского купечества в XVIII в. // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1987. № 6. С. 49.

² Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. СПб., 1912. С. 482.

³ Бабленкова И. И., Акимов В. В. Роль и место предпринимательства в финансовой системе России XVIII — начала XX веков. М., 2004. С. 76

⁴ Министерство финансов, 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 142–143.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 4. № 2282; Штаты и табели. С. 195.

⁶ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 6395. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 2. Л. 76.

⁸ Там же. Ф. 230. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 156.

¹⁰ Там же. Д. 6391. Л. 111–118.

¹¹ Там же. Л. 125–126.

¹² Там же. Д. 6397. Л. 152 об.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 3. Т. 18. № 15601.

¹⁴ Очерк нового положения о государственном промысловом налоге. Екатеринбург, 1898. С. 2.

¹⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 34. Д. 78. Л. 58.

¹⁶ Там же. Д. 79. Л. 62 об.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 51. Оп. 6. Д. 111. Л. 97–122.

¹⁸ Там же. Л. 88 об.

¹⁹ Новая жизнь. 1917. 27 сент. (10 окт.). С. 1.

В. Л. Велиховский, Т. Н. Кандаурова

КУПЕЧЕСКИЕ ДИНАСТИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: БОТКИНЫ И ТРЕТЬЯКОВЫ

Современный период развития отечественной историографии отмечен актуализацией сюжетов и тем, представляющих историю российского предпринимательского сообщества, историю династий российских предпринимателей, а также персональную историю данной социальной группы. Исследовательская активность обусловлена расширением как источникового, так и проблемного поля исследования. При разработке означенной тематики используются различные методы и подходы, включая «биографический метод» или «историю жизни», ретроспективный и компаративный методы, источник-ориентированный и проблемно-ориентированный подходы¹. Активизируется также изучение биографики отдельных предпринимательских династий². Накопление и систематизация материала, формирование документального и фактографического комплексов по истории купеческих и предпринимательских династий в перспективе позволит создать коллективный портрет и биографию российского купечества и предпринимательского сообщества, а также коллективные портреты купеческих династий.

Купеческие династии Боткиных и Третьяковых в предпринимательском сообществе России занимали в XIX — начале XX в. ведущие позиции. Они стояли «в московском купеческом родословии» в числе двух с половиной десятков семей, которые, по мнению П. Бурышкина, должны быть поставлены «на самых верхах генеалогической лестницы»³. Третьяковых, наряду с Морозовыми, Бахрушиными, Найденовыми, Щукиными, он определял на первое место среди пяти семей, «которые из рода в род сохраняли значительное влияние, либо в промышленности, либо в торговле, постоянно участвовали в общественной — профессионально-торговой и городской деятельности и своей жертвенностью или созданием культурно-просветительных учреждений обессмертили свое имя»⁴. Боткиных Бурышкин включил в третью группу вместе с Хлудовыми, Мамонтовыми, Абрикосовыми и Ма-

зуриными и определил их как семьи, «в прошлом занимавшие самые первые места, но бывшие либо на ущербе, либо ушедшие в другие области общественной и культурной жизни»⁵. Несмотря на разность позиций «в московской неписанной купеческой иерархии»⁶, эти две династии внесли значительный вклад в развитие отечественного производства, торговли и формирование культурного потенциала страны и сохранение историко-культурного наследия России. Память купеческих династий увековечена в конкретных объектах, явлениях и событиях. В музейных собраниях России остались третьяковские и боткинские коллекции (Эрмитаж, Русский музей, ГМИИ), на карте Москвы есть Третьяковский проезд, всему миру известна Третьяковская галерея, ставшая, как и коллекции, национальным культурным достоянием, второй музей был создан на средства Е. А. Третьяковой в Царском селе⁷. В российских столицах больницы носят имя С. П. Боткина, а в медицине широко известна боткинская научная терапевтическая школа, С. С. Боткину принадлежит открытие «лейкоцитолита при крупозном воспалении легких и инфекционных заболеваниях (клетки Боткина)»⁸.

Биографии купеческих династий начинались в российских регионах. Основателями двух династий, которые породнились через браки двух дочерей Павла Третьякова — Александры и Марии — с двумя сыновьями Сергея Петровича Боткина — Сергея и Александра, были выходцами из провинциальных городов России, предки их были посадскими людьми⁹. Свое происхождение Третьяковы вели от одной из купеческих фамилий уездного города Калужской губернии — Малоярославца. При реконструкции Третьяковской родословной по переписным книгам Малого Ярославца удалось проследить историю семьи, начиная с 1626 г. Ранее во многих источниках и исследованиях первое упоминание о Третьяковых относилось к 1774 г., когда прадед Павла и Сергея Михайловичей Елисей Мартынович, будучи выходцем из купцов Малого Ярославца, прибыл в семидесятилетнем возрасте в Москву с семьей — женой Василисой Трифоновной, дочерью малоярославского купца Трифона Бычкова, и двумя сыновьями — Захаром и Осипом.

Родоначальник семьи Боткиных — Петр Кононович — был выходцем из небольшого валдайского городка Торопца и представителем третьего поколения купеческой семьи. Род Боткиных известен по документам с середины XVII в.¹⁰ По переписным книгам 1646 г. среди торопецких жителей числились Боткины: Георгий, Ларион, Федор, Лаврентий, Евсейко, Якушко, Куземка (1686 г. рождения), Афанасий, Конон и Петр. Петр Кононович Боткин (15.05.1771 — 02.08.1853) уже был московским купцом 1-й гильдии, чаеоторговцем и сахароторговцем¹¹. Придя в Москву молодым человеком, он стал основателем семейного чаеоторгового дела и чайной фирмы «Петр Боткин и сыновья» (с 1893 г. — «Товарищество чайной торговли Петра Боткина сыновья»), купцом первой гильдии, почетным гражданином и «одним из самых богатых людей Москвы»¹². Приемниками чаеоторгового дела отца стали четыре сына: Василий, Николай, Дмитрий и Петр. Василий и Николай с течением времени отошли от хозяйственной деятельности. Во главе фирмы остались Дмитрий и младший брат Петр.

Представители рассматриваемых династий, перейдя в купечество, достигли уровня первой гильдии, стали потомственными почетными гражданами, участвовали в деятельности органов городского самоуправления, были отмечены правительственными наградами за службу на поприще общественном и социокультурном. С. П. Боткин в 1881 г. был выбран гласным Петербургской городской думы и стал председателем медицинской комиссии. На этом посту он много сделал для развития столичного здравоохранения. В речи петербургского городского головы в связи с юбилеем С. П. Боткина — 25-летием ученой и общественной деятельности — отмечалось: «<...> мы видим человека, огромная известность которого как медика в России и слава влекущая к дверям его жилища многочисленные толпы ищущих целения, когда он появится в каком либо углу Европы, несомненно свидетельствует, что он принадлежит к числу тех крепких разумом русских людей, о которых мечтал Ломоносов»¹³. Глава фирмы «Петра Боткина сыновья» Петр Петрович Боткин также состоял гласным Московской городской думы¹⁴.

Братья П. М. и С. М. Третьяковы были гласными Московской городской думы. Сергей Михайлович стал тридцать девятым московским городским головой. «Пятилетие, которое С. М. Третьяков провел в должности городского головы от его утверждения 21 января 1877 г. до оставления этой должности 24 ноября 1881 г. тесно связано с историей внутреннего роста Москвы и отмечено выдающимися личными заслугами <...> по отношению к городу, во главе которого он стоял»¹⁵. Гласным Московской городской думы был и сын Сергея Михайловича кандидат права Николай Сергеевич Третьяков¹⁶. П. М. Третьяков являлся членом Комиссии о пользах и нуждах общественных в Московской думе.

Отдельные члены двух многочисленных семейств возглавляли и успешно продолжали семейное торговое и промышленное дело. Братья Третьяковы стали вместе с В. Д. Коншиным владельцами Торгового дома «Братья П. и С. Третьяковы и Коншин» с отделениями в С.-Петербурге, Москве,

Варшаве, Ростове-на-Дону, Харькове, Нижнем Новгороде. Братья В. П., Н. П., Д. П. и П. П. Боткины унаследовали от отца семейную чаеоторговую фирму. Но владельцем фирмы «Петра Боткина сыновья» со временем стал Петр Петрович Боткин. Товарищество имело 40 отделений по всей России, а с 1852 г. открыло филиал в Лондоне¹⁷. В Кяхте у фирмы были комиссионеры и агенты, в Москве склады, а также торговые заведения в Москве, С.-Петербурге, Варшаве, Киеве, Белгороде, Баку и на ярмарках Нижегородской и Ирбитской¹⁸. В 1893 г. фирма стала акционерной компанией «Товарищество чайной торговли Петра Боткина сыновья»¹⁹. Чаеоторговое Товарищество стало владельцем паев товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных, учрежденного в 1890 г. с капиталом 2,4 млн. руб. Товарищество завода владело одним из наиболее крупных в отрасли свеклосахарным заводом в с. Ново-Таволжанка Белгородского у. Курской губ.²⁰

Третьяковы с В. Д. Коншиным, мужем сестры Е. М. Третьяковой, основали в 1866 г. в Костроме Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры (НКЛМ); с 1912 г. предприятие называлось Большой Костромской льняной мануфактурой (БКЛМ). Льняное производство Третьяковых было самым крупным для своего времени и создавалось на отечественные капиталы²¹. Объем производства мануфактуры Третьяковых на рубеже XIX—XX вв. достигал 1/6 части от общероссийских объемов по данной отрасли²². Третьяковы являлись поставщиками продукции льнопроизводства для императорского двора²³. В 1898 г. внуком С. М. Третьякова С. Н. Третьяковым было основано еще одно промышленное предприятие — Фабрично-торговое Товарищество «Третьяков С. и К°», располагавшееся в Московском уезде²⁴. В 1912 г. он также стал учредителем торгового дома «Русская льняная промышленность. Братья Рябушинские, С. Н. Третьяков и К°». В сферу его деятельности входили «скупка, сортировка и продажа льна, пеньки и их производных, устройство и содержание завозных складов и льнообделочных заведений и льночесален и всякие другие операции со льном»²⁵. Торговый дом занимался поставкой льна с 15 крупнейших предприятий России. Промышленное и торговое дело Третьяковых росло и расширялось.

Предприятия и производства Третьяковых и Боткиных, будучи размещенными в регионах страны, способствовали активизации их экономического развития, формированию социально-экономической инфраструктуры, обеспечивали работой население близлежащих территорий, а учреждения социальной и культурной направленности, создаваемые при них, включались в региональное и общероссийское социокультурное пространство, вносили свою лепту в развитие просвещения и образования на местах.

Для многих представителей семьи Боткиных, как и для других предпринимательских династий, было характерно активное участие в различных сферах жизни общества: хозяйственная деятельность, наука, искусство, социальная сфера, общественная жизнь российских столиц. «История семьи купеческой семьи Боткиных, одной из самых известных в предпринимательском мире России, на протяжении длительного времени тесно была переплетена с историей русской интеллигенции. Члены этой семьи занимали еще с 30–40-х годов и в течение многих десятилетий XIX — начала XX вв. выдающееся место не только в торгово-промышленной, но и в культурной и интеллектуальной жизни Москвы и Петербурга»²⁶. Они внесли большой вклад в развитие отечественного здравоохранения, литературы, культуры, образования, искусства, в дело сохранения отечественного историко-культурного наследия, сформировав обширные художественные коллекции, долгое время находившиеся в центре социальной и культурной жизни Москвы и Петербурга, участвовали во многих благотворительных проектах, поддерживали различные социокультурные инициативы. Третьяковы также всегда были в центре общественной, социальной, интеллектуальной и культурной жизни столиц, тесно были связаны со многими представителями творческой интеллигенции как по службе, так и в повседневной жизни, вложили в реализацию различных культурных проектов и в благотворительные акции значительные средства. По сведениям Московской городской думы, вклад братьев Третьяковых в благотворительные и культурные проекты составил более 2000000 руб. сер. или более 7000000 руб.²⁷

Дома Боткиных и Третьяковых были, помимо деловых центров, и «культурными гнездами» Москвы и Петербурга, где собирались представители интеллектуальной, художественной, культурной элиты страны, где шел процесс консолидации культурных сил России, формировались новые культурные проекты, а молодые деятели науки и культуры находили должную поддержку. У Боткиных на Маросейке в Петроверигском переулке бывали В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Панаевы, жил С. Т. Грановский. Здесь у В. П. Боткина и Грановского «собирались лучшие умы России»²⁸. Д. П. Боткин в Москве был известен как собиратель картин. Он был «для московской гуманитарной культуры <...> ценен как замечательный коллекционер, он учился собирать картины у старшего брата Василия и учил этому, в свою очередь, младшего Михаила»²⁹.

М. П. Боткин собрал обширнейшую художественную коллекцию³⁰. Петербургский дом С. П. Боткина стал настоящим культурным и музыкальным салоном, славился своими журфиксами по субботам³¹. Ядро журфиксов составляли товарищи-медики: И. М. Сеченов, С. П. Ловцов, Н. М. Якубович, Е. В. Пеликан, но приходили и художники, музыканты, журналисты. Здесь выступал А. Г. Рубинштейн, виолончелист К. Ю. Давыдов, пела Е. А. Лавровская, декламировала П. А. Стрепетова, часто бывали И. С. Тургенев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Менделеев, композиторы Ц. А. Кюи и М. А. Балакирев, профессор химии и композитор А. П. Бородин, городской голова В. И. Лихачев, друг и однокурсник Н. А. Белоголовый и др.³² Сын С. П. Боткина Петр Боткин писал, что отец его «был душой целой плеяды молодых русских ученых, которые собирались у него по субботам вечером и засиживались до поздней ночи. Поэты, музыканты, композиторы, драматурги и романисты смешивались на этих вечерах с докторами, химиками, физиологами и математиками <...>»³³. Дом сына С. П. Боткина С. С. Боткина, женой которого была А. П. Третьякова, славился прекрасными художественными собраниями. По воспоминаниям современников, «вся атмосфера в доме у Боткиных дышала искусством»³⁴. «Примечателен был и сам дом на Фурштадской, с окнами, выходящими в Таврический сад». Он «был построен в стиле Петровской эпохи <...>». Дом профессора Военно-медицинской академии, как и дом отца, был одним из культурных центров Петербурга того времени, Сергей Сергеевич собрал обширную художественную коллекцию. «В доме Боткиных, — писала бывавшая там актриса Алиса Коонен, — постоянно можно было встретить людей искусства»³⁵.

Третьяковский дом в Лаврушинском переулке стал также «культурным гнездом» Замоскворечья и города. Здесь часто бывали многие деятели отечественной культуры — художники, писатели, артисты, композиторы, ученые и представители деловой элиты, посещавшие знаменитую галерею Павла Михайловича. «Все они часто и на протяжении многих лет бывали в Третьяковском доме, многие стали там своими людьми <...>»³⁶. «У нас за столом, — писала дочь Третьяковых В. П. Зилоти, — все время говорилось о картинах, выставках, Итальянской опере, о Малом театре, о балете, о Симфонических собраниях <...>»³⁷. Для молодежи В. Н. Третьякова устраивала танцевальные вечера³⁸. Она сама прекрасно музицировала и очень часто играла своим гостям³⁹. «Атмосфера культурных интересов распространилась и на многочисленную третьяковскую родню». Среди родственников Третьяковых были не только Боткины, но и Мамонтовы, Алексеевы, Якупчиковы, Зилоти. «Особую известность приобрел Савва Иванович Мамонтов, основатель Русской оперы — той самой, в которой расцвел гений Шаляпина и где были поставлены (в некоторых случаях впервые) многие оперы композиторов «национальной школы»⁴⁰. Дом семьи Зилоти в Петербурге был позднее центром культурной и музыкальной жизни столицы. Здесь бывали С. В. Рахманинов, Ф. И. Шаляпин, «артисты Мариинского театра, европейские гастролеры»⁴¹, А. В. Оссовский, А. К. Глазунов и др.⁴² Всему культурному Петербургу были известны в начале XX в. музыкально-общественная деятельность А. И. Зилоти и его «Концерты», где выступал С. В. Рахманинов⁴³. От Зилоти с Крюкова канала друзья провожали Рахманинова с семьей в эмиграцию в декабре 1917 г.⁴⁴

Семьи Боткиных и Третьяковых отличались активным участием в благотворительной и попечительской деятельности в российских столицах и в регионах. В учебных заведениях — училищах, Московском университете, Московском училище живописи, ваяния и зодчества, Московской консерватории — были учреждены на их средства именные стипендии⁴⁵. Они являлись попечителями и членами советов многих учебных заведений, учреждений здравоохранения и призрения. На их средства и при их активном участии строились новые учебные заведения и медицинские учреждения. Материальный вклад двух семей в развитие отечественной культуры, науки, искусства, в становление российской интеллектуальной элиты сложно измерить в полном объеме из-за отсутствия исчерпывающих данных на настоящий момент. Данный аспект темы возможно конкретизировать только при более детальном изучении источникового корпуса и формировании масштабной фактографической базы. Безусловно одно: и Боткины, и Третьяковы сделали много, как и другие купеческие династии, для российской экономики, занимая важное место в торговом и промышленном секторах, а в культурной сфере являлись «российскими Медичи»⁴⁶ и всегда достойно служили обществу, возвращая полученное от него, активно участвовали в культуротворческой деятельности.

Примечания

¹ *Логина Н. А.* Биографический метод в свете идей Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии. 1986. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1986/865/865104/htm> [23.07.2009]; *Репина Л. П.* Персональная история: Биография как средство ист. познания // Казус. М., 1999. Вып. 2; *Репина Л. П.* «Историческая биографика» и «новая биографическая история» // Диалог со временем // Альм. интеллектуальной истории. 2001. № 5. Спец. вып.: Ист. биография и персонал. ис-

- тория; *Поткина И. В.* История предпринимательства в XX веке: Становление научной дисциплины // ОИ. 2002. № 2. С. 124–134; *Федоркова И. Р.* Психология российского купечества дореволюционного периода. М., 2005; и др.
- ² *Петров Ю. А.* Братья Рябушинские: Групповой портр. рус. финансовой олигархии // Встречи с историей: Очерки, ст., публ. М., 1990. Вып. 3. С. 29–48; *Гавлин М. Л.* 1) Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых: Науч.-аналит. обзор. М., 1991; 2) Из истории российского предпринимательства: династия Солдатенковых: Науч.-аналит. обзор. М., 1992; 3) Меценатство в России: Науч.-аналит. обзор. М., 1994; 4) Из истории российского предпринимательства: династия Кнопов: Науч.-аналит. обзор. М., 1995; 5) Из истории российского предпринимательства: династия Боткиных. Науч.-аналит. обзор. М., 2000; *Думова Н. Г.* Московские меценаты. М., 1992; 1000 лет русского предпринимательства: Из истории купеч. родов / Сост., вступ. ст., примеч. д-ра экон. наук О. Платонова. М., 1995; *Петров Ю. А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Барышников М. Н.* Деловой мир России: Ист.-биограф. справ. СПб., 1998; *Свердлова Л. М.* Купечество Казани: Дела и люди. Казань, 1998; *Морозова Т. П., Поткина И. В.* Савва Морозов. М., 1998; *Кузмичев А., Петров Р.* Русские миллионщики (семейные хроники). М., 1999; *Маслова И. В.* Купеческая династия Стахеевых (вторая половина XIX в. — 1917 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2000; *Сурмина И. О., Усова Ю. В.* Самые знаменитые династии России. М., 2001; *Есиева И. В.* Купеческая династия Ушаковых (первая половина XIX в. — 1918 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. М., 2004; История династий предпринимателей: Библиогр. указ. Сыктывкар, 2005. Вып. 2; *Кузнецов С. О.* Не хуже Томона: Гос., меценат., собирает. деятельность рода Строгановых в 1771–1817 гг. и формирование имперского облика С.-Петербурга. СПб., 2006; *Чумаков В.* Русский капитал: От Демидовых до Нобилей. М., 2008; Предпринимательские династии Камско-Вятского региона XVIII–XX вв. Ижевск, 2008; и др.
- ³ *Бурьшин П. А.* Москва купеческая: Воспоминания. М., 2001. С. 93.
- ⁴ Там же. С. 92–93.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 92. *Рябушинский В. П.* Купечество московское // Родина. 1992. № 8/9. С. 172–179.
- ⁷ РГИА. Ф. 525. Оп. 2. Д. 83.
- ⁸ *Егоров Б. Ф.* Боткины: Преданья рус. семейства. СПб., 2004. С. 249.
- ⁹ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 12–13.
- ¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 82. Л. 3–8 об. (Родословные росписи Боткиных, составленные М. А. и Т. Г. Цявловскими); *Чулков Н. П.* Московское купечество XVIII и XIX веков: (Генеалогич. заметки) // РА. 1907. № 12. С. 495; *Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских предпринимателей, 1860–1914. М., 1997. С. 316; *Гавлин М. Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Боткиных. С. 10.
- ¹¹ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 12–13.
- ¹² *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 13, 16; *Ульянова Г. Н.* Торговое товарищество «Петра Боткина сыновья» // Век. 1992. № 9.
- ¹³ Журнал Санкт-Петербургской городской Думы от 14.04.1882 (ЦГИА СПб. Ф. 792. Оп. 1. Д. 3380. Л. 5 об.).
- ¹⁴ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–1 об.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1740. Л. 8.
- ¹⁶ Адрес-календарь Москвы на 1889 г. М., 1889. Ст. 135.
- ¹⁷ *Дорожкина Н.* Щедрая благотворительность — русский стиль // История [газ.]. 2007. № 16. [Электронный ресурс]. URL: <http://his.1september.ru/2007/15/30.htm> [23.07.2009].
- ¹⁸ Торгово-промышленная Россия: Справ. кн. для купцов и фабрикантов / Сост. под ред. А. А. Блау. СПб., 1899. Ст. 637, 1859, 1921, 2668.
- ¹⁹ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 15–16.
- ²⁰ Всероссийская выставка 1913 года в Киеве. Новотаволжанский сахарный завод товарищества Боткиных. Киев, 1913; Боткины, предприниматели, основатели крупнейшей в России фирмы по торговле чаем // Большая энциклопедия русского народа / Ин-т русской цивилизации [Электронный ресурс]. URL: <http://rusinst.ru/articletext.asp?rzd> [23.07.2009]; *Барышников М.* Деловой мир России: С. 70; *Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н.* Боткины в пореформенный период: Вклад предпринимат. династии в экон. и социокультур. развитие юга России и Украины // Юг России и Украина в прошлом и настоящем: История, экономика, культура. Сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. г. Белгород, 23–24 янв. 2009 г. Белгород, 2009. С. 224–229.
- ²¹ Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры. Преемники Т. Д. «Бр. П. и С. Третьяковы и В. Коншин» // Вестник мануфактурной промышленности. 1911/12. № 30 (6); *Иоксимович Ч. М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 8–11.
- ²² Вестник мануфактурной промышленности. 1911/12. № 30 (6); *Велиховский Л. Н.* Роль Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых в хозяйственной и культурной жизни России // История предпринимательства в России: XIX — начало XX в.: Сб. ст. СПб., 2005. Вып. 1. С. 77–93.
- ²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 13. Д. 45.
- ²⁴ Российские предприниматели в начале XX века / Сост. Ю. А. Петров, М. К. Шаццлло. М., 2004. С. 247. Прил. 2: Участие анкетированных в промышленных предприятиях, банковских, страховых и пароходных компаниях, 1914 г.
- ²⁵ *Петров Ю. А.* Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика. М., 2002. С. 171.; Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве 19–21 марта 1917 г.: Стеногр. отчет и резолюции. М., 1918. С. 7–19.
- ²⁶ *Гавлин М. Л.* Из истории российского предпринимательства: династия Боткиных. С. 4.
- ²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 42. Д. 1740. Л. 6.
- ²⁸ *Нилов Е.* Боткин. М., 1966. С. 7–9.
- ²⁹ *Егоров Б. Ф.* Боткины. С. 124.
- ³⁰ *Горбушина Н. В.* Боткин Михаил Петрович // Российская музейная энциклопедия. М., 2005. С. 80.
- ³¹ Там же. С. 176–178.
- ³² Там же. С. 177.
- ³³ *Боткин П. С.* Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930. С. 5–6.
- ³⁴ *Коонен А.* Страницы жизни. М., 1985. С. 88.
- ³⁵ Там же. С. 89.
- ³⁶ *Карпович М.* Предисловие к нью-йоркскому изданию // *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. М., 1992. С. 11.
- ³⁷ *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. С. 82.

³⁸ Там же. С. 81–82.

³⁹ Там же. С. 157.

⁴⁰ Карпович М. Предисловие к нью-йоркскому изданию. С. 11.

⁴¹ Григорова Т. Л. Время — События — Люди [Электронный ресурс]. URL: http://www.grigorov.ru/memory/vrema_sobytia_ludi/html [на 23.07.2009 ресурс недоступен].

⁴² Ковалева-Огородникова Л. Л. Сергей Рахманинов: Последние адреса на родине: (К 135-летию со дня рождения великого рус. композитора) // История Петербурга. 2008. № 1. С. 92.

⁴³ Там же. С. 86.

⁴⁴ Там же. С. 92.

⁴⁵ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей... С. 468–472; Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н. 1) П. М. и С. М. Третьяковы — благотворители, меценаты, коллекционеры, общественные деятели // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 119–130; 2) Боткины — благотворители, меценаты, коллекционеры, общественные деятели // Там же. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 199–209.

⁴⁶ Гавлин М. Л. 1) В. П. Зилоти и ее воспоминания // Зилоти В. П. В доме Третьякова. С. 4; 2) Российские Медичи. Портр. предпринимателей. М., 1996.

В. В. Керов

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КУПЕЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ XVIII–XIX вв. И ЕЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

В истории предпринимательства одним из самых трудных для изучения секторов является история деловой культуры¹. Перейти от складывающейся «иконаграфии» выдающихся предпринимателей и инвентаризации отрицательных или положительных примеров из мемуарной литературы к полноценной истории деловой культуры позволяет выявление ценностей и институтов, обеспечивающих мотивацию определенных форм хозяйственной практики, соответствующие установки и формирование бизнес-культуры конкретно-исторического сообщества. Следует выявить «действующие в социальных системах нормативные экспектации, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людьми в различных статусах». Эти экспектации интегрируются с мотивами деятелей и таким образом осуществляется сочленение «социальных систем с глубинными слоями личностных структур ее членов и с культурной системой, которая легитимизирует и <...> ориентирует действия членов социальной системы»². Наличие тех или иных ценностей и институтов, лежащих в начале цепочки, ведущей к определенным формам социального действия, дает возможность с полным основанием оценивать эти формы как типичные, имевшие ограниченное распространение или уникальные. В данном случае объектом исследования являются деловая культура старообрядцев и ее социокультурные факторы.

В литературе существуют разногласия в отношении честности староверов в деловых отношениях. Исследователи придерживались мнения, что старообрядцы «пользовались репутацией самых честных дельцов в России»³. Современники (и доброжелатели и враги старой веры) также сходились во мнении о том, что старообрядческое предпринимательство в различных регионах характеризовалось повышенной честностью даже в эпоху усиления аицизма в конце XIX — начале XX в.⁴ Об этом же свидетельствуют примеры из практики крупных предпринимателей-старообрядцев, предприятия которых могли в ряде случаев получать значительные кредиты «без обеспечения» как «прямо личный кредит правлению»⁵.

В то же время некоторые авторы писали о деформациях деловой этики староверов, прежде всего проявлявшейся в допущении компромиссов с религиозной совестью в деловой сфере⁶. По данным источников, в XVIII — первой половине XIX в. старообрядцы могли не платить фабричные налоги, подати «за билеты содержимых ими работников», подделывать документы. По свидетельствам современников, для староверов допустима была «ловкая хитрость с нераскольниками, особенно с чиновниками», а также со священством синодальной церкви. В небольшом числе случаев это касалось и предпринимательских аспектов деятельности старообрядческих общин. Вообще староверы приобрели «большое искусство в нарушении и обходе законов»⁷.

Каким же в действительности был данный элемент деловой культуры старообрядцев? Обладала ли эта деловая культура целостностью и стабильностью? Кажущееся противоречие снимается при анализе ценностно-институциональной системы староверческого предпринимательства. В первой половине XIX в. завершилось формирование староверческой духовной концепции Дела как христианского подвига, ставшей ядром конфессионально-этической основы хозяйствования старообрядцев. Во многом определявший эсхатологическими ожиданиями в староверии сформировался культ делания и дела.

С самого начала реализация *вероисповедного активизма* осуществлялась в «благих делах». Аввакум постоянно подчеркивал, что «делать» — совершать христианский подвиг, активно подготавливать спасе-

ние бессмертной души следует в этой жизни⁸. Эти нормы закрепились уже начале XVIII в. в старообрядческих общинах. Вслед за выговцами керженецкие поповцы прямо указывали, что все истинно верующие спасаются в своем «благом деле»⁹. Само содержание «дела Христова» изменялось, оно уже включало не только духовные занятия, но и физический труд, и «купеческое дело». В последующее время эта тенденция закрепились и получила свое развитие в различных согласиях. Концепция Дела стала ядром всей этической системы старообрядчества. В ней соединились и получили свое завершение идеи душеспасительного мирского «труда благого», полное оправдание собственности как инструмента спасения, конструктивный эсхатологизм, представления о личной ответственности за общее дело и веру, а также другие компоненты староверческой духовности. На завершающем этапе в конце XIX в. наибольший вклад внесли епископы поповцев Арсений Уральский и Михаил (Семенов).

«Никак нельзя отрицать спасение для всякого человека на всяком месте», — подчеркивал св. Арсений. Человек может спастись исполнением главных Христовых заповедей, из которых следуют все остальные: любовь к Богу и к ближнему. Исполнения заповедей реализуется в благочестии, исполняемого каждым «противу его состояния и обстоятельств, поелику возможно в лучшем направлении», — развивал Арсений традиционную мысль отцов церкви. Никто при этом не будет осужден «за то, на свершение чего он не имел силы и возможностей». Соответственно, у каждого есть свое душеспасительное дело «по его возможностям», в том числе для предпринимателя — милосердие. Для некоторых «истинно верующих» предпринимательское дело — это христианский подвиг, а у нищих и убогих другой путь — аскеза¹⁰.

В наиболее концентрированном виде концепцию изложил епископ Михаил. Каждый истинно верующий, готовясь к спасению, возглашает: «Иду на труд Твой, Господи!» — и начинает «сознательно подвижнический путь свой за Христом». Этот путь в своем «святом деле» — главное средство спасения. Пост и молитва — «великое дело», но «не спасут они нас, пока не оживут, а оживут они, когда рядом с исполнением наших заповедей согреем сердца святой работой <...> желанием положить лепту на дело Господне», — писал епископ Михаил. «Возможна ли для нас святость, — спрашивал он, — когда мы до такой степени опутаны тенетами жизни <...> Не только возможна, но и обязательна». «Для нас и школа святости, и первое ее проявление — служение Богу теми силами и на том месте, на котором мы стоим». «Школой святости» могло быть и предпринимательство. «Поле и торговля не тенета для души <...> каждая профессия может быть святым “постом”, святым делом, нужно только спастись от тенет, отыскивая в каждом деле те его стороны, какими можно послужить Богу». Можно заниматься и успешным предпринимательством: «Иди каким угодно путем — тот и другой ведут к небу <...>». «Главное в деле спасения — “делать для Бога свое дело”» — такова квинт-эссенция староверческой духовной концепции Дела¹¹.

В рамках этой новой концепции фактически душеспасительным делом признавался практически любой труд, исполняемый верующим на своем месте, в своей профессии, в том числе в предпринимательстве. Важной новацией явилось то, что «дело о Господе» могло быть мирским и не имеющим никакой связи с конфессиональной деятельностью. Но для признания дела «святым» требовалось выполнение ряда условий.

Во-первых, дело должно было выполняться в соответствии с этическими правилами: необходимо было «честно, “по совести”, делать свое мирское дело». Во-вторых, по результатам дела надо отдавать дань одной из двух важнейших Христовых заповедей: любви к ближнему, милостыни и милосердию. Но главным считал епископ Михаил необходимость в своем деле принести «любовный дар Богу — <...> приношение, которое мы приносим Богу не от страха, а от любви и благодарности к нему». Если же душа, «сытая “о Господе”, не забывает из-за печали житейской бывать в селениях горных, — труд свят». В отличие от представлений старообрядцев XVIII — первой половины XIX в., чтобы труд представлял собой святое душеспасительное дело, уже необязательной была его конкретная направленность «на благо общины». Главное было осознать, что это дело — для Бога, «принять в свою совесть ответственность за весь мир», главное — в «ощущении Бога и в движении вместе с Ним, с Его помощью к высшим целям жизни»¹².

Эта концепция получила свою реализацию в этической практике старообрядческих предпринимателей. Дело в среде старообрядческого купечества, как и в Западной Европе, стало самоценным. Отношение к нему проявлялось не только имплицитно в хозяйственных документах, но и прямо осознавалось и вербализовывалось в различных текстах, включая не только деловые письма и мемуары, но и конфиденциальные эпистолярные источники¹³.

Дело представляло собой самостоятельную этическую цель. Ради Дела возможно было идти на некоторые отступления от идеала сакрализованной повседневности. Наиболее яркой формой такого рода отступлений для старообрядцев, субъективно ставивших задачу «бегать новизны», стали *новше-*

ства и заимствования в технико-технологической стороне дела. Староверы часто ради дела первыми вводили технические нововведения, в вопросах же важных, также имеющих отношение к спасению, но не связанных с главным Делом, даже в благотворительности отрицали заимствования. Так, рабочие-староверы, стоявшие у новейших станков английской фирмы «Бр. Платт и К^о», попав в госпиталь Рогожской общины, оказывались на деревянных койках, так как железные кровати, уже стоявшие в военных госпиталях, были признаны попечителями душегубительным «заграничным новшеством»¹⁴.

Так же обстояло дело с другим запретом — на «сообщение с иноверными». Запрет не распространялся на случаи «благословенной вины (причины — *В. К.*) и великой надлежащей нужды»¹⁵, которой и было Дело. В процессе предпринимательства староверы активно вели дела с представителями различных национальностей и конфессий, в том числе с мусульманами и иудеями.

Значение Дела в конфессиональной, в том числе — сотериологической — системе старой веры было так велико, что для деловых нужд допустимо было пойти на *сознательное совершение грехов*. Грех «с помыслами» был самым серьезным, и, если покаяние сразу же не происходило, даже после свершения относительно легкого греха, такой проступок оценивался как «тяжкий смертный грех»¹⁶. Но в предпринимательстве староверы во многих случаях шли на это, сознательно греша ради своего Дела. Это относилось не только к общению с «неверными», к производственным «новинам», но и к занятию делом в воскресенье и праздники и др. Старообрядческие наставления почти открыто признавали такую возможность, назначая епитимью за подобный грех «по нужде» — в 100 поклонов, и даже «без нужды» — в 300, что не представляло собой серьезного наказания¹⁷.

Упоминаются в источниках и примеры из самой практики старообрядцев-предпринимателей. Так, Т. С. Морозов активно использовал штрафование рабочих¹⁸. Зная лично старообрядческие хозяева объясняли массовое штрафование не стремлением к наживе, а преданностью Морозова делу¹⁹. Формально, с конфессиональной точки зрения он сознательно совершал тяжелый грех лихоимства (присвоение чужой собственности или труда). Именно с этим грехом был связан вопрос, обязательно задававшийся духовниками хозяевам-староверам — «не задерживал ли плату наемника?» («<...> плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа <...>» — Иак 5. 1–4)²⁰. Это прегрешение могло привести к лишению причастия, но дело требовало дисциплинировать крестьянскую массу, «добиться безукоризненного товара», и Морозов вводил новые штрафы, а затем, по свидетельству старого морозовского слуги, «у себя в моленной <...> часами со слезами отмаливал грех штрафования», как того требовали правила благочестия²¹.

Концепция дела, ставшего важнейшей ценностью старой веры, в которой совместились душе-спасительный христианский подвиг и предпринимательское занятие, во многом определила черты деловой культуры старообрядцев: *активизацию усилий в профессиональном Деле* и в хозяйственной деятельности; стремление *улучшить и развить* его; строгое *соблюдение христианских нравственных норм и т. д.* Изъятия из строгой этики делались лишь для государства и господствующей церкви, олицетворявших мир антихриста и его предтеч.

Массированная коррупция в отношении органов власти и чиновников имела своей функцией обеспечение существования общины, обеспечение материальной основы старой веры — предпринимательства. Готовность к «добровольным» воздаяниям чиновникам получили свое идейно-конфессиональное обоснование. Внутренняя коррупция строго осуждалась, запрещалось делать что-либо для своих («християн») «за дары». Подношения «внешним» без повода также были запрещены в старой вере, другое дело — для спасения и сохранения старообрядческих общин²².

Старообрядцы в данном случае не различали налоги и взятки, объединяя их в понятии «дань». Они объясняли, что «дань» можно давать и «нечестивым», но именно за сохранение веры: «за что даем дань — не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попущению святого Бога. Дабы никто не имел на нас гнева, во еже до конца обидети: аще требует враг злата — дадите, аще ризу — дадите, аще почести — дадите, аще веру хочет отъяти — мужайтесь всячески. Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на муку, или бы не заточил в незнаемое место <...>»²³.

Таким образом, точка зрения об отступлении от норм деловой культуры при анализе на ценностном уровне оказывается несостоятельной. Староверы в этих случаях вполне точно соблюдали институциональные установки. Выявление социокультурных систем старой веры (духовная концепция Дела о Господе и др.) позволили точнее определить конкретные типичные элементы деловой культуры старообрядцев, обладавшей очевидной целостностью.

Примечания

- ¹ Деловая культура — система норм, ценностей и установок, реализующихся в повседневной хозяйственной жизни, которая обеспечивает, организует и регулирует экономическую практику общества.
- ² Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 365–368, 374.
- ³ Мельников П. И. Очерки поповщины // Мельников П. И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 368; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 312; *Барсуков В. Л.* Петр III и предпринимательство в России // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, обществ.-полит. жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 81; и др.
- ⁴ Кириенко В. В. Влияние старообрядчества на формирование менталитета восточных белорусов // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003. С. 111; *Замула И. Ю.* Из истории семейских Верхнеудинска в XIX — начале XX в. // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, рус. и зарубеж. связи. Улан-Удэ, 2001. С. 178; *Кривошеин К. А.* Александр Васильевич Кривошеин: Судьба рос. реформатора. М., 1993. С. 41; *Шишмарев Д. И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. СПб., 1892. С. 29; и мн. др.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 322. Оп. 41. Д. 13. Л. 20.
- ⁶ *Ермишина С. А., Наумова Г. Р.* Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1994. С. 27; и др.
- ⁷ Дневные дозорные записи о московских раскольниках / Сообщ. А. А. Титовым. М., 1885. С. 46, 48, 52, 61, 80, 92, 119 и др.; *Синицын И. И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 177; *Попов К.* Раскол и его путеводители. М., 1901. С. 120; *Мельников П. И.* Очерки поповщины. С. 368; *Власов А. Н.* Неизвестные материалы по истории старообрядчества на Севере // Старообрядчество: История и современность... С. 61; *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 95; *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7/8. С. 75; и др.
- ⁸ Житие Аввакума написанное им самим и другие его сочинения. М., 1987. С. 31, 105 и др.
- ⁹ Ответы Александра диакона (на Керженце), поданныя нижегородскому епископу Питириму в 1819 году. Н. Новгород, 1907. С. [208].
- ¹⁰ *Арсений Уральский, еп.* Оправдание Старообрядствующей Христовой Церкви... М., 1999. С. 63–65, 249.
- ¹¹ См.: *Михаил (Семенов), еп.* Избранные статьи. М., 1998. С. 19–21, 22–24, 78–80, 89 и др.
- ¹² Там же. С. 9, 13, 18, 23, 40, 79–81.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 526. Л. 113; ОР РГБ. Ф. 322. Оп. 41. Д. 13. Л. 23; *Кокорев В.* Обличительное дело. СПб., 1859. С. 4 3-й паг.
- ¹⁴ *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Ист. очерк. СПб., 1870. С. 81; *Мельников П. И.* Очерки поповщины. С. 363.
- ¹⁵ [*Ксенос И. Г.*] История и обычаи Ветковской церкви. Н. Новгород, [1906]. С. 101.
- ¹⁶ См., например: ОР РГБ. Ф. 734. Д. 26. Л. 109 об.–110.
- ¹⁷ Правила собора федосеевцев 1 октября 1751 года // Сборник правительственных сведений... С. 41.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 751. Л. 7–55.
- ¹⁹ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994. С. 158.
- ²⁰ Это вопрос, по свидетельству В. П. Рябушинского, каждый раз задавал «на духу» П. М. Рябушинскому и его сыновьям их исповедник (Там же. С. 158).
- ²¹ Там же.
- ²² См.: *Синицын И. И.* Отчет... С. 137; Тюменские статьи // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1999. С. 460.
- ²³ Нечто вроде апологии Федосеевской против Филиппонов, обвиняющих Федосеев в страсти к торговле и деньгам... // Сборник правительственных сведений о раскольниках. С. 232–233. См. также: Сто статей московских поморского согласия // Там же. С. 206; *Синицын И. И.* Отчет... С. 161–162; Послания Варсонофия Иванова // Духовная литература... С. 404; Соборное уложение Ирюмского собора 29 мая 1723 г. // Там же. С. 333.

С. Б. Шатохина

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Модернизация страны с началом буржуазных реформ Александра II затронула почти все социальные слои и группы, включив их во все усложняющиеся процессы социально-экономических преобразований. Эти изменения не могли оставить в стороне русское купечество, в т. ч. и женскую его половину. Свообразным предвестником зарождающихся новых тенденций во взаимоотношениях полов в купеческой среде стала пьеса А. Н. Островского «Гроза», не случайно появившаяся в 1856 г. И хотя «луч света в темном царстве» был лишь робким шагом по пути женской эмансипации, но это был пример, постоянно воспроизводящийся не только на столичных и провинциальных театральных подмостках, он постепенно, но настойчиво, проникал в купеческие семьи. Стремление женщин купеческого сословия изменить стиль жизни, выйти из тесного и закрытого круга семьи и домашнего хозяйства подпитывалось не только театром и литературой. Общий тренд развития общества требовал

расширения доступа женщин к образованию, вовлечению ее в общественную жизнь. Купечество, подражая дворянству, стремясь сблизиться с ним, искало пути к этому. Одним из них стало овладение образованием. Поэтому купцы обучают сыновей, а вслед за ними и дочерей.

О том, какими темпами распространялась грамотность в среде купечества, свидетельствуют материалы Всероссийской переписи населения 1897 г. К сожалению, они не дают возможности выделить интересующую нас информацию по купечеству, так как сведения о количестве грамотных лиц купеческого сословия даны суммарно в числе всех городских сословий: почетных граждан, мещан, купцов и др. Учитывая прозрачность границ этих сословных групп и постоянную мобильность их членов, большой разницы между образовательным уровнем лиц, входящих в их состав, не должно быть. Конечно же, доля грамотных среди мужчин в этой группе городских сословий была гораздо выше — 74,6 %, чем среди женщин — 45,1 %. Однако данные, представленные в таблице 1, убедительно свидетельствуют об опережающих темпах роста доли грамотных среди женщин городских сословий. Так, если в возрастной группе женщин «50–59 лет» грамотными были 30,4 %, то в возрастной группе «10–19 лет» — уже 66,2 %. Принимая условие, что обычным для XIX в. было обучение грамоте в возрасте 8–12 лет, можно отметить, что за вторую половину XIX в. произошло значительное увеличение доли грамотных женщин городских сословий — на 35,8 %. Для сравнения, у мужчин в этой социальной группе в то же время общий прирост грамотных составил 17,8 % (в два раза меньше), а темпы прироста по десятилетиям постепенно, но значительно сокращались — с 9,9 до 2,7 %.

Таблица 1

**Динамика роста доли грамотных среди городских сословий Курской губ.
по десятилетним возрастам¹**

Возрастные группы	Более 60 лет	50–59 лет	40–49 лет	30–39 лет	20–29 лет	10–19 лет
Время получения образования	до 1850 г.	1850-е гг.	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.
% грамотных мужчин	54,8	64,7	71,5	76,7	79,8	82,5
Прирост % грамотных среди мужчин	–	9,9	6,8	5,2	3,1	2,7
% грамотных женщин	16,1	30,4	30,8	44,2	56,1	66,2
Прирост % грамотных среди женщин	–	14,3	0,4	13,4	11,9	10,1

Материалы переписи позволяют определить и качество образования купеческих женщин. По формальным показателям качества образования приоритет следует отдать женщинам городских сословий, так как почти 20 % из их грамотной доли имели среднее и более высокое по качеству образование (таблица 2). У мужчин число лиц, имевших среднее или профессиональное образование, не достигало в 1897 г. и до 10 %. Хотя следует отметить абсолютное преобладание мужчин среди имеющих высшее и среднее профессиональное образование.

Таблица 2

Качество образования представителей городских сословий Курской губ. в 1897 г.

	Мужчины		Женщины	
	Чел.	%	Чел.	%
Всего грамотных	31876	100	21439	100
Учились в университетах и др. высших учебных заведениях	116	0,4	9	0,04
Учились в специальных и технических высших учебных заведениях	39	0,1	–	–
Учились в специальных средних учебных заведениях	260	0,8	25	0,1
Учились в средних учебных заведениях	2383	7,5	4193	19,6
Учились в военных учебных заведениях	12	0,04	–	–

С другой стороны, женщины и в абсолютных цифрах, и пропорционально преобладают среди представителей городских слоев, имевших среднее образование. Таблица 3 позволяет уверенно выявить время, когда количество девочек в средней школе стало превалировать над мальчиками — это 1870-е гг. К концу XIX в. это доминирование стало абсолютным. Таким образом, за 2–3 поколения в купеческой среде полностью сменилась ценностная и мировоззренческая установка на место и роль образования в жизни женщин. Женское гимназическое образование в провинции к 1910-м гг. стало уже настолько обыденным явлением, что посещение девочками из состоятельных семей учебного заведения считалось само собой разумеющимся, своеобразной традицией. Девушки, не посещавшие гимназию, как и их родители, выглядели в глазах местного общества «белыми воронами».

Таблица 3

Динамика роста числа лиц из городских сословий, учившихся в средних образовательных учреждениях Курской губ. по десятилетним возрастам.

Возрастные группы	Более 60 лет	50–59 лет	40–49 лет	30–39 лет	20–29 лет	10–19 лет
Время учебы	До 1850 г.	1850-е гг.	1860-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.
Мальчики	70	131	412	433	558	750
Девочки	24	54	258	552	1207	2001

Если в середине XIX в. основным мотивом, которым руководствовался купец, решая дать образование своим дочерям, было подражание дворянству, то к концу XIX в. на первый план выдвигается экономический фактор. В условиях трансформации экономики и социальной структуры Российской империи купеческая женщина все чаще оказывалась в ситуации, когда ей самой приходилось заботиться о себе, поэтому образование, особенно профессиональное, могло быть конвертировано в трудовую деятельность, позволявшую иметь хоть какие-либо средства к существованию. Например, даже на небольшом временном промежутке рубежа XIX–XX вв. заметно увеличивается доля и количество купеческих женщин в составе учительниц начальной школы Курской губ.. Так, в 1895/1896 учебном году среди земских учительниц Курской губ. выходцев из купеческого сословия было 2,5 %, а уже в 1901/1902 учебном году — 6,2 %². Следует заметить, что размер жалования у них определялся исключительно качеством профессионального образования и стажем службы, а не сословным происхождением. Так, в Курской губ. земство с 1897 г. трижды корректировало систему оплаты труда учителей земских школ. В 1897 г. была введена схема прогрессивных прибавок к основному жалованию в 240 руб. в год через каждые пять лет в размере 10, 25, 45 и 75 %, так что у тех, кто прослужил 21 год и более, жалование составляло 408 руб.³ В 1903 г. Комиссия убедила губернское собрание поднять основное жалование до 300 руб. в год, что и было сделано с 1905 г.⁴, прогрессивные прибавки теперь предлагалось делать через каждые три года в размере 10 % от основного жалования, однако не все уездные земства перешли на трехлетнюю схему. Эти ставки и система прибавок распространялись только на учителей, отнесенных к первой категории, что было определенным стимулом к повышению образовательного уровня учителей.

Многие купеческие женщины к концу XIX в. все чаще стали пользоваться своим законным правом — заниматься торговлей и предпринимательством. При этом существенным фактором успеха коммерческого предприятия все чаще становился общий образовательный и культурный уровень женщины.

Купеческие женщины традиционно участвовали в благотворительной деятельности, если не самостоятельно, то через мужа или отца, с их разрешения. К концу XIX в. это участие становится более масштабным и деятельным. Благотворительность культивировалась государством, церковью и обществом как одна из добродетельных черт православного человека, в особенности христианки. Поэтому неудивительно, что благотворительные организации пользовались большой популярностью, а женщины в рассматриваемый период занимали в них достойное место. Так, в составе «Курского благотворительного общества» по состоянию на 1 января 1889 г. ровно половина из 146 членов была представлена женщинами. Интересен состав женской части «Общества». Это, в основном, жены высокопоставленных губернских и уездных коронных чиновников, руководителей и преподавателей учебных заведений, представителей земства и городского самоуправления, состоятельных купцов. Они входили в состав «Общества» вместе со своими мужьями⁵.

Если раньше благотворительность в основном сводилось к внесению денежных средств в кассы благотворительных организации, а зачастую к банальной раздаче милостыни, то на рубеже XIX–XX вв., купеческие женщины денежные взносы подкрепляли непосредственным участием в оказании помощи малоимущим и нуждающимся: организовывали бесплатные столовые, посещали с подарками больницы, приюты, тюрьмы. Например, в 1892 г. за счет средств и при непосредственном участии представителей местного купечества М. С. Васильевой, Г. И., А. А. и Г. К. Лавровых в Курске была открыта и успешно функционировала столовая для малоимущих жителей. Это была небольшая часть вклада курского купечества, в том числе и женской его части, в усилия российской общественности по борьбе с голодом 1891–1892 гг.⁶

Купеческие женщины решались и на более масштабные благотворительные проекты. Так, вдова купца Анисия Ивановна Гладкова в 1900 г. предложила Курской городской думе на свои средства построить больницу на 25 мест и подарить ее городу. При этом она брала на себя обязательство в течение первого года функционирования больницы оплачивать все ее расходы. Городская дума не могла отказаться от такого щедрого и бескорыстного дара, и уже в 1904 г. больница приняла первых своих пациентов⁷.

С благотворительностью была сопряжена культурно-просветительская и творческая деятельность купеческих женщин. Получая образование, женщины расширяли свой кругозор, формировали в себе определенные культурные, эстетические потребности. Поэтому они становятся постоянными участницами всех культурных мероприятий города: театральных постановок местной профессиональной или любительской труппы, музыкальных вечеров, художественных выставок, представлений гастролирующих артистов. Нередко пассивное участие, «потребление» культурных ценностей сопровождается попытками, иногда весьма удачными, принять участие в любительских спектаклях, в исполнении музыкальных и вокальных произведений в концертах и музыкальных вечерах.

Таким образом, за вторую половину XIX в. купеческая женщина российской провинции сделала серьезный шаг в своем развитии. Прежде всего значительно повысился уровень грамотности среди женщин купеческого сословия, что наглядно видно при сравнении доли грамотных среди старших и младших возрастов женщин по переписи 1897 г. Повысилось качество образования купеческих женщин. Вышеприведенные показатели далеки от идеала в современном его понимании, однако процесс роста грамотности и повышения его качества шел нарастающими темпами. Этому во многом способствовали те изменения жизни общества, характер которых определился во время осуществления буржуазных реформ 60–70 гг. XIX в., а также вовлеченностью России в общеевропейские и мировые социокультурные процессы. Следует отметить, что и сама купеческая женщина, сделав первый шаг в направлении своей эмансипации, не остановилась, а двинулась уверенно по пути своего развития и вхождения активным участником в общественную жизнь региона и страны.

Примечания

¹ Таблица 1 и последующие составлены по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Вып. 20: Курская губ. С. 87.

² Белокопский И. П. Народное начальное образование в Курской губернии. Курск, 1897. С. 195; Текущая школьная статистика курского губернского земства за 1901–1902 учебный год. Курск, 1902. С. 26.

³ Текущая школьная статистика за 1906–1907 учебный год. Курск, 1908. Ч. 1. С. 62.

⁴ Обзор Курской губернии за 1905 год. Курск, 1906. С. 111.

⁵ КурГВ. 1889. 21 апр.

⁶ Кулабухов В. С. Купечество // Эволюция сословной структуры общества Центрального Черноземья в пореформенный период (на примере Курской губернии). Белгород, 2005. С. 189.

⁷ Там же.

А. В. Краско

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКОГО КУПЕЧЕСТВА XVIII — НАЧАЛА XX в.

С конца 1980-х гг. в России наблюдается все возрастающий интерес к генеалогическим исследованиям. В орбиту внимания как профессиональных историков, так и генеалогов-любителей, попа-

дают роды и семьи, которые до 1917 г. принадлежали ко всем сословиям и группам населения Российской империи, в том числе и к купечеству.

До революции были опубликованы лишь единичные работы по истории крупных купеческих династий, таких как Строгановы, Кусовы, Глазуновы, Демидовы, Затрапезновы, Юдины и некоторых других. За последние два десятилетия только в Санкт-Петербурге опубликованы десятки книг и статей по истории купеческих родов — о Елисеевых, Варгуниных, Ушаковых, Сан-Галли, Фаберже, Штиглицах, в Москве — о Морозовых, Боткиных, Рябушинских и других. Еще больше материалов на эту тему опубликовано в провинции. В сборниках материалов научных конференций и краеведческих изданиях насчитывается не одна сотня подобных публикаций. Так, достаточно давно и плодотворно изучается купечество (равно как и другие сословные группы населения) региона Верхневолжья¹.

В городе Кирове (Вятке) в 1999 г. основано Прозоровское культурно-просветительское общество с целью изучения истории и опыта российского предпринимательства, названное в память одного из самых выдающихся предпринимателей Вятки. Опубликованный в 2008 г. сборник научно-исследовательских материалов содержит немало интересных материалов по истории и генеалогии как Прозоровых, так и других купеческих семей².

Приведенные выше сведения не претендуют на полноту, лишь подчеркивают тот факт, что в различных регионах истории, краеведы и генеалоги на местах ведут активную работу в этом направлении.

В исследованиях, посвященных проблемам предпринимательства в России, также имеется информация по истории и генеалогии купеческих семей. Назовем в их числе труды Б. В. Ананьича, А. Н. Боханова, А. В. Демкина, В. Н. Захарова, Б. Н. Миронова, К. Е. Балдина и др. И. Г. Кусова защитила в середине 1990-х гг. диссертацию по истории рязанского купечества. Одна из последних работ на эту тему вышла в Калуге³.

Полнота любого генеалогического исследования в значительной степени зависит от широты охвата источников информации. Источниковедение дворянской генеалогии разработано достаточно подробно. Однако вопрос об источниках генеалогической информации для непривилегированных сословий пока не получил достаточной разработки.

Одним из первых обратился к этому вопросу Александр Иванович Аксенов, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, Почетный член Русского генеалогического общества. Изучением генеалогии подмосковного купечества и, соответственно, источниковой базы этой проблемы он посвятил кандидатскую и докторскую диссертации. В 1992 г. он выступил с двумя докладами на эту тему на Международной научной конференции «Генеалогия: Проблемы. Задачи. Перспективы», проведенную в Санкт-Петербурге, позже опубликовал ряд статей в специальных генеалогических периодических изданиях⁴.

Анализ источниковой базы современных публикаций по генеалогии купечества показывает, что все исследователи широко используют массовые источники как печатные, так и архивные. Задачей данной статьи является обратить внимание на некоторые другие источники, как печатные, так и архивные, которые могут помочь в поиске необходимой информации.

Печатные источники

В первую очередь исследователи используют опубликованные дореволюционные справочные издания, выпускавшиеся купеческими управами или городскими думами некоторых городов. К ним относятся «Справочные книги о лицах, получивших купеческие свидетельства...» по Санкт-Петербургу (Петрограду) и Москве, которые регулярно издавались с 1860-х гг. по 1916 г. включительно. Они содержат достаточно обширную информацию как о личности и промысле конкретного купца, так и о членах его семейства, которые состояли при его капитале. Сведения из этих петербургских изданий использовал, в частности, М. Н. Барышников при составлении своего справочника «Деловой мир Петербурга», изданного в Санкт-Петербурге в 2000 г.

Справочники в виде отдельных изданий по составу купечества других городов (например, Одессы и Риги) выпускались периодически. Списки купцов публиковались иногда в «Памятных книгах» губерний. Списки купцов города Харькова за 1799 г. опубликованы, например, в двухтомном труде по истории Харькова Д. И. Багалея⁵. Отчасти обобщает сведения об истории купеческих родов всех регионов справочник «Тысяча лет купеческого предпринимательства: Из истории купеческих родов» (М., 1995).

Накопленный опыт показывает, что большой массив информации содержится в газетах, особенно официальных. На этот источник уже обращалось внимание исследователей⁶. Так, в газете «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» (позже «Сенатские ведомости») печатались Высочайшие указы и правительственные распоряжения: о пожаловании купцов и промышленников в коммер-

ции советники и мануфактур-советники, о возведении в потомственное гражданство, о награждении орденами и медалями, об утверждении иностранных консулов или почетных консулов (нередко в этом качестве выступали представители местного купечества).

Еще более информативным источником служат специальные приложения к газете «Сенатские ведомости», охватывающие период XIX — начала XX в. Это официальный свод сведений юридического характера, публикуемый Правительствующим Сенатом. К ним относятся «Сенатские объявления о запрещениях на имения» и «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам». Эти издания имеются в фондах крупнейших библиотек России.

«Сенатские объявления о запрещениях на имения» издавались в Санкт-Петербурге с 1822 по 1897 г. В соответствии с законом в отдельных случаях недвижимые имения попадали под так называемое временное запрещение, которое ограничивало право владельца самостоятельно распоряжаться своей собственностью. Это случалось, например, при залоге или продаже имения, передаче его по наследству, при дарении, разделе и т. п. Сенат издавал официальный ежегодный свод сведений обо всех таких ситуациях. В тексте объявления указаны фамилия, имя и отчество владельца, состав и стоимость имения, причина временного запрещения, иногда история владения. Купечество столичных, губернских и уездных городов владело недвижимостью в виде лавок, домов и земли, поэтому сведения о купеческой недвижимости также попадали в это издание. Приведем в качестве примера, такое извещение (здесь и далее использованы сведения о санкт-петербургских купцах): «Санкт-петербургский купец Василий Федорович Целибеев: налагается запрещение на принадлежащую ему каменную лавку 3-й Адмиралтейской части 1-го квартала в Гостином дворе по Перинной линии № 23 за занятые им у потомственного почетного гражданина 1-й гильдии купца Григория Петровича Елисеева 12 тысяч рублей серебром сроком на 9 лет, закладная совершена 13 августа 1858 года»⁷.

Г. П. Елисеев (1804–1892) — один из самых известных столичных купцов, владелец Торгового дома «Братья Елисеевы», вторым браком был женат на Анне Федоровне Целибеевой (1820–1887), родной сестре заемщика. Таким образом, сделка была совершена между близкими родственниками, что было широко распространено в этой среде.

К этому изданию, выпускаемому в газетном формате, печатались алфавитные указатели как внутри самих изданий, так и в виде отдельных книг.

С 1823 по 1917 г. публиковались «Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам». Статьи этого уникального источника информации по просопографии и генеалогии содержат сведения, сгруппированные по двум с половиной десяткам разрядов (юридических позиций), касающихся всех сословий и групп населения Российской империи. Наибольшую по объему часть информации этого издания составляют сведения о покупке-продаже недвижимости и вводе во владение имением. В пореформенную эпоху в качестве покупателей недвижимости (в том числе и земли) в разных регионах России массово вступало купечество.

В разряде 3-м «Вызов наследников и кредиторов» окружные суды, нотариусы и позже мировые судьи помещали объявления об открывшемся наследстве по случаю смерти человека. Приведем для примера такое объявление: «Санкт-петербургский мировой судья 26-го участка объявляет об открытии наследства после умершей 5 февраля 1885 года в Санкт-Петербурге купеческой вдовы Марии Алексеевны Лейкиной»⁸.

Важным для исследователей купеческих родословных и истории купеческих семей является разряд «Сведения о торговой несостоятельности». В 1860–1880 гг. он имел 6-й номер (позднее номер изменился). Здесь приводятся сведения об объявленных по приговору судов банкротствах, учреждении внешнего управления над имуществом банкрота и т. п.

Особый интерес для генеалога представляют разряды, зафиксировавшие отдельные акты и дарственные, поскольку они происходили внутри семьи и через эти публикации выявляется семейное окружение лиц, заключавших сделку. Приведем два примера:

«1. Санкт-петербургский старший нотариус 28 января 1885 года утвердил Дарственную, совершенную 23-го января — на подаренную санкт-петербургским 2-й гильдии купцом Мироном Петровичем Лисенковым дочери его, жене новгородского купеческого сына Татьяне Мироновне Любашевой дом со строениями и землею в Санкт-Петербургской части 3-го участка по Большой Невке, Большой Вульфовой улице и Фокину переулку <...> оцененные в 81 тысячу рублей»⁹.

«2. Санкт-петербургский старший нотариус отметил 18 июня 1884 года ввод во владение недвижимым имением: потомственных почетных граждан Ивана, Егора и Андрея Егоровых Дрябиных, жену санкт-петербургского 2-й гильдии купца Александры Егоровны Дойниковой, жену санкт-петербургского 2-й гильдии купца Любовь Егоровну Мокееву-Соболеву, и жену потомственного гражданина Ольгу Егоровну Смурову, доставшимся им от вдовы потомственного почетного гражд-

данина Клавдии Федоровны Дрябиной по наследству, в правах которого они утверждены Окружным судом 7 июня 1884 года <...>¹⁰.

Попутно заметим, что описанные выше источники позволяют выявить бытование «громких» фамилий (не связанных с известными родами) среди разных сословий, в том числе и среди купечества. Так, при изучении текстов «Сенатских объявлений по казенным, правительственным и судебным делам» автору данной статьи удалось зафиксировать бытование в 1870–1890-х гг. фамилии Шереметевых (Шереметьевых), принадлежавших представителям купечества, духовенства, казачества и крестьянства в 27 губерниях России.

К этому изданию публиковались также именные указатели по разрядам.

Еще одним источником, который можно порекомендовать генеалогам, является серия книг под общим заголовком «Материалы для истории городов», выходявших в Москве в 1880-х гг. В нее вошли издания, посвященные следующим городам: Зарайску (1883), Иркутску (1883), Торопцу (1883), Устюгу Великому (1883), Малоярославцу (1884), Переславлю-Залесскому (1884), Ростову Великому (1884), Рязани (1884), Туле (1884), Белеву (1885), Тобольску (1885), трем сибирским городам: Нерчинску, Селенгинску и Якутску (1886), Кунгуру (1886), Вятке (1887) и Боровску (1888). К этой же серии примыкают «Перепись московских дворов XVIII столетия» и девять томов «Материалов для истории московского купечества». Эта серия публикаций задумана и осуществлена по инициативе московского купца и общественного деятеля Н. А. Найденова (1834–1905). По совету и при поддержке историка И. Е. Забелина он взял на себя инициативу собрать и напечатать архивные материалы по истории тех городов, которые играли заметную роль в развитии российского предпринимательства. Была проведена большая работа в архивах и обнаружены дозорные, переписные и окладные книги по этим городам, ревизские сказки и некоторые другие виды документов, относящиеся в основном к XVII–XVIII в. Эти документальные комплексы фиксировали состав населения данного города на протяжении как минимум столетия, что особенно важно для генеалога. Найденов сумел убедить взять на себя финансирование издания купцов — выходцев из этих городов. Так, печатание книги о Торопце оплатили Аксеновы и Боткины, предки которых были оттуда родом.

Для изучения истории и генеалогии столичного купечества огромную ценность представляют два издания. Первое из них — «Акты и документы к истории Санкт-Петербургского городского управления и города С.-Петербурга в эпоху Отечественной войны» (Т. 1. СПб., 1914). Здесь помещены среди других материалов списки петербургского гильдейского купечества и иностранных гостей (всего около 8 тыс. фамилий), которые должны были внести определенную сумму денег в счет двух миллионов рублей, пожертвованных купечеством столицы на нужды обороны страны.

Другое капитальное издание, напечатанное на средства столичного купечества, было принято к 200-летию Петербурга¹¹.

В нем опубликованы статьи о заводах, фабриках, банках, страховых обществах, Торговых домах, включающие историю предприятия и сведения о владельцах, нередко с портретами настоящих и прошлых владельцев. Кроме того, в книге помещены несколько сот кратких статей о мелких и средних предпринимателях, иногда также с их портретами, что делает издание поистине уникальным источником сведений о коммерческом мире столицы начала XX в.

Архивные источники

Как известно, документы о купцах и купеческих семьях отложились прежде всего в региональных архивах — там, где жила семья. Здесь исследователь обращается к фондам духовных консисторий — к метрическим книгам и исповедным ведомостям. Изучаются также фонды магистратов, городских депутатских собраний и городских дум, купеческих управ, казенных палат.

Так, в ЦГИА СПб в фонде 781 (Петербургское городское депутатское собрание) хранится около 2,5 тыс. дел за период 1785–1847 гг. В делах описи 2 — сведения о владении в городе недвижимостью, в том числе и купцами; в описи 3 — приговоры о внесении разных лиц в городскую обывательскую книгу с необходимыми по закону документами (в том числе и о составе семьи); в описи 4 — посемейные списки обывателей и купечества за 1785–1787 гг.; особое дело содержит книгу записи иностранцев, принявших русское подданство после принятия Закона 1807 г.

Самый крупный фонд ЦГИА СПб из наиболее информативных по рассматриваемому вопросу — 792-й (Петербургская городская дума), где хранится 9,5 тыс. дел за период 1786–1914 гг. Там можно найти посемейные списки по сословиям, ревизские сказки, городские обывательские книги, материалы о записи в купечество, о перечислении из одного сословия в другое.

К сожалению, фонд 221 (Петроградская купеческая управа) сохранился плохо, в нем насчитывается лишь около 800 дел за период 1762–1839 и 1850–1918 гг. (прошения о записи в купечество, ведомости и ревизские сказки).

Хотелось бы привлечь внимание к еще нескольким полезным архивным фондам. Прежде всего, это фонды учебных заведений данного региона, которые также обычно хранятся в региональных (областных и республиканских) архивах — университетов, институтов, гимназий, реальных училищ и других общесословных учебных заведений, в которых учились выходцы и из купеческих семей. Особое внимание надо обращать на коммерческие училища и торговые школы, где по преимуществу получали образование дети купцов. В Санкт-Петербурге это Коммерческое училище (ЦГИА СПб. Ф. 239), Петровское коммерческое училище (Там же. Ф. 320), Торговая школа Императора Николая II (Там же. Ф. 126) и другие.

При поступлении в учебное заведение заводилось личное дело учащегося, которое (с 1870-х гг.) включало в себя ряд документов. Приведем для примера состав документов личного дела студента Санкт-Петербургского Императорского университета Н. Г. Растеряева (1887 г.):

1. Прощение о зачислении (с указанием даты, места жительства, сословной принадлежности).
2. Копия метрики о рождении и крещении.
3. Документы (подлинник и копия) о среднем образовании.
4. Свидетельство о приписке к воинскому участку.
5. Различные прошения (об отпуске внутри Империи и за границу, о разрешении вступить в клубы и т. п.).
6. Документы об уплате (или неуплате по недостаточности средств (денег за учебу, зачетные книжки и т. п.).
7. Прощение о разрешении на вступление в брак (если таковой случался в период учебы).
8. Свидетельство об окончании Университета¹².

Если купеческие дети получали образование в учебных заведениях, то их родители часто служили попечителями, почетными попечителями, членами Советов различных учебных заведений, а также благотворительных учреждений. Поэтому исследователь имеет возможность разыскать в фондах учебных заведений или благотворительных учреждений их формулярные списки, в которых указан состав семьи. Так, в фонде Петроградского совета детских приютов хранятся сотни таких формулярных списков за период с 1845 по 1917 г. (ЦГИА СПб. Ф. 411).

В федеральных архивах также имеются материалы, которые могут быть полезными при работе над данной темой. Обратим внимание на некоторые важнейшие, с точки зрения источниковедения купеческой генеалогии фонды РГИА.

В фонде 1343 (Департамент Герольдии Правительствующего Сената) сосредоточены дела о возведении купцов в потомственные почетные граждане (описи 39 и 40) и в дворянское достоинство (описи по алфавиту фамилий).

Возьмем в качестве примера дело о возведении в потомственное почетное гражданство Леляновых, производившееся в 1877 г.¹³ Оно начинается прошением Санкт-Петербургского купца 1-й гильдии Павла Ивановича Лелянова о возведении его с родом в сословие потомственных почетных граждан (15 февраля 1877 г.). К прошению приложены положенные по закону документы, подтверждающие права просителя:

Свидетельство из Санкт-Петербургской купеческой управы. «Иван Иванович Лелянов записан из ельнинских купеческих сыновей в здешнее купечество 18 января 1849 в 3-ю гильдию (по 1856). С 1856 по 1 июля 1863 состоял в царскосельском купечестве, со второй половины 1863 снова в петербургском купечестве по 1-й гильдии 4,5 года непрерывно. С 1874 Павел Иванович Лелянов объявил капитал, переданный ему матерью при жизни ее, самостоятельно. Ныне (на 1877) он состоит в 1-й гильдии».

Метрики: «о венчании в 1849 году Ивана Ивановича Лелянова с вольноотпущенной крестьянкой Малоярославецкого уезда Калужской губернии Огубской вотчины княгини Голицыной, урожденной графини Апраксиной дер. Величковой Марией Тимофеевной Ершовой»; «о рождении и крещении в 1850 году Павла Ивановича Лелянова и о венчании его в 1875 году с дочерью потомственного почетного гражданина Анной Петровной Елисеевой»; «о рождении и крещении в 1876 году их дочери Любовь Павловны; о рождении и крещении двух сестер Павла Ивановича».

Отпуск (копия) грамоты о возведении в сословие потомственных почетных граждан Павла Ивановича Лелянова с родом (14 марта 1877 г.).

В 1905 г. П. И. Лелянов по ордену св. Владимира 3-й степени, полученному им за заслуги в должности петербургского городского головы, был возведен в потомственное дворянство, и доку-

менты этого дела в том же фонде (с приложенными метриками о рождении и крещении сыновей) позволяют пополнить генеалогию рода.

Особый интерес представляют первые по времени дела о возведении купцов в потомственное дворянское достоинство. В 1835 г. такую процедуру проходил Санкт-Петербургский 1-й гильдии купец Никита Меньшиков. Правительствующий Сенат, несмотря на законность претензий Меньшикова, не торопился принять положительное решение, поэтому истец представлял все новые и новые документы, что в настоящее время является дополнительным источником сведений об этой семье (вплоть до середины XVII в.).

Нужную информацию можно найти в фондах «профильных» министерств и ведомств в РГИА. Так, в фонде Министерства коммерции (Ф. 13) сосредоточены сотни дел о принятии иностранных купцов в российское подданство (вследствие Закона 1807 г.). В фонде Министерства торговли и промышленности (Ф. 23) отложились материалы о представлении к наградам и формулярные списки купцов, служивших по выбору своего сословия на разных должностях номенклатуры этого ведомства. В фонде Министерства Императорского Двора (Ф. 472) находятся документы об утверждении в звании поставщика Двора, в фондах Министерства внутренних дел — об утверждении в звании почетных граждан городов, среди которых очень велик процент купечества. В фонде Ведомства учреждений Императрицы Марии (Ф. 759) можно отыскать формулярные списки попечителей, почетных попечителей, членов Совета этих учреждений. В фонде Святейшего Синода (Ф. 796, 797) сосредоточены выписки из завещаний разных лиц, в том числе и купцов, пожертвовавших часть своего состояния на нужды церкви (фамилии жертвователей отражены в Каталоге РГИА). Интересно заметить, что в обнаруженных в этом фонде духовных завещаниях братьев С. П. и Г. П. Елисеевых церкви жертвовалась примерно десятая часть всего имения. В фонде Канцелярии по принятию прошений на Высочайшее имя приносимых (Ф. 1412) содержится огромное число обращений к высшей власти от представителей всех сословий Российской империи, в том числе и представителей «третьего сословия». Обращения касались, главным образом, трудно решаемых обычным порядком семейно-имущественных проблем (усыновление, узаконение внебрачных детей, раздел имений, разводы и т. п.). В РГИА имеется особый фонд документов, изъятых из частных банков после их национализации (Ф. 1102; три описи, более тысячи единиц хранения). Примерно треть его составляют личные и имущественные документы коммерсантов и членов их семей (назовем в качестве примера петербургских предпринимателей Беляевых, Глазуновых, Дрябиных, Корниловых, Печаткиных, Синебрюховых). Среди документов имеются подлинники метрик, дипломы и аттестаты учебных заведений, купчие, духовные завещания и т. п.

Фонды РГАДА и ГАРФ в Москве также используются исследователями. В рамках данной статьи обращаем внимание на так называемые коллекции документов, отложившиеся в указанных архивах. Среди этой архивной «россыпи» есть шанс обнаружить документы, касающиеся купеческих семей. Так, в фонде 1463 ГАРФ находится оригинал прошения английского подданного Роберта Бека (петербургского фабриканта) о российском подданстве (1881 г.). Там же хранится документ 1829 г. — свидетельство московского городского головы купцу Т. П. Корчагину о времени внесения его семьи в городскую обывательскую книгу. Есть там бумаги адвоката Б. В. Никольского (на них в свое время обратил мое внимание московский генеалог А. С. Вальдин), которые содержат подробные сведения о судебной тяжбе братьев Елисеевых (к ней в 1910–1912 гг. имел отношение этот юрист). В фонде 1456 РГАДА хранится семейная переписка семьи Глазуновых за 1832–1936 гг., материалы о деятельности Санкт-Петербургского городского головы Василия Григорьевича Жукова в 1831–1860 гг. и др.

В региональных и федеральных архивах имеются также личные фонды. В одних случаях фондообразователями стали собственно купцы или купеческие семьи, в других случаях — потомки купцов (из числа врачей, юристов, писателей, священников, общественных деятелей).

Представленный в статье перечень печатных и архивных источников, которые могут быть использованы для разработки купеческих родословных, отнюдь не является исчерпывающим, однако автор надеется, что сведения об их существовании будут небесполезны для исследователей этой темы.

Примечания

¹ Кашинский генеалогический сборник: Свод родослов. семей, исторически связанных с регионом. М., 2008; Традиции династий Верхневолжья: Материалы регион. науч.-практ. конф. Тверь, 2004; Род и семья в контексте тверской истории: Сб. науч. ст. Тверь, 2006.

² Прозоровский альманах. Вып. 1. Киров, 2008.

³ Холмцова О. Ю. Калужское гильдейское купечество: Очерки из истории предпринимательства XVIII — первой половины XIX в. Калуга, 2008.

⁴ См.: Аксенов А. И. 1) Источники для генеалогии непривилегированных сословий // Историческая генеалогия. 1993. № 1. С. 81–86; 2) Генеалогия и российское купечество // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1997. Вып. 7. С. 17–22; 3) Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993; 4) Генеалогия московского купечества XVIII века: Из истории формирования рус. буржуазии. М., 1988.

⁵ Багaley Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905). Т. 1–2. Харьков, 1905–1912.

⁶ Колокольцов В. Б. Опыт использования периодических и продолжающихся изданий в генеалогическом поиске // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1997. Вып. 8. С. 45–50.

⁷ СО. 1858. Ст. 22418

⁸ СОКПСД. 1885. III. 3189.

⁹ Там же. 1885. XV. 1185.

¹⁰ Там же. 1885. XVI. 2807.

¹¹ Шустов А. С. Санкт-петербургское биржевое купечество и торгово-промышленные предприятия города к 200-летию Петербурга. СПб., 1903.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 14 (Университет). Оп. 3. Д. 26176.

¹³ РГИА. Ф.1343. Оп. 39. Д. 2721.

М. А. Смирнова

МЕМУАРЫ ПЕТЕРБУРГСКИХ КУПЦОВ XIX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализ любого исторического источника невозможен без обращения к его историографии. Характеристика литературы, в которой представлен источник, дает представление об истории его бытования, времени и обстоятельствах введения в научный оборот, характере привлечения исследователями, методах и приемах работы с ним. Эти соображения справедливы и для изучения мемуаров петербургских купцов XIX в.

Данная группа источников появилась в исторических работах со второй половины 20-х гг. XX в. и была представлена в них в двух аспектах: мемуары купцов как исторический источник и мемуарные произведения конкретных авторов — представителей купеческого сословия как источник освещения определенной темы. По форме — это монографии и большей частью статьи по социально-экономической истории России, истории отечественного предпринимательства, петербургского купечества, а также книжного дела в России.

В обобщающих работах по социально-экономической истории России мемуары петербургских купцов привлекались мало. Чаще всего исследователи ограничивались цитированием одного-двух мемуарных произведений. Анализ источниковой базы большинства работ обнаруживает приоритет других видов источников перед мемуарными. Привлечение мемуаров купцов носило случайный характер.

Исключением можно считать капитальный труд Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи»¹. В разделах, посвященных купечеству и буржуазии, в качестве одного из основных источников присутствуют мемуары купцов. Миронов привлек их для освещения семейной, бытовой жизни торгового сословия, для анализа менталитета и культуры городских жителей. Определенное внимание исследователем было уделено мемуарам и дневникам петербургских купцов: приведены сведения из дневника купеческой дочери Ю. Е. Полиловой и мемуаров Г. Т. Полилова (Северцева), характеризующие традиции и нормы воспитания в петербургских купеческих семьях первой половины XIX в.

В работах по истории предпринимательства в России мемуары петербургских купцов как источник использовались чаще. Как правило, исследователями привлекались опубликованные мемуары предпринимателей, которые цитировались наравне с воспоминаниями представителей других социальных слоев.

Мемуарные произведения петербургских купцов присутствуют в монографии М. В. Брянцева, посвященной культуре русского купечества². Источниковая база представлена художественной литературой, мемуарами и дневниками купцов. М. В. Брянцев описал свою методику выявления мемуарных источников купцов, отметил их особенности как жанра литературы. Автором привлекались мемуары петербургских торговцев О. Д. Белянкина, И. Д. Ертова, выходцев из столичных купеческих семей Г. Т. Полилова (Северцева), Н. А. Лейкина и дневник купеческого сына А. Полилова. Брянцев цитировал фрагменты мемуаров, иллюстрирующие сюжеты из детства и юности авторов, провел параллели между свидетельствами разных источников, сделал замечания относительно достоверности их показаний.

Воспоминания Полилова (Северцева) и Лейкина нашли отражение в статье М. Н. Барышникова и К. К. Вишнякова-Вишневецкого, посвященной роли семейного фактора в российском предпринимательстве³. По мемуарам авторы проследили историю семейного дела рода Полиловых и Лейкиных. В статье приведены обширные цитаты из источников, критики достоверности привлекаемых свидетельств нет.

В монографии К. К. Вишнякова-Вишневецкого⁴ в качестве источников также присутствуют мемуары Полилова (Северцева) и Лейкина. В обзоре материалов исследования автор определил значение данных источников, а по тексту привел отдельные мемуарные свидетельства, сопровождая их комментариями.

Говоря о работах по истории купечества других городов России, следует обозначить статью О. Е. Ниловой, посвященную биографии московского книготорговца О. Л. Свешникова⁵. Обращаясь к малоизвестным аспектам торговой деятельности купца, исследователь привлекла в качестве источника воспоминания его однофамильца, петербургского букиниста Н. И. Свешникова⁶. Однако из данных мемуаров заимствован лишь один сюжет, причем без каких-либо комментариев и анализа.

Отдельно следует рассмотреть исследования, посвященные истории петербургского купечества. Они достаточно многочисленны: первые относятся к концу XIX в., но особый интерес к ним виден с 90-х гг. XX в.

Мемуарные произведения петербургских купцов XIX в. послужили основным источником в статье А. М. Конечного «Быт петербургского купечества»⁷. Она предваряет публикацию мемуаров Г. Т. Полилова (Северцева), Н. А. Лейкина и дневника Ю. Е. Полиловой, однако имеет при этом и самостоятельное значение. Автор отметил исключительное значение данных мемуаров, привел краткие сведения из биографии мемуаристов. Помимо воспоминаний Полилова (Северцева) и Лейкина, Конечный цитировал мемуары купца А. П. Березина, дневник Ю. Е. Полиловой, воспоминания о В. Ф. Громе, а также очерки выходца из петербургской купеческой семьи М. И. Пыляева и московского купца П. А. Бурьшкина. Автор ограничивался краткими комментариями к приводимым цитатам, поясняя устаревшие слова и понятия.

В ряде монографий и статей по истории петербургского купечества мемуары его представителей представлены в качестве одного из источников работы. Как правило, исследователи привлекали их для подтверждения отдельных положений и выводов, а зачастую цитировали в качестве иллюстрации. Иногда в подобных работах содержались оценки значимости мемуарных произведений купцов как источника изучения конкретных сюжетов. К таким исследованиям относится монография А. И. Османова «Петербургское купечество в последней четверти XVIII — начале XX века»⁸. Исследователь цитировал фрагменты мемуаров петербургских купцов ради примера, иногда сопровождая отрывок краткой фразой о мемуаристе и источнике, но чаще всего формулой «по воспоминаниям современников». Автором монографии привлечены мемуары Лейкина и Полилова (Северцева) и петербургского купца XVIII в. А. П. Березина. Цитаты достаточно многочисленны, это свидетельствует о весьма значительном месте мемуаров купцов в источниковой базе монографии, вместе с тем методы их исследования в ней не отражены.

В работах по истории петербургского купечества встречаются и отрывочные упоминания о мемуарной литературе купцов. Например, М. В. Иванов в статье, посвященной петербургским букинистам, многие сведения почерпнул из воспоминаний Н. И. Свешникова⁹. Тем не менее, оценок мемуарам букиниста автор не дал, анализа достоверности свидетельств источника в статье тоже нет. Точно так же в качестве иллюстрации к сюжету об ограничении торговых операций с Англией в начале XIX в. М. Н. Барышников цитировал мемуары Полилова (Северцева)¹⁰.

Одним из первых исследований по истории книги, в котором использованы мемуары петербургских книготорговцев XIX в., явилась монография М. В. Муратова «Книжное дело в России в XIX и XX веках»¹¹. В свете данного исследования интересно упоминание мемуаров Н. Г. Овсянникова, И. Т. Лисенкова и Н. И. Свешникова. Для освещения истории отечественного книжного дела Муратов не только привлек конкретные свидетельства из мемуаров книготорговцев, но и попытался дать оценку информативности и степени достоверности показаний источников.

Необходимо отметить также исследование И. Е. Баренбаума и Н. А. Костылевой «Книжный Петербург-Ленинград»¹². Описывая мир петербургских книготорговцев второй половины XIX в., авторы черпали сведения из мемуаров Н. И. Свешникова, подчеркнув их информативность и значимость для освещения темы. Ими также было упомянуто издание «Материалы для истории русской книжной торговли», в котором были опубликованы воспоминания Н. Г. Овсянникова и И. Т. Лисенкова.

Е. А. Динерштейн в статье, посвященной книгоиздательской деятельности М. О. Вольфа, сослался на мемуары петербургских книготорговцев Н. И. Свешникова и Н. Г. Овсянникова. Исследователь цитировал очерк букиниста Свешникова и его «Воспоминания пропавшего человека»¹³. При этом Динерштейн неверно указал инициалы мемуариста: «известный букинист Н. К. Свешников»¹⁴. Повествуя об издании Вольфом детской литературы, исследователь обратился к фрагменту воспоминаний Н. Г. Овсянникова, в котором мемуарист рассуждал о репертуаре детских книг, издаваемых в столице.

Специальных работ, рассматривающих мемуары петербургских купцов в качестве исторического источника, нет. Это вызвано несколькими причинами. Данные источники до недавнего времени были труднодоступны для исследователей: мемуары купцов в целом плохо сохранились, не существует ни одного указателя, в котором они были бы сведены воедино. К тому же купечество — это социальное явление, к культуре которого в обществе долгое время существовало если не негативное, то презрительное отношение; выражались сомнения по поводу образованности и нравственных качеств торговцев. Бытовало мнение, что к описанию собственной жизни более склонны государственные и общественные деятели, музыканты и литераторы, словом, люди интеллектуального труда.

Из работ, рассматривающих отдельные мемуарные произведения петербургских купцов, можно отметить статью М. В. Теплинского о воспоминаниях книготорговца И. Т. Лисенкова¹⁵. Интересны замечания исследователя о достоверности сведений источника: им было опубликовано письмо И. Т. Лисенкова издателю П. А. Ефремову, в котором мемуарист сообщил о судьбе рукописей издателя Федорова. Теплинский обоснованно отметил, что многие из фактов, описанных в воспоминаниях, Лисенков приукрасил¹⁶.

Далее следует отметить группу вступительных статей к публикациям мемуаров и дневников петербургских купцов. Как правило, все изданные в конце XX — начале XXI в. мемуарные произведения сопровождалось вступительными статьями и комментариями.

Анализ мемуаров Н. И. Свешникова как источника содержится во вступительной статье Л. Б. Модзалевского и С. П. Шестерикова¹⁷. В ней приведены биографические сведения о мемуаристе, а также показано источниковое значение данных воспоминаний. Авторы указали важнейшие особенности мемуаров и дали их археографическую характеристику. Второе исследование — статья А. И. Рейтבלата «Н. И. Свешников — книготорговец, мемуарист, пьяница»¹⁸. Автор дал подробный источниковедческий комментарий к воспоминаниям Свешникова: им освещена история создания и издания текста, приведены биографические сведения о мемуаристе, рассмотрен вопрос о достоверности свидетельств воспоминаний и их ценности для исторических исследований.

Мемуарам книготорговца Г. Ф. Курочкина также посвящены две статьи, предшествующие публикациям этого источника. Статья М. Я. Батасовой¹⁹ содержит сведения о биографии мемуариста, о его литературной деятельности, в том числе, и о создании мемуаров. Батасова не один раз подчеркнула связь мемуаров Курочкина с воспоминаниями Свешникова: их прочтение послужило мотивом для букиниста к записи своих собственных воспоминаний²⁰. В статье приведена информация об истории текста, о месте хранения рукописи воспоминаний, а также даны оценки отдельным мемуарным свидетельствам, подчеркнута их информативность и значение для исследований по истории книжной торговли. Вторая статья была написана А. И. Рейтблатом²¹. Исследователь рассмотрел мемуары Курочкина как важный источник по истории петербургской книжной торговли, дополняющий мемуарные свидетельства Свешникова, продолжив тем самым мысль Батасовой. Исследователь вкратце осветил вопрос о биографии мемуариста, о его литературной деятельности, об истории написания и бытования текста воспоминаний.

Публикацию мемуаров Н. Ф. Финдейзена предваряет статья М. Л. Космовской «Николай Федорович Финдейзен (1868–1928) и его воспоминания»²². В ней отражены все стороны биографии мемуариста, но основное внимание уделено двум аспектам жизни Финдейзена: его заслугам на поприще музыкальной критики и издательской деятельности, а также его архиву и мемуарам. Автор включила в статью археографическое предисловие, содержащее характеристику структуры фонда Финдейзена в Отделе рукописей РНБ (ф. 816), подробный обзор всех автобиографических произведений мемуариста, а также описание и историю текста рукописи «Из воспоминаний». Впервые опубликовав данный источник, Космовская при подготовке текста к изданию провела глубокий источниковедческий анализ памятника: были собраны биографические сведения об авторе, воссозданы мотивы написания произведения и этапы работы над ним, выделены ключевые сюжеты мемуаров, достоверность свидетельств проанализирована с привлечением других источников. Как итог — признание неоспоримой значимости воспоминаний Финдейзена для изучения самого широкого спектра вопросов.

Таким образом, научные публикации мемуаров петербургских купцов, начиная с 1930-х гг. и особенно в последней четверти XX — начале XXI в., сопровождалось вступительными статьями. Данные исследования являются основными источниковедческими работами, в которых мемуарные произведения петербургских купцов проанализированы как исторический источник.

Отдельно стоит рассмотреть статью А. Б. Рогачевского, посвященную переписке книготорговцев и издателей И. Т. Лисенкова, И. И. Глазунова и Я. А. Исакова²³. В ней автор уделил внимание публикации мемуаров Лисенкова, привлекая в качестве источника переписку мемуариста с издателями. Рогачевский обратил внимание на долгий путь воспоминаний к печати, привел некоторые факти-

ческие сведения о сроках и условиях издания, тираже публикации. Детального источниковедческого анализа воспоминаний в статье нет.

В историографическом обзоре следует учесть работы, посвященные изучению мемуаров купцов в целом. В ряде статей изложена методика источниковедческого анализа мемуарных материалов и, что особенно значимо для настоящего исследования, приемы работы с мемуарами купцов, продиктованные особенностями данных источников, главные из которых единичность и плохая сохранность.

В статье Б. Б. Кафенгауза «Купеческие мемуары»²⁴ впервые была описана методика и сформулированы задачи источниковедческого изучения подобных материалов. Проблемы их исследования как источника нашли отражение в предисловии к сборнику «Купеческие мемуары и дневники конца XVIII — первой половины XIX века»²⁵ и в статье А. И. Аксенова, представляющей собой обзор мемуаров купцов, хранящихся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки²⁶.

Таким образом, мемуарные произведения петербургских купцов XIX в. представлены в отечественной историографии по-разному. Одни источники никогда не привлекались исследователями, другие присутствуют во многих работах. Впервые мемуары петербургских купцов фигурируют как источник в исследованиях 20-х гг. XX в. Всплеск интереса к данным материалам приходится на 90-е гг. XX в. и не прекращается до сегодняшнего времени. Анализ тематики работ показал, что в наибольшей степени мемуары петербургских купцов привлекались в исследованиях по истории менталитета, культуры и быта купечества. В них рассматриваемые произведения выступили если не главным, то одним из основных источников. В литературе по социально-экономической истории России мемуары петербургских купцов представлены мало, выводы о тенденциях их привлечения сделать сложно. Наконец, данные мемуарные источники использовались в работах по истории книжного дела и в биографических исследованиях. Методика работы с купеческими мемуарами нашла отражение в нескольких работах, начиная со статьи Б. Б. Кафенгауза. При этом следует подчеркнуть отсутствие единого обобщающего исследования, содержащего источниковедческий анализ мемуаров петербургских купцов XIX в.

Примечания

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократ. семьи, гражд. общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2003.

² Брянцев М. В. Культура русского купечества (воспитание и образование). Брянск, 1999.

³ Барышников М. Н., Вишняков-Вишневецкий К. К. Семейный фактор в развитии российского предпринимательства в XIX — начале XX века // ЭКО. 2004. № 7. С. 177–189.

⁴ Вишняков-Вишневецкий К. К. Иностранцы в структуре Санкт-Петербургского предпринимательства во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2004.

⁵ Нилова О. Е. Московский книгопродавец О. Л. Свешников (профессиональная деятельность в первой четверти XIX века) // Менталитет и культура предпринимателей России XVII–XIX вв.: Сб. ст. М., 1996. С. 58–82.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Конечный А. М. Быт петербургского купечества // Петербургское купечество в XIX веке / Вступит. статья, сост. и примеч. А. М. Конечного. СПб., 2003. С. 5–42.

⁸ Османов А. И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII — начале XX века. СПб., 2005.

⁹ Иванов М. В. Петербургские букинисты в XIX — начале XX в. // Предпринимательство и общественная жизнь Петербурга: Очерки истории: Сб. ст. СПб., 2003. Вып. 2. С. 160–161.

¹⁰ Барышников М. Н. Иностранцы-предприниматели в Петербурге в первой половине XIX века // Там же. С. 5.

¹¹ Муратов М. В. Книжное дело в России в XIX и XX веках: Очерк истории книгоиздательства и книготорговли: 1800–1917 гг. М.; Л., 1931.

¹² Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург-Ленинград. Л., 1986.

¹³ Динерштейн Е. А. Петербургский издатель М. О. Вольф: (К 150-летию с начала издат. деятельности) // Книга: Исслед. и материалы: Сб. М., 1999. Вып. 76. С. 132–133.

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Теплинский М. В. И. Т. Лисенков и его литературные воспоминания // Русская литература. 1971. № 2. С. 108–113.

¹⁶ Там же. С. 112–113.

¹⁷ Модзалевский Л. Б., Шестериков С. П. Предисловие // Свешников Н. И. Воспоминания пропавшего человека: С прил. очерка Н. С. Лескова «Спиридоны-повороты» / Ред., предисл. и примеч. Л. Б. Модзалевского и С. П. Шестерикова. М.; Л., 1930. С. 5–11.

¹⁸ Рейтблат А. И. Н. И. Свешников — книготорговец, мемуарист, пьяница // Свешников Н. И. Воспоминания пропавшего человека / Подгот. текста, сост., вступит. статья, коммент. А. И. Рейтבלата. М., 1996. С. 5–10.

¹⁹ Батасова М. Я. [Вступит. ст.] // Курочкин Г. Ф. Воспоминания старого букиниста / Вступит. статья, подгот. текста и примеч. М. [Я.] Батасовой // Альманах библиофила. М., 1980. Вып. 9. С. 249–250.

²⁰ Там же. С. 249.

- ²¹ Рейтблат А. И. [Вступит. ст.] // Курочкин Г. Ф. Воспоминания старого букиниста / Предисл., подгот. текста и коммент. А. И. Рейтבלата // Книжное дело. 1994. № 5. С. 51.
- ²² Космовская М. Л. Николай Федорович Финдейзен (1868–1928) и его воспоминания // Рукописные памятники. СПб., 2004. Вып. 8. С. 7–52.
- ²³ Рогачевский А. Б. Между нами, книгопродавцами...: (Письма И. Т. Лисенкова И. И. Глазунову и Я. А. Исакову) // Книжное дело в России во второй половине XIX — начале XX века: Сб. науч. тр. СПб., 1994. С. 46–49.
- ²⁴ Кафенгауз Б. Б. Купеческие мемуары // Московский край в его прошлом: Очерки по соц. и экон. истории XVI–XIX вв. / Под ред. С. В. Бахрушина. М., 1928. С. 105–128.
- ²⁵ Семенова А. В., Аксенов А. И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII — первой половины XIX века. М., 2007. С. 3–10.
- ²⁶ Аксенов А. И. Купеческие мемуары из собраний ОР РГБ: (Археогр. заметки) // Российская реальность конца XVI — первой половины XIX в.: Экономика. Обществ. строй. Культура: Сб. к 80-летию Ю. А. Тихонова. М., 2007. С. 290–302.

Д. Н. Шилов

МАТЕРИАЛЫ К «РУССКОМУ ПРОВИНЦИАЛЬНОМУ НЕКРОПОЛЮ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАК ИСТОЧНИК БИОГРАФИЧЕСКИХ И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ СВЕДЕНИЙ О РОССИЙСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ

Историкам, генеалогам и краеведам хорошо известны тома некрополей Москвы, Петербурга, северных губерний России, подготовленные и опубликованные в начале XX в. по инициативе видного историка и организатора науки великого князя Николая Михайловича¹. Издания эти ныне представляют собой уникальный источник сведений о дореволюционных деятелях Российской империи, поскольку подавляющее большинство описанных в них надгробий в настоящее время утрачено. Сбор и публикация данных велись по заранее намеченному плану, который не был выполнен до конца. Кроме Москвы и Петербурга, были опубликованы материалы только по северному региону — Архангельской, Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Санкт-Петербургской, Тверской и Ярославской губ.

Сбор материала для некрополей Москвы и Петербурга производился профессиональными учеными (В. И. Сайтовым и Б. Л. Модзалевским) в основном путем натуральных обследований кладбищ. Описать подобным же образом многие тысячи провинциальных погостов было невозможно, вследствие чего великий князь Николай Михайлович вошел по этому поводу в официальную переписку с руководством ведомства православного исповедания. Ее результатом стал указ Св. Синода от 29 ноября 1908 г., которым всем епархиальным начальствам и монастырям предписывалось организовать составление «списков лиц, погребенных в церквях и на кладбищах, с точным обозначением надгробных надписей, сохранившихся на могилах духовных лиц, дворян и наиболее крупных местных общественных деятелей купеческого и других сословий»². В марте 1910 г. указ был подтвержден, а по епархиям разослана инструкция, подробно разъяснявшая, какие именно сведения и о каких лицах требуются. В ней были указаны восемь категорий лиц, подлежащих внесению в будущее издание. Шестая и седьмая («Лица, принадлежащие к местным старым купеческим родам» и «Лица, известные благотворительностью, основатели благотворительных и просветительных учреждений и наиболее крупные жертвователи») предполагали присылку сведений о купечестве. Отчасти последнее попадало и в пятую категорию, где числились деятели земского и городского самоуправления, «банковые и вообще финансовые деятели, директора и члены наиболее крупных торговых-промышленных фирм, фабриканты, железнодорожные деятели»³.

Собранные сведения предписывалось препровождать непосредственно в Управление делами великого князя в Петербурге. Работу по рассмотрению присылаемых донесений и переписке с их составителями великий князь поручил двум профессиональным архивистам — А. А. Гоздово-Голомбиевскому и В. В. Шереметевскому.

В организации работы создатели «Русского провинциального некрополя» столкнулись с серьезными трудностями. Действовать приходилось бюрократическим путем, посылая постоянные напоминания и разъяснения. Главный и неизбежный недостаток сотрудничества с местными причтами (а именно они явились непосредственными исполнителями описаний на местах) заключался «в невозможности проверить добросовестность составителей донесений». В своем отчете о ходе работ над «Русским провинциальным некрополем» за 1910 г. Шереметевский отмечал в присланных материалах нередкие «случаи явной небрежности: донесения пишутся очень неразборчиво, криво, на клоч-

ках, с ошибками в титулах; во многих донесениях заметно недобросовестное стремление отписаться во что бы то ни стало от неприятного поручения»⁴. Часть священнослужителей неверно поняла требования властей: вместо дословного изложения надгробных надписей с биографическими сведениями о похороненных присылались архитектурные описания памятников; другие полагали излишним включать в донесения женщин, детей, родственников бывших хозяев усыпальниц; третьи считали целью организаторов «Некрополя» сбор эпитафий и на этом основании не присылали надписи, содержащие только даты рождения и смерти, полагая их «обыкновенными». Более добросовестны оказались списки, присланные сельскими священниками; духовенство же крупных городских центров (например, Харькова, Одессы), не желая обследовать местные многотысячные кладбища, ограничивалось несколькими десятками фамилий и в ответ на присылаемые запросы, «что должны быть еще покойники», упорно твердило, «что покойников больше нет».

Как уже указывалось, издан был только один том, но материал для всех последующих был также собран. По-видимому, основная его часть сохранилась в фондах РГИА в Петербурге и РГАДА в Москве. Списки погребенных составляют более 60 дел размером от нескольких десятков до сотен листов. Общий объем содержащихся в них имен по предварительным подсчетам достигает 51,5 тыс.

Методика их обработки Шереметевским была следующей: материалы рассматривались (в случае неполноты отсылались обратно с вопросами), распределялись по губерниям, размечались, нужные сведения выписывались на карточки. После этого те куски донесений, которые были слишком обширны для переписки, но удобны для вырезки, вырезались и вставлялись в общий алфавитный ряд. Параллельно происходила выписка сведений из печатных источников. По окончании обработки всех предполагаемых источников информации собранная масса карточек распределялась по буквам, а затем по слогам и выстраивалась в общий алфавитный ряд. Исползованные подлинники не сохранялись.

Сохранившаяся на подлинных донесениях разметка Шереметевского показывает, что отбор материала для публикации был весьма жестким: отсутствие дат, имени-отчества, фамилии, указания на сословную принадлежность, чин приводило к тому, что лицо исключалось из будущего издания. Поскольку во главу угла при отборе персон составителями был поставлен «сословно-генеалогический» принцип, то почти не попадали в предположенные к публикации списки захоронения крестьян, солдат, незначительных мещан, диаконов, причетников, псаломщиков и т. д. Как следует из отчета за 1910 г. и анализа редакторской разметки, не интересовали составителя и различные мелкие историко-бытовые подробности, содержащиеся в присылаемых донесениях: анекдоты, характеристики, дополнительные данные о жизни погребенных, памятниках, церквях.

Купечество в отношении включения в будущее издание находилось в промежуточном положении. Безусловно попадали в него те лица, на сословное положение которых в донесениях существовали прямые указания: «купец», «купец такой-то гильдии» и проч. Члены же семей купцов (жены, вдовы, дети) — далеко не всегда, а при отсутствии прямого указания на родство с купцом — обычно исключались из издания. В целом, по очень приблизительным подсчетам доля купечества в сохранившихся в архивах подлинных донесениях из великороссийских губерний колеблется в промежутке 7–10 % от общего количества имен.

Большинство присланных из епархий надгробных надписей на могилах купцов и их родственников содержали сведения лишь о времени их жизни и краткое указание на общественный статус. Часто к тексту эпитафии присоединялось описание памятника:

«Памятник в виде пирамиды, мраморный, серого цвета. На лицевой стороне надпись: *“Под сим камнем покоится тело купеческой жены Матроны Моисеевны Богдаринной, скончавшейся 21 февраля 1904 года, жития ее был 81 год”*»⁵.

Иногда надгробная надпись излагала обстоятельства кончины и погребения, краткие биографические сведения:

«Памятник в виде гробницы, сложенный из кирпича, и на ней лежит плита из серого камня с надписью: *“Здесь погребено тело костромского купца Михаила Федоровича Солодовникова, ехавши с ярмарки от Макарья скончався 3 августа 1806 года, жития его было 47 лет и 7 месяцев”*»⁶.

«Здесь погребено тело балахнинского купца и степенного гражданина Александра Алексеича Плотникова. Родился 1825 года 9-го марта, скончался 1884 года 2-го октября. Прослужил церковным старостой при сей церкви с 1857 года в продолжении 27 лет. Жития его было 59 лет 7 месяцев (на лицевой стороне). Погребение совершал преосвященный Макарий епископ Нижегородский и Арзамасский 1884 года 5 октября (на обратной стороне)»⁷.

Об Иване Петровиче Попове, не имевшем надгробной надписи, причт доносил от себя: «Богатый купец, церковный староста кладбищенской церкви, благоустроитель кладбища. Намеревался вы-

строить великолепный храм, выправлен был уже план; но, застрелившийся, не привел своего намерения в исполнение»⁸.

Многие донесения содержат подробную информацию о благотворительной деятельности купечества.

Так, о камышинских купцах Егоре Петровиче и его сыне Михаиле Егоровиче Ковалевых причт сообщал, что усердием первого «сделан придел в Соборном храме в честь св. вел[икомученика] Георгия, им же пожертвовано в три церкви г. Камышина на вечное поминовение пять тысяч рублей»; и что по старанию второго «положено основание собора (нового), устроена ограда Никольской церкви, устроена богадельня в г. Камышине, а также устроен на его иждивение в Вознесенском соборе г. Камышина придел во имя св. великомученика Пантелеймона»⁹. О погребенном в Елабуге рядом со знаменитой Н. А. Дуровой купце 1-й гильдии и городском голове Феодоре Прохоровиче Гирбасове указывалось: «Благотворитель, преимущественно на дело народного образования. Выстроил на свои средства богатые здания для ремесленного училища, училища слепых, несколько зданий для начальных земских школ, две ц[ерковно]-приходских школы, обеспечивший последние, оставив капитал на содержание их 20000 руб. Вложил солидный капитал в Благотворительный комитет г. Елабуги, дабы % с сего капитала выдавать на дела благотворения. <...> Выстроил большой каменный дом для отделения душевнобольных, стоивший более 10 тысяч»¹⁰.

Нередко отсутствие информации на надгробии восполнялось местным преданием.

Так, причт Архангельской церкви села Городец Балахнинского у. Нижегородской губ. писал, что для него «имеет значение и дорог самый обыкновенный (из каменных плит и без надписи) памятник умершего (1896 г.) прихожанина и церковного старосты балахнинского купца Константина Васильева Кузнецова тем, что и в малую бытность свою церковным старостою он, Кузнецов, для Архангельской церкви (для ее благоуукрашения внешнего и внутреннего ризницею и утварью) пожертвовал из своих средств до десяти тысяч рублей»¹¹.

Особенно интересны в различных аспектах немногочисленные, к сожалению, надгробные надписи XVIII столетия. Таково, например, описание памятника жены и детей московского купца Гостиной сотни Петра Федоровича Козмина, похороненных при Воскресенском соборе Вятки. Умершая в 1715 г. Анна Симеоновна Козмина была первоначально погребена в церковной ограде, «потом, когда у собора была сделана пристройка, могила ее оказалась под колокольней». Часть же надгробного памятника с надписью была вложена в стену на паперти собора и представляет собой любопытный образец старинной эпитафии:

*«Стани zde, человеce, и ко гробу сему присмотрися,
Яко мати с детми в месте сем положися,
А с нею два суцци — сын Григорий и дщерь Мария,
Но не зрелых младенцев прияла сия могила,
А по них умре и мати, Симеонова дщерь, Анна
Сия, юже нечаянно постиже смертная година,
Супруга бывшая московского купца Гостиной сотни
Петра Федорова, прозванием Козмины,
Живши в девстве 18 лет 4 месяца и 17 дней,
С мужем 14 лет и 1 месяц, 5 дней,
Оставивши сей маловременный свет 1715 года,
Юже восхити отсюда смертная невзгода,
На память преподобного отца нашего Ануфрия великого,
Ко Господу всех Творцу Богу судьбами тако изволившу,
В 12 часу дни, в последней четверти из тела темницы изведу.
Молю всех чтущих помолитися Господу Богу,
Да изволит сих вселити в царствие небесное и радость премногу»¹².*

Другая купеческая надгробная надпись XVIII в. (на наружной стене церкви в Желтоводском Троицком женском монастыре в Макарьевском у. Нижегородской губ.) представляет собой краткое стихотворное жизнеописание:

«Любезный ближний мой, что зришь на камень сей, Иль хочешь знать, кто я? Кем в жизни был моей? Купцом иркутским именовался. Благочестивыми родители рожден, С которыми теперь стал вовсе разлучен. По обычайному купеческому долгу Приехал я сюда для производства торгу, Потом случилось так, что странною судьбой Мне суждено здесь смертный взять покой. И беременная плоть моя, волнами измовенна, Лежит под камнем, навеки сокровенна. Тебя, взирающий, душой моей

прошу Пролить усердно к всевышнему Творцу... неразборчиво¹³. Родился в Иркутске 1770 г. 20-го июня, утонул у Макарья 1794 г. июля 30-го».

Стихотворные эпитафии XIX столетия, особенно его второй половины, более просты и стандартизированы.

«Здесь прах покоится отца, Носившего ярем Христов, От юных лет и до конца Под игом жизненных крестов. Его началом бытия Был горький крест сиротства С дней юных жития Лишен он был довольства. Еще быв юный и без сил, Но с упованием на Бога, Он всякий труд переносил, Везде ему была дорога: Земным он плугом управлял, Заволжский путь происпытал, Долг семьянина исполнял, Сирот своих он воспитал. За то и Бог его благословил, Детьми и счастьем наградил, Путем торговли честной В звание купца возвел, В награду ж жизни крестной Его в небесно царство ввел» (памятник орловского [Вятской губ.] купца 3-й гильдии Василия Гавриловича Лобастова)¹⁴.

«Балахнинский купец Матвей Гаврилович Митюков, скончался 20 ноября 1880 года, жития его было 56 лет» (на лицевой стороне). *«Здесь покоится раба Матвея прах. При жизни никому пощивший не был враг, И жизнь его была пример для многих, Для семьянина, гражданина и купца. За любовь и доброту его ко всем Провидение удостоило его мирного конца, Счастливо устроив семью его во всем»* (на восточной стороне)¹⁵.

Описания родовых погребений российских купцов нередко представляют собой целые семейные истории, где строчки надгробий существенно дополняются сведениями местных преданий. Как пример, приведем донесение, в котором содержалась информация об известных слободских (Вятской губ.) купцах Анфилатовых. Здесь и своеобразные стихотворные эпитафии XVIII в.:

«Деревни Вагинской жилаец, Крестьянин, суций земледелец, Четвертый сын Феофилактов Иван лежит здесь Анфилатов, Стал зритель божиего света С семьсот одиннадцатого лета, День именин своих творя Святить седьмого генваря. Здесь шестьдесят шесть лет он тцался Согласно вере жить святой, В десятый марта день скончался, В год семьсот семьдесят седьмой. По нем два сына и три дщери, Оставшись, молятся Творцу: “Отверзи, Боже, неба двери Отшедшему от нас отцу”. В 1777 году марта 10 дня».

И обычные сухие строки надгробия:

«Марианна Феодорова жена Ивана Анфилатова, упокоилась 75 лет, после христианской непостыдной супружеской жизни».

И исторические сведения о торговой деятельности и благотворительности:

«1791 году сентября 10 дня. Лежа безгласным, камень сей Мимоходящим объявляет, Что Анфилатов Алексей Здесь во гробе почивает. Деревни Вагинской жилаец, Потом был слободской купец И бедным помогал в крестьянстве, И строил он сей храм святой, Две службы совершил в гражданстве, В год помре пятьдесят шестой. Родился в 1735 года марте месяце, тезоименитство его 17-го марта». «Алексей Иванов Анфилатов, — сообщали далее от себя члены причта, — строитель замечательного по своей архитектуре Благовещенского храма, украсивший церковь новым оригинальным железным паникадиллом и пожертвовавший всю утварь церковную, составил громадный по тогдашнему времени капитал от хлебной торговли».

И драматические истории:

«Здесь покоится тело Александра Алексеева сына Анфилатова с 1758 года 23 ноября. Жизнь его прекращена на 27 году злодейским образом. Работник Марихин в гумне немилосердно и бесчеловечно в грудь ножом пронзил и в одну минуту его умертвил, за что убийца жестоко наказан и в ссылку сослан».

Завершался же перечень семейных погребений Анфилатовых местным преданием из истории рода:

«Род Анфилатовых замечателен тем, что из простых крестьян они сделались купцами города Слободского ради своей предприимчивости: вели хлебную торговлю с юго-восточными губерниями России, с Сибирью и даже с английскими купцами. Один же из них, Ксенофонт Алексеевич, “на пользу своих слободских граждан” основал Общественный банк. Представляя из себя богатырскую, крепкую, вполне русскую натуру, Анфилатовы отличались от прочих крестьян своим громадным ростом и своею тучностью и силою. В настоящее время род Анфилатовых еще не очень измельчал, и все они рослые и сильные. Известно, например, что Василий Иванович Анфилатов, внук строителя храма Алексея Ивановича, весом был 12-ть пудов, а пятипудовый мешок муки, не завязанный, взявши за устье (верх мешка), обносил кругом себя три раза, не усиливаясь: память об этом еще так жива в народе. Все Анфилатовы многосемейны. <...> Все памятники на их могилах сделаны из цельной опочной плиты, лежащей формы, украшены обыкновенными вырезными крестом, копьём и губкой на

трости, по бокам обведены лавровыми венками из того же камня, ото времени надпись уже местами стерлась совсем»¹⁶.

В целом, приведенный материал демонстрирует, что подлинные списки и донесения для «Русского провинциального некрополя» — гораздо более содержательный и насыщенный источник по биографии, генеалогии, быту и культуре российского купечества, нежели выбранные из них данные, опубликованные в изданных томах некрополей великого князя Николая Михайловича. В настоящее время ведется подготовка к изданию первого тома «Материалов к “Русскому провинциальному некрополю”», в который войдут данные по шести губерниям Поволжья — Астраханской, Вятской, Нижегородской, Самарской, Саратовской и Симбирской. В соответствии с принятыми принципами публикации в нем будут отражаться не только все биографические, архитектурные, бытовые и культурно-исторические подробности, отсекавшиеся в изданиях начала XX в., но и воспроизводиться содержащиеся в донесениях подлинные надгробные надписи, представляющие как несомненный исторический, этнографический, литературоведческий интерес, так и мемориальное значение для возможного восстановления надгробных памятников, ныне почти повсеместно утраченных.

Примечания

¹ Московский некрополь. СПб., 1907–1908. Т. 1–3; Петербургский некрополь. СПб., 1912–1913. Т. 1–4; Русский провинциальный некрополь. М., 1914. Т. 1.

² РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

³ Там же. Оп. 1. Д. 1103. Л. 7–7 об.

⁴ Там же. Л. 21 об.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 5 об. Здесь и далее курсивом даны подлинные тексты надгробных надписей.

⁶ Там же. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 52.

⁸ Там же. Д. 32. Л. 246.

⁹ Там же. Л. 113.

¹⁰ Там же. Д. 8. Л. 11.

¹¹ Там же. Д. 22. Л. 7.

¹² Там же. Д. 9. Л. 11.

¹³ Примечание составителя донесения.

¹⁴ РГИА. Ф. 549. Оп. 2. Д. 9. Л. 92.

¹⁵ Там же. Д. 22. Л. 10.

¹⁶ Там же. Д. 55. Л. 239–240.

А. В. Мельников

«ЗАПИСКИ ТАЙНОГО СОВЕТНИКА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КАЧАЛОВА» — МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМОЖЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1870–1880-х гг.

В 1870–1882 гг. главным учреждением по управлению таможенным делом и карантинной частью в Российской империи — Департаментом таможенных сборов Министерства финансов руководил тайный советник (с 1875 г.) Николай Александрович Качалов (1818–1891). Он принадлежал к старинному дворянскому роду, внесенному в родословную книгу Новгородской губ. В 1836 г. Качалов по семейной традиции окончил Морской кадетский корпус и, прослужив во флоте до 1845 г., в чине капитан-лейтенанта вышел в отставку, после чего поселился в своем имении в Белозерском у. Новгородской губ. В 1854–1862 гг. он состоял в должности по выбору предводителя дворянства Белозерского у., а 1865 г. был избран председателем открывшейся первой Новгородской земской губернской управы и избран депутатом от дворянства. Особенно деятельно в эти годы Качалов проявил себя в организации мероприятий по улучшению народного здоровья и школьного дела. В должности председателя управы он участвовал в работах учрежденной под председательством наследника цесаревича (будущего императора Александра III) комиссии по доставлению помощи жителям северной России, пострадавшим от неурожая. В 1868 г. Качалов был произведен в действительные статские советники, а 24 мая 1869 г. назначен архангельским губернатором. В выпавший короткий срок управления губернией он сумел подробно исполнить данное ему императором Александром II распоряжение изучить состояние экономики северного края и высказать свои предположения по улучше-

нию нужд его населения, о чем докладывал государю лично в феврале 1870 г. (показательно и то, что Качалову в 1871 г. присвоено звание почетного гражданина городов Архангельска и Кеми).

Тогда же министр финансов М. Х. Рейтерн предложил Качалову должность директора Департамента таможенных сборов, в которую он и вступил в конце 1870 г. Оставив согласно прошению эту должность в феврале (по другим сведениям в апреле) 1882 г., Качалов был назначен состоять членом совета министра финансов. Такова в общих чертах его служебная карьера.

В одном из газетных некрологов о Качалове сообщалось, что им были написаны мемуары¹. Во многом на основании их, что специально отмечено и в пристатейной библиографии, была впоследствии подготовлена анонимная заметка о Качалове в «Русском биографическом словаре», в которой специально подчеркивалось, что «Н. А. Качалов оставил после себя обширные записки обо всей своей служебной деятельности, написанные в 1883–1888 гг., заключающие драгоценные данные об императоре Александре Александровиче, благосклонностью которого он долго пользовался и к которому со своей стороны питал особенную преданность и любовь»². Таким образом, сведения о мемуарах Качалова не единожды сообщались в печати, но вопрос об их опубликовании был поднят уже в предреволюционные годы.

Вероятно, около 1916 г. дочь Качалова, Мария Николаевна Шульман, обратилась к одному из соредкторов и издателей журнала «Голос минувшего» историку В. И. Семевскому с предложением опубликовать мемуары отца на страницах журнала. Материал, представлявший безусловную историческую ценность, был оперативно отредактирован, и печатание записок началось. В одном из писем по получении корректуры мемуаров дочь, по-видимому, в ответ на вопрос издателя о необходимости ряда сокращений при публикации в журнале, просила «не беспокоиться эти вопросом и взять в свои опытные руки дальнейшее издание записок, Ваше чутье и деликатность подскажут Вам, что следует выпустить и какие имена обозначить инициалами. Принимая во внимание, что записки писались для семьи прямо набело, без поправок, мне кажется, следовало кое-где сгладить шероховатости слога»³. В четырех номерах журнала в течение 1916–1917 гг. были опубликованы фрагменты мемуаров о детстве, годах обучения в Морском кадетском корпусе и службы во флоте, жизни в деревне до отмены крепостного права и в первые годы после оглашения манифеста 19 февраля 1861 г.⁴

После кончины в 1916 г. В. И. Семевского архив его и редакционные материалы журнала были сосредоточены С. П. Мельгуновым в Москве. В 1922 г. Мельгунов был выслан из Советской России, архив его и библиотека конфискованы и переданы на хранение в Библиотеку Коммунистической академии, составив впоследствии так называемый «Архив Семевского»⁵, откуда последний в 1956 г. поступил в Архив Академии наук СССР (части фонда, в особенности в 1920–1930-х гг., передавались и в ряд других музеев и архивов). После реформирования его в Архиве Академии наук СССР (ныне Архив РАН) в 1960-е гг. было образовано три архивных фонда: В. И. Семевского (Ф. 489. Оп. 1–4), С. П. Мельгунова (Ф. 647. Оп. 1) и Редакции журнала «Голос минувшего» (Ф. 646. Оп. 1)⁶.

В составе последнего фонда и находится рукопись «Записок тайного советника Николая Александровича Качалова». Пять обширных тетрадей составляют пять единиц хранения⁷. Допустимо полагать, что это копия. Рукопись написана несколькими почерками (не схожими с почерком Н. А. Качалова), разными чернилами. Сам автор в конце воспоминаний отмечает: «Описав важнейшие обстоятельства моей службы и вообще моей жизни, я примусь перечитывать вышенаписанное и дополнять, что припомню. Желательно по исправлению 4[-х] написанных тетрадей, переписать четко имеющего хороший почерк. Я пишу мелко и строка довольно часто (sic!) и чтобы не затруднить переписчика дополнениями, я завел 5[-ю] тетрадь, для помещения собственно дополнений. Страницы этой тетради перенумерованы и будет указан № страницы, где помещено данное дополнение; толковый переписчик по смыслу не может ошибиться и поставить дополнение не на своем месте»⁸. Таких помет со ссылками на 5-ю тетрадь в рукописи нам не встретилось. «Тетрадь 4-ая» начинается уже с середины тетради⁹ и т. д. Рукопись сохранилась полностью за утратой трех листов¹⁰. По рукописи заметны следы редакторской правки карандашом: преимущественно обширные зачеркивания целых страниц с целью сокращения частей текста, которые не предполагалось публиковать в «Голосе минувшего».

Согласно предварительным расчетам, сохранившимся при рукописи, с опущением ряда мест, повторов, пространных отступлений, сведений семейного и личного характера и т. п. публикация должна была составить около 16 печатных листов¹¹. Безусловно, рассчитывали издать и часть мемуаров с описанием службы Качалова на посту директора Департамента таможенных сборов, но в год революции преимущественное внимание в журнале было обращено на материалы, связанные с революционными событиями. Возможно, это могло послужить одной из причин того, что печатание записок было прекращено.

Качалов так определяет побудительные мотивы, подвигнувшие его 28 апреля 1882 г.¹² начать работу над воспоминаниями: «Достигнув 64-летнего возраста, я постоянно был занят службой государственной, общественной и, при большом семействе, домашними делами и мало имел свободного

времени. В настоящее время, по совершенно различным взглядам с министром финансов Николаем Христиановичем Бунге на управление таможенной частью, я вынужден оставить должность директора департамента таможенных сборов, которую занимал 12 [лет], и назначен состоять при министре финансов без определенных занятий. Ежели Господь допустит еще пожить, и я успею дописать эти записки, то будет описана моя служба по управлению таможенным ведомством и причины, по которым я оставил эту службу. В настоящее время у меня много свободного времени, которое посвящалось служебным занятиям; привыкнув к ежедневным письменным трудам, мне необходимо отыскать серьезное дело, которое бы занимало меня в свободное время. В этих поисках, я остановился на мысли приняться за составление записок о всем, что припомню мною виденном и испытанном до сего времени. Мне пришлось прожить, и большею частью быть даже деятелем, в весьма любопытную эпоху, когда Россия начала перестраиваться под впечатлением новых идей и новых требований жизни, что при громадности нашего государства составляет грандиозное и любопытное явление!

Мысль вести записки подкрепили мои дети, которым я рассказывал некоторые эпизоды моей жизни, и, не смотря на то, что прошло сравнительно немного времени, они меня выслушивали с большим интересом. Я начал понимать окружающие меня явления жизни с конца царствования Александра I; в царствование императора Николая был уже офицером флота, а потом предводителем дворянства Новгородской губернии, Белозерского уезда. В царствование Александра II председателем Новгородской губернской земской управы, архангельским губернатором и директором департамента таможенных сборов, и в этой должности пробыл первый год царствования Александра III. В продолжение этого времени многое пришлось видеть и многое испытать, но чтобы по возможности припомнить отдаленное прошлое, я должен начать с моего детства, из которого, конечно, я могу припомнить немного; но жаль упустить и это немного, так как я все-таки могу припомнить, хоть в общих чертах, о быте помещиков 20-х годов, о положении крепостных людей и отношениях их к помещикам.

Начинаю эти записки не для печати, а единственно для моего семейства, а потому буду писать без всякой системы и, не стесняясь, сущую правду, т. е. как я понимал и как мне казалось. Конечно, я могу ошибаться, многое позабыть и кое-что перепутать, за что простят старика!»¹³

Если побудительным мотивом для автора и послужили расспросы близких родных, и не единожды он считает возможным отметить, что пишет «не для печати» или «оглашения»¹⁴, а «единственно для моего семейства», то в предисловии все же ясно чувствуется, что его государственная и общественная деятельность, сведения им сообщаемые, представляют интерес и для значительно более широкого круга лиц.

В годы управления Качаловым Департаментом таможенных сборов в ведении учреждения находилась разработка таможенного законодательства, устройство таможенных учреждений, заведование карантинными учреждениями на Северном Кавказе, в Туркестанском генерал-губернаторстве, строительство таможенных учреждений и их ревизия, борьба с контрабандой, статистика внешней и внутренней торговли, департаменту подчинен был корпус пограничной стражи и т. д.¹⁵ Для Качалова подобная деятельность была внове. Как он сам вспоминал: «Приступая к описанию <...> моей деятельности по таможенной службе, я не могу надивиться моей смелости, взять на себя управление такой громадной и совершенно незнакомой мне части! Объяснение нахожу в том, что у нас постоянно это практикуется по всем ведомствам, и примеры эти дали мне смелость. Я, конечно, не буду касаться того, хорошо или дурно управлял делами и людьми таможенного ведомства, судить об этом я не имею ни права, ни возможности, но сознаю, что таможенная моя деятельность подлежит большой критике, которой я смиренно покоряюсь, имея одно утешение, что служил, как умел и сознательно не делал зла. На этом основании, я буду описывать общие, служебные вопросы и обстоятельства, лично до меня и моего семейства касающиеся»¹⁶.

В мемуарах Качалова приведены данные о введении в России взимания таможенных пошлин золотом, подробности об устройстве пограничной стражи с чисто бытовыми сюжетами — об организации продовольствия, приобретении лошадей, обмундировании, педагогическом процессе в учебных командах. Пограничная стража — это «излюбленный предмет»¹⁷ Качалова. Он внимательно заботился об организации ее, по его инициативе были учреждены два училища для детей таможенных служащих, по западным границам открыты православные храмы.

При Качалове было устроено порто-франко в Батуме, а таможенная часть на Кавказе, имевшая существенные особенности в управлении, приведена в подчинение общеимперской. При этом руководителю департамента приходилось сталкиваться и с серьезным сопротивлением наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича, у которого «были отдельные управления по всем частям и министры не имели права вмешиваться в эти управления до такой степени, что высочайшие повеления, последовавшие по министерствам, были не обязательны для Кавказа, ежели они были испроше-

ны без согласия наместника»¹⁸. Качалов добился строительства новых таможенных зданий в Риге, Санкт-Петербурге, Москве.

В тексте мемуаров содержатся яркие, зачастую субъективные, а иногда и безжалостные характеристики и мелкого чиновничества, и представителей государственно-политической элиты, с которыми автору приходилось соприкасаться по таможенной службе. К примеру, министров финансов М. Х. Рейтерна, С. А. Грейга, А. А. Абазы, Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского, при которых Качалову довелось служить; директоров Департамента таможенных сборов князя Д. А. Оболенского и Ф. И. Тухолки; императоров, великих князей, К. П. Победоносцева и др. Критика источниковедческой достоверности воспоминаний Качалова, писавшего в основном по памяти, необходимым условием предполагает сопоставительное изучение и делопроизводственных источников, и однотипных мемуарных свидетельств¹⁹ с подробным комментарием.

Безусловно, дальнейшее введение в научный обиход и использование сведений мемуаров Качалова будет способствовать расширению наших представлений и по истории таможенного ведомства, и практики преобразований в этой сфере в период 1870–1880-х гг., и организации системы делопроизводства, и механизма принятия государственных решений. Но при этом бесспорно значение воспоминаний не только для биографии, но и психологии автора — представителя старинного дворянского рода, наблюдавшего чиновный мир и изнутри, и в тоже время как бы отстраненно. Это и памятник для характеристики быта эпохи в целом.

В настоящее время Архивом РАН, и благодаря деятельному содействию потомков Н. А. Качалова ведется работа по подготовке к печати полного комментированного текста «Записок».

Примечания

¹ Чуйко В. [Некролог Н. А. Качалову] // Новое время. 1891. 30 окт. С. 3.

² РБС. СПб., 1897. Т. Ибак–Ключарев. С. 575.

³ АРАН. Ф. 489. Оп. 3. Д. 778. Л. 3 об.

⁴ Качалов Н. А. Записки Николая Александровича Качалова. I. Детство // Голос минувшего. 1916. № 5/6. С. 5–23; Записки... II. В морском корпусе // Там же. 1916. № 7/8. С. 218–246; Записки... III. Служба во флоте // Там же. 1916. № 11. С. 62–98; Записки... IV. Во время Крымской кампании // Там же. 1917. № 2. С. 112–137.

⁵ Первый печатный его обзор см.: Ростов Н. Архив В. И. Семевского // Литературное наследство. М., 1937. Т. 7/8. С. 418–430.

⁶ Неоднократно повторенное доктором исторических наук Ю. Н. Емельяновым (исследователем биографии С. П. Мельгунова и журналов, им издаваемых) положение, что архив журнала «Голос минувшего» «не сохранился» (Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: В России и эмиграции. М., 1998. С. 277) и (более корректно) — «архив журнала в своей целостности не сохранился» («Голос минувшего» (Москва. 1913–1923); «На чужой стороне» (Берлин, Берлин – Прага, Прага. 1923–1925); «Голос минувшего на чужой стороне» (Париж. 1926–1928): Системат. роспись статей и заметок / Сост. и авт. вступит. ст. «История журналов» Ю. Н. Емельянов. М., 2001. С. 8), во многом корректируется наличием указанного архивного фонда объемом в 666 единиц хранения, невероятным образом оставшегося историку неизвестным.

⁷ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355, 356, 357, 358, 359.

⁸ Там же. Д. 359. Л. 361.

⁹ Там же. Д. 358. Л. 146 об.

¹⁰ Там же. Д. 356. Л. 436 об.–437.

¹¹ Там же. Д. 355. Л. 2.

¹² Эта дата на первой странице рукописи (АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355. Л. 3) — спустя шестнадцать дней после назначения Н. А. Качалова членом совета министра финансов, каковое состоялось 12 апреля 1884 г. (См.: Общий морской список. СПб., 1898. Ч. 10: Царствование Николая I: Д–М. С. 303)

¹³ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 355. Л. 3–4 об.

¹⁴ Там же. Д. 358. Л. 188.

¹⁵ См.: Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801–1917: В 4 т. СПб., 2001. Т. 2: Центральные государственные учреждения. С. 152–153; Департамент таможенных сборов, 1811–25/X—1911. СПб., [1911].

¹⁶ АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 358. Л. 178 об.–179.

¹⁷ Там же. Л. 250.

¹⁸ Там же. Л. 220 об.–221.

¹⁹ К примеру, описание назначения Н. А. Качалова на должность директора департамента содержится в воспоминаниях Ф. Г. Тернера, бывшего заместителем князя Д. А. Оболенского и рассчитывавшего на замещение этой должности; здесь же и о взаимоотношениях Ф. Г. Тернера с Н. А. Качаловым. См.: Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб., 1910. Т. 1. С. 309–315.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО КОММЕРЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

«Великие реформы» 1860–1870-х гг. ускорили индустриальное развитие России. Уже в 1890-е гг. страна переживала самые высокие темпы промышленного роста. Ускорение модернизационных процессов и сохранение стабильности их темпов требовали устранения пережитков полукрепостнического строя и определения перспективных форм управления народным хозяйством.

Член Государственного Совета В. И. Гурко подчеркивал: «<...> Невероятно быстрое увеличение численности населения империи при чрезвычайно усложнившихся условиях быта и при все более сказывавшейся по мере [роста] его культурного уровня разноплеменности» требовало перестройки всего государственного здания¹. С. Ю. Витте считал, что современное государство не может быть великим, если не будет создана развитая национальная промышленность².

Среди широкомасштабных мер Витте (финансовая реформа, железнодорожное строительство, винная монополия, привлечение иностранного капитала в Россию) важное место занимала деятельность по созданию и развитию системы коммерческого образования в империи.

Справедливо утверждение отечественной историографии о том, что коммерческое образование вызрело «в недрах купеческих организаций»³. Однако на него как на государственную проблему, важный модернизационный фактор первым среди прогрессивной правившей бюрократии обратил внимание именно Витте. «В мое управление, — вспоминал он, — я значительно расширил в департаменте торговли отдел образования коммерческого и во главе этого дела поставил бывшего члена совета министра просвещения И. А. Анапуло. Я провел через Государственный Совет положение о коммерческом образовании, благодаря которому последовало значительное расширение коммерческих училищ. По этому положению я возбудил инициативу между самими промышленниками и коммерческим людом, дав им значительную инициативу, как в учреждении коммерческих школ, так и в их управлении. Вследствие этого они охотно начали давать средства на устройство и поддержание своих коммерческих училищ»⁴.

Деятельность Витте способствовала созданию условий для развития коммерческого образования в России. В 1896 г. было утверждено положение «О коммерческом образовании». Оно юридически определило структуру организации коммерческого образования, систему управления и финансирования учебных заведений, возможности государства, обществ и частных лиц по их учреждению и содержанию. В результате за период с 1896 по 1916 г. сеть коммерческих учебных заведений всех типов увеличилась с 8 до 602. В конце XIX — начале XX в. система коммерческого образования включала 206 коммерческих училищ, 169 торговых школ, 38 торговых классов, 135 курсов коммерческих знаний⁵. Наиболее интенсивно сеть коммерческих учебных заведений развивалась в Москве, С.-Петербурге, Варшаве, Одессе и Киеве.

«Самым выдающимся явлением последних лет в области профессионального образования, — отмечалось в периодике начала XX в., — следует признать развитие интереса к высшему коммерческому образованию в среде торгово-промышленного класса». Это значило, что «купечество осознало себя как класс общества, могущий стоять на одной из верхних ступеней общественного развития»⁶.

Витте на государственном уровне поддержал корпоративные настроения и интересы российского купечества. «Развивая сеть коммерческого образования в России, — вспоминал он, — у меня явилась мысль устроить высшие заведения — коммерческие и технологические университеты в России — в форме политехнических институтов, которые содержали бы в себе различные отделения человеческих знаний, но имели бы организацию не технических школ, а университетов, т. е. такую организацию, которая наиболее способна была бы развивать молодых людей, давать им общечеловеческие знания вследствие соприкосновения с товарищами, занимающимися всевозможными специальностями»⁷.

Впервые вопрос о необходимости развития высшего коммерческого образования был поставлен в 1889 г. на Первом съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию. Однако реально эту проблему начали решать в 1890-е гг. по инициативе Министерства финансов. Сам Витте по его признанию занимался этой работой «весьма ретиво и с большим удовольствием»⁸. Для повышения ее эффективности в отдел образования Департамента торговли и мануфактур министерства финансов вошли профессор С.-Петербургского университета Д. И. Менделеев, директор Департамента и сам Витте.

Министерству финансов во главе с Витте в конце XIX в. удалось на государственном уровне создать условия для консолидации усилий всех заинтересованных сторон в развитии высшего ком-

мерческого образования в России. В первую очередь этими проблемами занимались биржевые комитеты, городские купеческие общества, состоявшие «из самих вдохновителей русской торговли»⁹, общества распространения коммерческого образования, всероссийские и региональные торгово-промышленные съезды. Существенную роль в этом деле играли буржуазная интеллигенция и профессура казенных университетов и институтов.

Основной и самой эффективной формой объединения всех сторонников развития коммерческого образования были общества распространения коммерческого образования. Они одновременно пропагандировали идею развития высших коммерческих учебных заведений и непосредственно занимались учреждением высших коммерческих школ. Их создание впервые было разрешено в 1897 г., т. е. после принятия положения о коммерческих учебных заведениях. К 1907 г. Московское общество обладало недвижимостью в 1 млн. руб., что открывало большие возможности в развитии образования.

Наибольшую активность проявляли Московское общество, Харьковское купеческое общество, Московский и Омский биржевые комитеты. Так, 15 сентября 1911 г. товарищ министра торговли и промышленности утвердил устав Московского общества распространения коммерческого образования. «Общество, — сказано в уставе, — имеет целью содействовать распространению коммерческих знаний среди лиц обоего пола, по преимуществу служащих в торгово-промышленных учреждениях, или готовящихся к этого рода деятельности», а также «открыть Коммерческий институт, как высшее учебное заведение, дающее высшее коммерческое и политико-экономическое образование»¹⁰.

Одним из первых вузов, где стали обучать организации коммерческого дела в зарубежных странах, стал основанный в 1899 г. во Владивостоке Восточный институт ведомства Министерства народного просвещения. В соответствии с уставом в нем готовились специалисты для службы в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и сопредельных государств. Курс обучения в нем был рассчитан на 4 года¹¹.

Все это потребовало подготовки законодательства, регулировавшего развитие высшей коммерческой школы в России. К разработке законопроекта в 1909 г. привлекались представители Общества заводчиков и фабрикантов. Были учтены также ответы на анкеты, распространенные в 1911 г. среди биржевых комитетов. 3 июня 1912 г. вступил в силу закон о высшем коммерческом образовании. Он был опубликован в виде новых уставов Московского и Киевского коммерческих институтов.

Для планомерного создания надлежащей учебно-материальной базы коммерческих вузов законодательство разрешало использовать различные источники финансирования. «Средства института, — записано в Уставе Московского коммерческого института, — составляют: 1) доходы от принадлежащих институту имуществ; 2) получаемая со слушателей плата за лекции и практические занятия; 3) средства, жертвуемые на нужды института Московским обществом распространения коммерческого образования или другими учреждениями и лицами; 4) сбор за выдаваемые институтом дипломы и свидетельства; 5) доход от продажи изделий и за исполнение работ учебно-воспитательными учреждениями института и 6) другие поступления»¹².

Аналогичным образом формировались финансовые средства и в других учебных заведениях. Так, из Устава Харьковских высших коммерческих курсов, утвержденного 26 мая 1912 г., видно, что курсы «содержатся на: а) средства Харьковского купеческого общества, б) плату за слушанье лекций, в) пожертвования, и г) другие денежные поступления»¹³.

На рубеже XIX–XX вв. самодержавная власть оставалась в целом равнодушной к проблемам высшей школы. Поэтому размер государственных ассигнований во многом определялся влиятельностью и предприимчивостью заинтересованных министров. Анализ источников и литературы свидетельствует о том, что общественная и частная высшая коммерческая школа государственных ассигнований фактически не получала. В этих условиях наиболее жизнеспособными были коммерческие институты, которым оказывали финансовую поддержку торгово-промышленные сословные объединения. Например, в 1908 г. городская управа Киева для организации коммерческого института выделила 87,7 тыс. руб. и здание стоимостью 340,7 тыс. руб. В 1910 г. местные промышленники для «полного укрепления института» установили ежегодный взнос в его пользу. Его величина равнялась 20 % сборов, полученных от выдачи в Киеве купеческих и промысловых свидетельств¹⁴.

Иным образом действовал Совет Петроградского общества содействия высшему коммерческому образованию. Он высказал готовность в любое время выделять деньги на нужды вуза, но выступил против дополнительных платежей, которые можно было возложить на торгово-промышленные круги. Так, только в декабре 1916 — июне 1917 г. на счетах института в различных банках лежало 50,4 тыс. руб. В 1915 г. общество ассигновало вузу 125 тыс. руб. на постройку нового здания. Кроме того, оно ежегодно самостоятельно погашало дефицит института, который в 1911–

1914 г. равнялся 25 тыс. руб., а в 1914/15 учебном году — 17 тыс. руб.¹⁵ В целом же в разные годы доля взносов буржуазии в бюджетах коммерческих институтов составляла от 11 до 40 %.

Заложенный принцип самофинансирования и софинансирования способствовал созданию надлежащей учебно-материальной и методической базы высшей коммерческой школы. Вместе с тем анализ источников показывает, что в конце XIX — начале XX в. процесс формирования сети высших учебных заведений носил стихийный характер. Это было связано с нехваткой высших учебных заведений в империи, неравномерностью социально-экономического развития регионов, пристрастиями и умонастроениями царя и чиновников, руководивших высшей школой. Серьезным сдерживающим фактором были охранительные устремления самодержавной власти. Именно поэтому 99 % общественных ходатайств об открытии государственных вузов в различных городах отвергались¹⁶.

Вышеназванные факторы замедляли процесс формирования и развития сети коммерческих вузов, но были бессильны перед набиравшими силу позитивными изменениями в торгово-промышленном деле и социальной сфере. Особенностью становления сети высших коммерческих школ было то, что первые коммерческие отделения появились в 1902 г. в государственных вузах, Рижском и С.-Петербургском политехнических институтах, позже в Киеве и Варшаве. Впоследствии инициатива создания коммерческих вузов перешла к общественно-корпоративным организациям.

Наиболее активно и последовательно сеть коммерческих вузов стала формироваться в начале XX в. В 1906 г. открыли свои двери общественные Киевский и Московский коммерческие институты, частные Петроградские высшие коммерческие курсы М. В. Побединского (с 1917 г. торгово-промышленный институт), общественный вечерний Петроградский институт высших коммерческих знаний, в 1910 г. — практическая восточная академия Общества востоковедения в Петрограде, в 1916 г. — Омский коммерческий институт, в 1917 г. — Харьковский коммерческий институт Харьковского купеческого общества¹⁷.

Однако непонятно, на каком основании А. С. Бессолицын относит вольную школу П. Лесгафта (с 1886 г. — Высшие курсы воспитательниц и руководительниц физического образования), психоневрологический институт В. Бехтерева (с 1916 г. — частный Петроградский университет) к высшим коммерческим учебным заведениям¹⁸.

Источники показывают, что активное развитие торгово-промышленного дела и недостаточное количество выпускников коммерческих вузов требовали расширения и развития сети высшей коммерческой школы. В условиях конца XIX — начала XX в. эта проблема также решалась путем открытия общественных и частных высших учебных заведений. Как правило, это были различного рода курсы, где слушатели обучались по программам коммерческих институтов.

Они, главным образом, открывались в экономически развитых центрах России. Так, в период с 1906 по 1911 г. было учреждено и открыто 8 коммерческих учебных заведений высшего типа. Среди них: Киевские коммерческие курсы М. В. Довнар-Запольского, Одесские высшие коммерческие курсы А. В. Федорова и Г. Ф. Файга, Петербургские высшие коммерческие курсы А. И. Даринского, Е. В. Тарле, П. П. Федотьева, П. И. Шелкова, Петербургские высшие торгово-промышленные курсы Е. В. Михайловой (1908), Петербургские высшие торгово-промышленные курсы А. И. Иванова-Чистякова (1911), Петербургские высшие для подготовки торговых агентов коммерческие курсы В. Ф. Штюмера, Харьковские высшие коммерческие курсы Чадова, Юрьевские высшие коммерческие курсы Г. А. Алексеева и Г. Г. Маргенса¹⁹.

Из вышеизложенного видно, что сеть коммерческих вузов в России рубежа XIX–XX вв. формировалась путем учреждения новых коммерческих институтов, открытия курсов, призванных уменьшить дефицит специалистов торгового дела. Важно отметить, что курсы высшего типа не только готовили специалистов для активно развивавшегося рынка, но и были базой расширения сети коммерческих институтов. В основном коммерческие институты и курсы создавались в столицах и промышленно развитых центрах. Они возникали, как правило, там, где уже были институты, а значит научно-педагогические кадры, которые можно было привлекать для работы на курсах. На наш взгляд, свою роль сыграло и то обстоятельство, что на высшее образование в это время стали смотреть как на бизнес.

Анализ учредительных документов коммерческих институтов и курсов показывает, что все высшие учебные заведения этого профиля принимали на учебу лиц обоего пола. Это было естественно, потому что в условиях быстрого развития рыночных отношений женщины активно втягивались в торгово-промышленный бизнес. Кроме того, эти учебные заведения были всесловными. Так, в 1912/13 учебном году в Московском коммерческом институте обучалось 4260 студентов. Из них 291 (6,8 %) были дворяне, 412 (9,7 %) — дети купцов, 960 (22,5 %) — дети потомственных и личных почетных граждан, 1254 (29,4 %) — дети горожан, 919 (21,6 %) — дети крестьян. В 1914/15 учебном году в этом же вузе обучалось всего 5389 студентов. Из них 293 (5,4 %) были дворяне, 493 (9,2 %) —

дети купцов, 1189 (22,1 %) — дети потомственных и личных почетных граждан, 1576 (29,2 %) — дети горожан, 1263 (23,4 %) — дети крестьян²⁰.

Эти и другие данные показывают, что в высшей коммерческой школе на рубеже XIX–XX вв. и особенно в начале XX в. численно преобладали дети низших сословий — крестьян, горожан, потомственных и личных почетных граждан, купцов. Это были дети тех родителей, которые при равных сословных и социальных возможностях сумели добиться больших результатов и стали усматривать в высшем профессиональном образовании своих детей их социально-экономическую перспективу, т. е. образование становилось важным фактором социализации производственно занятых сословий.

В соответствии с уставами и положениями коммерческих институтов и курсов обучение в них продолжалось 4 года и делилось на 8 семестров. Учебные планы включали общеобразовательные курсы и вспомогательные дисциплины, как правило, определяемые региональной спецификой. Несмотря на определенную индивидуализацию учебных планов, они в сущностных частях совпадали и учитывали потребности времени и государственно-образовательную традицию. Во всех высших коммерческих учебных заведениях, как правило, было два отделения.

«Институт состоит, — говорилось в уставе Московского коммерческого института, — из двух отделений: экономического и коммерческо-технического, разделяющихся на подотделы, специальные предметы коих устанавливаются учебными планами»²¹. Программы обучения на экономических отделениях коммерческих институтов включали практически одни и те же дисциплины. В Уставе Киевского коммерческого института значились: «богословие, история хозяйственного быта и экономических учений, теория политической экономии, экономическая политика, наука о финансах, экономическая география, статистика, общая теория права, государственное право, административное право, международное право, гражданское право, торговое право, гражданское и торговое судопроизводство, уголовное право и процесс, история, счетоведение (бухгалтерия), высшая математика, финансовые вычисления, товароведение с технологией, иностранные языки.

В развитии и дополнение означенных предметов <...> на экономическом отделении преподаются специальные курсы по экономическим наукам (кредит и денежное обращение, биржа, банки, страховая экономия и др.), специальные курсы по различным отделам торгового права (морское, страховое, банковское право и др.), специальные курсы по изучению различных сторон торгово-промышленной деятельности (страховое дело, банковское дело, коммерческая корреспонденция, оценочное дело, транспортное дело, тарифное дело, железнодорожное дело, организация торговых и промышленных предприятий и другие курсы), дополнительные курсы по педагогике с ее историей и другим педагогическим предметам, по психологии и введению в философию, по местному хозяйству и самоуправлению, по фабричному законодательству, по общему земледелию, физике, химии, этнографии и проч.»

Аналогичной была ситуация на коммерческо-технических отделениях. В программы отделений входили: «богословие, высшая математика, физика, механика с машиноведением, химия неорганическая и органическая, общая ботаника, товароведение, технология, общая теория права, государственное право, гражданское и торговое право, история экономических учений, теория политической экономии, статистика, экономическая география, счетоведение (бухгалтерия), финансовые вычисления, иностранные языки.

В развитие и дополнение означенных предметов <...> на коммерческо-техническом отделении преподаются дополнительные и специальные курсы по различным отделам естествознания и техники, состоящим в связи с изучением предметов торгово-промышленного оборота, по кристаллографии и минералогии, зоологии, физиологии человека и гигиене, физиологии растений и бактериология, технической микологии, практической геологии с горнозаводским делом, электротехнике, черчению, устройству паровых котлов и организации средств предупреждения несчастий на фабриках и заводах, организации промышленных предприятий, транспорту, и хранению товаров, консервированию пищевых веществ, а также по различным отделам экономических и юридических наук, педагогике с ее историей и другим педагогическим предметам, по общему земледелию и проч.

Преподавание на обоих отделениях сопровождается обязательными упражнениями и практическими занятиями в учебно-вспомогательных учреждениях»²².

Определенную специфику в подготовке кадров, в отличие от коммерческих институтов, имела Практическая Восточная академия при Обществе востоковедения. «Практическая Восточная академия, — сказано в ее уставе, — есть специальное учебное заведение, имеющее целью готовить лиц в практическом знании восточных языков и стран для административной, консульской и торгово-промышленной службы и деятельности на наших восточных окраинах и сопредельных с ними стра-

нах»²³. Курс обучения длился три года и делился на подготовительный период (1 семестр), практический (3 семестра), академический (2 семестра).

Из предметов и курсов наук, которые необходимо было изучить в высших коммерческих учебных заведениях, видно, что законодатель, общества и частные лица, учреждавшие институты и курсы, стремились готовить не только квалифицированных специалистов в соответствующей сфере, но организаторов торгово-промышленного дела с широким мировоззренческим кругозором, способных определять стратегию и разрабатывать тактику достижения поставленных целей.

Коммерческие вузы развивались на рубеже XIX–XX вв. достаточно динамично и были способны в полном объеме решать поставленные перед ними задачи. Так, в Московском коммерческом институте в 1906 г. обучалось 587 студентов, работали 40 преподавателей, его бюджет равнялся 68647 руб., а в 1913 г. у 4,5 тыс. студентов занятия вели 105 преподавателей, а бюджет составлял уже 370 тыс. руб.²³ В Киевском институте в 1906 г. на первом курсе обучалось 229 студентов, а в 1910 г. — уже 1931 чел. Занятия вели 46 преподавателей, 22 из них были профессорами²⁴.

Анализ статистических данных показывает, что в рассматриваемый период все российские вузы испытывали недостаток профессорско-преподавательских кадров. На наш взгляд, это было вызвано двумя причинами: естественным старением профессуры, активно работавшей в 1860–1880-е гг., и быстрым развитием сети высшего профессионального образования в России в конце XIX — начале XX в.

Руководство коммерческих институтов и курсов решало кадровую проблему двумя путями. Во-первых, велся активный подбор на преподавательскую работу людей, известных своими научными трудами и научно-практическим опытом, а также осуществлялась подготовка выпускников к защите магистерских и докторских диссертаций. Но это был долгий и наиболее затратный путь. Второй путь предполагал привлечение внештатных профессоров и преподавателей из других вузов региона. К примеру, в Московском коммерческом институте в 1912/13 учебном году было всего 5 штатных преподавателей из 59, в Киевском 19 из 96²⁵.

В конце XIX — начале XX в. высшая коммерческая школа России играла важную роль в ускорении развития и совершенствовании торгово-промышленного дела. Для отрасли и нужд всего народного хозяйства в стенах коммерческих институтов и курсов было подготовлено около 3,5 тыс. специалистов. Причем только один Московский коммерческий институт в 1910–1917 гг. подготовил 1706 специалистов. К 1916 г. Высшие коммерческие курсы М. В. Побединского выпустили 283 специалиста. Для сравнения государственная высшая школа за период с 1899 по 1916 г. подготовила 1600 специалистов данного профиля²⁶.

Естественно, в работе высшей коммерческой школы России рубежа XIX–XX вв. имелись недоработки, но это были проблемы «роста». В это время оформилась сеть и система коммерческого образования, которая посредством деятельности своих выпускников в торгово-промышленной области и в народном хозяйстве в целом ускоряла модернизационные процессы во всех сферах жизнедеятельности населения. Высшая коммерческая школа была не только эффективным средством социализации ее выпускников, сохранения социальной гармонии в государстве, но и представляла равные возможности выходцам из разных сословий в определении своих социально-экономических перспектив.

Примечания

¹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 244–245.

² См.: Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Минск; М., 2001. Т. 1. С. 698.

³ См.: Техническое и коммерческое образование. 1915. № 4. С. 8; Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 139 и др.

⁴ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 254–255.

⁵ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 76. Л. 287.

⁶ Техническое и коммерческое образование. 1915. № 4. С. 6–7.

⁷ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 1. С. 255–256.

⁸ Там же. С. 255.

⁹ Техническое и коммерческое образование. 1915. № 4. С. 10.

¹⁰ Устав Московского общества распространения коммерческого образования: Утвержден 15 сент. 1911 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1912. Отд. 1. Первое полугодие. СПб., 1912. С. 179–180.

¹¹ См.: Иванов А. Е. Высшая школа России... С. 141.

¹² Устав Московского коммерческого ин-та: Высочайше утвержден 3 июня 1912 года // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1913. Отд. 1. Первое полугодие. СПб., 1913. С. 1666.

¹³ Устав Харьковских высших коммерческих курсов: Утвержден 26 мая 1912 года // Там же. 1912. Отд. 1. Второе полугодие. СПб., 1912. С. 4253.

- ¹⁴ Техническое и коммерческое образование. 1915. № 4. С. 11.
- ¹⁵ Иванов А. Е. Высшая школа России... С. 200.
- ¹⁶ Там же. С. 189.
- ¹⁷ См.: Там же. С. 366–367; Бессолицын А. С. Витте и создание системы коммерческого образования в России // Вопросы экономики. 2006. № 7. С. 146.
- ¹⁸ Бессолицын А. С. Витте и создание системы... С. 146.
- ¹⁹ Иванов А. Е. Высшая школа России... С. 371–372.
- ²⁰ Отчет Московского коммерческого института, 1912–1913 год. М., 1914. С. 65; Отчет Московского коммерческого института, 1914–1915 год. М., 1917. С. 65.
- ²¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. 1913. Отд. 1. Первое полугодие. СПб., 1913. С. 1665.
- ²² Там же. С. 1848–1849.
- ²³ Ефимов Е. Московский коммерческий институт и его задачи. М., 1913. С. 3.
- ²⁴ Записка о Киевском коммерческом институте. Киев, 1910. С. 2, 12.
- ²⁵ Статистические сведения о состоянии учебных заведений, подведомственных учебному отделу Министерства торговли и промышленности за 1912–1913 учебный год. Пг., 1914. С. XII.
- ²⁶ Иванов А. Е. Высшая школа России... С. 344–345.

Ю. А. Бугров, А. В. Третьяков

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КУРСКОГО КУПЕЧЕСТВА

Клан купцов Полевых на протяжении многих десятков лет XVIII–XIX вв. вел успешную торговлю в Курске и Курской губ.. Так, в середине XIX в. были известны купцы: Василий Михайлович Полевой, торговавший овощами, Дмитрий Иванович Полевой, имевший книжную лавку, и Павел Иванович Полевой, торговавший красным товаром¹.

Некоторые из купцов имели собственные библиотеки. Так, например, купец А. П. Баушев организовал домашнюю библиотеку, в которой хранились «ценные и редкие книги»². Отметим и тот факт, что в Курске в 1797–1803 гг. жил известный русский поэт И. Ф. Богданович, имевший большую библиотеку, которой пользовались многие куряне, в том числе и юный Михаил Щепкин.

Этот небольшой экскурс в книжную торговлю и состояние библиотек позволяет нам сказать, что курская городская среда была вполне подготовлена к тому, чтобы выделить людей, готовых стать литераторами и вырасти в настоящих профессиональных писателей.

Тот же род купцов Полевых дал русской литературе сразу три замечательных имени. В семье Алексея Полевого родились Екатерина (в замужестве Авдеева), Ксенофонт и Николай, ставшие на путь профессиональных литераторов. Николай Алексеевич Полевой, проживая в отрочестве в Курске, часто пользовался библиотекой А. П. Баушева. Его заслуги в развитии русской литературы высоко оценивали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, который писал о Полевом в книге «О развитии революционных идей в России»: «Полевой начал демократизировать русскую литературу; он заставил ее спуститься с аристократических высот и сделал ее более народной <...>»³.

Заметной личностью в русской литературе стала и Екатерина (Катерина) Алексеевна Авдеева (Полевая). Ее книга «Записки о старом и новом русском быте» (СПб., 1842) с предисловием брата Николая получила высокую оценку русской критики. Сказки Е. А. Авдеевой были использованы известным русским писателем А. Н. Афанасьевым в нескольких выпусках «Народных русских сказок». Ксенофонт Алексеевич Полевой также стал заметной личностью в русской литературе и особенно в журналистике.

Талантливым литератором оказался и выдающийся курский астроном-самоучка Ф. А. Семенов (1794–1860). Современник астронома А. М. Головашенко писал о нем: «Федор Алексеевич до настоящего времени нисколько не переменил своего мещанского костюма, и по наружности его нельзя отличить от лиц одного с ним сословия, но, всмотревшись в его светлые глаза, тотчас увидите, что в этом человеке что-то есть необыкновенно гениальное <...>»⁴.

В 1919 г. на чердаке дома Ф. А. Семенова профессор В. П. Ветчинкин нашел несколько рукописей Федора Алексеевича, в том числе его автобиографию, написанную сочным народным языком с элементами иронии и юмора, которая читалась с большим интересом. «Уже в 1920 году под редакцией В. П. Ветчинкина и Д. О. Святского в Петрограде была издана автобиография Ф. А. Семенова. Книга эта является библиографической редкостью и мало известна широкому кругу читателей»⁵.

Интеллектуальностью отличались также роды купцов Гладковых и Гнучевых, Медведевых и Мухиных, Чикиных и Сапуновых. Некоторые из представителей этих фамилий вели дневники, писали воспоминания, ныне, к сожалению, утраченные.

В личном фонде купца Ивана Васильевича Гладкова имеются интересные записки — хроника общественной жизни Курска, которая свидетельствует о литературных способностях этого человека⁶.

Хотя мемуарист Петр Афанасьевич Бурьшкин и не родился на Курщине, однако имеет курские корни. Об этом он так пишет в своей книге «Москва купеческая»: «Дед мой — и крестный отец — умер восьмидесяти с лишним лет от роду, в 1893 году, когда мне было шесть лет, но я его очень хорошо помню <...> помню один из его рассказов, как он еще мальчиком, в своем родном селе Курской губернии, Щигровского уезда, ходил смотреть, как из Таганрога везли гроб Александра I, и что в толпе упорно говорили, что гроб везут пустой, и что император не умер»⁷.

Самыми даровитыми были кланы купцов Голиковых и Шелиховых, которые свою деятельность развили от северной столицы до Аляски. Иван Иванович Голиков (1734–1801) прослыл одним из выдающихся литераторов, посвятив себя собиранию материалов о Петре I и изданию многотомной эпопеи о нем. «Труд “Деяния Петра Великого” — первый свод исторических фактов и попытка их систематизации до середины XIX в. являлся основным источником изучения России конца XVII — начала XVIII вв.»⁸ Впоследствии работой Голикова пользовались А. С. Пушкин и А. Н. Толстой, а В. Г. Белинский с большой похвалой отзывался о сочинении Ивана Ивановича.

Интересным литератором проявил себя «Русский Колумб» — Григорий Иванович Шелихов. Его книга об освоении просторов Сибири, Тихого океана и Аляски впервые увидела свет в 1791 г. и вызвала интерес императрицы Екатерины Великой. В 1971 г. книга Шелихова была переиздана с комментариями в Хабаровске.

В советское время в популяризации литературного творчества курян участвовали их потомки. Так, в 1940 г. прапраправнук Ф. А. Семенова Николай Алексеевич Антимонов издал об астрономе свой небольшой, но фактологически емкий труд, в котором привел список сочинений Федора Алексеевича. Из него мы знаем, что первая публикация была осуществлена Семеновым в журнале «Московский телеграф» в 1832 г., издателем и редактором которого был Ксенофонт Полевой. Антимонов разыскал не только опубликованные труды астронома, но и несколько рукописных работ, в том числе и такую редкость, как «Климатология Курска».

Примечания

¹ Озеров Ю. В. Курское купечество в середине XIX века. Курск, 2001. С. 66.

² Курск: Очерки истории города. 3-е изд. Воронеж, 1975. С. 96.

³ Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. С. 838.

⁴ Головащенко А. О Семенове // КурГВ. 1850. № 75.

⁵ Ф. А. Семенов: К 200-летию со дня рождения / Сост. Л. А. Кузнецова. Курск, 1994. С. 3.

⁶ ГАКурО. Ф. 724. Оп. 1. Д. 15.

⁷ Бурьшкин П. А. Москва купеческая. М., 1990. С. 216.

⁸ Большая Курская энциклопедия. Т. 1, кн. 1: Персоналии: [А–К]. Курск, 2004. С. 183.

Ю. А. Бугров, Л. М. Коротева

КУПЦЫ КРАСИЛЬНИКОВЫ — ПОДВИЖНИКИ В РАЗВИТИИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСКА

В последние годы многие курские исследователи посвятили ряд работ истории курского купечества. Среди них особо следует выделить работы В. В. Захарова, Л. А. Лернер (Сапожковой), Ю. В. Озерова, А. В. Зорина. Посвящены они предпринимательской и торговой деятельности, благотворительности, быту и общественной жизни.

К сожалению, почти совсем не исследовано участие купеческих фамилий в развитии культуры края. Это объясняется тем, что в фондах архивов практически отсутствуют материалы о культуртрегерстве купцов.

Среди курских купцов можно выделить фамилии, которые в той или иной степени участвовали в культурно-просветительской жизни Курска. Мы остановимся на деятельности купцов Красильниковых, покажем по имеющимся материалам их работу на ниве музыкального просвещения и организации концертов в Курске в начале XX в.

Братья Красильниковы — Николай и Сергей Александровичи, — уроженцы Тульской губ., приехали в Курск, по свидетельству дочери одного из них Ольги Сергеевны (в замужестве Успен-

ской), в 1901 г. Можно предположить, что переезд на жительство в Курск состоялся под влиянием музыкального просветителя Курского края композитора А. М. Абазы. Сохранилась фотография, на которой они сфотографированы втроем. Сделана она в фотоателье Вакуленко в Туле. Сергей Александрович имел хороший баритон, был музыкален и почти профессионально пел. Оба брата в своей купеческой ипостаси занимались торговлей музыкальными инструментами, нотами, продавали литературу о музыке. Эту стезю они продолжили и на курской земле, открыв музыкальный магазин с мастерской. В последней изготавливались и ремонтировались струнные музыкальные инструменты: скрипки, балалайки, мандолины, гитары. Магазин и мастерская размещались на Московской улице в доме Д. Гладковой и стали популярными среди музыкантов и любителей музыки.

Николай Александрович Красильников, старший из братьев, жил на Первышевской улице в доме № 8, а младший — Сергей — на Чикинской улице. Квартира Николая стала своеобразным клубом для приезжих гастролеров. В гостях у него на квартире побывал даже Федор Иванович Шаляпин.

Среди гастролеров были многие выдающиеся музыканты и певцы России и Европы. У дочери С. А. Красильникова, Ольги Сергеевны Успенской, долгое время хранился альбом фотографий с автографами концертантов. Их насчитывалось около 80. «Конечно, не все приезжавшие в Курск артисты оставляли свои следы в семье замечательных русских предпринимателей Красильниковых. Не было, например, автографа графа Л. В. Собинова, хотя он неоднократно бывал в Курске. На фотографии замечательной исполнительницы русских народных песен Е. И. Башариной была подпись: «Помните “Чайку”!» Эта песня нравилась публике и она ей всегда бисировала. Но, к сожалению, артисты, дававшие автографы зачастую не ставили дату. Если на фотографии пианиста Петра Любошица можно прочесть: «На память о концерте 7 марта 1911 г.», то на фотографии Лины Ковальери только ее роспись, без даты»¹.

В архиве одного из авторов статьи есть коллекция нот, которые продавались в магазине братьев Красильниковых. Все они имели овальные печати с надписями: «Бр. Красильниковых. В Курске», «Бр. Красильниковы. Курск», «Музыкальный магазин бр. Красильниковых в Курске», «Специально. Музыкальный магазин бр. Красильниковых в г. Курске»². Один их штампов поставлен на нотах романса Милия Балакирева «Введи меня, о ночь, тайком». Некоторые штампы имели и дату продажи.

Первые годы ноты в магазин поставлялись, в основном, из скоропечатни П. Юргенсона (Москва), затем от А. Гуйхетля (Москва), Л. Идзиковского (Киев) и от других. С 1912 г. братья стали сами печатать ноты. Они выпустили сборник романсов своего друга Аркадия Максимовича Абазы, а также других композиторов. Была выпущена «Карманная музыкальная памятка», составленная композитором П. А. Щуровским, в которой были даны краткие сведения более чем о 1000 деятелях музыкального мира. Издали братья и ноты романсов П. А. Щуровского.

Особую роль братья сыграли в 1910-х гг., посвятив себя организации концертов гастролеров. Магазин братьев продавал билеты на все концерты, проводившиеся в Курске.

Деятельность братьев Красильниковых была продуктивной и полезной для развития музыки и музыкального образования. Они помогали директору Курских музыкальных классов А. М. Абазе не только материально, но и в ремонте музыкальных инструментов.

К сожалению, в 1919 г. умер от тифа старший из братьев, а в начале 1920 г. младший. Продолжить их дело не смог никто.

Примечания

¹ Архив Ю. А. Бугрова. Папка нот № 1.

² Бугров Ю. А. Свет курских рамп. Курск, 2002. Кн. 2. С. 92.

Ю. В. Озеров

КУРСКИЙ КУПЕЦ Г. И. ЛАВРОВ: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

До революции купечество было одним из сословий, которое заметно влияло на общественную жизнь нашей страны. Однако характер воздействия и деятельность этого социального слоя в глазах современников и тем более исследователей прошлого получили весьма противоречивые оценки. Это

и понятно, ибо само купеческое сословие не было внутренне однородной общественной группой, хотя и имело свойственные любой корпорации общие характеристики.

Именно это побуждает в целях объективности при анализе деятельности купечества во избежание стереотипизации ряда черт и явлений, рассматривать его через призму личностного подхода с учетом индивидуального опыта и практики конкретной персоналии.

Попытаемся реконструировать социальный портрет предпринимателя на примере курского купца Григория Ивановича Лаврова. Для нас он особенно интересен тем, что, будучи городским головой Курска, оставил после себя «память» спустя почти 40 лет. Его имя в негативном свете упоминается в изданной в 1939 г. брошюре некоего В. Москвитина «Курск в прошлом и настоящем». Вот что пишет данный автор о предпринимателе: «Кутежи и самодурство купцов не знали удержу. Старожилы передают, что Лавров, будучи городским головой Курска, в пьяном виде заставлял возить себя в катафалке и отпевать, как умершего. Выжимая из своих работников последнюю каплю, загребая миллионные барыши, он швырял тысячи рублей на “благотворительные” цели, лишь бы увековечить свое имя как “благодетеля” и “отца”»¹.

Данный фрагмент, с претензией на хрестоматийность, ярко показывает, в каком свете представлялись тогда предприниматели. И поскольку этот текст не лишен правдоподобности, то он требует соответствующего анализа и оценки.

Для начала рассмотрим выявленные в Государственном архиве Курской области данные, касающиеся жизнедеятельности Г. И. Лаврова.

Родился он в 1837 г. В наследственном капитале состоял с 1866 г.² По данным на 1875 г., был владельцем завода по производству мездрового клея при собственном кожевенном предприятии³. В конце XIX в. состоял в 1-й гильдии, был владельцем кожевенного завода в Курске на ул. 2-й Кожевенной, вальцевой механической крупчатой мельницы при с. Уколово Щигровского у., водяной мукомольной мельницы при д. Дубовец Долговской волости Курского у.⁴ В Курской губ. Лавров был одним из крупных оптовых торговцев хлебом и кожами⁵. Торговля кожевенными товарами им велась не только в Курске, но и на ярмарках Харькова и Полтавы⁶.

Кроме этих занятий, имя Лаврова в 1899–1900 гг. фигурировало в связи с делом о привлечении его к ответственности за раздачу ссуд без промыслового свидетельства. Курское губернское податное присутствие выяснило, что с 1883 г. им было выдано под закладные 73 ссуды (всего на сумму до 150000 руб.). При этом в 1899 г. оставались неоплаченными от прежнего времени 32 ссуды на сумму в 74780 руб.⁷ Все это подлежало обложению в соответствии с положением о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. Отмечалось, что таким способом Лавров стал крупным курским домовладельцем. Перед смертью ему принадлежало пять усадеб по следующим адресам: 2-я Кожевенная, 34; Троицкий пер., 6; Авраамовская, 1; Пастуховская, 23; Гапонцевская, 11. В последнем располагалось 9-е городское приходское смешанное училище.

Впервые в городскую службу Лавров вступил в 1870 г., став гласным Курской думы. Неоднократно был членом Учетного комитета Курского отделения Госбанка. А с 1891 по 1901 г. находился в должности городского головы⁸. Одновременно он являлся одним из директоров Губернского комитета попечительного общества о тюрьмах, попечителем над Исправительным арестантским отделением и председателем Сиротского суда. Кроме того, в 1892 г. стал попечителем 5-го мужского приходского училища, членом попечительного совета гимназии О. Н. Красовской. Входил Лавров в состав Комитета дешевой столовой и был пожизненным членом Братства во имя преподобного Феодосия Печерского. За труды по проведению Первой всероссийской переписи он удостоился нагрудной темно-бронзовой медали.

Успешный бизнес, неплохая карьера городского администратора позволили ему широко раскрыть свой потенциал на ниве благотворительности.

Так, в 1890-х гг., когда возникло дело об основании оспопрививательного кабинета, один гласный по простоте душевной обратился к городскому голове со словами: «Да вы пожертвуйте, Григорий Иванович, эти сто рублей», — чем действительно вызвал последовавшее пожертвование. Лавров из своих личных средств предоставил эту сумму, сказав: «Ну, уж я вам дам». После этого пристыженная дума ассигновала со своей стороны еще 100 руб. на этот кабинет⁹.

О Лаврове мы находим информацию в местной прессе в связи с его юбилеем, отмечавшимся 2 января 1897 г. Сообщалось, что из произнесенных речей более всех выделялась речь губернатора А. Д. Милютина, который воздал должное «симпатичным» качествам Лаврова как общественного деятеля и человека¹⁰.

В том же году Григорий Иванович пожертвовал капитал в 2000 руб. для выдачи сумм с него в 5,5 % на содержание призреваемых городской богадельни за Херсонскими воротами. В ней, являв-

шейся плодом усилий также главы города, накапливаемые средства выдавались на платье и обувь к праздникам Пасхи и Рождества Христова¹¹. С двух капиталов Лаврова по 4000 руб. каждый средства в виде процентов ежемесячно получали неимущие, а также бедные девицы при выходе замуж. В 1898 г. на свой счет Лавров устроил при Александровском доме призрения «убежище для бедных»¹².

Ощутимую поддержку от Григория Ивановича получала и Церковь. С 1879 г. до самой смерти он являлся старостой Преображенского храма, всемерно заботясь о его благолепии как изнутри, так и снаружи. В 1881 г. он удостоился благословения Синода за пожертвования на храм. Награжден был также золотой медалью «за усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте (1891)¹³.

Стремясь до конца себя реализовать и упрочить свои социальные позиции, Лавров в 1895 г. подавал ходатайство в Сенат на получение звания потомственного почетного гражданина. Однако его мотивировка по случаю 10-летнего пребывания в 1-й гильдии во внимание принята не была и прошение осталось без удовлетворения. Вследствие этого он обращался затем в Казенную палату о возврате своих денег, потраченных на канцелярские расходы. Когда в следующем году (14 мая) ему был пожалован орден св. Станислава 3 ст., Григорий Иванович снова возбудил ходатайство о пожаловании звания потомственного почетного гражданина, ставшее на этот раз успешным¹⁴.

30 сентября 1901 г. Лаврова не стало. В знак признательности его заслуг перед городом и обществом прощание с покойным отличалось особым характером. Усопшего отпевал епископ Курский и Белгородский Лаврентий в сослужении архимандрита Глинской пустыни Маврикия и духовенства при полном хоре архиерейских певчих. Гроб с останками покойного под звон колоколов городских церквей был вынесен из Преображенской церкви и на руках присутствующих донесен до Смоленско-Георгиевского храма, где после краткой литии, поставлен был на катафалк. Печальное шествие двинулось по Херсонской улице, останавливаясь на каждом перекрестке для кратких молитвословий. Погребальную процессию до кладбища сопровождал архимандрит Маврикий с городским духовенством. Шествие заняло почти два квартала, так что движение трамвая на это время было прекращено. За крестом на пяти бархатных подушках несли медали и ордена покойного, затем венки, которых на гроб было возложено более двадцати. Надгробное слово над прахом усопшего произнес гласный городской думы М. А. Сушков. В своей речи он представил покойного как доброго человека, который делал благодеяний весьма много, но «тихо, не гоняясь за дешевой славой, и масса благодетельствованных им долго будет помнить его щедрость и не раз с молитвой на устах пожелает ему Царство Небесное»¹⁵.

Овдовевшая супруга Александра Алексеевна в память о покойном муже в 1906 г. открыла при храме на свои средства церковно-приходскую школу, рассчитанную на 80 учащихся¹⁶. Она получила имя Г. И. Лаврова.

Высветив, опираясь на архивные данные, особенности жизненного пути предпринимателя, рассмотрим теперь личностные качества Лаврова с помощью компьютерной программы графологического анализа, представленной в издании эксперта в данной области Е. В. Судиловской¹⁷. В качестве объекта данного исследования выступит имеющийся в нашем распоряжении автограф городского головы. Анализ почерка Лаврова дал следующие результаты. Сильными сторонами купца были: старательность, склонность к логичности, жизнерадостность, ровный характер, мягкость, рациональность, скромность, бережливость, взвешенность, энергичность, простота. Слабые стороны программа отметила следующие: податливость, нелогичность поступков, скупость, пессимизм, одиночество, замкнутость, экспрессивность.

Городской Голова Лавров

Прилагая эти качества к образу купца, представленному в архивных материалах, можно видеть в значительной степени подтверждение ряда черт и свойств личности. Действительно, успешный предприниматель не может обойтись без рационализма, старательности, энергии и бережливости. Данные программы рисуют перед нами образ купца-хозяйственника, имеющего традиционные ценности, рачительно использующего свои средства, ценящего стабильность. Отмеченная податливость отражает его готовность жертвовать свои средства на необходимые благие цели. При этом сама благотворительность вполне может укладываться в «нелогичность поступков», так как, будучи актом милости сердца, не укладывается в рассудочную, прагматичную парадигму мышления предпринима-

теля. Сами по себе акты жертвенности достаточно ярко показывают купца с экспрессивной стороны, побуждая тем самым обратить на него внимание. За этим чувствуется желание его стать первым, единственным в своем роде благотворителем.

Рассмотрим теперь вероятность эпизода, который отмечен в работе В. Москвитина. Надо сказать, что о нем совершенно не известно как о историке или краеведе. На фоне проведенного нами анализа, не логичным выглядит его поведение как «кутежника». Приверженность к скромному поведению и отзывчивость на религиозные цели вряд ли позволили бы Лаврову быть возимым на катафалке и отпевать себя как умершего. Это фактически было бы глумлением над православной обрядностью. Сомнительным выглядит тезис о способе обогащения как «выжимании из работников последней капли». Как мы видели, купец стал состоятельным во многом благодаря выдаче ссуд. Вместе с тем, в отмеченном выше отрывке содержится подтверждение его благотворительной деятельности, однако вместо поиска социального престижа, как одного из ее мотивов, выпячивается тщеславие.

Воссоздание подлинного индивидуального социально-исторического портрета предпринимателя, на наш взгляд, способно дать объективную и взвешенную оценку самого купеческого сословия, поставив под сомнение расхожие мифы и шаблоны.

Примечания

¹ Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. Курск, 1939. С. 6–7.

² ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 3700. Л. 140.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 67. Л. 15 об.–16, 43 об.–44.

⁴ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8914. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 8197. Л. 31.

⁶ [Объявления] // Памятная книжка Курской губернии на 1894 год. Курск, 1894.

⁷ ГАКурО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 311. Л. 22.

⁸ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1.

⁹ Там же. 1898. № 207. 26 сент. ч. неоф. С. 2.

¹⁰ Местная хроника // Там же. 1897. № 4. 5 янв. Ч. неоф. С. 3.

¹¹ Местная хроника // Там же. 1897. № 20. 25 янв. Ч. неоф. С. 2.

¹² ГАКурО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 272.

¹³ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1.

¹⁴ ГАКурО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 7967. Л. 2–3.

¹⁵ Местная хроника // КурГВ. 1901. № 211. 4 окт. ч. неоф. С. 1–2.

¹⁶ Там же. 1906. № 250. 21 нояб. С. 1.

¹⁷ Судиловская Е. В. Разгадываем почерк: Графология. СПб., 2007. (С компьютерной программой).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акользина Марина Константиновна**, доцент Тамбовского государственного университета, кандидат исторических наук (Тамбов)
- Балова Мария Борисовна**, директор Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Северодвинск)
mbalova@yandex.ru, balova@sfgu.ru
- Банникова Елена Вадимовна**, доцент Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (Оренбург)
ida777@yandex.ru
- Барсукова Анжелика Владимировна**, аспирантка Коломенского государственного педагогического института (Коломна)
abc-venzel@mail.ru; vrubel14@yandex.ru
- Беспаленок Елена Дмитриевна**, доцент Смоленского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (Смоленск)
edb@mail333.com
- Борщик Наталья Дмитриевна**, доцент Курского государственного университета, кандидат исторических наук (Курск)
arktur4@rambler.ru
- Бохун Томаш (Bohun Tomasz)**, сотрудник Музея Варшавского университета, редактор журнала «Mowia wieki» (Варшава, Польша)
Tomasz.Bohun@adm.uw.edu.pl
- Бугров Юрий Александрович**, президент Курского областного научного краеведческого общества, кандидат исторических наук (Курск)
- Булгаков Михаил Борисович**, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Москва)
- Бурачонок Александр Вячеславович**, аспирант Белорусского государственного университета, магистр исторических наук (Минск, Белоруссия)
burchik3000@mail.ru
- Велиховский Леонид Николаевич**, заместитель начальника отдела Государственной Третьяковской галереи, соискатель Российского института культурологии (Москва)
- Велувенкамп Ян Виллем (Veluwenkamp Jan Willem)**, профессор Гронингского университета, доктор истории (Гронинген, Нидерланды)
j.w.veluwenkamp@rug.nl
- Гарматный Виталий Петрович**, преподаватель Барановичского государственного университета, магистр истории (Барановичи, Белоруссия)
vitharmatny@mail.ru
- Головка Юлия Ивановна**, доцент Запорожского национального университета, кандидат исторических наук (Запорожье, Украина)
hji@ukr.net
- Горак Артур (Górak Artur)**, адъюнкт университета Марии Кюри-Склодовской, доктор истории (Люблин, Польша)
agorak@yandex.ru

- Дейнеко Сергей Николаевич**, соискатель Харьковского национального университета, старший научный сотрудник Харьковского исторического музея (Харьков, Украина)
intercom@univer.kharkov.ua
- Дмитриева Зоя Васильевна**, заведующая отделом древней истории России С.-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (С.-Петербург)
zvdmitr@rambler.ru
- Дубман Эдуард Лейбович**, профессор Самарского государственного университета, доктор исторических наук (Самара)
dubmane@mail.ru
- Думенко Ольга Евгеньевна**, ассистент Тверского государственного университета (Тверь)
dumenko84@mail.ru
- Дячок Олег Александрович**, доцент Академии таможенной службы Украины, кандидат исторических наук (Днепропетровск, Украина)
warrin@fort-dks.dp.ua
- Жиброва Татьяна Валерьевна**, старший лаборант Воронежского государственного университета (Воронеж)
tashazhibrova@rambler.ru
- Кандаурова Татьяна Николаевна**, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии, кандидат исторических наук (Москва)
tanikand@mail.ru
- Керов Валерий Всеволодович**, профессор Российского университета дружбы народов, доктор исторических наук (Москва)
ker@mail.girnet.ru
- Кириллов Юрий Викторович**, аспирант кафедры русского языка Псковского государственного педагогического университета (Псков)
Shnyrik@yandex.ru
- Кистерев Сергей Николаевич**, генеральный директор ООО «Альянс-Архео» (Москва)
otcherki@yandex.ru
- Клюева Вера Павловна**, заведующая лабораторией социально-исторических исследований Института проблем освоения Севера СО РАН, кандидат исторических наук (Тюмень)
vorm-pk@mail.ru
- Кобрин Михаил Владимирович**, преподаватель Барановичского государственного университета (Барановичи, Белоруссия)
skrobowo@mail.ru
- Кольчугина Светлана Владимировна**, доцент Пензенской государственной технологической академии, кандидат исторических наук (Пенза)
sweta1@sura.ru
- Комлева Евгения Владиславовна**, ученый секретарь Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск)
scriptor@history.nsc.ru
- Кондратьева Софья Константиновна**, старший лаборант кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов Воронежского государственного университета (Воронеж)
kosofia@yandex.ru

- Кончаков Роман Борисович**, доцент Тамбовского государственного университета, кандидат исторических наук (Тамбов)
rosveso@gmail.com
- Коротеева Лилия Михайловна**, студентка Курского государственного университета (Курск)
- Коротеева Наталья Николаевна**, кандидат исторических наук, начальник отдела Государственного архива Курской области (Курск)
koronna.nat@mail.ru
- Кравцова Елена Сергеевна**, доцент Курского государственного медицинского университета, кандидат исторических наук (Курск)
elenakravcova@yandex.ru
- Кравченко Ольга Александровна**, аспирантка Белгородского государственного университета (Белгород)
krawal6@yandex.ru
- Крайковский Алексей Викторович**, научный сотрудник Европейского университета в С.-Петербурге, кандидат исторических наук (С.-Петербург)
karl@eu.spb.ru
- Краско Алла Владимировна**, старший научный сотрудник Института генеалогических исследований Российской национальной библиотеки (С.-Петербург)
igi@nlr.ru
- Кузьмин Юрий Анатольевич**, член С.-Петербургского общества историков и архивистов (С.-Петербург)
ukuzmin@rambler.ru
- Курцев Александр Николаевич**, профессор Курского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент (Курск)
- Лизунов Павел Владимирович**, заведующий кафедрой философии и культурологии Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук (Архангельск)
pavelvl@mail.ru
- Лицоева Елена Валерьевна**, специалист по связям с общественностью отдела евроинтеграции Учебного центра GMP при Государственной службе лекарственных средств и изделий медицинского назначения Министерства здравоохранения Украины, кандидат исторических наук (Киев, Украина)
host08@meta.ua
- Лукина Наталья Сергеевна**, преподаватель Тверского колледжа им. А. Н. Коняева (Тверь)
nat.lukina@km.ru
- Лятавец Кшиштоф (Latawicz Krzysztof)**, адъюнкт университета Марии Кюри-Склодовской, доктор истории (Люблин, Польша)
latawicz@yandex.ru
- Малышева Ирина Алексеевна**, ведущий научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доктор филологических наук (С.-Петербург)
iamalysheva@mail.ru
- Мельников Андрей Васильевич**, научный сотрудник Археографической комиссии РАН, кандидат исторических наук (Москва)
sosch@mail.ru
- Мизис Юрий Александрович**, профессор Тамбовского государственного университета, директор Академии гуманитарного и социального образования, доктор исторических наук (Тамбов)
decan_hist@tsu.tmb.ru

- Минаева Татьяна Станиславовна**, доцент Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Архангельск)
tatiana.minaeva@pomorsu.ru; mintatiana@yandex.ru
- Минаков Андрей Сергеевич**, доцент Орловского государственного университета, кандидат исторических наук (Орёл)
minakovas@rekom.ru
- Моисеев Максим Владимирович**, научный сотрудник Музея истории города Москвы (Москва)
maksimoiseev@yandex.ru
- Монахан Эрика (Monahan Erika)**, преподаватель университета Нью-Мексико, доктор истории (Альбукерк, США)
emonahan@unm.edu
- Морозан Владимир Васильевич**, профессор С.-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (С.-Петербург)
v_moga@mail.ru
- Морозов Олег Викторович**, доцент Академии таможенной службы Украины, кандидат исторических наук (Днепропетровск, Украина)
fenix_1973@mail.ru
- Наседкин Егор Николаевич**, специалист Российского государственного архива древних актов, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва)
ennhist@gmail.com
- Озеров Юрий Владимирович**, доцент Курского института менеджмента, экономики и бизнеса, кандидат исторических наук (Курск)
georgkur7@mail.ru
- Павлина Татьяна Викторовна**, главный государственный таможенный инспектор Сыктывкарской таможни (Сыктывкар)
syktam@mail.ru
- Павлов Андрей Павлович**, профессор С.-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник С.-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук (С.-Петербург)
pavlov_ap@mail.ru
- Папков Андрей Игоревич**, заведующий кафедрой документоведения Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук (Белгород)
papkov@bsu.edu.ru
- Петренко Анжелика Арнольдовна**, главный библиотекарь Научной библиотеки им. М. Максимовича Киевского национального университета им. Т. Шевченко (Киев, Украина)
okeaniya@bigmir.net
- Пилипенко Александр Николаевич**, старший преподаватель С.-Петербургского государственного политехнического университета (С.-Петербург)
pilipenko_a_n@mail.ru
- Приходько Михаил Анатольевич**, член Российского историко-правового общества (Москва)
mprihod@rol.ru
- Раздорский Алексей Игоревич**, заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (С.-Петербург)
razdor@nlr.ru

- Савосичев Андрей Юрьевич**, доцент Орловского государственного университета, кандидат исторических наук (Орёл)
sawositchev@mail.ru
- Савченко Максим Михайлович**, доцент Российской таможенной академии, кандидат исторических наук (Москва)
mmsavchenko@rambler.ru
- Селин Адриан Александрович**, заместитель директора Староладожского историко-архитектурного и археологического музея-заповедника, кандидат исторических наук (С.-Петербург)
adrian_selin@mail.ru
- Серeda Надежда Владимировна**, заведующая кафедрой документоведения и документационного обеспечения управления Тверского государственного университета, доктор исторических наук (Тверь)
sereda@tversu.ru
- Смирнова Мария Александровна**, библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, старший лаборант кафедры источниковедения С.-Петербургского государственного университета (С.-Петербург)
smirnmasha87@mail.ru
- Соколовский Иван Ростиславович**, старший научный сотрудник Института истории СО РАН, кандидат исторических наук (Новосибирск)
sokolowski@yandex.ru
- Солонченко Екатерина Александровна**, доцент Оренбургского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук (Оренбург)
solonchenko@yandex.ru
- Степанов Валерий Леонидович**, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доктор исторических наук (Москва)
valerij-stepanov@mail.ru
- Тагирова Наиля Фаридовна**, заведующая кафедрой экономической истории Самарского государственного экономического университета, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, доктор исторических наук (Самара)
tag-nailya@yandex.ru
- Терещенко Анатолий Андреевич**, профессор Курского государственного университета, доктор исторических наук (Курск)
terecshenkoaa@mail.ru
- Тимошина Людмила Алексеевна**, научный консультант издательства «Альянс-Архео», кандидат исторических наук (Москва)
timochalud@yandex.ru
- Топычканов Андрей Владимирович**, преподаватель Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, кандидат исторических наук (Москва)
topychkanov@gmail.com
- Торопов Андрей Николаевич**, доцент Уральского государственного лесотехнического университета, кандидат исторических наук (Екатеринбург)
atoropoff@rambler.ru
- Третьяков Александр Викторович**, заведующий кафедрой истории Отечества Курского государственного университета, доктор исторических наук (Курск)

- Уваров Игорь Юрьевич**, доцент Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого, кандидат исторических наук (Гомель, Белоруссия)
rossol@gstu.gomel.by
- Фельдман Дмитрий Захарович**, главный специалист Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)
dzfeldman@rambler.ru
- Филатова Вероника Николаевна**, ассистент Нижегородского института менеджмента и бизнеса, кандидат исторических наук (Нижний Новгород)
veronick@mail.ru
- Черкасова Марина Сергеевна**, профессор Вологодского государственного педагогического университета, доктор исторических наук (Вологда)
mscherkasova@mail.ru
- Чистяков Антон Юрьевич**, доцент С.-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук (С.-Петербург)
chystyakov@mail.ru
- Шатохин Иван Тихонович**, профессор Белгородского государственного университета, кандидат исторических наук (Белгород)
shatohin@bsu.edu.ru
- Шатохина Светлана Богдановна**, старший преподаватель Белгородского государственного университета (Белгород)
- Шилов Денис Николаевич**, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки, кандидат исторических наук (С.-Петербург)
grib@nlr.ru
- Юркин Игорь Николаевич**, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, доктор исторических наук (Москва)
ig-yurkin@yandex.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АААКК	— Архивное агентство Администрации Красноярского края
ААЭ	— Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук
АВК	— Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов
АЕ	— Археографический ежегодник
АЗР	— Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АИ	— Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
АЛРГ	— Акты Литовско-Русского государства
алт.	— алтын
АМГ	— Акты Московского государства, изданные Императорскою Академиею наук
АРАН	— Архив Российской Академии наук
АРИ	— Архив русской истории
АРЭМ	— Архив Российского этнографического музея
БАН	— Библиотека Российской Академии наук
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВКЛ	— Великое княжество Литовское
ВлТК 1670/71	— Таможенная книга города Великие Луки 1670/71 г. (беловой вариант) // Таможенные книги города Великие Луки 1669–1676 гг. / Подгот. к печати А. В. Юрасов. М., 1999. С. 55–96.
ГААрхО	— Государственный архив Архангельской области
ГААстрО	— Государственный архив Астраханской области
ГАВологО	— Государственный архив Вологодской области
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГАКурО	— Государственный архив Курской области
ГАОмО	— Государственный архив Омской области
ГАОренО	— Государственный архив Оренбургской области
ГАОрлО	— Государственный архив Орловской области
ГАПензО	— Государственный архив Пензенской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации
ГАРязО	— Государственный архив Рязанской области
ГАСмО	— Государственный архив Смоленской области
ГАТамбО	— Государственный архив Тамбовской области
ГАТвО	— Государственный архив Тверской области
ГАТулО	— Государственный архив Тульской области
ГАТюмО	— Государственный архив Тюменской области
ГАХарО	— Государственный архив Харьковской области
ГИМ	— Государственный исторический музей
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне РНБ — Российская национальная библиотека)
губ.	— губерния
Д.	— дело
д.	— деньга
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею
Даль	— <i>Даль В. И.</i> Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 2000.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
дес.	— десятина
ДЗЦП	— Дневник законов Царства Польского
Ед. хр.	— единица хранения
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИЗ	— Исторические записки
ИРГО	— Императорское Русское географическое общество
Карт.	— Картон
кн.	— князь
Кол.	— Коллекция
КС XVIII	— Картотека Словаря русского языка XVIII века (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)
КурГВ	— Курские губернские ведомости
КурОКМ	— Курский областной краеведческий музей

ЛГУ	— Ленинградский государственный университет (ныне — СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет)
м.	— местечко
МАН	— Материалы для истории Императорской Академии наук (1716–1750). СПб., 1885–1900. Т. 1–10.
МВД	— Министерство внутренних дел
МГИАИ	— Московский государственный историко-архивный институт
МГО	— Материалы для истории Гангутской операции. Пг., 1914.
МСНХ	— Материалы по статистике народного хозяйства
НИАГро	— Национальный исторический архив в Гродно
НижГОУНБ	— Нижегородская государственная областная универсальная научная библиотека
НИС	— Новгородский исторический сборник
ОА	— Отечественные архивы
ОГАЧелО	— Объединенный государственный архив Челябинской области
ОИ	— Отечественная история
Оп.	— Опись
ОПИ	— Отдел письменных источников
ОР	— Отдел рукописей
ОСАГ	— Основное собрание актов и грамот
ОФР	— Очерки феодальной России
ПДНР	— Приказные дела новой разборки
ПДСЛ	— Приказные дела старых лет
ПКНЗ	— Писцовые книги Новгородской земли
ПКСРНО	— Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой, 1489–1508 гг. М., 1984.
ПОС	— Псковский областной словарь с историческими данными. Л. – СПб., 1967–2007. Вып. 1–19.
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПТКБТ 1670/71	— Псковская таможенная книга Большой таможи 1670/71 г. (Отдел рукописных и редких книг Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ф. 607. Оп. 65. № 28330/7. Л. 131–381об.).
ПТКГНД 1670/71	— Псковская таможенная книга Гостиного немецкого двора 1670/71 г. (Отдел рукописных и редких книг Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ф. 607. Оп. 65. № 28330/7. Л. 383–457).
ПТКРТ 1670/71	— Псковская таможенная книга рыбной таможи 1670/71 г. (Отдел рукописных и редких книг Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Ф. 607. Оп. 65. № 28330/7. Л. 461–628).
РА	— Русский архив
РАН	— Российская Академия наук
РБС	— Русский биографический словарь
РГА ВМФ	— Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГИАДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РИБ	— Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею
РНБ	— Российская национальная библиотека
РО	— Рукописный отдел
РПЦ	— Русская православная церковь
с.	— село
саж.	— сажень
САР ¹	— Словарь Академии Российской. СПб., 1789–1794. Ч. 1–6.
САР ²	— Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806–1822. Ч. 1–6.
Сб. РИО	— Сборник Императорского Русского исторического общества
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
СО	— Сенатские объявления
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
Собр.	— Собрание

СОКПСД	— Сенатские объявления по казенным, правительственным и судебным делам
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПБИН	— Санкт-Петербургский Институт истории Российской Академии наук
СлРЯ XI–XVII	— Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–2008. Вып. 1–28.
СлРЯ XVIII	— Словарь русского языка XVIII века. Л., СПб., 1984–2007. Вып. 1–17.
ТобФГАТюмО	— Филиал Государственного архива Тюменской области в г. Тобольске
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Российской Академии наук
у.	— уезд
Ф.	— фонд
ф. ст.	— фунт стерлингов
ФРЛ ¹	— Полной французской и российской лексикон, с последнего издания лексикона Французской академии на российский язык переведенный. СПб., 1786. Т. 1–2.
ЦАНижО	— Центральный архив Нижегородской области
ЦГИА СПб	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦГИАУК	— Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве
ЦИАМ	— Центральный исторический архив г. Москвы
ЦЧР	— Центрально-Черноземный район (регион)
четв.	— четверть (мерная единица)
ЧИОНЛ	— Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
AGAD	— Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie
AR	— Dział Archiwum Radziwiłłów
LM	— Lietuvos Metrika
RA. NOA	— Riksarkivet, Stockholm. Ockupationsarkivet fran Novgorod

Научное издание

**ТОРГОВЛЯ, КУПЕЧЕСТВО И ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО
В РОССИИ В XVI – XIX вв.**

*Сборник материалов Второй международной научной конференции
(Курск, 2009 г.)*

Составитель
Алексей Игоревич Раздорский

Корректор Г. И. Демидова